

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

Выпуск XXXVII

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Материалы Международного конгресса
по когнитивной лингвистике
16-18 мая 2019 года

Москва – Тамбов – Нижний Новгород
2019

УДК 40 Серия включена в *Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных*
ББК 80 *ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.*

K57 Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г.
Индекс 79191 в каталоге ОАО «Роспечать» на 2019 год, стр. 103

*Мероприятие проведено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-012-20003*

Редакционная коллегия:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор серии);
Романова Т.В., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор;
Новодранова В.Ф., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С.Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л.А., доктор филологических наук;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев И., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Климова М.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь выпуска);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук (отв. секретарь серии)

K57 **Когнитивные исследования языка** / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008 – .
ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. XXXVII: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 16-18 мая 2019 г. / отв. ред. вып. Т.В. Романова. – Нижний Новгород: Издательство ДЕКОМ, 2019. – 1144 с.
ISBN 978-5-89533-424-9

В сборнике представлены материалы Международного конгресса, освещающие развитие интегративных процессов в когнитивной лингвистике. В материалах конгресса систематизирован и осмыслен опыт апробации новых технологий и новых методик когнитивного анализа в теоретической и прикладной лингвистике: междисциплинарный характер проблематики конгресса отражает актуальную потребность осмысления и систематизации доказательных исследований в области изучения языковых форматов знания с привлечением корпусных и нейролингвистических технологий, экспериментальных данных.

Издание адресовано филологам, аспирантам, студентам вузов, а также всем, кто интересуется проблемами когнитивной лингвистики.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-89533-424-9 (Вып. XXXVII)
ISBN 978-5-89016-442-1

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2019

© НИУ «Высшая школа экономики» – Нижний Новгород, 2019

© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2019

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
TAMBOV STATE UNIVERSITY
NAMED AFTER G.R. DERZHAVIN
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY
«HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS»
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

Cognitive Studies of Language

Volume XXXVII

INTEGRATIVE PROCESSES
IN COGNITIVE LINGUISTICS

Papers of International Congress
on Cognitive Linguistics
May, 16-18, 2019

MOSCOW – TAMBOV – NIZHNY NOVGOROD
2019

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-52638.

The volume enters the catalogue of the Rospechat agency of 2019. The index is 79191, page 103.

The event was held with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, project № 19-012-20003

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (series editor-in-chief);

Romanova T. V., Doctor of Philology, Professor (volume editor-in-chief);

Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;

Novodranova V.F., Doctor of Philology, Professor;

Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S.G., Doctor of Philology;

Panasenko L.A., Doctor of Philology;

Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;

Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

Klimova M. A., Candidate of Philology (volume executive secretary);

Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (series executive secretary)

Cognitive studies of language / series editor-in-chief N.N. Boldyrev; Ministry of science and higher education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Moscow Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Tambov: Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2008 – .

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. XXXVII: Integrative Processes in Cognitive Linguistics: Papers of International Congress on Cognitive Linguistics. May, 16-18, 2019 / volume editor-in-chief T.V. Romanova. – Nizhny Novgorod: DEKOM Publishing House, 2019. – 1144 p.

ISBN 978-5-89533-424-9

The collected articles represent the papers of the International Congress, covering the development of integrative processes in cognitive linguistics. The papers reflect the new technologies and methods of cognitive analysis in theoretical and applied linguistics. The interdisciplinary range of problems under discussion reflects an urgent need for conceptualising and classifying evidence-based pieces of research in the field of language forms of knowledge involving corpus and neurolinguistic technologies and experimental data.

The publication is addressed to scholars, postgraduate students and general readers interested in the problems of cognitive linguistics.

ISBN 978-5-89533-424-9 (Vol. XXXVII)

ISBN 978-5-89016-442-1

© FSBEIHE «Tambov State University named after G.R. Derzhavin», 2019

© NRU «Higher School of Economics», 2019

© The Russian Cognitive Linguists Association, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА	25
I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	
<i>Абросимова Л.С., Сагайдачная Е.Н.</i> Эмоциональное обучение как фактор активизации познавательной деятельности	27
<i>Бабенко Л.Г.</i> Типология ментальных слияний в структуре комплексных эмотивных концептов	32
<i>Болдырев Н.Н.</i> Доминантный принцип организации языкового сознания	37
<i>Вишнякова О.Д.</i> О роли языкового знака в процессе интерпретации акта мысли	44
<i>Григорьева В.С.</i> Интерпретирующая функция языка и ее роль в осуществлении речевого взаимодействия	49
<i>Демьянков В.З.</i> Когнитивные языковые задатки и способности человека	54
<i>Дондоков Д.Д.</i> Особенности лексики китайской языковой личности в социальной сети Weibo	58
<i>Ерофеева Е.В., Пахомов Л.В.</i> Метафорическое пространство дискурса: сущность и моделирование	63
<i>Заботкина В.И.</i> Соотношение когниции и эмоции в антропоцентрической парадигме	68
<i>Иванова С.В.</i> Интерпретационный потенциал идеологем в контексте когнитивно-дискурсивной парадигмы	72
<i>Левецкий А.Э.</i> Перспективы исследования драматического дискурса в лингвокогнитивном аспекте	77
<i>Магировская О.В.</i> Дискурсивная организация знаний: интерпретативность vs форматность	83
<i>Манаенко Г.Н.</i> Концепт как отношение и параметры его осмысления	87
<i>Павлова А.В.</i> Доминантные когнитивные области стагального форматирования знаний о мире	91
<i>Песина С.А., Зимарева О.Л.</i> Кластерная семантика и антропоцентрическая парадигма	95
<i>Петрухина Е.В.</i> Игры с реальностью: когнитивно-дискурсивный анализ неологизмов <i>постреальность, гиперреальность,</i> <i>суперреальность, трансреальность</i>	100
<i>Скребецова Т.Г.</i> Когнитивная выделенность в языке: к постановке проблемы	106
<i>Чудинов А.П., Будаев Э.В., Скворцов О.Г.</i> Дискурсивный поворот в российской когнитивной политической метафорологии	110

<i>Шарандин А.Л.</i> Коммуникация как особый тип интегративной когнитивной деятельности человека	116
<i>Cienki A.J.</i> Gestures and grammatical constructions	120
<i>Kövecses Z.</i> Metaphor, mind, and context	126

**II. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ
В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ,
КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТАХ**

<i>Бабушкин А.П.</i> Категоризация «калейдоскопических» концептов	131
<i>Бекасова Е.Н.</i> О некоторых аспектах когнитивного «слова» характеристик языковой картины мира	136
<i>Бочкарев А.Е.</i> О парадоксах идентификации в обозначениях человека в представлении русского языка	141
<i>Бушуева Л.А.</i> Поступок «предательство» в ассоциативном тезаурусе	147
<i>Быкова О.И.</i> Концептуальная деривация категории «число»	152
<i>Гранева И.Ю., Наговицына Н.В.</i> Личные и притяжательные местоимения русского языка как репрезентанты концепта ПАТРИОТИЗМ	157
<i>Гусева О.А.</i> Языковая репрезентация концептов УЛЫБКА и СМЕХ (на материале английского, испанского и русского языков)	162
<i>Дзюба Е.В.</i> Лингвокогнитивная природа русской народной загадки	168
<i>Дүйсекова К.К., Осанова Ж.Т.</i> Лингвокультурологический аспект концептуальной метафоры	173
<i>Епимахова А.Ю.</i> Когнитивные основы миромоделирования (на примере терминологии профессиональной области визажиста)	178
<i>Жуковская Л.И.</i> Концепт МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ в свете когнитивных механизмов концептуальной метафоризации	181
<i>Зимица М.В.</i> Метод выявления содержания концепта путем анализа вербальных и визуальных ассоциаций	186
<i>Игнатъева И.Г.</i> Концептуальная метафора как один из механизмов дисфемии	191
<i>Карасик В.И.</i> Прокрастинация: векторы оценки	196
<i>Киселева С.В., Гатауллина Н.А.</i> Структурные особенности концепта SOCIAL CONTRACT в домене общего американского языка	201
<i>Козлова Е.А.</i> Вторичная концептуализация межличностных отношений в современном английском языке	206
<i>Коннова М.Н.</i> Концептуальный образ праздника в русской картине мира: ментальные трансформации и языковая экспликация	210
<i>Кочубинская Л.В.</i> Модель поведения как результат информационного воздействия	216
<i>Криницына Е.С., Питина С.А.</i> Репрезентация образа автора в художественном дискурсе	221
<i>Кузнецов В.Г.</i> Таксономическая и лингвистическая категоризация	226

<i>Лаенко Л.В.</i> Концептуальные основы прилагательных с семантикой сопротивления	231
<i>Леонтьева Т.В.</i> Лексемы с приставкой <i>пере-</i> и значением обоюдности контактов	235
<i>Лось А.Л.</i> Актуализация когнитивных аспектов аудиальной перцепции	241
<i>Мещерякова О.А.</i> Культурный принцип категоризации знаний и его дискурсивная реализация	246
<i>Милашевская И.В.</i> Метафора как способ вторичной номинации концепта ГОЛОВА	251
<i>Минченков А.Г., Горелова А.А.</i> Актуализация концепта DISRESPECT на разных уровнях языка	257
<i>Миронова Д.М.</i> От абстрактного к конкретному: исследование образной концептуализации системы в русском языковом сознании	261
<i>Никонова Ж.В.</i> Интерпретирующий потенциал иллокуции	267
<i>Пахомова А.А.</i> Аспекты эгоцентрической модели пространства в авторском искусствоведческом тексте (на материале «Автобиографии» Эндрю Уайета).	272
<i>Переслегина Е.Р., Сюй Лили</i> Содержание концепта ПАТРИОТИЗМ, объективированное в русском и китайском языках	277
<i>Пешкова Н.П.</i> Восприятие перцептуального и реального времени адресатом письменного текста.	282
<i>Пономарева Е.Ю.</i> Концептуализация действительности посредством фразеологизмов с цветовым компонентом	288
<i>Привалихина Е.С.</i> Жестовый язык как предмет концептуальных исследований: проблемы, возможности, перспективы	293
<i>Радбиль Т.Б.</i> Концептуальная двуплановость как рефлекс культурного освоения заимствований в русском языке.	298
<i>Рахманкулова С.Е.</i> Проблема преодоления синтаксической интерференции в контексте когнитивной лингвистики	303
<i>Сайгин В.В.</i> Концептуальная связка «грех» – «искупление» в концептуальном поле ГРЕХ: лингвокогнитивный аспект	308
<i>Сергеевко Н.А., Грамма Д.В.</i> Лингвокогнитивная категоризация и концептуализация лингвоментальной субсферы РАДОСТЬ в британской и американской лингвокультурах.	313
<i>Смирнова Е.Е.</i> Онтологические концептуальные метафоры в языковой реализации концепта ПРАВДА	318
<i>Сомоева С.Р.</i> Концепт АКЪЛЮ (УМ) в бежтинских паремиях	323
<i>Таскаева А.В.</i> «Герой космоса» в лингвокультурном пространстве современной России	328
<i>Федяева Е.В.</i> Количественно-временной формат концептуализации качества	335

<i>Фурс Л.А., Вишневецкая Е.А.</i> Уподобление и его репрезентация в современном английском языке	340
<i>Хамишовски Ю.</i> Концепт ЛИЛИЯ в языковой картине мира (на примере русского, польского и венгерского языков)	345
<i>Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Кучмистый В.А.</i> Специфика метафорических моделей структурирования ценностных концептов	350
<i>Шеришкова О.А.</i> О «добрых помощниках» человека: концептуализация оптических устройств в португальском языке	355
<i>Шестеркина Н.В.</i> Мировое древо как мифомодель фитоморфной и пространственно-временной мифометафор	361
<i>Юздова Л.П.</i> Категоризация мира во фразеологии: психолингвистический аспект	366
<i>Янь Кай</i> Репрезентация концепта ПАМЯТЬ в русской и китайской лингвокультурах (по данным лексикографических источников)	370
<i>Skrynnikova I.V., Permyakova T.M.</i> Multimodal metaphorical representations of Russian patriotism	377

III. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

<i>Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.</i> Когнитивно-дискурсивные аспекты терминологической компетенции	383
<i>Бабина Л.В.</i> Механизмы интерпретации мимического движения	388
<i>Белов В.А.</i> О способах наивного толкования значения имен существительных русского языка	393
<i>Беляева И.В.</i> Коннотация как фрагмент интерпретирующего потенциала фразеологизмов с компонентом-зоонимом	398
<i>Бронникова О.В.</i> Когнитивное моделирование временных смыслов	403
<i>Васильева Е.В.</i> Жадность и щедрость в зеркале именных частей речи	409
<i>Виноградова С.Г.</i> Направленность мышления как фактор выбора сложного предложения в процессе коммуникации	414
<i>Виняикова Е.А.</i> Аббревиация как способ знакообразования: взаимодействие когнитивного и лингвосомиотического аспектов	419
<i>Воронина Т.М., Гуляева Г.Е.</i> Репрезентация когнитивных признаков концепта НАУКА в антонимических оппозициях	423
<i>Вяляк К.Э., Максимова Е.Е.</i> Взаимодействие лексических и синтаксических средств эмфатизации в английском и испанском языках	429
<i>Голованова Е.И., Голованов И.А.</i> Сочетание когнитивного подхода с лингвокультурологическим и прагматическим при анализе специальной лексики	434
<i>Грехнева Л.В.</i> Когнитивные аспекты изучения перифразы	439

Гух Ж.К. Событие и говорящий в немецком глаголе <i>werden</i>	444
Доу Чуньяо Устойчивые сравнения с семантикой возраста в русском и китайском языках: сопоставительный аспект	450
Дрыгина Ю.А., Ляшенко И.В. Репрезентация концепта ВЛАСТЬ в американском политическом дискурсе (на материале выступлений Д. Трампа)	454
Дубинец З.А. Семантико-когнитивные особенности физиологической и морбиальной метафор в современной прессе	459
Жданова Т.А. Метафора орудий труда в терминологии	465
Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: к вопросу о когнитивных истоках	469
Катермина В.В. Прагматическая функция неологизмов в англоязычном дискурсе социальных сетей	474
Козлова Л.А. Сопоставительное изучение языков в когнитивно-культурологическом ракурсе	479
Краева И.А. Особенности вербализации концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ в современном английском языке	484
Леценко Ю.Е., Доценко Т.И., Остапенко Т.С. Маршруты активации в структурных подсистемах триязычного ментального лексикона	489
Манаенко С.А. Категоризация служебных слов на основе дискурсивного употребления	495
Никитевич А.В. Когнитивно значимое в семантике диалектного слова	500
Никитина А.А. Разнообразие значений аллюзивных имен собственных (на материале языка рекламы)	505
Норман Б.Ю. Когнитивный процесс и композиционная семантика	510
Петрова Н.Е. Прилагательные <i>(не)сопоставимый</i> , <i>(не)сравнимый</i> как средство оценочной концептуализации предмета	515
Плисов Е.В., Хамидулин А.М. Концептуальная сеть лексемы Allah в структурировании концепта ISLAM в немецком языке	520
Плотникова А.М. Семантика переименования объекта как реализация когнитивных отношений тождества и противоположности в языке	526
Постникова С.В., Егорова В.Н. Прагматический потенциал элитивов в системе средств выражения интенсивности (на материале немецкого языка)	531
Рылов С.А. Когнитивный подход в сопоставительной славянской синтактологии (на материале русского и чешского языков)	536
Свиридова А.В., Русакова М.М. Современная медицинская терминология: лингвокогнитивные аспекты	542
Синелева А.В. Исследование ассоциативно-вербальной сети фреймовым методом интерпретации информации	547
Сулейманова О.А., Фомина М.А. Вариативность когнитивной интерпретации формы бытия объекта: <i>стоять, лежать, сидеть</i>	552

<i>Сюй Лили</i> Антонимические отношения прилагательных <i>горячий – холодный</i> в метафорических деривационных моделях	557
<i>Хвесько Т.В., Третьякова С.Ю.</i> Когнитивно-прагматический аспект антропонимов в художественном дискурсе	562
<i>Щербань О.В.</i> Семантическая деривация в английской фразеологии как инструмент эвфемизации	568
<i>Щетинина А.В.</i> <i>Кто не с нами, тот против нас:</i> лексическая репрезентация силы как источника власти	573
<i>Яковенко Е.Б.</i> Когнитивные основы рубрикации латинской и древнеанглийской лексики в глоссарии Эльфрика	578
<i>Янь Хундо</i> Аксиология метафоры ИЗОБРЕТЕНИЕ в современном газетном дискурсе	583

IV. КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, БАЗЫ ДАННЫХ В КОГНИТИВНОМ АНАЛИЗЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ

<i>Богданова-Бегларян Н.В.</i> О возможном «когнитивном диссонансе» при восприятии повседневной русской речи	589
<i>Глинская Н.П.</i> Очередность языковой репрезентации когнитивных признаков юридических концептов в судебном дискурсе (на материале решений Верховного суда США за период 1791–2016)	594
<i>Голубева Н.А.</i> Конверсия – языковой механизм когнитивного моделирования.	599
<i>Голубкова Е.Е., Трубочкин А.В.</i> Фразовые глаголы как грамматические конструкции (на материале английского языка).	604
<i>Badryzlova Yu.G., Lyashevskaya O.N., Panicheva P.V.</i> Computer and metaphor: when lexicon, morphology, punctuation, and other beasts fail to predict sentence metaphoricity	609

V. КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

<i>Лату М.Н., Тагильцева Ю.Р.</i> Особенности вербализации пространственных системных отношений между понятиями предметной области	616
<i>Петрова И.М.</i> Комбинаторика биномиальных конструкций как отражение процесса иконической репрезентации объектов действительности	621
<i>Пономарева О.Б.</i> Лингвокогнитивное моделирование концептуальной оппозиции «цивилизация : культура» в антиутопии Р. Брэдбери	626
<i>Сергаева Ю.В.</i> Антропоцентрическая компьютерная неография: к вопросу о типологии словарей	631
<i>Синеокова Т.Н.</i> Опыт создания пакета компьютерных программ для подготовки лингвистической базы данных к статистическому анализу	636
<i>Черноусова А.О.</i> Способы передачи низкочастотных коллокаций с применением корпусного и когнитивного аппарата	641

**VI. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА
И РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА**

<i>Абышева Е.М.</i> Лингвокогнитивные характеристики этико-эстетической концептосферы (на материале романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»)	646
<i>Андреев В.С.</i> Соотношение микрокосма и макрокосма в метафорической системе Э.А. По	651
<i>Антонова С.Н., Плетяго Т.Ю.</i> Когнитивные аспекты восприятия полимодальных текстов	656
<i>Банман П.П., Леглер А.А.</i> Фрейм «военный плен» в немецком мемуарно-автобиографическом дискурсе	659
<i>Банников К.В.</i> Метафора как когнитивный инструмент в поэтике Поля Клоделя	664
<i>Болсуновская Л.М.</i> Метадискурс: трактовки понятия и направления исследования	667
<i>Борботько Л.А.</i> Трансформация адресата театрального дискурса в лингвокогнитивном преломлении	673
<i>Бронникова О.В., Самофалова А.С.</i> Эмотивный компонент в рекламном дискурсе	678
<i>Водяницкая А.А.</i> Академический дискурс: оценочность в продвижении образовательных технологий	683
<i>Ворошилова М.Б.</i> Стратегии декодирования креолизованного текста	689
<i>Вяткина С.В.</i> Стратегия наратора в русском рассказе XXI века: структура текста и проблема инференции	694
<i>Горностаева А.А.</i> Политический дискурс и ирония: когнитивный аспект	700
<i>Гудкова К.В.</i> Стратегии дискурсивного маневрирования в убеждающем дискурсе	706
<i>Дроздова Т.В.</i> Когнитивная метафора и репрезентация авторского мнения в научном тексте	712
<i>Дронова Н.П.</i> Антропонимы в концептуализации «Homo ludens» в дискурсе фастнахтшиля	717
<i>Емельянова О.В., Хомякова Е.Г.</i> Событийная ситуация как инструмент анализа языковой репрезентации тихой революции в Квебеке	723
<i>Ефименко Т.Н.</i> Бизнес-идиомы как функциональные операторы англоязычного делового дискурса	728
<i>Климова М.А.</i> Когнитивный потенциал прецедентных феноменов в персональном интернет-дискурсе политика	734
<i>Кожанов Д.А.</i> Проблема взаимодействия дискурсов как когнитивный феномен	739
<i>Кондратьева О.Н.</i> Динамика медиаобраза региона: к постановке проблемы (на примере медиаобраза Кузбасса)	744

<i>Королькова А.С.</i> Ментальные сдвиги в концептуализации здорового образа жизни в блогосфере (на материале креатем)	749
<i>Кошкарлова Н.Н.</i> Расширение значения слова как отражение геополитической ситуации.	754
<i>Кремнева А.В.</i> Специфика функционирования библейского мифа в творчестве Анджелы Картер (когнитивно-семиотический аспект).	759
<i>Кушнерук С.Л., Курочкина М.А.</i> Информационная война: аспекты исследования и перспективы когнитивно-дискурсивного моделирования.	764
<i>Литвишко О.М., Милетова Е.В.</i> Социокогнитивное моделирование дискурса гражданского права: лексико-семантический аспект	770
<i>Логинова Е.Г.</i> Диалогизм как когнитивно-семиотическое направление в исследовании дискурса драмы	775
<i>Ломакина О.В.</i> Фразеологические средства вербализации концепта СМЕРТЬ в творчестве Л.Н. Толстого	780
<i>Морозова Н.Н., Андриянова О.В.</i> Метафоры как средство конструирования социальных проблем.	785
<i>Мухина Ю.Н.</i> Лингвосенсорика научного дискурса	790
<i>Некрасова М.Ю.</i> Языковые средства оценки принадлежности Крыма России в дискурсе британских газет середины XIX века	795
<i>Немирова Н.В.</i> Когнитивно-семиотические аспекты прецедентности газетного дискурса	800
<i>Огнева Е.А.</i> Особенности темпоральной модели в архитектонике концептосферы утопии Ф. Бэкона «The New Atlantis»	806
<i>Павлова Д.С., Ерофеева Е.В.</i> Концептуальная модель спонтанного монолога	811
<i>Павлова М.С.</i> Межкультурная эквивалентность перевода метафоры в художественном тексте и интертекстуальная пресуппозиция реципиента	816
<i>Перельгина Т.А., Степаненко С.Н.</i> Концептуальная метафора ЭКОНОМИКА КАК СИЛЫ ПРИРОДЫ в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе	821
<i>Петрова Т.Е., Калугина Н.В.</i> Особенности движений глаз при чтении поликодовых текстов на русском языке	825
<i>Петухова Т.И.</i> Языковая актуализация цветовых характеристик как средство трансляции эмотивного смысла произведения живописи	830
<i>Полянчук О.Б., Черникова А.Э.</i> Когнитивные и языковые механизмы формирования и дальнейшего семантического развития комплексного знака в языке и дискурсе (французском молодежном сленге)	836
<i>Потанина Н.Л., Тенюшев Б.И.</i> Концепт ПОВСЕДНЕВНОСТЬ в современном английском романе	842
<i>Прийма А.И.</i> Актуализация концепта BEING AMERICAN в общественно-политическом дискурсе США и концепта БИТИ СРБИН в сербском общественно-политическом дискурсе	848

<i>Сухарева К.А.</i> Актуализация манипулятивного потенциала этнонима РУССКИЙ в российском рекламном дискурсе в аспекте интерпретации рекламного текста.	854
<i>Троценкова Е.В.</i> Побудительные и консолидирующие элементы в постах Instagram в преддверии промежуточных выборов 2018 года в США	859
<i>Тупикова С.Е., Семухина Е.А.</i> Концептуальная деривация как основа формирования значений в англо- и франкоязычном медиадискурсе.	865
<i>Чантуридзе Ю.М.</i> Методы оказания когнитивного влияния в современном политическом дискурсе США	870
<i>Чемодурова З.М.</i> Интертекстуальная игра в инициальной текстовой позиции как прием фокусирования внимания	876
<i>Шмельова Е.С.</i> Лингвокогнитивные модели каламбура	882
<i>Weiss D.</i> The contextual embedding of metaphors in Russian parliamentary and televised debates on the Ukraine conflict in 2014.	887

VII. КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

<i>Баландина И.Д.</i> Особенности топонимической номинации в медиадискурсе	893
<i>Гаранович М.В.</i> Социолингвистическое варьирование гендерных стереотипов в языковом сознании носителей русского языка	897
<i>Десюевич О.И.</i> Кодовые переключения в двуязычной коммуникации.	903
<i>Кирилина А.В.</i> Научное знание как агент глобализации: ревизия представлений о языке на рубеже веков	909
<i>Серова И.Г.</i> В поиске гендерного измерения концепта.	915
<i>Уфимцева Н.В.</i> Ассоциативный эксперимент и когнитивные стратегии респондентов	920
<i>Шестак Л.А.</i> Фрейм события: референция и моделирование	925
<i>Юзефович Н.Г.</i> Социологический опрос как метод когнитивной социолингвистики: отражение реальности или ее искажение?	931
<i>Koltakova S.V., Nerovnaya N.A., Zubova L. Yu.</i> Comparing the content of the concepts leader and commander in military men mental sphere	936

VIII. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Басуева Н.Ю.</i> Когнитивные основания адекватной передачи концепта ЦЕЛЬ средствами английского языка	942
<i>Епимахова А.С.</i> Переводные словари, составленные на Поморском Севере, как средство трансфера знаний.	946
<i>Леонтьева К.И.</i> О когнитивных основаниях вариативности перевода: механизм перспективации и когнитивные доминанты	952

<i>Пролыгина И.В.</i> Когнитивные подходы к переводу античной научной прозы (на материале медицинских текстов)	957
<i>Чистова Е.В.</i> Когнитивные техники транскреации брендируемого контента	963

IX. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕТВОРЧЕСТВА

<i>Антонова (Сычёва) Е.Н.</i> Филологическая поэзия как аспект языковой личности	968
<i>Белова Е.Е., Минасян В.А.</i> Концепт как единица картины мира автора (на материале романа Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта»)	973
<i>Боровицкая Е.Н.</i> Функциональное отображение гиппокампических структур в речетворчестве	978
<i>Заболотнева О.Л., Кожухова И.В.</i> Ликоугрожающие речевые акты в университетских романах	984
<i>Ирисханова О.К.</i> О некоторых вопросах когнитивной поэтики жестов: жесты «поэтические» vs «прозаические».	989
<i>Казаковская В.В.</i> Механизмы регулярной деривации в раннем онтогенезе	994
<i>Рацибурская Л.В.</i> Лингвокогнитивная специфика современных медийных новообразований	999
<i>Рачёва А.А.</i> Когнитивные процессы, обуславливающие функционирование действительных единиц с пространственной семантикой в устном дискурсе.	1004
<i>Романова Т.В., Гвоздева А.С.</i> Когнитивный механизм формирования смысла названий картин А.Н. Юркова	1009
<i>Саксин Е.И.</i> Лингвистические особенности творчества Чака Паланика (на материале романа «Бойцовский клуб» и его переводов на русский язык)	1015
<i>Сигал К.Я.</i> Переход от атрибутивной конструкции к предикативной в диалоге: когнитивно-прагматический подход	1020
<i>Сидорова Т.А.</i> Коммуникативное поведение адресанта экстремистского дискурса: когнитивный аспект	1025
<i>Хвесько Т.В.</i> Речетворчество с позиции когнитологии	1030

X. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ван Тяньцзяо</i> Модели концептуальной метафоризации в русских фразеологизмах с компонентом ‘добро’	1035
<i>Горбунова Д.А.</i> Экстраверт интроверту рознь: к вопросу о частоте употребления прагматических маркеров в речи разных говорящих	1040
<i>Калинина Л.В.</i> Семантика неуловимого в междисциплинарном контексте	1044

<i>Кокорина Ю.Г.</i> Междисциплинарный характер современного научного знания и его представление в терминологии (на примере археологических словарей)	1049
<i>Миньяр-Белоручева А.П.</i> Языковое конструирование картины мира исторического прошлого	1054
<i>Рогозина И.В., Бухнер Н.Ю.</i> Азербайджанский этнос в зеркале этнопсихологической ментальности	1059
<i>Хамиовски С.А.</i> К вопросу о семантизации экономической лексики в процессе преподавания русского языка инофонам (на примере венгерского языка)	1065
<i>Хоменко А.Ю.</i> Моделирование когнитивных структур на основе методик автороведческого анализа	1069
<i>Яременко В.И., Сулейманова О.А.</i> Роль когнитивного аспекта в технологии обучения иностранному языку магистрантов технического вуза.	1075

XI. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Колмогорова А.В.</i> Когнитивный базис речевых автоматизмов при афазии.	1081
<i>Лютянская М.М., Коканова Е.С.</i> Методика айтрекинга в исследовании процесса принятия переводческого решения при переводе с листа	1085
<i>Петровичева М.А., Шматко А.С., Карякина М.В., Шмуклер А.Б.</i> К проблеме совершенствования методик оценки языковых и когнитивных нарушений при шизофрении	1090
<i>Сидорика М.Ю.</i> Называние и описание изображений в спектре методик изучения коммуникативных и когнитивных нарушений у больных шизофренией.	1096
<i>Штильная Н.Н.</i> Полифония языкового сознания при психозе	1102

XII. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

<i>Гришаева Л.И.</i> Способы объективации в интеракции сведений о мире	1107
<i>Дубровская О.Г.</i> Кластерная модель коммуникации	1112
<i>Корнева В.В.</i> Языковая реализация стратегии самопрезентации адресанта в испанских объявлениях о знакомстве.	1117
<i>Рыжкина З.А.</i> Место культурных концептов в иерархии художественных смыслов.	1121
<i>Рябых Е.Б.</i> Моделирование мира с помощью метафоры (на примере философских трактатов Ф. Ницше и Дж.Х. Джигбрена)	1126
<i>Сергеева Е.П.</i> Вклад Мартина Лютера в становление немецкой языковой картины мира	1132
<i>Хусяинов Т.М.</i> Когнитивизация общества и экономики: противостояние гуманизма и эффективности на рынке труда	1137

CONTENTS

FROM THE EDITOR	25
I. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF COGNITIVE LINGUISTICS AND THE ANTHROPOCENTRIC RESEARCH PARADIGM	
<i>Abrosimova L. S., Sagaidachnaya E. N.</i> Emotional teaching as cognitive activity reinforcement	27
<i>Babenko L. G.</i> The typology of mental unities in the structure of complex emotive concepts	32
<i>Boldyrev N.N.</i> Dominant principle of linguistic cognition organization	37
<i>Vishnyakova O. D.</i> On the role of a linguistic sign in the process of the act of thought interpretation	44
<i>Grigorieva V. S.</i> The interpretative function of language and its role in the implementation of verbal interaction	49
<i>Demyankov V. Z.</i> Human cognitive linguistic capacity and ability	54
<i>Dondokov D. D.</i> Lexicon peculiarities of Chinese language identity in Sina Weibo	58
<i>Erofeeva E. V., Pakhomov L. V.</i> Metaphorical space of discourse: nature and modeling	63
<i>Zabotkina V. I.</i> Cognition-emotion interface within anthropocentric paradigm	68
<i>Ivanova S. V.</i> Interpretational potential of ideologemes within the cognitive iscursive paradigm	72
<i>Levitsky A. E.</i> Perspectives for further investigations of drama discourse within linguocognitive studies	77
<i>Magirovskaya O. V.</i> Discursive organization of knowledge interpretative capacity and format determination	83
<i>Manaenko G. N.</i> The concept as a ratio and the parameters of its understanding	87
<i>Pavlova A. V.</i> Dominant cognitive domains of stative formatting of knowledge about the world	91
<i>Pesina S. A., Zimareva O. L.</i> Cluster semantics and anthropocentric paradigm	95
<i>Petrukhina E. V.</i> Playing with reality: cognitive and discourse analysis of neologisms <i>постреальность</i> (postreality), <i>гиперреальность</i> (hyperreality), <i>суперреальность</i> (superreality), and <i>трансреальность</i> (transreality)	100
<i>Skrebtsova T. G.</i> On the notion of salience with respect to language	106
<i>Chudinov A. P., Budaev E. V., Skvortzov O. G.</i> Discursive turn in Russian cognitive political metaphorology	110
<i>Sharandin A. L.</i> Communication as a special type of integrative cognitive activity of a man	116
<i>Ченки А. Дж.</i> Жесты и грамматические конструкции	120
<i>Кёвечеш З.</i> Метафора, мышление и контекст	126

**II. CONCEPTUALIZATION AND CATEGORIZATION OF THE WORLD
BY MEANS OF LANGUAGE FROM A PSYCHOLINGUISTIC,
LINGUOCULTURAL AND COMMUNICATIVE PERSPECTIVES**

<i>Babushkin A. P.</i> Categorization of “kaleidoscopic” concepts	131
<i>Bekasova E. N.</i> About some aspects of cognitive “demolition” of characteristics of the language picture of the world	136
<i>Bochkarev A. E.</i> Paradoxes of human identification in the Russian language	141
<i>Bushuyeva L. A.</i> Act “betrayal” in the associative thesaurus	147
<i>Bykova O. I.</i> Conceptual derivation of the category “number”	152
<i>Graneva I. Yu., Nagovitsyna N. V.</i> Russian personal and possessive pronouns as representatives of the concept PATRIOTISM.	157
<i>Guseva O. A.</i> Language representation of concepts LAUGH and SMILE (in English, Spanish and Russian).	162
<i>Dziuba E. V.</i> Linguo-cognitive nature of the Russian folk riddle	168
<i>Duisekova K. K., Ospanova Z. T.</i> Linguo-cultural aspect of conceptual metaphor	173
<i>Epimakhova A. Yu.</i> Cognitive concepts of world-formation (in the terms of the terminology of the professional sphere “makeup design”)	178
<i>Zhukovskaya L. I.</i> The concept MENTALITET / MENTAL’NOST’ (MENTALITY) in the aspect of cognitive mechanisms of conceptual metaphorization	181
<i>Zimina M. V.</i> The method of identifying the content of the concept by analyzing verbal and visual associations	186
<i>Ignateva I. G.</i> Conceptual metaphor as a mechanism of forcing dysphemism.	191
<i>Karasik V. I.</i> Procrastination: vectors of evaluation	196
<i>Kiseleva S.V., Gataullina N. A.</i> The conceptual structure of SOCIAL CONTRACT in the general American English domain	201
<i>Kozlova E. A.</i> Figurative conceptualization of interpersonal relationships in modern English	206
<i>Konnova M. N.</i> Conceptual and linguistic scope of holiday in Russian world view: mental shifts and verbal manifestations	210
<i>Kotsyubinskaya L. V.</i> Behavioral pattern as a result of information impact	216
<i>Krinitcyina E. S., Pitina S. A.</i> Representation of author’s image in artistic discourse.	221
<i>Kuznetsov V. G.</i> Taxonomic and linguistic categorizing.	226
<i>Laenko L. V.</i> Conceptual bases of adjectives with the semantics of resistance	231
<i>Leontyeva T. V.</i> Lexemes with the prefix <i>pere-</i> and meaning of reciprocity of contacts	235
<i>Los’ A. L.</i> Actualizing cognitive aspects of auditory perception	241
<i>Meshcheryakova O. A.</i> Cultural principle of categorizing knowledge and its discourse implementation	246
<i>Milashhevskaya I. V.</i> Metaphor as a method of secondary nomination of the concept HEAD	251
<i>Minchenkov A.G., Gorelova A. A.</i> Verbal representation of the concept DISRESPECT at different levels	257
<i>Mironova D. M.</i> From abstract to concrete: research on the image conceptualization of system in the Russian language consciousness	261
<i>Nikonova Zh. V.</i> Interpretative potential of illocution	267

<i>Pakhomova A. A.</i> Aspects of the egocentric spacial model in the authorial Art History text (based on Andrew Wyeth’s “Autobiography”)	272
<i>Pereslegina E. R., Xu Lili</i> The content of the concept of PATRIOTISM objectified in Russian and Chinese languages	277
<i>Peshkova N. P.</i> Comprehension of perceptual and actual time by a recipient of a written text	282
<i>Ponomareva E. Yu.</i> Conceptualization of reality by means of idioms with color components	288
<i>Privalikhina E. S.</i> Conceptual studies of sign language: challenges and prospects	293
<i>Radbil T. B.</i> Conceptual two-dimensionality as a reflex of cultural appropriation of loanwords in Russian language	298
<i>Rakhmankulova S. Y.</i> Handling language interference in syntax from a cognitive perspective	303
<i>Saygin V. V.</i> The conceptual bond “grekh” (“sin”) – “iskuplenie” (“redemption”) in the conceptual field “grekh” (“sin”): the linguo-cognitive aspect	308
<i>Sergienko N. A., Gramma D. V.</i> Linguo-cognitive categorization and conceptualization of linguo-mental sub-sphere JOY in British and American linguo-cultures	313
<i>Smirnova E.E.</i> Ontological conceptual metaphors in language realization of the concept PRAVDA (TRUTH)	318
<i>Somoeva S. R.</i> The concept АКЪЛЮ (MIND) in bezhtin’s proverbs	323
<i>Taskaeva A.V.</i> “Hero of the cosmos” in the linguistic and cultural context of modern Russia	328
<i>Fedyaeva E.V.</i> Quantity and time interaction as one of the forms of quality conceptualization	335
<i>Furs L. A., Vishnevskaya E. A.</i> Likening and its representation in English.	340
<i>Hamszovszki J.</i> The concept LILY in the language picture of the world (in Russian, Polish and Hungarian)	345
<i>Chekulai I.V., Prokhorova O.N., Kuchmistyy V.A.</i> The specific character of metaphoric and metonymic structuring the value concepts.	350
<i>Shershukova O. A.</i> On “great human’s helpers”: conceptualization of optical devices in Portuguese language	355
<i>Shesterkina N. V.</i> The world tree as a phytomorphic and spacio-temporal myth-metaphor	361
<i>Yuzdova L. P.</i> Phraseological world categorisation: psycholinguistic aspect.	366
<i>Yan Kai</i> The representation of the concept MEMORY in the Chinese and Russian linguistic cultures (according to lexicographical sources).	370
<i>Скрынникова И. В., Пермьякова Т. М.</i> Мультимодальная метафорическая репрезентация российского патриотизма	377

III. COGNITIVE RESEARCH INTO LEXIS AND GRAMMAR

<i>Alekseeva L.M., Mishlanova S.M.</i> Cognitive-discursive aspects of terminological competence	383
<i>Babina L. V.</i> Interpretation mechanisms of facial movement	388

<i>Belov V. A.</i> On methods of naive interpretation of Russian nouns	393
<i>Beliaeva I. V.</i> Connotation as a fragment of the interpretative potential of idioms with a zoonym component	398
<i>Bronnikova O. V.</i> Cognitive modelling of temporal meanings	403
<i>Vasileva E. V.</i> Greed and generosity in the mirror of nominal parts of speech	409
<i>Vinogradova S. G.</i> Mode of thinking as a factor of selecting a composite sentence in the course of communication	414
<i>Vishniakova E. A.</i> Abbreviation as the means of linguistic signs generation in terms of cognitive and linguosemiotic aspects interaction	419
<i>Voronina T. M., Gulyaeva G. E.</i> Representations of cognitive characteristics of the concept SCIENCE in antonymic oppositions	423
<i>Vyalyak K. E., Maksimova E. E.</i> Interaction of lexical and syntactical means of emphasis in English and Spanish	429
<i>Golovanova E. I., Golovanov I. A.</i> The combination of the cognitive approach with the linguoculturological and pragmatic ones in the analysis of special lexis	434
<i>Grehneva L. V.</i> The cognitive aspects of paraphrase	439
<i>Gukh Zh. K.</i> The event and the speaker in the German verb <i>werden</i>	444
<i>Dou Chunyao</i> Sustainable comparisons with the semantic of age in the Russian and Chinese languages: comparative aspect	450
<i>Drygina Y.A., Lyashenko I.V.</i> Representation of the concept POWER in the American political discourse (based on D. Trump's speeches)	454
<i>Dubinets Z. A.</i> Semantic-cognitive features of physiological and morbid metaphors in the contemporary press.	459
<i>Zhdanova T. A.</i> Metaphor of tools in terminology.	465
<i>Iliukhina N. A.</i> Scenary metonymy: on the issue of cognitive sources	469
<i>Katermina V. V.</i> Pragmatic function of neologisms in the English discourse of social networks	474
<i>Kozlova L. A.</i> The comparative study of languages in the cognitive-cultural aspect.	479
<i>Kraeva I. A.</i> Specific features of verbalization of the concept GRADUALITY in modern English	484
<i>Leshchenko Yu. E., Dotsenko T. I., Ostapenko T. S.</i> Activation routes in structural subsystems of trilingual mental lexicon	489
<i>Manaenko S. A.</i> Categorization of the keywords on the basis of the discourse of use	495
<i>Nikitevich A. V.</i> The cognitively significant in the semantics of a dialectal word	500
<i>Nikitina A. A.</i> Variety of meanings of allusive personal names (the language of advertising)	505
<i>Norman B. Yu.</i> Cognitive process and compositional semantics	510
<i>Petrova N. E.</i> Adjectives (<i>не</i>) <i>сопоставимый</i> , (<i>не</i>) <i>сравнимый</i> as a means of evaluative conceptualization of the subject	515
<i>Plisov E. V., Khamidulin A. M.</i> The conceptual network of lexeme <i>Allah</i> in the organization of the concept ISLAM in the German language	520
<i>Plotnikova A. M.</i> Semantics of object renaming as realization of cognitive relations of identity and difference in the language	526

<i>Postnikova S. V., Egorova V. N.</i> Pragmatic potential of elatives in the system of means of expressing intensity (on a material of the German language)	531
<i>Rylov S. A.</i> Cognitive approach in comparative Slavic syntactology (on the material of Russian and Czech languages)	536
<i>Sviridova A. V., Rusakova M. M.</i> Modern medical terminology: linguistic and cognitive aspects	542
<i>Sineleva A. V.</i> Investigation of associative-verbal network by frame method of interpreting information.	547
<i>Suleimanova O. A., Fomina M. A.</i> Variability in cognitive interpretation of objects' state of being: the verbs <i>stojat'</i> , <i>lezhat'</i> , <i>sidet'</i>	552
<i>Xu Lili</i> Antonymic relations of adjectives <i>hot-cold</i> in metaphorical derivative models.	557
<i>Khvesko T. V., Tretyakova S. Yu.</i> Cognitive and pragmatical aspects of anthroponyms in literary discourse	562
<i>Scherban O. B.</i> Semantic derivation in English idiomatics as a tool of euphemisation	568
<i>Shchetinina A. M.</i> <i>You're either with us, or against us</i> : lexical representation of force as a source of power	573
<i>Yakovenko Ye. B.</i> Cognitive principles of classifying Latin and old English vocabulary in Ælfric's glossary	578
<i>Yan Hongduo</i> Axiology of metaphor INVENTION in modern newspaper discourse	583

IV. CORPUS-BASED RESEARCH (DATABASES) AS PART OF THE COGNITIVE ANALYSIS OF LANGUAGE AND SPEECH

<i>Bogdanova-Beglarian N. V.</i> On possible "cognitive dissonance" in perception of everyday Russian speech	589
<i>Glinskaya N. P.</i> Sequence of linguistic representation of law concepts' cognitive features in the judicial discourse	594
<i>Golubeva N. A.</i> Conversion as a linguistic mechanism of cognitive modelling	599
<i>Golubkova E. E., Trubochkin A. V.</i> Phrasal verbs from the viewpoint of construction grammar in modern English	604
<i>Бадрызлова Ю. Г., Ляшевская О. Н., Паничева П. В.</i> Компьютер и метафора: когда лексика, морфология, пунктуация и другие звери не могут предсказать метафоричность предложения.	609

V. COMPUTER TECHNOLOGIES AND COGNITIVE MODELLING

<i>Latu M. N., Tagiltseva Yu.R.</i> Peculiarities of verbal representation of spatial systemic relations between the concepts of a domain	616
<i>Petrova I. M.</i> Combinatorics of binomial constructions as a reflection of the process of iconic representation of objects in reality.	621
<i>Ponomareva O. B.</i> Linguocognitive modelling of the conceptual opposition "civilization:culture" in anti-utopia by R. Bradbury	626
<i>Sergaeva Yu. V.</i> Anthropocentric computer-based neography: on new types of electronic dictionaries	631
<i>Sineokova T. N.</i> Experience in developing software package with a view of adapting a linguistic database for statistical analysis.	636

<i>Chernousova A. O.</i> Means of low-frequency collocations translation using corpus and cognitive apparatus	641
---	-----

VI. COGNITIVE ANALYSIS OF TEXT AND VARIOUS TYPES OF DISCOURSE

<i>Abysheva E. M.</i> Lingvocognitive characteristics of the moral aesthetic concept sphere (based on the material of O. Wilde’s novel “The Picture of Dorian Gray”)	646
<i>Andreev V. S.</i> Ratio of microcosm and macrocosm in the metaphorical system of E.A. Poe	651
<i>Antonova S. N., Pletyago T. Yu.</i> Cognitive aspects of the polymodal texts perception	656
<i>Banman P. P., Legler A. A.</i> The frame “war captivity” in the German memoirs-autobiographical discourse.	659
<i>Bannikov K. V.</i> Metaphor as a cognitive tool in the poetics of Paul Claudel.	664
<i>Bolsunovskaya L. M.</i> Metadiscourse: different interpretations and directions of research	667
<i>Borbotko L. A.</i> Transformation of addressee in theatrical discourse: cognitive linguistics approach	673
<i>Bronnikova O. V., Samofalova A. S.</i> Emotive component in advertising discourse	678
<i>Vodyanitskaya A. A.</i> Academic discourse: evaluation in promoting education technologies	683
<i>Voroshilova M. B.</i> Decoding Strategies for Creolized Text Analysis.	689
<i>Yatkina S. V.</i> Narrator’s strategy in XXI-st century Russian short story: text structure and inference problem	694
<i>Gornostaeva A. A.</i> Political discourse and irony: cognitive aspect	700
<i>Gudkova K. V.</i> Strategies of discourse maneuvering in persuasion discourse.	706
<i>Drozdova T. V.</i> Cognitive metaphor and representation of author’s opinion in a scientific text	712
<i>Dronova N. P.</i> The anthroponyms in the conceptualization of “Homo ludens” in the discourse of fastnachtspiele	717
<i>Emelyanova O. V., Khomyakova E. G.</i> Language representation of the event “The quiet revolution” in Quebec within event situation	723
<i>Efimenko T. N.</i> Business idioms as functional operators of English business discourse	728
<i>Klimova M. A.</i> Cognitive potential of precedent phenomena in personal Internet-discourse of a politician	734
<i>Kozhanov D. A.</i> The problem of discourse interaction as a cognitive phenomenon.	739
<i>Kondratyeva O. N.</i> Dynamics of a mediainage of region: to a statement of the problem (on an example of a mediainage of Kuzbass).	744
<i>Korolkova A. S.</i> Mental shifts in the conceptualization of a healthy lifestyle in the blogosphere (by the material of createms).	749
<i>Koshkarova N. N.</i> Extension of word’s meaning as reflection of geopolitical situation	754
<i>Kremneva A.V.</i> Specificity of the Biblical myth functioning in the works of Angela Carter (cognitive-semiotic aspect).	759
<i>Kushneruk S. L., Kurochkina M. A.</i> Information war: aspects of research and perspectives of cognitive-discursive modelling	764

<i>Litvishko O.M., Miletova E. V.</i> Socio-cognitive modeling of the discourse of civil law: lexical-semantic aspect	770
<i>Loginova E. G.</i> Dialogism as a cognitive-semiotic approach to the analysis of dramatic discourse	775
<i>Lomakina O. V.</i> Phraseological means of verbalization of the concept “death” in the L.N. Tolstoy’s work	780
<i>Morozova N. N., Andriyanova O. V.</i> Metaphors in constructing social problems . . .	785
<i>Mukhina Y. N.</i> Sensory features of scientific discourse	790
<i>Nekrasova M. Yu.</i> Linguistic means of evaluation of Russia’s possession of the Crimea in the British newspapers of the middle of the 19th century.	795
<i>Nemirova N. V.</i> Cognitive-semiotic aspects of precedent in newspaper discourse . .	800
<i>Ogneva E. A.</i> Specific features of temporal model in the architectonics of conceptual domain (based on “The New Atlantis” by F. Bacon)	806
<i>Pavlova D. S., Erofeeva E. V.</i> Conceptual model of spontaneous monologue.	811
<i>Pavlova M. S.</i> Cross-cultural equivalence of metaphor translation in a literary text and the recipient’s intertextual presupposition	816
<i>PereLygina T. A., Stepanenko S. N.</i> Conceptual metaphor ECONOMY IS NATURAL FORCES in English-speaking economic publicistic discourse . . .	821
<i>Petrova T. E., Kalugina N. V.</i> Eye movement evidence of reading polycode texts in Russian	825
<i>Petukhova T. I.</i> Language representation of colour characteristics as a means of transmitting of emotive sense of a painting.	830
<i>Polyanchuk O.B., Chernikova A.E.</i> Cognitive and language mechanisms of the formation and further semantic development of the complex sign in language and discourse (French youth slang)	836
<i>Potantina N.L., Tenyushev B.I.</i> Concept EVERYDAY LIFE in the modern English novel	842
<i>Priima A. I.</i> Actualization of the concept of BEING AMERICAN in American socio-political discourse and of the concept of БИТИ СРБИЈИ in Serbian socio-political discourse.	848
<i>Sukhareva K. A.</i> Realisation of manipulative potential of ethnonym RUSSIAN in Russian advertising discourse in the aspect of advertising text interpretation	854
<i>Troshchenkova E. V.</i> Incentive and consolidating elements in Instagram posts before midterm elections 2018 in the USA	859
<i>Tupikova S.E., Semukhina E. A.</i> Conceptual derivation as the basis for the formation of meanings in the English and French media discourse.	865
<i>Chanturidze Y. M.</i> The methods of cognitive influence in modern political discourse of the USA	870
<i>Chemodurova Z. M.</i> Intertextual games in the initial textual position as an attention focusing device	876
<i>Shmelyova E. S.</i> Lingua-cognitive models of the pun	882
<i>Baić Đ.</i> Контекстуальное включение метафор (на материале русских парламентарных и телевизионных дебатов об украинском конфликте в 2014 г.) . . .	887

VII. COGNITIVE SOCIOLINGUISTICS

Balandina I. D. Toponymical nomination in mediadiscourse 893

Garanovich M. V. Sociolinguistic variation of gender stereotypes
in language consciousness of native speakers of Russian 897

Desyukevitch O. I. Code-switching in bilingual communication 903

Kirilina A. V. Scientific knowledge as an agent of globalization: revision
of language concept at the turn of the centuries. 909

Serova I. G. In search of the gender dimension of a concept. 915

Ufimtseva N. V. Associative experiment and cognitive strategies of respondents . . . 920

Shestak L. A. Event frame: reference and simulation 925

Iuzefovich N. G. Sociological survey as a cognitive sociolinguistic method:
true or distorted reality? 931

Колтакова С.В., Неровная Н.А., Зубова Л.Ю. Концепты лидер и командир
в сознании военнослужащих в сопоставительном аспекте. 936

VIII. COGNITIVE FOUNDATIONS OF TRANSLATION

Basueva N. Yu. Cognitive basis of adequate transfer of the concept GOAL
to the English language 942

Epimakhova A. S. Bilingual dictionaries composed in the Pomor North
as a means of knowledge transfer 946

Leontyeva K. I. Some cognitive grounds of translation variability:
perspectivation and cognitive dominants 952

Prolygina I. V. Cognitive approaches to the translation of ancient scientific
prose (in the medical texts) 957

Chistova E. V. Cognitive techniques of branded content transcreation 963

IX. COGNITIVE ASPECTS OF SPEECH CREATION

Antonova (Sychyova) E. N. Philological poetry as an aspect of a linguistic persona. . . 968

Belova E. E., Minasyan V. A. Concept as a unit of author’s view of the world
(on the material of “The French lieutenant’s woman” by John Fowles) 973

Borovytska E. N. Functional mapping of hippocampical structures in speech-creation . . 978

Zabolotneva O. L., Kozhukhova I. V. Face-threatening speech acts in university novels . . 984

Iriskhanova O. K. On some issues of cognitive poetics of gestures: “poetic”
vs “everyday” gestures. 989

Kazakovskaya V. V. Mechanisms of regular derivation in early ontogeny. 994

Ratsiburskaya L. V. Linguo-cognitive specificity of modern media neologisms. 999

Racheva A. A. Cognitive processes that determine the functioning of deictic
units with spatial semantics in oral discourse 1004

Romanova T.V., Gvozdeva A.S. Cognitive mechanism for forming the sense
of names of pictures by A.N. Yurkov 1009

Saksin E. I. Linguistic features of Chuck Palahniuk’s works (based on novel
“Fight club” and its translations on Russian language) 1015

Seagal K. Ya. Transition from attributive construction to predicative
in dialogue: cognitive-pragmatic approach 1020

<i>Sidorova T. A.</i> Communicative behaviour of addresser in extremist discourse: cognitive aspect	1025
<i>Khvesko T.V.</i> Speech creativity from the position of cognitology	1030

X. COGNITIVE LINGUISTICS AND INTERDISCIPLINARY RESEARCH

<i>Wang Tianjiao</i> Models of conceptual metaphorization in Russian phraseological units with component ‘kindness’	1035
<i>Gorbunova D. A.</i> Extravert vs introvert: the frequency of the pragmatic markers in speech of different informants	1040
<i>Kalinina L. V.</i> Semantics of imperceptible in the cross-disciplinary context	1044
<i>Kokorina Yu.G.</i> The interdisciplinary nature of modern scientific knowledge and its representation in terminology (for example, archaeological dictionaries) . . .	1049
<i>Minyar-Belouchcheva A. P.</i> Linguistic reconstruction of the historical past worldview	1054
<i>Rogozina I. V., Buhner N. Yu.</i> Azerbaijan ethnos in the mirror of ethnopsychological mentality	1059
<i>Hamszovszki Sz.</i> On the issue of semantization of economic vocabulary in teaching Russian as a foreign language to Hungarians	1065
<i>Khomenko A. Yu.</i> Cognitive structures modeling based on the text attribution methods .	1069
<i>Yaremenko V. I., Suleimanova O. A.</i> The role of cognitive aspect in teaching undergraduate technical students a foreign language.	1075

XI. COGNITIVE LINGUISTICS AND NEUROLINGUISTIC RESEARCH

<i>Kolmogorova A. V.</i> Cognitive basis of automatized speech of the patients with aphasia	1081
<i>Lyutyanskaya M.M., Kokanova E.S.</i> Eye-tracking study of translation decision in sight translation	1085
<i>Petrovicheva M.A., Shmatko A.S., Karyakina M.V., Shmukler A.B.</i> To the problem of improving the methods of evaluation language and cognitive disorders in schizophrenia.	1090
<i>Sidorova M. Yu.</i> Picture naming and picture description in the studies of communicative and cognitive deficits in schizophrenia	1096
<i>Shpilnaya N. N.</i> Polyphony of the language consciousness during psychoses	1102

**XII. COGNITIVE DISCURSIVE APPROACH
TO THE ANALYSIS OF CULTURE**

<i>Grishaeva L. I.</i> Ways of objectivization of knowledge about the world in interaction . .	1107
<i>Dubrovskaya O. G.</i> Clustering organization of communication	1112
<i>Korneva V. V.</i> Verbal realization of addresser’s self-presentation strategy in Spanish announcements of acquaintance.	1117
<i>Ryzhkina Z. A.</i> The place of cultural concepts in the hierarchy of artistic meanings . .	1121
<i>Ryabykh E. B.</i> Modeling the world through metaphors (considered on the example of philosophical treatises F. Nietzsche and Gibran Khalil Gibran)	1126
<i>Sergeeva E. P.</i> Martin Luther’s contribution to shaping the German linguistic picture of the world	1132
<i>Khusyainov T. M.</i> Cognitivization of society and economy: the opposition of humanism and efficiency in the labor market	1137

ОТ РЕДАКТОРА

Девятый международный конгресс по когнитивной лингвистике, который прошёл 16-18 мая 2019 года в г. Нижнем Новгороде на базе Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», собрал 225 участников, представителей вузовской и академической науки из 40 регионов Российской Федерации и зарубежных стран (Беларуси, Венгрии, Германии, Италии, Казахстана, Китая, Литвы, Нидерландов, Украины, Швейцарии). Материалы конгресса размещены в предлагаемом читателям выпуске научной серии «Когнитивные исследования языка».

Целью конгресса явилось обсуждение современных проблем и достижений когнитивной лингвистики в русле антропоцентрической концепции языка, в том числе в междисциплинарном аспекте, а именно: интеграция когнитивной лингвистики с нейролингвистикой, корпусной лингвистикой, компьютерными науками, когнитивным литературоведением, социолингвистикой, политической лингвистикой, в частности с целью когнитивно-лингвистического моделирования социально-экономических процессов. Конгресс также имел целью выявление актуальной проблематики проводимых когнитивных исследований; представление новых технологий и новых методик когнитивного анализа в теоретической и прикладной лингвистике.

Междисциплинарный характер проблематики конференции отразил актуальную потребность проведения доказательных исследований в области изучения языковых форматов знания с привлечением корпусных и нейролингвистических технологий, экспериментальных данных, а также необходимость применения данных когнитивно-лингвистического анализа в прикладных исследованиях. Так, доклады, прозвучавшие на конгрессе, были посвящены обсуждению проблем совершенствования методик оценки коммуникативных и когнитивных нарушений при шизофрении (М.А. Петровичева, А.С. Шматко, М.В. Карякина, А.Б. Шмуклер); проблеме изучения когнитивного базиса речевых автоматизмов при афазии (А.В. Колмогорова); полифонии языкового сознания при психозе (Н.Н. Шпильная) и др.

Конгресс показал, что междисциплинарность обусловлена интегративными процессами в когнитивной лингвистике – круг интересов современных исследований включает когнитивно-лингвистическое моделирование социальных, экономических, политических процессов, создание когнитивно-лингвистических моделей для онтологий (словарей-тезаурусов), анализ когниции и коммуникации в современном информационном пространстве, в контексте различных сфер деятельности, корпоративных языков и культур. Это нашло отражение в представляемом сборнике материалов конгресса.

Конгресс позволил систематизировать опыт апробации новых технологий и новых методик когнитивного анализа в теоретической и прикладной лингвистике. В частности, был представлен опыт создания пакета компьютерных программ

для подготовки лингвистической базы данных к статистическому анализу результатов когнитивного эксперимента (Т.Н. Синеокова); опыт моделирования когнитивных структур на основе методик автороведческого анализа (А.Ю. Хоменко); методики когнитивного анализа в обучении иностранному языку (В.И. Яременко, О.А. Сулейманова) и др.

На конгрессе обсуждались следующие фундаментальные научные проблемы:

1. Проблема соотношения естественного языка и мышления: роль языка в структурировании сознания; выявление принципов организации языкового сознания; обсуждение проблемы когнитивных языковых задатков и способностей человека; эволюционные аспекты языковой способности (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, В.И. Заботкина, Е.Г. Драгалина-Чёрная, А. Ченки).
2. Проблема исследования познавательных процессов, среди которых основными являются процесс концептуализации и категоризации: обсуждение особенностей концептуализации и категоризации мира в языке в психолингвистическом, лингвокультурологическом, коммуникативном аспектах; сопоставление таксономической и лингвистической категоризации; возможности когнитивного моделирования мыслительных и коммуникативных структур (В.Ю. Апресян, Е.В. Рахилина, Н.В. Уфимцева, Б.Ю. Норман, В.И. Карасик).
3. Проблемы социальной когниции и когнитивно-лингвистического моделирования социальных, экономических, политических процессов (З. Кевечеш).
4. Вопросы специфики научного знания в эпоху глобализации через анализ ревизии представлений о языке на рубеже веков (А.В. Кирилина).
5. Анализ и интерпретация особенностей дискурсивной методологии в зарубежной и российской когнитивной лингвистике и лингвокультурологии (А.П. Чудинов).
6. Перспективы использования методов когнитивно-лингвистического моделирования для изучения процессов управления в сфере экономики, в области PR и медийных технологий (Д. Вайс).
7. Проблема трансформации когниции и коммуникации в различных сферах деятельности, анализ моно- и полимодальных видов коммуникации: выявление когнитивных оснований переводческой деятельности; определение когнитивных аспектов речетворчества (М.А. Кронгауз, О.К. Ирисханова).

Проведение Международного конгресса по когнитивной лингвистике в Нижнем Новгороде способствовало дальнейшему развитию когнитивной лингвистики в России и за рубежом и установлению междисциплинарных научных связей между российскими и зарубежными научными группами и лабораториями для эффективного сотрудничества в данной области.

Широкий круг обсуждаемых проблем и высокий научный уровень ведущих участников конгресса позволил также повысить научную квалификацию молодых ученых-лингвистов в общих и частных вопросах методологии когнитивной лингвистики.

Т.В. Романова

I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Л.С. Абросимова (Ростов-на-Дону, Россия)

Южный федеральный университет

lara.abrossimova@mail.ru

Е.Н. Сагайдачная (Ростов-на-Дону, Россия)

Ростовский государственный экономический университет

sag-natali@yandex.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ КАК ФАКТОР АКТИВИЗАЦИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Экспериментальный подход позволяет трактовать когницию как результат взаимодействия личности с окружающим миром в рамках ее (личности) каждодневного опыта, сопряженного с эмоциональными переживаниями. Частью такого опыта является обучение (в частности, иностранным языкам), эмоциональный характер которого способствует активизации когнитивной деятельности.

Ключевые слова: эмоция, эмоциональное обучение, когнитивная деятельность, когниция, антропоцентризм, экспериенциализм.

Аристотель еще в III в до н.э. заметил, что заниматься наукой людей побуждает удивление, ибо «недоумевающий и удивляющийся считает себя незнающим». Именно эта, самая кратковременная, эмоция заставляет людей исследовать причины и явления внешнего мира и заглядывать внутрь себя. Поэтому эмоциональное вовлечение учащегося в процесс обучения и развитие эмоционального интеллекта способствуют эффективному усвоению новой информации в целом и овладению иноязычной коммуникативной компетенцией в частности.

В.П. Нерознак (1996) очень точно называет область лингвистических исследований, занимающихся вопросами языковой личности, «лингвоперсоналогией», что позволяет рассматривать когнитивные аспекты человеческой личности через призму, в том числе, эмоциональной составляющей, ибо, по мнению психологов (Д.Дж. Бэм,

Р.Л. Аткинсон, Э.Е. Смит), мысли, связанные с ощущениями, – это просто эмоциональные убеждения, развитие которых происходит по тому же сценарию, что и развитие других аспектов когнитивной деятельности личности.

В.Н. Телия доказывает, что «разум и чувства – это две автономные сферы психической деятельности, но они как бы «подхлестывают» одна другую и контролируют друг друга» [Телия 1991: 21]. Это положение получает полное подтверждение на успешном занятии по любой дисциплине, где степень усвоения информации напрямую зависит от психологической атмосферы и порождаемых эмоций, которые во многом зависят от личности и поведения учителя. Исходя из логического основания солипсизма, именно индивидуальное сознание и собственные ощущения представляют собой единственную реальность, существующую достоверно, то есть мы имеем право говорить об индивидуальном аспекте когнитивного.

А.Н. Леонтьев (1975) выявил «пристрастность человеческого мышления» как его сущностную черту. По мнению ученого, мыслительная деятельность личности напрямую зависит от ее картины мира, эмоционального опыта. Эта идея перекликается с концепцией «личностного знания» М. Полани (1985), не принятой многими его современниками из-за обвинений в иррационализме, но столь горячо принимаемой учеными XXI века. Примечательно, что незадолго до появления концепции «личностного знания» М. Полани выдающийся французский физик Луи де Бройль подчеркивал необходимость в процессе познания именно иррациональности, благодаря которой научные теории развиваются и часто даже меняются коренным образом. Ученый убедительно доказал, что интуиция – обязательная составляющая познания, поэтому развитие любой теории, постижение знаний невозможно при «чисто рациональных» основах науки. При таком подходе интуиция предстает как высшая форма когнитивного знания, своеобразная «комбинаторная игра» (А. Эйнштейн) образными элементами мышления.

Данный подход к познанию напрямую перекликается с идеями когнитивной лингвистики Дж. Лакоффа, с его методологической установкой опытного реализма или «экспериенциализма», который рассматривает человека в процессе объективного познания и получения абсолютно и объективного знания частью объективного мира. Таким образом, познание мира происходит через призму «вплощенного опыта», где

«личность, находясь в генетическом единстве с объективной реальностью, осуществляет когнитивный процесс, исходя из генетических особенностей организма и характера взаимодействия с физическим и социальным окружением» [Lakoff 1990: Preface XV]. Личность не просто отражает мир и его явления или обрабатывает информацию знаковым образом, но осуществляет содержательность мышления, что и определяет отличие человеческого разума от искусственного интеллекта. По мнению Н.Н. Болдырева, репрезентация мира «основана, с одной стороны, на коллективных представлениях о мире и, с другой стороны, на личном, в том числе языковом, опыте человека взаимодействия с этим миром» [Болдырев 2015: 5-6].

Такую составляющую когниции, как каждодневное, важное познание, привычное при взаимодействии человека с окружающим миром, отмечает Е.С. Кубрякова, подчеркивая, что когниция – это именно манипуляция со знаниями, работа с информацией. Исследователь проводит разделение между научным познанием и собственно естественной когницией, которую рассматривает как взаимодействие личности с окружающим миром в рамках ее (личности) каждодневного опыта, а структуры знания, фиксируемые в языке, рассматриваются как «прежде всего “естественные” структуры, структуры опыта, осмысления и оценок мира, разделяемые всеми членами данного языкового сообщества и потому входящие в область так называемого “разделенного знания” (shared knowledge)» [Кубрякова 2001: 5].

Теория З. Фрейда о «других сознаниях» (other minds) иллюстрирует столь важную для процесса познания истину, что неперенным условием понимания реалий мира является именно отождествление. Применимо к природе дейктических отношений на первый план выступают дейкисис видимый (указание на то, что находится в поле зрения говорящего, или «реальность, существующую достоверно») и дейкисис представления (указание на то, что отсутствует в данный момент в поле зрения, но представление об этом является результатом полученного ранее собственного опыта). Несмотря на многообразие теорий и различия типологий дейктических отношений, определяющим для квалификации свойств дейктичности является именно *сенсорное* выделение объекта. Нейробиология утверждает, что восприятие – не просто пассивный прием отдельных сенсорных сигналов: в него входит активная интерпретация мозгом сложных стимулов, воздействующих на органы чувств, что происходит именно

в лимбической системе. Именно лимбическая система контролирует эмоциональное поведение, доказывая, в том числе, нейробиологическую природу познания. И для более успешного процесса познания преподавателю необходимо владеть основами «запуска» эмоционального обучения.

Эмоциональная сфера также тесно связана с мотивацией, по теории И.П. Павлова, с «рефлексом цели». Чем выше интеллект человека, тем выше преодолеваемая ступень «пирамиды потребностей», затрагивающая уже не базовые, а высшие, такие как жажда познания, потребности эстетической и социальной сферы. На данном этапе эмоциональное сопровождение обучения также играет большую роль, поскольку спектр интересов и амбиций обучаемого возрастает и расширяется.

Родоначальник лингвистики эмоций (эмотиологии) В.И. Шаховский утверждает, что «...в человеке все движимо эмоциями, в том числе его креативное мышление, его аксиологическое поведение, все его вербальные рефлексии, в том числе и эмоциональные» [Шаховский 2008: 13-14]. Ученый убедительно доказывает, что в настоящее время благодаря развитию нашей эмоциональной сферы *homo sapiens* постепенно трансформируется в *homo sentiens*.

Бесспорно, эмотивная сфера обучения – составляющая успеха современного образования. Наше исследование доказывает, что доступность, легкость, высокая скорость доступа к любому виду информации благодаря наличию у современного студента электронно-цифровых устройств приводит не только к открытому доступу ранее запретных тем (насилие, сексуальная распущенность, наркотики и прочие составляющие «взрослого мира»), но и предоставляет бесконечные возможности мира развлечений, не идущие ни в какое сравнение с возможностями школы. Ввиду того, что современные технологии с легкостью решают большинство учебных задач, студентам требуется независимое мышление и творческая составляющая, чтобы не слиться с общей массой. Погрузившись в виртуальный мир, современные студенты теряют навыки межличностного общения, они не приспособлены к реальному миру, где кроме независимости мышления человек вынужден взаимодействовать с коллективом, принимать коллегиальные решения, обладать навыками эмоционального коммуникативного воздействия. Для этого нами разработана и внедрена в обучение целая стратегия игр для обучения студентов английскому языку, ибо именно игры предлагают студентам гипотетическую среду, в которой могут

приниматься альтернативные решения без риска потерпеть поражение. Мысль, действие и эмоция соединяются для достижения определенной цели. Игры учат стратегическому планированию, множественности решений, гибкости мышления, то есть справедливо отметить использование игры как условия развития когнитивных способностей личности, своего рода «манипуляции со знаниями».

В современном мире человек постоянно находится под лавиной вечно меняющейся информации. В таких условиях преподавателю трудно привлечь внимание ученика, увлечь его предметом, вызвать интерес, повысить мотивацию. Потому современному преподавателю остро необходимо воздействовать на эмоциональную сферу учащегося, так как это напрямую связано с процессами когниции (манипуляция со знаниями, работа с информацией), образования, воспитания и развития.

Литература

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (042). С. 5-12.

Кубрякова Е.С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. № 1. С. 4-10.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Нерознак В.П. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины: сб. научных трудов Моск. гос. лингв. ун-та. 1996. № 426. С. 112-116.

Полани М. Личностное знание. На пути в посткритической философии. М.: Наука, 1985.

Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия, Т.А. Графова, А.М. Шахнарович и др.; отв. ред. В.Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1991. 214 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.

Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. The University of Chicago Press, Chicago and London, 1990.

*L.S. Abrosimova (Rostov-on-Don, Russia)
Southern Federal University*

*E.N. Sagaidachnaya (Rostov-on-Don, Russia)
Rostov State Economic University*

EMOTIONAL TEACHING AS COGNITIVE ACTIVITY REINFORCEMENT

Experiential approach represents cognition as a result of interaction of the individual with the surrounding world within the framework of personal everyday experience associated with emotional experiences. A part of this experience is codetermined by learning and teaching (foreign languages in particular), the emotional nature of which contributes to the enhancing of cognitive activity.

Key words: emotion, emotional teaching, cognitive activity, cognition, anthropocentricity, experientialism.

Л.Г. Бабенко (Екатеринбург, Россия)

*Уральский Федеральный Университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
lgbabenko@yandex.ru*

ТИПОЛОГИЯ МЕНТАЛЬНЫХ СЛИЯНИЙ В СТРУКТУРЕ КОМПЛЕКСНЫХ ЭМОТИВНЫХ КОНЦЕПТОВ¹

Актуальность исследования обусловлена обращением к исследованию ментальной интеграции, на основе которой формируются комплексные когнитивные структуры эмотивных концептов. Выявлены варианты интегративных структур, организованных по типу матрицы, на основе внутренней когнитивной оппозитивности, совмещения когнитивных признаков по принципу дополнительности или включения.

Ключевые слова: ментальные слияния, эмотивные концепты, комплексные когнитивные структуры.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02005).

В начальный период развития когнитивной лингвистики в России основное внимание уделялось изучению ключевых проблем, связанных с процессами категоризации и концептуализации мира действительности, с формированием концептосферы национальных языков, выявлением в их структуре общих и специфических особенностей, исследованием как структуры отдельных концептов, так и их множеств в соотнесенности со структурами знания. Сейчас большое внимание когнитологи уделяют рассмотрению различных процессов взаимодействия концептов в общем концептуальном пространстве, приводящих к порождению сложных концептуальных структур, отображающих направления подобного взаимодействия в реальной действительности, а также в процессе его восприятия и осознания. В ряду актуальных проблем, связанных с решением указанной глобальной проблемы когнитивной лингвистики сегодня, находится и вопрос описания механизмов ментальных слияний базовых когнитивных признаков во внутренней структуре концептов, которые приводят к усложнению их структур. В связи с этим в настоящее время активно разрабатываются теории композиционности и интегративности, направленные на изучение природы склеивания ментальных структур разного рода, предосновой которых служит концепция комбинаторности семантики сложных языковых единиц Е.С. Кубряковой [Кубрякова 2004: 347, 349-350], получившая дальнейшее развитие в работах Н.Н. Болдырева [2014], О.К. Ирисхановой [2002], В.Ф. Новодрановой [2002] и др. Т.Г. Скребцова, размышляя о значимости изучения концептуальной интеграции и роли Фоконье и Тернера в ее разработке, отметила, что «Концептуальная интеграция – явление столь глубокого порядка, что ее исследование, можно сказать, только начинается. Несомненная заслуга Фоконье и Тернера состоит, прежде всего, в том, что они обратили внимание на этот феномен и заложили основы его изучения» [Скребцова 2018: 202].

Цель данной статьи – исследование механизма формирования ментальных структур комплексных эмотивных концептов, отображающих знания о сложных эмоциональных переживаниях и основанных на слиянии двух и более взаимосвязанных концептов. Этот механизм имеет различные проявления, обусловленные прежде всего категориальными свойствами концептов, их когнитивно-дискурсивной специализацией. Наличие подобных концептов связано с отражением глобального процесса в концептуальном пространстве языка – процесса склеивания локальных ментальных пространств, результатом которого является репрезентация сложных знаний

в структуре комплексных концептов. По мнению Н.Н. Болдырева, подобные знания оформляются особым образом, в том числе в формате когнитивной матрицы или концептуального поля, которые различаются тем, что «поле объединяет концепты одной тематической области (цвет, движение) по принципу включения, а когнитивная матрица – разных тематических областей по принципу интеграции, представляя собой образование более сложного порядка» [Болдырев 2014: 61]. Взаимодействие концептов может быть представлено как **на уровне внешнего синтагматического сопряжения**: внутри общего ментального пространства или двух и более различных пространств, – так и **на уровне внутреннего синтагматического сопряжения** базовых когнитивных признаков различной категориальной природы в ментальной структуре отдельных комплексных концептов, репрезентирующих сложные знания о мире и отображающих процессы пересеканности различных ментальных пространств. Наш опыт анализа комплексных концептов показывает, что при этом их структура не ограничивается слиянием по типу матрицы и поля, наряду с ними имеются и другие способы внутренней конфигурации сложных структур знания в упаковке одного концепта.

Предметом данной статьи является выявление и описание регулярных вариантов ментальных слияний в структуре комплексных эмотивных концептов. Нас интересует, какие линии когнитивной пересеканности регулярны для концептов этого типа, как они закрепляются в его когнитивной структуре. Материалом наблюдений послужили лексикографические описания эмотивной лексики в идеографических словарях, в том числе словарные статьи эмотивных концептов из словаря «Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии)» [Концептосфера 2017]. Результаты анализа материала показали, что концептуальная интеграция на глубинном уровне проявляется по-разному, что обусловлено разнообразием когнитивных механизмов репрезентации ментальных слияний, влекущих за собой усложнение ментальных концептуальных структур. Моделирование этих структур позволило нам выявить следующие разновидности комплексных концептуальных структур эмотивных концептов.

Конъюнктивные структуры, в которых ментальные слияния когнитивных признаков осуществляются по принципу «фамильного сходства» базовых когнитивных признаков общего ментального пространства, относящихся к разным частным категориям этого пространства, способствующим

щих расширению объема когнитивных признаков и усложнению структуры комплексных концептов. Они формируются на основе центростремительных тенденций, за счет которых они пополняются ядерными когнитивными признаками других эмотивных концептов. Например, концепты СТЫД, ВОДУШЕВЛЕНИЕ, ВДОХНОВЕНИЕ, ВОСХИЩЕНИЕ и др.

Совмещенные структуры, в которых ментальные слияния когнитивных признаков осуществляются по принципу дополнительности разнородных базовых когнитивных признаков, относящихся к различным ментальным пространствам, их равноправного соположения, способствующих отображению межкатегориальных связей, их пересекаемости. Чаще всего в структуре комплексных эмотивных концептов на уровне базового когнитивного признака ядерной части концепта обнаруживается совмещение эмоций с ментальными пространствами интеллекта, речи, поведения, внешнего проявления эмоций, физиологии и др. Например, концепты ПЛАЧ, ЛИЦЕМЕРИЕ, РУГАТЬ, ЖАЛОВАТЬСЯ и др.

Оппозитивные структуры, в которых ментальные слияния порождаются на основе дизъюнкций, отображающих универсальные отношения тождества и противоположности, представляют собой сложные комплексные конфигурации концептов, состоящих из антонимических блоков, такие как УДАЧА | НЕУДАЧА, РАДОСТЬ | ГРУСТЬ, СПОКОЙСТВИЕ | БЕСПОКОЙСТВО и др. Следует отметить, что большая часть концептов в ментальном эмотивном пространстве организована именно по оппозитивному принципу с учетом обязательности их интерпретационной оценочной параметризации.

Пересекающиеся структуры, возникающие на основе механизма включения базового концепта в структуру двух и более родственных концептов в качестве основного компонента когнитивного ядра, конкретизируемого различными когнитивными признаками из зоны приядерной и ближайшей периферии. Другими словами, они формируются по принципу поля. Например, приведем ряд концептуальных комплексов, состоящих из близкородственных концептов и представляющих собой пересекающиеся когнитивные структуры: ВИНА | СОЖАЛЕНИЕ | РАСКАЯНИЕ | ПОКАЯНИЕ; ГРУСТЬ | СКУКА | ТОСКА; ГОРЕ | СТРАДАНИЕ.

Матричные структуры представляют собой обычно конфигурацию частных концептов, имеющих одинаковые или деривационно связанные имена-репрезентанты концептов. Для них характерны центробежные тенденции: организуясь на основе одного концепта, они развивают

новые концептуальные смыслы, расходятся по другим ментальным пространствам, порождая когнитивные структуры, отображающие форматы знания, относящиеся к разным базовым категориям. Например, комплексный когнитивный комплекс ВЕРА | НЕВЕРИЕ состоит из четырех частных оппозитивных структур, относящихся к разным ментальным пространствам: интеллектуально-мировоззренческому (ВЕРА – НЕВЕРИЕ), религиозному (ВЕРА | БЕЗВЕРИЕ), эмоциональному (ДОВЕРИЕ | НЕДОВЕРИЕ), поведенческому (ВЕРНОСТЬ | НЕВЕРНОСТЬ). На основе конкретизации и внутренней дифференциации субъектно-объектных отношений в ментальной структуре производных концептов разграничиваются в составе когнитивной конфигурации следующие концепты: религиозный, мировоззренческий, интеллектуальный, эмотивный.

Следует отметить, что указанные выше комплексные структуры эмотивных концептов, организованные по определенным когнитивным моделям, обычно взаимодействуют, переплетаются в ментальных структурах объединенных частных близкородственных концептов, порождая более сложные сетевые когнитивные модели.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Ирисханова О.К. Концептуальная интеграция в событийных именах существительных (к проблеме языковой композиционности) // С любовью к языку: сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 339-345.

Концептосфера русского языка: ключевые концепты и их репрезентации в языке и речи (на материале лексики, фразеологии и паремиологии) // под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2017.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения; роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Новодранова В.Ф. Композиционная семантика (на материале медицинской терминологии) // С любовью к языку: сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 315-319.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018.

L. G. Babenko (*Yekaterinburg, Russia*)
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

THE TYPOLOGY OF MENTAL UNITIES IN THE STRUCTURE OF COMPLEX EMOTIVE CONCEPTS

The topicality of this research is determined by the exploration of mental integration that makes the basis for complex cognitive structures of the emotive concepts. These emotive concepts convey knowledge on the interaction of emotions, their intersection with other mental spaces. The author reveals possible options of integrative structures (in the form of a matrix) based on the inner cognitive opposition and combination of cognitive criteria of complementation and inclusion.

Key words: mental unities, emotive concepts, complex cognitive structures.

Н.Н. Болдырев (*Тамбов, Россия*)
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
boldyrev@tsutmb.ru

ДОМИНАНТНЫЙ ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ¹

В статье рассматриваются формы языкового сознания, которые выступают в качестве когнитивных доминант его организации и которыми оперирует человек в процессах ментального конструирования мира, его первичной и вторичной интерпретации. Это концепты и категории базового уровня представления знаний в языке, специфика их структуры и связей между ними, а также когнитивные схемы осмысления и языковой интерпретации самих объектов, событий, их характеристик и коллективных знаний о них.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

Ключевые слова: когнитивные доминанты, языковое сознание, концепт, категория, схема.

Познавая окружающий мир во всем многообразии его объектов, событий и их характеристик, человек конструирует его в своем сознании в виде определенной когнитивной модели – картины мира. Сам принцип ментального моделирования картины мира, известный как **антропоцентрический принцип**, непосредственно определяется активной ролью человека в этом процессе, его зависимостью от многих факторов физического и социального плана, которые обуславливают избирательность восприятия окружающей реальности и ее осмысления. К числу этих факторов традиционно относятся место рождения и проживания, условия жизни, профессиональная деятельность, социальные и бытовые отношения, ценности и ориентиры, целевые установки, повседневный опыт языкового общения и др., см. подробнее: [Болдырев 2015; 2017; 2018].

Как следствие, концептуальная система человека не только включает единицы знания (концепты) и их объединения (категории) разного уровня сложности, но и приобретает конкретную структуру в виде определенных связей между ними: причинно-следственных, ассоциативных, иерархических, которая позволяет человеку адаптироваться к окружающей среде и нормально в ней развиваться. Эта структура, в свою очередь, выступает в качестве когнитивной схемы дальнейшего восприятия и осмысления мира, выдвигая те или иные элементы в качестве определенных доминант как призм мировосприятия, что дает основание предполагать, что для нее характерен **доминантный принцип** организации в целом.

Этот же принцип организации обнаруживает и языковое сознание, в котором все знания о мире соотнесены с теми или иными формами их языкового представления и систематизированы в виде языковой картины мира. При этом сказанное выше предполагает, что человек способен ориентироваться на разные доминанты в форматировании когнитивного содержания с помощью языка, что может проявляться по-разному: в выделении и различном структурировании фрагментов опыта [Чейф 1983], в фокусировании внимания на конкретных объектах [Talmy 1988] или элементах концептуальной структуры [Филлмор 1988], в профилировании их характеристик и связей [Langacker 1991], в изменении когнитивной точки референции [Rosch 1978]. Анализ языковой деятельности позволяет также утверждать, что функцию таких когнитивных доми-

нант в языковом сознании выполняют прототипические средства репрезентации знаний в языке (обозначения концептов и категорий), которые, с одной стороны, служат средством языковой классификации и обобщения результатов познания, а с другой стороны, выступают в качестве точек **внутриязыковой референции** при поиске адекватных обозначений реалий и языковых форм передачи необходимого смысла в дискурсе.

В качестве точек внутриязыковой референции, и это важный момент, когнитивные доминанты выполняют саму функцию структурирования языкового сознания, поскольку информация, поступающая извне, в том числе в языковой форме, должна быть тоже структурирована, чтобы стать частью сознания, его структуры. Соответственно, когнитивная система человека способна определенным образом (сообразно своим доминантам, своей собственной структуре и структуре коллективных знаний о мире) форматировать поступающую информацию. Не структурированное относительно определенной области сознание не способно успешно усваивать поступающую информацию именно потому, что оно не может ее должным образом отформатировать, придать ей нужную структуру, установить необходимые связи с уже накопленными знаниями, то есть найти ей место в своей когнитивной системе. Аналогично структурированное сознание сталкивается с проблемой обработки и форматирования неправильно структурированной (без должной опоры на коллективные схемы и модели, иные когнитивные доминанты) информации. Другими словами, доминантный принцип – это ориентация человека на определенные знания, их структуру и содержание, коллективно или индивидуально значимые элементы и ценности (см. также: [Болдырев 2016]).

Особая роль в организации языкового сознания принадлежит именам абстрактной семантики, названиям категорий, и прежде всего базовых категорий: *человек, птица, собака, рыба, дерево, растение, камень* и т. д., как прототипам языковой репрезентации знаний, поскольку отношения репрезентации между концептуальной и языковой системами проявляются преимущественно на категориальном уровне и связывают, прежде всего, сами категории, а не их отдельные элементы, см. подробнее [Болдырев 2009], а также о роли имен абстрактной семантики: [Кубрякова, Ирисханова 2007]. Именно они выполняют функцию опорных точек в процессе обозначения предметов мысли: *ласточка – это маленькая, быстро летающая птица отряда воробьиных*, в том числе тех, для которых не существует конвенциональных названий: *почти горячий; что-то вроде травы*;

скорее столяр, а не плотник; достаточно дорогой; без пяти минут врач; не совсем гладкий; about midnight, good enough, looks like a handle, more a scholar than a teacher, nearly finished и т. д. Другими словами, они служат **когнитивными точками внутриязыковой референции**, т.е. точками отсчета в самом языке для формирования и передачи определенного смысла и общего знания о мире.

Доминантный принцип организации языкового сознания обусловлен самой природой языка и интерпретирующим характером человеческого сознания в целом, что с необходимостью проявляется в свойствах языковой картины мира, системы языка, его единиц и категорий, всей дискурсивной деятельности человека в ментально-языковом конструировании окружающего мира. Как считают психологи, познавательный процесс является исходно интерпретирующим, а когнитивные репрезентации – интерпретациями опыта [Pylyshyn 1973]. От сенсорных репрезентаций их отличает способность представлять в сознании не наблюдаемые в этот момент объекты и события, и это многократно подчеркивалось психологами и философами, изучавшими когнитивные способности и процессы получения знаний [Пиаже 1983; Barsalou 2012; McCune 2016; Palmer 1975].

Данная особенность структурирования мира в языке, в частности, послужила нам достаточным аргументом для того, чтобы говорить о существовании третьей основной, помимо когнитивной и коммуникативной, интерпретирующей функции языка, см.: [Ibid. cit.]. Сознание, как определял его Д. Деннет, – это особого рода психическая деятельность, связанная с интерпретацией информации, которая поступает в мозг из внешнего мира и от самого организма. Он также специально подчеркивал, что каждая такая интерпретация гипотетична и может мгновенно меняться на другую, в большей степени соответствующую реальной ситуации [Dennett 1991: 111]. Как бы продолжая эту мысль, В.З. Демьянков пишет о непрерывном процессе развития когнитивных способностей и сознания человека, который предполагает не только систематизацию полученных знаний, но и их обновление в ходе интерпретационной деятельности, поскольку «когниция и интерпретация рядоположены» [Демьянков 1994: 27].

Учитывая коллективно-индивидуальный характер интерпретации, можно говорить и о соответствующих **типах когнитивных доминант** в языковом сознании: общих и частных. Общие, коллективные, или конвенциональные, доминанты, в свою очередь, могут подразделяться

на территориальные, социумные, профессиональные, ценностные и т. д., которые в языковой деятельности обнаруживаются в использовании имен концептов и категорий, характерных для коллективного сознания соответствующих групп. Частные, индивидуальные, или субъективные, доминанты как личностные конструкторы (в терминологии Дж. Келли [Келли 2000]), сквозь призму которых конкретный человек воспринимает, осмысливает и интерпретирует мир и знания о нем, проявляются в выборе фокуса, аспекта осмысления, когнитивных и языковых механизмов формирования смысла и конкретных языковых единиц для его передачи.

В качестве общих когнитивных доминант при конфигурировании содержания в языке обычно используются различные образные схемы: часть – целое, контейнер, верх – низ, источник – путь – цель, фигура – фон и т. п.; их отдельные элементы: внутренние или внешние границы, траектория, внутреннее пространство; структура концептуально-тематических областей, лексических, грамматических, модальных концептов и категорий, оценочные концепты, категории, целевые установки, стереотипы, сложные пропозиции, логические, ассоциативные, метафорические и метонимические связи, таксономии и иерархии, частные системы категоризации, например, различные классификации продуктов, напитков, лекарств.

В индивидуальных когнитивных системах коммуникантов на основе коллективного знания и личного опыта познания мира эти схемы конкретизируются, а семантика лексем приобретает определенную специфику. В процессе коммуникации могут высвечиваться разные фрагменты личного опыта и, соответственно, разные характеристики предметов, не предусмотренные семантикой этого слова в системе языка, а также их индивидуальная оценка. Так, например, глаголы действия могут передавать процессы или состояния, а процессуальные глаголы или глаголы состояния, напротив, – конкретные действия: *A bell rang in the corridor, doors slammed and voices rose in anger; It struck Adrian as Roscoe Tanner struck a tennis ball, but how it struck him as a plan he couldn't say; I found the remote in the folds of the bedding and muted the television; Включилась сирена, захлопали двери, донеслись испуганные голоса; Я не могу сказать, как конкретно мне пришел в голову этот план; Он нашел пульт и заглушил телевизор.*

Эту же функцию выполняют авторские метафоры и образные сравнения, другие стилистические приемы: *Москва златоглавая; черно-белая зима; серебряный звон бубенцов; кричащая тишина; человек-праздник;*

*Чему бы грабли ни учили, а сердце верит в красоту; **Silence filled the room again and it seemed so loud...**; It was a place where the interior would rival the exterior **as an eyesore**; He and I seem **to be in the same boat**; The scientist **stuck to his guns**, and declared that he himself was on the eve of success in his experiments; Soon **the bottom dropped out of the economy** and investors in independent films grew **as scarce as street parking** outside the Ivy. С учетом того, что для современного поколения молодежи характерна переориентация с коллективных ценностей на индивидуальные, можно столкнуться и с тем, что для кого-то *Большой театр* ассоциируется с размером, а *Белый дом* – с цветом.*

Таким образом, обязательная структурированность языкового сознания, его интерпретирующий характер предполагают градацию его элементов по доминантной значимости с точки зрения коллективного и индивидуального знания, что свидетельствует о доминантном принципе организации языкового сознания в целом.

Литература

Болдырев Н.Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. II. С. 36-44.

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах, категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5-12.

Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXIV. С. 35-48.

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXVIII. С. 20-81.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17-33.

Келли Дж.А. Теория личности. СПб.: Речь, 2000.

Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К. Языковое абстрагирование в наименованиях категорий // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2007. № 2.

Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. М.: Радуга, 1983. С. 90-101.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52-92.

Чейф У. Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 12. Прикладная лингвистика. М.: Радуга, 1983. С. 35-73.

Barsalou L.W. The Human Conceptual System // The Cambridge Handbook of Psycholinguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 239-258.

Dennett D. Consciousness Explained. N.Y.: Back Bay Books, 1991.

Langacker, R. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; N.Y.: Mouton de Gruyter, 1991.

McCune L. Meaning, Consciousness, and the Onset of Language // Meaning, Mind and Communication. Explorations in cognitive semiotics. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2016. P. 127-143.

Palmer S. E. The Nature of Perceptual Representation: An Examination of the Analog/Propositional Controversy // Theoretical Issues in Natural Language Processing. Arlington, Va.: Tinslap Press, 1975. P. 151-159.

Pylyshyn Z.W. What the Mind's Eye Tells the Mind's Brain: A Critique of Mental Imagery // Psychological Bulletin. 1973. No. 80. P. 1-24.

Rosch E.H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 27-48.

Talmy L. The Relation of Grammar to Cognition // Topics in Cognitive Linguistics. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 165-205.

*N.N. Boldyrev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov state university*

DOMINANT PRINCIPLE OF LINGUISTIC COGNITION ORGANIZATION

The author analyses forms of linguistic cognition as dominant cognitive structures in linguistic cognition of the world. These structures are used for mental construal of the world and for primary and secondary interpretation of it. These are the concepts and categories of the basic level of representation of knowledge in language, their structure and links, as well as their names which serve as intra-language reference points. Among these dominant structures

are also cognitive models and schemas of conceptualization and linguistic interpretation of variety of objects, their characteristics and of conventional knowledge about them.

Key words: dominant principle, cognitive model, linguistic cognition, concept, category, schema.

О.Д. Вишнякова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ol-vish@mail.ru*

О РОЛИ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АКТА МЫСЛИ

Семантическая континуальность знаковых структур обусловлена бесконечным характером познавательного процесса и непрерывностью конструирования концептуальной системы человека, неотъемлемая часть которой – языковое знание, находящее репрезентацию на уровне концептов и различных способов их воплощения посредством языковых знаков. Процесс взаимодействия лингвистической семиотики и семиотической концептологии рассматривается на примере изучения полифункциональных явлений в английском языке.

Ключевые слова: языковой знак, концепт, концептуальная система, языковое знание, полифункциональные единицы.

Язык как «средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [Кубрякова 2004: 9] выступает в качестве семиотической системы первого порядка, знаки которой обладают способностью выражать и передавать обладающие динамическим характером значения [Geeraerts 2006: 4], репрезентирующие отраженные в человеческом сознании образы предметов и явлений окружающего мира, а также отношений внутри них и между ними. Организующую функцию языка по отношению к мышлению отмечал А.А. Потебня: «Язык есть необходимое условие мысли отдельного лица даже в полном уединении, потому что понятие образует только посредством слова, а без понятия невозможно

истинное мышление» [Потебня 1989: 40]. А.Ф. Лосев писал, что «специфический языковой знак есть не только акт мысли, но и акт определенного понимания тех или других актов мысли, той или другой *интерпретации акта мысли*» [Лосев 1982: 121], отмечая тот факт, что процесс функционирования языковых знаков непосредственно связан с материальным воплощением мыслительных процессов на уровне языка, представляющего «*действительность мысли*», данную человеку и используемую им «*непосредственно*» [Там же: 121-122]. Важным аспектом изучения роли языкового знака в представлении мыслительных процессов с диалектических позиций является проблема континуальности, «*бесконечной семантической валентности языкового знака*», соотносимой ученым с идеей о бесконечности мышления и отражения в нем действительности, «тоже всегда бесконечной и ничем не ограниченной» [Там же: 123].

Изучение особенностей языкового знака с точки зрения динамики мыслительных процессов и их вербального выражения требует обращения к области взаимодействия лингвистической семиотики и семиотической концептологии, в которой выявляется функционально-когнитивная специфика актуализации знаков естественного языка, обусловленная процессом реализации основных языковых функций. Обращение к миру концептов, отражающих содержание результатов познавательной деятельности человека, исследователи связывают с фактом обусловленного самим процессом познания непрерывного конструирования концептуальной системы, рассматриваемой в качестве «*постоянно присутствующего контекста употребления и понимания языковых выражений*» [Павиленис 1983: 120]. Концепты, выступая как развивающиеся динамические структуры, подлежат конструированию (интерпретации) в индивидуальной концептуальной системе на всех стадиях познания человеком окружающего мира, где естественный человеческий язык реализуется в качестве «кода для концептов и построенных из них структур» [Там же: 109]. Языковые знаки играют определяющую роль не только в процессе кодирования (фиксации на вербальном уровне) концепта, но и в процессах манипуляции и порождения новых концептуальных структур. Р.И. Павиленис пишет: «Кодирование концептов системы вербальными выражениями является не только предпосылку вербальной социальной коммуникации. Естественный язык, символически фиксируя определенные концепты концептуальной системы мира, дает возможность, *манипулируя... вербальными символами, манипулировать концептами системы*. Это значит строить

в ней в соответствии с фундаментальным принципом интерпретации новые концептуальные структуры, которые континуально, но опосредованно – через другие концепты и их структуры – соотносены с концептами, отражающими актуальный познавательный опыт индивида» [Там же: 113-114].

Процесс концептуализации в области анализа языковой системы как самостоятельного объекта исследования получил свое освещение в целом ряде работ, посвященных изучению знаний о мире и языке [Кубрякова 2004]. Языковое знание как результат познания человеком языковой системы, принципов и механизмов ее функционирования и т. д. выступает как часть концептуальной системы человека и является весьма неоднородным по своему содержанию [Болдырев 2009; Lombardo 1990]. Важным для данного исследования является тезис о взаимодействии различных типов языкового знания, представленном на уровне соответствующих концептуальных структур и репрезентирующих их языковых знаков. Отметим в этой связи и тот факт, что разные концептуальные структуры, относящиеся к одной концептуальной системе, могут быть представлены тождественными по форме знаками, что в процессе анализа находит отражение, например, в области полифункциональных языковых единиц [Гвишиани 1979; Тер-Минасова 1980]. Обращаясь к анализу категории репрезентации английского глагола, А.И. Смирницкий писал: «В одних глагольных формах процесс представляется только как процесс, текущий и продолжающийся во времени; в других формах процесс изображается в соединении с другими признаками, а именно – с известными именными моментами (именные формы): в них процесс, оставаясь процессом, может быть частично представлен как признак (причастие) или же частично опредмечен (инфинитив и герундий)» [Смирницкий 1959: 246]. В данном ряду находятся и рассмотренные нами словоформы на *-able*, выражающие модальные отношения и функционирующие в языке как емкие в семантическом плане своеобразные модальные причастия со значением возможности, с одной стороны, и как прилагательные в собственном смысле слова, с другой [Вишнякова 2013]. На этот факт также указывают исследователи, отмечающие особую морфосинтаксическую специфику реализации данных единиц [Александрова, Комова 2007: 74-75].

Важно подчеркнуть, что стоящая за данным морфологическим соотношением концептуальная структура, содержательно коррелирующая со значением возможности осуществления действия и находящаяся языко-

вую репрезентацию на уровне соответствующих знаков, характеризуется выявлением различных смысловых свойств данных знаков, совпадающих по форме и, вместе с тем, существенно различающихся по представлению интерпретирующих их знаковых ситуаций, которые, в свою очередь, могут рассматриваться как детерминанты для определения категориального статуса данных актуализированных языковых значений. В этом плане особую значимость приобретает вопрос о соотношении центральных и периферийных областей концептуальных структур и специфики их знаковой репрезентации в языке.

Таким образом, возвращаясь к указанным теоретическим положениям о *бесконечности семантических возможностей языкового знака*, а также *бесконечной семантической валентности всякой модальной категории*, выдвинутым А.Ф. Лосевым [Лосев 1982: 123], представляется необходимым еще раз подчеркнуть актуальность тезиса о взаимодействии концептуальных и лингвосомиотических аспектов языкового функционирования, находящем свою актуализацию в сфере изучения вопросов о способах репрезентации знаний о языке.

Литература

Александрова О.В., Комова Т.А. Современный английский язык: морфология и синтаксис. М.: Издательский центр «Академия», 2007.

Болдырев Н.Н. Проблемы исследования языкового знания // Когнитивные исследования языка. Вып. I. Концептуальный анализ языка: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 91-103.

Вишнякова О.Д. Существует ли «модальное причастие» в английском языке? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 3. С. 124-136.

Гвишиани Н.Б. Полифункциональные слова в языке и речи. М.: Высшая школа, 1979.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лосев А.Ф. О бесконечной смысловой валентности языкового знака // Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С. 114-124.

Павленис Р.И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Потебня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. М.: Изд-во «Правда», 1989. С. 17-200.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1959.

Тер-Минасова С. Г. Синтагматика речи: онтология и эвристика. М.: Изд-во МГУ, 1980.

Geeraerts D. Introduction. A rough guide to cognitive linguistics // Cognitive Linguistics: Basic Readings / Ed. by Dirk Geeraerts. Mouton de Gruyter, 2006. P. 1-28.

Lombardo L. A Non-reductionist View of Teaching language for Special purposes // The Learning and Teaching of a Lesser Used Language for Communication. Proceedings of the Symposium on The Teaching of Foreign Languages in European Universities. Florence, 14-16 December 1989. Edito nel 1990 dal Centro Linguistico di Atenco dell'Universita degli Studi di Firenze. P. 12-17.

*O.D. Vishnyakova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

ON THE ROLE OF A LINGUISTIC SIGN IN THE PROCESS OF THE ACT OF THOUGHT INTERPRETATION

The semantic continuity of semiotic structures is determined by the infinite nature of the process of cognition and the continuity of the individual's conceptual system construction, an integral part of which is linguistic knowledge, which is manifested at the level of concepts and various ways of their representation by means of linguistic signs. The process of interaction of linguistic semiotics and semiotic conceptology is investigated in terms of polyfunctional phenomena in the English language.

Key words: linguistic sign, concept, conceptual system, linguistic knowledge, polyfunctional units.

В.С. Григорьева (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный технический университет
grigoriewa@mail.ru

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА И ЕЕ РОЛЬ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ РЕЧЕВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

В статье рассматривается языковая интерпретация как составляющая часть речевого взаимодействия. Интерпретирующая функция языка как когнитивная способность человека обуславливает взаимопонимание и обеспечивает успешность речевого взаимодействия.

Ключевые слова: интерпретация, речевое взаимодействие, когнитивная функция, концептуальная система, речевое варьирование.

Активную роль в процессе извлечения информации и понимании смысла высказывания играет наряду с когнитивной и коммуникативной функцией интерпретирующая функция языка, осуществляемая в таких аспектах, как интерпретация объектов и событий за счет установления (конструирования) разных связей между теми или иными областями знаний. Отмечая неоднозначность понятия «интерпретация» в общелингвистических концепциях того времени, В.З. Демьянков указывает на двойную направленность интерпретационизма: 1) на объяснение фактов речи и языка через понятие интерпретации и 2) на выяснение механизмов интерпретации в общении (см.: [Демьянков 1989: 7]). Выделяя первичную и вторичную интерпретацию, Н.Н. Болдырев отмечает, что реализация первичной интерпретирующей функции языка осуществляется в таких аспектах, как интерпретация самих объектов и событий, а также их оценка в пределах той или иной области; интерпретация объектов и событий за счет установления (конструирования) разных связей между теми или иными областями; различные способы структурирования самой концептуально-тематической области (см.: [Болдырев 2015: 9]). Одну из главных ролей в организации речевого взаимодействия играет, на наш взгляд, вторичная, или субъективная, интерпретация, индивидуальная по своей сути, представляющая собой «интерпретацию коллективных знаний и коллективных когнитивных схем в индивидуальной концептуальной системе конкретного человека» [Там же: 10].

Интерпретирующая функция проявляется в разной структуре и содержании знаний коммуникантов как когнитивных схем восприятия и интерпретации мира и знаний о мире, и с этим непосредственно связано речевое варьирование. В результате соответствующего сопоставления комплексов знаний коммуникантами избираются адекватные, на их взгляд, актуальным дискурсивным условиям номинативные и коммуникативные стратегии и тактики взаимодействия. Прослушав некое высказывание или ряд высказываний, адресат, как правило, в первую очередь анализирует, **что** сказал коммуникант, определяет тему дискурсивного события, интерпретируя при этом номинативные единицы, избранные адресантом. Выбор определенных номинативных средств обуславливается параметрами коммуникативной ситуации. И задача адресата – понять, **почему** адресант выбрал именно данные номинации, что является одним из дальнейших шагов к пониманию смысла высказывания. Применяя определенные когнитивные механизмы, адресат определяет концептуальную сущность, номинированную в сообщении, и интерпретирует смысл высказываемого. И только после данной процедуры выбирает соответствующие языковые средства, способные передать его реакцию и интенцию на прослушанное им сообщение на разных языковых уровнях.

Понимание в дискурсе – процесс двусторонний, обусловленный как когнитивными способностями слушающего, так и когнитивными способностями говорящего. При организации диалога адресант ориентируется, прежде всего, на предполагаемые знания, мнения, установки, то есть на концептуальную систему адресата. В сознании инициатора диалога существует ментальная заготовка общего смысла создаваемой реализации как некое интуитивное представление. Аналогичная ментальная заготовка существует и в сознании адресата. В результате соответствующего сопоставления комплексов знаний интерактантами избираются адекватные, на их взгляд, актуальным дискурсивным условиям стратегии и тактики взаимодействия. Сопоставляя сказанное с коллективными знаниями о мире, используя имеющиеся у него как члена определенного лингвокультурного сообщества паттерны для обработки информации, адресат интерпретирует сказанное сквозь призму особенностей собственной индивидуальной картины мира и системы усвоенных им ценностей. Полученные сведения могут группироваться и классифицироваться в соответствии с прототипами у разных индивидуумов по-разному, что обусловлено разницей

в их комбинации, индивидуальными особенностями единичного объекта восприятия, спецификой сведений, которыми обладает адресат. «Каждое высказывание одновременно: а) недосказано, поскольку оно сообщает меньше, чем требовалось; б) избыточно, поскольку говорит больше, чем планировалось» [Демьянков 1989: 41].

Условием и проекцией сопряженного моделирования дискурса является сходство исходной референтной ситуации дискурса адресанта с некоторым мыслимым, предполагаемым образом референтной ситуации у адресата. Таким образом, в концептуальной системе инициатора диалога существуют не только знания конкретного предмета, события, представлений, о которых он намеревается сообщить, но и знания о предполагаемой концептуальной системе собеседника, о нем самом, его личностных качествах, социокультурных, этнокультурных, языковых особенностях. Иначе говоря, роль адресанта в понимании смысла продуцируемого дискурса адресатом не менее важна, чем роль самого слушающего в декодировании смысла высказываемого. Для полного понимания речи говорящего необходимо концептуальное совпадение уровня языковых знаний адресанта и адресата в соответствии с темой обсуждения, то есть одним из условий кооперативности в диалоге является концептуальное согласование на уровне языковой и тематической, социокультурной и других координат. Отсутствие данного согласования может происходить как по вине адресанта, так и по вине адресата.

В индивидуальных когнитивных системах коммуникантов на основе коллективного знания и личного опыта познания мира семантика лексем приобретает определенную специфику. В процессе коммуникации могут высвечиваться разные фрагменты личного опыта и, соответственно, разные характеристики предметов, не предусмотренные семантикой этого слова в системе языка. Приведем примеры с фокусированием внимания адресата на том концепте, содержание которого у него не совпадает с содержанием концепта адресанта. «*Wir hielten. Ich stieg aus und sah meinen Feind fest an. «Sie müssen doch zugeben, dass der Wagen sich wie Butter fährt, Herr Blumenthal». «Was heißt schon Butter, junger Mann», entgegnete er sonderbar freundlich, «wenn die Steuern einen auffressen. Der Wagen kostet zu viel Steuern. Ihnen gesagt». «Herr Blumenthal», sagte ich, bestrebt, den Ton festzuhalten, «Sie sind Geschäftsmann, zu Ihnen kann ich, aufrichtig reden. Das sind keine Steuern, das sind Spesen. Sagen Sie selbst, was erfordert ein Geschäft denn heute? Sie wissen es – nicht mehr*

Kapital wie früher – Kredit braucht es! Und wie kriegt man Kredit? Immer noch durchs Auftreten. Ein Cadillac ist solide und flott – behäbig, aber nicht altmodisch – gesundes Bürgertum, er ist die lebendige Reklame fürs Geschäft» (E. Remarque). Аналогично в русском языке: «Зина! Я купил этому прохвосту краковской колбасы на один рубль сорок копеек. Потрудитесь накормить его, когда его перестанет тошнить. < > – Кра-ковской! Господи, да ему надо было купить на двугривенный в мясной обрезков. Краковскую колбасу я сама лучше съем. – Только попробуй. Я тебе съем! Это отравка для человеческого желудка. Взрослая девушка, а, как ребенок, тащит в рот всякую гадость. Не смей! Предупреждаю: ни я, ни доктор Борменталь не будем с тобой возиться, когда у тебя схватит живот» (М. Булгаков). В приведенных примерах используется повтор ключевых слов: *Butter*, *Steuern*, *краковской колбасы*, репрезентирующих концепты адресантов, имеющих иное содержание в концептуальной системе адресатов. Концепт КРАКОВСКАЯ КОЛБАСА для Зины – продукт, предназначенный для людей, а не для собак. Концепт STEUERN также имеет различия в содержательном отношении у продавца и покупателя машины. Налоги, которые надо платить за такую машину, как «Кадиллак», это не налоги, а расходы, в понимании продавца, поскольку «Кадиллак» – живая реклама для бизнеса.

Таким образом, интерпретирующая функция языка позволяет по-новому рассмотреть проблему понимания в речевом взаимодействии. В контексте трех функций языка, когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей, понимание предполагает наличие у коммуникантов системы знаний для процедур расшифровки значения языковых единиц и истолкования смыслов дискурсивных высказываний. Интерпретирующий потенциал формата дискурсивных жанров обуславливает возможность разного осмысления репрезентируемых адресантом событий в рамках концептуальной системы адресата. Таким образом, понимание – это специфический способ освоения и познания внешнего и внутреннего мира человеческой реальности. Понимание обеспечивает установление связи раскрываемых новых свойств объекта познания с уже известными субъекту, формирование операционного смысла новых свойств объекта и определение их места и роли в структуре мыслительной деятельности. Воспринимаемая адресатом информация накладывается на имеющиеся в его картине мира знания. Речевое взаимодействие не ограничивается «прочтением» данной информации.

Реципиент должен понять вкладываемый информантом в это высказывание смысл. И не исключено, что смысл, который извлекает информант из сообщения говорящего, может частично и даже вовсе не соответствовать смыслу, вкладываемому говорящим. Таким образом, при осуществлении речевого взаимодействия задача адресата – адекватно воспринять передаваемую информацию, а задача адресанта – выбрать концептуальные характеристики соответствующих координат, наиболее оптимально выражающие его намерение. В процессе общения постоянно происходит пополнение и изменение знаний говорящего и слушающего. Таким образом, когнитивно-дискурсивный анализ исходного текста, когнитивных механизмов интерпретирующей функции языка обуславливает наиболее точное понимание смысла высказываемого и обеспечивает успешность речевого взаимодействия.

Литература

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1. С. 5-12.

Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989.

*V.S. Grigorieva (Tambov, Russia)
Tambov State Technical University*

THE INTERPRETATIVE FUNCTION OF LANGUAGE AND ITS ROLE IN THE IMPLEMENTATION OF VERBAL INTERACTION

The article considers linguistic interpretation as an integral part of speech interaction. The interpretive function of language as individual's cognitive ability determines mutual understanding and ensures the success of speech interaction.

Key words: interpretation, speech interaction, cognitive function, conceptual system, speech variation.

В.З. Демьянков (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН

КОГНИТИВНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ ЗАДАТКИ И СПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Наблюдения над употреблением терминов *cognitive capacity*, *cognitive capabilities* и *cognitive ability* приводят к выводам о методологии когнитивно-лингвистического исследования, исходящего из существования принципиально ненаблюдаемых «когнитивных задатков», гипотетически устанавливаемые механизмы которых объясняют наблюдаемые явления в употреблении языка.

Ключевые слова: когнитивные задатки, когнитивные способности, употребление языка, методология когнитивно-лингвистического исследования.

Есть два типа когнитивных возможностей человека: то, что по-английски называется *cognitive capacities* («когнитивные задатки»: «врожденные анатомо-физиологические особенности нервной системы, мозга, которые составляют природную основу развития способностей» – как учат учебники психологии) и *cognitive abilities* («когнитивные способности»). При всем их сходстве об этих двух понятиях говорят все-таки по-разному, ср.: «Having the capacity to do so-and-so is not the same as knowing how to do so-and-so; in particular, there is a crucial intellectual component in “knowing how”. We might distinguish further between what one is able to do at will and what falls within one's capacity, though we cannot do it at will» [Chomsky 1980: 4-5].

Когнитивные задатки, – главной ареной применения которых является человеческий язык [Н. Putnam 1975: 215] – связаны с тем, что заложено в человеке. О них говорят как о том, что в какой-то степени проявляется в более или менее разумном поведении человека, но что не дано прямо, что нельзя просто «пощупать».

Любой человеческий язык, по определению, подчиняется законам человеческих когнитивных задатков [Baker 1993: 13], а именно, того класса, который отвечает за язык (ср.: «one faculty of mind, the language capacity» [Chomsky 1980: 4]). Когнитивные задатки не ограничиваются чисто языковыми аспектами, они отвечают не только за построение пра-

вильных предложений, но и за логически связную аргументацию, за прогноз и обобщения, за интуитивные заключения. Проявлены они и в следовании правилам и договоренностям различного рода [Halle 1978: 302-303]. Реализованные в общении с другими людьми, когнитивные задатки приобретают статус когнитивной компетенции (*cognitive competence*), о чем см. [Демьянков 2018]. Можно сказать, что задатки – «предкомпетенция», компетенция в зародыше, а реализованная способность – компетентность в некоторой области, важной для человека как члена общества.

Очень похож термин *capacity* на термин *capability*, также нередко употребляемый в гуманитарных исследованиях: мыслительные способности (*thought capabilities*) как «понятия, формируемые при случае», отличаются от «обычного образа мышления» (*thinking habits*) как «понятия, которыми мы привыкли пользоваться» (*we customarily use*) [Denny 1978: 71].

В «докогнитивную» эпоху часто предполагалось, что семантические структуры конкретных языков никак не сказываются на наших когнитивных задатках (Там же). Когда об искусственном интеллекте заговорили как о моделировании или имитации человеческих когнитивных способностей [Searle 1986: 272], выяснилось, что исследователи далеко не всегда готовы выложить на стол полный реестр таких когнитивных задатков.

В немецком тексте одной статьи Ф. Варела походя замечает: «Фоновое предположение, что когнитивные способности неразрывно связаны с прожитой историей, подобно тому положению, что дорога не существует сама по себе, а прокладывается по мере хождения по ней» («Grundvorstellung ist also, daß kognitive Fähigkeiten untrennbar verknüpft sind mit einer gelebten Geschichte, ähnlich wie ein Weg nicht existiert, sondern im Wandern eingeschlagen wird») [Varela 1991: 103]. Соответственно, когниция представляется не как решение задач, связанных с репрезентацией, а как креативное создание мира, на чем и основано существование системы (Там же).

Иногда все множество когнитивных задатков в широком смысле, составляющих умственные способности (*mindedness*), делят на два класса: умение ощущать (*sentience*) и разумность (*sapience*) [Brandom 1995: 159]. При этом предполагают, что умением ощущать обладают и бессловесные твари. Разумность же – включающая умение строить выводы и заключения, а также доискиваться до истины – исключительно человеческое свойство, среди прочего, она обладает социальным измерением (Там же: 160): даже элементарные логические заключения человека явно или скрыто

указывают на то, для кого такой вывод существенен и кому нужно, чтобы данная пропозиция отражала истину. Упрощая дело: мы не просто что-то знаем или умозаключаем, но еще и догадываемся, кому выгодно, чтобы это было так и чтобы мы это знали. Даже Фемида одним своим слепым глазом косит на публику. Мы можем принципиально говорить правду, при этом осознавая, кому мы своей правдивостью можем нанести ущерб или доставить удовольствие: «Дважды два – четыре, в крайнем случае – четыре с половиной, но не пять». Иначе говоря, когнитивные задатки связаны с тем, что информация всегда воспринимается и подается под аккомпанемент сведений о том, как, когда и с какой целью социально значимые действия могут выполняться, ср. [Chierchia 1995: xi].

Умение ощущать связано с тем, что в иных концепциях связывают с «когнитивно-перцептивными» задатками, которые сказываются на иерархических свойствах «естественных категорий», на пространственных характеристиках воспринимаемого человеком мира и на зрительном восприятии человека, см. [Andersen 1978: 345-346].

Когнитивные способности (cognitive abilities) человека – то, что по ходу наблюдения констатируется в поведении человека, а исследователем оценивается как проявление скрытых (возможно, и не всех) его задатков. Способности связаны с тем, что реализовано, наблюдалось в тех или иных обстоятельствах – в общении, в решении интеллектуальных задач и т. п. Именно этот аспект имеют в виду, когда говорят, что задача компьютерной лингвистики как раздела искусственного интеллекта – имитировать (или моделировать) человеческие когнитивные способности (investigation and modeling of a cognitive ability [Halvorsen 1988: 202]), а при этом в фокусе внимания все-таки находятся когнитивные задатки (Там же). То есть, проводя наблюдения над реальными явлениями, думают об их скрытых источниках – задатках – чтобы сделать обобщения. Однако тактики объяснения связей между задатками и способностями как в когнитивной психологии [Eysenck 1995: 81], так и в когнитивной лингвистике бывают разными [Berry et al. 1992: 112-116].

Литература

Демьянков В.З. Коммуникативное знание в когнитивной и коммуникативной компетенциях // Когнитивные исследования языка. Выпуск 34. COGNITIO и COMMUNICATIO в современном глобальном мире: Мате-

риалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике 10-12 октября 2018 года. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.П. Державина, 2018. 52-55.

Andersen E.S. Lexical universals of body-part terminology // *Universals of human language: Vol.3. Word structure* / Edit. by Greenberg J. Stanford (California): Stanford University Press, 1978. 335-368.

Baker M.C. Noun in corporation and the nature of linguistic representation // *The role of theory in language description* / Edit. by Foley W.A. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1993. P. 13-44.

Berry J.W., Poortinga Y.H., Segall M.H., Dasen P.R. Cross-cultural psychology: Research and applications. Cambr.: Cambr. UP, 1992.

Brandom R. Reasoning and representing // *Philosophy in mind: The place of philosophy in the study of mind* / Edit. by Michaelis M., O'Leary-Hawthorn J. Dordrecht etc.: Kluwer Academic Publishers, 1995. P. 159-178.

Chierchia G. Dynamics of meaning: Anaphora, presupposition, and the theory of grammar. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1995.

Chomsky N. Rules and representations. New York: Columbia University Press, 1980.

Denny J.P. Locating the universals in lexical systems for spatial deixis // *Papers from the parasession on the lexicon* / Edit. by Farkas D. et al. Chicago: Chicago Linguistic Society, 1978. P. 71-84.

Eysenck H.J. Genius: The natural history of creativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Halvorsen P.-K. Computer applications of linguistic theory // *Linguistic theory: Extensions and implications* / Edit. by Newmeyer F.J. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1988. P. 198-219.

Halle M. Knowledge unlearned and untaught: What speakers know about the sounds of their language // *Linguistic theory and psychological reality* / Edit. by Halle M. et al. Cambridge (Massachusetts); London: Massachusetts Institute of Technology, 1978. P. 294-303.

Putnam H. Mind, language and reality: Philosophical papers. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 1975. Vol. 2.

Searle J.R. Minds, brains, and programs // *The tradition of philosophy* / Edit. by Hall H., Bowie N.E. Belmont (California): Wadsworth, 1986. P. 272-285.

Varela F.J. Über die Natur und die Natur des Erkennens // *Formen des Konstruktivismus in Diskussion: Materialien zu den Acht Vorlesungen über*

den Konstruktiven Realismus / Hg. von Peschl M.F. Wien: Wiener Universität, 1991. P. 88-107.

V.Z. Demyankov (Moscow, Russia)
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

HUMAN COGNITIVE LINGUISTIC CAPACITY AND ABILITY

The way the terms *cognitive capacity*, *cognitive capabilities* and *cognitive ability* are used in cognitive-linguistic writings indicate some important principles of cognitive-linguistic investigation. Cognitive capacities may not be directly observed, unlike cognitive abilities, which represent them in the real language use.

Key words: cognitive capacity, cognitive ability, language use, cognitive-linguistic methodology.

Д.Д. Дондоков (Санкт-Петербург, Россия)
*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена
d.dorzhi@yahoo.com*

ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКОНА КИТАЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ WEIBO

В статье рассматриваются особенности лексикона китайской языковой личности в социальной сети Weibo. Кроме этого, резюмируются лингвостилистические особенности китаеязычного интернет-дискурса (морфологические, синтаксические, стилистические). Автор заключает, что коллоквиализация и экспрессия являются одними из основных свойств коммуникации в социальных сетях.

Ключевые слова: антропоцентризм, языковая личность, интернет-дискурс, социальные сети, Weibo.

Одной из характеристик современной научной, в том числе и лингвистической, парадигмы многими учеными называется антропоцентризм

(в китайских источниках – 人类中心论、人类中心主义). Следовательно, понятие «языковая личность» можно назвать одним из ключевых понятий антропоцентрической лингвистики.

В.В. Красных определяет языковую личность как личность, проявляющую себя в речевой деятельности, обладающую определенной совокупностью знаний и представлений [Красных 2003: 51]. Ю.Н. Караулов выделяет в структуре языковой личности три уровня, одним из которых является лексикон [Караулов 2010: 238].

По свидетельствам китайских ученых, носители языка с удивлением обнаружили, что в социальных сетях, в том числе и в Weibo, слова из диалектов, которые не могли быть использованы в путунхуа (стандартизованы), могут заменяться омофонами и паронимами. Однако встречаются и языковые личности, которые ведут свои социальные сети на диалектах. По количеству и популярности в Weibo лидируют тексты на кантонском и шанхайском диалектах [牟岩, 王南冰 2013: 23].

Для интернет-дискурса в целом и для социальных сетей в частности характерно отклонение от языковых норм, исключением не является и китаезычный дискурс. В социальных сетях часто встречается ненормативное употребление иероглифов: например, 孩纸 háizhǐ вместо 孩子 háizi «ребенок», 妹纸 mèizhǐ вместо 妹子 «младшая сестра», 神马 shénmǎ, 虾米 xiāmǐ вместо 什么 shénme «что, какой», 偶 ǒu вместо 我 wǒ «я», 童鞋 tóngxié вместо 同学 tóngxué «одноклассник, одноклассник», 稀饭 xī fàn вместо 喜欢 xǐhuan «нравиться», 木有 mùyou вместо 没有 méiyǒu «нет, не иметь», 帅锅 shuàiguō вместо 帅哥 shuàigē «красавчик, молодой человек», 酱紫 jiàngzǐ вместо 这样 zhèyàngzi «такой, так», 银 yín вместо 人 rén, 灰常 huīcháng вместо 非常 fēicháng «чрезвычайно», 表嘛 biǎoma вместо 不要嘛 bùyàoма «не нужно», 霉女 méinǚ вместо 美女 měinǚ «красавица, девушка», 口耐 kǒunài вместо 可爱 kě ài «милый, симпатичный», 肿么 zhǒngme вместо 怎么 zěnmē «как», 笑shi xiàoshi вместо 笑死 xiào sǐ «смеяться до упаду», 鸡冻 jī dòng вместо 激动 jī dòng, 菌男 jūn nán вместо 俊男 jùnnán «красивый парень». Частота употребления вышеназванных лексических единиц подтверждается данными сегмента Weibo корпуса китайского языка Пекинского лингвистического университета: 孩纸 – 15 923 токенов, 妹纸 – 30 435 токенов, 神马 – 72 276 токенов, 虾米 – 47 512 токенов, 童鞋 – 40 614 токенов, 稀饭 – 8820 токенов, 木有 – 111 675 токенов, 锅锅 – 2247 токенов, 酱紫 – 3343 токена, 灰常 – 13 918 токенов, 表嘛 – 17 токенов, 霉女 méinǚ – 153 токена, 口耐 –

422 токена, 肿么 – 38 844 токена, 笑shi – 459 токенов, 鸡冻 – 2876 токенов, 菌男 – 27 токенов [BCC].

Некоторые лексические единицы используются в интернет-дискурсе не в исходном значении, например, 微生物 «микроорганизм» в значении 微博玩家 «пользователь Weibo», 汗 «потеть» в значении 惭愧 «стыдиться», 寒 «дрожать» в значении 吃惊 «испугаться», 打酱油 «покупать соевый соус» в значении 路过 «проходить», 猪头 «голова свиньи» в значении 笨蛋 «глупец», 囧 «светлый» в значении 无奈 «безысходный» [黄星 2014: 127]. К такого рода лексическим единицам можно отнести и часто используемую в Weibo лексическую единицу 吐槽 «насмехаться».

Одной из особенностей текстов социальных сетей считается экономия речевых средств, соответствующая правилам разговорного стиля в письменной коммуникации [Сидорова 2014: 154]. Ввиду ограниченно-го набора знаков в микроблогах в Weibo часто встречается аббревиация, в том числе и буквенная (по первым буквам пиньиня), например, TMD, относится к инвективной лексике.

Пользователи социальных сетей, делясь записью и выражая свое отношение к прочитанному, часто комментируют: 赞 «лайк, класс, нравится», 有理 «верно, ты прав», 顶你 «поддерживаю» и т. д.

Ли Кайто и Люй Чаонань пишут, что китайские исследователи вычислили частотность употребления местоимений в Weibo: частотность употребления личных местоимений 你 (ты) и 我 (я) составляет 1,64 и 1,62 % соответственно, частотность употребления личного местоимения 他 (он) равна 0,7 %, 她 (она) – 0,17 %, 你们 (вы) – 0,09 %, 它 (эквивалентно английскому it) – 0,05 %. Частотность употребления указательных местоимений 这 (это) и 那 (то) составляет 0,39 и 0,17 % соответственно [李开拓, 吕超男 2016: 27-28]. Следует предположить, что превалирование личных местоимений второго лица позволяет говорить о высокой степени адресованности текстов социальных сетей.

Чэн Айся проведен анализ употребления стилистических приемов в Weibo. В качестве языкового материала автором были отобраны 100 популярных микроблогов на первое число каждого месяца с августа 2013 года по январь 2014 года, всего 600 микроблогов. Из 600 микроблогов 233 содержали стилистические приемы (39 %). Параллелизм оказался наиболее употребительным приемом (26 микроблогов), также в микроблогах использовались метафора (18 микроблогов), сравнение (9 микроблогов), гиперболы (9 микроблогов), олицетворение (8 микроблогов),

антитеза (6 микроблогов), риторический вопрос (5 микроблогов), повтор (4 микроблога), антифраза (3 микроблога), метонимия (2 примера) и др. [程爱侠 2014: 145].

И.Г. Сидорова в качестве особенностей синтаксиса текстов социальных сетей отмечает преобладание простых нераспространенных предложений, чаще неполных [Сидорова 2014: 158]. Данная особенность распространяется и на китайязычный дискурс социальных сетей. Статистические исследования корпуса текстов, состоящего из 100 микроблогов на Sina Weibo и 网易微博, опубликованных 9 августа 2012 г., отобранных путем случайной выборки, показывают, что среди 201 предложения 65 односоставных без подлежащего [蔡善文 2013: 63].

Вышеперечисленные лексические и синтаксические особенности текстов социальных сетей позволяют говорить о коллоквиализации (данная черта справедливо определяется А.А. Матусевич как одна из особенностей коммуникации в условиях компьютерно-опосредованного дискурса социальной сети [Матусевич 2016: 106]), а стилистические средства – об экспрессивности общения в социальных сетях. К аналогичным выводам приходит и Си Шули, которая называет основными лингвистическими особенностями текстов Weibo краткость, тенденцию к разговорному стилю и поликодовость [席淑丽 2013: 56].

Литература

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

Матусевич А.А. Общение в социальных сетях: прагматический, коммуникативный, лингвостилистический аспекты характеристики: дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2017.

Сидорова И.Г. Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса: сайт, блог, социальная сеть, комментарий: дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2014.

ВСС. Корпус китайского языка Пекинского лингвистического университета.

蔡善文. 中文微博语言的功能文体分析 // 广州航海学院学报. 2013. № 3. С. 61-64.

- 程爱侠. 微博语言中修辞手法的应用分析 // 现代语文. 2014. № 7. С. 145-147.
- 黄星. 微博用语的解读 // 海南大学学报人文社会科学版. 2014. № 2. С. 127-130.
- 李开拓, 吕超男. 手机微博语言语用特征综论 // 北华大学学报 (社会科学版). 2016. № 5. С. 25-32.
- 牟岩, 王南冰. 方言微博语言文化浅析 // 北华大学学报 (社会科学版). 2013. № 6. С. 23-26.
- 席淑丽. “微时代”环境下微博语言的语用研究 // 山西高等学校社会科学学报. 2013. № 8. С. 55-58.

*D.D. Dondokov (Saint-Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

LEXICON PECULIARITIES OF CHINESE LANGUAGE IDENTITY IN SINA WEIBO

The paper touches upon lexicon peculiarities of Chinese language identity. Besides, it resumes linguo-stylistic (morphological, syntactic, stylistic) peculiarities of Chinese Internet discourse. The author comes to a conclusion that colloquialization and expression are one of main characteristics of communication in social media.

Key words: anthropocentrism, language identity, internet discourse, social media, Sina Weibo.

*E.V. Erofeeva, L.V. Pahomov (Perm, Russia)
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
elenerofee@gmail.com, pahomov_l@mail.ru*

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА: СУЩНОСТЬ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

Под метафорическим пространством дискурса понимается часть семантического пространства дискурса, образуемая сложными взаимо-

отношениями семантических пространств внутри области-источника и области-мишени и между этих областей во всем множестве метафор дискурса. Подходы к моделированию метафорического пространства дискурса демонстрируются на примере вокально-педагогического дискурса.

Ключевые слова: когнитивная метафора, дискурс, метафорическое пространство дискурса, вокально-педагогический дискурс, моделирование.

Когнитивная метафоризация – это механизм человеческого мышления, связывающий отдельные концептуальные сферы и позволяющий организовать результаты опыта в единое целое [Лакофф 2004; Fauconnier, Turner 2002; Lakoff, Johnson 1980; и др.]. Изучение механизмов метафоризации позволяет исследовать языковое и неязыковое сознание человека в целом и когнитивные процессы, связанные с отражением и осмыслением окружающей действительности.

Метафора как результат метафоризации может быть закреплена в языковой форме; в таком случае концептуальная область-источник и область-мишень фиксируются в определенных языковых значениях и/или семантических полях. Метафора контекстуально зависима, и контексты употребления метафоры обычно связаны с определенным типом дискурса. Анализ разных видов дискурсов показывает, что им присущи специфические особенности, в том числе и с точки зрения организации системы метафор [Мишланова, Уткина 2008; Чудинов 2013 и мн. др.].

Когнитивные модели (пропозициональные, схематические модели образов, метафорические и метонимические модели) структурируют ментальные пространства. В роли когнитивных моделей выступают ментальные сущности, причем «сущность в одном пространстве может быть связана с другими сущностями в других пространствах коннекторами» [Lakoff, Johnson 1980]. Такое понимание ментальных пространств позволяет выделить необходимые качества пространства: наличие структурирующих элементов (когнитивных моделей), системность и взаимосвязь этих элементов.

Своеобразным «пространством», унифицирующим метафорические модели в дискурсе, является метафорическая схема дискурса, рассматриваемая как совокупность устойчивого сочетания базовых метафорических моделей и их количественных показателей, которые объединяют все выявленные в том или ином дискурсе метафоры [Мишланова,

Уткина 2008]. Метафорическая схема дискурса – это конструкт, позволяющий единообразно описывать наиболее глубинные свойства метафорических переносов в дискурсах различного типа, поскольку для всех типов дискурса в ней выделяются одни и те же базовые модели, различия только их частотность. Однако не во всех случаях требуется такая степень абстракции. Напротив, довольно часто необходимо продемонстрировать своеобразие метафоризации в дискурсе одного типа по отношению к прочим, поэтому при описании метафорических структур целесообразно также ввести понятие «метафорическое пространство дискурса».

Метафорическое пространство дискурса является частью семантического пространства дискурса. Структурообразующими компонентами метафорического пространства дискурса являются: 1) системно организованная совокупность метафор определенного типа дискурса; 2) набор взаимосвязанных фреймов области-источника системы метафор дискурса; 3) набор взаимосвязанных фреймов области-мишени системы метафор дискурса; 4) иерархия объемов слотов и фреймов области-источника и области-мишени, показывающая наиболее типичные семантические области, включенные в метафорический перенос; 5) сила связи между слотами и фреймами, принадлежащими области-мишени и области-источнику метафор дискурса, определяющая типичность метафорических переносов; 6) набор взаимосвязанных между собой слотов фреймов, принадлежащих области-источнику системы метафор дискурса; 7) набор взаимосвязанных между собой слотов фреймов, принадлежащих области-мишени системы метафор дискурса; 8) типичные композиции слотов, принадлежащих области-источнику и области-мишени системы метафор дискурса.

Моделирование метафорического пространства дискурса проводится на примере вокально-педагогического дискурса – разновидности педагогического дискурса, основным предметом которого является постановка голоса певца. Сохраняя общие свойства педагогического дискурса (такие как участники, хронотоп, цели, стратегии), вокально-педагогический дискурс характеризуется короткой дистанцией между преподавателем и учеником, преобладанием личностно-ориентированного общения, наличием эталона правильного пения, в зависимости от которого ставятся цели, задачи и оценивается деятельность учащегося. Употребление метафор в практике преподавания вокала обусловлено спецификой дискурса: метафора в данном типе дискурса используется как эффективное средство описания и объяснения действий вокалиста.

Исследование метафор в вокально-педагогическом дискурсе проводилось в период 2013–2015 гг. Были проанализированы 8 аудиозаписей занятий по сольному пению (общий объем текстов – более 10 тыс. словоупотреблений). В качестве информантов были привлечены четыре преподавателя вокала кафедры сольного пения Пермского государственного института культуры.

Общее число метафор, выделенных в записанных уроках, составило 465 единиц (метафорических выражений). Особенность метафоры в вокально-педагогическом дискурсе состоит в том, что она практически всегда выражается не отдельным словом, а целым речевым выражением, включающим два слова или более, при этом преобладает предикативная метафора, поскольку задача педагога заключается в побуждении определенных ощущений и описании необходимых действий вокалиста в процессе постановки голоса.

Анализ соотношений фреймов и слотов области-источника и области-мишени выделенных метафор представлен в таблице.

**Таблица. Частота соотношений слотов фреймов
области-источника и области-мишени, абс.**

ФРЕЙМЫ И СЛОТЫ ОБЛАСТИ- ИСТОЧНИКА	ФРЕЙМЫ И СЛОТЫ ОБЛАСТИ-МИШЕНИ												
	АКУСТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА	Общее качество звука	Сила звука	Тембр	Регулярность волны	Воздушная среда	Высота звука	Темп	ФИЗИОЛОГИЯ ПЕНИЯ	Работа органа/органов	Положение органа/органов	Состояние органа/органов	Ощущение певца
ДЕЙСТВИЕ	323	63	22	121	16	46	36	19	385	169	145	47	24
Физиологич. действие	19	6	3	7		3			22	11	5	2	4
Интеллект. деятельность	4	1		3					2				2
Владение	4			1	1		2		8	2	4		2
Движение	40	4	1	13	1	7	12	2	38	12	24	1	1
Перемещение	40	4		13	3	15	4	1	52	14	36		2
Созидат. деятельность	13	6	1	2			2	2	14	6	7	1	

Физическое воздействие	66	6	6	<u>26</u>	5	10	8	5	109	<u>61</u>	<u>27</u>	18	3
Помещение	27	3		15	2	2	3	2	26	14	5	3	4
Качественное состояние	53	12	8	<u>20</u>	2	5	1	5	62	<u>20</u>	17	<u>20</u>	5
Фонация	40	19	1	14	1	2	1	2	31	17	14		
Социальная деятельность	17	2	2	7	1	2	3		21	12	6	2	1
ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЙСТВИЯ	345	65	28	129	15	49	38	21	410	178	153	53	26
Вещество	8			1	1	5	1		7	5	1		1
Части тела	43	1	5	<u>37</u>				1	127	<u>57</u>	<u>44</u>	<u>24</u>	2
Форма	32	6	2	18	3	2		1	46	7	<u>25</u>	5	9
Физический объект	22	8	1	11		1	1		24	9	5	1	9
Качество	20	9	1	5	1	1	2	1	14	6	1	7	
Состояние	72	11	11	5	9	<u>32</u>	2	2	81	<u>40</u>	<u>30</u>	9	2
Звук	108	<u>27</u>	3	<u>33</u>	1	3	<u>26</u>	15	62	<u>42</u>	14	5	1
Место	40	3	5	20		5	6	1	50	13	33	2	2
ВСЕГО	668	128	50	250	31	95	74	40	795	347	298	100	50

Модель метафорического пространства учитывает не только приведенные в таблице соотношения слотов области-источника и области-мишени, но и межфреймовые связи слотов как внутри области-источника, так и внутри области-мишени (см. рис.).

Модель метафорического пространства показывает, что наиболее значимыми композициями слотов в вокально-педагогическом дискурсе являются две: 1) [«физическое воздействие» – «части тела»] – «работа органов» и 2) «части тела» – [«тембр» – «положение органа»].

Рассмотренные композиции слотов области-источника и области-мишени задают «каркас» метафорического пространства вокально-педагогического дискурса, который отражает основной предмет данного дискурса. Соответственно, можно говорить о том, что метафорическое пространство дискурса обусловлено его предметом и формируется вокруг его наиболее типичных тем.

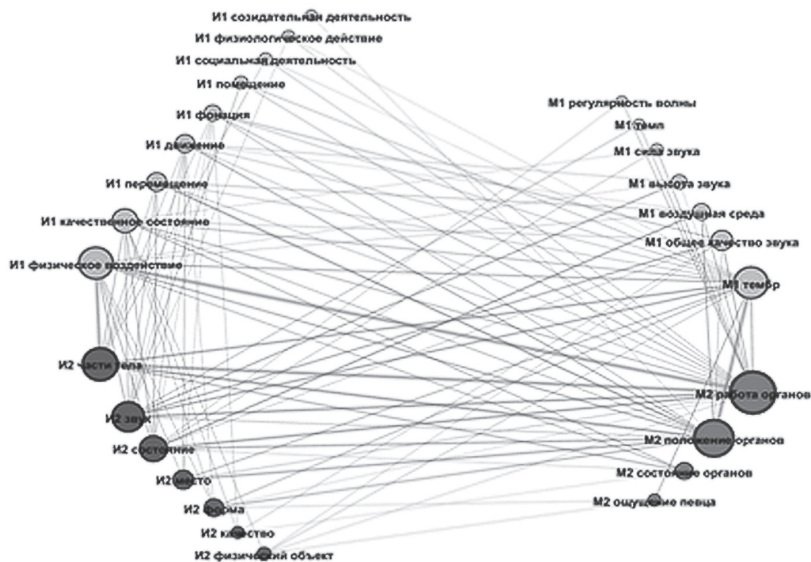

Рис. Модель метафорического пространства дискурса

Литература

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Мишланова С.Л., Уткина Т.И. Метафора в научно-популярном медицинском дискурсе (семиотический, когнитивно-коммуникативный, прагматический аспекты). Пермь: Перм. гос. ун-т, 2008. 428 с.

Чудинов А.П. Очерки по современной политической метафорологии. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. 176 с.

Fauconnier G., Turner M. The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002. 320 p.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago Press, 1980. 231 p.

*E.V. Erofeeva, L.V. Pakhomov (Perm, Russia)
Perm State University*

METAPHORICAL SPACE OF DISCOURSE: NATURE AND MODELING

Metaphoric space of discourse is understood as a part of the semantic space of discourse formed on the complex relationships between the semantic spaces of the source-area and the target-area as well as within these areas in the whole set of discourse metaphors. The approaches to modeling the metaphorical space of discourse and its model are demonstrated on the example of vocal-pedagogical discourse.

Key words: cognitive metaphor, discourse, metaphorical space of discourse, vocal-pedagogical discourse, modeling.

*В.И. Заботкина (Москва, Россия)
Российский государственный гуманитарный университет
zabotkina@rggu.ru*

СООТНОШЕНИЕ КОГНИЦИИ И ЭМОЦИИ В АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЕ

В статье рассматривается соотношение когниции и эмоции с точки зрения принципа антропоцентризма, являющегося методологической базой когнитивных исследований. Мы исходим из положения о том, что когниция эмоциогенна и всегда ситуативно/контекстно обусловлена. Мы утверждаем, что значительную роль в изучении взаимодействия когниции и эмоции играют культурологические ментальные схемы/модели, разрабатываемые в когнитивной антропологии. Анализ проводится в плане сопоставления креативности языковой личности с потенциалом креативности системы языка.

Ключевые слова: эмоция, когниция, антропоцентрический принцип, ментальные модели, креативность, лексикон.

Рассмотрение данного вопроса является чрезвычайно важным в контексте особого внимания, которое уделяется в последние годы изуче-

нию когнитивно-эмоциональных процессов во внутреннем мире человека [Велихов и др. 2018]. В рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в диаде «язык и человек» [Кубрякова 1995: 213]. Вслед за Е.С. Кубряковой мы считаем, что «язык на протяжении всей жизни формирует сознание человека, но верно и обратное: человек, языковая личность, и сам проявляет свои креативные начала – он и сам творит язык, активно его преобразуя» [Кубрякова 2009].

В основе появления новых слов лежат как когнитивные, так и эмоциональные факторы. Поэтому исследование лексикона с позиций его креативности позволяет ответить на следующие вопросы: а) что важнее с точки зрения причин создания новых слов – когнитивная или эмоциональная составляющая; б) как происходит перераспределение приоритетов между когницией и эмоцией в ходе создания нового слова; в) каково взаимодействие этих факторов в процессе адаптации нового слова в обществе, а также его лексикализации (вхождения в систему языка)?

Причины создания новых слов в своей основе являются когнитивно-эмоциональными. В классической риторике причины создания новых тропов поясняются следующим образом: это необходимость назвать неназванные предметы и явления; стремление к особой выразительности; стремление к красоте [Blair 1845: 205]. Таким образом, в триаде: потребность в новом слове, его выразительность и красота – первый компонент является когнитивным, два вторых – эмоциональными. Следовательно, анализ причин создания новых слов позволяет сделать вывод о тесном взаимодействии эмоциональной и когнитивной составляющих.

В акте «крещения» нового слова мы также можем увидеть реальное переплетение когнитивных и эмоциональных факторов. Известно, что человеческая креативность базируется на соединении ранее не связанных ментальных репрезентаций. Однако рассмотрение взаимодействия репрезентаций в головном мозгу/сознании человека, основанное на компьютерных моделях, не отражает полной картины лингвокреативной деятельности индивидуума.

Креативный процесс состоит не только в добавлении новых комбинаций лингвистических знаков, он использует модальности, связанные со всеми каналами восприятия: зрением, слухом, прикосновением, запахом и различными сенсомоторными проявлениями. Очень важен эмоциональный компонент креативности. Человек испытывает удовольствие

от инновационной комбинации существующих репрезентаций [Thagard 2010]. Генерация новых репрезентаций вовлекает процессы соединения ранее не связанных репрезентаций и сопровождающих их новых эмоциональных связей.

Когнитивные процессы обусловлены широким социальным контекстом, они основываются на социальном взаимодействии и культурных традициях. Этот подход в свое время был предложен М. Бахтиным и Л. Выготским (ср.: [Л. Выготский 1934]) и впоследствии использовался в когнитивной антропологии.

Вопрос о соотношении когниции и эмоции должен быть рассмотрен во взаимодействии с культурологическими схемами/моделями, которые изучает когнитивная антропология [Quinn 2011]. В каждой культуре существуют свои специфические ментальные модели взаимодействия когниции и эмоции.

Необходимо также рассмотреть связь культурологических ментальных моделей со структурой концепта. Новейшие исследования процесса концептуализации основываются в значительной степени на изучении характеристик, признаков, присущих концептам. Признаки могут распределяться по трем уровням знания внутри концепта: 1) уровень глобального знания; 2) уровень культурно-специфического знания; 3) уровень индивидуально-личностного знания, т.е. всей совокупности индивидуального опыта – когнитума [Анохин 2016].

Концептуальные признаки имеют различную степень релевантности в структуре концепта. Представляется возможным, используя метод регрессии, определить степень выделенности, центральности и инферентного потенциала отдельного признака в структуре концепта [Zabotkina, Voyarskaya 2018]. Наибольшим инферентным потенциалом, на наш взгляд, обладают концептуальные признаки культурно-специфического уровня, которые соотносятся с аксиологической сферой культуры и с эмоциями.

Таким образом, соотношение эмоции и когниции в рамках антропоцентрического принципа определяется балансом между универсальным/глобальным знанием и культурно-специфическим знанием, репрезентируемым в ментальных моделях определенной культуры. Значительную роль в этом процессе играют концептуальные признаки/атрибуты, несущие в себе культурно-специфические знания.

Литература

Анохин К. В. Коннектом и когнитом: заполнение разрыва между мозгом и разумом // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докл. Светлогорск, 20-24 июня 2016 г. / отв. ред. Ю.И. Александров, К.В. Анохин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. С. 18-19.

Велихов Е.П., Котов А.А., Лекторский В.А., Величковский Б.М. Междисциплинарные исследования сознания: 30 лет спустя // Вопросы философии. 2018. № 12. С. 5-17.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: 16-я тип. Треста «Полиграф-книга», 1934. 362 с.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5-12.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144–258.

Blair H. Lectures on Rhetoric and Belles Lettres: In 3 Vol. L., 1845.

Quinn N. The History of the Cultural Models School Reconsidered: A Paradigm Shift in Cognitive Anthropology // A Companion to Cognitive Anthropology, First Edition / Ed. by D.B. David, B. Kronefeld, G. Bennardo, V.C. de Munck, M.D. Fischer. Blackwell Publishing Ltd., 2011. P. 30-46.

Thagard, Paul and Terrence C. Stewart. The AHA! Experience: Creativity through emergent binding in neural networks. Cognitive Science 35, 2010. P. 1-33.

Zabotkina V.I., Boyarskaya E.L. Conceptual coherence and the challenge of polysemy // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. 2018. V. 5. Issue 3.6. P. 137-142.

V.I. Zabotkina (Moscow, Russia)

Russian State University for the Humanities

COGNITION-EMOTION INTERFACE WITHIN ANTHROPOCENTRICAL PARADIGM

The article concentrates on cognition-emotion interface within the anthropocentric principle, which provides the methodological basis of cognitive research. We build on the assumption that cognition is always situation-based and emotogenic. We argue that the major role in cognition-

emotion interface is played by cultural models/mental schemas elaborated within cognitive anthropology. To this end, the analysis is carried out within the dichotomy creativity in language vs. the creativity of language users.

Key words: emotion, cognition, anthropocentric principle, mental models, creativity, lexicon.

С.В. Иванова (С.-Петербург, Россия)

*Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
svet_victoria@mail.ru*

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИДЕОЛОГЕМ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

В статье раскрывается интерпретационно-декодирующий аспект референциального значения идеологем. Идеологема может служить номинации идеологических ценностей, указывать на них, в свернутом виде представлять их интерпретацию, а может комбинировать данные функции. Данный интерпретативный потенциал идеологемы оказывается задействованным при реализации содержательно-концептуальной информации медиатекста.

Ключевые слова: политический медиадискурс, идеологема, когнитивно-дискурсивная парадигма, интерпретационно-декодирующая функция языка.

С приходом когнитивно-дискурсивной парадигмы тезис о том, что язык – это не только средство вербализации мысли, но и интерпретация этой мысли, приобрел особое звучание. Когнитивно-дискурсивное направление позволяет раскрыть то, как формируется содержательная сторона языковой единицы, как сложные процессы и механизмы, задействованные в процессе познания, влияют на форматирование передаваемой языковым знаком информации в различных дискурсивных практиках. В фокусе данного исследования находится интерпретирующая роль языка, реализующаяся в референциальном значении идеологем, которые, вслед за А.П. Чудиновым, понимаются как единицы с идеологическим компонентом [Чудинов 2007: 92]. Цель работы состоит в том, чтобы с позиции неконвенционального дейксиса выявить особенности

пакетирования референциальной информации, передаваемой идеологией. Выбор данного подхода обусловлен пониманием того, что языковой знак производит интерпретацию мыслимого содержания на нескольких уровнях: вербальном, референциальном и понятийном (денотативном). Этот подход позволяет раскрыть и конкретизировать дополнительные референциально-концептуальные смыслы, которыми прирастает содержание языковой единицы в силу реализации своей знаковой сущности [Васильев 2006; Исхакова 2011; Чанышева 2016].

В основу анализа идеологием положена идея о характере означивания, или, другими словами, соотношенности содержания языкового знака и предмета обозначения, что раскрывается через такие функции значения, как номинативная, интерпретирующая или дейктическая. Рабочей гипотезой исследования является предположение о том, что в идеологием присутствуют несколько уровней интерпретации внеязыкового содержания, и это сказывается на реализации содержательно-концептуальной информации медиатекста.

В зависимости от характера означивания (первичное или вторичное) можно выделить две основные группы идеологием. Первая группа, являющаяся результатом первичного означивания, включает идеологемы-мифологемы. Идеологемы-мифологемы представляют собой единицы, которые отражают архетипические для данной лингвокультуры понятия [Малышева 2009: 37], прототипические формулы, общие схемы, которые объясняют построение мира [Клушина 2014: 56]. Для американского политического медиадискурса таковыми являются *democracy, freedom, opportunity, American dream, Constitution, (the letter of) law*, то есть все то, что восходит к истокам нации и представляет так называемые скрепы общества [Иванова 2018: 55]. И какое бы понимание данных единиц ни отражалось в медиатексте, идеологемы-мифологемы архетипического характера будут непременно использованы в нем. Эти единицы подтверждают приверженность авторов медиатекстов к традиционным для данного лингвокультурного сообщества ценностям. И даже если продуцент текста вкладывает новое содержание в известную единицу, она остается неким якорем, который держит текст в рамках общепринятой аксиологической системы. С точки зрения внешнего оформления эти единицы остаются символами нерушимости конституирующих данное общество устоев. Форма (вербальная оболочка) в этом случае оказывается даже важнее содержания, которое может быть переосмыслено. Иными словами, форма

становится залогом целостности всей аксиосистемы. Характерно, что вербализатором такой мифологемы может быть как лексическая единица, так и прецедентный текст. Так, известное высказывание из Декларации о независимости США *all men are created equal* на обложке журнала Тайм (08.10.2018) трансформируется в *all men and women are created equal*, что не лишает его архетипического характера. По характеру значения идеологемы-мифологемы представляют собой подлинные номинативы. Их главная функция – произвести номинацию, то есть назвать архетипическую сущность.

Наряду с идеологемами-мифологемами, которые играют роль номинативов и отличаются в некотором смысле вневременным характером, медиадискурс привлекает языковые единицы, указывающие на более современные идеологические установки. Как правило, эти единицы являются результатом вторичного означивания. Причем характер их значения варьируется, и в этой вариативности прослеживается определенная закономерность и системность. Характер значения единиц такого рода можно выявить, основываясь на идеях неконвенционального дейксиса, то есть установить тип отношений между означающим знаком и его означаемым, его «содержательной “духовной” стороной» [Якобсон 1998: 31] или, иначе, смыслом.

Прежде всего, среди слов-идеологем выделяются те, которые, называя некое явление, предписывают то, **как** надо думать о нем в современных терминах. Таким образом, есть все основания назвать данные лексические единицы словами-индексами и описывать характер их значения как дейктико-интерпретативный. Так, лексема *empowerment* предписывает нам, как надо думать о положении женщины в современном обществе (роль женщины должна укрепляться, женщину необходимо продвигать в общественных и государственных институтах [Иванова 2017: 43]). К этой же линейке индексальных единиц принадлежит лексема *leadership*. Интерпретация лидерства по-американски означает первенство, граничащее с исключительностью; руководство, переходящее в контроль, доминирование и господство; инициативность, решимость и целеустремленность, готовность к воплощению планов [Иванова 2014: 66]. Еще одним довольно новым примером такого рода является единица *fake news* ‘ложные, поддельные новости’, которая указывает на то, как надо думать о новостях: не надо придавать значения новостям, в них нет правды. Таким образом, для дейктической линейки слов-идеологем характерен дейктико-интерпретативный тип значения.

Вторую подгруппу новых слов-идеологем составляют номинативы-символы, характеризующиеся метафорическим значением. Ярким примером такого языкового знака является лексема *czar*. В английском языке она употребляется в нескольких значениях, среди которых есть 'авторитарный правитель'. Номинативы-символы дают читателю интерпретацию того или иного явления и, соответственно, характеризуются номинативно-интерпретативным типом значения.

Наконец, третья группа единиц идеологической семантики включает номинативы иконического характера. Как известно, иконический знак и обозначаемый им объект находятся друг с другом в отношениях подобия. В данном случае речь идет об образовании лексических единиц, которые в своей морфологии воссоздают языковые знаки более сложной природы, нежели слово, при этом сохраняя вербальное оформление первоначальных знаков, то есть обнаруживают с ними формальное сходство. Примерами такого рода могут служить номинации с названиями довольно популярных в настоящее время движений *#MeToo*, *#TouchMe*, в русском политическом дискурсе этот ряд можно дополнить номинацией *крымнаш* и производными от нее. Представляется, что данные единицы демонстрируют дейктический тип означивания, что отнюдь не противоречит их иконической природе. По прозорливому замечанию Л.М. Васильева, противопоставленность дейктических и иконических знаков снимается при расширении границ дейктического пространства языка за счет подключения широкого репертуара языковых средств. Данные средства могут выполнять двоякую семантическую функцию – выражать общие понятия, с одной стороны, а с другой, указывать на конкретный референт или отношения между конкретными референтами [Васильев 2006: 167].

Таким образом, подводя итоги, необходимо отметить, что в медиадискурсе используются идеологемы, представляющие собой несколько референциальных групп. Прежде всего, выделяются знаки первичного и вторичного означивания. К первым принадлежат те, которые соотносятся с архетипами данного лингвокультурного сообщества. Вторая группа включает те, которые служат вербализации более современных идей. Соответственно, можно говорить об идеологемах-мифологемах и идеологемах, в основе которых лежат номинативы дейктической, символической и иконической природы. Идеологема не просто называет – интерпретирует, она предписывает читателю определенное видение мира, образ мыслей и поведения, она вторгается в его когнитивную базу. Следующим этапом

исследования должен стать анализ корреляции между референциальным значением идеологема и тем, каким образом идеологема оказываются задействованными в различных дискурсивных практиках. Есть все основания полагать, что номинативный, дейктико-интерпретативный, номинативно-интерпретативный и дейктический характер значения данных единиц оказывает влияние на восприятие содержательно-концептуальной информации медиатекста политической направленности, что доказывает взаимосвязь между использованием этих единиц в медиатекстах политической направленности и теми принципами лингвополитики, которым следуют их создатели.

Литература

Васильев Л.М. Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: сборник избранных статей. Уфа: РИО БашГУ, 2006.

Иванова С.В. Дискурсивная адаптация культурно-обусловленных языковых знаков в политическом дискурсе СМИ (на материале политического массмедийного дискурса США) // Политическая лингвистика. 2017. № 1 (61). С. 31-42.

Иванова С.В. Мифологема американского политического медиадискурса эпохи Д. Трампа (типологический аспект) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 54-59.

Иванова С.В. Хитрое слово *leadership*, или еще раз о национально-культурной специфике // Политическая лингвистика. 2014. № 3 (49). С. 58-68.

Исхакова З.З. Эмотивный дейксис и его декодирование в семиосфере: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2011.

Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54-58.

Мальшева Е.Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика. 2009. № 4 (30). С. 32-40.

Чаньшева З.З. Лингвокультурная специфика дейксиса // Доклады Башкирского университета. 2016. Том 1. № 1. С. 96-101.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. Учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2007.

Якобсон Р.О. Избранные работы по лингвистике. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998.

*S.V. Ivanova (St. Petersburg, Russia)
Pushkin Leningrad State University*

INTERPRETATIONAL POTENTIAL OF IDEOLOGEMES WITHIN THE COGNITIVE DISCURSIVE PARADIGM

The article reveals the nature of the interpretational potential of ideologemes. Discursive practices in which an ideologeme is involved are associated with the cognitive nature of these units, with the way information is packaged in their content structure. The ideologeme may nominate, point to or indicate ideological values, in a compressed form represent their interpretation, and can combine all the functions mentioned above.

Key words: political media discourse, ideologeme, cognitive and discursive paradigm, interpretative and decoding function of the language.

*А.Э. Левицкий (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
andrelev@list.ru*

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДРАМАТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ

В статье очерчены перспективы исследований драматического дискурса в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы. Кроме этого, дается характеристика современного состояния когнитивно-дискурсивных исследований и места дискурсивных студий в их русле.

Ключевые слова: дискурс, лингвокогнитивный аспект, когнитивно-дискурсивная парадигма, художественный вымысел, драма.

В лингвистике начала XXI века значительное место уделяется исследованиям, связанным с передачей информации любого рода (см., например,

[Иссерс 2011; Переверзев 2003]). Именно дискурс как «текст, погруженный в жизнь» [Арутюнова 1991: 136] является наиболее удобной формой «упаковки» вербализованной информации в историческом и социокультурном контексте. Таким образом, дискурс отражает «дух времени», который определяет его структуру и позволяет адекватно его декодировать. Кроме того, индивид и его дискурс выступают мощными факторами, влияющими на развитие языка и формирующими коммуникативный и когнитивный стили, которые присущи социуму, этносу и человечеству в целом на определенном этапе развития. Лингвокогнитивный аспект современных дискурсивных исследований позволяет внедрить более широкий подход к проблемам категоризации вербализованной информации и ее последующей концептуализации [Болдырев 2014; Демьянков 2015; Кубрякова 1997]. Проблема вербального отражения получаемой индивидом информации получает новое разрешение в аспекте взаимодействия не только языка и мышления, но и языка и действительности, что позволяет вернуться к особенностям познавательной деятельности как отдельно взятого индивида, так и определенного лингвосоциума.

Дискурс воспринимается как жизнь текста в нашем сознании, как наложение информации, которую мы получаем из этого текста, и нашего знания об обстоятельствах, причинах его порождения на ментально-чувственное информационное поле нашего индивидуального «я» [Серажим 2002: 13]. Дискурс как объективно существующее вербально-знаковое устройство сопровождает процесс социально-значимого взаимодействия людей [Седов 2011: 7-8] и развивается в определенных социокультурных условиях [Скопинцева 1998: 3]. Дискурс как вербализованная речемыслительная деятельность содержит не только собственно лингвистические, но и экстралингвистические компоненты, которые позволяют выявить индивидуально-личностные, социальные и этнокультурные параметры творцов дискурсивных образований. Переосмысленные писателем, драматургом или поэтом знания о реальном мире преломляются через смоделированный им «художественный мир», который выступает продуктом мыслительной, интерпретирующей деятельности автора художественного произведения. Этот мир отражает ментальное пространство, смоделированное вследствие богатства человеческого воображения и фантазии [Колесов 2004, Кубрякова 2010, Левицкий 2017, Fauconnier 2007, Sartre 2004]. Вымышленный мир как альтернатива действительному – это гипотетический мир, своего рода экран, на который проецируются ментальные

образы, прошедшие сквозь мышление человека, переосмысливая и трансформируя реальность. Вышесказанное в полном объеме относится к драматическому дискурсу.

В связи с развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике по-новому высвечиваются проблемы соотношения языка и мышления, языка и речи, языка и культуры, языка и социума. Актуальности такого рода исследованиям добавляет комплексность подхода, а именно дискурсологии, когнитивной семантики, коммуникативной лингвистики и лингвопрагматики.

Научная новизна таких работ заключается в том, что впервые могут быть раскрыты особенности когнитивно-дискурсивного ряда феноменов применительно к дискурсу драмы. В них также могут быть разработаны модели дискурсивных событий, позволяющие последовательно выстроить внутренние и внешние изменения подачи информации и ее оценки. Реальным представляется выявление конкретных коммуникативных и когнитивных стратегий и тактик в тексте драмы и систематизация языковых средств их реализации на материале пьес.

Теоретическая значимость возможных научных поисков в сфере драматического дискурса определяется тем, что их результаты могут вносить вклад в разработку новых направлений в теориях дискурса, когнитивной семантики, коммуникативной и прагмалингвистики, разработки новых способов моделирования дискурсивных событий и ситуаций как когнитивно-дискурсивных феноменов.

Практическая ценность возможных исследований дискурса драмы заключается в том, что их материал и результаты могут найти применение на занятиях в студенческой и аспирантской аудиториях по общему языкознанию, теории и практике коммуникации, лингвостилистике, дискурсологии, прагмалингвистике, когнитивной семантике, семиотике, нарратологии, интерпретации и лингвистике текста. Для практики перевода и преподавания английского языка ряд основных положений анализа драматического текста также будет значимым. Выводы найдут применение в смежных областях гуманитарного знания, например, театроведении, режиссуре, актерском мастерстве, театральной критике и сценографии. Значительный интерес такие работы также представят для драматургов.

В частности, работа Н.Ю. Петровой [2017] уже заложила надежные основы исследования дискурса драмы с позиций когнитивистики. Вместе с тем, остался ряд вопросов, которые составляют перспективу

дальнейших исследований драматического дискурса. Так, желательно определить ситуацию театрального зрелища. Целесообразно будет соотнести театральное действо, театральное зрелище и театральную ситуацию; сопоставить театральность и драматичность.

Не вызывает сомнения, что в макроскрипте ситуации зрелища среди участников события указывается пассивный субъект – зритель. Однако пассивен ли зритель в театре на самом деле? Учитывает ли его фактор драматург? Реакция адресата театрального действия, то есть зрителя, может проявляться в ходе спектакля. При этом она может быть самой непредсказуемой. Более того, его «пассивность» может влиять на судьбу пьесы и спектакля как разных ипостасей драматического произведения. Можно выделить среди зрителей театрального критика, который принимает самое активное участие в жизни театра, иных деятелей театра, что способно повлиять на «судьбу» той или иной пьесы. Кроме того, в эпоху интернета среди «пассивных» зрителей инкогнито могут находиться блогеры, которые будут активно участвовать в дискурсе драмы после спектакля.

Режиссеры также пытаются вовлечь зрителей в действие, располагая их на сцене и вовлекая в театральный процесс вопросами или другими действиями актеров. Некоторые драматурги, например, П. Портнер в пьесе «*Sheer Madness*», закладывают интерактивность, которая приветствуется зрительным залом. Людям предлагают угадать, кто является преступником, и задать актерам вопросы по сути убийства. В таких случаях наблюдается нарушение инвариантности драмы, но игнорировать такие отклонения вряд ли стоит. Тем более что внимание к зрителю в аспекте научного исследования является манифестацией антропоцентрического аспекта театрального действия как события. Идеального зрителя представляет себе творец драматического текста – драматург. Реакцию зрителя прогнозируют и другие творцы спектакля – режиссер и его команда. На зрителя оказывают влияние рецензенты, авторы рекламы, кассиры, билетеры, бармены, охранники и даже гардеробщицы. Каждый из них может повлиять на раскрытие перспективы спектакля и параметризацию дискурса драмы. Да, зритель включается в дискурс драмы лишь с определенного момента. Да, он не столь свободен, как драматург и постановочная команда, но зритель все же творит свой дискурс драмы и его точку зрения, то есть построение им перспективы необходимо принимать во внимание.

Как ни странно, влияние зрителя на дискурс драмы также может быть связано с местом проведения представления. Имеется в виду не только

зал, его оформление и оснащение, но и город, местность, где играется спектакль. Это может быть естественная декорация, историческое место или город, где происходит событие согласно авторскому сеттингу. К примеру, спектакли на руинах Херсонеса воспринимаются по-другому в сравнении с любым другим городом.

В аспекте выбора критериев отбора материала заслуживают внимания такие жанры драмы, как, например, фарс, трагикомедия, трагифарс и «черная комедия». С другой же стороны, материал может затрагивать вопросы трансфера знаний, например, постановок пьес английских драматургов в России, что фиксирует перспективную зону для продолжения исследований. Что это, как не внимание к проблемам взаимодействия культур? Не останутся в стороне проблемы номинации – «переназвания» пьес согласно режиссерским задумкам (см. «Гамлет. Хроника одной ночи» в театре «СОбытие»; «Гамлет / Коллаж» в Театре наций; «Как важно быть SERYOZNYM» в театре «Бенефис» и др.). Изменение перспективы происходит в процессе работы над спектаклем, когда необходимо указывать авторов существенных трансформаций (см., например, «Идеальный муж. Комедия» – спектакль К. Богомолова по мотивам произведений Оскара Уайльда (МХТ); «Чисто английское привидение» Екатерина Нарши по Оскару Уайльду (РАМТ)).

Итак, лингвокогнитивный подход к изучению языковой объективации художественного вымысла обусловлен тем фактом, что концептуализация вымышленного тесно переплетается с различными компонентами когнитивной деятельности – восприятием и воображением. Кроме того, представленная статья раскрывает широкий круг новых идей в области языка, мышления и познания.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // ЛЭС. М.: Сов. энци., 1991. С. 136-137.
- Болдырев Н.Н.* Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. 2014. С. 20-28.
- Демьянков В.З.* О социально-когнитивных параметрах дискурсных техник презентации научных результатов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. 2015. С. 39-51.
- Иссерс О.С.* Речевое воздействие. М.: Флинта: Наука, 2011.
- Колесов В.В.* Язык и ментальность. СПб: Петербургское востоковедение, 2004.

Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира, пространства и время. М.: МГУ, 1997. С. 15-26.

Кубрякова Е.С. О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о ее роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. 2010. Вып. VII. С. 13-18.

Левицкий А.Э. Реальное, квазиреальное и нереальное: вербализация средствами современного английского языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. № 7 (779). С. 72-84.

Петрова Н.Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2017.

Переверзев В.Н. Теория коммуникации: металогический подход // Методы современной коммуникации. Вып. 1. М.: МГЛУ, 2003. С. 5-16.

Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7-38.

Серажим К. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність (на матеріалі сучасної газетної публіцистики). К.: Вид-во КНУ, 2002.

Скопинцева Т.А. Речевые стратегии британских парламентариев в ходе обсуждения бюджета: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1998.

Fauconnier G. Mental Spaces // The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2007.

Sartre J.-P., Elkaim-Sartre A., Webber J.M. The Imaginary: A Phenomenological Psychology of the Imagination. L. & N.Y.: Routledge, 2004.

*A.E. Levitsky (Moscow, Russia)
Moscow Lomonosov State University*

PERSPECTIVES FOR FURTHER INVESTIGATIONS OF DRAMA DISCOURSE WITHIN LINGUOCOGNITIVE STUDIES

The article triggers the perspectives for further investigations of discourse of drama discourse within the vein of cognitive-and-discursive paradigm. Besides,

the state-of-art of present-day cognitive-and-discursive investigations as well as the place of discursive studies within this trend have been singled out.

Key words: discourse, linguocognitive aspect, cognitive-and-discursive paradigm, artistic fiction, drama.

О.В. Магировская (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
magirovskayaov@yandex.ru

ДИСКУРСИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЗНАНИЙ: ИНТЕРПРЕТАТИВНОСТЬ VS ФОРМАТНОСТЬ

Дискурс представлен в статье как особое конструируемое пространство, результат сложной интерпретативной деятельности. Объясняется, что интерпретация обусловлена форматом и, следовательно, в определенной степени подчинена типу продуцируемого дискурса.

Ключевые слова: дискурс, интерпретативность, формат, форматность.

На этапе становления когнитивной лингвистики когнитивный подход к дискурсу предполагал, в основном, рассмотрение концептуальных возможностей языковых единиц, функционирующих в дискурсах различного типа. К дискурсу также обращались как к ресурсу выявления специфики концептуализации отдельных смыслов. Соответственно, в большинстве случаев дискурс рассматривался как широкое контекстуальное пространство, обуславливающее функциональный потенциал языковых единиц различных уровней. В основе современных исследований когнитивной сущности дискурса лежит его понимание как когнитивно-коммуникативного пространства, имеющего свою организацию, отличную от организации других уровней языка, которая, в свою очередь, выступает результатом сложной познавательной деятельности его участников.

Репрезентируя знания о целостном фрагменте реальной действительности, дискурс представляет собой особый способ обработки информации. В отличие от всех остальных уровней языка, в нем конструируется целостный и объемный фрагмент реальной действительности во множестве взаимосвязей и взаимозависимостей событий и их участников. Фиксируя

сложную многокомпонентную систему организованных знаний о фрагменте реальной действительности, дискурс выступает особой языковой системой представления этих знаний.

Данный способ представления знаний в наивысшей степени антропоцентричен и, следовательно, интерпретативен. Он предполагает осмысление мира относительно различных блоков знаний (знаний о фрагменте концептуализации, знаний об участниках дискурсивного события как носителях той системы знаний, на которую необходимо ориентироваться при создании общего когнитивного контекста дискурса, знание о социально-культурном контексте дискурса и др.).

Дискурсивное осмысление мира осуществляется в рамках дискурсивной деятельности субъекта, интерпретативность которой проявляется в целом ряде когнитивных действий. Это, прежде всего, (1) включение в дискурс выбранного фрагмента реальной действительности, который представляет для субъекта дискурса особый интерес, обусловлен определенной когнитивной потребностью и подчинен конкретной прагматической цели, (2) концептуализация дискурса в рамках собственной системы знания, понимания, мнения, оценки, (3) ориентация концептуализируемого фрагмента на систему знания, понимания, мнения и оценки других участников, вовлеченных в дискурсивную деятельность.

Наивысшая степень интерпретативности дискурса проявляется в том, что субъект дискурсивной деятельности интерпретирует мир, опираясь на все имеющиеся у него знания. Он оперирует информацией о мире, которая ему доступна, определенным образом систематизирована в его сознании. Данная информация обусловлена способом восприятия действительности и преломляется относительно степени понимания/непонимания субъектом области концептуализируемого знания, имеющегося у него мнения, собственной позиции, особенностей эмоционального отношения к фрагменту реальной действительности, который выступает объектом концептуализации. Как следствие, данная информация извлекается в определенном объеме и получает необходимую конфигурацию в зависимости от того, какие процессы и способы оперирования знаниями при этом задействуются.

В результате содержательной ориентации дискурса на систему знаний субъекта, которая всегда подчиняется его целям и мотивам, создается определенный ракурс индивидуального осмысления концептуализируемой ситуации, участников и отдельных индивидуальных, оценочных, коннотативных, эмотивных признаков. Такое субъективное преломление

знаний приводит к активному индивидуальному когнитивно-языковому конструированию фрагмента реальной действительности и определенному способу дискурсивного представления мира.

Ориентированный на систему знаний всех участников дискурсивной ситуации, в процессе своего развертывания дискурс, таким образом, создает общее концептуальное пространство, разделяемое всеми участниками дискурса. Общий когнитивный контекст, сконструированный дискурсом относительно различных элементов отдельного фрагмента реальной действительности (его пространственно-временных характеристик, участников и отношений между ними, объектов, их свойств и признаков и т. д.), правомерно рассматривать как основу сконструированного «модельного мира», который «строится» в ходе развития дискурса» [Демьянков, 1982: 7].

Высокая степень интерпретативности в дискурсе, тем не менее, не может рассматриваться как безграничная в плане содержательной и структурной организации дискурса как целостной единицы языковой репрезентации знания. Свобода и степень интерпретативности в рамках дискурса заданы и, как следствие, определенным образом ограничены его форматностью, которая выступает неотъемлемой характеристикой его порождения и предполагает определенные принципы и правила построения дискурса, его формат. Н.Н. Болдырев определяет формат знания как «определенную форму или способ представления знаний на мыслительном или языковом уровнях» [Болдырев 2006: 5].

Применительно к дискурсу форматность определяется его типом. Именно от типа дискурса зависит принцип организации знания в дискурсе, объем вербализуемого знания и способ его представления. Форматность дискурса обуславливает его структурно-содержательную типизированность, определенного рода стереотипность (ср., например, указание на наличие «утвердившихся стереотипов организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» в дискурсе как общепринятом типе когнитивно-коммуникативного поведения человека в определенной сфере деятельности» [Манаенко, 2003: 37]).

Принимая во внимание тот факт, что любой дискурс формируется относительно определенного типа, возможно охарактеризовать форматные характеристики дискурса как основные, базовые, «автоматически» воспроизводимые в процессе организации дискурса. Соответственно, дискурсивная деятельность субъекта автоматична по своей сути в плане построения дискурса. Она имеет стереотипную природу своего

проявления, задавая определенное направление интерпретативности, которая является неотъемлемой чертой его содержательного наполнения.

Таким образом, именно субъект дискурсивной деятельности предлагает определенный алгоритм конструирования фрагмента реальной действительности, подлежащего концептуализации. В то же время его интерпретативная активность характеризуется определенным способом своего проявления. Она находится в прямой зависимости от форматных характеристик дискурса, определяемых типологическими признаками дискурса. Соответственно, правомерно говорить о том, что организация знаний в дискурсе интерпретативна по способу восприятия и представления знания субъектом дискурса в зависимости от понимания фрагмента реальной действительности, ориентации на создание общего когнитивного контекста с другими участниками коммуникации и учета экстралингвистических факторов и форматно обусловлена типологическими характеристиками дискурса, в рамках которого данный способ интерпретации осуществляется.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5-22.

Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. М.: Всесоюзный центр переводов ГКНТ и АН СССР, 1982. 288 с.

Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. сб. науч. тр. 2003. Вып. 1. С. 26-40.

*O.V. Magirovskaya (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University*

DISCURSIVE ORGANIZATION OF KNOWLEDGE: INTERPRETATIVE CAPACITY AND FORMAT DETERMINATION

Discourse is viewed in the article as a conceptual space construed in the course of a human's complex interpretative activity. The article states that interpretation is largely formatted by the type of the discourse produced.

Key words: discourse, interpretative knowledge, format of discourse.

*Г.Н. Манаенко (Ставрополь, Россия)
Северо-Кавказский федеральный университет
manaenko@list.ru*

КОНЦЕПТ КАК ОТНОШЕНИЕ И ПАРАМЕТРЫ ЕГО ОСМЫСЛЕНИЯ

В статье на основе анализа соотношения содержания понятий «значение», «понятие» и «концепт» рассматривается проблема имени концепта и предлагается осуществлять моделирование концепта на основе отношения.

Ключевые слова: лексическое значение, понятие, концепт, имя концепта, отношение.

В отечественной лингвистике одним из первых обозначил проблему соотношения концептуальных структур и языковых выражений Р.И. Павеленис, который подчеркнул, что не значения, но именно смыслы, представляющие концептуальные структуры, актуализируются словами, используемыми в речи [Павеленис 1983: 15]. Поскольку же когнитивные структуры возникают на перцептивной основе и непосредственно обусловлены жизненным опытом того или иного конкретного человека, смыслы, к которым апеллирует языковое выражение, подвергаются оценке с морально-этических установок как говорящего, так и слушающего. Таким образом, актуализированные в коммуникации концептуальные структуры не только осмысляются, но и переживаются участниками общения [Степанов 1998: 41], приобретая индивидуальные содержательные и эмоционально-оценочные коннотации. Как следствие, концепты, принадлежащие индивидуальному когнитивному пространству, во-первых, создают уникальную картину мира в сознании конкретного человека, а во-вторых, предстают, с одной стороны, как некодифицированная область когнитивного пространства, но с другой стороны, социальная по своей сути, поскольку она определяется единством принятых в определенном лингвокультурном сообществе оценок и отношений к миру и человеку.

С позиций современной когнитивной лингвистики концептуальные структуры формируются самыми разнообразными когнитивными сущностями *презентативного* характера: опосредованными представлениями, созданными в результате перцепции, ментальными картинками и образами,

возникшими на их основе, а также «сценариями» последовательности действий в определенных жизненных ситуациях и собственно когнитивными схемами, которые вырабатывает индивидум в процессе своей когнитивной деятельности. Считается, что в концептуальные структуры включаются как кодифицированные сущности и значения языковых выражений, обеспечивающих в процессе коммуникации соотнесение кодифицированных, то есть доступных каждому участнику общения, знаний о языке и энциклопедических знаний, то есть знаний о мире. При этом значения языковых выражений обладают *репрезентативным* характером, поскольку являются «представлениями представлений», по А.А. Потебне, что дало основание для метафорического определения Е.С. Кубряковой лексического значения как концепта, «схваченного» знаком. Однако, на наш взгляд, значение языкового выражения «схватывает» не все пространство концептуальной структуры, но лишь ее часть, достаточно четко определенную в силу своей конвенциональной природы, которая и составляет содержание *понятия*. Следует подчеркнуть, что термин «понятие» фактически не используется в лингвокогнитивных исследованиях и замещается термином «концепт» [Манаенко 2011].

Между тем только понятие, но не концепт, существует на основе значений языковых выражений и обладает конвенциональным характером. Как когнитивная характеристика эмпирического объекта, названного и очерченного языковым знаком, понятие в определенном лингвокультурном сообществе представляется *вербально*, отражая совокупность знаний о данном объекте, действительных для данного социума и актуализированных в акте коммуникации. Именно на основе конвенциональности/неконвенциональности, как отмечает В.З. Демьянков, происходит противопоставление понятия и концепта, и если содержание понятия является установлением, то содержание концепта исследователи могут лишь реконструировать, представить с той или иной степенью достоверности его модель [Демьянков 2001: 45]. Таким образом, понятие определяет некую область концептуальной структуры, индуцируемую при коммуникации обращением к узловому пункту, ассоциированному со значением языкового знака. Отсюда следует, что значения языковых выражений как апелляция к социально закрепленным конфигурациям смыслов отображают **параметры** концептуализации мира лингвокультурным сообществом, но не являются частью представляемых концептов, лишь указывая границы актуализированного содержания концептов для каждого представителя этого сообщества.

За каждым словом стоит концепт, но не каждое слово является концептом. Иными словами, перед каждым исследователем концептосферы стоит проблема установления «имени» концепта. На наш взгляд, в современных концептологических исследованиях при определении «имени» концепта происходит ориентация на соотношение *лексическое значение – понятие*, что приводит к моделированию концептуальной структуры на основе лексических значений «имен» концептов (как правило, имен существительных) и соответствующих понятий. Отсюда возникает основание для бесконечных дискуссий о том, номинация какой сущности может быть именем концепта, о разграничении «лингвокультурных» и «когнитивных» (просто) концептов, о существовании парных концептов и т. д. Между тем изучение многочисленных трудов, описывающих различные концепты той или иной лингвокультуры, позволяет предположить, что реконструкцию концептов как структур знаний целесообразнее проводить на основе не какой-либо сущности, но *отношении* как содержательной и ценностной установки лингвокультурного сообщества.

Например, обратимся к работе С.Н. Долевца, посвященной динамике морально-этических концептов СКУПОСТЬ и ЩЕДРОСТЬ в русском языке [Долевец 2008]. Как нам представляется, соблюдение методики построения номинативного поля и выявления номинативного ядра реконструируемого концепта, причем не только через синонимическое расширение, но и на основе антонимических соотношений, подводит к решению достаточно сложной задачи: определения границ содержания данных концептов (концепта?). Даже поверхностный анализ значений антонимических пар лексем *щедрость – скупость* и *расточительность – бережливость* показывает их организацию на основе семы *чрезмерно* и мену *оценочной* семы в синонимических парах: щедрость (+), расточительность (-); скупость (-), бережливость (+).

На этом основании закономерно предположить, что данные лексемы репрезентируют один и тот же концепт *«отношение к своему достоянию, материальному и духовному»*. В таком случае достаточно прозрачно проявляются когнитивные **параметры** данного концепта: *направленность* (на себя, на других), *мера проявления* (норма, сверх нормы), *ментальная оценка* (хорошо, плохо), *соответствие доминантам менталитета* (по-нашему, не по-нашему).

Конечно, можно интерпретировать (в зависимости от степени абстракции научного анализа) лексемы *скупость* и *щедрость* не в качестве

репрезентантов одного концепта, а имен двух соответствующих субконцептов (или «парного» концепта), однако в своем исследовании автор убеждает своими наблюдениями и выводами в правомерности решения, позволяющего преодолеть инерцию вербалистской концепции мышления, выйти за пределы соотношения *лексическое значение – понятие*, трактуя значение языкового выражения как доступ к актуализированной области концептуальной структуры.

Литература

Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1 (7). С. 35-46.

Долевец С.Н. Динамика морально-этических концептов «скупость» и «щедрость» в русском литературном языке XIX – начала XXI веков: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008.

Манаенко Г.Н. Соотношение концепт – значение языкового выражения // Научный диалог. 2012. № 3. С. 24-32.

Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.

*G. N. Manaenko (Stavropol, Russia)
North-Caucasus Federal University
manaenko@list.ru*

THE CONCEPT AS A RATIO AND THE PARAMETERS OF ITS UNDERSTANDING

In the article, on the basis of the analysis of the correlation of the content of the concepts “value”, “conceptus” and “conceptum”, the problem of the name of the concept is considered and it is proposed to carry out the modeling of the concept on the basis of the relationship.

Key words: lexical meaning, concept, concept name, relation.

А.В. Павлова (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
pavlova_a@bk.ru*

ДОМИНАНТНЫЕ КОГНИТИВНЫЕ ОБЛАСТИ СТАТАЛЬНОГО ФОРМАТИРОВАНИЯ ЗНАНИЙ О МИРЕ¹

Статья посвящена описанию доминантных когнитивных областей стального формата языкового знания. С учетом специфики стальной концептуализации мира, заключающейся в зависимом характере стального смысла от области определения, в современном английском языке в качестве доминантных выделяются такие когнитивные области, как состояние человека, общества, природы, артефактов.

Ключевые слова: доминанта языкового сознания, состояние, стальность, интерпретация, категоризация, концептуализация.

Проблемы языкового форматирования знаний о мире лежат в одной плоскости с трудностями выявления и описания особенностей взаимодействия мыслительных и языковых структур и тем самым определяют необходимость изучения различных форматов интерпретации мира в языке.

Рассмотрение стального формата знания в современном английском языке в рамках когнитивного подхода предполагает изучение процесса и результата осмысления мира в статике, то есть описание сущности стальной концептуализации и структурно-содержательных особенностей одноименного концепта.

Выявление сущности стальной концептуализации мира целесообразно начать с определения понятия состояния. Являясь ключевым в метаязыке большинства естественных, гуманитарных и точных наук, понятие состояния в обыденном языковом сознании далеко от однозначного определения. Опыт проникновения в суть изучаемого понятия на материале английского языка наводит на мысль о многоаспектности той структуры знания, которая стоит за понятием STATE.

Интерпретируя статичность как качественную неизменяемость, современная англоязычная картина мира указывает на несколько аспектов

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

осмысления мира в статике. В соотношении с онтологическими характеристиками мира, а именно, пространством и временем, движением, структурностью и системностью, состояние интерпретируется как «способ бытия (way of existing)», обнаруживающий свои проявления в различных «формах существования (form of existence)», «фазах изменения (phase of changing)» и «типах взаимодействия (types of relations)». Они выступают интегральными концептуальными характеристиками, определяющими возможность дальнейшего осмысления мира в статике. Мир при этом, вслед за Л.С. Рубинштейном, определяется как «общающаяся друг с другом совокупность вещей и явлений, соотнесенных с людьми. Иными словами, мир есть организованная иерархия различных способов существования» [Рубинштейн 2003: 289].

Рассмотрим одну из интегральных концептуальных характеристик подробнее. Так, статичный аспект бытия, проявляющийся в форме существования материи, в соотношении с пространственными характеристиками интерпретируется английским языком как «способ нахождения в пространстве (stance)». Примечательно, что дискурсивная реализация этой концептуальной характеристики всегда имеет ту или иную временную соотнесенность. Безграничное физическое пространство получает различную статальную интерпретацию с опорой на такие пространственные характеристики, как «протяженность», «трехмерность», «соразмерность», «разнородность», «объемность», «непрерывность» и «бесконечность» [Пространство 1971]. Эти характеристики составляют тот необходимый и достаточный минимум, в рамках которого могут осуществляться все типы взаимодействий материальных объектов мира. Согласно исследованиям психологов, дальнейшее выделение из этих характеристик размеров, направлений, уровней и других величин пространства обусловлено спецификой человеческого восприятия [Шиффман 2003].

Рассмотрение статальной концептуализации пространственных характеристик на базовом уровне указывает на существующую иерархию суперординатных уровней осмысления статичного аспекта бытия относительно пространства. Так, состояние по такой характеристике, как «трехмерность» пространства, концептуализируется как параметр расстояния и структурируется относительно таких характеристик, как «длина (length – the state of being long)», «ширина (width – the state of being wide)» и «высота (height – the condition of being relatively high or tall)»,

образующих первый (от базового) суперординатный уровень. Подобно этому, «порядок (order – the state of logical or comprehensible arrangement)» концептуализируется как состояние по такой пространственной характеристике, как «структурность». Отсутствие порядка в мире – хаос (chaos – a condition of great disorder) (первичное состояние, не организованная по структуре материя), отсутствие или нарушение порядка в мире – беспорядок (disorder – a lack of order). Состояние по такой характеристике, как «протяженность», реализуется в таких пространственных состояниях мира, как «близость (nearness)» и «дальность (farness)». Пространственная характеристика «бесконечность» находит свою интерпретацию в ограниченной материальными или идеальными пределами части мира. В частности, статальная концептуализация предела в английском языке, например, приводит к формированию такого концепта, как STATE (as a territorial and political unit). Концептуальная характеристика «объемность» реферирует к возможности заполнения ограниченного пределами пространства различными объектами. Так, заполненное воздухом пространство определяется как атмосфера, статальная концептуализация которой реализуется в понятии погоды (weather – the state of the atmosphere at a given time and place, with respect to variables such as temperature, moisture, wind velocity, and barometric pressure), климата (climate – the meteorological condition in some region). Концептуальная характеристика «разнородность» определяет возможность существования различных форм живой и неживой материи в четырех известных науке состояниях: жидком, твердом, газообразном и плазме.

Важным для понимания сущности статальной концептуализации мира оказывается зависимый характер состояния от своего носителя. Именно статально интерпретируемый концепт определяет интерпретирующий статальный смысл. Таким образом, концептуализация состояния как одного из способов существования мира невозможна вне рассмотрения самих объектов мира, выделения их сущностных характеристик.

Результатом концептуального анализа вербальной репрезентации различных объектов мира в английском языке становится возможность их условного деления на такие концептуально-тематические области, как MAN, SOCIETY, NATURE, ARTIFACTS. С точки зрения статального форматирования мира и знаний о мире в языке эти области выступают когнитивными доминантами, определяя возможности статальной интерпретации соответствующих концептов в рамках индивидуальной

концептуальной системы. Интерпретирующий потенциал каждой из вышеперечисленных областей детерминирует образование межконцептуальных связей и предопределяет переосмысление знаний о мире с целью формирования вторичного статального смысла.

В частности, результатом статальной концептуализации мира в английском языке в рамках концептуально-тематической области MAN становятся такие состояния, как PHYSICAL STATE, PSYCHOLOGICAL STATE, FINANCIAL STATE, MENTAL STATE, STATE OF MIND и т. д. Каждый из этих статальных концептов обнаруживает свою структурную и содержательную специфику. Например, состояния ума на базовом уровне статальной концептуализации представлены концептами CLEVER и STUPID. Эти тематические статальные концепты репрезентируют умственные способности человека, приписывая им положительную или отрицательную оценку. На субординатном уровне состояния ума интерпретируют различные степени проявления ума у человека, например, от очень умного: *as wise as Solomon, on the beam, as sharp as a needle, as smart as a whip, brain box, etc*; до круглого дурака: *dead from the neck up, as stupid as a coot, as silly as a goose, as dumb as a stump, nutty as a fruitcake, etc*.

Подобным образом целесообразно рассмотрение других когнитивных областей статального формата языкового знания, чья главенствующая роль над их конституентами заключается в обобщающем характере интерпретирующего потенциала, раскрываемого сущностными характеристиками объектов этих областей. Таким образом, возможность статального форматирования мира и знаний о мире определяется вариативной природой вышеупомянутых доминантных когнитивных областей и их интерпретирующим потенциалом.

Литература

Пространство, время, движение / отв. ред. И.В. Кузнецов. М.: Наука, 1971. 624 с.

Рубинштейн Л.С. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. 512 с.

Шиффман Х.Р. Ощущение и восприятие. 5-е изд. СПб.: Питер, 2003. 928 с.

*Pavlova A.V. (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov state university
pavlova_a@bk.ru*

DOMINANT COGNITIVE DOMAINS OF STATIVE FORMATTING OF KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD

The article is devoted to ascribing dominant cognitive domains of stative format of linguistic knowledge. Taking into consideration the specificity of stative conceptualization concluded in relative character of stative sense from the bearer of state which is represented in the corresponding cognitive domain. In contemporary English there are the following dominant cognitive domains: MAN'S STATE, STATE OF NATURE, STATE OF SOCIETY, STATE OF ARTIFACTS.

Key words: dominant of linguistic cognition, state, stativity, interpretation, categorization, conceptualization.

*С.А. Песина (Магнитогорск, Россия)
Магнитогорский государственный технический университет
им. Г.И. Носова; Санкт-Петербургский государственный университет
spesina@bk.ru*

*О.Л. Зимарева (Магнитогорск, Россия)
Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова
olgalatushkina87@mail.ru*

КЛАСТЕРНАЯ СЕМАНТИКА И АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА

Антропоцентризм является ведущим вектором профилирования знаний человека о мире, углом зрения, через который человек смотрит на окружающий мир. В статье обосновывается положение о том, что на когнитивном уровне и в процессе оперирования словами сознание обращается к инвариантным кластерам как совокупности наиболее устойчивых и частотных семантических компонентов.

Ключевые слова: антропоцентризм, семантический кластер, лексическое значение, когнитивная лингвистика, семантика.

Антропоцентризм «отвечает» за то, как полученная извне информация об окружающем мире структурируется в сознании человека по образу и подобию того, как устроено и функционирует само его сознание и тело. Именно антропоцентризм мышления ответственен за метафорические олицетворения и анимацию как животного мира, так и неживой природы, поэтому антропоморфический фактор в языке направляет и контролирует процессы вторичной номинации, а человеческими свойствами наделяется все ближайшее окружение человека.

В связи с тем, что постоянно и неизбежно возникают проблемы выявления причин семантической общности значений в структуре слов, необходимости решать проблемы восприятия, запоминания и оперирования словами, число значений в которых достигает нескольких десятков, представляется актуальным описание важнейшей модели хранения и функционирования сложных структур лексических единиц в языковом сознании в форме семантических инвариантных кластеров, составление баз данных, их использование в программах по искусственному интеллекту. Это позволит успешно распознавать переносные значения, в осмыслении и переводе которых в настоящее время испытывают трудности разного рода электронные переводчики и программы по построению искусственных нейронных сетей.

Многолетние исследования в области полисемии, когнитивной семантики, в частности, инвариантной семантики, проводимые нашим научным коллективом в составе трех вузов (МГТУ им. Г.И. Носова, СПбГУ и МГИМО), показывают, что опора при декодировании переносных значений многозначных слов на первое номинативно-непроизводное значение не всегда приводит к адекватному толкованию контекстуально связанных лексем. Неизбежно возникают проблемы выявления причин семантической общности значений в структуре слов, а также необходимости решать проблемы восприятия, запоминания и оперирования словами.

Как показывает практика, в процессе обучения лексике опора при декодировании переносных значений многозначных слов на первое номинативно-непроизводное значение не всегда приводит к адекватному толкованию и дальнейшему усвоению контекстуально связанных значений. В процессе обучения переводу иноязычных текстов и иноязычному общению неизбежно возникает необходимость решать проблемы восприятия, запоминания и оперирования многозначными словами, число значений которых достигает зачастую нескольких десятков [Karamalak, Pesina 2017].

Именно по причине того, что в процессе понимания иноязычной речи вначале актуализируются не все стоящие за значением семантические ком-

поненты (отраженные в словарных дефинициях), а только самые базовые, частотные, к которым в сознании всегда наличествует самый быстрый доступ и ведут самые устойчивые нейронные связи, значение слова с полным основанием можно трактовать как неустойчивое, зыбкое, нежесткое, контекстное. Следовательно, для того чтобы эффективно строить процесс обучения лексике, необходимо понимать, что значение – это не что-то незыблемое и прочно закрепленное за какой-либо формой, а подвижный *семантический кластер*, включающий конфигурацию необходимых семантических компонентов, формируемый в сознании носителя языка исходя из особенностей окружающего контекста. Подобное понимание сущности значения является новым в том плане, что зыбкость границ значения, так часто постулируемая в когнитивной лингвистике без особого обоснования причин, в нашем исследовании получает подробную и основательную трактовку.

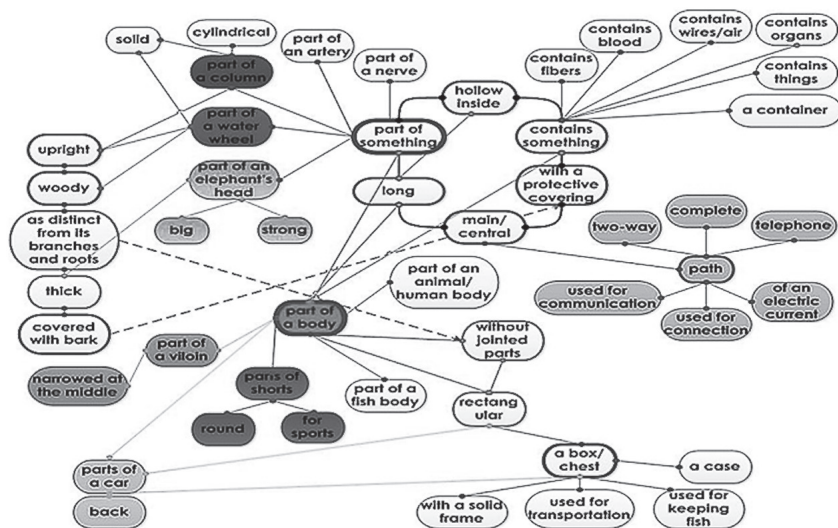
Это не противоречит принципу языковой экономии, в соответствии с которым в рамках речевого цейтнота на занятиях по практике речевого общения продуцирующее либо воспринимающее сознание обучаемого не располагает неограниченным временным ресурсом для осмысления сказанного и соответствующей языковой реакции. Для понимания большинства речевых контекстов студентам вполне достаточен общий «охват» содержания.

Подобная кластерная организация осуществляется на языковом уровне, позволяя в кратчайшие сроки провести анализ существующих данных и найти связи между значениями. В пользу того, что наше восприятие опирается на кластеры признаков, а не на готовые значения и словосочетания, говорит исследование нейропсихологов, утверждающих, что в зрительной коре головного мозга существует огромное число высокодифференцированных нейронов, каждый из которых реагирует лишь на какой-либо один признак воспринимаемого объекта.

Осуществляемое нами исследование на стыке когнитивистики, лингвистики и нейролингвистики позволяет утверждать, что кластерная организация семантики слова напоминает нейронную сеть, а связи между семантическими признаками соответствуют синаптическим связям между нейронами в мозге человека. Другими словами, каждый нейрон заключает в себе определенный признак (взятый в контекстной сочетаемости), полученный в ходе опыта взаимодействия с окружающей действительностью [Pesina, Solonchak 2015].

В качестве иллюстрации к сказанному представим антропоморфную кластерную семантическую сеть многозначного слова *trunk* «ствол дерева». Так, при осмыслении метафоры «part of a human/animal body»,

сознание автоматически обращается к семантическим компонентам главного значения, представленным на рисунке внизу. В ситуации, не связанной с первым значением, в интерпретирующее сознание поступает сигнал несоответствия речевому контексту, в соответствии с которым языковое сознание осуществляет дальнейший поиск по семантической связи. В соответствии со сформированным в сознании семантическим инвариантным кластером и принципом языковой экономии сознание осуществляет векторную в семантическом понимании (и синаптическую в физиологическом понимании) связь между самыми общими частотными инвариантными компонентами – *part of a body*, *rectangular*; *main*, *hollow inside*, *contains something (organs)*. В случае если декодирования значения не происходит, идет обращение ко всему кластеру значения и, далее, к субъективной периферийной его части. При этом, как можно видеть, достаточно одного семантического компонента, чтобы начал развиваться новый кластер. Вследствие подобной организации семантических признаков в структуре многозначного слова носитель языка может вводить новые метафорические и метонимические значения, так как система остается открытой благодаря инвариантным семантическим компонентам.

Подобная кластерная организация семантических компонентов позволяет объяснить, как носителю языка удается понять предлагаемое ему многозначное слово, а также позволяет наглядно представить связь между значениями полисеманта. Мы также можем заключить, что благодаря подобной организации семантических признаков в структуре многозначного слова носитель языка может вводить новые метафорические и метонимические значения, так как система остается открытой благодаря инвариантным семантическим компонентам. Результаты проведенного анализа показывают, что именно по причине того, что вначале актуализируются не все семантические компоненты, а только инвариантные, к которым в сознании всегда наличествует самый быстрый доступ и ведут самые устойчивые нейронные связи, значение слова с полным основанием можно трактовать как неустойчивое, зыбкое, нежесткое [Solonchak, Pesina 2015].

Итак, в рамках данной статьи предлагается алгоритм декодирования переносных значений как аналог функционирования когнитивной системы человека на основе кластерной когнитивно-семантической сети. Научная значимость полученных в ходе исследования результатов будет выражаться в использовании полученного материала для создания электронных словарей (распознавание компьютерными программами сложных тропических значений), в качестве базы данных для обучающих и развивающих интеллектуальных программ в дидактических целях.

Литература

Karamalak O., Pesina S. Linguistic sign and reading as text creating activity // *XLinguae: Slovenska Vzdelavacia a Obstaravacia*. 2017. Vol. 1. P. 2-14.

Pesina S., Solonchak T. Lexical Eidos in Linguistics // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 192, 24. P. 764-768.

Pesina S., Solonchak T. Concept in Cognitive Linguistics and Biocognitive Science // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 192, 24. P. 587-592.

Pesina S., Solonchak T. Semantic Primitives and Conceptual Focus // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 192, 24. P. 339-345.

Solonchak T., Pesina S. Lexicon Core and Its Functioning Metaphors // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 192, 24. P. 481-485.

Solonchak T., Pesina S. Language Ability and Word Functioning // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 192, 24. P. 447-452.

S.A. Pesina (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnitogorsk State Technical University;
St. Petersburg State University
spesina@bk.ru

O.L. Zimareva (Magnitogorsk, Russia)
Nosov Magnitogorsk State Technical University
lalatushkina81@bk.ru

CLUSTER SEMANTICS AND ANTHROPOCENTRIC PARADIGM

Anthropocentrism is one of the most important vector for profiling a person's knowledge of the surrounding world. The article substantiates the proposition that in the consciousness of a native speaker an invariant cluster as a set of the most essential and stable semantic components is eventually formed.

Key words: anthropocentrism, semantic cluster, lexical meaning, cognitive linguistics, semantics.

Е.В. Петрухина (Москва, Россия)
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
elena.petrukhina@gmail.com

ИГРЫ С РЕАЛЬНОСТЬЮ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ НЕОЛОГИЗМОВ ПОСТРЕАЛЬНОСТЬ, ГИПЕРРЕАЛЬНОСТЬ, СУПЕРРЕАЛЬНОСТЬ, ТРАНСРЕАЛЬНОСТЬ¹

В статье на материале русского языка анализируются номинации процессов «дереализации мира» (П. Вирилио), а именно, производные лексемы *реальность* с приставками *гипер-*, *пост-*, *супер-*, *транс-* и др., выражающие постмодернистские представления о реальности. Рассматриваются семантика и употребление данных неологизмов (с использованием Генерального интернет-корпуса), анализируется когнитивный механизм ввода противоречивых сочетаний смыслов в русскую концептосферу.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532-ОГН\18 «Исконные и заимствованные форманты и модели в русском словообразовании на славянском фоне: семантические отношения, типы взаимодействия, стилистический потенциал».

Ключевые слова: интернациональные префиксы, дериваты, реальность, симулякр.

1. Вступление

Создание целой серии номинаций «нереальной реальности» во многих современных языках характерно прежде всего для дискурса постмодернистской философии и культуры, в которой объявляется невозможность объективного познания и отсутствие критериев достоверности и постулируется «принцип “методологического сомнения” по отношению ко всем позитивным истинам, установкам и убеждениям» [Ильин 1996: 14; Цендровский 2015]. Измененные представления о реальности поддерживаются усилением глобализации, совершенствованием новых компьютерных технологий, а в ряде языков, прежде всего в русском, и сменой нормативной основы литературного языка – ориентацией языкового сообщества на дискурс СМИ. Медиainформация создает особую медиареальность, «псевдоокружающую среду», которая, как было показано еще в первой половине XX века в книге У. Липпмана (книга вышла в 1922 г.), по разным причинам имеет мало общего с реальностью [Липпман 2004]. По сути дела, в СМИ происходит и усиливается глобальная «дереализация мира», об опасностях которой в конце XX в. писал П. Вирилио [Virilio 1998]. Мозаичную медиainформационную псевдокартину мира Ж. Бодрийяр назвал «гиперреальностью», считая, что в СМИ «любая реальность поглощается гиперреальностью кода и симуляции» [Бодрийяр 2000: 44].

В русский язык номинации новых аспектов восприятия реальности вошли как полукальки из французского и английского языков с интернациональными префиксами *гипер-*, *пост-*, *транс-*, *супер-* и русской основой (корень которой относится к давним заимствованиям): *постреальность*, *гиперреальность*, *суперреальность*, *трансреальность* и др. Из русских префиксов в серии таких калек используется лишь *сверх-* – *сверхреальность*. Надо отметить также единичные употребления русского окказионализма *вместореальность*, синонимичного *псевдореальности*. В статье рассматриваются семантика и употребление названных производных лексемы *реальность* в современном русском языке в публицистическом и философском дискурсах, а также в новых интернет-дискурсах, представленных в Генеральном интернет-корпусе русского языка (ГИКРЯ: <http://www.webcorpora.ru/>).

2. Оксюмороны с реальностью

2.1. «Нереальная реальность». В современных словарях русского языка лексема *реальность* толкуется как ‘объективно существующая действительность; явления, факты, предметы объективной действительности’ [Ефремова 2000]. В качестве антонимов могут выступать десятки лексем: *блажь, воображение, выдумка, вымысел, измышления, иллюзия, имитация, мечта, неправда, симулякр, сказка, сон, утопия, фантазмагория, фантом, фантастика, химера* и др. С лексемой *реальность*, имеющей большое значение для философского дискурса, в русском языке существует целая система оксюморонов: *нереальная реальность, фантастическая реальность, иллюзорная реальность, субъективная реальность, трансцендентная реальность, замещенная реальность, виртуальная реальность* и др. Подобные противоречивые словосочетания в известной степени отражают понимание того, что полученные знания о реальном мире имеют «человеческую перспективу», т.е. наблюдателя и его субъективную интерпретацию материальной действительности [Полани 1985: 20].

Например, о *субъективной реальности* говорят в связи с идеальной формой существования человеческого бытия – культурой, моралью, традицией и т. д. [Кальной 2002]. Религиозное знание представляет сочетание *трансцендентная реальность*. Согласно Канту, термин «трансцендентный» используется для обозначения «потустороннего» – того, что лежит за границами, за пределами наблюдаемого мира [Савельева, Полетаев 2003]. *Виртуальная реальность* (VR, англ. *virtual reality, VR, искусственная реальность*) называет созданный техническими средствами мир, имитирующий реальную действительность, например в компьютерных играх (Википедия). Разновидностью виртуальной реальности является *замещенная реальность*. Этот термин обозначает технологии 3D – метод создания очков для эффекта восприятия компьютерных изображений как будто происходящих в реальности событий рядом с наблюдателем. Технология *дополненной реальности* размещает виртуальные объекты поверх изображений реального мира. Наряду с рассмотренными выше лексемами и словосочетаниями в русском языке активно употребляются синонимичные им однословные номинации с приставками, которые характеризуются более обобщенной и неоднозначной семантикой.

2.2. Словообразовательные синонимы. В зависимости от ситуации и контекста производные с отрицательными приставками *нереальность, ирреальность, антиреальность* могут соответствовать целому ряду как

приведенных выше, так и других синонимов: *неосуществимость, невыполнимость, несбыточность, невозможность, нежизненность, фантастичность, утопичность, химеричность; иллюзорность, эфемерность, фееричность, запредельность, фантасмагоричность, химерность, сюрреалистичность, недостижимость* [Александрова 2011], а также словосочетаний: *нереальная, выдуманная, фальшивая, поддельная, фейковая реальность* и др.

Производная лексема *псевдореальность* также отрицает реальность, но вполне однозначно, выражая ее имитацию и подделку. В последнее время *псевдореальность* часто употребляется как синоним *медиареальности*, например: *Данная проблематика имеет особый характер, в силу относительности понятия «медиареальность». Это псевдореальность.... Она формируется средствами массовой коммуникации (СМК) с целью воздействия на массовую аудиторию, часто ради достижения неких политических целей* (<http://web.snauka.ru/issues/2016/06/68870>). Данным приставкам синонимична русская приставка *место-* в неологизме *местореальность*, который в последнее время активно употребляется в Рунете (но в ГИКРЯ он не представлен). Например: *Вот для этого и существуют информационные войны, чтобы создавать **местореальность**, переводить противостояние в виртуальную плоскость, тем самым втягивая все больше и больше людей в конфликт* (<http://www.oplot.info/node/60954>).

Несколько иначе несоответствие реальности представлено в дериватах с префиксами *гипер-* (греч. *hyper* ‘над, сверх, по ту сторону’), *супер-* (лат. *super* ‘сверху, над’), *пост-* (лат. *post-* ‘после, вслед за’), *транс-* (лат. *trans-* ‘через, сквозь что-либо, за пределами чего-либо’), которые используются для номинации новых типов псевдореальности и симулякров, связанных с новейшими компьютерными технологиями и процессами глобализации в мире.

Самым употребительным является термин философии постмодернизма *гиперреальность*, введенный Ж. Бодрийяром. В ГИКРЯ было обнаружено 543 употребления – значительно больше, чем остальных производных от лексемы *реальность* (ср., например, *антиреальность* встретила 67 раз, *суперреальность* – 10). Обозначает феномен симуляции действительности, а также неспособности сознания отличить реальность от фантазии. Гиперреальность – это символическое отражение действительности, когда утрачивается соотнесенность вещей и знаков [Бодрийяр 2000: 243]. По Бодрийяру, сегодняшний поток информации уничтожает реальность,

порождая огромное количество копий, которые и формируют замещающую реальность гиперреальность. Это копия несуществующей реальности, маскировка отсутствия настоящей реальности, это «замкнутая на самой себе среда, которая уже никак не соотносится с объективной действительностью» (<https://cont.ws/@aprell/505944>).

Приставка *гипер-* в производном *гиперреальность* в известной степени затемняет его истинный смысл, так как не выражает однозначно подмену реальности, в отличие от таких производных, как *антиреальность*, *псевдореальность*. Аналогия с такими лексемами, как *гипертекст*, *гипермаркет*, на первый план выводит восприятие данного префикса как интенсификатора для обозначения нового типа реальности (как, например, нового типа текста – гипертекста). Взаимодействие реального и виртуального называют и другие производные: *постреальность*, *трансреальность*, *суперреальность*. Так, персональная выставка художника Дмитрия Кавко называется «Постреальность», в ее представлении утверждается, что «виртуальный мир вышел за пределы частных пространств и смешался с повседневностью» (<http://cultobzor.ru/2016/06/dmitriy-kavko-postrealnost/>). Как синоним *постреальности* может использоваться *трансреальность* (по аналогии с такими производными, как *трансгуманизм*, *транснаука*, *транскультура*). Неологизм *суперреальность* в целом ряде текстов называет иллюзорную реальность соцсетей в Интернете, рекламы и сериалов – создание «мнимого мира».

3. Заключение

Новые производные существительного *реальность* с интернациональными префиксами являются полукальками соответствующих английских номинаций, (в частности, лексем *post-reality*, *trans-reality*, *hyper-reality*, *super-reality*, а также с раздельным и слитным написанием префиксальных формантов; аналогичные им номинации есть и в других европейских языках). Приставки *пост-*, *транс-*, *гипер-*, *супер-* выражают выход за пределы реальности, прежде всего в связи с развитием новых компьютерных технологий.

В зависимости от дискурса и ситуации лексемы *постреальность*, *трансреальность*, *суперреальность*, *гиперреальность* могут выражать разные типы виртуальной реальности. И если производные с отрицательными приставками (*нереальность*, *ирреальность*, *антиреальность*, *псевдореальность*), а также словосочетания (*иллюзорная*, *нереальная*, *выдуманная*, *фальшивая*, *поддельная*, *фейковая*, *виртуальная реальность* и т. д.) и отдельные лексемы (типа *вымысел*, *измышления*, *имитация*, *неправда*,

обман, подделка) однозначно выражают несоответствие объективной действительности, то производные с приставками *пост-, транс-, гипер-, супер-* затемняют этот смысл. В ряду других лексем, включающих данные форманты, типа *постнаука, посткультура, трансгуманизм, транскультура, гипертекст, суперчеловек* [Петрухина 2018: 195], рассмотренные производные *постреальность, трансреальность, суперреальность, гиперреальность* используются для представления псевдореальности, создаваемой СМИ, теле- и интернет-технологиями, как нового типа реальности.

В целом ряде проанализированных текстов из разных дискурсов (не только философского и публицистического, но также рекламного и дискурса социальных сетей) речь идет о возможности влияния виртуальной реальности на реальные события в действительности, то есть о возникновении гиперреальности, «где созданное и существующее только в цифровом виде пространство, будет одновременно реконструировать старый и строить новый мир» (http://www.mmoma.ru/exhibitions/tverskoy9/dmitrij_kavko_postrealnost/).

Проанализированные в статье производные с интернациональными префиксами создают компактную когнитивную модель для ввода нового и противоречивого сочетания смыслов в концептосферу русского языка.

Литература

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. М.: Русский язык, 2011.

Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Добросвет, 2000.

Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996.

Кальной И.И. Философия: учебное пособие. Симферополь: Бизнес-Информ, 2002 (<https://studfiles.net/preview/1096645/>).

Липман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004.

Петрухина Е.В. ПРЕДЕЛ как семантическая доминанта и маркеры его отрицания и нарушения в русском языке: концептуальный анализ // Когнитивные исследования языка, т. 34. С. 190–196.

Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.

Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история: в 2 т. СПб.: Наука, 2003.

Цендровский О.Ю. Культурно-мировоззренческие основания глобального сетевого общества XXI в. Философия культуры. 2015. № 5. С. 1-57. <http://allrefs.net/c1/3s84h/p58/>.

Virilio P. La bombe informatique. Paris: Galilée, coll., 1998.

*E.V. Petrukhina (Moscow, Russia)
Moscow Lomonosov State University*

**PLAYING WITH REALITY: COGNITIVE
AND DISCOURSE ANALYSIS
OF NEOLOGISMS *POSTREALITY, HYPERREALITY,
SUPERREALITY, TRANSREALITY***

In this article the author analyses the process nominations of “derealization of the world” (P. Virilio) in the Russian language, namely derivatives of the lexeme *реальность* (reality) with prefixes *гипер-* (*hyper-*), *пост-* (*post-*), *супер-* (*super-*), *транс-* (*trans-*), that reflect post modernistic vision of reality. The author examines the semantics and usage of these neologisms in modern Russian language (based on General Internet Corps) as well as the cognitive mechanism for introducing new and contradictory combinations of meanings into the concept sphere of the Russian language.

Key words: international prefixes, derivatives, reality, simulacrum.

*Т.Г. Скребцова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
t.skrebtsova@spbu.ru*

**КОГНИТИВНАЯ ВЫДЕЛЕННОСТЬ В ЯЗЫКЕ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Когнитивная выделенность достаточно хорошо изучена в когнитивной психологии и нейрофизиологии. Это понятие широко встречается

и в работах по когнитивной лингвистике, однако до сих пор не получило общепринятого толкования применительно к языковым феноменам. В докладе очерчивается круг вопросов, связанных с его использованием в лингвистическом описании.

Ключевые слова: когнитивная выделенность, маркированность, прототипический эффект, закрепленность, коммуникативная выделенность.

Категория выделенности (салиентности) является важным понятием в когнитивной психологии и нейрофизиологии. Она определяется как свойство или состояние объекта, благодаря которому он заметно отличается от других объектов, выделяется («высвечивается») на их фоне [Salience]. Когнитивная выделенность играет важную роль в процессах восприятия, усвоения и хранения информации, организации знаний, внимания, категоризации. Классические примеры – красная точка на фоне скопления белых, мигающий сигнал автоответчика, громкая сирена автомобиля, часть текста, набранная заглавными буквами. Когнитивная выделенность не связана напрямую с физическими характеристиками объекта (его размером, яркостью и пр.), так как может быть обусловлена функциональными, эмоциональными или ситуативными факторами.

Понятие выделенности широко используется в когнитивной лингвистике (ср. англоязычные термины *salience*, *profiling*, *highlighting* и др.), однако пока не получило общепринятого толкования. Более того, весьма редко оно вообще становится предметом обсуждения лингвистов (из немногих известных нам работ отметим диссертацию [Армеева 2001] и статью в коллективной монографии [Schmid 2010]). В то же время думается, что потребности развития не только когнитивной лингвистики, но и семантических исследований в целом требуют углубленного изучения данной категории.

Выделенность в языке восходит к выделенности как свойству организации концептуальной системы человека, объединяющей как вербальные, так и невербальные сущности. Именно в силу своей универсальности, принадлежности концептуальной системе, выделенность пронизывает все уровни языковой организации и распространяется на широкий круг феноменов.

Справедливости ради следует отметить, что в языкознании давно существует близкое понятие маркированности, также связанное с наличием неравноправия, или асимметрии, между двумя или более сущностями. Однако сфера приложимости у понятия маркированности уже, чем у понятия выделенности.

Другое понятие, описывающее подобного рода отношения, восходит к теории прототипов Э. Рош. Согласно данной теории, члены категории, с когнитивной точки зрения, имеют неравный статус: среди них выделяются центральные и периферийные члены (они же – лучшие и худшие примеры категории). Центральные члены образуют прототип категории, они наиболее типичны, чаще встречаются и обладают бóльшим числом общих свойств с другими членами. У периферийных членов таких свойств меньше, зато могут быть редкие, даже индивидуальные признаки. Это неравенство получило название прототипического эффекта.

Прототипический эффект был обнаружен в широком спектре языковых категорий, от фонологии до синтаксиса [Taylor 1989]. Очевидно, что он имеет непосредственное отношение к понятию выделенности. Но возникает вопрос: что в устройстве языка является выделенным – центральные члены или периферийные? Центральные члены – это прочно закрепленные, легко узнаваемые, многократно воспроизводимые языковые единицы: стилистически нейтральная лексика, модели предложений с естественным порядком слов, типовые интонационные контуры и пр. Они выделены для человеческого сознания в том смысле, что усваиваются в самом раннем возрасте, обладают высокой частотностью и образуют базовый пласт языка. Периферийные члены, как правило, встречаются реже и привлекают внимание своей необычностью, нестандартностью именно на фоне центральных членов. Это могут быть некодифицированные варианты произношения, интонационная эмфаза, предложения с инверсией, оценочная лексика, историзмы, экзотизмы, фигуральные или специальные значения слов и пр. Все это также является выделенным для человека, но в другом плане.

В связи с указанной неоднозначностью отметим, что в зарубежной лингвистике в дополнение к выделенности (англ. *salience*) используется понятие закрепленности (англ. *entrenchment*); последнее в особенности характерно для трудов Р. Лангакера. Добавление этого понятия, как кажется, позволяет развести по разные стороны те аспекты, о которых шла речь выше: центральные члены будут обладать закрепленностью, а периферийные – собственно выделенностью.

Еще один важный аспект выделенности связан с известной оппозицией «язык – речь», т. е. противопоставлением собственно языковой системы и актуализации этой системы в конкретной ситуации. Соответственно можно говорить о когнитивной и коммуникативной выделенности. Следует заметить, что последнее понятие достаточно давно попало в поле зрения лингвистов и было так или иначе затронуто в различных исследованиях.

Коммуникативная выделенность охватывает весьма широкий и неоднородный круг явлений. Среди привычных, неоднократно обсуждавшихся в литературе аспектов можно упомянуть актуальное членение предложения, эмфазу, распределение информации между составляющими предложения (главным и придаточным предложениями, личным глаголом и подчиненным ему деепричастным оборотом и т. д.), порядок следования однородных членов, противопоставление ассерции и пресуппозиции. В работах видных представителей американской когнитивной лингвистики Р. Лангакера и Л. Талми множественные аспекты коммуникативного выделения получают детализированное описание (см., напр. [Скребцова 2018: 155-174; 205-242]). В частности, Лангакер анализирует такие параметры, как степень конкретизации описания, фоновые ожидания, профилирование, перспективу и нек. др. У Талми данная тема рассматривается в рамках обсуждения так называемых схематических систем, включающих конфигурационную структуру, перспективу, распределение внимания и динамику сил. При этом наиболее общим механизмом коммуникативного выделения, по-видимому, можно считать оппозицию Фигуры и Фона, ярко проявляющуюся при описании местоположения объектов, но не ограничивающуюся пространственными отношениями.

Закономерно возникает вопрос: каковы отношения между двумя означенными понятиями – когнитивной и коммуникативной выделенностью? Ответ на него не может быть простым и однозначным. Очевидно, что здесь возможен ряд вариантов. Их выявление и изучение является предметом дальнейшего исследования.

Литература

Армеева А.Р. Когнитивная категория выделенности и ее языковые корреляты: Моделирование процесса вербализации визуальной информации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2001.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: ЯСК, 2018.

Saliency (neuroscience) // [https://en.wikipedia.org/wiki/Saliency_\(neuroscience\)](https://en.wikipedia.org/wiki/Saliency_(neuroscience)).

Schmid H.-J. Entrenchment, saliency, and basic levels // *The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2010. P. 117-138.

Taylor J. *Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press, 1989.

T.G. Skrebtsova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University

ON THE NOTION OF SALIENCE WITH RESPECT TO LANGUAGE

Salience has been well studied in cognitive psychology and neuroscience. The notion is extensively used in cognitive linguistics, too, but has not yet received a generally accepted interpretation. The paper addresses a number of issues concerning its application to linguistic phenomena.

Key words: salience, markedness, prototypical effect, entrenchment, communicative emphasis.

А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)
Уральский государственный педагогический университет
ap_chudinov@mail.ru

Э.В. Будаев (Нижний Тагил, Россия)
Российский государственный профессионально-педагогический университет
aedw@mail.ru

О.Г. Скворцов (Екатеринбург, Россия)
*Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина*
skvortsov@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОВОРОТ В РОССИЙСКОЙ КОГНИТИВНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРОЛОГИИ¹

В статье рассмотрены особенности дискурсивного подхода к анализу когнитивной метафоры в российской политической лингвистике. Отмечается изначальная тенденция к синтезу когнитивного и дискурсивного подходов к анализу метафоры в политическом дискурсе в отечественном языке.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект 19-012-00465 «Лингвополитическая персонология: когнитивный поворот».

кознании. Выделены пять основных направлений дискурсивного анализа метафоры в политическом дискурсе.

Ключевые слова: политическая метафора, политическая метафорология, когнитивная метафора, дискурсивный поворот, дискурсивный подход к метафоре.

В современном науковедении широкое распространение получили термины «когнитивная революция» (cognitive revolution), «когнитивный поворот» (cognitive turn), «смена парадигм» (paradigm shift), которые активно используют для обозначения распространения идей и методов когнитивизма во второй половине прошлого века [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 438-439].

В метафорологии рубежной вехой когнитивной революции стала публикация монографии Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (Metaphors we live by) [Lakoff, Johnson 1980], которая стала самой цитируемой научной публикацией последних десятилетий, посвященной теории и практике изучения метафоры (около 170 тыс. цитирований за период с 2011 по 2018 гг. по данным Google Scholar). Если же обратиться к политической метафорологии, то в этой научной области когнитивный поворот от традиционных научных парадигм (риторической в США и лексико-стилистической в России) связывают с публикациями Джорджа Лакоффа, посвященными метафорическому оправданию войны в Персидском заливе [Lakoff 1991].

Вполне закономерно, что когнитивная теория политической метафоры активно развивается. По нашим наблюдениям, ведущей инновацией в этой области науки стало активное использование методов, приемов и эвристик, восходящих к другим наукам и научным направлениям (психолингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология, контент-анализ, корпусные исследования и др.), но особенно заметно обращение к методам и эвристикам политологии, социологии и дискурс-анализа.

Дискурсивная ориентация исследований по политической метафорологии вполне закономерна, поскольку, как справедливо отметил В.З. Демьянков, «интерпретируя политический дискурс в его целостности, нельзя ограничиваться чисто языковыми моментами, иначе суть и цель политического дискурса пройдут незамеченными» [Демьянков 2002: 43]. Аналогичные идеи высказывают нидерландские ученые Л. Кэмерон и Г. Лоу, отмечая, что, несмотря на значимые достижения

теории Джорджа Лакоффа, она не в состоянии объяснить многие дискурсивные аспекты использования метафор, а поэтому необходим «дискурсивный поворот» в метафорологических исследованиях [Cameron, Low 2011: 1].

В европейском и американском языкознании было выработано несколько дискурсивных подходов к анализу политических метафор, при этом многие из них не подразумевали использования когнитивных эвристик (дискурсивный анализ социальных структур, комбинаторная теория кризисной коммуникации, критический дискурс-анализ, герменевтический анализ дискурса и др.). Переход от структуралистского подхода к «контекстуализации» дискурса рассматривался как ценный методологический шаг *per se*. Контекст метафоры больше не ограничивался собственно вербальным контекстом, а включал в себя исторический, культурный и социальный контекст.

Особенностью дискурсивного поворота в российской политической метафорологии является его изначально тесная связь с использованием когнитивных эвристик (когнитивно-дискурсивный подход). Е.С. Кубрякова отмечала, что «согласно теоретическим принципам, положенным в основание когнитивно-дискурсивной парадигмы, каждое языковое явление должно изучаться в двух аспектах: как когнитивном, так и коммуникативном (дискурсивном)» [Кубрякова 2009: 13]. При таком подходе процесс метафорогенеза рассматривается как в контексте ментальных операций, так и в широком экстралингвистическом контексте. Неслучайно первые крупные исследования в российской политической метафорологии были выполнены одновременно в когнитивном и дискурсивном аспектах [Баранов, Караулов 1991, 1994; Чудинов 2001].

Несмотря на синтетический характер российской политической метафорологии, можно выделить собственно дискурсивные аспекты анализа политической метафоры.

Российские исследования ориентированы преимущественно на изучение следующих видов дискурса:

- национальный политический дискурс;
- политический дискурс определенной эпохи;
- дискурс определенного политического события;
- дискурс политической партии (движения);
- личный дискурс политика.

Первый указанный аспект – анализ метафор в национальных политических дискурсах – получил особенно широкое распространение в Рос-

сии. Как было показано в специальном исследовании, интерес к национальной специфике метафор в большей степени характерен для российской и европейской лингвистики [Будаев, Чудинов 2008]. Количество подобных изысканий в США на порядок меньше. А. Вежбицкая отмечает, что американские исследователи склонны рассуждать об универсалиях, опираясь исключительно на английский язык и англосаксонскую концептосферу [Wierzbicka 2009], что в полной мере характерно и для политической метафорологии. Универсальность в языке и мышлении – явление очень распространенное, но не тотальное, и уж точно между универсальными метафорическими константами и английскими концептуальными метафорами не стоит знак равенства. Анализ национальных дискурсов показывает, что в разных этнокультурных сообществах функционируют как универсальные, так и культурно специфические метафоры.

- 1) Второе направление когнитивно-дискурсивных изысканий охватывает вопросы исторического развития системы политических метафор. В этом направлении можно выделить три основных подхода: анализ архетипичности и вариативности метафорических систем (поиск метафор, характерных для всех исторических периодов, и метафор, характерных для конкретных исторических периодов);
- 2) анализ динамики метафоричности политического дискурса (изучение среднего количества метафор на определенный объем текста в корреляции с социально-политическими условиями функционирования рассматриваемых текстов);
- 3) анализ динамики доминантности метафорики (сопоставление востребованности определенных метафорических моделей в различных политических условиях).

В полную силу дискурсивный подход к метафоре проявляется в анализе политических нарративов. Исследователи отслеживают функционирование метафор в контексте конкретных политических событий: политических выборов, военных конфликтов, социально-экономических кризисов, политических скандалов и т. п. Широкое распространение подобных исследований позволило обнаружить, что уникальные на первый взгляд политические нарративы содержат в себе общие черты и обнаруживают определенные закономерности в актуализации метафорических моделей.

Четвертое направление дискурсивных изысканий – анализ метафор в рамках определенного идеологического дискурса (дискурса политической партии или политического движения). Этот подход позволяет

продемонстрировать зависимость метафоричности дискурса от степени радикальности взглядов, а также корреляции между идеологическими убеждениями и выбором сфер-источников при концептуализации действительности.

Точкой отсчета для пятого направления дискурсивных исследований служат идиолекты отдельных политиков. Такой подход реализуется в двух вариантах. Первый вариант связан с изучением особенностей метафорики в дискурсе конкретного политика. Второй вариант подразумевает использование сопоставительного анализа нескольких идиолектов, что позволяет получать данные о метафорике политиков на более высоком уровне общения.

Характерное свойство современной российской политической метафорологии – распространенность междискурсивных исследований, объединяющих разные форматы дискурса (политический и художественный, политический и исторический, политический и медийный, политический и военный дискурсы и др.), что предопределяет целесообразность использования методик и эвристик, характерных для смежных с политической лингвистикой научных направлений.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что основной вектор в развитии современной российской политической метафорологии связан с ее междисциплинарным характером, ведущее место в котором занимают дополнение когнитивной парадигмы широким спектром эвристик дискурсивного анализа.

Литература

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю. М.: Институт русского языка АН СССР, 1991.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М.: Помовский и партнеры, 1994.

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М.: Наука, 2008.

Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. С. 31-44.

Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С. [и др.]. М.: МГУ, 1996.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Выпуск IV. Концептуализация мира в языке. Москва; Тамбов, 2009. С. 11-24.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: УрГПУ, 2001.

Cameron L., Low G. Metaphor and the Social World. Introduction to the first issue // *Metaphor and the Social World*. 2011. Vol. 1 (1). P. 1-5.

Lakoff G. Metaphor and War: The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // *Peace Research*. 1991. Vol. 23. P. 25-32.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Chicago University Press, 1980.

Wierzbicka A. Overcoming Anglocentrism in Emotion Research // *Emotion Review*. 2009. Vol. 1, No. 1. P. 21-23.

A.P. Chudinov (*Ekaterinburg, Russia*)

Ural State Pedagogical University

E.V. Budaev (*Nizhny Tagil, Russia*)

Russian State Vocational Pedagogical University

O.G. Skvortsov (*Ekaterinburg, Russia*)

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

DISCURSIVE TURN IN RUSSIAN COGNITIVE POLITICAL METAPHOROLOGY

The paper deals with specific distinction of discursive approach to cognitive metaphor analysis in Russian political linguistics. It is argued that the initial genesis of Russian political metaphorology is characterized by synthesis of cognitive and discursive approaches. Five basic trends of discourse analysis of political metaphor are delineated.

Key words: political metaphor, political metaphorology, metaphorical modelling, cognitive metaphor, discursive turn, discursive approach to metaphor.

А.Л. Шарандин (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
sharandin@list.ru*

КОММУНИКАЦИЯ КАК ОСОБЫЙ ТИП ИНТЕГРАТИВНОЙ КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Коммуникация рассматривается как интегративное концептуальное пространство, имеющее когнитивную природу. Она использует в качестве составляющих как языковые, так и неязыковые репрезентативные средства. В своем интегративном единстве они обеспечивают полноценность и успешность общения и реализуют антропоцентрический характер когнитивной деятельности человека.

Ключевые слова: коммуникация, когнитивная деятельность, антропоцентризм, интеграция, отражение, интерпретация.

Когнитивная деятельность человека в широком значении, согласно «Краткому словарю когнитивных терминов» (КСКТ), – это «деятельность, в результате которой человек приходит к определенному решению и/или знанию, т.е. мыслительная деятельность, приводящая к **пониманию (интерпретации)** чего-либо» [КСКТ 1996: 52]. При этом авторы словарной статьи о когнитивной деятельности – В.З. Демьянков и Е.С. Кубрякова – отмечают, что «в К.Д. участвуют разные системы переработки информации, а потому образуемые структуры сознания нетождественны и зависят от того, по какому каналу пришла к человеку информация» [Там же]. С этой точки зрения язык оказывается одним из основных способов (средств) получения информации (знания) о мире, объективируя мыслительные процессы, прежде всего концептуализацию и категоризацию мира, и представляя результаты их объективации в виде различных репрезентативных языковых средств.

Существенным моментом в понимании роли языка является то, что «в отличие от остальных видов К.Д., язык обладает двойственным характером...: как когнитивный инструмент он является системой знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и в трансформировании информации. Это внутренняя сторона языка. Есть и внешняя: язык как независимый от человека объект, подлежащий усвоению...» [Там же]. Данное рассуждение важно для понимания антропоцентричности языка.

При рассмотрении **внутренней стороны языка** антропоцентрическая природа языка не вызывает сомнения. Она лишь по-разному проявляется в случае создания языковых знаков, основным видом которых, несомненно, является слово. Мир в слове предстает *в двух ипостасях его познания человеком*: как *отраженный* системоцентрический мир, в основе которого *рационально-рассудочный (логический) способ* его осознания, и как *экзистенциально-антропологический мир*, в восприятии которого значительную роль играет *интерпретация*. Язык же обеспечивает коммуникативную востребованность процессов и результатов отражения и интерпретации.

Отражательная семантика – это антропоцентрически сформировавшиеся первичные (исходные) знания о предметах и явлениях действительности, полученные логико-рассудочным способом, который позволяет сформировать предметно-понятийное содержание о мире и человеке как части этого мира и отразить его в слове в качестве лексического значения. *Интерпретационная семантика* – это антропоцентрически ориентированные вторичные знания, которые характеризуют субъективное отношение к отраженным первичным знаниям.

Отражательная функция связана, прежде всего, с семиотическим подходом к слову как языковому знаку. Но мир не отражается человеком зеркально, фотографически. *Языковое сознание предполагает и на этапе отражения процедуру интерпретации. Поэтому отраженная языковая картина мира в любом случае является интерпретируемой картиной мира.* Можно лишь говорить о преимущественно отражательной семантике слова и его формы или о преимущественно интерпретирующей семантике.

Что позволяет увидеть это соотношение? Выделение релевантных интерпретационных признаков возможно в случае их противопоставления отражательным признакам, представленным семиотической, собственно лексической информацией. Если же такого противопоставления нет, то на уровне слова разграничение отражательного и интерпретационного компонентов в концептуальной семантике слова затруднительно: она оказывается одновременно и отражательной, и интерпретационной. Поэтому такого рода семантика может определяться по отношению к лексической семантике как *рациональная интерпретация*, а по отношению к семантике компонента, выражающего отношение к рациональной интерпретации, как *«субъективная интерпретация»* или *«собственно*

интерпретация» (интерпретация в узком смысле слова). Если брать за основу понятие отражения, то, соответственно, его интеграцию с интерпретацией можно определить как *«рациональное отражение»* и *«субъективное отражение»*.

В онтологическом плане отражение и интерпретация образуют диалектическое единство и представлены в рамках единой интегративной функции – отражательно-интерпретативной. Но в исследовательском плане они могут быть рассмотрены в определенной степени изолированно друг от друга.

В случае же рассмотрения *внешней стороны языка* его антропоцентрическая природа вызывает большие сомнения, поскольку язык является объектом действительности, своего рода артефактом, созданным человеком. Поэтому в этом случае, на наш взгляд, **антропоцентричен**, строго говоря, **уже не язык как система знаков, как инструментарий познания, а антропоцентрична коммуникация как система использования языка человеком в соответствии с его целями общения**. Вот почему, как отмечается в КСКТ, языковая функция репрезентирования генетически и функционально неотделима от функции коммуникации [КСКТ 1996: 52]. В принципе, мы имеем своего рода **антиномию**: *язык не антропоцентричен, будучи одним из объектов действительности и средством объективации сознания. Но язык антропоцентричен, реализуя в речи когнитивную и коммуникативную функции в их единстве*, используя созданную антропоцентрическим способом семиотическую систему языковых знаков.

На наш взгляд, **коммуникация** – это уже не столько уровень языка, пусть даже самый высший, сколько *самостоятельная сущность*. Это – **интегративное речемыслительное пространство**, природа которого не сводится к языку. Язык – только важнейшая составляющая коммуникации, но не единственная. В определенном смысле коммуникация представлена *концептуальным пространством как особым типом интегративной когнитивной деятельности человека*. Она позволяет сопоставить разную информацию языковых уровней, учитывая их разноканальность, и тем самым формирует на их основе интегративное единство, цельность которого обеспечивает выполнение языком его основной функции – коммуникативной.

Однако при этом ни один из уровней языковой системы не выполняет коммуникативной функции в полном ее объеме, в том числе и синтаксис. Предложение как основная синтаксическая единица хотя и включается в коммуникацию, но не исчерпывает содержание и структурирование коммуникативной единицы – дискурса (текста), оказываясь важнейшим

его элементом, но не единственным. По мнению С.Г. Ильенко, «нельзя считать приемлемой распространенную формулировку «синтаксис – коммуникативный уровень языка» [Ильенко 2009: 26]. Коммуникация осуществляется не только за счет использования предложения, хотя посредством его мысль приобретает более или менее четкую коммуникативную оформленность, но и за счет использования в нем слов с определенным лексическим значением, оформленным морфологическими формами, которые отражают отношения слов в составе предложения. В принципе, язык в этом случае, используя членимый тип предложений, выполняет *орудийную функцию* – функцию формирования и выражения мысли, а не собственно коммуникативную. В случае с нечленимыми предложениями коммуникативная их полноценность и очевидность вызывает еще большие сомнения, поскольку отсутствует выражаемая ими мысль, а присутствуют, скорее, эмоциональные и оценочные реакции на ту или иную мысль или описываемую ситуацию.

На наш взгляд, собственно антропоцентрическим становится изучение языка именно тогда, когда неотъемлемым и центральным объектом его изучения и описания стала коммуникация. Именно она обуславливает антропоцентризм в узком смысле, когда реализация основных функций языка осуществляется с позиций прежде всего развертывания в ней мыслительных структур посредством языковых репрезентативных средств. Выбор этих средств определяется целями носителей языка, их прагматическими установками. Поэтому в одних случаях выбор языковых выражений оказывается в пользу лексических средств, в других – в пользу определенных морфологических форм (например, форм императива) или особых синтаксических конструкций (например, инфинитивное письмо в поэзии).

Собственно коммуникативным становится сообщение при условии включения сообщения говорящего для кого-то с целью его восприятия слушающим. Поэтому подлинная коммуникация осуществляется в диалоге и вследствие этого не ограничивается одним высказыванием. При этом в коммуникации присутствует и то, что представлено дискурсивным контекстом, включающим экстралингвистическую информацию. Коммуникация предполагает их интеграцию со свойственными им уровнями функциями, но которые в составе основной единицы коммуникации – дискурса (или текста как результата дискурсивной практики) выступают как составляющие когнитивно-коммуникативного интегративного единства [Шарандин 2015].

Литература

Ильенко С.Г. Коммуникативно-структурный синтаксис современного русского языка. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2009.

КСКТ / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Шарандин А.Л. Сознание, семиотика, язык, коммуникация и прагматика как единое концептуальное пространство // Вопросы психолингвистики. М.: ИЯ РАН, МИЛ, 2015. № 3 (25). С. 240-250.

*A.L. Sharandin (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov state university*

COMMUNICATION AS A SPECIAL TYPE OF INTEGRATIVE COGNITIVE ACTIVITY OF A MAN

Communication is showed as integrative conceptual space, which has cognitive nature. As a part of it we use in communication linguistic and non-linguistic representative tools. In its integrative unity, these tools ensure full value and success of communication and realize the anthropocentric nature of human cognitive activity.

Key words: communication, cognitive activity, anthropocentrism, integration, reflection, interpretation.

*A.J. Cienki (Amsterdam, Netherlands)
Vrije Universiteit & Moscow State Linguistic University
a.cienki@yu.nl*

GESTURES AND GRAMMATICAL CONSTRUCTIONS

Speakers' spontaneous gestures have been shown to relate in various ways to the grammatical constructions they are using. There is a range of degrees to which different constructions "attract" gesture use. The gesture-construction

relation is sometimes subtle, e.g., appearing in the movement quality of gestures, as opposed to other form features. Research on this topic leads to new views on how constructions may be constituted.

Key words: Construction Grammar, gesture, semantics, entrenchment.

There has been increasing attention to gesture as a form of data for analysis within cognitive linguistics [Cienki 2013]. The motivations are clear if we think about basic tenets of cognitive linguistics, such as the view that language structure and use, and the meanings being expressed via language, are based on patterns of conceptualization [Langacker 1987], and that our linguistic capacity is grounded in our embodied experience in the world [Gibbs 2006]. Research over the past few decades has also made a convincing case that gestural forms and functions arise from, and reflect to some degree, processes of conceptualization [Kita et al. 2017; McNeill 1992], and their very essence in our embodied experience is undeniable.

But in what ways does gesture relate to the core of linguistic structure, namely grammatical constructions? The degree to which this is the case will reveal how deep gesture goes in its connection to the heart of language. The amount of research in this area is still relatively small, though, given how gesture studies is still a developing field of research.

The first question to be clarified for such an investigation is: what constitutes a grammatical construction? Researchers working in Construction Grammar continue to debate this basic notion. Taking a general approach, we will follow the definition that constructions are “conventionalized clusters of features (syntactic, prosodic, pragmatic, semantic, textual, etc.) that recur as further indivisible associations between form and meaning” [Fried 2015: 974]. As this definition is quite broad, there is still debate regarding what criteria should be followed for determining whether a gesture can also be said to “belong to” a given grammatical construction or not.

One criterion that is of frequency of occurrence. Goldberg [2006: 5] claims, “patterns are stored as constructions even if they are fully predictable as long as they occur with sufficient frequency”. However, not only does the criterion of “sufficient frequency” not provide an unequivocal guideline for identifying constructions [Stefanowitsch 2009], it is even more problematic when considering whether gesture could be included as a possible feature of constructions. With the exception of speech-linked gestures [McNeill 1992], which necessarily complete certain utterances, such as deictic phrases (e.g., pointing gestures

with phrases such as “I’ll take that one” or “Look over there”), gestures may recur with certain constructions without being obligatory [Zima & Bergs 2017: 2]. There is a range of degrees to which gesture is inherently connected with certain constructions.

Kok [2016] introduced the notion of certain words as being “gesture attracting” or “gesture repelling”, referring to their higher or lower occurrence with gesture than might be expected by chance. The same notion can be applied to constructions; certain constructions have been found to be more “gesture attracting” – to occur with gestures more frequently than other constructions. Deictic constructions, as noted above, are a prime example. However, other constructions have been found to be “gesture repelling”, such as the copula with an evaluation in English (e.g., “That’s nice”, “I’m sure”) [Wu 2018]. As I argue in [Cienki 2017], building on [Gries 2003], it might be most useful to think of constructions as prototype categories, rather than as having strict boundaries. According to this view, rather than asking whether a gestural feature is or is not entrenched in a construction, we can shift our attention to the issue of how central or peripheral gesture is in a cluster of features that we (linguists) might usefully want to consider as a construction.

The question of what gestural feature might be relevant in relation to constructions may even be a matter of something as subtle as the gesture movement quality, rather than what might be considered more salient form features, such as handshape, palm orientation, or movement direction. Research on lexical and grammatical aspect in relation to gesture use appears to be one such case. Becker et al. [2011] found Achievement verbs in English being used significantly more with gestures having a punctual movement quality, as opposed to gestures with Accomplishment and Activity verbs, which lacked such a quality. Boutet & Morgenstern [2018] found that gesture movement quality differed according to the particular type of past tense being used by native speakers of French. Use of the perfect tense *passé composé* correlated with greater use of gestures involving a pulse of effort in the movement, versus use of the imperfect/*imparfait*, which correlated with greater use of gestures with more controlled movement throughout, lacking such a pulse. Hinnell [2018] observed differences in the force dynamics of gestural movement with verbal expressions having in English different aspectual qualities (e.g., *continue doing something* versus *keep doing something*). Other ways in which gesture use may relate to the notion of grammatical constructions may remain to be discovered until other researchers have sufficiently creative insights about what possible connections might exist.

Another set of questions arises with regard to (a) whether gesture “simply” has the possibility of accompanying some kinds of verbal constructions, (b) whether some constructions are inherently multimodal (verbo-gestural), or even (c) whether there might be gestural constructions which admit possible accompaniment by spoken words/morphemes. In the first case (“a” above), we can consider constructions well known from the literature, based on analysis of written texts, which may optionally be uttered with a gesture (e.g., using a caused motion construction [X __ed the Y PREP the Z] with a hand movement sweeping outward, as if following the path of the entity that was moved). In the case of (b), several works discuss expressions that simply consist of a few morphemes on the verbal level, but which are regularly accompanied by gestures of some kind. Examples include German modal particles with gestures serving particular pragmatic functions [Schoonjans 2014] and the English construction [from X to Y], which Cánovas and Valenzuela [2017] found to be particularly likely to co-occur with gestures. The third case (c) could be exemplified by the shrug, analyzed in [Debras 2017] and [Jehoul et al. 2017], which may or may not be accompanied by a verbal expression (e.g., having to do with not knowing or caring about something).

An attempt to solve the conundrum of how to handle these types in a coherent framework is proposed in [Cienki 2017]. Drawing upon Kendon’s [2004 and elsewhere] foundational research, the proposal supports the view that speech and gesture constitute two sides of the act of utterance. Viewing constructions on this level results in a theory of Utterance Construction Grammar in which a speaker’s knowledge of any construction can be expressed through more partial or more complete realizations of the underlying verbal and gestural components which can potentially play a role in it.

Several conclusions can be drawn from the research in this area. One is that gesture use is not immune to the grammatical constructions that speakers are using. Far from it, it appears there is a range of likelihood that gestures will occur with various constructions. Another is that investigating gesture from a linguistic point of view raises new questions for linguistic theory itself, putting some existing categories into question. It also points the way for a more ecologically valid theory of language and communication, that is: one that better reflects the complexities of real use.

Looking ahead, these findings raise interesting questions for future research. For example, if gesture use relates to some degree to the grammatical constructions speakers use, this means it also must differ to some degree per language according to typological categories. Do speakers of languages that typically

use Subject-Verb-Object syntax have different gestural “profiles” than speakers of languages that typically follow Subject-Object-Verb syntax (or VSO, etc.)? Does gesture use with languages with complex inflectional morphology differ from that of languages with more analytic structures (such as monomorphemic words)? We currently know so little about gesture use by speakers of most of the world’s languages that such questions will take many years to answer. A first step will necessitate increased use of video recording of speakers, rather than relying solely on audio recordings, not to mention written transcripts or written texts themselves, for the analysis of language as part of the use of multiple semiotic systems in communication.

References

Becker R. et al. Aktionsarten, speech and gesture // Proceedings of GESPIN2011: Gesture and speech in interaction / Ed. by C. Kirchhof [http://gespin.amu.edu.pl/?page_id=46], 2011.

Boutet D., Morgenstern A. The French speakers’ gestural expression of event construal // Aspectuality Across Languages / Ed. by A. Cienki & O. Iriskhanova. Amsterdam: Benjamins, 2018.

Canovas C.P., Valenzuela J. Timelines and multimodal constructions / *Linguistics Vanguard* 3(s1), 2017.

Cienki A. Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture as expressions of conceptualization / *Body – Language – Communication* / Ed. by C. Müller et al. Berlin: de Gruyter, 2013.

Cienki A. Utterance Construction Grammar (UCxG) and the variable multimodality of constructions / *Linguistics Vanguard* 3(s1). DOI: 10.1515/lingvan-2016-0048, 2017.

Debras C. The shrug: Forms and meanings of a compound enactment / *Ges- ture*. 2017. No. 16 (1). P. 1-34.

Fried M. Construction Grammar / *Syntax – theory and analysis* / Ed. by A. Alexiadou & T. Kiss, 974-1003. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.

Gibbs R. Embodiment and Cognitive Science. New York: Cambridge University Press, 2006.

Goldberg A.E. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language. Oxford: Oxford University Press, 2006.

Gries S.T. Towards a corpus-based identification of prototypical instances of constructions / *Annual Review of Cognitive Linguistics*. 2003. No. 1. P. 1-27.

- Hinnell J.* The multimodal marking of aspect // *Cognitive Linguistics*. 2018. No. 29 (4). P. 773-806.
- Jehoul A., Brone G., Feyaerts K.* The shrug as a marker of obviousness. *Linguistics Vanguard* 3(s1), 2017.
- Kendon A.* *Gesture: Visible Gesture as Utterance*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Kita S., Alibali M., Chu M.* How do gestures influence thinking and speaking? *Psychological Review*. 2017. No. 124 (3). P. 245-266.
- Kok K.I.* The status of gesture in cognitive-functional models of grammar. PhD thesis, Vrije Universiteit Amsterdam, 2016
- Langacker R.W.* *Foundations of Cognitive Grammar: Theoretical Prerequisites*, vol. 1. Stanford: Stanford University Press, 1987.
- McNeill D.* *Hand and Mind*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Schoonjans S.* Modalpartikeln als multimodale Konstruktionen. Eine korpusbasierte Kookkurrenzanalyse von Modalpartikeln und Gestik im Deutschen. University of Leuven Unpublished dissertation, 2014.
- Stefanowitsch A.* Bedeutung und Gebrauch in der Konstruktionsgrammatik // *Zeitschrift für germanistische Linguistik*. 2009. No. 21. P. 565-592.
- Wu S.* *Multimodality of Constructions in Construction Grammar*. PhD thesis. Vrije Universiteit Amsterdam, 2018.
- Zima E., Bergs A.* Multimodality and construction grammar / *Linguistics Vanguard* 3(s1), 2017.

*А.Дж. Ченки (Амстердам, Нидерланды)
Свободный университет;*

Московский государственный лингвистический университет

ЖЕСТЫ И ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ

Спонтанные жесты говорящего могут по-разному соотноситься с грамматическими конструкциями, которые он использует. Различные грамматические конструкции в разной степени предполагают использование жестов. Связь между жестами и конструкциями порой проявляется весьма тонко, в частности, может обнаруживаться в такой черте, как качество

жестовых движений. Исследование данной проблемы открывает новые перспективы в представлении грамматических конструкций.

Ключевые слова: грамматика конструкций, жест, семантика, укорененность.

Z. Kövecses (*Budapest, Hungary*)

Eötvös Loránd University
kovecses.zoltan@btk.elte.hu

METAPHOR, MIND AND CONTEXT

The paper argues that conceptual metaphor theory (CTM) needs to embrace a contextual component in order to account for why and how speakers produce particular linguistic and conceptual metaphors in specific discourse situations. Four relevant contextual factors are identified: situational, discourse, conceptual-cognitive and bodily context.

Key words: conceptual metaphor, conceptual metaphor theory, contextual factors, discourse, knowledge.

A major discovery of conceptual metaphor theory (CMT) was that metaphors are not simply individual linguistic expressions but systems of concepts in the form of mappings between conceptual gestalts, such as domains, frames, schemas, and so on [Lakoff and Johnson 1980; Kövecses 2002/2010a]. CMT thus made a natural connection between metaphor in language and metaphor in thought (the metaphorical conceptual system). It maintains that many metaphors in language only exist because we have conceptual metaphors.

However, I have shown in some recent publications [Kövecses 2010a, b, 2015] that the use of many naturally occurring linguistic and conceptual metaphors is virtually impossible to explain without taking into account the role of context. In other words, CMT needs to embrace a contextual component in order to account for why and how speakers / conceptualizers produce particular linguistic and conceptual metaphors in specific discourse situations. In this paper, based on my previous work, I identify and outline some of the most important elements that should be part of such a contextual component of CMT.

In my 2015 book *Where Metaphors Come From* I have presented a large

amount of evidence to show that the use of metaphors in discourse is influenced by a variety of contextual factors. These contextual factors can be grouped into four large categories: situational context, discourse context, conceptual-cognitive context, and bodily context.

The situational context comprises a variety of different contextual factors. Most commonly, this type of context can be thought of as including the physical environment, the social situation, and the cultural situation.

The *physical environment* can shape metaphorical meaning making. It includes the flora, the fauna, the landscape, the temperature, the weather, perceptual properties of the situation, and so on.

The *social situation* consists of social aspects of life that typically center around notions such as gender, class, politeness, work, education, social organizations, social structure, and others. All of these can play a role in metaphorical conceptualization.

The *cultural situation* involves both the global context (the shared knowledge represented in the conceptual system) and the local context (the specific knowledge in a given communicative situation). An example of how the global context can affect metaphorical conceptualization is the way different concepts can produce differential metaphorical source domains in different cultures and languages, such as the metaphors for anger: ANGER IS HEAT (OF FLUID OR SOLID) in a large number of languages such as English and Hungarian, whereas in Chinese the metaphor can also involve GAS as its source domain – as a result of the influence of Yin and Yang theory [Yu 1998].

The discourse context involves the surrounding discourse, knowledge about the main elements of discourse, the previous discourses on the same topic, and the dominant forms of discourse related to a particular subject matter.

The *surrounding discourse* is simply the linguistic context – often referred to as “cotext”. Viewed from the perspective of the discourse’s producer (the speaker), elements of the preceding discourse (either by the speaker/conceptualizer 1 or the hearer/conceptualizer 2) can influence the (unconscious) choice of metaphors.

Conceptualizers often rely on their *knowledge concerning the main elements of a discourse*: the speaker, hearer, and the topic. For example, it is a common phenomenon in many newspaper articles that knowledge about the topic as a contextual factor leads to the creation of new metaphors [Kövecses 2010b, 2015]. An example of this involved David Beckham in an article in which the journalist remarked: “*Los Angeles Galaxy are sardines not sharks in the ocean*”

of *footy*” (Kövecses 2010b). Here the relevant contextual knowledge includes that Beckham played for the Los Angeles Galaxy soccer team and that Los Angeles is located on the ocean with all kinds of fish in it.

The metaphors in one discourse can also derive from *previous discourses on the same topic*. This can take a variety of forms ranging from elaborating, extending, questioning, negating, reflecting on, ridiculing, to otherwise taking advantage of a metaphor previously introduced.

Certain forms of discourse can acquire *dominant status* in a community. When a dominant form of discourse related to a subject matter emerges, the metaphor used in or based on this discourse can become widespread both temporally (historically) and spatially (cross-culturally). For example, the discourse of Christianity commonly gives rise to the use of metaphors in the Christian world.

The conceptual-cognitive context includes the metaphorical conceptual system at large, ideology, knowledge about past events, and the characteristic interests and concerns of a community or individual.

Concepts can stand in a metaphorical relationship with one another (e.g., LIFE IS A JOURNEY, ARGUMENT IS WAR) in long-term memory. Given such metaphorical relationships between concepts (such as between, say, ARGUMENT and WAR), their presence or absence in the *metaphorical conceptual system* may lead to the production and comprehension of particular metaphors. A metaphorical conceptual system can function as context in this sense.

Ideology can also be a formative factor in how metaphors are used in discourse. One’s ideological stance concerning major social and political issues may govern the choice of metaphors.

Being aware of past events and states (i.e., items in short-term and long-term memory) shared by the conceptualizers may also lead to the emergence of specific metaphors in discourse. A special case of this involves a situation in which the speaker assumes that the hearer has a particular mental state. Such memories of events can belong to the life of a community or an individual.

People are commonly prompted to use particular metaphors relative to their *interests and concerns* about the world [Kövecses 2005]. Entire groups and individuals can be said to have certain characteristic interests or concerns that may affect the way they make meaning metaphorically. Since Americans are commonly regarded as dynamically-oriented in their attitude to life, and are sports-loving in general, it is not surprising that they use a large number of sports metaphors.

A particular state of the body can produce particular metaphorical conceptualizations in specific cases, such as a poet's or writer's illness. Elsewhere, I showed how Dickinson's choice of metaphors may have been influenced by her optical illness [Kövecses 2010b]. Such cases illustrate, more broadly, that people's bodily specificities influence which metaphors they tend to use.

Given this kind of evidence, one might take the body as a further form of the context. The body is *not only* responsible for the production of hundreds of conceptual metaphors through the many correlations between subjective and sensorimotor experience, but it can also prime the use of particular metaphors in more immediate, local contexts. In other words, the body can lead to the production of metaphors in discourse in the same way as the other contextual factors previously mentioned can.

Within the varied set of contextual factors that were briefly introduced above, two general types of context can be distinguished: local and global. The *local context* involves the specific knowledge conceptualizers have about some aspect of the immediate communicative situation. By contrast, the *global context* consists of the conceptualizers' general knowledge concerning their community's environment (physical, social, cultural). It involves knowledge shared by an entire community of conceptualizers.

There are four cognitive processes involved in the production of a particular metaphorical expression in a discourse situation: deciding on cognitive operations, being exposed to various forms of local vs. global context, being primed by contextual factors, building a conceptual pathway.

We can suggest that in actual communicative situations speakers/conceptualizers derive their metaphors from four types of experience: the situational, discourse, conceptual-cognitive, and bodily contexts. This goes against the traditional belief that most of our linguistic metaphors are simply conventionalized linguistic expressions that have a certain meaning, and we use the metaphors when we wish to express those meanings in a given context. It also goes against a commonly held view in cognitive linguistics that the metaphors we use are simply based on conceptual metaphors in our heads. Instead, the four context types and the contextual factors belonging to them prime conceptualizers to (unconsciously) choose their metaphors in discourse. More specifically, the priming effect can take place only if the conceptualizers (both speaker and hearer) can build the appropriate conceptual pathway between the intended target-domain meaning and the particular experiential content that is primed by the context.

It seems, then, that context is an unavoidable aspect of metaphorical meaning making. The conceptual and the contextual aspects of metaphor are inextricably bound together; one cannot exist without the other. Conceptual metaphor theory cannot simply be just conceptual; it also needs to be contextual.

References

Kövecses Z. Metaphor. A Practical Introduction. New York; Oxford: Oxford University Press, 2002/2010a.

Kövecses Z. Metaphor in Culture. Universality and Variation. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2005.

Kövecses Z. Metaphor. A Practical Introduction. Second edition. New York; Oxford: Oxford University Press, 2010a.

Kövecses Z. A New Look at Metaphorical Creativity in Cognitive Linguistics. *Cognitive Linguistics*. 2010b. No. 21(4). P. 663-697.

Kövecses Z. Where Metaphors Come From. Reconsidering Context in Metaphor. Oxford; New York: Oxford University Press, 2015.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.

Yu N. The Contemporary Theory of Metaphor in Chinese: A Perspective From Chinese. Amsterdam: John Benjamins, 1998.

3. Кевечеш (*Будапешт, Венгрия*)
Университет им. Лоранда Этвеша
kovecses.zoltan@btk.elte.hu

МЕТАФОРА, МЫШЛЕНИЕ И КОНТЕКСТ

В статье утверждается, что теория концептуальной метафоры должна учитывать также и контекст для того, чтобы объяснять, почему и как носители языка порождают лингвистические и концептуальные метафоры в конкретных дискурсивных ситуациях. Выделяются четыре релевантных контекста: ситуационный, дискурсивный, концептуально-когнитивный и телесный.

Ключевые слова: концептуальная метафора, теория концептуальной метафоры, контекстные факторы, дискурс, знание.

II. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ И КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА В ЯЗЫКЕ В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ, КОММУНИКАТИВНОМ АСПЕКТАХ

*А.П. Бабушкин (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
babushkin@rgph.vsu.ru*

КАТЕГОРИЗАЦИЯ «КАЛЕЙДОСКОПИЧЕСКИХ» КОНЦЕПТОВ

В статье рассматривается категоризация «калейдоскопических» концептов, вербализованных афористическими выражениями, определяются центры метафорических категорий и их периферийные участки.

Ключевые слова: «калейдоскопические» концепты, типы когнитивных структур, афористические выражения, категории, прототипы.

В работах, посвященных оборотам речи, содержащим слова и выражения в их переносном употреблении, мало кто не апеллирует к когнитивным метафорам, фигуральным конструктам, позволяющим увидеть и осмыслить одно понятие, как правило, абстрактное по своей природе, через обращение к другому, обозначенному словом конкретной семантики, что придает первому не столько ореол образности, сколько обнажает его внутреннюю сущность. Авторы книги “*Metaphors We Live By*” Дж. Лакофф и М. Джонсон на многочисленных примерах показывают, что мышление человека в значительной степени метафорично, то есть наша понятийная система упорядочивается и определяется метафорически.

В качестве одной из иллюстраций выдвинутой ими теории ученые рассматривают понятие *Life* (Жизнь) в терминах таких метафор, как *Жизнь – это контейнер* и *Жизнь – это азартная игра*. Так, под рубрику второй метафоры могут быть сведены высказывания типа: *The odds are against me* (Нет шансов на выигрыш), *I've got an ace up in my sleeve* (У меня в рукаве есть главный козырь), *Those are high stakes* (Ставки высоки) [Lakoff, Johnson 2004: 50].

Н.В. Перцев, переводя книгу Дж. Лакоффа и М. Джонсона на русский язык, ставит знак равенства между метафорическими понятиями и метафорическими концептами [Лакофф, Джонсон 1990: 389], хотя сегодня привычнее говорить о концептуальных метафорах.

С другой стороны, широко известна статья Л.О. Чернейко «Гештальтная структура абстрактного имени», в которой указывается на тот случай, когда одно и то же слово абстрактной семантики способно вызывать в сознании целую галерею образов. Например, лексема *Судьба* разворачивается в набор ассоциатов: *Судьба – это старушка, начальник, жертва, часы, корабль, рогатое животное, собака, деньги, лист бумаги, текст, знак, точка, круг, линия* [Чернейко 1995: 79]. Однако если у Дж. Лакоффа и М. Джонсона речь идет о результатах когнитивных процессов, свойственных коллективному сознанию, то примеры Л.О. Чернейко построены на личностных ассоциациях носителей языка.

В свою очередь, занимаясь выявлением типов концептов на материале русского и английского языков, мы ввели в научный оборот термин «калейдоскопические концепты», суть которого нуждается в пояснении.

Прежде всего, необходимо отметить, что типология концептов выстраивается на основе их семантико-когнитивного анализа, то есть когнитивной интерпретации значений языковых средств [Попова, Стернин 2007: 160].

По составу сем, скрытых в плане содержания семемы и вербализуемых в дефиниции лексемы (слово – «свитое» определение), можно судить о характере концепта, его «фактуре». На этом основании за концептом признается статус родового имени, а его видовые ветвления представляются «мыслительными картинками» (образными представлениями), схемами, фреймами и сценариями [Бабушкин 1996: 95].

Образные семы, выявляемые по словарным дефинициям слов, формируют мыслительную картинку (в этом ключе: *роза – кустарниковое растение с красивыми, крупными, душистыми цветками и со стеблем, обычно покрытым шипами*); пространственные семы формируют схему (*гора – значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью*); архисема, оформленная рядом лексико-семантических групп, актуализирует фрейм (*лес – множество деревьев, расположенных на большом пространстве с сомкнутыми кронами*), а семы развития, движения, динамики ответственны за репрезентацию концептов сценариев (*экскурсия – коллективная поездка куда-нибудь, посещение чего-нибудь с образовательной, познавательной целью*).

Сами термины: «мыслительные картинки», схемы, фреймы и сценарии – не новы, но с платформы семантико-когнитивного подхода они наполняются лингвистическим содержанием.

В перечисленный выше ряд типов концептов на правах равных включаются и наши «калейдоскопические» концепты – когнитивные структуры, объективируемые абстрактной лексикой. Они «калейдоскопичны», потому что принимают в одной вербальной оболочке вид то мыслительной картинке, то схемы, то фрейма, то сценария, как в детской игрушке меняются узоры цветных стеклышек.

Вместе с тем, встает вопрос о том, что поскольку мы говорим о концептах, в нашем случае – метафорических, то способны ли они выстраивать категорию, и имеет ли эта категория свой прототип? Вслед за авторами книги «Метафоры, с которыми мы живем» обратимся к тому же самому концепту ЖИЗНЬ, при этом за отправную точку возьмем факт многослойности этого понятия. Так, Толковый словарь русского языка дает шесть значений этого слова, а Longman Dictionary of English Language and Culture – более десяти.

В русском «списке» за «Жизнью» мыслятся, например, физиологическое состояние человека, время такого существования от его возникновения до конца, а также деятельность человека в тех или иных ее проявлениях. Эти пункты кажутся нам наиболее важными.

По многочисленным сборникам афоризмов мы отобрали определения лексемы *Жизнь* с их «калейдоскопическим» подтекстом и предлагаем рассмотреть иерархию мудрых изречений на тему: «*Жизнь – время здравствования человека от его появления на свет до смерти*», определяя в каждом случае тип «калейдоскопического» концепта.

1. Вот *жизнь человека: в двадцать лет – павлин, в тридцать – лев, в сорок – верблюд, в пятьдесят – змея, в шестьдесят – собака, в семьдесят – обезьяна, в восемьдесят – ничто...* (Б. Грасиан). Здесь *Жизнь* выступает в качестве набора мыслительных картинок, по которым прослеживается весь срок человеческого бытования.

2. *Жизнь – это путь покрытый терновыми кустами; вся наша жизнь – дорога к смерти, / Письмо, где текст-то ерунда* (Э. Рязанов); *жизнь человеческая похожа на дорогу, кончающуюся страшной пропастью* (Ж. Боссюэ). В приведенных иллюстрациях ЖИЗНЬ – концепт-схема, обеспеченная общей семей «протяженьем».

3. *Вся наша жизнь – вокзал – синоним вечной суеты, а люди – поезда – приходят и уходят* (И. Шмелев): вокзал – не просто здание для

обслуживания пассажиров и размещения служебного персонала на железной дороге, но одновременно и символ транзита – перевозки людей и груза из одного пункта в другой через промежуточные станции (чем не аналог человеческой жизни?). См. также: *жизнь – это школа, но спешить ее оканчивать не следует* (Э. Кроткий). Ясно, что любой образовательный процесс имеет начало и конец.

4. *Жизнь – это путешествие, которое лучше совершать одиноко* (Ж. Адан). Концепт ПУТЕШЕСТВИЕ – поездка или передвижение пешком по каким-то местам или странам – соответствует характеристике концепта-сценария. Это относится и к последующим примерам: концепты-сценарии стоят за такими афоризмами, как: *жизнь – шахматная игра: едва она закончена, как все фигуры – королей, королев, офицеров и пешек бросают в ящик* (М. Сафир); *жизнь – сплошная навигация: каждый день – рейс* (Л. Кассиль).

Следует признать, что произведенная нами классификация «калейдоскопических» концептов отличается от классического объединения структур представления знаний на примере известной категории *Птицы*, но нельзя отрицать наличия в ней главного принципа категории.

«В широком смысле слова, – пишет Е.С. Кубрякова, – категоризация – это не только причисление единицы к своему множеству, это гораздо более сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных существенных признаков или свойств. Механизмы таких процессов направлены на то, чтобы за внешним разнообразием атрибутов разных объектов и событий увидеть некое сходство или даже относительное их тождество» [Кубрякова 2004: 307].

Как показывает материал, несмотря на специфику каждого варианта концепта ЖИЗНЬ, будь то картинка, схема, фрейм или сценарий, в афоризмах, их объективирующих, прослеживается одна общая, роднящая их идея.

Если доказано, что концепты, сводимые в категорию, объединяются вокруг своего лучшего образца – прототипа [The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology 1994: 79], то, с нашей точки зрения, прототипом данной категории служит концепт-схема, воплощенная в афоризме: *Жизнь – это путь*. Наиболее близкими к прототипу стоят концепты-сценарии, далее следуют концепты-фреймы, наиболее отдалены от центра концепты-картинки.

Вполне понятно, что свою категорию выстраивают когнитивные структуры, подводимые под рубрику «*Деятельность человека в тех или иных проявлениях жизни*». См., например, высказывание М. Горького: *Жизнь – точно какой-то базар. Все хотят обмануть друг друга, дать меньше, взять больше*, вербализующее концепт-сценарий. В данном афоризме мысль направлена не на оценку жизненного пути людей, в свое время появившихся на свет, а затем ушедших в иной мир, а на характер отношений в эпоху их бытования.

Таким образом, метафорические концепты абстрактных имен не являются разрозненными мыслительными конструктами, а, так же как и концепты номинаций, относящихся к разряду конкретной лексики, сводятся в категории, имеющие свой центр и периферию.

Литература

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которые мы выбираем / пер. с англ. Н.В. Перцева // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. L.: The university of Chicago press, 2004.

The Blackwell Dictionary of Cognitive Psychology / Ad. by M.W. Eysenck. Cambridge, Massachusetts, 1994.

A.P. Babushkin (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

CATEGORIZATION OF “KALEIDOSCOPIC” CONCEPTS

The article considers categorization of kaleidoscopic concepts verbalized by aphoristic expressions and determination metaphoric categories' centre and periphery.

Key words: Kaleidoscopic concepts, types of cognitive structures, aphoristic expressions, categories, prototypes.

Е.Н. Бекасова (Оренбург, Россия)

*Оренбургский государственный педагогический университет
bekasova@mail.ru*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ КОГНИТИВНОГО «СЛОМА» ХАРАКТЕРИСТИК ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Анализ истории славянской письменности как важнейшей составляющей познания мира и одновременно инструмента формирования и развития ментальности славян свидетельствует о когнитивном «сломе» характеристик языковой картины мира с начала десакрализации азбуки и письменности.

Ключевые слова: славянская письменность, азбука, языковая картина мира, концептуализация, ментальность.

Одной из важнейших ступеней познавательной деятельности человека следует признать возникновение письменности. При этом алфавитные системы являются одним из самых значимых цивилизационных достижений человечества, и не только потому, что изобретение букв и типографии, как справедливо утверждал Н.М. Карамзин, – главные эпохи истории ума, но и потому, что в них концентрируется положительный опыт преемства знаний со значительным вкладом каждого народа, приобщающегося к духовным ценностям.

Особо в процессе осмысления книжности как важнейшего феномена интерпретации человеком мира и себя в мире следует отметить славянские азбуки, которые появляются в тот период, когда славянское самосознание укрепилось в такой степени, что позволяло не только осмыслить глубинную суть просвещения, но и проанализировать славянские «письмена» в кругу «великих языцев». Кирилл и Мефодий впервые утверждают равенство всех народов на приобщение к книжности и необходимость передачи «ключа познания» славянам [Сказание 1981: 89], а их ученики закладывают традиции тысячелетнего почитания просветительской деятельности первоучителей, славянской письменности и особого отношения к ее алфавитным системам. В таких условиях закладываются основы славянской ментальности, поскольку формируется особая культура почитания книжного, а по замечанию Ю.М. Лотмана, «культура всегда, с одной стороны, – определенное количество унаследованных текстов,

а с другой – унаследованных символов» [Лотман 1994: 8]. В славянской книжности переплелись и авторитетные для всего греко-славянского ареала тексты, переведенные Учителями, и важные символы, к которым, несомненно, относилась азбука.

Приобщение славян к «великим языцем» требовало особого осмысления той новой жизни, которая обуславливалась просвещением славянского народа, о чем со всей определенностью свидетельствует «Проглас»: *«чловек вся отлучить от жития скотска и похоти. Слышити ныне от своего ума, слышите словенск народ, слышати слово, от Бога прииде ... бес книг язык в глазе смыслене не глаголюште... Нази бо вси без книг языци»* (цитируется по: [Турилов 2012: 11]).

Христианская ориентация становится важнейшей составляющей категоризации и концептуализации мира, рассматриваемых как «живой процесс порождения новых смыслов» [Кубрякова 1996: 93]. В частности, в связи с этим И.И. Срезневский со всей определенностью отмечает проявление механизмов взаимодействия языка и мысли: «от самого прилива новых идей с христианством должны были измениться прежние понятия обо всем; таким образом, понятие и вся образованность народа должна сильно поколебаться и по тому самому должен был начать сильно изменяться строй языка», а за развитием языка «в его материальной форме» шло развитие «мысли, выражающейся в языке» [Срезневский 2007: 99].

У славян формируется новая концептуальная система, где, с одной стороны, осваиваются и присваиваются опыт и знания общечеловеческого значения, с другой, – вырабатываются собственные приемы обработки и трансформации информации, а также ментальные предпочтения [Бекасова 2014]. При этом даже потеря славянских азбук (у западных славян) или временное забвение имен Первоучителей (у восточных славян) слабо отражаются на сохранении основных базовых категорий принятого у славян почитания книжного.

Следует отметить, что славяне изначально выстраивают собственную языковую картину мира, где особую значимость приобретает языковая рефлексия. В этом аспекте показательны обстоятельства возникновения древнейшей славянской азбуки, ее оригинальность и дальнейшая судьба. Со всей определенностью это проявляется в речи Константина Философа в Ватикане, представленной в «Житии Константина», и особенно в одном из самых ранних трактатов о славянской письменности – Сказании черноризца Храбра «О письменах», который свидетельствует, что

всем славянским книжникам в конце IX – начале X в. была хорошо известна история возникновения славянской письменности: *«Ведь если спросишь книжников греческих, говоря: кто создал вам письма или книги перевел и в какое время, то мало кто среди них это знает. Если же спросишь славянских книжников, то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, названный Кириллом, он письма создал, и книги перевел, и Мефодий, брат его в лето 863»* [Сказание 1981: 104]. При этом для Храбра постоянным лейтмотивом становится отделение «материнских» греческих писем от славянских и утверждение сакральности славянской азбуки в отличие от греческого алфавита: *«А для славян один святой Константин, названный Кириллом, письма создал, и книги перевел и за немногие годы, а они – многие и за много... И поэтому славянские письма более святы и более достойны почитания, ибо их создал святой муж, а греческие – язычники эллины»* [Сказание 1981: 104].

Сакральность славянских азбук постоянно прирастала своеобразными установками славянских книжников на утверждение их особенности и значимости для «славословия божия». В русле этого распространение получают азбучные акrostихи, где начальные строки соответствовали очередности букв славянского алфавита. Такой акrostих был представлен и в Сказании черноризца Храбра (доведен до буквы Г), и был, по всей видимости, связан с несохранившимися источниками. Такая традиция проявилась и в знаменитой Азбучной молитве ученика Мефодия – Константина Преславского, закрепляющей семантическую значимость букв древнейшей азбуки: *«1. Азь словомъ симъ / молюся богу: 2. Боже, всеи твари / и зиждителю, 3. Видимымъ / и невидимымъ ...12. И летить ныне // словенско племя, 13. Къ крещению / обратиша ся вси, 14. И людие твои нареци ся хотяще...»* (цитируется по: [Степанов 1991: 36]). При этом некоторые исследователи (Н.С. Трубецкой, Е. Гергиев, К.М. Куев, Ф. Мареш, Л.Г. Карпенко и др.) рассматривают названия букв и их последовательность в азбуке как древний текст, по всей видимости, принадлежащий составителю древнейшей славянской азбуки – Константину Философу, который оставил славянам «уже в азбучном именованном программирующую микромодель письменной славянской культуры» [Савельева 2014: 29]. Таким образом, алфавит осмысливается «одновременно как код и текст, излагающий этот код», как «матрица, “форма для отлива“, переливающая собственно признаки букв – в частности, имена букв – в новую систему», текст, потому что «алфавит – мощный и типо-

логически очень древний текстообразующий фактор» [Степанов 1991: 23].

Когнитивная заданность азбучного текста сохраняется и развивается в Азбуковниках и Азбуках. Особый азбучный акростих опубликован в первой для восточных славян Азбуке Ивана Федорова (Львов 1574 г.) и в первом русском (московском) издании Азбуки Василия Бурцова (1634 г.). В частности, Бурцов вслед за Федоровым повторяет «по ряду слова» особую Азбучную молитву: *«Азь есмь всему миру свет / Богъ есмь прежде всехъ векъ / Вижу всю тайну человеческую / Глаголю же вам сыномъ человеческимъ / Добро есть верующим во имя мое // Есть гневъ мой на грешники / Жизнь есмь всему миру»* и т. д. [Бурцов 1885: 55-55 об.]. Данные Азбуки впервые включили в свой состав и великолепную апологию славянской письменности – Сказание черноризца Храбра «О письменах».

Установившуюся традицию почитания семантической значимости славянских букв не нарушил и Петр Первый, оставив азбучный порядок и «Нравоучения от священного писания по алфавиту избранные», однако «расслоение» азбуки на церковную и для книг «исторических и мануфактурных», выразившееся прежде всего в смене традиционного облика буквы, привело и к утрате ее исконного имени, замененного на безликие слоговые названия. С этого времени постепенной утери значимости азбучного именника для существования русской алфавитной системы начинаются поиски подачи букв вне их традиционных названий и азбучных акростихов. Постепенно с изменением сути славянских букв изменяются и представления о мире: составление азбук становится полем креативности, нередко разрывающей не только традиции почитания книжного, но и игнорирующей морально-этические требования и возрастные особенности предполагаемого читателя [Бекасова 2016]. Практикуемый в таких азбуках акростих, как правило, становится самоцелью, например: *«Глядит горилла Гоша – газета городская. Грызть газету главную? – Гоша гадает. Грызи галеты, Гоша ...»* и под. В азбуках студентов-филологов, которые им предлагалось составить для своих будущих детей, были распространены слова *жаба, баобаб, желоб, цокот, фен, хобот, утконос, фильтр, хамелеон, фараон, череп, шорты, клык, цыган*, а также *бомба, хакер, киллер, жулик* и под. (как было объяснено, «для лучшего усвоения современной реальности») [Бекасова, Устюгова 2017].

Такие рефлексии свидетельствуют о достаточно выраженном когнитивном «сломе», обусловленном не только полной десакрализацией азбуки, но и потерей кирилло-мефодиевской традиции почитания книжного и ответственности за слово – написанное или изреченное, что в целом ведет к утрате «интеллектуально-духовных генов, которые переходят из поколения в поколение» [Колесов 1999: 137].

Литература

Бекасова Е.Н. Азбука как ключ к познанию мира // Филологический класс. Научно-методический журнал. 2016. № 4 (50). С. 44-49.

Бекасова Е.Н. Величайшее обновление жизни в «Повести временных лет» (к 900-летию создания памятника) // Сучасні проблеми мовознавства та літературознавства (Збірник наукових праць). Випуск 19. Наукове фахове видання. Ужгород: Говерла, 2014. С. 144-149.

Бекасова Е.Н., Устюгова Л.М. Азбука как экспликация ментальности // Культура в фокусе научных парадигм. 2017. № 5. С. 144-148.

Бурцов В.Ф. Азбука (2-е изд.). М., 1637 (репринт 1885 г.).

Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова...». СПб.: «Златоуст», 1999.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Пакрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVII – начало XIX века). СПб.: «Искусство-СПб», 1994.

Савельева Л.В. К проблеме первого оригинального текста (в продолжение дискуссии) // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 3. С. 25-31.

Сказания о начале славянской письменности. М.: Наука, 1981.

Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка // Вступ. ст. С.Г. Бархударова. Изд-е 3-е стереот. М.: КомКнига, 2007.

Степанов Ю.С. Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры // Вопросы языкознания. 1991. № 3. С. 23-45.

Турилов А.А. Межславянские культурные связи эпохи Средневековья и источниковедение истории и культуры славян: Этюды и характеристики. М.: Знак, 2012.

*E.N. Bekasova (Orenburg, Russia)
Orenburg state pedagogical university
Professor of chair of Russian and technique of teaching Russian*

ABOUT SOME ASPECTS OF COGNITIVE “DEMOLITION” OF CHARACTERISTICS OF THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The analysis of history of Slavic writing as the most important component of knowledge of the world and at the same time the instrument of formation and development of mentality of Slavs confirms cognitive “demolition” of characteristics of a language picture of the world since the beginning of desacralization of the alphabet and writing.

Key words: slavic writing, alphabet, language picture of the world, conceptualization, mentality.

*A. E. Бочкарев (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
abotchkarev@hse.ru*

О ПАРАДОКСАХ ИДЕНТИФИКАЦИИ В ОБОЗНАЧЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Целям идентификации служит нередко фиксация отклонений от усредненных значений нормы. Особый эвристический интерес представляет в этой связи широко распространенный в русском языке оборот *не А, а В*, в котором человеку отказывают в свойстве быть человеком путем уподобления объектам других системных классов: огню, кремню, тряпке, чурбану, мышли или тесту. Разнообразие в выборе дескрипции объясняется при этом необходимостью сфокусироваться на таком особо примечательном свойстве индивидуального объекта, которым обладает в оценке говорящих привлекаемый в качестве эталона образец.

Ключевые слова: русская языковая картина мира, идентификация, аксиология, установка мнения, метафора, образец.

Идентификация объекта тесно связана с распознаванием отличительных свойств. По данным в непосредственном наблюдении свойствам мы идентифицируем объект в совокупности особо примечательных свойств, а вместе с идентификацией заключаем о полном или частичном его соответствии заведомо известным прототипическим свойствам.

Целям идентификации объекта служат, кроме того, и всякого рода отклонения от усредненных значений нормы, «фиксация отклоняющихся явлений и патологических свойств» [Арутюнова 1998: 307-308]. Особо примечательны в этой связи обозначения человека, фокусирующиеся на таких индивидуальных свойствах, состояниях и действиях, по которым данный представитель рода человеческого отличается в ряду себе подобных от других. В подобных случаях идентификация сопровождается, как правило, интерпретацией, призванной ответить на вопрос, почему попавший в поле зрения индивидуальный объект не удовлетворяет нормативным аксиологическим свойствам, по которым задается в диапазоне допустимого варьирования значение 'быть человеком'.

Такие свойства пусть и не поддаются исчерпывающей формулировке [ср. Лосский 1991: 195, 223-225], воспринимаются как нечто должное в представлении объекта в плане физических, психологических, морально-этических, мировоззренческих и прочих свойств, которыми должен обладать по определению человек, чтобы называться *человеком* в переменчивом мире жизненных ситуаций, функций и ролей. Так квалификация индивидуального объекта ставится в зависимость от исторически подвижных аксиологических норм-формулировок типа *сознавать свою ответственность: Быть человеком – значит сознавать свою ответственность* (Нравственный эталон ученого и гражданина), *работать: ...а без работы человек – не человек* (А. Львов), *быть добрым и чистым: ...нужно вести борьбу за свое право быть человеком, быть добрым и чистым* (В. Гроссман), *относиться к другим, как человек к человеку: Каждый человек должен быть человеком и относиться к другим, как человек к человеку* (Н.К. Михайловский), *делиться: ...человек может быть человеком, если он дает что-то другим, а дает он, если творит, и начинает творить, если исчезает «личная заинтересованность»* (М.М. Пришвин) и проч.

Для фиксации отклонения от нормы особо показателен широко используемый в русском языке оборот *не А, а В*, в котором оператор отрицания *не* отказывает какому-то индивидуальному объекту в свойстве 'быть человеком'. Причем интерес здесь вызывают не высказывания сомнения в принадлежности роду человеческому, не колебания в определении бытийного значения, а констатация несоответствия аксиологическому нормативу в определениях вида *не человек, а так; не человек, а Бог знает что*. Ср. *Ну, одним словом, не человек, а так...* (Г.И. Успенский), *Не человек, а Бог знает что* (В.В. Набоков).

Неопределенное *а так (Бог знает что, черт те кто)* требует, безусловно, разъяснения, почему попавший в поле зрения объект не удовлетворяет нормативным требованиям, по которым задается значение 'быть человеком'. Экспликации служит, как правило, избираемая по случаю дескрипция, поясняющая, чем является «на деле» тот, кого именуют незаслуженно человеком – обломком: *Тогда уж не человек ты, а так – обломок, из которого даже кола не сделаешь* (И.Ф. Стаднюк), олухом: *Ну, одним словом, не человек, а так, больше ничего, олух какой-то* (Г.И. Успенский), ничтожеством: *...ты не человек, а ничтожество* (Л. Корнешов), сволочью: *Сволочь ты, а не человек!* (К.М. Станюкович), дрянью: *Дрянь, а не человек* (А.С. Грин), кремнем: *Таков был Корнилий Потапович – не человек, а кремль* (Н.Э. Гейнце), железом: *...не человек – железо!* (А. Терехов), золотом: *Знаете Василия Иваныча? Золото, а не человек* (А.Н. Островский), стеклом: *Добрая, чистая, любящая душа – не человек, а стекло!* (А.П. Чехов), огнем: *...не человек, а огонь, – сказал про него Лука Силыч, – ну и пошло прозвище за оболтусом: Иван Огонь* (А. Белый), скалой: *...не человек, а скала!* (Ф.Д. Крюков), зверем: *...он не человек, а зверь* (Ю.В. Трифонов), животным: *Не человек, а бездушное животное* (М. Баконина), цепным псом: *А Гаврилов у нас надзиратель, пес цепной, а не человек* (Б.В. Савинков), львом: *Прямо вам скажу – лев был, а не человек!* (А.И. Куприн), орлом: *Но вы знаете, мадам, это не человек, а орел* (А.И. Куприн), мышью: *...иначе он не человек, а мышь, которая всего боится* (П. Нилин), червяком: *Я для вас не человек, а червяк* (Е.А. Салиас), куклой: *...прямо не человек, кукла тряпичная* (И. Грекова), машиной: *Это не человек, а машина, и злая машина, когда рассердится* (Л.Н. Толстой), компьютером: *Прямо не человек, а компьютер* (Э. Володарский), роботом: *Робот, ты не человек* (Е. Велтистов), автоматом: *Да уж, – качал головой Дегтярев, – не человек – автомат* (Д. Донцова), чурбаном:

Чурбан какой-то, а не человек! (К.М. Станюкович), тряпкой: *В том-то и горе мое, что я тряпка, а не человек!* (Ф.М. Достоевский), тестом: *Это не человек, это тесто, помидуйте* (И.С. Тургенев), индейкой с трюфелями: *...а для моих зятьев я даже не человек, а просто индейка с трюфелями* (А.Н. Апухтин), пирожком ни с чем: *Так, Потапенко он называл – «пирожок ни с чем»* (Д. Гранин) и проч.

За исключением оценочных номинаций типа *ничтожество, олух, сволочь*, профилирование свойства, по которому какому-то индивидуально представителю рода человеческого отказывают в значении 'быть человеком', не довольствуется, как видно, именованим, а требует обращения к какому-то избираемому по случаю образцу, как если бы отсылка к образцу служила дополнительным аргументом в пользу совершаемой квалификации. Разнообразие в выборе номинации объясняется при этом необходимостью сфокусироваться всякий раз на таком особо примечательном свойстве объекта, которым обладает в наивысшей степени привлекаемый в качестве эталона образец: *железо, золото, огонь, стекло, чурбан, тряпка, тесто, орел, цепной пес или лев.*

Для простоты изложения каждый из приведенных примеров можно представить в виде двух последовательно связанных категорических суждений, претендующих в оценке говорящего если не на логическую, то хотя бы на субъективную значимость: (1) *А не есть А* и (2) *А есть В*. Напр. (1) *человек не есть человек*, (2) *человек есть огонь (железо, золото, собака, тряпка...)*.

В высказывании (1) в отношении второго употребления лексемы *человек* действует оператор отрицания, так что суждение принимает вопреки непреложному закону тождества вид контрадикторного суждения: *человек не есть человек* или *человек есть не-человек*. За дезидентификацией следует псевдоидентификация: (2) *человек есть огонь (железо, золото, скала, собака, тряпка...)*. Причем необходимым и достаточным тому основанием служит прагматическая пресуппозиция, что какой-то попавший в поле зрения индивидуальный объект не соответствует нормативным требованиям, которым должен удовлетворять по определению человек, а обладает, напротив, свойствами, по которым его можно квалифицировать в терминах, подходящих скорее для огня, железа, золота, собаки или тряпки.

За невозможностью буквального понимания истолкование совершается путем когнитивного отображения (*cognitive mapping*) структурных элементов концептуальной области «человек» по образно-схематической

модели другой концептуальной области. В подавляющем большинстве случаев переосмысление суждений вида *не А, а В* состоит в том, что *В*, понимаясь метафорически, обозначает в действительности не сам по себе объект *В*, а скорее свойство объекта *А* быть в каком-то отношении сходным с объектом *В*. «Тем самым, – заключает А.Д. Шмелев, – *В* приобретает предикатный статус, и никакой загадки не остается» [Булыгина, Шмелев 1997: 503].

Проблемное суждение перестает действительно быть загадкой при условии соответствующей экспликации. Так, в суждении *не человек, а тесто* смысл присоединенной предикатной дескрипции раскрывается через указание на уступчиво-податливый характер человека, сопоставимый в оценке говорящих с легко поддающимся формовке тестом: *Это не человек, это тесто, помилуйте. Только стоит взять да лепить* (И.С. Тургенев); в суждении *не человек, а бультерьер* – через указание на вьедливость, сопоставимую с железной хваткой бультерьера: *Легов не человек, а бультерьер! Если он в кого вцепится, то уж зубов не разожмет* (Н. Александрова); в суждении *не человек, а золото* – через указание на особо ценимые качества человека, сопоставимые в оценке говорящих с ценностью золота, в том числе трудолюбие: *Работает он от утра до ночи <...> – и в этом отношении он не человек, а золото* (А.П. Чехов), бескорыстность и честность: *Семен Яковлевич – это не человек, а золото, это человек бескорыстный, человек брильянтовой честности* (А.И. Куприн), верность: *Есть у нас в губернском правлении советник Дрожжов, золото, а не человек; умрет, а своего не выдаст* (И.А. Гончаров), обязательность: *За что ни возьмется, то и сделает* (народная пословица) и проч.

За отсутствием пояснения довольствоваться приходится фоновыми знаниями о том, по каким именно свойствам человека можно уподобить тесту, огню, кремню, тряпке или чурбану. Причем отбору подлежат не таксономические свойства вспомогательного объекта, а востребованные в контексте социально нормированные афферентные признаки, по которым вспомогательный объект может служить образцом для фигуральной квалификации того или иного свойства человека: например, *огонь* для обозначения человека вспыльчивого, *кремень* для обозначения человека с твердым характером, *чурбан* для обозначения человека неотесанного и тупого, *тряпка* для обозначения человека слабовольного и бесхарактерного, *автомат* для обозначения человека, механистически

выполняющего некоторый заученный набор действий и проч. В противном случае нельзя понять, почему говорящие прибегают вопреки постулату связности к аллотопным построениям и как вообще истолковать внешне противоречивые высказывания вида *не человек, а огонь*.

Источники

Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/>.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.

Лосский Н.О. Обоснование интуитивизма // Избранное. М.: Правда, 1991. С. 11-334.

Шмелев А.Д. Парадоксы идентификации // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 497-513.

Andrey Ye. Bochkarev (Nizhny Novgorod, Russia)
National Research University "Higher School of Economics"
abotchkarev@hse.ru

PARADOXES OF HUMAN IDENTIFICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The identification of the object is also accomplished by fixing some specific deviations from averaged values of axiological norms. Of particular heuristic interest is, in this regard, the very popular Russian expression it's not A, it's B, in which a human creature is being denied the property of being human, but is assimilated to fire, flint, rag, chump, mouse, or dough. In this, the variety of descriptions is explained by the need to focus on such remarkable property of an individual object, which the paragon has in the evaluation of native speakers.

Key words: Russian language, identification, axiology, opinion, metaphor, paragon.

*Л.А. Бушуева (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
sebeleva@yandex.ru*

ПОСТУПОК «ПРЕДАТЕЛЬСТВО» В АССОЦИАТИВНОМ ТЕЗАУРУСЕ

В статье рассматриваются динамические процессы в концептуальном поле «предательство». Показано, как вербальные ассоциации отражают структуру поступка «предательство», рассматривается влияние возраста испытуемых на характер ассоциативных реакций. Исследование выполнено на основе анализа русских ассоциативных словарей.

Ключевые слова: вербальные ассоциации, ассоциативный словарь, языковое сознание, поступок, структура поступка.

Одним из наиболее эффективных путей изучения языкового сознания является выявление и описание ассоциативных связей. Обоснованность данного подхода подтверждается работами современных лингвистов (исследования Н.В. Уфимцевой, Ю.Н. Караулова, Е.Ф. Тарасова). Как отмечает Н.В. Уфимцева, ассоциативное поле – «это не только фрагмент вербальной памяти человека, но и фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженный в сознании «среднего» носителя той или иной культуры, его мотивов и оценок и, следовательно, его культурных стереотипов» [Уфимцева 2011: 308].

Предметом данного исследования является динамика концепта ПРЕДАТЕЛЬСТВО. Данный концепт хорошо изучен в аспекте его актуализации в русском и английском языках, реализации его признаков в русских фразеологических единицах [Савельева 2008; Саварцева 2009]. Интерес представляет то, каким образом вербальные ассоциации россиян отражают представления о поступке «предательство», а также варьируются ли данные представления в зависимости от возраста говорящих на русском языке.

Материалом настоящего исследования являются данные Русского ассоциативного словаря школьников с 1 по 11 классы (далее – РАСШ) [РАСШ 2011], данные Русского ассоциативного словаря, созданного на основе эксперимента со студентами от 17 до 25 лет (далее – РАС) [РАС 2002].

На основе названных источников рассмотрены вербальные ассоциации испытуемых пяти возрастных групп: школьники 1-4, 5-8, 9-11 классов, взрослые испытуемые 17-25 лет. В РАС были рассмотрены ассоциативные поля на стимулы *предатель*, *предательство* и *предать*; в РАСШ – на стимул *предать*.

Целью работы является выявление сходств и различий в восприятии поступка «предательство» у испытуемых разных возрастных групп. Сопоставление ассоциативных полей на стимулы *предатель*, *предательство* и *предать* дало следующие результаты: ассоциат *друг* является наиболее устойчивым, он присутствует во всех полях и практически всегда занимает первое место. Эта реакция отражает стереотипы языкового мышления, характерные для всех носителей русского языка. Возрастная специфика проявляется в том, что только для испытуемых в возрасте от 17 по 25 лет (реакции РАС) частотной является реакция *враг*, т.е. реакция антонимического характера.

Анализ материала двух словарей позволяет выделить следующие группы ассоциаций: действие, лежащее в основе поступка, агент, объект, оценка, результат и мотив поступка. Изучение конкретных лексических репрезентаций в рамках названных групп позволяет определить их прототипические значения. К прототипическим мы относим те значения, которые выявляются в реакциях всех респондентов вне зависимости от возраста.

В отношении действия в основе предательства прослеживается три вектора: 1) предавать можно посредством доноса; 2) обмана; 3) измены. В целом группа «действие» представлена неравномерно в реакциях разных возрастных групп. Существенно, что в большей степени разные виды действия обозначены в ассоциатах школьников и минимально актуализированы в реакциях взрослых респондентов. Ср.: 1-4 кл. – 25,7 %; 5-6 кл. – 16,5 %; 7-8 кл. – 19,2 %; 9-11 кл. – 20,3 %; взрослые – 7,8 %. Степень актуализации перечисленных ранее типов действий также различна в реакциях разных возрастных групп: у школьников с 1 по 8 кл. наибольшее количество реакций эксплицируют доносительство: *сдать 7, настучать 2, выдать 2, сдать 2, жаловаться 1* и др.; у испытуемых 9-11 кл. в большинстве случаев с предательством соотносится обман: *обманывать 14, обман 7, ложь 3, обмануть 3, врать 2, водить за нос 1* и др., при этом доносительство также занимает ключевую позицию в реакциях данной возрастной группы: *стучать 6, стукачить 2, выдавать 1* и др. У взрослых респондентов на первом месте в группе «действие, лежащее в основе

поступка» находится измена: реакции *измена 1*, на стимул *предатель*; *измена 10* – стимул *предательство*. Измена встречается в единичных реакциях школьников.

Указанные респондентами агенты предательства объединены значениями «друг», «близкий человек». Агенты являются исполнителями тех типов действий, которые репрезентированы глагольными реакциями. Агент поступка регулярно представлен в реакциях всех возрастных групп, с преобладанием в ответах взрослых испытуемых. Ср.: 1-4 кл. – 14,9 %; 5-6 кл. – 12 %; 7-8 кл. – 16,2 %; 9-11 кл. – 17,1 %; взрослые – 24 %. Значения «друг», «близкий человек» передаются вариативно в разных возрастных группах: 1-4 кл.: ассоциат *подруга 1*; 5-6 кл.: *друг 4*, *друзья 2*, *одноклассница 1*; 7-8 кл.: *плохой друг 4*, *друг 2*, *друзья 1*, *лучший друг 1*, *подруги 1*, *предки 1*; 9-11 кл.: *друг 15*, *подруга 4*, *близкий 2*, *родители 1*, *родня 1*; взрослые респонденты: реакция *друг 5* на стимул *предать*. Характеристики агента поступка актуализированы в незначительной степени в основном в реакциях школьников старших классов и взрослых испытуемых: реакции *стукач 7*, *лжец 2*, *глупый 1*, *неверный 1*, *трус 1* школьников 9-11 кл.; реакции *изменник 5*, *злой человек 1*, *трус 1*, *нахал 1* на стимул *предатель* – взрослые респонденты. Агенты также соотносятся с историческими личностями: реакции *Морозов 2*, *Павлик 1*, *Кротов 1*, *Крутов 1*, *Почепцов 1*, *Керенский 1*, *партизаны 1* – в сознании россиян 17-25 лет предательство связывается с переходом на сторону противника.

Объект предательства в наибольшей степени актуализирован в ответах школьников с 5 по 6 классы. Ср.: 1-4 кл. – 17,9 %; 5-6 кл. – 38 %; 7-8 кл. – 20,2 %; 9-11 кл. – 18,3 %; взрослые – 18,9 %. К прототипическому объекту относится друг / близкий человек. Реакции, обозначающие данный объект, являются типичными для всех возрастных групп с преобладанием в группе школьников 5-6 кл. и 9-11 кл.: реакции школьников 5-6 кл. на стимул *предавать*: *друга 45*, *друзей 10*, *подругу 6*, *товарища 5*, *родных 1*; 9-11 кл.: *друга 40*, *друзей 13*, *подругу 7* и др.; 7-8 кл.: *друга 39*, *друзей 7*, *близкого 1*; 1-4 кл.: *друга 13*, *друзей 3*, *подругу 3*. К существенным различиям в реагировании относится то, что в группе взрослых испытуемых в качестве объекта предательства регулярно выступает Родина или сообщество людей: реакции *Родины 6*, *Отечества 1*, *страны 1*, *колхоза 1*, *команды 1* – стимул *предатель*; реакции *Родины 2*, *народа 2* – стимул *предательство*; реакции *родину 3* – стимул *предать*. В ассоциативных реакциях школьников Родина упоминается всего 3 раза.

Выявляется прототипическая отрицательная оценка поступка «предательство». Степень актуализации оценки предательства возрастает от младшего школьного к старшему возрасту: в группе школьников 1-4 кл. и 5-6 кл. оценка выражена в 8,3 % ответов; 7-8 кл. – в 11,5 %; 9-11 кл. – в 14,5 %; студентов – в 19,9 % реакций. Между ответами школьников имеется много общего. Значительную долю реакций составляют эмоционально оценочные ассоциаты. Такая стратегия реагирования характерна для школьников среднего и старшего возраста: реакции школьников 5-6 кл. на стимул *предать*: *дурак 2, тупой 2, ужас 2, урод 2, дятел 1, козел 1, придурок 1*; ассоциаты школьников 7-8 кл.: *дурак 3, дятел 2, гад 1, осел 1, ужас 1, урод 1*; 9-11 кл.: *дятел 3, мусор 3, гад 2, крыса 2, урод 2, гадость 1, кошмар 1, ничтожество 1, придурок 1, сволочь 1, собака 1*; реакции на стимул *предатель* респондентов старшего возраста: *сволочь 4, гад 2, подлец 2, дурак 1, идиот 1, козел 1, подонок 1, редиска 1, свинья 1, тварь 1, урод 1, шакал 1*. В группе школьников 9-11 кл. несколько реакций указывают на положительную оценку предательства: *хорошо 2, ништяк 1, удовольствие 1*. Вероятно, реакции такого плана отражают стремление разрушать стереотипы, проявить оригинальность, что свойственно этому возрасту.

Результат предательства эксплицирован в ответах респондентов с 1 по 8 классы в незначительной степени: 1-4 кл. – 1,7 %; 5-6 кл. – 2 %; 7-8 кл. – 1,9 %. Данный элемент наиболее актуален для школьников старших классов и взрослых носителей языка: 9-11 кл. – 6,8 %; взрослые – 5,9 %. Носители языка всех возрастных групп соотносят поступок «предательство» с негативным результатом, при этом результат варьируется в зависимости от возрастной группы испытуемых. Респонденты всех возрастных групп, за исключением школьников 5-6 кл., связывают предательство с эмоциональными переживаниями: 1-4 кл.: *грус 1, обидеть 1*; 7-8 кл.: *обидеть 2, грусть 1, ненависть 1, стыд 1*; 9-11 кл.: *обидеть 7, обида 6, ненавидеть 3, обижать 3, больно 2, боль 1, грусть 1, слеза 1, слезы 1, стыд 1*; респонденты РАС: *больно 1, не прощу 1, незаживающий ожог 1, обида 1, часто ранит душу 1*. В реакциях школьников всех классов, кроме 7-8 кл., а также студентов актуализированы результаты, которые можно условно объединить в одну группу «наказание/возмездие»: 1-4 кл.: *убью 1*; 5-6 кл.: *убить 2, получишь 1*; 9-11 кл.: *расстрел 1, смерть 1, убить 1*; студенты: *смерть 1, умрет 1, наказуемо 1, не стерпеть 1, он не выживет 1, статья 1, убить 1, порвать пасть 1*.

Ассоциативный материал не позволяет выявить прототипические мотивы в основе предательства, т.к. мотив лишь в общих чертах обозначен в 0,6 % ответов школьников 7-8 кл. (*за что 1, зачем 1*) и 0,7 % реакций школьников 9-11 кл. (*за обиду 1, за что-то 1, на зло 1*).

Таким образом, в сознании носителей русского языка поступок «предательство» имеет определенную структуру, элементы которой получают большую и меньшую степень выражения. Для респондентов всех возрастных групп в ситуации предательства в первую очередь «высвечиваются» агент и объект поступка, при этом представления об объекте предательства не совпадают у детей и взрослых. Для школьников с 1 по 11 кл. в ядро поля «предательство» попадает также элемент «действие в основе поступка», у взрослых – «оценка поступка». Ближняя периферия поля неодинакова у респондентов разных групп: у школьников она сформирована элементом «оценка поступка»; у взрослых – «действие в основе поступка». По всей видимости, данные элементы, за счет их большей репрезентированности в русском языковом сознании, следует признать опорными, узловыми в концептуальной модели поступка «предательство». Дальняя периферия представлена элементом «результат поступка» у всех возрастных групп, при этом в разных возрастных группах представления о результате предательства варьируются; у школьников с 7 по 11 кл. – также элементом «мотив поступка».

Литература

РАС – Русский ассоциативный словарь / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М.: ООО «Издательство Астрель», 2002.

РАСИ – Русский ассоциативный словарь: Ассоциативные реакции школьников I–XI классов / В.Е. Гольдин, А.П. Сдобнова, А.О. Мартянов. Т. 1. Саратов, 2011.

Саварцева Н.В. Прагматическая ситуация предательства: уровень абсолютной актуализации // Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. научных статей / под общ. ред. К.В. Боровиковой. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во АмГПУ, 2009. С. 99-108.

Савельева У.А. Архетипический лингвокультурный концепт «предательство»: дисс. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2008.

Уфимцева Н.В. Психолингвистика и межкультурная коммуникация // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. 15 Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докладов / под ред. Е.Ф. Тарасова. М.; Калуга: Эйдос, 2011.

L.A. Bushuyeva (Nizhni Novgorod, Russia)
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
sebeleva@yandex.ru

ACT “BETRAYAL” IN THE ASSOCIATIVE THESAURUS

The article is concerned with the dynamic processes in the conceptual domain “betrayal”. The research shows how the word associations represent the structure of the act “betrayal”. The age of the respondents and the way it influences the pattern of associations are taken into consideration. The paper is based on the analysis of Russian associative dictionaries.

Key words: verbal associations, associative dictionary, linguistic consciousness, act, structure of act.

О.И. Быкова (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
olga.bykova@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАТЕГОРИИ «ЧИСЛО»

В статье рассматривается концептуальная деривация категории «число» на примере вторичных нумеронимов немецкого языка.

Ключевые слова: числовой код культуры, концепт, вторичная языковая интерпретация, семантическая, словообразовательная деривация, фразеологизация.

Число и счет – универсальный числовой код культуры. Его осмысление как фундаментальной когнитивной категории присутствовало в древних текстах и остается актуальным и в наше время. Особенное значение понимания числа в европейской традиции заложили пифагорейцы. Аристотель

свидетельствует, что пифагорейцы считали числа причиной и началом вещей, а отношения чисел – основой всех отношений в мире, их причастия к бытию. Известный исследователь в области семиотики Ю.М. Лотман утверждает, что число – это универсальный символ культуры, а не только ее элемент [Лотман 2000: 430]. Число и числовые отношения зачастую выполняют функцию явно выраженной основы различных культурных и общественных представлений. Нумерологическая семантика может иметь как общекультурный характер, так и быть культурно специфичной, то есть иметь неоднозначное оценочное содержание в разных лингвокультурах. Это объясняется, с одной стороны, универсальностью первичной номинации нумеронимов, которая обусловлена прямой функцией числа – называть количество, порядок предметов, а также объективными законами развития человеческого общества и науки. С другой стороны, особенности историко-культурного развития национального мышления определяют специфику эволюции понятия числа и его оценочного восприятия представителями конкретного лингвокультурного сообщества.

В процессе познавательной деятельности человека осуществляется вторичная языковая интерпретация нумеронимов. Ее изучение представляет особый интерес в плане интегративного подхода с позиции культурологической направленности когнитивной лингвистики, так как: 1) в плане семиотики языковых знаков это особый тип знаков индексального характера, прямо указывающий на предмет; 2) в плане порождения новых культурно специфических смыслов они связаны с активацией межконцептуальных связей между одной (метонимия) или между разными областями знания человека (метафора, концептуальная интеграция) о мире и обществе в определенном лингвокультурном пространстве. Вторичная языковая интерпретация основывается на вторичной концептуализации знаний о мире, «процессах **порождения новых знаний на базе существующих концептов**, что можно рассматривать как **процессы концептуальной деривации**» [Болдырев 2018: 39]. Разнородные по множественности способов, моделей и механизмов языковой интерпретации различные виды концептуальной деривации (семантическая, словообразовательная деривация и фразеологизация) по-разному связаны с тремя типами концептуальной деривации, предложенными Н.Н. Болдыревым [Там же].

В формировании новых смыслов в процессах семантической и словообразовательной деривации нумеронимов участвуют механизмы концептуальной интеграции и концептуальной метонимизации. В языке

народной культуры число помимо абстрактного и порядкового значения в народной нумерологии и народной аксиологии «становится объектом оценки и символизации» [Толстая 2011: 207].

В результате анализа семантической деривации немецкоязычных нумеронимов были выявлены следующие смысловые поля:

1) макрополе «предмет» (66,9 %) как наиболее продуктивное, например: *die Eins*, высшая оценка знаний в немецкой школе; *die Acht*, наручники; *die Neun*, девятизначная карта (при игре в карты) и др.;

2) макрополе – «человек», включающее микрополя: а) «части тела человека» (13,3 %): *die Fünf*, рука; б) «черты характера» (6,6 %): *die böse Sieben*, коварная женщина и др.;

3) макрополе «время» (6,6 %), вербализованное вторичным нумеронимом *die Sechse*, шестидневная рабочая неделя;

4) макрополе «пространство» (6,6 %), в результате метонимии репрезентированное вторичной номинантой *Nummer Null*, туалет.

Анализ вторичной языковой интерпретации нумеронимов в процессе словообразовательной деривации позволил обнаружить актуализацию смысловых полей:

1) самого продуктивного макрополя «человек» (34,7 %), включающего микрополя: а) «манера поведения» (30,4 %): *der Siebenschläfer*, (разг.) соня; б) «черты характера» (26 %): *der Fuffziger*, лицемер, обманщик; *der Tausendsassa*, ловелас; в) «внешность человека» (4,3 %): *der Neunundneunziger*, кривоногий; 2) макрополя «предмет» (30,4 %): *die Siebensachen*, пожитки, хлам;) макрополя «время» (8,6 %): *der Frauendreißiger*, время между двумя религиозными праздниками 15 августа (Mariä Himmelfahrt) и 12 сентября (Mariä Namen).

Доминантная роль в процессе фразеологизации нумеронимов принадлежит действию механизма концептуальной интеграции, ее частных проявлений метафорического и метафтонимического характера переосмысления, транспозиции признаков разных концептов. Тропической природой внутренней формы фразеологизмов, как справедливо отмечает М.Л. Ковшова, обусловлена специфика их знаковой, заместительной функции [Ковшова 2012: 70]. Наиболее продуктивными субклассами фразеологизмов с компонентом нумеронимом являются идиоматические выражения (72 %) и пословицы (11,4 %). В них имплицитно отражены особенности традиций, обычаев, устоев народа, а также стереотипные представления нации об окружающем мире. Пословицы имеют

дидактическую функцию и выражают народную мудрость. В составе фразеологизмов числа утратили значение «точное, определенное количество» и приобрели новый культуроносный смысл.

В результате анализа особого вида концептуальной деривации нумеронимов, фразеологизации, выявлены следующие смысловые поля, вербализованные нумеронимами в составе фразеологизмов:

1) макрополе «человек» (54,2 %), включает микрополя: а) «манера поведения»: *wie eine Eins fliegen*, очень хорошо летать; б) «черты характера» (17,4 %): *gleich Null sein*, полнейшее ничтожество; в) «выражение эмоционального состояния» (2,4 %): *jetzt schlägt's dreizehn*, возглас возмущения (разг.) это из ряда вон!; г) «внешность человека» (1,2 %): *drei Käse hoch sein*, быть маленького роста;

2) макрополе «время», содержащее микрополя: а) «продолжительность» (3 %): *ewig und drei Tage*, целая вечность; б) «конец» (1,8 %): *in die elfte Stunde kommen*, в последний момент; в) «начало» (0,6 %): *die Stunde null*, важное начало ч.-л.;

3) макрополе «предмет», включающее микрополя а) «количество» (9,6 %): *hundert und eins*, очень много; б) «качество» (7,8 %): *aller guten Dinge sind drei*, бог троицу любит;

4) макрополе «пространство» (1,8 %): *nach allen vier Straßen der Welt*, повсюду.

Наиболее релевантное, коммуникативно значимое макрополе «человек», вербализируемое фразеологизмами, отличается наибольшей номинативной плотностью, что свидетельствует об антропоцентричности языка и специфике национального языкового сознания коммуникантов, проявляющейся во вторичной языковой интерпретации явлений окружающего мира.

Идиотническая специфика функционирования вторичных нумеронимов находит отражение в многочисленных диалектизмах и фразеологизмах, используемых в разговорной речи в плюрицентричном в культурном отношении пространстве на территории Германии, Австрии и Швейцарии. Так, идиома „*auf fünf Buchstaben sitzen*“ употребляется на юге Германии, приобретает символический смысл „*auf dem Hintern sitzen*“, не предпринимать никаких действий, быть спокойным. Идиома „*ein falscher Siebzehner sein*“ используется на территории Австрии для характеристики коварного человека, не заслуживающего доверия. Производная лексема с нумеронимом *die Neunerlei* берет свое начало с территории Рудных гор

(das Erzgebirge). Жители этой местности ели в рождественский сочельник (24 декабря) по старому обычаю девять блюд. Лексема *der Tausendsassa* распространена в Австрии и используется для обозначения человека, у которого много задатков и талантов. Слово появилось в XVIII веке от числительного тысяча („tausend“) и сочетания „sa sa“, которое использовалось для клича собак (предположительно, фр. ça = нем. das). Таким образом, „*Tausendsassa*“ можно истолковать как „*Tausend dies und das*“, тысяча это и то.

В основе вторичной языковой интерпретации нумеронимов лежит ассоциативный характер человеческого мышления. Комплекс ассоциаций, который вызывается на глубинном уровне сознания носителей языка смысловым содержанием первичной номинации, переосмысливается во вторичном наименовании. Благодаря сохранению существенных и второстепенных признаков первого наименования, вторичные номинанты характеризуются семантической и эмоционально-экспрессивной насыщенностью, национально-культурной обусловленностью, являются проявлением фоновых знаний, скрытых от восприятия коммуникантами в другом лингвокультурном сообществе.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Вып. XXXIII. Когнитивные исследования в гуманитарных науках: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 17-18 мая 2018 г. / отв. ред. вып. Л.В. Бабина. Тамбов: Принт-Сервис, 2018. С. 37-41.

Ковшиова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000.

Толстая С.М. Семантические категории культуры: Очерки по славянской этнолингвистике. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.

O.I. Bykova (*Voronezh, Russia*)
Voronezh State University

CONCEPTUAL DERIVATION OF THE CATEGORY “NUMBER”

The article considers conceptual derivation of category «number» illustrated by german secondary number designations.

Key words: numbers cultural code, concept, secondary language interpretation, semantic, word-building derivation, phraseological process.

И.Ю. Гранева, Н.В. Наговицына (*Нижний Новгород, Россия*)
*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
irina.graneva@mail.ru; nagov@list.ru

ЛИЧНЫЕ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА «ПАТРИОТИЗМ»

В работе представлено исследование семантических и функциональных особенностей личных и притяжательных местоимений русского языка в аспекте их возможности участвовать в языковой экспликации концепта ПАТРИОТИЗМ. Показано, что их потенциал в выражении культурно-значимой идеи «круга своих, наших», ценностей «своего мира» позволяет включить эти местоимения в лингвокогнитивное описание данного концепта.

Ключевые слова: лингвокогнитивный анализ концептов, концепт ПАТРИОТИЗМ, личные и притяжательные местоимения, лингвокультурологический подход, русский язык

В работе представлены результаты очередного этапа исследовательского проекта, посвященного разработке словаря социально-значимых концептов в национальной концептосфере современного российского общества, который осуществляется учеными Института филологии и журналистики ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Традиционно в теории и практике современного концептуального анализа в качестве основных средств языковой экспликации концепта

справедливо рассматриваются прежде всего номинативные элементы языка – имена концептов и лексемы, связанные с ними посредством синонимических, антонимических и ассоциативных отношений, производные слова, устойчивые выражения и пр. [Попова, Стернин 2007; Ручина, Горшкова 2011]. В настоящей работе мы покажем возможность расширения исследовательских моделей лингвокогнитивного описания концептов за счет включения в них строевых элементов языка, прежде всего – дейктических средств, которые, несмотря на свои чисто коммуникативные функции, имеют значительный потенциал и для выражения культурно-значимых смыслов.

Цель исследования – охарактеризовать специфику некоторых типов употребления некоторых русских личных и притяжательных местоимений (*мы, наши* и под.) в качестве языковых средств объективации концепта ПАТРИОТИЗМ в современном русском языке. Материалом исследования являются данные словарей, русские фразеологизмы, а также контексты, выбранные из Национального корпуса русского языка. Исследование базируется на методологических основах теории языковой концептуализации мира, изложенных в работах [Вежицкая 1997; Лакофф, Джонсон 2004; Новые тенденции 2014; Радбиль 1999 и 2017] и на методике анализа концептов в Нижегородской школе концептуального анализа [Ручина, Горшкова 2011; Сайгин 2013; Радбиль 2016].

В предыдущих исследованиях нами было выявлено семнадцать основных когнитивных признаков концепта ПАТРИОТИЗМ, среди которых, в частности, особый интерес для нашего исследования представляют следующие: ‘отождествление себя через ощущение родства с другими людьми, принадлежащими своему народу’; ‘особое эмоциональное переживание своей принадлежности к Родине, чувство гордости своим гражданством, родным языком, традициями’ и др. [Наговицына 2018].

С другой стороны, в работах [Гранева 2015 и 2017] был выявлен существенный потенциал личных и притяжательных местоимений типа *мы* и *наши* в так называемых «нереферентных употреблениях» для выражения национально-обусловленных культурно-ценностных смыслов, связанных с идеей «своего мира», неинституционализованной общности людей, объединенных на основе разделяемых ими мировоззренческих принципов, нравственных приоритетов и ценностных ориентиров, то есть совокупности тех признаков, которые нетерминологически можно обобщить в понятие «духовная близость». Такой тип нереферентного употре-

бления в работе [Гранева 2015] именуется «экзистенциальное употребление», основанное на логическом кванторе существования: *Некоторые S суть P*.

Еще К. Бюлер в своей концепции «указательного поля» обосновал возможность трансформации основной для местоимений функции дейкисиса в функцию номинации, то есть перехода от указания к называнию. К. Бюлер указывает, что, к примеру, такое личное местоимение, как *мы*, «как-то требует формирования класса людей... А формирование класса – привилегия назывных слов, языковых понятийных знаков» [Бюлер 1993: 129]. Такие *мы* или *наши* эксплуатируют архетипическое свойство указанных местоимений определять границы «мира своих», за которыми лежит неизведанное и потенциально враждебное пространство «чужих». Оппозиция *свое/чужое* – это древнейшая мифологема всех времен и народов, особенно актуальная для обозначения границ своего мира, территории своего рода, племени, фратрии. Так, Ю.С. Степанов полагает, что идея ‘мира’ посредством представления о ‘порядке, устроенности, ладе’ коррелирует с ‘мы’ и ‘наши’: именно эти местоимения маркируют ‘свое’, которое противостоит ‘чужому’ [Степанов 1997: 95].

Нетрудно заметить, что указанный потенциал может быть реализован в языковой экспликации таких когнитивных признаков концепта ПАТРИОТИЗМ, как ‘отождествление себя через ощущение родства с другими людьми, принадлежащими своему народу’; ‘особое эмоциональное переживание своей принадлежности к Родине, чувство гордости своим гражданством, родным языком, традициями’. Обратим внимание, что популярный пост в интернете называется: *Мы, русские, за границей*, ср. также распространенный мем: *Наши за границей* и пр. *Мы* и *наши* имеют общую нереперентную семантику, обозначая ‘совокупность всех русских людей’.

Это отражено и в застывших предложно-падежных формах и фразеологизмами с компонентом *мы* или *наши*. Так, выражение *у нас* означает ‘в нашей семье, в нашем доме, в нашем обществе и т. п.’ [МАС 1985]. Лично-притяжательное *наши* в составе фразеологизмов выражает специфически русскую национально обусловленную культурную установку на преобладание родовых, общинных, в общем – коллективных ценностей над ценностями отдельного человека: *наше дело, наш долг, наша обязанность* и пр. [ФСРЯ 1968; МАС 1985]. Фразеологическая единица эмоционально-экспрессивной маркированности *Знай наших!* употребляется, когда

говорящий хочет выразить гордость достижениями представителей «нашего мира», к которым он ощущает свою причастность. Утверждение ценностей «мира своих» ощущается также в фразеологизме *Это по-нашему*, то есть ‘так, как у нас, как мы думаем, считаем нужным’. Родной язык выступает как ценность высшего порядка, поэтому и восприятие речи на родном языке также включается в концептуальное пространство значимых атрибутов «нашего мира»: *говорить по-нашему* – означает ‘говорить на языке говорящего’ [МАС 1985]. В последнем случае также отражается такой когнитивный признак концепта ПАТРИОТИЗМ, как ‘особое эмоциональное переживание своей принадлежности к Родине, чувство гордости своим гражданством, родным языком, традициями’.

Этот же когнитивный признак отражают и данные Национального корпуса русского языка, по которым также можно верифицировать устойчивую ассоциативную связь ‘(наш) мир’ – мы’/‘наши’: *Но не только этим должны гордиться мы, патриоты своей Родины, вспоминая славное прошлое Казанской школы* [Б. Арбузов. Казанская школа // «Химия и жизнь», 1967]; *Очень хочу, чтобы наши выиграли. Правда, хозяева чемпионата сильны, и счета 8:0 в нашу пользу не будет* [Юрий Дудь. «Я поставлю за Володю свечку» (2002) // «Известия», 2002.06.07]. Во всех этих случаях именно нереферентные *мы* и *наши* очерчивают границы «мира своих», задают концептуальное пространство «нашего», в противовес «не-нашему».

Подводя некоторые итоги, отметим, что результаты анализа свидетельствует о релевантности предлагаемой исследовательской модели включения в лингвокогнитивное описание концептов дейктических единиц языка, которые в не меньшей степени, чем единицы номинативного характера, способны выражать этнически обусловленные культурно-значимые смыслы.

Литература

Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка // пер. с нем.; общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной, вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Лентьева. М.: Прогресс, 1993.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997.

Гранева И.Ю. Местоимения *мы, вы и наши* в различных коммуникативных стратегиях // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 371-375.

Гранева И.Ю. О культурной значимости русских личных и лично-притяжательных местоимений в составе фразеологизмов // Научный диалог. 2017. № 11. С.74-87.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // пер. с англ. М.: Едиториал, 2004.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985.

Наговицына Н.В. Смысловое наполнение и семантический объем концепта «патриотизм» в русском языке (по данным лексикографических источников) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 3. С. 156-160.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru>.

Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н. М.: Флинта: Наука, 2014.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. М.: АСТ: Восток–Запад, 2007.

Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1999. Вып. 13. С. 137-153.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2016.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 130-135.

Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая экспликация концепта «грех» в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2013.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. М.: «Советская Энциклопедия», 1968.

*I.Yu. Graneva, N.V. Nagovitsyna (Nizhni Novgorod, Russia)
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*

RUSSIAN PERSONAL AND POSSESSIVE PRONOUNS AS REPRESENTATIVES OF THE CONCEPT “PATRIOTISM”

The work presents the study in Russian personal and possessive pronouns' semantic and functional peculiarities in the aspect of their possibilities to participate in language explication of the concept PATRIOTISM. The research proved, that their potentiality to express culturally significant idea of circle “ours, our own”, of values of “own world” allows to include these pronouns in linguo-cognitive description of the concept PATRIOTISM.

Key words: linguo-cognitive analysis of concepts, the concept PATRIOTISM, personal and possessive pronouns, linguo-culturological approach, Russian language.

*О.А. Гусева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
gouseva_olga80@mail.ru*

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОВ УЛЫБКА И СМЕХ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, ИСПАНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье представлен сопоставительный анализ языковой репрезентации лингвистических концептов СМЕХ и УЛЫБКА в английском, испанском и русском языках на примере глаголов с общим значением смеха. Анализ выявил разницу в номенклатуре единиц обозначаемого смысла, а также различия в значимости отдельных компонентов значения для данных лингвокультурных сообществ.

Ключевые слова: концепт, семантика, семантическое поле, смех, улыбка, глагол.

Концепты УЛЫБКА и СМЕХ можно считать общемировыми, тем не менее, как показывает исследование, они имеют специфику оформления в разных языках. К примеру, в английском и русском языках прослеживаются значительные различия (подробнее см. [Гусева 2018]).

Номенклатура английских глаголов, репрезентирующих смех и улыбку, включает такие лексемы, как *laugh, giggle, cackle, chuckle, snigger, titter, smile, grin, smirk, simper*. В русском языке это *смеяться, хохотать, хихикать, посмеиваться, улыбаться, ухмыляться, усмехаться, фыркать*. Как показало сопоставление, между этими двумя языками в данной семантической области прослеживаются как значительные совпадения, так и достаточно ярко выраженные различия. В целях расширения сопоставления и большей репрезентативности результатов мы решили добавить материал испанского языка как представителя иной – романской – группы. В испанском языке можно найти большое количество глагольных выражений с общими значениями «улыбаться» и «смеяться», однако основные это *reír(se)* – «смеяться», *carcajear(se)* – «хохотать», *sonreír(se)* – «улыбаться». Таким образом, в английском языке можно выделить 13 стилистически нейтральных однословных глаголов, обозначающих основные смеховые действия, в русском языке примерно 8, а в испанском всего 3 (с вариантами в виде возвратных форм). Все остальные оттенки смысла не лексикализованы и передаются при помощи сочетаний с другими частями речи – чаще всего это сочетания глагола с существительным *risa* («смех»), которых насчитывается несколько десятков.

Для проведения сопоставления необходимы критерии, по которым можно было бы провести сравнительный анализ. Первым и наиболее очевидным критерием является наличие/отсутствие звука (*смеяться/улыбаться; laugh/smile; reír(se)/sonreír(se)*).

Во-вторых, это такой градуальный признак, как громкость и интенсивность. Это относится в первую очередь к смеховым глаголам: *смеяться* характеризуется немаркированной (или нейтральной) интенсивностью, *хохотать* – высокой. В английском языке (в широком употреблении) присутствует только глагол *laugh*, характеризующийся нейтральной интенсивностью. Глаголы с меньшей интенсивностью и громкостью звука в английском языке более многочисленны, чем в русском (*chuckle, snigger, titter*

и др.). В испанском языке таким наиболее распространенным и нейтральным является глагол *reír(se)* – смеяться, который можно охарактеризовать как нейтральный, тогда как глагол *carcajear(se)* – хохотать – выражает высокую интенсивность. В словарях он отмечен как разговорный и, как показывает пилотный опрос носителей, не обладает высокой частотностью. Глаголы, то есть отдельные лексемы со значением тихого смеха, в испанском языке практически отсутствуют. Аналогично, как и в случае с единицами, передающими высокую интенсивность и громкость, пониженная интенсивность смеха/улыбки передается посредством словосочетаний с соответствующим компонентом (*reír(se)/risa*).

Из вышеперечисленных возьмем признак интенсивности смеха и разместим глаголы по вертикальной оси – от воображаемого нуля вниз и вверх. Нулевая позиция – это нейтральная интенсивность, репрезентированная глаголами *laugh* в английском языке, *смеяться* в русском и *reír(se)* в испанском. Над *laugh* окажутся глаголы *guffaw* и *cachinnate* как выражающие смех в наибольшей его интенсивности.

В русском языке этот сектор будет занят глаголом *хохотать*, в испанском – *carcajear(se)*.

Однако очевидно, что в английском языке для языковой репрезентации концепта СМЕХ интенсивность оказалась не столь значимым элементом, как в русском. Глагол *хохотать* отличается высокой частотностью и стилистической нейтральностью, тогда как глагол *guffaw* обозначает грубый смех и отмечен в словарях как достаточно редкий, а глагол *cachinnate* вообще не зарегистрирован в большинстве словарей. Что касается испанского глагола *carcajear(se)*, то частотность его употребления зависит от варианта испанского языка: в Латинской Америке он встречается намного чаще, чем в Испании, к тому же обозначаемый им смех признан неуместным в приличном обществе. В основном используются сочетания с его производным существительным *carcajada* («хохот»). Таким образом, разные концептуальные элементы становятся более значимыми или менее значимыми по ходу развития языковой репрезентации концепта в разных языках. Тем не менее в верхней части нашей импровизированной таблицы русский и испанский языки схожи по языковому представлению смеха и отличаются от английского, в котором это представление более дифференцировано. От нуля вниз по оси в английском языке располагаются лексические единицы, предполагающие меньшую интенсивность звучания (*giggle, chuckle, titter, snigger*). Они определяются

через глагол *laugh*, но при этом дополнительно характеризуются, например, с точки зрения производимого впечатления (*in a silly way* – глупо), выражаемого отношения (*unkindly* – не по-доброму, *in a rude way* – грубо) и других параметров. То есть можно предположить, что обозначаемое эти «тихих» глаголов обладает в основном коммуникативными характеристиками и несет большую нагрузку в невербальном общении. Кроме того, оно является средством характеристики субъекта коммуникации или литературного персонажа. В эту же группу можно отнести еще один интересный глагол – *suckle*. Несмотря на то что он отличается от остальных, так как толкуется как обозначающий громкий смех (с определенными дополнительными характеристиками), он так же активно используется для придания герою специфических черт.

К «тихим» глаголам в русском языке можно отнести *хихикать, посмеиваться, усмехаться, ухмыляться, фыркать*. Физические параметры русских глаголов с одной стороны и английских с другой (*chuckle, snigger* и др.) совпадают – это сниженная интенсивность/громкость, на первый план в их семантической структуре выходят характеристика и отношение, которые закреплены в словарных дефинициях. Этот факт указывает на то, что эти глаголы в большей мере служат обозначением элементов невербальной коммуникации, нежели спонтанной эмоциональной реакции.

Что касается испанского языка, мы можем сказать, что этот сектор «пустует», имея в виду отсутствие лексикализации этих понятий. Данное содержание передается при помощи сочетаний глагола *reír(se)* с соответствующими наречиями либо при помощи идиоматических выражений. Таким образом, в нижней части таблицы английский язык также занимает лидирующую позицию по степени дифференциации смеховой лексики.

В связи с этим возникает интересная лексикографическая и переводческая проблема соответствий глаголов в трех языках. Сопоставление двуязычных словарей выявило дисбаланс в количестве и содержании эквивалентов. Например, в англо-русских словарях (например, [Апресян]) наблюдается многократное использование глагола *хихикать*, который дается как эквивалент почти всех английских «тихих» глаголов (*chuckle, giggle* и проч.). Как мы уже отмечали, эта область в английском языке практически не получает адекватного отражения в русском языке. Русско-английские словари (например, [Смирницкий]), в свою очередь, дают несколько вариантов перевода лексемы *хихикать*, используя все те же «тихие» английские глаголы. Глаголу *хохотать*, как ни странно, в словаре

соответствует словосочетание *laugh loudly/boisterously*, но никак не *guffaw* или *cachinnate*, хотя формально именно они имеют значение громкого безудержного смеха или хохота.

С подобными трудностями можно столкнуться и при изучении англо-испанских соответствий [The Collins Spanish Dictionary]. Для передачи смыслов, закрепленных в разнообразных английских лексемах, используются два глагола: *reír(se)* (смеяться) и *sonreír* (улыбаться) с различными дополнениями. К примеру, шести английским глаголам (*laugh, giggle, cackle, chuckle, snigger, titter*) соответствует один испанский – *reír(se)*. Различия проявляются лишь в дополнительных наречиях – *tontamente* (глупо), *disimuladamente* (скрытно) и т. д. Как и в русском языке, в испанском лексикализовано меньше оттенков значений, чем в английском. Испанский же глагол *carcajear(se)* переводится на английский глагольным сочетанием *to roar with laughter*, а отглагольное существительное как *loud laugh* и *guffaw*.

Что касается отношений русского и испанского языка, то для передачи всех оттенков, имеющих в русском языке в данной смысловой области, в испанском используются только два глагола – *reír(se)* (смеяться) и *sonreír(se)* (улыбаться), порой с добавлением уточняющих наречий соответствующего значения («исподтишка» или «злорадно»). Русские словарные эквиваленты испанской лексики не отличаются разнообразием, так как, как уже отмечалось выше, дополнительные оттенки смысла, лексикализованные в русском языке, невозможны в испанском без уточняющих наречий или других частей речи. Варианты, предложенные в русском переводе, как раз косвенно указывают на роль контекста при употреблении.

Объяснить причины, по которым в одном языке используются особые лексемы, то есть данное концептуальное содержание лексикализуется на достаточно ранних этапах развития языка, а в других используются описательные методы, не представляется возможным с необходимой степенью доказательности. Можно предположить, что определенную роль играет система языка, а также история развития языка и общества.

Как уже отмечалось, словари не всегда способны предоставить адекватные эквиваленты и соответствия. В связи с этим возникает необходимость обращать особое внимание (к примеру, в ходе обучения навыкам перевода) на то, как репрезентируется определенное концептуальное содержание в той или иной лингвокультуре, и отталкиваться не от эквивалентной лексики, а от концептуального содержания и контекста.

Литература

Апресян Ю.Д. Новый большой англо-русский словарь / под общ. руковод. акад. Ю.Д. Апресяна. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-english-russian-Apresyan.htm>.

Гусева О.А. Лингвистические концепты «смех» и «улыбка» в английском и русском языках // Сборник материалов Круглого стола «Взгляд в будущее: новые перспективы когнитивных исследований языка» (1-2 ноября 2018 года, МГЛУ, Москва) – в печати.

Смирницкий А.И. Русско-английский словарь / под общ. руковод. проф. А.И. Смирницкого. URL: <http://www.classes.ru/dictionary-russian-english-Smirnitsky.htm>.

The Collins Spanish Dictionary: Español – Inglés, English – Spanish. Sixth Edition. Harper Collins Publishers, 2001. 2141 p.

O.A. Guseva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University
gouseva_olga80@mail.ru

LANGUAGE REPRESENTATION OF CONCEPTS *LAUGH* AND *SMILE* (IN ENGLISH, SPANISH AND RUSSIAN)

The article presents an attempt of comparative analysis of language representation of the concepts *LAUGH* and *SMILE*. The lexemes under analysis are English, Spanish and Russian verbs of laughter/smile. The investigation has shown the difference in the nomenclature of the lexical items denoting this sense and the difference in the relevance of certain components of meaning for Russian, English and Spanish mentality respectively.

Key words: concept, semantics, semantic field, laugh, smile, verb.

Е.В. Дзюба (Екатеринбург, Россия)

*Уральский государственный педагогический университет
elenacz@mail.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ПРИРОДА РУССКОЙ НАРОДНОЙ ЗАГАДКИ¹

Статья посвящена изучению лингвокогнитивной природы русской народной загадки, специфика которой заключается в наличии взаимообусловленности между языковым (часто метафорическим) кодом, особенностями познаваемого объекта (существенными признаками категоризации) и смысловым ядром (зашифрованным концептом).

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, категоризация, естественные категории, русские загадки.

Введение. Загадка, хотя и представляет собой весьма архаичный жанр народного творчества, в настоящее время по-прежнему вызывает живой интерес со стороны отечественных и зарубежных исследователей. Загадка является предметом исследования в литературоведении (рассматриваются ее жанровые особенности), антропологии (изучаются функции загадки в ритуале устной традиции), социологии (устанавливаются связи ритуальной традиции с жизнью общества), истории (прослеживаются изменения народных традиций, обусловленных историческим развитием общества), культурологии (изучается отражение в загадке традиций определенного народа), психологии (выявляются особенности восприятия и эмоционального переживания загадки) и других науках. Не менее интересна загадка и для лингвистов-когнитологов, стремящихся через языковой (метафорический) код проникнуть в суть процессов человеческого познания, ведь в загадке зашифрованы главные, категориально значимые признаки познаваемого объекта. Возможность расшифровки заложенной в загадке информации зависит от способности субъекта познания к считыванию языкового (метафорического) кода и выявлению скрытых в смысловом коде существенных признаков категоризации той группы объектов, к которой принадлежит зашифрованный феномен.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, научный проект № 19-013-00895 «Учимся понимать Россию: когнитивные стратегии формирования методического материала по русскому языку как иностранному».

Цель исследования заключается в определении лингвокогнитивной природы русской народной загадки, которая заключается в наличии взаимообусловленности между языковым кодом, особенностями познаваемого объекта (существенных признаков категоризации) и смыслового ядра, закодированного в содержании текста загадки.

Методы исследования. Исследование ведется в русле семантико-когнитивного подхода к языку, что обуславливает задействованные методы: методы концептуального и контекстного анализа и когнитивно-прототипический метод, позволяющий выявить существенные признаки категоризации. При этом под *категоризацией* понимается процесс разделения объектов онтологического пространства на классы и/или группы на основании общности существенных когнитивных признаков, по Людвигу Витгенштейну, «признаков фамильного сходства». Результатом категоризации является формирование *категорий*, «лингвокогнитивных ячеек в системе знаний и представлений человека о мире и о себе самом, изоморфно отображающих фрагменты реальной и/или воображаемой действительности в человеческом сознании». *Существенными признаками категоризации* представляются «наиболее актуальные характеристики объекта окружающего мира, которые позволяют причислить познаваемый феномен к подобным ему объектам и наделить его общим всей группы родовым (категориальным) именем» [см. подробнее: Дзюба 2016].

Материалом исследования становится народная загадка, которая, по словам С.Я. Сендеровича [Сендерович 2008: 15], отличается от всех иных, прежде всего – от авторской. «Имея дело с народной загадкой, – отмечает исследователь, – мы, вероятно, прикасаемся к началам человеческой культуры. Профанная забава, которую мы находим валяющейся под ногами, что-то вроде сорной травы культуры, которую к высоким ее областям относить не принято, должно быть, является реликтом ее оснований. Забегая вперед, можно сказать, народная загадка с антропологической точки зрения является не только особой речевой культурой, но и особой архетипической деятельностью, общественным институтом» [Сендерович 2008: 16]. В.Н. Топоров также отмечает, что «познание языка загадки и овладение способами его использования, будучи сугубо языковыми операциями, в то же время позволяют выйти за пределы языка – овладеть логикой мира и, более того, самим миром» [Топоров 1999: 49]. Иными словами, изучая языковую (метафорическую) форму загадки и действие скрытых в загадке когнитивных механизмов, мы прикасаемся к неким основам

познавательной деятельности. Эта лингвокогнитивная деятельность в части метафорического оформления мыслительных конструктов является этноспецифичной, проявляющей тем самым лингвокреативный характер мышления народа; в части заложенных в загадке когнитивных механизмов она вполне универсальна, поскольку носит общечеловеческий характер, так как затрагивает универсальные ментальные процессы.

Обсуждения и результаты. Для выявления степени взаимообусловленности между особенностями познаваемых объектов (то есть их главных когнитивных признаков) и концептуального содержания текста загадки были рассмотрены лингвокогнитивные категории, которые объединяются одним смысловым полем ТРУД ЧЕЛОВЕКА. Это артефактная категория ОРУДИЯ ТРУДА и естественные категории ФРУКТЫ, ОВОЩИ, ЗЛАКИ как результат труда. Эти категории отражаются в загадках, обобщаемых собирателями в тематическом разделе «Сад, огород, земледелие, поле».

Категория ОРУДИЯ ТРУДА имеет прототипические образцы *ножницы, лопата, топор, пила* и нек. др., которые объединяются в группу на основании существенных признаков категоризации (или мыслительных конструктов) ‘устройство инструмента’, ‘способ действия инструмента (как он работает, функционирует)’, ‘функциональное назначение’, ‘сфера применения’. В текстах загадок об орудиях труда, интенционально рассчитанных на распознавание, как правило, кодируются именно эти концептуальные признаки. Так, в загадке *Железный нос в землю врос, роет, копает, землю разрыхляет (Плуг)* актуализированы такие мыслительные конструкты: ‘способ действия’ (*в землю врос*) и ‘функциональное назначение’ (*копает, землю разрыхляет*); в загадке *Без рук, без ног, лопату крошит (Нож)* репрезентированы признаки ‘устройство’ и ‘функциональное назначение’; в загадке *Не столько поест, сколько истопчет (Ступа)* отражена единица ‘функциональное назначение’.

В качестве другого примера можно рассмотреть лингвокогнитивную категорию ОВОЩИ, наиболее типичными образцами которой являются, по результатам проведенных опросов, *огурец, помидор, картофель, морковь, капуста (кочанная), свекла, кабачок, баклажан, лук, тыква, перец сладкий (болгарский), редис* и др. Эти и другие члены данной категории объединяются в группу на основании существенных признаков категоризации, к которым в наивной картине мира относятся следующие: ‘способ и место произрастания (*на/в земле, на грядках, в огороде*)’,

‘вкусовые качества (отсутствие сладости)’, ‘размер (крупнее ягод)’, ‘форма (округлые, продолговатые)’, ‘степень плотности структуры (обычно жесткие, твердые, нуждаются в термической обработке)’, ‘способ хозяйственного использования (употребляются в пищу)’, ‘цвет (чаще неяркие)’ [см. подробнее: Дзюба 2016: 273-274]. Так, в загадках о картофеле *Под землей птица гнездо свила, яиц нанесла; Между гор лежит толстый Егор* актуализированы такие мыслительные конструкты: ‘место произрастания’ (т.е. *в огороде; в земле*) и ‘форма’ (*округлой формы, в форме яйца*); в загадке *Сидит баба на грядке, вся в заплатках (Капуста)* репрезентированы мыслительные конструкты ‘способ и место произрастания’ и ‘строение’; в загадке *Круглая, желтая, под забором валяется (Тыква)* отражены ментальные единицы ‘цвет’, ‘форма’, ‘место и способ произрастания’ (источник примеров: Загадки / сост. В.В. Митрофанова. Серия: Памятники русского фольклора. М., Л.: Наука: Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), 1968. 253 с.).

В текстах русских народных загадок, интенционально рассчитанных на успешное декодирование, как правило, зашифровываются именно существенные признаки категоризации, то есть те мыслительные конструкты, которые определяют членство категорий. Залогом успешности декодирования загадки является не только наиболее точное указание существенных признаков категоризации объекта, но также их удачная комбинация (обычно концептуализация осуществляется на основании двух-трех признаков). В случае указания лишь одного признака категоризации степень вероятности, что загадка будет успешно декодирована (угадана), значительно снижается. Это обеспечивает высокую вариативность ответов. Например, в загадке об артефактах *Черная гагара по полю скакала, золото сбирала (Кочерга)* на первый план выходят иные признаки, например: ‘внешний вид предмета (цветовая характеристика и форма)’. Однако такие загадки, на наш взгляд, наименее поддаются точному декодированию, ведь они предполагают множество вариантов ответа: это может быть и коса, и серп (а золото – колосья пшеницы, хлеб). Загадки, в текстах которых закодирован один или несколько существенных признаков категоризации объектов одной смысловой группы, наиболее доступны для разгадывания.

Мыслительные конструкты, на которых строится замысел загадки, как правило, имеют универсальный характер при однотипном или этноспецифичном языковом воплощении (в т. ч. метафорическом), ср. рус. и англ.:

A hundred shirts and all without buttons. What is it? (Head of cabbage) / Сто одежек и все без застежек (Капуста); A golden girl sits in the darkness, but her hair hangs out in the sunlight. Do you know her? (Carrot) / Девушка сидит в темнице, а коса на улице (Морковь) (метафорический код одинаков, одинаковы мыслительные конструкты ‘устройство, строение, структура’); *This item has handles But it isn't a car. It also has two blades But isn't a razor (Scissors) / Два конца, два кольца, а посередине гвоздик (Ножницы)* (языковой код различный, но признаки категоризации зашифрованного объекта одинаковы – ‘устройство’).

Вывод. Все вышеизложенное отражает специфику лингвокогнитивной природы загадки, которая заключается во взаимодействии двух интенциональных тенденций: языковая (метафорическая) форма затемняет/кодирует смысл, а реконструируемые в результате анализа языковой формы универсальные мыслительные конструкты проясняют смысл за счет указания на категориальные признаки сокрытого в тексте загадки феномена.

Литература

Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании: дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2016.

Топоров В.Н. К реконструкции «загадочного» прототекста (о языке загадки) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. Т. 2. М., 1999.

Сенедрович С.Я. Морфология загадки. М.: Языки славянской культуры, 2008.

*E.V. Dziuba (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Pedagogical University,*

LINGUO-COGNITIVE NATURE OF THE RUSSIAN FOLK RIDDLE

The article studies linguo-cognitive nature of Russian folk riddle, the specificity of which is interdependence between the language (metaphorical) code, the peculiarities of the cognizable object (the essential features of categorization) and the semantic nucleus, i.e. the codified concept.

Key words: cognitive linguistics, categorization, natural categories, Russian riddles.

К.К. Дуйсекова, Ж.Т. Оспанова (Астана, Казахстан)
Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
kuliash@yahoo.fr; zhanna19@list.ru

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ

В настоящей статье предпринимается попытка изучения национально-культурной обусловленности концептуальной метафоры в лингвокультурологическом аспекте. Концептуальные метафоры рассматриваются как коррелят национального сознания и как репрезентант динамики социально-политической и культурной ситуации.

Ключевые слова: концептуальная метафора, лингвокультурологический аспект, национальная специфика, идиоэтнические особенности метафорического моделирования, механизм переосмысления действительности.

Метафора как когнитивный механизм играет важную роль в миромоделировании, и ее исследование позволяет определить идиоэтнические особенности мировосприятия, миропонимания и освоения окружающей действительности.

Общеизвестно, что метафора является не только способом мышления, но и своего рода зеркалом, отражающим национальное сознание независимо от субъективных симпатий или антипатий, то есть метафора, участвуя в репрезентации фундаментальных культурных ценностей, способна отражать особенности культурно-национального мировидения [Чудинов 2001; Будаев 2006; Чэн 2018].

В основу изучения концептуальной метафоры современными исследователями положены работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, в которых авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, сами процессы мышления человека в значительной степени тоже метафоричны [Лакофф 2004: 25]. Метафора как устойчивый способ осмысления действительности является когнитивным механизмом, способным осмыслять неизвестное через известное [Будаев 2007]. Принимая этот постулат за основу, мы хотели бы добавить, что концептуальная метафора не столько средство описания действительности, сколько устойчивый способ его *переосмысления*, создающий определенные новые

выводные знания вместе с ассоциативными и созидательными процессами [Дуйсекова 2006: 10].

Современные исследователи склоняются к тому, что «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с метафорической структурой основных понятий данной культуры и глубоко коренятся в ней» [Лакофф, Джонсон 2004: 46].

В качестве основы формирования концептуальной метафоры всегда выступают лингвокультурологические и культурологические события, ситуации и факты, которые имеют, прежде всего, культурно-информационную ценность, которую и перерабатывает определенное языковое и этническое сознание [Дуйсекова 2006: 10].

Вместе с тем, в ракурсе лингвокогнитивного изучения метафора рассматривается как ментальный феномен, то есть изучается в связи с внутренней ментальной деятельностью человеческого сознания. Следовательно, концептуальные метафоры должны изучаться одновременно как корреляты национального сознания и как репрезентанты динамики социально-политической и культурной ситуации.

Согласно методике исследования концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, для описания моделей важно описание как сферы-источника, так и сферы-мишени [Лакофф, Джонсон 2004]. Наше исследование было направлено на метафоры исходной понятийной сферы СЕМЬЯ, субсферы МАТЬ, на материале корпуса немецких газет и онлайн-изданий «Die Zeit», «Berliner Zeitung» и «Spiegel» за период с 1995 по 2018 годы. В качестве исходного примера обратимся к метафорическому выражению «*Mutter aller Dinge*» ‘мать – основа всех вещей’ с его различными вариациями в количестве 925 единиц. Вариативность использования метафорического выражения «*Mutter aller Dinge*» заключается в том, что второй компонент выражения «*Dinge*» заменяется и моделируется репрезентантами. Мы не включили дословный перевод всех примеров в связи с ограничениями в объеме статьи.

В результате анализа эмпирического материала нами были выявлены следующие сложившиеся в сознании носителей немецкого языка метафорические модели (слева указана субсфера-источник, справа – сфера-мишень):

- МАТЬ – (ПЕРВО)ПРИЧИНА

Примером может послужить метафорическое выражение, прозвучавшее из уст главы МВД Германии Х. Зеehoфера: «*Mutter aller politischen*

Probleme in diesem Land. Das ist die Migrationsfrage) (Spiegel. 06.09.2018), то есть причина всех проблем – миграция, что породило «волну метафор» в немецком политическом дискурсе: а) представители правой коалиции: *Mutter aller Probleme: Demokratiedefizit*) (Spiegel. 08.09.2018); б) глава МИДа Германии Х. Маас: «*Nationalismus ist die Mutter aller politischen Probleme*)» (Spiegel. 14.09.2018).

Приведенные примеры показывают, что под концептуальной метафорой «Мать – основа всех вещей и событий» подразумевается не человек, не мать, а первопричина появления того или иного общественно-политического явления либо причинно-следственные связи.

- МАТЬ – ВЕЛИКОЕ, САМОЕ БОЛЬШОЕ СОБЫТИЕ

С войной в Персидском заливе 1991 года связано появление метафоры «*Mutter aller Schlachten*» ‘мать всех сражений’, под которой подразумевалось «самое большое сражение», например: а) «Saddam Hussein verkündete nach den Luftangriffen am Sonntag seinen Sieg und erklärte dem Volk, es habe sich bei der Konfrontation mit einer «neuen Aggression in der *Mutter aller Schlachten* als verantwortungsvoll und vertrauenswürdig erwiesen» (Berliner Zeitung. 21.12.1998); б) «Er zeigte gleichzeitig seinem Volk und den arabischen Nachbarn, daß er noch immer als Feldherr standhaft in der «*Mutter aller Schlachten*» steht, nun nicht mehr in der Wüste, sondern auf diplomatischem Parkett (Berliner Zeitung. 06.11.1997), где метафора переходит в сражение на дипломатическом уровне. Не всегда «*Mutter aller Schlachten*» используется по отношению к реальным военным действиям. Слово «*Mutter*» ‘мать’ стало классическим выражением христианско-социального политического универсума.

- МАТЬ – САМЫЙ БОЛЬШОЙ ПРЕДМЕТ

Рассмотрим примеры из газетного корпуса: а) «Das, was wir gerade erleben, ist nicht normal – ein US-Präsident, der damit angibt, die «*Mutter aller Bomben*» einzusetzen...» (Die Zeit. 06.05.2017); б) «Die Explosionswellen der Tomahawk-Raketen in Syrien und der «*Mutter aller Bomben*» in Afghanistan dürften auch in Pjöngjang registriert worden sein» (Spiegel. 15.04.2017). Здесь под «*Mutter aller Bomben*» имеется в виду самая большая бомба вооруженных сил США – GBU-43/B. В основе данного метафорического выражения актуализируются вероятностные семы ‘огромный размер’, ‘широкий охват’, ‘большой вес’, ‘большая мощность’, ‘большая разрушающая сила’.

- МАТЬ – ВЫХОД/РЕШЕНИЕ

«Die Mutter aller Lösungen ist der Zusammenhalt in unserem Land» (Spiegel. 08.09.2018), – выразилась глава СДПГ А. Налес на заявление Х. Зеehoфера.

- МАТЬ – ЖЕНЩИНА

«...eigentlich meinte Seehofer, die Bundeskanzlerin sei die Mutter aller Probleme» (Spiegel. 07.09.2018), то есть под «*матерью всех проблем*» глава МВД Германии Х. Зеehoфер имел в виду, скорее всего, канцлера Ангелу Меркель. Данная метафорическая модель встречается реже остальных, но, тем не менее, заслуживает внимания. Разумеется, список представленных моделей не окончателен и требует дальнейшего изучения.

Таким образом, на основе эмпирического материала можно сделать некоторые выводы о том, что рассмотренные нами новые понятийные сферы концептуализируются как объект, имеющий материнское начало в немецком языковом сознании. Это обусловлено, возможно, с одной стороны, с мифологическим представлением о тесной связи женского начала с организованным пространством. Мать – это источник всего существующего, мать – это первопричина, где отношения между компонентами моделей понимаются не как прямое отождествление, а как аналогия.

Если в западных культурах *начало, истоки, первопричину, самое большое, значимое явление (событие, предмет)* связывают с концептом «*Mutter*» ‘мать’, что объясняется историей развития западного мира, для которого, в отличие от традиционных восточных культур, характерен матриархат, то в восточных культурах, где до сих пор доминирует патриархат, в качестве *истока и начала* обозначают мужское начало: *áke* ‘отец’, *kóke* ‘дядя’, *ata* ‘дед’ или ‘предок’, что подтверждается примерами из лексикографических и газетных источников, в результате анализа которых были выделены следующие метафорические модели:

- МУЖЧИНА – ИСТОЧНИК МУДРОСТИ, например *Atadan qalǵan asyl sóz* ‘Мудрые слова предков’.

- МУЖЧИНА – ОСНОВА ОСНОВ (ОСНОВА ЖИЗНИ), к примеру, казахи говорят: «*Ata – báiterek, bala – jaryraq*» ‘Отец – дерево, дети – его листья’, олицетворяя главу семьи с *деревом жизни*. Несмотря на то что ребенок рождается матерью, рождение сыновей в казахской традиции связывают с именем отца. Мужчина, чаще дедушка, глава рода, метафорично сравнивается со зрелым, плодоносным, благоухающим деревом, корни которого уходят глубоко в землю: «...ata Baian Rysmendi búginde 85 jasqa tolyp, tatyry tereń, máyeli báu-terekke analyp otyr...» (Almaty akshamy. 19.02.2014).

Результаты анализа показали, что концептуальная метафора в лингвокультурологическом аспекте, с одной стороны, отражает национальное сознание и национальную культуру в рамках религиозно-социального универсума, с другой стороны, имеет общечеловеческий характер. В свою очередь, анализ метафор позволяет приблизиться к решению вопросов о сложном взаимодействии языка и мышления, а также культуры в теоретическом и в практическом измерении лингвокультурологических исследований.

Литература

Будаев Э.В. Россия, Грузия и страны Балтии в зеркале российских и британских метафор родства // Известия УрГПУ. Лингвистика. 2006. Вып. 18. С. 34-57.

Будаев Э.В. Политическая метафора в культурологическом аспекте // Аналитика культурологии. 2007. № 3 (9).

Дуйсекова К.К. Фразеологическая картина мира французского и казахского языков (концептуально-лингвокультурологический опыт исследования): автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Алматы, 2006.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург, Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Чэн Юйсяо. Китай в метафорическом зеркале российских СМИ // Политическая лингвистика / гл. ред. А.П. Чудинов. 2018. Вып. 1 (67). С. 114-119.

K.K. Duisikova, Zh.T. Ospanova (Astana, Kazakhstan)
L.N. Gumilyov Eurasian National University

LINGUO-CULTURAL ASPECT OF CONCEPTUAL METAPHOR

The aim of the article is to study the national and cultural conditionality of the conceptual metaphor in the linguistic and cultural aspect. Conceptual metaphors are considered as a correlate of national consciousness and as a representative of the dynamics in socio-political and cultural situations.

Key words: conceptual metaphor, linguo-cultural aspect, national peculiarities, idioethnic features of metaphorical modeling, mechanism of reinterpretation of reality.

*А.Ю. Епимахова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
aline_@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ МИРОМОДЕЛИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОБЛАСТИ ВИЗАЖИСТА)

Данная статья посвящена анализу процесса конструирования мира в сознании человека. На примере терминов профессиональной области визажиста доказывается основное правило, которое лежит в основе того, как человек представляет картину миру в своем сознании.

Ключевые слова: когнитивный подход, концептуализация, конструктор мысли, когнитивная семантика.

Основным методологическим принципом когнитивного подхода к изучению языка, как отмечает Н.Н. Болдырев, является положение о том, что человек не отражает мир в языке, а конструирует его с помощью языка в своем сознании [Болдырев 2016: 10].

Сталкиваясь с новыми понятиями, вербализованными средствами языка, человек отводит им место в своем сознании согласно коллективному опыту и индивидуальному знанию о мире. Всякая новая мысль требует нового выражения и толкования в языке. Творческий порой процесс формирования новых смыслов приводит к появлению новых языковых знаков – *конструкторов мысли*. В новых языковых знаках интегрируются новые системы мышления, которые являются основой все более новых конструкторов. Такое поступательное развитие языка, в котором отражается постоянно коллективное и индивидуальное сознание, приводит к обогащению языковыми знаками.

Языковая единица, с точки зрения когнитивной семантики, приобретает свое значение в результате выделения или высвечивания конкретно-

го участка в пределах соответствующей когнитивной области, что предполагает структурирование этой области с помощью той или иной схемы [Болдырев 2016: 11]. Необходимо структурирование языковых знаков как конструкторов мысли в сознании человека, только благодаря четкой организации и структуре возможно дальнейшее моделирование мира.

Таким образом, в сознании человека может быть сконструирована картина мира заимствованными средствами из другого языка, или, если взять в качестве примера определенную область профессионального знания, она может быть представлена заимствованными средствами языка из другой области, так как терминология имеет челночный характер распространения. Термины из одной профессиональной сферы могут переходить в другую профессиональную сферу и наделяться при этом дополнительными значениями, отражающими коллективное и индивидуальное знание присущей им сферы.

На примере активно развивающейся области профессионального знания *искусство визажа* можно наглядно продемонстрировать, как формируется данная область в сознании людей и какими языковыми средствами представлены основные понятия. Данная область представлена такими языковыми знаками, как *консилер*, *плампер*, *праймер*, *хайлайтер*, *шиммер*, *атомайзер*, *ВВ-крем*, *СС-крем*, *бьюти блендер*, *браш*, *блоттер*, *бронзатор*, *бустер*, *бьюти-кейс*, *бэк-стейдж*, *глиттер*, *градиент*, *дуофибра*, *дрейпинг*, *контуринг*, *люминайзер*, *микроблейдинг*, *мультимаскинг*, *свотч*, *стик*, *стробинг-эффект*, *тинт*, *фейс-чарт*, *фейс-арт*, *флюид*, *фланкер*, *фактис*, *кушон*, *омбре* и т. д.

Источником служат французский и английский языки, что объясняет коммуникативную специфику заимствованных терминов. Становление и развитие профессиональной области началось именно во Франции, а английский язык стал посредником в процессе заимствования.

К когнитивному объяснению конструирования области данными языковыми знаками можно отнести ряд признаков, присущих исходным терминам. *Консилер* (от фр. *conceler* – англ. *conceal* укрыватель, маскирующее средство – тональный крем), *плампер* (от англ. *plump* пухлый, тучный – помада, содержащая ингредиенты-раздражители для появления эффекта припухлости и увеличения объема), *праймер* (от англ. *prime* первый – база под макияж, которая позволяет скрыть недостатки), *хайлайтер* (от англ. *highlight* выделять, подчеркивать – косметическое средство, которое используется для подсвечивания отдельных участков лица,

и т. п.). Концептуальное содержание приведенных выше терминов послужило основой их номинации и дальнейшего моделирования картины мира *специалиста по визажу, визажиста, косметолога, стилиста-визажиста* и т. п.

Однако не все термины напрямую заимствуются из другого языка. Интересным является и то, что ряд терминов, с помощью которых конструируется картина мира специалиста в области визажа, относится и к другим сферам. Скорее всего, закрепленный в результате осознанной рефлексии опыт и знание в данных языковых знаках лег в основу конструирования новой области профессионального знания. *Праймер* – грунтовка (область строительства и автомобильной промышленности), *хайлайтер* – маркер-цветовыделитель, *флюид* – состояние вещества с параметрами выше критических, *фактис* – мягчитель для резин, который обеспечивает технологичность резиновых смесей.

Языки, обслуживающие различные области профессиональной деятельности людей, как справедливо отмечает Е.И. Голованова, представляют собой особые когнитивно-коммуникативные пространства [Голованова 2008: 129]. Термины же, которые составляют основу профессиональной коммуникации, служат главным средством концептуальной ориентации в когнитивно-коммуникативном пространстве и задают направление мыслительной деятельности специалистов [Там же].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что человек в результате переосмысления и интерпретации включенных в определенный вид деятельности языковых знаков конструирует с помощью них картину мира в своем сознании. Внутренняя форма языковых знаков, которая отражает особенности профессионального сознания, служит стимулом синхронизации деятельности и поводом для использования знаков в качестве конструкторов мысли другой области.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10-20.

Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: учебное пособие. Челябинск: Энциклопедия, 2008. 180 с.

*A. Yu. Epimakhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University*

**COGNITIVE CONCEPTS OF WORLD-FORMATION
(IN THE TERMS OF THE TERMINOLOGY
OF THE PROFESSIONAL SPHERE “MAKEUP DESIGN”)**

The article is devoted to the analysis of the world-formation in person's consciousness. The main principle how a person structures worlds views in his consciousness is proved.

Key words: cognitive aspect, conceptualisation, mind construction, cognitive semantics.

*Л.И. Жуковская (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
lara_nn@mail.ru*

**КОНЦЕПТ МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ
В СВЕТЕ КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ**

В работе исследуются рефлексы концептуальной метафоризации лексем-репрезентантов концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ. На материале данных Национального корпуса русского языка и интернет-мониторинга выявлены контексты, актуализирующие основные когнитивные механизмы одушевления или овеществления данного абстрактного концепта в современном русском языковом сознании.

Ключевые слова: концепт МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ, концептуальная метафора, когнитивные механизмы, лингвокультурология, русский язык.

Статья посвящена проблеме когнитивного моделирования концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ, специфичного для русской концептосферы в силу своего заимствованного происхождения и терминологического характера.

Цель исследования – анализ основных языковых механизмов концептуальной метафоризации концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ, которые основаны на контекстах овеществленного и/или одушевленного употребления абстрактных лексем *менталитет* и *ментальность*

Материал исследования – контексты употребления лексем-репрезентантов концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ, взятые по Национальному корпусу русского языка и по результатам собственного интернет-мониторинга автора.

Теоретической основой исследования выступают принципы описания единиц «языка культуры», изложенные в работах [Вежбицкая 1997; Новые тенденции 2014; Радбиль 1999]. Процедура исследования основана на методологии и технологии концептуального анализа, разработанной нижегородскими учеными [Ручина, Горшкова 2011; Сайгин 2013; Радбиль 2016]. Используется научный инструментарий теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004].

Мы исходим из положения, согласно которому знаковые в каком-то отношении социально-значимые концепты, изначально бытовавшие в роли элементов метаязыка гуманитарного знания – терминов, входят в национальную концептосферу этноса, во многом утрачивая свой абстрактный терминологический характер. К таким концептуальным репрезентациям, вне всякого сомнения, относится и интересующий нас концепт МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ.

Освоение подобных концептов в национальном языковом сознании как раз и заключается в том, что они включаются в стандартные когнитивные механизмы концептуальной метафоры, суть которой – осмысление и понимание более сложной сущности в терминах другой, более простой сущности, наглядной и хорошо известной из опыта интерактивного взаимодействия с действительностью [Лакофф, Джонсон 2004]. Чаще всего это модели овеществления абстракции (реификации) и модели одушевления абстракции.

Согласно исследованиям [Чернейко 1997; Радбиль 2017], подобные модели следует выявлять из репрезентативных контекстов узальной сочетаемости единиц, образующих анализируемый концепт: в этих случаях рефлексам реификации или одушевления являются контексты употребления интересующих нас слов в сочетании с единицами, которые в норме могут быть приписаны овеществленным или одушевленным сущностям чувственно-воспринимаемого характера.

Лексемы *менталитет* и *ментальность* как репрезентанты концепта МЕНТАЛИТЕТ/МЕНТАЛЬНОСТЬ демонстрируют многочисленные контексты употребления, которые однозначно свидетельствуют о реализации когнитивных механизмов концептуальной метафоры в духе Дж. Лакоффа и М. Джонсона по типу овеществления или одушевления абстракции.

Первой стадией подобной конкретизации выступает формально-грамматическая конкретизация лексем *менталитет* и *ментальность*, когда абстрактное существительное, изначально относящееся к *Singularia Tantum*, употребляется в форме множественного числа (эта модель очень продуктивна для речевого функционирования практически любого абстрактного существительного во многих языках): «*История ментальностей фокусируется не на войнах, великих людях, и политике, которые были объектом большинства европейских историографий с древних времен, а, наоборот, на мышлении в культурах и социальных группах прошлого*» (URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_ментальностей); «*Разница менталитетов мешаает отношениям*» (URL: <http://www.psychologies.ru/story/raznitsa-mentalitetov-meshaet-otnosheniyam/>).

Контексты овеществленного представления лексем *менталитет* и *ментальность* реализуют следующие модели.

Модель 'абстрактная сущность → конкретный объект, вещь': «*В нем признали, что сломать «дефляционный менталитет» японцев оказалось сложнее, чем предполагалось ранее*» (НКРЯ – Петр Михальчук. Доллар вернулся к росту // «Эксперт», 2014); «*Лена бежит в кусточки, а у меня на подоле остается недосформулированный менталитет*» (НКРЯ – Галина Щербакова. Митина любовь (1996)).

Модель 'абстрактная сущность → товар, продукт': «*Менталитеты не покупаются, и люди с ними – не рождаются*» (URL: <https://books.google.ru/books?isbn=5040489099>).

Модель 'абстрактная сущность → механизм, техническое устройство': «*Вера автора в возможность подрегулировать национальный менталитет, подобно неисправному карбюратору, неизбежно приводит его к радикально-консервативной программе в духе насаждения истинных ценностей...*» (URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2010/6/mo27-pr.html>).

Модель 'абстрактная сущность → вещество, субстанция': «*Но, если вовремя не дать народу новую идею, новую мораль – менталитет угасает и растворяется в культуре и традициях других народов, а его носитель –*

гибнет...» (НКРЯ – Иван Чембулатов. Менталитет – как основа величия и гибели народов // Проза.ру. 2007).

Модель 'абстрактная сущность → природный объект, растение': «Крестьянская субкультура и своеобразный **менталитет**, пересаженный на индустриально-урбанистическую почву и лишившийся своей органики, обернулись действительно деструктивными для принимающей среды сторонами» (НКРЯ – Наталья Зарубина. Проклятое благо // «Отечественные записки», 2003).

Модель 'абстрактная сущность → вместилище, контейнер': «Это настолько вошло в некий внутренний церковный **менталитет**, что избавляться от него на самом деле очень тяжело» (НКРЯ – Станислав Кувалдин, Алексей Уминский. Верните человека за руль // «Эксперт», 2013).

Модель 'абстрактная сущность → среда погружения, пространство распространения': «... что такое глубокое погружение в менталитет российского зрителя» (URL: <https://tvkinoradio.ru/article/article14167-kak-uspeshno-adaptirovat-zarubezhnij-serial>); «... попытками выбраться за пределы столь деревянной ментальности» (НКРЯ – Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)).

Контексты одушевленного представления лексем *менталитет* и *ментальность* реализуют следующие модели.

Модель 'абстрактная сущность → живое, активно и целесообразно действующее существо': «Они вообще по странной прихоти журналистского **менталитета** никогда не загонялись под шаблон «русский рок», хотя в их музыке роковый элемент был выражен куда более ясно и четко, чем, скажем, у «Агаты Кристи» или того же «Центра» (НКРЯ – Русский рок: без приставки «г...» (2004) // «Хулиган», 2004.08.15); «Им мешает «цивилизованный» **менталитет**, который угрожает им гибелью от рук менее «цивилизованных» американцев ...» (НКРЯ – Александр Алексеев. Гегемон в интерьере (2003) // «Спецназ России», 2003.02.15).

Модель 'абстрактная сущность → атрибут, свойство животного' (модель зоометафоры): «У Рейчухи **менталитет** крокодила, она действует бесшумно и мгновенно, а зубам собачки позавидует акула» (НКРЯ – Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004).

В заключение отметим, что вхождение лексем *менталитет* и *ментальность* в разнообразные когнитивные модели концептуальной метафоризации по типу овеществления и/или одушевления, представление

о МЕНТАЛИТЕТЕ/МЕНТАЛЬНОСТИ как о чувственно-воспринимаемом вещественном объекте или механизме, веществе (субстанции), контейнере или как об одушевленном, активно и целесообразно действующем существе является свидетельством значительной степени когнитивной и культурной освоенности концепта в языковой картине мира современных носителей русского языка.

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. М.: Едиториал, 2004.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru>.

Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н. М.: Флинта: Наука, 2014.

Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1999. Вып.13. С. 137-153.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2016.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 130-135.

Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая экспликация концепта «грех» в современном русском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2013.

Чернейко Л.О. Логико-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997.

L.I. Zhukovskaya (*Nizhni Novgorod, Russia*)
National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

**THE CONCEPT *MENTALITET*/*MENTAL'NOST'* (*MENTALITY*)
IN THE ASPECT OF COGNITIVE MECHANISMS
OF CONCEPTUAL METAPHORIZATION**

The work considers reflexes of conceptual metaphORIZATION of the lexemes – representatives of the concept *MENTALITET* / *MENTAL'NOST'* (*MENTALITY*). The analysis of the data of Russian National Corpus and the author's Internet-monitoring reveals the contexts actualizing basic cognitive mechanisms of animation or reification of this abstract concept in the modern Russian language consciousness.

Key words: the concept «*mentalitet* / *mental'nost'*» (“*mentality*”), conceptual metaphor, cognitive mechanisms, linguo-culturology, Russian language.

M.B. Зими́на (*Ни́жний Новго́род, Росси́я*)
*Ни́жегоро́дский госуда́рственный
педаго́гический уни́верситет им. К. Ми́нина*
zimina2312@yandex.ru

**МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОНЦЕПТА ПУТЕМ
АНАЛИЗА ВЕРБАЛЬНЫХ И ВИЗУАЛЬНЫХ АССОЦИАЦИЙ**

Представлены результаты исследования содержания концептов американской языковой картины мира, в ходе которого был апробирован новый метод, основанный на изучении вербальных и визуальных ассоциаций. Вербальное и визуальное представления концепта сопоставляются, выделяются ядро и периферия, а также понятийная, образная, ценностная составляющие и определяется степень сформированности концепта в массовом сознании.

Ключевые слова: концепт, ассоциативный эксперимент, вербальное и визуальное представления.

Концепт является основной единицей когнитивистики и лингвокультурологии. Это одновременно комплексная, многомерная ментальная

сущность и культурный феномен, который подвержен трансформациям вместе с культурой отдельного этноса. Согласно классическому определению Ю.С. Степанова, концепт – это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. С другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 1997: 40]. Концепт показывает существование определенной ценности в той или иной конкретной лингвокультуре.

Концепт может быть переведен из ментальной сущности в форму, воспринимаемую органами чувств человека. Основной способ объективации концепта – его вербализация. Однако Н.Н. Болдырев пишет, что «концепты как элементы сознания вполне автономны от языка. Наше мышление невербально по своей природе. <...> Языковые средства своими значениями передают лишь часть концепта, что подтверждается существованием многочисленных синонимов, разных дефиниций, определений и текстовых описаний одного и того же концепта» [Болдырев 2001: 26]. Содержание, стоящее за вербальной единицей – именем концепта, может быть актуализировано также с помощью невербальных средств. Привлечение не только вербальных, но и визуальных (рисуночных) данных к изучению лингвокогнитивного феномена способствует повышению объективности исследования и позволяет выявить более емкое и полное содержание концепта. Отмечается, что «интерес к визуальной культуре вызван тем, что на протяжении XX века приходит понимание, что визуальная информация – образы – начинают играть большую роль в производстве и трансляции знания» [Реутов 2016: 43].

Рисунок является коммуникативным средством, имеющим отличную от языковой природу, что помогает экстерииоризировать не только неосознанное или не вполне осознанное содержание, но и содержание, которое испытуемый не может выразить словами.

С целью определения актуального содержания концепта были проведены два свободных ассоциативных эксперимента (вербальный и рисуночный) на стимулы Beauty, Home, Freedom. Испытуемым (американцы в возрасте 20-25 лет) предлагалось дать по 5 ассоциаций на каждый стимул. Всего получено 1125 вербальных и 1125 визуальных ассоциаций. Как отмечает В.А. Маслова, «чрезвычайно важно для концепта ассоциативное поле, с которым он связан, поэтому выявление ассоциативных комплексов

является основной задачей описания концепта. <...> Изучая ассоциации в ассоциативном эксперименте, мы, таким образом, апеллируем к неосознаваемому, глубинному слою нашей психики» [Маслова 2001: 117, 192].

В результате анализа ответов испытуемых установлено, что рассматриваемые концепты подлежат визуальному представлению.

Полученные в результате ассоциативных экспериментов данные подверглись пошаговой обработке. Сначала ассоциации (как вербальные, так и графические) были разделены на ядро и периферию, затем на тематические группы, и, наконец, были выделены этимологическая, понятийная, образная и ценностная составляющие.

На следующем этапе проводилось сопоставление вербального и визуального представлений концептов. В ядро вошли ассоциации, представленные в обеих модальностях, к периферии отнесены ассоциации, представленные либо вербально, либо визуально. Для каждого концепта выявлены следующие структурные соотношения.

Ядро/периферия: «Beauty» – 73/27 %, «Home» – 93/7 %, «Freedom» – 63/37 %. Составляющие понятийная/образная/ценностная: «Beauty» – 79/13/8 %, «Home» – 70/21/9 %, «Freedom» – 28/60/12 %. В зависимости от степени перекрещивания разномодальных репрезентаций концептов сделан вывод о степени сформированности изучаемых концептов [Вашунина 2016].

Концепт HOME демонстрирует наибольшую (из трех рассматриваемых концептов) степень сформированности (91 %), поскольку в его основе находится наиболее конкретное понятие, соответственно, данный концепт реже других используется для манипуляции и его компоненты устойчивы по своему наполнению. По итогам исследования Дом – это, в первую очередь, семья, жилое строение, комфорт, безопасность.

Концепт BEAUTY характеризуется меньшей степенью сформированности (72 %), так как более абстрактен, чем концепт HOME, и обладает высоким манипулятивным потенциалом в коммерческих целях. Концепт BEAUTY – один из самых эксплуатируемых в рекламе и СМИ, где людям постоянно навязывают определенное понимание красоты (которое, как правило, непосредственно связано с потреблением некоторых продуктов и/или услуг). Данное влияние отражается в вербальных ассоциациях. Визуальные ассоциации менее осознанны. Наличие в визуальном представлении большого количества ассоциаций с природой показывает, что люди на самом деле считают прекрасной природу, а не человеческую красоту

в глянцево-м понимании. Наиболее красивые природные объекты (цветы, закаты и восходы, горы, океан), женщины (волосы, лицо, улыбка), из человеческих чувств самым прекрасным является любовь.

Наименьшая сформированность концепта FREEDOM (63 %) объясняется его высокой степенью абстрактности. Кроме того, Свобода – одна из ценностей, наиболее явно подвергающихся манипуляции со стороны власти. Значимые отличия в его вербальном и визуальном представлениях можно объяснить целенаправленным воздействием со стороны государства, при этом влияние политиков на формирование концепта FREEDOM наиболее заметно только в визуальном представлении. Вербально же испытуемые не связывают до такой степени свое мнение с государственным воздействием, вероятно, не осознавая, что этот образ им навязан, создан искусственно. В ядро концепта вошли Америка (как государство, олицетворяющее свободу), природа, армия, путешествия, разорванные цепи, свобода религии и слова.

Основной составляющей исследуемых концептов является понятийная или образная в зависимости от степени абстрактности концепта. У более конкретных концептов HOME, BEAUTY это понятийная составляющая, у концепта FREEDOM – образная. Так как образы представляют содержание более опосредованно, чем понятия, можно считать, что преобладание образной составляющей свидетельствует о меньшей сформированности концепта, чем преобладание понятийной составляющей.

В ходе исследования выявлено, что стимулы не вызывают визуальных ассоциаций с единицами, имеющими противоположные компоненты значения.

Обнаружено наличие большого количества изображений природы в качестве реакции на стимулы «Beauty», «Home», «Freedom»; среди вербальных ассоциаций таких единиц значительно меньше. Это объясняется тем, что сознание человека стремится уйти от стереотипов, навязываемых извне.

Зафиксировано значительное превышение количества вербальных ассоциаций, относимых к ценностной составляющей, числа визуальных ассоциаций в рамках этой составляющей.

Для любого концепта существуют различия в его вербальной и визуальной репрезентациях. При этом системная соотносимость разномодальных представлений позволила по единой методике проанализировать каждое представление в отдельности и провести последующий

сопоставительный анализ. Сформированные концепты демонстрируют высокую степень перекрещивания вербального и визуального представлений. У менее сформированных концептов налицо значительное расхождение представления в разных модальностях.

Таким образом, использованный автором метод позволяет определить содержание концепта, степень его сформированности, выявить компоненты концепта, наличие которых слабо осознается и которые не подвергаются вербализации, а также обнаружить манипулятивное вмешательство в массовое сознание. Особенно важны такие исследования на материале американских ценностей, так как неоспоримо влияние США во всем мире во многих областях жизни.

Данное исследование проводилось на материале трех концептов. Очевидно, что необходимо масштабное изучение поднятых вопросов. В качестве перспективных направлений могут быть предложены исследования разномодальных репрезентаций любых концептов на материале любых языков, а также сопоставительные исследования на материале нескольких языков.

Литература

Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова // *Методологические проблемы когнитивной лингвистики*: научное издание. Воронеж, 2001. С. 25-45.

Вашунина И.В. Изучение языкового сознания путем исследования разномодальных репрезентаций образов // *Научное наследие Б.Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания (к 100-летию со дня рождения Б.Н. Головина)*: сборник статей по материалам Международной научной конференции. 2016. С. 391-396.

Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

Реутов А.С. Визуальные исследования и будущее философии // *Вестник Мининского университета*. Нижний Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2016. № 2. С. 40-46.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

*M.V. Zimina (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin*

THE METHOD OF IDENTIFYING THE CONTENT OF THE CONCEPT BY ANALYZING VERBAL AND VISUAL ASSOCIATIONS

The article presents the results of a study of the content of the concepts of the American language picture of the world, during which a new method based on the study of verbal and visual associations was tested. Verbal and visual representations of the concept are compared, the core and periphery are distinguished, as well as conceptual, figurative, value components and the degree of formation of the concept in the mass consciousness is determined.

Key words: concept, associative experiment, verbal and visual representations.

*И.Г. Игнатьева (Москва, Россия)
МГИМО МИД России
igniteva.mgimo@yandex.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ДИСФЕМИИ

В современном обществе СМИ выполняют функцию создания общественного мнения, используя различные механизмы манипулятивного воздействия, к которым относится дисфемия. В статье рассматривается метафорический трансфер как один из концептуальных механизмов создания дисфемии в медиатекстах на примере риторики Д. Трампа (2016–2018 гг.).

Ключевые слова: концептуальная метафора, дисфемия, дисфемизм, медиадискурс, Д. Трамп.

Современную действительность в целом и общественную жизнь в частности невозможно представить без медиадискурса, поскольку даже те виды речевых произведений, которые в момент своего порождения не принадлежат медиадискурсу (например, дебаты в парламенте, выступления на заседаниях сессии Генеральной ассамблеи ООН, предвыборные

речи политиков, пресс-конференции, а также законы, постановления правительства, различные правила и др.), к широкой общественности попадают через средства массовой информации, через медийные средства. Современные «медиа» уже давно отошли от своей изначальной функции информирования массового адресата о событиях реальной действительности и активно выполняют функцию не только воздействия на общественное мнение, но и создания общественного мнения.

Подобная ситуация способствует активному использованию механизмов манипулятивного воздействия, к которым относят эвфемии и дисфемии. И если эвфемия довольно часто попадает в сферу исследователей, то дисфемия становится объектом исследования гораздо реже.

Между тем моделирование концептуальных оснований дисфемии представляется важным с точки зрения изучения лингвокогнитивных механизмов манипулятивного воздействия. Дисфемия представляет собой очень яркий и эффективный инструмент влияния на общественное сознание.

Дисфемия часто рассматривается как явление однородное с эвфемией, но антагонистичное ей. Действительно, и дисфемия, и эвфемия находятся в отношении стилистической или идеографической синонимии с исходным наименованием, они в равной степени опираются на наличие языковой картины мира с четко сформулированными представлениями о языковой норме и языковом табу, осознанно употребляются в качестве механизма речевого манипулирования. Но если эвфемизмы сглаживают и нейтрализуют пейоративные смыслы, то дисфемизмы, наоборот, призваны вывести их на первый план, сделать акцент на негативных сторонах денотата. Таким образом, одной из имманентных характеристик дисфемизма является эмоционально-оценочная составляющая, позволяющая автору текста звучать убедительно даже в отсутствие фактов.

В качестве причин использования дисфемизмов в политическом дискурсе О.Д. Пастухова называет: 1) социокультурные причины; 2) психосоциальные факторы; 3) популистские настроения, реализующиеся в тактике оскорбления, издевки, дискредитации; 4) следование речевой «моде» с целью создания имиджа человека, максимально приближенного к народу, говорящего с ним на одном языке, даже если такая речь содержит негативные коннотации. Необходимо подчеркнуть, что, по ее мнению, представленные функции дисфемизмов «не исключают друг друга, напротив, дополняют и усиливают эффект воздействия» [Пастухова 2014: 72].

Не претендуя на полноту изучения проблемы, но рассматривая дисфемию и эвфемию как диаметрально противоположные проявления одного когнитивного процесса, мы поставили целью спроецировать утверждение Н.А. Чес и Т.А. Тюкиной, что «манипулятивный потенциал эвфемистических единиц в определенной степени зависит от концептуальных оснований, формирующих их семантику, в частности, от типа метафорического концепта» [Чес, Тюкина 2017: 41-42] на дисфемистические единицы на примере использования дисфемизмов в риторике Д. Трампа в 2016–2018 гг. Необходимо, однако, отметить, что при всей кажущейся экспрессивности выступлений Д. Трампа дисфемизмы являются относительно редким явлением в его речи, хотя и более частым, чем у большинства его коллег-политиков.

В рассмотренном материале встречаются все три основных категории метафорических концептов: ориентационный, онтологический и структурный.

Ориентационный и онтологический концепты участвуют в создании дисфемизмов, призванных «работать» на имидж «своего парня», то есть при необходимости поставить себя как оратора на один уровень с аудиторией. Такие дисфемизмы Д. Трамп использует, чтобы продемонстрировать опасность существующей ситуации в американском обществе или в мире и соответствующим образом настроить мнение общественности. Рассмотрим пример – концептуальная метафора DOWN IS BAD – НИЗ = ПЛОХО:

«... some [parts of the world], in fact, are going to hell» – речь идет о мировых конфликтах; «These brave men were viciously gunned down by an illegal immigrant with a criminal record and two prior deportations» [Donald Trump's Congress speech 2017] – использована замена нейтральной номинации «were killed», а контекстуальная близость прилагательных *illegal*, *criminal* и наречия *viciously* репрезентирует уже структурную метафору CRIME IS EVIL – ПРЕСТУПЛЕНИЕ = ЗЛО;

«They undercut and shortchanged our men and women in uniform with inadequate resources, unstable funding, and unclear missions» [Donald J. Trump Address on National Security Strategy] – здесь интересно употребление дисфемизмов одновременно с привычными и уже не воспринимающимися так стилистически остро эвфемизмами (*men and women in uniform*, *inadequate resources*, *unstable funding*, *unclear missions*), что на контрасте усиливает эффект осуждения и обвинения.

Тактика дискредитации реализуется с помощью репрезентаций онтологической метафоры. В предвыборной речи Д. Трампа по поводу истребления президента Б. Обамы употреблена метафора, отождествляющая действие с характеристикой человека: «Well, you need somebody, because politicians are all talk, no action. Nothing's gonna get done» [Donald Trump announces a presidential bid], а в речи про борьбу с коррупцией в правительстве использована концептуальная метафора CONTAINER – КОНТЕЙНЕР: «We have begun to drain the swamp of government corruption by imposing a five-year ban on lobbying by executive branch officials...» [Donald Trump's Congress speech].

Тем не менее наиболее образными и, соответственно, сильными с точки зрения негативной оценочности и пейоративной экспрессивности, а значит, и с манипулятивной точки зрения, являются репрезентации структурных метафорических концептов.

Примером реализации тактики издевки при употреблении дисфемизма, основанного на структурной метафоре, может служить следующая фраза о северокорейском правительстве из выступления Дональда Трампа в качестве президента США на заседании Генеральной Ассамблеи ООН: «No nation on earth has an interest in seeing this band of criminals arm itself with nuclear weapons and missiles» [Statement by H.E. Mr. Donald Trump...]. GROUP GOVERNING A COUNTRY = GROUP OF LAWBREAKERS.

Образными и говорящими становятся метафорические дисфемизмы в контексте описания сложившейся в экономике США обстановки при условии нагнетания негативных эмоций, особенно когда по уже сложившейся традиции можно было бы ожидать употребления эвфемизмов: «... but for too many of our citizens, a different reality exists: mothers and children trapped in poverty in our inner cities; rusted-out factories scattered like tombstones across the landscape of our nation» [Donald J. Trump Presidential Inaugural Address].

Еще пример дискредитации, созданной эвфемизмом, основанном на метафорическом трансфере: «We want all Americans to succeed, but that can't happen in an environment of lawless chaos» [Donald Trump's Congress speech].

Механизмов дисфемизации, очевидно, существует множество, и концептуальная метафора выступает лишь одним из них. Однако можно констатировать, что манипулятивный потенциал дисфемизмов зависит

от способа формирования его языковой репрезентации. В целом, изучение концептуальных оснований дисфемии поможет глубже понять механизмы манипулятивности в условиях динамичного развития современного медиадискурса.

Литература

Пастухова О.Д. Основные функции дисфемизмов и причина их употребления в политическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). С. 69-72.

Чес Н.А., Тюкина Т.А. Эвфемизмы как средство манипулятивного воздействия в американском и британском политическом медиадискурсе // Филологические науки в МГИМО. 2017. № 1 (9). С. 39-45.

Donald Trump's Congress speech (full text). Atlanta, March 1, 2017. URL: <https://edition.cnn.com/2017/02/28/politics/donald-trump-speech-transcript-full-text/index.html> (дата обращения: 21.08.2017).

Donald J. Trump Address on National Security Strategy, Washington, D. C. 18 December 2017. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speeches/donaldjtrumpnationalsecuritystrategy.htm/> (дата обращения: 11.12.2017).

Donald Trump announces a presidential bid. Washington, D. C., 16 June 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/06/16/full-text-donald-trump-announces-a-presidential-bid/> (дата обращения: 11.01.2018).

Donald J. Trump Presidential Inaugural Address, Washington, D. C., 20 January 2017. URL: <http://www.americanrhetoric.com/speeches/donald-jtrumpinauguraladdress.htm> (дата обращения: 11.12.2017).

Statement by H.E. Mr. Donald Trump President of the United States of America at the Seventy-Second Regular Session of the United Nations General Assembly United Nations Headquarters, New York Tuesday, September 19, 2017. URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/72/us_en.pdf (дата обращения: 19.12.2017).

*I.G. Ignateva (Moscow, Russia)
MGIMO University*

CONCEPTUAL METAPHOR AS A MECHANISM OF FORGING DYSPHEMISM

Today the Media are performing the function of forming public opinion rather than informing society of the news, employing various mechanisms of manipulation including use of dysphemism. The article considers metaphorical transfer as a conceptual mechanism for dysphemism in the Media-discourse (based upon D. Trump 2016–2018 rhetoric).

Key words: conceptual metaphor, metaphorical transfer, dysphemism, media-discourse.

*В.И. Карасик (Москва, Россия; Тяньцзинь, Китай)
Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина;
Тяньцзиньский университет иностранных языков
vkarasik@yandex.ru*

ПРОКРАСТИНАЦИЯ: ВЕКТОРЫ ОЦЕНКИ

Рассматривается прокрастинация как оценочное смысловое образование, критически выражающее ключевые ориентиры современной англоязычной культуры. Эти ориентиры сводятся к продвижению идеи успеха как высшей жизненной ценности, необходимости сильного характера для победы в борьбе, строгого учета времени, требуемого для таких побед, и структурированной организации жизни как принципа успешного существования.

Ключевые слова: лингвокультурные ценности, культурные доминанты, оценочные векторы, прокрастинация, успех.

В ряду качеств, которые остро осуждают в себе носители английского языка, одно из первых мест занимает прокрастинация – откладывание выполнения дела на потом. Внутренняя форма этого слова, пришедшего из латыни, прозрачна: *cras* – *завтра*. В русском языке достаточно

часто используется фраза «*Завтра, завтра, не сегодня – так лентяи говорят*». Это почти буквальный перевод популярного немецкого речения «*Morgen, morgen, nur nicht heute, sagen alle faule Leute*». В англоговорящем мире хорошо известна сентенция британского поэта Эдварда Юнга «*Procrastination is the thief of time*» (Edward Young, 1683–1765): «Прокрастинация – вор времени». В основу данной работы положено предположение о том, что значимость осуждения прокрастинации в английской лингвокультуре обусловлена системой ценностно маркированных пре-суппозиций, являющихся фундаментом мировосприятия носителей этой культуры.

ПРОКРАСТИНАЦИЯ – это этноспецифический концепт, подобный английскому ментальному оценочному образованию «privacy» – «приватность» (Прохвачева, 2000), немецкому «Pünktlichkeit» – «пунктуальность» (Зубкова, 2003), французскому «savoir vivre» – «умение жить с удовольствием» (Грабарова, 2004). В отличие от культурных реалий и соответствующих им лакун – значимого наличия определенных денотатов в одной культуре при их отсутствии в другой – качества и характеристики поведения и мировосприятия не поддаются простому контрастированию с проставлением плюсов и минусов. Этнокультурная специфика тех или иных качеств человека состоит в том, насколько эти качества соответствуют определенным доминантам культуры в целом, во-первых, и какова их комбинаторика с другими качествами, во-вторых.

Обратимся к словарным дефинициям рассматриваемого концепта. В лексикографических справочниках приводятся толкования глагола to procrastinate как исходного обозначения этого действия: to postpone till another day; to put off from day to day; to defer, delay. Now rare. *He hesitates and procrastinates till the time for action is over* (OED); *formal to delay doing something that you ought to do, usually because you do not want to do it [= put off]: People often procrastinate when it comes to paperwork; His successors were less committed and procrastinated interminably* (LDCE). На русский язык это слово переводится как «откладывать со дня на день, тянуть, мешкать, оттягивать, отсрочивать».

В семантике этого глагола видны оценочные векторы развития его смысла: 1) откладывание на потом 2) того, что следует сделать, 3) вызванное нежеланием совершать это действие. В содержании этого концепта выделяются четыре компонента: значимое невыполнение действия, перенос этого действия на потом, понимание обязательства выполнить это

действие и нежелание его выполнять. Сложная модальность долга, связанного с нежеланием выполнять некоторые действия, прослеживается в характеристике различных оценочно маркированных ситуаций: некто увиливает от выполнения обязанностей, то есть не делает того, что должен делать, некто делает вид, что работает, некто приводит обоснования для оправдания своего бездействия, некто отодвигает неприятное действие на потом. Обратим внимание на оценочную комбинацию предписания/запрета и действия: 1) делать то, что предписано, 2) не делать того, что запрещено, 3) не делать того, что предписано, 4) делать то, что запрещено. Невыполнение предписаний либо обязанностей и нарушение запретов являются оценочно маркированными поступками, в то время как выполнение своего долга и соблюдение запретов оцениваются как нечто естественное.

Заметим, что откладывание на потом касается как выполнения определенных дел, так и принятия решений. Если отложенное дело в ряде случаев можно выполнить, то непринятие решения может оказаться роковым. Особенно важным является принятие решений в критических ситуациях. В условиях боевых действий отсутствие приказов ведет к худшему развитию событий, чем ошибочный приказ.

Откладывание на потом – это особый тип бездействия: субъект не отказывается от выполнения действия и не имитирует его совершение, но переносит реализацию соответствующего действия на более поздний срок. Основными причинами такого поведения являются лень и нежелание заниматься неприятным делом. Вместе с тем отложенное дело все равно приходится выполнять, однако оптимальное время упущено.

Призывы не упускать подходящий момент прослеживаются в паремологии: *Куй железо, пока горячо / Strike the iron while it is hot*. Коллективный опыт свидетельствует о том, что второго шанса сделать что-то не будет: *Промедление опасно* (лат. *Periculum in mora*); *Opportunity seldom knocks twice*. Упустить возможность – значит не добиться успеха. Успех рассматривается как смысложизненная аксиома поведения достойного человека в рамках протестантской этики: *Действуй, и Бог тебе поможет*.

В основе прокрастинации может лежать не только нежелание делать что-либо, но и страх изменить обстоятельства. Это типичное состояние Обломова. Одним из приоритетов англоязычного мира является призыв к действию: *If you don't succeed try, try and try again*. Безвольный дрейф по волнам судьбы вызывает осуждение в англоязычной культуре, хотя бесхарактерность нигде не считается благом.

Откладывание на потом приводит к спешному авральному и некачественному выполнению дел, в результате этого страдает как дело, так и репутация человека. В англоязычной культуре репутация человека определяется прежде всего его объективными достижениями.

Таким образом, откладывание на потом критически оценивается как неодобряемое действие, поскольку под угрозой оказываются приоритетные ценности англоязычной культуры – умение ценить время, добиваться успеха и проявлять твердость характера. Кроме того, откладывание на потом нарушает принцип структурирования жизни во времени. Неструктурированная жизнь представляется многим бессмысленной.

Текстовые примеры, взятые из Британского национального корпуса (www.natcorp.ox.ac.uk), свидетельствуют о негативной оценке прокрастинации.

Приводятся рациональные доводы о необходимости ценить свое время:
If you delay doing something, it will take longer to do later on. – Если вы отложите дело на потом, то на его выполнение уйдет больше времени.

Откладывание на потом несовместимо с успешным предпринимательством:

Indecision and inaction can lead to bigger problems in business so avoid procrastination and delay. – Нерешительность и бездействие могут привести к большим проблемам в бизнесе, поэтому избегайте прокрастинации и откладывания.

Акцентируется необходимость борьбы с теми, кто маскирует свое нежелание принимать решения, особенно в политике:

It is still true that the tactic of procrastination is often employed by those who are basically hostile to the purpose of a measure. Sometimes, however, they prefer not to appear to be opposed, claiming to be generally sympathetic to the proposal, differing only on the appropriate time to bring it forward. – До сих пор верно то, что тактика прокрастинации часто используется теми, кто принципиально враждебно относится к принятию решений. Иногда, впрочем, они предпочитают не показывать, что они против, утверждая, что они в целом поддерживают предложение, но считают, что время для него еще не подошло.

Приведенные примеры подтверждают резко отрицательную оценку прокрастинации в англоязычном языковом сознании.

Разумеется, не все представители англоязычной культуры разделяют эти установки бытия, определяющие смысл жизни представителей

среднего класса, то есть большинства населения в странах Западной цивилизации. Но с точки зрения этого большинства тот, кто не спешит улучшить условия своей жизни, оценивается как странный и непонятный субъект. В известном тексте песни Битлз «The fool on the hill» сказано: «*Day after day, alone on the hill / The man with the foolish grin is keeping perfectly still*». Неучастие в жизненной гонке квалифицируется как психическое расстройство. Как видим, деятели искусства не разделяют эту позицию (вспомним строку Пушкина «*Жизни мышья беготня...*»). Для творческих личностей прокрастинация может быть плодотворной, поскольку вдохновение требует свободы. Тот, кто считает возможным отложить дела на потом либо сойти с гоночной дистанции, получает, как он считает, право сменить приоритеты в своей жизни. Такой выбор получил название «даун-шифтинг» – добровольный отказ от карьерного роста, сопряженного с тревогами и ответственностью. Еще одним аргументом в пользу прокрастинации является ироничное кредо опытных служащих: *Не торопись выполнять распоряжение, ибо вскоре последует его отмена.*

Таким образом, резко отрицательная оценка прокрастинации в англоязычном мире является индикатором ценностных доминант деятельного отношения к жизни – успеха как высшей ценности бытия в обществе потребления, силы воли как основы характера, необходимого для успеха, времени как важнейшего условия для достижения успеха, упорядочения жизни как организационного принципа существования. Положительная оценка прокрастинации является маргинальной и прослеживается в текстах романтиков и мечтателей.

Литература

Грабарова Э.В. Концепт “savoir-vivre” во французской лингвокультуре и его русские соответствия: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 20 с.

Зубкова Я.В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003. 19 с.

Прохвачева О.Г. Лингвокультурный концепт «приватность» (на материале американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 24 с.

V.I. Karasik (*Moscow, Russia; Tianjin, China*)
*Pushkin State Russian Language Institute,
Tianjin Foreign Studies University*

PROCRASTINATION: VECTORS OF EVALUATION

The paper deals with procrastination as a mental unit giving a reverse reflection of the modern English speaking world key values. These values comprise success as the main vital possession, a strong character necessary to win in life struggle, detailed time consideration, and structured organization of life as a principle of successful existence. Positive evaluation of procrastination is marginal and may be found among romantic dreamers.

Key words: cultural values, evaluative vectors, mental units, procrastination, success.

С.В. Киселева (*Санкт-Петербург, Россия*)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
svkiseljeva@bk.ru
Н.А. Гагаулина (*Санкт-Петербург, Россия*)
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
natalya.gataullina@gmail.com

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА *SOCIAL CONTRACT* В ДОМЕНЕ ОБЩЕГО АМЕРИКАНСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются концептуализация понятия *social contract* и его межконцептуальные связи с понятиями *agreement* и *contract* в домене общего американского языка. Результаты свидетельствуют о структурной вложенности концептуальных сфер данных понятий по принципу образ-схемы PART-WHOLE.

Ключевые слова: концепт, метаконцепт, концептуализация, структура концепта, *social contract*, образ-схема PART-WHOLE.

Концепт как ключевое понятие современной парадигмы когнитивной лингвистики является средством доступа к информационной структуре,

отражающей знание и опыт человека, к его концептуальной системе, являющейся основой мышления и формирования картины мира [Кубрякова, Демьянков, Лузина, Панкрац 1996: 90]. Влияние американской культуры и американского языка на мировое сообщество общеизвестно, однако процессы концептуализации в американском варианте английского языка недостаточно изучены. Данная работа, выполненная в рамках парадигмы когнитивной лингвистики, восполняет этот пробел и ставит своей целью выявить структурные особенности концепта SOCIAL CONTRACT, его метаконцептуальное ядро, и прояснить межконцептуальные связи в системе AGREEMENT – CONTRACT – SOCIAL CONTRACT в домене общего американского языка. Это является шагом к пониманию структурных особенностей терминологического концепта SOCIAL CONTRACT и его места в терминологической системе CONTRACT.

Для систематизации языкового материала и его интерпретации использованы две таксономии: система уровней бытования концепта, разработанная Г.Г. Слышкиным [Слышкин 2004], и интерпретационная таксономия, предложенная Н.Н. Болдыревым [Болдырев 2015]. Под интерпретацией на уровне межконцептуальных связей (3-й уровень интерпретации по Н.Н. Болдыреву [Болдырев 2015: 9]) в данной работе понимается выявление структуры концептов и метаконцептов системы. Метаконцепт определяется как «результат вторичной концептуализации, объектом которой становятся продукты предшествующего концептуального опыта человечества, оформленные как семиотические образования» [Слышкин 2004].

Предшествующие этапы исследования показали, что концепты CONTRACT и AGREEMENT в домене общего американского языка (далее ОАЯ) имеют схожую структуру, две концептуальные области PROCESS и RESULT. Концепт CONTRACT структурно входит составной частью в концепт AGREEMENT по принципу PART-WHOLE [Lakoff 1987]. Концептуальные области PROCESS и RESULT могут быть интерпретированы как метаконцепты, организующие ментальное пространство фокусных концептов исследования. Ядром концептуальной системы CONTRACT – AGREEMENT является концепт RELATIONSHIP.

Дефиниционный анализ лексической единицы *social contract* в домене ОАЯ выявил следующее: 1) *social contract* репрезентован как фактическое, реальное соглашение (*an actual agreement*), которое в соответствии с дефиниционным анализом можно интерпретировать как соглашение,

актуализированное устной или письменной договоренностью, и гипотетическое соглашение (*hypothetical agreement*). Последнее имеет две основные трактовки: теоретическое, гипотетическое соглашение, доктрина (*in the theories of certain political philosophers, as Locke and Rousseau* [CAED]) и предполагаемое согласие (*suppositional* в тезаурусе [MWD]); 2) сторонами договора могут быть члены организованного общества (*the members of an organized society*) или сообщество (*community*) и правитель (*ruler*), определяющий и ограничивающий права и обязанности (*the rights and duties*) каждого из членов [MWD]. Понятие *сообщество* (*community*) имеет широкий спектр значений, от группы людей, объединенных определенными интересами или территорией нахождения (*the people with common interests living in a particular area*), до сообщества народностей, наций (*a body of persons or nations having a common history or common social, economic, and political interests*) [MWD]; 3) *social contract* – это согласие на участие в отношениях с осознанием, что часть прав и свобод в ходе коммуникации ограничивается целями группы, сообщества или общества и будет регулироваться установленными в данном социуме регулируемыми инструментами (*the agreement among individuals uniting for various reasons, by which organized society was begun and sets of regulations were instituted to govern interrelations of members*)[WNWCD].

Анализ полной выборки текстов портала COCA за последние 10 лет (с 2007 по 2017 годы) проясняет спектр групп, участвующих в процессе, регулируемом общественным договором (*social contract*), и особенности самих отношений в ходе этих процессов. Кроме того, богатый материал корпуса COCA позволяет выявить содержательное ядро концепта SOCIAL CONTRACT.

Спектр коммуникантов в рамках процесса *social contract*, выделенных в текстах COCA, очень широк: *an individual↔an individual* [COCA Washington Post 2010], *an individual↔a social group* [COCA Journal of Folklore Research 2016] с заметной представленностью отношений *an individual↔a religious group* [COCA Atlantic 2015], *an individual or a group of people↔an organisation/company* [COCA, NPR, 2017], *an individual↔an institution* [COCA Red Cedar Review 2011], *an individual↔the society as a whole* [COCA Futurist 2012] с интересным примером *the president↔the people* [COCA PBS NEWSHOUR 6:00 PM EST 2014], *an individual↔the government* [COCA DR. DREW 9:00 PM EST 2015], *a group of people↔a group of people*, с возможным вариантом

нелигитимности целей таких групп: *a faction↔a faction* [COCA ABC This Week 2007], *a group of people↔the governmental body* [COCA PBS NEWSHOUR 6:00 PM EST 2015], *a political party↔the government* [COCA PBS_NewsHour 2011], *a whole class↔a country* [COCA ABC_This Week 2012], *the people↔the government* [COCA Christian Science Monitor 2015], *governments↔peoples* [COCA New York Times, 2016].

Ядром процесса коммуникации, его ведущим смыслом и целью является концепт RIGHTS PROTECTION, актуализированный лексемой *protection* с уточняющими атрибутами *health and safety protection, civil rights protection, social safety protection, an employee protection* и др. Защита прав осуществляется на основании закона, подзаконных актов (*law, effective rule of law, legislation, др.*) или принятых договоренностей, условностей, традиционных представлений, правил поведения, сложившихся в отдельно взятом социуме или группе. Здесь стоит заметить, что тексты, представленные на COCA, свидетельствуют об острых конфликтах внутри процесса защиты прав в рамках *social contract*. В подавляющем количестве текстов, рассматривающих отношения коммуникантов с государством, поднимается вопрос неэффективности общественного договора на современном этапе развития общества, нарушений общественного договора и даже идея его смерти.

На основании анализа источников данной работы можно заключить, что в домене ОАЯ концептуальная сфера SOCIAL CONTRACT шире, чем сфера AGREEMENT. SOCIAL CONTRACT как теоретический и гипотетический конструкт в аспекте коммуникации подразумевает, что по факту своего рождения или присутствия на определенной территории любой человек, чаще гражданин этой страны, вступая в коммуникацию на территории сообщества или государства, обязан подчиняться условиям *social contract*. Вступление в отношения, регулируемые общественным договором, предполагает подчинение законам, традициям, установкам и условностям данного общества, и от человека не требуется демонстрации осознанного согласия, в то время как понятие *agreement* предполагает эксплицитное, сознательное согласие, выраженное в фактическом поведении (*agreement is harmony of opinion, action, or character, the act or fact of agreeing* [MWD]). Вступление в отношения, регулируемые общественным договором, предполагает, что человек перестает быть независимой единицей, он становится частью сообщества (*community*), может

рассчитывать на защиту своих прав этим сообществом и правительством этой страны в случае аксиогенной ситуации. Здесь важно помнить и то, что присутствие в обществе является необходимым условием социальной коммуникации. Вне общества, а значит, вне общественного договора, соглашения или соглашения возможно только с самим собой.

Таким образом, выявленная взаимосвязь между AGREEMENT, CONTRACT и SOCIAL CONTRACT подчиняется принципу образной схемы PART-WHOLE в виде концептуальных сфер, последовательно вложенных одна в другую: частью THE WHOLE для AGREEMENT является SOCIAL CONTRACT; в свою очередь, сфера AGREEMENT полностью содержит сферу CONTRACT. Ядром SOCIAL CONTRACT является концепт RIGHTS PROTECTION, ядром концептов AGREEMENT и CONTRACT является концепт RELATIONSHIP.

Литература

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. Москва: Изд-во «ФЛИНТА: Наука», 2011.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Лузина Л.Г., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. Москва: Филол. ф-тет МГУ, 1996. 245 с.

Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2004.

Lakoff, G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal about the Mind. Chicago: The University of Chicago Press, 1987.

Список сокращений

[CACD] – Cambridge Academic Content Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/>

[CAED] – COBUILD Advanced English Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english>

[MWD] – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

[WNWCD] – Webster’s New World College Dictionary. 2010. URL: <http://websters.yourdictionary.com/>

[COCA] – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/>

S. V. Kiseleva (*St. Petersburg, Russia*)

Saint Petersburg State University of Economics

svkiseljeva@bk.ru

N. A. Gataullina (*St. Petersburg, Russia*)

National Research University Higher School of Economics, St. Petersburg,

natalya.gataullina@gmail.com

THE CONCEPTUAL STRUCTURE OF SOCIAL CONTRACT IN THE GENERAL AMERICAN ENGLISH DOMAIN

The paper explores the peculiarities of SOCIAL CONTRACT conceptualization in the General American English domain. The results reveal that the conceptual system SOCIAL CONTRACT – AGREEMENT – CONTRACT is arranged according to the PART-WHOLE principle.

Key words: concept, meta-concept, conceptualization, conceptual structure, social contract, PART-WHOLE image schema.

Е.А. Козлова (*Тамбов, Россия*)

Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина

Helenka.tmb@gmail.com

ВТОРИЧНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются модели вторичной концептуализации межличностных отношений, представлены наиболее типичные концептуальные метафоры и метонимии в данной концептуальной области и средства их выражения в современном английском языке.

Ключевые слова: вторичная концептуализация, концептуальная метафора, метонимия, межличностные отношения.

Вторичная концептуализация в виде использования метафорических и метонимических концептуальных моделей для осмысления определенных фрагментов действительности составляет неотъемлемую часть обыденного мышления человека. Такие модели позволяют осмысливать сложные многоаспектные явления в терминах первичного, базового опыта человека. Языковая репрезентация эмоций, мышления, разнообразных видов деятельности человека демонстрирует, что «ядро нашей концептуальной системы непосредственно основывается на восприятии, движениях тела и опыте физического и социального характера» [Лакофф 2004: 13]. Не составляет исключения в этом плане и область межличностных отношений.

Межличностные отношения в психологии и социологии определяются как субъективно переживаемые взаимосвязи между людьми, объективно проявляющиеся в характере и способах взаимных влияний, оказываемых людьми друг на друга в процессе совместной деятельности и общения [<https://psychology.academic.ru>]. Эти отношения могут быть личными и деловыми, эмоциональными и рациональными. Наиболее значимые из них для человека, а значит концептуально выделенные, получают вторичное метафорическое или метонимическое осмысление и соответствующую вторичную номинацию.

Среди метафор, репрезентирующих сферу межличностных отношений, выделяются физиологическая и пространственная модели.

Физиологическая метафора представлена проекцией физиологических ощущений (тактильных, температурных, вкусовых) на отношения между людьми. Так, отсутствие расположения, неловкость в отношениях, недружелюбие или равнодушие осмысляются как ощущение холода. Отсюда идиома “break the ice” – «разбить лед», то есть избавиться от чувства неловкости и начать общаться непринужденно (1) либо метафорическое использование лексемы “cold” в указанных значениях (2):

- (1) *Her coach accompanied her, and helped **break the ice** with her boss (COCA).*
- (2) *Martin was really **cold** towards me at the party (LDOCE).*

Напротив, дружелюбие, приветливость осмысляются в терминах тепла:

*The **warmth** which sisters and sisters-in-law may show for one another can cushion a woman against the harshness of her life (LDOCE).*

*We received a very **warm** welcome (LDOCE).*

Метафоризация тактильных ощущений в области межличностных отношений реализуется во вторичном осмыслении характеристик твердости/мягкости, неровности/гладкости, напряженности/расслабленности.

Оппозиция строгость – мягкость концептуализируется как соответственно строгость, суровость – податливость:

(3) *You're **harder** on Donald than you are on Monica* (LDOCE).

(4) *If you appear to be **soft**, people take advantage of you* (LDOCE).

Наличие проблем в отношениях, конфликтность получают осмысление в виде ощущения неровности (7) либо натянутости (8), в противоположность, хорошие, бесконфликтные отношения концептуализируются как гладкие (9), расслабленные (10), например:

(5) *My boyfriend and I **were going through a rough patch*** (LDOCE).

(6) *Her stealing has caused divisions and hard feelings in her family, and is one reason why Rosa Lee has **strained relationships** with several of her brothers and sisters* (COCA).

(7) *But in their fifth year, Howard and Donna now know how to work together to have a **smooth relationship** with the inlaws* (COCA).

(8) *We enjoy each other's company enormously, and we have a nice, teasing, **relaxed relationship*** (COCA).

Из вкусовых ощущений релевантным для осмысления межличностных отношений в английской концептосфере оказывается ощущение сладости, что демонстрирует использование прилагательного 'sweet' для характеристики дружелюбного, внимательного отношения к кому-либо, а также лексем 'sweetie', 'sweetheart', 'honey' в качестве обращения к любимому, дорогому человеку:

(9) *It was very **sweet** of you to buy me those flowers* (LDOCE).

(10) *You know we love you, **sweetie*** (LDOCE).

(11) ***Sweetheart**, I've got good news for you* (LDOCE).

(12) *Where were you born, **honey**?* (LDOCE).

Метафорическая воплощенность концептуальной области межличностных отношений проявляется также в концептуализации таких отношений через призму частей тела, символизирующих эмоциональное отношение (heart), родственную связь (flesh and blood), уникальность, ценность (eye), поддержку (shoulder) и т. п. Такие метафоры получают языковое выражение в виде идиом, содержащих названия таких частей тела, например:

(15) *And he said, I'm doing it because this is **my flesh and blood**, this is my baby*'(OD).

(16) *'You are **the apple of my eye** – forever you'll **stay in my heart!**'* (OD).

(17) *Then from then on, we were treated with an absolute **cold shoulder**, and no one would speak to us* (LDOCE).

Пространственная метафорическая модель межличностных отношений главным образом представляет собой оценку отношений между людьми в терминах расстояния. Так, степень родства описывается в терминах близости-дальности – *a close/distant relative*. Аналогично дружеские, доверительные отношения концептуализируются как нахождение близко друг к другу, а утрата таких отношений – как удаление друг от друга:

(18) *My brother and I are very **close*** (LDOCE).

(19) *Later in life, Lewis and his father **drifted apart**, never to be reconciled* (LDOCE).

Концептуально близка пространственной метафоре межличностных отношений метафора физической связи, представляющая отношения между людьми как наличие между ними связей, уз (ties), а прекращение отношений – как разрыв связей, например:

(20) ***Family ties** have been weakened by older people living apart from their children* (LDOCE).

(21) *'I know that when a couple **breaks up**, they usually don't get back together again'* (OD).

Концептуальная метонимия также играет заметную роль в осмыслении межличностных отношений. Типична категориальная метонимия – осмысление категории в терминах ее типичных представителей, образцов, что выражается в использовании имен таких представителей для наименования всей категории. В нашем случае речь идет о языковой репрезентации определенного типа межличностных отношений через имена неких идеальных носителей таких отношений. Например, идеальные семейные отношения в Америке ассоциируются с именами персонажей телесериала «Приключения Оззи и Харриет», популярного в 50–60-е годы XX века. Таким образом, в американской концептосфере концепт OZZIE AND HARRIET репрезентирует категорию “good family relations”, что демонстрируют примеры, подобные этому:

(22) *A lot of people say we ought to go back and try to recreate the traditional American family, and Democrats all say, **The days of Ozzie and Harriet** are over. You can't do it* (COCA).

Таким образом, вторичная концептуализация межличностных отношений является ярким примером экспериенциального характера мышления человека.

Литература

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И.Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004.

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <https://corpus.byu.edu/coca/> (дата обращения: 10.10.2018).

LDOCE – Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <http://www.ldoceonline.com>. (дата обращения: 12.09.2018).

OD – Oxford Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 12.09.2018).

Е.А. Kozlova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov state university

FIGURATIVE CONCEPTUALIZATION OF INTERPERSONAL RELATIONSHIPS IN MODERN ENGLISH

The article deals with models of figurative conceptualization of interpersonal relationships. The most common conceptual metaphors and metonymies in this conceptual domain and means of their expression in modern English are presented.

Key words: figurative conceptualization, conceptual metaphor, metonymy, interpersonal relationships.

М.Н. Коннова (Калининград, Россия)
Балтийский федеральный университет им. И. Канта
mkonnova@kantiana.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ПРАЗДНИКА В РУССКОЙ КАРТИНЕ МИРА: МЕНТАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ

На основе лексикографических и корпусных данных рассматриваются особенности формирования представлений о празднике в русскоязычной

картине мира в исторической динамике. Анализ проводится на примере генитивных конструкций с субстантивами в постпозиции (напр., *праздник Пасхи*), зафиксированных в исторических словарях русского языка и Национальном корпусе русского языка с конца XI в. по настоящее время.

Ключевые слова: темпоральность, когнитивные сдвиги, деаксиологизация, праздник.

В настоящей статье ставится цель выявить векторы когнитивных трансформаций, происходящих в содержательной структуре ментального образа праздника в русской картине мира в XI–XXI вв., а также рассмотреть особенности их отражения в лексической системе русского языка.

Для носителей русского языка формирование представлений о празднике и становление традиционного праздничного календаря связано с принятием христианства. На протяжении многих веков аксиологическая соотнесенность образа праздника определяется наличием у его прототипического элемента, концепта «христианский праздник», когнитивного признака «причастность к бытию Церкви». Это проявляется в церковнославянском происхождении номинирующей анализируемый макроконцепт лексемы – отадъективного существительного *праздник*, а также в характере устойчивого контекстуального окружения, в котором оно встречается в наиболее ранних фиксациях. Ср.: «*Праздъники же святыхъ почести, не самъ упивая ся, нъ алчныя и жядныя накрърмяя*» (Изб. Св., 1076 г.) [СлРЯ 1992: 128].

Основой концептуального образа христианского праздника выступают прецедентные события Священной истории, представляющие собой незыблемые точки вечности, через которые проходит вся вселенная и к которым человек имеет возможность приобщиться через богослужение [Мечев 2001: 160-161]. Празднуемые события не исчезают, «они существуют в вечном мире и продолжают существовать во временном, повторяясь в христианском календаре. Поэтому христианское богослужение не только их “вспоминает”, но считает совершающимися в момент праздника» [Лихачев 1997: 66].

На языковом уровне, в именах праздников, прецедентные события отражаются по-разному, будучи представлены эксплицитно или оставаясь словесно не выраженными. К числу имен, включающих эксплицитное указание на прецедентное событие, принадлежат названия двенадцати важнейших («двунадесятьих») праздников, соотносящихся с наиболее

значимыми событиями Священной Истории, напр., *праздник Рождества Христова, праздник Рождества Пресвятой Богородицы, праздник Богоявления, праздник Вознесения Господня, праздник Преображения Господня.*

В именах праздников святых, состоящих из существительного *праздник* и имени собственного, прецедентное событие – праведная кончина святого, послужившая началом его почитания, церковное прославление, обретение или перенесение святых мощей – может оставаться невербализованным, напр.: *праздник Николая Чудотворца, праздник святого Георгия Победоносца.* Однако возможность актуализации прецедентного события на словесном уровне сохраняется, напр., в хрононимах *праздник освящения церкви святого великомученика Георгия, праздник перенесения мощей святителя и чудотворца Николая из Мир Ликийских в Бар.*

Метонимическая сопряженность времени и наполняющих его событий проявляется в регулярном функционировании имен праздника в качестве «временных маркеров», создающих образ не абстрактного темпорального потока, но конкретно-личностного времени. В корпусных примерах XVIII–XIX вв. имена христианских праздников уточняют, дополняют или даже замещают собой календарные даты в текстах самой различной дискурсивной принадлежности – официальных документах, исторической, мемуарной прозе, частной корреспонденции. Ср.: «Для того позволяем нашей Академии Наук вместе учащим и учащимся быть свободным от своих должностей на весь июль месяц, начиная *после праздника святых апостол Петра и Павла* до первого числа августа без вычета жалованья» (Ломоносов М.В. Проект привилегии Академии Наук, 1764–1765) [здесь и далее примеры приводятся по НКРЯ]. Будучи ведущим средством упорядочивания событий на темпоральной оси бытия, праздники не растворяются в повседневности, но освящают ее, делая осмысленной. В этой способности связывать воедино категории «время» и «вечность» находит свое проявление аксиологический потенциал концепта «христианский праздник».

Первая четверть XVIII в. является периодом изменения мировоззренческих устоев во всех сферах российской жизни. Трансформация системы ценностей, перемены в социально-экономической и политической структуре общества, появление новых условий жизни коренным образом влияют на социальное измерение темпорального опыта языкового сообщества. Становление новой, светской культуры сопровождается изменениями в структуре макроконцепта ПРАЗДНИК. Начинает формироваться

концепт «государственный ПРАЗДНИК», возникновение которого является начальной стадией деаксиологизации макроконцепта ПРАЗДНИК – его десакрализацией. В новом концепте меняется онтологическая природа конститутивного подфрейма «прецедентное событие», который переносится из атемпорального пространства Священной Истории в исторический план бытия нового, реформированного государства петровской и послепетровской эпохи. Аксиологическая структура концепта изменяется: мысль о Боге как первичной абсолютной положительной самоценности вытесняется мыслью о государстве – ценности объективной, но вторичной, производной. В текстах XVIII в. средствами лексической номинации концепта «государственный ПРАЗДНИК» выступают субстантивные конструкции событийной семантики, напр. *праздник восшествия Ея Императорского величества на престол, праздник рождения Ея Императорского Величества, праздник коронавания*.

Отметим, однако, что новые светские торжества не утрачивают связи с традиционным христианским праздником, впитывая элементы последнего и входя в единое темпоральное пространство церковно-государственного календарного цикла. Ср. фрагмент гомилии, в которой эксплицируется ценностное основание концепта «государственный ПРАЗДНИК»: *«Празднует ныне день воскресения Христова, поелику гражданин вкупе есть и Христианин; празднует и день рождения Монархини своя, поелику Христианин есть вкупе и гражданин. О сколь любезно сие согласие! О сколь драгоценен есть сей союз!»* (архиепископ Платон (Левшин). Слово в день рождения Ея Императорского Высочества Благочестивейшия Государыни Екатерины Алексеевны Самодержицы Всероссийския, 1772). Аксиологическая значимость события гражданской истории (рождение императрицы) раскрывается в контексте прецедентного события Священной Истории – воскресения Христова, что наделяет концепт «государственный ПРАЗДНИК» дополнительным ценностным содержанием.

Социально-политические сдвиги, вызванные событиями 1917 г., сопровождаются резкими изменениями в концептуальной структуре категории «праздник». Насильственное вытеснение веры из всех сфер жизни и формирование устойчивых групп, мировоззрение которых не имеет религиозного основания, порождает новый для русской культуры тип государственного праздника. В рамках макроконцепта ПРАЗДНИК возникает концепт «идеологически маркированный государственный ПРАЗДНИК»,

первенствующее место в котором занимает подфрейм «идеология». Содержание остальных конститутивных элементов концепта – темпорального подфрейма («день празднования»), событийного («прецедентное событие»), процессуального («празднование») – подчинено иерархически господствующему подфрейму.

Примером языковой актуализации данного концепта является сочетание *праздник первого (Первого) мая*. Первые упоминания хронома *день 1-го мая* в связи с идеей праздника датируются первой четвертью XIX в. и не несут никакой идеологической нагрузки. Ср.: *День 1-го мая есть условный праздник весны*, которую жители всех европейских городов привыкли встречать в поле (Булгарин Ф.В. Прогулка в Екатерингоф 1-го мая, 1824). В начале XX в. день 1-го мая начинают соотносить с «праздником рабочих»: «По поводу *заграничного 1-го мая, праздника рабочих*, полная забастовка на всех фабриках» («Русское слово», 1906). Окончательное закрепление именного сочетания «праздник *Первого мая*» в общеязыковом узусе происходит в начале 1920-х гг., когда одновременно с последовательным уничтожением традиционной праздничной культуры начинают внедряться образы новых государственных торжеств. Ср.: «Снимая свои *новые значки*, Иван Потапыч, желая *праздник Первого мая утвердить в домашнем быту*, крикнул громко, как на улице: “Да здравствует красный пролетариат!”» (Форш О.Д. Одеты камнем, 1924–1925). С течением времени языковые реализации указанного концепта (напр., *праздник Первого мая*) частично утрачивают свою идеологическую прагматическую окрашенность, приобретая статус конвенциональных временных маркеров.

На рубеже XIX – начала XX вв. рост благосостояния населения и усиление секулярных тенденций в русском обществе приводят к трансформации макроконцепта ПРАЗДНИК. Возникает концепт «ПРАЗДНИК как мероприятие», аккумулирующий представления о разнообразных явлениях в области досуга, которым говорящие стремятся придать эмоционально-маркированный, «праздничный» характер. Аксиологическое наполнение данного концепта, значительно редуцированное по сравнению с ранее существовавшими в составе макроконцепта ПРАЗДНИК мыслительными образованиями, соотносится с эстетическими и утилитарными ценностями общества. Среди реализаций концепта «ПРАЗДНИК как мероприятие» устойчивый характер приобретают

словосочетания *праздник искусств* (1918), *физкультуры* (1927), *песни* (1935), *гимнастики* (1957), *музыки* (1996), *спорта* (1998), *газеты* (1999), *моды* (2000), *танцев* (2003), *фольклора* (2004). Эти выражения выступают в роли подлежащего (сочетаясь с бытийными предикатами *состояться, являться, быть*) или дополнения и нередко сопровождаются уточняющими определениями пространственной и временной семантики (напр., *национальный, всесоюзный, республиканский, межрегиональный, областной, городской, московский; весенний, очередной, традиционный, первый, детский праздник*).

На рубеже XX–XXI вв. глобализация общества порождает модели потребления, обеспечивающие комфортное существование личности и микрогруппы. Ключевым понятием – измерителем степени развития общества становится определяемое потребительской активностью членов социума «качество жизни». Возникают «псевдопраздники», ориентированные на процесс потребления. Ведущим средством экспликации концепта «ПРАЗДНИК как мероприятие» становятся сочетания с существительным *фестиваль* (англ. *festival*). Стремительный рост его частотности сопровождается в 1995–2016 гг. максимальным расширением смыслового спектра его субстантивных определителей. Это слова ЛСГ «Пища», напр., *фестиваль меда* (2013), *шашильков* (2013); ЛСГ «Спорт», напр., *фестиваль айкидо* (2012); ЛСГ «Природа», напр., *фестиваль цветов* (2014); ЛСГ «Техника», напр., *фестиваль роботов* (2013), *мини-самолетов* (2014); ЛСГ «Человек», напр., *фестиваль флешмобов* (2012).

Проведенный в настоящем исследовании анализ свидетельствует о том, что первоначальные аксиологические контуры социального макроконцепта ПРАЗДНИК формируются в рамках христианской мировоззренческой парадигмы и соотносятся с положительным полюсом ценностной шкалы. Общая динамика макроконцепта состоит в его последовательной деаксиологизации. В процессе нейтрализации его ценностного содержания имеет место переход от объемной трехчастной темпоральной структуры («план настоящего» – «план истории» – «план вечности»), характерной для концепта «христианский ПРАЗДНИК», к плоскостной одночастной структуре («план настоящего»), свойственной отдельным разновидностям концепта «ПРАЗДНИК как мероприятие» (например, субконцепту «праздник еды»).

Литература

Мечев Сергей, священномученик. Тайны богослужения. Духовные беседы. Письма из ссылки. М.: Храм святителя Николая в Кленниках, 2001.

Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. М.: «Алетейя», 1997.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 18.05.2017).

СлРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 18. М.: «Наука», 1992.

*M. N. Konnova (Kaliningrad, Russia)
Immanuel Kant Baltic Federal University
mkonnova@kantiana.ru*

CONCEPTUAL AND LINGUISTIC SCOPE OF HOLIDAY IN RUSSIAN WORLD VIEW: MENTAL SHIFTS AND VERBAL MANIFESTATIONS

The article's aim is to analyze cognitive transformations that throughout the centuries have affected the way Russian speaking community has perceived the concept of "festival". Drawing on lexicographic and corpus data the author focuses upon the type and scope of conceptually relevant information that has been rendered by collocations with the noun "prazdnik" since late XI century.

Key words: temporality, cognitive shifts, loss of axiological potential, festival.

*Л.В. Коцюбинская (Санкт-Петербург, Пушкин, Россия)
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
l.kocubinskaya@lengu.ru*

МОДЕЛЬ ПОВЕДЕНИЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ ИНФОРМАЦИОННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

В статье вскрывается и описывается образ российского государства, сформированный у англоязычного социума накануне чемпионата мира по футболу 2018 года и повлиявший на его поведение.

Ключевые слова: информационное воздействие, спорт, образ, когнитивные структуры.

В преддверии чемпионата мира по футболу 2018 года значительная часть английских болельщиков отказалась от поездки в Россию, чтобы поддержать свою сборную. Такое поведение явилось результатом информационной кампании англоязычных СМИ против российского спорта в частности и Российского государства в целом. По замечанию С.В. Ивановой, уже в те времена, когда зарождалась Олимпиада в Древней Греции, «между миром спорта и миром политики не существовало непреодолимых границ» [Иванова 2014: 95]. В настоящее время, в период межгосударственного информационного противостояния, спортивная сфера, с одной стороны, служит мощнейшим политическим оружием, с другой, становится мишенью информационных атак противоборствующих сторон.

Эффективность и результативность информационной кампании становится ощутимой после ее проведения и проявляется в конечном итоге на невербальном (поведенческом) уровне [Коцюбинская 2017: 110]. Цель данной работы заключается в том, чтобы посредством лингвистического анализа реконструировать когнитивные структуры, обусловившие подобную поведенческую реакцию англоязычного социума. Материалом служат статьи, опубликованные в англоязычной качественной прессе за период с марта по июнь 2018 года. В исследовании используются такие методы, как наблюдение и описание, кейс-метод, семантический анализ, дефинитивный метод, критический анализ дискурса.

Когнитивные структуры недоступны непосредственному наблюдению. Ценным источником, открывающим доступ к ним, является язык [Болдырев 2001]. По утверждению Е.С. Кубряковой, лингвист может заниматься репрезентацией тех или иных категорий или концептов в сознании человека исключительно только после того, как он обнаружил их в естественном языке путем лингвистического анализа представленных в нем языковых форм [Кубрякова 2006: 29]. Целью такого лингвистического анализа становится «выявление и детальное описание структур знания, мнений и оценок, стоящих буквально за каждой языковой единицей, категорией, формой» [Там же].

Одним из самых ярких по своему воздействию потенциалу элементов статьи является заголовок, привлекающий внимание читателя и мотивирующий его к прочтению. Как замечает Н.Б. Руженцева, на заголовок

газетно-журнальных текстов приходится около 80 % внимания читателей [Руженцева 2012: 34]. Перед чемпионатом мира заголовки статей, опубликованных в британских СМИ, массированно внедряли идею о смертельной опасности, грозящей тому, кто решит посетить Россию:

Russian hooligans issue 'death threats' to England fans going to the World Cup this summer [Daily Mail, 09.04.2018];

BAD BLOOD

Russian football hooligans warn England fans 'prepare to DIE' ahead of the World Cup 2018 [The Sun, 09.04.2018].

Написание компонентов заголовка прописными буквами акцентирует внимание читателя именно на этих пейоративных лексических единицах, воздействуя на его эмоциональную сферу.

Частотное употребление в тексте статей лексем с ярко выраженной эмоционально-оценочной коннотацией «*attack*», «*blood*», «*bloodbath*», «*die*» и их производных закрепляет формируемый образ, создавая стойкую ассоциативную связь между чемпионатом мира и кровопролитием, которое будет намеренно спровоцировано «*Russian football hooligans*». Употребление лексической единицы с пейоративной семантикой «*hooligans*» с целью называния российских болельщиков, так же как описание исходящей от «*Russian football hooligans*» угрозы, нацелено на конструирование образа врага в сознании англоязычного адресата. Внедрение и закрепление данного образа осуществляется не только языковыми средствами, но и невербальными. Так, например, большинство анализируемых публикаций содержит изображения агрессивных настроенных молодых людей, готовящихся ввязаться в драку или же уже дерущихся. Сочетание вербального и невербального способствует закреплению единого целостного образа, усиливает эффект воздействия, переводит восприятие информации с сознательного на подсознательный уровень [Ворошилова 2007].

Одним из приемов создания угрозы, по замечанию В.Е. Чернявской и Е.Н. Молодыхенко, является приближение образа угрозы к реципиенту [Чернявская, Молодыхенко 2017: 139] и прогнозирование ситуации будущего на основании имеющихся прецедентов [Чернявская, Молодыхенко 2017: 130]. В исследуемом материале эти тактики реализуются за счет обращения к теме беспорядков, имевших место в Марселе во время чемпионата Европы 2016 года, в которых участвовали как российские, так и британские болельщики: «*Russian football hooligan is charged with attacking England fan with an iron bar; leaving him paralysed, before 2016 match in Marseille*» [Daily

Mail, 13.03.2018]. В текстах статей конкретизируется информация, касающаяся жертвы агрессии: «*Andrew Bache, a 51-year-old from Portsmouth*», детально описываются нанесенные ему повреждения: «*brain injuries, smashing a number of bones, and paralyzing the left side of his body*» и оружие избиения «*an iron bar*». Конкретизация и детализация способствуют убеждению адресата в достоверности излагаемой информации.

С другой стороны, в отличие от пострадавшего имя подозреваемого не называется, дается лишь его обобщенное описание: «*Russian football hooligan ...the 31-year-old suspect who has not been named*». Данный факт еще раз подтверждает мысль, высказанную Н.Б. Руженцевой, о том, что авторы текстов не затрудняют себя доказательствами, а в основном прибегают «к убеждению или уверению, воздействуя и на рациональную, и на эмоциональную сферу читателя» [Руженцева 2004: 12].

Гиперболизация масштабов агрессии осуществляется путем включения российского футбольного болельщика в группу ему подобных: «*The Russian was said to have been part of a highly-organised gang of thugs*». Лексема «*thugs*» – *a brutal ruffian or assassin* усиливает эмоциональное воздействие на реципиента.

Особую опасность «*Russian football hooligans*» представляют для сексуальных меньшинств. Британские СМИ предупреждают своего читателя о том, что Россия – это одно из самых нетолерантных государств в мире «*... one of the most intolerant countries in the world*» [Mirror, 28.05.2018], тем самым противопоставляя наше государство цивилизованным странам, к которым относится Великобритания. Говоря о непосредственной угрозе, авторы статей прибегают к цитированию: «*Russian football hooligans warn gay and transgender England fans 'you'll be rooted out and stabbed at World Cup'*». Известно, что цитаты являются мощным инструментом воздействия, а их основная функция заключается в том, чтобы подчеркнуть достоверность прочитанного и направить внимание читателя в нужном русле [Зайцева 1987: 121].

Еще одним доводом, чтобы воздержаться от посещения чемпионата, служит конфронтация между Россией и Великобританией, которая достигла апогея в связи с делом Скрипалей: «*Tension between the two countries are at an all high following the poisoning of ... Sergei Skripal and his daughter ...*». Упоминание об этом инциденте направлено на активацию негативных ассоциативных связей, вызываемых именем «Skripal», которые, как можно предположить, стало уже прецедентным для носителей английского языка.

Итак, выполненный анализ позволяет утверждать, что в ходе данной информационной кампании у представителей англоязычного социума формировалось представление о России как стране – источнике угрозы жизни и безопасности. Носителем этого образа выступал российский футбольный болельщик, представленный как враг и агрессор. Результатом наличия подобных когнитивных структур явился отказ британских болельщиков посетить чемпионат мира 2018 года.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001.

Ворошилова М.Б. Креолизованный текст в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 3. С. 73-78.

Зайцева С.Ю. Цитата как сигнал полемичности текста // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 118-130.

Иванова С.В. Политика на спортивных полях (заметки на полях спортивных материалов чемпионата мира-2014 по футболу) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления: сб. мат-лов / глав. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Изд-во ФГБОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-тет», 2014. С. 95-102.

Коцюбинская Л.В. Эффективность «Информационной атаки»: к постановке проблемы // Политическая лингвистика. 2017. № 1. С. 74-77.

Кубрякова Е.С. Что может дать когнитивная лингвистика исследованию сознания и разума человека // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: сб. мат-лов (Тамбов, 26-28 сентября 2006 г.) / отв. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2006. С. 26-31.

Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-тет, 2004.

Руженцева Н.Б. Базовые ценности межнационального дискурса в заголовках первой русской газеты в Африке // Политическая лингвистика. 2012. № 4. С. 34-39.

Чернявская В.Е., Молодыхенко Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе: учебник для магистратуры. М.: ЛЕНАНД, 2017.

*L.V. Kotsyubinskaya (St. Petersburg, Pushkin, Russia)
Pushkin Leningrad State University*

BEHAVIORAL PATTERN AS A RESULT OF INFORMATION IMPACT

The article reveals and describes the image of Russia that influenced England football fans' behavior.

Key words: information impact, sport, image, cognitive structures.

*Е.С. Криницына, С.А. Питина (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
sap.pitina@rambler.ru,
katerina_sunny91@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА АВТОРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье рассматриваются особенности репрезентации образа автора в художественном дискурсе. Проводится анализ некоторых способов реализации образа автора на примере автора – будущего писателя в британском романе и автора-повествователя в немецком. Выявляются универсальные и уникальные составляющие образа автора в романе «Чтец» Б. Шлинка и «Блэк Свон Грин» Д. Митчелла.

Ключевые слова: художественный дискурс, образ автора, автор – герой, автор – будущий писатель.

Данная работа выполнена в рамках лингвокультурологической и когнитивной дискурсологии, одного из перспективных направлений современной лингвистики. Понятие «лингвокультурный типаж» успешно разработано и разрабатывается в настоящее время представителями Волгоградской лингвистической школы под руководством В.И. Карасика (Дмитриева 2007; Карасик 2005; Селиверстова 2005 и др.). В работах исследователей Челябинского государственного университета используется понятие «образ» в качестве синонима понятию «лингвокультурный типаж» (см. работы С.А. Питиной и Г.В. Урванцева об образе

города в современном художественном и кинодискурсе, А.В. Гвоздевой о лингвокультурном типаже «детектив») [Питина 2010; Урванцев 2015; Гвоздева 2009]. Понятие «образ», на наш взгляд, более точно передает особенности персонажей художественного произведения, представляющего коммуникативное и смысловое единство. При этом «авторское сознание» представляет собой ключ к решению проблем коммуникативной, смысловой, эмотивной и когнитивной цельности текста [Прима 2012: 89].

Актуальной считаем попытку рассмотрения образа автора художественного произведения в лингвокультурологическом аспекте, поскольку такой подход позволяет выявить универсальные и уникальные способы его реализации в конкретных лингвокультурах, а не только в аспекте авторского идиостиля.

Б.О. Корман выделяет следующие составляющие образа автора:

1. Автор как некий взгляд на действительность, выражением которого является все произведение;
2. Автор-повествователь;
3. Автор как особая форма выражения авторского сознания в лирике, отличная от лирического героя;
4. Автор биографический [Корман 1986: 9].

Писатель в современном художественном дискурсе нередко выступает героем произведения, поэтому считаем целесообразным расширить приведенную выше классификацию и включить в нее составляющую автор – герой произведения, будущий писатель.

Рассмотрим лингвокультурные особенности образа автора на примере произведения «Чтец» немецкого писателя Б. Шлинка и «Блэк Свон Грин» британского писателя Д. Митчелла. Главными героями являются подростки 12 и 15 лет, реализующие в рассматриваемых произведениях образы автора-повествователя и автора-героя. Проблемы, которые их беспокоят, схожи, но пути их решения различны. Первая любовь, взаимоотношения с родителями, друзьями, интересы, события в мире, фобии раскрываются в первом романе с позиции автора-повествователя, а во втором автора-героя и автора – будущего писателя.

Герой романа Д. Митчелла «Блэк Свон Грин» – страдающий от заикания и насмешек сверстников талантливый Джейсон Тэйлор. Джейсон (Язон древнегреческий мифический герой) живет в обычной английской деревне, которая дала название роману, в семье коммерсанта, принадлежа-

щей к низшим слоям среднего класса (low middle class) и переживающей сложный период семейных отношений.

Речевой портрет героя представлен комплексной стилистической лексикой: разговорной, нейтральной и книжной. Разговорный стиль, включая сниженный, Джейсон использует с ровесниками, нейтральный с родителями и другими взрослыми и книжный в своем творчестве.

На первый взгляд Джейсон ничем не отличается от своих ровесников – он так же, как и все его друзья, старается занять свое место в обществе, не выделяясь из толпы. Сленговые выражения, табуированная лексика употребляются при передаче в основном речи окружающих героя романа подростков: *hard-knock, ace in the face, ace SAS rol, maggot, bumhole plumber; bummer; bumboy* и др. Джейсону, как и каждому подростку, свойственно использовать преувеличение. Гиперболы встречаются в речи героя повсеместно: *The talk'd shifted <...> the worst way to die, «<...> blew up and nearly wiped out his entire problems, my billion problems...* Богатый внутренний мир подростка реализуется в сравнениях, типичных и не совсем типичных для его сверстников: люди похожи на вышедших из строя роботов – *like broken robots*; крик напоминает полицейскую сирену – *like police siren*; телефон – горячую линию во время ядерного взрыва – *red like a nuclear hotline*, а проблемы множатся, как мертвые в пострадавшем от наводнения городе – *problems kept bobbing up like corpses in flooded city*. Джейсон интересуется историей (см. эпизод на уроке истории по теме «Вторая мировая война»), боится новой мировой войны.

Субъективное мировосприятие и описание опасной для автора-героя реальности отражено в языковой картине мира Джейсона, которая скорее соответствует сознанию взрослого человека, а не двенадцатилетнего подростка.

Начинающий поэт Джейсон Тейлор тайно пишет и публикует в журнале стихи под иронично воспринимаемым читателем псевдонимом-оксюмороном Элиот Боливар, в котором наивно объединены имена поэта Томаса Стернза Элиота и борца за независимость колоний в Южной Америке Симона Боливера.

Стихи, природу Джейсон персонифицирует: *a poem inside kicked my belly, bluebells swarmed in pools of light*. Его эпитеты и метафоры оригинальны: *dead loud, less shiny legend, shuddery stop, razor-sharp blind, peardrop sun, graveyard's sardined with rotting bodies, like flares and drainpipe trousers*.

Автор-герой наблюдателен, начитан, по-английски стремится к победе над своими фобиями. Борясь с заиканием, заменяя сложные для произношения слова синонимами, Джейсон-подросток постепенно превращается в Джейсона-писателя.

В романе Бернхарда Шлинка «Чтец» повествование ведется от лица главного героя – Михаэля Берга. Пятнадцатилетний подросток Михаэль из семьи профессора, превосходящей по социальному статусу семью Джейсона Тэйлора. Михаэль начитан, в его речи содержится много аллюзий. В разговоре с Ханной он упоминает таких писателей и философов, как Гете, Гомер, Цицерон и многих других. Размышляя об отношениях с главной героиней, автор-герой проводит параллель с взаимоотношениями между персонажами романа Стендаля «Красное и черное»: *«Aber ich nahm an der Beziehung von Julien Sorel zu Madame de Renal mehr Anteil als an der zu Mathilde de la Mole»* [Schlink 1997: 40].

В целом речь Михаэля как автора-повествователя носит описательный характер. Он очень подробно описывает атмосферу и обстановку, окружающую его: *«Die Gegend ist flach, allenfalls leicht hügelig. Es gibt keine Bäume. Der Tag ist ganz hell, die Sonne scheint, die Luft flimmert, und die Straße glänzt vor Hitze»*; *«Kein Stuck, keine Spiegel, kein Läufer»* [Schlink 1997: 12].

В отличие от речи Джейсона Тейлора в речи Михаэля Берга преобладает нейтральная лексика, отсутствуют сленгизмы и просторечные слова. Автор – рассказчик, а не начинающий поэт, как автор-герой в романе Д. Митчелла. Речь Михаэля прагматична, отражает национальную специфику немецкой лингвокультуры, которой присущи следующие культурные стандарты: «ориентация на выполнение определенных задач, значимость структур и правил, внутренний контроль за соблюдением правил, долгосрочное планирование, четкое разграничение между личной и общественной сферами жизни» [Медведева 2011: 17].

Намеренно мало эмотивная речь автора контрастирует с описываемыми в романе событиями и проблемами, интерпретировать и отвечать за которые придется послевоенному поколению Германии.

В образе автора романа «Чтец» репрезентированы типичные для немецкого подростка послевоенного времени составляющие, общие проблемы для его сверстников независимо от их лингвокультурной принад-

лежности, а также индивидуальные особенности данной языковой личности. В образе автора-повествователя в немецком романе реализуются основные характеристики немецкой культуры и менталитета (практичность, прагматичность, рассудительность).

Полагаем, что изучение репрезентации образа автора в художественном дискурсе является одним из перспективных направлений как сопоставительной лингвокультурологии, так и современных дискурсивных исследований.

Литература

Гвоздева А.В. Лингвокультурный образ *детектив*: дисс. ... канд. филол. наук. 10.02.19 / Гвоздева Анна Вячеславовна. Челябинск, 2009.

Дмитриева О. А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2007. 24 с.

Карасик В.И. Лингвокультурный типаж «русский интеллигент» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005. С. 25-61.

Корман Б.О. Лирика и реализм. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1986.

Медведева Т.С., Опарин М.В., Медведева Д.И. Ключевые концепты немецкой лингвокультуры: монография. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2011.

Прима А.М. Языковая личность автора с позиции гендерологии // *Lingua mobilis*. 2012. № 6. С. 88-91.

Питина С.А. Реализация образа поликультурного города в художественном дискурсе // *Вестник Челябинского государственного университета*, № 4. 140-143.

Селиверстова Л.П. Лингвокультурный типаж «звезда Голливуда»: ценностная составляющая // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2. Языкознание. 2006. Вып. 5. С. 174-177.

Урванцев Г.В. Соотношение образа города и образа вселенной в современном англоязычном дискурсе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2015. № 20 (375). С. 133-137.

Mitchell D. *Black Swan Green*. Sceptre, 2006.

Schlink B. *Der Vorleser*. Diogenes, 1997.

E.S. Krinitsyna, S.A. Pitina
(Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

REPRESENTATION OF AUTHOR'S IMAGE IN ARTISTIC DISCOURSE

The article considers the peculiarities of author's image representation in artistic discourse. There is an analysis of representative ways of author's image based on the example of an author – future writer in the British novel and author-narrator in the German one. The research outlines universal and unique components of author's image in the novel 'The Reader' by B. Schlink and 'Black Swan Green' by D. Mitchell.

Key words: artistic discourse, author's image, author-character, author-future writer.

В.Г. Кузнецов *(Москва, Россия)*
Московский государственный лингвистический университет
vgk.avamo@mail.ru

ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ

Цель статьи – обосновать различие между таксономической и лингвистической категоризацией, которые в лингвистической литературе, как правило, не разграничивают. Если таксономическая категоризация ограничивается родовидовыми отношениями, то лингвистическая категоризация, включающая структуризацию, отличается большей глубиной, поскольку основана на видо-видовых отношениях и точной, конкретной номинации.

Ключевые слова: категоризация, таксономия, таксоним, структуризация, гипероним, гипоним, языковая картина мира.

Понятие категоризации является одним из ключевых в когнитивной лингвистике. Категоризация представляет собой когнитивное расчленение

осмысленного человеком внешнего (объективной реальности) и внутреннего (духовного мира), представляющее собой в единстве Бытие. Результатом категоризации является объединение, группировка сходных или тождественных элементов, единиц Бытия в более крупные разряды, классы, группы.

В.А. Маслова отмечает, что категоризация представляет собой «когнитивное расчленение реальности, сущность которой заключается в делении всего онтологического пространства на различные категориальные области» [Маслова 2007: 31]. Более развернутое определение категоризации сформулировано Е.С. Кубряковой: «категоризация – это не только акт причисления единицы к своему множеству, это гораздо более сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных сущностных признаков или свойств» [Кубрякова 2004: 307]. Таким образом, категоризация отражает результаты восприятия и осмысления человеком окружающей действительности.

Понятие категоризации тесно связано с концептуализацией. Они различаются по своему конечному результату и цели. В процессе концептуализации, которая в когнитивном плане предшествует категоризации, имеет место выделение минимальных содержательных единиц человеческого опыта, структур знания. Изучение концептуализации в большей степени относится к когнитивной психологии, чем к лингвистике

Научная значимость категоризации и связанной с ней структуризации возросли в связи с тем, что в когнитивной лингвистике они являются основными категориями ее понятийного аппарата. Выделение понятия категоризации не является заслугой только когнитивной лингвистики. Еще Аристотель ставил этот вопрос в своих философских работах. Для него проблема категории выступала как соотношение содержания высказываний о некотором сущем с самим этим сущим. С его точки зрения, в высказываниях связываются родовые и видовые понятия, выражающие классы, объединения предметов, которые включают в себя единичные предметы. В новое время учение о категориях развивал И. Кант. Для него категории – это всеобщие формы, в которых мы мыслим все, что воспринимаем.

В самом деле, все, что воспринято людьми, объединено в классы, разряды, подразряды. Это касается не только научных классификаций (периодическая система химических элементов Менделеева, классификации в зоологии, ихтиологии, биологии и др. науках), но и в обыденной жизни

(одежда, обувь, посуда, фрукты, овощи, деревья, цветы и др.). Таким образом, категоризация представляет собой членение познанного внешнего и внутреннего мира человека, его упорядочение на основе абстрагирующей и классифицирующей деятельности сознания. Абстрагирующая деятельность связана с выделением общих признаков, свойств предметов и явлений как элементов класса. Категоризация с таких позиций является таксономической. Понятие таксономии возникло в биологии, термин был предложен в 1813 г. швейцарским ботаником О. Декандром, разработавшим классификацию растений. Таксономическая классификация лежит в основе классификации, систематизации объектов органического, животного и растительного мира.

Следует проводить различие между таксономической и лингвистической категоризацией. В литературе по лексической семантике это различие не проводится. Между тем существуют релевантные различия между двумя видами категоризации. Если таксономическая категоризация ограничена родовидовыми отношениями, то лингвистическая категоризация основана на видо-видовых отношениях, отличается большей глубиной, детальной, конкретной номинацией. Результаты классифицирующей деятельности человека вербализуются гиперонимами и гипонимами. Две категоризации отличаются своей областью: лингвистическая категоризация включает в свою область не только внешний, но также внутренний, духовный мир человека. Соответственно они отличаются дискретностью и недискретностью. Между элементами таксономической категоризации имеют место четкие, дискретные границы (злаковые культуры *пшеница, рожь, овес, просо, ячмень* и др.), дискретные границы отсутствуют между видами страха (*опасение, боязнь* и др.) в лингвистической категоризации. Элементы таксономической категоризации, в отличие от лингвистической, не могут быть синонимами.

Лингвистическая категоризация реализуется гиперонимами и гипонимами, которые соотносятся как общее и конкретное. Эта категоризация связана с парадигматическими отношениями в лексико-семантической системе языка, представленными такими объединениями, как семантические поля, предметно-тематические и лексико-семантические группы, синонимические ряды.

В лингвистической литературе, даже в работах таких авторитетных семантиков, как Дж. Лайонз, М.А. Кронгауз, М.В. Никитин, определение гиперо-гипонимических отношений ограничено родовидовыми, пред-

метными типа *птица* – гипероним, *синица, воробей, ворона* – гипонимы. Между тем подобное выделение гиперо-гипонимических отношений является таксономическим и не отражает их лингвистическое содержание. Преобладание в лингвистической литературе широкого, таксономического, недифференцированного подхода к гипонимам на основе только родовидовых отношений крайне суживает понятие гипонимии, поскольку не учитывается семиологическая природа гипонимов – точечная номинация денотатов, которая проявляется в том, что означающее вызывает конкретное представление предмета на основе, как правило, нескольких релевантных признаков этого предмета, совмещения означаемых.

Определение гиперонимов и гипонимов как родовидовых отношений должно быть дополнено на основе широты и узости референтной и номинативной базы, конкретной, узкозначной номинации. Это позволяет существенно дифференцировать традиционное, широко распространенное понимание гипонимии. Гипонимы – это **лексические единицы с конкретной, точечной номинацией и узкой референцией, совмещающие несколько значений, однословные по своему морфологическому составу**. В отличие от гиперонимов гипонимы формируют более низкий, субординатный уровень категоризации. Таким образом, гипонимия в языке отражает иерархическую структуру объектов, характерную для конкретной картины мира [Кронгауз 2005: 147-148]. Данная структура основана на общих и дифференциальных признаках, то есть не только на родовидовых, но и на видо-видовых отношениях гипонимической иерархии презентации концептуальной системы человека в языке, то, что принято называть концептосферой языка или языковой картиной мира.

Так, во французском языке в связи с развитым виноделием и сельскохозяйственным производством существует гораздо больше гипонимов денотата «бочка», чем в русском языке. Видо-видовые отношения основываются на таких различиях, как объем, назначение, конструкция, материал и др. *Tonne f.* – большая бочка, *baril m., barillet m.* – бочонок, *caque f.* – бочонок для сельди, *tonnelet m.* – бочонок для алкогольных напитков и других жидкостей, *tine f.* – водовозная бочка, кадка; *tinette f.* – бочонок конической формы для перевозки топленого масла, *fût m.* – винный, водочный бочонок, *muïd m.* – бочонок емкостью в один муид (старинная мера емкости – 274 л), *futaille f.* – бочка для алкогольных напитков, растительного масла. Выделение видо-видового критерия определения гипонимов существенно расширяет их традиционную дефиницию.

Лингвистическая категоризация – это специфический для языковой картины мира процесс вербализованного представления знаний реального или воображаемого мира, представлений человека об окружающей действительности и о самом себе. Категоризация в языке обладает системно-образующей функцией и в силу этносемантической специфики играет важную роль в формировании языковой картины мира. Эта проблематика восходит к В. Гумбольдту и его последователям в Германии – к Л. Вайсгерберу, Й. Триру и Г. Гипперу, а в США – к Б. Уорфу, которым «каждый язык во всех деталях своей структуры представляется ... неповторимой в своей самобытности структурой, в которой все от начала до конца проникнуто “духом языка”, характерным для него видением мира» [Кацнельсон 2010: 77].

Для разграничения таксономической и лингвистической, гипергипонимической категоризации целесообразно употреблять соотносительные термины. Параллельный гиперониму – таксон, таксоним – соответствующий гипониму. Таксономическая категоризация включает соподчиненные таксону таксонимы. Таксоны и гиперонимы – пересекающиеся, но не идентичные понятия. Они пересекаются в плане выражения родовидовых отношений (таксон *цветы* включает всевозможные виды цветов, не являющиеся синонимами), гипероним франц. *cours d'eau*, означающий «любые воды, текущие по поверхности земли», является детерминантом синонимического ряда *fleuve m. – река, впадающая в море* и *rivière f. – река, впадающая в другую реку*. Гипергипонимическая категоризация, в отличие от таксономической, может включать этносемантическую составляющую (см. пример выше гипонимов денотата «бочка»). Наконец, гипонимы могут иметь коннотативное значение, например, разг. франц. *trac m. – страх перед публичным выступлением*. Гиперонимия и гипонимия в языке отражают иерархическую структуру объектов, характерную для конкретной языковой картины мира.

Литература

Кацнельсон С.Д. Общее и типологическое языкознание. М.: Либроком, 2010. 344 с.

Кронгауз М.А. Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Академия, 2005. 352 с.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта, 2007. 296 с.

V.G. Kuznetsov (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

TAXONOMIC AND LINGUISTIC CATEGORIZING

The paper aims at founding the difference between taxonomic and linguistic categorizing which, as a rule, are not differentiated in linguistic literature. While taxonomic categorizing is limited by gender-species relations linguistic categorizing, including structurizing, is more deep-rooted as it is based on species-species relations and detailed, particular nomination.

Key words: categorization, taxonomy, taxonym, structurization, hyperonym, hyponym, language world view.

Л.В. Лаенко (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
lvlaenko@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ С СЕМАНТИКОЙ СОПРОТИВЛЕНИЯ

В работе анализируются английские и русские прилагательные с семантикой сопротивления с целью выявления их концептуальных основ. Описывается типичная модель ситуации, элементы которой задают определенный признак как результат получения человеком экспериенциального знания при его взаимодействии с объектом. Делается вывод об определяющей роли типа объекта в репрезентации концептуальных признаков и их актуальности для носителей обоих языков.

Ключевые слова: прилагательное, семантика сопротивления, концептуализация, признак, ситуация взаимодействия с объектом.

Языковые единицы, репрезентирующие в своей семантике концепты, ориентированы на номинирование тех признаков референтов, которые оказались наиболее коммуникативно значимыми для носителей разных языков. Проблема заключается в разных способах языковой репрезентации соответствующего ментального образа и разной степени распределения концептуальной нагрузки между его репрезентантами, особенно единицами синонимического характера. Лингвокогнитивный анализ последних позволяет выявить национальную специфику концептуальных структур таких языковых единиц.

Еще в 1981 году Е.С. Кубрякова отмечала: «Сущность номинации... заключается не в том, что языковой знак обозначает вещь или каким-то образом соотносится с вещью, а в том, что он репрезентирует некоторую абстракцию как результат познавательной деятельности человека» [Кубрякова 1981: 11]. В данном положении актуализирована связь номинации как с абстрагирующей деятельностью ума, так и с вещным миром, которая проявляется в хранении языковым знаком а) сведений о нем как компоненте определенной семиотической системы, б) знаний об объекте номинирования. Значение слова информирует о восприятии и характеристиках обозначенного и его отношениях с другими объектами и явлениями в мире; фиксирует данные о функциях и назначении того, что обозначено словом, и в итоге может привести ко всему тому, что мы знаем об обозначаемом [Лаенко 2006].

В настоящей работе сквозь призму освещенных выше основных постулатов теории номинации сопоставляются прилагательные с семантикой сопротивления – русские лексические единицы *крепкий*, *прочный* и английские *firm*, *solid* с целью предпринять попытку выявления их концептуальных основ. Данные прилагательные, как и другие атрибутивные единицы, демонстрируют, благодаря каким свойствам и признакам носитель соответствующей лингвокультуры выделяет объект из класса подобных. Изучение же употребления отмеченных единиц позволяет также выяснить, при каких условиях получает наименование отдельный признак, присущий одному объекту или классу объектов.

Смысловая архитектоника прилагательных с семантикой сопротивления представляет собой свернутую модель ситуации, элементы которой задают определенный признак как результат получения человеком экспериенциального знания при его взаимодействии с объектом. В такой модели-ситуации отражены в первую очередь концептуальные признаки,

значимые с точки зрения практической деятельности человека (например, концептуальные признаки, репрезентируемые в сочетаниях с английским *firm*: «slightly movable» (*firm substrate*), «more definite» (*firm agreement*), «energetic» (*firm regimen*)). Показательна в таком случае виртуальная семантика лексических единиц, то есть те их семантические потенции, которые закреплены в системе языка и которые манифестируют определенную степень их коммуникативной востребованности.

Так, прилагательные *firm* и *крепкий* эквивалентны по двум семемам: 1) «трудно поддающийся деформации» (описываются объекты, которые трудно сломать, разбить или повредить), 2) «значительный по степени проявления» – *крепкая дружба/рукопожатие, firm friendship, a firm grip*. Специфика же данных ЛЕ определяется типом объекта, свойства которого задают репрезентацию того или иного концептуального признака либо осуществляют запрет на его активизацию.

Отметим в связи с этим, что концептуальный признак «устойчивость, твердость позиций», репрезентируемый английским *firm*, активизируется при описании реалий сферы политики (*firm constitution*). Концептуальные признаки «основательность», «стабильность», «прочность основ» наводятся реалиями сферы экономики (*firm demand*); «отчетливость очертаний, движений» (актуальный только для *firm*) – объектами, относящимися к сфере геометрических форм и движения в пространстве (*firm lines, firm movements*).

Русское же *крепкий*, помимо отмеченных выше типов объектов, характеризует вместе с тем и ряд иных: 1) мнение, решение (с актуализацией признака «не подверженный изменениям»), 2) человек (с актуализацией признака «непоколебимый»), 3) контроль (с репрезентацией признака «трудный для устранения или прекращения»), 4) экономические реалии (с актуализацией признака «не имеющий оснований уменьшиться в цене или объеме»).

В свою очередь, ЛЕ *solid* и *прочный* эквивалентны лишь по одной семеме «трудно разрушаемый»: *a solid table / прочный стол*. Однако русское *прочный* не определяет имена объектов по признакам «твердый, крепкий, не изменяющий своей формы», «не имеющий пробелов, отверстий», «уважаемый, надежный» (человек), «полезный» (совет, работа), «реальный, достоверный», входящих в функциональный диапазон английского *solid*.

Важно, вместе с тем, что *solid, firm* употребляются для репрезентации идеи о том, что при воздействии на объект последний не меняет своей

формы, при этом *firm* номинирует признак прочности объектов не настолько твердых, какие характеризуются лексемой *solid*, например, фрукты, части тела, почва, все то, что не совсем твердое, но в то же время не мягкое на ощупь: *For this recipe you will need six **firm** tomatoes* (<http://thetis.bl.uk>); *The sand was **firm** where he stood, but further up the beach it was soft and powdery* (<http://thetis.bl.uk>).

Несмотря на то что семантика прилагательных *крепкий/firm*, *прочный/solid* базируется на концептуальном признаке «устойчивый к деформации», функционирование таких единиц проявляет его модификацию: *крепкий/firm* – это устойчивый к такой деформации, при которой объект не разрушается, не распадается на части, не теряет своей целостности, а *прочный/solid* – к деформации под воздействием веса; ср. *крепкий стул / a firm chair* (=«не распадающиеся на части при длительном использовании») vs *прочная мебель / a solid bridge* (=«выдерживающий большой вес») и др. (см. также наблюдения Спиридоновой Н.Ф. [Спиридонова 2001]).

Описанное положение дел может объяснить запреты на сочетаемость, например, русского *прочный*: невозможно по-русски **прочные зубы* (но – *крепкие зубы*), **прочный запах* (но – *крепкий запах*). У зубов и запаха признак «устойчивость к деформации» не является постоянным.

В результате отметим, что, несмотря на одну обобщенную область референции – объекты с высокой степенью силы сопротивления воздействию, изучаемые ЛЕ отличаются друг от друга (как в рамках одного языка, так и двух неблизкородственных) репрезентацией в своей семантике, в том числе и различных структур знания.

Литература

Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М.: Наука, 1981.

Лаенко Л.В. Основы когнитивной теории номинации перцептивного признака: уч. пособие. Ч. 1. Воронеж: Воронеж. гос. ун-тет., 2006.

Спиридонова Н.Ф. Наука о сопротивлении материалов, или прилагательные *прочный* и *крепкий*. URL: <http://www.dialog-21.ru/digest/2001/articles/spiridonova/>

The British National Corpus. <http://thetis.bl.uk>

*L.V. Laenko (Voronezh, Russia)
Voronezh State University*

CONCEPTUAL BASES OF ADJECTIVES WITH THE SEMANTICS OF RESISTANCE

The paper analyses English and Russian adjectives with the semantics of resistance and aims at revealing their conceptual bases. A typical situation model is described the elements of which inspire a certain feature as a result of man's experiential knowledge. The leading role of type of object is argued in conceptual features representation and their national significance for both the nations.

Key words: adjective, semantics of resistance, situation, conceptualization, feature.

*Т.В. Леонтьева (Екатеринбург, Россия)
Российский государственный профессионально-
педагогический университет
leotany@mail.ru*

ЛЕКСЕМЫ С ПРИСТАВКОЙ ПЕРЕ- И ЗНАЧЕНИЕМ ОБОЮДНОСТИ КОНТАКТОВ¹

Рассматривается одно из средств выражения значения взаимности – глагольная лексика с приставкой *пере-*. Приводятся слова *перегаживаться, перехаживать, перепои* и др., содержащие сему 'поочередный (об актах коммуникации)', называющие собственно формы организации жизни микросоциума. Отмечается, что такие номинации специфичны для русских народных говоров. По мнению автора, эта языковая особенность свидетельствует о различиях в менталитетах носителей современной городской культуры и традиционной крестьянской культуры. В русской деревенской среде очередность хождения в гости, в том числе праздничных гощений, является «скрепой» общинной жизни, традицией, обеспечивающей вовлеченность семьи, дома в общее коммуникативное пространство, способом не оказаться на периферии микросоциума.

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

Ключевые слова: взаимность посещений; приставка пере-; социальная лексика.

В русских народных говорах, в частности на Русском Севере, бытуют слова с приставкой *пере-*, обозначающие чередование посещений между жителями села, деревни. Обращение к этому материалу объясняется интересом к особенностям языкового выражения представлений о «социальности», о способах поддержания жизни общины. При этом речь идет о микросоциуме, то есть взаимодействиях людей в пределах небольшого поселения: в этом случае «каждый знает каждого», и такая среда имеет свою специфику в сравнении с обширными сообществами, которым знание каждым каждого несвойственно.

Своеобразие диалектной языковой среды проявляется особенно ярко в наименованиях бытовых посещений, которые, однако, в силу почти заданной, то есть «настоятельно ожидаемой» их очередности лишены свободы и, так сказать, элемента личного выбора участников взаимных гощений, по сути, эти акты внутриобщинной коммуникации регламентированы: яросл. *перехáживаться* ‘ходить друг к другу в гости’ (*С тех пор как у них перекоселье вышло, и перехаживаться перестали*) [СРНГ 1965–2004: т. 26, 257], вят., влад. *перепивáться* ‘в большие праздники ходить в гости друг к другу’ [СРНГ 1965–2004: т. 26, 186], волог., олон., костром., яросл. *перегáциваться* ‘ходить друг к другу в гости; вести знакомство, дружбу’ [СРНГ 1965–2004: т. 26, 64].

В качестве производных основ выступают обозначения собственно посещений (участвуют корни *-гост-*, *-ход(ить)*) и угощения как их непрерывного атрибута (этим объясняется привлечение корня *-пи(ть)*).

Пищевая атрибутика также косвенно подрывает идею о бытовом характере посещений. Дело в том, что в деревне угощение пришедших в дом уже означает особое к ним отношение: соседей, забежавших мимоходом, как правило, не привечают и не приглашают к столу. Угощать принято дорогого гостя, приход которого имеет значение, оценивается как допустимый и желательный.

Отглагольные существительные, образованные от *гостить*, могут служить обозначением и в целом системы гощений, и одного из таких посещений, ср.: диал. (б/у места), моск. *перегáцивание* ‘посещение гостями друг друга’ (*Это сперва у нас погостили, а потом у вас, вот и перегацивание*) [СРНГ 1965–2004: т. 26, 64], свердл. *собирать перегáциванье*

‘устраивать ответный пир’ [ЭИС 2000: т. IV, 12]. В дефиниции последнего выражения указана важная сема ‘ответный’, но хотелось бы обратить внимание, что, в сущности, любое из посещений можно считать «ответным», поскольку речь идет не о парности гощений, а о непрерывной их цепочке, из которых каждое последующее посещение есть ответ на предыдущее.

В сущности, взаимное хождение в гости знакомо городскому жителю ничуть не меньше, чем деревенскому, однако соответствующие языковые среды не совпадают по языковому оформлению этих реалий: только в русских говорах есть однословные единицы, называющие систему гощений, подчеркивающие их очередность, ответный характер, взаимность приходов в гости.

Еще более многочисленны в говорах обозначения гуляний, устраиваемых в разное время в разных домах и предполагающих либо семейный стол (угощение родственников), либо общее празднование, часто – всей деревней, сначала в одном доме, а затем, на другой день или через некоторое время, – в другом. Речь идет, как правило, о следующих ситуациях:

- **о гуляниях как части свадебного обряда:** костр. *перепóи* ‘поочередное празднование свадьбы у родни жениха и невесты’ (*Перепóито – у неvéсты, потом у жениха пьянка*) [ЛК ТЭ], костр. *перепивáться* ‘ездить друг к другу в гости после свадьбы (обычно в первую неделю – о родителях и ближайших родственниках жениха и невесты)’ (*Они перепивались – ездили от жениха к невесте – целым аулом переезжают друг от друга*) [ЛК ТЭ], моск. *перезу́л* ‘поочередное хождение в гости друг к другу родственников новобрачных как продолжение свадьбы’ [СРНГ 1965–2004: т. 26, 75] и др.;

- **о варении пива и коллективном угощении во время празднований, приуроченных к сбору урожая:** костр. *перепивáть* ‘угощать жителей другого конца деревни и угощаться, в свою очередь, у них во время коллективного празднования’ (*На Октябрьские пивá варили на Верхáнах и Низáнах перепивали друг у друга, ходили концами по очереди*) [ЛК ТЭ], костр. *перепивáться* ‘варить пиво по очереди (в разных домах)’ (*Не тóлько на брáтчину, но и себé такие пивá вари́ли. Ходят перепивáются. Седня пивó у меня, три дня ва́рим, через ме́сяц у тебя*) [ЛК ТЭ];

- **о коллективных гуляниях во время проводов на службу в армию:** костр. *перепивáться* ‘пить по очереди’ (*Все перепивались парни перед армией – сегодня у нас, завтра у вас – друг у дружки*) [ЛК ТЭ], костр. *перепивáться* ‘праздновать поочередно у всех призывников’ (*Перед тем*

как в армию идти, и не все те, кто в армию пошли, а и их ровесники тут катались, и перепивались – сегодня у тебя, завтра у другого) [ЛК ТЭ].

Гуляния, устраиваемые поочередно разными домами, представляют собой не столько развлечение как факультативный элемент жизни крестьян, сколько чрезвычайно важное средство организации общественных отношений, связей.

Значение приставки в составе подобных лексем вполне понятно: она передает значение обоюдности действий – хотя не во всех словарях оно зарегистрировано. В словообразовательном словаре Ефремовой представлено 11 значений приставки *пере-*, но ни одно из них не реализуется в приведенных словах. В других словарях обнаруживается нужное значение, устанавливается сема ‘взаимность’: *пере-* ‘взаимность, обоюдность действия’ (*Переговоры идут; перебраниваться*) [Даль 1995: т. 3, 29], *пере-* ‘взаимность действия’ (*переругиваться, переругаться, перекликаться*) [Ушаков 1935: т. 3, стб. 92], *пере-* ‘(с частицей -ся) взаимность действия’ (*переглядываться, перемигиваться, переписываться*) [СлРЯ 1999: т. 3, 45].

Между тем словарный материал разительно отличается от диалектных номинаций, которые разбирались выше. Приводимые в словарях литературного языка иллюстрации, как можно заметить, обозначают поочередные, сменяющие друг друга действия (чаще всего – речевые) операционального характера, а не чередующиеся встречи (коммуникативные акты), каждая из которых включает множество речевых действий, составляющих совокупно речевую ситуацию, целостное событие.

В собранном диалектном материале тоже имеется заметная – прежде всего по критерию количества номинаций – и притом культурно-специфичная лексико-семантическая группа, объединяющая слова, которые указывают на очередность реплик в диалоге либо неречевых действий, тоже образующих в некотором смысле «диалог». Таковы обозначения своеобразных состязаний в форме поочередного пения или пляски: костр. *переве́аться* ‘петь поочередно, «отвечая» друг другу’ (*Он поет и девочки опять поют, вот так перевеались. Интересные песни были, как на самом деле рассказывают: как ты любишь его, да он тебя. В песнях все скажут друг дружке*) [ЛК ТЭ], костр. *перепля́сываться* ‘плясать парами, соревнуясь в мастерстве’ (*Русского играли, переплясывались пара на пару*) [ЛК ТЭ] и др. Показательно, что рассказ о «перепевках» в речи информантов часто предваряется замечанием – сравнением про-

шлого и настоящего быта: *Раньше-то дружнее жили мы: и на праздниках перепевались, и в гости ходили* [ЛК ТЭ]. Состязания такого рода были существенным элементом жизни деревенской молодежи, выполняли роль узловых моментов в установлении, поддержании или прекращении отношений между их участниками, а также несли функцию апелляции к общественному мнению. Подробнее об исполнении наветок (то есть о частушечном состязании соперниц в любви) см. наши предшествующие публикации [Березович и др. 2017].

Итак, городскому сознанию смысл ‘взаимные посещения’ знаком, но в современном русском языке неактуален способ выражения этого смысла – отглагольные производные с приставкой *пере-*, обозначающие ответные посещения, – и нерелевантен семантический множитель ‘система (гощений)’. Для носителей традиционной культуры и взаимные гощения, и состязания были способом и условием сохранения включенности в систему общинных связей и череду социально значимых событий, то есть признаком конвенционального – «правильного», социально одобряемого – поведения. Эти номинации можно рассматривать как свидетельства высокой степени консолидации крестьянского деревенского микросоциума, общинности мировоззрения. Она, имея разные формы проявления, состоит, в частности, в выполнении «обязательств взаимности». Установка на повторяемость и коллективность этих событий задает определенное восприятие мира, а сам обычай устройства гуляний, состязаний, ответных гощений есть форма регуляции отношений между людьми, которая сложилась стихийно, закрепила в естественной коммуникации, существовала долгое время, не будучи никем навязанной, внедренной и контролируемой.

Литература

Березович Е.Л., Леонтьева Т.В. Намек в диалектной лингвокультурной среде: жанровая разновидность частушек и лексические репрезентации понятия // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 47. С. 5-27.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. Т. 3. М.: «ТЕРРА», 1995. 560 с.

ЛК ТЭ – Лексическая картотека топонимической экспедиции УрФУ (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой

коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

СЛРЯ – *Словарь* русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1-4.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. М., Л., СПб., 1965–2004.

Ушаков – *Толковый словарь* русского языка / сост. Г.О. Винокур; под ред. Д.Н. Ушакова: в 4 т. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935.

ЭИС – *Традиционная культура Урала: этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области: в 5 выпусках* / О.В. Востриков и др. Екатеринбург; Свердловский областной Дом фольклора; Уральское литературное агентство, 2000. Вып. 1.

T.V. Leontyeva (Yekaterinburg, Russia)
Russian State Vocational Pedagogical University

LEXEMES WITH THE PREFIX *PERE-* AND MEANING OF RECIPROCITY OF CONTACTS¹

One of the means of expressing the meaning of reciprocity is considered – verbal vocabulary with the prefix *пере-*. The words *перегащиваться*, *перехаживаться*, *переню* etc. are given, containing the seme ‘alternate (acts of communication)’ and naming the forms of organization of life of microsociety. It is noted that they are specific to Russian folk dialects. According to the author, this linguistic peculiarity indicates the differences in the mentality of modern urban culture and traditional peasant culture. In the Russian rural environment, the order of visits, including festive visits, is a “bond” of community life, a tradition that ensures the involvement of the family and house in the common communicative space, a way not to be on the periphery of the microsociety.

Key words: reciprocity of visits, prefix *пере-*, social vocabulary.

¹ The study is supported by Russian Science Foundation (project No. 16-18-02075 “Russian Society in the Mirror of Lexical Semantics”).

А.Л. Лось (Москва, Россия)

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

al_los24@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ АСПЕКТОВ АУДИАЛЬНОЙ ПЕРЦЕПЦИИ

В статье предпринимается попытка выявить когнитивные параметры, участвующие в концептуализации ситуаций слухового восприятия, описывающих качества аудиальных объектов. Анализируются когнитивный механизм восприятия звука и его репрезентация в русском языке. Исследуется участие каждого из когнитивных параметров в репрезентации аудиальных перцептивных признаков.

Ключевые слова: аудиальная перцепция, перцептивный признак, звуковой образ, когнитивный параметр, ситуация аудиального восприятия.

Интерес современной лингвистики к способам отражения в языке чувственного восприятия человеком окружающего мира и к изучению языковых средств актуализации этого процесса не ослабевает.

Ведущая роль восприятия в познании окружающего мира и организации мыслительных процессов определяет необходимость осмысления пяти типов восприятия (зрения, слуха, запаха, осязания и вкуса) не только как перцептивных категорий, но и как когнитивных процессов, обеспечивающих адекватное ситуации ориентирование индивида в окружающей среде.

Помимо выделения зрительно воспринимаемых предметов индивид ориентируется в пространстве посредством локализации объектов на основе слуха. Слух позволяет не только локализовать звуковые объекты в пространстве, но и производить анализ всего комплекса звуковых характеристик. Наличие в пространстве звуковых источников, перемещение звуковых объектов, изменение громкости и иных характеристик звуковых сигналов – все это обеспечивает индивиду условия правильного ориентирования в окружающем мире.

Сама когнитивная сфера звукового восприятия, ее репрезентация в языке изучена не полностью. Исследования, проводимые в области звукового восприятия, рассматривают психологические аспекты звука (см. В.Н. Носуленко, Б.М. Величковский). Количество работ, посвященных изучению

семантики единиц, представляющих звук, и концептуализации аудиального восприятия, не так велико по сравнению с количеством работ, связанных с репрезентацией зрительного восприятия, запаха и вкуса (см. Т.В. Виноградова, Т.В. Крючкова, И.В. Пархоменко, М.В. Токарева).

Слух – одна из основных подсистем системы чувственного восприятия человека, отраженных в языковой картине мира. По важности поступающей через нее информации в сознание человека она занимает второе место в иерархии подсистем после зрения.

Лексика, обслуживающая данную подсистему, очень разнообразна и обширна, хотя и не частотна (в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой лексика, представляющая звуковое восприятие, составляет менее 1 % (около 0,86 %) [Пархоменко 2000: 9].

Важное значение слухового восприятия в создании картины мира обусловлено тем, что человек воспринимает слухом, наряду с другими чувствами, природу и окружающую действительность, и звук как объект слухового восприятия сопровождает многие виды деятельности человека.

Звук является результатом колебаний окружающей среды, которые вызывают слуховое ощущение, отвечающее за восприятие звука. Специфика слухового восприятия состоит в том, что «когда человек слышит различные звуки, он рисует в своем сознании мысленный образ предполагаемого источника» [Виноградова 1999: 3]. Он скорее не рисует, а распознает объект – источник звука, он не воображает, а осмысляет или сравнивает его на основе предыдущего аудиального опыта. Когнитивный механизм слухового восприятия работает так, что любой незнакомый звук мы стараемся соотнести с уже известным нам звуком для того, чтобы рассказать или объяснить окружающим, и для того, чтобы осмыслить и запомнить самим.

В формировании образа звукового объекта участвуют и временные характеристики звучания, поскольку специфической особенностью звука является выраженность процесса звучания во времени. Пространственно-временные представления об объекте основаны, в том числе, на возможности определения направления звучания предмета, его отдаленности, длительности звучания, характера звучания и др. Вместе с тем, звук как объект слухового восприятия имеет в своей основе четкую коммуникативную направленность, так как является основой существования человеческой речи.

Безусловно, главным каналом получения информации является зрительное восприятие. При этом есть аспекты, недоступные зрительному

восприятию, и без них распознавание объектов окружающей среды было бы неполным. При восприятии слухом в сознании возникает целый комплекс визуальных характеристик объекта. Например, услышав гудок поезда, мы четко представляем себе объект, издающий этот звук (его форму, размеры, функциональность).

В отличие от объектов зрительного восприятия, звук наименее материален – его нельзя потрогать. Мы можем только видеть объект, который издает звук. При этом есть аудиальные объекты, недоступные зрению, например: *гром, громовые раскаты*. Их можно воспринимать только слухом. По мнению ученых, слуховое восприятие предполагает наличие в памяти слуховых образов. Развитие слухового образа связано, в первую очередь, с непрерывной дифференциацией предметов на «звуковые» и «не звуковые».

Аудиальную сферу, в зависимости от функционирования звуковых объектов и особенностей их репрезентации в языке, можно разделить на две группы: естественные звуки и искусственные звуки. В ряду естественных звуков также есть подгруппы: звуки объектов, созданных человеком (*рев мотора, звук выстрела*); звуки живой природы (*вой, писк, мурлыканье, щебетание*); неживой природы (*гром, треск, раскаты*); звуки речи человека (*разговор*); звуки человека, не связанные с речью (*стон, вздох, крик, чавканье*); звуки музыки (*пение, звуки инструментов*).

Общие семантико-когнитивные аспекты, участвующие в концептуализации звуковых ситуаций, которые описывают аудиальные признаки объекта, следующие: сила звука, характер звучания, локализация звука в пространстве, длительность существования, качество восприятия звука, номинация источника звучания, интенсивность слухового воздействия. Рассмотрим репрезентацию этих аспектов на примере русского языка. Источником примеров послужил Национальный корпус русского языка.

Сила звука представлена в русском языке качествами *тихий и громкий*: *тихий замкнутый человек; тихий город; тихий, трогательный голос; тихий сочувственный взгляд; тихий сад; тихий полустанок; тихий океан; громкий вопль; громкий гудок; громкий разговор; громкий треск*.

Неясно, можно ли включить в эту группу качество *шумный*: *шумный выдох; шумный проспект; шумный народ; шумный город; шумный коридор*, поскольку прилагательное *шумный* вносит информацию не только о силе звука, но и о поражающей слух нестройности звучания от какого-либо движения, голосов и иных аудиальных источников.

За характер звучания отвечают прилагательные *глухой, звонкий, скрипучий, глубокий, каркающий, звенящий, монотонный*: *глухой, монотонный голос, глухой непутевый вояка; глухой удар взрыва; глухой вой; глухой лес; глухой шум водопада; звонкий голос; тугой и звонкий стук мяча; звонкий крик; звонкий щелчок; звонкий смех; скрипучий эскалатор; скрипучий голос; скрипучий дом; скрипучий шифоньер; скрипучий ящик; глубокий голос; глубокий звук; каркающий набат; каркающий смех; каркающий голос; звенящий голос; звенящий гул; звенящий ключ; монотонный голос; монотонный шум дождя; монотонный собачий лай*. Появление ассоциативных значений обусловлено субъективным опытом реципиента. Конкретный контекст помогает в отборе нужного признака и его актуализации [Чалей 2018: 27].

Локализация звука в пространстве репрезентируется лексемой *отдаленный*: *отдаленные раскаты*.

В представлении длительности существования участвуют качества *непрекращающийся, беспрестанный, нескончаемый, продолжительный, несмолкающий*: *не смолкающие до поздней ночи звуки; постоянный грохот; несмолкающая канонада; продолжительные аплодисменты, несмолкающий гул*.

Качество восприятия звука представлено лексемами *ясный, неясный, четкий, нечеткий, едва/еле уловимый, отчетливый, нечленораздельный, невнятный*: *отчетливый женский голос; отчетливый и тонкий смех; отчетливый шум; отчетливый ответ; отчетливый скрежет; невнятный ответ; невнятный лепет природы; невнятный гул; невнятный писк; невнятный сиплый клекот; невнятный шепелявый выговор; еле уловимый звук; еле уловимый шорох; еле уловимый смех*.

Аспект номинации источника звучания можно выразить словосочетаниями: *львиный рык, кошачье мяуканье, человеческие звуки, нечеловеческие звуки*.

Лексемы *оглушительный, громовой, грохочущий* репрезентируют интенсивность слухового воздействия: *оглушительный рев; оглушительный взрыв; оглушительный треск; оглушительный звон; оглушительный гул*.

Из анализа примеров можно заключить, что все выявленные когнитивные параметры участвуют в формировании аудиальных перцептивных признаков, описывающих звуки разной природы, за исключением качества *глубокий*, которое ограничивается сферами

звуков человека и музыкальных инструментов в русской языковой картине мира. Безусловно, перечень когнитивных параметров неполон и требует уточнения.

Аудиальный признак *шумный* мы не отнесли ни к одному из параметров. Выявление специфики функционирования этого признака и реализация рассмотренных когнитивных параметров в английском и других языках составляет перспективу дальнейшего исследования.

Литература

Величковский Б.М., Зинченко В.П., Лурия А.Р. Психология восприятия: учеб. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.

Виноградова Т.В. Семантика и синтаксис английских глаголов, выражающих понятие непроизвольного звучания: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1999.

Крючкова Т.В. Функциональная категоризация глаголов и устойчивых глагольных словосочетаний со значением слуховой перцепции в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 2004.

Носуленко В.Н. Психология слухового восприятия. М.: Наука, 1988.

Пархоменко И.В. Лексико-семантическое поле «Звук» и его функционирование в художественном тексте: на материале лирики С.А. Есенина и В.В. Маяковского: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000.

Токарева М.В. Концептуализация слухового восприятия в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012.

Чалей О.В. Метафорические модели *зрение* → *вкус* / В сб.: Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков: сб. статей по материалам межвузовской студенческой научно-практической конференции / отв. ред. Н.В. Бутылов. Саранск, 2018. С. 24-28.

*A.L. Los' (Moscow, Russia)
National Research University of Electronic Technology
al_los24@mail.ru*

ACTUALIZING COGNITIVE ASPECTS OF AUDITORY PERCEPTION

The article attempts to study the cognitive parameters taking part in conceptualizing auditory perceptive situations describing the qualities of auditory objects. Auditory perceptive cognitive mechanism and its representation in the Russian language are analyzed. The participation of every cognitive parameter in actualizing auditory perceptive features is investigated.

Key words: auditory perception, perceptive feature, sound image, cognitive parameter, auditory perceptive situation.

*О.А. Мецзякова (Санкт-Петербург, Россия)
Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина
lateo56@yandex.ru*

КУЛЬТУРНЫЙ ПРИНЦИП КАТЕГОРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ И ЕГО ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Категоризация знаний – процесс, который определяет формирование содержания концепта. В рамках трех систем языковой категоризации: лексической, грамматической и модусной, или интерпретирующей, – категоризация осуществляется на основе различных принципов. Интерпретирующая деятельность, отражаемая в художественном дискурсе, предполагает категоризацию авторских знаний на основе принципа культуры.

Ключевые слова: категоризация знаний, лексическая, грамматическая, интерпретирующая категоризация, культурный принцип, авторские знания, художественный дискурс, И.А. Бунин.

В современной лингвистике, развивающейся на основе антропоцентризма, уделяется особое внимание процессам, которые в основании имеют взаимодействие языка, мышления и познания. Одним из таких процессов

является категоризация, благодаря которой в сознании человека все многообразие ощущений, получаемых от объективного многообразия форм материи, соотносится и сводится «в определенные рубрики» [КСКТ 1996: 45-46]. Так на основе начального этапа когнитивной деятельности человека происходит ее углубление – осуществляется логическая классификация познаваемого, выделение неких «классов, разрядов, группировок, множеств, категорий» [Там же] и «установление общности фрагментов действительности» [Попова, Стернин 2007: 89] через формирование обобщающих классификационных когнитивных признаков, единых для различных групп ментальных структур, хотя возможно и включение его в отдельное ментальное образование, каким выступает концепт. В языке классификационные признаки, сформированные в процессе категоризации, объективируются через общие семантические признаки, обнаруживаемые в смысловом содержании лексем, фразеологизмов, паремий и т. п.

Естественно, что выявление общих черт в разрозненных знаниях о предметах осуществляется на основе определенных принципов.

К.М. Абишева, обращаясь к категоризации знаний, отраженной в когнитивных признаках фразеологизмов с семантикой вкуса, считает, что особое место отводится «принципу градуированности, учитывающей родовидовую иерархическую организованность», «принципу множества и разнородности оснований категоризации», а «третьим реальным принципом категоризации является учет прототипа» [Абишева 2013: 27], хотя еще два принципа по-своему могут быть задействованы в категоризации: принцип нестрогости категоризации, принцип континуальности [Там же: 29-30].

Однако, говоря о категоризации, мы не должны забывать о том, что отнесение результатов познания «к определенным рубрикам опыта – категориям» осуществляется в рамках трех векторов – «трех систем языковой категоризации» [Болдырев 2011: 11]. Первую составляет лексическая система, вторую – грамматическая, третью – модусная, которую также называют интерпретирующей. В первой системе формируются лексические категории, которые вбирают в себя наши знания о мире в их денотатном содержании. Во второй системе вырабатываются грамматические категории на основе обобщения и схематизации знаний, соответствующих правилам и принципам вербальной коммуникации. Интерпретирующие категории передают способы «истолкования» этого знания отдельными языковыми личностями.

При лексической категоризации спектр принципов достаточно широк и включает, помимо принципов прототипичности, континуально-когнитивной относительности, градуированности, еще и принципы «фамильного сходства»; контекстно-когнитивной детерминированности; пересекаемости категориальных структур; вариативности категориальных структур в личностном, социальном и национальном лингвоментальном сознании; корреляции онтологической и лингвоментальной природы категории; статичности или динамичности категориальных структур; иерархичности [Дзюба 2015].

«Грамматическая категоризация отражает онтологию самого языка, т.е. деление на категории, естественные для языка, позволяющие существовать языку как определенной семиологической системе», – отмечает Н.А. Беседина [Беседина 2006: 112]. Поэтому сама грамматическая категоризация предполагает выявление наиболее общих принципов организации языка как системы, ориентированной на выполнение определенных функций, а также принципов кодирования смысла в языке и его передачи с помощью языка [Там же].

Категоризация в рамках интерпретирующей системы языка рассматривается на основе двух подходов к термину «интерпретация». Н.Н. Болдырев говорит о возможности понимания интерпретации в широком и узком смысле слова. В широкой трактовке под интерпретацией понимается «мыслительная операция, направленная на получение знания коллективного уровня», в то время как интерпретация в узком смысле этого слова – это «языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида [Болдырев 2011: 11-12]. В модальных категориях раскрываются такие результаты познания и обобщения, которые имеют субъективную природу.

Связывая интерпретирующую систему языковой категоризации с дискурсивной практикой, мы выходим на выявление дискурсивных принципов категоризации, в частности, в рамках художественного дискурса.

В данном типе дискурса объективируются результаты авторского познания мира. Категоризация в нем, как и в предыдущих двух типах, осуществляется не хаотично, а на основе определенных принципов, главнейшим из которых, на наш взгляд, является культурный принцип.

Культурный принцип категоризации знаний обусловлен тем, что индивид как существо социальное не может осуществлять какую-либо деятельность вне культуры, в рамках которой он живет. Культура выступа-

ет основанием, которое детерминирует упорядочивание категоризируемых признаков. Учитывая, что с культурой связаны религия, разные сферы трудовой деятельности, социальные отношения, наука и искусство, можно признать глубокое влияние культурного принципа на категоризацию в рамках интерпретирующей деятельности автора. В зависимости от того, на какой аспект культуры ориентирован автор как языковая личность, категоризация признаков внешнего мира будет иметь различный характер.

Рассмотрим это положение, обратившись к перцептивным знаниям И.А. Бунина. Их категоризация неотрывна от культурного принципа, хотя сам вектор культуры, к которому тяготеет автор в тот или иной период творчества, разнопланов в социальном отношении. Так, в дореволюционный период творчества И.А. Бунин проявляет особый интерес к народной культуре. Поэтому категоризация перцептивных признаков нередко осуществляется автором под влиянием уже существующих в «народном» языке словечек и оборотов, которые зафиксировали перцептивные знания, не актуальные для дворянской культуры, к примеру.

В дневниковых записях И.А. Бунин фиксирует одно перцептивное слово народной речи: *Мужик сказал про лицо скопца «голомысый»* [Бунин и Кузнецова 2006: 58]. Писатель отмечает слово, включающее два корня: *мыс* – 'выдавшаяся клином часть чего-либо', *голый* – 'необросший, неуряженный; обнаженный'. Каждый из компонентов характеризует внешность человека, второй включает еще и отрицательную оценку со стороны говорящего. Вероятно, содержание слова *голомысый* привлекло И.А. Бунина возможностью лаконично описать внешний наблюдаемый признак, характерный для определенной группы людей – скопцов. Однако автор не копирует народное слово, но концептуализированный словом признак входит в авторскую концептосферу и объективируется эпитетом *бабий* при описании мужчин: *Ступни у скопца были маленькие, полные и противные, как у какой-нибудь старой ключницы, лицо тоже бабье, большое, желтое, плотное, губы тонкие...* (И. Бунин. Деревня); *За общим столом – целое купеческое общество, едят холодную осетрину с хреном скопцы: большие и тугие бабьи лица цвета шафрана, узкие глаза, лисьи шубы...* (И. Бунин. Жизнь Арсеньева).

В период эмиграции И.А. Бунину особенно дорога память о дворянской культуре, поэтому категоризация перцептивных знаний ведет к формированию классификационного признака 'свойственный дворянской культуре', который входит в интерпретационное поле концепта ЦВЕТ

и включает положительную оценку перцептивному явлению. Так, лексема *серый*, находясь в ближайшем контексте со словом *николаевская* и выступая в качестве эпитета к лексеме *шинель*, вербализует не только представление о цвете, но и его интерпретацию как ‘благородный’, ‘подобный царскому цвету одежды’, что очень важно для семантического пространства рассказа «Темные аллеи», где употребляется рассмотренное выражение: *На козлах тарантаса сидел крепкий мужик <...> а в тарантасе стройный старик-военный в большом картузе и в николаевской серой шинели <...>* (И. Бунин. Темные аллеи).

Эти примеры наглядно убеждают в том, что для И.А. Бунина как создателя художественного текста категоризация перцептивных свойств внешнего мира осуществляется на основе культурного принципа. Он обуславливает возможность интерпретирующей категоризации авторских знаний под воздействием знаний о культуре и самой культуры, функционирующей как в вербальной, так и в невербальной форме. В результате интерпретирующей категоризации классификационный признак, хотя имеет субъективный характер, отражает и черты объективного, зафиксированного в культуре. Используемая в авторском тексте лексика формы, осязания, цвета и т. п. выступает средством «предъявления» признаков, которые отражают и субъективные авторские, и объективные представления и оценки, существовавшие в различных пластах культуры.

Литература

Абишева К.М. Категоризация и ее основные принципы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2 (35). С. 21-30.

Бунин и Кузнецова. Искусство невозможного. Дневники, письма. М.: Грифон, 2006. 464 с.

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. М.; Тамбов: Изд-во ТГУ; Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. 214 с.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11-16.

Дзюба Е.В. Методология когнитивного исследования лексической категоризации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 2221-2225. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85445.htm>.

КСКТ – Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.
Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой.
М.: Филол. фак. МГУ, 1996. 245 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: учебное издание.
М.: Москва АСТ: «Восток-Запад», 2007. 226 с.

О.А. Meshcheryakova (Russia)
Pushkin Leningrad State University
lameo56@yandex.ru

CULTURAL PRINCIPLE OF CATEGORIZING KNOWLEDGE AND ITS DISCOURSE IMPLEMENTATION

Knowledge categorization is a process that determines the formation of the concept content. There are three language categorization systems: lexical, grammatical and modus, or interpretive. In each system, categorization is carried out on the basis of different principles. Interpretive activity is reflected in the artistic discourse and involves the categorization of copyright knowledge based on the principle of culture.

Key words: categorization of knowledge, lexical, grammatical, interpretive categorization, cultural principle, knowledge of the author, artistic discourse, I.A. Bunin.

И.В. Милашевская (Нижний Новгород, Россия)
*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
imilashvskaya@mail.ru

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ КОНЦЕПТА ГОЛОВА

В статье анализируются метафорические номинации концепта ГОЛОВА, представленные в словарях синонимов современного русского языка, и выявляются основные направления метафорического переноса,

актуальные для вербализации концепта. Анализ словарных материалов дополняется интерпретацией результатов проведенного автором психолингвистического эксперимента.

Ключевые слова: концепт, синоним, метафора, фитоморфная метафора, артефактная метафора.

Метафорические средства, репрезентирующие концепт ГОЛОВА, включены в статьи многочисленных современных словарей синонимов русского языка и русской речи. Наиболее полный перечень языковых и речевых синонимов ключевой лексемы, номинирующей концепт, представлен в регулярно обновляемом онлайн-словаре В.Н. Тришина. Составитель словаря указывает, что в современном русском языке только 531 единица имеет более 100 синонимов, употребляемых в речи (по состоянию на 30.10.2017) [Тришин 2018], и одной из таких единиц является лексема *голова*. Развитая ключевой лексемой синонимия свидетельствует о коммуникативной релевантности концепта и его особой значимости для носителей русского языка, поскольку «наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о номинативной плотности (термин В.И. Карасика <...>) данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа» [Попова, Стернин 2010: 20].

Из 112 единиц, включенных в синонимический ряд с доминантой *голова* в указанном словаре, около 40 % образованы путем развития вторичного метафорического значения у слов, регулярно употребляемых в прямом значении, т.е. перенесением названия с одного предмета на другой вследствие их сходства. В качестве сфер-источников для метафорического переноса выступают концептуальные сферы «Живая природа» (субсфера «Растительный мир»), «Быт» (субсфера «Емкости и вместилища»), «Социальная деятельность» (субсферы «Строительство», «Транспорт», «Техника», «Искусство»). Субсфера «Растительный мир» репрезентирована в синонимическом ряду названиями плодов растений и их частей: *арбуз, дыня, калган, кочан, репа, тыква (тыковка)*. Данная субсфера является исходной в фитоморфной метафоре, которая актуализирует в структуре концепта ГОЛОВА признак формы: голова как часть тела, так же как и плоды, части растений, названных выше, имеет округлую форму.

Субсфера «Емкости и вместилища» представлена наименованиями предметов домашнего обихода, домашней утвари – в первую очередь

посуды, сосудов, емкостей для жидкостей и мелких предметов: *баклушка, горшок, жбан, копилка, котел (котелок), макитра, самовар, чайник, чан, чбан, черепок (черепушка), чугунок*. Данная субсфера является исходной в бытовой метафоре. Субсфера «Строительство» эксплицирована номинациями строений, сооружений и их частей: *башня, будка, домик, крыша (крышак), купол, курятник, скворечник, чердак, шпиль*, кровельных материалов: *черепица, шифер*, строительного инструмента: *балда*. Данная субсфера служит исходной для архитектурной метафоры. Транспортная метафора представлена наименованием транспортного средства: *шарабан (шарабанка)*, компьютерная – названием сложного технического устройства: *компьютер*, музыкальная – номинацией музыкального инструмента: *бубен*. Названия бытовых, архитектурных, транспортных, технических и музыкальных артефактов в совокупности объективируют артефактную (вещную, предметную) метафору.

Таким образом, анализ словарного материала позволяет выявить два основных направления (устойчивых типа по Г.Н. Скляревской) метафорического переноса, актуальных для вторичной номинации концепта ГОЛОВА: *растение* → *человек* и *предмет* → *человек* – и в очередной раз подтверждает положение о том, что метафорические переносы, объективированные в языке, не являются случайными, они «подчинены достаточно жесткой закономерности и осуществляются в определенных направлениях от одной семантической сферы к другой» [Скляревская 1993: 80].

Проведенный анализ показал, что артефактная метафора, по сравнению с фитоморфной, обладает большим сигнификативным разнообразием, более широкими номинативными возможностями исходной сферы в объективации изучаемого концепта, а также переносит большее количество содержательных характеристик из сферы-источника в сферу-цель. Она актуализирует в структуре концепта ГОЛОВА признак формы (голова, как и горшок, жбан, котелок, чугунок, имеет округлую форму), признак местоположения (голова, как и крыша, купол, скворечник, чердак, шпиль, находится наверху), признаки устройства и функционального предназначения (голова, как и колодец, предназначена для определенного содержания – *кладезь премудрости*; голова, как и компьютер, благодаря своему сложному устройству и специфическому наполнению, может воспринимать и обрабатывать информацию). Следовательно, с точки зрения репрезентации концепта ГОЛОВА синонимическими средствами, артефактная

метафора характеризуется большей продуктивностью по сравнению с фитоморфной метафорой. В совокупности же проанализированный метафорический синонимический ряд репрезентирует голову как такую часть тела, которая имеет округлую форму, находится наверху и вмещает определенное содержимое.

Поскольку метафора как механизм мышления основана на аналогии, в рамках данного исследования был проведен психолингвистический эксперимент. Испытуемым было предложено закончить фразу «Голова похожа на...» и ответить на вопрос «Почему?», т.е. назвать предмет или явление, на которое, по их мнению, похожа голова, и аргументировать свой ответ. Было опрошено 100 носителей русского языка в возрасте от 18 до 75 лет, из них 50 мужчин и 50 женщин. Наиболее частотными вербальными реакциями, полученными в ходе опроса, стали имена натурфактов, т.е. объектов природного происхождения.

В качестве объектов сравнения респонденты в большинстве случаев использовали плоды и части растений: *арбуз – 18, тыква – 8, кочан (кочан капусты) – 4, репа – 3, лук (луковица) – 2, чеснок – 1, картофелина – 1, брокколи – 1, дыня – 1, шишка – 1, орех – 1, миндаль – 1*, всего – 42. Высокая частотность подобных аналогий объясняется тем, что испытуемые в качестве основания сравнения выбирали наблюдаемый внешне признак формы. Аргументируя свои ответы, они говорили, что голова похожа на выбранный ими объект, т.к. она *круглая, овальная, продолговатая, вытянутая, расширенная сверху*. Однако были и нестандартные аргументы.

Так, например, голова похожа на арбуз потому, что она *твердая, красная внутри и раскалывается с хрустом*, а также потому, что сравнение головы с арбузом – «это устойчивое выражение» (вероятно, имеется в виду известная фраза из мультфильма: *Леопольд – подлый трус, голова как арбуз!*). Сходство головы с тыквой обнаруживается потому, что *в ВК есть такой смайл (ВК – сокращенное название соцсети «ВКонтакте»); тыква, как и голова, не только круглая, но и большая* (актуализируется признак размера), а внутри нее *много семечек, как мыслей в голове* (актуализируется признак наполнения). Кочан капусты близок к голове человека *по весу*. На луковицу голова похожа из-за прически, которую носят люди (*Голова похожа на луковицу, потому что девушки ходят с «пучком»*), на миндаль – из-за цвета волос, а брокколи и ядро грецкого ореха, по мнению респондентов, по внешнему виду напоминают человеческий мозг.

Десять испытуемых ответили, что голова похожа на *яйцо*, три – на *земной шар*, два – на *солнце (ясное солнышко)* и один – на *планету*. Всеми респондентами в качестве общего был отмечен признак формы. Два респондента указали на сходство головы с яйцом и солнцем по цвету (*светлая*). Один испытуемый пояснил, что голова сближается с земным шаром по признаку «рельефа», т.к. она *неровная*. Другой респондент выявил функциональное метафорическое сходство головы с солнцем: *Голова излучает мысли, как солнце лучи* (процесс человеческого мышления при этом метафорически уподобляется процессу излучения света). В итоге более половины полученных в ходе эксперимента реакций (58 из 100) – это слова-ассоциаты, репрезентирующие в первичном значении концептуальные сферы живой и неживой природы.

Артефакты, которым была уподоблена голова в ответах испытуемых, это *мяч (мячик) – 7, воздушный шарик (шарик) – 5, воздушный шар – 1, горшок – 1, глобус – 1, лампочка – 1, керосиновая лампа – 1, колобок – 1*, всего – 18. Здесь респонденты снова отмечали сходство формы и развивали идею метафорического наполнения головы: *Голова похожа на горшок, потому что у кого-то она пустая, а у кого-то полная; Голова похожа на мячик, потому что в ней наполовину воздух*. Одним из испытуемых было установлено не только внешнее, но и функциональное метафорическое сходство головы с лампочкой: *Когда в голове появляется идея, лампочка загорается*. Уподобление головы керосиновой лампе, по мнению самого респондента, имеет культурную коннотацию: *Голова похожа на керосиновую лампу, потому что Есенин так написал* (фраза из стихотворения «Исповедь хулигана»: *Я нарочно иду нечесаным, С головой, как керосиновая лампа, на плечах*). Культурно маркированной также является полученная в ходе эксперимента реакция *Голова похожа на колобок*, отсылающая к другому прецедентному тексту – фольклорному.

В двух случаях ответы респондентов содержали развернутую метафору: *Голова похожа на склад нужной и не очень информации, потому что с возрастом сложнее убирать лишнее; Голова похожа на маленький мир мыслей, потому что голова – это то место, где они рождаются*. В обоих примерах испытуемые определяют голову через ее метафорически овещаемое (*информация*) либо олицетворяемое (*мысли*) содержимое.

Результаты проведенного психолингвистического эксперимента подтверждают взаимодействие концептуальных сфер, эксплицированное

семантикой метафорических синонимов лексемы *голова*, зафиксированных в словаре В.Н. Тришина. При этом, несмотря на большую продуктивность артефактной метафоры, выявленную на первом этапе исследования, более частотными, по данным эксперимента, являются реакции – имена натурфактов, а актуальное направление метафорического переноса *растение* → *человек* расширяется до направления *природа* → *человек* в целом.

Литература

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2010.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993.

Тришин В.Н. Мощь русского языка по данным синонимического словаря-справочника компьютерной оценочной системы ASIS. URL: <https://www.audit-it.ru/articles/soft/a119/597862.html> (дата обращения – 10.10.2018).

*I.V. Milashevskaya (Nizhny Novgorod, Russia)
National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod*

METAPHOR AS A METHOD OF SECONDARY NOMINATION OF THE CONCEPT HEAD

The article reviews the metaphoric nominations of the concept HEAD available in the dictionaries of synonyms of contemporary Russian language and identifies key directions of metaphoric transfer suitable for the verbalization of the concept. The analysis of dictionary material is supplemented with the interpretation of the results of psycholinguistic experiment conducted by the author.

Key words: concept, synonym, metaphor, phytomorphic metaphor, artefactual metaphor.

*А.Г. Минченков (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
alexey.minchenkov@gmail.com*

*А.А. Горелова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
alexandra-gorelova@rambler.ru*

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *DISRESPECT* НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА

В статье на основе анализа текстов художественных произведений англоязычных авторов середины XIX – начала XXI века рассматриваются возможности актуализации концепта *DISRESPECT* на разных грамматических уровнях. Выделяются уровень слова, словосочетания, предложения и текста. Показывается важная роль когнитивного контекста в идентификации указанного концепта.

Ключевые слова: концепт, когнитивный контекст, средства актуализации, грамматический уровень, анализ текста.

Одним из наиболее актуальных направлений исследований в современной когнитивной лингвистике является изучение способов концептуализации мира в языке и отношения единиц мышления и единиц языка. Оперативные содержательные единицы мышления, обозначаемые как концепты [Болдырев 2001: 24], позволяют свести к единому целому многообразие наблюдаемых явлений окружающего нас мира, дают возможность хранить знания о мире и передавать их, будучи объективированными посредством языковых единиц, прежде всего, номинирующих их слов. При этом, как справедливо отмечает М.В. Никитин, «концепты обнаруживают и объективируют себя... как значения выражающих их языковых средств, но не... полностью и без остатка» [Никитин 2003: 174]. Концепт всегда оказывается шире значения номинирующего его слова, способен актуализироваться посредством других слов, а также языковых единиц выше уровня слова. Яркой иллюстрацией этой способности концептов является речевая актуализация концепта *DISRESPECT*.

Изучаемый нами концепт *DISRESPECT* [Минченков, Горелова 2015; 2016] является одним из ключевых в концептосфере английского языка [Минченков, Горелова 2015: 123]. Существует несколько возможностей

исследования концептов в целом и концепта DISRESPECT в частности. Одна из них – это исследование на основе данных лексикографических источников – толковых, тезаурусных словарей и словарей синонимов, в частности, анализа словарных дефиниций слова, номинирующего концепт. Лексикографическое исследование, как было показано [Минченков, Горелова 2015], позволяет определить структуру концепта, когнитивные области, в которые он входит, а также выделить возможные средства языковой актуализации концепта на уровне слова путем анализа лексических единиц, приводимых словарями как синонимы слова *disrespect*. При этом, как было убедительно показано, в частности, в диссертации А.З. Хусаеновой [Хусаенова 2009], только лексикографическое исследование средств актуализации концепта неизбежно оказывается недостаточным.

Большие возможности в плане выявления языковых средств, способных актуализировать концепт, дает анализ текстов. Исследование средств репрезентации концепта в тексте позволяет, опираясь на когнитивный контекст, понимаемый нами, вслед за Н.Н. Болдыревым, как структуры знаний, отражающие весь познавательный опыт человека [Болдырев 2014: 119], не только расширить набор лексических единиц, в структуру значения которых входит концепт DISRESPECT, но и выделить единицы, актуализирующие последний исключительно в контексте, средства актуализации уровня словосочетания, а также многочисленные случаи актуализации интересующего нас концепта на уровне предложения или текста.

Исследование средств репрезентации концепта DISRESPECT проводилось на материале художественных произведений в два этапа: сначала исследовались тексты произведений, написанные с середины XIX до первой половины XX века, а затем тексты, написанные во второй половине XX и начале XXI века. Результаты первого этапа исследования были частично отражены в опубликованной нами статье [Минченков, Горелова 2016]. Проведение второго этапа анализа окончательно подтвердило то, что было отмечено еще в ходе первого этапа: интересующий нас концепт актуализируется не только на уровне слова, но и на более высоких, грамматических уровнях.

На уровне слова средства актуализации в тексте классифицировались по частеречной принадлежности, и, в частности, в текстах второй половины XX и начала XXI века было выделено 46 % существительных, 23 % прилагательных и причастий в функции определения, 22 % глаголов и 9 % наречий. Интересно отметить, что количество глаголов, актуализирую-

щих DISRESPECT, в текстах второй половины XX и начала XXI века возросло по сравнению с текстами XIX века и почти сравнялось с числом прилагательных.

Среди словосочетаний, актуализирующих DISRESPECT всем своим составом, были выделены как свободные, так и устойчивые. К свободным были отнесены, например, сочетания глагола *to be* с прилагательными, такими как *rude*, *contemptuous*, *haughty*, *cheeky*, сочетания глагола с глаголом или существительного с существительным типа *loathe and despise* и *nerve and cheek*, где две лексические единицы одной части речи усиливают друг друга, и сочетания прилагательного с существительным типа *sneering condescension*. Среди устойчивых словосочетаний можно отметить, в частности, *hold no brief for*, *call somebody names*, *take someone down a peg or two*, *to queen it over somebody*.

Большой интерес представляют примеры актуализации концепта DISRESPECT на уровне предложения или текста, когда для идентификации концепта необходим широкий вербальный контекст (единицы уровня предложения и выше) и анализ когнитивного контекста. При этом составляющие предложение лексические единицы по отдельности или отдельные составляющие текст предложения вне контекста обычно не актуализируют концепт DISRESPECT. Так, например, входящее в предложение ...*the county in London has to take so many precautions not to seem provincial* (W.S. Maugham, "The Merry-Go-Round") слово *county* и многие другие слова вне контекста, как правило, не актуализируют интересующий нас концепт, а слово *provincial* актуализирует его не во всех контекстах. Для актуализации концепта DISRESPECT в данном случае необходим анализ всего предложения, а также привлечение знаний о героях романа, их социальном статусе и взглядах, о типичных моделях поведения выходцев из провинции по отношению к столичным жителям и о том, как последние могут воспринимать такое поведение. Схожим образом, само по себе предложение *Where'd you learn how to iron, anyway?* (D. Tartt. *The Secret History*) не актуализирует концепт DISRESPECT. Понять, что герой этой фразой проявляет крайнее неуважение по отношению к своей собеседнице, можно лишь на основе знаний всего предыдущего текста, а также знаний принятых в обществе норм поведения в описываемой ситуации. В совокупности примеры актуализации концепта DISRESPECT на уровне предложения или текста более многочисленны в текстах второй половины XX и начала XXI века, где составляют 27 % от общего числа собранных примеров.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: ТГУ, 2001.

Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. Челябинск, 2014. С. 118-122.

Минченков А.Г., Горелова А.А. Концепт DISRESPECT и возможности его изучения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2015. № 2. С. 122-129.

Минченков А.Г., Горелова А.А. Возможности репрезентации концепта DISRESPECT в англоязычном тексте // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 4 (36). С. 58-65.

Никитин М.В. Основания когнитивной семантики. СПб: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.

Хусаенова А.З. Когнитивно-лингвистическое исследование кластерного концепта PRIVACY: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

A.G. Minchenkov (Saint Petersburg, Russia)

Saint Petersburg State University

A.A. Gorelova (Saint Petersburg, Russia)

Saint Petersburg State University

VERBAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT 'DISRESPECT' AT DIFFERENT LEVELS

Based on the analysis of fictional texts by mid-XIX – early XXI century English-speaking authors, the article discusses the possibilities of representing the concept DISRESPECT at various grammatical levels, including the level of a word, phrase, sentence and text. The article demonstrates the important role of the cognitive context in identifying the said concept.

Key words: concept, cognitive context, means of representation, grammatical levels, text analysis.

*Д.М. Миронова (Курск, Россия)
Юго-Западный государственный университет
midiana1511@yandex.ru*

ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ: ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СИСТЕМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В настоящей статье представлены результаты исследования перцептивно-образных форматов знания о системе в сознании носителей русского языка. На основе концептуального анализа и экспериментальных методов выделяются конкретные образы и представления, служащие кодированию понятийных признаков и слоев концепта СИСТЕМА в единицах универсального предметного кода.

Ключевые слова: концепт, образный формат знания, перцептивный образ, представление, система.

Принципиальное участие чувственного опыта в мыслительных процессах неоднократно отмечалось исследователями. В силу своей фундаментальной значимости образный код соотносим не только с концептами-репрезентантами материального мира. Фиксируя познаваемое в чувственно воспринимаемой форме, особенную роль он играет при постижении абстрактных фрагментов опыта, обеспечивая их закрепление в единицах универсального предметного кода (УПК) сознания. «Человек оперирует образами, которые несут... “прикрепленные” к ним рациональные знания» [Попова 2010: 40]. Наше исследование посвящено выявлению и анализу перцептивно-образных форматов знания о системности, одном из всеобъемлющих свойств реального мира, как оно репрезентируется в русской языковой картине мира.

В силу мыслительно-языкового единства семантика репрезентантов соответствующего концепта несет в себе следы визуальных, слуховых и тактильных сенсорных процессов, которые имели место при восприятии и обработке информации о проявлениях системности. При этом если на этапе обыденной когнитивной деятельности формат образного знания отражает исходные перцептивные впечатления сенсорного опыта (эмпирическая ступень концептуализации), то специально-научная рефлексия использует профессионально маркированный УПК как вторичное,

дополняющее средство «овеществления» абстрактного феномена, обеспечивающее наглядность при освоении понятия о системе на этапе базовой концептуализации системности.

В качестве основных методов выявления образного знания о системе на языковом материале использовались концептуально-дефиниционный анализ, выявляющий устойчивые инвариантные образные компоненты, а также экспериментальные методы свободного (цепочечного) ассоциативного эксперимента и когнитивной графики, открывающие доступ к психологической реальности многосторонних связей концепта СИСТЕМА в ассоциативно-вербальной сети.

Результаты концептуально-дефиниционного анализа номинаций концепта СИСТЕМА показали, что сигнификативно существенные образные *представления* о системности как в наивной, так и научной картинах мира манифестируют, прежде всего, структурный параметр системы, в тех или иных проявлениях доступный зрительному восприятию. Ср., к примеру, дифференцирующие семы прямых номинаций концепта [Попова 2010: 69], такие как 1. // ‘Определенный порядок, основанный на планомерном расположении... чего-л.’ [МАС: 99]; ‘конфигурация неких элементов...» [Теория систем], ‘...структурно упорядоченное... множество элементов» [Борзенко 2003] (*система*); ‘1. Состав и взаимное расположение частей какого-н. построения, сооружения, механизма...’ [СОШ: 291]; ‘1. Устройство, взаимное расположение частей, состав к.-л. строения, механизма и т. п.’ [СЭС: 621] (*конструкция*). Во-вторых, инвариантный для русского языкового сообщества образный формат системности, объективированный интегральной семой, связан с представлением о целостном множестве материальных объектов, что также имеет источником эмпирическое освоение пространства: ‘Совокупность элементов, объединенных по общему признаку; ...группировка’ [МАС: 99]; ‘...комплекс избирательно вовлеченных компонентов...» [Анохин] (*система*); ‘1. Несколько предметов или людей, животных, расположенных близко друг от друга...’ [СОШ: 147] (*группа*).

В свою очередь, образные представления, стоящие за словом «системщик¹» – ‘Системный программист’ [ТСРЯ: 588], формируются на основе актуального в наше время прототипического образа работника с компьютерной операционной системой.

Анализ результатов экспериментальной ступени исследования, в ходе которой было получено ~ 3874 реакции, позволил существенно допол-

нить, расширить картину перцептивно-образной репрезентации системности. В силу разнообразия личного опыта информантов она оказалась более вариативной, что особенно характерно для энциклопедического уровня концептуализации системных объектов.

Наибольшую репрезентативность и, следовательно, когнитивную яркость продемонстрировал визуальный образный компонент (~ 17 % на стимул «система» и ~ 31,3 % на стимул «системный»), что отвечает главенствующей роли зрительного канала восприятия информации в жизни большинства людей. Визуальный образный код своим источником имеет несколько онтологических сфер бытовой/профессиональной деятельности, выделенных на основе наиболее рельефных тематических зон поля. Соответствующие концептуальные признаки зафиксированы в ассоциатах более чем 5 % опрошенных и, следовательно, входят в ядро концепта [Черкасова]. В числе этих зон «Компьютерные технологии» (~ 41 % ассоциативного образа: *блок 181, администратор 165, компьютер 40, процессор 7, программист 10, материнская плата 2, мышь, принтер, системник, хакер 1 и нек. другие*), «Техносфера», исключая компьютерные устройства (~ 11 %: *устройство (= аппарат) 9, техника 7, сеть 6, пульт («управления») 5, машина 4, кабель 2, водопровод, болт, датчики, пылесос, разъем, шестеренка 1*); «Наука и образование» (~ 9 % ассоциативного образа: *координат 14, матрица 6, график, школа 3, цифры 2, институт, интеграл, скобка, ось, расписание, цифры, ученый 1 и т. д.*); «Медицина» (~ 4 %: *капельница 14, больница, врач 3, кровь 2, впрыскивания, постель 1*); «Государство» (~ 3 % образных реакций: *Путин 5, Сталин 2, Медведев, царь 1*). Неоднократное упоминание капельницы указывает на существование психологически реального значения 'система внутривенного вливания', не отмеченного толковыми словарями.

В отличие от визуальных тактильные (~ 0,5 %) и слуховые (~ 0,01 %) характеристики нашли выражение в единичных реакциях, относящихся к тематическим областям «Медицина» (*боль 2, укол 1*) и «Хореографическое творчество» (*курача 1*).

Указанные тематические зоны и относящиеся к ним образы (в случае конкретизации объектов) и представления охватывают 9 из 13 фрагментов концептуального содержания (слоев концепта СИСТЕМА), лежащих в основе значений ключевого номинанта концепта – слова «система». Наиболее развитым «сенсорным ореолом» характеризуются техносфера и область компьютерных технологий.

Присутствие той или иной реакции в ответах не специалиста и одновременно – в толковом словаре послужило главными критериями, выявляющими обыденный уровень ассоциативной стратегии [Ефимова 2015: 6, 14]. В число профессионально маркированных репрезентантов образной составляющей концепта СИСТЕМА вошли вербализации чувственных образов и схем, полученные в эксперименте от специалистов в соответствующей области и не представленные в толковых словарях, в данном, узкоспециальном, значении. Доля таких реакций оказалась мала (~ 3 и ~ 2,5 % по обоим полям) и объединила себе, в частности, следующие реакции: *большой, большая, вертикаль, горизонталь, корневая, осей, ось, уровни, уровней, этажи 1* (АП «система»); *большой, вертикальный, уровень 4, узел 2, взрыв 1* (АП «системный»).

Были выявлены обширные группы ассоциаций, соотносительных с инвариантными образными представлениями системности на уровне индивидуального сознания, такие как *группа, элементы 4, объединение, стадо, ячейка 2, звено, компоненты, конгломерация, ломаный, собрание, толпа, элементов 1* (КП ‘множество’ – ~ 9 % и ~ 2,5 % всех образных реакций в 2-х экспериментах); *схемы цепь 5, круг 4, квадрат, паутина, пирамида, ряд 3, лабиринт, решетка 2, дерево* («родословная»), *очередь, разветвленный, сетка, симметричный, сплетение, цепочка 1* (КП ‘наличие структуры’ – ~ 7,6 и ~ 2,7 % реакций).

Ассоциативный материал демонстрирует весьма интересные результаты «народной объективации» системности с опорой на проявления порядка в мире природы (ср. чувственные образы *паутина, муравейник, термитник, улей, радуга*), искусства (*архитектурные элементы, икебана, музыкальный строй*) и ежедневного обихода (*тапочки, очки, стол, ложек, книг*), в области организованной деятельности (*клан, команда, цех*). Среди прототипических схем геометрии пространства (~ 5 % в АП «система») в наивной картине мира доминируют линейная, решетчатая и иерархическая упорядоченность (*очередь, ряд, строй, ступени, цепь; решетка, сетка; пирамида; кирпич на кирпиче*). Примечательно, что геометрический ассоциативный «контур» имени «система» эксплицируется и в ходе творческой разработки одноименного концепта. Так, например, в поликодовом кинотексте новогодней теленовеллы «Елки» сюжетная идея о системности мироздания выражена с участием визуальных образов *елки, созвездий, структуры линий на географической карте*.

В дополнение к названным подходам мы использовали метод когнитивной графики (ассоциативно-графический метод), выделенный Л.О. Чернейко при изучении представлений, служащих средством объективизации абстрактной сущности в человеческом сознании [Чернейко 2010: 224-234]. По мнению исследователя, эта «внутренняя графика» включает, «когда мышление спотыкается на труднодоступном умопостигаемом», испытывая необходимость «прояснить формы, конфигурации, взаимное расположение становящихся наглядными предметов ментального пространства» [Чернейко 2010: 227].

Респондентам было предложено воспроизвести на бумаге первый пришедший в голову образ, возникающий как ответ на восприятие стимульного слова «система». К настоящему времени участниками эксперимента стали студенты 1-3 курсов естественно-научных и медицинских специальностей в количестве 50 человек. По итогам проведенного эксперимента наиболее яркие геометрические представления системы в сознании носителей русского языка связаны с ее конструктивным параметром и соответствующим концептуальным признаком. При этом ~ 36 % рисунков схематично манифестируют иерархическую структуру (власти, блок-схемы, биологической систематики, карьерной лестницы, согласно комментариям информантов). Представления линейной упорядоченности в эксперименте составили ~ 9 % рисунков; по ~ 4 % охватывают изображения структуры-паутины, циклической либо концентрической структур. Приблизительно 14 % каждой группы отсылают к значению ‘система внутривенного вливания’, к мыслительным репрезентациям технических/компьютерных устройств, а также системы координат с графиком или без него.

Анализ вербальных номинаций системности в интересующем нас ракурсе дал возможность обобщить концептуально-образные признаки в полевой модели, считая ядерными представления/образы структурных свойств системы, технических системных устройств, реалий компьютерных технологий. К ближней периферии, опираясь на количественный показатель, правомерно отнести перцептивные репрезентации известных политиков, представления наглядных реалий из области науки и социально-политической жизни. Остальные характеристики, по-видимому, формируют дальнюю периферийную зону образного содержания концепта СИСТЕМА.

Литература

Анохин П.К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. URL: <http://www.galactic.org.ua/Prostranstv/anoxin-7-1.htm>.

Борзенко И.М. Наука глазами системолога. URL: <http://www.humanism.ru/sistemolog.htm>.

Ефимова М.В. Психолингвистические особенности функционирования термина в индивидуальном сознании: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015.

Попова З.Д. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010.

Теория систем // Свободная русская энциклопедия «Традиция». URL: <http://traditio.wiki/Теория систем>.

Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей. URL: http://it-claim.ru/Library/Articles/publications_Cherkasova_Galina.

Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

МАС – Словарь русского языка. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.

СОШ – Толковый словарь русского языка. М.: ООО «ИТИ Технологии», 2003.

ЭСС – Советский энциклопедический словарь. М.: Советская Энциклопедия, 1984.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

D.M. Mironova (Kursk, Russia)
midiana1511@yandex.ru

FROM ABSTRACT TO CONCRETE: RESEARCH ON THE IMAGE CONCEPTUALIZATION OF SYSTEM IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

This article presents the results of a study which explores perceptual-figurative formats of knowledge about the system in the consciousness of Russian speakers. On the basis of a conceptual analysis and experimental methods this paper highlights specific figurative patterns and representations that serve to encode the conceptual characteristics and strata of the concept SYSTEM in universal subject code units.

Key words: concept, figurative format of knowledge, figurative pattern, representation, system.

Ж.В. Никонова (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
nikonova@lunn.ru

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИЛЛОКУЦИИ

Предметом рассмотрения выступают процессы концептуализации и категоризации иллокуции речевого акта. Особое внимание уделяется активной роли говорящего как познающего и деятельного субъекта, которая проявляется в формировании иллокутивного значения речевого акта и выборе языковых форм для его вербальной репрезентации. Раскрывается интерпретирующая функция языка, реализующая познавательные и коммуникативные интенции говорящего в процессе формирования и актуализации иллокутивной семантики речевого акта.

Ключевые слова: концептуализация, категоризация, иллокуция, иллокутивная семантика, речевой акт.

Современный этап исследований языка, ориентированный на его изучение в процессе реализации, акцентирует внимание на рассмотрении речевого произведения во всей совокупности его вербальных и невербальных компонентов как результата акта коммуникативной деятельности человека.

В рамках деятельностного подхода формирование поверхностной структуры речевого акта и выбор говорящим языковых средств рассматриваются лингвистами сквозь призму внешних и внутренних условий акта коммуникации, основным из которых является активная деятельность говорящего как познающего и деятельного субъекта. При этом постулируется, что способ вербального воплощения речевого акта определяется его иллокуцией (Т. Баллмер, В. Бреннштуль, Т. ван Дейк, Д. Вандервекен, А. Вежбицкая, З. Вендлер, Ф. Кифер, В. Мотч, Дж. Остин, Дж. Серль, Ю.Д. Апресян, В.В. Богданов, И.М. Кобозева, Г.Г. Почепцов и мн. др.).

Тем самым иллокутивная функция, рассматриваемая лингвистами в числе наиболее часто упоминаемых функций языка [Демьянков 2000], реализует на вербальном уровне познавательные и коммуникативные интенции субъекта акта коммуникации. Представляется, что в этом отношении она наиболее тесно связана с интерпретирующей функцией.

Как отмечает Н.Н. Болдырев, активная роль человека в познавательных процессах, которые осуществляются на основе и с помощью языка, проявляется в формировании языковых значений и смыслов и в выборе языковых форм, что подразумевает существенное влияние языковых единиц и категорий на процессы концептуализации и категоризации. Более того, язык выступает как один из важнейших факторов познания, его интерпретирующий фактор, реализующий познавательные интенции человека. Именно человек выбирает объект концептуализации и категоризации и средство его языковой репрезентации, каждый раз заново строит высказывание и формирует его содержание на основе собственных знаний о мире и языке, а не воспроизводит высказывания по готовым моделям [Болдырев 2017: 19-20].

Результаты исследования когнитивных оснований иллокуции показывают, что процесс субъективно-индивидуальной концептуализации, протекающий в сознании говорящего при формировании и вербальной репрезентации речевого акта, представляет интеграцию двух разных видов его когнитивной деятельности.

С одной стороны, говорящий осмысляет сложившуюся коммуникативную ситуацию, задействуя ментальные пространства прошлого и будущего, реальных и гипотетических ситуаций, а также абстрактных категорий, имеющих чисто когнитивный статус и не существующих вне мышления. Данные ментальные пространства структурируются посредством различных образно-схематических, пропозициональных метафорических, метонимических, символических когнитивных моделей [Болдырев 2000]. Интегративный характер интерпретативно-оценочной конфигурации знаний связан при этом с несколькими когнитивными задачами, в числе которых: «1) установка цели интерпретации либо оценки определенного фрагмента концептуализации, 2) выбор грамматических моделей конфигурации знаний о нем и затем 3) конкретное смысловое наполнение данных моделей в рамках конкретного речемыслительного акта. В результате язык как заданная статичная система единиц, категорий и моделей превращается в систему действующую, функциональную, обуславливаю-

щую возможность концептуализации единого объективного мира разными способами» [Болдырев, Магировская 2009: 14].

С другой стороны, он определяет свою роль в текущей ситуации и идентифицирует себя субъектом речевого акта, осознанно или неосознанно принимая право и ответственность за реализацию данной коммуникативной роли, а также решение о выборе языковых форм и способе вербальной репрезентации речевого акта. Формирование плана содержания и плана выражения речевого акта осуществляется говорящим в зависимости от его фоновых знаний и компонентов речевой ситуации, выделенных им в качестве релевантных. Однако для того, чтобы речевой акт действительно состоялся, необходимо главное условие – активная деятельность субъекта акта коммуникации, направленная на изменение самой ситуации посредством речевого действия, имеющего заданную им иллокутивную силу.

Здесь обращает на себя внимание факт «двойного» решения говорящего как деятельного субъекта – решение об осуществлении речевого акта и решение о выборе вида и типа его иллокутивной силы, являющееся определяющим для последующего выбора способа и средств вербального воплощения речевого акта.

Представляется, что деятельная роль субъекта коммуникации в преобразовании действительности посредством речевого акта, обладающего заданной им иллокутивной силой, выходит за рамки и дополняет его роль как субъекта познания. Когнитивные действия говорящего предполагают при этом осознанную или неосознанную интерпретацию им «входящих» условий коммуникативной ситуации, которая «на выходе» должна перерасти в речевую ситуацию с последующим вербальным оформлением речевого акта. Дейктиками данных мыслительных действий выступают компоненты коммуникативной ситуации, выделенные говорящим как релевантные для последующего выбора языковых средств, а также сам речевой акт в целом как вербальное выражение решения субъекта речевого акта о его осуществлении.

Интерпретирующий потенциал иллокуции связан, таким образом, не только с интерпретирующей функцией языка, включающей «особую, помимо хранения и передачи информации, функцию интерпретации мира и знаний о мире» [Болдырев 2017: 20], но и с интерпретацией говорящим текущей коммуникативной ситуации.

Интерпретирующая деятельность сознания говорящего определяется при этом его коммуникативным опытом, или иллокутивным знанием

(В.З. Демьянков, А.А. Романов и др.). Процесс интерпретирующей деятельности сознания говорящего с опорой на его иллокутивные знания лежит в основе всей коммуникативной деятельности человека, вынуждая его каждый раз либо взять на себя роль субъекта речевого акта, либо отказаться от нее, оставляя определенные интенции и мысли в конкретной коммуникативной ситуации нереализованными.

Подобное представление о когнитивной деятельности говорящего при формировании и вербальной репрезентации акта коммуникации расширяет имеющиеся в лингвистической прагматике и когнитивной лингвистике знания о дейктическом центре речевого акта («ориго»), лежащем в основе каждой из его дейктических категорий.

Современные модели включают в дейктический центр, «ориго» речевого акта такие компоненты, как «иллокутивный акт», «эмитент/субъект речевого акта», «реципиент/объект речевого акта», «время речевого акта», «место речевого акта», «пропозициональное содержание / предмет речевого акта» (см. подробнее [Никонова 2016]).

В свете вышеизложенного компонент «иллокутивный акт» представляется полиаспектным, содержащим смысловые компоненты, которые репрезентируют результаты когнитивной деятельности говорящего не только по отношению к детерминации иллокутивной силы вербализуемого речевого акта, но и по факту его осуществления.

Таким образом, иллокутивная составляющая концептуального пространства речевого акта выступает не просто совокупностью компонентов смысла, находящихся вербальное воплощение в акте коммуникации, а интегративным целым в ментальном пространстве говорящего как результат когнитивной деятельности говорящего на пересечении координат внешней и внутренней структуры речевого акта.

Внутрикатегориальное объединение элементов иллокутивной составляющей речевого акта формирует когнитивную основу иллокутивного дейксиса, выполняющего функцию репрезентации акта деятельности говорящего посредством языка.

Выявление и описание средств иллокутивного дейксиса в поверхностной и глубинной структурах речевого акта является основанием для установления концептуальных связей между объектами разных категорий, попадающих в фокус интерпретирующей деятельности говорящего, обеспечивающим осмысление им объектов и событий и использование средств языка при формировании и совершении конкретного речевого акта.

Когнитивное основание иллокутивного дейксиса конкретного речевого акта включает когнитивные ориентиры осмысления говорящим своей роли как субъекта речевого акта и совокупность признаков иллокутивного знания, определяющих концептуальное содержание речевого акта и внутрикатегориальную организацию элементов его иллокутивной составляющей. Это становится возможным прежде всего благодаря интерпретирующему потенциалу иллокуции.

Литература

Болдырев Н.Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц // Проблемы современной филологии: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Мичуринск: МГПИ, 2000. С. 36-45.

Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. Вып. II. С. 7-16.

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография / Л.В. Бабина [и др.]; науч. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19-81.

Никонова Ж.В. Когнитивные основы иллокутивного дейксиса: на материале современного немецкого языка: дисс. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2016.

Zh.V. Nikonova (Nizhny Novgorod, Russia)
Linguistics University of Nizhny Novgorod

INTERPRETATIVE POTENTIAL OF ILLOCUTION

In the report are covered processes of speech act illocution categorization. Special attention is paid to an active role of the speaker as the learning and active subject which is shown in illocutionary meaning creation and the choice of language forms for its verbal representation. As well the interpreting function of language realizing informative and communicative intentions of the speaker by formation and verbalisation of illocutionary semantics of the speech act is shown.

Key words: conceptualisation, categorisation, illocution, illocutionary semantics, speech act.

*А.А. Пахомова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
melanncholic@gmail.com*

АСПЕКТЫ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВА В АВТОРСКОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ «АВТОБИОГРАФИИ» ЭНДРЮ УАЙЕТА)

Статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов эгоцентрического восприятия пространства творческой языковой личностью. Анализ таких особенностей, как взаимодействие «я» с пространством и экстраполирование «человеческих структур» на среду и предметы, позволяет заключить, что многие черты авторского художественного стиля являются когнитивно обусловленными.

Ключевые слова: эгоцентрическая категоризация пространства, антропоцентричность языка, искусствоведческий дискурс, авторский искусствоведческий текст, профессиональная языковая личность.

Эгоцентрическая категоризация окружающего пространства, наряду с селективной перцепцией, классификацией и интерпретацией – одна из важнейших когнитивных способностей человека, связанных с восприятием окружающего мира. Она находит отражение в первую очередь в языке, но в равной мере может получить воплощение и в языке с принципиально иным кодом – языке изобразительного искусства. При рассмотрении авторских искусствоведческих текстов – составленных самими художниками и посвященных интерпретации их собственных произведений [Елина 2002: 7], появляется возможность сопоставить модели пространства, созданные сознанием художника одновременно как автора текста и автора картин, которые посвящены одним и тем же пространственным реалиям. Анализ поликодового авторского искусствоведческого текста позволяет заключить, что многие уникальные особенности стиля художника оказываются напрямую обусловленными когнитивными про-

цессами, связанными с эгоцентричностью языка и мышления художника как творческой языковой личности.

К такого рода авторским текстам относится «Автобиография» американского художника Эндрю Уайета, который всю жизнь жил и работал только в двух городах – Чаддс Форде, Пенсильвания, и Кашинге, Мэйн. Это было принципиальной позицией художника, который ощущал большое единение со «своими местами» и посвятил два обширных портретных цикла семьям, так же крепко привязанным к своим домам. Мифологема семейного дома или родного места глубоко укоренена в американской культуре (например, в произведениях У. Фолкнера и других представителей «южной американской готики»). Однако разработка этой темы у Эндрю Уайета в первую очередь определяется его собственными особенностями когнитивного восприятия действительности и ее творческой интерпретации.

Н.Н. Болдырев указывает, что, с точки зрения гуманитарных наук, такие концепты, как время и пространство, являются в первую очередь инструментами познания [Болдырев 2018: 27]. Известно, что человек в процессе говорения каждый раз воссоздает пространство и предметы «из ничего» [Безукладова 2016: 14], а окружающий мир воспринимает как образ, сложившийся в своем воображении. Таким образом складывается, как пишет Е.Г. Хомякова [Хомякова 2005: 187], «бесконечный процесс взаимопоглощения индивидуума и пространства», а значит, осознание творческого единения с некой точкой пространства и его интерпретация в произведениях искусства когнитивно обусловлены.

Один из аспектов эгоцентрического интерпретирующего взаимодействия с пространством – это осмысление места своего «я» в его координатах, то есть установление концептуального расстояния между «я» как точкой отсчета и миром. Этот процесс непосредственно влияет на выбор языковых средств категоризации пространства. На примерах из авторского текста Эндрю Уайета можно заметить, какое большое значение придается глаголам, которые денотируют характер передвижения «я» в пространстве или передвижения объектов внимания художника. В этой группе лексических средств сочетаются два противоположных по семантическому наполнению концепта: первый, концепт «воспарения» над землей, не-бытия, исчезновения напрямую выражает авторскую позицию художника на предмет своего «самоустранения» из текста картины:

I'm almost suspended, looking down <...> I never stand in one spot when I paint a landscape. I float. I move [Wyeth 1995: 20]

I was taken by the shape and idea of those leaves suspended, floating in the stream. I was intrigued by the concept of leaves floating and disappearing – exciting and melancholy at the same time. [Wyeth 1995: 50]

They [the mills] have simply blown away, and those in Maine, they were almost purposefully ephemeral [Wyeth 1995: 74]

The wagons were all swept away in a flood down the river to Wilmington. Nothing lasts. Shouldn't. [Wyeth 1995: 63].

Вторая группа глаголов описывает, напротив, столь же принципиальное для художника прочное сцепление с землей, пристальное наблюдение за ней, физическое преодоление расстояния ради некоего творческого постижения. Важную роль для этих высказываний играют обстоятельства места – топонимы *Chadds Ford, Wilmington, Maine* и лингвокультура-ма *hill*, исключительно доминирующая в тексте как аккумулятор символических смыслов:

I came over the hill one day and saw that shadow [Wyeth 1995: 62]

I've walked that hill a hundred, a thousand times, even since I was a child, so it was deathless as far as I was concerned. [Wyeth 1995: 37]

Движение по холмам так же делегируется неодушевленным объектам наблюдения: они столь же прочно связаны с землей, как и сам художник, словно оказываясь с ним в одной пространственной координате:

To think that these very wagons rolled over those rugged hills of Chadds Ford! [Wyeth 1995: 63]

I wanted the feeling of the power of that stream that surges overhill around a valley. This is based on many, many walks all my life long. [Wyeth 1995: 150]

Иногда акт наблюдения подразумевает даже непосредственный контакт с землей, стремительно сокращая умозрительное расстояние между «я» говорящего и средой:

I like to be in a scene I'm painting – sitting on a snowbank, lying in a marsh [Wyeth 1995: 52]

I painted this one lying on my side resting on a trailing yew during a strong northeast gale [Wyeth 1995: 152]

Можно заметить, что в первой группе примеров художник употребляет одни и те же глаголы – *float, suspend* для характеристики и собственных действий, и движения неодушевленных объектов. Этот второй аспект эгоцентрической категоризации пространства также объясняется антропоцентризмом языка. Так, по мнению В.Н. Топорова, «человеческие» структуры и схемы экстраполируются на среду, которая описывается на язы-

ке антропоцентрических понятий [Безукладова 2016: 55]. Иными словами, мир художника становится равен самому художнику, воспринимается им по образу и подобию самого себя и экстраполируется на персонажей его картин. Неодушевленные объекты и люди представляются как взаимозначающие (хижина может напоминать о человеке, а тот же самый человек – о чулке с подарками, и т. д.):

I found an enormous charge of energy in that strange shack <...> It was long, elongated, like Tom Clark [Wyeth 1995: 58]

Tom Clark was like the [Christmas] stocking and the thing in the stocking [Wyeth 1995: 60]

The scene reminded me of my daughter-in-law Phyllis on her crutches. The bell seemed to me to be her wearing a characteristic big hat. [Wyeth 1995: 71]

В мире художника, построенном по образцу человека, проекция человеческих качеств на неодушевленные предметы обуславливает их выраженный антропоморфизм. Для сознания художника граница стирается до такой степени, что с этих объектов и явлений возможно написать портрет:

I looked upon the two ears [of corn] almost as portraits [Wyeth 1995: 27]

Portrait of a stove with the shining silver-plated mechanisms [Wyeth 1995: 96]

Brown Swiss [a landscape] was like doing a person's face – so complex! It's like a double portrait <...> a double portrait of not only the Kuerner house, but everything that is going on in that house. [Wyeth 1995: 46]

I conceived this as a portrait of the whole Olson environment <...> suddenly the contents of that room seemed to express these two people [Wyeth 1995: 78]

Следующий этап погружения предметного мира и пространственных реалий в антропоцентрическую модель художественного восприятия – это наделение их собственной волей. Нередко в таких случаях говорящее «я» художника даже выступает в роли объекта в пассивном залоге, а не субъектным центром чувственного мира:

When I saw it again, I was struck by its abstract shape [Wyeth 1995: 29]

I was moved by those cardlike whitewashed walls <...> And I was taken by the sounds [Wyeth 1995: 34]

I was fascinated by the motion of those cloud shadows on that hill [Wyeth 1995: 37]

I felt almost magnetized by that bedpost [Wyeth 1995: 44]

I was intrigued by the concept of leaves floating and disappearing [Wyeth 1995: 50]

I was entranced by those seagulls walking around [Wyeth 1995: 66]

I was carried away by the very lack of color [Wyeth 1995: 133]

Можно заметить, как широк эмоциональный диапазон семантики глаголов, которые художник выбирает для описания своих ощущений от воздействия на него окружающей среды, которая конструируется его сознанием и воплощается в тексте. В большинстве подобных конструкций, разворачивающихся по условной формуле “I was V3/-ed by that/those ...”, неизменно присутствуют указательные местоимения, маркирующие умозрительное расстояние, которое разделяет воспринимающее «я» художника и описываемый объект. Тот факт, что местоимения *that* и *those* употребляются чаще, чем *this* и *these*, подчеркивает эту дистанцию, разделяя пространственные планы в сознании художника на базовые категории «свое» и «чужое». Это полностью соответствует одному из программных положений творческой системы Эндрю Уайета – подчеркнутому интересу к «чужому», или чуждому, опасному, не сразу доступному для наблюдения.

Таким образом, исследование особенностей эгоцентрической категоризации пространства и взаимодействия с ним на материале авторского текста и с помощью лингво-когнитивных методов позволяет найти множество подтверждений тому, что формирование профессиональных ценностей художника напрямую связано с когнитивными процессами, что находит яркое отражение в выборе языковых средств.

Литература

Безукладова И.Ю. Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке: дисс. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2016

Болдырев Н.Н. Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 26-35.

Елина Е.А. Вербальные интерпретации произведений изобразительного искусства. Саратов: СГСЭУ, 2002.

Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности. СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005.

Wyeth A. *Autobiography.* Introduction by Thomas Hoving. With commentaries by Andrew Wyeth as told to Thomas Hoving. Boston, NY: Little, Brown and Co, 1995.

*A.A. Pakhomova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

ASPECTS OF THE EGOCENTRIC SPACIAL MODEL IN THE AUTHORIAL ART HISTORY TEXT (BASED ON ANDREW WYETH'S "AUTOBIOGRAPHY")

The article explores several aspects of the egocentric perception of space by the linguistic personality of an artist. The analysis of such characteristics as the interaction between the self and the space and the extrapolation of the anthropological qualities on to the environment and its objects helps conclude that many unique traits of the artist's style are deeply rooted in the cognitive system.

Key words: egocentric categorization of space, the anthropocentricity of language, Art History discourse, authorial Art History text, professional linguistic personality.

*Е.Р. Переслегина (Нижний Новгород, Россия)
Сюй Лили (Нижний Новгород, Россия)*

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
peresl@mail.ru, lilisyuy@qq.com*

СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА ПАТРИОТИЗМ, ОБЪЕКТИВИРОВАННОЕ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье анализируется объективированное с помощью языковых и речевых средств содержание концепта ПАТРИОТИЗМ на материале русских и китайских отраслевых словарей. Определен массив когнитивных признаков концепта ПАТРИОТИЗМ, выявляются совпадающие и национально специфические компоненты смысла.

Ключевые слова: концепт, когнитивный признак, лексема, содержание концепта, языковая объективация.

Россия и Китай как две соседствующие друг с другом державы играют важную роль в мировом сообществе. Несмотря на очевидные

исторические и культурные отличия, актуальным для обеих стран на современном этапе является укрепление национальной идеи, базовой социально-политической и морально-этической категорией которой стал патриотизм.

Язык – эффективное средство выражения концептов, поэтому предметом данного исследования стала языковая и речевая репрезентация концепта ПАТРИОТИЗМ. В качестве эмпирической базы исследования были использованы материалы этимологических и толковых словарей, а также словарей синонимов и антонимов русского и китайского языков (для анализа языковой объективации изучаемого концепта) и статьи отраслевых словарей – философских, политических, педагогических и т. д. (для анализа его речевой объективации).

И в русском, и в китайском языках слово *патриотизм* известно с XIX века как заимствованное из французского и японского соответственно.

Концепт ПАТРИОТИЗМ объективируется прежде всего через лексическое значение соответствующего слова. Словарное толкование дает возможность «вплотную увидеть характер обозначенного словом концепта, выявить когнитивную семантику лексемы» [Бабушкин 1996: 42]. Именно языковые значения, закрепленные в толковых словарях, как правило, репрезентируют базовые когнитивные признаки (здесь и далее КП), характеризующие общенациональное содержание концепта, – то, что делает концепт коммуникативно релевантным, актуальным.

Русское слово *патриотизм* имеет два значения: 1. Любовь к своему отечеству, преданность своему народу, своей родине. 2. Преданность, верность чему-л., горячая любовь, привязанность к чему-л. [БАС 2011: 481]. В китайском языке слово *патриотизм* однозначное: идея преданности и горячей любви к родине – (主 祖 的 忠 和 的 思想 *zhǔ zǔ de zhōng hé de sīxiǎng*) [Словарь современного китайского языка 2012: 5].

Отсутствие второго значения в китайском языке не допускает сочетаемости слова *патриотизм* с относительными прилагательными – в языковом сознании китайцев нет понятия «семейный патриотизм» или «патриотизм, связанный с привязанностью к конкретному месту (типа *уральский, донецкий*)». В китайской лингвокультуре также отсутствует понятие, эквивалентное русскому «квасному патриотизму». В этом заключается национальная специфика лексической семантики исследуемой языковой единицы.

Анализ языковой объективации концепта ПАТРИОТИЗМ позволил выявить определенный набор КП соответствующего концепта. На осно-

ве выделенных компонентов семантической структуры слова *патриотизм* нами были сформулированы следующие базовые КП концепта, свидетельствующие о его общенациональном, универсальном характере (*чувство, идея, чувство любви к родине*), а также признаки, специфические для русского языка (*чувство любви к своему народу, чувство любви (привязанности) к чему-либо*).

Значение слова актуализируется в конкретном речевом акте через функционирование совокупности коммуникативно релевантных сем. Анализ значений слова в контексте всегда выявляет семы, которые не вошли в словарное толкование слова, но при этом играют важнейшую роль в формировании и существовании концепта. Мы проанализировали речевую репрезентацию концепта ПАТРИОТИЗМ на материале 5 русских и 5 китайских отраслевых словарей, статьи которых представляют собой энциклопедическое описание понятия «патриотизм» в виде текстов научного (научно-популярного) стиля. Частота использования исследуемой лексемы в русских словарях – 72 словоупотребления, в китайских – 63.

Анализ парадигматических и синтагматических отношений слова *патриотизм* позволил нам выявить его речевые значения и сформулировать на их основе КП концепта, объединенные в группы с помощью когнитивных классификаторов: патриотизм – чувство, отношение; патриотизм – качество, свойство; патриотизм – принцип, норма; патриотизм – теория, идея, идеология; патриотизм – сила; патриотизм – действие, поведение; патриотизм – средство, инструмент; характер патриотизма (сознательный, исторический, оценочный, социополитический, религиозный).

Сопоставительный анализ средств русской и китайской языковой (речевой) объективации концепта показал следующие особенности его содержания:

- 1) КП *чувство*, репрезентированный и в русских, и в китайских текстах, предполагает не только любовь и преданность (как в языке), но и чувство гордости и достоинства, причем чувство и отношение может быть направлено не только на свой объект (как в языке), но и на чужой и даже человечество в целом;
- 2) КП *чувство любви*, эксплицированный в обоих языках, относится прежде всего к родине, народу, в речи же этот признак имеет географическую (родное место, горы, реки) и антропологическую (культура и традиции) конкретизацию, несмотря на то что в целом понятие патриотизма характеризуется высокой степенью абстрактности;

- 3) *качество, свойство* как КП концепта ПАТРИОТИЗМ проявляется в двух аспектах: как личное духовное качество (человек), так и коллективное (народ);
- 4) КП *принцип, норма* и в русском, и в китайском сознании относится к нравственным категориям;
- 5) в речи концепт ПАТРИОТИЗМ выражается как *сила*, которая может быть индивидуальной (сила человеческого духа) и социальной (как движущая сила общества), центростремительной или разъединяющей;
- 6) патриотизм не только абстрактное понятие – он реализуется в поведении, действии, причем действие может быть активным, инициативным и пассивным;
- 7) в речи ПАТРИОТИЗМ объективируется как средство или инструмент достижения политических целей, в определенных случаях становясь корнем шовинизма, национализма.

Несмотря на довольно обширный ареал совпадения КП, репрезентированных в русском и китайском речевом материале, можно выделить и ряд признаков, свидетельствующих о национальной специфике исследуемого концепта.

- 1) К числу русских специфических относится КП *чувство любви к языку*, не объективированный в китайских текстах, где, в свою очередь, часто эксплицируется признак *чувство любви к природе (горам и рекам)*. Китайское патриотическое воспитание осуществляется через многие официальные тексты: в докладах правительства, школьных учебниках часто подчеркивается, что любовь к стране начинается с любви к природе родины, с любви к ее горам и рекам; эти образы уже являются устойчивыми способами выражения идеи патриотизма. В текстах русских отраслевых словарей мы не встретили примеров реализации этого признака, хотя, как нам кажется, в русской лингвокультуре тоже присутствует такое понимание патриотизма и вряд ли этот КП можно назвать специфически китайским.
- 2) В китайских текстах репрезентирован признак *чувство любви к партии, к социализму*, отсутствующий в русском материале. Это обусловлено характером общественно-политического режима страны. Современный Китай – социалистическая страна, китайское правительство и Коммунистическая партия активно пропагандируют социалистический путь ее развития.

- 3) В китайском речевом материале эксплицируется признак *традиция*, а в русском отсутствует. В русских текстах слово *патриотизм* сочетается с глаголом *убывать*, в китайском такое сочетание не встречается. Это связано, на наш взгляд, с тем, что патриотическое воспитание и восхищение патриотизмом в Китае никогда не ослаблялось. В России же актуальность этого понятия переживала периоды спадов и подъемов (так, после распада СССР патриотизм в национальном сознании россиян несколько ослабил свои позиции, а в настоящее время наблюдается безусловный патриотический подъем).
- 4) КП *принцип, норма* в китайском подразумевает не только личнo-нравственную характеристику, но и политическую. Иначе говоря, патриотизм не только изначально заложен в душе человека как любовь к матери, например, но и является политической обязанностью, т.е. страна или правительство диктуют человеку, как нужно относиться к родине, придавая патриотизму определенное содержание.
- 5) В китайских отраслевых словарях более частотна, чем в русских, реализация КП патриотизма как действия. В Китае патриотизм функционирует как политическая концепция, как идеология китайской нации: правительство придает ему большое значение, связывая его с задачей строительства страны, усилением национального оборонного строительства, продвижением реформ и инноваций и т. д. (таким образом, патриотическое чувство или идея должны выражаться через ряд действий).
- 6) В русской речевой экспликации, кроме положительной коннотации, выражен признак патриотизма как средства угнетения других стран; в китайской же, помимо указанного, патриотизм объективируется как инструмент строительства страны, социализма, как средство руководства народом.
- 7) Патриотизм в русском сознании может иметь религиозный (христианский) характер, что не свойственно китайской концептосфере. Это обусловлено достаточно выраженной религиозностью России, в то время как Китай религиозной страной не является.

Таким образом, анализ концепта ПАТРИОТИЗМ, объективированного с помощью средств русского и китайского языков, позволил выявить общее и различное (национально специфическое) в его многоаспектном и объемном содержании, демонстрируя одновременно универсальность и гибкость этого явления.

Литература

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. М.; Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996.

БАС – Большой академической словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. Т. 15. М.; Спб.: Наука, 2011.

Словарь современного китайского языка. Версия 5. М.; Пекин: Бизнес, 2005.

E.R. Pereslegina (Nizhni Novgorod, Russia)

Xu Lili (Nizhni Novgorod, Russia)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

THE CONTENT OF THE CONCEPT OF PATRIOTISM OBJECTIFIED IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

This article analyzes the content of the concept of PATRIOTISM objectified by means of language and speech based on the material of Russian and Chinese specialized dictionaries. An array of cognitive features of the concept of PATRIOTISM are defined. The equivalent and national specific components of the content are identified.

Keywords: concept, cognitive features, lexeme, content of concept, language objectification.

Н.П. Пешкова (Уфа, Россия)

Башкирский государственный университет

peshkovanp@rambler.ru

ВОСПРИЯТИЕ ПЕРЦЕПТУАЛЬНОГО И РЕАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ АДРЕСАТОМ ПИСЬМЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается психолингвистический аспект категории времени на материале экспериментальных данных, полученных с помо-

щью метода «встречного текста». Обсуждаются особенности восприятия перцептуального времени реципиентом художественного текста, отображаемые в его «встречном тексте», представляющем собой продукт понимания текста-источника.

Ключевые слова: восприятие времени, языковое сознание, реальное/перцептуальное время, метод «встречного текста», вербальная реакция.

Несмотря на долгую историю исследований, сравнимую по длительности с историей развития научной мысли человечества, категория времени остается предметом интереса естественных и гуманитарных наук.

Сегодня не вызывает сомнения тот факт, что время как универсальная категория, отражающая всеобщую форму бытия, его длительность и последовательность смены состояний всех материальных объектов, процессов и систем, требует для своего изучения междисциплинарного подхода.

И хотя в каждой научной области разрабатываются собственные модели времени и пространства, отвечающие своим целям и задачам, существует мнение о том, что в жестком разграничении естественнонаучных и гуманитарных взглядов на проблему времени нет необходимости. Так, понятие хронотопа как единства и перехода временных и пространственных характеристик объекта, введенное в начале прошлого века А.А. Ухтомским для изучения процессов центральной нервной системы живых существ, подтверждаемое современной нейробиологией и нейропсихофизиологией, стало одним из базовых при исследовании категории времени в филологии.

В рамках проблем, обсуждаемых в настоящей статье, важным представляется существующее в естественных науках и в психологии условное разграничение реального и перцептуального времени. Если реальное время связано с объективно существующим внешним миром, с длительностью состояний его объектов и порядком смены этих состояний, то время перцептуальное отражает *восприятие* индивидуумом длительности бытия и последовательности смены состояний его объектов и процессов. Перцептуальное время, представляя собой проекцию времени реального в вербальном сознании носителя языка, может не соответствовать реальности, более того, и не должно соответствовать ей в полной мере, как любая проекция.

В науке о языке категорию времени связывают с понятиями образа мира и языковой картины мира, представляющей своего рода схему

восприятия действительности, специфическую для того или иного этнокультурного социума и зафиксированную в языке.

Формирование образа мира в сознании отдельного человека и целого социума опирается на временной, а точнее, пространственно-временной компонент, имеющий общую когнитивную базу во всех языках и культурах. В лингвистической литературе под временем обычно подразумевают языковое, или лингвистическое, время, включающее совокупность всех языковых способов выражения сущности физического и философского времени. Лингвистическое время, как и психологическое перцептуальное время, отражает реальное время, не совпадая с ним.

Не останавливаясь на истории вопроса, хорошо известной исследователям проблемы, отметим, что современные разработки, посвященные проблемам преломления категории времени в языке и в тексте, осуществляются в русле когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики и этнопсихолингвистики. Во многих случаях в подобных произведениях изучается субъективное восприятие времени персонажами художественного произведения и его автором.

На основе анализа языкового материала исследователи приходят к выводу о том, что субъективное восприятие времени персонажами художественного произведения моделируется посредством комплекса взаимодействующих средств различных категорий. В данном процессе реализуются языковые средства, оформляющие категории персональности и референтности, событий и процессов, художественного времени и пространства, а также категории оценки [Нестерик 2007; Набережная 2011].

Представляет интерес исследование Н.С. Сергеевой, посвященное пространственно-временной организации жизненного пути человека как фрагмента образа мира в русском языковом сознании, выполненное в русле московской психолингвистической школы не только на материале ассоциативных словарей, но и спонтанной устной речи [Сергиева 2010].

В нашем исследовании предлагается к обсуждению еще один аспект проблемы, разрабатываемый в русле направления психолингвистики текста. Новый ракурс изучения восприятия времени может быть связан с восприятием времени реципиентами текстов различных типов – от художественного до научного. Объектом анализа в таком случае является «встречный текст» испытуемых, представляющий собой продукт понимания реципиентом информации и существующий в форме набора его вербальных реакций на стимул, роль которого выполняет воспринимае-

мый письменный текст. Предмет исследования же составляют особенности восприятия адресатом перцептуального авторского времени и передачи его в собственном «встречном тексте», как мы уже отметили, продукте понимания текста-источника.

К настоящему времени нами осуществлен ряд экспериментальных исследований с использованием метода А.И. Новикова, известного как метод «встречного текста», на материале художественной литературы [Новиков 2003], научной и научно-популярной литературы [Пешкова et al. 2010], библейских текстов [Давлетова 2012], гламурных журналов [Моисеева 2017] и интернет-текстов [Титлова 2018].

Экспериментальная база, созданная коллективом авторов, содержит обширный материал для анализа особенностей восприятия категории времени адресатом письменной информации через призму его субъективного видения как текстового, так и реального времени.

Мы полагаем, что в процессе понимания при продуцировании реципиентом своего индивидуального «встречного текста» имеет место двойная проекция. Она связана, во-первых, с индивидуальными особенностями восприятия реципиентом реального времени как такового, иными словами, с особенностями перцептуального времени, присущего его языковому сознанию.

Во-вторых, такая проекция обусловлена индивидуальной спецификой восприятия адресатом авторского перцептуального времени, отображаемого в тексте, представленного через героев художественного произведения и выражаемого с помощью различных языковых средств, используемых автором. Эти временные отношения, проекция которых формируется в вербальном сознании реципиента, находят отражение в вербальных реакциях, составляющих его «встречный текст».

В настоящей работе мы можем предложить к обсуждению некоторые наблюдения и первые результаты предварительного анализа имеющегося материала. В частности, можно отметить следующие особенности. В реакциях «встречного текста», имеющих отношение к ситуации, описываемой в тексте-источнике, к художественным персонажам и их жизни, преобладает прошедшее время, независимо от временной направленности воспринимаемого текста.

Иными словами, в данных реакциях преобладает временной компонент «там и тогда», если использовать термины «хронотопической модели», предложенной Н.С. Сергиевой [Сергиева 2010].

Можно привести, например, следующие реакции испытуемых, связанные с восприятием жизни художественного персонажа.

– Татьяна Петровна **поселилась** в доме старика Потапова и **ухаживала** за ним.

– Она **была** несчастной.

– Бедный, он, наверное, **не мог** с ней ужиться.

– Значит, она **была** из Москвы.

– Ну и **достала** же она его.

– Дом **был** старый.

– Зима, должно быть, **была** теплая.

– И весь дом **был** в ее распоряжении.

– У нее **не было** мужа.

Реакции, имеющие отношение к самому реципиенту, обычно, привязаны к настоящему или находятся во «вневременном» пространстве. В терминах той же «хронотопической модели» в этом случае доминирует временной компонент «здесь и сейчас».

Приведем некоторые примеры реакций, связанных с жизненным опытом самого реципиента, с его предпочтениями, представлениями, желаниями.

– Я тоже **люблю** музыку.

– И я так **хочу**.

– Большой шерстистый кот мне **представляется**.

– Не **люблю** галок.

– **Ненавижу** зиму

– Мне тоже **кажется** иногда...

Таким образом, как можно видеть из приведенных примеров, некоторые наши данные пересекаются с результатами исследований пространственно-временного хронотопа. Нам представляется, что разработанные Н.С. Сергиевой хронотопические модели можно использовать для объяснения ряда частных особенностей восприятия и интерпретации времени реципиентами художественного текста. Характеризуя общую тенденцию восприятия времени в художественном тексте, следует отметить регулярные несовпадения и различные расхождения во временных пространствах текста, воспринимаемого реципиентом, и продуцируемого им «встречного текста».

В дальнейшем предполагается рассмотреть особенности, связанные с восприятием текстов других типов, в частности, текстов Библии и гляцевых журналов.

Литература

Давлетова Я.А. Психолингвистическое исследование особенностей понимания библейских текстов: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012.

Моисеева А.В. Исследование психолингвистических особенностей восприятия и понимания текста глянцевого журнала: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2017.

Набережнова З.Г. Категория времени как один из элементов языковой картины мира. Альманах современной науки и образования. 2011. № 10. С. 146-148.

Нестерук Э.В. Языковые средства выражения субъективного восприятия времени в английском художественном тексте: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2007.

Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64-76.

Пешкова Н.П., Авакян А.А., Кирсанова И.В., Рыбка И.Н. Текст и его понимание: теоретико-экспериментальное исследование в русле интегративного подхода / под ред. Н.П. Пешковой. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010.

Сергиева Н.С. Хронотоп жизненного пути в русском языковом сознании: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Москва, 2010.

Тутлова А.С. Микроблог как вид интернет-текста: аспект понимания: дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018.

N.P. Peshkova (Ufa, Russia)
Bashkir State University

COMPREHENSION OF PERCEPTUAL AND ACTUAL TIME BY A RECIPIENT OF A WRITTEN TEXT

The paper considers the psycholinguistic aspect of the category of time based on the experimental data obtained by means of the “counter-text” method. The article also discusses some peculiarities of comprehension of perceptual and actual time by a recipient of fiction texts reflected in his internal “counter-text” as a verbal product of comprehension of the source-text.

Key words: comprehension/perception of time, verbal consciousness, actual/perceptual time, internal “counter-text” method, verbal reaction/response.

*Е.Ю. Пономарева (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
elurpon@gmail.com*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОСРЕДСТВОМ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЦВЕТОВЫМ КОМПОНЕНТОМ

В статье представлена попытка классификации и сопоставления фразеологизмов с цветовым компонентом. Результаты исследования показали, что, несмотря на универсальный характер концептов и фреймов, стоящих за колористическими фразеологизмами, концептосферы в двух языках представлены неоднородно, начиная с количества фразеологических единиц и заканчивая содержанием совпавших по цветовому и концептуальному компоненту русских и английских фразеологических единиц.

Ключевые слова: концепт, концептуализация, фразеологизм, цвет, гипотеза лингвистической относительности.

Цвет – это свойство материальных объектов излучать и отражать световые волны определенной части спектра. Помимо этих факторов, на возникновение цветового ощущения человека влияют зрительный опыт и память, физиологические и психологические особенности [Панова 2017]. Таким образом, цвет – это многоаспектное явление, имеющее в своей основе как объективное начало, обусловленное законами физики, так и культурно маркированное явление, формирующееся под влиянием традиций и ментальности лингвокультурного сообщества.

В данной статье мы рассматриваем понятие «цвет» с лингвокультурных позиций в сопоставительном аспекте с целью выявления особенностей восприятия цвета, заложенных русской и английской лингвокультурами.

Одним из примеров столкновения объективного и культурно маркированного в восприятии цвета может послужить такое явление, как радуга. Согласно системе цветов А. Манселла, в радуге человеческий глаз может различить до 100 оттенков. Дискретная репрезентация цветов является результатом человеческого восприятия и классификации. Так, в русской лингвокультуре традиционно различают 7 цветов радуги. В английском языке изначально Исаак Ньютон выделял 5 цветов (красный, желтый, зеленый, голубой и фиолетовый), но затем включил еще два цвета – оранжевый и синий (orange and indigo), доведя количество цветов в спектре

до 7, по аналогии с семью нотами в музыке, а также следуя древнегреческому постулату о связи между цветами и музыкальными нотами, а также по аналогии с семью днями недели и с семью открытыми на тот момент времени планетами Солнечной Системы.

Вопрос, все ли видят семь цветов радуги, относится к сфере гипотезы лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Согласно данной гипотезе, количество цветов и их наименования зависят от языка, на котором говорит народ. Таким образом, язык определяет количество цветов, присутствующих в спектре [Roberson, Davies, Davidoff 2000]. Кроме того, значения цветов культурно обусловлены и выражают различные концепты и культурно маркированные ассоциации.

Одним из ключей к пониманию культурной специфики языка являются фразеологизмы. В последнее время в лингвистике возросла потребность в изучении концептуальной организации фразеологического значения, а также роли, которую играют фразеологизмы в процессах концептуализации мира [Зыкова 2011].

На основании русских (105 единиц) и английских (108 единиц) фразеологизмов с цветовым компонентом был проведен концептуально-когнитивный анализ с целью классификации русских и английских идиом по концептосферам и выявления сходств и различий концептуализации действительности посредством идиоматической образности. Идиомы с цветовым компонентом русского и английского языков были объединены в концептосферу «качества личности», состоящую из следующих концептов: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ, ВНЕШНИЙ ВИД, ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА, НАЗВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ КАТЕГОРИИ ЛЮДЕЙ, ФИНАНСОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

В данной статье мы подробно остановимся на концептуальном блоке «психика», включающем концепт ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ, представленный идиомами с цветами *черный (black)*, *белый (white)*, *красный (red)*, *зеленый (green)*, *желтый (yellow)*, *розовый (pink)*, *пурпурный (purple)*.

Концепт ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ включает в себя 11 фреймов, 7 из которых (агрессия/злость, волнение/смущение, счастье, зависть, грусть, страх, отвержение) почти симметрично представлены фразеологизмами с совпадающим цветовым и семантическим компонентами в двух языках. Три фрейма (ревность, страсть, веселье) представлены только английскими фразеологизмами, и один фрейм (тоска) – только русским фразеологизмом.

Состояние **агрессии/злости** в английском языке выражается при помощи идиом с цветовыми компонентами «red», «blue», «black», «purple», «white» (*to see red, to turn the air blue, until you are blue in the face, to give a black look, to turn purple with rage, to be white-hot*). В русском языке состояние агрессии/злости характеризуют идиомы с цветовыми компонентами «черный», «красный», «багровый», «белый» и «зеленый» (*черные мысли, как бык на красную тряпку, побагроветь от гнева, довести до белого каления, позеленеть от злости*).

Состояния **волнения и смущения** в русском и английском языках находят свое отражение в идиомах с цветовым компонентом «red» (*to go as red as a beet(root), to have a red face*) и «красный» (*красный как рак*).

Состояния **радости и счастья** выражаются как в русском, так и в английском языках при помощи идиом с цветовым компонентом «розовый» (розовые мечты, розовые очки) и «pink» (*to be tickled pink, rose-tinted glasses*).

Состояния **уныния и грусти** вербализуются при помощи идиом с цветовыми компонентами «черный» (*быть чернее тучи, черный день*) и «белый» (*белый свет не мил*) в русском языке и «black» (*a black day*) и «blue» (*to be in the blues*) в английском.

Состояние **отвержения** в русском и английском языках выражается одинаково при помощи идиом с цветовым компонентом «black» (*to put on a blacklist, to be in smb's black book*) и «черный» (*занести в черный список*).

Состояние **ревности** соотносится с шекспировской идиоматической метафорой *a green-eyed monster*, которая близка по значению к русской идиоме *позеленеть от зависти*, описывающей состояние **зависти**.

Ряд психологических состояний имеют цветовые выражения только в английском или только в русском языках, например, состояние **тоски и скуки** выражается в русском языке при помощи идиом с цветовым компонентом «зеленый» (*тоска зеленая*) и не имеет цветового эквивалента в английском языке. Состояние **веселья** выражается идиомой *to paint the town red*, а чувство **страсти** – идиомами *red-hot, red-blooded*, которые не имеют цветового идиоматического эквивалента в русском языке. Состояние **трусости** характеризуется как идиомами с компонентом «белый» в английском и русском языках (*to turn white (as a sheet) / побледнеть от страха*), так и уникальной цветовой идиомой *to be yellow* в английском языке.

На основании проанализированных данных составлен график (см. рис. 1), с помощью которого указан процент симметрично пред-

ставленных фразеологизмов русского и английского языков (совпадают цветовой и семантический компоненты) в концептуальных блоках «психологическое состояние», «внешний вид», «черты характера», «названия определенной категории людей», «финансовое положение».

На основании приведенных процентов можно сделать вывод о том, что наибольшую долю симметричности фразеологизмов русского и английского языков составляет концепт ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ, НАСТРОЕНИЕ, ЭМОЦИИ ЧЕЛОВЕКА (63,6 %), состоящий из 11 фреймов, 7 из которых почти симметрично представлены фразеологизмами в двух языках.

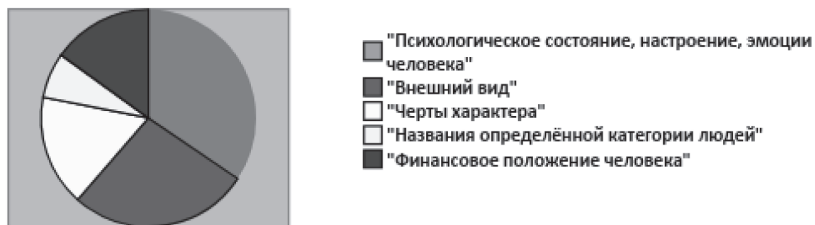

Рис. 1. Доля симметрично представленных фразеологизмов русского и английского языков в указанных концептуальных блоках, %

Наименьшую долю симметричности фразеологизмов русского и английского языков составляет концептуальный блок «Названия определенной категории людей» – 12,5 %, который включает в себя 16 фреймов, 2 из которых симметрично представлены фразеологизмами в обоих языках. Например, цветовой компонент и семантика фразеологизмов, обозначающих человека европеоидного происхождения и благородного происхождения, совпадают в двух языках: *белая раса / lily-white*, *голубая кровь / blue-blooded*. В отношении частичного семантического совпадения и цветового несовпадения находятся фразеологизмы *белая ворона* и *black sheep*, обозначающие человека, резко выделяющегося среди других в обществе (*белая ворона*) и в семье (*black sheep*). Уникальными являются фразеологизмы, обозначающие такие категории людей, как властная женщина (*grey mare*), кочегары (*black gang*), любимчик (*white-haired boy*), квалифицированные рабочие (*grey-collar workers*), представители сферы обслуживания или типично женских профессий (*pink-collar workers*),

единственные дети разного пола (*красные дети*), кухарка, готовящая для господ (*белая кухарка*), люди низкого происхождения (*черная кость*).

Исследования ученых из Университета Огайо (США) в области цвета и эмоций выявили, что люди способны распознавать эмоции по едва уловимым изменениям цвета кожи. Подсознательно люди регистрируют изменение цвета кожи вокруг носа, бровей, щек или подбородка собеседника. Серия экспериментов в области распознавания эмоций по изменению цвета кожи выявила следующие связи: для отвращения характерен сине-желтый оттенок губ и красно-зеленый оттенок кожи вокруг носа и лба. Счастье проявляется на лице едва заметным покраснением щек и висков, для удивления характерно небольшое покраснение лба и синеватый подбородок [Benitez-Quiroz, Srinivasan, Martinez 2018]. Ученые выяснили, что каждой эмоции соответствует не один цвет, а их сочетание, и подобные сочетания, согласно результатам эксперимента, являются универсальными независимо от пола, возраста, расовой принадлежности, оттенка кожи. Таким образом, ученые утверждают, что корреляция эмоции и цвета является биологической универсалией, не зависящей от культурных особенностей.

Исходя из результатов данного исследования, мы можем предположить, что причиной наибольшей симметричности фразеологизмов русского и английского языков в концептуальном блоке «психологическое состояние, настроение, эмоции человека» является биологически обусловленная связь цвета и эмоции. Тем не менее в данном концептуальном блоке выявлены несимметричные идиомы, где одна и та же эмоция выражена в английском и русском языках разным цветом, что свидетельствует о культурно-исторических особенностях развития фразеологического фонда данных языков.

Литература

Зыкова И.В. Концептуальные основания семантики английских фразеологизмов, обозначающих вербальную коммуникацию // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 3. С. 26-35.

Панова Н.Г. Теория цвета. 2017. URL: <https://postnauka.ru/faq/73352>.

Benitez-Quiroz C. F., Srinivasan R., Martinez A. M. Facial color is an efficient mechanism to visually transmit emotion. 2018. URL: <http://www.pnas.org/content/early/2018/03/16/1716084115#sec-7>.

Roberson D., Davies I., Davidoff J. Color categories are not universal: Replications and new evidence from a stone-age culture. *Journal of Experimental Psychology: General*. 2000. № 129 (3): 369-398.

E.Y. Ponomareva (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

CONCEPTUALIZATION OF REALITY BY MEANS OF IDIOMS WITH COLOR COMPONENTS

The article presents an attempt to classify and compare color idioms. The results of the study show that, despite the universal nature of the concepts and frames behind coloristic idioms, the concept structures are represented in two languages non-uniformly, differing in the number of phraseological units and in their meanings in the Russian and English languages.

Key words: concept, conceptualization, phraseological unit, idiom, colour, linguistic relativity.

E.C. Привалихина (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
priv-aytak@mail.ru

ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК КАК ПРЕДМЕТ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ПРОБЛЕМЫ, ВОЗМОЖНОСТИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

В рамках данной статьи жестовый язык выступает как самостоятельная система кодирования и особая система концептуализации. Анализ видео-примеров жестов американского и русского жестовых языков позволяет выявить различное визуально-мануальное фиксирование концептов JUSTICE/СПРАВЕДЛИВОСТЬ и GOD/БОГ и определить перспективы изучения жестового языка в рамках концептуальных исследований.

Ключевые слова: жест, жестовый язык, концепт, концептуализация.

В настоящее время жестовые языки разных стран являются одними из самых неизученных языков в мире несмотря на то, что число носителей, например, русского жестового языка на территории Российской Федерации и стран бывшего СССР довольно велико – около 45 миллионов человек [Цукерман 1979]. Факт малой изученности языка данного типа подтверждается также тем, что русский жестовый язык получил свой официальный статус как язык в РФ только в 2012 году (Федеральный закон № 296-ФЗ от 30 декабря 2012 г.), до этого он долгое время приравнивался к языку животных. Примерно в этот же период, в 80–90-е гг., по воспоминаниям А.А. Кибрика, «<...> на вопрос: а кто занимается жестовыми языками в России? Ответить мне было нечего <...>» [Кибрик 2008: 123].

В то время как отечественная наука занималась изучением жестового языка, по большей степени, в областях сурдопедагогики и дефектологии (единственной наиболее обширной монографией, целиком посвященной русскому жестовому языку, является работа Г.Л. Зайцевой «Жестовая речь. Дактилология», опубликованная в 2000 году [Зайцева 2000]), американский ученый У. Стоуки еще в 60-х гг. добился признания американского жестового языка полноценным человеческим языком, ничем не уступающим в своем богатстве языку вербальному, разработав классификацию жеста, состоящую из трех компонентов [Stokoe 1960]. Именно данная классификация до сих пор активно используется и дополняется исследователями из разных стран.

Признание жестового языка отдельной семиотической системой привело к возрастающему интересу к данной системе кодирования именно со стороны лингвистов – появляются работы по структуре, классификации, переводу жестового языка. Например, исследование Е.В. Прозоровой «Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке» показало, что принципы, по которым организуется дискурс русского жестового языка (просодическое оформление и необходимость сегментации жестовой речи; ограничения на объем новой информации и количество полных именных групп; использование специальных средств для эксплицитного регулирования и структурирования потока дискурса), идентичны тем принципам, по которым строится устный дискурс [Прозорова 2009]. Жестовый язык выступает не менее интересным предметом исследования для когнитивной лингвистики – он рассматривается как особая, многоуровневая система концептуализации, репрезентации знаний о мире в семиотической системе, отличной от вербального языка.

Данная система концептуализации характеризуется высоким потенциалом кодирования информации о реальной действительности. Она обладает широким набором средств для выражения смыслов и отношений между словами и, по мнению Г.Л. Зайцевой, служит базой и средством обучения глухих, в том числе и словесному языку [Зайцева 2000: 114].

Источником для проводимого концептуального анализа является база электронного словаря *Spread the Sign* [Spread the Sign 2015]. Наличие видеозаписей примеров исполнения жестов на разных жестовых языках позволяет выявить лингвокультурные отличия в концептуализации ценностных понятий. Для иллюстрации вышесказанного были выбраны следующие пары концептов: JUSTICE/СПРАВЕДЛИВОСТЬ и GOD/БОГ.

Такой жест, как *justice*, и его исполнение в американском жестовом языке предположительно фиксируют концепт равенства двух сторон, ищущих в суде справедливости (двуручный жест, Ф-конфигурация, руки соприкасаются кончиками пальцев, действие повторяется, движение круговое в плоскости параллельной полу).

В свою очередь, репрезентация концепта СПРАВЕДЛИВОСТЬ в русском жестовом языке основана на более конкретном образе – образе чаши весов, которые держит древнегреческая богиня правосудия Фемида (двуручный жест, О-конфигурация, горизонтальное положение рук, ладони расположены друг напротив друга, жест заключается в попеременной смене позиций рук: одна рука выше, другая ниже, и наоборот, движение повторяется 2-3 раза).

В силу того, что жест фиксирует наиболее важную черту того или иного концепта, представляется возможным говорить о том, что справедливость для американцев – это, прежде всего, равноправие – каждый должен иметь право на непредвзятый и беспристрастный суд. Это, в свою очередь, подтверждается пониманием справедливости в американской лингвокультуре как некоего баланса между конкурирующими исками [Rawls 1999]. В традиции российского миропонимания концепт СПРАВЕДЛИВОСТЬ воспринимается как политическое равноправие, честность судов, ответственность руководителей [Зубанова 2016]. Однако проведенный концептуальный анализ жеста позволил выявить новую, ранее не фигурирующую в исследованиях концепта справедливости, характеристику – ее непредсказуемость – довольно сложно узнать, какая чаша весов окажется тяжелее и на чьей стороне окажется справедливость.

По характеру жестовой репрезентации концепта GOD (одноручный жест исполняется правой рукой слева от себя, кистью обрисовывается полукруглый силуэт, кисть двигается сверху вниз) можно сделать вывод о том, что бог в американской культуре, возможно, воспринимается как нечто неясное и абстрактное, но находящееся на одном с человеком уровне. Словарные дефиниции лексемы *god* также фиксируют такие концептуальные признаки, как *supreme and ultimate reality, powerful ruler, creator of universe* [Merriam-Webster 1999].

При исполнении жеста *бог* в русском жестовом языке выражено совершенно иное восприятие данного концепта в русской лингвокультуре – бог концептуализируется как нечто, возвышающееся над человеком (одноручный жест, Б-конфигурация, правая рука подносится и касается правой стороны лба, затем указательный палец указывает вверх). Это находит свое подтверждение в определении бога как высшего и сверхъестественного существа [ФЭС, 2006].

Приведенные примеры манифестируют специфику концептуализации в жестовом языке, заключающуюся в возможности значительно дополнить исследования по вербальной концептуализации, подтверждая и закрепляя их или обнаруживая концептуальные признаки, которые, как правило, не фиксируются в лексических системах определенных лингвокультур.

Таким образом, изучение жестового языка становится необходимостью, продиктованной задачами, которые стоят перед современной антропоцентрической парадигмой научного знания. Признание жестового языка отдельным, независимым, масштабным и самобытным источником концептов, репрезентированных с помощью визуально-мануальной модальности, открывает большие перспективы для новых концептуальных исследований жестового языка, который, являясь особой системой концептуализации, способен предоставить ученым новый материал для анализа и поставить перед ними вопросы, решение которых значительно обогатит уже имеющиеся результаты теоретического и практического анализа.

Литература

Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: учебник для студентов высших учебных заведений. М.: ВЛАДОС, 2000. 192 с.

Зубанова С.Г. Традиционные ценности России и воспитательные задачи образования // Социально-психологические аспекты практики соци-

альной работы / отв. ред. Л.Ю. Овчаренко, А.М. Тютченко. М.: Издательство «Перо», 2016. С. 90-109.

Кибрик А.А. О важности лингвистического изучения русского жестового языка // Лингвистические права глухих / под ред. А.А. Комарова, Н.А. Чаушьян. М.: ООИ ВОГ, 2008. С. 122-129.

Прозорова Е.В. Маркеры локальной структуры дискурса в русском жестовом языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М., 2006.

Цукерман В.А. Слух, зрение, человек // Химия и жизнь. 1979. № 12. С. 34-40.

Merriam-Webster – Collegiate Dictionary (10th ed.). Springfield, MA: Merriam-Webster Incorporated, 1999.

Rawls J.A. Theory of Justice. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 1999.

Stokoe W.C. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf // Studies in Linguistics. Occasional Papers. 1960. № 8. P. 1-78.

Spread the Sign – A Multilingual Dictionary for Sign Languages. Alpen-Adria-Universität Klagenfurt, Austria, 2015.

E.S. Privalikhina (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University

CONCEPTUAL STUDIES OF SIGN LANGUAGE: CHALLENGES AND PROSPECTS

This paper views the sign language as an autonomous coding system representing the results of conceptualization. The conceptual analysis of the video-examples of American and Russian-gestures reveals different visual-manual fixation of the concepts JUSTICE/SPRAVEDLIVOST' (справедливость) and GOD/BOG (бог) and states the prospects of further research of the sign language within the scope of cognitive linguistics.

Key words: gesture, sign language, concept, conceptualization.

Т.Б. Радбиль (Нижегород, Россия)

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
timur@radbil.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДВУПЛАНОВОСТЬ КАК РЕФЛЕКС КУЛЬТУРНОГО ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В работе рассматриваются явления концептуальной двуплановости новообразований на базе иноязычных элементов в русском языке, выступающей как проявление культурной освоенности данных иноязычных элементов в соответствии с исконно русскими моделями языковой концептуализации мира. В качестве когнитивных механизмов указанной концептуальной двуплановости выступают эффекты скрытой предцирированности в семантическом представлении неолексем.

Ключевые слова: концептуальная двуплановость, культурная апроприация заимствований, когнитивный механизм, лингвокультурологический подход, русский язык.

В работе развиваются некоторые идеи разрабатываемого нами исследовательского проекта по лингвокультурологической интерпретации активных процессов в современной русской речи на когнитивной основе. В центре нашего исследовательского внимания – инновационные тенденции в лексике, словообразовании и грамматике русского языка, связанные с активным вхождением в отечественные дискурсивные практики слов и выражений с иноязычными компонентами [Новые тенденции 2014; Радбиль 2017а; Радбиль, Рацибурская 2017].

Любой народ вырабатывает особые принципы отношения человека к Миру, к Богу, к Человеку и делает это на своем родном языке и во многом – с помощью языка. Иными словами, национальный язык вырабатывает некие модели, схемы языкового освоения мира, отношения к миру [Радбиль 2016]. И вот эти-то модели мировидения у нас остаются исконно русскими. Это как если все мы носим импортную одежду, но от этого не становимся китайцами, англичанами или американцами.

Мы исходим из положения, что для русского языка как отражения типично русского способа смотреть на вещи происходит своего рода

«переименование» семантики и оценочной сферы заимствованных слов как знаков «чужих» ценностей или инокультурных моделей поведения, что в наших исследованиях именуется как **«культурная апроприация заимствований»** [Радбиль 2017a].

Суть культурной апроприации заимствований как процесса, имеющего комплексную (когнитивную, семиотическую, культурную, коммуникативно-прагматическую, регулятивно-ценностную, речеведенческую и пр.) природу, заключается в том, что иноязычные по происхождению элементы разных уровней языка в дискурсивных практиках носителей русского языка подлежат обязательному приобщению к исконно русским моделям языковой концептуализации мира, ценностным приоритетам и коммуникативно-прагматическим установкам, то есть того, что несколько нетерминологично можно именовать «русский взгляд на вещи».

В соответствии с принятым подходом к комплексному, лингвокогнитивному и лингвокультурологическому, анализу инновационных феноменов на основе заимствованных компонентов новообразования в современной русской речи рассматриваются не столько как слова и выражения, сколько как определенные форматы знания о мире и репрезентанты ценностных ориентиров в речевой практике носителей русского языка.

Напомним еще раз, о каких именно национально-специфичных моделях мировидения идет речь – обобщение проведено по работам [Вежбицкая 1996; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Радбиль 2017b; Радбиль, Рацибурская 2017 и др.]. Это, например, установка на эмпатию; чрезмерная гиперболизация; гипертрофия общей, моральной или эстетической оценки при номинации лиц, объектов и событий («моральная страстность», по А. Вежбицкой [Вежбицкая 1996]); острая реакция на ложные, с точки зрения носителя языка, ценности или претензии (на «пошлость», в духе работы [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005]); соотносительность самых простых вещей, свойств, процессов или явлений с духовным идеалом; ироническое «остранение» карнавального типа и пр.

И все вышеперечисленное (и многое другое), будучи неотъемлемой и унаследованной в культурной памяти носителей языка принадлежностью их когнитивной и культурной компетенции, существенным образом влияет на характер интерпретации заимствованных элементов в языковом сознании. Такие новообразования с иноязычными элементами, как *смайлик*, *мультиаккаунтство*, *превьюха*, *виртуалка*, *респектище* и др., в общем уже мало похожи на иноязычные, не воспринимаются в качестве таковых.

В результате означенного культурного освоения возникают любопытные когнитивные эффекты так называемой **концептуальной двуплановости** получившихся новообразований. Суть этого своеобразного ментального механизма апроприации иноязычных компонентов заключается в том, что вместе с заимствованным компонентом усваивается некий общий денотативный или сигнификативный слой, необходимый для заполнения имеющейся лакуны в когнитивной базе этноса или для обозначения появившейся в нашей жизни реалии: затем этот «слой» подлежит концептуальному переосмыслению и эмоционально-оценочной трансформации уже в соответствии с «ключевыми идеями русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 1995], т.е. становится **скрытой предикацией**. В таких словах выделяется своего рода **диктумная часть**, актуализующая номинативное содержание понятия, выраженное заимствованным элементом, и **модусная часть**, представляющая точку зрения говорящего на объект номинации, сложный комплекс оценочной реакции говорящего на данное понятие, выраженный исконно-русским формантом – подробнее об этом см. [Радбиль 2017a].

Например, **СМАЙЛИК**:

ИНОЯЗЫЧНЫЙ КОМПОНЕНТ – корень СМАЙЛ-: **ДИКТУМНАЯ ЧАСТЬ** (номинативное содержание понятия) ‘эмотикон; в электронной коммуникации – установившееся графическое обозначение, символ для передачи разнообразных эмоций отправителя информации’

+

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ КОМПОНЕНТ – суффиксальный субморф -ИК: **МОДУСНАЯ ЧАСТЬ** (точка зрения говорящего на объект номинации) – указание на малый размер; категоризация по мужскому роду; эмпатия («уменьшительно-ласкательный» оттенок смысла) как выражение положительной эмоционально-оценочной реакции говорящего на объект номинации

=

СКРЫТАЯ ПРЕДИКАЦИЯ: объект перестает быть просто графическим символом; он вписан в систему ценностей «русского мира», его бытие лично переживается говорящим посредством включения особого эмоционального, задушевного отношения к объекту номинации и к ситуации общения в целом.

Точно так же ведут себя и глагольные лексемы типа *отфрендить*, *затроллить*, *коннектить(ся)*, *приаттачить*, *поселфиться* и пр., осо-

бенно если они вписываются в типично русские грамматические модели возвратности и/или безличности: *Правда, плюс в том, что законник-тилось очень быстро и настроек минимум* [forum.electrostal.com/index.php?topic=37137.285;wap2].

ИНОЯЗЫЧНЫЙ КОМПОНЕНТ – корень **КОННЕКТ(И-ТЬ): ДИКТУМНАЯ ЧАСТЬ** (номинативное содержание понятия) ‘подключаться, присоединяться посредством интернет-соединения к какому-либо IP-адресу в сети, в том числе в социальных сетях, на форумах, чатах и пр.’

+

РУССКОЯЗЫЧНЫЙ КОМПОНЕНТ – префиксально-постфиксальная модель глагольного действия (начинательность и взаимно-возвратность) и грамматическая форма безличности в прошедшем времени на -О: **МОДУСНАЯ ЧАСТЬ** (точка зрения говорящего на ситуацию) – указание на феноменологический эффект [Вежбицкая 1996], т.е. на некую таинственность и загадочность как результат непредсказуемости мира, а также непередаваемое ощущение личностной эмоциональной вовлеченности говорящего в ситуацию, какой-то «свойскости» происходящего

=

СКРЫТАЯ ПРЕДИКАЦИЯ: обозначаемое действие перестает быть чисто техническим действием; оно также вписывается в систему ментальных моделей «русского мира», с его тяготением избыточно обозначать при номинации ситуации не только общую логическую схему действия, состояния или отношения, но и разнообразные нюансы (например, характер участников, способ протекания действия и пр.), в том числе, конечно же, и особенности точки зрения говорящего, его эмоциональной реакции на происходящее.

Данные скрытые предикации как раз и выступают когнитивными механизмами, порождающими концептуальную двуплановость, смысловую объемность и насыщенность, что, в свою очередь, воплощает в себе такую черту русской языковой картины мира, как отмечавшееся нами в наших предыдущих исследованиях «концептуальное двоemiрие» – возможность двойственной категоризации одно и того же объекта как элемента земного существования и как трансцендентной сущности, некой идеальной проекции объекта или явления [Радбиль 2017b].

Феномены подобного рода являются не злом, а подлинным благом для русского языка как носителя коллективного сознания и коллективной памяти этноса. Ведь подобные концептуально насыщенные номинации

расширяют вариативность в обозначении явлений внешнего и внутреннего мира, раздвигают горизонты познания действительности и обогащают экспрессивный и креативный потенциал языка. Используя иноментальные элементы, мы включаем их в исконно русские мыслительные схемы и паттерны оценочной реакции на мир вне и внутри нас, делая чужое своим.

Литература

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1996.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2005.

Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н. М.: Флинта: Наука, 2014.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2016.

Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017а. Т. 13. С. 107-115.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотношения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017б.

Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В. Словообразовательные инновации на базе заимствованных элементов в современном русском языке: лингвокультурологический аспект // Мир русского слова. 2017. № 2. С. 33-39.

T.B. Radbil (Nizhni Novgorod, Russia)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

CONCEPTUAL TWO-DIMENSIONALITY AS A REFLEX OF CULTURAL APPROPRIATION OF LOANWORDS IN RUSSIAN LANGUAGE

The work presents phenomena of conceptual two-dimensionality for innovations on the base of foreign elements in Russian language representing so-called cultural appropriation of these elements accordingly to primordially

Russian models of language conceptualization of the word. Cognitive mechanisms of the conceptual two-dimensionality are effects of implicit predication in semantic representation of neo-lexemes.

Key words: conceptual two-dimensionality, cultural appropriation of loan-words, cognitive mechanism, linguo-culturological approach, Russian language.

С.Е. Рахманкулова (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова
tsvet.sveta@yandex.ru

ПРОБЛЕМА ПРЕОДОЛЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В КОНТЕКСТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В докладе рассматривается явление языковой интерференции на уровне синтаксиса и предлагается подход к преодолению интерференции, основывающийся на понимании синтаксических единиц как репрезентантов концепта и учете когнитивных механизмов синтаксической репрезентации.

Ключевые слова: языковая интерференция, синтаксическая интерференция, узуальная интерференция, синтаксическая репрезентация, типовая пропозиция, концептуальная метафора.

Проблеме языковой интерференции уделяется большое внимание в социолингвистике (в теории языковых контактов, многоязычия и диглоссии), в психолингвистике (при рассмотрении лингвистических и психологических аспектов речевой деятельности билингвов). Особое значение изучение интерференции имеет для лингводидактики, исследующей пути эффективного преподавания иностранного языка, способы устранения и предотвращения речевых ошибок, вызванных влиянием родного или другого изучаемого языка, и повышения качества иноязычной речи обучаемых в целом.

В данном исследовании феномен языковой интерференции также изучается с целью нахождения способов более эффективного обучения

иностранному языку, но рассматривается с позиций когнитивной лингвистики. Нельзя не согласиться с тем, что для «минимизации интерференции необходимо не только корректировать отдельные неправильные употребления лексических единиц и/или грамматических конструкций, но и формировать у обучающихся знание глубинных концептуальных принципов организации системы изучаемого иностранного языка» [Беляевская 2013: 81]. Представляется возможным предложить подход к предотвращению интерферентных явлений, в частности, синтаксической интерференции, учитывающий механизмы синтаксической репрезентации фрагментов мира и способность языковых единиц фиксировать концептуальные смыслы.

Под **интерференцией** понимается взаимодействие контактирующих языков, выражающееся в отклонениях от нормы и узуса языка, в неправильном использовании паралингвистических средств и нарушениях правил общения на данном языке в речи билингвов (обзоры других подходов к толкованию понятия интерференции и его определения см., например в: [Алимов 2011; Кузьмина 2008]). В соответствии с этой трактовкой **синтаксическая интерференция** определяется как взаимодействие языков, проявляющееся в отклонениях от норм оформления словосочетания и предложения и от узуса синтаксических единиц в речи билингвов. Важно подчеркнуть, что в качестве интерферентных явлений в исследовании рассматриваются не только нарушения норм иностранного языка, то есть синтаксические грамматические ошибки, но и несоблюдение узуса языка – то есть отклонения от тех предпочтений в использовании определенных синтаксических единиц для выражения определенных смыслов, которые закрепились в данной языковой общности. Иными словами, разграничиваются *собственно языковая* и *узусальная синтаксические интерференции*. В качестве примера собственно языковой интерференции на уровне синтаксиса можно привести любые ошибки в построении высказывания, порядке его элементов и т. п., вызванные влиянием родного языка говорящего, а узусальная синтаксическая интерференция имеет место, например, когда для того, чтобы сообщить о постоянном занятии, типичной характеристике субъекта в англоязычной речи носителей русского языка используется глагольная конструкция вместо именной, как это привычно делают носители языка: *She gets up early; He smokes a lot; We like to cuddle while sleeping* вместо *She is an early riser; He is a bad smoker; We are cuddly sleepers* соответственно. В последнем случае, поскольку соб-

ственно норма и система языка не нарушены, нельзя говорить о грамматической ошибке, однако речь говорящего менее аутентична: «вроде бы все правильно, но так обычно не говорят». Второй тип интерференции, будучи менее очевидным, нередко игнорируется в практике преподавания иностранного языка, однако его устранение, особенно на продвинутых этапах обучения, необходимо для повышения качества речи, достижения ее большей аутентичности.

Традиционные методы лингводидактики – анализ речевых *ошибок* и контрастивно-сопоставительный анализ родного и изучаемого языка, несомненно, необходимые для разработки системы упражнений для совершенствования грамматических навыков речи учащихся, тем не менее не позволяют успешно справляться с собственно-языковой интерференцией, а на интерференцию узкую не распространяются. Объясняется такое положение, как представляется, отчасти тем, что традиционные методы борьбы с грамматической интерференцией не имеют целью моделировать языковую способность носителя языка и не дают возможности обучаемому понять специфику непосредственного процесса построения иноязычного высказывания – построения высказывания *on-line* – в его отличии от высказывания на родном языке.

Когнитивный подход к обучению синтаксису позволяет более эффективно работать над преодолением синтаксической интерференции независимо от ее типа. Суть этого подхода заключается в рассмотрении синтаксических единиц с точки зрения концептуального содержания – **типовых пропозиций**, закрепленных за этими единицами в сознании носителя языка. Обучение синтаксису заключается при таком подходе не в усвоении сведений о синтаксическом строе изучаемого языка и его отличиях от строя родного языка, а в усвоении пропозициональных моделей иностранного языка, зафиксированных в моделях простого предложения и выступающих в качестве схем описания фрагментов действительности.

В сознании носителя языка, как можно предположить, информация о синтаксических моделях и их функциях представлена не в виде терминологического описания, а как совокупность простых универсальных понятий (понятий об одушевленном субъекте, о неодушевленном предмете, о действии, о состоянии, о расположении или перемещении в пространстве и под.). Их содержание можно представить в доступной для обучаемых форме – с помощью единиц бытового языка: **кто, что, какой, где, есть, двигается, двигает, делает, воздействует** и т. п. Пропозиции,

фиксируемые синтаксическими моделями, таким образом, можно сформулировать *метаязыком, использующим слова родного для обучаемых языка*, отразив при этом количество, тип и порядок следования элементов пропозиций, например: *кто/что есть кто/что, кто/что есть где, кто движается куда* и т. п.

Описание синтаксических моделей и их содержания, как представляется, должно основываться на принципе *опоры на прототип*. С помощью простых обозначений родного языка описываются модели, репрезентирующие базовые ситуации предметного опыта. Поскольку пропозициональные схемы, возникшие в результате концептуализации базовых ситуаций конкретно-предметной деятельности человека, посредством механизма **концептуальной метафоры** проецируются на разнообразные фрагменты нового, в том числе абстрактного, опыта, с помощью системы из нескольких базовых моделей простого предложения можно построить высказывание (хотя и простое) о *любом* фрагменте реальной или воображаемой действительности. Осознание этого факта во многом снимает страх обучаемых перед речью на иностранном языке. С другой стороны, в процессе применения моделей для сообщения о некоторой новой ситуации действительности неизбежно имеет место интерференция – попытка использовать для обозначения ситуации тот же тип модели, который используется для отражения такой ситуации в родном языке, попытка применения к этой ситуации метафорической модели концептуализации мира, свойственной родной лингвокультуре, без учета различий в синтаксической репрезентации мира. Для предотвращения интерференции необходимо, безусловно, изучение межъязыковых (межкультурных) различий.

Однако применение методического принципа учета *типологических различий родного и иностранного языков* в рамках подхода, предлагаемого в данном исследовании, существенно отличается от его традиционной реализации. Для того чтобы наглядно показать отличия в использовании синтаксических моделей предложений родного и иностранного языков в речи, необходимо сравнить, по каким синтаксическим моделям, в результате различий в самом членении мира, его концептуализации, в том числе метафорической, строятся высказывания об *одном и том же* типе ситуации действительности. Обучаемым необходимо дать представление о том, что например, высказывание о постоянном занятии, привычке человека, в отличие от русского языка, в английском строится по модели КТО ЕСТЬ КТО (см. примеры выше), а высказывание о состоя-

нии окружающей среды строится по модели ЧТО ЕСТЬ КАКОЕ (ГДЕ) (*It's dark; The house was empty*), в отличие от русского высказывания, имеющего структуру (ГДЕ) (ЕСТЬ) КАК (Темно; В доме было пусто). Подробное описание различий в пропозициональных и, соответственно, синтаксических моделях одних и тех же типов ситуаций действительности приводится в [Рахманкулова 2018]. Разумеется, необходимы также пояснения, касающиеся различий в лексике, наполняющей конструкции, ограничений на употребление тех или иных единиц в составе конструкций, связанных с различиями в метафорической интерпретации мира, с одной стороны и обусловленных самой логикой действительности – с другой. Формирование устойчивых связей между типом ситуации действительности и соответствующей пропозициональной и синтаксической модели иностранного, как представляется, позволит избежать интерференции и будет способствовать улучшению качества речи в целом.

Литература

Алимов В.В. Интерференция в переводе: на материале профессионально ориентированной межкультурной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации. 2-е изд. М.: КомКнига, 2011.

Беляевская Е.Г. Когнитивная лингвистика и преподавание иностранных языков // Вестник МГИМО. 2013. № 5 (32). С. 76-82.

Кузьмина С.Е. О понятии языковой интерференции // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики: межвуз. сборник научных трудов. Вып. X. Владикавказ, 2008. С. 36-38.

Рахманкулова С.Е. Структура простого высказывания на английском языке: учебное пособие. Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2018.

*S. Y. Rakhmankulova (Nizhniy Novgorod, Russia)
Nizhniy Novgorod Linguistics University*

HANDLING LANGUAGE INTERFERENCE IN SYNTAX FROM A COGNITIVE PERSPECTIVE

The paper investigates the phenomenon of language interference at the syntax level and proposes an approach to overcoming interference which is based

on considering syntax patterns as units representing concepts and takes into account the cognitive mechanisms of syntactic representation.

Key words: language interference, syntactic interference, interference in language usage, syntactic representation, proposition, conceptual metaphor.

В.В. Сайгин (Нижний Новгород, Россия)

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
secretar@ahch.unn.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СВЯЗКА ГРЕХ – ИСКУПЛЕНИЕ В КОНЦЕПТУАЛЬНОМ ПОЛЕ ГРЕХ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В работе представлено лингвокогнитивное описание концептуальной связки ГРЕХ – ИСКУПЛЕНИЕ как компонента концептуального поля ГРЕХ. На материале данных Национального корпуса русского языка и интернет-мониторинга проанализированы парадигматические и синтагматические связи и отношения между субстантивными и глагольными лексемами – репрезентантами данной концептуальной связки.

Ключевые слова: концептуальная связка «грех – искупление», концептуальное поле, лингвокогнитивное описание, лингвокультурология, русский язык.

Статья продолжает предпринятое нами ранее исследование концептуального поля ГРЕХ в русской национальной культуре и особенностей его языковой объективации [Сайгин 2013 и 2015].

Цель исследования – комплексное лингвокультурологическое описание языкового воплощения концептуальной связки ГРЕХ – ИСКУПЛЕНИЕ как строевого компонента концептуального поля ГРЕХ в современном русском языке.

Материалом исследования являются контексты, выбранные из Национального корпуса русского языка и полученные в результате нашего интернет-мониторинга.

Исследование базируется на теоретических принципах лингвокогнитивного исследования ключевых концептов русской культуры, обоснован-

ных в работах [Вежбицкая 1997; Новые тенденции 2014; Радбиль 1999]. В качестве метода исследования выступает процедура концептуального анализа, разработанная нижегородскими исследователями [Ручина, Горшкова 2011; Радбиль 2016].

На эмпирическом уровне ранее нами были выявлены четыре главных концепта, образующих концептуальное поле ГРЕХ: концепты ГРЕХ, ПОКАЯНИЕ, ДОБРОДЕТЕЛЬ и ИСКУПЛЕНИЕ. Далее, согласно принятой концепции исследования, необходимо выявить структуру концептуального поля, для чего необходимо обнаружить существенные связи и отношения между полеобразующим концептом и другими соотносительными с ним концептами. Эмпирически очевидным полеобразующим концептом в нашем случае выступает концепт, соотносимый с именем всего концептуального поля, – концепт ГРЕХ.

В этих целях было обосновано понятие **концептуальной связки**. Понятия «**концептуальная связка**» [Радбиль 2016], или «**концептосочетание**» [Крючкова 2005], или «**концептуальное сращение**» [Евсюкова, Бутенко 2014: 113] в существующей практике анализа концептуальных полей обычно применяются для моделирования структурных связей и отношений концептов, образующих поле. Эти термины «позволяют смоделировать область смыслового пересечения двух или нескольких (не обязательно тематически родственных) концептов» [Евсюкова, Бутенко 2014: 113]. При этом концепты, образующие поле, вступают в разнообразные типы смысловых отношений: синонимические (квазисинонимические), антонимические (квазиантонимические), партитивные, импликационные, гиперо-гипонимические, ассоциативные и пр. Т.В. Евсюкова и Е.Ю. Бутенко в этом смысле используют терминосочетание «онтологически близкие концепты»: мы можем «при наложении их смысловых пространств выявить “смысловой остаток”, наглядно демонстрирующий культурное своеобразие и различие этих концептов» [Евсюкова, Бутенко 2014: 113].

Мы предположили, что сначала необходимо осуществить анализ элементарных, то есть бинарных концептуальных связок, а потом на этой основе строить уже многокомпонентную модель концептуального поля ГРЕХ – ПОКАЯНИЕ – ДОБРОДЕТЕЛЬ – ИСКУПЛЕНИЕ. Опыт анализа содержания и структуры концептуальных полей посредством описания бинарных концептуальных связок апробирован нами посредством исследования концептуальных связок ГРЕХ – ПОКАЯНИЕ [Сайгин 2016б] и ГРЕХ – ДОБРОДЕТЕЛЬ [Сайгин 2016а]. Научный инструментарий этого

анализа опирается на выявление парадигматических и синтагматических связей и отношений сопоставляемых концептов, составляющих связку.

В соответствии с указанной технологией исследовательского моделирования концептуального поля для описания образующей его концептуальной связки ГРЕХ – ИСКУПЛЕНИЕ сначала сопоставим семантический объем концептов, который был выявлен в наших предыдущих работах [Сайгин 2013 и 2016с].

В плане предварительных общих соображений можно утверждать, что ИСКУПЛЕНИЕ есть необходимый процесс и желаемый результат избавления от ГРЕХА, т.е. можно наметить определенные смысловые антиномии в рецепции этих понятий, особенно применительно к принятой нами концепции разделять религиозно-православный и внерелигиозный пласты концептуального содержания [Сайгин 2015].

Когнитивные признаки концептов ГРЕХ и ИСКУПЛЕНИЕ, которые были выявлены на предыдущих этапах исследования, имеют ряд соотносительных компонентов концептуального содержания. Отметим, что разные линии концептуальной связанности разных когнитивных признаков выстраиваются для религиозного и светского понимания концепта.

Для религиозного понимания можно видеть антиномическую связь между такими когнитивными признаками концепта ГРЕХ, как 'нарушение действием, словом или мыслью воли Бога (поступок, противный закону Божию)', 'нарушение религиозных предписаний, правил', 'состояние (чувство, ощущение) вины перед Богом', 'остояние греховности = ощущение неправильности, предосудительности (своих действий)' – и такими когнитивными признаками концепта ИСКУПЛЕНИЕ, как 'искупительная жертва Иисуса Христа – восстановление поврежденной грехом человеческой природы и примирение человека с Богом' и 'избавление от греха отдельного человека посредством молитвы и праведной жизни'.

Для светского понимания можно видеть антиномическую связь между такими когнитивными признаками концепта ГРЕХ, как 'проступок, преступление', 'ошибка', 'состояние (чувство, ощущение) вины', 'порок, недостаток', 'беда, несчастье' – и такими когнитивными признаками концепта ИСКУПЛЕНИЕ, как 'освобождение, избавление от бедствий, несчастий', 'получение прощения за содеянное ценой чего-л.', 'заглаживание, исправление проступка, вины' и 'возмещение, возмездие, расплата'.

Под анализом **синтагматических связей и отношений** лексем – репрезентантов концепта в соответствии с принятой концепцией исследования

понимается выявление устойчивых моделей рядоположного употребления и контекстов совместной встречаемости данных лексем, в результате чего образуются разные типы логических отношений между ними. Это прежде всего сочинительные отношения конъюнкции: *Достоевский: грех, искупление и слава* (<https://inosmi.ru/russia/20130211/205740877.html>); *Что такое первородный грех и искупление. Николай Колчурицкий. Без верного ответа на эти вопросы нет истинного христианства* (<https://orthodoxu33.wordpress.com/2011/09/07/iskpgrh/>), – а также подчинительные объектные отношения: *Христос совершил искупление наших грехов на Голгофе; мы призваны воспринять Его дар через покаяние и веру* (<https://foma.ru/mozhnoli-iskupit-svoi-grexi-i-kakim-obrazom.html>), отношения антитезы: *Нет, брат, так в жизни не бывает, грешить трудился, так и искупить потрудись* (krest.kz/kak-prigotovitsya-k-ispovedi/); *То, чем мы грешим в молодости, приходится искупать в старости* (<http://text-master.ru/aforizmu/sin.html>).

В заключение отметим, что проведенное исследование подтверждает релевантность исследовательской стратегии «попарного» анализа полеобразующих для концептуального поля ГРЕХ концептуальных связок ГРЕХ – ПОКАЯНИЕ, ГРЕХ – ДОБРОДЕТЕЛЬ, ГРЕХ – ИСКУПЛЕНИЕ и под. как научного инструмента описания данного концептуального поля в национальной концептосфере и его языковой объективации в русском языке.

Литература

- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997.
- Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю.* Лингвокультурология: учебник. М.: Флинта: Наука, 2014.
- Крючкова Н.В.* Лингвокультурное варьирование концептов. Саратов: СГУ, 2005.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. М.: Едиториал, 2004.
- НКРЯ* – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н. М.: Флинта: Наука, 2014.
- Радбиль Т.Б.* «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1999. Вып. 13. С. 137-153.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2016.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 130-135.

Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая экспликация концепта «грех» в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2013.

Сайгин В.В. Концептуальное поле «грех» в пространстве русской культуры: опыт комплексного лингвокогнитивного описания: монография. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2015.

Сайгин В.В. Антиномия «грех» – «добродетель» в концептуальном поле «грех» русской национальной концептосферы // Мова: Науково-теоретичний часопис з мовознавства. 2016а. № 25. С. 56-62.

Сайгин В.В. ГРЕХ vs ПОКАЯНИЕ в концептосфере русской культуры: лингвокогнитивный аспект // Научный диалог. 2016b. № 1 (49). С. 82-93.

Сайгин В.В. Семантическое наполнение концепта «искупление» и его языковая объективация в русском языке // Язык, культура, коммуникация: изучение и обучение: материалы I Международной научно-практической конференции (13-15 октября 2016 г., г. Орел, ОГУ имени И.С. Тургенева). Орел: ОГУ имени И.С. Тургенева, 2016с. С. 257-262.

V.V. Saygin (Nizhni Novgorod, Russia)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

**THE CONCEPTUAL BOND GREKH (SIN) – ISKUPLENIE
(REDEMPTION) IN THE CONCEPTUAL FIELD GREKH (SIN):
THE LINGUO-COGNITIVE ASPECT**

The work presents linguo-cognitive description of the conceptual bond GREKH (SIN) – ISKUPLENIE (REDEMPTION) as a component of the conceptual field GREKH (SIN). The analysis of the data of Russian National Corpus and Internet-monitoring detects paradigmatic and syntagmatic connec-

tions and correlations between substantive and verbal lexemes – the representatives of the conceptual bond.

Key words: the conceptual bond GREKH (SIN) – ISKUPLENIE (REDEMPTION), conceptual field, linguo-cognitive description, linguo-culturology, the Russian language.

*Н.А. Сергиенко, Д.В. Грамма (Сургут, Россия)
Сургутский государственный университет
nas_surgut@mail.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЛИНГВОМЕНТАЛЬНОЙ СУБСФЕРЫ РАДОСТЬ В БРИТАНСКОЙ И АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье на основе анализа лексикографических и фразеологических источников, а также корпусов английского языка проанализированы особенности лингвокогнитивной категоризации и концептуализации лингвоментальной субсферы РАДОСТЬ в британской и американской лингвокультурах. Выделены лингвокогнитивные семы в структуре репрезентантов данной субсферы, определены категориальные семантические группы ее выражения.

Ключевые слова: лингвоментальная субсфера РАДОСТЬ, особенности лингвокогнитивной категоризации и концептуализации, британская и американская лингвокультуры.

В современной лингвистике эмоций уже не вызывает сомнения тот факт, что эмоции тесно связаны с когнитивными процессами человека и включены непосредственно в структуру его сознания и мышления [Шаховский 2013: 13]. Поэтому в настоящее время вопросы языковой концептуализации и лингвокогнитивной категоризации эмоций все больше привлекают внимание исследователей-лингвистов.

Лингвокогнитивная категоризация трактуется нами как специфический для разных лингвокультур (в лингвистическом и культурологическом плане), но универсальный (в когнитивном отношении) процесс

вербализованного упорядочения знаний и представлений человека о реальном (и нереальном) мире [Сергиенко 2018: 132].

Тесная взаимосвязь культуры, человеческого сознания и языка проявляется в базовых понятиях лингвокультуры народа, к которым относятся универсально-эмотивные субсферы. Различные эмотивные субсферы являются «ментальными единицами высокой степени абстракции и отражают в языковом сознании многовековой опыт интроспекции этноса в виде общих универсальных и культурно-специфических представлений об эмоциональных переживаниях, интегрирующие в себе языковую, концептуальную и эмоциональную картины мира» [Малярчук 2017: 132].

Одним из многомерных интегрирующих культурно-эвристических ментально-аффективных образований является субсфера РАДОСТЬ [Шамаева 2004: 4], одна из базовых универсальных эмоций, которая формирует соответствующую лингвоментальную субсферу в исследуемых лингвокультурах. Под лингвоментальной субсферой (сферой) мы понимаем многомерную и многоуровневую лингвокогнитивную сущность, в которой отражены ментальные и психические процессы сознания человека, его философские взгляды и установки, концептуальные и информационные структуры, отражающие его профессиональные знания и социальный опыт, оценки, чувства, эмоции, национально-культурные традиции и история, индивидуальная и коллективная память, личный и общенациональный лексикон, персональные, этно-национальные и конвенциональные представления о научной и наивной картинах мира.

Именем анализируемой лингвоментальной субсферы в английском языке считаем лексему *joy*, потому что именно она наиболее в полной мере номинирует данный концепт в языке и лучше всего описывает данную эмоцию.

Анализ англоязычных лексикографических и фразеологических источников показал, что лексема *joy* является основной номинацией универсально-эмотивной субсферы РАДОСТЬ в британской и американской лингвокультурах.

Можно говорить о том, что в англоязычных словарях слово *joy* может трактоваться с помощью релятивных и отсылочных определений, то есть через синонимы (*happiness or contentment, pleasure or delight; rejoicing success; satisfaction, felicity, etc.*). Радость тесно связана с такими эмоциональными состояниями, как *счастье, удовольствие*; причиной радости может быть благополучие, успех, ожидание или переживание чего-то положительного.

В семантике анализируемой лексемы содержится общая родовая сема «состояние» или «чувство» (*state or feeling*), которая указывает на соответствующую денотативную сферу сознания человека. Все другие виды семы служат для конкретизации значения лексемы. Среди видовых компонентов выделяются: сема «характер эмоции» (*joyful, happy, pleased*), «симптом эмоции» (*something has happened – что-то случилось; doing something that enjoy – делаешь то, от чего получаешь удовольствие*), «характер события» (*good – хорошо*); «объект радости» (*somebody – некто, индивид*).

Соответственно, кроме имени данной эмотивной субсферы лексемы *joy*, к номинативным средствам ее языковой репрезентации можно отнести синонимы (*brightness, content, contentment, glee, gladness, gladness, gratification, appeasement, jubilation, delight, felicity, cheer, cheerfulness, treat, kick, euphoria, bliss, elation, ecstasy, aptness, suitability, excitement, luck, welfare, thanks, relief, satisfaction, gratitude, wellbeing, pleasure, love, smile*), дериваты (*joyful, joyfully, joyfulness, enjoyment*), идиомы и фразеологизмы (*joyful event; joyful family; joyful couple; be full of the joys of spring; burst with joy; jump for joy; pride and joy; leap for joy; weep for joy; full of the joys of spring; wish someone joy; joy flakes; joy juice; joy ride; joy water*), компаративные повороты (*as joyful as the day is long (as a king; as a bird on the tree; as a clam / as a clam at high tide; as a pig in mug; as a Larry*)), свободные словосочетания (*giving hugs, savoring present*), а также когнитивные метафоры, которые характеризуются образностью и наглядностью (*walking with the head up high, showing teeth, eyes crinkled at the corners, with rosy cheeks and an open mouth*), паремии и афоризмы (*A thing of beauty is a joy forever – beautiful things give pleasure that lasts even longer than the beautiful things themselves; No joy in Mudville – a phrase used to describe an overall sense of sadness and/or disappointment; Have any joy – to have some amount of luck or success in some task; Bundle of joy – a newborn baby; A joy to behold – a thing, event, or experience that creates a profound sense of joy or elation in the spectator*), которые обозначают состояние радости, удовольствия и счастья.

Изучение словарных дефиниций дает возможность выделить способы вербализации, которые используются для обозначения эмотивной субсферы РАДОСТЬ в британской и американской лингвокультурах, универсальность ее свойств и национально-культурную специфику.

Свободные словосочетания с номинацией *joy* или его синонимов служат средствами языкового воплощения метафор, которые констатируют

образное содержание данной эмотивной субсферы. Образная составляющая, т.е. образы, ассоциации, знания, которые вызываются в сознании в связи с тем или иным денотатом, играет важную роль в вербализации лингвоментальной субсферы РАДОСТЬ. Образный компонент в современной англоязычной лингвокультуре объективируется рядом ключевых когнитивных и образных метафор, которые являются основой для типичных метафорических высказываний. Метафоризация принадлежит к самым важным проявлениям адаптивной и регулятивной деятельности человека, направленной на переработку эмоциональной информации. В когнитивной лингвистике метафора понимается как феномен, который обеспечивает умственно-речевую деятельность человека.

Для эмотивной субсферы РАДОСТЬ в британской и американской лингвокультурах продуктивными являются онтологические метафоры. Среди онтологических метафор наиболее распространенными являются персонификации. Например, в фрагменте: “*It’s important to remember that joy can always follow despair*” [Sparks 2007: 182] удовольствие уподобляется человеку, который имеет способность выполнять физические движения. Метафора вербализирована глаголом *to follow* (преследовать, идти следом, следовать), агентом действия которого является денотат лексемы *joy*.

Группа метафор построена на уподоблении удовольствия или радости природным явлениям, например воде или огню: “*gabby laughed, feeling a little burst of relief*” [Sparks 2007: 139]; “*inexplicably, Will felt a strange wave of relief*”. [Sparks 2009: 46]; “*...made her feel a burst of gratitude and affection toward him*” [Sparks 2009: 154].

Изучение содержательной структуры синонимов *joy* дает возможность выделить следующие семы в структуре репрезентантов данной субсферы: 1) эмоция, чувство, ощущение, состояние (*emotion – joy, pleasure; feeling – joy, pleasure, delight, enjoyment; sensation – pleasure; state, condition – joy, enjoyment*); 2) процесс, действие (*act, action – enjoyment*); 3) причина (каузатор) возникновения эмоции (*joy, enjoyment, pleasure, delight*); 4) условия появления (*joy – well-being, success, good fortune, prospect of possessing what one desires*); 5) интенсивность переживания (*joy – great, very, deep, pleasure – very much, delight – extreme, great, high degree*); 6) проявление эмоции (*joy – expression, exhibition, outward show*).

Словарные и метафорические иллюстрации синонимического ряда *joy* дают возможность выделить следующие семантические группы:

1) виникнення і переживання емоції з вказанням або без вказання на причину (*They were filled with joy when their first child was born. Listening to music is one of his greatest joys. Her singing is a joy to listen to*);

2) проявлення емоції (*She smiled with pleasure at being praised. She wept for joy when she was told that her husband was still alive*);

3) протипоставлення емоції іншим негативним переживанням (*Their sorrow turned to joy; the joys and sorrows of life; the pleasure and pains of life*);

4) градація емоції (*great joy / delight / pleasure; sheer / pure delight*).

Таким образом, анализ лексикографических и фразеологических источников, а также корпусов дает возможность утверждать, что ядром универсально-эмотивной субсферы РАДОСТЬ в британской и американской лингвокультурах выступает лексема *joy* с ее семантическими признаками: «состояние», «чувство», «эмоция», «каузатор эмоции», «интенсивность», «внешняя форма проявления». В околоядерную зону входят наиболее частотные синонимы и дериваты: *pleasure, enjoy, delight, enjoyment, joyful, joyous, happiness etc.*

Перспективним представляється проведення сопоставительного аналізу особливостей лінгвокогнітивної категоризації і концептуалізації лінгвоментальної субсфери РАДОСТЬ в лексикографіческій, образній і наивній мовних картинах мира представителів британської і американської лінгвокультури.

Литература

Малярчук О.В. Емоційний концепт щастя: етимологічні та структурні характеристики. Вісник Житомирського державного університету. Філологічні науки. Житомир, 2017. № 2 (74). С. 132-138.

Сергиенко Н.А. Формирование субсферы СЕМЬЯ в русской и украинской лингвокультурах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С. 132-139.

Шамаєва Ю.Ю. Когнітивна структура концепту «радість» (на матеріалі англійської мови): автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.02.04. Харків, 2004. 20 с.

Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. Изд. 2-е. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 128 с.

Sparks N. The Choice. New York: Grand Central Publishing, 2007. 219 с.

Sparks N. The Last Song. New York: Grand Central Publishing, 2009. 309 с.

*N.A. Sergienko, D.V. Gramma (Surgut, Russia)
Surgut State University*

**LINGUO-COGNITIVE CATEGORIZATION AND
CONCEPTUALIZATION
OF LINGUO-MENTAL SUB-SPHERE JOY
IN BRITISH AND AMERICAN LINGUO-CULTURES**

The article deals with the analysis of the peculiarities of linguo-cognitive categorization and conceptualization of the linguo-mental sub-sphere JOY in the British and American linguo-cultures based on lexicographic and phraseological sources. Linguo-cognitive semes and categorial groups have been revealed in the structure of the analyzed linguo-mental sub-sphere.

Key words: linguo-mental sub-sphere JOY, peculiarities of linguo-cognitive categorization and conceptualization, British and American linguo-cultures.

*Е.Е. Смирнова (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
ees@int.unn.ru*

**ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ
В ЯЗЫКОВОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ПРАВДА**

В работе дано лингвокогнитивное описание разновидностей онтологических концептуальных метафор, характерных для языковой объективации концепта ПРАВДА в национальной концептосфере. На материале фразеологизмов, пословиц и текстов народных сказок показано, что абстрактный концепт ПРАВДА последовательно представлен как конкретный объект, вещество, содержимое вместилища или как одушевленная сущность.

Ключевые слова: теория метафоры Лакоффа–Джонсона, онтологическая концептуальная метафора, концепт ПРАВДА, лингвокогнитивный анализ, русский язык.

Статья посвящена анализу особенностей концептуального содержания и языкового воплощения концепта ПРАВДА в свете теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004].

Цель исследования – лингвокогнитивное описание разновидностей онтологических концептуальных метафор, характерных для языковой объективации концепта ПРАВДА в национальной концептосфере.

Материалом исследования являются фразеологизмы, поговорки и пословицы, а также тексты русских народных сказок.

Методологической базой исследования являются принципы языковой концептуализации мира (метафорической, по сути), изложенные в работах [Вежицкая 1997; Лакофф, Джонсон 2004; Новые тенденции 2014; Радбиль 1999 и 2017]. В числе основного метода исследования выступает методика анализа концептов, разработанная учеными Нижегородской школы концептуального анализа [Ручина, Горшкова 2011; Сайгин 2013; Радбиль 2016].

Одной из важнейших составляющих принятой нами методики выступает исследовательская процедура, базирующаяся на исследовании языковых механизмов концептуальной метафоры, которая, согласно пионерским работам Дж. Лакоффа и др., определяется как базовое средство формирования понятийной системы человека посредством понимания одного, более сложного и недостаточно освоенного концепта в терминах другого, более фундаментального концепта, уже известного носителю языка из опыта взаимодействия с миром [Лакофф, Джонсон 2004]. Л.О. Чернейко, развивающая этот подход, предлагает анализировать языковые механизмы концептуально-метафорического осмысления абстрактного имени через анализ сочетаемости отвлеченных существительных с предикатами или атрибутами конкретной семантики, в норме присущими чувственно-воспринимаемым естественным объектам, субстанциям и артефактам культуры или одушевленным существам [Чернейко 1997: 284]. При этом необходимо так называемое буквальное прочтение узальной сочетаемости абстрактного имени с конкретными предикатами или атрибутами, что, собственно, и составляет суть языкового механизма актуализации концептуальной метафоры.

В теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона интересующий нас вид концептуальных метафор квалифицируется как **онтологические метафоры**, когда некоторая сложная абстрактная сущность понимается через предметно-чувственное представление в виде конкретного объекта, вещества (субстанции), вместилища (контейнера) или даже одушевленного существа.

Согласно нашим наблюдениям, по языковому воплощению концепт ПРАВДА, особенно в дискурсивных практиках, отражающих народный тип языковой концептуализации мира (фразеологизмы, поговорки и пословицы, сказки и под.), целиком и полностью вписывается в модели концептуальной метафоризации по типу именно онтологической метафоры. Наши выводы, вслед за Л.О. Чернейко, основываются на **буквальном** прочтении узуальной сочетаемости, при которой абстрактным сущностям приписываются атрибуты и/или предикаты, в норме характерные для сочетания со словами, обозначающими чувственно-воспринимаемые явления.

Данные русской фразеологии, обобщенные нами по словарям [Молотков 1968; Федоров 1990; Бирих, Мокиенко, Степанова 1999] дают нам следующие модели онтологической метафоры для концепта ПРАВДА.

ПРАВДА выступает как объект или вещество, которое можно *резать*. *Резать правду [матку]: 'Прост. Говорить всю правду открыто, прямо, без обиняков; смело отстаивать правоту какого-либо дела'*.

Также грамматическим сигналом конкретизации/овеществления абстрактного понятия является возможность множественного числа. Это видим во фразеологизме *Правдами и неправдами*: 'Любыми средствами, не стесняясь в выборе средств, ничем не брезгуя'.

Метафора контейнера (вместилища) реализована во фразеологизме *В ногах правды нет*: 'Не стоит стоять, лучше сесть. Обычно при обращении с приглашением сесть'. – Здесь ПРАВДА получает возможность пространственной локализации в некотором вместилище, в части тела человека.

Метафоризацию правды как одушевленного существа встречаем во фразеологизме: *Смотреть в глаза правде*: 'Трезво оценивать действительное положение вещей'. ПРАВДА наделяется таким атрибутом, как глаза.

В фразеологизме *Голая правда*: 'Абсолютная, чистая правда, без прикрас' – определение *голый* в норме присуще только человеческому существу (без одежды), таким образом перед нами – снова модель одушевленного представления ПРАВДЫ.

Русский пословичный фонд, взятый по источнику «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [Даль 1999], также отражает все выявленные ранее модели онтологических метафор.

ПРАВДА как конкретный объект, вещь или вещество, которые можно хранить, резать, которые могут иметь цену, которые плавают и тонут и пр., представлена в пословицах: *Не говори обиняком – режь правду прямоком!*; *Всяк правду хвалит, да не всяк ее хранит*; *Дороги твои сорок*

соболей, а на **правду** и цены нет; **Правда** тяжелее золота, а на воде всплывает; Если золото всплыло – **правда** утонет.

ПРАВДА как содержимое некоего вместилища, контейнера представлена в пословицах: *Ищи **правды** в других, коли в тебе ее нет; **Правды** в сучок не засунешь.*

Крайне широко и разнообразно воплощена в пословицах модель метафорического представления ПРАВДЫ как одушевленного, целенаправленно действующего существа (человека или сверхъестественной сущности), которые могут убивать и быть убиты сами, которые могут уйти в лес, которые бьют, не испытывают страха, не ищут милости и пр.: *Не всякая **правда** напралом бьет; **Правда** милости не ищет; **Правда** не боится света; Кулаком **правды** не убьешь; Была **правда**, да в лес ушла; **Правда** страха не ведает: сама страхи убивает.*

В текстах русских народных сказок по сборнику под ред. А.Н. Афанасьева [Афанасьев 1957] все указанные виды онтологических метафор получают еще большее разнообразие и крайне широкую встречаемость. Прежде всего важны для нас контексты одушевленного употребления ПРАВДЫ как некоего мифологического существа, спорящего с КРИВДОЙ – тоже живым и активно действующим сказочным героем.

ПРАВДА: (1) участник вечного спора с Кривдой; причем в этом споре остается, как правило, в меньшинстве: *Однажды спорила Кривда с **Правдою**: чем лучше жить – кривдою али правдою? «Ну ты, **Правда**, проспорила; в наше время лучше жить кривдой»;* (2) тот, кто в итоге всегда оказывается победителем в споре с Кривдой, причем вознагражденным победителем: *...**Правда** приложила ей к очам травку, потеряла и вылечила; царь обрадовался, женил **Правду** на своей дочери и взял к себе в дом;* (3) ПРАВДА – тот, кто всегда совершает добро, старается помочь нуждающимся: ***Правда** вышел и помешал жениться двоюродному брату на сестре, запрудил мельницу, не дал убить человека, достал жар-цвет и вылечил царевну.* При этом отметим, что в сказках это существо бывает как мужского, так и женского рода.

В целом проведенное исследование показало научную релевантность использования исследовательских моделей, основанных на теории концептуальной метафоры, для анализа неких существенно важных когнитивных, культурных и собственно языковых процессов, связанных с представлением в языке народа своеобразия его мировидения, системы ценностей и моделей отношения к миру, мифологических по своей природе.

Литература

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. / подготовка текста, предисл. и прим. В.Я. Проппа. М.: Художественная литература, 1957.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник. Спб.: Фолио-Пресс, 1999.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997.

Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Художественная литература, 1989.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. М.: Едиториал, 2004.

Новые тенденции в русском языке начала XXI века: колл. монография / Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н. М.: Флинта: Наука, 2014.

Радбиль Т.Б. «Семантика возможных миров» в языке Андрея Платонова // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. 1999. Вып.13. С. 137-153.

Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета. М.: Флинта: Наука, 2016.

Радбиль Т.Б. Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

Ручина Л.И., Горшкова Т.М. Словарь комбинированного типа как способ лексикографического описания концептосферы русской народной сказки // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6-2. С. 130-135.

Сайгин В.В. Когнитивные признаки и языковая экспликация концепта «грех» в современном русском языке: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2013.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: Более 12 000 фразеол. единиц: в 2 т. Рос. АН, Ин-т филологии. Новосибирск: Наука: Сиб. изд. фирма, 1995.

ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / сост.: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. М.: «Советская Энциклопедия», 1968.

Чернейко Л.О. Логико-философский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997.

E.E. Smirnova (Nizhni Novgorod, Russia)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

ONTOLOGICAL CONCEPTUAL METAPHORS IN LANGUAGE REALIZATION OF THE CONCEPT PRAVDA (TRUTH)

The work presents linguo-cognitive description of certain types of ontological conceptual metaphors characterizing language objectification of the concept PRAVDA (TRUTH). The analysis of phraseologisms, proverbs and folktales showed that the abstract concept PRAVDA is consequently represented as a concrete object, substance, content of container or as animated creature.

Key words: Lakoff–Johnson theory of metaphor, ontological conceptual metaphor, the concept “pravda” (“truth”), linguo-cognitive analysis, the Russian language.

C.P. Somoeva (Rostov-na-Donu, Rossija)

Донской государственный технический университет

san.somoeva@yandex.ru

КОНЦЕПТ «АКЪЛО» (УМ) В БЕЖТИНСКИХ ПАРЕМИЯХ

Статья посвящена актуальной теме изучения фразеологического состава бесписьменного языка бежтинского народа. Статья дает ценную информацию о лингвострановедческих данных народа, его культуре и обычаях. Полученные фоновые знания помогут при составлении письменных текстов на бежтинском языке, а также их переводу на другие языки.

Ключевые слова: концепт «акъло», бесписьменный язык, бежтинские паремии.

В условиях популяризации русского языка как межэтнического языка Дагестана активизируются проекты по изучению, описанию и фиксации бесписьменных языков малочисленных народностей, проживающих на данной территории. Большой вклад в развитие данной проблемы внесли такие известные дагестановеды, как А.Е. Кибрик, М.Ш. Халилов, Т.Е. Гудава, П.Т. Магомедова, У.А. Мейланова и др.

Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления, описания и систематизации бесписьменного бежтинского языка. Данное исследование позволит, с одной стороны, расширить когнитивную ветвь лингвистических исследований, описать и систематизировать паремиологический фонд бежтинского языка. С другой стороны, более детальное изучение паремий и поиск адекватных элементов в другом языке позволит носителю адаптировать бежтинские тексты для лингвоэтнического восприятия.

Различные уровни языка, такие как фонетика, грамматика, лексика, направлены на хранение, накопление и выражение мыслей человека. Паремиологический фонд бежтинского языка запечатлел историю, право народа и бытовой уклад жизни.

В современном языкознании под паремиями понимается такой жанр фольклора, как пословицы и поговорки. Паремиология изучает словесные произведения фольклора методами, принятыми в литературе, то есть с точки зрения происхождения, роли в обществе, их позитивно-познавательного содержания. Изучая концепты, содержащиеся в пословицах, можно определить их содержание и установить аксиологическую окраску.

Пословично-поговорочное поле любого языка отображает опыт соответствующего носителя языка через концептосферу. Понятие концепта является одним из базисных понятий лингвокультурологии. Однако единого определения термина «концепт» не существует. У разных исследователей разное содержание определения термина. Впервые в отечественной науке термин «концепт» был употреблен С.А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г. Ученый определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода. Согласно В.В. Колесову, ментальные и концептные архетипы складываются исторически, следовательно, лишь исторический подход может быть ключом к их познанию и описанию. Аналогичны принципиальные квалификации концептов, общие методологические установки, определяющие порядок и процедуру их изучения и в работах З.К. Тарланова [Тарланов 2005: 174-175]. М.Д. Самедов, исходя из статьи В.И. Убойко и К.З. Закирьянова «О перспективах сопоставительного анализа концептосферы», отметил, что термины «концепт» и «концептосфера» отражают сферу деятельности человека, а именно связанную с когнитивной ролью языка. Отсюда

требования к задачам лингвистики – определить, как человек воздействует на язык и как влияет язык на человека, его мышление и культуру. Концепты как репрезентанты когнитивной деятельности человека отражают ментальные представления того или иного этноса. Выявить способы закономерности концептуализации и категоризации значит понять мироощущение этноса. В силу этого возникают различные теории концептуализации восприятия действительности. Возникшие языковые концепты не существуют изолированно, а определенным образом связаны друг с другом. Сопоставительное изучение семантических полей фразеологических единиц подтверждает такой тезис [Самедов 2004: 77].

При всех своих внешних различиях определения концепта едины: 1) в отнесении концепта к миру понятий, 2) в признании концепта в качестве основной единицы ментальности, 3) в признании того, что концепты – это константы соответствующей культуры, определяющие ее своеобразие, 4) в том, что, складываясь исторически, концепты закрепляются на предметно-понятийном, лексико-семантическом уровне языка.

Бежтинский язык функционирует в разговорно-бытовой сфере. Изучение и систематизация бесписьменного языка помогут бежтинцам овладеть русским языком. У пословиц и поговорок разных народов логическая форма содержания изречений абсолютно совпадает, разница в этническом, географическом, образном строе, местных реалиях и понятиях. Общее – это то, что изречения обладают постоянством, устойчивостью и употребляются в готовом виде. В каждом языке имеются варианты клише по характеру ситуации. Поэтому не так важна внешняя образность, как то, что передается жизненная позиция. Например: *пог. аьлаьши хабалла аьбдаьллихъа нийасола, билЮс хабалла къовахъа нийасола* (букв. о новостях в селе у глупца спрашивай, о новостях в семье у детей спрашивай) имеет близкий вариант в русском языке – *глупый да малый всегда говорят правду*.

Пословицы и поговорки – клише определенных ситуаций, обстоятельств или отношений между вещами. Варьирование характерно для всех языков. Одна и та же мысль может быть выражена большим количеством логических форм. Иносказательный характер паремнологических единиц позволяет трактовать смысл пословиц по-разному в силу их многозначности. *Посл. месед – кисаь, акъло – къаьмиь* (букв. золото – в кармане, а ум – в голове) может найти однородную идеологию в русском языке – *был бы ум, будет и рубль*. Мысль о духовном богатстве отражается

и в других синонимичных поговорках с моделью «золото-ум», *посл. месед тIалаб йовакъа, акъло гъарзи бова* (букв. золота не ищи, а ум проси), *пос. окко гавъаьчов акъло гавъаь, анкъло гавъаьчов окко гавъаь* (букв. там, где деньги, ума нет, там где ум, денег нет) может иметь вариант в русском языке – *горе деньги нажить, а с деньгами и дураку можно жить. Посл. акъиллъи йихъолъи кIетIо гей окко-месед йихъовалагъа* (букв. мудрость приобрести лучше, чем приобрести драгоценности) – *ум дороже золота. Погов. бечельылагъа лъай кIетIо гей* (букв. лучше знания, чем богатство) имеет полный лексический эквивалент – *знания дороже богатства*.

Семантическая репрезентация концепта *акъло* включает в себя предикат *лъай* (знание), что соответствует русским концептосферам «ум», «знание», «познание», «учение». *Посл. цIодораблила йакIи илмо-лъай тIалаб бос, абдаьллаьлаь сикIа аьнтлъи тIалаб йос* (букв. умное сердце ищет знания, уста глупых ищут глупость) – *уста мудрого ищет знания, уста же глупых питаются глупостью. Посл. уьхов-аьхаьл икъал нуцIода, акъло-лъай бацца* (букв. чтобы уметь вести себя, ум и знания нужны) – *всякий совет к разуму хорош. Погов. итIинас акъло* – *укъал лъай* (букв. для младшего – ум, а для старшего – знание. Глаголы *Акъло, лъай* – наиболее часто употребляемые в паремиологической картине, используемые для проявления концепта «знание».

Знание требует наличия субъекта и объекта знания. Обычно субъектом представляется человек, но может быть и животное. Этноним *бежкъас* переводится как «скотный двор». Основными занятиями народа являются скотоводство и земледелие. Значительное место в бежтинском языке занимают поговорки с зоонимическим компонентом. *Погов. аьлаьл анкъил, рехъелли тIига нитоназу бацца* – букв. селу – умная голова, отаре овец – козел всегда нужны. *Погов. кIетIа соййал гъос баькъеллолъи оьлчаь, акъло гавъгийал гъос йаьже оьлчаь* (букв. хорошему коню одного удара кнута хватает, умному человеку одного слова хватает) – *умному намек, глупому толчок*. Лексема *соййа* (лошадь) транслирует национальный менталитет. Бежтинцы как субэтнос принадлежат к такой народности, как аварцы, но отличаются языковыми, культурными особенностями. Аварское название народа – *хъванал* переводится как «лошадники». Зооморфность метафоричных выражений, присущая им субъективно-оценочная коннотация, специфика их семантических параметров во многом обусловлена их референциальной сферой, основу которой составляет имплицитно выраженный в них антропоцентризм как проявление древней фольклорной традиции приписывания животным опре-

деленных черт человеческого характера. В бежтинской и русской паремиологической картине мира наиболее репрезентативны пословицы, содержащие лексемы: лошадь, птица, осел, волк. Однако бежтинских пословиц, составляющих «ум-глупость», несущих в себе определенные умственные способности человека и их оценку с точки зрения национального менталитета, было зафиксировано намного меньше, чем в русской фразеологии.

О значимости знаний свидетельствует поговорка *лъайли ванаъ бейазаъяс, ванаъяс гиса багъос* (букв. знание не в лес забирает людей, а из леса выводит) – *наука в лес не ведет, а из леса выводит*. Данные пословицы совпадают в образном и структурном планах. Порядок слов в бежтинском предложении свободный по типу «субъект+предикат+объект».

Наблюдается большая группа паремий по общей семантике *аьбдаьл* – «дурак», в основе которых лежат различные прототипические сцены. В них дается отрицательная оценка. Например, *посл. акъилаблигъой къацло экъе-говал акъло мокъос, аьбдаьллигъой гьудулъи йовал зарал бахъца* (общающийся с мудрым станет мудр, а подружившийся с глупым станет дурным) наблюдает единые закономерности концептуализации мира с русским национальным образом мира: *с умным быть – ума прикупить, а с глупым – и свой растерять*.

Описание когнитивных моделей пословиц и поговорок позволяет выявить распространенность метафоры. Метафоричность позволяет применять одну и ту же пословицу в разных ситуациях. Исследование паремиологической картины мира позволяет сделать вывод о том, что пословицы и поговорки разных народов совпадают, что можно объяснить языковым родством, заимствованием или сходством исторического опыта. Отличия характеризуются различным набором концептосфер.

Изучение пословиц и поговорок способствует формированию и сохранению языка с присущим ему национальным колоритом.

Литература

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Цитадель, 1998.

Маслов В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2004.

Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1988.

Самедов М.Д. К вопросу о сопоставительном изучении фразеологических единиц разносистемных языков в лингвокультурологическом аспекте // Языкознание в Дагестане. № 7. Махачкала, 2004.

Тарланов З.К. Избранные работы по языкознанию и филологии. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2005.

Халилов М.Ш. Бежтинско-русский словарь. Махачкала: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, 1995.

Халилов М.Ш. Язык, фольклор и этнография бежтинцев. М.: Институт перевода Библии, 2017.

S.R. Somoeva (Rostov-on-Don, Russia)
Don State Technical University

THE CONCEPT *АКЪЛ* (*MIND*) IN BEZHITIN'S PROVERBS

The article is devoted to the actual topic of studying the phraseological composition of the nonwritten language of the bezhtinsky people. It should be noted that the article provides valuable information about the linguistic and cultural data of the people, their culture and customs, as well as background knowledge will help in the preparation of written texts in the bezhta language, as well as their translation into other languages.

Key words: concept “акъло”, unwritten language, bezhta proverbs.

A.B. Taskaeva (Chelyabinsk, Russia)
Южно-Уральский государственный институт искусств имени
П.И. Чайковского
taskaeva_anna@bk.ru

«ГЕРОЙ КОСМОСА» В ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследование посвящено изучению вербализации представлений о герое космоса Юрии Гагарине в сознании современного российского

человека на материале русскоязычного интернет-контента (комментарии пользователей к видеоматериалам о Ю.А. Гагарине). Результаты исследования продемонстрировали, что и в современном обществе Гагарин удерживает позиции культурного эталона, остается героем в глазах современных российских граждан. Сделан вывод о том, что мифологизация исторического события – первого в истории человечества космического полета – служит способом сохранения исторической памяти, а героизация образа Юрия Гагарина – способом сохранения и трансляции национальных ценностей, повышения уровня патриотизма.

Ключевые слова: герой космоса, Юрий Гагарин, национальные ценности, культурный эталон, реальный герой.

В русскоязычной языковой практике устойчивым является сочетание «герой космоса» (хотя оно не является официальным званием РФ, таким, как герой России, например), так как каждый космонавт, без сомнения, – герой. В сознании носителя русской лингвоментальности сочетание «герой космоса» неизменно ассоциируется с именем Ю.А. Гагарина. «Юрий Гагарин – это не просто имя и фамилия гражданина Советского Союза. Юрий Гагарин – это символ определенной исторической эпохи. Юрий Гагарин – это символ советской космонавтики. Точно так же Михаил Ломоносов служит символом отечественной науки в нашей стране» [Плахов 2008].

Как отмечает Р.А. Лукьянова, «личность героя определяется тем, что она берет на себя бóльшую, чем другие, меру ответственности, владеет острым ощущением неотложных потребностей современности, благодаря собственным интеллектуальным, физическим, нравственно-психологическим качествам, способностью существенным образом влиять на ход событий» [Лукьянова 2012: 180]. Все вышеперечисленные характеристики можно смело отнести к Ю.А. Гагарину. С нашей точки зрения, Ю.А. Гагарин является национальным героем России, а космос – это сфера, где традиционно русский человек чувствует свое превосходство. Ю.А. Гагарин – это первый космонавт планеты. 12 апреля 1961 года он совершил первый в истории человечества космический полет на космическом корабле «Восток». В данном исследовании мы попытаемся подтвердить или опровергнуть тезис о том, что Гагарин – безусловный национальный герой не только для советского человека, но и для современного российского гражданина. Актуальность исследования обусловлена дегероизацией российского общества и связана с необходимостью

сохранения национальных ценностей, а также действенной передачи этих ценностей от поколения к поколению. Образ героя выполняет эту функцию и служит ориентиром для всех членов социума.

Исследование ведется в русле лингвокультурологии, и главной его задачей становится изучение вербализации представлений о герое космоса Юрии Гагарине на материале русскоязычного интернет-контента. В целях диагностики представлений современного человека о подвиге Гагарина нам необходимо:

1. Методом сплошной выборки отобрать видеоматериалы о Ю.А. Гагарине, располагающиеся в сети Интернет и сопровождающиеся комментариями пользователей (зрителей);
2. Проанализировать комментарии пользователей с целью выявления языковых репрезентаций, отражающих отношение современного русскоязычного человека к личности и подвигу Гагарина;
3. Подтвердить или опровергнуть выдвинутую в исследовании гипотезу. Проанализируем комментарии к следующим фильмам:
 - фильм телестудии Роскосмоса под названием «Юрий Гагарин. Космонавт № 1», размещенный на канале YouTube (количество просмотров с октября 2013 года – 143 589) (https://www.youtube.com/watch?v=Ds44_CkfCW4&list=UUOcpUgXosMCIIosreUfNFIA);
 - фильм ТАСС под названием «Юрий Гагарин – первый человек в космосе», размещенный на канале YouTube (количество просмотров с апреля 2016 года – 124 647) (<https://www.youtube.com/watch?v=rKu6xukQhow>);
 - фильм «Комсомольской правды» «Юрий Гагарин: хроника первого полета», размещенный на канале YouTube (количество просмотров с апреля 2011 года – 467 100) (<https://www.youtube.com/watch?v=LNbx6fntBjw>).

При анализе материала было выявлено, что по содержанию комментарии могут быть объединены в следующие тематические блоки: 1. Выражение гордости за Родину и восхищение героем; 2. Выражение недоверия или отрицание факта космического полета; 3. Высказывание критики в адрес современного российского правительства; 4. Сравнение России и Америки; 5. Выражение ностальгии по советскому прошлому.

Итак, в подавляющем большинстве комментариев зрители выражают гордость за Родину, восхищаются героем. Приведем некоторые из них:

Великий человек Гагарин помним и не забудем никогда. / Великий момент в истории человечества, замечательный, умный и смелый человек – Юрий

Гагарин! / Горжусь за него – парень прожил не зря... / Гагарин – самый героический герой всех времен и народов! / Гордость нации и человек мира. / Мой кумир, великий человек. / Настоящий Русский герой. / Человек рисковал своей жизнью, не зная наверняка, выживет или нет. Гагарин, ты настоящий герой!!! / Мой кумир!! Жаль я не родился в то время. / Великий человек!!

Однако в ряде комментариев подвергается сомнению сам факт полета человека в космос, проявляется скептицизм в отношении героического прошлого советского народа.

А реальные доказательства его полета есть? Ну, кроме снятого после полета художественного фильма, где он говорит: «Поехали!»?! / Аферист он, никуда не летавший! / Да не летал Гагарин ни в какой “космос”. Из обычного испытателя самолетов “космонавта” изобразили. Эти гагаринские “полеты в космос” детище отечественной киноиндустрии времен холодной войны. / Да хватит уже врать. Не было никакого Гагарина ни в каком космосе. / Аферисты коцмонавты.... / Уникальная сказка!!! / Герой бесспорна Учитывая то что никто ни в какой космос никогда не летал Все клоунаваты летают до сих пор только в телевизор (орфография и пунктуация сохранены).

С языковой точки зрения мы видим, что скептицизм проявляется в пренебрежительном переименовании профессии «космонавт» (коцмонавт, клоунавт), в написании слова «космос» в кавычках, с умышленной орфографической ошибкой.

В то же время комментарии, в которых отрицается факт полета в космос Ю.А. Гагариным, вызывают яростную ответную реакцию других пользователей ресурса. Приведем пример:

Только самые тупые не знают, что ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН летал в Космос. Я пишу тому, кто написал, где доказательства! Тот, кто это написал полный Придурок и Идиот! ЮРИЙ ГАГАРИН. Самый почетный человек во всем МИРЕ ОН ПЕРВЫЙ СОВЕРШИЛ ПОЛЕТ В КОСМОС. / Обращаюсь к тем “интеллектуалам”, которые считают, что Ю. Гагарин не летал в космос <...>. Полет был, это подвиг нашего народа. Кто думает иначе – флаг вам в руки. Вас можно было бы поздравить, не будь вы такими идиотами.

Кроме того, фильмы о Гагарине выступают поводом для критики современного правительства РФ:

Хоть эту часть истории нашего народа современная власть умудрилась не изгадить! Слава СССР! Слава нашим великим предкам! /

1961 год. Поехали! 2017 год приехали. / Смотрю и горжусь! А эти дерьмократы взяли и утопили орбитальную станцию “Мир” в Тихом океане, гады! / Юра прости. Теперь у нас только Путин, РПЦ и толпы дегенератов. / Первый был не Гагарин, за два года люди летали. Просто правительство скрывало от нас все, да и до сих пор многие вещи скрывает.

Известно, что история освоения космоса неразрывно связана с историей противостояния двух сверхдержав. Так, и в рассматриваемых комментариях высказываются мнения о первенстве Америки в космосе, идет противопоставление России и Америки.

Целью полутора минутного полета Гагарина 12 апреля 1961 года, являлось маниакальное стремление партийных бонз быть первыми, не взирая ни на какие расходы. Первый американец полетел месяцем позже и научные эксперименты, проведенные тогда дали большую прибыль и толчок к развитию космической программы. / Вранье все это! Дядя Гага никуда не летал, его полет был грубой инсценировкой. Первым в космосе был американец Алан Шепард. / Я не пойму как СССР смог это сделать? Как СССР обогнал США? <...> И все же СССР “утер нос” не только США, но и всему Западу. / Полет Гагарина в космос – выдающееся торжество советской науки и техники, результат титанической работы сотен предприятий и тысяч людей! А еще это яркое свидетельство превосходства СССР над США в гонке вооружений, которая на данный момент шла полным ходом. <...> Как же жаль, что сейчас все наоборот...

В ряде комментариев проявляется ностальгия по советскому прошлому, с его ценностями, образом мыслей, жизненным укладом. Противопоставляются современные люди как носители ценностей общества потребления и «простой» советский человек. В свою очередь, Гагарин ассоциируется с «настоящий русским», является олицетворением ценностей советского народа.

Какие же простые были наши люди. Простая квартира и скакалка для дочки, никаких икс пятых-шестых, никаких айфонов, зато у нас была страна, и мы ставили раком весь мир. Спасибо Тебе, Юра. Ты настоящий Русский. / Я помню этот день <...> Вдруг по громкоговорителю раздался голос Левитана: “Работают все радиостанции Советского Союза”...(праздная спящая толпа замерла)... ..Человек в Космосе... Площадь взорвалась восторженными возгласами... люди

плакали и незнакомые пожимали друг другу руки и целовались. / Мое детство прошло в пионерском лагере космос и к нам в каждую смену приезжали космонавты и очень много всего рассказывали, в том числе и про Гагарина, только хорошее. Сейчас конечно всплывает много грязи про него, только кому это нужно и кто это будет помнить Гагарин – Пионер космоса и вечная ему СЛАВА! / Да, были люди в наше время, не то, что в нынешнее время... одни вырожденцы... СССР пролетел по орбите истории, как Гагарин ... / Великая страна была, при всех ее минусах, было и много у нее достоинств. Если бы СССР не распался, при таком правительстве и быстрых темпах космического развития. Мы бы уже на марсе жили и грядки сажали. / Только в Советском обществе мог появиться такой герой! И только среди Русских людей (в широком смысле слова)! / Нынешней молодежи нужно почаще напоминать, что в СССР было немало хорошего и героического. Было за что гордиться за страну!

Здесь важно отметить, что Юрий Гагарин – это конкретная личность, реальный герой, который выполняет функцию «культурного эталона» (определение В.Д. Плахова). И этот эталон (реальный тип героя) культивировался, канонизировался, укреплялся в общественном сознании, в практической жизни общества «посредством общественного мнения, искусства, литературы, государственной политики, СМИ» [Плахов 2008]. Такой эталон необходим обществу для успешного функционирования и процветания. Безусловно, Гагарин – продукт советской эпохи, но результаты нашего исследования продемонстрировали, что и в современном обществе Гагарин удерживает позиции культурного эталона, остается героем в глазах современных российских граждан. В ходе анализа было выявлено, что на языковом уровне образ Ю. Гагарина репрезентируется как: *великий человек, умный и смелый человек, самый героический герой всех времен и народов, гордость нации, человек мира, кумир, русский герой, самый почетный человек во всем мире, великий предок, пионер космоса.*

Однако героической парадигме свойственен дуализм, который проявляется в попытке дегероизировать образ Ю.А. Гагарина, обесценить достижения советской космонавтики. Так, интернет-пользователи присваивают Ю. Гагарину следующие номинации: *обычный испытатель, аферист, детище отечественной киноиндустрии, неподвижный человек в скафандре, дядя Гага.*

По нашему мнению, мифологизация исторического события – первого в истории человечества космического полета – служит способом сохранения исторической памяти, а героизация образа Юрия Гагарина – способом сохранения и трансляции национальных ценностей, повышения уровня патриотизма. Юрий Гагарин – это символ не только достижений советской науки и культуры, но и новой эпохи во всемирной истории – начала покорения космоса.

Литература

Плахов В.Д. Герои и героизм. Опыт современного осмысления вековой проблемы: монография. Санкт-Петербург: КАРО, 2008. 239 с.

Лукьянова Р.А. Истинный героизм – духовная составляющая общества // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 1. С. 177-180.

A.V. Taskaeva (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Institute of Arts named after P.I. Tchaikovsky

“HERO OF THE COSMOS” IN THE LINGUISTIC AND CULTURAL CONTEXT OF MODERN RUSSIA

The paper is devoted to the study of verbalization of the ideas about “hero of the cosmos” Yuri Gagarin in the consciousness of the modern Russian people on the material of the Russian-language Internet content (comments of users to the video materials about Yu.A. Gagarin). The results of the study demonstrated that Gagarin holds a position of a cultural standard in modern society, remains a hero in the minds of modern Russian citizens. It was concluded that the mythologization of a historical event – the first space flight in the history of mankind – serves as a way of preserving historical memory, and the glorification of the image of Yuri Gagarin is a way of preserving and transmitting national values, raising the level of patriotism.

Key words: hero of the cosmos, Yuri Gagarin, national values, cultural standard, a real hero.

Е.В. Федяева (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный технический университет
fedyayeva_lena@mail.ru

КОЛИЧЕСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ ФОРМАТ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ КАЧЕСТВА

В статье рассматриваются некоторые аспекты концептуализации качественных характеристик на основе синтеза базовых для человеческого сознания концептов КОЛИЧЕСТВО и ВРЕМЯ. Как концепты модусного, интерпретирующего типа, данные концепты обнаруживают способность к профилированию качественных характеристик объектов и явлений действительности.

Ключевые слова: количество, время, качество, интерпретация, инференция.

Категории времени и пространства, количества, качества и меры, формы и содержания и т. д., отражающие наиболее общие феномены познания и формы осмысления объективной действительности, относятся, как известно, к числу логических категорий.

Будучи сложноустроенной логической категорией, категория количества характеризуется достаточно большим объемом значений плана содержания. Отмечая необходимость рассмотрения количественной стороны языкового мышления, И.А. Бодуэн де Куртене наряду с количественным математическим мышлением выделял пространственную, временную, числовую и интенсивную количественности, считая, что «исследователь, интересующийся количественностью языкового мышления, должен искать им языковые соответствия» [Бодуэн де Куртене 1963: 312-313]. И.С. Тимофеев, отмечая неоднозначность понимания данной категории, указывает, что «в одном случае количество в наиболее общем философском смысле объясняется на основе несущественных различий; в другом – под количеством понимается только мощностное какого-либо множества; в третьем – количество разъясняется как качество, рассматриваемое в его пространстве и во времени» [Тимофеев 1972: 9]. Очевидно, что категория количества как категория сознания, представленная языковыми единицами, содержит и временные количественно осмысленные показатели: день, сутки, месяц, год и т. д. Языковые единицы, репрезентирующие меру

времени, обнаруживая определенный смысловой синкретизм, указывают на понимание количества как некоторого свойства или состояния. Таким образом, исследуя представления в сфере количества, необходимо обратиться и к анализу языковых единиц, связанных с феноменом времени, представляющим собой одну из доминант когниции.

Антропоцентрический характер языка находит свое отражение в использовании человеком различных моделей и форматов осмысления окружающей человека действительности, которые в дальнейшем и находят свою репрезентацию в единицах языка. По словам Н.Н. Болдырева, «к числу наиболее универсальных языковых форм концептуализации и интерпретации мира и знаний о мире – форм языкового сознания – следует отнести ПРОСТРАНСТВО и ВРЕМЯ...» [Болдырев 2016: 27].

Концепт КОЛИЧЕСТВО как базовый универсальный концепт человеческого сознания также может претендовать на роль одного из универсальных инструментов интерпретации структуры окружающей действительности. Поскольку концепты ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, КОЛИЧЕСТВО и др. существуют лишь в сознании человека, они являются концептами модусного, интерпретирующего типа, с помощью которых человек оценивает устройство мира. Интересным представляется и тот факт, что взаимодействие концептов КОЛИЧЕСТВО и ВРЕМЯ обнаруживает свой интерпретирующий потенциал в направлении осмысления свойств, характеристик и состояний объектов действительности – т.е. качественного аспекта бытия.

Анализ фактического материала показывает, что концептуализация качества на базе количественно-временных показателей может включать интерпретацию как внешних, так и внутренних свойств и характеристик человека. Обратимся к примерам:

- 1) “*Standing by the concourse book-shop, as arranged, was a tall blondish guy, about my age, but with longer, thicker sideburns and a two-day beard*” [Clarke 2007: 90].
- 2) “*Savario sourit. Sa barbe de trois jours et sa tignasse noire hirsute lui donnaient l’air d’être maquillé au charbon de bois*” [Grangé 2003: 36].
- 3) «*Наконец, из-за двери показалась опухшая, заросшая **трехдневной щетиной** физиономия санитара Владимира Кунца*» [Троицкий 2017: 129].

В приведенных примерах языковая репрезентация идеи времени с использованием традиционного темпорального экспонента, соответствующего русской лексеме ‘день’ со значением ‘временной интервал’,

запускает механизм порождения интерпретирующих смыслов в отношении особенностей внешнего вида человека на базе когнитивного феномена инференции и стереотипного знания о характерных признаках внешнего вида мужчины, который не брился в течение двух-трех дней.

Время может осмысляться человеком и в индивидуально-образном формате, когда течение времени ощущается как собственный возраст. По словам Н.Д. Арутюновой, «сближение моделей времени и моделей жизни естественно. Жизнь протекает во времени и подчинена его законам» [Арутюнова 1998: 689]. Формирование мнения о внутреннем состоянии человека может базироваться на сравнении фактического и «ощущаемого» возраста. Например:

- 4) “*But she felt a hundred years older than she had on Christmas Eve*” [Steel 2001: 112].
- 5) “*En quelques lecons Mme de N... vieillit de dix ans*” [Gary 2015: 38].
- 6) «*В эту ночь я постарела на десять лет*» [Чехов 1965: 124].

Когнитивный контекст РАБОТОСПОСНОСТЬ в общей когнитивной матрице ЧЕЛОВЕК определяется как потенциальная возможность человека выполнять целесообразную деятельность на заданном уровне эффективности в течение определенного времени. Формирование интерпретирующих смыслов «работоспособный», «трудолюбивый», «целеустремленный» и т. д. происходит на базе стереотипных представлений о среднем, «нормированном» количестве часов, отведенных на трудовую активность в сутки:

- 7) “*He had been cruising Piccadilly for a last treat before **throwing himself into five weeks of rising at six and working till eight***” [Fry 1997: 246].
- 8) “*Pour justifier sa decision subite, le chef s’est dit «fatigué, démotivé et usé», exprimant ainsi son epuisement d’etre toujours sur la breche et de devoir **travailler 18 heures par jour, 360 jours par an***” [Musso 2012: 131].
- 9) «*Теоретическому истолкованию явление не поддавалось. Но поскольку факты – вещь упрямая, то сомневаться не приходилось. **Эксперименты велись по двадцать часов в сутки***» [Веллер 2011: 27].

Поскольку опыт и профессионализм вырабатываются годами, целесообразность подключения концепта ВРЕМЯ не вызывает сомнений. Так, количественно-временной формат знания способен «обнажать» инферентные качества, связанные с высоким уровнем профессионализма, который явился естественным результатом длительного пребывания в профессии. Например:

- 10) "*Romans of a certain age who had spent a lifetime in their chosen profession*" [Faulks 2009: 29].
- 11) "*En trente ans de carrière elle avait assisté à un grand nombre d'interrogatoires et pouvait juger de la sincérité d'un prévenu en moins de temps qu'il n'en avait fallu à ce dernier pour commettre son délit*" [Levy 2000: 151].
- 12) «*Но ты правильно предположил, что Гудкова за долгие годы работы на ниве заказных убийств уверилась в собственной непогрешимости, расслабилась и стала считать окружающих дураками*» [Донцова 2014: 249].

Кроме того, представляется, что уровень профессиональной компетенции раскрывается и в способности быстро ориентироваться в своей профессиональной сфере, что ведет к формированию интерпретирующих смыслов «опытный», «компетентный», «знающий свое дело» и т. д.:

- 13) "*Normally, Marcella was so attuned to people's tone of voice that she could gauge any mental state from a five-second conversation*" [Kelly 2012: 41].
- 14) "*Terry fait le tour de ma Twingo, fiche en main, pour relever les points à vérifier. Quelques minutes plus tard, voilà ma voiture soulevée par un cric. Au bout de quelques minutes, le résultat tombe*" [www.leparisien.fr].
- 15) «*У меня на сервисе один вечерник оттуда работает, – сообщил пижон в замшевой куртке и модных полутемных очках. – В любой иномарке за минуту разбирается!*» [Поляков 2009: 112].

Подводя итог, отметим, что изучение интерпретирующего потенциала концептов КОЛИЧЕСТВО и ВРЕМЯ в отношении КАЧЕСТВА способствует дальнейшему пониманию роли человека как интерпретатора окружающей действительности, а также дальнейшему выявлению когнитивных и языковых механизмов, способствующих осмыслению человеком окружающей действительности.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 895 с.

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 1. 384 с.

Болдырев Н.Н. Пространство и время как формы языкового сознания // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2016. № 25. С. 25-32.

Тимофеев И.С. Методологическое значение категорий «качество» и «количество». М.: Наука, 1972. 215 с.

Список источников иллюстративного материала

- Веллер М.* Легенды Арбата. М.: «Издательство Астрель», 2011. 317 с.
Донцова Д. Судьба найдет на сеновале. М.: Эксмо, 2014. 290 с.
Поляков Ю. Гипсовый трубоч: Дубль два. М.: Астрель: АСТ, 2009. 448 с.
Троицкий А. Шпион особого назначения. Том 1. М.: Litres, 2017. 475 с.
Чехов А.П. Пьесы. М.: «Детская литература», 1965. 223 с.
Clarke S. Merde happens. Black Swan, 2008. 381 p.
Faulks S. Devil may care. N.Y.: Vintage books, 2009. 386 p.
Fry S. The Liar. Lnd.: Arrow Books, 1997. 367 p.
Gary R. Une Page d’Histoire et autres nouvelles. Gallimard, 2015. 117 p.
Grangé J.-Ch. La Ligne Noire. Albin Michel, 2003. 760 p.
Kelly C. Once in a Lifetime. Lnd.: Harper, 2012. 469 p.
Levy M. Et si c’était vrai... Paris: Robert Laffont, S.A., 2000. 251 p.
Musso G. L’appel De L’ange. XO EDITION, 2012. 569 p.
Steel D. The House on Hope Street. Corgi Books, 2001. 367 p.
Ces lycéens réparent votre voiture [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.ru/amp/m.leparisien.fr/amp/espace-premium/val-d-oise-95/ces-lyceens-reparent-votre-voture-21-11-2016-6353835.php>

E.V. Fedyeva (*Novosibirsk, Russia*)
Novosibirsk State Technical University
fedyeva_lena@mail.ru

QUANTITY AND TIME INTERACTION AS ONE OF THE FORMS OF QUALITY CONCEPTUALIZATION

The research explores how human mind conceptualizes the quantitative aspects on the basis of QUANTITY and TIME interaction. Being modus and interpreting concepts, QUANTITY and TIME demonstrate the ability to profile qualitative characteristics of objects and phenomena.

Key words: quantity, time, quality, interpretation, inference.

Л.А. Фурс, Е.А. Вишневская (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
liudmila.furs@gmail.com

УПОДОБЛЕНИЕ И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается когнитивная основа конструирования уподобления и средства его репрезентации, выявлены концептуальные характеристики и установлены активизируемые когнитивные области.

Ключевые слова: концепт, конструирование уподобления, когнитивная область.

Когнитивный подход к языку предполагает рассмотрение взаимодействия когнитивных и языковых структур в процессах конструирования смысла. При этом в качестве способов познавательной деятельности человека определены категоризация и концептуализация. Объектом данного исследования выступает уподобление и его репрезентация в английском языке. Уподобление является одним из концептуальных фокусов содержательного плана категории компаративности (см. подробнее о компаративности [Фурс, Вишневская 2018]). Для установления характеристик концепта LIKENING проведен концептуально-дефиниционный анализ одноименных лексем и их дериватов *to liken*, *likeness*, *alike*, *like*, *likewise*, а также их синонимов *to resemble*, *same*, *same as*, *similar*. В ходе анализа установлены такие компоненты смысла, как “the same as the other person or thing” [LWWD 2008: 389]; “similar” [www.dictionary.cambridge.org]; “similar or exactly the same” [www.collinsdictionary.com]. Это позволяет выделить следующие характеристики концепта LIKENING: 1) уподобление одного объекта другому; 2) признание объекта тождественным. Рассмотрим далее средства репрезентации данных характеристик. Интерес также представляет установление когнитивных областей, на которые опирается сознание человека при конструировании уподобления.

(1) Уподобление одного объекта другому

1. *They were acting like children* [LWWD 2008: 389]. 2. *She sings like an angel!* [LWD 2008: 390]. 3. *He looks like his father* [LWD 2008: 390]. 4. *It sounded like Harry* [LWD 2008: 390]. 5. *I think she was like me, she didn't really want to get involved* [www.macmillandictionary.com].

В данных примерах уподобление базируется на активизации когнитивной области «человек». В фокусе внимания находится манера поведения (примеры 1), музыкальное исполнение (пример 2), коммуникативный стиль (пример 4), внешность (пример 3), эмоциональное отношение (пример 5). На основе того, как сопоставляемые объекты демонстрируют данные свойства, наблюдателем признается их схожесть. В качестве средства репрезентации уподобления выступает союз *like*.

6. *He once **likened** his job to fire-fighting [www.collinsdictionary.com]. 7. The pain is often **likened** to being drilled through the side of the head [www.collinsdictionary.com]. 8. The **likeness** between Sara and her mother is incredible [LWD 2008: 390]. 9. All the sisters look **alike** [LWD 2008: 19]. 10. The **resemblance** between the twins is striking [www.macmillandictionary.com].*

В этих примерах в качестве средства репрезентации уподобления выступают глагол *liken*, существительные *likeness*, *resemblance*, прилагательное *alike*. В ходе уподобления объектов также активизируется когнитивная область «человек», при этом значимость для наблюдателя имеет внешнее сходство (примеры 8, 9, 10), а также физические ощущения, когда боль образно сопоставляется со сверлением дрели (пример 7), и профессиональная деятельность, когда выполняемая работа сопоставляется с деятельностью пожарного (пример 6).

Наряду с лексическими средствами отмечаются и морфологические средства (композит *childlike*), и синтаксические средства (союзы *as if*, *as though*): 11. *In some ways her behaviour is quite **childlike** [www.collinsdictionary.com]. 12. Binny found herself siding with Sally **as if** she were a friend [Joyce R. 2015: 27]. 13. They look **as if** they can't remember what they believe [Joyce R. 2015: 27]. 14. She wore a dark lipstick, a colour he had never seen her use before, so that her mouth looked **as though** she'd eaten too many blackberries [Joyce R. 2015: 145].*

Конструирование уподобления в этих примерах базируется также на активизации когнитивной области «человек». Значимым для наблюдателя является поведение человека, сопоставляемое с поведением ребенка (пример 11), межличностные отношения, подобные тем, которые устанавливаются между друзьями (пример 12), выражение лица, сопоставляемое с тем, как выглядит человек, который не может запомнить что-то (пример 13), цвет женских губ, имеющий такой оттенок, который обычно бывает у человека, съевшего много ежевики (пример 14). Отметим, что посредством союзов *as if* / *as though* репрезентируется уподобление за счет сопоставления реального положения дел и возможной ситуации, прогнозируемой на основе

опытного знания, что подтверждается значением данных союзов («in the same way that it would be if») [www.thefreedictionary.com]].

Помимо когнитивной области «человек» востребованными в процессе конструирования уподобления являются и другие области, например, когнитивная область «артефакты»: 15. *It tastes a little like chicken* [www.dictionary.cambridge.org]. 16. *It looked more like a hymn book than a set of instructions for a kit* [Joyce R. 2015: 56]. 17. *The two houses are remarkably similar* [www.dictionary.cambridge.org].

Средством репрезентации уподобления выступает союз *like* (примеры 15, 16) и в последнем примере прилагательное *similar*. Значимость для наблюдателя имеет сопоставление приготовленного блюда по вкусу с курицей (пример 15), набор инструкций с гимном (пример 16) и их уподобление. В последнем случае отмечается схожесть двух домов.

Часто имеет место сопоставление реальной ситуации и прогнозируемой на основе опытного знания наблюдателя. При этом средством репрезентации уподобления выступают союзы *as if / as though*: 18. *Everything seemed so small and fragile, as if it were made of wet tissue paper and might disintegrate at any moment* [Joyce R. 2015: 70].

Когнитивная область «общество» является еще одной значимой для наблюдателя структурой знания: 19. *The style of cooking is similar to that of Northern India* [www.dictionary.cambridge.org].

В этом примере в качестве средства репрезентации уподобления выступает прилагательное *similar*. В фокусе внимания наблюдателя находится сопоставление кулинарных стилей двух стран.

Необходимо отметить, что в процессе конструирования уподобления часто встречается сопоставление характеристик, относящихся к разным когнитивным областям. Фактологический анализ показал, что часто соотносятся когнитивные области «человек» и «природа», «человек» и «артефакты», «человек» и «животный мир», «природа» и «артефакты»:

20. *Her hair hangs like grass* [Joyce R. 2015: 85]. 21. *Binny has a feeling like a bubble in her stomach and she doesn't know why but it rises up, up, up* [Joyce R. 2015: 39]. 22. *He smelt sweet, like oranges* [Joyce R. 2015: 129].

Как показывают данные примеры, волосы человека, физическое состояние, запах сопоставляются с различными природными объектами и явлениями, их уподобление репрезентируется посредством союза *like*.

23. *Her heart beats so hard it is like a thing in her hands* [Joyce R. 2015: 184].

В данном случае сопоставляется орган человека с материальным пред-

метом. За счет уподобления внутренних ощущений тем, которые человек приобретает при оперировании материальными объектами, достигается более точное описание физического состояния человека.

24. *All day long he limped in agony, and lay down like a dead dog* [London J. 1976: 40]. Физическое состояние человека сопоставляется с видом мертвого животного, что позволяет образно описать реальное положение дел.

25. *Driving snow, a wind that cut like a white-hot knife, and darkness, had forced them to grope for a camping place* [London J. 1976: 36]. В данном примере сопоставление природного явления с артефактом позволяет очень образно описать погодные условия.

Обратимся к рассмотрению второй концептуальной характеристики.

(2) Признание объекта тождественным

Репрезентация данной характеристики также часто сопровождается активизацией когнитивной области «человек»: 26. *People with the same experience in the job should be paid the same* [www.collinsdictionary.com]. 27. *Driving a boat is not the same as driving a car.* [www.collinsdictionary.com]. 28. *He's tall as his father now* [LWD 2008: 37]. 29. *My guess is that many Italian and French drivers think likewise* [www.collinsdictionary.com].

Люди с одинаковым опытом работы должны получать одинаковую зарплату. Такое сопоставление репрезентируется посредством прилагательного *same* (пример 26). За счет отрицательной конструкции с прилагательным *same* отмечается нетождественность двух видов деятельности – управления кораблем и управления автомобилем (пример 27). Еще одним показателем для определения тождественности двух объектов является рост человека (пример 28), а средством репрезентации является союз *as*. Отождествление умозаключений водителей двух стран представлено в последнем примере. Это знание репрезентируется наречием *likewise*.

Конструирование отождествления характерно и при сопоставлении артефактов: 30. *It was just a very big and plain brown box, exactly the same as any other, swaddled in strips of brown tape* [Joyce R. 2015: 50].

Репрезентация характеристики «признание объекта тождественным» может сопровождаться соотнесением двух разных когнитивных областей, это области «человек» и «природа»: 31. *Her hands were as cold as ice* [LWD 2008: 37]. Конструкция *as...as* (“(Am.) a correlative construction used to indicate the equality or sameness of two things” [www.collinsdictionary.com]) выступает средством репрезентации тождественности температуры органа человека и природного объекта.

Таким образом, средствами репрезентации уподобления в современном английском языке выступают разнообразные языковые единицы: на лексическом уровне глагол *to liken*, существительные *likeness*, *resemblance*, прилагательные *alike*, *similar*, *same*, наречие *likewise*; на морфологическом уровне композит *childlike*, на синтаксическом уровне союзы *as if / as though*, *like*, *as*, конструкция *as... as*. В процессе конструирования уподобления репрезентируются две характеристики – «уподобление одного объекта другому» и «признание объекта тождественным». При этом активизируются такие когнитивные области, как «человек», «артефакты», «общество». Отмечается также одновременная активизация двух когнитивных областей, таких как «человек» и «природа», «человек» и «артефакты», «человек» и «животный мир», «природа» и «артефакты».

Литература

- Фурс Л.А., Вишневецкая Е.А. Компаративность как многофокусная категория // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 473-477.
- Joyce R. A snow garden and other stories. London: Black Swan, 2015. 224 p.
- London J. The call of the wild. White fang. Moscow: Progress publishers, 1976. 288 p.
- LWD – Longman Wordwise Dictionary. 2nd Edition. London: Pearson Longman, 2008. 792 p.
- www.dictionary.cambridge.org
- www.collinsdictionary.com
- www.macmillandictionary.com
- www.thefreedictionary.com

L.A. Furs, E.A. Vishnevskaya (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov state university

LIKENING AND ITS REPRESENTATION IN ENGLISH

The article considers a cognitive basis of likening and means of its representation in English. Its conceptual characteristics and cognitive domains, which get activated in the process of likening construing, are defined.

Key words: concept, likening construing, cognitive domain.

*Ю. Хамшовски (Будапешт, Венгрия)
Будапештский университет имени Этвеша Лоранда
julia.hamsov@gmail.com*

КОНЦЕПТ ЛИЛИЯ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО, ПОЛЬСКОГО И ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКОВ)

В данной статье рассматривается концепт ЛИЛИЯ как символ невинности, белоснежности и свежести в лингвокультурных пространствах разных языков. Автор обозначает общие черты и особенности смыслового значения данного концепта у представителей русского, польского и венгерского языков, иллюстрируя проявление специфики языковой картины мира данных народов.

Ключевые слова: концептуализация, языковая картина мира, лингвокультурное пространство.

Общеизвестным является тот факт, что носители разных языков по-своему воспринимают окружающую действительность. В Венгрии одним из известных исследователей вопроса языковой картины мира является Я. Банчеровский. Он утверждает, что языковая картина мира является материальной интерпретацией объективной реальности, она метафизична. «Языковую картину мира можно интерпретировать и как своеобразное знание о реальном мире, которое одновременно подразумевает и самого носителя этого знания. Это не что иное, как ментальная информационная карта человека, то есть созданная им внутренняя (субъективная) картина мира, неотъемлемой составляющей которой является язык. В связи с тем, что данная картина может существовать только в языке, она находится в нем в закодированном виде и зафиксирована в форме нелинейной концептуальной структуры. Эта картина мира является не научной, а субъективной, наивной и повседневной» [Bańcerowski 2008: 140].

Общеизвестно, что цветы играют немаловажную роль в повседневной жизни человека. Однако, глядя на цветы, мы редко задумываемся о том, что они могут символизировать любовь, зависть, ревность или невинность: «скромная, как фиалка». Белая лилия – символ девичьей невинности, нарцисс – чрезмерного самолюбования и самообожания, незабудка – памяти, а ромашка – здоровья. Так, например, белый цвет символизирует чистоту

и целомудренность; красный – любовь, благоденствие, влечение; фиолетовый – дружелюбие, доверчивость, а желтый – зависть и ревность. Внешний вид цветка мы соотносим с его цветом.

Положительные качества цветка отражены в следующих примерах из венгерского, русского и польского языков:

Mily jak fiolek na wiosnę – kedves, mint a tavaszi ibolya – «мила, как весенняя фиалка»; *jest czuły jak mimosa – mimózálelkű* – «душа, как мимоза»; *ma niebieskie oczy jak niezapominajki – kékszemű, mint a nefelejcs* – «цвет глаз, как у незабудки»; *czzerwona jak róža – piros, mint a rózsza* – «красная, как роза»; *biała jak lilia – fehér, mint a lilium* – «белая, как лилия» и т. д.

Также подчеркиваются и негативные качества: *kwiat bez zapachu, jak człowiek bez duszy – a virág illat nélkül, mint ember lélek nélkül* – «цветок без душистости, как человек без души»; *żółty jak szafran – sárga, mint a sáfrány* – «желтый, как шафран».

После розы лилия считается наиболее часто употребляемым названием цветка. Само название «лилия» происходит от латинского слова *lilium*. На русском языке *лилия*, на польском языке – *lilia*. Во всех славянских языках встречается какой-то из вариантов латинской лексемы: в чешском языке – *lilie*, в хорватском и в сербском языках – *liljan*, в словенском языке – *lilija*. Более того, в немецком языке – *lilie*, в шведском – *lilja*, в казахском – *лалагүлі* (*lalagüli*, дословно *роза лилии*), в македонском языке – *крин*, происходит из греческого слова *krinon*. В албанском и турецком языках – *zambak*, вероятно, однокоренное с арабским *zanabaq*, на иврите – *sósan* от арамейского *susan* – отсюда и венгерское женское имя *Zsuzsanna*. Лилия в европейской культуре издревле считается символом жизни, света, чистоты и девственности.

Согласно венгерскому Толковому словарю, слово «лилия» имеет 8 значений:

1. Луковичное растение, множество видов и сортов которого выращивается в садах или горшках (ботаника). Лилия (лат. *Lilium*) – вид растений семейства Лилейные.
2. (Белая) лилия: наиболее известное декоративное растение этого вида; (*Lilium candidum* имеет сильный запах, из белого воронкообразного цветка выступают желтые пылинки). Этот цветок является символом невинности, чистоты и целомудрия.
3. (В переносном, поэтичном смысле) Бледная, почти белоснежная, нежная кожа (лица).
4. Символический или декоративный мотив прикладного искусства в форме лилии.
5. Используется в качестве прилагательного. Напо-

минает о белизне и стройности (фигуры). 6. (нар.) Голубая лилия: лепестки женственности. 7. (нар.) Желтая или водяная лилия: желтый цвет, серо-зеленый лист, тростник на болотистых лугах (*Iris Pseudococcus*). 8. (зоология) Морские лилии: один из классов иглокожих, обитающих на дне морей [Bárczi, Országh 1959-1962].

В Толковом словаре польского языка слово «лилия» имеет два значения: 1. «roślina ozdobna o dużych, kielichowatych, silnie pachnących kwiatach» – декоративное растение, имеющее стаканообразную форму и сильный запах. 2. «motyw heraldyczny» – геральдические мотивы [Szymczak 1989].

В Толковом словаре русского языка В.И. Даля слово «лилия» имеет четыре значения: 1. Растение с большими цветами наподобие колокола. 2. Самый цветок этого растения. Белая, красная, желтая лилия. Букет лилий. 3. В поэтических сравнениях употребляется как символ белизны, чистоты, нежности (устар.). 4. Водяная лилия – название некоторых водяных цветов. Белая водяная лилия (кувшинка). Желтая водяная лилия (кубышка)» [Даль 1984].

На основании вышеуказанных определений наблюдаем много различий. В польском языке, помимо основного значения, в словаре можно найти только значение *герб*. В венгерской и русской культурах лилия является символом чистоты и неприкосновенности, но только в венгерском языке имеется в виду и целомудрие. В венгерском языке лексема *лилия* имеет богатое семантическое поле и употребляется в качестве прилагательного, указывающего на белизну и чистоту кожи лица. Народные названия «ирис, водяная или желтая лилия» употребляются в качестве определений как в русском, так и в венгерском языках.

В христианство символ лилии попал из античной мифологии. В римском католицизме лилия являлась символом Девы Марии и, в то же время, стала цветком Антония Падуанского. Являлась почитаемым лечебным растением в садах монастырей. Метафора «лилия среди шипов» символизирует невинность Марии и Иисуса. Белая лилия встречается на картинах о непорочном зачатии и стала атрибутом девственных святых.

Женское имя Лилия в русском языке встречается редко и не упоминается в календаре православной церкви. Наряду с именем Роза это имя появилось только благодаря католическому влиянию.

Лилия – цветок, который часто сравнивают с девушками и женщинами, их невинными, чистыми, нежными качествами как физическими, так и духовными.

В венгерском лингвокультурном пространстве очень красивую, безгрешную, нетронутую, скромную девушку называют лилией. Этот символ используется и в следующем выражении: *lilimtiprás* – «растоптание лилии». Венгерский этимологический словарь описывает *lilimtipró* следующим образом: «человек, который совершает изнасилование в отношении девушки» [Zaicz 2006]. Это сложное слово, первая часть которого содержит существительное *liliya* – '*lilium*', означающее девственность и невинность, вторая часть является причастием, образованным от глагола '*tapos*' – «топтать» с помощью суффикса '*ó*', обозначающего лицо, выполняющее действие. Необходимо подчеркнуть, что в этом же источнике лилия отождествляется с невинностью, а метафора *liliya-девственность*, представляется как общеизвестный факт. Из рассматриваемых нами языков это значение существует только в венгерском языке.

Одной из самых важных характеристик цветов является их цвет. Цветок лилии белого цвета, а белизна – символ чистоты и невинности, в польском и венгерском языках представляет белизну и свежесть женского лица: *biala jak lilia* – «белая, как лилия».

В противоположность этому значению красный цвет розы символизирует любовь и пламенную страсть. Насколько нам известно, в русском языке нет фразеологизмов со словом лилия. Однако общеизвестно, что оно символизирует. Это подтверждается и примерами из русской поэзии. Например, Пушкин так пишет о красоте: «С пятнадцатой весною, Как лилия с зарею, Красавица цветет» [Пушкин 1959-1962: 397]. «Бледна, как лилия в лазури васильков, Как восковое изваянье» пишет К.Н. Батюшков [Батюшков 1964: 238-239].

А.А. Ахматова: «Я лилий нарвала прекрасных и душистых, Стыдливо-замкнутых, как дев невинных рой, С их лепестков, дрожащих и росистых, Пила я аромат и счастье и покой» [Ахматова 1999: 9].

Согласно фольклору, лилия является символом хрупкости, стройности, грациозности: «*Lilium dereka nem erdőre való*» – «талия лилии не для леса».

Пословица «*a csalán között néha lilium is nő – a csasem między ostem i pokrzywami i lilia rośnie*» – «лилия иногда растет и среди крапивы» подчеркивает, что чистота может существовать и по соседству с грязью или нечестностью.

В сложных словах венгерского языка слово лилия – *lilium* встречается также и в качестве префикса или суффикса. Это слова, характеризующие цвет: *lilimarc* – «лицо, как у лилии», *lilimfehér* – «белая, как лилия», *lilimhamvasság* – «свежий, как лилия», *lilimszín* – «цвет, как у лилии»; внешнюю и внутреннюю чистоту: *lilimtisztaság* – «чиста, как лилия»; хруп-

кую женскую фигуру: *liliomtermet* – «рост, как у лилии»; чувствительность: *liliomlelkű* – «душа, как у лилии, символ душевной красоты». Названия частей цветка также являются компонентами сложных слов: *liliomlevél* – «листок лилии», *liliomvirág* – «цветок лилии», *liliomhagyma* – «луковица лилии»; лечебные свойства цветка: *liliomolaj* – «лилийное масло»; *liliomvíz* – «вода, чистая как лилия». Согласно народной медицине, мази на основе лилии обладают успокаивающим и отбеливающим эффектом.

Таким образом, проведенный анализ репрезентации концепта «лилия» в русском, польском и венгерском языках позволяет сделать вывод о том, что в лингвокультурных пространствах рассматриваемых языков область данного концепта в целом совпадает и общим значением является чистота и невинность.

Литература

- Анресян Ю.Д.* (ред.) Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с. (Studia philologica).
- Ахматова А.А.* Серебряная ива (сборник стихов). М.: Эксмо, 1999. С. 9.
- Батюшков К.Н.* «Когда в страдании девица отойдет...» // Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. М.; Л.: Сов. писатель, 1964. С. 238-239.
- Даль В.И.* Пословицы русского народа: в 2 т. М., 1984.
- Маслова В.А.* Лингвокультурология. М., 2001.
- Пушкин А.С.* «Фавн и пастушка. Картины», 1816 // Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959-1962. Т. 1, с. 397.
- Bañcerowski J.* A világ nyelvi képe. A világgép, mint a valóság metaképe a nyelvben és nyelvhasználatban. Bp., 2008.
- Bartmiński J.* Językowe podstawy obrazu świata. Lublin, 2001.
- Kövecses Z., Benczes R.* Kognitív nyelvészet. Bp., 2010.
- Nowakowska A.* Świat roślin w polskiej frazeologii. Wrocław, 2005.
- Ochnio B.* Językowy obraz kwiatu. Lublin, 2008.
- Pajdzińska A.* Studia Frazeologiczne. Łask, 2006.
- Piekarczyk D.* Kwiaty we współczesnym językowym obrazie świata. Lublin, 2004.
- Szymczak M.* (red.) Słownik Języka Polskiego. Warszawa, 1989.
- Tóth B.* Szálló igék lexikona. Bp., 1906.
- Etimológiai szótár magyar szavak és toldalékok eredete Főszerkesztő Zaicz Gábor Tinta Könyvkiadó, Budapest Első kiadás: 2006. 440.

*J. Hamsovszki (Budapest, Hungary)
Eötvös Loránd University Hungary, Budapest
julia.hamsov@gmail.com*

THE CONCEPT *LILY* IN THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD (IN RUSSIAN, POLISH AND HUNGARIAN)

This article is devoted to the concept of *LILY* as a symbol of innocence, snow white and freshness in different linguocultural areas. The author denotes common features and peculiarities of semantic meaning of this concept among the Russians, Polish and Hungarians, illustrating the manifestation of the specificity of the language picture of the world of these nations.

Key words: concept, language picture of the world, linguocultural area.

*Чекулай И.В., Прохорова О.Н., Кучмистый В.А. (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
olgitsa2010@yandex.ru*

СПЕЦИФИКА МЕТАФОРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ КОНЦЕПТОВ

Данная статья посвящена рассмотрению когнитивной метафоры и метонимии на примере ценностных концептов. Отмечается большая роль когнитивных метафор и метонимии в формировании категорий структур знания и опыта. Выявляются основные факторы, детерминирующие это явление.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метонимия, ценность, оценка, ценностный концепт.

Как известно, когнитивной метафоре и метонимии отводится большая роль в формировании категорий структур знания и опыта.

Давая характеристику функциональным свойствам метафоры и метонимии, Н.Д. Аругюнова отмечает, что эти феномены мышления и языка нацелены на индивидуализацию предмета. Метафора индивидуализирует

предмет, относя его к классу, которому он не принадлежит. Она работает на категориальной ошибке [Арутюнова 1999: 348-349].

Мысль о том, что метафора – это не чисто языковое явление, но и принадлежащее ментальной сфере, подтверждается словами Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые отмечают, что процессы человеческого мышления во многом метафоричны, а концептуальная система человека структурирована и определена с помощью метафоры [Лакофф 2004: 27].

Не подлежит сомнению то, что метафора является средством категоризации опыта (имея в виду языковой опыт) и концептуализации знаний социума. Но то, что метафора является таким средством, еще не значит, что ей принадлежит исключительная роль в создании корпуса знаний человека о действительности. Поэтому «категориальная ошибка» в упомянутом высказывании Н.Д. Арутюновой по сути является эквивалентом цели метафорического переноса, а именно – заполнением пустоты структурной организации человеческого знания, которую невозможно восполнить обычными средствами.

В то же время при анализе соотношения ценностной концептосферы и отдельных ценностных концептов обнаруживается, что в системе формирования опыта ценностных структур лакуны такого рода обнаруживаются достаточно часто. Это можно объяснить многими причинами. С одной стороны, ценностные концепты возникают как следствия индивидуального преломления представления о ценности в сознании, как результат этого они обладают двусторонней аксиологической валентностью, то есть контаминируют в себе оба основных вида оценки. Также следует отметить, что в силу гибкости связей рациональной, волевой и эмоциональной сфер личности порой сложно определить, какая сфера человека является детерминирующей в реализации оценочного суждения средствами речи. С другой стороны, ценности субъективны, поскольку жизненные интересы многомерны и непоследовательны даже у отдельно взятого индивида, и в силу этого происходит индивидуальное перераспределение приоритетных и второстепенных ценностей, оценочной шкалы в пределах анализа конкретных случаев, и различных временных интерпретаций полезности и значимости вещи при наличии некоторых общих ценностей. Также следует отметить, что упорядоченность системы ценностей в целом запутывает личностные психологические характеристики. В этой связи когнитивные пробелы могут решаться посредством метафорических и метонимических переносов. Если же взять языковой социум

в целом, то ценностное метафорическое и метонимическое переосмысление действительности в целом, равно как и ее отдельных фактов, является реальным пучком связующих моделей формирования концептуальных отношений, что впоследствии получает выражение ценностных концептов на языковом и речевом уровнях.

Анализ различных метафорических моделей ценностного переосмысления действительности позволил выявить наиболее рекуррентные в силу своих прагматических характеристик области источника и цели такого переосмысления. В частности, это следующие основные модели:

1. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО ПУТЬ

В любой деятельности эксплицитно или имплицитно выделяются такие основные фазы, как ее начало, длительность и окончание. Каждая из этих фаз может иметь решающее значение для эффективности деятельности в целом. Наиболее эксплицитным видом такой деятельности является движение в пространстве и/или во времени, что представлено таким концептом, как ПУТЬ. Поэтому данная метафорическая модель является одной из наиболее распространенных моделей такого рода для передачи ценностного отношения. При этом могут реализоваться различные ценностные концепты, в частности:

Tell her a friend of yours has offered to put up half the money, and that I'm on my way over to see her [S. Sheldon. If Tomorrow Comes].

В приведенном примере выделенное словосочетание передает трансформацию семантики пути в обусловленное прагматическими и семантическими факторами решение предпринять собственные меры. Очень часто такая семантическая трансформация создает новые модели, описывающие различные аспекты человеческой деятельности. Аналогичные явления могут быть встречены и в других языках, в частности:

Кто пойдет смерти наперед? Кто разгадает конец человеческого нуми? [М.А. Шолохов. Тихий Дон].

Субстантивы, обозначающие путь или его участки или стадии, могут быть модифицированы прилагательными или иными детерминативами не только без снятия метафорического отношения, но и с его усилением, в частности:

Ha una longa strada davanti a sé, ma se c'è qualcuno che può farcela [пример взят из корпуса www.context-reverso.net].

Тут, серед цього безкрайого сліпого степу, під чужими зорями, серед вітру, що роздирає он політ на згарищі – аж іскри жевріють! – тут він,

рибалка з-над Бугу, мабуть, закінчить **свій шлях** (= «жизнь») [О. Гончар. Прапроносці].

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ – ЭТО РАСТЕНИЕ ИЛИ ЖИВОТНЫЙ ОРГАНИЗМ

Данная модель является не менее рекуррентной, нежели описанная выше, поскольку переосмысление человеческой деятельности через проявление деятельности иных живых организмов – растений и животных – в плане языковой экспликации ценностей является не менее эффективным, чем в случае движения в пространстве. Здесь также много эквивалентов основных этапов деятельности. Так, рост растения или животного соответствует собственно физическому перемещению, росток или детеныш – начальному этапу деятельности, фрукт – конечному результату. Все эти вещи получают как прямые ценностные переосмысления, выражающиеся в достаточно устойчивых или клишированных словосочетаниях (например, «рост благосостояния», «пожинать фрукты чего-л.» и т. п.), так и в собственно метафорических построениях, выполняющих стилистические и прагматические функции. Таковы различные номинации людей через номенклатуру животного мира («змея», «свинья», «орел», «букашка») или даже флоры («туп как дерево», «превратился в растение» и др.).

Флористическая и фаунистическая метафоры также являются универсальными, зачастую совпадая не только в общей структуре модели, но даже и в ее компонентном составе, ср.:

*Dogs asleep in the sun often whined and barked, but they were unable to tell what they saw that made them whine and bark. He had often wondered what it was. And that was all he was, a **dog** asleep in the sun* [J. London. Martin Eden].

– Хоч тепер час і робочий, але ж у нас корчма: кожної хвилини може нагодитися якийсь хам, і якщо побачить у нещасного жидка хоч одну срібну ложку, то до вечора ці **собаки** рознесуть усю нашу корчму [М. Старицький. Останні орли].

3. Деятельность может также ассоциироваться со средствами сохранения создавшегося и имеющего определенную ценностную характеристику положения, или же, напротив, со средствами его разрушения, в частности: *Смешные позитивные мотиваторы – спасательный круг в водоворотях жизни!* [<http://fb.ru/article/252913/>].

*And this was the price you paid for sleeping together. This was the end of the **trap**. This was what people got for loving each other* [E. Hemingway. A Farewell to Arms].

4. Последней большой областью моделей метафорического переосмысления с целью актуализации определенного аксиологического эффекта является сфера атрибутов семантики восприятия. Внутри нее выделяются определенные, специфические модели, отражающие ценностные особенности сфер восприятия внешнего мира. Так, прилагательные зрительного восприятия при реализации данной модели могут стать данностями ценностного осмысления объекта деятельности, в частности:

Tak mne vedli k regimentraportu a náš obrst, takovej vůl, dej mi pánbůh nebe, začal na mne řvát, abych stál rovné a řek, kdo to do těch novin napsal, nebo že mně roztrhne hubu od ucha k uchu a dá mě zavřít, až budu černej (в значении «сгноить в тюрьме» [J. Hašek Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války]).

Семантика метафорического переосмысления в терминах слухового, обонятельного, осязательного и вкусового восприятия также достаточно рекуррентна в разных языках и может проявляться в разных сферах деятельности:

...когда-то, много лет назад, мы с сестрой помогли доктору, – одинокие, заброшенные дети в глухой, занесенной снегом деревне [В.А. Каверин. Два капитана].

*The house was furnished in extremely **good taste**, with a judicious mixture of the antique and the modern* [W.S. Maugham. Theatre].

Последний пример, демонстрирующий метафорическое переосмысление человеческой греховности через семантику запаха, интересен еще и в плане прагматико-стилистическом:

*And he said, “Man is conceived in sin and born in corruption and he passeth from the **stink** of the didie to the **stench** of the shroud. There is always something.”* [R.P. Warren. All the King’s Men].

Проанализированные основные модели метафорического переосмысления на ценностных основаниях показывают, что такое переосмысление не просто употребляется для красоты речи, но и является важным средством воздействия на читателя или слушающего для того, чтобы передать ему свои взгляды, убеждения, настроения, верования, заставить их принять эти взгляды и убеждения и тем самым разделить ту ценностную позицию, на которой находится автор текста или высказывания. Поэтому изучение метафоры (а вместе с ней и метонимии или других значимых изменений значения) как важных механизмов создания определенной ценностной ауры общего отношения, а следовательно, и формулировки

конкретного отношения в форме оценочного высказывания, имеет серьезные научные перспективы.

Литература

Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки рус. культуры, 1999. XV, 896 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

Chekulai I.V., Prokhorova O.N., Kuchmistyy V.A. (Belgorod, Russia)
Belgorod National Research University

THE SPECIFIC CHARACTER OF METAPHORIC AND METONYMIC STRUCTURING THE VALUE CONCEPTS

This article is devoted to the study of cognitive metaphor and metonymy on the basis of value concept. Their great role in formation of categories of mental knowledge and experience is stated. Some factors determining this phenomenon are mentioned.

Key words: cognitive metaphor, metonymy, value, evaluation, value concept.

О.А. Шершукова (Москва, Россия)
Дипломатическая академия МИД России
okshera@yandex.ru

О «ДОБРЫХ ПОМОЩНИКАХ» ЧЕЛОВЕКА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ОПТИЧЕСКИХ УСТРОЙСТВ В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье идет речь о концептуализации оптических приборов в португальском языке. Автор прослеживает корреляцию между парным органом человека, которым являются глаза, и способом наблюдения, характерным для соответствующего оптического прибора. Парные имена,

обозначающие оптические приборы, могут иметь как полную числовую парадигму, так и относиться к разряду *Pluralia tantum*.

Ключевые слова: парные имена, глаза, оптические приборы, единственное и множественное число, варьирование по числу.

Особое место в предметной лексике занимают наименования различных технических устройств, которые, как правило, если и появляются в какой-то одной стране, то впоследствии развиваются и совершенствуются учеными и изобретателями различных стран мира на протяжении длительного времени, то есть их развитие идет от простого к сложному. Ведь неслучайно, что изобретение колеса признается революционным в техническом плане, хотя современный человек воспринимает его как обыкновенный предмет. Если принимать во внимание историю создания устройства и его означивание в языке, то многие технические устройства находятся как бы между простыми, иными словами, утилитарно бытовыми предметами и технически сложными устройствами, что находит соответствующее отражение в естественных языках. Е.С. Кубрякова отмечала, что каждый язык не только отражает опыт своего народа, но и «сохраняет в своей знаковой системе также ту совокупность знаний о мире, которые носят **человеческий характер** и которые (частично – и в виде заимствований) входят в число представлений, почерпнутых в ходе познавательных процессов самими разными народами» [Кубрякова 2012: 59].

Несомненный интерес в этом плане представляет лексико-семантическая группа оптических устройств, которую мы решили рассмотреть на материале португальского языка. Следует отметить, что в концептуальном плане эти устройства являются значимыми для португальской концептосферы, поскольку без таких оптических приборов, как подзорные трубы, была бы невозможна навигация в период Великих географических открытий, хотя сами португальцы не отметились в их создании, а использовали открытия ученых и изобретателей других европейских стран, которые не стали первооткрывателями новых земель.

Возникновение оптических приборов связано с появлением увеличительных линз *lentes*, которые особым образом встраиваются в устройства, предназначенные для усиления зрения или для рассматривания мелких или далеких предметов. Первым таким устройством стала зрительная (или подзорная) труба, то есть тубус со встроенными в объектив линзами, предназначенный для наблюдения одним глазом, а количество линз,

находящихся внутри тубуса, не определяло внешний вид самого оптического прибора. В португальском языке для ее обозначения существуют две лексемы *óculo* и *luneta*, которые определяются как оптические приборы, предназначенные для усиления зрения и содержащие одну или две увеличительные линзы: *luneta* – “*Utensílio composto de um ou dois vidros ou lentes e destinado geralmente a auxiliar a vista*” и *óculo* – “*Instrumento, armado de lentes, para auxiliar a vista*”. Однако в этимологическом плане эти лексемы восходят к разным латинским словам: *óculo* < лат. *oculus* *глаз*, то есть прибор, в который смотрят одним глазом, и *luneta* < лат. *Luna* *Луна*, т.е. прибор, которым смотрят на Луну.

В современном португальском языке оба эти существительные употребляются в значении «подзорная труба» или «телескоп», предшественницей которого была именно подзорная труба, хотя существует португальское именование *telescópio*: *o óculo de Galileu* – *Галилеева труба* (в астрономии это первый телескоп); *o óculo de Schiaparelli* – *телескоп Скиапарелли* (первый телескоп современного типа). Ср. *Galileu fez descobertas fantásticas, espreitando o céu através de uma luneta a que hoje chamaremos «modesta»* – *Галилей сделал фантастические открытия, рассматривая небо с помощью зрительной трубы, которая сегодня считается «примитивной»*; *Vénus aparece cada vez mais alto, tornando-se então possível ver – com o auxílio de uma pequena luneta ou telescópio* – *Венера располагается все выше на небе, поэтому ее можно наблюдать с помощью небольшой подзорной трубы или телескопа*; *É o caso do telescópio “tipo luneta”, com 40 milímetros de diâmetro* – *Это телескоп типа «подзорная труба» диаметром 40 мм.*

Сделать правильный выбор лексемы из трех имеющихся в португальском языке *óculo*, *luneta*, *telescópio* для обозначения оптического устройства соответствующего типа под силу лишь специалисту в области астрофизики, тогда как для неспециалиста все эти существительные являются терминологическими синонимами. Следует отметить, что лексемами *óculo* и *luneta* могут обозначаться и другие объекты, которые метафорически передают образ круглого отверстия или зрительной трубы: *круглое окошко*; *круглое отверстие*; *люнет* в архитектуре и в станкостроении. По мнению Е.В. Рахилиной, «научная картина мира обычно очень значительно отличается от языковой – поэтому энциклопедическая информация не помогает лингвистическому описанию, детализируя и дополняя его, а, наоборот, мешая ему» [Рахилина 2010: 26]. В то же время А.Д. Шмелев

полагает, что «как “наивная”, так и “научная” картина мира могут быть реконструированы на основании лингвистического анализа», при этом главное заключается не в том, «что значения терминов отличаются от значения тех же самых слов в повседневном языке, а то, что стоящие за этим словоупотреблением концептуальные конфигурации совсем по иному классифицируют явления внеязыковой действительности» [Шмелев 2012: 311-312]. Особенностью всех оптических устройств является их функциональная предназначенность, то есть они предназначены для рассматривания либо одним глазом, либо двумя, что в ряде случаев находит отражение в лексическом значении: *monóculo* < греч. *monos* + лат. *oculus* *монокль*. Ср. *binóculo* < лат. *bini* + *oculus* *бинокль*. Соответствующей корреляции «глаз/глаза ~ оптический прибор» не наблюдается при обозначении более сложных оптических устройств (*telescópio телескоп*, *microscópio микроскоп*, *periscópio перископ*), хотя, например, современные микроскопы бывают монокулярные и бинокулярные. В качестве словообразовательной модели используется словосложение морфем латинского или греческого происхождения, которые указывают на способ наблюдения.

Теперь обратимся к самому традиционному и широко распространенному оптическому устройству, без которого уже невозможно представить повседневную жизнь – конечно же, это очки, и история их создания была сопряжена с довольно сложной технической задачей для того времени, а именно, совмещения увеличительных стекол или линз с глазами человека. Поэтому неслучайно, что очки, т.е. оптический прибор, являющийся двусоставным объектом, который не может быть разделен на составляющие его элементы, во многих языках мира обозначается существительными, относящимися к разряду *Pluralia tantum*. Не является исключением и португальский язык. В контексте лексемы *óculos* может передаваться как значение единичного объекта, т.е. одной пары, так и множества пар: *O homem <...> trazia óculos escuros – Мужчина <...> был в темных очках* Ср. *Cinco rapazes de blusões negros de motoqueiro e óculos escuros – Пятеро парней в черных косухах и в темных очках*.

Другой вид очков, в котором отсутствуют дужки, *lunetas пенсне*, в португальском языке относится к разряду *Pluralia tantum*, как и *óculos*, а его русский эквивалент *пенсне* – к *Singularia tantum*, поскольку является заимствованным словом. В связи с тем, что существительное *lunetas* относится к разряду *Pluralia tantum*, то его числовое поведение аналогично лексеме *óculos*, т.е. одной и той же формой множественного числа обозначается как

единичный объект, так и множество объектов: *Estou a vê-lo cofiar o bigode e a ajeitar as lunetas* (A. Redol) – Я вижу, как он подкручивает усы и направляет пенсне Ср. *Eram três em número, <...> usavam bigodes e lunetas* (Júlio Diniz) – Их было трое, <...> они были с усами и в пенсне. Интересно, что в русском языке лексема «пенсне» в отличие от лексемы «очки» не встречается в сочетании со счетным словом «пара», что свидетельствует о концептуализации пенсне не как парного объекта, а как цельносоставного, не разложимого на части объекта, тогда как в португальском языке такие сочетания редки, но возможны: *Ora aconteceu que o hóspede <...> enfiou quatro peúgas e cinco pares de lunetas no bolso da quinzena* (Camilo Castelo Branco) – Случилось так, что постоялец <...> закинул в карман своего сюртука четыре носка и пять пар пенсне. По всей видимости, это связано с тем, что во множественном числе *lunetas* может также обозначать и множество подозрных труб, которые представлены в современной действительности: *A Câmara lisboeta promete novas lunetas até ao final do Verão* – Муниципалитет Лиссабона пообещал установить новые подозрные трубы на смотровых площадках к концу лета. В отличие от употребления *lunetas*, лексема *óculo* в значении «подзорная труба» не используется для множественной характеристики подозрных труб, то есть форма множественного числа прочно закреплена за лексемой *óculos* очки.

Проведенный концептуальный анализ лексико-семантической группы «оптические устройства» подтверждает высказанное Н.Н. Болдыревым положение, что «формирование и передача смыслов в процессе общения основывается на взаимодействии лексической и грамматической категоризации слов, их системных и функциональных значений» [Болдырев 2014: 158-159].

В заключение хотелось бы отметить, что в настоящее время *lunetas* (Plt) пенсне и *luneta em riste* (ед./мн. ч.) лорнет, т.е. особая разновидность складных очков в оправе с ручкой с одной или двумя линзами, как и *monóculo* монокль, практически не используются, поэтому употребление этих слов встречается в текстах соответствующей эпохи или в текстах, в которых эта эпоха описывается, т.е. в художественных и публицистических текстах, театральных постановках или же в фильмах на историческую тематику. В наши дни на смену очкам пришли контактные линзы *lentes de contato*, то есть очки, «добрые помощники» человека, как бы возвратились к той форме, с которой начиналась история их создания – к линзам, увеличительным стеклам.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. Ин-т языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 448 с.

Шмелев А.Д. «Языковая картина мира» и «картина мира текста»: точки взаимодействия // Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 306-312.

Национальный корпус португальского языка. <http://languateca.pt/CETEMPublico/>.

O.A. Shershukova (Moscow, Russia)

*Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry
okshera@yandex.ru*

ON “GREAT HUMAN’S HELPERS”: CONCEPTUALIZATION OF OPTICAL DEVICES IN PORTUGUESE LANGUAGE

The article deals with the conceptualization of optical devices in Portuguese language. The author traces the correlation between a paired human organ, such as eyes, and the way of observing, typical for the corresponding optical device. Paired names designating optical devices can either possess a full numerical paradigm or refer to the group *Pluralia tantum*.

Key words: paired names, eyes, optical devices, Singular and Plural forms, variation in number.

Н.В. Шестеркина (Саранск, Россия)
Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева
nvshest@mail.ru

МИРОВОЕ ДРЕВО КАК МИФОМОДЕЛЬ ФИТОМОРФНОЙ И ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ МИФОМЕТАФОР

В статье на материале народных загадок так называемое «мировое древо» описывается как мифоконцепт, формирующий мифометафору. Мифоконцепт содержит в своей структуре мифологему, включающую в себя мифологические сюжеты, образы. В статье объясняются причины появления мифомодели и мифометафор.

Ключевые слова: народные загадки, мифоконцепт, мифометафора, мифологема, мифомодель, мифообраз, мировое древо, пространство, время.

Мифологическое знание восходит к архаическим уровням сознания. Мифологическая логика символична, метафорична. У мифосознания была своя символика: любое восприятие древних включалось в мистический комплекс, любое явление было не только явлением, любой знак – не только знаком, слово никогда не было просто словом [Леви-Брюль 1994: 70]. Базовая единица анализа в нашей работе – *мифоконцепт* (МК), выступающий структурообразующим элементом мифологической картины бытия. МК – это «укоренившийся в сознании этноса четко структурированный элемент мифологической когнитивной парадигмы» [Кошарная 2002: 86-87], «его синэйдос есть мифологема (синэйдос от греч. *syn* – “вместе” и *eidos* – “вид, образ”, т.е. комплекс представлений, общий для носителей одной культуры, соотносимый с коллективным знанием), O³ – ментальный образ знака» [Там же; см. также Шестеркина 2016]. Форма обыденного знания в языке выступает как *мифологема*, они исполняют роль не просто «носителя» знания, но являются индикаторами способов мышления. Понятие *мифологема* реализуется в мифологических сценах, сюжетах, образах.

МК лежат в основе формирования метафорических значений слов, так как язык на стадии развития мифологии был в принципе полностью метафоричен. Одним из репрезентантов образов МК служат мифометафоры (мМ). При исследовании мМ выявляются глубинные когнитивные явления, включающие архаические представления и опыт повседневной

жизни. Возникновение мМ связывают с мифологическим образом (МО), который интерпретируется «как отложение пространственно-чувственных восприятий, которые выливаются в форму некой конкретной предметности <...> в смысле предметно-пространственного характера, в подавляющем большинстве случаев зрительного» [Фрейденберг 1979: 21-27]. Эти представления далеки от способности обобщения, цепь причин и появляющихся следствий представляли собой круг, в котором каждый член был как причиной, так и следствием. Такая цепь представляла мир как «сменяющуюся неизменность. Время имело вид пространства со своими отрезками; пространство воспринималось как вещь» [Маковский 1996: 16-17]. Из-за нерасчлененности мышления возникали тождества самых разных предметов; так как в языках древности часто одно и то же слово называло совершенно противоположные явления. Из-за конкретно-образного мышления вещи воспринимались чувственно, а в МО воспроизводилось только видимое и осязаемое. МО подчиняется законам мифотворчества при восприятии времени, пространства и причины со слитностью субъекта и объекта [Там же: 17]. Основным видом связи МО служит «отождествление объектов различной степени абстрактности, но для мифа это подлинная идентичность» [Кассирер 1990: 38]. В древности и в родовом обществе индивидуального сознания еще не было, наличествовали только *коллективные представления* [Фрейденберг 1979: 118], общие для всех [Там же]. В мифосознании соотношения экземпляров и видов представляли такое же соотношение, как часть и целое, то есть в этом случае не наблюдается логичности, а лишь «свободное замещение одного другим» [Кассирер 1990: 38].

В когнитивистике МО определяется «как гештальт, имеющий образный компонент (результат чувственного восприятия), соотносимый с несколькими денотатами в физическом мире, дублирующими друг друга по смыслу и не связанными причинно-следственными связями. В силу слитности представлений одно слово связано с целым комплексом явлений, из которых потом сформировались противоположные значения» [Маслова 2015: 26]. МО репрезентируется как *мифологическая метафора*, принципиально отличающаяся от современного понятия о метафоре, мМ – «суженный» образ в различных видах и формах его существования. МО оформляется в мМ, и он воссоздается на основании семантики этих мМ. При сравнении реальных и фантазийных объектов мифосознание пользовалось операциями сравнения (такое же сравнение, различия

видны лишь в выборе агентов сравнения). Здесь метафора есть средство осуществления языком когнитивной функции, она передает сформированный при восприятии образ и отражение объекта одного класса на объект другой кластерной принадлежности, который присваивает «чужие» свойства. Однако уподобление в мифе является *отождествлением*, а не *сравнением*. Мифомышление можно считать метафоричным только с позиций современного ученого, и, за отсутствием другого подходящего термина, в современных теориях предлагают называть такое мифологическое уподобление *метафорой*. Мы разделяем это мнение.

В загадке есть структуры, напоминающие тропы, определяющие образы загадки и отношения между ответом и вопросом. Загадка близка метафоре по структуре, но отличается от тропа: «Загадка, подобно метафоре, говорила одно, а думала другое <...> Но целью своей она ставила то, что не было свойственно метафоре, – “обнаружить” запрященный подлинный смысл и “узнать” неузнанное <...> в загадке два различных смысловых ряда означают одно и то же, а в метафоре два тождества означают разное» [Фрейденберг 1998: 248-249].

Пространственная мМ. Для анализа архаической картины мира используются бинарные оппозиции, где оппозиции *верх – низ, правый – левый, передний – задний* и др. есть парные классификаторы, позволяющие выражать менее наглядные соотношения *добро – зло, жизнь – смерть, космос – хаос, свой – чужой* и др. [Иванов, Топоров 1965]. В соответствии со схемой «мирового древа» мир строится вокруг вертикальной оси, которая соединяет небесный мир с подземным миром, между ними земля, упорядоченная по горизонталям *восток – запад* и *север – юг*, которые соотносятся с дихотомиями *переднее – заднее* и *правое – левое*, некоторыми другими дихотомиями (четыре ветра, четыре времени года, четыре бога и др.). При появлении новых понятий из бинарности развилась *троичность*, повлекшая преобразование диады. Трехступенчатая вертикаль космоса сложилась почти у всех народов: верхний (небо), средний (земля) и нижний миры (подземное царство). Вбирая в себя совокупность ключевых диад (*небо – земля, верх – низ, день – ночь, жизнь – смерть* и т. п.), данный образ передает идею целостности и единства мира.

ММ пространства включает членение пространства и отношение человека к его параметрам, маркерами которого в нашем материале выступают земля, города, стороны света: *Рассытался горох по всей земле...*; *по всей Москве, по всей Вологде* – небо здесь приравнено

Москве и Вологде [Юдин 2007: 57], крупнейшим городам. *Рассыпался ковер по всем городам, по всем пригородам...*; *Рассыпался стакан по всем городам,...*; *Рассыпался собор на двенадцать сторон....* Город для цивилизаций древности воплощал центр мира. Каждый священный город представлялся мировой горой, олицетворял мировую ось, место входа на небо, под землю и в преисподнюю [ССЗ: 36-37]. Для **временной мМ** характерна совокупность имен, которые обозначают членение времени на периоды: *Рассыпался горох по всем городам, по всем по векам...* (29). *Вѣк* – «праслав. слово; первоначально значило “сила, здоровье”, далее развилось значение “проявление силы” > “время, в течение которого человек проявляет силу, работает” → “жизнь человека”, а от него понятие “длительное время”, “период в сто лет”» [Бондарец 2004: 19].

Фитоморфная, пространственная и временная мМ есть в загадках, где небо представляет часть Мирового древа: *Стоит дуб стародуб, на том дубе... сидит птица веретеница; никто ее не поймает...* (небеса и солнце) и *Выросло дерево от земли до неба, на этом дереве 12 сучков, на каждом сучке по 4 кошеля, в каждом кошеле по семи яиц, а седьмое красное* (год). Во второй загадке небо тесно связано со скрытым денотатом, характеризуя окружающее пространство. Для Древа типична идея прочности, распространения вширь и ввысь: «его ветви простерты надо всем миром и поднимаются выше неба» [Топорова 2002: 45]. Дерево упирается в *небо*, связывая небо и землю. В загадке представлен пространственно-временной хронотоп. Мировое Древо стоит в Центре мира, соединяя три космических области: корни в Преисподней, вершина касается Неба. Оно – аналог мирового столпа, мировой горы, центр мира, олицетворяет мировую ось. С помощью этого МО структурировалось мировое пространство. Его горизонтальная структура указывает на стороны света, где дерево моделирует числовые и пространственные отношения, времена года, части суток, стихии. Вертикаль соотносится с числом «три», динамическим, духовным началом [ССЗ: 43-44]. В той же загадке в образе Мирового древа выступает временной период – год. Дерево имеет систему временных обозначений – месяцы (*сучки*), времена года (*кошели*), дни недели (*7 яиц*), воскресенье (*красное яйцо*). Дерево в первой загадке – старый дуб. *Дуб* был царем леса, он посвящался верховным богам, в славянской мифологии богу-громовержцу Перуну. В загадке он олицетворяет

ет само *небо*. Птицы в верхних ветвях дерева по разные стороны ствола – символы солнца и луны [ССЗ: 159].

Литература

Бондарец Е.А. Лексико-семантическая структура мифологизмов в восточно-славянском фольклоре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2004.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М.: Наука, 1965.

Кассирер Э. Сила метафоры // Теория метафоры: сборник / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. М.: Прогресс, 1990. С. 33-43.

Кошарная С.А. Миф и язык: опыт лингвокультурологической реконструкции русской мифологической картины мира. Белгород: БелГУ, 2002.

Левин-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М.: Педагогика Пресс, 1999.

Маковский М.М. Образ мира и миры образов // Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: ВЛАДОС, 1996. С. 13-30.

Маслова Ж.Н. Мифологическая метафора в аспекте исследования генезиса метафоры // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. Вып. 1. С. 24-28.

ССЗ – Словарь символов и знаков / авт.-сост. В.В. Адамчик. М.: АСТ; Минск: Харвест, 2006.

Топорова Т.В. О древнеисландских космологических загадках как феномене языка и культуры. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

Фрейденберг О.М. Введение в теорию античного фольклора (лекции) // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. Екатеринбург, 1979. С. 5-287.

Шестеркина Н.В. Мифологический концепт как единица лингвокультурологии // Концепт и культура. Кемеровский ГУ, Гуман.-пед. Академия; Крымский федер. ун-тет им. В.И. Вернадского. 2016. С. 102-109.

Юдин А.В. Вместо заключения: загадка и табу // Ономастикон восточнославянских загадок. М.: ОГИ, 2007. С. 85-93.

*N.V. Shesterkina (Saransk, Russia)
Mordovian State Ogarev University
nvshest@mail.ru*

THE WORLD TREE AS A PHYTOMORPHIC AND SPACIO-TEMPORAL MYTH-METAPHOR

In the article based upon the folk riddles so-called “world tree” is described as a myth-concept, forming myth-metaphor. The myth-concept contains within its structure a mythologem, including mythological stories, images. The reasons of metaphor occurrence are explained in the article.

Key words: folk riddles, myth-concept, myth-metaphor, mythologem, myth-model, myth-image, world tree, space, time.

*Л.П. Юздова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
uzdovalp@cspu.ru*

КАТЕГОРИЗАЦИЯ МИРА ВО ФРАЗЕОЛОГИИ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассмотрен процесс категоризации как базовый процесс познания мира человеком. Представлена категоризация фразеологизмов на фоне категоризации лексем. Отмечены параллели в классифицировании этих единиц и проблемы классифицирования.

Ключевые слова: категоризация, классификация, категориальное значение, лексема, фразеологизм.

Необходимо в полной мере осмыслить ту роль, которую играет процесс категоризации или классификации объектов окружающего мира в процессе восприятия мира. С появлением теории речевой деятельности (позже это направление получило название психолингвистики) «деятельностная природа языка и его включенность в процессы жизнедеятельности человека и общества» [Маслова 2004: 12] становятся все более очевидными. Процесс

категоризации является базовым процессом в познании человеком окружающего мира, это «одно из ключевых понятий в описании познавательной деятельности человека, связанное едва ли не со всеми когнитивными способностями и системами в его когнитивном аппарате» [КСКТ 1997: 42].

Язык по праву считается «формой существования мыслительной деятельности человека, охватывает собой все сферы индивидуальной и общественной жизни человека и является составной частью человеческой природы, практической и теоретической деятельности как индивидуума, так и социума» [Колшанский 2006: 8]. Познавая мир через призму категоризации, носитель языка создает индивидуальную языковую картину мира, а индивидуальные языковые картины мира, в свою очередь, складываются в национальную языковую картину мира. Таким образом, благодаря процессу категоризации осуществляется систематизация постоянно поступающей информации в виде понятий, распределяемых по классам, группам на основании системных характеристик объектов.

Категоризация представляет собой классифицирование в виде отвлеченного членения объективной действительности на категории, классы, группы, подгруппы предметов, признаков, действий и т. д. с целью наиболее продуктивного ее освоения. В процессе категоризации носитель языка находит подобные в определенном смысле объекты действительности, объединяя понятия о них.

Процесс категоризации оптимизирует взаимопонимание между носителями языков, подводя языковое общение под единый знаменатель. Отметим, что категоризация осуществляется посредством языка, ведь именно язык позволяет абстрагироваться от конкретного, вещественного, он позволяет носителю языка представить объекты окружающего мира, их характеристики и т. д. в виде понятий.

Итак, категории можно считать ментальными единицами, отражающими познание мира человеком, «при помощи языка, его средств осуществляется категоризация мира» [Юздова 2009: 13].

Категоризация, в частности, представлена в языке в виде классификации лексем и фразеологизмов. На современном этапе почти все лексемы, обозначающие различные понятия об объектах окружающего мира, систематизированы. Частеречная классификация лексем логична, имеет под собой семантико-грамматические основания.

Что же касается фразеологических единиц, то их классифицирование продолжается. Каждый класс фразеологизмов «представляет собой открытую

систему фразеологических единиц, обладающих определенным типом семантики или одним категориальным значением и закрепленными за ним структурно-семантическими категориями и признаками» [Чепасова 2006: 135]

Отметим как положительный момент тот факт, что просматривается системность в классифицировании фразеологизмов и лексем.

В таблице представлены классы фразеологизмов, объединенные на основании смысловой и грамматической общности. Для сопоставления дана и частеречная классификация лексем.

Категориальное значение	Класс (для фразеологизмов)	Часть речи (для лексем)
1	2	3
Предметность	Предметный фразеологизм (<i>стреляный воробей</i>)	Существительное (<i>человек</i>)
Призначность	Призначный фразеологизм (<i>как уголь</i>)	Прилагательное (<i>белый</i>)
Количество, порядок при счете	Фразеологизмы, называющие конкретное количество предметов или порядок предметов при счете, отсутствуют, однако есть единицы, называющие большое или малое количество (<i>как звезд на небе, кот наплакал</i>)	Числительное (<i>семь</i>)
Указательность на предмет, признак или количество	Не выделен отдельный класс фразеологизмов в виде малого количества единиц (<i>наш брат, наша сестра</i>)	Местоимение (<i>я, мой, кто</i>)
Процессуальность	Процессуальный фразеологизм (<i>войти в колею</i>)	Глагол (<i>считать</i>)
Призначность (действия, признака, предмета)	Качественно-обстоятельный фразеологизм (<i>сплошь и рядом</i>)	Наречие (<i>быстро</i>)
Состояние	Фразеологизмов не обнаружено	Категория состояния (<i>холодно, пасмурно, тепло</i>)
Служебная функция связи однородных членов и частей предложения	Связующий фразеологизм (<i>несмотря на то что</i>)	Союз (<i>и</i>)
Служебная функция связи слов в словосочетании	Релятивный фразеологизм (<i>несмотря на</i>)	Предлог (<i>под</i>)

1	2	3
Служебная функция	Фразеологическая частица (в том числе)	Частица (<i>лишь</i>)
Функция выражения чувств	Не выделен отдельный класс фразеологизмов (<i>Боже мой</i>)	Междометие (<i>ах</i>)
Функция выражения чувств	Фразеологизмов не обнаружено	Звукоподражание (<i>мяу</i>)
Функция выражения отношения к высказыванию	Модальный фразеологизм (<i>к сожалению</i>)	Модальное слово (<i>вероятно</i>)

В ряде случаев наблюдается отсутствие параллелей между классами фразеологизмов и частями речи лексем. Это можно объяснить незавершенностью классифицирования (однако нельзя забывать, что язык постоянно развивается, следовательно, некая завершенность процесса классифицирования возможна только относительная и только на определенном этапе развития языка). Отсутствие четкой параллели объясняется, очевидно, спецификой значения фразеологизмов и лексем, невозможностью их полного семантико-грамматического соотнесения друг с другом.

Категоризация, или классифицирование, – объективные процессы, и сам язык обладает объективной системностью, представляя собой не набор разнородных элементов, а своеобразное единство взаимообусловленных, взаимосвязанных элементов. Такими элементами являются и фразеологизмы, и лексемы. И те, и другие единицы выполняют в языке однотипные функции, и классифицирование этих единиц должно иметь однотипное основание (категориальное значение, грамматические признаки).

В процессе категоризации лексем и фразеологизмов, безусловно, необходимо системное мышление.

Литература

Колишанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М.: Ком Книга, 2006. 128 с.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: филол ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.

Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.

Ченасова А.М. Семантико-грамматические классы русских фразеологизмов: учебное пособие. Челябинск: изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2006. 144 с.

Юздова Л.П. Универсальность/неуниверсальность русских адвербиальных фразеологизмов качественной семантики. Челябинск, Атоксо, 2009. 129 с.

L.P. Yuzdova (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

PHRASEOLOGICAL WORLD CATEGORISATION: PSYCHOLINGUISTIC ASPECT

The article studies categorization as the basic process of a human's world cognition. The author studies phraseological categorization based on the categorization of lexical units. Classification of phraseological units presents some challenges, which are also studied in the course of the article.

Key words: categorization, classification, categorial meaning, lexical unit, phraseological unit.

Янь Кай (КНР)

Университет Сунь ЯтСена (Чжуншань)

ky_710@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ПАМЯТЬ В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (ПО ДАННЫМ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)¹

В настоящей статье проанализированы словарные данные лексемы *память* в древнерусском, современном русском и китайском языках; также

¹ Статья подготовлена в рамках проекта 2017 года «Культурная константа ПАМЯТЬ в русской языковой картине мира» (№ L17BYU005) планового фонда социологических наук провинции Лянин КНР. (本文系2017年度辽宁哲学社会科学规划基金项目“俄语语言世界图景中的文化密码“ПАМЯТЬ”; № L17BYU005)的研究成果).

выявляются 1) основные когнитивные категории; 2) свойства и формы проявления; 3) базовые оппозиции; и 4) культурно-концептуальные составляющие концепта ПАМЯТЬ в русской и китайской лингвокультурах по данным словарных дефиниций. Цель данной статьи – показать сходства и различия репрезентации концепта ПАМЯТЬ в русском и китайском языках, которые выявляются в процессе лексикографического анализа.

Ключевые слова: концепт, репрезентация, память, лексикография.

Многие исследователи утверждают, что для анализа концептов той или иной лингвокультуры необходимо использовать лексикографические материалы (в частности, толковых словарей), которые являются объективными источниками информации для лингвокультурологического и лингвокогнитивного исследований.

Лексикографическое исследование номинанта концепта (в нашем случае можно говорить о концепте ПАМЯТЬ) в лингвокультурологическом аспекте помогает раскрыть особенности языковой картины мира того или иного народа. Как полагает З.Ю. Балакина, значительная часть культуры любого народа сохраняется/отражается через его язык, а «язык закрепляется прежде всего в словарях» [Балакина 2006: 41]. С позиции лингвокультурологии, согласно мнению Н.А. Красовского, словарная статья в толковых словарях – «это своеобразный портрет слова, в котором заключена информация о сущности картины мира, представлен опыт, знания человека. Это достаточно надежный способ получения как лингвистической, так и культурной информации, это краткое концентрированное представление результатов освоения носителями того или иного этноса объективного и субъективного мира» [Красавский 2001: 170]. Также добавим слова М.Л. Ковшовой: «В языке происходит культурное присвоение мира уже на этапе номинации: языковой знак содержит значимо-культурную информацию, поскольку его внутренняя форма фиксирует способ отражения мира, или путь моделирования мира как способ его познания» [Ковшова 2016: 28].

Итак, материалом для анализа репрезентации концепта ПАМЯТЬ в русской и китайской лингвокультурах явились данные этимологических и толковых словарей русского и китайского языков.

Рассмотрим лексику *память* с позиции истории русского языка. Согласно М. Фасмеру, слово *память* (др.-русск. *память*, ст.-слав. *памѣть*, др.-гр. *μνήμη, μνημόσυνον* (Клоц., Супр.) родственно др.-лит. *mintis* «мысль, суждение», вост.-лит. *mintis* «загадка», лит. *atmintis* «память», др.-инд.

matīš, mátiš ж. «мысль, намерение, мнение», авест. *maiti-* «мысль, мнение», лат. *mens*, род. п. *mentis* «ум, мышление, разум», гот. *gamunds*, д.-в.-н. *gimunt* «память» и восходит к индоевропейскому корню **m̥n̥tis*. Также можно усмотреть родственную связь лексемы с глаголом *мнить* [ЭР: словарь Фасмера]. Н.М. Шанский пишет, что слово *память* производно от **m̥n̥tib* (> *мять*), т.е. от той же основы, что и *мнить* [ЭР: словарь Шанского]. Подробная этимология слова *память* приводится в работе П. Флоренского, который полагает, что корень слова *память* происходит от **m̥n̥ti* в индоевропейских языках, и показывает связь слова с производными основы *m̥n-* (*men, ton*), которые соотносятся как с памятью, так и с мыслью, ср.: *мнить, мнение, мнимый, мнительный*. С точки зрения П. Флоренского, память и мысль неразделимы, поскольку память и есть мысль в ее первичном, «коренном значении» [Флоренский 1990: 203]. Соответственно, по данным историко-этимологических исследований определяем, что *память* – это ‘мыслительное действие’, которое тесно связано с мышлением, мыслью, умом и разумом говорящего. При этом были определены главные когнитивные категории концепта ПАМЯТЬ в русской лингвокультуре: *мысль/мышление*, (мыслительная) *способность*, (ментальное) действие. Память как психологическое явление тесно связана с внутренним миром человека. На наш взгляд, концепт ПАМЯТЬ может соотноситься со следующими базовыми оппозициями: *внутри – снаружи, мыслить – не мыслить, способность – неспособность, действие – бездействие*. Также можно выделить соответствующие культурно-концептуальные (в понимании И.В. Зыковой [Зыкова 2017]) составляющие вышеуказанных оппозиций: *пространство, идея, возможность, движение*.

Рассмотрим словарные дефиниции лексемы *память* в русском языке. По данным лексикографических источников русского языка (словаря В.И. Даля, словаря Д.Н. Ушакова, МАС, ТСРЯ С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, БТС, РСС, словаря Т.Ф. Ефремовой) нами был проведен компонентный анализ лексемы *память*. Согласно мнению Л.О. Чернейко, компонентный анализ значения слов предполагает выделение тех смысловых элементов, которые повторяются в словарных дефинициях лексем [Чернейко 2013: 183]. При сопоставлении словарных дефиниций лексемы *память* можно выделить следующие повторяющиеся элементы: 1) ‘способность помнить, сохранять, воспроизводить, запоминать’; 2) ‘воспоминание о ком-нибудь или о чем-нибудь’; 3) ‘способность осмысленно воспринимать окружающее, отдавать отчет в своих поступках, чувствах’.

С опорой на концепцию Л.О. Чернейко [Чернейко 2013] на основе указанных словарных семантизаций рассматриваемой лексемы было сформулировано ее «инвариантное» толкование. Значение слова *память* было определено следующим образом: это ‘мыслительная способность человека (или мыслительный процесс), включающая в себя такие процессы, как запоминание, сохранение, последующее воспроизведение человеком его жизненного опыта из прошлого, а также забывание/забвение информации’.

С опорой на концепцию Е.Г. Беляевской [Беляевская 2015] и результаты анализа предыдущих шагов нами были определены главные когнитивные категории концепта ПАМЯТЬ в русской лингвокультуре: *мысль/мышление*, (мыслительная) *способность*, (ментальное) *действие*. Соответственно, можно выделить основные свойства концепта ПАМЯТЬ в русской лингвокультуре: *способность сохранения, воспоминания, воспроизведения, забывания информации/знания из прошлого жизненного опыта, впечатление*; и формы ее проявления: *внутреннее ментальное действие человека*. Также полагаем, что концепт ПАМЯТЬ тесно связан со следующими базовыми оппозициями: *внутри – снаружи, свой – чужой, прошлый – будущий, мыслить – не мыслить, запоминание – забвение, способность – неспособность, действие – бездействие*. В данном случае можем выделить соответствующие культурно-концептуальные (в понимании И.В. Зыковой [Зыкова 2017]) составляющие вышеуказанных оппозиций: *пространство, граница, время, идея, память, возможность, движение*.

Русское слово *память* можно перевести на китайский язык следующими способами: 记忆 (букв. пер.: ‘память’) , 记性 (букв. пер.: ‘память’) [БРКС 1992: 1346].

Слово 记忆 (букв. пер.: ‘память’) в китайском языке имеет следующие значения: 1) 记住或想起 (букв. пер.: ‘запоминать, вспоминать’); 2) 保持在脑子里的过去事物的印象 (букв. пер.: ‘сохранение образа какого-либо предмета прошлого в голове человека’) [ССКЯ 2012: 612]. При этом подчеркиваем, что данное слово 记忆 (букв. пер.: ‘память’) состоит из двух морфем: 记 (букв. пер.: ‘запоминать’) и 忆 (букв. пер.: ‘вспоминать’), которые включают в себя два компонента: левую часть и правую часть. У глагола 记 имеется 5 основных значений в китайском языке: 1) <动> 把印象保持在脑子里 (букв. пер.: гл. ‘сохранять образ какого-либо предмета в голове человека’); 2) <动> 记录; 记载; 登记 (букв. пер.: гл.

‘записывать, регистрировать’); 3) <名> 标志; 符号 (букв. пер.: суц. ‘знак, код’); 4) <量> 多用于某些动作的次数 (букв. пер.: сч. сл. ‘количество повторов какого-либо действия’); 5) <名> 姓 (букв. пер.: суц. ‘фамилия человека’) [Там же]. Иероглиф 记 состоит из двух компонентов: левая часть обозначает ‘язык, речь’, а правая – ‘сам, себя’. Иероглиф 忆 имеет два основных значения в китайском языке: – ‘запомнить’ и ‘вспомнить’ – и также состоит из двух компонентов: левая часть обозначает ‘сердце, психику, мышление’, правая часть передает звучание данно иероглифа.

Слово 记性 (букв. пер.: ‘память’; синонимом слова 记性 выступает 记忆力[3]) состоит из двух морфем 记 (см. выше) и 性. Морфема 性 в китайском языке обозначает 1) ‘особенность психологической реакции человека под воздействием чужого человека или события’; 2) ‘возможность, способность, признак или характеристика человека, свойство какого-л. предмета или явления; 3) гендерное различие (например: женский или мужской пол)’ [ЭР: БСКЯ]. Морфема 性 состоит из двух частей: левая часть данной морфемы в китайском языке обозначает ‘сердце, психику, мышление’, а правая часть данной морфемы тесно связана с действиями человека и обозначает: 1) ‘рожать кого-л./кто-то рождается’; 2) ‘что-н. появляется’ (данная морфема в китайском языке имеет восемь значений, для настоящего исследования мы брали только ее основные значения) [ЭР: БСКЯ].

Опираясь на вышесказанное, полагаем, что слово *память* (букв. пер.: ‘记忆, 记性’) в китайском языке обозначает ‘способность сохранения, запоминания информации/знания из прошлого жизненного опыта человека’. При этом память как психологический мыслительный процесс (или действие) может выражаться с помощью следующих языковых единиц: *запоминать, вспоминать*.

По данным проведенного анализа нами были выделены основные свойства концепта ПАМЯТЬ в китайской культуре: *способность сохранения, запоминания информации/знания из прошлого жизненного опыта*; и формы ее проявления: *внутреннее психологическое мыслительное действие человека*. Также полагаем, что концепт ПАМЯТЬ тесно связан с базовыми оппозициями: *внутри – снаружи, прошлый – будущий, свой – чужой, запоминание – забвение, действие – бездействие*.

Опираясь на вышесказанное, полагаем, что слово *память* (букв. пер.: ‘记忆, 记性’) в китайском языке обозначает ‘(мыслительная)

способность сохранения, запоминания информации/знания из прошлого жизненного опыта человека'. В китайском языке концепт ПАМЯТЬ репрезентируется лексемами: *запоминать* и *вспоминать*. При этом нами были определены главные когнитивные категории концепта ПАМЯТЬ в китайской лингвокультуре: *предмет* (или объект), *мысль/мышление*, (мыслительная) *способность*, (ментальное) *действие*. По данным проведенного анализа нами были выделены основные свойства концепта ПАМЯТЬ: *способность сохранения, запоминания информации/знания из прошлого жизненного опыта*; и формы ее проявления: *внутреннее ментальное действие человека*. Также полагаем, что концепт ПАМЯТЬ тесно связан со следующими базовыми оппозициями: *внутри – снаружи, свой – чужой, жить – смерть, прошлый – будущий, мыслить – не мыслить, запоминание – забвение, способность – неспособность, действие – бездействие*. Соответственно, выделим соответствующие культурно-концептуальные (в понимании И.В. Зыковой [Зыкова 2017]) составляющие вышеуказанных оппозиций: *пространство, граница, существование, время, идея, память, возможность, движение*.

В заключение можно отметить, что анализ толковых словарей дает возможность выявить некоторые культурные смыслы, которые стоят за знаками языка культуры, а также составить представление о той или иной лингвокультуре.

Литература

Балакина З.Ю. Национально-культурная специфика лексикографического описания эмоциональных концептов: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 164 с.

БРКС – Большой русско-китайский словарь / Хэйлунцзянский университет факультета русского языка. Пекин: Изд-во «Шаньу иньшугуань», 1992. 2737 с.

БСКЯ – Большой словарь китайского языка. URL: <http://www.hydc.com/> (дата обращения: 01.03.2017).

Ковшова М.Л. Культурная информация в семантике языковых знаков // Лингвокультурологические исследования. Языки лингвокультурологии: теория vs эмпирия / отв. ред. М.Л. Ковшова. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 27-36.

Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Волгоград: Перемена, 2001. 495 с.

НРКС – Новый русско-китайский словарь. Пекин: Иностранные языки, 2005. 1314 с.

Словарь Фасмера – Этимологический словарь русского языка М. Фасмера. URL: <http://www.vasmer.slovaronline.com/> (дата обращения: 01.03.2017).

ССКЯ – Словарь современного китайского языка. 6-е изд. Пекин: Деловая пресса, 2012. 1790 с.

Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1. М.: ПРАВДА, 1990. 496 с.

Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 272 с.

YAN KAI (CHINA)
Sun Yat-sen University
ky_710@mail.ru

**THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT *MEMORY* IN
THE CHINESE AND RUSSIAN LINGUISTIC CULTURES
(ACCORDING TO LEXICOGRAPHICAL SOURCES)**

This article analyzes the dictionary data of the lexeme *memory* in the old Russian, modern Russian and Chinese languages; also identifies the main properties and forms of manifestation, the basic opposition of the concept of *MEMORY* in Russian and Chinese linguistic cultures according to dictionary definitions. The purpose of this article is to show the similarities and differences in the representation of the concept of *MEMORY* in the Russian and Chinese languages, which are revealed in the process of lexicographical analysis.

Key words: concept, representation, memory, lexicography.

I.V. Skrynnikova (*Volgograd, Russia*)

Volgograd State University

i.skrynnikova@volsu.ru

T.M. Permyakova (*Perm, Russia*)

National Research University Higher School of Economics

tpermyakova@hse.ru

MULTIMODAL METAPHORICAL REPRESENTATIONS OF RUSSIAN PATRIOTISM

Patriotism, commonly believed to contribute to greater social cohesion, cooperation and prosocial behaviour, can be exploited as an effective promotional tool in public institutions. The paper deals with multimodal metaphoric representation of patriotism in Russia and reveals its contested nature. It uncovers the role of metaphor in constructing Russian national identity providing some evidence for its powerful framing potential.

Key words: patriotism, metaphor, multimodality, contested concepts, cross-domain mappings, inferences.

Serving the purpose of maintaining national cohesion and coming in a variety of forms and slogans, patriotism, traditionally and pervasively understood as affection for and a feeling of belonging to one's country, has become a strikingly ambiguous concept. What is patriotism and what social practices accompany it vary from nation to nation bringing in far-reaching implications for individuals' relationships with communities they live in. Such state of affairs enables us to treat patriotism as an essentially contested concept and argue that language is a discursive pragmatic mechanism to promote a particular view of patriotism, with metaphor serving as a powerful conduit for patriotism. Being one of the primary concepts in the political discourse, patriotism has been widely studied in cognitive linguistics, psycholinguistics, cultural studies and related fields where particular emphasis is being made on the potential of metaphor to enrich vocabulary of a language, to make people's speech vivid and emotional, to transform a linguistic view of the world [Chudinov 2012: 122].

To contribute to a greater feeling of attachment to the homeland, national authorities exercise a variety of symbolic resources linking past with present: national conventions and traditions, prototypical narratives, mythologies and national symbols. Patriotic policies, on the one hand, may assume an

authoritarian dimension but, on the other hand, draw upon non-public civil rituals and evoke national pride. Russian mentality has long been understood as based on communality, openness and breadth. The latter encompasses certain inconsistency, a combination of polarities, where non-prudence has become the norm of life. Culturologists believe that will and mindset of Russian people are far from being disciplined and possessing certain form and contents [Lossky 1999].

Numerous studies suggest metaphors perform ideological articulation and emotional arousal [Kitis and Milapides 1997; Lee 2005] and should be interpreted through shared cultural knowledge. There is certain variation in the extent to which people from different cultural backgrounds share cultural knowledge and ideologies [Charteris-Black 2003; Deignan 2003; Littlemore 2003; Trompenars 1993]. Given the multimodal nature of metaphor, its explanatory power in making sense about what is patriotism in a particular nation or context increases manifold.

The current paper examines multimodal metaphoric representation of patriotism in Russia applying G. Lakoff's neural theory of language and conceptual metaphor theory [Lakoff 2008], critical metaphor analysis [Charteris-Black 2004] and multimodal metaphor analysis [Forceville 2009]. The paper aims to address the following questions: (1) What are the major metaphors employed in the discursive construction of patriotism? (2) Is there a certain variation in preferred metaphors depending on the type of ideology promoted? (3) What is the role of these metaphors in creating a conception of patriotism? (4) Can the persuasive potential of source domains be measured and compared?

The findings and possible answers to these questions may provide deeper insights into understanding of the role of metaphor in constructing the national identity of a patriotic Russian as well as substantiate the potential of metaphor as a powerful framing tool. By eliciting visual metaphors of patriotism *from The Best of Russia.ru photo contest* and extracting textual metaphors from Russian National Corpus (RNC) and various textual sources, we identified recurring multimodal metaphors of patriotism targeted as *sport, war, flag, home, family, arts (architecture, ballet), nature, personality, etc.* People mostly tend to model the reality around them in accordance with their own image and likeness to metaphorically present abstract and ambiguous phenomena such as patriotism anthropomorphically as physiological and psychological states, family and body. A good example of this type of conceptualization is understanding patri-

otism as physical strength and power: *The Russian President should know that all patriotic powers of Russia support him, and the head of the Kremlin should not be confused by criticism from abroad.*

Another interesting example of the inconsistency of the Russian national character is love of freedom paradoxically combined with humility and submission to the will of others. The ability to withstand under any circumstances, not to keep their heads down in the face of any difficulties or hostility is a manifestation of their inner freedom and pride. Hence is the strong belief that it is THEM not US who are responsible for the current state of the country and people's well-being. Thus, for Russian environmentalist, for instance, it is quite common to represent their country as the world dump which reflects their view of the country's disastrous state. Such a metaphor is bound to evoke civic activism and urge citizens to treat nature kindly [Krasil'nikova 2005]:

A new history of the country will emerge soon – the history of Russia as the world's nuclear dump.

Maintaining the current state of affairs we will inevitably become a country of wells, pipes and calamities.

Vivid deteriorative metaphorical representation referring to the category THEY prevail in depicting the modern Russian society, where “big politics” is seething, Russian business is desperately maneuvering between gangsters, governors and tax officials, and intellectuals are either getting ready for departure or searching for support. Morbial and criminal metaphors as well as metaphors of dump are extensively used and enable “to thicken the paint” while creating and promoting a negative view of the nation. They serve to contribute to people's belief that things cannot be any worse and urge to speculate on the country's further development and overcome their indifference for its future.

Data obtained from the visual metaphor analysis point out to pervasive understanding of patriotism as a way of manifesting national pride. There are several hypotheses about the ways the structure of national pride may change in the course of a nation's development [Evans and Kelley 2002]. However, such changes in our view would require much longer time and/or should arise as a result of some dramatic public events. Indeed, the three factors of national pride, namely “nationalism”, “political patriotism” and “cultural patriotism” were quite similar to those reported previously [Grigoryan 2013], from other Russian samples collected in 2013.

Another aspect to be taken into consideration in studies on visual data representing patriotism is the selection of the stimulation material for target groups. Different patriotism-stimulating material may result in diverging effects on different aspects of national pride. For example, unlike exposure to flag or to other official national symbols which are believed to raise nationalism levels, viewing landscapes and national achievements seem to be relatively safe and efficient for boosting beneficial forms of national pride [Mummendey et al. 2001]. Yet, our study shows that this should not be considered as a universal recipe as the reality is somewhat more complicated.

The results suggest that despite overlapping metaphorical models in the both modalities, some differences in conceptualizing patriotism may be observed at the inferential level of analysis. The obtained data seem to contribute to previous extensive evidence that individuals perceive visual and textual stimuli differently.

As metaphors reflect evaluative and attitudinal biases related to particular dispositions (ISSP measures) and preferences of the respective targets (ranking), the study might be complementary to the investigation of source domains and cross-domain mappings in metaphorical language use. The persuasive potential of source domains can be then measured/compared, as metaphorical mappings preserve the cognitive topology (that is, the image-schema structure) of the source domain, in a way that is consistent with the inherent structure of the target domain. Another promising line of research is to empirically test in a series of experiments if respondents' view of patriotism changes as a result of their previous exposure to a particular metaphor, thus suggesting the manipulative potential of metaphor in discourse.

References

Charteris-Black J. Speaking with forked tongue: A comparative study of metaphor and metonymy in English and Malay phraseology. *Metaphor and symbol*. 2003. No. 18 (4). P. 289-310.

Charteris-Black J. Corpus approaches to critical metaphor analysis. Springer, 2004.

Чудинов А.П. *Политическая лингвистика*. М.: Флинта: Наука, 2012.

Deignan A. Metaphorical expressions and culture: An indirect link. *Metaphor and symbol*. 2003. No. 18 (4). P. 255-271.

Evans M.D.R., Kelley J. National pride in the developed world: Survey data from 24 nations. *International Journal of Public Opinion Research*. 2002. No. 14 (3). P. 302-338.

Forceville C., Urios-Aparisi E. (Eds.). *Multimodal metaphor* (Vol. 11). Walter de Gruyter, 2009.

Grigoryan L.K. Patriotism and Nationalism in Russia: Influence on Economic Independence. *Kul'turno-Istoricheskaya Psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*. 2013. No. 3. P. 22-31.

Kendall K.E., Kendall J.E., Lee K.C. Understanding disaster recovery planning through a theatre metaphor: Rehearsing for a show that might never open. *The Communications of the Association for Information Systems*. 2005. No. 16 (1). P. 54.

Kitis E., Milapides M. Read it and believe it: How metaphor constructs ideology in news discourse. A case study. *Journal of Pragmatics*. 1997. No. 28 (5). P. 557-590.

Красильникова Н.А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в электронном дискурсе США, России и Англии: дисс. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

Lakoff G. *The political mind: Why you can't understand 21st-century politics with an 18th-century brain*. New York: Viking, 2008.

Lee D.A. The perfect nurturer: A model to develop a compassionate mind within the context of cognitive therapy. I.P. Gilbert (Ed.), *Compassion: Conceptualisations, Research and Use in Psychotherapy*, Routledge, London, 2005.

Littlemore J. The effect of cultural background on metaphor interpretation. *Metaphor and symbol*. 2003. No. 18(4). P. 273-288.

Лосский Н.О. *Характер русского народа*. М., 1999.

Mummendey A., Klink A., Brown R. Nationalism and patriotism: national identification and out-group rejection. *The British Journal of Social Psychology / the British Psychological Society*. 2001. No. 40 (2). P. 159-172.

Trompenaars A. *The seven cultures of capitalism: Value systems for creating wealth in the United States, Japan, Germany, France, Britain, Sweden, and the Netherlands*, 1993.

И.В. Скрынникова (Волгоград, Россия)

Волгоградский государственный университет

i.skrynnikova@volsu.ru

Т.М. Пермякова (Пермь, Россия)

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

tpermyakova@hse.ru

МУЛЬТИМОДАЛЬНАЯ МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Патриотизм, который, как считается, способствует бóльшей социальной сплоченности, сотрудничеству и просоциальному поведению, может быть использован в качестве эффективного инструмента продвижения в государственных органах. В статье рассматривается мультимодальная метафорическая репрезентация патриотизма в России и раскрывается спорный характер этого явления. Статья раскрывает роль метафоры в построении российской национальной идентичности, представляя некоторые доказательства ее мощного фреймингового потенциала.

Ключевые слова: патриотизм, метафора, мультимодальность, спорные концепты, междоменный мэппинг, выводное знание.

III. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ И ГРАММАТИКИ

*Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
alm@psu.ru, mishlanovas@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

В статье рассматривается когнитивное терминоведение как направление современной лингвистики. Базовым понятием когнитивного терминоведения является терминологическая компетенция. Терминологическая компетенция определяется как способность выражать, понимать и создавать специальное знание с помощью терминов. Представлен анализ попыток моделирования терминологической компетенции. Обсуждается трансдискурсивная модель терминологической компетенции.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, компетентностный подход, терминологическая компетенция, трансдискурсивная модель терминологической компетенции.

Терминоведение является одним из относительно молодых направлений лингвистики, появившимся на рубеже XIX–XX веков и сменившим несколько научных парадигм [Лейчик 2009]. Современный этап развития терминоведения определяется как когнитивный [Алексеева, Мишланова, 2002; Лейчик 2009; Новодранова, Манерко, 2014]. В исследовательском фокусе когнитивного терминоведения находится терминологическая компетенция, то есть способность человека с помощью терминов выражать, понимать и создавать специальное знание [Алексеева, Мишланова, Бурдина 2016].

Исследование терминологической компетенции носит междисциплинарный характер, поэтому вопросы развития терминологической компетенции обсуждаются в работах термиологов, лингвистов, педагогов, переводчиков, специалистов различных предметных областей [Бордовская, Кошкина 2016; Вышегуров 2012; Дымова 2004; Ермолаева 2014;

Игна 2016; Петрова, Галиева 2016; Faber 2003; Montero Martinez, Faber 2009; Professional Profile for Terminologists; Roelke 2011; Sikora 2014].

Особый вклад в понимание терминологической компетенции внесла работа Л. Хоффманна, в которой предложена пятиуровневая модель профессиональной коммуникации [Hoffmann 1985: 65-67]. В свете когнитивного терминоведения и компетентностного подхода можно считать, что Л. Хоффманн разработал когнитивно-дискурсивные параметры трансдискурсивной модели терминологической компетенции (ТМТК). Принимая во внимание, что модель компетенции включает основные стандарты описания структуры деятельности, направленной на достижение комплекса корпоративных целей, попытаемся охарактеризовать ТМТК. Прежде всего отметим, что ТМТК формируется в дискурсе – вербально опосредованной деятельности в определенной предметной области. Поскольку профессиональная деятельность представляет собой иерархию типов деятельности разных уровней сложности, она опосредуется комплексом дискурсивных практик и, соответственно, разножанровыми текстами, в которых репрезентированы понятия разной степени абстракции, что, в свою очередь, проявляется через варьирование терминологии. Институциональный характер дискурса выводит на закономерность развития предметной сферы и, следовательно, на последовательность освоения типов профессиональной деятельности (от практических до научных), типов понятий (от конкретных до абстрактных) и способов их репрезентаций (общезыковых, терминологических, символических). Иными словами, каждый тип дискурсивной практики предполагает специфику терминологической компетенции, а совокупность дискурсивных практик в иерархической структуре дискурса может быть охарактеризована на основе ТМТК, поскольку трансдискурсивная модель описывает все многообразие терминологических репрезентаций дискурса.

Возвращаясь к работе Л. Хоффманна, подчеркнем, что в ней соотносены формирующиеся в любом институциональном дискурсе типы терминов, понятий, дискурсивных практик и их участников. Становление и развитие социального института и, соответственно, структуры дискурса порождает пятиуровневую иерархию понятий: А – наивысшей степени абстракции, В – очень высокой, С – высокой, D – низкой, E – очень низкой степени абстракции. В структуру дискурса входят дискурсивные практики теоретических наук (А), экспериментальных наук (В), прикладных наук (С), бизнеса/производства (D), потребления (E), участ-

никами которых выступают ученые-теоретики (А), ученые и ассистенты (В), ученые и администрация предприятия (С), администрация предприятия и специалист (D), дистрибьюторы и потребители (Е). Что касается способа репрезентации понятия, то в дискурсивных практиках уровня А функционируют символы для обозначения элементов и отношений, в дискурсивных практиках уровня В – символы для обозначения элементов и языковые знаки для обозначения отношений. Начиная с уровня С дискурсивные практики реализуются на естественном языке, при этом на уровне С функционирует очень большое количество терминов, а текст жестко формализован. В дискурсивных практиках уровня D также присутствует большое количество терминов, однако текст менее формализован. Дискурсивные практики уровня Е содержат единичные термины и не формализованы. Таким образом, ТМТК в обобщенном виде характеризует дискурс как деятельность в определенной предметной сфере (социальном институте), на разных этапах которой (научный, профессиональный, производственно-потребительский) образуются разные типы знания (понятия), имеющие разные способы объективации.

Безусловным достоинством ТМТК, представляющей набор дескрипторов терминологической компетенции в структуре дискурса, является возможность ее применения к любому институциональному дискурсу. Еще большая ценность, по нашему мнению, заключается в открытости данной модели, возможности введения дополнительных дескрипторов или детализация имеющихся. Так, например, целесообразно детализировать характеристику понятия – наряду с дескрипцией степени абстрактности можно учитывать особенности предметного содержания, когнитивную структуру термина. Перспективным видится и расширение языковых дескрипторов – можно было бы к формальным лексическим и синтаксическим характеристикам репрезентации понятия добавить семантические. Несмотря на очевидные преимущества детализации системы дескрипторов терминологической компетенции отметим, что сам процесс изучения когнитивной, концептуальной и семантической структур термина очень трудоемок, является полипарадигмальным, сочетает лингвистические и экспериментальные методы.

Таким образом, когнитивное терминоведение развивается в русле компетентностного подхода, предпринимаются попытки формулирования понятия «терминологическая компетенция», разрабатываются дескрипторы этой компетенции. Обсуждаемая трандискурсивная модель терминологической компетенции, с одной стороны, продолжает традиции

терминологических исследований, а с другой – открывает новые возможности изучения когнитивных процессов.

Литература

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л., Бурдина О.Б. Терминологическая компетенция как основа знания, познания и профессиональной коммуникации // Методические и лингвистические аспекты греко-латинской медицинской терминологии. СПб.: Первый Санкт-Петербургский гос. мед. ун-тет им. И.П. Павлова, 2016. С. 7-12.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002.

Бордовская Н.В., Кошкина Е.А. Терминологическая компетентность специалиста: проявление и уровни развития // Человек и образование. 2016. № 3 (48). С. 4-11.

Вышегуров С.Х. Терминологическая компетенция как требование профессионального образования // Профессиональное образование в современном мире. 2012. № 4 (7). С. 89-97.

Дымова Е.А. Методические приемы формирования терминологической компетенции у иностранных студентов медицинских вузов // Журнал Гродненского гос. мед. ун-та. 2004. № 3. С. 92-93.

Игна Я.Д. Терминологическая культура учителя иностранного языка: понятие, основы развития // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2016. № 6 (171). С. 117-119.

Ермолаева Ж.Е. Формирование терминологической культуры курсантов и слушателей академии государственной противопожарной службы МЧС России направления подготовки «Пожарная безопасность» // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. Т. 6. № 6. Ч. 2. С. 85-88.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.

Новодранова В.Ф., Манерко Л.А. Концептуальная и когнитивная карта как методологический аппарат когнитивно-коммуникативного терминоведения // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX: «Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира». С. 275-287.

Петрова Е.А., Галиева Д.А. Формирование терминологической компетенции в аспекте юриспруденции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 3 (57): в 2-х ч. Ч. 2. С. 123-126.

Faber P. Terminological competence and enhanced knowledge acquisition. *Research in Language*. 2003. № 1. P. 95-117.

Hoffmann L. Kommunikationsmittel Fachsprache. Eine Einführung. Tübingen: G. Narr, 1985.

Montero Martinez S., Faber P. Terminological Competence in Translation. *Terminology*. 2009. 15, no. 1. P. 88-104.

Professional Profile for Terminologists. URL: <http://termcoord.eu/why-terminology/31318-2/> (дата обращения 11.05.2018).

Roelcke T. Fachsprachliche Inhalte und fachkommunikative Kompetenzen als Gegenstand des Deutschunterrichts für deutschsprachige Kinder und Jugendliche. *FACHSPRACHE: International Journal of Specialized Communication*. 2009. Vol. XXXI, no. 1-2. P. 6-21.

Sikora I. Contemporary approach to terminological competence, management and terminology teaching on the basis of courses for translators offered by Polish higher education institutions // *Languages for Special Purposes in a Multilingual, Transcultural World* / Ed. By G. Budin, V. Lusicky. Vienna: University of Vienna, 2014. P. 500-508.

L.M. Alekseeva, S.M. Mishlanova (Perm, Russia)

Perm State University

alm@psu.ru, mishlanovas@mail.ru

COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECTS OF TERMINOLOGICAL COMPETENCE

In the article cognitive terminology is regarded as a new branch of linguistics. The basic notion of cognitive terminology is that of terminological competence. We define the terminological competence as the ability to verbalize professional knowledge by means of special meta-language. The article deals with the issue of terminological competence modeling. The trans-discursive model of terminological competence is discussed.

Key words: cognitive terminology, terminological competence, trans-discursive model of terminological competence.

*Л.В. Бабина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина, Тамбов
ludmila-babina@yandex.ru*

МЕХАНИЗМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ МИМИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ¹

В статье рассматриваются механизмы интерпретации мимических движений. Показывается, что интерпретация осуществляется относительно определенных контекстов гиперматрицы FACIAL EXPRESSION, которые рассматриваются как доминантные при осмыслении ситуации мимического движения.

Ключевые слова: номинации мимического движения, гиперматрица, концепт, механизмы интерпретации, доминантный смысл.

В последние годы проблемы интерпретации вызывают огромный интерес исследователей, поскольку, как отмечает Н.Н. Болдырев, любая языковая деятельность человека связана с интерпретацией. Языковая интерпретация понимается как вид познавательной активности человека, представляющей собой «процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире» [Болдырев 2014], которая осуществляется с учетом и типизированных схем знаний, и индивидуальной концептуальной системы человека. Интерпретация базируется на избирательности в процессе формирования и переработки знаний, что предполагает творчество в языке, или лингвокреативность [Бабина 2017].

В предлагаемой статье предпринимается попытка выявить механизмы интерпретации мимического движения за счет рассмотрения английских языковых единиц, объективирующих представления о мимике человека. Изучение данных единиц позволило осуществить моделирование концепта FACIAL EXPRESSION как гиперматрицы, ядром которой является концепт интегративного характера, включающий концепты UPPER AREA EXPRESSION (FOREHEAD, EYEBROWS), MIDDLE AREA EXPRESSION (EYES/NOSE), LOWER AREA EXPRESSION (MOUTH,

¹ Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00267, в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

CHIN), а когнитивными контекстами – концепты EMOTIONAL STATE, PHYSIOLOGICAL STATE и SIGN OF COMMUNICATIVE INTENTION. Концепт EMOTIONAL STATE включает представления о чувствах и эмоциях человека. Концепт PHYSIOLOGICAL STATE дает представление о состояниях человека (стресс, напряжение, утомление, голод и т. п.), а также об умственной деятельности человека. Концепт SIGN OF COMMUNICATIVE INTENTION выявляется, поскольку мимические движения могут осмысляться как сигналы определенного коммуникативного намерения, то есть цели, для реализации которой человек осознанно или неосознанно осуществляет мимическое движение.

Ситуация мимического движения может получать в тексте различное осмысление в зависимости от того, каким образом она конструируется автором. Интерпретация мимического движения предполагает обращение к структуре знания, которая объективируется номинациями мимических движений, и использование определенных когнитивных механизмов. В ходе исследования был выявлен ряд механизмов интерпретации мимического движения, в данной статье будут рассмотрены некоторые из них: «концептуальная метафора», «концептуальная метонимия», «концептуальная метафтонимия», «концептуальное сравнение», «фокусирование».

Механизм «*концептуальная метафора*», как известно, подразумевает определение области-источника и области-мишени метафорического переноса, выявление характеристик в обеих областях, позволяющих установить сходство между этими областями. Благодаря данному механизму мимическое движение интерпретируется как активная сущность, которая способна менять выражение лица человека.

1) *A pleased smile spread across David's face* [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. В примере существительное *smile* используется с глаголом движения *spread* и осмыляется как активная сущность. В ходе интерпретации происходит обращение к когнитивной матрице, а именно к концепту LOWER AREA EXPRESSION, активизируются характеристики ‘движение уголков рта’, ‘формирование морщин вокруг губ/рта и глаз’ и ‘формирование морщин вокруг глаз’, осмысление их происходит относительно когнитивного контекста EMOTIONAL STATE, на что указывает языковой контекст.

2) *McLeish watched her melting smile, as did every man in the group* [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. В примере для описания исчезновения улыбки существительное *smile* используется с глаголом *melt* в переносном значении, то есть не только мимическое движение интерпретируется как активная

сущность, но и глагол используется метафорически, поскольку речь идет об исчезновении улыбки. Следует отметить, что использование глаголов в переносном значении для описания исчезновения улыбки – довольно распространенное явление.

Для описания появления улыбки существительные, обозначающие мимическое движение, используются с метафорически переосмысленными глаголами свечения.

3) *It's such a change to hear someone say what he really believes ... ' and a **warm smile blazed*** [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. В примере интерпретация происходит на базе когнитивного контекста EMOTIONAL STATE, отмечается положительный характер эмоции, вызвавшей улыбку, на что указывают прилагательное *warm* и глагол *blaze*, в прямом значении передающий представление о ярком свечении.

Механизм «**концептуальная метонимия**» предполагает обращение к когнитивной области, в которой происходит метонимический перенос, определение концепта-средства и концепта-цели, сравнение и перспективизацию части для обозначения целого, целого для обозначения части или одной части целого для обозначения другой части целого. При интерпретации мимического движения метонимический перенос может осуществляться по модели ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ.

4) *But look closely through those softly parted, glossy lips and you'll notice the perfect teeth set hard and fast in a **calculating smile*** [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. В примере через мимическое движение, обозначенное существительным *smile*, благодаря метонимическому переносу происходит отсылка к человеку, охарактеризованному прилагательным *calculating*. Осмысление мимического движения осуществляется относительно когнитивного контекста PHYSIOLOGICAL STATE, поскольку идет отсылка к умственной деятельности человека.

5) *'Say, ' he asked the white-faced driver with a **cheery grin*** [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. Интерпретация следующего примера также осуществляется при помощи когнитивного механизма «концептуальная метонимия», однако осмысление мимического движения предполагает обращение к когнитивному контексту EMOTIONAL STATE, на что указывает прилагательное *cheery*.

6) *'With what?' the hag asks drily, and then **her face creases into a sly smile*** [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. В примере механизм «концептуальная метонимия» используется дважды, поскольку, с одной стороны, отсылка к человеку осу-

ществляется через орган, приходящий в движение (актуализируется характеристика ‘формирование морщин’), а с другой стороны, через улыбку идет отсылка к человеку, охарактеризованному при помощи прилагательного *sly*.

Механизм «**концептуальная метафтонимия**» предполагает использование как метафорической, так и метонимической проекции.

7) *Sven Hjerson's lugubrious face lit up in a brief smile* [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. В рассматриваемом примере задействуется механизм «концептуальная метонимия», поскольку, как в предыдущем примере, отсылка к человеку осуществляется через орган, на котором отражается мимическое движение. Также используется механизм «концептуальная метафора», так как мимическое движение передается через метафорически переосмысленный глагол свечения. Употребление прилагательного *brief* указывает на мимолетность мимического движения.

Механизм «**концептуальное сравнение**» предполагает выявление области эталона и области объекта сравнения, установление характеристик, на основе которых осуществляется сравнение двух областей и обогащение области объекта сравнения.

8) *Her smile was like a shaft of warm sunshine falling across his face* [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. В примере улыбка сравнивается с лучом теплого солнечного света, что позволяет говорить о том, что улыбка была лучезарной и теплой и была вызвана положительными, светлыми эмоциями. Интерпретация осуществляется относительно когнитивного контекста EMOTIONAL STATE.

Под механизмом «**фокусирование**» понимается введение в фокус внимания определенных свойств объектов или ситуаций [Ирисханова 2014].

10) *He gave us a grin of yellow teeth* [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. В рассматриваемом примере при интерпретации в фокус помещается характеристика ‘обнажение зубов’ концепта LOWER AREA EXPRESSION. Таким образом автор не только описывает мимическое движение, но и указывает на особую деталь во внешности человека (желтые зубы).

11) *He read my amusement and gave me a twisted grin* [<http://bncweb.lancs.ac.uk>]. В примере актуализируется характеристика ‘движение уголков рта’ концепта LOWER AREA EXPRESSION, также интерпретация предполагает обращение к когнитивному контексту EMOTIONAL STATE. Усмешка предполагает презрительное отношение одного персонажа к другому.

Таким образом, проведенный анализ позволил показать, что интерпретация мимических движений зависит от их субъективного осмысления

человеком. Именно от него зависит то, как мимическое движение будет представлено: осмысляется ли оно как нечто зависимое от человека (*Smile, you're on candid camera!*) или как некая самостоятельная сущность, делается ли акцент на той или иной составляющей мимического движения. В любом случае при интерпретации происходит обращение к фоновым знаниям о мимике и используются определенные когнитивные механизмы, среди которых можно назвать механизмы «концептуальная метафора», «концептуальная метонимия», «концептуальная метафтонимия», «концептуальное сравнение», «фокусирование».

Литература

Бабина Л.В. Интерпретирующий потенциал производных слов // Интерпретация мира в языке: колл. монография / науч. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов: Издат. Дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 287-310.

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20-28.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

<http://bncweb.lancs.ac.uk> (дата обращения: 15.08.2018).

L.V. Babina (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov state university
ludmila-babina@yandex.ru

INTERPRETATION MECHANISMS OF FACIAL MOVEMENT

The article deals with the interpretation mechanisms of facial movement. It is shown that the interpretation is carried out with respect to a certain context of the hypermatrix FACIAL EXPRESSION, which is regarded as dominant in the comprehension of the situation of facial movement.

Key words: nomination of facial movement, hypermatrix, concept, interpretation mechanisms, dominant sense.

В.А. Белов (Череповец, Россия)
Череповецкий государственный университет
belov.vadim.a@gmail.com

О СПОСОБАХ НАИВНОГО ТОЛКОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА

В работе предложена классификация способов наивного толкования лексического значения на основе характера семантической близости стимула и реакции (толкования). Исследование проводится на базе психолингвистического эксперимента на толкование заданных слов, в котором приняли участие 166 испытуемых. Материалом исследования выступили слова разных лексико-грамматических разрядов имен существительных.

Ключевые слова: лексическая семантика, лексикология, лексикография, способы наивного толкования, лексико-грамматические разряды имен существительных.

Различные подходы к пониманию и классификации способов толкования значения носителями языка представлены в работах [Арбатский 1970; Вепрева 2004; Кузнецова 2011; Левенталь 2014; Ростова 2008]. Так, в работах Н.Д. Голева предложена следующая типология наивной семантизации, которая нашла отражение в Словаре обыденных толкований русских слов [Словарь обыденных толкований русских слов 2011]: дефиниционный (выделение родового слова и перечисление видовых свойств стимула), описательный (перечисление разнообразных признаков и свойств стимула), ассоциативный (приведение ассоциаций, при этом признаки не дифференцируются), контекстный (использование контекстов употребления), мотивационный (выяснение внутренней формы), отсылочный (употребление синонимов) [Голев 2013].

В настоящей работе предложена классификация стратегий толкований с семантической точки зрения: в ее основе лежит представление о характере семантической близости стимула и реакции. Типы отношений семантической близости описаны нами в предшествующей работе (см. [Белов 2016]), где сделаны выводы об иерархической организации синонимов в синонимических рядах (СР).

Наше исследование проводится с опорой на результаты психолингвистического эксперимента на толкование заданных слов. В эксперименте

приняли участие 166 человек, студентов Череповецкого государственного университета, в возрасте от 18 до 21 года. Анкета содержала 20 слов-стимулов, в задании испытуемых просили объяснить значение данных слов. Эксперимент был разделен на два этапа, в каждом из которых использовалась своя стимульная таблица. В качестве стимулов предлагались имена существительные (ИС), относящиеся к разным лексико-грамматическим разрядам. В исследовании использован Национальный корпус русского языка (НКРЯ) (www.ruscorgpora.ru), который послужил источником примеров употреблений анализируемых лексем.

По результатам эксперимента было выделено 6 способов толкований: синонимический; описательно-гиперонимический; описательный; логический (компонентный); семантический; ассоциативный. Ниже дана характеристика каждого способа толкования.

1. Синонимический способ предполагал использование синонимов для пояснения значения стимула. Это способ, который наиболее распространен (его частотность 30 %) и представлен следующими подтипами:

- доминантный – использование доминанты СР для толкования субдоминантного синонима; например, для синонима *недуг* самой частотной реакцией в эксперименте оказываются реакция *болезнь* (это слово является доминантой СР; 13 реакций; 21 % от общего количества реакций) и различные сочетания со словом *болезнь* (например, сочетание *несерьезная болезнь*), которые употребляются испытуемыми 18 раз (29 %). На долю этого подтипа приходится более 12 % всех ответов;
- горизонтально-синонимический – употребление синонима одного семантического уровня: например, для толкования субдоминантного синонима *недуг* используются другие субдоминантные синонимы *хворь* и *недомогание* (доминантой для них служит слово *болезнь*). Синонимы *недуг*, *хворь*, *недомогание* имеют одинаковый семантический статус в СР и находятся в горизонтальных отношениях, потому что семантически подчинены доминанте. Этот тип представлен в 8 % случаев;
- субдоминантный – толкование доминанты СР с помощью субдоминантного синонима: например, употребление слов *недуг*, *недомогание*, *хворь* для стимула *болезнь*. Отличие этого подтипа от предыдущего заключается в том, что он предполагает использование стимула – доминанты. Этот способ толкования представлен нешироко (всего 2 % ответов), что связано с тем, что доминанта, как правило, имеет более широкое значение по сравнению с субдоминантными синонимами;

– гиперонимический – толкование с помощью отсылки к гиперониму (слову с более широким, родовым значением). Гипонимы и гиперонимы обычно не рассматриваются как языковые синонимы, но их относят к ситуативным синонимам. Данный подтип толкований, представленный в эксперименте в 9 % случаев, характерен для стимулов-доминант: так, стимул *ребенок* толкуется с помощью реакции *человек*, а также сочетаний с этим словом.

2. Описательно-гиперонимический способ, отмеченный в 5 % случаев, предполагает использование описательного сочетания с гиперонимом (типа *ребенок – маленький человек*). Данный тип синкретичен, так как совмещает свойства синонимического и логического способов.

3. Описательный способ представлен несколькими вариантами. Во-первых, когда в толковании отсутствует родовый идентификатор, а его функции выполняет, как правило, анафорическое местоимение. Например, с помощью сочетания *то, что должно случиться, то, что суждено человеку в будущем* толкуется слово *судьба*. Во-вторых, представление значения через описание ситуации: толкование *показывает температуру* используется для стимула *термометр*. Описательный способ представлен в результатах эксперимента в 6 % реакций.

4. Логический (компонентный) способ использует логические операции, предполагающие компонентное выделение значения. Для него свойственен вертикальный анализ семантических единиц: во-первых, отнесение слова к иерархическому понятию более высокого ранга (родовому идентификатору) и, во-вторых, последующее выявление отличительных и общих признаков. Например, для стимула *родник* испытуемые представляют толкование *водный поток с чистой водой*: роль иерархического понятия выполняет сочетание *водный поток*, которое также может относиться к лексемам *река, озеро, ручей*; отличительными признаками становится уточнение *с чистой водой*. Общее количество подобных ответов велико: способ представлен в 21 % толкований.

5. Семантический способ толкования отсылает к семантически связанному слову, то есть к слову, которое принадлежит к одному семантическому полю, но не является синонимом или гиперонимом. Таким образом, для стимула и реакции характерно некоторое семантическое сходство: например, стимул *болезнь* и реакция-толкование *смерть*, имеют семантические связи, что выражается в наличии общего компонента *жизнедеятельность* в словарном толковании; вместе с тем различия определены

тем, что *смерть* предполагает прекращение жизнедеятельности, в то время как *болезнь* – лишь нарушение.

6. К ассоциативному способу отнесены следующие случаи. Во-первых, примеры, когда между стимулом и реакцией отсутствовала ощутимая семантическая связь. Ассоциативные реакции вызваны совместной сочетаемостью стимула и реакции в речи, а также фонетическим подобием. Примером ассоциативной синтагматической реакции является слово *здоровья* на стимул *тропа*, звукового подобия – реакция *мох* на слово *хворь*. Во-вторых, реакции типа *ребенок* – *маленький*, так как являются представлением достаточно распространенного сочетания типа *маленький ребенок*; хотя такие реакции являются пограничными с синонимичными, потому что происходит субстантивация. Ассоциативные реакции представлены единичными и неповторяющимися примерами (всего 2 %).

Эксперимент продемонстрировал то, что испытуемые выбирают способ толкования в зависимости от типа предъявляемого стимула. Для конкретных и вещественных ИС в большей степени характерен логический (компонентный) способ. Это, вероятно, объясняется тем, что у них недостаточно развиты синонимические отношения, поэтому у носителей языка возникают затруднения с поиском синонима, который бы адекватно передавал значение конкретного ИС. Для толкования конкретных ИС также достаточно часто используется гиперонимический способ. Так, стимул *рука* толкуется с помощью слов *конечность*, *часть тела* и пр. Отметим, что подобные гиперонимы являются составной частью логических толкований.

При предъявлении абстрактных и собирательных ИС чаще всего используется синонимический способ толкования. Эта закономерность объясняется, во-первых, развитостью их синонимических связей, во-вторых, высокой сложностью толкования значения абстрактного ИС с помощью логического способа.

Таким образом, предложенная классификация основывается на характере семантической близости стимула и доминанты. Анализ результатов позволил сделать вывод о том, что выбор способа толкования зависит от лексико-грамматического разряда стимула. Конкретные и вещественные ИС преимущественно толкуются с помощью логического способа или гиперонимического подтипа синонимического способа; а абстрактные и собирательные ИС, напротив, предполагают использование синонимического способа, при этом отмечается редкое использование логического способа.

Литература

Арбатский Д. И. Основные способы толкования значения слов // Русский язык. 1970. № 3. С. 26–31.

Белов В. А. Об иерархическом и неиерархическом строении синонимических рядов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 5-10.

Вепрева И. Т. О некоторых особенностях наивной лексикографии // Русский язык сегодня: проблемы русской лексикографии. М., 2004. Вып. 3. С. 55-64.

Голев Н. Д. Словарь обыденных толкований слов: концепция и опыт реализации // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 48-64.

Кузнецова Т. Ю. Стратегии семантизации слова и факторы, детерминирующие их выбор // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 15-18.

Левенталь И. В. Стратегии толкования слов обыденного метаязыкового сознания и их применение в учебной лексикографии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8. Ч. 2. С. 77-81.

Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (На материале русских говоров Сибири). Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2000. 193 с.

Словарь обыденных толкований русских слов: Лексика природы: в 2 т. Т. 1: А–М (АБРИКОС – МУРАВЕЙ) (478 слов-стимулов) / под. ред. Н.Д. Голева. Кемерово: Изд-тво Кемеровского гос. ун-та, 2011. 500 с.

*V.A. Belov (Cherepovets, Russia)
Cherepovets State University
belov.vadim.a@gmail.com*

ON METHODS OF NAIVE INTERPRETATION OF RUSSIAN NOUNS

The paper is devoted to the naive interpretation of lexical meaning. Based on semantic features it is proposed 6 methods of naive interpretation. The research is based on the psycholinguistic experiment data. The research is held by materials of different lexical-grammatical categories nouns. The research shows that synonymic method is the most frequent.

Key words: lexical lexicology, method of naive interpretation, synonymy, lexical-grammatical categories of nouns.

И.В. Беляева (Тамбов, Россия)

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
rin_1901@mail.ru

КОННОТАЦИЯ КАК ФРАГМЕНТ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С КОМПОНЕНТОМ-ЗООНИМОМ

В статье описывается коннотация, являющаяся составляющей интерпретирующего потенциала фразеологизмов с компонентом-зоонимом. Проведенный анализ показал, что фразеологизмы с компонентом-зоонимом в разных языках содержат в своем значении эмоциональную оценку, которая может быть положительной, нейтральной или негативной.

Ключевые слова: фразеологизм, компонент-зооним, интерпретация, потенциал, коннотация.

Фразеологический уровень языка отражает познавательную деятельность человека в плане интерпретации существующих знаний о мире, т.е. значение любого фразеологизма базируется на интерпретирующем знании. Человек интерпретирует окружающие объекты исходя из их сходств и различий, сравнивая для удобства восприятия элементы разных категорий, опираясь на свой жизненный опыт и культурные знания.

В языке используются фразеологические единицы (далее ФЕ) с различными компонентами. В настоящей статье рассмотрим ФЕ с компонентом-зоонимом в английском, русском и французском языках, то есть устойчивые выражения, содержащие наименование какого-либо животного. Данные фразеологизмы характеризуются большим интерпретирующим потенциалом. Интерпретирующий потенциал представляет собой языковую познавательную активность индивида, раскрывающую субъективное понимание объекта интерпретации [Болдырев 2012: 17].

ФЕ характеризуются вторичной интерпретацией, благодаря которой они не только репрезентируют знания о мире, но и содержат дополнительные

оттенки, отражающие ценностную систему человека. Вторичная интерпретация возможна благодаря наличию определенных концептуальных связей между исходным и производным концептом. При этом актуализируется знание о мире и выводится информация, которая не содержится непосредственно в концептуальной структуре соответствующего языкового выражения [Болдырев, Алексикова 2010: 6]. Межконцептуальные связи могут быть логическими и ассоциативными. Логические связи присущи фразеологизмам, нацеленным на генерализацию или сужение значения концепта. Ассоциативные связи основаны на сходстве и смежности, поэтому ассоциативные фразеологизмы сформированы при помощи таких выразительных средств переосмысления, как метафора, метонимия, сравнение.

Метафорическое переосмысление и сравнение являются самыми распространенными источниками обогащения фразеологического фонда языков. Сравнение и перенос значения при метафорическом переосмыслении могут быть основаны на сходстве поведения, действия (рус. *собака на сене*, англ. *cat and dog life*, фр. *être chien*); положения, состояния (рус. *как сельди в бочке*, англ. *a cash cow*, фр. *c'est la mort du petit cheval*); внешней формы (рус. *седой как лунь*, англ. *chicken feed*, фр. *montagne à vache*); характера (рус. *упрямый как мул*, англ. *as cunning as a fox*, фр. *un vieux loup*).

Помимо метафоры и сравнения, в основе ФЕ может лежать метонимическое переосмысление, являющееся менее распространенной, хотя и продуктивной формой семантического преобразования. Например, рус. *до первых петухов*, англ. *my dogs are barking* (об уставших ногах), фр. *couleur queue de vache*.

Вторичная интерпретация возникает при вторичном осмыслении на основе аналогий сходных и отличительных характеристик. Фразеологическая категория, репрезентирующая одну концептуально-тематическую область, может использоваться для интерпретации элементов другой категории благодаря наличию аналогичных отличительных признаков субкатегориального уровня, таких как форма, размер, функция и т. д. [Болдырев 2016: 14]. Например, рус. *волк в овечьей шкуре*, англ. *as sly as a fox*, фр. *crédule comme un mouton* в значении оценки человека входят в категорию «оценка характера человека», основными элементами которой являются слова исходно оценочной семантики, такие как *злой, жестокий, лицемерный, добрый, душевный, искренний, честный и др.* (рус.), *wicked, cruel, hypocritical, kind, heartfelt, sincere, honest etc.* (англ.), *méchant, cruel, hypocrite, bon, cordial, sincère, honnête etc.* (фр.).

Интерпретирующий потенциал ФЕ с компонентом-зоонимом чаще всего проецируется на концептуально-тематическую область «Человек». Концептуальные связи между данными областями закономерны, так как звери, как и люди, являются живыми существами, что позволяет человеку проецировать специфику их поведения, характера, внешности на самого себя, а также оценивать данные качества. Так, в ФЕ с компонентом-зоонимом интерпретируются такие концептуальные элементы, как черты характера, действия, образ действия, внешность, физические качества. Рассмотрим некоторые примеры:

– черты характера. Рус. *ласковый теленок, злой как собака, трусливый как заяц, глупый как осел*. Англ. *as bold (brave) as a lion, be stubborn as a mule, timid as a hare, as sly as a fox, cross as a bear, as fierce as a tiger*. Фр. *rusé comme un renard, fier comme un coq, tête comme un âne, doux comme un agneau, bête comme un jeune chien*.

– действия. Рус. *смотреть волком, ржать как лошадь, надуться как мышь на крупу, работать как вол, подложить свинью*. Англ. *to work like a dog, eat like a bird, put a cat among the canaries, to smell a rat, cry wolf*. Фр. *traiter comme un chien, gueuler comme un putois, souffler comme un phoque, rire comme une baleine, pleurer comme un veau*.

– образа действия. Рус. *как курица лапой*. Англ. *as the crow flies*. Фр. *comme un chien dans un jeu de quilles*.

– внешность. Рус. *лебединая шея, осиная талия, кошка драная*. Англ. *a dolly bird, graceful as a swan, be no chicken, mutton dressed as lamb, half horse and half alligator*. Фр. *énorme comme une baleine, frisé comme un mouton, maigre comme un chat de gouttière*.

– физические качества. Рус. *здоровый как бык*. Англ. *as strong as an ox*. Фр. *être sobre comme un chateau*.

Результатом интерпретации являются структуры знания, представляющие три модуса: рациональный, эмотивный и аксиологический. Рациональный модус подчинен логике, формируясь на основе онтологических знаний, рассуждений и мыслительных операций. Аксиологический модус содержит компонент оценки, который закрепляет в значении фразеологизма информацию об одобрителем или неодобрителем (положительном или отрицательном) отношении к обозначаемому предмету или явлению. Эмотивный модус отражает эмоции индивида по отношению к объекту оценки [Болдырев, Панасенко 2013: 7].

Из вышесказанного следует, что в структурах знания значительное место отводится коннотации, предназначенной для выражения эмоциональных и оценочных оттенков. Н.Д. Арутюнова выделяет три группы оценок: сенсорные, сублимированные и рационалистические [Арутюнова 1988: 76]. Первая группа представлена сенсорными оценками, формирующимися на базе ощущений и чувственного опыта человека. Как правило, такие оценки не мотивируются, так как сенсорные ощущения человека не зависят от его воли и самоконтроля (рус. *голодный как волк, глухой как осел*, англ. *like a cat on a hot tin roof, smell a rat*, фр. *sentir le bouc, vin à faire danser les chèvres*). Вторая группа состоит из сублимированных оценок, связанных с эстетикой и этикой. Оценки данной группы зависят от сопоставления с общепринятой нормой, образцом, примером (рус. *волчьи законы, злой как собака*, англ. *a black cheep, to be lower than a snake*, фр. *le loup dans la bergerie, les boucs et les brebis*). В третью группу входят рационалистические оценки, основным критерием которых является физическая или психическая польза, выполнение функции (рус. *не в коня корм, убить двух зайцев*, англ. *like a rat in a trap, to take a bear by the tooth*, фр. *peigner la girafe, prendre le taureau par les cornes*).

ФЕ с компонентом-зоонимом могут иметь негативную, нейтральную и положительную окраску. В качестве примера рассмотрим соответствующие русские, английские и французские ФЕ:

1. ФЕ с негативной коннотацией. Рус. *бред сивой кобылы, как корова на льду, медвежья услуга, канцелярская крыса, обезьяна с гранатой*. Англ. *a cock and bull story, monkey business, an alley cat*. Фр. *méchant comme un âne rouge, être lourd comme un bœuf, un chat écorché*.
2. ФЕ с нейтральной коннотацией. Рус. *спать как сурок, до первых петухов, лошадиная доза*. Англ. *busy as a bee, to have a bird's eye view, holy cow!* Фр. *rire comme une baleine, on ne peut pas faire boire un âne qui n'a pas soif, peau d'âne*.
3. ФЕ с положительной коннотацией. Рус. *брать быка за рога, оседлать любимого конька, ласковый теленок*. Англ. *happy bunny, the bee's knees, have a whale of a time*. Фр. *malin comme un singe, vivre comme un coq en pâte, frais comme un gardon*.

Негативная и положительная коннотации фразеологизмов основаны, прежде всего, на семантике зоонимов, входящих в их состав. Например, ФЕ с компонентом-зоонимом *волк, wolf, loup* содержат, как правило,

негативную коннотацию. Помимо основного зоологического значения, определяющего волка как хищное млекопитающее семейства псовых, у слова есть и дополнительные значения. Например, слово *волк* употребляется в значении *угрюмый, нелюдимый человек* [Даль 2012]. В геральдических словарях *волк* определяется как символ алчности, злости и прожорливости. В английском языке зооним *wolf* имеет дополнительное негативное значение *lady killer*. Во французском толковом словаре «Larousse» приводятся такие значения слова *loup* как *home malfaisant et cruel; malfaçon, chose loupée*. Таким образом, компоненты-зоонимы определяют коннотацию, содержащуюся в ФЕ посредством своего значения. Следует отметить, что зачастую переносные значения зоонима оказывают более существенное влияние на коннотацию ФЕ, чем его прямое значение.

Подводя итог, следует отметить, что компонент коннотации выполняет важную интерпретирующую функцию во фразеологизмах с компонентом-зоонимом, являясь неотъемлемой частью их интерпретирующего потенциала. Главной целью любого фразеологического словосочетания является передача экспрессивности, придающей выразительность и яркость высказыванию. Исходя из этого можно утверждать, что возникновение в языке фразеологических единиц во многом обязано их коннотативному значению.

Литература

Арсентьева Е.Ф. Русско-английский фразеологический словарь. Казань: Хэтер, 1999.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. С. 76.

Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. X. С. 17.

Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 14.

Болдырев Н.Н., Алексикова Ю.В. Когнитивный аспект эвфемизации (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 2. С. 6.

Болдырев Н.Н., Панасенко Л.В. Когнитивные основы лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 7.

Гак В.Г., Кунина И.А. и др. Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Рецкера Я.И. М., 1963.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Вологда: ВОУНБ, 2012.

Dictionnaire français Larousse URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais>.

I.V. Beliaeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

CONNOTATION AS A FRAGMENT OF THE INTERPRETIVE POTENTIAL OF IDIOMS WITH A ZOONYM COMPONENT

The article reveals the connotation as a fragment of the interpretive potential of idioms with a zoonym component. The analysis shows that there is the emotional evaluation in the meaning of idioms with a zoonym component in the different languages. This evaluation may be positive, neutral or negative.

Key words: idiom, zoonym component, interpretation, potential, connotation.

О.В. Бронникова (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
o.v.bronnikova@utmn.ru

КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕННЫХ СМЫСЛОВ

В статье рассматривается когнитивное моделирование как способ выявления когнитивно-дискурсивных контекстов формирования временных смыслов на примере концептов МОМЕНТ/МОМЕНТ. Выявляются внешние и глубинные уровни формирования данных смыслов.

Ключевые слова: когнитивное моделирование, время, метонимия, концептуальная внутренняя форма.

Основным методом когнитивной лингвистики на современном этапе признается метод моделирования [Беляевская 2017: 110]. Целью когнитивного моделирования является реконструкция концептуальных структур, отражающих закономерности реализации языковой компетенции человека, являющегося носителем анализируемой языковой системы [Беляевская 2017: 116]. Подобное моделирование приобретает особую актуальность в сопоставительных исследованиях. В задачи нашего исследования входило проанализировать некоторые когнитивные процессы, активизирующиеся при формировании временных смыслов в сознании носителей двух языков. Мы остановились на изучении метонимических когнитивных процессов при формировании концептов МОМЕНТ и MOMENT на материале русского и английского языков.

Были выстроены пропозициональные идеализированные когнитивные модели (ИКМ; ICM) [Lakoff; Littlemore]. Метонимическое моделирование временных смыслов мы представили следующим образом (см. рис. 1 и 2):

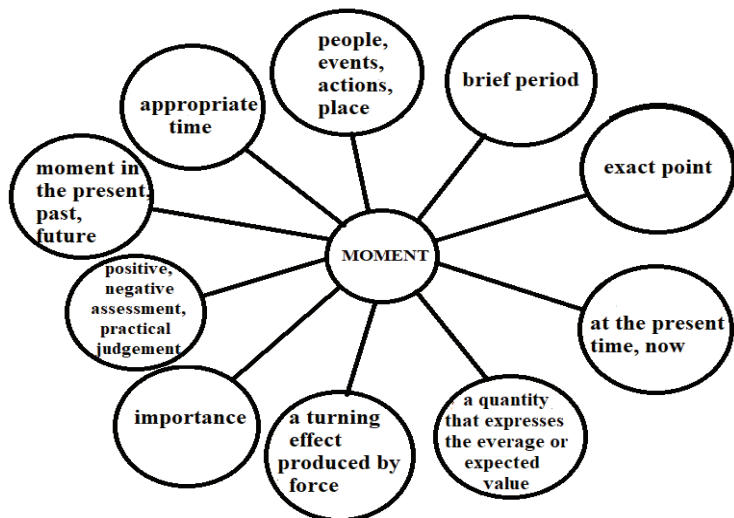

Рис. 1. Когнитивное моделирование концепта MOMENT

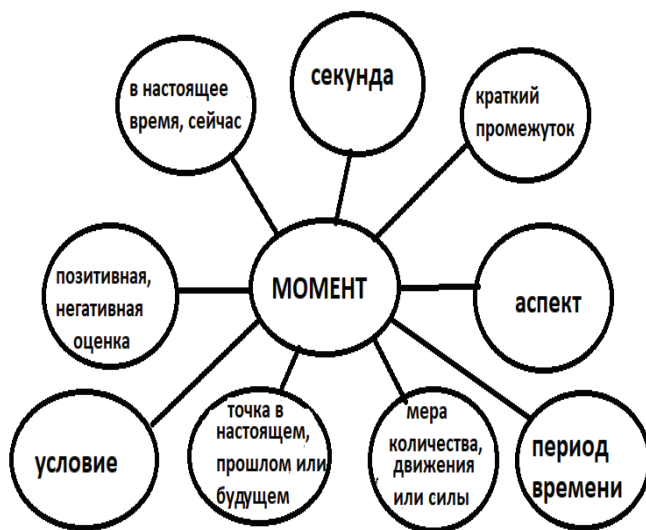

Рис. 2. Когнитивное моделирование концепта МОМЕНТ

Выделенные концептуальные области активизации временных смыслов транслируют особенности языковой интерпретации времени носителями русского и английского языков, при которых возможны некоторые корреляции, такие как: интерпретация момента как краткого промежутка времени (*brief period*), позитивная и негативная оценка (*positive, negative assessment*), точка во времени (*moment in time line*) и др. Данное моделирование концептуальных метонимий основывается на результатах концептуально-дефиниционного анализа, в том числе лексической сочетаемости на базе корпуса, и позволяет выделить ряд концептуальных метонимий. Например, в английском языке: *It is crucial to be able to save energy in a fight and then attack the right target in **the right time*** [ODO] (*APPROPRIATE TIME-FOR-MOMENT* metonymy). *She would always recollect **the time** they met* [COCA] (*TIME/EXACT POINT-FOR-MOMENT* metonymy). *The issues were **of little moment** to the electorate* [ODO] (*MOMENT-FOR-IMPORTANCE* metonymy). *He made up his mind that, **for the moment**, He'd keep silent* [ODO] (*MOMENT-FOR-NOW* metonymy). *The research group used an element whose **orbital and spin moments** were opposite and varied with*

temperature [ODO] (MOMENT-FOR-TURNING EFFECT PRODUCED BY FORCE metonymy) и др. В русском языке: *Цените момент, пока еще учитесь, нет своей семьи, проблем на работе, вечных финансовых проблем, забот по хозяйству, с детьми и т. д. и т. п.* [НКРЯ] (МОМЕНТ ВМЕСТО ПЕРИОДА ВРЕМЕНИ). *С этого момента я стала играть совершенно иначе* [НКРЯ] (МОМЕНТ ВМЕСТО ТОЧКИ В НАСТОЯЩЕМ). *Я убежден, что **сегодняшний момент** — самое лучшее время для вложений в инфраструктурные проекты* [НКРЯ] (МОМЕНТ ВМЕСТО СЕЙЧАС). *Однако вторым, и не менее **важным моментом**, по его мнению, является продемонстрированная в интервью Бена Бернанке готовность американских властей к решительным действиям.* [НКРЯ] (МОМЕНТ ВМЕСТО УСЛОВИЯ). *Пытаясь понять, каким образом Ленину это удалось, Суханов выделяет **несколько моментов**, и прежде всего его личность.* [НКРЯ] (МОМЕНТ ВМЕСТО АСПЕКТА/ДЕТАЛИ). *Стоит отметить, что рассмотрение заявки происходило как раз **в то время**, когда город, по словам мэра, столь остро нуждался в деньгах* [НКРЯ] (ВРЕМЯ ВМЕСТО МОМЕНТА) и др. Несмотря на некоторые корреляции, схожие типы не совпадают по своему концептуальному наполнению. Так, приведенные выше примеры: *Я убежден, что **сегодняшний момент** — самое лучшее время для вложений в инфраструктурные проекты* [НКРЯ] (МОМЕНТ ВМЕСТО СЕЙЧАС) и *I decided that, **for the moment**, I'd keep quiet* [ODO] (MOMENT-FOR-NOW metonymy) транслируют весомые отличия: в сознании носителей английского языка момент неразрывно связан с настоящим, тогда как для русских необходимо уточнение «*сегодняшний*», моментом может быть любой краткий промежуток времени.

Таким образом, метонимический принцип формирования временных смыслов является когнитивной универсалией, подкрепляемой приведенными выше примерами в русском и английском языках. Однако подобный тип когнитивного моделирования отражает специфические способы активизации темпоральных смыслов, связанных с культурными, общественными, экономическими и когнитивными особенностями носителей языка. Данные различия базируются на первичных концептуальных различиях, закрепившихся в семантике лексем *момент*, *moment*.

По мнению Е.Г. Беляевской, в английском языке фрагменты действительности (в том числе моменты) интерпретируются с точки зрения специфики получаемого результата [Беляевская 2017: 98]. Данная концептуальная внутренняя форма представляет собой **глубинный уро-**

вень (в терминологии Е.Г. Беляевской). Мы находим подтверждение данному тезису при концептуальном сравнении МОМЕНТ и MOMENT. Так, в английском языке зафиксировано большое количество контекстов, вербализующих *момент/moment* как важное событие в жизни человека, т.е. прослеживается результат воздействия момента на человека. На языковом уровне *важность/importance* вербализуется через сочетания с прилагательными (*big, glorious* и др.), притяжательными местоимениями (*his moment*), передающими ассоциативный фон, так и заложено в значении самой лексемы *moment*, представляющей собой внешний уровень, который содержит признаки/знания о моменте.

Подобные интерпретации менее характерны для носителей русского языка, поскольку это значение типично передается в сочетаниях с прилагательным *важный, нужный, исторический* и некоторыми другими, но в гораздо меньшем количестве, чем в английском языке. В русском языке знание о моменте как фрагменте действительности исторически восходит к такому же корню, что и в английском (лат. *momentum*). Однако в английском языке заимствование произошло гораздо раньше из французского языка в середине XIV века, в котором за единицей закрепился ряд значений и глубинных смыслов, в том числе и *важность* [EDO], закрепившееся в XVI веке.

В русский язык лексема вошла в XVIII веке, в эпоху Петра I, из немецкого, сохранив первичное базовое значение краткости временного отрезка как основного значения. Прототипически в русском языке активизируется не результат воздействия момента на человека, а связь времени и движения (быстрота, например, *в один момент*), одновременно точка на прямой времени, период, указывающие на важность количественного фактора момента. Для носителей английского языка количественный показатель момента также актуален: *Give us a moment to clear a space for you* [BNC] (*дай нам минуту/немного времени, чтобы очистить немного пространства для тебя/подготовить место для тебя*). Кроме того, присутствует указание на характеристику события: *Я нашла подходящий момент и начала разговор в непринужденной форме о религии и его отношении* [НКРЯ] (ср.: *I found a proper moment and started a talk ...*) или условия протекания события: *Они считают Голодомор, депортации, репрессии, русификацию исторической необходимостью, а коллективизацию важным моментом экономики*. В русском языке в данных примерах отсутствует концептуальная характеристика воздействия на человека, несмотря

на употребление лексемы *важный*, ср.: *важным моментом* = *важным условием*.

Отличия в концептуальных основаниях семантики данных единиц формируют различный «коннотативный фон» (термин Е.Г. Беляевской) [Беляевская 2005; Беляевская 2017: 99], который находит свое воплощение в различной лексической и идиоматической сочетаемости:

On the other hand, Siward could not quite conceal his moment of stillness when Cormac of Dunkeld, bustling up, had drawn forward the boy standing beside him [BNC] (... Сиворд не смог полностью скрыть своего оцепенения, когда...). Ср.: *The issues were of little moment to the electorate [ODO] (данные вопросы/проблемы не имели никакого значения для электората).* В русском языке невозможно сказать **были маленького момента для электората*.

Таким образом, когнитивное моделирование метонимических концептуальных отношений позволяет выявить когнитивно дискурсивные контексты активизации временных смыслов в разных языках, способствуя установлению наиболее общих и отличительных концептуальных характеристик. Установление же глубинных уровней формирования лексем раскрывает концептуальную внутреннюю форму как ментальный конструкт, активизирующий различные концептуальные элементы, которые релевантны акту коммуникации и национально детерминированы.

Литература

Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: колл. монография; науч. ред. Н.Н. Болдырев. Тамбов, 2017. С. 82-157.

Беляевская Е.Г. Понятие коннотации с когнитивной точки зрения // Концептуальное пространство языка. Сборник научных трудов. Тамбов, 2005. С. 53-66.

НКРЯ – Национальный корпус современного русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>.

Lakoff G. Women, fire, and dangerous things. The University of Chicago Press, 1990.

Littlemore J. Metonymy: Hidden Shortcuts in Language, Thought and Communication. Cambridge University Press, 2015.

BNC – British National Corpus. URL: <http://corpus.byu.edu/bnc/>.

COCA – The Corpus of Contemporary American English. URL: <http://www.americancorpus.org>.

EDO – Etymology Dictionary Online. URL: <http://www.etymonline.com/>.

ODO – Oxford Dictionary Online. URL: <https://en.oxforddictionaries.com/>.

O.V. Bronnikova (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

o.v.bronnikova@utmn.ru

COGNITIVE MODELLING OF TEMPORAL MEANINGS

The article dwells upon cognitive modeling as a means of identifying cognitive-discourse contexts which define temporal meanings of the concepts MOMENT/MOMENT. External and internal foundations facilitating such interpretation are revealed.

Key words: cognitive modeling, time, metonymy, conceptual internal form.

Е.В. Васильева (Иркутск, Россия)

Иркутский государственный университет

elvavi2301@yandex.ru

ЖАДНОСТЬ И ЩЕДРОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

В статье на основе анализа реализаций/нереализаций деривационного потенциала адъективов, характеризующих индивида по его отношению к материальным ценностям, осуществляется попытка определить, какие именно параметры признаковой семантики являются релевантными для носителя языка при образовании существительных со значением ‘носитель признака’.

Ключевые слова: семантика, деривационный потенциал, лакуна, имена прилагательные, имена существительные.

Адъективы имеют неодинаковые возможности порождения имен лиц, ср.: *добрый* → *добряк*, *сварливый* → *сварливец*, но *сердитый* → *

находчивый → *. Так же избирательны в сфере субстантивной мотивации прилагательные, характеризующие индивида по его отношению к материальным ценностям, ср.: *жадный* → *жадина*, *скупой* → *скупец*, но *щедрый* → *, *торопатый* → *.

С одной стороны, отсутствие того или иного деривата сигнализирует, что в системе языка есть определенные ограничения на сочетаемость морфем, не позволяющие образовывать от прилагательных имена лиц, с другой стороны, лакуны являются маркерами национальной концептосферы, они свидетельствуют о разной репрезентации в языковой картине мира психических характеристик человека. Как отмечает А. Вежицкая, «если один ‘качественный концепт’ получает два обозначения, одно именное и одно адъективное, это не потому что частеречный статус с точки зрения семантики не имеет значения, а потому что рассматриваемый концепт расщепляется на два родственных, но не тождественных концепта, один из которых с семантической точки зрения больше приспособлен для того, чтобы быть обозначенным существительным, чем прилагательным» [Вежицкая 2011: 174].

На первый взгляд можно отметить, что в образовании имен лиц участвуют только прилагательные, обозначающие негативные особенности характера. Однако этот вывод верен только отчасти.

Цель настоящего исследования – определить, какие смыслы с точки зрения носителей современного русского языка заслуживают однословной номинации со значением ‘лицо по признаку’.

В основу исследования положен **метод** комплексного лингвистического описания, который включает такие приемы, как сравнение, обобщение, интерпретация и классификация. Используются элементы компонентного анализа, дефиниционный и контекстуальный анализ.

Жадность как отношение человека к собственности может проявляться в двух аспектах: а) в стремлении **получить** как можно **больше** чего-либо: *алчный, жадный, ненасытный, обжорливый, прожорливый, заgreбуций*; б) в стремлении **сохранить** что-либо только для себя, не делиться с окружающими: *жадный, скупой, прижимистый, зажимистый, скарденый, сквалыжный*.

Прилагательное *жадный*, по данным [МАС], используется при характеристике человека как по его стремлению получить как можно больше материальных благ, так и не отдавать свое другим.

Жадный 1 – ‘стремящийся взять себе, получить, иметь у себя как можно больше чего-либо’ // ‘прожорливый, ненасытный’.

Жадный 2 – ‘скупой, корыстолюбивый’: (1) – *За десятку я бы и связы-*

ваться не стал, – расстраивался дедушка, задумчиво глядя на полученный червонец. – Жадный попался клиент (А. Филимонова).

Результаты анализа контекстного употребления прилагательного *жадный* позволяют внести некоторые коррективы в словарное толкование названных единиц.

На наш взгляд, можно не выделять отдельно оттенок первого значения прилагательного *жадный* – ‘прожорливый, ненасытный’. Если абстрагироваться от конкретного объекта желаяния, то в контекстах адъектив употребляется говорящим с целью подчеркнуть наличие у человека стремления получить как можно больше чего-либо: еды, денег, других материальных ценностей: (2) *И хотя Иосиф был отчаянный, бесшабашный, жадный до денег* <...> (А. Рыбаков); (3) *Здесь, <...> выводят специфическую галерею развратных женщин, распутных юношей, всегда обманываемых мужей, разных ловкачей (особенно монахов и духовенство, жадных к еде, деньгам и женщинам)...* (О.М. Фрейденберг).

Толкование лексемы можно представить следующим образом: *жадный 1* – ‘такой, который стремится взять себе, получить, употребить, иметь у себя как можно больше чего-либо’.

Вторая лексема *жадный* ближе по значению адъективу *скупой*, ср.: (4) *Мэри Перевозицкова <...> в предвоенное время свела с ума американского миллионера Поля Гетти, который изрядно на нее потратился несмотря на то, что по природе своей был очень скупым человеком* (Л. Лопато); (5) *Марк приводит этот рецепт как пример того, какими способами жадные капиталисты стараются подешевле прокормить своих рабочих...* (Ю. Фролов).

В отличие от прилагательного *скупой* адъектив *жадный* может использоваться в ситуациях, которые касаются не только траты денег, но и передачи каких-либо предметов другому лицу: (6) *Мне этот нужен. – Алла, ты жадная девочка. Ребенку игрушку пожалела, – вступала в спор тетя Лиля* (М. Трауб). Соответственно, можно сформулировать следующее значение лексемы *жадный 2* – ‘такой, который избегает каких-либо трат, расходов своего имущества, не желает делиться своим с другими’.

Проанализируем, какие из представленных прилагательных имеют производные со значением ‘носитель признака (лицо)’.

В первой группе существительное образует только прилагательное *прожорливый*. Существительное *прожорливец* нигде не закреплено, однако носителями русского языка в редких случаях используется. Все остальные прилагательные производных с необходимым значением не дают.

Во второй группе существительные образуют почти все адъективы. Исключение составляют два прилагательных, которые по формальным причинам не могут быть производными субстантивов со значением ‘носитель признака (лицо)’. С суффиксами, участвующими в образовании имен лиц, основы на *ист* не взаимодействуют.

Обратимся к анализу производных адъектива *жадный*.

По Словообразовательному словарю А.Н. Тихонова прилагательное мотивирует два существительных со значением ‘носитель признака (лицо)’: *жадина* и *жадюга*.

В [MAC] приводятся следующие толкования: *жадина* – *прост.* ‘жадный человек’; *жадюга* – *прост.* ‘то же, что жадина’.

Из 73 контекстов с существительным *жадина*, имеющихся в Национальном корпусе русского языка, только в 1 случае субстантив используется для характеристики человека, стремящегося к максимальному приобретению чего-либо: (7) *И того хочу и другого – и всего по полной тарелке! – Жадина, – сказала Мирра. – Ага!* (Е. Ильина). Во всех остальных контекстах существительное встречается в значении ‘тот, кто избегает каких-либо трат, расходов своего имущества, не желает делиться своим с другими’: (8) – *Жадина ты! Маленькую булочку для папы пожалела!*.. (А.И. Пантелеев).

Производное *жадюга*, как и существительное *жадина*, редко используется для характеристики людей, стремящихся взять себе, получить, иметь у себя как можно больше чего-либо. В 33 контекстах только один раз субстантив встречается в значении ‘тот, кто стремится взять себе, получить, иметь у себя как можно больше чего-либо’: (9) – *Сто восемьдесят четыре... пять... шесть... Ах ты, жадюга! Все ей еще мало!* (С.Т. Григорьев). Во всех остальных случаях существительное *жадюга* употребляется для характеристики человека, стремящегося сохранить что-либо только для себя, не желающего отдавать что-либо кому-то другому, делиться, расходовать что-либо’: (10) *Он выворачивал подоконники, отдирал доски, раскалывал кирпичи и при этом бурчал под нос: «Вот жадюга, старый хрыч, хоть бы монетку оставил»...* (Г. Дементьев, А. Ткачев).

Как можно убедиться, лексема *жадный* 1 менее активно участвует в процессе образования имен лиц, чем лексема *жадный* 2.

Функционирование лексем многозначного адъектива в сфере образования существительных со значением ‘носитель признака’ подобно функционированию прилагательных *загребущий*, *загребистый*, *зажимистый*, *прижимистый*, *скарденый*, *свалыжный* и *скупой* в аналогичном деривационном

процессе. В производстве имен лиц участвуют только те адъективы, которые характеризуют человека по его нежеланию тратить свое, делиться чем-либо с окружающими, ср.: *скарედный* → *скаредник*; *сквалыжный* → *сквалыжник*; *скупой* → *скупец*, *скупердяй*, *скупердяга*. Иначе говоря, в производстве имен лиц участвуют только те адъективы, в значении которых делается акцент не на количестве того, что человек берет себе или отдает другому, а на том, как он взаимодействует с окружающими в материальных вопросах.

Теперь остановимся на анализе лексического значения и контекстного употребления адъективов, называющих положительные качества: *щедрый* и *тороватый*.

Щедрость как отношение человека к собственности может проявляться в двух аспектах: а) в стремлении **отдать** как можно **больше** чего-либо: *щедрый*, *тороватый*; б) в стремлении поделиться своими средствами, имуществом с окружающими: *щедрый*. Важно не столько количество отданного, сколько сам факт того, что человек готов делиться своим.

По данным [МАС], прилагательное *щедрый* имеет следующее значение: 'охотно делящийся с другими своими средствами, имуществом и т. п., не жалеющий тратить, расходовать что-либо'. Однако результаты анализа контекстного употребления адъектива позволяют говорить о двух значениях, связанных с характеристикой человека. *Щедрый 1* – 'такой, который стремится отдать другому как можно больше чего-либо': *Знакомец был молод, приятен в обхождении, щедр на небольшие подарки: папиросами, сладостями и прочим* (В.Ф. Ходасевич); *щедрый 2* – 'такой, который готов делиться своими средствами, имуществом с окружающими': *Ну, щедряя была, ну, помогла квартиру снять, когда меня Витька из своего дома выставил, денег одолжила...* (О. Новикова).

В образовании имен лиц ни одно из прилагательных не участвует. Во-первых, как уже было отмечено выше, количественный аспект для носителя языка не важен. Во-вторых, отсутствие однословной номинации может быть связано с тем, что в языке имеются иные лексемы, способные заместить гипотетически возможное производное, ср.: (11) *Он добрый (= щедрый) человек и может отдать все, что у него есть...* (Л. Утесов); (12) *Этот добряк, готовый отдать первому встречному бедняку все, что у него найдется в кошельке?* (И.Н. Потапенко).

Таким образом, участие прилагательных в деривационном процессе может быть обусловлено характером признака, который они обозначают. Маркируются те особенности индивида, проявление которых положительно или отрицательно сказывается на интересах других людей.

Литература

Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянской культуры, 2011. 568 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4-х тт. / гл. ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.

E.V. Vasileva (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University
elvavi2301@yandex.ru

GREED AND GENEROSITY IN THE MIRROR OF NOMINAL PARTS OF SPEECH

The article on the basis of analysis of realization/non-realization of derivational potential of adjectives characterizing an individual in his relation to material values attempts to determine which parameters of feature semantics are relevant to a native speaker when forming nouns with the meaning “attribute bearer”.

Key words: semantics, derivational potential, lacuna, adjectives, nouns.

С.Г. Виноградова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
vinogradova.sg@yandex.ru

НАПРАВЛЕННОСТЬ МЫШЛЕНИЯ КАК ФАКТОР ВЫБОРА СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ¹

В статье направленность мышления рассматривается в качестве доминанты языкового сознания человека, определяющей способ языковой репрезентации познанного. В частности, автор описывает контрфактуальное мышление и его объективацию посредством сложного предложения.

¹ Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 18-18-00267, в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

Ключевые слова: языковое сознание, интерпретация, доминанта, мышление, сложное предложение.

Формирование структуры сознания человека неразрывно связано с языком и обусловлено тем, что наше *Я* состоит из рассказов о самих себе, человек рисует самого себя с помощью собственной дискурсивной деятельности, центром которой он и является [Dennett 1988]. Вместе с тем *Я* представляет собой некоторую социокультурно обусловленную фикцию, поскольку человеку «присуще состояние придумывания разного рода вещей» [Деннет 2005: 214], его личностное видение мира, себя и других в этом мире.

Вышесказанное позволяет утверждать, что в процессе коммуникации человек реализует проекцию своего сознания и языкового сознания, которое складывается как система вариантного осмысления мира в языке. В основе такой реализации лежит способность индивида к интерпретации, учитывающей роль говорящего в порождении и формировании смысла высказывания исходя из доминант познавательной деятельности и форматирования концептуального содержания в языке [Болдырев 2018].

Обусловленные физиологическими, нейрофизиологическими и психическими особенностями человека, подобные доминанты сопровождают мыслительную деятельность индивида в целом и являются характерными для систем логических операций и оценки эмоционального значения и глубинного смысла (см.: [Лурия 1979]). В сущности, доминанты представляют собой личностные конструкты [Келли 2000], некоторые когнитивные модели, схемы, механизмы, которые формируются в индивидуальном сознании человека и определяют его восприятие мира, интерпретацию мира, его поведение и выступают в качестве факторов выбора средств языковой репрезентации познанного.

Так, одним из факторов выбора того или иного типа сложного предложения в процессе коммуникации может быть логически или эмоционально обусловленный концептуальный признак, отражающий тесную взаимосвязь событий, интерпретируемых индивидом [Болдырев, Виноградова 2018]. Кроме того, выбор сложного предложения может быть продиктован доминантной реализацией когнитивного механизма фигуρο-фонового регулирования, при которой говорящий склонен сосредотачивать свое внимание на связываемых событиях, силе их связи или участниках событий [Виноградова 2018].

Представляется, что доминантой, указывающей на выбор сложного предложения в ходе коммуникации, может выступать и определенная направленность мышления говорящего. В частности, выбор преимущественно сложного предложения в процессе коммуникации может быть обусловлен такой доминантой, как контрфактуальное мышление.

Контрфактуальное мышление есть мышление о прошлом, которое не произошло [Карпенко 2017: 98]. В основе контрфактуального мышления лежит репликация – возможность реконструировать произошедшие события. Однако эти события реконструируются с учетом альтернативного, не соответствующего известным фактам отражения обстоятельств произошедшего и его результатов [Рёзе 2012: 244]. Языковая репрезентация в данном случае задается определенным алгоритмом продуцирования высказывания. Положение дел преимущественно получает реализацию в виде условных сложных предложений, которые содержат указание на событие-антецедент (условие) и событие-консеквент (следствие).

Такие события в английском языке передаются условными предложениями третьего типа (third conditional): *If he had acted like any chauffeur of reasonable competence he could have stopped the fire by turning off the tap connecting the petrol tank with the carburetor* (BNC). В русском языке это сложноподчиненные предложения со значением нереальной обусловленности, план прошлого в которых выявляется с помощью контекста или включения в состав главной или придаточной части слов с временным значением: *Если бы я подождала, то этого текста в газету я написать бы не успела* (НКРЯ); *Если бы тогда этот знак был понят, потом не случилась бы такая беда, как Афганистан* (НКРЯ).

Контрфактуальное мышление сопровождается построением возможных (лучших или худших) миров в целях планирования и реализации более эффективного поведения и демонстрирует уровень социальной приспособленности и адаптации индивидов. И, как показывает анализ примеров, в этом ракурсе говорящий в большей степени прибегает к задействованию логических операций, чем операций оценки эмоционального значения. По Д. Льюису контрфактуальные высказывания являются итогом сравнения нашего мира с другими, сходными с ним, благодаря чему мы можем давать характеристики нашему миру и рассуждать об истинности других [Lewis 1973]. При этом возможность есть свойство всех других миров: оно зависит от говорящего, обстоятельств речи, от мира, где происходит акт речи [Lewis 1979].

Построение возможных миров не обязательно связано с реконструкцией и переоценкой прошлого, оно происходит и в том случае, когда говорящий гипотетически рассуждает о потенциально вероятных событиях в настоящем и будущем. Способов объективации гипотез и желаемого в английском и русском языках существует огромное множество, как на уровне слова, так и предложения и текста. Остановимся на одном из них, высказываниях о событиях, неосуществимых на данном этапе.

В английском языке подобные рассуждения преимущественно объективируются за счет условных предложений второго типа (second conditional): *If it were given planning permission the store would create 200 jobs* (BNC). В русском языке – сложноподчиненных предложений со значением потенциальной обусловленности, план настоящего в которых выявляется с помощью контекста или включения в состав главной или придаточной части слов с временным значением: *Если бы центральная масса была обусловлена не черной дырой, а плотным скоплением обычных звезд, то ядро галактики светилось бы в десятки раз ярче* (НКРЯ); *Если бы теперь, среди зимы, грянул вдруг оглушительный раскат грома, все трое разговаривавших не содрогнулись бы...* (НКРЯ).

Такие высказывания не принято относить к контрфактуальным, однако есть мнение считать их особым проявлением контрфактуального мышления [Buehler 2014], ведь несоответствие действительности и известным фактам здесь тоже присутствует. Кроме того, события, объективируемые вышеназванными предложениями, не в грамматическом, а содержательном плане носят панхронический, вневременной характер. Особенно отчетливо панхронический характер подобных событий реализуется в контексте стихотворных произведений, в которых автор ориентирует коммуникацию на рефлексию о собственной активности, а лирический герой обозначает свое видение мира через мир воображаемый:

*If I were you
I would easily hold me and say
It's all gonna be OK...*
(К. Чеймберс. If I were you);

*Если б я был султан, я б имел трех жен,
И тройной красотой был бы окружен...*
(Л. Дербенев. Если б я был султан).

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип формирования значения и смысла // Фортунатовские чтения в Карелии: сборник докладов международной научной конференции (10-12 сентября 2018 года, г. Петрозаводск): в 2 ч. Ч. 1. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. С. 103-105.

Болдырев Н.Н., Виноградова С.Г. Когнитивно-доминантный принцип формирования смысла сложного предложения // Образы языка и зигзаги дискурса: сборник научных статей к 70-летию В.З. Демьянкова. М.: Культурная революция, 2018. С. 261-277.

Виноградова С.Г. Доминанты в осмыслении и объективации взаимосвязанных событий // Когнитивное моделирование: труды Шестого Международного форума по когнитивному моделированию (30 сентября – 7 октября 2018 г., Тель-Авив, Израиль). В 2-х частях. Часть 1. Когнитивное моделирование в лингвистике: Труды XIX Международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике. CML-2018». Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. С. 195-201.

Деннет Д. Как исследовать человеческое сознание эмпирически // История философии. Вып. 12. М.: ИФ РАН, 2005.

Карпенко А.С. Контрфактуальное мышление // Логические исследования. 2017. Т. 23. № 2. С. 98-122.

Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструкторов. СПб.: Речь, 2000.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru/index.html>.

Рёзе Н.Дж. Контрфактуальное мышление // Горизонты когнитивной психологии: хрестоматия. М.: Языки славянских культур: РГГУ, 2012. С. 243-253.

BNC – British National Corpus. URL: <https://corpus.byu.edu/bnc/>.

Buehler 2014 – Counterfactuals. Notes by R.J. Buehler. Based on Counterfactuals by David Lewis. 2014. URL: <https://math.berkeley.edu/~buehler/Counterfactuals%20Notes.pdf> (дата обращения: 15.09.2018).

Dennett D.C. Why Everyone is a Novelist // Times Literary Supplement. September 16-22, 1988.

Lewis D.K. Counterfactuals. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1973.

Lewis D.K. Possible Worlds // The Possible and the Actual: Readings in the Metaphysics of Modality. Ed. by Michael J. Loux. Ithaca and London: Cornell University Press, 1979.

*S.G. Vinogradova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov state university*

MODE OF THINKING AS A FACTOR OF SELECTING A COMPOSITE SENTENCE IN THE COURSE OF COMMUNICATION

The article considers mode of thinking as a dominant of linguistic cognition which determines methods of language representation of the cognized. In particular, the author describes counterfactual thinking and its verbalization through a composite sentence in the course of communication.

Key words: linguistic cognition, interpretation, dominant, thinking, composite sentence.

*Е.А. Вишнякова (Тула, Россия)
Тульский государственный педагогический
университет им. Л.Н. Толстого
e-mail: vishnyalis@yandex.ru*

АББРЕВИАЦИЯ КАК СПОСОБ ЗНАКООБРАЗОВАНИЯ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОГНИТИВНОГО И ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОГО АСПЕКТОВ

Рассмотрение феномена создания аббревиатур с точки зрения семиозиса предполагает обращение к вопросам взаимодействия когнитивных структур со всей совокупностью языковых средств, репрезентирующих их на уровне речевой действительности.

Ключевые слова: аббревиация, семиозис, механизм компрессии, когнитивная структура, знак.

Обладающий исключительной интенсивностью во многих языках мира, в настоящее время процесс аббревиации находит отражение практически во всех областях человеческой деятельности. Аббревиатуры различных типов создаются в соответствии с существующими словообразовательными моделями, подлежащими регулярной реализации в языке, и могут рассматриваться как результат акта семиозиса, определяя сущность которого, Е.С. Кубрякова пишет: «Применительно к языку акт семиозиса заключается в поисках и нахождении конкретной языковой формы, которая “упаковывает” складывающееся в голове говорящего (новое) значение» [Кубрякова 2001: 286]. В процессе исследования особое внимание уделяется той языковой форме (телу знака), которая служит материальным воплощением знака и демонстрирует соответствие тем требованиям, которые способствуют реализации данной конструкции, обусловленной существованием других знаков, лежащих в основе нового, производного слова. Следует отметить такие свойства данной конструкции, как мотивированность вследствие вхождения в нее знаков, организующих прототипическую структуру, ее членимость как составного образования, а также интерпретируемость, которая определяется способом представления семантики и указанием на непосредственный источник мотивации данного образования [Там же; Заботкина 2012: 305].

Отметим также тот факт, что если в случае производного слова как новой семантической единицы речь идет о частичном сохранении пропозициональных характеристик в теле знака, то процесс аббревиации обусловлен в первую очередь компрессионным представлением совокупного значения, образованного элементами прототипической конструкции, репрезентируемой новым знаком языка в целях реализации определенных требований собственно лингвистического и экстралингвистического характера. Вместе с тем, тезис о соответствии формальной расчлененности тела знака содержательной расчлененности объективируемой в языке пропозициональной (когнитивной) структуры [Кубрякова 2001: 286] также является актуальным в случае аббревиации и получает возможность своего дальнейшего развития вследствие того, что сложно-сокращенная единица может рассматриваться как вербальный знак, являющийся результатом процесса взаимодействия двух начал – синтетической целостности и аналитизма. В этом плане важнейшая роль принадлежит актуализации и взаимодействию объединенных в единой номинативной структуре языковых значений и способов их выражения, репрезентирующих данную

сложно-сокращенную единицу в речевой действительности, а также стоящие за ними когнитивные феномены.

Вопрос о природе соотношения подвергающейся компрессии в процессе аббревиации прототипической единицы и соответствующего результата – нового языкового знака, способного к приобретению новых специфических характеристик, – получил освещение в целом ряде исследований, в частности, расширяющих рамки научного анализа в направлении от системцентрической парадигмы к функционально-когнитивным и когнитивно-дискурсивным аспектам развития лингвистического знания. Наряду с изучением референциальных свойств аббревиатур, соотносимых в семантическом плане с единицами-синлексами (полными наименованиями), необходимых для осуществления успешной коммуникации на основе корректного декодирования сложносокращенных единиц, с учетом прагматических факторов [Заботкина 2012], а также особенностей их лексикографического описания [Вишнякова 2017], были предприняты попытки анализа стоящих за ними когнитивных структур и лежащих в основе когнитивных моделей, что очевидно отражает современный этап состояния языковедческой науки, ориентированной на процессы, связанные со сменой исследовательских парадигм [Александрова 2018: 28]. При данном подходе выявляется факт принципиального отличия полных от сокращенных наименований, которые представляют разные когнитивные структуры, что обуславливает невозможность сведения смысловых отношений между ними к прямым синонимическим соответствиям [Мустафинова 2001]. Иными словами, механизм компрессии может быть рассмотрен не только в терминах осуществления формальных знаковых преобразований, но и как механизм смыслового преобразования на уровне элементов и целого, то есть преобразования, обуславливающего существование прототипической структуры, с одной стороны, и появление подвергаемого дальнейшей интерпретации нового лингвистического знака – с другой.

Использование аббревиации как способа образования новых знаковых форм обусловлено возможностями закрепления определенных когнитивных моделей в концептуальной системе человека. Когнитивные структуры, выступающие как форматы репрезентации знаний, обладающие свойствами смыслоразличительных детерминант [Sweetser 1990], могут быть представлены в языке на уровне различных модификаций. Исследователи высказывают предположение о существовании определенной корреляции между спецификой когнитивных структур, лежащих

в основе процессов аббревиации, и особенностями их вербального выражения посредством подвергшихся компрессии единиц соответствующих типов [Мустафинова 2001].

Следует добавить, что рассмотрение стоящей за сложно-сокращенной единицей когнитивной структуры в качестве ментального образования, имеющего как вербализованную, так и невербализованную области представления, в том числе на уровне знаковой формы, выводит исследование за рамки собственно лингвистической семиотики. В частности, так называемые креолизованные аббревиатуры используются в специальных регистрах математического и естественно-научного циклов; различные семиотические системы демонстрируют креативные возможности в языке Интернет.

Вместе с тем, реализация знакового потенциала аббревиатуры как результата действия механизма компрессии, выполняющего задачу по вербализации когнитивных структур, принимающих участие в процессах создания, хранения, передачи информации и преобразования ее в знания, обусловлена теснейшим взаимодействием языковых функций. Данные функции определяют системно-функциональные аспекты существования знака естественного человеческого языка, обеспечивающего возможность познания и именования явлений и предметов окружающего мира, конвенциональной ориентации в нем и продуктивной человеческой коммуникации.

Литература

Александрова О.В. Особенности терминологии современной лингвистики // Когнитивные исследования языка. Выпуск XXXIV: *Cognitio* и *Communicatio* в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. 10-12 октября 2018 г. / отв. ред. вып. Л.А. Манерко. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова: Неолит, 2018. С. 27-29.

Вишнякова Е.А. Особенности реализации аббревиатур в англоязычном лексикографическом дискурсе // Сборник материалов Третьего Международного научного семинара «Язык, литература и культура как грани межкультурного общения». Чехия, Австрия, Германия, 4-11 июня 2017 года. Plzeň: University of West Bohemia in Pilsen, 2017. S. 44-53.

Заботкина В.И. Слово и смысл. М.: Российский гос. гуманит. ун-тет, 2012.

Кубрякова Е.С. О связях когнитивной науки с семиотикой // Язык и культура: факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова / отв. ред. Е.С. Кубрякова, Т.Е. Янко. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 283-291.

Мустафинова Э. Р. Аббревиация в русском языке: Когнитивный аспект: дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001.

Sweetser E. From Etymology to Pragmatics: Metaphorical and Cultural Aspects of Semantic Structure. Cambridge: Cambridge university press, 1990.

E.A. Vishniakova (Tula, Russia)
Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University

ABBREVIATION AS THE MEANS OF LINGUISTIC SIGNS GENERATION IN TERMS OF COGNITIVE AND LINGUOSEMIOTIC ASPECTS INTERACTION

The process of creating abbreviations of various types in terms of semiosis implies the interaction of cognitive structures with the whole set of linguistic means that determine their realization in actual speech.

Key words: abbreviation, semiosis, mechanism of compression, cognitive structure, sign.

Т.М. Воронина, Г.Е. Гуляева (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
tmv313@yandex.ru, astra310@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ КОНЦЕПТА НАУКА В АНТОНИМИЧЕСКИХ ОППОЗИЦИЯХ¹

В статье рассматривается значимость антонимических оппозиций (*историзм – антиисторизм, материализм – идеализм; научный – ненаучный, лженаучный, донаучный* и т. п.) в денотативно-идеографической

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-00458 «Отношения тождества и противоположности: интеграция ментальных пространств в лексикографическом, структурно-семантическом и когнитивно-дискурсивном освещении»), а также при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013–2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

сфере «Наука», их роль в выявлении существенных когнитивных признаков концепта НАУКА – как приядерных конкретизирующих и периферийных оценочных, так и ядерных, основных.

Ключевые слова: наука, концептуализация, когнитивные признаки концепта, антонимы.

Рассматривая отношения противоположности в языке, их роль в познании действительности, исследователи отмечают, что их изучение «в настоящее время приобретает актуальность в аспекте когнитивного подхода» [Бабенко 2016: 38]; «противоположные слова отражают свойство человеческого мышления поляризовать опыт, т.е. являются средством категоризации» [Гудкова 2012: 68]. Н.Н. Болдырев, развивая идею значимости интерпретативной функции языка, утверждает: «Человек не отражает мир, его объекты, события и взаимосвязи между ними, как они есть. Он конструирует окружающий мир в своем сознании, устанавливая, в том числе, разные типы логических отношений между объектами и событиями: иерархические, причинно-следственные, партитивные, соответствия, тождества, различия и др.» [Болдырев 2017: 24]. В частности, по мнению ученого, один из важных аспектов «интерпретирующей функции концептуально-тематических областей проявляется в различных способах их структурирования и конструирования множества межконцептуальных связей внутри них: синонимических (красный – багровый, багряный, алый, пунцовый, вишневый, малиновый, свекольный), антонимических (высокий – низкий; широкий – узкий), гиперо-гипонимических (транспорт – автомобиль – грузовик – фура – прицеп), партитивных (дом – крыша – труба – кирпич) и т. д.» [Болдырев 2017: 35].

Данное исследование посвящено анализу антонимических оппозиций, выявленных в денотативно-идеографической сфере «Наука» при работе над идеографическим словарем синонимико-антонимических комплексов (проект под руководством Л.Г. Бабенко).

Прежде всего при первоначальной выборке материала из толковых и идеографических словарей были выявлены антонимические оппозиции, участвующие в структурировании приядерных конкретизирующих признаков концепта НАУКА, а именно связанных с противоположностью методологических подходов, направлений в науке: *детерминизм – индетерминизм, дуализм – монизм, плюрализм – монизм, историзм – антиисторизм, материализм – идеализм, рационализм – иррационализм* и под., а также их про-

изводные: *дуалистический – монистический, исторический – антиисторический, плюралист – монист* и под. Когнитивный признак ‘метод’ является значимым для концепта НАУКА, поскольку, как пишет А.Л. Шарандин, «термин “метод” и его понятийное содержание определяет понятие методологии, которая является важнейшей частью любого научного исследования, а также научных школ и направлений» [Шарандин 2017: 9]. При этом словари определяют данные направления как ‘философское учение’, ‘философская концепция’, однако примеры употребления подобных лексем в контексте часто показывают расширение их значений, ср: *В отличие от монистов плюралисты признавали множество начал, плюралистом был, как мы видели, и Эмпедокл* (В. Кохановский, В. Яковлев) – реализовано значение ‘приверженец философской концепции’ vs *...психологическое сообщество переживает еще один «раскол» – на методологических плюралистов, признающих за разными парадигмами и глобальными психологическими теориями равные права на существование, и методологических монистов, убежденных в том, что в науке может существовать только одна, «единственно правильная» парадигма* (А. Юревич) – реализовано значение ‘сторонник научной методологии’. Это подтверждает еще одну мысль А.Л. Шарандина: «В настоящее время методология представляет собой систему философских знаний, репрезентация которых конкретизируется применительно к различным сферам теоретической и практической деятельности человека, представленным той или иной наукой» [Шарандин 2017: 9]. Следует отметить, что противопоставления, реализованные разнокорневыми антонимами, являются средством объективной концептуализации, тогда как однокорневые единицы (напр., *историзм – антиисторизм*) реализуют субъективный взгляд говорящего, а именно концептуальную схему «несоответствия стандарту, побочности, мнимого соответствия и фальсификации объектов и положения дел» [Петрухина 2017: 370]; практически всегда в контексте появляются маркеры отношения говорящего: *По сравнению со статичной, антиисторической позицией традиционной психологии, которая рассматривала психические функции человека вне всякого исторического развития, исходные генетические, исторические устремления теории культурного развития высших психических функций представляли известный шаг вперед* [С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. Части 1-2 (1940)].

Еще один интересный пример подобных противопоставлений представляют собой оппозиции науки и «ненауки» в разных смыслах, которые

«высвечивают», профилируют ядерные когнитивные признаки концепта НАУКА именно на фоне того, что определяется как «ненаука». Данное слово взято в кавычки, поскольку в словарях не зафиксировано, однако встречается в Википедии в статье «Паранаука» [Википедия: Электр. ресурс], имеются и примеры употребления в НКРЯ [Национальный корпус русского языка: Электр. ресурс] и в сети Интернет: — *Где граница между наукой и ненаукой (паранаукой, поп-наукой, антинаукой)?* [обобщенный. Редакционный комментарий // «Наука и жизнь», 2008]; *То же самое привлекало и меня к тартуским работам: «точность и эксплицитность» на любых темах, по выражению Ю.И. Левина, «продвижение от ненауки к науке», по выражению Ю.М. Лотмана* [М.Л. Гаспаров. Записи и выписки (2001)]; *Как решается проблема демаркации науки и ненауки в современной социологии?* [<https://scisne.net/a-2383>].

По справедливому замечанию Е.В. Петрухиной, «в сознании людей существует представление о стандартах и эталонах предметов и явлений, деятельности в той или иной сфере, сравнение с которыми может лежать в основе номинации других объектов и ситуаций» [Петрухина 2017: 370]. Однако это работает и в обратном направлении. Так, в рамках противопоставления *научный – ненаучный* (которое, в противоположность паре *наука – ненаука*, является узуальным и реализует общую семантику ‘основанный / не основанный на принципах науки’) отношения, возникающие у прилагательных более конкретной семантики с прилагательным *научный*, реализуют оппозиции на различных основаниях, которые и помогают конкретизировать «от противного» когнитивные признаки концепта НАУКА.

1. Признак ‘основанный на логико-понятийном мышлении и объективном отражении действительности’ (в отличие от образного мышления и субъективного восприятия действительности): оппозиция *научный – художественный, поэтический*: Ю.М. Лотман противопоставляет две формы моделирования, отражающие две формы познания – *научное и художественное*; первое базируется на анализе, второе – на воссоздании [К.Н. Поливанова. Периодизация детского развития: опыт понимания (2004) // «Вопросы психологии», 2004.02.10].
2. Признак ‘основанный на познании’ (в отличие от веры): оппозиция *научный – религиозный*: *Народы ему верят, — но их он в конце концов обманет, как и всякое учение химерическое, более религиозное, чем научное, более возбуждающее надежды, чем опирающееся на строгие доводы разума* [Ф.К. Сологуб. Королева Ортруда (1909)].

3. Признак ‘связанный со знаниями ученого, специалиста’ (в отличие от обычного человека): оппозиция *научный* – *спец. обыденный, спец. наивный*: <...> для знакомства с идеями философии и науки, помимо досуга, необходима специальная подготовка даже только для того, чтобы ознакомиться с специальной терминологией, перепрыгнуть эту изгородь, отделяющую **научное** мышление от **обыденного** [С.Н. Булгаков. Чехов как мыслитель (1910)].
4. Признак ‘соответствующий современному уровню знаний о действительности, имеющий методологию и методику’ (в отличие от существовавшего ранее, до разработки методологии): оппозиция *научный* – *донаучный, спец. протонаучный*: *Парацельс тоже был отпрыском своего века, ознаменованного постепенным переходом от **донаучных** методов к **научным*** [Е. Парнов. Александрийская гемма (1990)].
5. Признак ‘имеющий своим объектом явления объективной действительности’ (в отличие от необъяснимых, возможно, сверхъестественных явлений): оппозиция *научный* – *паранаучный, мистический, оккультный*: <...> некоторые **паранаучные** знания и практики могут быть полезными для науки, например, в качестве стимуляции или даже в качестве прототипа некоей области **научного** знания (Д. Головин).
6. Признак ‘имеющий целью поиск истины, объективное описание, объяснение, предсказание процессов и явлений действительности на основе методологии’ (в отличие от корыстных целей, демагогического использования методологии): оппозиция *научный* – *псевдонаучный, антинаучный, квазинаучный, лженаучный, ненаучный*: *Желаю вам успехов на достаточно тяжелом поприще **научной** популяризации и не сбиться с пути, свернув на дорожку **псевдонаучной** развлекаловки* [Р.Н. Аджубей. О науке, о жизни и о себе // «Наука и жизнь», 2009)]. В данном случае, так же как в случае с такими противопоставлениями, как *наука* – *ненаука*, *историзм* – *антиисторизм*, реализуется когнитивная схема фальсификации, мнимого соответствия и отрицательная оценка.

Таким образом, анализ антонимических оппозиций в денотативно-идеографической сфере «Наука» способствует выявлению значимых когнитивных признаков соответствующего концепта: ядерных основных, приядерных конкретизирующих, периферийных оценочных.

Литература

Бабенко Л.Г. Репрезентация отношений противоположности в русском языке: проблемы категоризации и лексикографической параметризации // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 37-41.

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXVIII. С. 20-81.

Гудкова К.В. К вопросу об антонимических и бинарных оппозициях // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2012. Вып. 3. С. 68-71.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.

Паранаука // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%D1%80%D0%BD%D0%D1%83%D0%BA%D0%B0>.

Петрухина Е.В. Семантико-словообразовательная категория со значением несоответствия стандарту в русском языке как когнитивная структура // Когнитивные исследования языка. Вып. XXIX. 2017. С. 368-377.

Шарандин А.Л. Междисциплинарный характер оппозиционного метода // Нефилология. 2017. Т. 3. № 3 (11). С. 7-19.

T.M. Voronina, G.E. Gulyaeva (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

REPRESENTATIONS OF COGNITIVE CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT SCIENCE IN ANTONYMIC OPPOSITIONS

The article reviews the significance of antonymic oppositions (historicism – anti-historicism, materialism – idealism, scientific – unscientific, pseudoscientific, prescientific, etc.) in denotative ideographic sphere “Science” and their role in revealing essential characteristics of the concept SCIENCE as particular circumnuclear and peripheral evaluative and main nuclear.

Key words: science, conceptualisation, cognitive characteristics of the concept, antonyms.

К.Э. Вяльях, Е.Е. Максимова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
kristavyalyak@mail.ru
fusionek@yandex.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЭМФАТИЗАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ И ИСПАНСКОМ ЯЗЫКАХ

Статья посвящена изучению взаимодействия лексических и синтаксических языковых средств, реализующих интерпретирующую функцию языка, для повышения действенности высказывания. В рамках исследования на материале английского и испанского языков осуществляется попытка выявить сходство между языками разных групп, а также показать линии вероятного расхождения.

Ключевые слова: антропоцентризм, интерпретация, эмфатизация, взаимодействие языковых средств, лексические средства выделения.

Для лингвистических исследований начала XXI века характерно внимание к значимости человеческого фактора и осознание важности роли человека в языке, поскольку «именно человек формирует смыслы в процессе коммуникации, а не просто передает смыслы в готовом виде» [Болдырев, Безукладова 2018: 72]. Человек или активно репрезентирующий себя в процессе коммуникации субъект конструирует окружающий мир в своем сознании, что соответственно обеспечивает возможность порождения множества смыслов на основе структурирования и переструктурирования полученных знаний, выбора другой перспективы, иной точки отсчета, *особого акцента в репрезентации объектов и событий на основе выбора разных языковых средств* (курсив наш – К.В., Е.М.), то есть обеспечивает выполнение языком интерпретирующей функции. Подробнее об интерпретации знаний – в работе Н.Н. Болдырева [Болдырев 2014: 118-122]. Именно с позиции того, что эмотивно-экспрессивная функция языка связана с языковой интерпретацией мира и реинтерпретацией мира и знаний о мире [Болдырев 2013: 8], в данной статье рассматриваются случаи эмфатизации высказывания в английском и испанском языках.

Эмфатизация высказывания осуществляется посредством различных языковых средств, среди которых в современной лингвистике лучше

изучены лексические интенсификаторы (усилительные наречия, частицы, вводно-модальные слова, а также неизменяемые слова, выражающие субъективное отношение говорящего к высказываемому). При этом вопросам взаимодействия лексических средств с другими средствами эмфатизации уделено значительно меньше внимания. Собранный эмпирический материал свидетельствует о том, что говорящий субъект в процессе непосредственной коммуникации активно соединяет лексические интенсификаторы и синтаксические структуры в рамках одного высказывания. В эмоционально насыщенном диалоге агломерация способов воздействия в рамках одного высказывания приводит к повышению действенности, то есть экспрессии [Вяльяк 2011: 11].

Одним из средств реализации интерпретирующей функции языка следует считать порядок слов, рассматриваемый как эксплицитное выражение аффективности говорящего субъекта [Кобрина 2007; Вигара Таусте 1992: 69-70]. При одинаковом синтаксическом составе предложения его актуальное членение – иначе его смысловая нагрузка – может быть различной, поскольку перемещение элемента, по мнению М.М. Никитиной, никогда не является бессмысленной операцией и «смысловая нагрузка слова зависит от места, занимаемого им в предложении» [Никитина 1940: 25]. Порядок расположения компонентов предложения определен стратегиями кодирования коммуникативных отношений. Говорящий человек, действуя интенционально, в процессе общения нарушает прямой порядок слов, прибегая к дислокации, парцелляции и фокализации. При этом собранные примеры указывают на значительно большее количество схем словорасположения на материале испанского языка. Рассмотрим прагматический потенциал некоторых схем словорасположения.

Одной из применяемых стратегий повышения экспрессивности словопорядка SVO является выделение именной части сказуемого. При этом имеет место дистантное расположение компонентов ремы. Например, в испанском языке: (*ellos*) *pequeños no son* «немаленькие они». Планом содержания этой операции является расщепление рематической составляющей (*son pequeños*) с сохранением темы на исходной позиции. Представляется, что, применяя дислокацию, автор подчеркивает уверенность в своей правоте, иначе – категоричность. Таким образом, данная схема словорасположения участвует в оформлении настаивания. Эта схема менее характерна для английского языка. Однако препозиция именной части сказуемого в английском языке встречается в высказываниях типа

Awful as they are, societies survive them. Кроме того, препозиция именной части английского сказуемого возможна и в разговорной речи при экономии языковых средств: ср. *Beautiful creatures, aren't they?*

При этом на материале обоих языков более широк диапазон случаев дистантного расположения компонентов ремы с вынесением определения к синтаксическому актанту. В английском языке нами зафиксированы следующие примеры: *Particularly good was his second book* – «Особенно хороша была его вторая книга». *Into the water dived the swimmers* – «В воду нырнули пловцы». То же и на материале испанского языка: *En el bingo / allí nos dan luego bocadillos gratis* – «В бинго, там нам дают бесплатные бутерброды». *Psicológicamente yo no estaba preparada* – «Психологически я не была готова».

Вместе с тем, в процессе живого общения говорящий не только изменяет словорасположение, но и вводит в высказывание лексические средства. Так, на материале испанского языка усилительная частица *precisamente* усиливает прагматический потенциал измененного порядка слов (SVO → OVS). *Precisamente de él quería hablarte yo ahora* – «О нем-то (именно о нем) я бы и хотела сейчас поговорить».

Выделение субъекта/объекта высказывания может достигаться различными способами, например, в испанском языке за счет изменения словорасположения, иначе – топикализации субъекта: например, *Yo lo que me pasa es que tengo muy marcados los pectorales y la musculatura el bajo vientre, pero, vamos, yo barriga no tengo* [Esgueva 1981: 81] – «Я, дело в том, что у меня хорошо очерчена грудная мышца и низ живота, но брюшка у меня нет», а также за счет моделей синтаксической эмфазы подлежащего или дополнения, на материале английского языка – клефтированных структур *It+be+who/that*: *It was Tom who did it! It was my car that the police borrowed.*

При этом разнообразие и количество моделей в испанском языке значительно больше, чем в английском. Здесь и структура уточняющего типа: A SER B: *ella fue la que lo hizo, y es muy dueña de su acto* [Esgueva 1981: 140] – «Она это сделала, она знает, что делает»; псевдовыделительная структура B SER A: *En realidad, la que llevaba el peso de la vida cotidiana era su hermana mayor, la tía Antonieta* – «В действительности, кто и нес все бремя повседневных забот, так это ее старшая сестра, тетушка Антониета», а также структура уточняющего типа SER A B: *Fue, al parecer el general De Gaulle el que, tras una visita a Brasil,*

comentó que aquél no le parecía un país serio – «По-видимому, именно генерал Де Голь после визита в Бразилию заявил, что эта страна не показалась ему серьезной».

Следует указать, что в обоих языках синтаксические структуры выделения могут усиливаться за счет лексических средств. Так, на материале английского языка в структуру *It+be+who/that* могут включаться союз ***because***, модальные глаголы, которые обычно контрастируют с тем, что было сказано говорящим ранее: *It was because I felt unwell that I left; It can't be Tom who did it!*

На материале испанского языка нами зафиксированы многочисленные примеры, в которых имеет место сочетание моделей синтаксической эмфазы с усилительными наречиями, частицами и вводными словами. Например: ***Quizá*** *es que me estoy haciendo viejo* – «Пожалуй, дело в том, что я старею» или *A mí la que en realidad me gustaba eres tú* – «Мне на самом деле нравилась ты».

Другим примером взаимодействия синтаксических и лексических средств являются структуры эмфатизации действия, характерные для обоих языков. Так, следует указать английскую модель *The+noun+be*: ***The thing is***, *I don't have any money*. ***The problem is***, *I don't quite like her*. То же и в испанском языке – ***la verdad es que...*** – «Дело в том, что...», ***El problema es que...*** – «Проблема в том, что...», относящиеся к структурам эмфазы простого предложения со сниженной экспрессивностью [Вяляк 2011: 11-12]. Мнение исследователей, изучавших эти структуры в процессе коммуникации, совпадает – приведение аргументов и выделение.

Также следует указать на английскую структуру *what+subject+do+be+infinitive*: ***What he did was to scare the dog away***, которая имеет испанский эквивалент: ***Lo que hizo fue asustar al perro***. При этом указанная структура может усиливаться за счет наречия ***really***: ***What he really wants is to sell Bello out***. – «Что он точно (действительно) хочет, так это продать Белло». То же и в испанском языке – ***Lo que él realmente quiere es vender Bello***.

То же и со структурой *what+happen+be+that clause*: ***What happened next was he opened the door***, которая на материале испанского языка представлена моделью синтаксической эмфазы: ср. ***lo que pasó fue que ...***

Проведенное исследование показало, что в английском и испанском языках репрезентация эмотивно-экспрессивной функции или интерпретирующей функции языка не ограничена только лексическими или синтаксическими единицами. Для обоих языков характерно взаимодействие лексических и синтаксических средств в процессе непосредственной коммуникации для достижения эмфазы. Взаимодействие языковых средств, различные варианты их агломерации в рамках высказывания для сохранения экспрессивного эффекта определяет направление дальнейших исследований.

Литература

Болдырев Н.Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24. С. 7-13.

Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6. С. 118-122.

Болдырев Н.Н., Безукладова И.Ю. Антропоцентризм как принцип категоризации эгоцентрических пространств в языке // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 72-77.

Вяльях К.Э. Выражение коммуникативной организации высказывания лексико-синтаксическими средствами (на материале испанского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.

Кобрин Н.А. Несоотнесенность структурная и содержательная как средство повышения экспрессивности // Коммуникативно и структурно обусловленные модификации единиц языка. Л.: Изд-во Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена, 1986. С. 54-62.

Никитина М.М. Порядок слов в современном русском языке // Ученые записки Кабардино-Балкарского пед. ин-та. 1940. Вып. 1. С. 47-56.

Esgueva M. El habla de la ciudad de Madrid. Materiales para su estudio. Madrid: C.S.I.C., 1981.

Grammar and Vocabulary for Cambridge Advanced and Proficiency / Ed. by R. Side, G. Wellman. England: Pearson Education Limited, 2011.

Vigara Tauste A.M. Morfosintaxis del español coloquial. Esbozo estilístico. Madrid: Gredos, 1992.

K.E. Vyalyak, E.E. Maksimova (St.-Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Film and Television

INTERACTION OF LEXICAL AND SYNTACTICAL MEANS OF EMPHASIS IN ENGLISH AND SPANISH

The article describes the interaction of lexical and syntactical language means of emphasis implementing the interpretive function of the language in English and Spanish. The objective is to compare the languages belonging to different groups in terms of defining what they have in common and establishing the differences.

Key words: anthropocentrism, interpretation, emphatization, the interaction of language means, lexical means of emphasis.

Е.И. Голованова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
И.А. Голованов (Челябинск, Россия)
*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет*
ligol@csu.ru

СОЧЕТАНИЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА С ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИМ И ПРАГМАТИЧЕСКИМ ПРИ АНАЛИЗЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Рассматриваются возможности и преимущества сочетания трех актуальных для современной лингвистики и терминоведения подходов к исследованию специальной лексики. Утверждается, что между анализируемыми подходами наблюдается взаимная связь, что позволяет рассматривать их как дополняющие друг друга при анализе профессиональных единиц.

Ключевые слова: специальная лексика, когнитивный подход, лингвокультурологический подход, прагматический подход, термин, профессионализм.

Для современных исследований в области лингвистики и терминоведения характерно использование различных методологических установок при анализе лексических единиц. Наиболее перспективными, на наш взгляд, при исследовании профессиональной лексики и фразеологии являются когнитивный, лингвокультурологический и прагматический подходы. Каждый из них позволяет получить значимые научные результаты, раскрыть специфику указанных единиц, выяснить их место в различных сферах профессиональной коммуникации.

Под специальной лексикой понимаются слова и словосочетания, выступающие наименованиями предметов, процессов и явлений в сфере профессиональной коммуникации. Выделяются три основных разряда подобных единиц: термины, профессионализмы и профессиональные жаргонизмы [Голованова 2008]. Первые носят кодифицированный характер, служат точным обозначением профессиональных объектов, их структура, как правило, отражает логические связи внутри системы понятий. Профессионализмы возникают и функционируют в ходе практической деятельности специалистов, их содержание отражает характеристики профессиональных объектов, важные для непосредственного взаимодействия людей в ходе решения повседневных профессиональных задач. Главной функцией профессиональных жаргонизмов, в отличие от первых двух разрядов единиц, является передача отношения к тем или иным объектам в данной социально-профессиональной среде. Объединяет разряды специальной лексики их вторичный характер: основой для образования единиц любого типа выступает естественный язык, его лексическая система и комплекс словообразовательных средств.

Когнитивный подход в настоящее время является наиболее востребованным в отечественной лингвистике и терминоведении [Лейчик 2007; Комарова 2014] в связи с утверждением когнитивно-коммуникативной парадигмы, реализующей четыре важнейших принципа при анализе языковых фактов: антропоцентризм, неофункционализм, экспансионизм и экспланаторность [Кубрякова 1995].

В рамках когнитивного подхода к исследованию специальных обозначений в центре внимания находится соотношение языковых единиц и стоящих за ними структур профессионального (теоретического и практического) знания, в том числе вопросы формирования указанного знания и его трансляции с помощью языковых средств. Данный подход позволяет выявить объективно существующие связи и отношения между

обыденным и абстрактно-логическим знанием, между наивной и научной картинами мира.

При лингвокультурологическом подходе наибольший интерес для исследования представляют профессиональные единицы, образованные лексико-семантическим способом: в их создании и функционировании проявляются закономерности отбора и переосмысления лексики в соответствии со сложившимися в данной национальной культуре представлениями и стереотипами. Так, например, в кругу русских профессиональных наименований, образованных на основе терминов родства, самыми востребованными являются обозначения кровных родственников (и прежде всего матери и отца), другие наименования – по свойству, некровному родству – задействованы в меньшей степени (см. об этом: [Голованова 2017]).

В соответствии с антропоцентрическим принципом организации знания к числу актуальных фрагментов концептуальной картины мира относятся представления о мертвом и живом. Анализ соответствующих прилагательных в составе специальных подязыков [Голованова, Голованов 2017] продемонстрировал особенности и закономерности этнокультурного восприятия и интерпретации профессиональных объектов. В частности, установлено, что прилагательное «мертвый» более востребовано в профессиональной среде по сравнению с соотносительными единицами. В русской терминологии и профессиональном субстандарте с помощью этой лексемы реализуется комплекс актуальных смыслов: 1) лишенный жизни (активности, движения, изменения): *мертвый угол*, *мертвый язык*; 2) бесплодный, непродуктивный: *мертвый ход*, *мертвая зона*; 3) неподвижный, зафиксированный (высшая степень проявления признака): *мертвый узел*, *мертвая точка*, *мертвый якорь*, *мертвая хватка*, *мертвый штиль*; 4) связанный со смертью, опасный для жизни: *мертвый воздух*, *мертвая петля*; 5) лишенный каких-либо значимых свойств: *мертвый мяч*, *мертвые души* и т. п.

Особый интерес в лингвокультурологическом отношении представляют профессиональные единицы фразеологического характера. В большинстве случаев специальное знание, выраженное в них, накладывается на уже известное, являющееся результатом обыденного познания (подробнее см.: [Голованова 2011]).

Прагматический подход к изучению специальной лексики проясняет связь ее функционирования с особенностями профессиональной коммуникации, со статусом использующих ее субъектов. Так, анализ пока-

зал, что специальные единицы в языке рабочих демонстрируют их практический ум, сметливость и логику здравого смысла. К примеру, из трех обозначений, функционирующих в устной речи рабочих радиозавода: *двухванка*, *вывода*, *непропай* – первое служит кратким названием двухвальной плавильной печи; второе означает ‘концы деталей на плате радиоприемника’ (образовано от общеупотребительного слова *выводить* ‘удалять за пределы чего-либо’); третье, представляя собой результат усеченного словообразования (от глагола *пропаивать* в сочетании с отрицательной частицей *не*), точно эксплицирует профессиональную информацию: ‘недопаянные детали радиоприемника (после операции механической пайки)’. Подобная семантическая «прозрачность» характерна и для профессиональных фразеологизмов. Например, обозначения двух операций в радиотехническом производстве – *рубить провода* и *фольга не прошла* – образованы на базе глаголов конкретного физического действия, входящих в число наиболее продуктивных в русском языке (наряду с *бить*, *варить*, *ставить*, *класть*).

Большинство профессионализмов, записанных в рабочей среде, демонстрирует установку номинаторов на динамичность коммуникации и простоту обозначения, что проявляется в экономности и стереотипности наименований: *контролька* (контрольно-измерительный прибор для измерения напряжения в сети), *малярка* (малярные работы), *монтажка* (монтажные работы), *первичка* (цех первичной обработки сырья), *продленка* (удлинённый рабочий день), *пружинка* (пружинный цех), *птичка* (цех по обработке птицы на мясокомбинате), *нержавейка* (нержавеющая сталь; изделия из нержавеющей стали), *нутровка* (операция по удалению внутренностей животных) и т. п. Многочисленны примеры сжатия, свертки смысла в устном профессиональном обозначении посредством создания однокорневого слова (*коротить* ‘создавать короткое замыкание, искрить’) или сложного наименования (*легкотружник* ‘работник, по состоянию здоровья переведенный на «легкий труд»’; *стружкотер* ‘приспособление, отводящее стружку при распиловке лесоматериала’). Таким образом, в рабочей среде к наименованию предъявляются два основных требования: языковая экономия и рационализация смысла.

В заключение отметим, что сочетание когнитивного подхода с лингвокультурологическим и прагматическим при анализе специальной лексики позволяет получить адекватное знание об этих единицах языка. При когнитивном подходе в указанной лексике профилируется содержательная

сторона – связь со специальным знанием, полученным в ходе профессиональной деятельности. Лингвокультурологический подход позволяет выявить идиотническую составляющую в наименованиях, способствует установлению причин и факторов выбора того или иного первичного языкового материала для создания профессиональных единиц. Прагматический подход к изучению лексического состава специальных подъязыков проясняет роль каждого разряда в процессе коммуникации, определяет связь его содержания со статусом говорящего, целью и условиями общения.

Литература

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

Голованова Е.И., Голованов И.А. Живой и мертвый в языках профессиональной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 12 (408). С. 76-81.

Голованова Е.И. Метафорическое поле семейных отношений в профессиональной номинации // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: материалы IV Междунар. научно-практ. конф. Челябинск, 2017. С. 153-156.

Голованова Е.И. Типология единиц профессиональной коммуникации: когнитивно-прагматический подход // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 9. С. 25-28.

Комарова З.И. Роль когнитивно-дискурсивной макропарадигмы в формировании системной методологии современной полипарадигмальной лингвистики // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. 18. С. 74-79.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 144-238.

Лейчик В.М. Когнитивное терминоведение – пятый этап развития терминоведения как ведущей научной дисциплины рубежа XX–XXI веков // Когнитивная лингвистика: новые проблемы познания. М.; Рязань, 2007. С. 121-132.

E.I. Golovanova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

I.A. Golovanov (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University
ligol@csu.ru

THE COMBINATION OF THE COGNITIVE APPROACH WITH THE LINGUOCULTUROLOGICAL AND PRAGMATIC ONES IN THE ANALYSIS OF SPECIAL LEXIS

The article views possibilities and advantages of combining three approaches relevant to modern linguistics and science of terminology in the study of special lexis. It states that there is a mutual relationship between the analyzed approaches that allows to consider them as complementary to each other in the analysis of professional units.

Key words: special lexis, cognitive approach, linguoculturological approach, pragmatic approach, term, professionalism.

Л.В. Грехнева (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
grehneva@flf.unn.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРИФРАЗЫ

Рассматривается когнитивная специфика перифрастической номинации, анализируются функции перифразы как ментального образования, характеризуются когнитивные подходы к исследованию перифрастических выражений.

Ключевые слова: перифраза, номинация, когнитивная лингвистика, семантика, номинативные единицы.

Когнитивное направление в современном языкознании – одно из самых актуальных и значимых. Сущность когнитивного подхода, применяемого в лингвистике, заключается в анализе познавательной роли языка.

Данный подход основывается на представлении о том, что язык является когнитивным механизмом формирования знаний человека об окружающем мире. Именно языковые единицы позволяют вычленить и осмыслить объекты и явления действительности. Таким образом, в круг интересов когнитивной лингвистики входит исследование сложной и многоаспектной проблемы взаимоотношений между языком и мышлением. Одним из направлений исследования этой проблемы является когнитивное осмысление процесса языковой номинации.

Номинацией обычно называют появление в языке единиц, «служащих для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слов, сочетаний слов, фразеологизмов и предложений» [ЛЭС 1990]. Процесс номинации, таким образом, – это не только возникновение в языке новых наименований, но и процесс познания окружающего мира, вычленение и осознание конкретных фрагментов неязыковой действительности. Именно это свойство номинативных языковых единиц и обуславливает интерес когнитивной лингвистики к процессу наименования: «С позиций когнитивной лингвистики номинация – это не только процессы означивания мира, но и процессы познания, конструирования мира, его оценки и интерпретации» [Голованова 2011: 13].

В качестве единиц, служащих для обозначения объектов действительности, могут быть использованы различные языковые средства: прежде всего слова, а также словосочетания, фразеологизмы и даже предложения. Кроме того, как средство наименования может быть использована и такая единица, как перифраза.

В науке нет единого определения перифразы. Ученые, обращая внимание на разные стороны этого явления, определяют его и как словесное описательное выражение, и как риторический прием, и как стилистическое средство, троп. Большинство исследователей сходятся во мнении относительно наличия у перифразы номинативной функции. Перифраза способна обозначать предметы и явления, то есть является одним из номинативных средств языка. Таким образом, перифразу можно определить как словесное выражение, являющееся повторной признаковой номинацией объекта.

Кроме лингвистического и лингвостилистического подхода к описанию перифразы, в современной науке применяется и когнитивный подход. С позиций когнитивной лингвистики перифраза может быть рас-

смотрена «как ментальное образование, отражающее действительность, особая разновидность речемыслительной деятельности, которая связана с процессом вторичной номинации перифрастического типа» [Синина 2012: 6]. То есть перифраза – языковое средство познания и структурирования мира. Остановимся подробнее на рассмотрении когнитивной функции перифрастических выражений.

Когнитивные возможности перифразы связаны, прежде всего, с ее способностью обозначать объекты действительности. Номинативная природа перифразы отлична от номинативности слова. Перифрастическое выражение всегда вторично по отношению к словесной номинации: перифраза называет объект, уже обозначенный словом, то есть это разные номинативные единицы, имеющие общий денотат.

Возможность наименования одного и того же явления с помощью разных единиц в теории номинации принято обозначать термином «гетерономинативность». Проблема появления в языке разных имен, относящихся к одному денотату, впервые в науке четко была поставлена Г. Фреге [Фреге 1997]. Анализируя процесс номинации, ученый пришел к выводу о многослойности семантической структуры наименований. Так, Фреге выделил две составляющие семантики номинативной единицы: значение (связь с обозначаемым объектом) и смысл (информация, заключенная в имени). Таким образом, различные номинации одного объекта будут характеризоваться одним значением, поскольку относятся к одному денотату, но обладать разными смыслами. Данный постулат Фреге иллюстрирует, приводя в пример перифрастические обозначения планеты Венера: «Утренняя звезда» и «Вечерняя звезда». Эти имена, по Фреге, имеют одно значение, но разные смыслы, в связи с чем они не всегда будут взаимозаменяемыми в текстах. Возможность создавать неограниченное количество различных имен для обозначения одного объекта является неотъемлемым свойством языка [Голованова 2011].

Перифраза, являясь повторной номинацией, в своем функционировании всегда связана со словом как исходной, базовой номинацией объекта. Эта прочная связь накладывает отпечаток и на семантику перифразы, и на специфику ее реализации в тексте. Значение перифразы (смысл, по Фреге) всегда находится в ассоциативной связи со значением слова. Потеря этой связи приводит к трудностям понимания перифрастического выражения. То есть связь с денотатом у перифразы не прямая, а опосредованная. Эта особенность влияет на использование перифразы в тексте:

как правило, она функционирует в речи параллельно со словесной номинацией. Даже тогда, когда в тексте рядом не используется словесная номинация данного объекта, ассоциативная связь со словом и перифразой обязательно присутствует в сознании адресата речи.

Параллельное использование перифрастической и словесной номинации приводит к тому, что функция вычленения объектов действительности у перифразы становится не главной. Важнее для перифразы такие функции, как описательная и оценочная. Каждое наименование объекта актуализирует определенные его признаки. Перифраза как расчлененная номинация имеет больший, по сравнению со словом, интерпретирующий потенциал. Перифрастическое выражение может указывать на различные признаки обозначаемого объекта, может выражать оценку этого объекта со стороны говорящего. То есть перифраза оказывается информативна как по отношению к объекту, так и по отношению к автору текста. Когнитивная функция перифразы, таким образом, заключается не только (и не столько) в вычленении и фиксации объекта действительности, но и в интерпретации этого объекта со стороны говорящего. Перифраза может характеризовать объект, указывая как на дифференцирующие, так и индивидуально-значимые признаки, формировать представления о соотношении между объектами и явлениями действительности, выражать отношение к объекту номинации.

Перифрастическая номинация, являясь средством категоризации мира, позволяет также систематизировать представления о действительности. Конкретный способ категоризации зависит от внутренней формы перифразы – от признака, положенного в основу наименования. С этой точки зрения можно выделять обобщенную и индивидуализирующую перифрастическую номинацию [ЯН 1977]. Так, перифразы *гений русской литературы* (Пушкин), *глава государства* (президент), *болезнь века* (наркомания), *четвероногий друг* (собака) имеют более широкий объем понятия по сравнению с первичной номинацией (гиперонимы) и являются обобщенными номинациями, а перифразы *княжество игорных домов* (Монако), *сыны богини северной* (русские) сужают объем понятия и являются примерами индивидуализирующей номинации. Однако чаще всего объем понятия в перифразе по сравнению со словом не претерпевает значительных изменений. Например, перифразы *светило дня* (солнце) и *светило ночное* (луна) первым своим компонентом расширяют, а вторым – снова сужают объем понятия, так что в целом он остается неизменным.

Познавательная функция перифразы может быть реализована по-разному. Так, внутренняя форма перифрастического выражения может содержать только информацию о собственных признаках объекта. Такая номинация является квалификативной. Например, *голубой экран* (телевизор), *зеленое богатство* (лес), *железная леди* (Тэтчер). Среди перифраз можно выделить также релятивные номинации. Внутренняя форма таких перифраз содержит информацию о связи данного объекта с другими. Например, к релятивным номинациям будут относиться такие перифразы, как *корабль пустыни* (верблюд), *любимец муз* (поэт), *северная Венеция* (Санкт-Петербург).

Выбор признака (признаков), положенного в основу перифразы, зависит от содержательных, идеологических, стилевых, жанровых и других установок автора текста. Актуализация одного или нескольких признаков объекта в перифрастическом выражении всегда информативна для адресата: во-первых, в объекте высвечиваются те стороны, которые важны автору, во-вторых, перифраза как замена словесной номинации уже сама по себе выделяет предмет номинации, делает его более значимым, повышает статус объекта.

Перифрастические выражения являются также одним из средств концептуализации мира. Перифраза, обозначая то или иное явление, становится одним из средств объективации концепта. Так, например, концепт ЛЮБОВЬ может быть вербализован с помощью таких перифраз, как *сердечная привязанность*, *жар сердца*, *страсть Амура*, *сердечный пыл* и др.

Когнитивный потенциал перифразы может быть усилен за счет образности, создаваемой с помощью метафоры или метонимии, используемых для создания перифразы и являющихся важными средствами концептуализации мира. Например, *зеленое золото* (лес), *железный конь* (автомобиль) – метафорические перифразы; *голубые береты* (десантники); *белые воротнички* (офисные работники) – метонимические перифразы.

Таким образом, перифраза является номинативным средством, участвующим в отражении и интерпретации действительности, что позволяет назвать ее ментальной единицей. Рассмотрение перифразы в русле когнитивной лингвистики дает возможность выявить природу ее номинативности, а также исследовать роль перифрастических выражений в концептуализации и категоризации мира.

Литература

Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2011. 224 с.

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1990.

Синина А.И. Когнитивно-семантическая и функционально-прагматическая специфика перифразы в современной англоязычной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 20 с.

Фреге Г. Смысл и денотат // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997. С. 351-379.

ЯН – Языковая номинация: Виды наименований. М.: Наука, 1977. 356 с.

L.V.Grehneva (Nizhnij Novgorod, Russia)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

THE COGNITIVE ASPECTS OF PARAPHRASE

The cognitive specificity of the paraphrase is considered, the functions of the paraphrase as a mental formation are analyzed, the cognitive approaches in the study of paraphrase are characterized.

Key words: paraphrase, nomination, cognitive linguistics, semantics, nominative unit.

Ж.К. Гух (Сыктывкар, Россия)

*Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
zhanna_guh@mail.ru*

СОБЫТИЕ И ГОВОРЯЩИЙ В НЕМЕЦКОМ ГЛАГОЛЕ *WERDEN*

В статье рассматривается проблема концептуализации события, вербализуемого немецким глаголом *werden* в его полнозначной функции. Основными единицами, отраженными в инварианте глагольного значе-

ния, являются событие, разные состояния носителя событийности, изменение, внешняя перспектива говорящего-наблюдателя. Их соотношения в разных моделях предложений с участием глагола *werden* зависят от профилирования разных элементов концептуальной базы.

Ключевые слова: концептуализация, немецкий глагол *werden*, событие, различные состояния носителя событийности, изменение, внешняя перспектива говорящего-наблюдателя, профилирование.

Одним из главных методологических принципов современных лингвистических исследований является признание антропоцентрической сущности языка, в результате чего человек, а именно говорящий предстает как творец, конструирующий мир в сознании и осуществляющий категоризацию в соответствии с когнитивными процессами [Лэнекер 2006; Болдырев 2016; Грамматические категории 2017]. В связи с этим языковая картина мира обладает интерпретирующим характером: «В ней представлены как знания о мире, так и знания о том, как их интерпретирует и оценивает человек. Эти знания отражают структуру и содержание его сознания, его когнитивные доминанты, систему мнений и оценок в их коллективном и индивидуальном преломлении» [Болдырев 2016: 34]. В настоящей статье ставится задача рассмотреть, какими предстают мир и говорящий в немецком глаголе *werden* в его полнозначной функции.

Лексический знак *werden* репрезентирует одну из четырех базовых моделей мышления в немецком языке, противопоставленную *sein*-, *haben*- и *tun*-моделям, или перспективам [Гух 2010: 88-90]. Он является прототипом класса процессуальных глаголов (*Vorgangsverben*), отнюдь не доминирующих в современных нндоевропейских языках, ориентированных на лексическом уровне на акциональную модель мышления (*tun*-перспектива, *Tätigkeits*-, *Handlungs*verben). *Werden* выражает динамику ситуации, а именно процессуальное событие как таковое: *Was geschieht mit/an X? Was geht mit X vor?* – 'Что происходит с X?' Субстантивация глагола *vorgehen* дает *Vorgang am Geschehensträger*, т.е. нечто происходящее с носителем событийности ("etwas, was vor sich geht, abläuft, sich entwickelt") [Duden 1996: 1692].

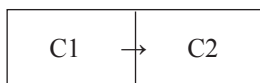
Данные об онтогенезе и ранних этапах когнитивного и речевого развития ребенка показывают, что главную роль в восприятии мира детьми играют такие концепты, как объект (что), движение (+/-изменение) и место (где): ребенок реагирует на появление и исчезновение лиц и предметов, на всякие

манипуляции с вещами [Кубрякова 2000: 89]. Таким образом, концепт процесса можно признать эволюционно базовым, а *werden*, вербализующий данный концепт, одним из фундаментальных глаголов немецкого языка.

Сопоставление с глаголом *sein* на основе анализа словарных статей позволяет выявить следующие признаки, конституирующие семантику *werden*: динамичность, изменение, движение, развитие, подвижность, гетерогенность события, векторность, временность (временная нестабильность). Общим инвариантом для всех приводимых в толковых словарях значений *werden* следует, на наш взгляд, признать изменение, то есть становление другим (*im Wesen oder in der Erscheinung anders werden*). Этот признак предполагает выраженную временную нестабильность концептуализируемого события или изменяемость во времени, фиксируемую говорящим на основе противопоставления разных состояний в разные временные точки (до – после / *vorher – nachher*): переход из состояния 1 (C1) в состояние 2 (C2). Именно переход (на схемах обозначен знаком \rightarrow) является ключевым моментом и неизменно присутствует во всех употреблениях глагола. Вектор, а именно направленность движения слева-направо, значим, так как в отличие от первоначального понимания времени в германском ареале культур как «круга событий» сегодня преобладает линейное представление времени [Степанов 2004: 117-119], а именно горизонтальная организация временных представлений, что некоторые исследователи объясняют таким культурным артефактом, как горизонтальное направление письма слева-направо [см. Никуличева 2017: 27]. Направление изменения слева-направо как переход из состояния 1 в состояние 2 в семантике *werden* фиксируется говорящим-наблюдателем, который находится вне концептуализируемого события (на схемах Н = наблюдатель) [подробно о роли внешней и внутренней перспективы см. Гух 2014]. Другими словами, говорящий концептуализирует событие, вербализуемое через *werden*, помещая себя вне события (ср. с *sein, haben*), принимая внешнюю по отношению к событию перспективу, в противном случае он бы не смог «схватить» момент перехода из C1 в C2. Внешняя перспектива наблюдателя подчеркивает независимость происходящего (*Geschehen*) от него, что снимает с него ответственность.

Таким образом, в следующих ниже схемах, иллюстрирующих семантику *werden*, присутствуют величины: 1) носитель событийности (обозначен прямоугольником), 2) изначальное состояние носителя событийности (обозначено C1 в левой половине прямоугольника), 3) новое состояние

носителя событийности (обозначено C2 в правой половине прямоугольника), 4) вектор изменения, пересекающий границу между C1 и C2 и сигнализирующий о переходе из одного состояния в другое, об изменении (обозначен стрелкой →), 5) говорящий-наблюдатель (обозначен буквой Н). Эти величины представляют собой концептуальную базу, вызываемую в сознании языковым знаком werden.

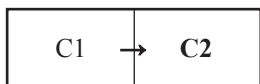

Н

Например: *Der Regen wurde dichter.*
 носитель событийности – der Regen
 состояние1 – nicht so dicht, состояние2 –
 dichter
 изменение – переход из C1 в C2

В пределах этой концептуальной базы в зависимости от модели предложения, в которой употреблен глагол, профилируются разные ее элементы. Выделим контуры профилируемых элементов толщиной в 2,25 пункта, буквенно-цифровое обозначение полужирным начертанием.

1) В фокусе внимания носитель событийности, переход и состояние2.

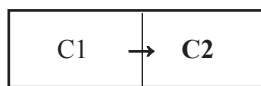

Н

Sie wurden ein Paar [Duden 1996: 1732].
 Das Buch wurde ein großer Erfolg [dwds].
 Ihr Lächeln wurde fröhlich [Schlink 2014:
 77].
 Es wird Herbst / dunkel.

Такие отношения представлены, на наш взгляд, в моделях предложений Nom₁, wird Nom₂, Nom. wird Adj., Es wird Nom./Adj., т.е. если есть субстантивные компоненты, то они стоят в номинативе.

2) В отличие от первого случая второй субстантивный компонент имеет себе предлог zu и стоит в дативе. Пока мы затрудняемся дать убедительное объяснение и полагаем, что в фокусе внимания по-прежнему носитель событийности, переход и состояние2, однако zu эксплицитно подчеркивает направление развития события. Это можно отразить в виде дополнительного вектора с тем же направлением, в результате чего получаем два сонаправленных вектора. Создается впечатление, что события развивались сами по себе, возможно, стремительно.

H

Das dunkle Blau des Himmels wurde zu tiefem Schwarz [Schlink 2014: 100].
Der Strandkorb ist zu einem Kultobjekt und zu einem Exportschlager deutscher Handwerkskunst geworden [Boyes].

3) В фокусе внимания состояние1, переход и состояние2 (сам носитель событийности за кадром). Это предложения, построенные по модели Aus Dat. wird Nom.

H

Aus dem Bach ist ein reißender Strom geworden [dwds].
Aus Liebe wurde Hass [Duden 1996: 1732].
Aus diesem Plan wird nichts [Duden 1996: 1732].
Aber aus dem Schreiben und Malen wurde nichts [Schlink 2014: 13].

4) В фокусе внимания носитель событийности и переход (состояния не называются).

H

Das Haus wird allmählich [Duden 1996: 1732].
Die Fotos sind geworden [Duden 1996: 1732].
Die Pflanze wird nicht wieder [Duden 1996: 1732].

Таким образом, выделяемые в словарях отдельные значения глагола werden представляют собой разные контексты его употребления и профилируют разные элементы одной концептуальной базы и их соотношение.

Литература

Болдырев Н.Н. Исследование феномена человека как главная миссия когнитивной науки // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 33-37.

Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: колл. монография / отв. ред. Д.Б. Никуличева. М.: Изд-во «Канцлер», 2017.

Гух Ж.К. Когнитивные механизмы формирования значений немецких глаголов // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVI. С. 279-290.

Гух Ж.К. Связь языковых и когнитивных структур на примере категории залога в современном немецком языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4. С. 83-97.

Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 84-92.

Лэнекер Р.В. Концептуальная семантика и символическая грамматика // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. С. 15-27.

Никуличева Д.Б. Датские пространственные предлоги как отражение вербальной ориентации говорящего во времени // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: колл. монография / отв. ред. Д.Б. Никуличева. М.: Изд-во «Канцлер», 2017. С. 26-39.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2001.

Boyes R. Der Strandkorb – ein Kultobjekt. <http://www.goethe.de/ins/gb/lp/prj/mtg/typ/str/de4848227.htm>.

Duden Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, Leipzig, Wien, Zuerich: Dudenverlag, 1996.

dwds – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache // <https://www.dwds.de/>.

Schlink B. Sommerlügen. Geschichten. Zürich: Diogenes, 2014.

Zh.K. Gukh (Syktyvkar, Russia)

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

THE EVENT AND THE SPEAKER IN THE GERMAN VERB *WERDEN*

The paper focuses on the problem of conceptualization of the event, which is verbalized in the German verb *werden*. To the basic entities belong event, different states, change, the speaker's external viewpoint and their constellations in different sentence models depend on profiling by the speaker-observer.

Key words: conceptualization, the German verb *werden*, event, different states, change, the speaker's external viewpoint, profiling.

Доу Чуньяо (Москва, Россия)

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

baolisi007@yandex.ru

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С СЕМАНТИКОЙ ВОЗРАСТА В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена сопоставительному анализу русских и китайских устойчивых сравнений с семантикой возраста. Исследование проведено в двух направлениях: «цель – источник» и «источник – цель». Выявлены отличия и сходства в реализации устойчивых сравнений с семантикой возраста в русской и китайской языковых картинах мира.

Ключевые слова: устойчивое сравнение, возраст, сопоставительный анализ, концепт, русский и китайский языки.

Процесс сравнения неотделим от процесса познания [Потебня 1997: 76]; сравнение также является чувственно-наглядной формой отражения реального мира в сознании человека [Лебедева 2015: 4]. Сравнить – это «значит выразить свое отношение, «оценить», «измерить», руководствуясь нашими чувствами и нашими страстями» [Карцевский 1976: 112].

Для сопоставительного анализа русских и китайских языковых единиц мы избрали два направления: «цель – источник» и «источник – цель» [Лебедева: 2013].

Первое направление характеризуется тем, что с помощью разных метафор концептуализируется концепт ВОЗРАСТ, ср.: рус. *как волчонок, как галчонок, как кукла/куколка* и т. д.; кит. *像雏鸟一样 (как птенец), 像狼崽儿一样 (как волчонок), 像洋娃娃一样 (как кукла/куколка)* и т. д. Очевидно, что в таком случае компоненты-зоонимы нередко участвуют в формировании семантики фразеологизмов русского и китайского языков (ср.: рус. *как волчонок, как галчонок*; кит. *像雏鸟一样 (как птенец), 像狼崽儿一样 (как волчонок)*). Фразеологизмы используют эти компоненты для положительной и отрицательной оценки человека.

Образ русского устойчивого сравнения *как волчонок* основан на зооморфной метафоре. Волчонок (волч-онок) – детеныш волка [БТС 1998: 147], является производным от имени существительного *волк*. По данным «Русской грамматики 1980», модифицированные существительные с суф.

-онок/-енок/-чонок обозначают «лицо или животное, характеризующееся детскостью, незрелостью» [Русская грамматика 1980]. Единица *как волчонок* описывает очень голодного ребенка, т.е. описывает физиологическое состояние человека [Лебедева 2015: 71]. См. иллюстрации: *Иван Лукич вытер глаза, сказал: – Жив! Голодный, небось, как волчонок? Еще бы не голодный!* (К. Паустовский. Свежий ветер) [Там же: 71]. В русской лингвокультуре лексема *волк* может употребляться для характеристики человека: русские могут обращаться к образу волка для характеристики очень голодного, способного поглотить большое количество еды человека [Русское культурное пространство 2004: 64]. Образ, создаваемый китайской языковой единицей *как птенец*, также основан на зооморфной метафоре. См. иллюстрации: *当时我是个黄口小儿，什么都不知道* (汉语语料库) – (рус.перевод: *В то время я как птенец, ничего не знаю*. Национальный корпус китайского языка). Данная единица восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимистической. В основе образа лежит аналогия «птица – человек». В основе образа фразеологизма лежит метонимия: компонент *птенец* – ребенок, неопытный и слабый.

Очевидно, что как в русской, так и в китайской картинах мира животные являются мерилom многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных. Человек подмечает поведение животных, их повадки и переносит эти свойства на человека, сравнивает поведение животных с поведением людей. Как в русском, так и в китайском языках при использовании названий животных в переосмысленных образных единицах языка народ чаще был склонен отмечать отрицательные черты, чем положительные.

Стоит рассмотреть такие единицы, *как кукла/куколка, 像洋娃娃一样 (как кукла/куколка)*. Образ в данных единицах прочитываются в вещном коде культуры: через образ проявляется идея культуры, закодированная во фразеологизме. Игрушка, кукла – это вещи, с которыми играют дети. Детство – это период жизни, который характеризуется игровой деятельностью. Интересен рефлексив «детство» – это игра в куклы, игра в игрушки [Вознесенская 2016: 91; Лебедева 2013: 182, 203].

Устойчивое сравнение *как кукла/куколка* описывает внешность человека, обозначает очень красивых детей, очень красивых девушек или обозначает красиво, празднично одетых детей, девушек, молодых женщин [Лебедева 2015: 56, 58, 61]. См. иллюстрации: 1) – *Когда ты был маленький, ты был славенький как кукла. И тебя все любили* (М. Зощенко. Леля

и Минька); 2) *Она [Ольга] съездила в Париж, оделась как куклолка* (Г. Щербакова. Армия любовников) [Там же: 56, 58, 61].

Как русская единица *как кукла/куклолка*, так и китайская единица 像洋娃娃一样 (*как кукла/куклолка*) описывает внешность молодого человека, очень красивого, прекрасного молодого человека. Различие между русской и китайской языковыми единицами заключается в том, что китайская также может описывать мальчика или молодого мужчину, и фокус внимания нацелен на то, какой человек – он красивый, а не на его одежду. См. иллюстрации: 当年，她有风流倜傥的丈夫和漂亮得像洋娃娃一样的儿子，她很满足（现代汉语语料库）– (Русский перевод: *В том же году у нее есть очень утчивый муж и очень красивый сын, как кукла*. Национальный корпус китайского языка).

Отметим, что единицы первого класса описывают детей, то есть концепт «возраст» представляет собой денотат русских и китайских фразеологизмов.

Перейдем ко второму направлению. Данное направление характеризуется тем, что концепт «возраст» выступает в роли метафоры в процессе концептуализации во фразеологии, ср.: рус. *как девчонка, как дитя, как младенец* и т. д.; кит. 像/跟男孩一样 (*как мальчишка/мальчик*), 像/跟小学生一样 (*как школьник/школьница*), 像/跟婴儿一样 (*как младенец*) и т. д.

Например, русская единица *как дитя* описывает невинного, непорочного, взрослого человека, т.е. его внутренние свойства и характер [Лебедева 2015: 148]. См. иллюстрации: *Впрочем, Лаврецкому было тогда не до наблюдений: он блаженствовал, упивался счастьем; он предавался ему, как дитя... Он и был невинен как дитя, этот юный Алкид* (И. Тургенев. Дворянское гнездо) [Там же: 148].

По сравнению с русской *как дитя*, китайская единица 像小孩子一样 (*как дитя*) описывает чувства, состояния и поведение взрослого человека. См. иллюстрации: 1) 刘云像小孩子一样哭了 (现代汉语语料库) – (Русский перевод: *Лю Юн плакал, как маленький ребенок*. Национальный корпус китайского языка); 2) 他像孩子一样地兴奋、欢喜 (现代汉语语料库) – (Русский перевод: *Он, как ребенок, очень возбужденный и веселый*. Национальный корпус китайского языка).

Очевидно, что данные единицы обычно описывают взрослого человека, который поступает или ведет себя так, как ребенок, или характер, его чувства, физическое и физиологическое состояния такие, как у ребенка. Иначе говоря, концепт «возраст» не является денотатом фразеологизмов.

Выводы. Устойчивое сравнение – это образное выражение средствами фразеологии. Данные языковые единицы образно характеризуют человека, представляют собой широкий круг воспроизводимых сочетаний слов, отличаются образностью, воспроизводимостью и мотивированностью. Из вышеуказанных примеров видно, что в предложении русские и китайские устойчивые сравнения выполняют функцию характеризующей предикации. Концепт ВОЗРАСТ является динамичным и многомерным, пересекающимся с другими понятиями, что находит отражение в семантике фразеологических единиц, в ее денотативном компоненте. При этом тематическое поле устойчивых сравнений можно распределить по следующим группам: собственно период жизни человека, его внешние качества, физическое состояние, характер, а также эмоциональное состояние человека, поведение человека и т. д. Следует отметить, что эквиваленты в русском и китайском языках, их тематические поля в основном существенно отличаются.

Литература

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.

Вознесенская М.М. Метафора детства в русской фразеологии / Prostor in čas v frazeologiji. Mednarodna frazeološka konferenca Ljubljana, 27-28 marca. Ljubljana: Univerza v Ljubljani, Filozofska fakulteta, 2016. С. 87-102.

Карцевский С.О. Сравнение (Общелингвистическая интерпретация категории сравнения в русском языке) // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 107-112.

Лебедева М.Ю. Концептуальное поле «детство» и его репрезентация в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 260 с.

Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка: тематический словарь. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. 316 с.

Национальный корпус современного китайского языка. <http://ccl.pku.edu.cn/corpus.asp>.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Лекция восьмая // Русская словесность: антология. М., 1997. 175 с.

Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1 (раздел «Словообразование»). М.: Наука, 1980.

Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. М.: Гнозис, 2004. 318 с.

Dou Chunyao (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

**SUSTAINABLE COMPARISONS WITH THE SEMANTIC
OF AGE IN THE RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES:
COMPARATIVE ASPECT**

This article deals with the comparative analysis of Russian and Chinese sustainable comparisons with the semantics of age. Two directions of research include: “target – source” and “source – target” strategies. The differences and similarities as for Russian and Chinese in stable comparisons with the semantics of age in Russian and Chinese language worldviews are revealed.

Key words: stable comparison, age, comparative analysis, concept, Russian and Chinese languages.

Ю.А. Дрыгина, И.В. Ляшенко (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
drygina@bsu.edu.ru, i_lyashenko@bsu.edu.ru

**РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ВЛАСТЬ
В АМЕРИКАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ Д. ТРАМПА)**

Данная статья посвящена анализу семантических особенностей некоторых ядерных лексем, вербализующих базовый концепт англоязычного политического дискурса – концепт ВЛАСТЬ. В работе выявляются концептуальные признаки исследуемого концепта, его структура, а также основные характеристики на языковом и функциональном уровнях.

Ключевые слова: концепт, структура концепта, концептуальный признак, антропоцентрический подход, концептуальный анализ.

Когнитивная лингвистика стремится осмыслить и сам язык, и опирающуюся на него мыслительную деятельность человека. Сфера ее интересов чрезвычайно широка и включает когнитивный анализ дискурса, в том числе его базовых концептов. Это представляется весьма актуальной задачей, поскольку, как справедливо отмечает В.И. Карасик, «центральные концепты, образующие основу общественных институтов, обладают большой генеративной силой в том плане, что вокруг них концентрируется обширная смысловая область» [Карасик 1999: 6].

Вслед за Е.И. Шейгал, автором одной из основополагающих в современном отечественном языкознании работ, посвященных политическому дискурсу, мы считаем базовым концептом политического дискурса концепт ВЛАСТЬ [Шейгал 2000]. Рассмотрение данного концепта именно в рамках антропоцентрического подхода представляется актуальным, поскольку, как справедливо отмечает Д.В. Шапочкин, при анализе концепта ВЛАСТЬ с когнитивной точки зрения отчетливо видны «его универсальность, высокая степень значимости и частотность функционирования в политическом дискурсе» [Шапочкин 2013].

Два аспекта проблемы соотношения языка и власти отмечает Е.И. Шейгал. Первый демонстрирует, как власть вербализуется языковыми средствами, то есть концептуализируется. Второй показывает, каким образом власть реализуется в языке [Шейгал 2000]. В данной работе мы обратимся к первому аспекту.

В нашей работе мы исходим из ставшего уже классическим определения концепта как оперативной содержательной единицы мышления, кванта структурированного знания.

Большинством специалистов в области когнитивной лингвистики признается, что концепт определенным образом структурирован. Так, Ю.С. Степанов выделяет в структуре концепта «общеизвестную информацию, информацию, известную ряду носителей языка, и этимологическую информацию» [Степанов 1997]. В.И. Карасик говорит об образном компоненте, понятийном компоненте и ценностной составляющей [Карасик 2004: 118]. М.В. Никитин отмечает наличие в структуре концепта образа, понятия, а также когнитивного и прагматического импликационалов [Никитин 2004: 59-60]. З.Д. Попова говорит о трех компонентах

в структуре концепта: образе, информационном содержании, интерпретационном поле [Попова, 2006]. Денотативный слой и слой сигнификативный предлагают выделить Н.Ф. Алефиренко и С.Д. Кацнельсон [Алефиренко 2003: 29; Кацнельсон, 2001: 394]. И, наконец, Н.Н. Болдырев подчеркивает наличие в структуре концепта ядра и концептуальных характеристик [Болдырев, 2014: 29-30].

При анализе репрезентации любого концепта исследователю необходимо выявить круг лексем, которые могут его репрезентировать. Лексемой-прототипом среди существительных английского языка является, на наш взгляд, субстантивная лексема *power*. Она является наиболее частотной среди других, стилистически нейтральна, а также способна отражать рассматриваемый концепт в наиболее общем виде.

Обращение к авторитетным лексикографическим источникам английского языка (*English Oxford Living Dictionaries*, *Cambridge Dictionary*, *Macmillan Dictionary*, *Longman Dictionary of Contemporary English Online*, *Merriam-Webster Dictionary*) позволило выявить 85 субстантивных лексем, способных вербализовать концепт ВЛАСТЬ. Среди них 22 лексемы: *advantage*, *assumption*, *authority*, *clout*, *command*, *control*, *direction*, *dominance*, *domination*, *dominion*, *edge*, *enforcement*, *force*, *grasp*, *greatness*, *law*, *leadership*, *might*, *pressure*, *reach*, *standing*, *strength* встречались в проанализированных нами 16 выступлениях американского президента Д. Трампа. Обратимся к анализу дефиниций прототипической лексемы *power*:

- ability to control people and events; the amount of political control a person or group has in a country [Cambridge Dictionary];
- political control of a country or government; official or legal authority to do something [Macmillan Dictionary];
- the ability or right to control people or events; the ability to influence people or give them strong feelings; the right or authority to do something [Longman Dictionary].

Как видно из приведенных дефиниций, во всех лексикографических источниках лексема *power* трактуется через несколько лексем – *control*, *authority*, *influence*. Данные лексемы мы наряду с *power* относим к ядерным репрезентантам концепта ВЛАСТЬ. Субстантивные лексемы *control*, *authority*, *influence*, в свою очередь, трактуются либо через прототипическую лексему *power*, либо друг через друга. Лексема «власть», как мы отмечали выше, является лексемой широкой семантики и отражает ситуацию обладания властью в обобщенном виде, а лексемы, которые используются

для ее трактовки, отражают, как представляется, отдельные аспекты власти, иными словами, концептуальные признаки рассматриваемого концепта.

Дальнейшее выделение концептуальных характеристик возможно при анализе сочетаемости ядерных лексем и их функционирования в рамках предложений-высказываний.

Власть предстает как многоаспектное явление, что порождает многообразие ее видов (executive, expressive, judicial, legal, legislative, military, political power). В выступлениях американского президента ожидаемо встречаем многократные упоминания военной власти и американской мощи:

Another fundamental pillar of our new strategy is the integration of all instruments of American power – diplomatic, economic, and military – toward a successful outcome [American... 2018].

Внимание привлекает также частотность упоминаний величия власти США как исключительной нации (absolute, awesome, great, immense, mighty, sheer, supreme power):

They are doomed not only because our alliance is strong, our countries are resilient, and our power is unmatched [American... 2018].

Сочетаемость с глаголами и предлогами весьма многообразна и отражает ряд аспектов власти. В коллективном сознании власть – это объект отчуждаемой принадлежности, поэтому ею можно обладать и пользоваться (have, hold, possess power, in/within one's power, abuse, exercise, exert, harness, use, wield power):

We have it in our power, should we so choose, to lift millions from poverty, to help our citizens realize their dreams [American... 2018].

Возможна передача власти другому лицу или группе лиц (confer, give, grant, hand power):

Today's ceremony, however, has very special meaning because today we are not merely transferring power from one Administration to another... [American... 2018].

Власть можно отдавать, приобретать и делить (acquire, gain, get, seize, take, usurp power):

I was elected not to take power, but to give power to the American people, where it belongs [American... 2018].

Власть можно также усиливать (centralize, consolidate, increase, leverage power), терять (lack, lose power), делить (cede, decentralize, delegate, devolve), сокращать (curb, reduce power).

В проанализированных нами выступлениях Д. Трампа не встретилось примеров потери, разделения или сокращения власти, что вполне

объяснимо политической позицией США в мире, представлениями об их исключительной главенствующей роли, которую они не намерены уступать.

В заключение необходимо отметить, что проведенный анализ позволил определить прототипическую лексему, репрезентирующую концепт ВЛАСТЬ в английском языке (существительное power), а также ряд ядерных лексем (influence, control, authority), способных объективировать данный концепт. К важнейшим концептуальным признакам рассматриваемого концепта мы можем на основании анализа словарных дефиниций и контекста отнести контроль, влияние и авторитет, отражающие аспекты функционирования власти.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Проблемы вербализации концепта: теоретическое исследование. Волгоград: Перемена, 2003. 96 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014. 236 с.

Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград: Перемена, 1999. С. 5-19.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс; Н.-и. лаб. «Аксиол. Лингвистика». М.: Гнозис, 2004. 389 с.

Кацнельсон С.Д. Категории языка и мышления: из науч. наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 851 с.

Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учеб. пособие. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 277 с.

Попова З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка. Воронеж: Истоки, 2006. 226 с.

Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Шапочкин Д.В. Дискурс власти: лингвокультурологический аспект. Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 10. С. 117-122.

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2000. 440 с.

American Rhetoric. Online Speech Bank. Speeches. URL: <https://www.americanrhetoric.com/speechbanka-f.htm>.

Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>.

Longman Dictionary of Contemporary English Online. URL: <https://www.ldoceonline.com/>.

Macmillan Collocations Dictionary. Macmillan Publishers Limited. Oxford, 2010. 911 p.

Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/>.

*Y.A. Drygina, I.V. Lyashenko (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University*

**REPRESENTATION OF THE CONCEPT *POWER*
IN THE AMERICAN POLITICAL DISCOURSE
(BASED ON D. TRUMP'S SPEECHES)**

The article presents the analysis of semantic characteristics of a number of nuclear lexemes that verbalize the basic concept of the English-language political discourse – the concept of POWER. The work reveals the signs of the concept, its structure, and its main characteristics at the linguistic and functional levels.

Keywords: concept, concept structure, conceptual sign, anthropocentric approach, conceptual analysis.

*З.А. Дубинец (Армянск, Россия)
Институт педагогического образования и менеджмента (филиал)
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского
в г. Армянске
Zarina46@yandex.ru*

**СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЙ И МОРБИАЛЬНОЙ МЕТАФОР
В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ**

В статье рассматриваются семантико-когнитивные особенности физиологической и морбиальной метафор в современной прессе. На основе анализа периодики выявлены источники метафоризации, описаны

функции метафорических номинаций: экспрессивная, прагматическая и текстообразующая.

Ключевые слова: физиологическая метафора, морбиальная метафора, метафорическая модель, коннотация, функция.

Одним из наиболее популярных и исследуемых лингвистических феноменов современности является языковая картина мира, следствием изменения которой стали активные словообразовательные процессы. Заметное место среди них занимает метафорическая деривация. По мнению большинства отечественных и зарубежных лингвистов (Н. Арутюнова, А. Вежицкая, Р. Гиббс, М. Джонсон, Ю. Караулов, И. Кобозева, Е. Кубрякова, Дж. Лакофф, Г. Лоу, Т. Скребцова, А. Чудинов и др.), метафора – одна из фундаментальных мыслительных операций, нацеленных на познание, категоризацию, концептуализацию, оценку и объяснение мира.

Эмоциональность, оценочность, нарочитая резкость суждений, характерные для языка современных газет, позволяют автору максимально приблизиться к читателю – отмечает И. Стернин [Стернин 2003: 18]. Самым распространенным средством для достижения этой цели является метафора, дающая возможность «выразить многое, сказав немного» [Толстикова 2011: 75].

Цель статьи – рассмотреть семантико-когнитивные особенности физиологической и морбиальной метафор, выявленных в современной прессе.

Материалом для исследования послужили метафоры из газет и журналов «Московский комсомолец», «Труд», «Известия», «Газета.ru», «Новая газета», «Объективная газета», «Экономика и жизнь» и др. (всего около 20 изданий).

Как отмечает О. Юдина, современная когнитивная семантика представляет метафорическое моделирование как средство постижения и оценки какого-либо фрагмента действительности при помощи фреймов и слотов, которые относятся к иной понятийной области при наличии эмоционально-смыслового компонента, связывающего первичные и вторичные значения охватываемых данной моделью единиц [Юдина 2009: 255]. Ввиду ограничения объема публикации не представляется возможным анализ метафор по фреймо-слотовой структуре. Рассмотрим основные метафорические модели, источником создания которых являются особенности строения и жизнедеятельности человеческого организма (*рука дружбы, артерии государства*) и проблемы его здоровья (*социальные болезни, идеологические импотенты*).

Одной из наиболее частотных и традиционных в современной периодике является *физиологическая* метафора, которая осуществляется по модели: *тело (организм) человека* → *структура государства, города, партии*: *Огромный организм под названием Россия* (Дивеево сегодня. 12.06.2015); *Тема номера: Городской организм* (Отечественные записки. 2012. № 3).

«И в обыденной, и в научной картине мира в составе человеческого организма разграничиваются части организма и его органы, – отмечает А. Чудинов. – Органы функциональны – они «отвечают» за какую-то сферу жизнедеятельности» [Чудинов 2001]. Подобные метафоры обычно характеризуют роль соответствующего учреждения (региона, партии, должностного лица и др.): *Глаза и уши трудового народа* (Коммерсантъ. 15.06.2017); *На заре своего президентства* российский глава «тыкал» премьеру Британии Тони Блэру, который также поначалу испытывал симпатию к российскому лидеру, однако впоследствии их отношения приняли более формальный характер (Газета.ru. 06.09.2015). Основной семой для переноса здесь выступает «жизненная важность частей тела и органов для функционирования человеческого организма»: *Впервые реальный интерес к Северному морскому пути как к международной транспортной артерии возник в 1960-е годы с началом потепления советско-американских отношений* (Газета.ru. 13.04.2012); *Лизинг – новая, но неиспользуемая кровь экономики* (День. 07.01.2018). Физиологические метафоры могут придавать сообщению и негативную коннотацию: *Государство без сердца* (Новая газета. 10.08.2015) – заголовок статьи о запрете властей ввоза в страну немецких и американских костылей; *«Утечка мозгов» из России усилилась* (Ведомости. 23.01.2018). Метафоры этого типа являются мощным средством идеологического воздействия и формируют у адресата необходимое говорящему мировосприятие.

К физиологическим относятся метафорические номинации, основанные на сходстве происходящих событий с процессами жизнедеятельности человека: дыхание, питание, пищеварение, рождение, смерть. Метафоры этой группы могут иметь различные коннотации: *Если потребность, к примеру, в менеджерах по продажам, страховых агентах столь велика, что эти сектора рынка «проглотят» тысячи офицеров, то в других сферах военные создадут серьезную конкуренцию гражданским коллегам* (Труд. 27.04.2009); *Рассчитанный из 40 долл. за баррель, бюджет РФ не может быстро переварить хлынувшие нефtedоллары (цена на нефть сейчас почти в два раза выше бюджетного ориентира)* (Независимая газета. 15.07.2018).

Метафоры «помогают нам преобразовать существующую в сознании адресата языковую картину мира», дать эмоциональную оценку хорошо известным феноменам [Будаев 2008: 6]. Как правило, негативная оценка связана с трагическими моментами в жизни человека: «Учредительное собрание» – мертворожденное дитя демократической контрреволюции (Военное обозрение. 28.01.2018); *До старта чемпионата мира по футболу в России еще более полутора месяцев, а в Англии уже поспешили... похоронить шансы своей сборной на завоевание титула лучшей команды планеты* (Правда. 24-25.04.2018).

К физиологической метафоре принадлежат переносные значения названий процессов и явлений, касающихся периода развития организма до момента рождения, а также его появления на свет: *Сельскохозяйственные кооперативы в Украине годами не могут выйти из зачаточного состояния: мало желающих в них вступить, слабая материально-техническая база* (Зеркало недели. 15.01.2016); *Вот господу депутаты и родили закон, от которого волосы дыбом встают на голове* (Объективная газета. 12.12.2012); *Антон Елин о «Сроке» беременности российской оппозиции* (Газета.ru. 27.06.2014). Такие метафоры, по мнению В. Костомарова, – одно из характерных средств создания «текстовой экспрессии».

Не менее продуктивно используется в современной периодике морбиальная метафора, в основе которой – метафорическая модель *страна, общество, отдельная отрасль* → *больной организм*. Для ее создания используется лексика, обозначающая названия болезней и способы их лечения, лекарства и диагнозы, медицинский персонал и печальные последствия: *Украина – Больной человек Европы* (novorossia. 24.09.2018). *Наше общество больно. Излечимо больно* (Новое время. 19.09.2018). *Тяжелая болезнь российской медицины* (МК. 28.04.2016). *Болезни российской экономики: диагностика и лечение* (Pravda.ru. 25.04.2017). А. Чудинов отмечает активизацию рассматриваемой метафорической модели в русском языке с конца XX века.

Морбиальная метафора создает негативный образ части света, страны, органов ее власти или учреждений, порой с указанием конкретных диагнозов физических и психических болезней: «Стокгольмский синдром» *Европы* (Завтра. 22.06.2018). *Новые шаги США отдают паранойей* (Комсомольская правда. 09.04.2018). *Дискриминация по этническому и языковому признакам, ксенофобия и расовый экстремизм, подстрекательство к расовой ненависти также стали неизменным атрибутом самозванных*

киевских властей (Известия. 06.05.2014). Дума недееспособна (Правда. 17-20.06.2009).

Авторы газетных публикаций метафорически используют лексемы, обозначающие признаки болезни: *нарыв, язва, конвульсия, судороги, паралич и др.* Общеизвестность первичного значения указанных лексических номинаций активизирует эмоциональное восприятие читателями соответствующих реалий [Чудинов 2001: 41]. Например: *Украину продолжат лихорадить* (Корреспондент. 27.12.2013). *И нужно лишь благодарить Небеса за то, что назревавший в армейской среде опаснейший нарыв – своевременно вскрыт, а мечты газеты Гаарец о «левом военном путче» так и не успели сбыться* (Еврейский мир. 03.12.2016). *Предыдущий бюджетный паралич с временным закрытием ряда федеральных программ и ведомств (пресловутый шатдаун) случился в США аж при Клинтоне* (Известия. 18.10.2013). *Близорукость касательно Банка Москвы, проявленная ранее, стоила постов некоторым высокопоставленным сотрудникам ЦБ* (Комсомольская правда. 22.02.2012).

Метафорические номинации создают у читателя впечатление о разнообразии лекарств и способах лечения болезней общества: *Якеменко хочет протестировать, не появился ли вновь спрос на его «политические инъекции молодежи» в условиях возвращения руководства страны к теме патриотизма, говорит политолог Михаил Виноградов, но шансов на успех у основателей «Наших» мало* (РБК Дейли. 19.05.2014); *«Шоковая терапия»* (Культура. 10.02.2017); *ГИПП передал Минпечати план реанимации отрасли* (Лениздат.гу. 10.07.2013).

Морбиальная метафора стала основой для построения текста *«Как здоровье, промышленность?»* (Экономика и жизнь. 2005. № 38), в котором в роли больного организма выступает промышленность, отвечающая на поставленный вопрос: *«Как, как... Чих да кашель – здоровье наше. Хворает, в общем»*. В тексте использованы практически все фреймы морбиальной метафоры: *«У некоторых особоважных для экономики страны «пациентов»* («Пациенты и медицинский персонал»); *после дождливого июня, промышленность, видимо, подхватила ОРЗ* («Диагноз»); *«Больше всех «температурит» добыча полезных ископаемых»*. *«Не так сильно ломает обрабатывающие производства»* («Симптомы болезней»); *«Так и до реанимации недалеко»*. *«Остается надеяться на сильные налоговые «антибиотики»* («Способы лечения»); *«медики, наверное, оценили бы ее состояние как стабильное, даже с отдаленными признаками*

на некоторое улучшение», «общая тенденция протекания заболевания – угасание темпов роста – к оптимизму по-прежнему не располагает», «обозначились явные признаки выздоровления» («Состояние пациента»). Несмотря на ярко выраженную негативную оценку, текст заканчивается метафорически и оптимистически: пожеланием всей промышленности скорейшего выздоровления и «выписки».

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о высокой продуктивности использования физиологической и морбиальной метафор в современной прессе. Это связано с обыденностью и общеизвестностью источника метафоризации. Страна с государственными, политическими и экономическими структурами концептуализируется как организм человека, которому для нормального функционирования и развития необходимо обеспечение всех процессов жизнедеятельности. В противном случае ему грозят различные физические и психические заболевания с соответствующими симптомами. Однако разнообразие лекарств и способов лечения оставляет надежду на выздоровление. Подобные когнитивные смыслы сопровождаются различными коннотациями. Физиологическая и морбиальная метафоры выполняют прагматическую, экспрессивную и текстообразующую функции.

Литература

Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. М., 2008.

Стернин И.А. Практическая риторика. М., 2003.

Толстикова И.В. Роль метафоры в дискурсе современных российских СМИ // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. 2011. № 2. С. 75-77.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург, 2001. 238 с. URL: <http://philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm>.

Юдина О.Л. Морбиальная метафора в российском и британском управленческом дискурсе // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/morbialnaya-metafora-v-rossiyskom-i-britanskom-upravlencheskom-diskurse> (дата обращения: 07.10.2018).

Z.A. Dubinets (*Armyansk, Russia*)

*Institute of pedagogical education and management (branch) V.I. Vernadsky
Crimean Federal University, Armyansk*

SEMANTIC-COGNITIVE FEATURES OF PHYSIOLOGICAL AND MORBIAL METAPHORS IN THE CONTEMPORARY PRESS

The author examines semantic-cognitive features of physiological and morbial metaphors in modern press. On the basis of the analysis of the periodicals, sources of metaphorization have been identified, and the functions of metaphorical nominations are described: expressive, pragmatic and text-forming.

Keywords: physiological metaphor, morbial metaphor, metaphoric model, connotation, function.

T.A. Жданова (*Воронеж, Россия*)

*Воронежский государственный технический университет
zhdanovsilver@mail.ru*

МЕТАФОРА ОРУДИЙ ТРУДА В ТЕРМИНОЛОГИИ

Статья посвящена изучению русских и английских метафорических терминов, рассмотренных с когнитивных позиций, в основе которых лежат знания людей о простейших орудиях труда. Делается вывод о высокой степени их мотивированности.

Ключевые слова: концепты, когнитивная лингвистика, термины, метафоры, орудия труда.

Среди лексических средств, репрезентирующих концепты того или иного языка, по праву можно выделить метафоры, понимаемые не просто как фигуры речи. Когнитивные лингвисты принимают идею о том, что они отражают фундаментальную часть нашего мышления, рассуждения и представления. Своим утверждением о метафоричности нашей понятийной системы, в рамках которой мы мыслим и действуем, Д. Лакофф подчеркивает ее когнитивную роль [Лакофф 1990].

Большое количество эмпирических исследований метафор с когнитивных позиций по-разному подтверждают это положение. Мы, в свою очередь, анализировали орудия труда в их образном переосмыслении на русском и английском языках в различной терминологии с целью рассмотреть, как знания об обыденных приспособлениях и устройствах, всем хорошо знакомых с детства, служат для понимания далеких от них вещей.

Одним из первых исследователей, связавших метафору с научным познанием, был американский логик и философ М. Блэк, утверждавший, что «возможно, каждая наука должна начинать с метафоры и кончать алгеброй и, возможно, без метафоры никогда не могло быть никакой алгебры» [цит. по: Гусев 1998: 108]. По утверждению Г. Лакоффа, даже в строгом языке науки нельзя обойтись без метафоры. Интуитивная привлекательность научной теории связана с тем, насколько хорошо метафоры отражают наш опыт [Лакофф 1990: 402].

Поскольку орудия труда в своем многообразии прочно вошли в быт человека, их вербальные обозначения постепенно становились объектами языковой игры, воплощаясь в метафорах и образных сравнениях. Выбор основания для метафоры в терминологии, как и в обыденных, бытовых сферах жизни, связан с ее способностью соизмерять новые для человека явления и понятия либо с собственным образом и подобием, либо с предметами, которые человек использует в повседневной жизни. Сюда можно отнести и простейшие, знакомые всем с детства орудия труда.

Из словарей медицинской, биологической и спортивной тематики на русском и английском языках и методом сплошной выборки было выявлено порядка 40 терминов-метафор. Основанием для образных сравнений при образовании терминов послужило сходство объектов по внешним признакам, а также по их функциям.

Так, характерная форма *серпа* в медицине оказалось пригодной для именованя различных органов человека и ряда его заболеваний: *серп большого мозга*, *серповидный отросток*, *серповидный эритроцит*, *наховый серп*, *доля серповидная*, *серповидно-клеточная анемия* (СМТ). См. также в ботанике: *молочай серповидный*.

Хорошо известное всем название части плечевого пояса – *лопатка*, связано с внешнем подобием кости, с одной стороны, и орудия труда, с другой. В биологии длинный плоский лист, постепенно утончающийся от основания к верхушке и заканчивающийся острием, по понятным причинам называется *лопатообразным*.

Молоточек (в анатомии) – напоминающая молоток кость среднего уха.

Слово шило включается в составной термин шилловидный лист (СБТ).

Характерные движения ножниц подмечены в различных видах спорта. Так называется толчок «вперед-назад». Кроме того, словом «ножницы» обозначается положение ног спортсмена, при котором одна нога выставлена вперед на целую ступню, а вторая – назад на носок. Те же самые ножницы – это технический прием, выполняя который, игрок бьет по мячу, когда обе ноги скрещены в воздухе (ССТ).

Обратимся к метафорам на английском языке.

Форма sickle (серпа) метафорически переосмысливается в различных сферах. Медицинские термины иллюстрируют такие примеры, как *sickle cell* – серповидный эритроцит, *sickle-hocked* – серповидное сухожилие. В орнитологии *sickle-winged nightjar* – представитель вида соловьев, *sickle-billed hummer* – любой из трех видов колибри, обладающих длинным и сильно закругленным клювом, в зоологии *sickle tail* – хвост серпом (CIDE).

И вновь в медицине hammer (молоток) обозначает ушную косточку, а *Watson's water hammer pulse* – это пульсовая волна Уотсона (так называется сильно стучащий пульс, возникающий при «ударах» крови о кровеносные сосуды). *The blood hammer* – внезапный подъем верхнего кровяного давления, при котором поток крови резко блокируется в кровеносном сосуде (CIDE).

Английское spade (лопата) это одновременно и кость человеческого скелета *spadebone* (лопатка), и челюсть кита *spade-toothed whale*.

Так же как и в русском языке, название scissors (ножницы) весьма распространено в спортивной терминологии. Подмечено сходство прыжков и работы ножниц: *scissors dismount* – соскок назад с коня скрещением и поворотом на 90 градусов, *Scissors-Jump (scissors high jump)* – прыжок в высоту «перешагиванием». В борьбе *back scissors* – обратное скрещение, *flat body scissors* – обхват туловища ногами, *scissors hold* – обхват ногами головы или туловища. *scissors kick* – определенный вид удара (NCD).

Можно с уверенностью говорить о том, что в системе терминологии различных наук как на русском, так и на английском языках термины, основанные на метафорическом переосмыслении орудий труда, занимают не последнее место. В основе образования таких терминологических единиц лежит высокая степень мотивированности, так как они строятся на основе внешнего подобия (формы, общей конфигурации) и принципа работы сопоставляемых объектов и явлений.

Обращение к терминам-метафорам на материале разных языков – русского и английского позволит лучше понять значение метафоры в образовании и становлении терминологических систем.

Литература

Гусев С. С. Упорядоченность научной теории и языковая метафора // Метафора в языке и тексте. М., 1988. С. 119-133.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 238 С. 387-416.

СМТ – Словарь медицинских терминов. URL: <http://studentmedic.ru/termins.php>.

СБТ – Словарь биологических терминов. URL: botanical_dictionary.academic.ru

ССТ – Словарь спортивных терминов. URL: schoolfield.com.ua/sportivnie-termini.html

CIDE – The Collaborative International Dictionary of English URL:en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/498240копия

NCD – New Collegiate Dictionary. URL: slovarionline.ru/New_Collegiate_Dictionary

*T.A. Zhdanova (Voronezh, Russia)
Voronezh state technical university*

METAPHOR OF TOOLS IN TERMINOLOGY

The article is devoted to the study of Russian and English metaphorical terms, considered from cognitive positions, based on people's knowledge of the simplest instruments of labor. A conclusion is drawn about the high degree of their motivation.

Keywords: concepts, cognitive linguistics, terms, metaphors, tools.

Н.А. Илюхина (Самара, Россия)
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
ilnadezhda@rambler.ru

СЦЕНАРНАЯ МЕТОНИМИЯ: К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНЫХ ИСТОКАХ

Статья посвящена рассмотрению нового типа лексической метонимии, который назван сценарным. Эта разновидность метонимии, наряду с фреймовой и пропозициональной метонимией, выделена с учетом связи типа переноса и типа ментальной единицы (типа концепта), организующей знания о соответствующей реалии в сознании. В статье показано, что эти типы метонимии представляют собой механизм и результат сдвига фокуса внимания в логике партитивных отношений.

Ключевые слова: когнитивная семантика, типология метонимии, концепт, сценарная метонимия.

Когнитивный аспект изучения языковых явлений, в том числе метонимии, предполагает, в частности, их осмысление в связи с восприятием реалий действительности, структурированием (способам организации) знаний о них в форме разных типов концептов.

Именно этот аспект приводит к обнаружению особого типа метонимии – сценарного. Его название отражает связь с одним из типов концепта – сценарием (скриптом), на базе которого (точнее говоря, внутри которого) возникает метонимический перенос при обозначении сложного события, смещение фокуса внимания с части на целое либо наоборот.

Приведем одно из определений концепта-сценария: «Когнитивный сценарий – это абстрактная ментальная структура, представляющая собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как типового (повторяющегося) динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и предполагающего набор участников с закрепленными социальными ролями» [Плотникова 2008: 75].

При обозначении сложного, многоактного действия-события нередко используется название одного из актов этого события. Таким образом, целое (событие) обозначается именем его части. Например: *На следующей неделе встречаются два губернатора; Вчера они ходили в театр;*

*В прошлый раз мы хорошо **посидели**; **Управляй** мечтой!; Его мать **легла** в больницу; Я недавно **выписался** из больницы; Год назад сосед **вышел** из тюрьмы.*

В приведенных примерах сообщается о многоактных событиях, знания о которых организуются концептом-сценарием, но эти события обозначаются через один из составляющих их актов. В одних случаях сложное событие обозначается именем его начального этапа (*встречаются, легла*), в других – конечного этапа (*управляй, выписался, вышел*), в третьих – начального и конечного – перемещения туда и обратно (*ходилили*), в четвертых – положения в пространстве как сопутствующего главному действию (*посидели*).

Наблюдения показывают, что чаще всего сложные события включают перемещение, либо восприятие, либо иное действие, по своей роли «техническое», которые становятся метонимическим обозначением всего события (комплекса частных актов).

Метонимия, как известно, обязана действию закона экономии языковых усилий. По отношению к знаниям, структурированным в логике сценария, действие закона экономии проявляется в сокращении звеньев речевой цепочки, обозначающих этапы события. Сценарная метонимия проявляется в именовании сложного события по одному из его этапов, то есть в обозначении целого по его части. Такой «частью» являются акты перемещения, в том числе каузированного (*идти, плавать, летать, нести, везти* и т. д.), положения в пространстве (*быть, стоять, сидеть, лежать* и др.) и его изменения (*встать, сесть, лечь, посадить, положить, поставить* и т. д.), зрительного, слухового, тактильного, обонятельного восприятия (*видеть, видеться, заглянуть, слушать* и т. д.) и другие, в большинстве случаев не являющиеся важными и самоценными в рамках события. Поскольку речь идет о действиях, сценарная метонимия распространена прежде всего в сфере глаголов, а также отглагольных существительных.

При этом одно и то же событие может быть метонимически обозначено с использованием слов разной семантики, называющих разные акты в составе одного события, например, глаголы движения и глаголы зрительного действия: *К нам иногда **заглядывает** соседка – К нам иногда **заходит** соседка*. В этом случае можно говорить о дискурсивной синонимии способов метонимического обозначения ситуации.

Показательно, что сценарная метонимия, как и метонимия вообще, часто наблюдается в стереотипных выражениях, как разговорных, так

и книжных – публицистических, в последнее время рекламных. Приведем некоторые примеры: *Надоело **ходить** по врачам; Сегодня к ребенку **приходил** врач; Он вынужден **бегать** по ученикам* (заниматься репетиторством); *На перемене надо **заглянуть** в буфет; Ее дочь иголку **в руках держать** не умеет; Первого сентября два миллиона первоклассников **сядут за парты** или **откроют буквари; Государство может **включить** печатный станок.***

Более того, для рекламного слогана метонимию можно считать одним из текстообразующих механизмов, об этом свидетельствует ее массовое использование в этом жанре: *Тысяча причин **зайти*** – реклама супермаркета; *Надо чаще **встречаться*** – реклама пива; *Устрой себе праздник* – реклама алкогольных напитков; *Почувствуй себя богиней* – реклама косметических салонов; и мн. др.

Факт очевидной связи феномена сценарной метонимии с одноименным типом концепта, обусловленность ее структурой концепта-сценария позволяет предполагать, что и другие типы концептов предопределяют соответствующие типы метонимических переносов. Проведенные исследования позволили выделить среди известных моделей метонимических переносов те, которые связаны с концептом-фреймом или концептом-пропозицией.

Приведем примеры пропозициональной (1) и фреймовой (2) метонимии с краткими комментариями.

1. Пропозициональная метонимия отражает структуру концепта-пропозиции как способа организации знания о реалии в рамках типовой ситуации – действия и задаваемых этим действием отношений между компонентами (субъектом, объектом, орудием, местом, временем и т. д.): *Завтра к нам приезжает **проверка**; Танцы раздеваются в гардеробе* (имя действия становится именем деятеля); *Сдайте свои **сочинения**; Покажи нам свое **вязание*** (имя действия становится именем объекта действия); *В качестве **упаковки** можно использовать бумагу* (имя действия становится именем средства/инструмента действия); *Встретимся у **перехода*** (имя действия становится именем места действия); *Наш **круглый стол** затягивается* (имя места действия становится названием действия-мероприятия); ***Круглый стол** сегодня собрался неразговорчивый* (имя места действия становится названием субъектов действия-мероприятия); ***Виолончель** у нас ушла на больничный* (имя инструмента действия становится названием деятеля).

2. Фреймовая метонимия отражает структуру концепта-фрейма как способа организации знания о многокомпонентной сфере, осмысляемой в статическом соотношении ее соположенных элементов: *В руководстве делят портфели* (имя аксессуара чиновника становится названием чиновничьей должности); *Самара встречает футбольный чемпионат* (имя города становится обозначением жителей этого города, а имя мероприятия становится именем участников мероприятия); *Почему-то мы едем полупустыми* (имя пассажиров становится обозначением транспорта, осмысляемого вместе с пассажирами); *Весь трамвай высыпал на тротуар* (имя транспортного средства становится обозначением пассажиров); *Прилетел борт с вахтовиками* (имя части транспортного средства становится обозначением всего транспортного средства); *Магазин низких цен* (имя цены как свойства товара становится обозначением товара); *Катаракты – после часа* (имя заболевания как признака лица становится обозначением этого лица).

Подробнее об этих типах метонимии см. [Илюхина 2015; Илюхина 2016].

Показательно появившееся в последние годы терминологическое обозначение метонимии как обусловленной особенностями *восприятия*, то есть оценка этого явления с когнитивных позиций: одним из знаков такого осмысления служит предложенное Е.В. Падучевой толкование метонимии как *сдвига фокуса внимания* [Падучева 2008: 73-80].

Думается, что именно на когнитивном уровне появляется возможность укрупнения типологии метонимических переносов (обычно описываемых атомарно) и, с другой стороны, объяснение природы многообразия их векторов, поскольку в метонимических переносах обнажаются принципы концептуализации знаний. Это, в свою очередь, означает прямую связь типов метонимических переносов с типами ментальных единиц, организующих знания о реалиях действительности.

Эта связь выражается в том, что метонимический перенос (смещение фокуса внимания на базе отношений смежности) происходит *в рамках одного концепта*, в рамках единого ментального целого, имеющего соответствующую структуру: фреймовую, пропозициональную, сценарную и т. д.

Сдвиг фокуса внимания на основе отношений смежности наиболее естественен в рамках того, что воспринимается и осмысляется как *единое целое*; это и обеспечивает «узнаваемость» метонимически обозначаемого целого по его части либо узнавание одной части целого по другой

его части. Метонимия вообще и частные метонимические модели в частности строятся *на основе отношений между частями одного целого либо между целым и его частью* (что дает основания отказаться от дифференциации метонимии и синекдохи).

Литература

Илюхина Н.А. О типологии лексической метонимии в свете когнитивного принципа // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 7. С. 36-48.

Илюхина Н.А. Сценарная метонимия: механизм образования и некоторые разновидности // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 9-16.

Илюхина Н.А. Феномен сценарной метонимии: о когнитивном принципе типологии лексической метонимии // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докл. и сообщ. Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею Заслуж. деятеля науки РФ д-ра филол. наук проф. Л.Г. Бабенко, 28-30 сентября 2016. Москва, Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 101-107.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Плотникова А.М. Когнитивное моделирование лексического значения глагола (на материале глаголов социальных действий и отношений) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 11. С. 73-80.

N.A. Iliukhina (Samara, Russia)
Samara National Research University
ilnadezhda@rambler.ru

SCENARIO METONYMY: ON THE ISSUE OF COGNITIVE SOURCES

The article presents a new typology of metonymic shifts in the vocabulary, which is based on the cognitive principle – metonymical patterns with the types of concept which organizes knowledge on related realities in consciousness. On this basis, three main types of lexical metonymy are allocated in the

classification: frame, proposition and scenario. The essence of scenery model of metonymy lies in the fact that the information about multiple event is marked in the speech by using the name of one of stages of this event.

Key words: cognitive semantics, typology of metonymy, concept, scenery metonymy.

В.В. Катермина (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
veronika.katermina@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ НЕОЛОГИЗМОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

В статье рассматривается прагматическая функция английских неологизмов в дискурсе социальных сетей. Отмечается, что в симулякре социальных сетей аббревиация как способ словообразования неологизмов обуславливается причинами, характерными только для данного пространства.

Ключевые слова: прагматическая функция, неологизм, дискурс, социальная сеть, аббревиация, хэштег.

Развитие языка протекает под знаком его постоянного совершенствования и обогащения функциональных возможностей, что особенно интенсивно и наглядно реализуется на лексическом уровне в постоянном двуедином процессе архаизации – обновлении лексики языка.

Ярким свидетельством динамики языка является процесс возникновения новых слов, движимый переменами в объективной действительности, т. к. общество всегда стремится найти средства для номинации новых реалий.

При помощи лексических единиц номинации человек осуществляет репрезентацию объектов реального мира. В словах как номинативных единицах языка хранятся определенные знания о действительности, достаточные для того, чтобы идентифицировать обозначаемые словами реальные или идеальные сущности. С одной стороны, происходит опредмечивание человеком объективного мира, связанного со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельности, с выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания. А с другой

стороны – обозначение нового предмета через несущественные, второстепенные признаки другого предмета, отраженные в его наименовании [Катермина 2017].

Языковой материал современности, «в котором разграничивают различные сферы функционирования новых слов: узус и речь; литературный язык и внелитературные субстраты; речь представителей разных возрастных, социальных, этнических групп и пр.» [Гугунава: Электронный ресурс], представляет собой обширное поле для неологических исследований.

Методика неологии постоянно пополняется благодаря развитию новых направлений в филологии (лингвокультурология, мотивный анализ, философия текста и др.). «Перспективным видится использование методов филологии измененных состояний сознания (анализ воздействия нового слова на состояние сознания) и шире – филологии нечеткости, которая не отрицает традиционную филологию, а включает ее как частный случай, рассматривая все филологические объекты через призму нечеткости» [Гугунава: Электронный ресурс].

Становление в современной лингвистике «коммуникативно-прагматической исследовательской парадигмы, опирающейся на принцип деятельности, позволяет говорить о возможности прагматического подхода к единицам всех языковых уровней, в том числе и к единицам лексического уровня» [Наер 1987: 65].

Исследование словарного состава в прагматическом аспекте, «т.е. с точки зрения уместности употребления лексических единиц в зависимости от ситуации общения и целей, к достижению которых стремится говорящий, позволяет выделить новое направление в изучении лексической системы языка – функциональную лексикологию. Перед функциональной лексикологией стоит задача выявить внутренние закономерности, которым подчиняется выбор и адекватное употребление той или иной лексической единицы в каждом конкретном коммуникативном акте» [Заботкина 1989: 17].

Несмотря на то что коммуникация в пространстве симулякра является, соответственно, симуляцией общения, неологизмы в этой среде формируются по аналогии с формированием и употреблением в естественной среде. Тем не менее мы можем выделить определенные различия в пространстве социальных сетей.

Анализируя лексические единицы дискурса социальных сетей с точки зрения их прагматического аспекта, мы обратили внимание на их словообразовательный потенциал. Нами было выделено множество примеров

использования аббревиации при формировании неологизмов социальных сетей. Аббревиация, как считают многие лингвисты, является «характерным для нестандартной лексики словообразовательным приемом» [Беляева 2010: 111] и относится к «экспрессивному словообразованию, которое можно определить как особый вид именования предметов с целью воздействия на реципиента, на его интеллектуальную или эмоционально-волевыми сферы» [Платонова 2011: 136].

Роль сокращений велика, поскольку они выполняют не только важнейшую функцию номинации, но и наряду с ней прагматическую функцию, т.е. «служат знаками – заместителями длинных по продолжительности наименований» [Волошин 2000: 294], маркерами социального статуса языка, маркерами определенного регистра речевого общения, стилистическими средствами, придающими особый колорит, а также средством пополнения словарного состава. Кроме того, одной из основных функций является экономия времени и усилий, затраченных на произношение или написание.

Так, например, примерами подобных неологизмов могут являться следующие:

FOLO – abbreviation for “fear of living offline”: the feeling that you have to post attractive photos of yourself on social media to make your life seem interesting.

This year however it's all about FOLO (fear of living offline) which is the need for us to digitally validate anything we do (likes, shares and comments) otherwise it feels like it never took place. [www.linkedin.com 18 January 2016]

TL;DR abbreviation too long, didn't read; abbreviation used in texts, posts, etc.

I just wrote 1500 words for a post on Living in Ireland. God even I was bored at the end of it! The TL/DR version: MBH and myself are having a lovely fight about whether we talk about moving from Ireland or not. [http://notebookscribbles.com/ 18 August 2013]

OP – original poster: used in online comments to refer to the person who posted the original question or comment.

Holy crap... because of your link, people replied to the original post from 5 months ago and the OP saw it and agreed to do a new one. [www.reddit.com 22 April 2014]

В симулякре социальных сетей аббревиация как способ словообразования неологизмов обуславливается не столь экстралингвистическими причинами: «характер механизма, с помощью которого язык как орудие обще-

ния на основе своих внутренних закономерностей развития использует заложенные в нем самой возможности, реагирует на изменяющиеся потребности общества, обусловленные его прогрессом» [Борисов 1972: 26], сколь причинами лингвистическими. Здесь же, помимо распространенного «принципа наименьшего усилия», или «закона экономии речевых средств» [Борисов 1972: 28], существуют свои причины, характерные только для данного пространства.

Одной из таких причин является аббревиация неологизмов с целью получения ходового хэштега. К примеру, созданное для социальных сетей приложение VSCO (Visual Supply Co/VSCOcam App). На сегодняшний день это целое сообщество, в котором пользователи, разработчики и просто интересующиеся находят и регулярно публикуют интересные снимки, обработанные с помощью программы. В сети Instagram хэштеги данной группы стали одними из самых популярных. К фото в аккаунте пользователь приводит следующий набор хэштегов: #vsco #vscocam #vscoinspiration #vscocollection #vscogood #vscospring #vscomoments #vscolove #vscotravel #wearevsco #vsacorussia #vscophile #vscobest #vscokrasnodar #vscolovers #vscoailydose #vscocamphotos #vscofollow #vscogallery #vscooday #vscocolor #vscoeuropa #vscoer #vscolife #vscopeople и т. д.

В данном случае мы видим образец применения аббревиации с целью создать и объединить сообщество пользователей, чего в реальной коммуникации мы не увидим, так как в ней отсутствует техническая составляющая. Данный пример является интересным с точки зрения функциональной лексикологии, так как внутренние закономерности при выборе аббревиации в качестве одного из основных способов словообразования неологизмов дискурса социальных сетей не соответствуют самой функции неологизма в естественной речи. Вдобавок к этому, основная роль самого хэштега – поисковая – в данном случае является одной из ролей, наряду с коммуникативной и когнитивной.

Язык способен участвовать в развитии новых граней общения, изобретать названия и понятия для описания новых условий и обстоятельств. Язык достаточно креативен, чтобы сделать возможным сосуществование в нем старого и нового через постоянное создание новых определений. Сокращения можно считать прямым свидетельством удивительной гибкости языка и его способности к адаптации в любых общественных условиях, а также очевидным доказательством действия закона экономии речевых усилий, что в очередной раз подтверждает социальную сущность и системный характер как отдельных языковых явлений, так и языка в целом.

Литература

Беляева Т.М. Нестандартная лексика английского языка М.: Кн. дом «Либроком», 2010.

Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научные технические сокращения в иностранных языках. М.: Воен. изд-во МО СССР, 1972.

Волошин Ю.К. Общий американский сленг: Состав, деривация и функция (лингвокультурологический аспект): монография. Краснодар: КГУ, 2000. 341 с.

Гузунова Д.В. Актуальные области исследования в неологии. URL: <http://www.proza.ru/2002/12/18-52> (дата обращения: 05.06. 2013).

Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989.

Катермина В.В. Культурно-интерпретирующий потенциал массмедийных неологизмов в английском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1. С. 84-90.

Наер В.Л. Прагматический аспект английского газетного текста // Коммуникативные и прагматические особенности текстов разных жанров: сб. научных трудов МГЛУ, 1987. Вып. 178. С. 106-116.

Платонова А.А. Аббревиация как способ словообразования в тюремном жаргоне // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. С. 183-185.

www.linkedin.com 18 January 2016

<http://notebookscribbles.com/> 18 August 2013

www.reddit.com 22 April 2014

V.V. Katermina (Krasnodar, Russia)

Kuban State University

veronika.katermina@yandex.ru

PRAGMATIC FUNCTION OF NEOLOGISMS IN THE ENGLISH DISCOURSE OF SOCIAL NETWORKS

The article deals with the pragmatic function of English neologisms in the discourse of social networks. It is noted that in the simulacrum of social networks abbreviation as a way of word formation of neologisms is conditioned to the reasons characteristic only for a given social space.

Key words: pragmatic function, neologism, discourse, social network, abbreviation, hashtag.

Л.А. Козлова (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
lyubovkozlova@list.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ В КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Задачей когнитивно ориентированной сравнительной типологии является поиск глубинных, ментальных факторов, которые определяют как сходство, так и варьирование строевых особенностей языков. К числу таких факторов относятся этнокультурные факторы, учет которых помогает объяснить многочисленные случаи языкового разнообразия. Сопоставительный анализ строевых особенностей языков в когнитивно-культурологическом ракурсе способствует повышению экспланаторности исследований.

Ключевые слова: сравнительная типология, когнитивно-культурологический подход, экспланаторность, этнокультурный фактор.

В докладе, представленном на пленарном заседании VIII международного конгресса по когнитивной лингвистике, Д. Гераэртс представил краткий курс истории лингвистических идей в XX–XXI веках, убедительно показав, как ограничения, имеющие место в одной из парадигм, неизбежно приводят к зарождению новой парадигмы, стремящейся к преодолению недостатков своей предшественницы. Так, переход от структурной к генеративной грамматике сопровождался процессом деконтекстуализации, находившей свое выражение в приоритете формы над смыслом, системы над ее функционированием, универсальностью языка над его изменчивостью и т. п. Когнитивно-функциональная парадигма, пришедшая на смену генеративной, как подчеркивает Д. Гераэртс, характеризуется прямо противоположной тенденцией, уделяя приоритетное внимание изучению роли различных типов контекста в анализе фактов языка [Geraerts 2018: 41-45].

Одним из таких типов контекста является контекст культуры. Известный американский лингвист и антрополог Д.Л. Эверетт представляет свое понимание языка в виде формулы и ее последующего объяснения: *“The formula that summarizes my own concept of language is: Cognition + Culture + Communication. This means that each normal human being has a brain, belongs to a community with values, and needs to communicate, and the confluence of these states results in a language”* [Everett 2012: 35]. По мнению исследователя, есть все основания считать, что язык возникает на перекрестке культуры, когниции и коммуникации, что указывает на необходимость исследования языка в когнитивно-культурологическом ракурсе. Сказанное дает основания считать, что когнитивно-культурологическая лингвистика может рассматриваться как одно из направлений современной когнитивной лингвистики, которая, как известно, характеризуется гетерогенностью и включает значительное число направлений.

Смена научной парадигмы и стремительное становление когнитивной парадигмы, представленной многими ее разновидностями и научными школами, не могли не коснуться типологических исследований. Очерчивая задачи когнитивно ориентированной типологии, А.Е. Кибрик писал, что ее задачей должна быть не каталогизация, а объяснение фактов как языкового сходства, так и языкового варьирования [Кибрик 1998], что становится возможным только при выявлении тех когнитивных процессов и механизмов, которые лежат в их глубинной основе. А поскольку когниция человека всегда культурно-детерминирована, для выявления когнитивных оснований необходимо обращение к особенностям мировидения нации, национального характера, на значимость которых указывали в своих исследованиях В. фон Гумбольдт, Э. Сепир и другие ученые. Базовый тезис о культурной обусловленности когниции и отражении этой обусловленности в строе языка находит свое воплощение в работах А. Вежбицкой и ее единомышленников, работающих в области этнограмматики [Wierzbicka 2006; Goddard 2004]. Как отмечает К. Годдард, этносинтаксис, находясь на пересечении грамматики, семантики и культуры, интегрирует данные этих наук и занимается изучением того, как синтаксические структуры предложения кодируют культурно-специфическое семантическое содержание [Goddard 2004: 52-53].

Существующие типологические классификации языков были разработаны в системно-структурной парадигме и отражают существенные признаки языков в области звукового состава, способов выраже-

ния грамматических значений, особенностей синтаксического строения предложения, преобладание которых формирует тот или иной языковой тип. Поскольку при описании языковых типов в фокусе внимания исследователей находились особенности внутренней структуры языков, вопросы отражения в ней особенностей мировосприятия этноса занимали периферийное положение. Вместе с тем полное и глубокое описание типологических особенностей языков неминуемо выводит исследователя на специфику мировосприятия и мышления. Многие данные, полученные при проведении классификации языков в рамках так называемой внутренней лингвистики, могут быть дополнены и получить дальнейшее объяснение при их рассмотрении в когнитивно-культурологическом ракурсе. Так, описывая особенности английского синтаксиса с позиций характерологии, В. Матезиус выделил такие особенности синтаксической организации английского предложения, как сохранение одного и того же подлежащего в рамках одного предложения или последовательности предложений, а также предпочтение личного подлежащего безличному. Данная характерологическая особенность английского подлежащего, как справедливо отмечал В. Матезиус, находится в прямой связи с другими характерными чертами английского языка, в частности, с более частотным, по сравнению с русским или чешским языками, употреблением пассивных конструкций. Давая объяснение этим фактам, Матезиус связывает эту черту английского языка с особенностями актуального членения, а именно с тем фактом, что подлежащее, выраженное личным местоимением, указывающим на одушевленное лицо, наиболее приспособлено для выполнения тематической роли в предложении [Матезиус 1989: 18-26].

Вполне разделяя точку зрения В. Матезиуса на то, что подлежащее, обозначающее одушевленное лицо, является наилучшим кандидатом для выполнения тематической функции в рамках актуального членения предложения, мы считаем, что этому можно также дать объяснение с учетом этнокультурного фактора. Можно полагать, что подобная специализация подлежащего на выполнении тематической функции обусловлена, в первую очередь, спецификой мировосприятия и типом культуры. В культурах деятельностного типа (*cultures of doing*), к которым относится англоязычная культура, человеку отводится роль активного начала, творца, что и находит свое отражение в языке, в частности, в четкой выраженной тенденции употреблять в роли подлежащего прежде всего существительные или местоимения, указывающие на одушевленное

лицо. Таким образом, можно сделать вывод о том, что данная типологическая особенность английского языка также несет на себе следы этнокультурной специфики мировосприятия. В культурах бытия (*cultures of being*) человек осмысливается не как активный творец, а как часть мироздания, а потому свойством активности, воздействия могут наделяться не только люди, но и неодушевленные предметы, магические силы и т. д. Представляется, что именно этот фактор находит отражение в синтаксисе русского языка, в частности, в широком использовании бессубъектных конструкций, передающих различные психо-эмотивные состояния, не зависящие от воли субъекта, например: не сидится, не лежится, не гуляется ему.

Не менее значимой для выявления типологических особенностей языков является семантическая классификация языков, предложенная Ш. Балли и получившая дальнейшую разработку в трудах А. Вежбицкой. Ш. Балли выделяет две противоположные «психологические тенденции», находящие свое проявление в синтаксисе языков, т. н. импрессионистическую, для которой характерно отражение явлений с точки зрения их восприятия, и аналитическую, ориентирующуюся на рационалистическое представление отношений между причиной и следствием. Применяя данную классификацию к французскому, английскому, немецкому и русскому языкам, Ш. Балли располагает эти языки на шкале психологической ориентации по степени проявления в них двух выделенных им психологических тенденций. Русский язык относится, по мнению Балли, к языкам импрессионистической ориентации, а английский – к языкам аналитической ориентации. Немецкий язык оказывается ближе к русскому по сравнению с французским, который оказывается ближе к английскому, т. е. более тяготеет к аналитической ориентации [Балли 1955].

Импрессионистическая направленность русского языка, присутствие сильного эмоционального начала в русском характере находит свое отражение в большем, по сравнению с английским языком, количестве частиц и их высокой частотностью в речи, что позволяет относить русский язык к “*particle languages*”. Характерной типологической особенностью английского языка является “*epistemic commitment*”, что находит свое проявление в более богатой палитре и высокой частотности средств эпистемической модальности, позволяющих проводить четкое различие между знанием и мнением.

Ограниченные размеры статьи не дают возможности привести больше примеров, иллюстрирующих значимость этнокультурных факторов для понимания строевых особенностей языка, но и представленные здесь

примеры позволяют сделать вывод о том, что использование когнитивно-культурологического подхода в сопоставительном изучении языков способствует более глубокому пониманию различий между ними и повышает экспланаторный потенциал таких исследований. Знание глубинных факторов, лежащих в основе таких различий, представляется важным как в теоретическом, так и практическом плане, поскольку позволяет нам взглянуть на многие факты другого языка «разумным глазом» носителя этого языка и способствует развитию когнитивной эмпатии у изучающих другой язык.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Иностранная литература, 1955.

Кибрик А.Е. Когнитивно ориентированная типология // Вестник РГНФ. 1998. № 3. С. 156-160.

Матезиус В. О лингвистической характерологии (на материале современного английского языка) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. М.: Прогресс, 1989. С. 18-26.

Everett D.L. Language. The Cultural Tool. NY: Vintage Books, 2012.

Geraerts D. Paradigm Shifts in Linguistics // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. М.; Тамбов, 2018. С.41-45.

Goddard C. Ethnosyntax, Ethnopragmatics, Sign-Functions, and Culture // Ethnosyntax. Explorations in Grammar and Culture. Oxford University Press, 2004. P. 52-73.

Wierzbicka A. English. Meaning and Culture. Oxford University Press, 2006.

L.A. Kozlova (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University
lyubovkozlova@list.ru

THE COMPARATIVE STUDY OF LANGUAGES IN THE COGNITIVE-CULTURAL ASPECT

The aim of cognitively oriented linguistics is the search of deep, mental factors which underlie both the similarity and the variations of the languages structure. Among these factors are the ethnocultural factors which help to clarify

the numerous cases of variations across languages. The comparative study of structural peculiarities of languages in the cognitive-cultural aspect contributes greatly to the explanatory potential of research.

Key words: comparative typology, cognitive-cultural approach, explanatory principle, ethnocultural factor.

И.А. Краева (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

irinakraeva@linguanet.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА ГРАДУАЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье описываются некоторые особенности вербализации концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ в современном английском языке: рассматриваются возможности пополнения функционального класса модификаторов степени наречиями, образованными от прилагательных, имплицитно выражающих градуальность, а также употребление ряда относительных прилагательных в качественном значении.

Ключевые слова: градуальность, концепт, качественные прилагательные, наречия степени, вербализация, модификатор степени.

Понятие градуальности и способы его вербализации находятся в центре внимания лингвистов на протяжении длительного времени. Традиционно проблема градуальности рассматривается прежде всего на материале прилагательных (в первую очередь, качественных), поскольку сама грамматическая категория прилагательных строится на основе представления *качества*, то есть рассматривается сфера функционирования данной категории, наиболее прямо соответствующая отношениям действительности.

С возникновением новой парадигмы лингвистического знания – когнитивной лингвистики – появилась возможность по-новому взглянуть на целый ряд проблем, в частности, на *формирование* категории градуальности и на ее *языковую репрезентацию*. Это стало возможным в первую очередь благодаря разработке понятия когнитивной (концептуальной) области, когнитивной матрицы как особого формата знания, модусного

концепта и модусной категории, новых методик анализа. Так, справедливо полагают, что когнитивно-матричный анализ, разрабатываемый Н.Н. Болдыревым и его учениками, является одной из новых перспективных методик, используемых при анализе в том числе модусных категорий. Как отмечает ученый, «именно когнитивная матрица позволяет отразить различные связи модусного концепта с теми концептуальными областями, которые служат источниками его содержания» [Болдырев 2007: 26].

Представляется, что рассмотрение градуальности как концепта чрезвычайно важно, поскольку именно концепт, рассматриваемый Е.С. Кубряковой как «термин, служащий объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90], дал, по мнению А.Э. Левицкого, «возможность представить когнитивную деятельность индивида сквозь призму ее результатов, отраженных в процессах вербализации внеязыковых данных и последующей коммуникативно-деятельностной активности» [Левицкий 2015: 114]. Данный концепт, являясь одним из ключевых в аспекте отражения человеком понимания внешнего мира, «содержит кванты информации об оценке человеком явлений, событий, действий, признаков с позиции определенной шкалы оценки, существующей в сознании индивида» [Левицкий 2015: 115].

Несмотря на то что мнения лингвистов по поводу сущности термина «концепт» разнятся и даже бывают диаметрально противоположными, все сходится во мнении о том, что концепты являются *ментальными сущностями*, путь к пониманию которых лежит через язык, а точнее – через семантику. Как отмечает Н.Н. Болдырев, «одним из основных инструментов познания, концептуализации и категоризации окружающего мира является язык», поскольку, с одной стороны, большая доля информации о мире поступает к нам с помощью языка, с другой стороны, язык помогает нам свести воедино и обобщить всю информацию, поступающую по другим каналам [Болдырев 2000: 27].

Исследуя возможные средства вербализации концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ в английском языке, нельзя не согласиться с мнением А.Э. Левицкого о том, что в настоящее время идет процесс активного пополнения наречий степени за счет единиц других классов слов, а также с его

предложением несколько расширить объем и значение единиц, вербализующих концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ. А.Э. Левицкий предлагает объединить эти лексические единицы в единый функциональный класс *квалификаторов*, поскольку они квалифицируют степень проявления признака [Левицкий 2015: 118]. Мы, вслед за Л. Талми, пользуемся в своей работе термином *модификаторы степени* (*degree modifiers*) [Talmy 2000: 65].

Согласно результатам нашего исследования, в современном английском языке функциональный класс модификаторов степени активно пополняется за счет наречий, образованных от прилагательных, выражающих градуальность имплицитно, причем в этом случае базовый концепт «степень проявления признака», лежащий в основе семантики рассматриваемых прилагательных, предполагает *очень высокую степень* проявления признака. Образованные от них наречия как бы «наследуют» данный базовый концепт и в результате также выражают очень высокую степень признака. Такие наречия, несомненно, несут мощный эмоциональный заряд, а их значения постепенно приближаются к значениям традиционно выделяемых наречий степени.

Многочисленные примеры рассматриваемого явления содержатся в диалогах в произведениях художественной литературы. Например: *dashingly dramatic* [p. 20]; *desperately unattractive* [p. 30]; *hideously lonely*, *outrageously lonely* [p. 49]; *splendidly and shriekingly chic clothes* [p. 103]; *fabulously rich* [p. 293] и др. [Krantz 1992].

Доказательством того, что в современном английском языке подобные сочетания модификаторов степени с прилагательными (в том числе прилагательными, выражающими градуальность имплицитно) являются частотными, является их фиксация как частотных в авторитетных онлайн-словарях лексической сочетаемости, основанных на данных Британского национального корпуса (British National Corpus, BNC): Online Oxford Collocations Dictionary и The English Collocations Dictionary Online.

Так, согласно данным указанных словарей, в современном английском языке часто употребляются такие словосочетания, как *amazingly / remarkably / surprisingly / uncannily accurate*; *desperately / horribly / mortally afraid*; *positively ancient*; *glaringly / immediately / instantly apparent*; *astonishingly / breathtakingly / dazzlingly / incredibly / staggeringly / startlingly / strikingly / stunningly / unbelievably / wonderfully beautiful* и многие другие.

Изучая средства вербализации концепта ГРАДУАЛЬНОСТЬ, хотелось бы упомянуть и тот факт, что в современном английском языке в кате-

гории прилагательных продолжается процесс модусной (интерпретирующей) перекаатегоризации. Часть относительных прилагательных все чаще используется в качественном значении и имеет вследствие этого возможность передавать разные степени проявления признака. Данный процесс, несомненно, обладает специфическими чертами и требует дальнейшего детального изучения с привлечением всех возможных источников (текстовых, дискурсивных, лексикографических).

Мы полностью разделяем мнение Е.С. Кубряковой и Н.Н. Болдырева о том, что категориальная принадлежность частей речи, в том числе и прилагательных, определяется не жестким набором характерных признаков, обязательных для всех членов категории, а наличием лишь нескольких или даже одного из них. Таким образом, в рамках когнитивного подхода категория прилагательных предстает как категория прототипического вида, в которой объединены качественные и относительные прилагательные. Но, поскольку члены данной категории проявляют разную степень типичных признаков, в центре категории располагаются качественные прилагательные, а на периферии – относительные, которые являются как бы непрототипическими членами категории прилагательных.

Нельзя не согласиться с мнением С.А. Виноградовой, которая полагает, что возможность перехода имен прилагательных из одного лексикограмматического класса в другой подтверждает *единство* категории качества и что «две рассматриваемые подкатегории качественности (абсолютной и относительной) представляют собой открытые, динамичные системы, способные к взаимопроникновению» [Виноградова 2013: 521].

Как показывает материал нашего исследования, лишь 8-10 % частотных относительных прилагательных имеют зафиксированные в словарях качественные значения. К ним относятся такие прилагательные, как *absent, academic, adult, advanced, alien, anonymous, atmospheric, concrete* и другие.

Иногда в словаре качественное значение относительного прилагательного дается как подзначение, и из приводимых в словаре примеров становится очевидным, что речь в них идет о *высокой* степени проявления признака. Например, первое значение прилагательного **British** в словаре Collins Cobuild English Language Dictionary дается очень широко: 1. Someone or something that is British. Далее в двух подпунктах оно несколько уточняется. В частности, в пункте 1.2. описывается качественное значение рассматриваемого прилагательного: «has characteristics that are

considered to be typical of someone or something that comes from the United Kingdom». В качестве примера приводится предложение «Vita at that age was British through and through», в котором, как мы видим, выражена высокая степень передаваемого признака при помощи употребления устойчивого выражения *to be smth through and through* (иметь все качества человека, принадлежащего к определенной группе).

Представляется, что имплицативные смыслы, передаваемые подобными прилагательными в высказываниях, довольно сложно выявить, это требует от адресата дополнительных интерпретативных усилий и необходимых фоновых знаний, особенно если в тексте нет на этот счет никакой дополнительной эксплицитно выраженной информации.

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать общий вывод о том, что ряд вопросов, связанных с градуальностью, например вопрос о новых подходах и методах исследования градуальности, о статусе единиц, функционирующих в качестве средств репрезентации градуальности (их терминологического обозначения и сферы функционирования), вопрос о лексикографическом описании градуальности и некоторые другие, требуют дальнейшего изучения на материале разных языков.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000.

Болдырев Н.Н. Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 17-27.

Виноградова С.А. Когнитивные основания частеречной теории (категориальная принадлежность относительных прилагательных) // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. М.; Тамбов, 2013. С. 516-522.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М., 1996.

Левицкий А.Э. Концепт ГРАДУАЛЬНОСТЬ и особенности его вербализации // Когнитивные исследования языка. Вып. XX. М.; Тамбов, 2015. С. 113-124.

Krantz, Judith. Scruples. N.Y.: Bantom Books, 1992.

Talmy, Leonard. Toward a Cognitive Semantics (2 vols). Cambridge, MA: MIT Press, 2000.

I.A. Kraeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University
irinakraeva@linguanet.ru

SPECIFIC FEATURES OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT GRADUALITY IN MODERN ENGLISH

The article describes some specific features of verbalization of the concept GRADUALITY in modern English, in particular enriching the functional class of degree modifiers with the help of adverbs formed on the basis of adjectives that express graduality implicitly, as well as by using classifying adjectives in their quality meanings.

Key words: graduality, concept, quality adjectives, adverbs of degree, verbalization, degree modifier.

Ю.Е. Леценко (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
naps536@mail.ru
Т.И. Доценко, Т.С. Остапенко (Пермь, Россия)
Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
osttania@yandex.ru

МАРШРУТЫ АКТИВАЦИИ В СТРУКТУРНЫХ ПОДСИСТЕМАХ ТРИАЗЫЧНОГО МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА¹

В статье представлено экспериментальное исследование маршрутов активации в структурных подсистемах ментального лексикона носителей естественного коми-пермяцко-русского двуязычия, изучающих третий (английский) язык в качестве иностранного. Результаты исследования демонстрируют наличие значимых различий в длине и типе маршрутов, активируемых стимулами разных языков.

Ключевые слова: триязычие, ментальный лексикон, сетевая модель, подсистема, маршруты распространения активации.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ №17-29-09074/18 «Комбинированное триязычие и его влияние на языковую и когнитивную деятельность индивида: интегративная модель».

В современной лингвистике ментальный лексикон триязычного индивида представляется в виде сложной сети, интегрирующей единицы разных языков в единое, сложно структурированное целое, обеспечивающее возможность свободного взаимодействия языковых систем и их взаимного влияния друг на друга [Abunuwara 2007]. Структурными элементами такой сети являются узлы (фрагменты информации, увязанные со словом) и межузловые связи (различные способы взаимодействия узлов). Различные типы межузловых связей, представленные в триязычном ментальном лексиконе, формируют вариативные конфигурации узлов: цепочки, кластеры, подсети и т. д.

Базовым механизмом, обеспечивающим функционирование сети ментального лексикона, является механизм распространения активации – передача между узлами сети специфической активности, позволяющей этим узлам находиться в состоянии готовности к использованию в ходе речевой деятельности [Anderson 1983]. Представляется логичным, что маршруты распространения активации, существующие в триязычном ментальном лексиконе, обладают вариативными характеристиками, специфика которых (направление и длина маршрута, количество объединяемых ими узлов, сила передаваемого сигнала и т. д.) во многом определяется спецификой трилингвизма, характеризующей отдельно взятого носителя. Вполне вероятно, что такие переменные факторы, как условия усвоения трех языков (естественные либо искусственные), уровень владения ими, частота использования в повседневной коммуникации, количество обслуживаемых коммуникативных сфер и т. д. способны оказывать существенное влияние на активационные процессы в триязычном лексиконе. Следовательно, создание обобщающей теории трилингвизма требует обращения к материалам исследований с носителями триязычия разных типов, позволяющим смоделировать влияние ряда переменных факторов на структуру их ментального лексикона.

В рамках представленного исследования осуществлялось моделирование отдельных фрагментов ментального лексикона комбинированных трилингвов – носителей двуязычия естественного типа, изучающих иностранный (третий) язык в учебной ситуации [Leshchenko, Ostapenko 2014]. В исследовании принимали участие 68 студентов коми-пермяцко-русского отделения филологического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Все информанты являются, с одной стороны, носителями коми-пермяцко-русского билингвизма, спон-

танно усвоившими оба языка в раннем детстве в условиях естественного языкового окружения, а с другой – в течение определенного времени (сначала в школе, а затем в вузе) изучающими английский язык как иностранный.

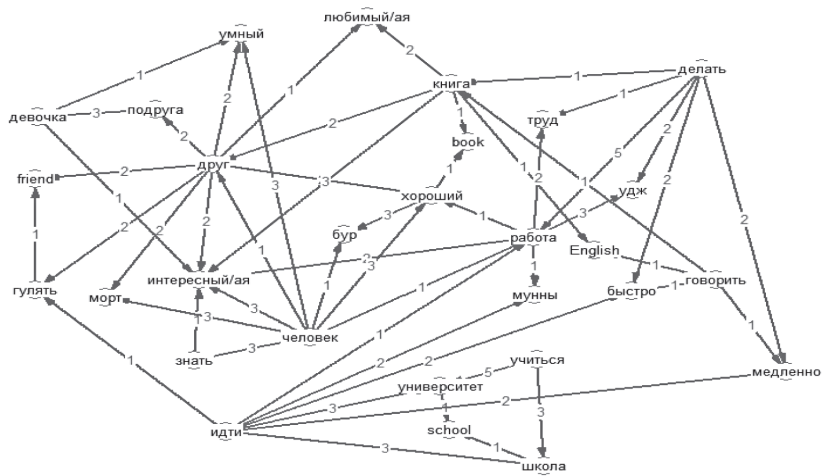
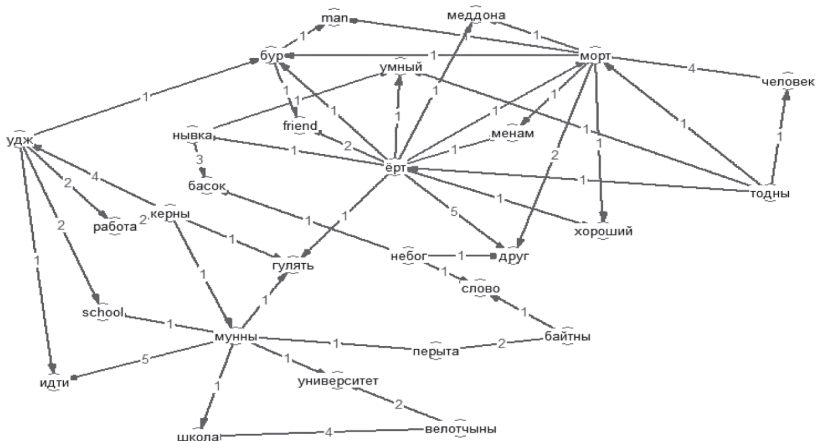
В качестве метода исследования применялся трехэтапный цепочечный ассоциативный эксперимент. В ходе каждого этапа информантам предлагался список из 20 слов-стимулов на коми-пермяцком (1 этап), русском (2 этап) и английском (3 этап) языках. Все три списка были идентичными по составу – включали в себя один и тот же набор высокочастотных общеупотребительных слов: *друг, думать, человек, идти, имя, девочка, время, слушать, лето, работа, утро, говорить, книга, делать, день, давать, учиться, женщина, читать, брать*. В ходе выполнения экспериментального задания информантам предлагалось на каждый стимул по порядку написать не менее шести любых слов, первыми пришедших в голову; языковой код ответов в задании никак не оговаривался. В результате было получено 1360 ассоциативных цепей разной длины, включающих в себя реакции на разных языках (*ерт* 'друг' – *друг*, *бур* 'хороший', *friend* 'друг', *подруга*, *морт* 'человек', *работа*; *говорить* – *байтны* 'говорить', *роч* 'русский', *English* 'английский', *кыв* 'язык', *словарь*, *думать*; *day* – *лун* 'день', *сутки*, *лучший*, *бур* 'хороший', *длинный*).

На первом этапе анализа экспериментального материала мы сравнили длины ассоциативных цепочек, полученных на стимулы коми-пермяцкого, русского и английского языков, соотношение реакций на разных языках в составе ассоциативных цепочек, а также наборы и состав представленных в них тематических полей. На следующем этапе анализа экспериментального материала с помощью программы «Графоанализатор» (<http://grafoanalizator.unick-soft.ru/program/>) осуществлялось графическое моделирование фрагментов триязычного ментального лексикона. Полученные результаты представлены в таблице и на рисунке.

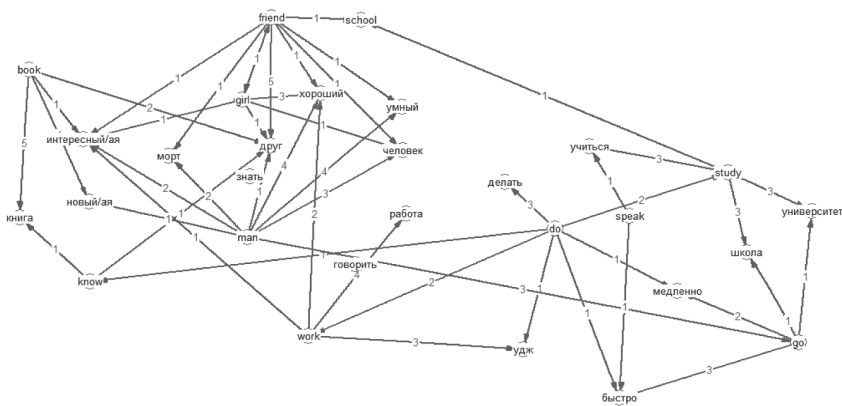
Таблица. Соотношение длины и состава ассоциативных цепей, полученных для стимулов разных языков

Параметры ассоциативной цепи	Стимулы			
	Коми-пермяцкие	Русские	Английские	
Средняя длина, абс.	5,02	5,07	3,94	
Доля реакций на разных языках, %	К-п	22,0	11,0	9,0
	Рус	73,5	87,0	82,0
	Англ	4,5	2,0	9,0

III. Когнитивные исследования лексики и грамматики

а) б)

в)

Рис. Фрагменты триязычного ментального лексикона для стимулов разных языков: а) коми-пермяцкого; б) русского; в) английского

Как видим, длина активируемой ассоциативной цепи (маршрута активации) различается для стимулов трех разных языков: наиболее длинные маршруты активации наблюдаются для русских стимулов, на коми-пермяцкие стимулы генерируются менее длинные цепи, в то время как цепи, продуцируемые на стимулы английского языка, оказываются максимально короткими.

Стимулы всех трех языков распространяют активацию двух типов – внутриязыковую (активация передается в пределах того же языка, что и стимул) и межъязыковую (активация выходит за пределы языка стимула к словам другого/других языков). При этом объем долей внутриязыковой и межъязыковой активации различается в зависимости от языка стимула. Русскоязычные стимулы в подавляющем большинстве случаев вызывают внутриязыковую активацию, в результате чего основная часть реакций на них продуцируется на русском языке. Что касается коми-пермяцких и английских стимулов, то более половины от всех полученных на них реакций основаны на межъязыковой активации (выражены средствами другого языка): коми-пермяцкие стимулы влекут за собой появление

русских и английских реакций, в то время как английские стимулы вызывают реакции на русском и коми-пермяцком языках.

Появление в материалах эксперимента одинаковых, многократно повторяющихся реакций на разные стимулы позволило смоделировать целостные фрагменты ментального лексикона наших информантов: отдельные последовательности слов-стимулов и реакций объединяются в замкнутые цепочки; за счет общих узлов (повторяющихся реакций) множество таких цепочек объединяются в подсистемы (подсети) разного объема, выделяемые в пределах единой сети. Полученные фрагменты наглядно демонстрируют, каким образом слова трех языков объединяются в сознании говорящего в единую подструктуру, а также какие маршруты распространения активации сформированы в ее пределах. Мы полагаем, что именно существование таких подструктур в триязычном ментальном лексиконе обуславливает возможность свободных переходов между языками в процессе речевой деятельности трилингва.

Следует отметить, что, вне зависимости от языкового кода, идентичные стимулы коми-пермяцкого, русского и английского языков активируют общую систему семантических полей, наиболее частотными из которых являются поля «человек», «семья», «работа», «учеба». Очевидно, данная система полей представляет собой универсальное семантическое ядро ментального лексикона наших информантов, выраженное лексическими средствами трех разных языков (зачастую дублирующих друг друга), но формирующее при этом единую межязыковую лексико-семантическую структуру.

Литература

Abunuwara E. The structure of the trilingual lexicon // European journal of cognitive psychology. 2007. Vol. 4. P. 311-322.

Anderson J.R. A spreading activation theory of memory // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1983. Vol. 22. P. 261-295.

Leshchenko Y.E., Ostapenko T.S. Non-equivalent distribution of the languages: a psycholinguistic study of bilingual code-switches // SGEM Conference Proceedings. Psychology & Psychiatry, Sociology & Healthcare, Education. 2014. Vol. 2. P. 601-608.

Y.E. Leshchenko (Perm, Russia)

Perm state university

T.I. Dotsenko, T.S. Ostapenko (Perm, Russia)

Perm state humanitarian pedagogical university

ACTIVATION ROUTES IN STRUCTURAL SUBSYSTEMS OF TRILINGUAL MENTAL LEXICON

The paper presents an experimental research of activation routes in structural subsystems of mental lexicon of Komi-Permyak-Russian native speakers who acquire the third (English) language in classroom settings. The research results demonstrate the existence of significant differences in mean length and type of the routes activated by stimuli of different languages.

Keywords: trilingualism, mental lexicon, network model, subsystem, spreading activation routes.

С.А. Манаенко (Ставрополь, Россия)

Северо-Кавказский федеральный университет

КАТЕГОРИЗАЦИЯ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ НА ОСНОВЕ ДИСКУРСИВНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

Дискурсивное употребление различных классов лексических единиц позволяет в рамках когнитивно-дискурсивного подхода иначе проводить их категоризацию и представлять типологию. В основу такой типологии может лечь деятельность говорящего по организации содержания высказывания.

Ключевые слова: дискурсивные слова, частицы, вводно-модальные слова.

В фундаментальном труде Н.Н. Болдырева «Концептуальная основа языка» [Болдырев 2009: 25-77] на основе когнитивно-дискурсивного подхода к языку рассматривается категоризация как феномен и проводится разграничение когнитивных и языковых категорий. Поскольку категория как интегративный формат знания объединяет знания об общем концептуальном основании для сведения объектов, знания о самих

объединяемых объектах и знания о принципах и механизмах объединения данных объектов, специфика категорий языка, позволяющих осмыслить мир в его пространстве, заключается в том, что они также включают три типа знаний: во-первых, лексически категоризованное знание об объектах внешнего по отношению к человеку мира; во-вторых, грамматически категоризованное знание о языковых формах и, в-третьих, модусно ориентированное знание о языковых категориях и формах, «имеющих внутриязыковую природу и служащих целям интерпретации и реинтерпретации любого концептуального содержания» [Болдырев 2009: 29-30].

При этом онтология окружающего мира, а также результаты познавательных процедур, осуществленных человеком, отражаются в лексических категориях. В грамматических категориях, как морфологических, так и синтаксических, отражаются свойства языка как объекта, находящегося вне человека, и, следовательно, относящихся к категориям естественных объектов. В модусных категориях отражается онтология не внешнего мира, а человеческого сознания, вследствие чего их можно определить в качестве онтологических в отношении к человеку и в качестве гносеологических в отношении объектов внешнего мира, в том числе и языка [Болдырев 2009: 31-34]. Концепция Н.Н. Болдырева предоставляет возможность для категоризации на иных основаниях языкового материала, не получившего в рамках традиционной лингвистики однозначного осмысления, что и проявилось в различных номинациях данного класса лингвистических объектов – служебных и вводно-модальных слов, называемых также неполнозначными или, в современной лингвистике, дискурсивными словами.

Поскольку при классификации данных лингвистических объектов в рамках традиционной парадигмы в качестве критериев использовались параметры, связанные с процессом коммуникации, а также отмечалась роль этих единиц в организации текстового пространства, считаем целесообразным проводить анализ специфики различных разрядов неполнозначных слов на основе их дискурсивного употребления. При выявлении особенностей дискурсивного употребления различных языковых средств мы исходим из трактовки дискурса Г.Н. Манаенко [Манаенко 2004, 2005, 2008, 2009].

Необходимо заметить, что именно особенности употребления данных слов обусловили появление в качестве названия для одной из их разновидностей термина «вводно-модальные слова», то есть при категоризации

данных единиц не использовались единые грамматические показатели. Определяемые в рамках традиционных грамматик как разные части речи – наречия и вводно-модальные слова, частицы и их различные комбинации с союзами, дискурсивно употребленные лексические единицы не могут быть объединены в один морфологический класс, поскольку их «морфологические» характеристики совершенно отличаются друг от друга. Единственное, в чем они схожи, – это «неполнозначность» их лексических значений и возможность лексической омонимии, обусловленная различием выполняемых функций в том или ином тексте какого-либо дискурса по сути одной и той же языковой формы.

Полифункциональность, свойственная дискурсивному употреблению данных лексических единиц, существенно затрудняет по сравнению с полнозначными словами определение как общей семантики контекста, так и собственно той грамматической семантики, которую они в него вносят: «Многие дискурсивные слова, особенно частицы, могут полностью “сливаться” с контекстом, дублируя семантику его отдельных фрагментов. “Амальгамированию” семантики дискурсивных слов и семантики контекста способствует также их формальное строение: значительная часть этих единиц представляет собой одно-двухсложные выражения, прозрачные для интонации» [Дискурсивные слова: 9-10]. Таким образом, классификация дискурсивных слов не может быть осуществлена только на основе грамматических категорий, относящихся к онтологии языка как внешнего по отношению к человеку объекта, поскольку при своем функционировании они взаимодействуют не с отдельными лексическими полнозначными единицами в составе высказывания, а с более «протяженными» его фрагментами, также в некоторых случаях и с высказыванием в целом. Функционирование дискурсивных слов зависит от коммуникативных интенций говорящего, следовательно, их языковая квалификация должна осуществляться и с применением модусных категорий, отражающих когнитивную деятельность человека.

На основе специфики дискурсивного употребления лексических единиц, определяемых в традиционных грамматиках в качестве различных разрядов наречий, союзов, частиц и вводно-модальных слов, ученые выделили четыре класса дискурсивной лексики, а точнее, типа ее использования. В первый класс вошли лексические единицы, употребление которых позволяет сопоставлять элемент и множество, в которое этот элемент входит. Второй класс составляют лексические единицы, необходимые для

введения в состав высказывания другого представления уже представленного «положения дел». В третьем классе находятся лексические единицы, функционирование которых обеспечивает дальнейшее формирование «установочной базы» при развертывании содержания высказывания. Четвертый класс образуют лексические единицы, указывающие на «гаранта» речи, то есть на лицо, несущее эпистемическую ответственность за содержание высказывания [Дискурсивные слова: 31].

Все лексические единицы используются в текстах различных дискурсов либо для комментирования выбора говорящим той или иной альтернативы (первые два класса), либо для комментирования совершаемых когнитивных и коммуникативных операций в определенной ситуации общения (третий и четвертый классы). Специфика дискурсивного употребления данных лексических единиц задается инвариантными семами лексических значений каждой из них, а также спецификой развития общего смысла высказывания и его конкретизации за счет реализации контекстных дискурсивных смыслов, обусловленных условиями реализации высказывания. Как следствие, в тот или иной класс дискурсивных слов могут входить лексические единицы, которые на основе грамматических категорий определяются не только как разновидности одной и той же части речи, но и как разные традиционно выделяемые части речи. Такая категоризация дискурсивных слов типологизирует по два класса дискурсивно употребленных лексических единиц на разных основаниях – семантическом, связанном с грамматическими категориями, и дискурсивном, обусловленном модусными категориями.

Подчеркнем еще раз, что, с нашей точки зрения, выделенные в этой типологии классы дискурсивных слов есть ни что иное, как *способы применения* говорящим рассматриваемых лексических единиц. Поэтому первым основанием для классификации дискурсивно употребленных лексических единиц может выступить модусная категория отношения говорящего к содержанию высказываемого – *что* именно комментирует говорящий при построении высказывания и всего дискурса: 1) уже представленную в высказывании часть содержания или 2) новую часть содержания. На этом основании первый и второй классы представляют использование лексических единиц в целях актуализации уже представленной области содержания, третий и четвертый классы применяются для актуализации новой области содержания.

Вторым основанием классификации в таком случае становится грамматическая категория способа организации содержания. В первом типе

дискурсивно употребленных слов выделяются лексические единицы, актуализирующие содержание а) на основе соотношения *элемента и множества, в которое он входит*; и б) на основе соотношения разных представлений одного и того же «положения дел». Во втором типе дискурсивного употребления данных единиц разграничиваются а) организация нового содержания на основе ее соотношения как установочной базы с заданной областью; и б) на основе соотношения новой области содержания с гарантом данного содержания.

Предлагаемая классификация дискурсивно употребленных лексических единиц основана на последовательном применении модусных и языковых категорий, что и показывает при таком употреблении возможность выполнения множества функций наречиями, модальными частицами, вводно-модальными словами и различными их сочетаниями.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 25-77.

Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / под ред. К. Киселевой и Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998.

Манаенко Г.Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Стереотипность и творчество в тексте: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Е.А. Баженовой; Перм. гос. ун-тет. Пермь, 2008. Вып. 12. С. 48-61.

Манаенко Г.Н. «Мир коммуникации»: взаимодействие значений «мира текста» и смыслов «мира дискурса» // Язык. Текст. Дискурс. 2009. № 7. С. 17-22.

Манаенко Г.Н. О теоретической модели дискурса // Стилистика и теория языковой коммуникации: международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора МГЛУ И.Р. Гальперина. 2005. С. 43-44.

Манаенко Г.Н. Функционирование осложненного предложения в публицистическом тексте: информационно-дискурсивный подход: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Ростовский гос. пед. ун-тет. Ростов-на-Дону, 2004.

*S.A. Manaenko (Stavropol, Russia)
The North-Caucasus Federal University*

CATEGORIZATION OF THE KEYWORDS ON THE BASIS OF THE DISCOURSE OF USE

Discursive use of different classes of lexical units allows to carry out their categorization and represent typology differently within the framework of cognitive-discursive approach. The basis of such typology can be the activity of the speaker on the organization of the content of the statement.

Key words: discursive words, particles, introductory modal words.

*A.B. Никитевич (Гродно, Беларусь)
Гродненский государственный университет им. Я. Купалы
anikit@inbox.ru*

КОГНИТИВНО ЗНАЧИМОЕ В СЕМАНТИКЕ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА

В статье рассматривается когнитивно значимое в семантике диалектных слов, представленных в составе моделируемых фрагментов лексико-словообразовательных гнезд. На материале русских народных говоров выявляется деривационный потенциал и структурно-семантические особенности производных единиц, не имеющих однословного выражения в русском литературном языке.

Ключевые слова: когнитивно значимая диалектная лексика, фрагменты лексико-словообразовательных гнезд.

Хорошо известно, что «когнитивно значимое – это все важное, необходимое, познавательно ценное, возникающее или могущее возникнуть в результате когнитивной деятельности» [Кубрякова 1996: 51-52]. При обращении к языку исследователя окружает множество слов, словарных дефиниций, которые в различной степени аккумулируют в себе знания, человеческий опыт, результат его взаимодействия с окружающим миром.

Оставляя в стороне споры о том, в какой мере словарная дефиниция может быть соотнесена с лексическим значением слова, хотелось бы подчеркнуть, что для когнитивного исследования языка, на наш взгляд, существенен весь «информационный фон», который в той или иной мере может сопровождать языковую единицу. Хорошо известно, что семантика диалектных слов оказывается для нас доступной благодаря, кроме всего прочего, различного рода метатекстам, представляющим собой различного рода дополнительные (и не дополнительные) комментарии самих информантов. Причем для понимания внутренней формы целого ряда диалектных слов эта информация оказывается чрезвычайно важной, порой решающим образом «объясняющей» семантику языковой единицы. Еще более важной является фиксация и таких «возможных смыслов» [Павиленис 1983], которые есть лишь экспликация когнитивно значимой семантики, которая, в силу разных причин, в системе литературного языка не получила однословного выражения [Никитевич 2012: 27].

Мир человеческого опыта многолик и многообразен. Активное исследование непрямой коммуникации в последнее время в рамках хорошо известной теории речевых актов отчасти объясняется и тем, что доля эксплицитно выраженного в языке, в семантике языковых единиц, языковых выражений является всего лишь частью того, что человек манифестирует напрямую, «может» напрямую сообщить. В мире опыта есть немало смыслов, ситуаций, которые «неподвластны» словесному означающему.

При когнитивном подходе к исследованию разнообразных процессов деривации большой интерес могут представлять такие «синтезированные» фрагменты словообразовательных гнезд, в которых «совмещены» производные литературного языка и диалектные слова [Никитевич 2014: 156]. В результате подобного «моделирования» становятся очевидными деривационные возможности каждой из соответствующих подсистем, а также когнитивно значимые значения, которые могут быть представлены именно диалектными словами. В этой связи отдельного внимания заслуживают характерные только для говоров лексико-словообразовательные значения, как единичные, так и представленные группами производных слов. Они могут быть изолированными номинациями, а также образовывать небольшие фрагменты гнезд (словообразовательные пары и более сложные по конфигурации объединения) [Никитевич 2018: 116].

Анализ небольших и значительных по объему объединений родственных гнезд, включающих в свой состав как слова литературного языка, так

и собственно диалектный материал, позволяет делать массу интересных наблюдений. Так, к примеру, в словаре говоров Мордовии отмечен глагол *кистить* 'Делать на платке кисти'. Платок купили и *покистили*, сама *кистила* [Михалева 2013: 366].

У А.Н. Тихонова глагол отсутствует, однако зафиксированы следующие производные слова: *кисточка*, *кистевой*, *кистевидный*, *кистевязальщица*, *кистеносный*, *кистовяз* [Тихонов 1985, т. 1: 432].

В Большом академическом толковом словаре: *кисть* '1. Часть руки от запястья до конца пальцев. 2. Скопление плодов или цветов на одной ветке; гроздь. 3. Пучок нитей или шнурков, связанных вместе на одном конце, служащий для украшения. 4. Пучок щетин, волос или шерсти, насаженный на рукоятку, служащий для нанесения краски на что-либо или для обмазывания чем-либо' [Словарь 1950–1965, т. 5: 975]. *Кистевой* 'Относящийся к кисти (в 1-3-м знач.)'. *Кистевой* сустав. *Кистевые* украшения на бахроме. *Кистовяз* 'Мастер, изготавливающий малярные кисти'.

В литературном языке отмечено два наименования лица (*кистовяз* и *кистовязальщица*), предположительно выполняющие разные виды деятельности, деминутив (*кисточка*) и имена прилагательные (*кистевой*, *кистевидный*, *кистеносный*). Семантическая структура *многозначного* имени существительного *кисть* в различной степени проецируется в производные единицы. Кроме этого, бросается в глаза отсутствие глагола, обозначающего действие (действия), выполняемое наименованиями лица по роду деятельности. В структуре производных *кистовяз* и *кистовязальщица* очевидно указание на вполне конкретный характер этого действия (*вязать кисти*). Может быть, и по этой причине отсутствует более «обобщенный» глагол.

Кроме уже отмеченного глагола *кистить*, в говорах Мордовии имеются производные имена существительные, семантически связанные с 3-м значением слова *кисть*: *кистка* 'Завязка у фартука', *кистячки* 'Кисти у шали, скатерти'. Диалектное название ландыша *кистоцвет* 'Растение, ландыш майский' совершенно очевидно «продолжает» семантическую линию 2-го значения слова *кисть*, так как своей внутренней формой указывает на особенности внешнего вида и характер цветения данного растения. Достаточно неожиданным «украшением» рассматриваемого фрагмента диалектного гнезда является устаревшее название унтер-офицера *кистник* 'Устар. Унтер-офицер' [Михалева 2013: 366]. Предположение о том, что мотивация данного слова может быть связана

с каким-то элементом в униформе, подтверждается: визуально на погоне унтер-офицера все изображенное представлено в виде кисти. Во всяком случае, очень напоминает внешним видом именно кисть.

Картину дополняет информация из Словаря русских народных говоров. Помимо своеобразного обозначения кисти руки, слова *кистень* 'Кисть руки', обращают на себя внимание следующие производные:

Кистик 'Кисточка, пучок нитей, шнурков и т. д.'. *Кокошник носили только женщины. Шился и круглый из разных клиньев и иногда посередке кистик* Шегар Том., 1964.

Кистистый 'Имеющий много кистей, с большими кистями' Слов. Акад.

1847. *Виноград кистистый, девки голосисты* (частушка). Болх. Орл.,

Кондратьева, 1913–1917. *Ну и кистистые проса* Балаш. Сарат. // *Ветвистый разросшийся Кистистые нынче картошки то*. Нижне Сергии Покр Свердл. 1971.

Кистка '1. Кисть руки' Кирил Новг. 1896 *Гранатой обои кистки оторвало* Йонав Лит. ССР. '2. Кисть кисточка (для украшения побелки и т. п.)' Слов Акад 1847 Пинеж Арх., 1874 *Вытку поле в три аршина, Сама кистки подвяжу*. Пек. Волог., Сарат. Перм. *Белим то мы кисткой*. Том. Кемер., Иркут., Тунк Бурят. АССР.

Кистовязец 'Мастер, изготавливающий живописные и малярные кисти' Слов Акад 1909 [с пометой «обл.»].

Кисточка 'Кисть руки' *У меня сильно болит рука в кисточке* Борович Новг., 1968. ♦ *Кисть руки и запястье* Волхов Ленингр., 1967.

Кистье (*собир.*) 'Кисти'. *Из семи шелков кушак, да опоясался не так: Золотым кистьем назад*. Мезен. Арх., Соболевский. Слов. Акад. 1909 [с пометой «обл.»].

Кистяника 'Ягода костяника'. *В лесе кистяника есть*. Брас. Брян., 1956. [СРНГ т. 13: 238-239].

Заслуживает внимания и семантическая структура слова *кисть* в говорах, отдельные семы которого прогнозируемо могут определять наличие таких производных единиц, которые отсутствуют в системе русского литературного языка. Ср.:

Кисть 1. 'Запястье'. *Вот кисть* (показала на запястье). Южн. Урал, Сенкевич, 1968. Медвежьегор. КАССР. 2. Кисти, *мн.* 'Бахрома'. Енис., 1865.

3. Кисти, *мн.* 'Султан на каске'. *Не видали ль здесь, робята, Офицера со вестям Да государя со кистям?* Киришг. Новг., Соколовы. 4. Кисти, *мн.*

‘Бисер на женском головном уборе – позатыльнике’. Ряз., 1858. 5. Кисти, *мн.* ‘Часть женского головного убора – срузы’. «Кисти – квадрат из холста, четверть аршина длиною с каждой стороны, обшит с двух сторон бахромой, длиною четверть аршина из красного шелка; надевается, затыкая один угол под околыш повойника с тем, чтобы стороны, обшитые бахромой, приходились около талии». Ряз., Лебедева, 1929. 6. Кисть. ‘Доска, прикрывающая место стыка скатов крыши с торцовой стороны’. Бломквист [без указ. места] [СРНГ 1965–2016, т. 13: 239].

Исследование деривационных механизмов в когнитивной деятельности человека невозможно без обращения к русской народной речи, диалектному слову, семантика которого зачастую расширяет когнитивное пространство русского языка и не может не являться объектом самого пристального внимания.

Литература

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лукина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ, 1996.

Михалева Т.В., Чикина Л.К., Семенова Р.В. Словарь говоров на территории республики Мордовия. Ч. 1. М.: Наука, 2013. 672 с.

Никитевич А.В. Когнитивные лакуны и диалектное словообразование // Язык. Общество. Проблемы межкультурной коммуникации. Гродно, 2012. С. 26-31.

Никитевич А.В. Деривация и смысл. Гродно: Гроднен. гос. ун-т, 2014. 233 с.

Никитевич А.В. Деривационное гнездо как объект и модель в славянской словообразовательной лексикографии // Мовазнаўства. Літаратуразнаўства. Фалькларыстыка: XVI Міжнар. з’езд славістаў (Бялград, 20-27 жніўня 2018 г.): дакл. беларус. дэлегацыі / Нац. акад. навук Беларусі, Беларускі камітэт славістаў. Мінск: Беларускае навука, 2018. С. 112-124.

Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.

СРНГ – Словарь русских народных говоров М.; СПб.: Изд-во Академии наук СССР: Институт лингв. исследований РАН. 1965–2016. Выпуски 1–49.

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. АН СССР. Ин-т русского языка. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950–1965. Т. 1-17.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь: в 2 т. М.: Русский язык, 1985. Т. 1-2.

*A.V. Nikitevich (Grodno, Belarus)
Yanka Kupala State University of Grodno*

THE COGNITIVELY SIGNIFICANT IN THE SEMANTICS OF A DIALECTAL WORD

The article examines the cognitively significant in the semantics of dialectal words represented in the structure of the modelled fragments of lexical word-building nests. On the material of Russian dialects, the derivational potential and the structural-semantic peculiarities of derived words that have no one-word expression in the Russian literary language are revealed.

Key words: cognitively significant dialectal vocabulary, fragments of lexical word-building nests.

*A.A. Никитина (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
a.a.nikitina@spbu.ru*

РАЗНООБРАЗИЕ ЗНАЧЕНИЙ АЛЛЮЗИВНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА РЕКЛАМЫ)

Доклад посвящен разнообразию значений аллюзивных имен собственных, реализующимся в рекламных текстах; когнитивному механизму аллюзии, особенностям восприятия одного и того же имени разными читателями в зависимости от собственного жизненного опыта и знаний. Помимо значений, связанных с денотатом аллюзии, аллюзивные имена собственные могут развивать дополнительные значения.

Ключевые слова: аллюзивные имена собственные, семантика, исторические персонажи, когнитивный механизм, восприятие, рекламные тексты.

Под аллюзивными именами собственными понимаются реально существующие в языке имена собственные, характеризующиеся закрепленным за ними устойчивым ассоциативным содержанием.

Представляется правомерным включение в число аллюзивных имен собственных имен исторических персонажей, так как многие исторические лица

становились героями художественных произведений, упоминались в научной и научно-популярной литературе, исторических мемуарах и другой литературе. Большинство читателей получают информацию о некоторых исторических персонажах именно из указанных источников, а также из интенсивно развивающихся средств массовой информации. Таким образом, мы извлекаем информацию о носителях имен из усвоенных нами текстов и сообщений.

Стилистический прием аллюзии может исполнять роль когнитивного механизма. Аллюзия не только восстанавливает известный образ, но и извлекает из него дополнительную информацию [Коваленко 2007: 160]. Читатель оценивает предметы окружающей действительности, сопоставляет их и проводит аналогии с какими-либо фактами, процессами, известными персонажами в прошлом. Аллюзия отражает особенности познания человеком окружающего мира и обладает определенной спецификой, связанной с мышлением [Киосе 2002: 5].

Значение аллюзивного имени собственного представляет собой сложный комплекс, в котором сведения о слове переплетаются со сведениями об именуемом объекте и является частью когнитивной картины мира. В рекламных текстах аллюзивные имена собственные выступают культурологическим знаком [Лукшик 2012: 20].

Использование в текстах аллюзивных имен собственных предполагает способность читательской аудитории воспринять и развить их на основе собственного жизненного опыта и знаний [Машкова 2011: 170; Никашина, Супрун 2016: 70].

Также следует отметить, что представители разных культур, носители разных языков по-разному воспринимают закодированную информацию в одном и том же общеизвестном имени собственном.

Семантика имен собственных находится в прямой зависимости от ассоциаций, вызываемых этими именами [Суперанская 1970: 8].

Одно из главных значений аллюзивного имени собственного, реализующееся в рекламных текстах, – указание на объект («человек», «мужчина» или «женщина», «национальность»). Однако семантика аллюзивных имен собственных не сводится только к указанию на объект. Все дополнительные сведения и ассоциации, вызываемые аллюзивными именами собственными, конкретизируются и актуализируются в речи и являются его речевыми значениями.

Вторым пунктом можно поставить личные характеристики денотата (внешность героя, интеллект, проницательность, склонности, образ жизни и т. д.).

Третье значение, в котором чаще всего выступают имена исторических лиц, – указание на определенную эпоху или период истории, в который жил денотат (характер эпохи, ее колорит, стили, возникшие в данную эпоху).

Четвертое значение, которое может быть у аллюзивных имен собственных, – указание на творческое наследие и сферу деятельности денотата.

Безусловно, далеко не все аллюзивные имена собственные развивают несколько значений; помимо перечисленных выше, имена собственные могут развивать и другие значения, обусловленные контекстом.

Рассмотрим контекстуальную реализацию значений нескольких аллюзивных имен собственных, встретившихся в наших примерах.

В тексте, рекламирующем мельницу для перца, имя собственное Columbus выступает как маркер эпохи:

«Pepper, the master spice since the days of Columbus, when it was a medium of exchange, gets the master treatment in the Swedish glass pepper mill designed by Michael Lax».

Перец был основной приправой к пище еще во времена Колумба, в эпоху великих географических открытий.

В рекламе кредитной карточки Thai's Discover Thailand Ticket читателям уже в заголовке рекламного текста предлагается ответить на вопрос: кто открыл Тайланд? (Who discovered Thailand?). После заголовка помещены портреты известных мореплавателей, а в тексте предлагаются возможные варианты ответа: Christopher Columbus, Captain James Cook, Ferdinand Magellan.

В этом примере имя собственное Christopher Columbus стоит в ряду имен известных первооткрывателей. Фактически, этот ряд имен собственных можно назвать синонимическим рядом особого рода, поскольку все эти имена наряду с различительными семами, в число которых можно включить семы «национальность», «исторический период», имеют общую сему «путешественник, мореплаватель».

В рекламе тура на Багамские острова потенциальному туристу предлагается пройти по следам Христофора Колумба. Здесь, как и в предыдущем примере, реализуется сема «великий путешественник»:

«Walk in the footsteps of Christopher Columbus».

Интересно употребление имени собственного Christopher Columbus в рекламе фирмы DSM:

«They all laughed
at Christopher Columbus

Sometimes it's hard convincing people new ideas can work. Luckily, that doesn't stop us. We're busy with developments for the years to come. Exploring applications to help solve tomorrow's problems. Perhaps you don't know us. But that's because we only recently decided to be globally discovered ourselves».

В этом примере имя собственное Christopher Columbus обозначает смелого, решительного человека, добившегося своего несмотря на то, что над ним смеялись и ему не верили. В этом тексте имя собственное Columbus является символом отважности и умения добиваться поставленных целей, претворять новые идеи в жизнь.

В тексте, рекламирующем отдых на Канарских островах, при употреблении имени собственного Columbus реализуется сема необычности:

«Over the years the Canary Islands' climate of "eternal spring" has excited the desert island fantasies of many visitors, Columbus included».

Чтобы обратить внимание читателей на удивительный климат Канарских островов, копирайтер вводит в текст имя собственное Columbus, указывая на то, что этот климат настолько необычен, что мог поразить воображение даже такого известного путешественника, как Христофор Колумб, который побывал в разных местах. Можно сказать, что в этом тексте имя собственное Columbus является критерием необычности описываемого климата.

Подводя итоги анализа приведенных примеров с именем собственным Christopher Columbus, можно отметить, что в рекламных текстах реализуются следующие значения этого имени: «прославленный мореплаватель, путешественник», «маркер эпохи великих географических открытий (точнее – XV века)», «отважность, решительность, смелость» – качества, которыми, безусловно, должен был обладать первооткрыватель, «показатель необычности».

Как показывает собранный нами материал, аллюзивное имя собственное Einstein может служить в рекламных текстах не только простым указанием на денотат известного всему миру ученого, как, например, в рекламе декоративного украшения (морской раковины, закрепленной на подставке): «Mathematically so perfect it gave Einstein sleepless nights» (из описания рекламируемого товара).

Имя собственное Einstein может также функционировать в качестве контекстуального имени нарицательного «гениальный ученый, гениальная личность», как это можно наблюдать в рекламе настольной лампы фирмы George Kovacs: «How can you raise an Einstein if he can't see his homework?»

Таким образом, в рекламных текстах реализуются следующие значения имени собственного Einstein: 1) всемирно известный ученый, 2) гениальная личность.

Как показывает исследование, аллюзивные имена собственные могут развивать как значения, связанные с денотатом аллюзии, так и дополнительные значения.

Литература

Киосе М.И. Лингво-когнитивные аспекты аллюзии (на материале заголовков английских и русских журнальных статей): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Коваленко Е.Н. Когнитивные аспекты сказочной аллюзии (на материале английского языка): дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2007.

Лукишик Л. Интертекстуальность в рекламном дискурсе (на материале рекламы ФРГ): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Машкова Л.А. Социально-исторические аллюзии в тексте художественного произведения // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2011. № 5 (19). С. 168-171.

Никашина Н.В., Супрун Н.Д. Аллюзия как стилистический прием в англоязычной литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1. С. 68-74.

Суперанская А.В. Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика / под ред. В.А. Никонова, А.В. Суперанской. М., 1970. С. 7-17.

A.A.Nikitina (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

VARIETY OF MEANINGS OF ALLUSIVE PERSONAL NAMES (THE LANGUAGE OF ADVERTISING)

The report is devoted to cognitive mechanism of allusion, to variety of meanings of allusive personal names in the language of advertising and to peculiarities of the perception of the same name by different readers, depending on their own life experience and knowledge. Allusive personal names can

develop both meanings connected with person's characteristics and additional meanings.

Key words: allusive personal names, semantics, historical characters, cognitive mechanism, perception, the language of advertising.

Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

Белорусский государственный университет

boris.norman@gmail.com

КОГНИТИВНЫЙ ПРОЦЕСС И КОМПОЗИЦИОННАЯ СЕМАНТИКА

В лексическом значении слова есть составляющая, отвечающая за его вхождение в текст. Она включает в себя поиск лексических партнеров слова по синтагматической цепи. Участвующие в этом процессе семы актуализируются – они должны попасть в светлое поле сознания. А в качестве фона и гаранта данного комбинаторного процесса выступает так называемый «здравый смысл», опирающийся на предшествующий опыт человека.

Ключевые слова: когниция, синтактика, композиционная семантика, лексическое значение, сочетаемость слов.

Непрерывный процесс познания закрепляется в языковой системе как в виде соответствующих номинаций, так и в виде правил лексической сочетаемости. В соответствии с этим тезисом ниже предлагаются пять ситуаций, концентрирующих в себе отношения лексического значения слова и партнеров последнего по речевой цепи.

1. Многозначное слово. В случае если слово многозначно, то его сочетаемость со словами-партнерами позволяет выбрать одно, необходимое в данном случае значение. Приведем известный пример. Русские выражения *гусь в яблоках* и *конь в яблоках* содержат в своем составе идентичную словоформу *в яблоках*. Но различный смысл этих двухкомпонентных выражений подразумевает и различное значение входящего в их состав слова *яблоко*. Разница в когнитивном контенте передается благодаря сочетаемости лексемы *яблоко* с названиями разных животных: это *гусь* и *конь*.

Избирательность слова по отношению к его партнерам, с одной стороны, составляет условие правильности высказывания. М. Бирвиш писал:

«Ограничения подобного рода называются “селекционными ограничениями”, так как они указывают, какие лексические элементы могут быть выбраны для построения семантически правильного сочетания двух или более синтаксически связанных лексических элементов» [Бирвиш 1981: 183]. Вместе с тем, партнер по сочетаемости выступает как дифференциальный признак слова, в некотором смысле – как «продолжение» его значения. «Сквозные» для сочетающихся слов семантические признаки, заложенные в сознании носителя языка, составляют часть лексической семантики каждого из слов и определяют функционирование последних в конкретных дискурсивных условиях.

2. «Наводящееся» значение. В таком случае слово-партнер по синтагматической цепи придает лексеме необычное, в принципе отсутствующее у нее значение. Соответственно, слушающий «расшифровывает» это окказиональное значение главным образом благодаря соседним лексемам. Пример:

Такой же **эдельвейс** бежал под пулеметным огнем в Киеве купить кружево на блузку (Тэффи. Воспоминания. Житье-бытье).

Существительное *эдельвейс* здесь обозначает женщину, в самых тяжелых и опасных условиях сохраняющую свою женственность (ранее в тексте есть объяснение такой окказиональной номинации).

При всей разовости, уникальности подобных наименований возникновение их мотивировано какими-то признаками и в этом смысле не случайно. В терминах структурной семасиологии в таких случаях говорят о **наведении сем**: «Наводятся семы, отсутствующие в системном значении слова. Наведенные семы относятся к разряду окказиональных» [Стернин 1985: 118]. Наведенные семы означают внедрение в значение слова чужих, посторонних компонентов – это подготавливается коммуникативной ситуацией и оправдывается планируемым дополнительным эффектом: эстетическим, людическим, корпоративным и т. п.

3. Фразеологические сочетания. В качестве частного случая проявления правил лексической сочетаемости следует рассматривать устойчивые (фразеологические) сочетания слов. Синтаксический аспект значения оказывается здесь чрезвычайно важным, вплоть до того, что одно из слов-компонентов (или все они) может терять свое собственное значение. Примерами могут послужить русские выражения *зарубить на носу*, *втирать очки*, *верста коломенская* и т. п. Это объясняет и появление в составе фразеологизмов отмерших форм (некротизмов), ср.: *ничтоже сумняшеся*,

почить в бозе, притча во языцех и т. п. В таких случаях смысл целого как бы распределяется по нескольким лексемам – сочетание лишает слова его отдельного значения. Говорящий далеко не всегда находит в себе силы сопротивляться «гулу языка», и в результате на выходе появляются фразы, не мотивированные речевой ситуацией.

4. Дополнительные коннотации. Слово-партнер может, не меняя основного значения данного слова, придавать ему особую коннотацию: эмоциональную, оценочную, идеологическую, стилистическую и т.п. Фактически это тоже наведение семы, но – коннотативной. Пример из современной литературы:

У моей подруги Людки Самохиной был день рождения. Само собой, она решила его отметить, ну и **назвала гостей с три короба**, но не к себе в квартиру, а в студию (Т. Полякова. Чудо в пушистых перьях).

Наречное выражение *с три короба* прочно увязывается в сознании носителя русского языка со словом *врать*. *Врать* же – явно негативный по своей семантике глагол. Отсюда читатель делает вывод, что описываемая ситуация (приглашение гостей) либо же сами гости оцениваются писателем отрицательно. Одно слово (выражение *с три короба*) перенесло свою отрицательную коннотацию на другие (*назвать гостей*).

5. Эффект неожиданности. Наконец, бывает, что нарушение стандартной сочетаемости используется как стилистический прием. Речь идет о ситуации так называемого остранения текста (термин В. Шкловского), когда читатель или слушатель сталкивается с мгновенным эффектом обманутого ожидания.

Например, на фоне стандартных и привычных оборотов *глаза навывкате, ударить наотмашь, ночь напролет* в текстах встречаются сочетания *зубы навывкате, одеваться наотмашь, программу напролет*:

Похож дежурный на оглушенного бобра: **зубы навывкате** и шерсть мокрая (М. Веллер. Легенды Арбата).

Незамужняя девушка **одевается наотмашь** («Комсомольская правда», 14.10.2010).

Дамы обращаются к миллионам зрителей на южнорусском диалекте. Когда варят борщ, всю **программу напролет** говорят «свекла» – причем и гости в студии, поддавшись обаянию ведущих («Комсомольская правда», 08-14.11.2012).

Пристрастие к нетипичной сочетаемости слов может быть признаком литературного идиолекта. Свидетельством послужит признание

известного писателя В. Набокова: «Мне нравилось – и до сих пор нравится – ставить слова в глупое положение, сочетать их шутовской свадьбой каламбура, выворачивать наизнанку, заставить враспloch» (роман «Отчаяние»).

Проще всего было бы объяснить появление ломающих языковую традицию словосочетаний стремлением говорящего «оживить» текст, придать ему большую экспрессию. Но у нетипичной сочетаемости есть и своя психологическая и информационная подоплека. Устойчивое словосочетание опознается и осмысливается адресатом быстрее, чем нетипичное, однако его информационная ценность ниже последнего, и в этом смысле оно тривиально.

Осмысление разнообразных речевых случаев, подобных описанным выше, привело к тому, что в границах семасиологического подхода сформировалось теоретическое направление **композиционной семантики**.

Композиционная семантика – новое направление в лингвистике, которое занимается изучением комплексных знаков языка, местом значения отдельной единицы в составе значения целого, соотношением семантики сочетающихся друг с другом единиц (G. Fauconnier, M. Turner, R. Jackendoff, E. Sweetser, С.-Р. Herbermann, Е.С. Кубрякова, Н.В. Юдина и др.).

Основополагающими для композиционной семантики являются две идеи. Первая: значение слова содержится не только в нем самом, но и в его партнерах по речевой цепи. Вторая идея: при выборе нужного значения и формировании смысла целого адресат обращается к своей памяти – языковой и энциклопедической. Накопленный там опыт играет роль решающего критерия, способного «переварить» любые отклонения в сочетаемости.

В целом композиционная семантика базируется на когнитивном подходе к языковому значению, на представлении, что в сознании человека активно взаимодействуют знания, закрепленные за языковыми единицами, и знания неязыковые, накопленные благодаря практическому опыту и представленные в концептуальных структурах. В таком случае практические знания, присутствующие в латентном виде в семантике слова, реализуются в высказывании благодаря взаимодействию («композиции») с другими словами. Эти другие слова как бы выбирают нужные элементы из всего семантического потенциала слова.

Естественно, изменение значения, в том числе те этапы, которые проходит понятие на пути концептуализации, отражается на сочетаемости

слова с другими словами. Например, одним из ключевых понятий психологии всегда была память. В соответствии с этим, Словарь сочетаемости фиксирует такие определения к данному слову, как *хорошая, прекрасная, отличная...*, *слабая, отвратительная, плохая...*, *зрительная, слуховая, механическая* и т. д. В качестве объекта существительное *память* выступает при глаголах *развивать, тренировать, упражнять, напрягать, потерять* [Словарь сочетаемости 1983]. Но когда память стала частью электронно-вычислительных машин и слово вошло в ряд важнейших терминов информатики, это тут же сказалось на его сочетаемости: *компьютерная память* бывает *оперативная* и *постоянная, буферная, матричная, многоуровневая* и т. д., ее можно *увеличивать* или *расширять*...

Возникшая в недрах англистики композиционная семантика использует метод «эксплицирующей трансформации». В частности, в значении прилагательных выявляются такие скрытые категориальные семы, как «находящийся в», «служащий для», «состоящий из», «имеющий вид», «относящийся к» и т. п. Это типичные предикаты, служащие для систематизации отношений между субстанциями.

Эволюционное изменение плана содержания лексемы закономерно обнаруживает себя в ее комбинаторике; в этом можно видеть прямую связь когнитивных процессов с механизмами речепорождения. С позиций адресата, нарушение актуальных правил сочетаемости есть сигнал семантического сдвига в лексическом значении; в то же время можно утверждать, что нетипичная сочетаемость раздвигает когнитивные горизонты, приучает человека к иной (виртуальной) действительности, к иному опыту.

Литература

Бирвиш М. Семантика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 177-199.

Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Русский язык, 1983.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1985.

***В. Ю. Norman** (Minsk, Belarus)
Belarusian State University*

COGNITIVE PROCESS AND COMPOSITIONAL SEMANTICS

Lexical meaning of a word has a component, responsible for its entry into a text. It includes the search of lexical partners of the word combined into a syntagmatic chain. The semes, involved in this process, are mainstreamed – they are to get into the radiant field of the unified consciousness. The so-called “common sense”, based on a person’s early experience, serves as a background and a guarantee for this combinatorial process.

Key words: cognition, syntactics, compositional semantics, lexical meaning, word collocation.

***Н.Е. Петрова** (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина
petrova_ngpu@mail.ru*

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ (НЕ)СОПОСТАВИМЫЙ, (НЕ)СРАВНИМЫЙ КАК СРЕДСТВО ОЦЕНОЧНОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ПРЕДМЕТА

В статье рассматривается механизм оценочного осмысления предмета в высказываниях с прилагательными *(не)сопоставимый, (не)сравнимый*. Автор сопоставляет глубинную семантическую структуру прилагательных и мотивирующих глаголов, выделяя при этом особые функции модального оператора «возможно/невозможно» при осмыслении объектов сравнения. В заключение делается вывод о характере оценки, формирующейся на базе сравнения.

Ключевые слова: сравнение, прилагательное, оценка, имплицитный, норма.

Сравнение является одной из логических операций, лежащих в основе познавательной деятельности человека. На базе сравнения предметы и явления окружающего мира не только классифицируются,

но и оцениваются, о чем свидетельствуют факты языка. Так, исследуя признаковые номинации, Е.М. Вольф делает вывод: «При семантическом анализе обнаруживается, что оценка неотделима от сравнения: абсолютные признаки имплицитно содержат сравнение, и сравнение, таким образом, первично» [Вольф 1985: 15]. Отглагольные прилагательные *сопоставимый/несопоставимый, сравнимый/несравнимый* в своем лексическом значении выражают идею сравнения, а следовательно, должны обладать оценочным потенциалом.

Словарные дефиниции мотивирующих глаголов свидетельствуют о принципиальном сходстве их концептуальной структуры, которая представляет собой «своеобразный “скелет” семантики языковой сущности» [Беляевская 2007: 64], ср.: *сопоставить* – ‘сравнивая, соотнести друг с другом для получения какого-нибудь вывода’ [ТСРЯ: 919]; *сравнить* – ‘Установить черты сходства или различия, сопоставить’ [ТСРЯ: 932]. Элементами этой структуры во всех случаях являются, как минимум, два предмета, выступающие в качестве объекта сравнения, и субъект действия сравнения, имеющий определенную цель. Сравнимое должно (с точки зрения субъекта) иметь связь в виде определенной общности свойств, признаков или функций, иначе процесс сравнения не будет иметь смысла. Наконец, важным элементом семантического «каркаса» глаголов является концепт нормы (образца, эталона), которым руководствуется субъект, анализируя сравниваемые объекты.

Все компоненты глубинной структуры глаголов проецируются в лексическое значение производных прилагательных (*не*)*сравнимый, (не) сопоставимый*, но при этом дополняются модальным оператором «возможно/невозможно», который эксплицируется формантами -им- и не-, например: *сопоставимый* – ‘такой, который может быть сопоставлен с другими’ [ТСРЯ: 919]; *несопоставимый* – ‘такой, который не может быть сопоставлен, сравним с кем-, чем-либо’ [ТСРЯ: 518]. Модальный оператор выполняет особую функцию. В сущности, он не относится к операции сравнения, потому что сам факт употребления этих прилагательных является ее результатом. Если нечто названо *несопоставимым* с чем-то, значит, оно предварительно было с этим «чем-то» сопоставлено. Посредством модального оператора рассматриваемые прилагательные указывают на принципиальное сходство (*сопоставимый, сравнимый*) или принципиальное отличие (*несопоставимый, несравнимый*) сравниваемых предметов в каком-то отношении. Если при этом один из предметов

заведомо воплощает индивидуальные или стереотипные представления о норме (антинорме), служит образцом (антиобразцом), то степень близости к нему имплицитно подразумевает положительную или отрицательную оценку [см. также: Прохорова 2009: 221-222]. В высказывании эта оценка может оставаться скрытой или выражаться дополнительными лексическими средствами, но в любом случае она опирается на общие знания собеседников о мире. Рассмотрим с этой точки зрения ряд примеров (здесь и далее используется база данных Национального корпуса русского языка):

(1) *А число жертв террора в Российской империи и Российской Федерации уже вполне сопоставимо, к сожалению* (Русский репортер». 2014).

(2) *Мне попалась фраза Поля Валери, что русская литература XIX века сравнима с веком Перикла в Греции и Ренессансом на Западе* (Знание – сила. 2014).

В примере (1) нормой, относительно которой оценивается ситуация с терроризмом, является отсутствие этого явления. Разгул терроризма в Российской империи является примером антинормы, и сходство с ним ситуации в современной России оценивается отрицательно. Автор высказывания эксплицитно оценивает ситуацию с помощью вводного слова, но и без него адресат, имея соответствующее знание, может правильно интерпретировать оценочный смысл высказывания. В примере (2) имена прецедентных ситуаций (*век Перикла, Ренессанс*) символизируют образец, соответствие которому формирует положительную оценку сравниваемого явления. Предполагается, что адресат текста понимает смысл прецедентных имен.

Оценочная семантика высказываний с прилагательными (*не*)сравнимый, (*не*)сопоставимый нередко опирается на стереотипные представления людей о социально значимых ситуациях, что иллюстрируют примеры (3) и (4).

(3) *Те налоговые послабления, которые делает правительство олигархам, то снижение единого социального налога для крупных компаний, которое недавно одобрено кабинетом министров, во многом сопоставимы с теми средствами, что нужны для обеспечения минимальной социальной защищенности инвалидов* (Советская Россия. 26.06.2003).

(4) *Сейчас процесс признания диплома – это долгое и мучительное занятие, сравнимое с защитой научной работы* (Заметки // «За науку», 2013).

(5) *РУССКИЕ всегда отличались широтой души и щедростью, несопоставимой с их доходами* (Аргументы и факты. 06.06.2001).

В примере (3) негативно оценивается факт, что налоговые льготы для богатых приблизительно равны затратам на поддержку инвалидов. Оценка не эксплицирована, она выводится в результате сопоставления данной ситуации с обыденным представлением о норме: государство должно тратить деньги на поддержку слабых и бедных, а не олигархов. В примере (4) посредством предиката *сравнимое* негативная оценка (*мучительное*) переносится с бюрократического процесса признания диплома на защиту научной работы. В норме защита научной работы может быть трудной, напряженной, но она не должна быть мучительной. В примере (5) *русские* получают положительную оценку с точки зрения их душевных качеств, потому что существует стереотипное представление об их бедности. Если номинацию *русские* заменить на *американцы* или *европейцы*, то полюс оценки изменится.

В публичном дискурсе оценочные высказывания с прилагательными (*не*) *сравнимый*, (*не*)*сопоставимый* проявляют особую активность, причем в качестве нормы или эталона регулярно выступает условный «Запад», объектом же варьирующейся оценки, как правило, выступают отечественные реалии: *Например, в 2010 году Счетная палата РФ сообщала, что стоимость строительства дорог в России в 2,6 раза выше, чем в Европе, и втрое выше, чем в США. При этом о сопоставимом качестве российских дорог говорить не приходится* (Эксперт. 2014); *Вспомним советскую систему: по ресурсам, особенно финансовым, она была слабее американской, но по эффекту была сопоставима с ней* (Эксперт. 2014); [Об общежитиях студентов в США – Н.П.] *Плата за проживание довольно большая, поэтому и условия жизни там, конечно, несравнимы с российскими общежитиями* (Богатей (Саратов). 20.03.2003); *В любом случае уровень жизни американского полицейского и российского милиционера несопоставимы* (Мир & Дом. City. 15.03.2003); *Представляется, что лучшим, наиболее подходящим примером для нас является не современная Норвегия, несопоставимая с нами по уровню жизни населения, а успешно вышедшие из глубокого кризиса после Второй мировой войны европейские страны и Япония* (Е.М. Примаков. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость).

Особый случай представляют оценочные высказывания, в которых постулируется отсутствие нормы или образца для сравнения. Обычно в них используется прилагательное *несравнимый* (*не сравнимый*): *В этом ресторане отменно готовили национальные блюда и подавали их очень большими порциями. Узбеки любят мучное. А их лагман, манты или плов несравнимы ни с чем* (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь); [Об А.П. Чехове – Н.П.] *Для*

меня он несоизмерим, **несравним**, почти стихийен... (П.П. Бажов. Отслоения дней); [О запахе – Н.П.] *Помимо всего, необычный, загадочный, **несравнимый** вообще ни с чем* (Сибирские огни. 2012); *В памяти остались катания с отцом на велосипеде, не очень удобный, но **ни с чем не сравнимый** способ передвижения на раме* (В. Войнович. Замысел).

Гиперболизируя невозможность сравнения, носители языка подчеркивают уникальность предмета, что является ценным для человека качеством. Не всегда эта уникальность сопряжена с положительной или негативной оценкой, но если подобная оценка возникает, то, по нашим наблюдениям, – положительная. Этот вывод в какой-то степени подтверждает следующее рефлексивное высказывание носителя языка: *Возможно, фильм хороший, потому что.... **Несравнимый!** С чем сравнивать, из современных? Вот сделают еще десяток фильмов, тогда действительно, можно будет по-настоящему этот фильм обсудить* (Форум: Обсуждение фильма «Все умрут, а я останусь»). В связи со сказанным можно сослаться также на языковое значение прилагательного *несравненный* – ‘превосходный, замечательный’ [ТСРЯ: 518].

Прилагательные (*не*)сравнимый, (*не*)сопоставимый, будучи дескриптивными признаковыми номинациями [см.: Вольф 1985: 28], приобретают оценочную функцию лишь в условиях контекста, причем оценка выражается косвенно, а ее интерпретация требует привлечения фоновых знаний адресата. Кроме того, в семантике этих прилагательных наблюдается эффект «дефокусирования» – мыслительного процесса, направленного «на выведение из фокуса внимания определенных свойств объектов или ситуаций» [Ирисханова 2007: 72], а именно: подавляется представление о субъекте ментального действия. Вследствие этого оценка, выражаемая с помощью данных слов, приобретает дополнительную объективность и убедительность.

Литература

Беляевская Е.Г. Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. трудов / отв. ред. Е.С. Кубрякова. М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. С. 60-69.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления

исследования: сб. науч. трудов / отв. ред. Е.С. Кубрякова. М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. С. 69-80.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007.

Прохорова М.Е. Цветовые сравнения как средство описания человека и его оценки // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. № 8 (76). С. 218-223.

N.E. Petrova (Nizhny Novgorod, Russia)

Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K.Minin

**ADJECTIVES (НЕ)СОПОСТАВИМЫЙ, (НЕ)СРАВНИМЫЙ
AS A MEANS OF EVALUATIVE CONCEPTUALIZATION
OF THE SUBJECT**

The article deals with the mechanism of evaluative interpretation of an object in statements with adjectives *(не)сопоставимый, (не)сравнимый*. The author compares the deep semantic structure of the adjectives and motivating verbs, singling out the special functions of the modal operator “*possible/impossible*” when comprehending the objects of comparison. Finally, a conclusion is drawn about the nature of the evaluation which is formed on the basis of comparison.

Key words: comparison, adjective, evaluation, implicit, norm.

Е.В. Плисов, А.М. Хамидулин (Нижний Новгород, Россия)

*Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина*

e_plissov@mail.ru, captain.nemo.2012@yandex.ru

**КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СЕТЬ ЛЕКСЕМЫ ALLAH В СТРУКТУРИРОВАНИИ
КОНЦЕПТА ISLAM В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

В статье анализируются особенности организации концептуальной сети лексемы *Allah* и ее роль в структуре концепта ISLAM в современ-

ном немецком языке. Концептуальная сеть моделируется на основе корпусов, устанавливаются причины преобладания отдельных семантических микрополей среди частотных коллокатов.

Ключевые слова: концепт ISLAM, концептуальная сеть, коллокат, семантическое микрополе, корпусная лингвистика, контекстуальный анализ.

В последние годы ученые уделяют особое внимание вопросам, которые связаны с изучением различных религиозных и культурных реалий, как на ментальном, так и на языковом уровнях. Особую роль в экспликации национально-религиозного самосознания народа и его идентификации как такового играют базовые концепты, в которых закреплено национально-культурное и религиозное мировидение, в частности, концепт ИСЛАМ. По мнению исследователей, этот концепт имеет ярко выраженное социально-философское измерение в условиях диалога мировоззрений [Равшанов 2016; Sulima 2017] и отличается регулярной лексикализацией [Рагозина 2017]. Концепт ISLAM в немецкой лингвокультуре тесно связан с основополагающими концептуальными единицами немецкой картины мира, включен в современный немецкоязычный религиозный дискурс и характеризуется частотной лексикализацией. К. Рерборн при изучении немецкой исламской лексики отмечает, что большие религиозные общности являются «общностями лексикона», поскольку в них похожая интерпретация мира отражается в похожей лексической сегментации [Röhrborn 2003]. Концепт ISLAM принимает участие в создании социального стереотипа и часто коррелирует с этностереотипом, который определяется исследователями как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенный и обладающий устойчивостью» [Кочнова 2013: 7].

В настоящей работе представлено описание немецкого концепта ISLAM на основе анализа лексических взаимосвязей языковой единицы *Allah* с помощью построения концептуальной сети. Метод построения концептуальной сети связан с анализом «информационного потока», под которым понимается ее фрагмент, активируемый в результате функционирования лексической единицы [Гольдберг 2008: 15-24]. Для анализа особенностей концептуализации в дискурсе был использован Мангеймский корпус немецкого языка, включающий около 7 млрд словоупотреблений в публицистических, художественных, научных, научно-популярных и других текстах. Лексема *Allah* вводилась в поисковое поле,

результаты анализа интерпретировались с позиций частотности употребления лексемы, типов текста и тематических рубрик, проводился коокурентный анализ словоформ и последующая интерпретация его результатов. Когнитивно-семантический метод позволил выявить частотные коллокации лексемы *Allah* в дискурсе, а также установить тематические и лексико-семантические группы слов-коокурентов, наиболее продуктивные в создании концептуальных связей ключевой лексемы. Особенности организации исламского религиозного текста в современном немецком языке были описаны ранее [Плисов 2017].

Корпус письменной речи фиксирует 11 716 словоформ лексемы *Allah* в 7681 тексте из 473 источников, преимущественно в германских (75,19 %), а также в швейцарских (13,14 %), австрийских (11,11 %) и люксембургских (0,56 %) изданиях, начиная с 1953 г. Показатель частотности существенно выше, чем у других исламских религиозных течений, например, *Freitagsgebet* – 3380 вхождений, *Muezzin* – 2456, *Gebetsteppich* – 544 и т. д. Данные по типам текста, в которых употребляется анализируемая лексема, не дают возможности прояснить специфику функционирования языковой единицы, так как 8402 примера (71,71 %) встречаются в текстах рубрики «не определено» (*undefiniert*). Распределение текстов-источников по тематике дает больше информации относительно сфер использования лексемы *Allah*. На первом месте находятся словоупотребления в материалах из следующих тематических рубрик: 3525 вхождений (30,08 %) – политика (за рубежом), 1236 – свободное время (путешествия), 1072 – культура (литература), 816 – государство и общество (семья), 668 – государство и общество (церковь) и др. Приведенные данные свидетельствуют о том, что сфера распространения анализируемой лексемы лишь в малой степени (5,7 % всех вхождений) касается религиозной тематики, в основном это широкий спектр общественных отношений, преимущественно ориентированный на события за рубежом.

Результаты анализа демонстрируют последовательный рост относительной частоты употреблений за два последних десятилетия. Если за первый отрезок времени (2000–2009 гг.) лексема встречается 4949 раз в 3463 текстах, то за второй отрезок времени (первые шесть лет периода 2010–2019 гг.) фиксируется 5152 вхождения в 2966 текстах, относительная частота употреблений также продолжает расти – 1,63 и 1,71 соответственно. Автоматическая кластеризация результатов поиска и более детальный контекстуальный анализ показывают, что концептуальная сеть состоит

преимущественно из лексических единиц разных тематических и семантических групп, не ограниченных функциональной сферой использования. Результаты кооккурентного анализа позволили установить коллокации лексемы *Allah* и частоту их комбинации в контексте: *Gott* – 1405, *groß* – 617, *glauben* – 224, *Mohammed* – 210, *beten* – 196, *Wort* – 177, *wollen* – 161, *sagen* – 156, *mögen* – 147, *geben* – 145, *Prophet* – 126, *Koran* – 122, *arabisch* – 116, *Islam* – 109, *rufen* – 109, *preisen* – 103 и т. д.

В центре концептуальной сети находятся наименования из религиозной сферы, ведущую позицию занимает коллокат *Gott* (11,99 % от общего числа коллокаций), например: „*Ich merkte, Allah ist der einzige wahre Gott*“, *sagt sie* (Sonntagsblick. 02.05.2010). Анализируемая лексема часто воспроизводится в дигитализированном корпусе в качестве компонента устойчивого сочетания – формулы и важнейшего положения исламского символа веры – шахады: *Die erste Säule ist das Glaubensbekenntnis, welches besagt, dass es keinen Gott gibt außer Allah und das Mohammed sein Prophet ist* (Falter. 08.04.2015).

Заметна доля публикаций, в которых «чужое» (*Allah*) воспринимается через призму «своего» (*Gott*). Это и особенность современного медиадискурса [Слободенюк 2016: 26-33], и свойство человеческой культуры в целом, когда концептуализация «нового», «чужого» возможна с опорой только на известные схемы концептуализации «привычного», «родного», «своего», например: *Allah der Moslem, Gott der Christen, wollte er den Krieg der Menschen?* (St. Galler Tagblatt. 05.11.2001). Е.В. Хлыщева отмечает важные аспекты освоения «чужого» в современной европейской культуре: «Процессы освоения обществом “Чужого” как “Своего” становятся сегодня одними из важнейших аспектов современных исследований. В настоящий момент Европа не пытается гомогенизировать культуры. Целью становится их сближение [...] Можно говорить о начале формирования европейской социокультурной идентичности, которая базируется на идеях солидарности и ответственности» [Хлыщева 2010: 19]. Примечательно, что ситуация освоения «чужого» через «свои» представления является типичной и для последователей ислама: *Galeli: Wichtig ist, dass man an etwas glaubt, nicht, welcher Religion man angehört. Bei uns heißt es Allah, bei euch Gott* (NEWS. 17.03.2011).

Среди других коллокатов с религиозным значением ведущее место занимают лексемы *glauben* (1,91 %), *Mohammed* (1,79 %), *beten* (1,67 %), *Prophet* (1,07 %), *Koran* (1,04 %), *Islam* (0,93 %), большинство из которых

являются лексемами-маркерами религиозной принадлежности в общей немецкой лексикографии, например: *Eine US-Studie sagt voraus: Mehr als 20 Prozent der EU-Bürger werden 2050 an Allah glauben* (FOCUS. 01.02.2010); *Die Muslime glauben, dass Allah dem Propheten Mohammad am 27. des Fastenmonats die ersten Abschnitte des Koran offenbarte* (Rhein-Zeitung. 16.11.2002).

Группа частотных коллокатов без религиозного значения представлена языковыми единицами *groß* (5,26 %), *Wort* (1,51 %), языковым идентификатором *arabisch* (0,99 %). Заметные позиции занимает группа глаголов *wollen* (1,37 %), *sagen* (1,33 %), *mögen* (1,25 %), *geben* (1,23 %), *rufen* (0,93 %), *preisen* (0,87 %), например: *Dankbar knien sie nieder und preisen Allah für seinen Beistand* (Sonntagsblick. 27.03.2001). Почти во всех случаях прилагательное *groß* используется для характеристики Бога, в том числе как компонент известной речевой формулы, например: *Dabei soll er mehrmals „Allahu Akbar“ (Allah ist groß) geschrien haben; er war vor vier Jahren zum Islam konvertiert* (Neue Zürcher Zeitung. 23.12.2014). Эмпирическая база подтверждает принадлежность исследуемого концепта к группе вторичных лингвоидеологических концептов [Хохлов 2010] в немецкой лингвокультуре.

Как показали результаты анализа, лексема *Allah* как ключевое слово исламской религиозности используется в несколько раз чаще других религиознализмов и играет ведущую роль в структурировании концепта ISLAM. Специфика его концептуальной сети заключается в концентрации коллокаций вокруг религиозной сферы через тесные взаимосвязи с такими понятиями, как *Бог, вера, молитва, Мухаммед, пророк, Коран, ислам* и др. Функционирование языковой единицы *Allah* является религиозноцентричным: почти все частотные слова-коокуренты в той или иной степени связаны с исламской тематикой. В то же время следует отметить и тот факт, что многие тексты посвящены зарубежным событиям.

Литература

Гольдберг В.Б. Словоупотребление как реализация динамичности концептуальной сети // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 15-24.

Кочнова К.А. Роль этнических стереотипов в межкультурной коммуникации // Вестник Мининского университета. 2013. № 2 (2). С. 7.

Плисов Е.В. Исламский религиолект в структуре немецкого религиозного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-2 (68). С. 166-169.

Равшанов М. Когнитивно-философское исследование значений и смысла концепта «ислам» // Россия и мусульманский мир. 2016. № 11 (293). С. 152-157.

Рагозина С.А. Анализ лексической сочетаемости лексемы «ислам» в российских печатных СМИ (2010–2013) // Исламоведение. 2017. Т. 8. № 1 (31). С. 112-130.

Слободенюк Е.А. Создание образа британского и немецкого политика в современном медиадискурсе Великобритании в аспекте оппозиции «свой-чужой»: дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2016.

Хлыщева Е.В. Проблемы восприятия «чужого» как «своего» // Гуманитарные исследования. 2010. № 4 (36). С. 18-23.

Хохлов Д.В. Актуализация концепта VOLK в дискурсе объединения Германии (1989–1990) // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 143-152.

Röhrborn K. Interlinguale Angleichung der Lexik: Aspekte der Europäisierung des türkeitürkischen Wortschatzes. Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2003.

Sulima I.I. Social philosophy of science in search of tools // Epistemology & Philosophy of Science. 2017. Vol. 54. Issue 4. P. 30-33.

E.V. Plisov, A.M. Khamidulin (Nizhny Novgorod, Russia)
Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

THE CONCEPTUAL NETWORK OF LEXEME ALLAH IN THE ORGANIZATION OF THE CONCEPT ISLAM IN THE GERMAN LANGUAGE

The article analyzes the peculiarities of the organization of the conceptual network of the lexeme *Allah* and its role in the structure of the concept ISLAM in the modern German language. The conceptual network is modeled on the basis of corpora, the article provides the reasons for the predominance of specific semantic microfields among frequency collocates.

Key words: the concept ISLAM, conceptual network, collocate; semantic microfield; corpus linguistics; contextual analysis.

*А.М. Плотникова (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
annamp@yandex.ru*

СЕМАНТИКА ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ ОБЪЕКТА КАК РЕАЛИЗАЦИЯ КОГНИТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ ТОЖДЕСТВА И ПРОТИВОПОЛОЖНОСТИ В ЯЗЫКЕ

В докладе рассматривается отображение в языке ситуации переименования объекта. Противопоставляется денотативное и номинативное тождество имен в высказываниях со значением переименования. Пропозиция переименования, как и пропозиция тождества, включает кореферентные единицы (*В 1991 году Ленинград переименовали в Санкт-Петербург*), которые не являются однородными, так как за одной из них стоит денотат, а за другой – новый языковой индекс. Тождество имен не означает тождества ассоциативного фона, стоящего за именем и служащего стимулом метаязыковой рефлексии. Рассматриваются случаи переименования как способа языковой перекатегоризации.

Ключевые слова: отношения тождества и противоположности, предложения переименования, семантика, категоризация.

Среди логико-синтаксических типов предложений, наряду с предложениями бытийного, характеризующего и идентификационного типа, выделяется класс предложений номинации (именования). Общий принцип организации предложений номинации заключается в том, что некий субъект имеет конкретную референцию, а приписываемое ему имя лишено референции: *Ее сестра звалась Татьяной. Этот циклон называли Марта*. Предметом рассмотрения является разновидность предложений номинации, отображающих ситуацию переименования объекта (*В 1991 году Свердловск переименовали в Екатеринбург*). Пропозиция переименования, как и пропозиция тождества, включает кореферентные единицы. Н.Д. Арутюнова, отмечая распространенность предложений тождества во всех индоевропейских языках, обозначает и некоторые грамматические особенности этих предложений: «Предложения номинативной эквивалентности обычно имеют всевременной характер, выражаемый презенсом. В русском языке в них присутствует нулевая связка, реже,

есть. Послесвязочное имя, поэтому, не может быть поставлено в творительный предикативный. Только в ситуации переименования употребляется прошедшее время и творительный падеж, ср. *Ленинград был тогда Петроградом*. Такие предложения следует, впрочем, трактовать скорее как сообщения о прежнем имени предмета, чем как сообщения о тождестве двух имен» [Арутюнова 1976: 304]. Ситуация двуименности одного и того же объекта сближает предложения номинативного тождества и именования, так как логическая операция отождествления объектов составляет пресуппозицию предложения переименования. Например, предложение *Санкт-Петербург могут переименовать в Ленинград* содержит пресуппозицию тождества объектов, названных соответствующими топонимами. Тождество имен базируется на тождественности референтов этих имен, при этом предполагается, что хотя бы одно из имен и стоящий за этим именем референт известны адресату, что обеспечивает успешность речевого акта.

Обращение к предложениям переименования обусловлено также наличием прагматических оттенков, всегда сопутствующих ситуации смены имени, воспринимаемой иногда неодобрительно и становящейся предметом оживленных дискуссий и даже речевых конфликтов. Сказанное подтверждают многочисленные примеры из современной коммуникации, иллюстрирующие разные точки зрения на переименование объектов, например, обсуждение возможности переименования Волгограда: *«Я за Сталинград, однозначно, – говорит Алексей Васин. – Набор аргументов давно известен: Сталинград, а не Волгоград знают во всем мире»* (К. Бурменко); *«Столько известно о зверствах в сталинских лагерях, о расстрелах прямо на рабочих местах, о миллионах сирот – детей врагов народа... А все равно есть те, кто Волгоград вновь хотят Сталинградом назвать»* (К. Собчак).

Рассмотрение семантико-синтаксического и прагматического интерфейса предложений переименования осуществляется по следующей модели: 1) анализируются тематические области, к которым принадлежат имена; 2) определяется круг предикатов, отображающих ситуацию переименования; 3) обобщается грамматическая специфика предложений переименования; 4) с опорой на корпусное исследование контекстов характеризуется прагматика переименования (в том числе реконструируются коммуникативные интенции, служащие причиной переименования); 5) анализируются рефлексивы и устанавливается амплитуда оценок, сопровождающих ситуацию переименования.

Естественно, что, будучи кореферентными, объекты переименования принадлежат к одному тематическому (денотативному) классу. Отношения переименования не могут связывать слова разных языков, диалектов, социолектов, хотя они могут соединять термины («*В определителях, изданных в середине прошлого века, ее называли длиннохвостым снегирем, к концу XX переименовали в длиннохвостую чечевицу, что более соответствовало современной систематике*», В. Корбин). В такие отношения легко втягиваются синонимичные слова, различающиеся прагматическими оттенками значений. Например, в приведенных ниже контекстах выбор имени обусловлен престижностью заимствованного слова: «*В современной России, как это было еще в СССР, образование призваны давать средние школы; в СССР к профессии готовили техникумы, каковы в современной России переименованы, кажется, в колледжи (слава богу, что не в академии)*» (В. Успенский). Имена, вовлеченные в ситуацию переименования, – это и собственные, и нарицательные имена.

В качестве предикатов в предложениях переименования выступают глаголы *переименовывать/переименовать, переименовываться/переименоваться, переназывать/переназвать* и глагольно-именные обороты *давать/дать новое имя, сменить имя*.

Наречия времени (*теперь, ранее*), присоединяемые к клаузе с глаголами *называться, именоваться*, сообщают внешнюю по отношению к ситуации в целом информацию и являются маркерами пресуппозиции: в сочетании с указанными глаголами они указывают на то, что ранее X имел имя, которое теперь стало другим. Например: «*Отряды ОГПУ (так теперь называлось ВЧК) ринулись в храмы и монастыри*» (А. Яковлев). Подобные конструкции маркируют как тождество имен, так и тождество денотатов этих имен.

Предложения переименования обычно отнесены в план прошлых событий и функционируют в форме синтаксического индикатива прошедшего времени. Наиболее типовая модель предложения переименования соответствует структурной схеме V_{3pl} и модели неопределенно-личных предложений [Русские глагольные предложения]. Субъект данного речевого действия зачастую не эксплицирован, а переименование осмысливается как действие, совершаемое лицами, наделенными полномочиями переименовывать какие-либо объекты. Возможно, поэтому ситуация переименования часто реализуется в страдательных конструкциях с причастными формами.

Морфемным показателем рефактивного значения является префикс *пере-*. По словам Н.М. Стойновой, «в семантической литературе рефактивы (наряду с такими выражениями, как «тоже», все еще» и т. п.) относят к так называемым «триггерам пресуппозиции» <...> Принято говорить, что они добавляют к содержащейся в пропозиции ассерции о некоторой ситуации пресуппозицию о том, что аналогичная ситуация уже совершалась ранее» [Стойнова 2016: 40]. Как и в ситуациях с другими рефактивами, ситуация переименования способна сопровождаться лексическими показателями: *заново, опять, снова*. Например: «*В один из летних дней жители объекта увидели, что табличка с обозначением “улица Берии” снята, и на ее место повешена картонка с надписью “улица Круглова” (Круглов – тогда министр ВД; потом эта улица была переименована как-то еще)*» (А. Сахаров).

Наиболее частотным показателем репетитивного значения является наречие «обратно», так как в ситуации нескольких переименований объект может быть назван первоначальным именем: «*Прежде чем возвратиться домой в тот вечер, я доехал, я помню, до еще, кажется, не переименованной обратно в Лубянскую, площади Дзержинского*» (А. Макушинский).

Говоря о прагматических смыслах, следует обратиться к тому, как в конструкциях отображаются причины переименования. Безусловно, переименования возможны в любые времена, но зачастую они связаны со значимыми социально-политическими и экономическими событиями и свойственны периодам сложных общественных потрясений.

По словам Б.Ю. Нормана, «изменчивость денотата во времени в принципе не отличается от его изменчивости в пространстве. Это значит – существует некоторое непрерывное множество реалий, которое наше сознание условно разбивает на подмножества, соответствующие понятиям. Основанием для такого распределения служат основные, важнейшие признаки предметов, а границы самих подмножеств являются размытыми, нечеткими. Слова же, называющие эти подмножества, представляют собой, согласно известной метафоре, еще один «саквояж с мягкими стенками» [Норман 2016]. Такие рассуждения обуславливают когнитивную сущность процесса переименования как способа перекатегоризации действительности.

Поскольку ситуация переименования носит метаязыковой характер, то вполне естественной является рефлексия над выбором имени

и осмысление ситуации переименования как создания нового объекта: «Пока осада будет душить Оренбург, Пугачев займется переименованиями. Андрей Овчинников превратится в «графа Панина», Федька Чумаков – в «графа Орлова», Ванька Зарубин – в «графа Чернышева». Сакмарский городок Пугачев переименуют в Петербург, Каргалу – в Киев, Берды, свою ставку, – в Москву. Так у «царя Петра Федорыча» появится собственная Россия. <...> Меняя названия, Пугачев выстраивал параллельную реальность. Он словно форматировал мир, чтобы силой загнать действительность в уже готовую модель» (А. Иванов).

Подобные примеры показывают, что кодовое тождество топонимов не означает тождества ассоциативного фона, стоящего за именем и служащего стимулом метаязыковой рефлексии.

Литература

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М.: Наука, 1976.

Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: Флинта: Наука, 2002.

Стойнова Н.М. Перепишите заново: к типологии двойных деривационных показателей // Вопросы языкознания, 2016. № 3. С. 37-63.

A.M. Plotnikova (Ekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

SEMANTICS OF OBJECT RENAMING AS REALIZATION OF COGNITIVE RELATIONS OF IDENTITY AND DIFFERENCE IN THE LANGUAGE

The article discusses situations of object renaming and their reflection in the language. The author describes the difference between denotative and nominative identity in speech utterances about object renaming. The proposition of renaming, like the proposition of identity, includes co-referent units (*'In 1991, Leningrad was renamed into St.Petersburg'*), which are not homogeneous since one of them corresponds to the denotatum while the other, to the new index. The identity of names does not mean the identity of associative backgrounds

that stimulate meta-linguistic reflection. The specific cases of renaming are analyzed in the article as ways of linguistic re-categorization.

Key words: relations of identity and difference, renaming, semantics, categorization.

С.В. Постникова (Нижегород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
svetpost11@mail.ru

В.Н. Егорова (Нижегород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
viktoria-egorova@yandex.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭЛЯТИВОВ В СИСТЕМЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

В статье рассматриваются компаративные и суперлятивные элятивы современного немецкого языка. Предпринимается попытка проанализировать функционально-семантические особенности выражения степени интенсивности качества. В целом анализ показывает, что речетворческий характер компаративных и суперлятивных элятивов свидетельствует о периферийной позиции в системе средств выражения интенсивности в немецком языке.

Ключевые слова: элятив, компаратив, суперлятив, прагматика, интенсивность, интенция, контекст.

Когнитивная деятельность человека связана с выявлением качественных сторон познавательных объектов и их характеристикой. Как правило, начальный этап процесса восприятия и познания окружающей действительности включает субъективно-оценочный аспект. Среди множества языковых средств и стилистических фигур, семантическая функция которых непосредственно направлена на создание образной характеристики объекта (будь то в устно-речевом дискурсе, в художественных

произведениях или в публицистике), представляет интерес семантико-функциональная особенность компаративных и суперлативных элятивов.

Как известно, первичной категориальной языковой семантической функцией обеих форм является обозначение степени интенсивности проявления качественного признака по параметрической шкале «много – мало». Данная семантическая функция базируется на категориальном грамматическом значении степени градуальности, которое обуславливает, по мнению отечественных германистов, ядерную позицию степеней сравнения в грамматико-лексическом и функционально-семантическом полях компаративности [Гулыга, Шендельс 1969: 115; Бондарко 2012: 43].

Но поскольку в семантической структуре форм происходит конкуренция относительных и безотносительных (элятивных) сем, то сами словоформы потенциально предрасположены и к выражению элятивности. Основным условием подобной семантико-функциональной переориентации является то, что элятивное значение (от *lat. elatum – das Empor-, Herausgehoben, Erhabene*), будучи абсолютным, реализуется вне контекста сравнения. Причем степень градуальности признака у компаративных элятивов зависит от его позиции на семантической шкале между прилагательными с полярными значениями [Jung 1968: 326], тогда как суперлативные элятивы обозначают «усиление меры качества», ориентируясь на норму признака [Виноградов 1972: 206]. Отсюда значение, например, элятивного компаратива, зыбко, и его выявление достаточно затруднено [Мюллер 1963: 5]. Как показывает анализ иллюстративного материала, такая неопределенность отчасти связана с сохранением в концептуальной картине мира семантики сравнительных отношений как своеобразного завуалированного фона, не требующего языковой репрезентации в данном ситуативно обусловленном дискурсе. Очевидно, что в данном случае существенная роль принадлежит лексическому значению степеней сравнения, которое при переводе их семантики в плоскость обозначенной выше шкалы воздействует на выполнение словоформами вторичной семантической функции выражения элятивного, безотносительного значения. В этой связи можно полностью согласиться с мнением М.Д. Степановой и Г. Хельбига, которые, ссылаясь на точку зрения Я. Гримма, считают, что «степени сравнения, традиционно относимые к грамматическим категориям прилагательного, близки к лексическим (словообразовательным) категориям и находятся как бы на периферии грамматики» [Степанова, Хельбиг 1978: 101].

Как показывает анализ элятивных форм, потенциал к выражению степени интенсивности проявления признака реализуется в дискурсе по-разному.

Так, по мнению В.В. Виноградова, элятивный суперлятив выражает предельную степень признака или безотносительно большую меру признака [Виноградов 1972: 205-206], что, по-видимому, можно объяснить выпадением в семантической шкале компаративной словоформы и, соответственно, ориентацией данного вида элятива на прототип нормы признака, принятого в данном социуме. Этой же точки зрения придерживаются отечественные и зарубежные германисты, с той лишь оговоркой, что, как отмечает П. Греббе, значение очень высокой степени признака не идентично значению высочайшей степени («Der Elativ, der absolute Superlativ stimmt in der Form mit dem Superlativ überein. Mit ihm wird au-erhalb des Vergleichs ein sehr hoher Grad bezeichnet» [Grebe 1984: 309]).

Авторы энциклопедии «Die deutsche Sprache» определяют семантику элятивного суперлятива как просто высокую степень качества («Der Superlativ bezeichnet nicht in jedem Falle den denkbar höchsten Grad, häufig gilt er lediglich als ein hoher Grad: beste Wünsche, schönste Grüße, so vor allem in festen Wendungen wie höfflichst, herzlichst, gütigst, gefälligst, möglichst» [Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie 1969: 890]). Как представляется, некоторое ослабление чрезвычайно высокой степени проявления признака связано с фразеологизацией ряда форм и, как следствие, с побледнением прямого значения формы.

Нередко элятивы обеих словоформ, обладая системообразующим значением усредненного по степени интенсивности признака при высокой частотности их использования в дискурсе, становятся большей частью клише, по отношению к которым значение элятивности, так же как и эмоционально-оценочная коннотация, утрачены (ältere Dame, jüngerer Mann, beim besten Willen, beim leisesten Anzeichen, baldigst, in tiefster Trauer, in keinsten Weise).

Однако при свободном речетворческом употреблении анализируемых словоформ их коммуникативная роль выражения определенной степени интенсивности проявления признака может быть реализована, хотя случаи подобной семантико-функциональной перестройки достаточно редки. Представляется, что, как отмечалось, это связано с сохранением пресуппозиции сравнительных отношений, которые, несмотря на скрытый характер, препятствуют функционированию компаратива и суперлятива

как чистых элятивов и частично сохраняют присущее им в системе парадигмы степеней сравнения значение, относительное по своей природе. Так, например, в предложениях «Er kam ihr heute größer vor, sein Gesicht schmaler» [Frank 1974: 71], «Niedrigverdiener, Arbeitslose, Studenten und Rentner konkurrieren um das Angebot, das durch die Ankunft der Flüchtlinge noch knapper geworden ist» [Spiegel 2016: 3] анализируемые словоформы можно, на наш взгляд, воспринимать, в зависимости от ситуации общения и интенции говорящего при наличии или отсутствии субъективной оценки, либо как компаративы с относительным значением интенсификации признака, либо как формы, обозначающие усредненные по степени интенсивности проявления признаки.

Большая предрасположенность к элятивности наблюдается при использовании анализируемых форм в атрибутивной функции при именах абстрактных, например «Allan verbrachte Monate im Tunnel, um raschere Arbeitsmethoden ausfindig zu machen» [Kellermann 1969: 176], «Er wurde mit den schwierigsten Problemen allein fertig» [Kellermann 1969: 103], «Er zog seine Rasierklinge mit äußerster Sorgfalt» [Seghers 1967: 272], а также в обстоятельственной функции: «Hardekopf jedoch hatte Brenten noch einmal nachdrücklichst versichert, dass er ihn für einen politischen Kopf halte» [Bredel 1955: 91-92].

В целом, наличие семы интенсивности у элятивов определяется в ограниченном контексте с трудом и их связь с категорией интенсивности возможна только при наличии субъективной оценки говорящего [Туранский 1990: 50]. С другой стороны, именно соотносительность элятива с категорией интенсивности, по мнению Е.Н. Сергеевой, позволяет утверждать о синонимичности компаратива и суперлатива и синтаксических конструкций прилагательного с усилительными словами [Сергеева 1961: 89, 93]. С большей уверенностью сема интенсивности прослеживается у компаративов при их дополнительном усилении другими интенсификаторами, такими как *viel* (*viel schwerer*, *viel später*) и их повтором, как, например, в предложении «Der „New York Times“ und der „Washington Post“ geht es heute viel, viel besser als vor zehn Jahren» [Spiegel 2018: 114] или *weit* (*weit mehr*, *weit stärker*), например «Manche Ihrer Kollegen sind weit optimistischer» [Spiegel 2011: 134].

Сказанное выше позволяет заключить, что компаративные и суперлятивные элятивы, обозначая усредненную и фактически пониженную степень интенсивности качества, занимают в системе средств выражения интенсивности крайне периферийную позицию, в отличие от их лексико-

грамматических синонимов: в первую очередь усилительных слов, таких как *extrem, richtig, kolossal, komplett, höchst* (*extrem schnell, richtig sauer, kolossal groß, komplett verfügbar, höchst unterschiedlich*) и др., сложных прилагательных, где одним из элементов является слово-интенсификатор, например, *haargenau, brandaktuell, knackfrisch, spottbillig, supernervös, hochmotiviert* или усилительный префикс, например, *urkomisch, erzkonservativ, megavoll*, а также синонимов для выражения интенсификации высказывания. В данном случае их целесообразно заменить *Komparativ* или *Superlativ schnell* синонимами с семой интенсификации типа *rapid, rasch, kometenhaft*. При этом их использование в дискурсе имеет речетворческий характер.

Литература

Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 2012.

Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972.

Гулыга Е.В., Шендельс Е.И. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М.: Просвещение, 1969.

Мюллер А.Я. Элятив и его синонимы в немецком языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Львов, 1963.

Сергеева Е.Н. Элятив и его выражение в современном английском языке // Романо-германская филология. Вып. 3. М., 1961. С. 73-101.

Степанова М.Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М.: Высшая школа, 1978.

Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке: монография. М.: Высшая школа, 1990.

Bredel W. Die Väter. Berlin, 1955.

Die deutsche Sprache. Kleine Enzyklopädie. Leipzig, 1969. Bd. II.

Frank L. Die Räuberbande. Berlin, 1974.

Grebe P. Der Große Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim; Wien; Zürich, 1984.

Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1968.

Kellermann B. Der Tunnel. Berlin u. Weimar, 1967.

Seghers A. Das siebte Kreuz. Berlin u. Weimar, 1967.

Spiegel, Nr. 8, 2011.

Spiegel, Nr. 15, 2016.

Spiegel, Nr. 6, 2018.

S.V. Postnikova (Nizhny Novgorod, Russia)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

V.N. Egorova (Nizhny Novgorod, Russia)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

PRAGMATIC POTENTIAL OF ELATIVES IN THE SYSTEM OF MEANS OF EXPRESSING INTENSITY (ON A MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

The article deals with comparative and superlative elatives of the modern German language. An attempt is made to analyze the functional and semantic features of the expression of the degree of quality intensity. In general, the analysis shows that the speech-making nature of comparative and superlative elatives indicates a peripheral position in the system of means of expressing intensity in the German language.

Key words: elative, comparative, superlative, pragmatics, intensity, intention, context.

С.А. Рылов (Нижний Новгород, Россия)

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского

slavc@mail.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ СЛАВЯНСКОЙ СИНТАКТОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ЯЗЫКОВ)

Автор обращает внимание на связь когнитивной лингвистики с сопоставительной славянской синтактологией. Когнитивный подход необходим в синтаксисе, недостаточно изученном в славянских языках в сопоставительном плане, для исследования славянского синтаксиса и для лингводидактики. На материале русского и чешского языков рассматриваются типичные русско-чешские синтаксические конфронтемы, дается их когнитивная интерпретация. Результаты проведенного анализа показывают значительное своеобразие языкового менталитета по данным русского и чешского синтаксиса.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, синтаксис, сопоставительный метод, структура простого предложения, русско-чешские синтаксические конфронтемы, языковой менталитет.

Когнитивная лингвистика, сформировавшаяся в 80-е годы XX века, выдвинула ряд новых лингвистических проблем, связанных с освещением «ментальных репрезентаций и их языковых “привязок” (коррелятивных им языковых форм)» [Кубрякова 1996: 54]. Потребности активно развивающихся в лингвистике сопоставительных и типологических исследований, прикладного языкознания, теории и практики перевода, лингводидактики делают актуальным и важным применение когнитивного подхода к сопоставительному изучению современных славянских языков, которые переживают в первой половине XXI века своего рода ренессанс. Особый интерес для исследователей представляет синтаксис, который в сопоставительном плане в славянских языках, в том числе русском и чешском, изучен недостаточно [Bauer 1972: 32-34].

Сопоставительная славянская синтактология (далее ССС; термин «синтактология» заимствован нами у Р. Мразека [Мразек 1990: 9-11]) представляет собой область сопоставительного исследования синтаксических единиц, категорий, конструкций современных славянских языков в их синхронном состоянии. С конца XX века ССС становится самостоятельной исследовательской областью, но остается наименее разработанной в славистике. Одна из первостепенных задач ССС – сопоставительный анализ синтаксических явлений современных славянских языков с привлечением новых направлений в лингвистике XXI века, прежде всего когнитивной лингвистики. Именно когнитивный подход открывает новые широкие возможности для сопоставительной славянской синтактологии. Более того, когнитивный аспект является в ней просто необходимым, поскольку в языковой концептуализации мира, характерной для менталитета данного народа, особое место принадлежит синтаксическим конструкциям, а синтаксис каждого языка «внутренне связан с “грамматикой мысли”, отражает концептуальные основы ментального действия (речемыслительная когнитивная функция языка)» [Колесов 2004: 16, 230].

При сопоставительном анализе структуры простого предложения вызывают значительные затруднения неодинаковые грамматические традиции, существующие в разных славянских странах, в том числе в России и Чехии. В таком случае возникают существенные различия в строении

простого предложения и, как следствие, в принципах классификации его структурных типов в чешском и русском языках. Действительно, чешские типы простого предложения не тождественны русским. Например, русский двусоставный тип не идентичен чешской двучленной структуре предложения (*dvojčlenné/podmětové větné struktury*) [Grepš, Karlík 1989: 111-113]. Поэтому при сопоставительном синтаксическом анализе нельзя подходить к структуре простого предложения в одном языке терминологическими «мерками» другого языка. Важно учитывать *понятийное содержание* синтаксических терминов и на когнитивной основе проводить сопоставительный анализ структуры простого предложения в русском и чешском языках.

Практическим приложением когнитивного подхода в сопоставительной славянской синтактологии является конфронтальный анализ синтаксических явлений чешского и русского языка. Конфронтальный анализ – это система исследовательских принципов, приемов, направленных на выявление *различий* двух генетически родственных языков. Он ставит целью исследование синтаксических конструкций двух языков с точки зрения взаимных синхронных отношений – *конфронтации*. Ключевое понятие конфронтального анализа – «*синтаксическая конфронтация*». Это два синтаксических элемента (высказывания, модели простого предложения и др.) сопоставляемых языков, которые имеют закономерное соответствие: на базе *общности* этих элементов по какому-либо признаку между ними обнаруживается языковое *различие*. Конфронтальный анализ синтаксиса заключается не только в выявлении различий сопоставляемых синтаксических конструкций, но и – что особенно важно – в когнитивной интерпретации этих различий.

Считаем необходимым указать типичные и частотные русско-чешские синтаксические конфронтации, которые представляют большой научный и лингводидактический интерес в *когнитивном* плане.

1. Типичная для простого предложения чешско-русская синтаксическая конфронтация со значением ‘*обладания чем-либо*’ (посессивности), например: *Mám nový počítač.* ~ *У меня есть новый компьютер; Mají plno starostí.* ~ *У них много забот.* Эквивалентные чешское и русское высказывания, имеющие общность в содержательном отношении, существенно различаются своим построением и синтаксической структурой: в чешском языке – бесподлежащее предложение с предикатом – глаголом *mít* и дополнением со значением объекта; в русском та же пропозиция

передается двусоставным типом предложения с экзистенциальным глаголом-сказуемым или его нулевой формой. Очевидно, что указанное структурное различие обусловлено типологическими особенностями чешского языка (*habere*-язык) и русского (*esse*-язык) [Мразек 1990: 34].

В когнитивном плане очень важно то, что эквивалентные чешская и русская модели простого предложения отражают разные стереотипы структурирования мысли и воплощают национальное, специфическое для данного народа видение мира. В чешском языковом сознании концентрируется ясное и четкое выражение того, что субъект *'чем-то непосредственно обладает'*, активно владеет чем-либо (*má v držení*), ориентирован на присвоение окружающих вещей не только в физическом, но и в ментальном плане. Для русского языкового сознания, напротив, характерным является то, что субъект не обладает, не владеет, не оказывается хозяином чего-то (кого-то). Для русского человека *'нечто'* (*'некто'*) существует как бы *'рядом с ним'*, *'около него'*, т.е. идея обладания выражается через идею соположения в пространстве (ср. русскую модель *У меня есть...*) и, таким образом, оказывается ослабленной, ментально пассивной. Так сопоставительная славянская синтактология получает прямой выход в когнитивную лингвистику.

2. *Субъектно-объектные конструкции с первичным значением принадлежности*, которые репрезентируют такие русско-чешские синтаксические конфронтемы, как: *Дорога в университет занимает у меня полчаса.* ~ *Cesta do univerzity mi trvá půl hodiny*; *У сестры родилась девочка.* ~ *Sestře se narodila holčička*. Такие эквивалентные конструкции отражают существенные особенности русского и чешского языков в структурировании мысли и, следовательно, специфику ментальности, этнического восприятия мира. Типичные для чешского языка конструкции с *субъектным и объектным дательным падежом* всегда вызывают у русских студентов трудности, так как в соответствии с русской ментальностью субъект/объект выражается чаще всего иначе, а именно с помощью конструкции *«у+род. падеж»*.

3. Гораздо более сложное, но необычайно важное с когнитивной точки зрения явление – *синтаксические конструкции, выражающие 'личностный принцип'*. Дело в том, что личностный принцип воспринимается и отражается в чешском и русском языках по-разному. В русском, в отличие от чешского, в таком случае используются чаще всего *односоставные безличные предложения* разного типа. Это бессубъектные (или, по

крайней мере, не содержащие субъекта в именительном падеже) с предикатом в форме среднего рода. Доминирующее положение в русском языке занимают безличные дативные предложения, субъект которых в форме датива представлен как не контролирующий происходящие события. Как заметила А. Вежицкая, «именно они в значительной степени определяют колорит подлинно русской речи» [Вежицкая 1997: 59]. Действительно, безличные конструкции типа: *Мне хочется. (Мне) не верится. Ему кажется. Тебе грустно. Нам страшно* – традиционно являются в некоторой степени грамматической метафорой русской ментальности. Не случайно многие синтаксические модели безличных и инфинитивных предложений русского языка не находят адекватных соответствий в других языках, в том числе в чешском.

Для когнитивного анализа большой научный и лингводидактический интерес представляют частотные синтаксические конфронтемы: русское «односоставное безличное/инфинитивное предложение» ~ чешская «синтаксическая структура dvojčlenná», ср. эквивалентные между собой в зависимости от пропозиции структуры: а) с пропозицией ‘носитель психического/физического состояния’: *Мне хочется сказать Вам добрые слова.* ~ *Rád bych Vám řekl laskavá slova; Матери сегодня не спалось.* ~ *Matka dnes nemohla spát; Дочке еще комнату убирать.* ~ *Dcerka musí ještě uklízet pokoj;* б) с пропозицией ‘субъект со значением орудия, с помощью которого осуществляется стихийное действие’: *Ветром сорвало крышу.* ~ *Vítr strhl střechu;* в) с пропозицией ‘объект действия / субъект состояния’: *Берлиоза выбросило на рельсы.* ~ *Berlioz dopadl na koleje.*

Приведенные синтаксические конфронтемы, несомненно, отражают особенности русского и чешского языкового менталитета и связаны со спецификой выражения национальной ментальности. Они свидетельствуют о тесной связи когнитивного подхода с сопоставительной славянской синтаксологией. Требуется дальнейшая разработка принципов сопоставительного исследования синтаксических явлений в славянских языках на основе идей когнитивной лингвистики. Знание типичных для простого предложения русско-чешских конфронтем, когнитивный подход к рассмотренным и многим иным синтаксическим явлениям способствуют лучшему представлению студентами национальной ментальности. Использование когнитивных характеристик синтаксических явлений в преподавании чешского языка как иностранного может и должно стимулировать творческую и учебно-научную активность студентов.

Литература

Вежицкая А. Русский язык // Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. С. 33-88.

Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Б., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филологический фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Мразек Р. Сравнительный синтаксис славянских литературных языков. Исходные структуры простого предложения. Brno: Univerzita J.E. Purkyně, 1990.

Bauer J. Konfrontační a srovnávací studium české a polské syntaxe // Bauer J. Syntactica slavica. Vybrané práce ze slovanské skladby. Brno: Univerzita J.E. Purkyně, 1972. С. 31-34.

Grepl M., Karlík P. Skladba spisovné češtiny. Praha: SPN, 1989.

S.A. Rylov (Nizhni Novgorod)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

COGNITIVE APPROACH IN COMPARATIVE SLAVIC SYNTACTOLOGY (ON THE MATERIAL OF RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES)

In the report the author draw attention on the eve of the relationship of cognitive linguistics with the comparative Slavic contactology. Cognitive approach is necessary in the syntax, which is insufficiently studied in Slavic languages in comparative terms for the study of Slavic syntax and linguodidactics. On the material of the Russian and Czech languages, Russian-Czech syntactic confrontems are considered, their cognitive interpretation is given. The results of the analysis show a significant originality of the language mentality according to the Russian and Czech syntax.

Key words: cognitive linguistics, syntax, method of analytical comparison, simple sentence structure, Russian-Czech syntactic confrontems, language mentality.

А.В. Свиридова (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
sviridovaav2@cspu.ru*

М.М. Русакова (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный медицинский университет
mtrusakova@yandex.ru*

СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Статья посвящена вопросам лингвокогнитивного исследования терминов в полевых структурах новых отраслей знания – телемедицина, наностоматология. Особое внимание обращается на тенденции в номинировании терминов, систему закрепления новой сложной информации многокомпонентных терминов (аббревиация) и процессы ассимиляции.

Ключевые слова: лингвокогнитивное исследование, терминологическое поле, термин, медицина, телемедицина.

В последние десятилетия научный интерес к профессиональной терминологии в аспектах разных лингвистических парадигм – когнитивной, сравнительно-сопоставительной и лингвокультурологической – обусловлен активным развитием, расширением терминосистем наук.

На современном этапе активное взаимопроникновение и перераспределение информационного пространства происходит вследствие интенсивного внедрения научных и технологических изысканий (информационные технологии, нанотехнологии, биотехнологии) в промышленности, экономике, медицине, компьютерной и других сферах. Термин функционирует в сфере той науки, которую он обслуживает, проявляя при этом все свои структурные, семантические и функциональные характеристики в иерархических, синергичных полевых структурах. Исходя из этого, полевой подход как метод анализа разноуровневых языковых явлений и категорий создает вектор исследования терминосистем разных наук через выявление новых направлений деятельности, новых отраслей знания, новых терминов, в том числе из смежных областей знания, их характеристик, номинации понятий [Русакова, 2017: 75].

Особый интерес вызывают когнитивные исследования лингвокультурологических, функционально-семантических, функционально-

прагматических полевых моделей, которые раскрывают как универсальные, так и уникальные механизмы их построения. Так, А.В. Свиридова указывает на то, что «лингвокогнитивный подход предполагает выявление или описание лингвистических единиц, схем или структур, которые оформляют, реализуют познавательные категории, такие как понятие, представление, доказательство, умозаключение, являющиеся универсалиями человеческого мышления. Лингвокультурологический подход предполагает описание и объяснение универсалий и уникальностей “заполнения” этих схем содержанием с точки зрения национально-культурной специфики, символики, выражения сентенция, “внутренней формы”, компонентного состава, средств апеллятивности, способствующих, в том числе, и запоминанию» [Свиридова, 2012: 298-299].

Н.Ф. Алефиренко в работе «Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка» указывает на то, что в процессе выбора слова для построения вербальной формы текста активируется система значений языка, которая, в свою очередь, активирует лежащую в ее основе концептуальную сеть соответствующей культуры. В результате происходит ассоциирование фрагментов языковой и внеязыковой информации с конкретными лексическими единицами [Алефиренко, 2014: 208-209].

Авторы отмечают, что наблюдаются две тенденции в номинировании терминов различных областей наук: 1) обозначение и закрепление новой сложной информации, так как многие термины получают большую конкретизацию и уточнение их содержания, имеют узко специализированное значение, и одновременно 2) экономия языковых средств, упрощение формы выражения для более быстрого запоминания и удобного оперирования ими в научном и профессиональном дискурсе.

Яркими примерами первого направления могут послужить термины, появившиеся в медицинском дискурсе в 70-х годах XX века в активно развивающейся по сей день области «телемедицина» и характеризующиеся высокой степенью мотивированности и семантической прозрачностью. Смысл термина можно передать с помощью стандартных значений составляющих терминоэлементов, формируя многокомпонентные слова, например с помощью частотного префиксоида *теле-* (от греч. *tele-* «действующий на далеком расстоянии») и латинско-греческих терминоэлементов: *telemedicine* – *телемедицина* (*дистанционное оказание практической медицинской помощи с использованием компьютерных сетей и средств видеоконференцсвязи*); *telemonitoring* – *телемониторинг*

(удаленный мониторинг состояния здоровья); *telediagnosis* – теледиагностика (дистанционная диагностика); *teleradiology* – телерентгенология (дистанционная интерпретация рентгенологических изображений); *telepsychiatry* – телепсихиатрия; *telepharmacy* – телефармация; *teledentistry* – телестоматология; *telemedicine screening* – телемедицинский скрининг; *mobile telemedicine unit* – мобильный телемедицинский комплекс и другие.

Аналогичную картину мы наблюдали при изучении наностоматологических терминов в английской и русской терминосистемах, где высокочастотный префиксоид *нано-* является конститuentом двухкомпонентных и многокомпонентных атрибутивных словосочетаний: *nanoceramics/нанокерамика*, *nanohybrid composites / наногибридные композиты*, *experimental dental nanocomposites / экспериментальные стоматологические нанокompозиты*, и другие [Русакова, 2015: 169].

Система «упаковывания» информации многокомпонентных терминов происходит с целью экономии языковых средств посредством использования аббревиатур, сложносокращенных, блэндинговых моделей, что приводит к повышению или, наоборот, к понижению степени их понимания. Приведем примеры аббревиатур: *англ.*: *ATA* – American Telemedicine Association, *TIE* – Telemedicine Information Exchange, *gpTRAC* – the Great Plains Telehealth Resource and Assistance Center, *TRCs* – telehealth resource centers, *TEMPiS* – TeleMedical Project for Integrative Stroke Care, *THC* – Telehomescare и др.; *русс.*: *ТЗО* – телездравоохранение, *ТК*, *ТМК* – телемедицинская консультация, *ВКС* – видеоконференцсвязь, *ТМРС* – телемедицинская рабочая станция и др.

Отметим, что при заимствовании в терминосистему русского языка процессы ассимиляции проходят не все английские термины. Некоторые термины не ассимилировались, другие ассимилировались частично. Перевод таких терминов возможен посредством:

- описания (разъяснения) понятия: *telehomescare* – предоставление медицинских услуг пациентам на дому с использованием передающих голосовых, видео и информационных технологий; *telenursing* – удаленный медсестринский уход за пациентом с применением ИКТ в домашних условиях (например, при диабете, паркинсонизме);
- заменой префиксоида *теле-* на слово *дистанционный*, *удаленный*, *домашний*, *отложенный* – *англ.*: *telecobalt therapy* – дистанционная лучевая терапия с применением изотопов кобальта; *TeleStroke units* –

приборы для *дистанционного* лечения инсульта; *русс.*: реализация *домашнего* мониторингования; телеконсультация *отложенная* (телеконсультация офф-лайн);

- употребление синонимов: *telesurgery* – телехирургия или трансляция хирургических операций в онлайн режиме; *on-line teleconsultations or teleconsults* – онлайн-консультация, телеконсультация он-лайн, или «двустороннее интерактивное телевидение», или очное консультирование;
- транслитерации: *offline clinics* – *клиники с офлайн-услугами*; *off-line teleconsultations* – *телеконсультации в режиме офф-лайн*.

В то же время выявляются различия в употреблении и номинации русских и английских терминов, которые обусловлены лингвокультурологической традицией и экстралингвистическими факторами, связанными с изменениями в системе здравоохранения, особенностями развития медицинской науки, со степенью ее практической направленности, с отношением к ней общества [Русакова, 2017: 58].

В английском языке существует определенная степень неясности в употреблении терминов *telemedicine* и *telehealth*. Считается, что термин *telehealth* взаимозаменяем термином *telemedicine*, хотя первый имеет более широкое значение (профилактическая и лечебная помощь, дистанционное обучение врачей, непрерывное медицинское образование), а второй – дистанционное оказание конкретной практической медицинской помощи, дистанционные диагностика и мониторинг с использованием информационно-коммуникационных технологий. На русский язык термин *telehealth* переводится как телездоровоохранение (ТЗО). Ю.И. Сенкевич определяет ТЗО как «механизм обеспечения охраны здоровья, включающий в себя собственно ТМ в ее первоначальной консультативной концепции, телеметрический контроль состояния организма человека и социальное теленаблюдение в интересах охраны здоровья» [Сенкевич, 2012: 26].

Все вышесказанное свидетельствует об универсальности когнитивной схемы называния и сохранения информации, построения терминисистем разноуровневых языков и использования в соответствующем дискурсе нового научного содержания.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учеб. пособие. 4-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2014. 288 с.

Есть ли разница между телемедичиной и телездравоохранением? URL: <https://telemedicina.ru/news/world/est-li-raznitsa-mezhdu-telemeditsinoj-i-telezdravoohraneniem> (дата обращения: 12.09.2018).

Русакова М.М. Лексико-семантические поля терминосистемы «Стоматология/Dentistry» в сравнительно-сопоставительном аспекте (на материале профессиональных медицинских дискурсов русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М.: РУДН, 2017. С. 200.

Русакова М.М., Скнарев Д.С. Наностоматология: сравнительный анализ терминосистемы в русском и английском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 2-1 (44). С. 167-171.

Свиридова А.В. Представление целостного концепта в неродственных лингвокультурах средствами паремии, на материале русского и французского языков // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2012. № 4. С. 298-306.

Сенкевич Ю.И. От телемедицины к телездравоохранению / Биотехносфера. 2012. № 2 (20). С. 24-29.

Muller-Barna P., Hubert G.J., Boy S., et al. Telestroke units serving as a model of care in rural areas: 10-year experience of the telemedical project for integrative stroke care; Stroke. 2014. No. 45. P. 2739-2744.

Telehealth start-up and resource guide. URL: <https://www.healthit.gov/sites/default/files/playbook/pdf/telehealth-startup-and-resource-guide.pdf> (дата обращения: 12.09.2018).

A.V. Sviridova (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

M.M. Rusakova (Chelyabinsk, Russia)

South Ural State Medical University

MODERN MEDICAL TERMINOLOGY: LINGUISTIC AND COGNITIVE ASPECTS

The article is devoted to the questions of linguocognitive research of terminological fields of new branches of knowledge – telemedicine, nanodentistry. Particular attention is paid to trends in the term nomination, the system of fixing new complex information of multicomponent terms (abbreviations) and assimilation processes.

Key words: linguocognitive research, terminological field, term, medicine, telemedicine.

*А.В. Синелева (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского
sinstasi@mail.ru*

ИССЛЕДОВАНИЕ АССОЦИАТИВНО-ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ ФРЕЙМОВЫМ МЕТОДОМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются возможности выделения сигнификативной зоны в ассоциативно-семантических полях фреймовым методом. Фреймовые структуры представляют собой иерархически систематизированную модель памяти человека и его сознания и наиболее эффективны для структурного описания сложных понятий, поэтому они представляются достаточно результативными при анализе данных ассоциативного эксперимента.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент, ассоциативно-семантическое поле, денотат, десигнат, коннотат, сигнификативные отношения, фрейм.

Описание языковой картины мира по-прежнему считается одним из самых актуальных направлений современных лингвистических исследований. В качестве инструмента экспериментального исследования ассоциативно-семантических полей слов, зафиксированных в сознании носителя языка и отражающих языковую картину мира в виде наиболее важных синтагматических и парадигматических связей в сознании «усредненного» носителя языка, применяется ассоциативный эксперимент.

При описании ассоциативного эксперимента часто используется термин *ассоциативно-вербальная сеть* – «научная модель знания языка, основанная на массовом ассоциативном эксперименте и представляющая собой сложное пересечение прежде всего парадигматических и синтагматических отношений слов» [Жеребило 2010: 44]. В ассоциативно-вербальной сети отражены не только особенности менталитета носителей языка, профессии, возраста, гендерные особенности и т. д., но и смысловая

структура слова-стимула, наиболее важные понятийные связи в общей системе знаний о мире.

Представление ассоциаций в виде ассоциативно-вербальной сети позволяет проводить анализ результатов ассоциативного эксперимента фреймовым методом интерпретации информации [Синелева 2013: 24]. В основу данной фреймовой структуры положен треугольник Фреге, дополненный до квадрата с учетом того, что компонент *мысль*, как правило, состоит из денотата и коннотата. Денотат, или понятие, – общий смысл для всех носителей данного языка, а коннотат – ассоциативное, эмоционально-чувственное, индивидуальное значение, возникающее у отдельного человека. Можно предположить, что в случае репрезентативной выборки слова-реакции с той или иной степенью полноты должны отразить все виды названных связей, поэтому результаты ассоциативного эксперимента могут быть интерпретированы в виде фреймовой структуры. Фрейм является структурой данных для представления некоторого концептуального объекта, общего понятия, имеющего классификационную иерархическую структуру.

В рамках данной статьи нас интересуют десигнаты – слова-реакции, дающие представление или в той или иной степени раскрывающие понятие слова-стимула, которые присутствуют в толковых словарях или тесно с ними связаны (например, синонимическими или антонимическими отношениями, каким-то видом логической связи). Таким образом, для выделения сигнификативной зоны слов-стимулов, отраженной в сознании носителей языка, необходимо выделить эти признаки, репрезентируемые словами-реакциями, и сопоставить с признаками, зафиксированными в словарных статьях толковых или терминологических словарей.

Для анализа смыслового содержания слов-стимулов необходимо составить список ключевых слов (терминов, дескрипторов), раскрывающих данное понятие (метод координатного индексирования). Сигнификативную зону будут представлять слова-реакции, называющие признаки, связи и отношения, совпадающие или в достаточной степени связанные с дескрипторами, присутствующими в качестве ключевых слов в содержании словарных статей словарей (терминологических или толковых).

Рассмотрим результаты проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента на слово-стимул *клетка*, которое может функционировать и как термин, и как общеупотребительное слово, на разных группах респондентов. В первой группе в качестве испытуемых студенты Первого МГМУ им. И.М. Сеченова, возраст респондентов от 18 до 25 лет; примерно

в равном процентном соотношении представляют две гендерные группы (приводятся только первые реакции, последняя цифра в круглых скобках – общее количество респондентов). Вторая группа – респонденты разных профессиональных областей знания, реакции которых вошли в словарные статьи Русского ассоциативного словаря [Караулов 1986].

Клетка (студенты МГМУ) – *биология* (13), *жизнь* (7), *деление* (5), *тюрьма* (4), *макрофаг*, *организм*, *птица*, *ткань*, *эукариотическая* (3), *квадрат*, *крови*, *маленькая*, *нейрон*, *тетрадь*, *цитоплазма*, *человек*, *эпителиальная*, *эритроцит* (2), *амеба*, *анатомия*, *АПК*, *базофил*, *бактериальная*, *бактериологическая*, *вирус*, *вируса*, *гистология*, *Гук*, *дверь*, *жгутиками*, *железо*, *живое*, *живой организм*, *животное*, *запрет*, *заточение*, *зверь*, *здоровье*, *золотая*, *зоопарк*, *кошка*, *круг*, *круглый шар*, *лимфоцит*, *механизм*, *микробиология*, *микроскоп*, *митохондрия*, *мишень*, *мукоцит*, *мышка*, *наука*, *научный фильм*, *овал*, *плен*, *попугай*, *простейшее*, *расписание*, *растение*, *рецептор*, *решетка*, *Роберт Гук*, *рост*, *свобода*, *собака*, *стволовая*, *строительный материал*, *тюремная*, *учеба*, *цитология*, *часть организма*, *человека*, *Шотландия*, *эпителиальная* (118).

Дескрипторами (приводится неполный список), отражающими признаки, связи и отношения научного понятия *клетка* в словарной статье словаря медицинских терминов [<http://deus1.com/vocolab-10.html>] являются следующие: *элементарная живая система*, *ядро*, *цитоплазма*, *самовоспроизведение*, *деление*, *развитие*, *питание*, *гранулы*, *жизнедеятельность животных и растений*, *Роберт Гук*, *нейрон*, *регенерация*, *и др.*, *адвентициальная*, *адренологенная*, *альвеолярная*, *антителообразующая и др.* (*клетка*) – всего более 100 терминов-дескрипторов.

Анализ слов-реакций, данных студентами института радиоэлектроники, показывает, что в сигнификативная зона слова-реакции *клетка* представлена следующими признаками, связями и отношениями: *биология* (13), *жизнь* (7), *деление* (5), *макрофаг*, *организм*, *эукариотическая* (3), *крови*, *нейрон*, *цитоплазма*, *эпителиальная*, *эритроцит* (2), *амеба*, *анатомия*, *АПК*, *базофил*, *бактериальная*, *бактериологическая*, *вирус*, *вируса*, *гистология*, *Гук*, *жгутиками*, *живое*, *живой организм*, *лимфоцит*, *микробиология*, *микроскоп*, *митохондрия*, *мукоцит*, *наука*, *научный фильм*, *овал*, *простейшее*, *рецептор*, *Роберт Гук*, *рост*, *стволовая*, *строительный материал*, *цитология*, *часть организма*, *человека*, *эпителиальная*.

Предметную и коннотативную зону составляют реакции *тюрьма* (4), *птица*, *ткань*, (3), *квадрат*, *маленькая*, *тетрадь*, *дверь*, *железо*,

животное, запрет, заточение, зверь, здоровье, золотая, зоопарк, кошка, круг, круглый шар, мишень, мышка, плен, попугай, расписание, растение, решетка, свобода, собака, тюремная, учеба, Шотландия.

Рассмотрим словарную статью на слово *клетка* в РАС [Караулов 1986: 73]

Клетка (РАС) – птица (15), золотая (7), тюрьма (4), железная, зверь, организма (3), для птиц, зоопарк, с попугаем, ядро (2), беличья, биологическая, большая, вагонетка, вольер, деревянная, дискотека, для голубей, для животных, для птицы, для собаки, для соловья, железо, живая, животная, животное, замкнутость, зверинец, зверя, зоопарка, крови, лев, лестничная, листок, льва, мембрана, мертва, на рубашке, неволя, носорога, помещение для животных, попугай, пташка, птичья, пустая, решетка, с птицей, с птичкой, с тиграми, с тигром, свобода, сетка, со львом, соседка, СССР-РСФСР, тела, тетрадная, тетрадь, тигра, тигр, ткани, у льва, хищник, шахматы, эмбриона (103).

Если говорить о выделении понятийной зоны в условиях неспециальной сферы функционирования, то анализ частотных параметров словреакций показывает, что понятийная зона лексемы *клетка* как научного понятия представлена незначительно: *организма (3), ядро (2), живая, крови, лев, мембрана, мертва, эмбриона*. Сигнификативная зона лексемы *клетка* в первом значении (помещение с поставленными с промежутками прутьев для птиц и животных [Ожегов 1981: 246]): *птица (15), зверь (3), для птиц, с попугаем, (2), беличья, для голубей, для животных, для птицы, для собаки, для соловья, животное, зверя, лев, лестничная, льва, мембрана, носорога, помещение для животных, попугай, пташка, птичья, с птицей, решетка, с птичкой, с тиграми, с тигром, сетка, со львом, тигра, тигр, у льва*; и второе значение прямо и опосредованно (отдельный квадрат разграфленного пространства [Там же]) выражают следующие реакции: *листок, на рубашке, тетрадная, тетрадь, ткани, шахматная*.

Вышеперечисленные реакции могут быть рассмотрены как определенная оппозиция реакциям, отражающим денотативные и коннотативные признаки лексемы *клетка*, то есть предметно-образное содержание и эмоционально экспрессивную оценку: *золотая (7), тюрьма (4), железная, зоопарк, большая, вагонетка, вольер, деревянная, дискотека, замкнутость, зверинец, зоопарка, лестничная, неволя, пустая, свобода, соседка, СССР-РСФСР*.

Анализ результатов данных экспериментов показал, что для испытуемых, владеющих определенной терминологической системой, слова-стимулы, которые функционируют и как термины, и как нетермины,

выражают преимущественно научно-технические понятия, а в ответах испытуемых, не относящихся к данной области знаний, сигнификативную зону составляет бытовое, нетерминологическое значение.

Таким образом, во-первых, вне зависимости от социально-профессионального состава респондентов представлены все три зоны: сигнификативная, денотативная и коннотативная, а если предположить отсутствие десигнагов среди слов-реакций, то это сигнал о том, что или выборка нерепрезентативна, или лексема, выступающая в качестве слова-стимула, не закреплена в сознании носителей языка. Во-вторых, сигнификативная зона варьируется в зависимости от профессиональной деятельности респондентов, в-третьих, представляет интерес как оппозиция денотативной и коннотативной зонам, наполнение которых можно систематизировать по какому-либо признаку (например, грамматическому, когнитивному или прагматическому) и проводить сопоставление с десигнатами.

Литература

Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 487 с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981. 816 с.

Русский ассоциативный словарь: в 3-х ч., 6 кн. / сост. Ю.Н. Караулов и др. Кн. 1, 3, 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. М.: Институт русского языка РАН, 1994–1998.

Синелева А.В. Опыт фреймового метода представления содержательных аспектов словарных статей терминологического словаря // Информационно-измерительные и управляющие системы. 2013. Т. 11. № 7. С. 24-28.

Словарь медицинских терминов. URL: <http://deus1.com/vocolab-10.html>.

A. V. Sineleva (Nizhny Novgorod, Russia)

*National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
sinstasi@mail.ru*

INVESTIGATION OF ASSOCIATIVE-VERBAL NETWORK BY FRAME METHOD OF INTERPRETING INFORMATION

The article discusses the possibility of identifying the significative zone in associative-semantic fields by frame method. Frame structures are a hierarchi-

cally systematized model of human memory and consciousness and are most effective for the structural description of complex concepts, therefore they are represented quite effectively in the analysis of associative experiment data.

Key words: associative experiment, associative-semantic field, denotate, designate, connotate, significative relations, frame.

О.А. Сулейманова (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

olgasoul@rambler.ru

М.А. Фомина (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

marinafomina7@gmail.com

ВАРИАТИВНОСТЬ КОГНИТИВНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФОРМЫ БЫТИЯ ОБЪЕКТА: *СТОЯТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ*

В статье рассматриваются особенности концептуализации пространственного бытия физических объектов глаголами *стоять, лежать, сидеть*. Авторы обосновывают отсутствие оснований для отнесения предикатов в «бытийном» значении к делексикализованным и полагают, что одним из ключевых представлений для семантики данных слов является идея об изоморфизме между внеязыковой действительностью и ее отражением в языке и одновременно о вариативности в профилировании объекта физического мира.

Ключевые слова: глаголы, функциональность, делексикализация, изоморфизм.

Введение

В статье представлено описание особенностей концептуализации пространственного бытия объектов глаголами *стоять, лежать, сидеть*. Эти глаголы неизменно вызывают интерес у лингвистов: объясняется вариативность языковой репрезентации денотативной ситуации – *тарелка стоит на столе / лежит в мойке* или *тарелка стоит / лежит в посудомоечной машине* – через признак функциональности [Рахилина 1998], постулируется их делексикализация в локативном употреблении [Арутюнова, Ширяев 1983] и др.

Действительно, одна и та же денотативная ситуация может быть представлена по-разному – ср. *книгу читают / книга читается / X читает книгу*, и в различных языковых картинах мира (ЯКМ) одна и та же ситуация системно получает различающиеся когнитивные интерпретации и языковые реализации. Окружающий мир «живет» своей жизнью в языке, которая не всегда изоморфна действительности, что имеет следствием вариативность ее репрезентации. Вариативность, а также необходимость ре-интерпретировать семантику рассматриваемых глаголов с учетом представления об изоморфизме (иконичности) между внеязыковой действительностью и ее отражением в языке и одновременно о вариативности в профилировании объекта физического мира говорят в пользу **актуальности** проводимого исследования.

Целью данной работы является анализ фрагмента ЯКМ, представляющего вариативную концептуализацию обыденной действительности: предметов одежды, домашнего обихода, интерьера и топологии природных объектов. В ряде случаев мы также затронем иные метафорические области, если в них отражены те же когнитивные основания, что и в наименованиях физических объектов. Полученные в результате ре-интерпретации семантики глаголов семантические описания с учетом ключевого для данного исследования представления об изоморфизме между внеязыковой действительностью и ее отражением в языке составляют **новизну** проведенного исследования.

1. Имеет ли место делексикализация

Как полагают Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев, глаголы *стоять*, *лежать* и *сидеть* в «бытийном» значении выключаются из многих противопоставлений, определяющих их лексическое значение, оставляя только бытийное значение. Так, глагол *стоять* в предложении *На окраине города стоит телебашня* выключен из противопоставлений *стоять – лежать*, *стоять – идти* и др., так как сам бытующий объект (*телебашня*) осмысливается как такой, который не может ни лежать, ни ходить [Арутюнова, Ширяев 1983: 33]. По мнению авторов, рассматриваемые глаголы выступают здесь как *делексикализованные*, т.е. «специализируются только на выражении бытийных отношений» [Там же: 32]. Мы полагаем, однако, что в данном случае делексикализация может интерпретироваться как антропоморфная метафоризация – действительно (как отмечают и авторы рассматриваемой работы), помимо бытийности в высказывании может сообщаться и о вертикальном положении объекта (телебашня может

и *лежать* перед ее установкой рабочими). Иными словами, сема вертикального положения все-таки заставляет отнести глагол в данном значении не к чисто бытийным – он сохраняет некие дополнительные семы.

Ср. также утверждение авторов о том, что в высказывании *На документе стоит подпись директора* происходит предельная делексикализация и выбор глагола «диктуется чисто языковыми законами лексической сочетаемости» [Арутюнова, Ширяев 1983: 33]. Как представляется, в приведенном авторами примере скорее реализуется метонимический перенос «вертикально используемый предмет для производства подписи – подпись».

Более того, изоморфизм положения бытующего предмета и его языковой репрезентации также свидетельствует в пользу сохраняющейся лексикализации и служит основанием для процессов метафоризации: так, авторы отмечают, что глагол *стоять* используется с обозначениями вертикально ориентированных объектов (не способных к перемещению) – архитектурные сооружения (*дом, башня*), высокорослые растения, космические объекты (*Луна стоит красная*), графические объекты (*подпись, печать*). Для глагола *лежать* значима сема горизонтальности: ср. употребление наименований сыпучих масс (*Мука лежит в амбаре*), плоских предметов (*На столе лежит бумага*), световых изображений (*Тень лежит на земле*).

2. В функциональной интерпретации семантики данных глаголов в качестве семантической доминанты для глаголов *стоять* и *лежать*, описывающих положение неподвижных объектов с «невыраженной пространственной интерпретацией» (объекты имеют нефиксированные размеры и форму), рассматривается не локативная, а функциональная составляющая [Рахилина 1998: 72]. То есть важным оказывается то, что объект помещается в функциональное пространство, в котором он только и может использоваться по назначению: функция тарелки состоит в том, что она наполняется едой (обычно на специальных поверхностях – на столе), что возможно в ее определенной ориентации относительно поверхности (она обращена вверх вместилищем, а не стоит на ребре или вверх дном), тогда как при ее помещении в раковину она может там и стоять, и лежать (причем второе вероятнее). Иными словами, это позиция готовности к выполнению функции или фактически выполнения функции, для которой и существует данный объект. Таким образом, *ужин/салат/суп/тарелка с едой стоит на столе; тарелка, сковорода, чашка, блюдец стоят на столе, но в мойке / в раковине / в тазике лежат*, что объясняется

тем, что в таком случае данные объекты перестают использоваться по своему прямому назначению, не выполняя своей функции.

Данного признака вместе с тем недостаточно для адекватного описания значений данных глаголов: так, *вилка и ложка на столе лежат*, готовые к употреблению и выполнению своей прямой функции. Значимым оказывается также соотношение вертикального и горизонтального размера и ориентация объекта (*ложка может и стоять в густом борще*). Верно и обратное: *зонтик* может не только *лежать* в шкафу, не реализуя свою основную функцию, но и *стоять*, если расположен в шкафу вертикально в специальном отделении для трости, зонтов, клюшек для гольфа и пр.

3. Анализ семантики выбранных глаголов

Анализ семантики выбранных глаголов не позволяет говорить о делексистикализации – делексистикализация (десемантизация) предполагает взаимозаменяемость рассматриваемых глаголов по крайней мере в их «бытийном» значении, однако языковой материал свидетельствует об обратном, ср.: *Город стоит на Оке*, **Город лежит на Оке* и **Город сидит на Оке*; или *Село лежит*/**сидит*/**стоит у подножия горы*. Иными словами, сохраняются семантические различия даже между «бытийными» значениями слов.

Семантику глаголов определяет представление об изоморфизме (иконичности) действительности и ее отражения в языке и одновременно о вариативности в профилировании объекта: идея изоморфизма не противоречит представлениям о разнообразии ЯКМ, когда в основе концептуализации возможно профилирование одного из изоморфных свойств объекта. Действительно, как часто отмечается (см. [Рахилина 1998]), многие вертикально ориентированные объекты *стоят*, горизонтально ориентированные – *лежат* (речь идет не об абсолютной ориентации – ср. *складки красиво лежат* (о юбке), *воротник красиво лежит*).

В основе профилирования могут лежать различные принципы осмысления описываемой ситуации: *город* может как *лежать*, так и *стоять на реке*, *село лежит* (не **стоит*) *у подножия горы*, т.е. город может профилироваться как протяженный объект, горизонтальная ориентация которого превышает вертикальную (*лежит на реке*), или же специально задается ориентация на плоскости (*лежит к югу от*); и как вертикально протяженный. Что касается *села*, оно помещается в языке в горизонтальную плоскость, и ориентация может подкрепляться вертикально ориентированными релятивами: *у подножия горы*.

Для описания семантики значений *стоять 1* и *стоять 2* важно также представление об инвариантном значении: для *стоять 1* в качестве инварианта выступает информация (о трактовке значения через понятие информации см. в [Сулейманова, Лукошус 2018; Фомина 2015]) о пребывании объекта в неподвижном вертикальном положении: *машина стоит перед светофором*, его пресуппозицию составляет допущение, что объект может перемещаться, тогда как у *стоять 2* – *За окном стояло дерево* – такой пресуппозиции нет. *Стоять 1* вносит информацию о вертикальной ориентации неподвижного в данный момент объекта, однако потенциально свободно перемещающегося, ср.: *Он стоит, не движется*. Высказывание отвечает на вопрос *Что делает X?* *Стоять 2* реализуется в локативной модели: ср. обязательность локативного члена: *Машина стоит в гараже*, *Он стоит на фото в пятом ряду* – ср. неприемлемое в данном случае высказывание без локатива *Машина стоит* (в отличие от корректного *Машина в гараже*); при этом локативное высказывание отвечает на вопрос *Где машина?*

Инвариантное значение глагола *лежать* – пребывание в положении параллельном (на) плоскости опоры – ср. прямое значение *Вася лежит на диване (Что делает Вася? и Где Вася?)* и метафорические *Воротник красиво лежит, складки (о юбке) красиво лежат (Как лежит X?)* и, напротив, *Платье лежит в шкафу (Где платье?)*. Аналогично структурирована семантическая структура глагола *сидеть* – ср. *Он сидит в углу – Платье хорошо сидит*.

Инвариантное значение глагола *сидеть* определяется как пребывание X-а в согнутом под некоторым углом (около 90 градусов) положении с фиксацией срединной части объекта на горизонтальной опоре.

Литература

Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение. М.: Русский язык, 1983.

Рахилина Е.В. Семантика русских «позиционных» предикатов: «стоять», «лежать», «сидеть» и «висеть» // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 69-80.

Сулейманова О.А., Лукошус О.Г. К вопросу о методике дискурсивного анализа // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О.А. Сулейманова. М.: Ленанд, 2018. С. 62-82.

Фомина М.А. Субъект в пространственных безличных моделях типа *У меня в ухе звенит*. К 90-летию И.-Э.С. Рахманкуловой // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2015. № 4 (20). С. 49-55.

O.A. Suleimanova (Moscow, Russia)

Moscow City University

M.A. Fomina (Moscow, Russia)

Moscow City University

VARIABILITY IN COGNITIVE INTERPRETATION OF OBJECTS' STATE OF BEING: THE VERBS *STOJAT'*, *LEZHAT'*, *SIDET'*

The paper focuses on conceptualization of the state of being by the verbs *stojat'*, *lezhat'*, *sidet'*, provides arguments against treating the verbs delexicalized. The authors argue that it is the idea of isomorphism between the reality and its linguistic representation as well as of variability in cognitive interpretation of the world that makes it possible to define the semantics of the verbs.

Key words: verbs, functionality, delexicalization, isomorphism.

Сюй Лили (Нижний Новгород, Россия)

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

lilisyuy2017@gmail.com

АНТОНИМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ *ГОРЯЧИЙ* – *ХОЛОДНЫЙ* В МЕТАФОРИЧЕСКИХ ДЕРИВАЦИОННЫХ МОДЕЛЯХ

В настоящей статье рассматриваются антонимические отношения качественных прилагательных *горячий* и *холодный* в метафорических деривационных моделях. Исследование затрагивает проблему семантической деривации многозначных слов в когнитивном аспекте. Особое внимание уделяется сопоставительному описанию метафорических словосочетаний слов *горячий* и *холодный*.

Ключевые слова: антонимия, полисемия, метафора, семантическая деривация.

Исследования антонимии в лингвистике имеют долголетнюю традицию. Многие ученые считают, что существенным признаком антонимии считается бинарная противоположность, служащая главным принципом познания мира человека. По мнению Л.А. Новикова, основание определения и классификации антонимии представляет собой «смысловая противоположность, свойственная всем носителям языка, закрепленная в нормах словоупотребления» [Новикова 1982: 234]. К.В. Гудкова подчеркивает, что «существенным признаком антонимии является ее бинарность: антонимия предполагает в языке и речи наличие двух слов, соотносящихся по принципу противоположности» [Гудкова 2012: 109]. Нужно отметить, что не все слова имеют способность образования антонимов. С точки зрения Н.М. Шанского, «к антонимам можно отнести только слова, обозначающие качественное, количественное, временное или пространственное явление» [Шанский, Иванов 1987: 27]. В связи с этим, качественные прилагательные чаще способны составлять антонимическую пару.

Одну из наибольших сложностей исследования антонимов, на наш взгляд, представляет собой многозначность слов. Причиной многозначности, по мнению Аристотеля, считается недостаток языковых средств для выражения неограниченных вещей [Аристотель 2002: 53]. Но это полностью не объясняет проблему, поскольку значения многозначных слов во многих случаях связаны друг с другом. М.П. Муравицкая считает, что новые значения опираются на преобразовании старых значений [Муравицкая 1964: 15]. В.В. Виноградов утверждает, что связь значений в смысловой структуре слова, способы сочетания слов определяются внутренними семантическими закономерностями развития языковой системы [Виноградов 1977: 175]. На наш взгляд, развитие семантики неотъемлемо от модели человеческого мышления: многозначность по существу является результатом упорядочения информации об окружающем мире, зависящим от привычки мышления. Как утверждает Л.М. Лещева, полисемия «теснейшим образом связана с когнитивными процессами концептуализации и категоризации, лежащими в основе мышления и обеспечивающими формирование и функционирование концептуальной системы» [Лещева 2014: 99].

В полисемии часто происходит семантическая деривация по определенным когнитивным моделям. Согласно определению Т.Н. Пархоменко, «семантическую деривацию можно понимать как образование новых

слов от одного исходного, идущее по метафорическим и метонимическим моделям с множественными явлениями генерализации и специализации» [Пархоменко 2012: 87]. Таким образом, способами семантической деривации многозначных слов в основном служат метафора и метонимия. Как известно, метафора и метонимия в когнитивном аспекте понимаются не только как языковые явления, но и как способ мышления и познания мира. Согласно теории Дж. Лакоффа, метафора определяется как проекции между двумя концептуальными областями: «локус метафоры не в языке вообще, но в том, как мы концептуализируем одну ментальную область в терминах другой» [Lakoff 1993: 203], а метонимия понимается как символизирование одной сущности в другой в рамках одной ментальной категории [Lakoff & Johnson 1980: 40].

Деривации значений исследуемых нами прилагательных *горячий* и *холодный* основываются на метафорической модели. По мнению Е.В. Рахилиной, главной задачей разрешения многозначности в сфере адъективной лексики является установление набора значений каждого прилагательного и определение для каждого значения допустимых при нем семантических классов существительных [Рахилина 2009: 203]. В настоящем исследовании рассматривается и сопоставляется антонимическое отношение многозначных прилагательных *горячий* – *холодный* в проявлении метафорической сочетаемости. Анализ словосочетаний слов *горячий* и *холодный* с разными существительными из газетных статей Национального корпуса русского языка позволит нам сделать следующие выводы [URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>].

Прежде всего, для многозначных прилагательных *горячий* и *холодный* связью между первичными значениями и значениями, полученными по метафорическим деривационным моделям, являются восприятие температуры человека в физическом и в психологическом аспектах. Их первичные значения связаны с температурными признаками конкретного предмета (*горячий чай, холодная погода*), а метафорические – более с духовными состояниями, отношением к окружающему миру (*горячий прием, холодный ответ*). Это свидетельствует о том, что семантическая деривационная тенденция качественных прилагательных идет от конкретного понятия к абстрактному. Как отмечает Л.М. Лещева, полисемия – это «результат деривационного процесса создания новых абстрактных понятий на основе концептов, возникших ранее из практического опыта» [Лещева 2014: 67].

Составляя метафорические сочетания с существительными, обозначающими различные категории, *горячий* и *холодный* могут выполнять функции создания новых концептов или вкладывания новыми когнитивными признаками в старые понятия. Например, *горячая точка* – вооруженный конфликт с применением огнестрельного оружия; *горячая линия* – прямая связь с местом событий для передачи самых свежих новостей или сведений из первых рук; *горячий парень* – человек очень эмоциональный; *горячий спор* – с эмоциональностью и экспрессивностью; *горячий сторонник* – человек страстно преданный, полный чувств; *холодный математик* – логичный, рациональный; *холодное отношение* – равнодушное, бесчувственное отношение; *холодный ответ* – сдержанный, неэмоциональный, возможно, высказанный с обидной прямоотой, и др.

Горячий и *холодный* сохраняют антонимическое отношение в разных метафорических деривационных моделях. **1) Выражение чувств и эмоций:** *горячее сердце* – *холодное сердце*, *горячая кровь* – *холодная кровь*, *горячий прием* – *холодный прием*, *горячие глаза* – *холодные глаза* и т. д. В таком случае антонимическая пара *горячий* – *холодный* соответствует антонимической паре *страстный-равнодушный*. Приведем пример: *Поклонники футбола Юга России известны на всю страну своими горячими сердцами и преданностью своей команде; В дни, когда решается судьба Крыма и наших соотечественников, деятели культуры России не могут быть равнодушными наблюдателями с холодным сердцем.* **2) Описание характера или темперамента:** *Горячий* в обозначении человека приобретает признак вспыльчивый, легко возбудимый (*горячая голова/человек/парень/боец* и др.), а *холодный* имеет значение спокойный, хладнокровный (*холодная голова/человек/разум/ум/расчет/интеллект* и др.). Например: *Предвижу разочарование некоторых наших горячих голов, которые требуют от российского руководства решительных действий; Глобального детального анализа своей работы я пока не делал, должно пройти какое-то время, чтобы проанализировать все с холодной головой.* **3) Выражение степени популярности.** Обнаружены такие словосочетания, как *горячий сезон*, *горячий тур*, *горячий бренд*, *горячая киноточка*, *горячий магазин*, *горячий кремль*; *холодный сезон*, *холодный профессионализм*, *холодная случайность*, *холодное пространство*, *холодный храм* и т. д. Здесь *горячий* обозначает популярный, востребованный, живой, а *холодный* – непопулярный, безлюдный. **4) Выражение временной напряженности или актуальности:** *горячая линия*, *горячая*

клавиша, горячая кнопка, горячая новость, горячее заседание и другие. В такой семантической категории обнаружено и словосочетание – *холодный старт*, в котором *холодный* значит медленный. Например: *Среди недочетов российской системы Муртазин назвал более длительный, чем у GPS, период так называемого **холодного старта** – времени до определения первых координат после включения устройства.* 5) **Описание цвета или света:** *горячий участок мозаики – холодный участок мозаики, горячее пятно – холодное пятно* и т. д. Здесь *горячий – холодный* совпадают с антонимической парой *светлый – темный*.

Таким образом, когнитивные признаки качественных прилагательных *горячий* и *холодный* определяются сочетаемостью с разными существительными. Приобретение деривационных значений происходит по метафорической модели, структурирующей наше мышление. Антонимическое отношение лексической пары *горячий – холодный* проявляется не только в области физического восприятия температуры, но и в эмоциональном, характерном, временном и цветовом метафорических значениях.

Литература

Аристотель. Сочинения: Философская проза. Стихотворения / ред.-сост. Т.Г. Тетенькина. Калининград: Янтарный сказ, 2002. С. 53.

Виноградов В.В. Лексикология и лексикография. М.: Изд-во «Наука», 1977. С. 175-189.

Гудкова К.В. Бинарные оппозиции и проблемы лексикографического описания антонимов // Вестник СПбГУ. Санкт-Петербург: 2012. № 9. С. 109-115.

Лещева Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М.: Языки словянской культуры, 2014. С. 99.

Муравицкая М.П. Некоторые вопросы полисемии. Киев: Изд-во КГУ, 1964.

Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высшая школа, 1982. С. 243-255.

Пархоменко Т.Н. К вопросу о семантической деривации // Вестник КемГУ. 2012. № 4. С. 87.

Рахилина Е.В. Модели семантической деривации многозначных качественных прилагательных: метафора, метонимия и их взаимодействие //

Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. М.: РГГУ, 2009. С. 420-426.

Шанский Н.М., Иванов В.В. Современный русский язык: учебник для студентов педвузов. М.: Просвещение, 1987. С. 27.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // *Metaphor and Thought* / ed. A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202-251.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>. (дата обращения: 20.03.2018).

Xu Lili (Nizhny Novgorod, Russia)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

ANTONYMIC RELATIONS OF ADJECTIVES *HOT-COLD* IN METAPHORICAL DERIVATIVE MODELS

The article aims to the question of the antonymic relations of qualitative adjectives *hot* and *cold* in metaphorical derivative models. The study addresses the problem of the semantic derivation of polysemantic words in the cognitive aspect. Particular attention is paid to the comparative description of metaphorical word combinations with *hot* and *cold*.

Key words: antonymy, polysemy, metaphor, semantic derivation.

Т.В. Хвесько, С.Ю. Третьякова (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет

khvesko@inbox.ru

chattgrise67@mail.ru

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНТРОПОНИМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается когнитивно-прагматический аспект функционирования антропонимов в художественном дискурсе как один

из значимых факторов в прагматике литературного произведения. Имена персонажей Дж.К. Роулинг позволяют говорить о том, что номинация литературных персонажей мотивирована авторским замыслом и отражает креативный характер мышления.

Ключевые слова: антропоним, семантика, прагматика, номинация, когнитивный аспект.

Важнейшей характеристикой слова как лингвистического феномена является соотнесенность с объектом окружающего мира. Однако если имя нарицательное соотносится со своим референтом через понятие, то имя собственное соотносится с ним непосредственно [Суперанская 1973]. Главная функция антропонимов – идентификация лица. И.Р. Гальперин выделяет особый тип лексического значения слов – номинативное [Гальперин 1977]. Антропонимы ведут свое происхождение от нарицательных имен и сохраняют в своей семантической структуре определенную этимологическую семантику, однако А. Вежибцкая считает, что имена «...значат не только с этимологической, но и с синхронной точки зрения» [Вежибцкая 1996: 192]. Если применить классификацию типов лексического значения, предложенную И.В. Арнольд, к семантической структуре антропонима, то его денотативным значением будет номинативное; однако этим его семантика не исчерпывается – она включает в себя различные прагматические коннотации. В именах, фамилиях и прозвищах может присутствовать указание на пол, возраст, социальную и религиозную принадлежность [Арнольд 1990].

Новая отрасль на стыке дисциплин – когнитивная лингвистика – рассматривает номинацию в двух ракурсах: понятийном, при котором внимание сосредоточено на ментальных процессах, сопровождающих возникновение в языке новых гибридных единиц, и коммуникативном, когда номинация получает оценку с точки зрения ее участия в деятельности, нацеленной на построение общего когнитивного пространства дискурса. Это позволяет, с одной стороны, отразить мотивированность имянаращения, с другой – описать процессы построения новых значений в речи [Хвесько, Басуева 2015].

«Мотивированность имянаращения» наиболее очевидна в художественном дискурсе. Имена литературных персонажей характеризуют почерк писателя и помогают раскрыть его концептуальный замысел. «Харизматический смысл поэтического ономастикона очевиден там и тогда, когда

мы имеем дело с мастером художественного слова, вобравшим в своем творчестве достижения предшествующих эпох и углубившим поэтико-ономастические традиции классики» [Фролов 1994: 159] Личные имена, прозвища и фамилии в художественном тексте – это ценный эстетический компонент в системе средств художественной выразительности. Специфической для художественного дискурса является семантическая емкость антропонима; с его помощью писатель лаконично раскрывает место и значение действующего лица. Наименование персонажа – весьма экономичное средство как непосредственной, так и косвенной характеристики, которая проявляется либо в контексте, либо в этимологической семантике антропонима.

Имена собственные рассматриваются в лингвистической литературе в двух аспектах: ономасиологическом и семасиологическом. «В первом случае анализируется способ обозначения объективной реалии, во втором – изучается значение имени, его структурно-семантическая характеристика» [Кубрякова 1986: 35]. В ономасиологии явление номинации представляется как результат процесса создания онима на основе мотивировочного признака. Следовательно, мотивированность рассматривается как акт закрепления признаков объекта различными языковыми средствами [Хвесько 2016]. Одним из таких средств является лексическое значение слова, выбранного автором в качестве имени персонажа. Это имя несет в себе определенную оценку. В окружающем мире нет хорошего или плохого в абсолютном смысле, именно человек (автор) наделяет своего героя положительными или отрицательными качествами, и именно в сознании человека (читателя) на основе языка они интерпретируются как таковые. Н.Н. Болдырев утверждает, что «в сознании человека существует отдельная система оценочных концептов и категорий, обеспечивающих оценочную интерпретацию полученных знаний о естественных предметах и явлениях» [Болдырев 2009: 43]. Оценочные функции слов могут быть заложены в их семантике и/или реализовываться при функционировании слов в определенном контексте. Именно в контексте литературного произведения реализуют свою оценочную функцию так называемые «говорящие имена», которые играют немалую роль в прагматике художественного дискурса, поскольку важно не только то, что они «говорят», но и кому «говорят».

Прагматическая функция языковых единиц не имеет языковых средств реализации; она осуществляется только в процессе коммуникативно-речевой деятельности, а также в тексте как продукте такой деятельности.

В речевом акте участвуют говорящий и адресат, выступающие как носители определенных согласованных между собой ролей (функций). Участники речевого акта обладают фондом речевых навыков (речевая компетенция), а также фондом общих знаний и представлений о мире (фоновые знания). По мнению Н.Д. Арутюновой, между речевым актом и прозаическим художественным текстом существует определенный параллелизм. «Литературной коммуникации, как и повседневному общению, присущи такие параметры, как автор речи, его коммуникативная установка, адресат и связанный с ним перлокутивный эффект (эстетическое воздействие)» [Арутюнова 1981: 31]. Исходя из этого, существует возможность рассматривать прозаическое произведение как единый речевой акт, содержащий такую прагматическую информацию, как «личностный компонент выражения психического состояния говорящего (автора произведения) и его отношения к действительности» [Арутюнова 1981: 32].

Степень реализации прагматического потенциала имени литературного персонажа во многом зависит от фоновых знаний читателя. Знатоки французского языка поймут смысл имен таких персонажей серии романов Дж.К. Роулинг о Гарри Поттере, как *Voldemort* (*vol de mort* – полет смерти/ мертвеца) или *Malfoy* (*mal* – дурной, злой; *foy* (современное правописание *foi*) – вера: бесчестный (буквально «(ему) плохая вера»); знатоки староанглийского расшифруют фамилию *Dumbledore* (*cosp. bumblebee* – шмель; выбрано, вероятно, потому, что профессор Дамблдор любит ходить и напевать (гудеть) себе под нос); тот, кто увлекается оккультизмом и знаком с книгой Агриппы фон Неттесгейма «*De Occulta Phylosophia*», в которой излагаются правила геомансии (аналог гадания по «И Цзин»), разгадает тайный смысл имен *Albus* и *Rubeus*: фигура «*albus*» в геомансии символизирует белую энергию, превращающую страдание в счастье, фигура «*rubeus*» – красную, необузданную, первозданную энергию. Однако логично предположить, что семантика данных антропонимов останется за пределами понимания подавляющего большинства читателей, а вместе с ней и прагматика, т.е. попытка автора через имя дать характеристику персонажу или сообщить о нем определенную информацию. При этом когнитивно-прагматический потенциал антропонимов, семантика которых абсолютно прозрачна для носителя английского языка, имеет все шансы реализоваться в коммуникативном акте писатель-читатель: *Bloody Baron*, *Fat Friar*, *Elfric the Eager*, *Emeric the Evil*, *Uric the Oddball*, *Fat Lady*, *Nearly Headless Nick*.

Проблему представляют и антропонимы, не обладающие прозрачной синхронной семантикой, например, Harry Potter. Имя и фамилия широко распространены в Англии, и все же нам представляется маловероятным, что автор выбрал для главного героя случайное имя. Если рассмотреть этимологию имени *Harold*, производным которого является *Harry*, то оно восходит к др.-англ. *Hereweald* = др.-ск. *HERE* (армия, войско) + *WEALDAN* (править, управлять) [Рыбакин 1989]. На наш взгляд, такое имя вполне подходит мальчику, которому суждено бороться с величайшим злодеем мира волшебников и победить его. И все же он – *Harry*, а не *Harold*. Автор подчеркивает этим, что ее отважный герой еще очень маленького роста. Фамилия *Potter* означает «гончар» [Рыбакин 1986]; ее простонародное происхождение составляет контрастную пару благородному имени, давая понять, что сила, мужество и доблесть свойственны обыкновенному мальчишке. Эту фамилию носят еще два персонажа – родители Гарри. Имя отца *James* на иврите означает «тот, кто идет по пятам». Казалось бы, не очень логично – по пятам отца должен идти сын, но тень погибшего Джеймса Поттера встает за плечами его сына Гарри в самых трудных ситуациях, давая мальчику удивительную силу, следовательно, такой смысл в имени героя вполне может присутствовать. Что касается матери – *Lily* – то ее имя на языке цветов означает «чистота, добродетель», что как нельзя лучше характеризует героиню. Однако, как и в случае с «говорящими именами», семантика и прагматика таких антропонимов вряд ли достигнет читателя.

Из сказанного выше можно сделать вывод о том, что анализ когнитивно-прагматического потенциала антропонимов в художественном дискурсе представляется актуальной темой лингвистического исследования, так как поэтика собственных имен – область недостаточно изученная; между тем, характер семантического (и прагматического) потенциала имени собственного является одним из существенных факторов в идиолекте писателя.

Литература

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Промсвещение, 1990. 300 с.

Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР, серия ЛиЯ, 1981. № 4. С. 360-366.

Болдырев Н.Н. Оценочная метапрезентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Вып. V. 2009. С. 43-51.

Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высшая школа, 1977. 332 с.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Наука, 1986. 159 с.

Рыбакин А.И. Словарь английских личных имен. М.: Русский язык, 1989. 244 с.

Рыбакин А.И. Словарь английских фамилий. М.: Русский язык, 1986. 576 с.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 218 с.

Фролов Н.К. Функции антропонимов в художественном тексте // Духовная культура Сибири. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1994. С. 156-172.

Хвесько Т.В., Басуева Н.Ю. Вербальное воздействие как стимул к познанию // Когнитивные исследования языка. 2015. № 21. С. 607-611.

Хвесько Т.В. Когнитивная интерпретация онимов // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 367-369.

T.V. Khvesko, S.Y. Tretyakova (Tyumen, Russia)
Tyumen State University

COGNITIVE AND PRAGMATICAL ASPECTS OF ANTHROPONYMS IN LITERARY DISCOURSE

The article studies cognitive and pragmatic aspects of anthroponyms in literary discourse as an important component of literary writing. Names of some J.K. Rowling's characters enable us to assume that nomination of literary characters is motivated by the author's intention and it shows his creative way of thinking.

Key words: anthroponym, semantics, pragmatics, nomination, cognitive aspect.

О.В. Щербань (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет
olga_vs80@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭВФЕМИЗАЦИИ

В статье рассматриваются когнитивно-дискурсивные предпосылки возникновения эвфемизмов на основе кодифицированных английских фразеологизмов в ходе семантической деривации. В результате проведенного анализа эмпирического материала выводятся модели семантической деривации в семантической группе «смерть». Исследование показывает, что продукты семантической деривации в английской фразеологии отражают динамику ценностных ориентаций и актуальные социально-правственные сдвиги в современном англоязычном обществе.

Ключевые слова: эвфемизм, фразеологическая единица, семантическая деривация, концептуальная метафора, антропоморфизм.

Эвфемия – одно из наиболее значимых явлений в языке, которое наглядно демонстрирует то, как человек конструирует окружающий мир в своем сознании, опираясь «на опыт языкового освоения мира» [Болдырев 2016: 29]. Эвфемизмы не просто служат средством проявления вежливости, толерантности или политкорректности – эти языковые единицы явственно отражают ценностную картину мира данного языкового сообщества и, более того, участвуют в ее формировании. Иначе говоря, эвфемия включена в процесс *оценочной интерпретации*, которая представляет собой «схематизацию опыта в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей... – оценочную концептуализацию и категоризацию» [Там же].

Будучи знаками вторичной номинации, эвфемизмы, как и фразеологические единицы (ФЕ), выражают результаты «вторичной» интерпретации уже имеющегося знания [Щербань 2017]. Например, английское выражение *collateral damage* приобрело свое эвфемистическое значение (гибель гражданских лиц в ходе боевых действий) вследствие переосмысления исходного сочетания слов, новой категоризации и переоценки называемого явления и соотношения его с новым концептом. Возможность переноса исходного наименования на иной объект во многом обусловле-

на особенностями семантики таких выражений, сближающими их с ФЕ. Как отмечает Е.В. Рыжкина, для фразеологизмов характерна «некоторая концептуальная размытость, а на уровне фразеологического значения – расширенная семантическая периферия», что объясняет возможность множественности их прочтения и способность к разнообразным преобразованиям в коммуникации [Рыжкина 2017: 163]. Не случайно многие эвфемизмы, по сути, являются фразеологизмами, семантика которых претерпела определенную модификацию.

Этот факт вторичности, производности эвфемизма обуславливает его осложненность в концептуальном плане. «Образные представления, на основании которых формируется семантика эвфемизмов, являются по большей части сложными концептуальными структурами, составленными из более простых метафорических и метонимических концептов, которые, по-разному комбинируясь, создают образы разной степени сложности», – пишет Л.В. Порохницкая [Порохницкая 2014]. Семантическая деривация в сфере фразеологии, выражающаяся в эвфемизации исходной единицы, позволяет ближе рассмотреть эту иерархическую структуру и ее изменения. В данной статье анализируются модели семантической деривации данного типа на примере фразеосемантических групп «смерть» и «неудача».

Один из самых страшных и неизбежных спутников человека, смерть с давних пор вызывает у него желание спрятаться за расплывчатыми формулировками. В списке английских эвфемизмов-ФЕ со значением «смерть, умереть» в онлайн-энциклопедии Википедия представлено 31 выражение. Из них девять выражений являются многозначными, а именно: *to bite the dust*, *to give up the ghost*, *to bite the big one*, *to go bung*, *to go for a Burton*, *to head for the last roundup*, *to go west*, *to turn up (one's) toes* и *to toss in one's alley*. Несмотря на то что эти эвфемизмы имеют разное происхождение и состав, дальнейшее развитие их значения происходит по схожим моделям, рассматриваемым ниже.

Одно из самых распространенных вторичных значений в этой группе образовано путем метафорического переноса: в этом случае умирает не человек, а какой-то предмет, часто приспособление или машина, например:

Older cars head for the last round up (<https://www.motortrader.com/general-news/older-cars-head-for-the-last-round-up-18-01-1999>).

The printer's finally given up the ghost (<https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/give-up-the-ghost>).

Возникновение данного метафорического значения – проявление антропоморфизма, при котором люди невольно «очеловечивают» используемые ими вещи, наделяют их, например, человеческим характером, благодаря чему с ними можно взаимодействовать так же, как с людьми – уговаривать их работать надлежащим образом, ругать или хвалить. В психологии подобное отношение считается естественным способом экономии ресурсов мозга, и в него вполне органично вписывается образ «умирания» вещи, а не просто ее выхода из строя. Тенденцию к антропоморфизму поддерживает повсеместное распространение «умных» приборов, принцип действия которых не всегда понятен пользователю, при этом зависимость пользователей от таких предметов растет с каждым годом.

Четыре ФЕ из списка указанных эвфемизмов – *to bite the dust*, *to go bung*, *to bite the big one* и *to turn up one's toes* – имеют вторичное значение, схожее с описанным выше. Это значение также образовано путем метафорического переноса, но здесь «умирает» не приспособление или машина, а предприятие или начинание:

*Another local grocery store has **turned up their toes**, the latest victim of the giant retailer that's been undercutting every competitor's prices* ([https://idioms.thefreedictionary.com/turn+up+one %27s+toes](https://idioms.thefreedictionary.com/turn+up+one+%27s+toes)).

Хотя у ФЕ *to bite the dust* данное значение не фиксируется словарями, оно широко представлено в современном дискурсе:

*Another 72 **Bite The Dust!** Sears is closing another 72 stores* (<https://www.klkl.fm/another-72-bite-the-dust/>).

*Why Bitcoin won't **bite the dust*** (<https://www.thebanker.com/Transactions-Technology/Technology/Why-Bitcoin-won-t-bite-the-dust?ct=true>).

Употребление данных эвфемизмов в описанной ситуации обычно подчеркивает значимость предприятия или начинания для участников разговора.

Следующее вторичное значение в указанной группе – «сдаться, потерпеть неудачу» – также образовано путем метафорического переноса. Оно присутствует у шести выражений из девяти, а именно: *to bite the dust*, *to give up the ghost*, *to bite the big one*, *to go bung*, *to turn up (one's) toes* и *to toss in one's alley*, например:

*Defiant Mick Malthouse 'won't **turn up the toes**' on coaching career* (<http://www.afl.com.au/news/2015-05-10/underfire-mick-malthouse-defiant-in-face-of-carlton-loss>).

Стоит отметить, что успех и неудача занимают в современном западном обществе особое место. Профессор психологии Рафаэль Лопез-Педраза

пишет: «Неудача и все, что ей сопутствует, вытесняется, как если бы о ней мы хотели бы слышать лишь в последнюю очередь» [Лопез-Педраза 1990]. Подобный взгляд на неудачу характерен для современной западной «культуры мастерства», то есть культуры, ориентированной на честолобие, успех, самодостаточность и компетенцию [Шварц 2008]. Поклонение успеху и вытеснение, замалчивание темы неудачи создают предпосылки для возникновения эвфемизмов. Развитие значения «неудача, провал» у ФЕ-эвфемизмов с первичным значением «смерть» является реализацией концептуальной метафоры FAILURE IS DEATH – здесь результат неудачи катастрофичен, а человек, потерпевший неудачу, обречен. В цитируемом ниже тексте оба значения фразеологизма, по сути, переплетаются.

His career bit the dust when he lost his job (<https://dictionary.cambridge.org/ru/bite-the-dust>).

Интересно отметить, что среди эвфемизмов группы с первичным значением «неудача» чрезвычайно мало выражений, каким бы то ни было образом связанных со смертью. Среди таких выражений можно назвать *to cut one's own throat*, *dead duck* и *dead in the water*, например:

A fool's tongue is long enough to cut his own throat (https://biblehub.com/sermons/auth/horton/the_fruit_of_the_mouth.htm).

Гораздо больше в этой группе ФЕ-эвфемизмов, пришедших из спортивной терминологии, или выражений, реализующих концептуальную метафору FAILURE IS DOWN. Последний пример подтверждает мысль Л.В. Порохницкой о том, что особая роль в эвфемии принадлежит относительно простым (базовым) метафорическим концептам, в том числе фиксирующим указание на положение и перемещение объекта/объектов в пространстве [Порохницкая 2014]. Преобладание в группе «неудача» данного типа эвфемизмов свидетельствует о том, что восприятие неудачи как личностной катастрофы не является подавляющим в англоязычном сообществе, например:

All downhill with Team Trump (<https://www.washingtonpost.com/opinions/all-downhill-with-team-trump/2018/07/01/>).

В целом исследование показывает, что значение ФЕ не является абсолютно неизменным, но проявляет гибкость и подвижность, аналогичные подвижности человеческой мысли. При этом семантическая деривация может осуществляться параллельно или последовательно в различных направлениях: как по линии эвфемизации, так и в ином русле. В любом случае развитие новых значений протекает в рамках устоявшихся в данной

лингвокультуре моделей и отражает динамику ценностных ориентаций и актуальные социальные сдвиги в обществе. Дискурс служит той средой, где зарождаются и реализуются новые смыслы фразеологизма, задаваемые индивидуальным замыслом автора.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковая интерпретация и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVII. С. 25-35.

Лонез-Педраса Р. Сознание неудачи. URL: <https://monocler.ru/soznanie-neudachi/>.

Порохницкая Л.В. Концептуальные основания эвфемии в языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. URL: <http://cheloveknauka.com/kontseptualnye-osnovaniya-evfemii-v-yazyke>.

Рыжкина Е.В. Коммуникативная значимость фразеологизма в когнитивно-дискурсивной перспективе // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXIX. С. 162-170.

Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. URL: <https://psy-journal.hse.ru/data/2011/04/24/1210752636/37-67.pdf>.

Щербань О.В. Семантическая деривация в английской фразеологии как продукт языковой интерпретации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2017. Вып. 9 (781). С. 135-144. URL: http://libranet.linguanet.ru/prk/Vest/9_781.pdf.

Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_expressions_related_to_death.

O.V. Scherban (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

SEMANTIC DERIVATION IN ENGLISH IDIOMATICS AS A TOOL OF EUPHEMISATION

The article considers semantic derivation in the overlapping fields of English phraseology and euphemy. The analysis of an idiom selection representing the concepts of “death” and “failure” works out a few stable models of semantic

derivation and euphemisation. The study shows that semantic processes in idiomatics reflect the actual value orientations in today's English speaking society.

Key words: euphemism, idiom, semantic derivation, conceptual metaphor, anthropomorphism.

*А.В. Щетинина (Екатеринбург, Россия)
Российский государственный профессионально-
педагогический университет
anna-73.schetinina@yandex.ru*

КТО НЕ С НАМИ, ТОТ ПРОТИВ НАС: ЛЕКСИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СИЛЫ КАК ИСТОЧНИКА ВЛАСТИ¹

Рассматривается вопрос идеографирования социальной лексики, репрезентирующей отношения власти и человека. Отмечается, что идеографическое описание языковых фактов показывает, как носители языка из различных социальных групп в разные периоды истории представляют фрагмент действительности, связанный с взаимодействием государства и гражданина в аспекте применения силы как источника власти.

Ключевые слова: идеография, социальная лексика, властные отношения, когнитивный подход.

Стремление осмыслить когнитивно-прагматические свойства языковых единиц с социальной семантикой, их организацию в системе языка и связи с менталитетом его носителей обуславливают обращение к идеографическому описанию лексики, которое фиксирует представления людей об определенных фрагментах окружающей действительности. Язык «отражает действительность и создает свою картину мира, специфичную и уникальную для каждого языка и, соответственно, народа, этнической группы, речевого коллектива, пользующегося данным языком как средством общения» [Тер-Минасова 2000: 38]. Когнитивный подход к описанию слов с социальной семантикой на основе в том числе идеографической реконструкции номинативных множеств позволяет исследовать

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

«не только языковые знания, но и знания неязыкового, энциклопедического, характера, связанные с процессами концептуализации и категоризации, которые, собственно, и формируют в сознании человека всю систему знаний (картину мира) в виде разных когнитивных структур, объективируемых языковыми и речевыми знаками» [Алефиренко 2008: 77].

Отношения гражданина и государства в правовом поле – одна из сфер, интересующих представителей разных социальных групп во все времена, о чем свидетельствует анализ лексики в синхронии и диахронии. Словари русского языка, фиксирующие историческую [СлРЯ XI–XVII, СлРЯ XVIII и др.] и современную [БУСРЯ 2017, ТСРЯ XXI 2008 и др.] лексику, а также языковые единицы из разных социальных страт [БСРЖ 2001, СРНГ и др.], позволяют выявить социальные номинации, которые маркируют важные для человека и общества взаимоотношения с государством. А идеографическая реконструкция номинативных множеств, которые включают в себя лексемы, идиоматические выражения (в широком смысле), позволяет представить фрагменты действительности в виде фреймовых конструкций, которые отражают схему организации действий в реальной ситуации. Так, властные отношения гражданина и государства в аспекте реализации силы как одного из источников власти включают в себя не только контроль над поведением человека и пресечение преступных (с точки зрения государства) действий, но и поощрение граждан за определенные успехи. Следовательно, если составить идеографическую сетку лексико-семантического поля «Сила как источник власти», то в нем можно выделить два сегмента, связанных с репрессивными действиями власти и с поощрением человека за заслуги перед государством и обществом.

В настоящей статье мы рассмотрим первый сегмент, который представлен ядерной идеограммой «орган власти, осуществляющий надзор за отклоняющимся от правовых норм поведением и пресекающий его», объединяющей ряд лексических репрезентантов, например, *безопасность*, *ВЧК*, *Галина Борисовна*, *жандармерия*, *охранка* и др. Эта идеограмма имеет семантико-мотивационные связи с идеограммами следующих уровней: «сотрудник(и) органов власти, осуществляющих надзор за отклоняющимся от правовых норм поведением и пресекающих его» (*архангел*, *гебист*, *гороховое пальто*, *детектив* и др.), «относящийся к органам власти или сотрудникам, осуществляющим надзор за отклоняющимся от правовых норм поведением и пресекающим его» (*агентурный*, *оперский*, *сыскной* и др.), «цель, с которой осуществляется над-

зор за отклоняющимся от правовых норм поведением и его пресечение» (*безопасность, защита* и др.).

Поскольку властные отношения реализуются в процессе взаимодействия государства с гражданами, в первой приядерной зоне находится идеограмма «человек (люди), в отношении которого (-ых) осуществляется надзор и пресечение его (их) отклоняющегося от правовых норм поведения» (*антисоветчик, безыменитые мужики, неблагонамеренный* и др.), объединяющая языковые факты, называющие человека как объект властного воздействия, а также идеограммы разных уровней: «относящийся к человеку, в отношении которого осуществляется надзор за отклоняющимся от правовых норм поведением и его пресечение» (*арестантский, безначальный, замазанный* и др.), «дело (деятельность, поведение человека), связанное с отклоняющимся от правовых норм поведением» (*авантюра, беззаконие, злоупотребление* и др.), «относящийся к делу (деятельности, поведению человека), связанному с отклоняющимся от правовых норм поведением» (*авантюристический, браненый, уголовный* и др.), «совершать (совершить) действие, отклоняющееся от правовых норм» (*излезти на беззаконие, злоупотреблять* и др.), «вопреки закону» (*беззаконно, безмъстно* и др.).

Известно, что властные отношения могут проявляться асимметрично: власть побуждает или принуждает к действию, а граждане это действие производят или оказывают сопротивление, поэтому вторую приядерную зону поля составляют идеограммы разных уровней, объединяющие репрезентанты со значением действий власти: «осуществлять надзор за отклоняющимся от правовых норм поведением и его пресечение» (*держат береженья, надзирать, пасти* и др.); «осуществление надзора за отклоняющимся от правовых норм поведением и его пресечение» (*арест, досмотр, сыск* и др.); «инструмент для осуществления надзора за отклоняющимся от правовых норм поведением и его пресечения» (*детектор лжи, логограф, прослушка* и др.); «основание для осуществления надзора за отклоняющимся от правовых норм поведением и его пресечения» (*донос, клевета, поклев* и др.); «документ, на основании которого осуществляется надзор за отклоняющимся от правовых норм поведением» (*бъглая грамота, постановление на обыск* и др.); «относящийся к документу, на основании которого осуществляется надзор за отклоняющимся от правовых норм поведением» (*извѣтный*).

В сфере правовых отношений зачастую репрессивные действия государства в отношении граждан осуществляются на основании поступков

«третьих лиц» – анонимщиков, доносчиков, кляузников и др., – которые дают основания для реагирования государственных органов на поступки подвластных граждан, не соответствующие правовым нормам. На ближней периферии находится идеограмма «человек, на основании действий которого осуществляется надзор за отклоняющимся от правовых норм поведением» (*наветчик, недоброхот, стукач* и др.) и идеограммы, находящиеся с ней в семантико-мотивационных отношениях. Здесь и далее, в силу ограниченности объема статьи, мы не можем показать все идеограммы, поэтому называем только ключевые слоты сегмента, отражающего нарушения и их последствия в правовом поле взаимоотношений граждан и государства.

Кроме указанных выше, на ближней периферии поля находятся идеограммы, которые объединяют языковые единицы, номинирующие результат действий власти, поскольку нарушение норм предполагает наказание: «осуществлять наказание за отклоняющееся от правовых норм поведение» (*бити на правезе, взыскать, в расход пускать* и др.). К ней примыкают идеограммы разного уровня, объединяющие номинации видов (*акция, батог, вышак* и др.), мест (*тюрьма, острог, бесова ночлежка* и др.) и орудий (*батожье, дыба, кнут* и др.) наказания, людей, осуществляющих наказание (*запленный мастер, изводник* и др.) и подвергшихся наказанию (*зек, враг народа, узник совести* и др.), а также тех, кто с ними может быть связан (*подельник, чсвн* и др.).

В разные периоды истории репрессивная деятельность органов власти осуществляется на основе определенной системы правовых норм, связанных в том числе с идеологическими установками, поэтому на дальней периферии находятся идеограммы «исторический период, связанный с государственным террором или его осуждением» (*великая чистка, хрущевская оттепель* и др.), «система осуществления надзора за отклоняющимся от правовых норм поведением и его пресечения» (*антитеррор, белый террор, ежовщина* и др.), «идея, на которой основывается система надзора за отклоняющимся от правовых норм поведением и его пресечения» (*кто не с нами, тот против нас* и др.), «относящийся к системе осуществления надзора за отклоняющимся от правовых норм поведением и его пресечения» (*антивандальный, антикоммунистический, антифашистский* и др.).

Показательно, что лексические репрезентанты отношений власти и человека в исследуемой сфере выявляются как в литературном, так и в нели-

тературных языковых идиомах, ср. названия мест исполнения наказания: ГУЛАГ (лит.), *город катаев* (жарг.), бесова ночлежка (диал.) и др. Кроме того, среди лексических номинаций большое количество эвфемизмов (*алжир, десять лет без права переписки* и др.). Большой процент лексики (примерно треть языковых фактов) извлекается и из исторических словарей (*бесчиние, бездалье, испытть, ввождение прътьрпъвати* и др.).

Таким образом, можно выделить порядка 40 слотов, интегрирующих информацию о силе государства, позволяющей осуществлять контроль над действиями граждан и влиять на них посредством применения разного рода репрессивных мер. При этом важно учитывать, что, как отмечалось выше, сила власти может проявляться не только в наказании граждан за отклоняющееся от правовых норм поведение, но и в поощрении за определенные успехи. Поэтому интересно проследить, как представлена система взаимодействия государства и граждан в связи с поощрением за определенные заслуги, поскольку без такого анализа описание силы как источника власти было бы неполным.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Когнитивная лингвистика: предпосылки, предмет, категории // Вестник ВятГУ. 2008. № 2. С. 75-78.

БСРЖ 2001 – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. С-Пб.: Норинт, 2001. 720 с.

БУСРЯ 2017 – *Морковкин В.В., Богачева Г.Ф., Луцкая Н.М.* Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: Словари XXI века, 2017. 1456 с.

СлРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С.Г. Бархударов и др. М.: Наука, 1975–2008.

СлРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века / гл. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1984–1991. Вып. 1-6; С-Пб.: Наука, 1992–2011. Вып. 7.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Т. 1-38. М.; Л.; С-Пб., 1965–2004.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.

ТСРЯ XXI 2008 – Толковый словарь русского языка начала XXI века / под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.

A. V. Shchetinina (Yekaterinburg, Russia)
Russian State Vocational Pedagogical University

YOU'RE EITHER WITH US, OR AGAINST US: LEXICAL REPRESENTATION OF FORCE AS A SOURCE OF POWER

The problem of ideography of social vocabulary representing the relationship of power and a man is considered. It is noted that the ideographic description of linguistic facts shows how native speakers from different social groups in different periods of history represent a fragment of reality associated with the interaction of a state and a citizen in the aspect of the use of force as a source of power.

Key words: ideography, social vocabulary, power relations, cognitive approach.

Е.Б. Яковенко (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
yakovenko_k@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ РУБРИКАЦИИ ЛАТИНСКОЙ И ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОЙ ЛЕКСИКИ В ГЛОССАРИИ ЭЛЬФРИКА¹

В исследовании рассматривается лексика латинского и древнеанглийского языков, вошедшая в состав глоссария Эльфрика (X в.). Глоссарий, наряду с латинским разговорником и грамматикой, восходящей к сокращенному варианту «Грамматики» Присциана, образует комплекс пособий по изучению латинского языка и является ценным памятником древнеанглийского периода. Интерес представляют когнитивные основы применяемой Эльфриком рубрикации, свидетельствующие о своеобразии картин мира, представленных в двух языках.

Ключевые слова: картина мира, заимствования, кальки, межъязыковая эквивалентность, лексико-семантическое поле, концептуальная область.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках коллективного гранта по проекту № 16-04-00373 «Контакты и заимствования в становлении языковых и литературных традиций».

Научное и религиозное наследие монаха Эльфрика (*Ælfric*) (ок. 955 – после 1010), наиболее известного автора конца англосаксонской эпохи, включает ряд сочинений и переводов, в том числе жития святых, сборники проповедей, перевод с Вульгаты первых шести книг Ветхого Завета. Для европейской лингвистической традиции наибольшее значение, безусловно, имеет его «Латинская грамматика», составляющая вместе с глоссарием и разговорником своего рода комплексное пособие по изучению латинского языка. Рукописная книга сохранилась в многочисленных списках, была хорошо известна в Англии, и благодаря ей ученый получил прозвание «Эльфрик Грамматик», или «Эльфрик Грамматист». Немецкий лингвист Ю. Цулица подготовил в 1880 г. критическое издание «Грамматики» и глоссария.

Сам факт обращения Эльфрика к латинскому языку неудивителен: последовательно проводя в жизнь бенедиктинскую реформу, ученый всемерно способствовал распространению латыни как языка культуры и религии.

Труд Эльфрика, полное название которого – “*Excerptiones de arte grammatica anglice*”, восходит к грамматикам Присциана и Доната, считавшимися образцовыми на протяжении практически всего Средневековья. Последние исследования показывают, что Эльфрик переводил «Грамматику» с анонимного трактата “*Excerptiones de Prisciano*”, представляющего собой сжатое изложение книг Присциана и Доната [Porter 2002].

«Грамматика» Эльфрика складывается из ряда разделов, носящих латинские названия и представляющих собой изложение основ графики, фонетики, грамматики и (частично) риторики. Лингвистическая терминология Эльфрика, отличающаяся большим структурным и семантическим разнообразием, включает: 1) собственно латинские заимствования: *dyptongon* < лат. *dyptongus* «дифтонг»; 2) семантические кальки латинских терминов *sweg* (лат. *accentus*) «ударение», букв. «удар»; 3) кальки – поморфемные переводы латинских дериватов и композитов: *dælnimend* (лат. *participium*) «причастие», *getâcning* (лат. *significatio*) «обозначение»; 4) описательные выражения: *ða ðe cunad of oðrum namum* (лат. *derivativus*) «производное, дериват», букв. «то, что происходит от другого имени». Общая характеристика терминов, созданных или используемых Эльфриком, приводится в [Gneuss 1989, Chapman 2010, Kastovsky 2011 и др.]; их анализ в русле традиционных структурно-семантических описаний и с позиций контактной лингвистики изложен в [Яковенко 2017].

Описывая грамматический материал, Эльфрик касается попутно и проблем словообразования, приводя дериваты отдельных единиц и эксплицируя серийность как латинских, так и древнеанглийских словообразовательных элементов: лат. *mater* – др.-а. *môdor* «мать», лат. *maternus* – др.-а. *môdorlic* «материнский», лат. *frater* – др.-а. *brôdor* «брат», лат. *fraternus* – др.-а. *brôdorlic* «братский», также: лат. *ferrum* – др.-а. *îsen* «железо», лат. *ferreus* – др.-а. *îsen* «железный», лат. *aurum* – др.-а. *gold* «золото», лат. *aureus* – др.-а. *gylden* «золотой», лат. *argentum* – др.-а. *seolfor* «серебро», лат. *argenteus* – др.-а. *sylfren* «серебряный», лат. *stagnum* – др.-а. *tin* «олово», лат. *stagneus* – др.-а. *tinen* «оловянный», лат. *aes* – др.-а. *bræes*, *âr* «медь», лат. *aeneus* – др.-а. *bræsen*, *æren* «медный», лат. *plumbum* – др.-а. *lêad* «свинец», лат. *plumbeus* – др.-а. *lêaden* «свинцовый» и т. д. [Ælfric 1880, 15].

Интерес ученого к лексике, столь ярко проявившийся при разработке им лингвистической терминологии, характерен и для примыкающего к «Грамматике» глоссария – “*Incipiunt nomina multarum rerum anglie*”. Это латинско-древнеанглийский словарь, составленный по тематическому принципу с соблюдением частеречной принадлежности единиц. Эльфрик приводит в своем глоссарии обширные списки слов, которые в одних случаях образуют лексико-семантические поля, в других – лексико-семантические группы именного или адъективного характера. Это обозначения частей тела, родственных отношений, деталей внешности, физических недостатков, болезней, качеств характера, социальных ролей, правовых, экономических и других отношений, видов деятельности, ремесел, инструментов и орудий труда, жилищ и деталей интерьера, отрезков времени, предметов культа, растений (деревьев, трав, цветов), животных (млекопитающих, птиц, рыб) и др.

Заслуживает внимания стремление Эльфрика к тщательности и полноте описания, хотя разработанная им идеографическая рубрикация далеко не безупречна: в группировках не всегда прослеживаются гиперонимические связи, нередко приводятся единицы, семантически не соответствующие составу лексико-семантического поля или группы. Так, в раздел “*Nomina arborum*” («Названия деревьев»), наряду с названиями дикорастущих и культурных деревьев (лат. *buxus* – др.-а. *box* «бук», лат. *fraxinus* – др.-а. *æsc* «ясень», лат. *quercus/ilex* – др.-а. *âc* «дуб», лат. *taxis* – др.-а. *îw* «тис», лат. *alnus* – др.-а. *alr* «ольха», лат. *salix* – др.-а. *widig* «ива», лат. *malus* – др.-а. *apeldre* «яблоня», лат. *pirus* – др.-а. *pyrige* «груша», лат. *prunus* – др.-а. *plûmtrêow* «сливовое дерево»), включены и непра-

вильные переводы (лат. *populus* переводится др.-а. *byrc* «береза», хотя правильный перевод – «тополь»), безэквивалентные единицы: *cypressus næfd nēenne engliscne nama* «кипарис», «не имеет английского названия», а также обозначения частей дерева: лат. *folium* – др.-а. *lêaf* «лист», лат. *ramus* – др.-а. *bôh* «ветвь», лат. *truncus* – др.-а. *stoc* «ствол», объектов ландшафта: лат. *campus* – др.-а. *feld* «поле», лат. *stagnum* – др.-а. *mere* «болото», лат. *torrens* – др.-а. *burna* «поток» и др. [Ælfric 1880, 312-313].

При этом большой интерес представляют когнитивные основания разработанной Эльфриком рубрикации. Поскольку исходным материалом для ученого является латынь, представленная в глоссарии латинская лексика отражает наиболее значимые области римской культуры. Но ввиду того, что Эльфрик ориентируется на англосаксонского читателя, приводимые им древнеанглийские эквиваленты латинских единиц дают представление и о материальной и духовной культуре Англии конца X в. Наполнение лексико-семантических полей и групп преимущественно исконными единицами древнеанглийского языка говорит об освоении его носителями соответствующих областей концептуальной картины мира. Так, наличие у латинских единиц *officīna* «мастерская, кузница», *ferrarius* «кузнец», *aurifer* «кузнец, золотых дел мастер», *argentarius* «кузнец, серебряных дел мастер», *aerarius* «медных дел мастер» др.-а. эквивалентов *smiððe*, *isenwyrhta*, *goldsmið*, *seolforsmið*, *mæstlingsmið* свидетельствует о высоком уровне кузнечного мастерства, достигнутом в Англии к тому времени.

Приводимая в глоссарии религиозная лексика, получившая в древнеанглийском языке широкое распространение (переход населения англосаксонских королевств к христианству имел место еще в VII в.), является отражением одной из тех областей, где латинско-англосаксонские культурные контакты были наиболее сильными. Это проявляется, с одной стороны, в большом количестве латинских заимствований (др.-а. *apostol* «апостол» < лат. *apostolus*, др.-а. *ercebisceop* «архиепископ» < лат. *archiepiscopus*, др.-а. *diacon* «дьякон» < лат. *diaconus*, др.-а. *munuc* «монах» < лат. *monachus*, др.-а. *sinod* «синод» < лат. *sinodus*), а с другой стороны, в многочисленных семантических и словообразовательных кальках (др.-а. *sangere* «певец (церковного) хора» < лат. *cantor*, др.-а. *heâhsæder* «патриарх», букв. «верховный отец» < лат. *patriarchus*). При этом заимствования и кальки со сходной семантикой нередко образуют синонимические ряды, увеличивая тем самым номинативную плотность культурно значимых понятий: лат. *monachus* – др.-а. *munuc* или *ân standende* (букв. «стоящий»,

т.е. «стоящий на службе»), лат. *abbas* «аббат» – др.-а. *abbod* или *fæder* (букв. «отец»). Аналогичные явления обнаруживаются и в концептуальной области «образование», где латинское влияние также было значимым.

В целом глоссарий Эльфрика является результатом совмещения двух картин мира. Предназначенный для англо-саксонского читателя, он сообщает ему сведения о латинском языке и римской культуре, преломленные сквозь призму древнеанглийского языка. Потенциальный читатель Эльфрика – молодой образованный англосакс, будущий священнослужитель, носитель христианских ценностей – приобретает новые знания, оставаясь в рамках своей культуры; в его картине мира выстраивается ряд новых концептуальных областей, элементы которых получают преимущественно древнеанглийские обозначения. Об этом писал еще несколько десятилетий назад А.Д. Швейцер, отмечавший, что «процесс перевода “пересекает” не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры» [Швейцер 1988, 14].

Литература

Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.

Яковенко Е.Б. Между авторством и переводом: «Грамматика» Эльфрика как первый опыт переводной грамматики на древнеанглийском языке // Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: колл. монография. М.: Канцлер, 2017. С. 257-264.

Ælfrics Grammatik und Glossar. Hrg. von J.Zupitza. 1. Abteilung: Text und Variante // Sammlung Englischer Denkmäler in kritischen Ausgaben. Bd 1. Berlin, 1880.

Chapman D. Uterque Lingua / Ægðer Gereord: Ælfric's Grammatical Vocabulary and the Winchester Tradition. The Journal of English and Germanic Philology / Vol. 109, No. 4 (October 2010). P. 421-445.

Excerptiones de Prisciano. The Source for Ælfric's Latin-Old English Grammar. Ed. by D. Porter. Cambridge: D.S. Brewer, 2002.

Gneuss H. The Study of Language in Anglo-Saxon England. The T. Northcote Toller Memorial Lecture delivered in the John Rylands University Library of Manchester on 6 March 1989. Bulletin John Rylands Library, 1989 (single print).

Kastovsky D. Translation Techniques in the Terminology of Ælfric's Grammar: Semantic Loans, Loans Translations and Word-Formation // Merja Kytö, John Scahill and Harumi Tanabe (eds.), Language Change and Variation from Old English to Late Modern English. Series: Linguistic Insights: Studies in Language and Communication. Vol. 114. Bern: Peter Lang, 2011. P. 163-174.

Ye. B. Yakovenko (Moscow, Россия)

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

COGNITIVE PRINCIPLES OF CLASSIFYING LATIN AND OLD ENGLISH VOCABULARY IN ÆLFRIC'S GLOSSARY

The paper focuses on Latin and Old English vocabulary described by Ælfric (late 10th c.). His glossary, Latin conversation guide and grammar going back to the abridged version of Priscian's work form a set of textbooks intended for learning Latin and are a valuable record of Old English. Cognitive principles of Ælfric's ideographic subdivision of the vocabulary are of much interest as they display peculiarities of the worldviews represented in both languages.

Key words: worldview, loan words, calques, cross-language equivalence, lexico-semantic field, conceptual domain.

Янь Хундо (Киров, Россия)

Вятский государственный университет

yhd_duoduo@163.com

АКСИОЛОГИЯ МЕТАФОРЫ «ИЗОБРЕТЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматривается аксиологическая категоризация новых явлений социума в лексеме «изобретение», выступающей метафорическим способом репрезентации полярных оценок. Раскрываются особенности реализации аксиологической модели «изобретение» – «полезное = хорошее / вредное = плохое» в современной массовой коммуникации.

Ключевые слова: аксиология, когнитивная модель, метафорическая репрезентация оценки, газетный дискурс, концепт.

Одним из важнейших компонентов концепта является аксиологическая составляющая, понимаемая как отношение человека к определенным предметам, явлениям, членам общества и их действиям. Ценностное суждение о данных объектах возникает под влиянием личностных, социальных, исторических, этнокультурных факторов, поэтому когнитивные характеристики и культурные коннотации концепта в картине мира народа могут быть выявлены посредством аксиологических исследований.

Следует подчеркнуть, что оценка человека имеет очевидную релятивность, то есть субъективность. Участники дискурса всегда обращают внимание на определенные аспекты или качества объекта, важные или интересные для них [Карасик 2002]. В процессе оценивания личные знания, опыт и система ценностей индивида оказывают решающее влияние на результат концептуализации того или иного фрагмента картины мира. Таким образом, один и тот же объект будет иметь неодинаковые оценки у разных людей. На уровне дискурса наблюдается вторичная аксиологическая категоризация события, определяемая «точкой обзора» [Заботкина 2018]. Как показывают наблюдения, ее результаты могут быть вербализованы опосредованно, через метафорические репрезентанты и, в частности, варианты смысла многозначного слова. В когнитивно-дискурсивном подходе к исследованию речи необходимо учитывать многообразие проявлений многозначного слова, которое, по мнению когнитологов, способно передавать разные смыслы «за счет реализации разных концептуальных признаков» [Болдырев 2016: 199].

Цель проведенного исследования заключалась в выявлении аксиологически значимых концептуально-семантических признаков концепта, репрезентируемого лексемой «изобретение», в современном газетном дискурсе. В качестве базы данных были использованы газетный корпус НКРЯ и материал медиадискурса, собранный автором статьи в текстах электронных версий ведущих российских газет. Количество зафиксированных фактов обращения к вербализации нового события посредством лексемы «изобретение» – 2736 и 750 соответственно, причем метафорический способ оценки наблюдается в 374 фактах (10,7 %).

Как репрезентант одноименного концепта в лексикографической интерпретации девербатив «изобретение» имеет два значения: 1) процессуальное

(«действие по значению глаголов *изобретать-изобрести*») и 2) предметное («результат данного действия – то, что изобретено»). Очевидно, что в данных двух значениях нет оценочных компонентов. Однако когнитивно-семантический анализ репрезентанта концепта в газетном дискурсе показал, что на основе метафорической связи концепта «изобретение» с концептами из других областей активно реализуется аксиологическая сфера интерпретации объекта. Данный тип связи отражается в общей ментальной модели «X – это изобретение», на основе которой как процессуальная, так и предметная семантика приобретает способность передавать отношение человека к обозначаемому событию или объекту.

Когнитивно-семантический признак лексемы «изобретение – процесс» реализуется в метафорической репрезентации как появление, создание, «придумывание» новых явлений и предметов в различных областях (политике, экономике, искусстве и др.). При этом в газетном дискурсе зачастую «включается “механизм”» оценки, чаще всего – отрицательной, например: *Наконец, в интернет-холдинге считают, что «отсутствуют объективные предпосылки для **изобретения** ненужного регулирования»* (РБК Дейли. 16.06.2017).

Следует отметить, что ценностное суждение при реализации концептуально-семантических признаков объекта образуется в утилитарной зоне его интерпретационного поля, которая «объединяет когнитивные признаки, выражающие... прагматическое отношение людей к денотату концепта, знания, связанные с возможностью и особенностями его использования для каких-либо практических целей» [Попова, Стернин 2006: 79]. Иными словами, отношение к любому обозначаемому данной лексемой действию зависит от ценности его результата: если результат может сыграть «полезную» роль в развитии категоризируемой сферы, то это действие оценивается как положительное, а если наоборот, – получает негативную оценку. На основе этого соотношения можно создать следующую аксиологическую модель репрезентируемого в дискурсе концепта: «изобретение» – «полезное = хорошее / вредное = плохое».

Результаты статистического анализа метафорических фактов с противоположными оценками, в которых актуализуется процессуальное значение концепта ИЗОБРЕТЕНИЕ в разных областях национально-культурной картины мира, отражены в следующей таблице (порядок определяется убыванием количества фактов в каждой):

**Таблица 1. Аксиологическая категоризация
в рамках когнитивной модели «X – это изобретение/процесс»**

Факты с положительной оценкой (37 фактов в 11 областях)	Факты с отрицательной оценкой (44 факта в 6 областях)
искусство (9)	политика (19)
одежда, мода (4), спорт (4), еда, кулинария (4)	экономика (15)
литература, язык (3), развлечение (3), культура (3), наука (3)	культура (4)
экономика (2)	терроризм (3)
военное дело (1), политика (1)	искусство (2)
	спорт (1)

Приведенные в таблице данные свидетельствуют, что при реализации семантического признака «процесс» в характере оценки количественное соотношение не имеет существенных отличий. Но на когнитивном уровне факты, отражающие положительно направленную категоризацию объекта оценки, имеют более широкий спектр применения. Некоторые когнитивные признаки (такие как одежда, мода, спорт, еда, кулинария и т. д.) не наблюдаются в фактах с отрицательной оценкой. В сфере искусства и спорта также больше фактов с положительной оценкой. Это значит, что отношение человека к событиям в данных областях чаще склоняется к полюсу «хорошее». Отрицательно маркируемых фактов о событиях в сфере политики и экономики значительно больше, и вполне логично, что факты сферы «терроризм» зафиксированы только в суждениях, выражающих отрицательную оценку. Следовательно, оценка происходящего в данных сферах тяготеет к полюсу «плохое». Когнитивный признак «культура» имеет равные показатели, что вполне адекватно отражает неравноценность новых явлений в культуре современного социума.

При реализации семантического признака «результат действия» в дискурсе вербализуется оценка новых реалий предметного характера. Результаты статистического анализа полученных данных отражены в следующей таблице (порядок определяется количеством фактов).

**Таблица 2. Аксиологическая категоризация
в рамках когнитивной модели «X – это изобретение /
результат процесса»**

Факты с положительной оценкой (90 фактов в 18 областях)	Факты с отрицательной оценкой (203 факта в 12 областях)
искусство (19) еда, кулинария, реклама (15) одежда, мода (13) культура (6) внутриполитические меры (5), спорт (5), экономика (5) общество (4) литература, язык (3), зарубежная политика (3) выдумка хорошая (2), развлечение (2), природа (2), повседневная жизнь (2) идеология (1), философия (1), наука (1), история (1)	криминал, мошенничество, нарушения закона (60) внутриполитические меры (35) экономика (33) зарубежная политика (20) «бестолковые» выдумки в разных сферах (13) идеология, религия (11) литература, язык (9) искусство (7) спорт (5) бытовая повседневная жизнь (4) одежда, мода (2) образование (1)

Сопоставив полученные данные, отраженные в двух таблицах, можно отметить, что на аксиологическом уровне реализации когнитивной модели «X – это изобретение» реализации знака-синкрета с процессуальной и предметной семантикой в дискурсе имеют как сходные, так и отличительные характеристики.

Их сходство заключается в том, что все факты вписываются в аксиологическую модель «полезное = хорошее / вредное = плохое», причем концептуализация новых явлений окружающего мира посредством репрезентанта-метафоры «изобретение» чаще применяется с прагматической целью выразить положительную оценку. Основными когнитивными сферами в группах с положительной оценкой являются искусство, еда, кулинария, одежда и др. Это свидетельствует о преимущественно позитивной направленности категоризации как действий, так и их результатов в современной медийной картине мира, заинтересованности людей в улучшении жизни, работы и психического состояния (полезное = хорошее). При отрицательной оценке лексема «изобретение» чаще репрезентируется в когнитивных сферах «криминал, мошенничество, политика,

экономика», то есть здесь человек чаще занимает позицию критика, метафорическим способом выражая неодобрение тех явлений, которые могут привести к ухудшению жизни.

Итак, синкретичный знак-девербатив «изобретение» выполняет не только номинативно-репрезентативную, но и аксиологическую функцию. В медийной картине мира данная метафора широко используется для создания аксиологического пространства, демонстрируя богатую сферу реализации оценочных признаков в различных когнитивных сферах. С помощью данного концепта выражается субъективная оценка говорящего к определенным действиям, предметам, явлениям и их «изобретателям».

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная лингвистика. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 251 с.

Газетный корпус НКРЯ. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>.

Заботкина В.И. Аксиологическая категоризация событий: когниция vs коммуникация // Когнитивные исследования языка. М., 2018. Вып. XXXIV. С. 59-62.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2002.

Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. М.: Изд-во «Истоки», 2006.

Yan Hongduo (Kirov, Russia)
Vyatka State University

AXIOLOGY OF METAPHOR “INVENTION” IN MODERN NEWSPAPER DISCOURSE

The article discusses the axiological categorization of new phenomena of society in the lexeme “invention”, which serves as a metaphorical way of representing polar evaluations. The features of the implementation of the axiological model of “invention” – “useful = good / harmful = bad” in modern mass communication are revealed.

Key words: axiology, cognitive model, metaphorical representation of evaluation, newspaper discourse, concept.

IV. КОРПУСНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, БАЗЫ ДАННЫХ В КОГНИТИВНОМ АНАЛИЗЕ ЯЗЫКА И РЕЧИ

*Н.В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
n.bogdanova@spbu.ru*

О ВОЗМОЖНОМ «КОГНИТИВНОМ ДИССОНАНСЕ» ПРИ ВОСПРИЯТИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ РУССКОЙ РЕЧИ¹

В статье рассматривается ряд единиц русской речи, которые появляются в устном дискурсе вследствие действия различных активных процессов и которые можно рассматривать как речевые новации, способные вызвать некоторый «когнитивный диссонанс» при восприятии речи носителем другого языка. Попытка выйти из коммуникативного затруднения с помощью справочных пособий заведомо обречена на неудачу, так как эти единицы/конструкции пока практически не замечены словарями и грамматиками литературно-письменного языка. Выявление, описание и систематизация как самих этих процессов, так и тех единиц, которые становятся результатом их реализации, можно считать насущными задачами коллоквиалистики и когнитивистики.

Ключевые слова: редукция, редупликация, хезитация, метакоммуникация, ресемантизация, десемантизация, идиоматизация, грамматикализация, прагматикализация, звуковой корпус, конструкция-коллокация.

Устная речь демонстрирует множество интересных процессов, таких как хезитация и метакоммуникация, редукция и редупликация, ре- и десемантизация, прагматикализация, идиоматизация и грамматикализация. В результате зачастую рождаются новые лексико-грамматические или, наоборот, чисто прагматические единицы, знакомые же единицы порой исчезают из традиционного лексикона (прагматикализуются) или различным образом трансформируются/модифицируются. Процессы эти свойственны почти исключительно устной речи, поэтому пока практически

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-29-09175 «Диагностические признаки социолингвистической вариативности повседневной русской речи (на материале звукового корпуса)».

не замечены грамматиками и словарями, что и может привести к своеобразному «когнитивному диссонансу» при восприятии такой речи, особенно носителем другого языка, знакомого с русским именно по словарям и грамматикам. Выявление, описание и систематизация как самих этих процессов, так и тех единиц, которые становятся результатом их реализации, можно считать насущными задачами коллоквиалистики и когнитивистики.

Корпусный подход к речевому материалу как нельзя более способствует решению этих задач, поскольку корпус – «это фактически справочно-информационная система по современному русскому языку, позволяющая получать ответы на самые неожиданные вопросы – более того, позволяющая ставить новые проблемы, которых лингвистика прошлого почти не касалась» [Плунгян 2005: 13]. С учетом того, что «действительная жизнь <...> всякого <...> слова совершается в речи» [Потебня 1958: 15], можно заключить, что *слово в речи* несомненно отличается от *слова в языке* (словаре) и даже от *слова в ментальном лексиконе* носителя языка, и именно анализ его функционирования позволяет увидеть в действии все упомянутые процессы. Понимание этих процессов необходимо как преподавателю русского языка как иностранного или переводчику русских текстов на другие языки, так и во многих других прикладных целях, таких как автоматическое распознавание и обработка речевого потока, характеристика языка конкретного социума (социолекта) или отдельной языковой личности (идиолекта), лингвистическая экспертиза и ряд других, включая чисто теоретические проблемы коллоквиалистики и когнитивистики.

Проиллюстрировать многообразие и явно разговорную специфику процессов, происходящих в нашей речи, удобнее всего на материале корпуса «Один речевой день» (ОРД), включающего записи речи 130 информантов и более 1000 их коммуникантов, состав которых достаточно адекватно отражает социальную стратификацию современного русскоговорящего социума. Корпус содержит около 1250 часов звучания и 1 млн словоформ в расшифровках (см. об ОРД подробнее, например: [Русский язык... 2016; Bogdanova-Beglarian et al. 2016 a, b, 2017]). Приведем примеры тех единиц, что появляются в нашей речи в результате действия упомянутых процессов.

Так, в результате *редукции*, помимо просто усеченных форм многих сверхчастотных слов русской речи, рождаются такие *междометные прагматы*, как *здрасьте/скажете (пожалста)!* или *щас!*, а также *хезитативная прагмата щас-щас(-щас)*, то есть действуют также процессы *грамматикализации* (этикетное междометие/глагол → меж-

дометная прагматема) и *прагматикализации* (наречие → прагматема, вербальный поисковый хезитатив), ср. (о специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [Русский язык... 2016: 242-243]):

- *так / заставка // вот заставка // а что же это у меня получилось-то ?*П чистый лист / **драсьте пожалста!***
- *так / **щас щас щас** я // ага / вот они.*

Редупликация, представленная уже и в самом языке такими единицами, как *то-се, такой-сякой, туда-сюда*, в устной речи зачастую распространяется и на другие элементы контекста, ср.: *а ей все приготовила / **пятое десятое тридцать пятое***. Маркер-аппроксиматор *пятое-десятое*, заменитель ряда перечисления, расширяется здесь за счет созвучной единицы *тридцать пятое*.

Как результат сразу нескольких процессов (*прагматикализация, хезитация, метакоммуникация*) функционируют в нашей устной речи прагматемы (вербальные хезитативы и метакоммуникативы) (*я не знаю* и (*я*) (*не*) *думаю (что)*):

- *вот есть / вещи такие / вот / ну / у людей хобби например / да ? *П *В ну(:) / там скажем / *П ну / **не знаю** / паяет что-то;*
- *Сашу знаю / вот / а **думаю что** там / ты говорит учти / что ты думай / что если он там узнает / что у него объемный процесс.*

Действие процесса *идиоматизации* можно наблюдать, например, в таких контекстах:

- *страну / кстати / **по барабану** можно ставить () да не / ну наверное / надо Израиль поставить;*
- *за шестьдесят дней это по... рядочно (э) / даже если это там **какуюто копеечку стоит небезумную**.*

Отдельный интерес для лингвистического исследования представляют те случаи действия процесса *грамматикализации*, когда в результате рождается не просто новая грамматическая единица (например, частицы-ксенопоказатели *грит/гыт, такой (типа) и типа (того что)* или составные союзы *не говоря о том что/чтобы, в том плане что, единственно что, учитывая что* и ряд др.), а целая грамматическая конструкция, претендующая на цельность, устойчивость и воспроизводимость (конструкция-коллокация), а потому – и на свое место в описании *грамматики речи* и, например, в *словаре русской повседневной речи*. Например: (*Q?*) – *Р* – *что ли?*:

- *и **что ж?** сейчас по-другому что ли?*
- *где? **в кафе что ли?***
- ***чего** / мне жалко что ли? (= ‘не жалко’).*

Часто вопрос по какому-то конкретному поводу превращается в экспрессивный риторический вопрос-удивление/недоумение/возмущение, и подобные коллокации очень распространены в нашей разговорной речи, особенно такие речевые формулы, как *серьезно что ли?*, *с ума сошел что ли?*, *правда что ли?*, а также конструкции с контактными глаголами: *не знаешь что ли?*, *не видишь что ли?* Думается, что они заслуживают внимания как грамматистов, так и лексикографов.

Еще одним примером *грамматикализации* (как результата одновременно еще двух процессов: *де-* и *ресемантизации* исходной единицы) может служить группа конструкций типа (...) *X, sed P* с обобщенным значением противительности (в других терминах – «обманутого ожидания» [Lakoff 1971], «ненормального следствия» или нарушения «нормального хода событий» [Санников 2008]), где в качестве первого компонента выступают самые разные единицы (*вроде, казалось бы, по идее, якобы, на вид* и под.), а собственно противительный союз может только подразумеваться, ср.:

- *что-то голова так грязниться стала // знаешь / **вроде** в шапке ходишь // *Па все равно;*
- *клиническую кровь? # ну они на следующий день дают ответ / да? # на следующий день... # **по идее** даже после обеда / **но я попросил с утра нам завтра сделать** // то есть про следующий день.*

Конструкции этого типа весьма продуктивны в современном языке и могут быть рассмотрены как функциональные аналоги двухместного союза, но при этом каждая лексема вносит в конструкцию присущие ей оттенки смысла [Сергеева 2001: 288].

Список подобных новаций, появляющихся как результат различных процессов, протекающих в устной речи и выявляемых при ее анализе на корпусном материале, можно, вероятно, продолжать, но и приведенных примеров достаточно, чтобы поставить задачу создания как грамматики, так и специальных словарей русской устной повседневной речи, в которых найдут описание («лексикографическое портретирование») все подобные единицы.

Литература

Плунгян В.А. Зачем нужен Национальный корпус русского языка: Неформальное введение // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. М.: Индрик, 2005. С. 6–20.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Том I-II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: колл. монография / отв. ред. *Н.В. Богданова-Бегларян*. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.

Сергеева Г.Н. Слова-гибриды. Вступительная статья // Словарь служебных слов русского языка / *А.Ф. Прияткина, Е.А. Стародумова, Г.Н. Сергеева и др.* Владивосток: ДВГУ, 2001. 363 с.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Baeva E., Martynenko G., Ryko A. Sociolinguistic Extension of the ORD Corpus of Russian Everyday Speech. SPECOM 2016, *Lecture Notes in Artificial Intelligence*, LNAI, vol. 9811, Springer, Switzerland, 2016a. Pp. 659-666.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. An Exploratory Study on Sociolinguistic Variation of Spoken Russian, SPECOM 2016. *Lecture Notes in Artificial Intelligence*, LNAI, vol. 9811. Springer, Switzerland, 2016b. P. 100-107.

Bogdanova-Beglarian N., Sherstinova T., Blinova O., Martynenko G. Linguistic Features and Sociolinguistic Variability in Everyday Spoken Russian. SPECOM 2017. *Lecture Notes in Artificial Intelligence*, LNAI, vol. 10458. Springer, Switzerland, 2017. P. 503-511.

Lakoff R. If's, and's and but's about Conjunction. *Studies in Linguistic Semantics*. New York, 1971. P. 114-149.

N.V. Bogdanova-Beglarian (St Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

ON POSSIBLE “COGNITIVE DISSONANCE” IN PERCEPTION OF EVERYDAY RUSSIAN SPEECH

The article discusses a number of Russian speech units, which appear in oral discourse due to various active processes. They can be considered as speech innovations, that can cause some “cognitive dissonance” during speech perceiving. Attempting to get out of communicative difficulty with the help of reference materials is obviously doomed to failure, since these units/constructions

aren't noticed by the dictionaries and grammars of the literary-written language. Identifying, describing and systematizing both these processes themselves and those units as a result of their implementation are the urgent tasks of colloquialistics and cognitivistics.

Key words: reduction, reduplication, hesitation, metacommunication, resemantization, desemantization, idiomatization, grammaticalization, pragmaticalization, speech corpus, construction-collocation.

Н.П. Глинская (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
glinskaya_nelly@mail.ru*

**ОЧЕРЕДНОСТЬ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ
КОГНИТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ ЮРИДИЧЕСКИХ КОНЦЕПТОВ
В СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕШЕНИЙ
ВЕРХОВНОГО СУДА США ЗА ПЕРИОД 1791–2016)**

В статье обсуждаются результаты исследования закономерностей языковой репрезентации когнитивных признаков юридических концептов в судебном дискурсе на материале корпуса текстов судебных решений Верховного суда США за период с 1791 по 2016 гг. Когнитивные признаки условно делятся на первичные, вторичные и третичные в соответствии с этапом их актуализации в виде устойчивого словосочетания в дискурсе.

Ключевые слова: юридический концепт, когнитивный признак, языковая репрезентация, судебный дискурс, Верховный суд США.

Рассмотрение языка как динамической системы требует системно-генетического ракурса изучения образования концептов и их языковой репрезентации: результаты речевого мышления предшествующих поколений отражаются в специальной лексике, ее составе и ключевых когнитивных признаках. В данной работе предпринимается попытка создания модели, отображающей этапность речевой актуализации в дискурсе Верховного суда США когнитивных признаков юридических концептов. По словам Е.Г. Беляевской, «КЛ основывается на постулате интегративности» [Беляевская 2008: 76], под которым понимается исследование

языкового объекта именно «в действии», с акцентом на изучение характера процессов формирования, отбора и употребления с точки зрения носителя языка в процессе коммуникации.

Используемая в данном исследовании опора на показатели частотности и салиентности языковых единиц соответствует современной «интегрированной методологии» (В.И. Заботкина), позволяющей моделировать когнитивные структуры и когнитивные процессы. Как пишет В.И. Заботкина, в когнитивной лингвистике корпусные точные методы необходимо применять прежде всего по той причине, что «концептуальный анализ... в интерпретации, предложенной Дж. Лакофом... страдает от недостатка строгих методов тестирования» [Заботкина 2015: 33].

Указанная проблема моделирования динамики процессов познания становится особенно острой в случае создания модели взаимодействия социального познания и языка и, в частности, участия языка в порождении юридической теории. Острота обусловлена тем, что когерентная теория истины требует, чтобы истина представляла собой взаимосогласованную систему, а не соответствие теоретических знаний и объективной реальности между собой. Когерентная теория истины предполагает исключительно приемлемую версию интерпретации событий, и «критерием истинности в судебном процессе становятся не всеобщность и необходимость, а полнота и непротиворечивость информации» [Авакян 2007: 10].

Материалом для исследования послужил диахронический неаннотированный корпус текстов всех судебных решений Верховного суда США с 1791 по 2016 гг., разделенный на подкорпусы в четкой хронологической последовательности. Статистический диахронический анализ специальных языковых единиц (на уровне словосочетаний) был проведен с помощью программы *WordSmith* [Scott 2012]. За более чем 220 лет в дискурсе актуализированы тысячи составных терминов, репрезентирующих определенные юридические когнитивные признаки.

Лингво-когнитивное исследование устойчивых словосочетаний, репрезентирующих восемь ключевых правовых концептов в дискурсе Верховного суда за изучаемый период времени (AGREEMENT, AUTHORITY, CONTRACT, EVIDENCE, JUDGMENT, JURISDICTION, TRIAL, VERDICT), позволило выделить основные когнитивные признаки этих концептов (методика выявления описана в работе [Глинская 2012]). Эти признаки, структурирующие концептуальное пространство дискурса Суда, составили основу модели, отражающей последовательные

изменения юридических знаний на разных этапах развития Верховного суда. Поскольку актуализация когнитивных признаков происходит не хаотично, а путем прохождения как минимум трех качественно различных этапов, все выявленные нами когнитивные признаки были разделены на три группы: первичные, вторичные и третичные.

Так, например, в первую очередь актуализировались такие когнитивные признаки как 1) форма юридического обязательства: *written / parol / oral / verbal*, 2) тип юридического обязательства: *implied / alleged / express / executory / special / specific*, 3) признак очередности юридического акта: *original / new / first / second* и некоторые другие. Только через некоторое время в ходе обсуждения правовых явлений начинают объективироваться вторичные признаки, такие как 1) признак законности: *unlawful / illegal / lawful / valid / unjust / wrongful / statutory, etc.*; 2) признак субъекта права: *private / personal / collective / mutual / voluntary, etc.*; 3) функциональный признак *competent / conclusive / convincing*; 4) темпоральный (длительность, стадийность) признак *temporary / preliminary / pending*; 5) уровень юрисдикции (*federal / state / local*) и т. п. Признаки, репрезентируемые посредством устойчивых словосочетаний уже на третьем этапе, включают 1) более дифференцированные признаки объекта права, правоотношения, правового института, например, предмет правоотношения: *bargaining / plea / settlement / annuity / security / loan / labor / insurance / employment*; 2) свойства правоотношений: *incriminating / exculpatory / affirmative / compelling / rebuttal, etc.*; 3) отраслевую принадлежность института права или юридической категории.

Проведенное исследование показало, что определенная доля когнитивных признаков начинает репрезентироваться одновременно, демонстрируя профили частотности актуализируемых терминов с высоким коэффициентом корреляции, другая часть признаков реализуется в судебном дискурсе последовательно, при этом очередность актуализации признаков для разных концептов не является жестко фиксированной. Кроме того, как оказалось, этапность актуализации признаков отражает специфику ведущей юридической парадигмы и во многом согласуется с выделенными нами ранее основными периодами в рамках трех этапов (первый – до 1868 г., второй – до 1928 г., третий – по настоящее время) в развитии Верховного суда, отражающими сдвиги в политико-правовом режиме. Как указывает В.З. Демьянков, терминология отражает приверженность одной парадигме и избегание другой «по идеологическим мотивам» [Демьянков 2008: 36].

Ранее мы предположили, что динамика языковой репрезентации когнитивных признаков профессионального концепта на материале диахронического корпуса текстов судебных решений Верховного суда США позволит представить сегменты концептосферы не только в ее скалярном представлении, отражающем качественно-количественные характеристики, но и в векторном виде, показывающем направление изменений на разных этапах развития Верховного суда. Как утверждает Е.И. Голованова, когнитивный подход к историческому исследованию языкового материала дает возможность рассмотреть динамические процессы, определяющие лексический состав и его изменение с учетом «внутренних связей и отношений» и, главное, «установить закономерности их формирования и развития в соответствии с базовыми ментальными категориями» [Голованова 2009: 249].

Насколько позволяет судить полученный материал, ряд когнитивных признаков (например, законности, источника права, субъекта права, объекта права, функциональных характеристик) являются универсальными, некоторые же признаки юридических концептов носят исключительно парадигмальный характер. Есть основания полагать, что чрезвычайно продуктивная методика картирования, предложенная в работе [Манерко, Новодранова 2014], может быть дополнена за счет введения указания на очередность актуализации того или иного когнитивного признака. Закономерности формирования специфических и универсальных когнитивных признаков, а также динамика их языковой репрезентации в дискурсе Верховного суда США являются предметом нашего дальнейшего изучения.

Литература

Авакян Т.В. Юридическое мышление в правоприменительном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М.: РГБ, 2007.

Беляевская Е.Г. Семантика в трех парадигмах лингвистического знания (Критерии выбора метода) // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН ИНИОН. Центр гуманитар. науч. информ. исслед. Отд. языкознания; редкол.: Кубрякова Е.С., Лузина Л.Г. (отв. ред.) и др. М., 2008. С. 64-81.

Глинская Н.П. Динамика языковой репрезентации правовых знаний в судебном дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XI. С. 643-645.

Голованова Е.И. Когнитивный подход в исторических исследованиях языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. I. С. 248-255.

Демьянков В.З. Термин парадигма в «родном» и «чужом» ареалах // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: сб. науч. трудов / РАН ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. Отд. языкознания. М., 2008. С. 15-40.

Заботкина В.И. От интеграционного вызова в когнитивной науке к интегрированной методологии // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В.И. Заботкиной М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 15-38.

Манерко Л.А., Новодранова В.Ф. Концептуальная и когнитивная карта как методологический аппарат когнитивно-коммуникативного терминоведения // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 275-286.

Scott M. WordSmith Tools. Version 6, Stroud: Lexical Analysis Software, 2012.

N.P. Glinskaya (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University
Glinskaya_nelly@mail.ru

SEQUENCE OF LINGUISTIC REPRESENTATION OF LAW CONCEPTS' COGNITIVE FEATURES IN THE JUDICIAL DISCOURSE

The present study aims at revealing the nature and sequence of linguistic representation of cognitive features of law concepts based on the US Supreme court opinions from 1791 to 2016. Cognitive features have been divided into primary, secondary and tertiary features according to their stage of actualization through the set word combinations in the discourse.

Key words: law concept, cognitive feature, linguistic representation, judicial discourse, US Supreme court.

*Н.А. Голубева (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
nagol@mail.ru*

КОНВЕРСИЯ – ЯЗЫКОВОЙ МЕХАНИЗМ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

В статье рассматривается конверсия как способ трансформационных технологий в процессе познания, как одна из языковых моделей преобразования мысли, дается ее отличие от смежных языковых механизмов. Реализация этого способа показана на примере грамматических прецедентных единиц немецкого языка – маркеров когнитивных трансформов.

Ключевые слова: когнитивный трансформ, конверсия, изотопия, языковой механизм, прецедентная единица.

Интуитивное мышление выводит обывателя на понимание слова «конверсия» как «мена», «замена» чего-либо чем-то другим, например, в оборонной промышленности. В простейшем делении этого слова по непосредственным составляющим угадывается иностранное слово – (лат.): преобразование, превращение, изменение.

Исторический опыт лингвистики свидетельствует о постоянном интересе к языковым преобразованиям (П. Адамец, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, З. Харрис, Н. Хомский), разработка которых в русле разных исследовательских школ внесла большой вклад в создание трансформационных методик. О конверсии в лингвистическом смысле принято говорить применительно к способам преобразования исходного значения слова, понятия, грамматической формы. Таким образом, в когнитивном аспекте конверсия предстает как способ представления системных вариантов содержания одной и той же языковой единицы, как *одна из языковых моделей преобразования мысли*.

Конверсные отношения в языке порождены, по мнению лингвистов, асимметричностью языкового знака (У.-Г. Васнер, Г. Вейнрих, С.А. Добричев, С.Д. Кацнельсон, А. Линке, Р. Лэнекер и др.). В понимании конверсности можно увидеть переплетение многих фундаментальных теоретических проблем, таких как смысловая эквивалентность, лексическая оппозиционность, импликация, актуальное и диктемное

членение, речепорождение. Решение этих проблем осуществлялось в рамках разных подходов: лексического (Ю.Д. Апресян, О. Есперсен), референциального (Дж. Лайонз, Х. Фатер), грамматического (Т.П. Ломтев, У. Энгель), семантического и когнитивно-семантического (У.-Х. Васнер, Х. Вайнрих, С.Д. Кацнельсон, Р. Лэнекер, Ю.С. Степанов), интегративного (С.А. Добричев). Все подходы, однако, имеют единую когнитивно-психологическую подоплеку, основанную на «синонимической аттракции», которая понимается как «реализация одной и той же смысловой программы с помощью различных языковых средств в процессе многоэтапной развертки образа речемыслительной деятельности» [Лебедева 2008: 464].

С позиции *ориентирующей* функции языка, играющей главенствующую роль в процессах концептуализации и категоризации мира [Кубрякова 2009], проблема «упаковки» информационных состояний со сходным содержанием признается одной из важнейших. Для объективации тождественных смыслов язык располагает разными конкурирующими формами, которые составляют его трансформационно-перифрастический баланс.

В языке существует множество средств выражения преобразованного (производного), нередко понимаемого как вторичного значения. Таковыми являются прецедентные единицы, использование которых обусловлено как системой языка, так и потребностями дискурса [Голубева 2009]. Прецедентные единицы по определению «обречены» поддерживать определенную семантическую связь со своими «прародителями», так как их когнитивной производящей основой является языковой или коммуникативный прецедент.

На уровне текста преемственность значения, регистрируемая несколькими лексемами, долгое время понималась как *изотопия* [Greimas 1966: 33-65]. Она покоится на семантической эквивалентности в самом широком смысле, от идентичности (при повторении одной и той же лексемы, включая ее формативные производные) до самых далеких отклонений в значении, вплоть до полной ее противоположности. Изотопия выходит на уровень повторной номинации, в нашей терминологии, прецедентной номинации [Голубева 2009].

Сегодня в лингвистике все чаще дискутируются конверсные отношения в тексте, которые выражают все те же способы преобразования исходного значения. Разница лишь в аспекте их рассмотрения. Изотопия – предмет лексической и референциальной семантики, она сильнее «опуты-

вает сетями» текст при формировании семантической константы текста. Конверсия – предмет семантического синтаксиса. Конверсность – прерогатива когнитивной семантики, точнее, когнитивного синтаксиса и «работает» с пропозициями.

Лингвистика истолковывает идею конверсности как идею имен или форм, описывающих одну и ту же действительность, но в разных направлениях. Эта идея порождена, как замечено выше, асимметричностью языкового знака (его обозначением и значением). Так, например, в немецком языке не существует соответствия 1:1 между грамматическими временными формами и темпоральностью как объективными временными пространствами, между наклонениями и модальностью, между возвратной формой (*sich*) и возвратностью. Так, пассив может выражать в определенной коммуникативной ситуации как пассивное значение, так и энергичное требование, напр., *Es wurde den ganzen Tag ununterbrochen gearbeitet*. Но: *Hier wird nicht gefaulenz!* С другой стороны, существует большое количество активных форм, выражающих пассивное значение, которые называются перифразами пассива и конкурируют с ним [Голубева 2015].

Посмотрим далее на суть конверсии с позиции когнитивного механизма «перспектива». Перспектива может создаваться в коммуникативной ситуации в двух направлениях. Это отношение смысловой восполняемости вокруг одной и той же сущности под двумя противоположными углами зрения. На уровне предложения такая перспектива может выражаться через степени сравнения и выглядеть следующим образом: *Petra ist jünger als Tomas*. = *Tomas ist älter als Petra*; через вид действия: *Frieda geht nach Hamburg*. = *Frieda kommt nach Hamburg*. В когнитивной грамматике этот ментальный прием именуется также «ментальным сканированием» [Langacker 2000].

Существует и более широкое понятие конверсности, в которое включаются трансформации на словообразовательном и морфологическом уровнях. В рамках грамматической конверсии рассматриваются: субстантивация (*das Rot*, *das Sichausweinen*), адъективация причастий (*bekannte Dichter*, *spannender Roman*); вербализация, включая возвратные глаголы (*bestiefeln*, *pfeffern*), адвербиализация (*derzeit*, *(das ist) spitze!*); прономинализация (*folgendes*, *tun*). Сюда же причисляется субстантивация служебных частей речи (*die Eins*), словосочетаний (*das Dasein*, *das Ach und Krach*, *das Zuspätkommen*) и предложений (*das Lebewohl*, *der Gottseibeius*, *der Guckindieluft*, *der Taugenichts*).

Дискуссия об идентичности событий, выражаемой предложениями как синтаксическими единицами, легко переносится, по мнению Х. Фатера, на ситуации в целом, а следовательно, на состояния [Vater 2005: 90]. Поэтому в когнитивном плане конверсность предполагает тождество пропозиций при взаимной мене аргументов. В языке это подтверждается тем, что обозначению двух кореферентных ситуаций служат одни и те же средства (местоимения и номинализации). Например:

(1a) Emil reiste von Paris nach Köln. *Das* dauerte 5 Stunden.

(1b) Emil reiste von Paris nach Köln. *Die Reise* dauerte 5 Stunden. [Vater 2005: 91]

(2) *Wenn Sie überholen*, sollten Sie die linke Spur benutzen. *Beim Überholen* sollten Sie die linke Spur benutzen. [Duden 1984: 564]

Из приведенных примеров вытекает, что по способу выражения когнитивно-дискурсивных стратегий конверсные отношения представляют собой синтез своих имплицитных и эксплицитных проявлений. Имплицитные конверсные отношения объективируют в тексте/дискурсе одну из двух или более пресуппозиций и постсуппозиций, которые могут иметь обязательный или потенциальный характер и доводят когнитивный контекст до полного объема. Ср.: *Anna und Peter lernen gut*. Это предложение имплицитно: *Anna lernt gut* и *Peter lernt gut*, является примером синтаксического перефразирования на уровне параллельных членов предложения. Когнитивная сущность конверсности зиждется на тождественности коррелирующих пропозиций, смысл которых не меняют не только отрицание, но даже смена иллокуции, а тождество пропозиции влечет за собой тождество пресуппозиции [Reis 1977]. В немецком языке существуют разные виды выражения тождественности пропозиций (см. [Голубева 2010: 101-111]).

Из представленных выше рассуждений становится ясно, что конверсия – это языковой механизм вторичного моделирования когнитивной системы, на службу которому поставлены прецедентные единицы.

Литература

Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы: монография. Н. Новгород: Нижегородский гос. линг. ун-тет им. Н.А. Добролюбова, 2009.

Голубева Н.А. Когнитивные основы пассива: учебное пособие. Изд. 2-е, испр. и доп. Н. Новгород: Нижегородский гос. линг. ун-тет им. Н.А. Добролюбова, 2015.

Голубева Н.А. Грамматические прецедентные единицы в современном немецком языке: дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2010.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 1. С. 5-12.

Лебедева С.В. Синонимическая аттракция в индивидуальном лексиконе // Сб. материалов Межд. конгресса по когнитивной лингвистике, Тамбов, 8-10 октября 2008. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. С. 464-466.

Duden = Die Grammatik. 4., völlig neu bearb. u. erw. Aufl. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1984.

Greimas A.J. Sémantique structurale // Recherche de méthode. Paris: Larousse, 1966. P. 33-65.

Reis M. Präsuppositionen und Syntax. Tübingen: Niemeyer, 1977.

Vater H. Referenz-Linguistik. München: Fink, 2005.

N.A. Golubeva (Nizhny Novgorod, Russia)

Nizhny Novgorod Linguistics University named after N.A. Dobrolubov

CONVERSION AS A LINGUISTIC MECHANISM OF COGNITIVE MODELLING

The article deals with conversion as a way of transformational technologies in the cognitive process. The author describes it as one of linguistic models of transformation of thought and differentiates it from adjacent language mechanisms. Realization of this way is shown on the example of grammatical precedent units of the German language which are markers of cognitive transforms.

Key words: cognitive transform, conversion, isotopy, language mechanism, precedent unit.

Е.Е. Голубкова, А.В. Трубочкин (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
katemg@yandex.ru, nalugu@mail.ru

ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ КАК ГРАММАТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Фразовые глаголы рассматриваются в статье как лексико-грамматические конструкции, обладающие так называемой силой внутренней и внешней коэрации («вынужденного приспособления» к структурным и семантическим свойствам конструкции), проявляющейся в зависимости от лингвистического и экстралингвистического окружения. Конструкция обладает свойством аналогической аттракции, допуская в свой состав новые глаголы при условии тождественности описываемых ситуаций действия или движения, облегчая задачу извлечения из памяти необходимых единиц номинации или создания новых ФГ по их образцу.

Ключевые слова: фразовые глаголы, грамматика конструкций, коэрация, коэритивная сила, ситуация движения, ситуация действия, конструктивный фокус.

Исследование посвящено изучению семантики английских фразовых глаголов (ФГ) с точки зрения семантики конструкций. Фразовый глагол – сочетание глагола с частицей(-ами) – воплощает собой типологическую характеристику английского языка как языка сателлитно-ориентированного: в нем преобладает модель, в которой глагол выражает одновременно движение или местоположение объекта и способ движения, направление же движения (действия) выражается прилагательным сателлитом (или частицей) [Talmy 1991]. Таким образом, ФГ является достаточно информативной единицей и рассматривается как обозначение свернутых ситуаций, относящихся к описанию межпредметных связей и отношений [Кубрякова 1985: 148].

Самое интересное свойство ФГ – это пополнение их состава с вовлечением новых глаголов, в том числе и глаголов романской этимологии (ср., недавние неологизмы *abstract away from, ambivalent about, be barbecued out, ball around, balkanize something into something, bin off, flish around, phish sb out, ping back, power through, siphon off, tech up, zoom up*). С появлением корпусов появилась возможность опереться на массивы данных и попытаться по-новому подойти к вопросу моделирования семантики ФГ, в частности, с позиций грамматики конструкций.

В ходе исследования было выявлено, что фразовые глаголы склонны образовывать синонимические кластеры подобно *look / glance / flip / leaf / flick / page / thumb / browse / scam / skim / scroll / click, etc. through*. В подобных кластерах ФГ демонстрируют следующие различия: различную степень конкретности действия; различную частотность использования в вариантах английского языка; проявляют различную степень метафоричности; показывают различную динамику развития значения. Отмеченные различия синонимичных ФГ не мешают им быть близкими синонимами и описывать в целом схожую экстралингвистическую ситуацию, а именно, в случае приведенной в пример группы: достаточно поверхностное просматривание информации на каком-то носителе. Факт существования кластеризации позволяет предположить, что замена глагола на синоним обеспечивается работой аналогии более высокого порядка.

Шагом в сторону от традиционного глаголоцентрического описания сирконстант является представление семантики глагола в зависимости от семантики контекста, который образуют актанты-участники ситуации. Из них в предложении формируется конструкция, в которую как бы погружается глагол и, как показали А. Голдберг [Goldberg 1995] и Е. Рахилина [Рахилина 1998], адаптируясь к конструкции, он перестраивает свою семантику соответствующим образом (ср., *ударить кулаком по столу и ударить в барабан*). Логика такого подхода складывается из корпусных «подсказок» о том, что существуют лексико-грамматические конструкции, некие шаблоны функционирования ФГ. Это не просто соединение семантики и грамматики, а некая интеграция структуры и смысла соседствующих компонентов (глагола и частиц) [Голубкова 2015].

Таким образом, ФГ, склонные к кластеризации, рассматриваются нами как лексико-грамматические конструкции, обладающие так называемой силой внутренней и внешней коэрции (от англ. 'coercivity'), «вынужденного приспособления» к структурным и семантическим свойствам конструкции, проявляющихся в зависимости от лингвистического и экстралингвистического окружения [Hilpert 2014]. Конструкция обладает свойством аналогической аттракции, допуская в свой состав новые глаголы при условии тождественности описываемых ситуаций действия или движения, облегчая задачу извлечения из памяти необходимых единиц номинации или создания новых ФГ по их образцу.

Целью настоящего исследования является изучение процесса коэрции, определяющей целостность и однозначность конструкции, репрезентируемой

ФГ. В исследовании мы опираемся на понятие «ситуация движения или действия» (motion event или action event) как экстралингвистического компонента X (extra) конструкции (Л. Талми). Это позволяет нам различить внутреннюю и внешнюю коэртиции. Внутренняя коэртиция имеет место, когда значение конструкции или сужение семантического фокуса вынуждается ее лингвистическими компонентами, внешняя – когда значение конструкции вынуждается экстралингвистическими компонентами, в нашем случае – ситуацией, которая детерминирует конструкцию с фразовым глаголом, ибо без ее учета лингвистические средства коэртиции уже исчерпаны, а неоднозначность все еще остается.

В исследовании использовался коллексемный анализ как наиболее удобный способ оценки силы притяжения элементов слотами конструкции для изучения взаимосвязи элементов. Статистической базой исследования являлся корпус The Intelligent Web-based Corpus (iWEB) 2018 г. объемом 14 млрд слов (BY University, USA). В качестве экспериментальной базы рассмотрим фразовые глаголы с частицей DOWN двух кластеров или конструкций *writing/recording* (общее значение – *занимать*) и *movement down from upright position* (общее значение – *согнуться*).

Коллексемный анализ сводится к сопоставлению вероятности успеха определенной словоформы конкретной лексемы с пороговым значением, где пороговое значение определяется вероятностью успеха аналогичной словоформы всех лексем одноименной части речи.

С точки зрения теории грамматики конструкций сама конструкция является лексической единицей, то есть в коллексемном методе мы можем лексему заменить на конструкцию С, сохраняя принцип его исчисления. В нашем случае в конструкцию С входят лексические компоненты – глагол V и частица P. То есть лексически модель фразового глагола представляется обобщенной формулой $C = V + P$ как минимальная неделимая лексическая единица для применения метода коллексемного анализа.

Чтобы говорить о том, какие элементы притягиваются конструкцией С, а какие отгалькиваются, необходимо определить пороговое значение аттракции. Для этого возьмем суммарное количество всех форм глаголов (кроме модальных), встречающихся в корпусе, и рассмотрим, какая часть из них встречается во фразоглагольных конструкциях с частицей DOWN. Соотнеся эти два числа, мы получим пороговое значение аттракции глагола к конструкции типа $C_N = V_N + \text{DOWN}$. После чего вероятность успеха каждого тестируемого глагола в данной конструкции сравнивается с пороговым значением. Если она выше порога, то такой глагол притягивается конструкцией, если

ниже, то отгалкивается. Вероятность же успеха конкретного тестируемого глагола в конструкции $C_N = V_N + \text{DOWN}$ определяется как отношение количества случаев употребления всех форм данного глагола в рассматриваемой конструкции к суммарному количеству употребления всех форм этого глагола в корпусе. Аналогичным образом измеряется аттракция частицы Р к конструкции С.

Результаты исследования показали, что не только глагол V и частица Р притягиваются к конструкции С, что свидетельствует о наличии взаимной связи между глаголом и частицей внутри конструкции, но и то, что частица притягивается к конструкции в несколько раз сильнее, чем глагол. Это может свидетельствовать о том, что во фразоглагольной конструкции частица более устойчива, чем глагол. Этот факт вполне согласуется с тем, что частицы представляют собой закрытый класс элементов, в то время как глагол занимает открытую пополняющуюся позицию. Чем более широкой семантикой он обладает (*сравните get vs. join*), тем менее привязан глагол к частице. Частица же ведет себя так, как будто бы ищет конструкции с глаголом, в которой она будет выполнять регулярную модифицирующую функцию, а другие глаголы «приглашаются» в такую конструкцию в зависимости от их способности подстроиться под нее (сила коэрции).

Аналогично исследованию взаимосвязей между лексическими компонентами внутри конструкции представляется интересным исследовать внешние силы, действующие на конструкцию, и установить, какова связь между конструкцией и ее внешним – экстралингвистическим компонентом X. То есть, введя такой компонент, конструкция может быть представлена расширенной математической моделью $M_1 = C_1 + X_1 \Rightarrow M_1 = (V_1 + P_1) + X_1$, где M_1 – определенное семантическое значение, передаваемое конструкцией. Схематично модель представлена на рис. 1.

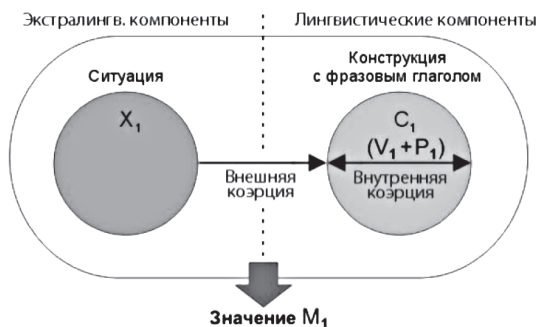

Рис. 1. Модель ФГ конструкции

Ситуация же, связанная с конструкцией, и представляет собой ее экстралингвистический компонент X, где его формообразующими являются частные случаи проявления ситуации движения или действия, которые необходимо классифицировать по определенной системе. Тогда алгоритм, используемый для коллексемного метода, теоретически применим и к анализу конструкций с экстралингвистическим компонентом, в которых лингвистический компонент С, состоящий из глагола V и частицы Р, представляющий собой фразовый глагол, перманентен. Это позволит составить ситуационную матрицу или семантическую карту для каждого тестируемого фразового глагола и классифицировать экстралингвистические компоненты по величине внешней коэрции, изменяющей семантику фразового глагола.

Литература

Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: история, персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. 1998. Вып. 36. С. 274-322.

Голубкова Е.Е. Диалектная вариативность лексики как проявление альтернативных способов концептуализации действия (на материале фразовых глаголов английского языка) // Вестник МГЛУ. 2015. № 19 (730). С. 152-158.

Кубрякова Е.С. Коммуникативные единицы языка // Коммуникативная лингвистика и проблемы семантики. М.: МГИИЯ им. М. Тореза, 1985. Вып. 252. С. 138-151.

Goldberg A. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1995.

Hilpert M. Construction Grammar and its Application to English. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2014.

Constructions: a new theoretical approach to language / ed. by A. Goldberg. Cambridge, USA: Cell Press, TRENDS in Cognitive Sciences. 2003. Vol. 7. Issue 5. P. 219-224.

Path to Realization: A Typology of Event Integration / ed. by L. Talmy. Buffalo, USA: The University at Buffalo, Papers in Linguistics, no. 1, 1991.

The Intelligent Web-based Corpus (iWEB). Provo, USA: BY University, 2018.

E.E. Golubkova, A.V. Trubochkin (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University
katemg@yandex.ru, nalugu@mail.ru

PHRASAL VERBS FROM THE VIEWPOINT OF CONSTRUCTION GRAMMAR IN MODERN ENGLISH

The article views English phrasal verbs (PhVs) as lexico-grammatical constructions. Likely to develop polysemy, PhVs undergo the process of coercion or “forced adjustment” to the requirements of the construction that depend both on linguistic and extralinguistic factors. Construction reveals the features of attraction involving new verbs provided the action or motion event is identical, and facilitate and diversify the naming process with the speakers.

Key words: phrasal verbs, construction grammar, coercion, coercive force, motion event, action event, construction, semantic focus.

Yu. Badryzlova (Moscow, Russia)
National Research University Higher School of Economics
yuliya.badryzlova@gmail.com

O. Lyashevskaya (Moscow, Russia)
National Research University Higher School of Economics,
Vinogradov Institute of the Russian Language RAS
olesar@yandex.ru

P. Panicheva (Saint Petersburg, Russia)
Voronezh State Pedagogical University
ppolin86@gmail.com

COMPUTER AND METAPHOR: WHEN LEXICON, MORPHOLOGY, PUNCTUATION, AND OTHER BEASTS FAIL TO PREDICT SENTENCE METAPHORICITY

The paper provides linguistic explanations to the results of the supervised machine learning experiments for identification of verbal metaphor in Russian texts. We look at the classification accuracy of models based on different features (distributional semantics, and lexical and morphosyntactic co-occurrence,

etc.) and explore the behavior of verb constructions and wider context in order to investigate the reasons behind the most and the least successful performances.

Key words: metaphor identification, meaning shift, Russian corpus of metaphor, supervised binary classification, distributional semantics, lexical co-occurrence, morphosyntactic co-occurrence.

In recent years, computational linguistics has seen a remarkable success in the field of metaphor identification and figurative language processing. [Veale et al. 2016] mention a range of context cues which are exploited in the state-of-the-art methods to detect and interpret metaphor, such as lexemes and n-grams, part of speech and grammatical features, syntactic relations, and others. More sophisticated methods attempt to model the semantic relations between a word and its context using the data of WordNet, SUMO, FrameNet, VerbNet, ConceptNet and other lexical knowledge resources, indices of concreteness/abstractness and imageability reported in psycholinguistic databases, as well as word embeddings and output of topic modeling. Experiments in metaphor identification for Russian demonstrate a considerable model performance improvement in different tasks and settings reaching up to 83 % accuracy and F-score in [Badryzlova, Panicheva 2018] and 84 % F-score in [Tsvetkov et al. 2014].

More essentially, theoretical cognitive analysis of metaphor can benefit from computational modeling and feature engineering since they help to detail which context elements serve as a strong (or weak) cue to trigger the literal vs. metaphoric interpretation of the utterance. In this paper, we analyse the results of the automatic detection classifier experiments in order to assess the impact of different kinds of features and combinations. We show that the distinctive power of the lexical, semantic and morphosyntactic co-occurrence features varies depending on the choice of the target verb, and that these differences correlate (a) with the number of constructions that are either exclusive to or shared by the verb's metaphoric and non-metaphoric meanings; (b) the frequency of the exclusive vs. shared constructions within the metaphoric and the non-metaphoric subcorpora; and (c) the degree of the exclusive constructions' specialization, i.e. one or more of the following: whether they differ from the shared ones only in the semantic nature of their components, or they develop idiosyncratic patterns of lexical combinability, or they license a totally different morphosyntactic framework.

Data. For experiments, we created a randomized sample of [Badryzlova, Panicheva 2018]'s dataset which is balanced both across the target verbs (224

sentences per verb) and for metaphoric and non-metaphoric use (112/112 per each verb). The dataset represents the behaviour of 20 verbs which refer to accomplishment or activity in their primary (literal, basic) meaning, the subject being typically a human (Agent), and the object a physical (concrete) entity (Patient or Theme). The verbs have less than nine other (metaphoric and non-metaphoric) meanings attested in the dictionary and have no strongly delexicalized meanings. Overall, 4,448 sentences were drawn from the ruTenTen11 web corpus [Kilgarriff et al. 2014]; they represent a diversity of genres and domains. The sentences in which the verb was used in the primary meaning or in those related to the primary meaning via a diathetic or close metonymic shift, were manually labeled as ‘non-metaphoric’; conventionalized and unconventional creative metaphors and idiomatic expressions were labeled as ‘metaphoric’.

Binary classifier and features. We use the same classifier and features as in [Badryzlova, Panicheva 2018]. A Support Vector Machine (SVM) classifier with linear kernel was evaluated via 5-fold cross-validation. The performance of the models was estimated as the accuracy of classification.

The experiments were run using the following features:

- (1) ‘flag words’: specific lexical markers such as *kak budto* ‘as if’, *bukval’no* ‘literally’;
- (2) quotation marks: calculated as a distance (in words) to the target verb;
- (3) sentence length (in words);
- (4) lexical deviance (see the *lex* model below);
- (5) semantic similarity deviance based on word embeddings (the *sem* model);
- (6) deviance based on morphological unigrams, bigrams, and trigrams (the *morph* model).

There is a number of assumptions underlying the intuition that the metaphorical uses are lexically (semantically) and morphologically deviant from the non-metaphoric uses. Firstly, we assume that the metaphoric meanings impose restrictions on the semantics of verb arguments and the context in general, and subsequently, on the distribution of lexical classes. Thus, ΔP metric of lexical deviance estimates the probability for each lexeme in context to be used relatively more frequently in the metaphoric subcorpus (averaged across all lexemes in context). Secondly, we suggest that the pairwise semantic similarity between all words in non-metaphoric sentences shapes a more dense space whereas a metaphoric verb will be semantically more distant from the words in context. We use a pre-trained distributional semantic model (Araneum, see [Kutuzov, Kuzmenko 2016]) to measure the semantic similarity. The SimDiff

metric is calculated as a difference between the mean similarity of all words in a sentence including and excluding the target verb. Thirdly, we assume that the verb used metaphorically may develop exclusive morphosyntactic constructions such as intransitive or direct speech constructions. ΔP of the morphosyntactic deviance is calculated the same way as the lexical deviance but instead of lemmas, we consider the pos- and grammatical tagsets of verbs and nouns and pos-tags of other words, as well as their bigrams and trigrams.

Results and analysis. Experiments were run with different combinations of features. Flag words, quotation marks, and sentence length did not prove efficient, either alone or in combination with other features. The former two features are too sparse in the dataset while the sentence lengths are distributed similarly in the metaphoric and non-metaphoric subcorpora.

Table 1 (https://github.com/yubadryzlova/computer_and_metaphor_results.git) reports on the best models of classification built for each verb and for the whole dataset. If we consider the best scores and those close to them (up to 0.05 drop in accuracy) we see that the most efficient are *lex* in isolation, *lex* in combination with *sem* or with *morph*, and the combination of all the three features. Overall, *sem* in isolation, *morph* in isolation, and their combination are weak signals to metaphoric interpretation. Still, *morph* is a strong cue in *napadat'* and *podkhvatyvat'* (2-3 accuracy points below each verb's best result).

The efficient performance of *morph* with *napadat'* presumably stems from the following reasons. Firstly, pronominal prepositional objects are predominantly found in the metaphoric contexts of this verb (*Kakaya-to bolezni' < napalita > na nego.* – ‘An unknown disease < attacked > him’). Secondly, inanimate prepositional objects occur only in non-metaphoric sentences (*Vojska protivnika < napali > na gorod.* – ‘The enemy troops < attacked > the city’). Thirdly, the plural past form of the target verb occurs twice as often in the non-metaphoric subcorpus, and about one third of the sentences that feature the plural of *napadat'* in the metaphoric subcorpus also contain the distinctly metaphoric idiomatic construction *ne na togo_{Pron_Acc} napali_{V_Pf_Praet_Indic_Pl}* ‘(X) is not a kind of person to be harmed’.

As for the relatively high results of *podkhvatyvat'* with the *morph* model, we presume that there are two major factors to account for them. First of all, animate agents appear to associate much more frequently with metaphoric contexts: the metaphoric sentences feature far more animate nouns, proper names referring to people, and their pronominal coreferents than the non-metaphoric

ones. Moreover, the passive form of *podkhvatyvati* is approximately twice as frequent in the metaphoric subset of this verb as in the non-metaphoric sentences, cf. (1a and 1b):

1a) **(Non-met)** ... *burnus, na letu* < *podkhvachennyj* > *lakeem* – ‘... the *burnus* (cloak) which was < caught > by the footman in the air’.

1b) **(Met)** *Ideja, odnako, byla* < *podkhvachena* > *srazu dvumja organizatsijami*. – ‘However, the idea was < caught > (lit. supported) by two organizations at once’.

Concerning the performance of the *sem* model, it demonstrates the strongest predictive power with *syedati*, *raspylyati*, *razbavlyati* and *vykraivat* (0.79-0.84), while *vzorvati* and *vzvesiti* perform at no better than chance level (0.48-0.56). Obviously, the key to success with the first four verbs lies in the remarkable lexico-semantic homogeneity of their non-metaphoric subcorpora. For example, virtually each non-metaphoric sentence with *syedati* contains words from the thematic fields of food and meals, as the majority of these sentences provide recommendations about cooking or about eating styles; consequently, these sentences are saturated with thematically kindred – and, more importantly, predominantly monosemous words such as *ice-cream*. Thus, the non-metaphoric sentences feature a high measure of semantic similarity which reliably contrasts them with the metaphoric sentences. An additional factor promoting the performance of *sem* with *vykraivat* is the notable homogeneity of its metaphoric subcorpus, in which the majority of the metaphoric sentences contain lexemes from the following groups: periods of time, money, and space. This peculiarity reaches its full potential in the lexical co-occurrence model, in which *vykraivat* tops the results list with the accuracy of 0.95.

As for the worst performer of the *sem* model, the verb *vzorvati*, the origins of its failure are presumably the following. Both metaphoric and non-metaphoric sentences contain words which, on the one hand, denote buildings and structures, and on the other, they can metonymically denote groups of people, social institutions, the audience associated with such buildings and structures, cf. (2a and 2b):

2a) **(Non-met)** *Postanovka soprovozhdalas’ ugrozami* < *vzorvati* > *teatr*. – ‘The staging (of the show) was accompanied by the threats to < explode > the theater’.

2b) **(Met)** *Bud’te gotovy* < *vzorvati* > *podmostki, kogda javites’ v odnom iz takikh sviterov*. – ‘Mind that you are likely to < blow up > the stage (lit. create a sensational impression) when you show up wearing one of these sweaters’.

Moreover, both metaphoric and non-metaphoric sentences with *vzorvat'* often contain words from the thematic fields of warfare, terrorism and the like, as well as a substantial amount of geographical names and their derivatives.

As for the other outsider of the *sem* model, *vzvesit'*, we may suggest the following explanation of its failure: both the metaphoric and the non-metaphoric sentences contain a significant proportion of highly abstract words. At the same time, the words of the concrete semantics found in the non-metaphoric sentences with *vzvesit'* are rather heterogeneous in terms of their thematic affiliation, as virtually any physical object can be weighted – be it animate or inanimate, gigantic or microscopic, pertaining to everyday life or to a highly specific professional domain, etc. – all this erodes the semantic borderline between the metaphoric and the non-metaphoric associates of *vzvesit'*.

References

Badryzlova Yu., Panicheva P. A Multi-Feature Classifier for Verbal Metaphor Identification in Russian Texts. In: Artificial Intelligence and Natural Language, 7th International Conference AINL 2018, Revised Selected Papers (CCIS). Cham: Springer, 2018.

Tsvetkov Y., Boytsov L., Gershman A., Nyberg E., Dyer C. Metaphor detection with cross-lingual model transfer. In: Proceedings of the 52nd Annual Meeting of ACL, Vol. 1. Baltimore (MD), 2014. P. 248-258.

Veale T., Shutova E., Beigman Klebanov B. Metaphor: a computational perspective. Synthesis Lectures on Human Language Technologies, Vol. 35, 2016.

Kilgarriff A., Baisa V., Bušta J., Jakubiček M., Kovář V., Michelfeit J., Rychlý P., Suchomel V. The Sketch Engine: ten years on. Lexicography. No. 1. 2014. P. 7-36.

Kutuzov A., Kuzmenko E. WebVectors: A Toolkit for Building Web Interfaces for Vector Semantic Models. In: Ignatov, D.I. (ed.) Analysis of Images, Social Networks and Texts. 5th International Conference on Analysis of Images, Social Networks and Texts (AIST 2016), Revised Selected Papers. Springer, 2016. P. 155-161.

Ю. Бадрызлова, О. Ляшевская (Москва, Россия)

П. Паничева (Санкт-Петербург, Россия)

**КОМПЬЮТЕР И МЕТАФОРА:
КОГДА ЛЕКСИКА, МОРФОЛОГИЯ, ПУНКТУАЦИЯ
И ДРУГИЕ ЗВЕРИ НЕ МОГУТ ПРЕДСКАЗАТЬ
МЕТАФОРИЧНОСТЬ ПРЕДЛОЖЕНИЯ**

Работа предлагает лингвистическое объяснение результатов автоматического распознавания глагольной метафоры в русских текстах с помощью машинного обучения с учителем. Рассматривается качество классификации с использованием разных признаков (дистрибутивно-семантической плотности контекста, лексической и морфологической сочетаемости и др.). Анализируется поведение конструкций глагола и его более широкого контекста в качестве возможных причин успехов и неудач распознавания метафоры.

Ключевые слова: распознавание метафоры, перенос значения, русский корпус глагольной метафоры, бинарная классификация с учителем, дистрибутивная семантика, лексическая сочетаемость, морфологическая сочетаемость.

V. КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И КОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

М.Н. Лату (Россия)

Пятигорский государственный университет

Laatuu@yandex.ru

Ю.Р. Тагильцева (Россия)

Уральский государственный педагогический университет

jennifer1979@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ СИСТЕМНЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ПОНЯТИЯМИ ПРЕДМЕТНОЙ ОБЛАСТИ¹

Работа посвящена анализу языковых средств, выступающих вербализаторами разных типов пространственных системных отношений, которые существуют между научными концептами конкретной области знания. Рассматриваются особенности структуры, а также некоторые продуктивные элементы сложных вербализаторов.

Ключевые слова: системное отношение, вербализатор, лексема, структура, текст.

Когнитивное моделирование специализированных предметных областей сегодня играет значимую роль для решения многих задач, связанных с проектированием баз знаний, созданием прикладных моделей организации научного знания, таких как терминологические сети и онтологии, а также экспертных систем, оптимизацией навигации в электронных словарях и тезаурусах [Потапова, Широков 2013; Лату, Левит 2017]. На языковом уровне системность понятий в первую очередь находит отражение в текстах научной направленности [Malaise, Zweigenbaum, Vachimont 2004; Константинова, Раздубев 2017]. Однако установление характера корреляции научных концептов и соответствующих конкретных

¹ Публикация выполнена в рамках проекта «Комплексное когнитивное исследование языковой репрезентации системных отношений между терминами в прикладных моделях организации научного знания» по гранту Президента Российской Федерации (№ 14.Z56.18.895-МК).

типов системных отношений между ними может вызывать трудности как у онтоинженеров на разных этапах анализа предметной области и структурирования знаний, так и при автоматической обработке и извлечении данных.

Как показали наши более ранние исследования, существует свыше 40 типов системных отношений между понятиями различных областей знания, которые являются высокочастотными, прототипичными и универсальными [Лату 2018], например, АКО (родовидовое отношение), РО (партитивное отношение), At (атрибутивное отношение), R (отношение результативности), Trsf (трансформационное отношение) и др. Отдельную большую группу составляют типы системных отношений, раскрывающие разный характер и специфику пространственной локализации референтов, репрезентируемых терминами, среди которых LocIn/Op (отношение между референтами, один из которых является местом расположения другого), Intr (отношение, указывающее, что один референт расположен между другими однотипными референтами), Arnd (отношение, между референтами, один из которых расположен вокруг другого), Above (отношение, указывающее, что один референт расположен над другим), Under (отношение между референтами, один из которых расположен под другим), Next to (отношение, указывающее на близкое расположение референтов относительно друг друга), Tra (отношение между референтами, один из которых является субъектом перемещения, а второй местом перемещения) и др. Как следует из вышесказанного, локализация может быть как статической, так и динамической. В данной работе мы рассмотрим особенности вербализации данных отношений.

На языковом уровне корреляция понятий репрезентируется определенным набором языковых средств, специфичным для каждого типа связи, которые выступают их вербализаторами. Под **вербализатором системного отношения** мы понимаем лексическое, графическое или грамматическое языковое средство, используемое для выражения определенного типа системного отношения между смежными понятиями в тексте и указывающее на характер данной связи. В структурном плане они могут состоять из одного или нескольких элементов и преимущественно представляют собой единицы общеупотребительной лексики и их сочетания.

Как показал анализ корпуса выборки, для пространственных типов системных отношений характерны именно лексические вербализаторы, а одной из основных черт их репрезентации является использование

предлогов в качестве самостоятельных языковых маркеров и в составе сочетаний лексических единиц. При этом однословными вербализаторами, в первую очередь, выступают сами предлоги и наречия в роли предлогов, например, *в* и *на* (системное отношение LocIn/On), *между*, *среди* (системное отношение Intr), *вокруг* (системное отношение Arnd), *над* и *выше* (системное отношение Above), *под* и *ниже* (системное отношение Under), *у*, *около*, *вблизи*, *рядом* (системное отношение Next to). К таковым также относятся такие лексемы, как *заполняет* (системное отношение LocIn/On), *окружает*, *обтекает* (системное отношение Arnd), *соседний*, *ближайший* (системное отношение Next to).

Структура сложных вербализаторов может включать два и более элементов. Одной из особенностей вербализации пространственных отношений является наличие единого корпуса продуктивных лексем, которые выступают периферийными элементами в структуре сложных вербализаторов разных типов рассматриваемых системных связей. К таковым лексическим единицам относятся: *находится*, *располагается*, *лежит*, *имеется*, *присутствует*, *происходит*, *размещается*, *существует*, *простирается*, *локализуется*, *остается* и др. Ядерным элементом таких сочетаний слов выступает предлог или наречие в роли предлога, указывающие на характер локализации, например, *находится в/на*, *располагается в/на* (системное отношение LocIn/On), *находится между*, *располагается между/среди* (системное отношение Intr), *находится вокруг*, *располагается вокруг* (системное отношение Arnd), *находится за*, *располагается за* (системное отношение Behind), *находится у/вблизи/около/рядом*, *располагается у/вблизи/около/рядом* (системное отношение Next to) и т. д. К набору продуктивных элементов в структуре сложных вербализаторов также относятся лексемы *найденный*, *установленный*, *выявленный*, *обнаруженный*, *представленный*, *видный*, *зафиксированный*, *наблюдаемый* и др., например, *обнаруженный в/на* (системное отношение LocIn/On), *наблюдается вокруг* (системное отношение Arnd), помещенный *вблизи/близко к/около/рядом/у* (системное отношение Next to) и др. Заметим, что сочетания данных предлогов с некоторыми другими лексемами могут являться вербализаторами ряда непространственных связей, например, *входит в состав/структуру*, *представлен в составе/структуре*, *на основе*, *объединяет в себе* (системное отношение PO), *в результате формируется* (системное отношение R), *преобразуется в* (системное отношение Trsf) и др., что указывает на значимость

контекста и необходимость определения ядерного и периферийного элементов структуры вербализатора.

Стоит отметить, что многие из таких сочетаний лежат в основе более сложных по структуре вербализаторов, которые являются контекстуально обусловленными и представляют собой производные комбинации и сочетания с большим количеством компонентов. При этом структурная модель их построения одинакова для разных типов отношений, например, *может (-гут) находится в/на, который (-ая, -ое, -ые) находится (-ялся) в/на, находящийся (-аяся, -еяся, -иеся) в/на* (системное отношение LocIn/On), *может (-гут) находится над/выше, который (-ая, -ое, -ые) находится (-ялся) над/выше, находящийся (-аяся, -еяся, -иеся) над/выше* (системное отношение Above) и т. д. Продуктивными элементами в данном случае также являются лексемы *может, который*. В составе таких вербализаторов могут быть представлены действительные и страдательные причастия и в определенных случаях их краткие формы, например, *расположен, распределен* и др. Стоит отметить также, что порядок следования лексем в сочетании может варьироваться. Так, предлог может предшествовать глаголу и одному из смежных терминов или относительно местоимению, используемому вместо него, например, *лежит под/ниже, под/ниже ... лежит; который лежит под/ниже, под/ниже которым (-ого) лежит* (системное отношение Under), *расположен вблизи, вблизи ... расположен; который расположен вблизи, вблизи которого расположен* (системное отношение Next to) и т. д.

В структуре предложения некоторые вербализаторы, относящиеся к знаменательным частям речи, могут быть представлены в разных грамматических формах, а также выступать в роли основ для образования производных и сочетаний слов, например, *окружает, окружают, окружающий, окружающая, окружающее, окружающих* от *окружать, вокруг друг друга* и др. (системное отношение Arnd). Разнообразие форм характерно и для отдельных лексем в составе ключевых сочетаний слов, например, *находится в/на, находятся в/на, находящийся в/на, находящаяся в/на, может находится в/на* (системное отношение LocIn/On) и др.

Отметим, что незначительное количество вербализаторов представляют собой лексемы и их сочетания, специфичные по структуре и семантике только для конкретных типов пространственных системных отношений, например, *наполняет, заполняет* (системное отношение LocIn/

On), *окружает, обтекает* (системное отношение Arnd), *нижележащий* (системное отношение Under), *близко к, ближайший к, соседний (с), при-мыкает к* (системное отношение Next to) и др. К ним также относятся все предлоги и наречия в роли предлогов, которые используются в качестве однословных вербализаторов.

Таким образом, для каждого типа пространственных системных отношений характерен определенный набор лексических вербализаторов, которые состоят из одного или нескольких элементов. К особенностям репрезентации относится функционирование предлогов как однословных вербализаторов, а также их использование в составе сложных в качестве ядерных элементов, раскрывающих характер связи. Отличительной чертой является и наличие сходных структурных моделей сложных вербализаторов для разных типов системных отношений и единого корпуса продуктивных лексем, выступающих в роли периферийных элементов.

Литература

Лату М.Н., Левит А.А. Использование терминологических сетей для навигации в электронных специализированных словарях // Труды Института системного анализа РАН. 2017. Том 67. № 3. С. 98-110.

Лату М.Н. Типы системных отношений между терминами в сетевых моделях организации научного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 134-142.

Потапова Е.В., Широков В.А. Моделирование многоязычной онтологии как лексикографической системы // Искусственный интеллект и принятие решений. № 2. 2013. С. 23-31.

Константинова Е.С., Раздубев А.В. Основные характеристики лексической и терминологической сочетаемости // Язык, культура, этнос. Сборник статей: к 65-летию юбилею профессора Замиры Касымбековны Дербишевой. Серия «Концептуальный и лингвальный миры». 2017. С. 416-423.

Malaise V., Zweigenbaum P., Bachimont B. Detecting semantic relations between terms in definitions // CompuTerm 2004. 3d International Workshop on Computational Terminology. 2004. P. 55-62.

M.N. Latu (Russia)

Pyatigorsk State University

Laatuu@yandex.ru

Yu.R. Tagiltseva (Russia)

Ural State Pedagogical University

jennifer1979@yandex.ru

PECULIARITIES OF VERBAL REPRESENTATION OF SPATIAL SYSTEMIC RELATIONS BETWEEN THE CONCEPTS OF A DOMAIN

The paper analyzes the linguistic means that function as linguistic markers of different types of spatial systemic relations that exist between the concepts of a domain. The peculiarities of structure and some productive elements of complex linguistic markers are considered.

Key words: systemic relation, linguistic marker, lexeme, structure, text.

И.М. Петрова (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

miinna@yandex.ru

КОМБИНАТОРИКА БИНОМИНАЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССА ИКОНИЧЕСКОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБЪЕКТОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

В докладе рассматриваются биномиальные структуры, представляющие модель семантических оппозиций. Порядок следования компонентов данных конструкций соотносится с иконическим принципом отражения объектов действительности. Изменение комбинаторики фразы влияет на частоту вхождений фразы в базу данных поисковой системы Google, которая выступает инструментом корпусного исследования. Сравнение данных в русском и английском языках позволяет выделять особенности отражения объектов действительности в разных языковых средах.

Ключевые слова: семантические оппозиции, сочинительные парные словосочетания, иконичность, комбинаторика фразы, частота поисковых запросов.

Тема языковой репрезентации объектов действительности представляется достаточно актуальной в свете последних исследований в области когнитивной лингвистики [Барышников 2014; Болдырев 2016; Шульженко 2016 и др.]. Процессы категоризации и классификации объектов действительности в сознании говорящего рассматриваются через призму не только содержания, но и формы высказывания [Сулейманова 2007; Киселева 2012; Дзюба 2016 и др.]. В результате анализ семантики в рамках малого синтаксиса представляется перспективным, поскольку позволяет проанализировать особенности языковой репрезентации действительности на примере элементов, включенных в определенные синтаксические отношения. К числу таких явлений можно отнести семантические оппозиции, которые могут реализовываться в языке посредством сочинительных парных словосочетаний, например, *свет и тьма, день и ночь* и др. Исследование данных структур все больше и больше привлекает внимание лингвистов, особенно в контексте корпусных когнитивных исследований [Jones et al. 2007; Danesi 2009; Сурмятова 2018 и др.]. В данной статье мы намерены рассматривать сочинительные парные словосочетания существительных как модель семантических оппозиций. Эта синтаксическая структура представляет собой двухкомпонентное образование разной степени устойчивости, соединенное сочинительным союзом и функционирующее в готовом виде. Такие структуры выражают грамматически равноправные, семантически и синтаксически соотносимые сущности и соединены посредством сочинительных союзов. Они могут рассматриваться как единый языковой знак, построенный по принципу иконичности. Поскольку когнитивный подход предполагает установление соответствия каждой языковой форме ее когнитивного аналога и концептуальной структуры, а также объяснение причины выбора именно этой формы для передачи данного содержания [Кубрякова 2004:16], то относительно рассматриваемой структуры можно сказать, что подобный языковой знак выступает как иконический знак, который изоморфен когнитивной модели и, в свою очередь, отражает образ мира в нашем сознании.

Принцип иконической последовательности находит свое проявление в том, что порядок следования языковых единиц изоморфен порядку следования событий в реальной жизни и их последовательности в так называемом скрипте, то есть когнитивной модели события. Отметим, что при изучении порядка слов, грамматических категорий вида, залога, числа, падежа, теории прототипов исследователи также опираются на понятие

иконичности [Bolinger 1980; Givon 1985; Haiman 1983 и др.]. Таким образом, можно сказать, что порядок организации синтаксической структуры фразы является иконическим способом указания на распределение прагматической информации в высказывании. Соответственно, изменение этого порядка также будет отражать и изменение в ментальной модели репрезентации объекта. Так, если мы говорим *свет и тьма, добро и зло*, то очевидно, что в такой репрезентации понятий первый компонент играет ведущую роль в данной дуальной паре. Изменение комбинаторики фразы на *тьма и свет* демонстрирует смещение акцента и актуализацию понятия *тьма* в прагматическом аспекте фраз.

Изучение комбинаторных изменений в структуре фразы мы проводили в рамках когнитивной корпусной лингвистики, при этом в качестве корпуса нами использовался Google. Это было обусловлено тем, что многие исследователи уже используют веб как источник аутентичных, естественных, контекстуализированных языковых моделей (конкордансов, устойчивых словосочетаний, лексических комбинаций, фраз, идиом и др.) [Kilgariff 2001; Jones et al. 2007; Sha 2010 и др.]. В качестве эксперимента было отобрано 50 биноминальных фраз, репрезентирующих семантические оппозиции. В ходе эксперимента фиксировалась частота вхождения фраз в поисковую систему в двух вариантах: Вариант 1 и Вариант 2. Вариативность была обусловлена изменением комбинаторики фразы. Цель эксперимента состояла в том, чтобы установить, влияет ли комбинаторика фразы на ее частотность. Ниже представлен фрагмент протокола проведенного эксперимента.

**Частотность вхождения биноминальных фраз в поисковую систему
(дата запроса 20.10.2018)**

война и мир war and peace	79 300 000 652 000 000	мир и война peace and war	84 400 000 694 000 000
добро и зло good and evil	12 100 000 540 000 000	зло и добро evil and good	13 200 000 501 000 000
свет и тьма light and darkness	5 000 000 2 400 000 000	тьма и свет darkness and light	4 700 000 931 000 000

Экспериментальное исследование показало, что комбинаторика фразы связана с частотой вхождения. Поскольку выше мы обозначили,

что порядок расположения компонентов языкового знака соотносится с репрезентацией объекта в сознании говорящего по принципу иконичности, то исходя из этого в сочинительном парном словосочетании первый компонент отражает наиболее важный аспект репрезентируемого объекта. Изменение порядка следования компонентов сочинительного парного словосочетания влияет на репрезентацию объекта в разных языковых средах по-разному. Сравнительный анализ данных (в частности, по паре *свет и тьма*) позволяет делать выводы относительно специфики репрезентации элементов биномиальной группы в разных языковых средах. Безусловно, эти данные представляют интерес для дальнейшего исследования в рамках изучения как языковой картины мира, так и репрезентации объектов в сознании индивида посредством языковых знаков, кодирующих актуальные параметры объектов действительности.

Литература

Барышников П.Н. Семантические процессы сознания: от вычислительных моделей к языковому опыту // Эпистемология и философия науки. 2014. Т. XLI № 3. С. 96-114.

Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. № 24. С. 35-48.

Дзюба Е.В. Лингвокогнитивная категоризация действительности в русском языковом сознании: дис. ... докт. филол. наук: Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург, 2016.

Киселева С.В. Размышления о проблеме категориального устройства языка // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 66-69.

Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики 2004. № 1. С. 6-17.

Сулейманова О.А. Проблема концептуализации фрагментов действительности средствами естественного языка // Вестник Московского городского педагогического университета. М., 2007. С. 100-106.

Сурмятова В.Ю. Бинарная оппозиция “Light/Dunkelheit” в идиоматической картине мира немецкого языка//Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV: Cognito и Communicatio в современном глобальном мире: материалы VIII Международного конгресса по когнитивной лингвистике. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова: Неолит, 2018. С. 210-214.

Шульженко М.Ю., Поповская В.Б. Когнитивная основа ментальных процессов сознания. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 2. Ч. 1. С. 127-132.

Bolinger D. Language – the Loaded Weapon. The Use and Abuse of Language Today. Lnd. & N.Y., 1980.

Danesi M. Opposition theory and the interconnectedness of language, culture, and cognition. // Sign Systems Studies 37(1/2), 2009. P. 12-42.

Givon T. Iconicity, Isomorphism and Non-Arbitrary Coding in Syntax // Typological Studies in Language. Vol.6. Iconicity in Syntax. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam; Philadelphia, 1985. P. 187-219.

Haiman J. Iconic and Economic Motivation // Language. 1983. № 59. P. 781-819.

Jones S., Paradis C., Murphy M.L., Willners C. Googling for opposites: a web-based study of antonym canonicity. Corpora. 2007. No. 2 (2). P. 129-154.

Kilgariff A. Web as corpus. In: Proceedings of Corpus Linguistics 2001 conference. Lancaster, 2001. P. 342-344.

Sha G. Using Google as a super corpus to drive written language learning: A comparison with the British National Corpus. Computer Assisted Language Learning. 2010. No. 23. P. 377-393.

I.M. Petrova (Moscow, Russia)
Moscow City University (MCU)
miinna@yandex.ru

COMBINATORICS OF BINOMIAL CONSTRUCTIONS AS A REFLECTION OF THE PROCESS OF ICONIC REPRESENTATION OF OBJECTS IN REALITY

The paper deals with binomial structures representing a model of semantic oppositions. The order of the components of these structures correlates with the iconic principle of reflection of the objects of reality. Changes in the combinatorics of the phrase affect the frequency of occurrence of the phrase in the database of the Google search system, which acts as a tool for corpus research. Comparison of data in Russian and English languages distinguishes the features of reflection of objects of reality in different language environments.

Key words: semantic opposition, binominal constructions, iconicity, combinatorics of the phrase, the frequency of search queries.

О.Б. Пономарева (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
obponomareva@list.ru

**ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ОППОЗИЦИИ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ ::
КУЛЬТУРА» В АНТИУТОПИИ Р. БРЭДБЕРИ**

Статья посвящена проблеме взаимоотношений цивилизации и культуры, рассматриваемой в историко-философском и когнитивном аспектах. В антиутопии R. Bradbury «Fahrenheit 451» проанализированы главные концептуально-тематические группы, раскрывающие оппозицию исследуемых концептов-оппозиций: люди (people), стены (TV parlour), механический пёс (hound) и предметы техники, огонь (fire), книга (book) и отношение к ней героев – представителей данных концептов. Подчеркивается роль когнитивного моделирования лингвистических и художественных средств в создании картины мира, в которой наглядно показана и раскрыта вся полнота и сущность конфликта цивилизации и культуры.

Ключевые слова: лингвокогнитивные модели, концептуальная оппозиция, культура, цивилизация, конфликт, картина мира.

В развитии историко-философской мысли проблема взаимоотношений цивилизации и культуры вырисовывалась постепенно. Зачастую понятия «культура» и «цивилизация» воспринимаются как синонимичные или взаимозаменяемые, так как культура в широком понимании подразумевает цивилизацию. Один термин не может полностью заменить другой. Культура – более масштабное явление во временном измерении, так как она охватывает достояния человека времен дикости и варварства. Однако в пространственном измерении цивилизация оказывается шире, представляя собой соединение множества культур [НФЭ 2001; ПЭС 2002; ЭС 2004].

Ученые и философы в разное время формировали различные собственные определения и понимания отношений между цивилизацией

и культурой, и нельзя не отметить множества противоречий, возникавших у них на почве этого конфликта. Существует множество работ, посвященных соотношению понятий культуры и цивилизации, среди которых исследования выдающихся ученых и философов: Ж.-Ж. Руссо, О. Шпенглера, Ф. Ницше, Н. Бердяева и многих других. Для начала истории человечества было характерно взаимное проникновение цивилизации и культуры, но с развитием городов философы (Ж.-Ж. Руссо, О. Шпенглер и другие) стали говорить о губительном влиянии цивилизации на культуру [Ницше 1909; Ортега-и-Гасет 1989; Руссо 1969; Шпенглер 1993].

Также существует множество вариаций интерпретации концептов КУЛЬТУРА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ в когнитивной лингвистике, где их значения также противопоставлены, но содержат общие компоненты, что не обеспечивает полную замену одного на другой или включение одного из концептов в поле другого (см: [Болдырев 2015; Воркачев 2003; Карасик 2002; Кубрякова 1994 и др.]) Лексико-семантические номинативные поля данных концептов имеют значительную зону пересечения. Порой они сближаются вплоть до синонимического совпадения, что видно на материале словаря-тезауруса, где в синонимическом поле слова 'civilization' присутствует слово 'culture' и наоборот. Оба исследуемых концепта воспринимаются как совокупность ценностей, формы социального поведения, особая система информации, метод взаимодействия, уровень развития общества. Периферийные ассоциации, которые вызывают оба концепта, заключаются в том, что оба явления имеют ярко выраженный пик развития, начинающийся с примитивных форм, могут иметь и отрицательную, и положительную коннотацию. Данные содержательные компоненты, соответственно, заполняют ядро общей коннотации исследуемых концептов, что обеспечивает взаимосвязь и взаимопроникновение концептов, но не приравнивает один к другому.

Роман «451 по Фаренгейту» (*Fahrenheit 451*) является антиутопией и вырастает из короткого рассказа Брэдбери – «Пожарный» (*The Fireman*), в котором он пытается предсказать, как будет выглядеть мир, если пожарные начнут не тушить огонь, а устраивать костры из книг.

Одной из главных проблем всего романа является отношение к книге, к литературе, к культуре в целом. В своем творчестве Брэдбери предсказывает стремительное развитие «массовой культуры», всепроникающей и поглощающей, калечащей умы людей, прикоснувшихся к ней. Книга для Брэдбери – главный источник мудрости предков, добра, человечности.

Книга для него – это то, что делает человека Человеком, то, что содержит мысли, которые необходимы для человека как личности.

Фрейм «книга» ('book') включает в себя ярко выраженные природные характеристики. Используя сравнения и метафоры, автор уподобляет книги живым существам. Наиболее часто этими существами оказываются птицы, мотыльки или бабочки:

- 1) Книга = живое существо: books = 'bodies', 'book has pores... features' (где pores – это 'thoughtfully recorded details of life').
- 2) Книга = птица: 'flapping pigeon-winged books', 'a book...like a white pigeon, in his hands, wings fluttering', 'books fell like slaughtered birds'.
- 3) Страницы = крылья, перья, лепестки: 'a page hung open and it was like a snowy feather', 'delicately like the petals of a flower', covers = 'spilled out like swan-feathers'.
- 4) Книги = мотыльки, бабочки: 'each becomes a black butterfly', 'swarms of black moths', newspapers = 'huge moths'.

Уподобление книг живым существам достигает своего апогея, когда главный герой примыкает к людям, «превратившимся в книги», заучив их наизусть, чтобы возродить культуру, чтобы рассказать их своим потомкам:

1) '*... you are the Book of Ecclesiastes*'; '*I am Plato's Republic*'; '*Here we all are Montag, Aristophanes and Mahatma Gandhi and Gautama Buddha and Confucius and Thomas Love Peacock and Thomas Jefferson and Mr. Lincoln, if you please. We are also Matthew, Mark, Luke, and John.*' [Bradbury 2016, 173-174].

В романе связь концептов держится на понятии «массовая культура», которая, будучи одним из типов культуры, является продуктом приобщения общества к цивилизации. Общество, описанное Брэдбери, – это общество потребления, которое уничтожило в себе культуру как таковую. В этом обществе царствует массовая культура, призванная развлекать людей, а главное, отвлекать их от «бесполезных» размышлений [Пальцев 1983: 3-27].

Во фрейме *fire* конфликт концептов раскрывается в полярно измененном значении понятия «пожарный» (fireman), учитывая его принадлежность к концепту ЦИВИЛИЗАЦИЯ, и в эволюции номинативного семантического поля понятия *fire* и глагола *to burn*, который проходит путь от принадлежности к концепту ЦИВИЛИЗАЦИЯ до принадлежности к концепту КУЛЬТУРА.

Символ огня, наиболее тесно связанный с главным героем романа, преобразуется вместе с мироощущением самого героя, разрешая его внутренний конфликт. Обращая внимание на солнце, герой приходит к выводу, что,

сжигая книги, люди сжигали свое прошлое, а солнце, в свою очередь, сжигало время (их настоящее), и кто-то из них должен перестать жечь, и этот кто-то – человек. С этого момента глагол «to burn» окончательно меняет свое значение. В дальнейшем он используется в следующем контексте: «... *to burn and glitter with the knowledge they carry...*» [Там же: 178] – где этот глагол имеет положительную коннотацию, не связанную с уничтожением (*to burn with the knowledge* – гореть своими знаниями = *be enthusiastic*).

В романе R. Bradbury “Fahrenheit 451” проанализированы главные концептуально-тематические группы, раскрывающие оппозицию исследуемых концептов: люди (people), стены (TV parlour), механический пес (hound) и предметы техники, огонь (fire), книга (book) и отношение к ней героев – представителей разных концептов, природа как культура (nature as culture), включая природные элементы: вода (water), природные запахи, природные характеристики групп, принадлежащих концепту КУЛЬТУРА, и несколько других абстрактных компонентов (жизнь ‘life’, понимание общения ‘social’).

Рассмотрев проблематику романа, можно сказать, что Р. Брэдбери мастерски противопоставляет не только цивилизацию и культуру, но и апокалиптические мотивы мотивам духовного возрождения, используя при этом все многообразие выразительных средств для создания языковой картины мира романа и отображение в нем конфликта. Используя все многообразие лингвистических и художественных средств, автор создает картину мира, в которой наглядно показана и раскрыта вся полнота и сущность конфликта цивилизации и культуры.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Изд. 2-е, стер. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. 123 с.

Воркачев С.Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Серия «Гуманитарные науки». Т. 17, вып. 2. Краснодар, 2003. С. 268-276.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепт, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 476 с.

Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 34-47.

Ницше Ф. Полное собрание сочинений. М.: Культурная революция, 1909. Т. 1, 2, 3. 673 с.

Ортега-и-Гасет Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989. № 3-4. С. 57.

Пальцев Н.М. Галактика Рэя Брэдли // Ray Bradbury. Fahrenheit 451. Short Stories. М.: Радуга, 1983. С. 3-27.

Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. 704 с.

Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание. Воронеж: Рико, 2002. 232 с.

Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск: «Наука». Сибирская издательская фирма, 1993. 800 с.

НФЭ – Новая философская энциклопедия: В 4 тт. / под ред. В.С. Степина. М.: Мысль, 2001.

ПЭС – Педагогический энциклопедический словарь. Под редакцией Б.М. Бим-Бад М.: Большая Российская Энциклопедия. 2002. 528 с.

Философия ЭС – Философия: Энциклопедический словарь // под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 786 с.

Bradbury R. Fahrenheit 451. СПб.: Антология, 2016. 190с.

О.В. Ponomareva (Tyumen, Russia)

Tyumen State University

**LINGUOCOGNITIVE MODELLING OF THE CONCEPTUAL
OPPOSITION “CIVILIZATION::CULTURE”
IN ANTI-UTOPIA BY R. BRADBURY**

The article dwells upon the problem of interrelations of civilization and culture in historical, philosophical and linguocognitive aspects. In R. Bradbury’s anti-utopia “Fahrenheit 451” the main conceptual-thematic groups forming the opposing concepts are analyzed: (people), (TV parlour), (hound), (fire), (book) and their interpretation by the mouth-pieces of those concepts. The importance of cognitive modelling of various linguistic and stylistic means is stressed in the presentation of the world based upon the conflict of civilization and culture.

Key words: linguocognitive models, conceptual opposition, culture, civilization, conflict, world picture.

Ю.В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
sergaeva@gmail.com

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ КОМПЬЮТЕРНАЯ НЕОГРАФИЯ (К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ СЛОВАРЕЙ)

Автор исследует антропоцентрические установки современной компьютерной неографии и предлагает уточнить типологию неологических сетевых ресурсов по степени интерактивного участия пользователей в их пополнении и по функции в отношении к фиксации текущего состоянию языка.

Ключевые слова: электронные словари, компьютерная лексикография, антропоцентрическая неография, неологизм, словотворчество, языковая личность.

Антропоцентрический подход к изучению языка во всех его проявлениях стимулирует интерес представителей разных областей лингвистики к творческой деятельности языковой личности. В современной лексикографии антропоцентрический подход проявляется, прежде всего, в установках на доступное пользователю словаря описание языка во всех его семантических и функционально-стилевых вариациях, на охват разных значимых для человека участков лексической системы. Уже поднимавшийся учеными вопрос об антропомерности лексикографии ([см. напр., Морковкин, 1988; Скляревская 2006]) тем более актуален для неологии, в обиход которой относительно недавно вошел термин «антропоцентрическая неография» [см. напр., Никитина 2015]. Изначально в фокусе внимания как антропоцентрической лексикографии, так и неографии находилась либо конкретная языковая личность составителя словаря, либо анонимная абстрактная личность пользователя, активно познающего мир и предложенные средства его описания.

Однако с появлением в XXI в. новых форм интернет-коммуникации, построенных на принципах социального конструктивизма и интерактивности, роль пользователя словаря изменилась – языковое виртуальное сообщество начинает играть важную роль в формировании современных тенденций развития языка, что находит непосредственное отражение в неологических словарных ресурсах разного типа. Словотворче-

ство с целью пополнения словарного состава и отражение аксиологических параметров самих пользователей приобретает все более массовый характер, вовлекая представителей разных стран, возрастных категорий и профессий. При этом современные программы сбора и обработки данных, а также сервисы интерактивного обмена информацией обеспечивают оперативную кодификацию новых лексических единиц в словарных базах данных, что способствует их дальнейшему распространению.

В качестве примера современных популярных неографических ресурсов можно привести такие интернет-проекты, как Word Spy (www.wordspy.com), Urban Dictionary (www.urbandictionary.com), многоязычная база данных Neology Database (<http://termcoord.eu/termania/neology/neologism-database>), которые фиксируют появление новых слов от сленговых единиц до научных терминов. Наряду с этими сетевыми неологическими ресурсами популярностью пользуются словотворческие проекты – сайты, ориентированные на индивидуальное творчество языковой личности: The Unword Dictionary (www.unwords.com), Pseudodictionary (www.pseudodictionary.com), Verbotomy (www.verbotomy.com), PreDictionary: A Lexicon of Neologisms (www.emory.edu/INTELNET/predictionary.html). Данные ресурсы посвящены искусству создания новых слов и понятий, расширению моделей словообразования, то есть это не столько фактическая инвентаризация нововведений, сколько прогнозирующее описание языка, моделирующее его будущее состояние. В связи с вышеназванными тенденциями встает вопрос об уточнении типологического статуса современных сетевых неологических ресурсов.

Традиционно в лексикографической практике используется толковый словарь новых слов, фиксирующий неологизмы, нашедшие отражение в медиадискурсе, научных или художественных текстах, интернет-дискурсе и пр. При этом электронные словари имеют неоспоримое преимущество перед печатными в скорости и точности фиксации, так как дают возможность проследить процесс вхождения нового слова в язык от самого первого своего употребления до наиболее современного контекста. Например, неологический ресурс Word Spy обычно приводит в хронологическом порядке несколько иллюстративных примеров, часто свидетельствующих об изменении степени новизны слова (вводится с кавычками или без), уточнении его значения и т. д. По своей функции такие неографические ресурсы можно назвать *мониторинговыми*. В свою очередь, словотворческие проекты, подобные упоминавшимся

выше ресурсам Verbotomy, PreDictionary, можно отнести к словарям *проективного* типа (термин М.Н. Эпштейна [Эпштейн 2017]). Особенность такого словаря состоит в том, что он составляется, как правило, из протологизмов – новых языковых единиц, предлагаемых своими создателями в надежде на вхождение в узус, а потому еще не имеющих контекстов употребления, кроме сопровождающих дефиницию иллюстративных примеров, также созданных самими авторами новых слов.

По степени интерактивного участия пользователей в пополнении корпуса новых слов можно выделить *коллаборативные (краудсорсинговые)* и *неинтерактивные словари*. Отметим, что практика привлечения членов интернет-сообщества в качестве контрибьюторов новых слов стала перениматься и некоторыми классическими словарями. Так, Macmillan Dictionary ввел на своем сайте интерактивную рубрику Open Dictionary, позже трансформированную в краудсорсинговый словарь, публикующий добавленные пользователями новые слова и дефиниции. Расширяющиеся возможности интерактивных сервисов способствуют популяризации электронных словарей коллаборативного типа, предоставляющих право самим пользователям словарей (членам интернет-сообщества) участвовать в пополнении их корпусов новыми словами, в том числе своими авторскими неологизмами. Популярными среди таких ресурсов слоганы “Define your world”, “Making English *your* language” и т. п. реализуются в широком наборе доступных любому пользователю интерактивных опций *Define, Relate, List, Discuss, See, Hear, Love, Vote, etc.*, побуждающих приводить свои дефиниции, иллюстративные примеры, комментарии, голосовать за или против нового слова и его описания (см. напр., Urban Dictionary, Wordnik, The Unword Dictionary).

Сказанное позволяет говорить о формировании новой области компьютерной лексикографии – коллаборативной лексикографии. Коллаборативный антропоцентрический словарь, таким образом, не только обеспечивает лексикографическими данными, но и становится открытым пространством для словотворчества, дискуссии, выражения мнений и оценок. Например, в Urban Dictionary допускаются определения, которые, по сути, таковыми не являются, а носят характер шутки, субъективной оценки, политического заявления и т. п.:

Unelectable – Hillary Clinton

Hillary Clinton is so unelectable that Trump won instead (by plssaveme Nov 09, 2016) [<https://www.urbandictionary.com/define.php?term=unelectable>].

Присутствие вышеперечисленных неологических ресурсов в социальных сетях, мобильных приложениях и подписках содействует широкому охвату аудитории, популяризации новых слов и самого ресурса, что также влияет на успешность/неуспешность вхождения нового слова в узус.

Антропоцентрические неографические ресурсы названных типов, несмотря на определенные недостатки (непрофессионализм, субъективизм и излишнюю эмоциональность описаний) представляют несомненную ценность для исследования творчества языковой личности. Помимо отражения в языке новых реалий, в них часто эксплицитно представлены мотивация, модель образования лексической единицы, культурологические комментарии, хронология употребления новой единицы:

A dronie – is a video selfie taken with a drone.

1) *Example Citation*: Behold: The ‘dronie’ is upon us. *The Daily Mail*, April 17, 2014;

2) *Earliest Citation*: 2014 (earliest)

Woah, I got a mention from @jkottke for coining the term “dronie” on @superamit’s vid. – Alexandra Dao, “Who, I got a mention...,” *Who*, April 15, 2014;

3) *Notes*: Here’s the Vimeo thread where Alexandra Dao coined the term “dronie” [<https://www.wordspy.com/index.php?word=dronie>].

Как наглядно показывает словарная статья на сайте wordspy.com, время появления слова *a dronie* (селфи, сделанное с помощью дрона) и его автора можно определить с максимальной точностью, а также проследить по соответствующим гиперссылкам ситуацию создания данного неологизма.

Антропоориентированность многих неологических ресурсов проявляется и в том, что, как правило, контрибьюторы новых слов сами предлагают их дефиниции и примеры использования. Ср. описание и иллюстративные примеры лексемы *mouse potato* в 1) онлайн версии Oxford Dictionary (не предполагает участие интернет-пользователей в составлении словаря) и в 2) интерактивном словаре Urban Dictionary:

1) a mouse potato – informal, A person who spends large amounts of leisure or working time operating a computer.

Since they have been reared as mouse potatoes, it is difficult to wean today’s children away from the Internet. [https://en.oxforddictionaries.com/definition/mouse_potato];

2) a mouse potato – One who sits in front of a computer every day, all day long, and weekends, too. A mousepotato is similar to but NOT a couch potato <...>

You spent seven hours on the internet creating meanings for words on urban dictionary? Wow, you're such a mouse potato!

[[http://www.urbandictionary.com/define.php?term=mouse %20potato](http://www.urbandictionary.com/define.php?term=mouse%20potato)].

Как видно из примеров, интерактивный словарь, с одной стороны, допускает нежелательные для словаря избыточность, вариативность написания, смешение стилей, отсутствие стандартизации, но, с другой стороны, создает корпус приближенных к естественной речи контекстов словоупотребления.

Таким образом, в современном мире виртуальное пространство становится идеальной творческой средой для антропоцентрической неологии и неографии, способствуя динамичному обновлению и расширению возможностей языковой системы, оперативному отражению в языке меняющихся взглядов и ценностей, поведенческих реакций и прагматических установок. Антропоцентрическая компьютерная неография – это активно развивающийся раздел неологии, занимающийся фиксацией и лексикографическим описанием новых слов языка в опоре на взаимодействие с рядовыми интернет-пользователями. Как следствие, современные неологические словари, с одной стороны, перестают быть сугубо академическими изданиями, созданными профессионалами, теряя таким образом в качестве. С другой стороны, словарь, ориентированный на сотрудничество с его потенциальными пользователями в целях пополнения словарного состава языка, становится средством творческого самовыражения языковой личности, отражая ее живой язык и ценностную картину мира.

Литература

Морковкин В.В. Антропоцентрический versus центрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном слове: сб.ст. / отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Наука, 1988. С. 131-136.

Никитина О.А. Антропоцентрическая двуязычная неография: в поисках лексикографической эквивалентности // Научный диалог. 2015. № 6 (42). С. 88-106.

Скляревская Г.Н. Об одном словаре антропоцентрического типа // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. М.: РАН, 2006. С. 365-377.

Эпштейн М.Н. Проективный словарь гуманитарных наук. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

*Y.V. Sergaeva (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

ANTHROPOCENTRIC COMPUTER-BASED NEOGRAPHY: ON NEW TYPES OF ELECTRONIC DICTIONARIES

The author explores anthropocentric principles of dictionary-making in computer-based neography. Due to changes in the ways how modern electronic dictionaries of new words are compiled and used, their typology should be extended to include four additional types based on USER-COMPILER interactivity and prognostic functions.

Key words: electronic dictionaries, computer lexicography, anthropocentric neography, neologism, lexical creativity, linguistic personality.

*Т.Н. Синеокова (Нижний Новгород, Россия)
Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова
tns57@rambler.ru*

ОПЫТ СОЗДАНИЯ ПАКЕТА КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ БАЗЫ ДАННЫХ К СТАТИСТИЧЕСКОМУ АНАЛИЗУ

В статье дается описание алгоритма подготовки лингвистической базы данных к статистическому анализу. Указываются причины необходимости создания исследователями собственных баз данных для решения ряда задач. Приводится пакет компьютерных программ, обеспечивающих удобную форму описания объекта, обеспечение репрезентативности базы данных, устранение ее технических ошибок.

Ключевые слова: лингвистическая база данных, компьютерные программы, статистический анализ.

В настоящее время не подлежит сомнению позитивная роль многочисленных лингвистических корпусов, являющихся «средой для получения новых научных данных, осмысление которых представляется

приоритетным для современного лингвистического описания и абсолютно необходимым в научной деятельности современного исследователя» [Борискина 2015: 27].

В то же время существующие компьютерные корпуса могут накладывать определенные ограничения на возможности решения поставленных целей и задач. Как лингвистическая, так и экстралингвистическая разметки (tagging, annotation) в ряде случаев являются своеобразным капканом, который не позволяет выйти за рамки общепринятых лингвистических классификаций или ограничивает спектр экстралингвистической информации. В подобной ситуации исследователь вынужден создавать собственную базу, опираясь, безусловно, на основные принципы построения современного лингвистического корпуса.

Ниже дается описание пакета компьютерных программ, созданных средствами Microsoft Access и используемых для создания репрезентативных баз данных с целью изучения особенностей вербального [Лаврова 2010; Беляева 2018] и невербального [Безруков 2007] поведения мужчин и женщин [Лисенкова 2007] в состоянии эмоционального напряжения. Основной целью данных программ является подготовка корпуса к анализу с целью выявления значимых статистических связей между лингвистическими и экстралингвистическими коррелятами. Более подробное техническое описание программ дается в [Синеокова, Райнер 2008].

Обеспечение репрезентативности базы данных (БД). Статистическая обработка базы данных предпринимается для выделения общих свойств элементов объекта на фоне других – индивидуальных и групповых – свойств, которые не представляют интереса для данного исследования и, следовательно, должны быть усреднены. Для этого выборка должна быть представительной, т.е. большой и случайной, чтобы подлежащие нивелированию свойства отдельных элементов и групп варьировались и их влияние на результат уничтожалось. При формировании БД ни одна группа элементов с не являющимися предметом исследования свойствами не должна превалировать. Объект исследования рассматривается как случайная величина, все выборки из которой (например, фрагменты БД) обладают одинаковыми в отношении исследуемых свойств статистическими параметрами (средним значением, дисперсией и т. д.). При большой БД это достигается самой процедурой отбора данных методом сплошной выборки, при котором ни один элемент не отвергается, если установлена его принадлежность к объекту исследования. Однако процедура отбора

данных для базы средних размеров может влиять на ее статистическую значимость.

Обычно контролируются однородность состава и неупорядоченность (рандомизация) порядка предъявления элементов БД.

Выравнивание состава БД. Однородность достигается выравниванием состава БД по факторам, влияние которых желательно нивелировать.

Рассмотрим следующий пример. БД состоит из 1000 элементов – высказываний разных литературных персонажей. Предположим, в распоряжении исследователя есть полное собрание сочинений автора А и хрестоматия из произведений еще девяти авторов. Пусть, например, автор А представлен 500 примерами, а остальные девять – 55-56 примерами каждый. Если бы авторов было 100, это не имело бы значения, но в выборке из 10 авторов особенности стиля автора А, если они есть, будут не полностью нивелированы влиянием остальных авторов и определяют выводы анализа. Такая БД нерепрезентативна.

Чтобы оценить ситуацию количественно, нужен статистический параметр, который подчеркивает редкие, но сильные выбросы вверх и малочувствителен к редким выбросам вниз. Таким параметром является отношение *среднеквадратичного («стандартного») отклонения* числа примеров для каждого автора (σ) к среднему числу примеров на автора (C) – параметр σ/C .

Для обеих ситуаций $C = 100$ (1000 примеров / 10 авторов). В первой ситуации σ равно приблизительно 141 и $\sigma/C = 1,41$. Во второй ситуации σ равно приблизительно 126 и $\sigma/C = 1,26$.

Если мы хотим выровнять БД по представительности авторов, необходимо либо добавить число примеров, заимствованных у остальных авторов, либо увеличить число охваченных исследованием авторов, либо, если первые два способа по каким-то причинам невозможны, случайным образом изъять часть примеров автора А. Если уменьшить число примеров автора А до 200, то объем БД уменьшится до 700 элементов, но она станет однороднее: σ равно приблизительно 41 и $\sigma/C = 0,58$.

Какой уровень неравномерности можно считать удовлетворительным, заранее сказать трудно. Опыт автора показывает, что среднеквадратичное отклонение числа заимствований у одного автора, не превосходящее 25 % от среднего числа элементов БД, приходящихся на одного автора, обеспечивает приемлемый компромисс между трудностями составления БД достаточного объема (для получения статистически значи-

мых результатов) и устранением влияния индивидуальных предпочтений отдельных авторов. Одна из функций программы *Catalog* позволяет достаточно быстро и без ошибок осуществить выравнивание БД по требуемым параметрам.

Рандомизация БД. Обычно при отборе элементов в БД соблюдается некоторый порядок, удобный исследователю. Например, берется подряд 100 высказываний из пьесы **а** автора **А**, 90 – из пьесы **б** автора **А**, 100 – из пьесы **а** автора **Б** и т. д. Таким образом, эти элементы заносятся в базу компактными группами, что впоследствии затрудняет выбор случайного элемента БД или составление малой субвыборки (например, в предыдущем примере отбор «лишних» примеров автора **А**, когда мы не хотим, чтобы они были взяты из одной пьесы). Поэтому целесообразно с самого начала рандомизировать исходную таблицу, обеспечив случайный порядок нумерации и расположения элементов. Это может быть сделано посредством стандартной функции *Access Rnd(N)*.

Если для БД из N элементов построить новую таблицу, записывая в каждую строку элемент под номером $\text{Int}(N * \text{Rnd}() + 1)$ из старой БД, и повторить эту операцию существенно больше, чем N раз, убирая при этом повторяющиеся элементы (например, задав свойство выходной таблицы «не допускаются дублирующие записи» или помечая уже выбранные), то можно получить эффективным образом рандомизированную таблицу из N элементов. Данной цели служит программа *Random*.

Устранение технических ошибок рубрикатора (программа-чистильщик). При создании авторской БД лингвистическая и экстралингвистическая разметка производится вручную. Это трудоемкий процесс, требующий точности и аккуратности (в упомянутых выше исследованиях количество признаков достигало 250). В больших БД неизбежно возникают ошибки типа пропуск/искажение тэгов, их дублирование, нарушение порядка следования и т. п., что мешает, а иногда и препятствует компьютерной статистической обработке. Технические ошибки могут быть успешно выявлены и исправлены компьютерными программами. Ниже описана одна из программ-чистильщиков *Cleaner*.

Программа получает от исследователя исходную таблицу БД и таблицу *<Order>*, в которой в заданном порядке перечислены все идентификаторы лингвистических и экстралингвистических классификационных признаков. Далее перебираются по одному все идентификаторы, занесенные в таблицу *<Order>*, и по каждому проверяется его наличие

в рубрикаторе исходной таблицы БД. В случае наличия идентификатор записывается в таблицу-копию, и программа переходит к следующему идентификатору таблицы «Order». Затем она переходит к следующей записи исходной таблицы БД.

В результате из обновленного рубрикатора исключаются все искажения, дубли и идентификаторы выстраиваются в заданном таблицей «Order» порядке. При соответствующей корректировке таблицы «Order» возможно одновременно выполнение некоторых полезных редакционных операций: замена идентификаторов, объединение идентификаторов, вставка тэгов и т. п.

Однако случайные искажения идентификаторов таким образом исправлены не будут. Чтобы этого избежать, программа выполняет еще одну операцию, в результате которой в специальной таблице появляются все записи с ошибочными рубрикаторами с указанием лишних символов («мусора»). Таблица ошибок невелика и допускает визуальный просмотр и исправление БД вручную. Опыт показал, что совместное выполнение обеих описанных операций практически полностью исключает технические ошибки разметки.

Литература

Безруков В.А. Средства номинации измененных состояний сознания в драматургических ремарках (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007.

Беляева Е.И. Классификация структурно-семантических особенностей английской аффективной речи: аспект однозначности: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2018.

Борискина О.О. Корпусное исследование языка: мода или необходимость? // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 24-27.

Лаврова А.А. Синтаксические особенности реализации эмоционального компонента в политической речи (на примере американских предвыборных теледебатов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2010.

Лисенкова О.А. Синтаксическая транспозиция в мужской и женской аффективной речи (на материале английского языка): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007.

Синеокова Т.Н., Райнер М.М. Математическая статистика в лингвистике. Что это такое и зачем она нужна?: курс лекций для студентов и аспирантов лингвистических вузов. Ч. III. Приемы подготовки лингвистического материала к статистическому анализу. Н. Новгород: НГЛУ, 2008.

T.N. Sineokova (Nizhny Novgorod, Russia)
Nizhny Novgorod State Linguistics University

EXPERIENCE IN DEVELOPING SOFTWARE PACKAGE WITH A VIEW OF ADAPTING A LINGUISTIC DATABASE FOR STATISTICAL ANALYSIS

The article describes an algorithm for preparing a linguistic database for statistical analysis. Reasons why researchers have to create their own databases to solve a number of research tasks are indicated. A package of computer programs that provide a convenient form to describe an object, ensure the representativeness of a database and eliminate its technical errors is presented.

Key words: linguistic database, software package, statistical analysis.

A.O. Chernousova (Moskva, Rossiya)
Московский государственный лингвистический университет
ann.chernousova@yahoo.com

СПОСОБЫ ПЕРЕДАЧИ НИЗКОЧАСТОТНЫХ КОЛЛОКАЦИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ КОРПУСНОГО И КОГНИТИВНОГО АППАРАТА

В данной статье речь пойдет о способах передачи низкочастотных/окказиональных коллокаций. Для лингвистов они представляют большой интерес, так как являются индивидуальным продуктом творческой мысли автора, они не зафиксированы в словаре, не представлены в корпусах и характеризуются нарушением лексико-семантической сочетаемости. Автор показывает, как можно наиболее эффективно применять корпуса и функционально-семантический анализ для передачи таких коллокаций.

Ключевые слова: коллокация, корпус, функционально-семантический анализ, перевод, смысловые единицы.

В современном мире подход к решению какой-либо проблемы характеризуется мультидисциплинарностью и стремлением к автоматизации рутинных действий. Корпусная и когнитивная лингвистика работают над решением переводческих проблем. Большую сложность для понимания и перевода представляют редкие (низкочастотные/окказиональные) коллокации, не представленные в корпусе или словаре, продукт индивидуального творчества автора.

Для начала рассмотрим определение коллокации с позиции корпусной лингвистики. Джон Макхарди Синклер в своей работе “Corpus Concordance Collocation” [Sinclar 1991: 10] дает определение коллокации, опираясь на корпусный доказательный материал: коллокация – это появление двух или более слов в тексте на близком расстоянии друг от друга. Обычное измерение расстояния – это максимум 4 слова в одну из сторон. Нам также близко определение Л.Н. Иорданской: «словосочетание, в котором одно из слов является семантической доминантой, а второе выбирается в зависимости от него для передачи смысла всего выражения» [Иорданская 2007: 672]. Слова вступают в отношения с другими словами, грамматическими категориями, семантическими полями и образуют то, что Синклар называет «распространенные смысловые единицы» ‘extended units of meaning’ [Sinclar 1996: 71] и считает, что смысловые единицы более обширны и разнообразны, чем отдельные слова. Смысловые единицы могут быть частью или целым концепта. З.Д. Попова и И.А. Стернин [Попова, Стернин 2007: 314] отмечали, что концептуальная информация выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, предложений.

В данной статье мы рассмотрим практическое применение корпусов и функционально-семантический анализ [Коршунова, Влавацкая 2017: 46] для понимания и передачи коллокаций с русского языка на английский и с английского на русский.

Корпусный подход к решению переводческих проблем избрали Н.В. Владимов, В.Н. Шевчук [Владимов 2005: 138], однако их работа касалась коллокаций, близких к газетным штампам, с высокой частотностью. В Италии переводом с помощью корпусов занимаются Т. Бонелли и Е. Манка [Манка 2012: 59]. Бонелли разработала метод, который позволяет определять эквиваленты функционально полных смысловых единиц между различными языками (в их случае – английский/итальянский).

Для начала следует отметить, что для того чтобы определять эквиваленты единиц значения, все необходимые компоненты (коллокация, коллигация, семантическая преференция, семантическая просодия) должны быть учтены. В этом подходе существуют три ступени.

Шаг 1: Первое опорное (связующее) слово в тексте-источнике анализируется на предмет определения его коллокации, коллигации, семантической преференции и семантической просодии.

от слова к единице смысла

от доминантного слова → к смысловой единице

Шаг 2: Для каждого коллоката с помощью словаря подбираются вероятные варианты перевода. Предполагаемая единица как эквивалент перевода изучается для определения единицы значения, в которую она встроена.

от коллокатов → к их переводным эквивалентам → к их коллокатам

Шаг 3: Среди коллокатов эквивалентов нужно определить эквивалент перевода опорного слова.

через коллокаты переводных эквивалентов → переводной эквивалент доминантного слова

Рассмотрим пример использования предложенного метода. В тексте газетной статьи мы встречаем коллокацию «**чрезмерные поблажки**». Функция – передача раздражения, недовольства, осуждения, несогласия с мерой: «поблажки». Поблáжка -ж. разг. **излишне** снисходительное отношение, потворство кому-либо, чему-либо [Ефремова 2000: 1209].

Смотрим по корпусу НКРЯ употребление слова «чрезмерный»: шум, наплыв, характер, энтузиазм. Смотрим перевод: в английском языке переводной эквивалент – «excessive». Далее в корпусе the BNC выделяем коллокаты: noise, growth, price, enthusiasm. Словарь при этом дает нам перевод слова «поблажки» как «indulgence», «rampering». Однако через корпус the BNC мы видим the excessive leniency. Смотрим значение ключевого слова в словаре: the fact or quality of being **more merciful or tolerant than expected**; clemency. Так мы находим, что коллокация эквивалента функционально идентична, и выбираем этот вариант. Хотя, если бы мы шли по пути пословного перевода: от «доминантного слова» – словарь – перевод, мы бы не вышли на этот вариант, так как словарь не предлагал нам его.

Ключевое слово: побрякка -> коллокат: чрезмерный -> перевод: excessive-> колокаты его переводного эквивалента excessive: noise, growth, pride, enthusiasm, leniency -> эквивалент коллокации: the excessive leniency.

Данный метод работает с коллокациями, которые представлены в корпусе. Однако переводчику случается иметь дело с окказиональными коллокациями, например, в рассказе “A Perfect Day for Bananafish” Джерома Сэлинджера: “She picked up an *ordinary* beach shell and looked at it **with elaborate interest**.” В корпусе BNC нет употребления данной коллокации, что говорит о том, что частотность такой коллокации низкая. При переводе нам поможет функционально-семантический анализ. По контексту мы определяем, что функция коллокации – подчеркнуть и показать интерес «не случайный», не «естественный». Именно поэтому в переводе Райт-Ковалевой коллокация передана как «подчеркнутый интерес». Переводчик удачно передал функцию, однако рассмотрим семантику слов. Словарь Merriam-Webster дает нам следующие дефиниции: 1) planned or carried out with great care: took *elaborate* precautions, 2) marked by complexity, fullness of detail, or ornateness *elaborate* prose. В семантическом аспекте передача коллокации не была проведена успешно. Если проанализировать коллокат *elaborate* на сочетаемость по корпусу BNC, мы получаем следующие частотные слова: system, designs, scheme, game. Шаг 2: Смотрим в словаре перевод данного коллоката – продуманный; законченный; скрупулезный, доскональный, искусно сделанный, тонкой работы; замысловатый, улучшенный, усовершенствованный, старательный, аккуратный; усердный. Шаг 3: Подбираем то слово, которое бы семантически и функционально переносило бы смысл коллоката на русском языке. На наш взгляд, этим словом могло бы быть «придуманый», полная коллокация – «придуманый интерес». Стоит отметить, что так называемые окказиональные коллокации характеризуются нарушением лексико-семантической сочетаемости слов, что наблюдается в данном примере как в оригинальном тексте, так и в нашем варианте перевода. Для еще большего понимания значения того или иного слова или выражения, мы можем составить свой мини-корпус текстов автора с помощью программы AntConc (тексты сборника из “9 Stories” и роман “The Catcher in the rye”), чтобы посмотреть использование автором слова *elaborate*, однако оно встречается всего лишь дважды. Второй контекст: “It seemed urgent to me not only to reiterate my earlier lies about my kinship with Daumier, about my deceased wife, about my small estate in the South of France but to **elaborate** on them”.

Однако в качестве подкрепления и понимания авторского значения слова и для выбора нашего варианта данный контекст не является лишним.

Подводя итоги вышесказанному, следует отметить, что при передаче низкочастотных (окказиональных) коллокаций пословный перевод невозможен, эффективно работает применение сразу нескольких инструментов: корпус (универсальный, специальный – авторский), словарь, проведение функционально-семантического анализа, что позволяет добиться оптимального результата.

Литература

Владимов Н.В. Корпусный подход к решению переводческих проблем: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь Ефремовой. М.: Русский язык, 2000.

Иорданская Л.Н. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007.

Коршунова А.В., Влавацкая М.В. Окказиональные коллокации в творчестве П.Б. Шелли и их типология. Научный диалог. 2017. С. 44-56.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

Manca E. Context and language. Salento: Universita del Salento, 2012.

Sinclair J. Corpus Concordance Collocation. Oxford: Oxford University, 1991.

Sinclair J. The Search for Units of Meaning. TEXTUS IX (1). Genova: Tilgher, 1996.

A.C. Chernousova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

MEANS OF LOW-FREQUENCY COLLOCATIONS TRANSLATION USING CORPUS AND COGNITIVE APPARATUS

This article focuses on the translation of low-frequency collocations. Particular attention is paid to them as they represent the unique units of the author's creativity they are not present in corpora or dictionaries. Though corpora can be used to understand and interpret them as well as functional-semantic analysis.

Key words: collocation, corpus, functional-semantic analysis, translation, a unit of meaning.

VI. КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И РАЗЛИЧНЫХ ТИПОВ ДИСКУРСА

*Е.М. Абышева (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
janeevre@bk.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЭТИКО-ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОСФЕРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА О. УАЙЛЬДА «ПОРТРЕТ ДОРИАНА ГРЕЯ»)

В статье исследуются лингвокогнитивные характеристики этико-эстетической концептосферы романа О. Уайльда «Портрет Дориана Грея». Автором были выявлены следующие ключевые концепты: ИСКУССТВО, КРАСОТА, МОЛОДОСТЬ, ГЕДОНИЗМ, ЛЮБОВЬ, РАСКАЯНИЕ. Данные концепты находятся во взаимодействии и отражают внутренние противоречия главного героя.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концептосфера, этика, эстетика, педагогический дискурс.

Введение. Этика и эстетика играют важную роль в человеческом поведении, соотнося его с ориентирами, выходящими за пределы непосредственных мотивов и целей совершаемых поступков. Вот почему со времён Аристотеля **актуальной** остаётся проблема добра и зла, а также критериев для их разграничения. Однако и сегодня учёные так же далеки от однозначной трактовки этических понятий.

Цель нашего исследования – выявить и описать лингвокогнитивные характеристики этико-эстетической концептосферы романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея».

Общее описание материала исследования. Основополагающими для романа являются два магистральных сказочно-мифологических сюжета [Куприянова 2009: 70; Начкебия 2001: 5]. С одной стороны – это миф о самолюбовании и стремлении к обретению к вечной молодости. В этой связи вполне очевидна аллюзия на **миф о Нарциссе**. Не случайно в тексте романа несколько раз Дориан Грей сравнивается с Нарциссом.

Второй сказочно-мифологический сюжет, отчётливо прослеживающийся в анализируемом произведении – это **миф о странствиях души, об отречении от неё** в угоду заветной цели. В этой связи вполне логично возникает ассоциация с произведением И.-В. Гёте «Фауст», в котором Фауст продал душу Мефистофелю. В нашем романе роль Злого Духа-Обольстителя, развращающего душу Дориана, играет лорд Генри Уоттон. Именно с момента знакомства с ним в доме скромного художника Бэзила Холлоурда в жизни Дориана Грея начинаются необратимые события, которые и приводят в конечном итоге к гибели героя. Таким образом становится очевидно, что в романе поднимаются вопросы не только эстетики, но и этики.

Когнитивный анализ этико-эстетической концептосферы. Убедившись, что этико-эстетическая концептосфера является сюжетообразующей для анализируемого романа, мы выявили следующие ключевые концепты, её составляющие:

1. ИСКУССТВО/ART;
2. МОЛОДОСТЬ/YOUTH;
3. КРАСОТА/BEAUTY;
4. ЛЮБОВЬ/LOVE;
5. ГЕДОНИЗМ/HEDONISM;
6. РАСКАЯНИЕ/REPENTANCE.

Остановимся на каждом из концептов подробнее.

1. Концепт ИСКУССТВО/ART. Позиция автора по отношению к искусству изложена в предисловии к роману. Ключевыми характеристиками концепта **ИСКУССТВО** являются:

- a) *создание красоты* – *The artist is the creator of beautiful things* (таким образом, очевидна взаимосвязь искусства и красоты для автора романа О. Уайлда);
- b) *психологическое благополучие* – *No artist is ever morbid. The artist can express everything*;
- c) *выражение мысли* – *Thought and language are to artist instruments of an art*;
- d) *самовыражение* – *I have put too much of myself into it*.

Искусство наравне с языком отражает национальные особенности, характер и мировоззрение народа, его мечты и устремления [Банькова 2015: 5]. Английское искусство представляется обособленным, закрытым для внешнего воздействия в силу островного положения государства, что мы и наблюдаем на примере творчества Базиля Холворда.

2. Концепт МОЛОДОСТЬ/YOUTH. Прежде всего отметим семантические отличия данного концепта в русском и английском языках. Для английской лингвокультуры приоритетным является физический признак [Семенова 2016: 96], в то время как для русской лингвокультуры – *творческая активность личности*, вера в высшие нравственные ценности и сильно возбужденный общечеловеческий интерес.

Основными характеристиками концепта **МОЛОДОСТЬ** в анализируемом произведении являются:

- a) *быстротечность* – *Such a little time that youth will last;*
- b) *стеснительность* – *A blush is very becoming when one is young;*
- c) *стремление скрыть возраст* – *As long as a woman can look ten years younger than her own daughter, she is perfectly satisfied;*
- d) *ценность, значимость* – *Youth is a marvelous thing worth having;*
- e) *необратимость* – *We never get back to our youth;*
- f) *отсутствие вредных эмоций* – *The secret of being young is never to have an emotion which is unbecoming.*

3. Концепт КРАСОТА/BEAUTY. Данный концепт относится к *гендерно-маркированным концептам* [Алимурадов, Гусева 2010: 14]. Другими словами, этот концепт обладает различной ценностно-информационной наполняемостью в зависимости от того, о каком именно поле идёт речь. Основными характеристиками анализируемого концепта являются следующие:

- a) *тяжесть, брэнность* – *the burden of beauty;*
- b) *ценность, значимость* – *extraordinary personal beauty;*
- c) *несовместимость с интеллектом* – *Beauty ends where intellectual expression begins. Intellect destroys the harmony of the face.*
- d) *поверхностность* – *Beauty is something superficial;*
- e) *быстротечность* – *When your youth goes, beauty will go with it;*
- f) *загадочность* – *Search for beauty being the real secret of life;*
- g) *эмоциональность* – *Beauty could fill your eyes with tears;*
- h) *жестокость* – *There is something beautiful about her death; Evil is simply a mode through which he could realize his conception of the beautiful.*

Таким образом, концепты **МОЛОДОСТЬ/YOUTH** и **КРАСОТА/BEAUTY** оказываются взаимосвязанными посредством таких компонентов, как ценность и быстротечность.

4. Концепт ЛЮБОВЬ/LOVE. Основными характеристиками данного концепта, выявленными в романе, являются:

- a) наличие красоты и интеллекта – *I loved you because you were marvellous, because you had genius and intellect ...;*
- b) ценность, значимость – *Love is more than money;*
- c) губительность для искусства – *How little you can know of love, if you say it mars your art!*
- d) иллюзорность, призрачность – *Art is a malady, Love is an illusion.*

Проиллюстрированные примеры отчётливо указывают на взаимосвязь концепта **ЛЮБОВЬ** с концептами **ИСКУССТВО**, **МОЛОДОСТЬ** и **КРАСОТА**.

5. Концепт ГЕДОНИЗМ/HEDONISM. Основными компонентами, характеризующими данный концепт являются:

- a) празднество, нир – *gaudy;*
- b) безделье – *A grande passion is the privilege of people who have nothing to do.* Соответственно, в тексте встречаются две лексемы для обозначения людей, ведущий праздный образ жизни, – *loafers, gapers;*
- c) фееричная жизнь – *fiery coloured life;*
- d) чудесная, беззаботная молодость – *marvellous, untroubled youth;*
- e) ханжество и лицемерие – *hypocrite.*

Таким образом, на основании проанализированных примеров, мы делаем вывод о связи концепта **ГЕДОНИЗМ** с концептом **МОЛОДОСТЬ**.

6. Концепт РАСКАЯНИЕ/REPENTANCE. Данный концепт представлен в тексте следующими компонентами:

- a) покаяние, сожаление – *penitence;*
- b) угрызения совести – *opiates of remorse;*
- c) укор – *rebuke;*
- d) излечение – *to cure the soul by means of the senses, and the senses by means of the soul.*

Заключение. В данном произведении особенно рельефно представлены противоречия во взглядах писателя: искусство ставится выше жизни, красота выше морали; но развитие сюжета доказывает ложность этих идей.

Лингвокогнитивный анализ текста романа показал, что ключевыми концептами этико-эстетической концептосферы являются концепты **ИСКУССТВО**, **МОЛОДОСТЬ**, **КРАСОТА**, **ЛЮБОВЬ**, **ГЕДОНИЗМ**, **РАСКАЯНИЕ**. Данные концепты находятся во взаимодействии и создают устойчивые взаимосвязи: ИСКУССТВО есть создание КРАСОТЫ;

МОЛОДОСТЬ, КРАСОТА и ЛЮБОВЬ имеют общий компонент – ценность. Гедонистическое поведение свойственно МОЛОДОСТИ. Концепт РАСКАЯНИЕ ближе всех оказывается к концепту ЛЮБОВЬ, но в данном романе эта связь не получает отчётливого выражения.

Литература

Алимурадов О.А., Гусева М.А. Структурная и признаковые модели концепта BEAUTY (КРАСОТА), объективируемого в современном англоязычном женском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 3 (024). С. 12-19.

Банькова Н.В. Концепт «искусство/art» в русском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 22 с.

Галушко М.В. Работа с художественным текстом как объектом управления (метафора портрета Дориана Грея) // Учёные записки. 2014. № 6 (59). Теория и методика профессионального педагогического образования. С. 6-11.

Куприянова Е.С. Мифологема «вечной юности» и роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея» // Вестник Новгородского государственного университета. 2009. № 51. С. 70-73.

Начкебия Э.В. Лингвистические характеристики эстетизма английского романа (на материале языка и перевода романа Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2001. С. 24.

Семенова Л.А. Различие концептов «Молодость» и «Старость» в русской и английской культуре (на материале романа «Портрет Дориана Грея») // Научная дискуссия: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии (сборник статей по материалам XLVIII Международной научно-практической конференции). № 5 (44). М.: Интернаука, 2016. С. 92-95.

Collins Cobuild English Language Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>. Date of Reference: 01.09.2018.

Wilde O. The Picture of Dorian Gray. Penguin Books, 1994. 256 p.

*Е.М. Abysheva (Tyumen, Russia)
University of Tyumen
janeeyre@bk.ru*

LINGVOCOGNITIVE CHARACTERISTICS OF THE MORAL AESTHETIC CONCEPT SPHERE (BASED ON THE MATERIAL OF O. WILDE'S NOVEL "THE PICTURE OF DORIAN GRAY")

In the present article the author investigates lingvocognitive characteristics of the moral aesthetic concept sphere of the novel "The Picture of Dorian Gray" by O. Wilde. The key-concepts that have been revealed are as follows: ART, BEAUTY, YOUTH, HEDONISM, LOVE, REPENTANCE. These concepts form the connections that are used to reveal the challenges of the main hero.

Key words: cognitive linguistics, concept sphere, morality, aesthetics, pedagogical discourse.

*В.С. Андреев (Смоленск, Россия)
Смоленский государственный университет
vadim.andreev@yml.com*

СООТНОШЕНИЕ МИКРОКОСМА И МАКРОКОСМА В МЕТАФОРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ Э.А. ПО

В работе проводится анализ соотношения частотности концептов, репрезентирующих Микрокосм человека и Макрокосм окружающего мира, а также пространственно-временной континуум и экзистенциальные феномены. Оценка соотношения групп концептов с помощью коэффициента Бузмана позволила установить основные оппозиции между периодами творчества По, выявить стабильные и варьирующие соотношения в авторской картине мира.

Ключевые слова: индивидуальный стиль, концепт, микрокосм, макрокосм, хронотоп, экзистенция, коэффициент Бузмана.

В настоящем исследовании ставится задача проанализировать индивидуальный стиль с точки зрения соотношения базовых онтологических

категорий (человек, мир, пространственно-временной континуум и др.) метафорической системы автора.

Идиостиль является одним из наиболее комплексных лингвистических объектов и в последние десятилетия привлекает все большее внимание исследователей [Болдырев 2005; Bagavandas, Manimannan 2008; Browse 2016; Canovas, Jensen 2013]. Тем не менее для решения целого ряда вопросов, касающихся эксплицитной оценки репрезентации в тексте концептов и концептуальных групп, требуется дальнейшее расширение методологического инструментария исследователя.

В данной работе мы предлагаем использовать коэффициент Бузмана [Andreev et al. 2018: 66], чтобы получить измеримые и сопоставимые данные о соотношении микрокосма человека, макрокосма мира, хронотопа и экзистенциальных феноменов в метафоре известного американского поэта Э.А. По.

Коэффициент Бузмана рассчитывается по формуле

$$B = X / (X + Y),$$

где X и Y – параметры, соотношение которых измеряется. Значение коэффициента варьирует в диапазоне от 0 до 1. Чем больше значение коэффициента, тем более выражен параметр X по сравнению с параметром Y . Коэффициент Бузмана является одним из базовых, но весьма эффективных статистических мер, успешно применявшихся в лингвистических исследованиях [Andreev et al. 2018].

Метафора рассматривается нами традиционно как двучленная структура, осуществляющая трансфер основных характеристик с концепта-источника на нетождественный концепт-цель. Выявленные в текстах По концепты были сгруппированы в обобщенные классы, отражающие важные онтологические категории. Так, Микрокосм человека отражают такие единицы концептосферы, как ТКАНЬ, ИНСТРУМЕНТ, ОРГАН (человеческий), концепты, связанные с мыслительной деятельностью, эмоциональной жизнью человека, социальными явлениями и т. д. Аналогичным образом Макрокосм включает концепты, отражающие явления окружающего мира, Хронотоп представлен концептуализацией различных пространств, а к классу Экзистенции принадлежат концепты ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, РОЖДЕНИЕ.

К анализу привлекается ямбическая лирика поэта, опубликованная им самим при жизни. Творчество По принято делить на три периода, выделяемых на биографических основаниях.

Первый период относится ко времени 20-х годов, когда он делал свои первые шаги в литературе. Начало самостоятельной жизни поэта в 1830 году маркирует начало второго периода творчества, который продлился до 1835–1836 гг., когда По стал редактором журнала «Southern Literary Messenger» и вошел в литературную среду. Последний период творчества По охватывает вторую половину 1830-х годов и первую половину 1840-х годов (вплоть до конца жизни поэта).

Исходя из указанной периодизации, четыре поэтических сборника По распределяются по периодам следующим образом. К первому периоду относятся сборники «Tamerlane and Other Poems», «Al Aaraaf, Tamerlane and Minor Poems» ко второму периоду – сборник «Poems», «The Raven and Other Poems» – к третьему.

Полученные в результате анализа данные позволяют сопоставить особенности ментальной картины мира поэта на разных этапах его творчества.

Так, в позиции цели выявлено следующее соотношение Микрокосма и Макрокосма: коэффициент Бузмана равен 0,49 в первом периоде, 0,51 во втором и 0,55 в третьем. Аналогичная ситуация наблюдается и для позиции источника в метафоре: $B = 0,47$ в первом периоде, 0,55 во втором и 0,53 в третьем. Полученные данные говорят о весьма стабильном соотношении микрокосма и макрокосма, что является далеко не тривиальным результатом. Для целого ряда других поэтов, например Г. Лонгфелло, изменение роли и количества репрезентаций мира человека и мира природы является основой эволюции картины мира и идиостиля. Следует отметить, что использование коэффициента позволило сопоставить стиль разных периодов несмотря на изменения абсолютного количества метафор в текстах По (насыщенность текста образами несколько растёт). Эта закономерность может являться как интегрирующей характеристикой для стиля По, так и дифференцирующим признаком при сопоставлении стиля По со стилями других авторов.

Совершенно иная ситуация имеет место для соотношения Микрокосма с Хронотопом и Экзистенцией: для последних наблюдается неуклонный рост их частотности, а следовательно, значимости в позиции цели в метафорической проекции. Для соотношения Хронотопа с Микрокосмом коэффициент Бузмана в первом периоде составляет 0,13, во втором периоде – 0,44, в третьем – 0,55. Для Экзистенции коэффициент на первом этапе творчества равен 0,17, на втором этапе – 0,26, а на третьем – 0,42. Коэффициенты меняются в несколько раз. Мы видим смещение фокуса

внимания По с Микро- и Макрокосма к исследованию более абстрактных проблем – пониманию пространственно-временного континуума и вопросов жизни и смерти.

Можно с уверенностью утверждать, что следующие метафоры нетипичны для первого периода, распространены во втором, и их появление весьма вероятно в третьем периоде.

Of late, eternal Condor years
So shake the very air on high
With tumult, as they thunder by
Preface [Romance]

Lo ! Death hath rear'd himself a throne
In a strange city, all alone,
The City in the Sea

The light of Life is o'er!
To One in Paradise

Интересно, что данная закономерность не наблюдается в соотношении с Микрокосмом Хронотопа и Экзистенции, если последние выступают в качестве источника концептуальной структуры при метафоризации. Вместо этого полученные коэффициенты показывают, скорее, маятниковые колебания. Для Хронотопа с Микрокосмом в первом периоде $B = 0,39$, во втором периоде значение падает до $0,22$, а в третьем растет до $0,42$. Для Экзистенции соответствующие показатели составляют $0,18 - 0,07 - 0,21$. Здесь имеет место отход поэта от сложившейся в раннем творчестве системы соотношений, а затем возвращение к ним. Так, следующие метафоры типичны для первого и третьего периодов творчества поэта, но не для второго.

Steals drowsily and musically
Into the universal valley.
The Sleeper

And thus thy memory is to me
Like some enchanted far-off isle
To F –

Полученные результаты свидетельствуют о наличии ясно выводимых тенденций в развитии идиостиля и вводят метафору в инструментарий стилеметрии, позволяя проводить с ее помощью периодизацию творчества и датировку текстов, а в перспективе также решать задачи по атрибуции и автоматической гендерной классификации.

Литература

Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2005. С. 16-39.

Andreev S., Mistecky M., Altmann G. *Sonnets: Quantitative Inquiries*. Studies in Quantitative Linguistics 29. RAM-Verlag, 2018.

Bagavandas M., Manimannan G. Style Consistency and Authorship Attribution: A Statistical Investigation // Journal of Quantitative Linguistics. 2008. № 1. Vol. 15. P. 100-110.

Browse S. Revisiting Text World Theory and extended metaphor: Embedding and foregrounding extended metaphors in the text-worlds of the 2008 financial crash // Language and Literature. 2016. № 1. Vol. 25. P. 18-37.

Canovas C.P., Jensen M.F. Anchoring time-space mappings and their emotions: The timeline blend in poetic metaphors // Language and Literature. 2013. № 1. Vol. 22. P. 45-59.

V.S. Andreev (Smolensk, Russia)
Smolensk State University
vadim.andreev@ymail.com

RATIO OF MICROCOSM AND MACROCOSM IN THE METAPHORICAL SYSTEM OF E.A. POE

The paper deals with the ratio of frequency of concepts which represent microcosm of Man and macrocosm of the world as well as space-time continuum and existential phenomena. The estimation of ratios of these conceptual groups using Busemann coefficient made it possible to establish major oppositions between periods of Poe's creative activity, and to reveal major stable and altering relations in the author's mental picture of the world.

Key words: individual style, concept, microcosm, macrocosm, chronotop, existential phenomena, Busemann coefficient.

С.Н. Антонова (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет
svetarussia@mail.ru

Т.Ю. Плетяго (Тюмень, Россия)

Тюменский государственный университет
Pletagot@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ПОЛИМОДАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

В статье рассматриваются когнитивные характеристики полимодальных текстов, инициирующих различные виды читательских стратегий. Полимодальный текст задает основы для формирования новых познавательных структур в процессе его восприятия.

Ключевые слова: полимодальный текст, модальность, когнитивный аспект, читательская модель.

Важной характеристикой языковой личности является ее способность к интерпретации и восприятию текста, которые определяют понимание и успешность читательской деятельности. В условиях доминирования аудиовизуальных средств работы с информацией, расширения электронных форматов взаимодействия, влияния информационно-коммуникационных технологий на читательскую деятельность особую значимость приобретает полимодальный текст, актуализирующий разные сенсорные каналы восприятия информации, так называемые модальности/модусы [Некрасова 2014: 45]. По данным исследований М. Гилберта (Университет Южной Калифорнии), мы воспринимаем и обрабатываем информацию намного быстрее, нежели 30-50 лет назад, задействуя одновременно сразу несколько сенсорно-когнитивных систем [Гилберт 2017: 82]. В связи с вышесказанным меняется стратегия выстраивания, перцепции и изучения текстов. В фокусе современных актуальных научных интересов ряда лингвистических направлений находятся полимодальные тексты.

В современных исследованиях по лингвистике принято разделять понятия поликодовых (сочетание вербально-иконических знаков) и полимодальных текстов (сочетание разных перцептивных модальностей). Модальности/модусы, по мнению Г. Кресса, представляют собой комбинированный ресурс («модальные ансамбли»), эффективное использование которого способствует полному и адекватному пониманию текста [Кресс 2016: 86]. При этом каждый модус вносит свой вклад в развитие аналитико-синтетической деятельности читателя. Необходимо отметить, что полимодальный текст является многомерным по своей структуре и содержанию и представляет собой совокупность различных вербальных и невербальных средств коммуникации, репертуар модальностей, которые, выполняя различные функции [Серафини 2012, Кресс 2016], способствуют достижению читательских целей.

Когнитивные аспекты полимодальных текстов связаны прежде всего с формированием новых познавательных структур, обусловленных соотношением модальностей, результатом которого может стать как «когнитивный конфликт», так и «взаимодействие». Вместе с тем, к когнитивному аспекту в широком смысле относятся не только интеллектуальный, но и познавательный и поведенческий аспекты. Именно поэтому А.А. Залевская отмечает единство когнитивного, перцептивного, эмоционально-оценочного аспектов [Залевская: 1998]. Таким образом, сам полимодальный текст инициирует реализацию читателем более сложных познавательных структур в процессе его восприятия. По мнению О.В. Шлыквой, перевод вербальной информации в мультимедийный формат способствует значительному изменению так называемого исходного содержания. Появляется «эффект добавленного содержания от формы, от мультимедийности» [Шлыквова 2008: 705].

Восприятие и чтение полимодальных текстов связано с необходимостью навигации, поиском, отбором и оценкой информации в виртуальном гипертекстовом режиме, оперированием невербальными средствами репрезентации информации. Учитывая развивающие возможности полимодального текста для читателя, Франк Серафини предложил четырехуровневую читательскую модель. Согласно новой модели современный читатель полимодальных текстов:

- осуществляет навигацию («navigator») гипертекста с учетом его графических и аудиальных компонентов;
- интерпретирует текст («interpreter») на основе личного опыта и ценностных ориентаций;

- проектирует читательский маршрут («designer») на основе выбора вербальных и невербальных средств коммуникации, представленных в полимодальном тексте;
- составляет информационные запросы («interrogator») [Серафини 2012: 156].

Таким образом, информация в мультимедийной среде имеет панорамный характер и вызывает необходимость полифокусного видения [Громыко 2005]. Новые информационные технологии способствуют созданию панорамного характера информации за счет синхронизации аудиовизуальных средств, актуализирующих содержание полимодального текста.

Литература

Громыко Н.В. Самоидентификация сознания учащихся в условиях информационного воздействия. URL: http://www.situation.ru/app/j_art_985.htm (дата обращения 01.04.2018).

Залевская А.А. Психолингвистика: пути, итоги, перспективы // Вопросы языкознания. 1998. № 6. С. 81-94.

Кресс Г. Социальная семиотика и вызовы мультимодальности // Political science (RU). 2016. № 3. С. 77-100.

Некрасова Е.Д. К вопросу о восприятии полимодальных текстов // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 378. С. 45-48.

Шлыкова О.В. Диалогический дискурс онлайн-ресурсов в области культуры и искусств // Межкультурный и межрелигиозный диалог в целях устойчивого развития: материалы международной конференции. Москва, Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации, 13-16 сентября 2007 года / под общ. ред. В.К. Егорова. М.: Изд-во РАГС, 2008. С. 704-708.

Hilbert M. The More You Know, the More You Can Grow: An Information Theoretic Approach to Growth in the Information Age. Entropy. 2017. № 19 (2). P. 82.

Serafini F. Expanding the four resources model: reading visual and multi-modal texts, Pedagogies // An International Journal. 2012. № 7:2. P. 150-164.

S.N. Antonova (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

T.Y. Pletyago (Tyumen, Russia)

University of Tyumen

COGNITIVE ASPECTS OF THE POLYMODAL TEXTS PERCEPTION

The article deals with cognitive characteristics of polymodal texts activating different types of reading strategies. Polymodal texts set the basis for new cognitive structures in the perception process.

Key words: polymodal text, modality, cognitive aspect, reading model.

П.П. Банман, А.А. Леглер (Ставрополь, Россия)

Северо-Кавказский федеральный университет

banman.poly@yandex.ru, anlegler@yandex.ru

ФРЕЙМ «ВОЕННЫЙ ПЛЕН» В НЕМЕЦКОМ МЕМУАРНО-АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

На материале заголовков мемуарно-автобиографических текстов немецких военнопленных Первой мировой войны в структуре фрейма *Kriegsgefangenschaft* / военный плен выделены такие слоты, как «агент», «место», «время». Установлено, что текстовые реализации слота «место» указывают на пребывание в плену в разных регионах России, актуализируя географическую и политико-идеологическую составляющие образа России.

Ключевые слова: фрейм, военный плен, мемуарно-автобиографический дискурс, слот «время», слот «агент», слот «место».

Мемуарно-автобиографические тексты все чаще становятся предметом исследования в разных отраслях знания: в истории, теории языка, литературоведении. Целью данной статьи является фреймовый анализ заголовков мемуарно-автобиографических текстов, позволяющих передать «пережитое или воспринятое чужое» и сохранить историческую память. Данные тексты анализируются нами в рамках мемуарно-автобиографического

дискурса и представляют собой фрагмент личной истории жизни автора на фоне определенных развивающихся исторических событий мирового масштаба, в нашем случае – Первой мировой войны и военного плена. К продуктам данной разновидности дискурса относятся записки, дневники, мемуары и автобиографии, которые возникли в соответствующем социально-историческом пространстве и отражают своеобразие конкретного исторического периода.

История военного плена в мемуарно-автобиографических текстах разворачивается в большинстве случаев в хронологическом порядке по следующей схеме (возможны различные комбинации): участие в боевых действиях; ранение; плен; пребывание в лазарете; переезд и размещение в лагерь; жизнь в лагере; пересылка в другой лагерь; побег; освобождение и возвращение домой. На фоне этих событий автор повествует о своих чувствах, переживаниях и мыслях. Направление этого развертывания задается уже в самом названии, которое является первым знаком текста и считается актуализатором «практически всех текстовых категорий» и прежде всего категории информативности. Указанное в заголовке слово «пронизывает» весь текст, при этом с данным словом происходят семантические изменения, которые приводят к образованию индивидуально-художественного значения [Кухаренко 1988: 92]. Данное положение можно проиллюстрировать на примере заголовков, в которых метафорическим переосмыслением плена как «состояния порабощенности, в котором находится человек, захваченный противником и лишенный свободы» [Ожегов 1986: 450] становится колючая проволока. Лагеря для военнопленных были ограждены проволочными заграждениями, и названия ряда текстов это подтверждают, например, «Von Sternen, Steppen und *Stacheldraht*. 5 Jahre Sibirien» («О звездах, степях и колючей проволоке. 5 лет в Сибири») [Juhl 1925].

Фрейм, трактуемый как обобщенная «структура знания для представления стереотипной ситуации» [Минский 1979: 1], как «единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия», содержащая «данные о существенном, типичном и возможном для представления стереотипной ситуации» [Демьянков, 1994: 24], позволяет построить модель, отражающую определенную часть человеческого опыта и знаний в значениях языковых единиц, активировать общие знания и обеспечить понимание в процессе коммуникации [Болдырев 2004: 29].

Дефиниционный анализ лексической единицы *Kriegsgefangenschaft* / *военный плен* позволяет выделить в его структуре основной слот

«место» (где) «Gefangenschaft [im Land des Feindes] im Rahmen einer kriegerischen Auseinandersetzung» [<https://www.duden.de/rechtschreibung/Kriegsgefangenschaft>] (*пребывание в плену (в стране врага) в рамках военного столкновения*). В онлайн-словаре «Wortbedeutung.info» приводится определение военного плена, которое позволяет выделить слот «агент» (кто) и слот «время» (когда): «1) Aufenthalt von Soldaten, die im Krieg in die Hände ihrer Feinde geraten sind und als Kriegsgefangene behandelt werden und eingesperrt sind» [<http://www.wortbedeutung.info/Kriegsgefangenschaft>] (*пребывание военнослужащих, попавших во время военных действий в руки врага, считающихся военнопленными и находящихся в заключении*). Проанализированные дефиниции свидетельствуют о том, что уже само толкование «задает определенную ситуацию», то есть дефиниция – это «стереотипная ситуация, зафиксированная в мозгу человека и являющаяся характерной для определенной области знания» [Маджаева 2012]. Таким образом, в структуре фрейма выделим вершину – *Kriegsgefangenschaft / военный плен*, а далее, исходя из словарных определений, выделим слот «место» (пребывание в стране врага), слот «агент» (военнослужащие) и слот «время» (во время военных действий).

Слот «место» актуализирует прежде всего географическую составляющую образа России, которая представлена такими регионами, как Сибирь, Урал, Кавказ, кроме того, в заголовках упоминаются Туркестан, Украина, Восточная Азия. Самым частотным является употребление такого топонима, как Сибирь, который анализируется как составляющая географического образа России и ассоциируется с абсолютной безысходностью и безнадежностью [Банман 2016: 25]. В проанализированных заголовках фигурируют такие лексические единицы, как *Sibirien – Сибирь, sibirisch – сибирский, Sibiriak – сибиряк, sibirischer Engel – Сибирский ангел* (например: «Aus der *sibirischen* Gefangenhölle») («Из ада сибирского плена») [Juhl 1922].

В образе России особо актуализируется политически-идеологическая составляющая: Россия предстает как *Reich der Knute – империя кнута; ad – Hölle* и ассоциируется с *Ketten – оковами* (например: «Dem *Reiche der Knute* entflohen») («Побег из *империи кнута*») [Geumann 1917]. Реализацией данной составляющей можно считать заголовки, содержащие реалии соответствующего исторического периода: *Doppeladler – двуглавый орёл; Zarenherrschaft – царская власть; Sowjetstern – советская звезда; Bolschewiki – Большевики; Weiß – белые; Rot – красные; Weiß*

Garde – Белая гвардия; *Rote Garde* – Красная гвардия; *Rote Armee* – Красная Армия; *Kosak* – казак; *Kosakenpeitsche* – казачья нагайка; *Kolttschak* – Колчак; *Werst* – верста; *Batjuschka* – батюшка и др. (например: «*Weißer Garde gegen Rote Garde. Fluchterlebnisse des Leutnants d. R. Erich Schüler*» (Белая гвардия против Красной гвардии. Воспоминания о побеге лейтенанта в отставке)) [Schüler 1918].

Слот «время» указывает на временной промежуток пребывания в плену – от нескольких месяцев до нескольких лет (например: «*Kriegsgefangen in Russland 1915–1920*» («Взят в плен в России 1915–1920»)) [Hahn 1926] и др.

Поскольку данный фрейм анализируется нами в рамках мемуарно-автобиографического дискурса, заголовки текстов позволяют особо выделить слот «агент»: военнопленными согласно приказу Министерства внутренних дел от 12.08.1914 считались подданные Австро-Венгрии и Германии мужского пола в возрасте от 18 до 45 лет, способные носить оружие, как склонные к шпионажу и измене они подлежали аресту и высылке из Европейской части России [Журбина 2008: 230]. Военный плен заставил многих побывавших в плену взяться за перо, пишут не писатели в широком понимании данного слова, а обыкновенные солдаты, которые в названии произведений указывают свои звание, национальность, возраст, профессию и фамилию: *österreichischer Offizier* – австрийский офицер; *ostpreußischer Soldat* – восточнопрусский солдат; *Neunzehnjähriger* – девятнадцатилетний; *Unteroffizier* – унтер-офицер; *Uffz. Schuffenhauer von einem sächs. Landwehr-Regiment* – унтер-офицер Шуффенхауэр из саксонского полка Ландвера (например: «*19 Monate in russisch-sibirischer Kriegsgefangenschaft. Erlebnisse eines deutschen Divisionspfarrers im Weltkrieg 1914–1916*» (19 месяцев в российско-сибирском плену. Воспоминания немецкого дивизионного священника в Мировую войну 1914–1916)) [Meyer 1917].

Слоты «место», «время» и «агент» тесно связаны между собой семантическими отношениями, об этом свидетельствуют указанные выше заголовки, в которых происходит реализация нескольких слотов одновременно.

Первая мировая война как таковая стала суровым опытом для людей многих поколений. Свидетелями истории военного плена стали люди разных возрастов, национальностей и профессий. Исследование выявило, что заголовки мемуарно-автобиографических произведений, как «предельно сжатые свертки целого произведения» отражают фрагмент определен-

ного исторического периода и характеризуют особенности жизни и быта военнопленных, что представляет несомненный интерес для исследования языковой картины мира. Изучение заголовков анализируемых текстов показало, что прежде всего происходит реализация слота «место», текстовые реализации данного слота указывают на пребывание в плену в разных регионах России, актуализируя географическую и политико-идеологическую составляющие образа России.

Литература

Банман П.П. Образ России на материале мемуаров Э.Э. Двингера «Die Armees hinter Stacheldraht» // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. Пермь: Издательство ПНИПУ, 2016. С. 19-29.

Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18-36.

Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С.17-33.

Журбина Н.Е. Военнопленные Германии на территории России в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 22. С. 230-235.

Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988.

Маджаева С.И. Фреймовый подход к систематизации терминологических знаний // Ученые записки: электронный научный журнал Курск. гос. ун-та. Курск. 2012. № 2. С. 130-137.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М.: Энергия, 1979.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1986.

Geymann A. Dem Reiche der Knute entflohen. Berlin, 1917.

Hahn G. Kriegsgefangen in Rußland 1915–1920. Mainz, 1926.

Juhl E. Aus der sibirischen Gefangenenhölle, Berlin, 1922.

Juhl E. Von Sternen, Steppen und Stacheldraht. 5 Jahre Sibirien. Schwerin, 1925.

Kriegsgefangenschaft. URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Kriegsgefangenschaft> или <http://www.wortbedeutung.info/Kriegsgefangenschaft>.

Meyer J.C. 19 Monate in russisch-sibirischer Kriegsgefangenschaft. Erlebnisse eines deutschen Divisionspfarrers im Weltkrieg 1914–1916. Köln, 1917.

Schüler E. Weiße Garde gegen Rote Garde. Fluchterlebnisse des Leutnants d. R. Erich Schüler. Berlin, 1918.

P.P. Banman, A.A. Legler (*Stavropol, Russia*)
North-Caucasus Federal University
banman.poly@yandex.ru, anlegler@yandex.ru

THE FRAME “WAR CAPTIVITY” IN THE GERMAN MEMOIRS-AUTOBIOGRAPHICAL DISCOURSE

Based on the headlines of memoirs-autobiographical texts of German prisoners of war of the First World War in the structure of the frame *Kriegsgefangenschaft* war captivity are highlighted such slots as “agent”, “place”, “time”. It has been established that textual implementations of the slot “place” indicate the captivity in different regions of Russia, actualizing the geographical and political and ideological components of the image of Russia.

Key words: frame, war captivity, memoirs-autobiographical discourse, slot “time”, slot “agent”, slot “place”.

К.В. Банников (*Нижний Новгород, Россия*)
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
kbannikov@hse.ru

МЕТАФОРА КАК КОГНИТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В ПОЭТИКЕ ПОЛЯ КЛОДЕЛЯ

Творчество Поля Клоделя редко рассматривается с точки зрения когнитивистики. В работе предложен новый взгляд на образность клоделевской поэтики с применением методики анализа Л. Брандт и П. Брандт, предлагающей новое восприятие процесса понимания метафоры в художественном тексте.

Ключевые слова: когнитивная метафора, Поль Клодель, поэтика, символ, герменевтика.

Поль Клодель (1868–1955) – французский поэт, драматург и писатель, чье творчество является вершиной XX века.

Традиционно наследие Клоделя рассматривают в контексте классического литературоведения [Millet-Gérard 2005]. Произведения французского

универсального гения отличают неповторимая образность, полижанровость, сочетание разных тем и эпох.

Клоделевское творчество, столь богатое инструментами познания, не изучалось с точки зрения когнитивной поэтики, занимающей переходное положение между когнитивной наукой, нарратологией и поэтикой [Stockwell 2002]. Когнитивное в художественном тексте – подтверждение одного из его базовых принципов – индивидуальность, сопряженная с генерализацией: личный авторский опыт экстраполируется на общечеловеческий, типичный, с которым читатель идентифицирует себя [Тюпа 1987].

Образность – основополагающий компонент человеческого мышления. Обращение к образности произведения позволяет изучить когнитивное обобщение, а также «литературное мышление» [Turner 1996].

Среди множества методов анализа метафор и идиом художественного произведения в когнитивном контексте наиболее адекватным представляется метод, предложенный лингвистами Л. Брандт и П. Брандт, чья суть заключается в выявлении и описании уровней восприятия авторской образности.

Первым выступает уровень «семиотической базы», на котором возникает сама метафора в ее графическом представлении, который затем распадается на «уровень презентации» – возникновение источника метафорического переноса, и на «референтный уровень», где появляется реципиент, «набрасывающий» новые окказиональные авторские смыслы на привычное восприятие читателя.

Сливаясь воедино на «виртуальном уровне», метафорический перенос позволяет перейти на финальный уровень – «уровень смысла», который ведет к новому пониманию написанного [Brandt&Brandt 2005].

Описанный метод может быть соотнесен с классическим герменевтическим кругом, проходя через который понимание не становится полным никогда, но обрастает новыми смыслами [Зинченко, Зусман, Кириозе 2010: 157].

Так, среди ярких примеров когнитивной метафоры в клоделевском творчестве – знаменитая формула 'l'oeil écoute' ('глаз слушает'), живописный и плавный 'château – colporteur d'horizons' ('верблюд – носильщик горизонтов'), неожиданный 'l'ours – l'Antéchrist' ('медведь – антихрист'). Анализ подобных метафор позволяет раскрыть процесс переноса, который строится на интертекстуальности и создает разные уровни смысла в произведении.

Литература

Ахапкин Д. Когнитивный подход в современных исследованиях художественных текстов: (Обзор новых книг) // НЛЮ. 2012. № 114. С. 298-312.

Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Методы изучения литературы. От системного подхода к синергетической парадигме. М.: Флинта: Наука, 2010. 200 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. под ред. А.Н. Баранова. М., 2004.

Тюна В.И. Художественность литературного произведения: вопросы типологии. Красноярск, 1987.

Brandt L., Brandt P.A. Cognitive poetics and imagery, *European Journal of English Studies*. 2005. № 9:2. P. 117-130.

Claudel P. Réflexions et propositions sur le vers français // *Œuvres en prose*, 1965, Gallimard. P. 3-44.

Claudel P. Idéogrammes occidentaux // *Œuvres en prose*, 1965, Gallimard. P. 81-91.

Claudel P. Quelques planches du bestiaire spirituel // *Œuvres en prose*, 1965, Gallimard. P. 982-1002.

Millet-Gérard D. La Prose transfigurée. Vingt études en hommage à Paul Claudel pour le cinquantième de sa mort, Préface de Géraud Antoine, de l'Institut, Presses Universitaires de Paris-Sorbonne, 2005. 456 p.

Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. N.Y.: Routledge, 2002.

Turner M. *The Literary Mind: The Origins of Thought and Language*. Oxford: Oxford University Press, 1996.

Vachon A. Le Temps et l'espace dans l'oeuvre de Paul Claudel: expérience chrétienne et imagination poétique. Paris: Le Seuil, 1965.

K.V. Bannikov (*Nizhny Novgorod, Russia*)

National research university «Higher School of Economics»

METAPHOR AS A COGNITIVE TOOL IN THE POETICS OF PAUL CLAUDEL

The oeuvre of Paul Claudel is not traditionally considered as cognitive by modern researchers. The research in question represents an attempt to rediscov-

er Claudel's imagery by means of applying a technique suggested by L. Brandt and P. Brandt, which proposes a different perspective on metaphor apprehension in a literary text.

Key words: Paul Claudel, cognitive metaphor, cognitive poetics, symbol, hermeneutics.

*Л.М. Болсуновская (Томск, Россия)
Томский политехнический университет
bolsunovskl@tpu.ru*

МЕТАДИСКУРС: ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Метадискурс – термин, широко используемый в современном дискурсивном анализе, лингвопрагматике, когнитивной лингвистике и лингводидактике и представляющий собой многогранное явление. Вопрос о том, что подразумевается под термином «метадискурс», продолжает оставаться дискуссионным. В данной работе представлены различные трактовки данного понятия и обозначены основные направления исследования метаязыковых характеристик.

Ключевые слова: дискурс, металингвистика, метадискурс, когнитивные исследования, взаимодействие, риторика.

Непрерывно меняющийся мир оказывает влияние на человека как неотъемлемую составляющую природы, в связи с чем «знания человека о мире и языке также находятся в процессе постоянного изменения» [Болдырев 2009: 25-77]. Эффективность или неэффективность концептуального взаимодействия индивидов зависит от различных факторов онтологии мира, сознания и языка в процессе вербального общения. Зарубежные и отечественные исследователи определяют две основные функции языка: познавательную (когнитивную) и коммуникативную (общения), при этом в работах выделяется «целый ряд так называемых дополнительных функций: эмотивно-экспрессивная, эстетическая, фатическая, метаязыковая ориентирующая, поэтическая, ритуальная или перформативная, манипулятивная (воздействия) и другие» [Там же]. В аспекте теоретических и ана-

литических исследований многие учёные говорят о внутреннем богатстве и высоком потенциале понятия «метадискурс», при этом само определение данного понятия, его категоризация и состав по-прежнему остаются дискуссионными вопросами. Метадискурс стал одним из ведущих направлений в исследовании проблемы взаимодействия в рамках академической письменной и устной речи. Согласно определению, данному в «Советском энциклопедическом словаре», приставка «мета...» (от греческого *metá* – между, после, через), часть сложных слов, означает промежуточность, следование за чем-либо, переход к чему-либо другому, например, метатезис, метабиоз, метаплеоназм [Советский энциклопедический словарь 1980: 803]. В современной науке приставка «мета-» активно используется в терминологии различных областей знания для исследования и описания других систем, например, метафизика, металогика, метаэтика, металингвистика и других [Федотова 2012: 203-207]. Впервые введенный лингвистом-структуралистом Зеллигом Харрисом [Harris 1959: 27-29] термин «метадискурс» стал активно использоваться в прикладной лингвистике с начала 1980-х гг. [Вежбицкая 1978: 402-424; Vande Kopple 1985: 82-93; Crismore 1989; Williams 1981]. Новизна идеи заключалась в том, что язык используется не только для описания окружающей действительности и обмена информацией, но и обращен к самому себе и включает языковые средства, помогающие читателю организовывать, интерпретировать и оценивать высказанное автором. Подобное отношение к языку уходит корнями в учения Якобсона о «метаязыковой функции» языка (ориентация на собственно текст) и Холлидэя о «метафеноменах», являющихся «категориями языка», а не окружающей действительности [Якобсон 1980; Холлидей 1985: 271].

В этой связи метадискурс соотносится с терминами «метаязык» и «метапрагматика». Под термином «метаязык» понимается знание людей о языке и видах языкового представления информации, поскольку метаязык позволяет анализировать и сообщать идеи о том, что есть язык как таковой, в нем нет какого бы то ни было идеологического подтекста и высказывания означают именно то, что они должны означать [Jaworski et al. 2004: 3]. Метапрагматика, напротив, изучает суждения говорящего относительно адекватности коммуникативного поведения, как своего, так и окружающих. Таким образом, метапрагматический аспект языка позволяет компетентному пользователю контролировать взаимодействие [Caffi 2006: 83-88]. Со всей очевидностью можно говорить о том, что второе

понятие гораздо ближе к понятию метадискурса, поскольку метапрагматика предполагает выбор адекватных языковых средств, позволяющих говорящему контролировать производимое им впечатление и выстраивать определенные модели взаимодействия. Метадискурс подразумевает то, как мы используем язык с тем, чтобы максимально облегчить слушающему или читающему субъекту процесс обработки и восприятия передаваемой информации. Комментарии к сообщению зависят от воспринимающего субъекта, и это очень важный аспект, поскольку подобное комментирование текста выявляет осознание пишущим присутствия читающего, необходимой степени упрощения или прояснения передаваемой информации, а также формы взаимодействия с воспринимающим субъектом. В свою очередь, поскольку умелое обращение с подобными риторическими средствами позволяет достичь вполне определенных социальных и коммуникативных целей, оценка читателя выявляет, каким образом пишущий/говорящий воспринимает общество, к которому обращается. Тот факт, что выбор метадискурса указывает на определенный социальный и риторический контекст, свидетельствует о том, что данное понятие активно используется исследователями в попытке охарактеризовать многообразие жанров, языков, форм и предметных областей. На этом, однако, единство мнений относительно понятия «метадискурс» заканчивается, и вопрос о границах данного понятия и относящихся к нему риторических категорий остается открытым. Действительно, понятие «метадискурс» весьма туманное. Если нечто именуется метадискурсом, значит, должно существовать и нечто такое, что метадискурсом не является (последнее, как правило, есть содержание высказывания). Содержание высказывания – это то, о чем говорится: что-то, что утверждается, отрицается, ставится под сомнение или определяется, на чем говорящий настаивает или о чем жалеет и т. д. Метадискурс, напротив, это то, что сигнализирует о присутствии автора и выражается в организации текста или оценке его содержания. Метадискурс – это «стремление автора обеспечить адекватное восприятие содержания текста читающим-слушающим и представляет собой лингвистическое проявление в тексте указанного стремления автора» [Шаймиев 1999].

Еще одна проблема, касающаяся понятия «метадискурс»: формальная неоднородность метадискурса предполагает, что одни и те же функции могут выполняться разными способами или же одни и те же единицы могут одновременно выполнять несколько функций, поскольку

существующие сообщества используют собственные, циркулирующие исключительно внутри сообщества, понятия и специфически их интерпретируют [Nyland, 2005: 178-179]. В более широком смысле, одни и те же формы могут сообщать различные категории метадискурса. И хотя подобного рода наложения общеизвестны в метадискурсивном анализе и являются следствием мультифункциональности самого языка, метадискурс скорее обостряет, нежели решает проблему полипрагматического значения единицы.

Обратимся к проблеме функционирования метадискурса в тексте. В этом случае важным для определения метадискурса является соотношение понятий единичного текста, с одной стороны, и дискурса и совокупности текстов, с другой [Голоднов 2009: 24]. В самом общем смысле, метадискурс – это проявление авторской риторики, оформляющее дискурсивную организацию текста и охватывающее все имплицитные выразительные средства [Shiffrin, 1980: 231]. Это достаточно простое определение понимается по-разному, что обусловлено двумя подходами к пониманию метадискурса – узкое понимание (ориентированное на текст) и широкое понимание (ориентированное на межличностное взаимодействие). Ученые, рассматривающие метадискурс как вид организации текста, вводят понятия метатекст и текстовая рефлексивность [Maunanen, 1993] и сосредотачиваются исключительно на текстовых элементах, задающих направление развития текста, характеризующих его структуру или обозначающих цель. Существуют также теории и исследования, расширяющие «рефлексивное» понимание метадискурса и анализирующие то, как автор текста упоминает самого себя, обращается к читателю или отсылает к тексту [Ådel 2006: 20], при этом «коммуникативная рефлексия проявляется в метаречи и превращает субъекта речи в субъект сознания» [Рябцева 1994: 82-83].

Таким образом, метадискурс трактуется нами как совокупность взаимосвязанных приемов, используемых для организации дискурса или выражения авторской позиции в отношении самого текста или аудитории. Это собирательный термин для обозначения всех типологически неоднородных способов связи и организации текстового материала, а также авторской интерпретации его содержания с учетом специфики восприятия и ценностных ориентаций того или иного сообщества. Метадискурс включает в себе идею о том, что процесс коммуникации представляет собой нечто большее, чем просто обмен информацией. Коммуника-

ция всегда предполагает межличностное общение, оценки и суждения участников. Системный анализ метадискурсивных характеристик позволяет определить способы принятия индивидуумами той или иной точки зрения и проявления солидарности с мнением окружающих. Несмотря на разнообразие интерпретаций, метадискурс тесно связан с дискурсом и его созданием в различных контекстах и требует дальнейшего изучения. Подавляющее большинство исследований по метадискурсу сосредоточено на письменных жанрах, хотя в последнее время и разговорный дискурс привлекает все больше внимания, и начинают появляться исследования по визуальной модальности.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25-77.

Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 402-425.

Голоднов А. Риторический метадискурс: теоретические основы определения понятия // Вестник Нижегородского государственного университета. 2009. № 54. С. 24-27.

Рябцева Н. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 82-92.

Федотова О.С. Понятие метадискурса в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов, 2012. № 6 (17). С. 203-207.

Шаймиев В. Метадискурсивность научного текста (на материале лингвистических произведений). СПб.: изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 1999. 281 с.

Adel A. Metadiscourse in L1 and L2 English, John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia, 2006.

Caffi C. Metapragmatics. In K. Brown (Ed.), Encyclopedia of language and linguistics (pp. 83-88). Oxford: Elsevier, 2006.

Crismore A. Talking with Readers: Metadiscourse as Rhetorical Act. N. Y.: Peter Lang Publishers, 1989. 235 p.

Halliday M.A.K. Spoken and Written Language. OUP. Oxford, 1985.

Harris Z. The Transformational Model of Language Structure. Antropol. Linguist. 1959. № 1 (1). P. 27-29.

- Hyland K.* Metadiscourse. Cornwall: MPG Books, Ltd., 2005. 230 p.
- Jakobson R.* The Framework of Language. Michigan: Michigan Slavic Publications, 1980. 152 p.
- Jaworski A., Coupland N, Galasinski D.* Metalanguage: Social and Ideological Perspectives. De Gruyter, Berlin, 2004.
- Mauranen A.* Cultural Differences in Academic Rethoric: A Textlinguistic Study. Frankfurt am Main, Peter Lang, 1993
- Shiffrin D.* Metatalk: organizational and evaluative brackets in discourse. Sociol. Inq. Lang. Soc. Interact. 50. P. 199-236.
- Vande Kopple W. J.* Some Exploratory Discourse on Metadiscourse // College Composition and Communication. 1985. Vol. 36 (1). P. 82-93.
- Williams J* Style: Ten lessons in Clarity and Grace, 3rd ed. Scott. Foresman, Boston, 1981.

L.M. Bolsunovskaya (*Tomsk, Russia*)

Tomsk Polytechnic University

bolsunovskl@tpu.ru

METADISOURSE: DIFFERENT INTERPRETATIONS AND DIRECTIONS OF RESEARCH

Metadiscourse is a term widely used in modern discursive analysis, pragmatics, cognitive linguistics and didactics, and is conceptualized as multifaceted and dynamic phenomenon. However, it remains unclear what is meant by “metadiscourse”. This paper presents different viewpoints, in the definitions of this concept and identifies the main directions of research of metalinguistic characteristics.

Key words: discourse, metalinguistics, metadiscourse, cognitive research, interaction, rhetoric.

*Л.А. Борботько (Москва, Россия)
Московский городской университет
ludmilaborbotko@gmail.com*

ТРАНСФОРМАЦИЯ АДРЕСАТА ТЕАТРАЛЬНОГО ДИСКУРСА В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ ПРЕЛОМЛЕНИИ

Театральный дискурс понимается как коммуникативное и одновременно когнитивное пространство взаимодействия коллективного адресанта и адресата-зрителя, обладающих когнитивным потенциалом. Анализируется оппозиционная пара *зритель – читатель* через сопоставление способов восприятия коммуникативного канала.

Ключевые слова: театральный дискурс, адресат, коммуникативный потенциал, коммуникативное пространство, драма для чтения.

Антропоцентрическая парадигма развития современной лингвистической науки подразумевает проведение аксиологически ориентированных исследований с опорой на междисциплинарный подход [Викулова 2018: 198]. В подобном ключе нами рассматривается театральный дискурс, выступающий объектом изучения в рамках настоящего исследования. Он понимается как речь, произносимая на сцене, «театральное и социальное действие, воплощенное актерским составом перед зрительской аудиторией в условиях, изначально предложенных драматургом и адаптированных режиссером-постановщиком для последующей реализации на сцене» [Борботько 2014: 113].

Типологической особенностью данного вида дискурса является то, что он обладает своим коммуникативным пространством, в рамках которого осуществляется коммуникация между автором пьесы и зрителем в зале посредством работы режиссера-постановщика и игры актеров на театральной сцене. Таким образом, ключевой целью данного вида коммуникации является максимальное эстетическое воздействие на зрителя.

Обозначенное коммуникативное пространство одновременно является когнитивным, поскольку зритель, находящийся в данном пространстве, использует адресованный ему коммуникативный канал. Последний создаётся драматургом и активизирует «вербализованные когнитивные структуры автора» [Голованева 2013: 17]. В то же время, авторский посыл доходит до зрителя (квази-адресата, облигаторного для формирования данного коммуникативного канала, и непосредственного реципиента)

в трансформированном виде: во время представления действует закон раппы, обуславливающий структуру и принципы функционирования сценического пространства, а также пребывание участников театральной коммуникации в этом пространстве. Данный закон обуславливается «коэффициентом сценичности» [Там же: 23], то есть на организацию и функционирование всего когнитивно-коммуникативного пространства драмы влияет наличие сцены. Последнее справедливо не только для актёров, выступающих сценическими медиаторами при передаче коммуникативного канала от драматурга к зрителю, но и для всего театрального коллектива, задействованного в работе над спектаклем, и прежде всего для режиссера-постановщика. Он первым получает сообщение автора драматургического текста, но, являясь основным трансформатором авторской интенции, ставит первый «экран преломления», имеющий наибольшее влияние на изменение передаваемого адресату коммуникативного канала. Следующий «экран» возникает в результате работы театральной труппы (композиторов, хореографов, декораторов и пр.), которая также определяет конструирование когнитивных структур зрителем. Наконец, актёры, ретранслирующие коммуникативное сообщение, также ставят «экран преломления», изменяя когнитивное пространство театральной коммуникации. Таким образом, зритель, находящийся в театральном пространстве, представляет собой квази-адресата третьего плана, воспринимающего коммуникативный канал от драматурга через тройное преломление.

В то же время, театр предполагает, что речевые практики предназначены не только каждому зрителю в отдельности, но и всему обществу в целом, то есть социальному адресату. Последний представляет собой потенциального наблюдателя, воспринимающего и регистрирующего состояние окружающего пространства; материализующегося в конкретных адресатах, которые находятся в разных точках географического пространства [Сулейманова 2015]. Как следствие, адресация спектакля не ограничена зрителями, физически присутствующими на спектакле. Записанный на медиа-носитель, транслируемый в сети Интернет спектакль становится достоянием глобальной зрительской аудитории по всему миру, воплощаемой в каждом из индивидуализированных социальных адресатов. При этом косвенным социальным адресатом выступает та часть потенциальной аудитории, которая не видела спектакль лично, но читала или слышала отзывы и реагирует на воспринимаемый коммуникативный канал, исходя из собственного опыта, знаний, системы ценностей и пр.

Сказанное выше подтверждает обязательность зрителя для реализации театрального дискурса, однако в процессе развития театральной коммуникации и особенно с начала XX в., озаменованного авангардным движением, предпринимались попытки поставить под сомнение необходимость зрительской аудитории.

Следовательно, очевидно существование оппозиции *зритель – читатель*, выступающих адресатами коммуникативного канала, создаваемого драматургом, и *спектакль/пьеса для театральной постановки – драма для чтения (closet drama)*. Последняя не предназначена для воспроизведения на сцене; она выходит за рамки театральной репрезентации как в плане задействованных в процессе участников, так и в плане цензурных ограничений, которым подвергается сценическая постановка. Другими словами, драма для чтения словно противоречит сущности театра как перформативного и сценического искусства, «достраиваемого» на глазах у зрительской аудитории. Наоборот, разрушается сама возможность сценической адаптации. Читатель использует созданный драматургом коммуникативный канал и самостоятельно активизирует когнитивные структуры, заложенные автором в тексте пьесы, конструируя такие же собственные когнитивные структуры. Следовательно, информационное сообщение (посыл, опыт, знания) как совокупность когнитивных структур формируется автором, передаётся читателю и подвергается «расширению, умножению вследствие когнитивной деятельности мозга читателя» [Голованева 2013: 20]. Сказанное выше обуславливает коммуникативно-когнитивный потенциал автора драматургического произведения.

Читатель драматургического произведения в противовес зрителю, наблюдающему за происходящим на сцене, воспринимает «более чистое» информационное сообщение. Если в случае театральной коммуникации исходное сообщение, направляемое драматургом, кодируется и достигает адресата-зрителя через тройное преломление (экран сознания режиссёра-постановщика, экран театральной труппы, экран сознания самого воспринимающего зрителя), то посыл автора драмы для чтения трансформируется единожды и исключительно читателем, трансформирующим авторскую интенцию. Так коммуникативный канал преодолевает «рамку внимания», которая «отграничивает языковую реальность пьесы от объективной языковой реальности читателя и подвергает отстранению речевую организацию пьесы» [Там же: 23]. Читательский когнитивный потенциал направлен на воссоздание образов, созданных и вербализованных автором

произведения без привлечения других сторон, трансформирующих исходную когнитивную структуру.

Интенции драматурга сформулированы в форме авторского метатекста указаний, призванных уточнить хронологические характеристики организации пьесы, сценографию, манеру исполнения. Функционал авторского метатекста сугубо технический, поскольку сценарный характер драматургического текста позволяет рассматривать его как скрипт, следовательно, сценические указания исчезают из конечного продукта, являются предписаниями относительно структурирования миметического пространства сцены и принадлежат к письменному диегезису [Puchner 2002]. Однако в случае драмы для чтения сценические указания принимают на себя новое значение, поскольку воспринимаются читателем наравне с персональным текстом и формируют нарратив, заменяющий в сознании адресата миметическое пространство сцены. С прагматической точки зрения оппозиция *пьеса для театральной постановки – драма для чтения* проявляется относительно авторского метатекста в пьесах, далее подвергающихся театральной адаптации, в форме 1) минимизированных авторских комментариев у драматургов, которые выступали одновременно и режиссерами собственных произведений (У. Шекспир, Дж. Лилло, Ж-Б. Мольер); 2) расширенных сценических указаниях в пьесах после оформления профессионального института режиссуры в XIX в. (Дж.Б. Шоу, О. Уайльд, Г. Пинтер, Т. Стоппард).

В пьесах для чтения, наоборот, наблюдается преобладание развёрнутого авторского метатекста (Р.Б. Шеридан) с целью раскрыть свой прагматический потенциал через реализацию авторского замысла в виде формирующихся в сознании читателя когнитивных структур. Более того, поскольку в данном случае авторский метатекст обладает расширенным художественным потенциалом, он может принимать не только традиционные формы (межрепликовые авторские ремарки, сеттинги, указания на смены актов и сцен), но и, например, форму хора, комментирующего действие (Б. Брехт).

Таким образом, подводя итог, отметим, что механизмы трансформации адресата в театральном дискурсе касаются именно стадий преломления коммуникативного канала, который стремится отразить различные «форматы знания» [Кубрякова 2008: 34], носителем которого является драматургический текст.

Литература

Борботько Л.А. Категории театрального дискурса как институционального образования // Научный Вестник Воронежского Государственного Архитектурно-строительного университета. Серия Современные лингвистические и методико-дидактические исследования. Воронеж, 2014. № 3 (23). С. 113-122.

Викулова Л.Г., Серебренникова Е.Ф., Герасимова С.А. Эволюционная семиотика знака интеллектуальной культуры: *философ/philosophe* // Методология современных семантических исследований: колл. монография. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 197-213.

Голованева М.А. Коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Волгоград, 2013.

Кубрякова Е.С. О методике когнитивно-дискурсивного анализа применительно к исследованию драматургических произведений (пьесы как особые форматы знания) // Принципы и методы когнитивных исследований языка: сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. С. 34.

Сулейманова О.А. Семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 69-75.

Puchner M. Stage Fright: Modernism, Anti-Theatricality, and Drama. John Hopkins University Press, 2002.

L.A. Borbotko (Moscow, Russia)
Moscow City University
ludmilaborbotko@gmail.com

TRANSFORMATION OF ADDRESSEE IN THEATRICAL DISCOURSE: COGNITIVE LINGUISTICS APPROACH

Theatrical discourse is regarded as a communicative as well as cognitive space within the framework of which a collective addressant interrelates with audience as addressee both characterized by a cognitive potential. The focus is on the opposition of spectator vs. reader due to differentiating the ways of communication channel perception.

Key words: theatrical discourse, addressee, communication potential, communicative space, closet drama.

О.В. Бронникова, А.С. Самофалова (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
o.v.bronnikova@utmn.ru
a.s.samofalova@utmn.ru

ЭМОТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Проводимое исследование направлено на выявление и категоризацию системы вербальных и невербальных средств репрезентации эмоций на материале рекламного дискурса социальной платформы Инстаграм с учетом ее функционального полимодального своеобразия.

Ключевые слова: рекламный дискурс, дискурсивные практики, эмотивный компонент, полимодальность, Инстаграм.

В настоящее время реклама и рекламный дискурс ставят своей целью формирование ярких эмоций, направленных на побуждение потребителя использовать рекламируемый товар. Решающим фактором становится способ подачи информации, главным элементом которого является эмотивный компонент.

Материалом исследования послужила сплошная выборка эмоциональных репрезентаций на платформе Instagram тюменского аквапарка «Лето-Лето». Выбор рекламных публикаций обусловлен рядом факторов: 1. Аквапарк выступает как самый большой, современный и безопасный аквапарк в России, чему было посвящено немало публикаций на различных интернет-порталах и в социальных сетях. Большую роль играет специфика заведения: аквапарк предлагает и «продает» эмоции. Успешность данного бизнеса зависит от степени удовлетворённости и заинтересованности потенциальных клиентов после знакомства с рекламным контентом. 2. Рекламная информация данного аквапарка содержится на интернет-ресурсах: Instagram, ВКонтакте и их веб-сайте, в виде рекламных баннеров, расположенных в различных частях города. Для анализа был выбран аккаунт в Instagram, поскольку данный ресурс с каждым годом завоевывает все

больше пользователей. Аквапарк рассчитан на семьи с детьми, молодёжь и людей среднего возраста, которые являются целевыми пользователями Инстаграма. Подписавшись на инстаграм, пользователь получает уведомления о новостях и рекламных акциях, что позволяет наладить постоянный контакт с клиентами, поддерживая их интерес и воздействуя на их эмоции.

Целью работы служит выявление и категоризация системы вербальных и невербальных средств репрезентации эмоций на материале рекламного дискурса с учетом ее функционального полимодального своеобразия.

Эмоции в рекламном дискурсе реализуются на всех уровнях языковой системы: фонетические, морфемные, лексические, синтаксические, морфологические, фразеологические, текстовые средства репрезентации [Романов 2004]. Обязательной составляющей вербальных средств репрезентации эмоций являются невербальные способы воздействия на клиентов. Так, к характеристикам эмоциональных проявлений относятся многоуровневость/комплексность вербальных и невербальных единиц. Созданный поликодовый/полимодальный текст, реализующийся в дискурсивных практиках, представляет собой многообразие связей языка с другими семиотическими системами. Концептуальные смыслы в подобном дискурсе создаются соединением разнообразных кодов, а основными образующими элементами являются полимодальность и мультимедийность.

Использование Инстаграма позволяет соединять текст, звук, фото и др. Поликодовые средства открывают возможности для эмоционально детерминированного психологического воздействия на целевые группы потребителей.

Когнитивным основанием нашего исследования является теория позиционирования, изучающая факторы и способы дифференциации товаров и услуг в сознании потребителей [Траут, Ривкин 2010]. Ряд ученых (Э. Райс, Дж. Траут 2007; О.С. Иссерс 2018) полагает, что в основе рекламы, являющейся частью маркетинга, лежит когнитивная операция, направленная на получение и удержание восприятия потенциального клиента. По мнению К. Готовцева, «суть позиционирования – “прорваться” к сознанию своей целевой аудитории через информационный “шум”. Необходимо сформировать сверхпростые сообщения о товаре, остановившись на единственном его ярком атрибуте. Вовсе не обязательно придумывать что-то новое, задача позиционирования – грамотно и точно сыграть на том, что уже существует в сознании потребителей» [Готовцев 2018]. Так, на семантическом уровне выступает название аквапарка

«ЛетоЛето», привлекающее своим круглогодичным летним сезоном. Ссылаясь на определение в словаре, лето – «самое теплое время года, следующее за весной и предшествующее осени» [ТСРЯ], можно определить, что аквапарк является местом, где тепло и солнечно. Использование лексической редупликации (повторение слова *лето*) удваивает позитивные эмоции. Лексема *лето* представляет собой короткое на морфемном уровне слово, легко произносимое (фонетический уровень), легко узнаваемое (на прагматическом уровне), культурно и регионально маркированное: для любого россиянина лето – это время отпусков, а для сибиряков оно особенно ценно, поскольку природа не всегда балует жителей региона теплой и продолжительной солнечной погодой, тем сильнее сибиряки ценят жаркое лето. Лето – это предвкушение чего-то нового и радостного. Слова директора аквакомплекса подтверждают данный тезис: *«Мы добавили в словарь тюменцев абсолютно свежее, яркое, эмоциональное наименование... остановили свой выбор на очень русском и патриотичном, понятном и уникальном имени... Сибирь и Урал, Север и Зауралье всегда находятся в ожидании тёплых солнечных дней... всё для исполнения летних желаний в любое время года»* [Letoletotmn]. Если есть возможность получить положительные эмоции в двойном размере («ЛетоЛето») не только в самый жаркий сезон, то, безусловно, название себя оправдывает. Невербальным средством экспликации служит брендовый знак в виде белого цветка на голубом фоне, напоминающего и солнце, и воду, и фонтан одновременно, содержащий в себе динамичность (цветок расположен под углом и напоминает трубу на водных аттракционах).

Вербальные и полимодальные средства воздействия на клиентов реализуются следующим образом (все примеры взяты из Instagram Letoletotmn):

Стратегия убеждения реализуется через обращение к сфере чистоты и гигиены, аквакомплекс заявляет о чистящих и дезинфицирующих средствах (1) *У нас пахнет только свежестью!*. Кроме того, лексема *проверенный* подчеркивает гарантию качества чистоты: (2) *подбираем проверенные средства по борьбе с бактериями*. **Посредством стратегии заботы** прослеживается важность комфортного пребывания посетителей: (3) *Мы заботимся о Вашем комфорте*; а также внимание к многим деталям: (4) *делаем все, чтобы обезопасить наших посетителей от травм и несчастных случаев*. **Стратегия щедрости** представлена лексемами сферы продаж: (5) *Скидка 30 % от базовой стоимости для многодетных семей*; представлены специальные предложения: (6) *Хотите получить*

билет бесплатно?, которые реализуются через прямое обращение к клиенту в виде вопросов, предполагающих положительный ответ-реакцию. **Стратегия эмпатии** воплощается через имплицитный слоган: (7) *«Мы понимаем, что вы чувствуете и то, что вы хотите»*. Администрация аквапарка привлекает тем, что посетители могут почувствовать вечное лето в здании аквакомплекса: (8) *Мы хотим, чтобы Вы круглый год могли почувствовать себя словно в августе*; (9) *предлагаем расслабиться и получить море непередаваемого удовольствия*. **Стратегия изобилия** актуализируется употреблением эмоционально окрашенных лексем и восклицательных знаков, синтаксических единиц, вербализующих разнообразие предоставляемых услуг и сервиса (10) *И жилеты... всех размеров!*; (11) *Ну о-о-очень много разных ящичков для хранения Ваших вещей, и большие и маленькие, и в мокрой зоне и в раздевалках* (градация – усилительный эффект). **Стратегия любви** транслируется через прямые номинации: (12) *Мы искренне любим наших клиентов*. **Стратегия открытости** реализуется посредством обратной связи, которую хочет получить администрация заведения: (13) *рады ответить на любую вашу просьбу*; через вопросы: (14) *поделитесь с нами, какую горку Вы считаете самой экстремальной?*; через выражение благодарности: (15) *Спасибо Вам за отзывы...*; призывы к действию: (16) *отмечайте нас на фото*; в качестве приглашения к сотрудничеству и кооперации: (17) *поделитесь с нами и будьте с нами*.

Стратегия масштабности вербализуется прямым указанием на большое количество: (18) *250 удобных шезлонгов приглашают отдохнуть*; на потенциально огромное число посетителей: (19) *отдыхает молодежь всех возрастов*. **Стратегия статусности** реализуется посредством характеристик комплекса: уникальность: (20) *«ЛетоЛето» – это уникальная атмосфера*; событийность: (21) *«ЛетоЛето» – главное событие 2018 года*; комфорт, высокое качество и ценность предоставляемых услуг: (22) *Это настоящий подарок для тех, кто ценит комфорт, качество и желает получить дополнительные возможности, представленные на мировых курортах*; подчеркивается престиж и роскошь комплекса: (23) *Умеешь жить красиво? – Приходи в аквапарк*; воспользоваться услугами аквапарка означает позволить себе что-то дорогое, очень желанное и не всем доступное: (24) *Позвольте частичку жаркого Лета!* **Стратегия интимного общения** представлена в виде вопросов: (25) *Немного свежих фотографий аквапарка, нравятся?*; через морфемный уровень

с помощью уменьшительно-ласкательных суффиксов: (26) *А Вашим **детшкам** понравилось?*; через призывы к действию: (27) ***Отмечайте** нас на своих фото. Стратегия обращения к сенсорному восприятию: вкусовые ощущения: (28) **Аквапарк – вкусная зона**; зрительное восприятие: (29) *лучше приехать и **оценить воочию***; через осязание и физические ощущения тела: (30) *предлагаем **расслабиться** и получить **море удовольствия, погрузившись** в комфортное джакузи.**

Атрибутами выделенных стратегий являются невербальные средства поддержки. Каждый пост сопровождается визуальным рядом ярких картинок и фотографий. Голубой, желтый, зеленый, оранжевый являются доминирующими цветами, указывающими на жаркое лето и море. Фотографии визуализируют счастливых посетителей различных социальных и возрастных групп. Видеоролики реальных гостей аквапарка рекламируют и апеллируют к эмоциям потенциальных клиентов как эксплицитно, так и имплицитно.

Стратегии дискурсивных практик реализуются на фонетическом, морфемном, лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Лексические единицы обладают положительной коннотацией, что имплицитно способствует формированию яркого образа комплекса. Стратегии реализуются не изолированно, а в тесном взаимодействии, образуя смешанные зоны. Вербальные средства подкрепляются невербальными способами воздействия на клиентов (яркие картинки, фото, видео прямого рекламного характера и имплицитного (видео клиентов)). Выделенные стратегии позволили выявить эмоциональный компонент, являющийся доминирующим фактором воздействия на потребителя.

Литература

Иссерс О.С. Новые типы текстов в сфере гостиничного бизнеса // Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. Т. 17. 2018. № 2. С. 53-61.

Готовцев К. Джек Траут о маркетинговой стратегии о позиционировании. URL: <http://www.investmentrussia.ru/svoi-biznes/marketing/traut-o-pozicionirovanii.html>.

Райс Э., Траут Дж. 22 непреложных закона маркетинга. М.: АСТ, 2007.

Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: дис. ... докт. филол. наук. Тула, 2004.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. М.: АСТ, 2014.

Letoletotmn – Официальная страница аквапарка «ЛетоЛето» в Instagram.
URL: <https://www.instagram.com/letoletotmn/?hl=ru>.

O.V. Bronnikova, A.S. Samofalova (Tyumen, Russia)
Tyumen State University
o.v.bronnikova@utmn.ru
a.s.samofalova@utmn.ru

EMOTIVE COMPONENT IN ADVERTISING DISCOURSE

The paper is aimed at revealing and categorizing the system of verbal and non-verbal means of representing emotions in advertising discourse. The material for the analysis is the social platform Instagram. The authors take into account functional and multimodal peculiarities of the advertising discourse.

Key words: advertising discourse, discursive practices, emotive component, multimodality, Instagram.

A.A. Водяницкая (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
avodyanickaya@yandex.ru

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: ОЦЕНОЧНОСТЬ В ПРОДВИЖЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В работе рассматриваются особенности оценочного представления образовательных технологий в речи ключевых докладчиков конференций, проводимых Академией IATED. В процессе анализа выбора того или иного подхода к преподавательской деятельности исследователи используют оценочные высказывания, с помощью которых выстраивается работа, а у слушающих формируется представление об исследовании. Автор рассматривает оценочность в продвижении образовательных технологий сквозь призму социолингвистической модели нарратива У. Лавова.

Ключевые слова: оценочная категоризация, академический дискурс, нарратив, образовательные технологии.

Академический дискурс, будучи институциональным, предполагает взаимодействие ученых в рамках определенных правил, традиционно устанавливаемых данным типом дискурса, что обуславливает использование разнообразных языковых средств и стратегий. Одним из таких средств является вербально выраженная оценка, которая в данном исследовании изучается на материале выступлений ведущих исследователей – участников конференций, проводимых академией IATED (International Academy of Technology, Education and Development). В этой связи представляется важным рассмотрение именно оценочной составляющей выступлений участников данной конференции.

Анализ 20 пленарных докладов, которые были прочитаны за последние десять лет на ежегодных конференциях, показал, что ученые выстраивают свою речь по принципам рассказа, что позволяет рассматривать данные выступления в рамках социолингвистической модели нарратива, предложенной У. Лабовым. Согласно данной модели, устный рассказ начинается с аннотации, которая чаще всего представляет из себя пропозицию, иллюстрирующую то, о чем будет повествование, далее следует *ориентирование* – автор отвечает на вопросы «что? где? когда?», затем – осложнение, или затруднение, вокруг которого строится повествование. Пятым элементом в данной модели является развязка, за которой следует кода – высказывание, связывающее хронотоп рассказа с настоящим временем. На заключительном этапе рассказчик оценивает описанную ситуацию. У. Лабов выделяет две социальные функции нарратива: референциальную, с помощью которой аудитория получает представление об опыте рассказчика, и оценочную, определяя оценку как часть нарратива, которая показывает отношение рассказчика к повествованию и позволяет подчеркнуть относительную важность той или иной части нарратива по отношению к другим частям [Labov, Waletzky 1967: 37, цит. по: Cortazzi, Jin 2002, пер. мой – А.В.].

Как показал анализ выступлений ключевых докладчиков, оценочность пронизывает все этапы их рассказов-докладов. Рассмотрим речь профессора Гарвардского университета Эрика Мазура.

Э. Мазур начинает доклад с рассказа о том, что он выступал на данной конференции четыре года назад, и выступление его будет посвящено совершенно другой проблематике: Автор подчеркивает, что “if you think of education as a two-step process [...], it’s kind of ironic, that as instructors, we put it on at time at the easy step of education and leave the hardest that to

our students”». Ирония, согласно Э. Мазуру, в том, что мы помогаем студентам осуществить первый шаг [знакомство с материалом], тогда как самую сложную часть [понимание] студенты вынуждены осваивать самостоятельно [здесь и далее пер. мой – А.В.]».

Э. Мазур погружает слушателя в свое исследование и привлекает внимание к сложившейся традиции чтения лекций с помощью оценочной вводной фразы *it's kind of ironic*, в результате чего прилагательные, характеризующие этапы освоения информации (*easy step and the hardest [step]*), приобретают оценочный оттенок. Создается контраст – *легко vs сложно*.

Э. Мазур предваряет каждую структурную часть своего рассказа введением. Так, например, перед ориентирующей частью он приводит неожиданный пример. Автор представил, что студент останавливает его в середине лекции и говорит: «Позвольте, профессор, я должен обдумать то, что Вы сказали, подождите 5 минут, пожалуйста».

Стремясь оптимизировать процесс передачи новой информации студентам и сфокусироваться на более трудной части – понимании – непосредственно на занятиях, Э. Мазур в 90-е годы (время), будучи преподавателем в Гарварде (место), записал свои лекции на видеокассету, чтобы студенты просматривали видеозаписи перед занятиями. Однако у этого метода есть свои недостатки (оценка). «Первый состоит в том, что скорость передачи информации задается видеозаписью. Во время прослушивания лекции нашим вниманием полностью завладевает лектор. Мы не можем слушать и думать о чем-либо одновременно. Мозг не приспособлен к многозадачности». Автор подчеркивает негативное отношение к данному типу образовательных технологий (просмотр видеозаписи лекции): отсутствие осознанного мыслительного процесса (*we do not think cognitively*) и механическое записывание новой информации (*we scribble instead*).

Далее автор указывает на несостоятельность данного подхода в связи с тем, что «несмотря на возможность просмотреть видео несколько раз, студенты увеличивают скорость воспроизведения, лишая себя шанса на переосмысление информации». Именно рассказывая об увеличении скорости воспроизведения видео студентами, Э. Мазур выделил это высказывание интонационно, выражая мимикой и жестами неодобрение сложившейся ситуации. М. Коргази и Л. Джин предлагают рассматривать данный тип оценки как “secondary evaluation” (второстепенная оценка), подчеркивая, что такая оценка выражается через мимику, жесты, ударение, смех, паузацию, окрашивание голоса в эмоциональные цвета и т. д.

[Cortazzi, Jin 2002: 109]. Данная оценка позволяет зрителю самому сделать вывод об отношении автора к той или иной части повествования. Э. Мазур противопоставляет медленное, вдумчивое запоминание быстро-му, поверхностному ознакомлению.

Просмотр видеозаписей лекций имеет еще одну отрицательную сторону, по мнению Э. Мазура: “as a viewer, when you are sitting in front of a person talking on the screen, you turn into a passive being very much like sitting in an auditorium like this listening to somebody speak”. Наконец, Э. Мазур приводит заключительный аргумент против данного метода: “And lastly, and perhaps most importantly, it’s an isolated individual experience: You, the student, and the video. Whereas deep down, learning is a social experience. It doesn’t take place in a vacuum”. Отношение к социализации автор выражает с помощью вводной оценочной фразы, содержащей модальность возможности *and perhaps most importantly*.

Делая отсылку к предыдущему выступающему, Э. Мазур отметил чтение как исключительно важное умение человека: “So, I said, let’s read, because reading has an advantage”. Структурный элемент «развязка» маркируется первой вербализованной положительной оценкой, выраженной словом *advantage*.

“You are in control of the transfer pace. [...] the brain is much more active doing reading than watching. And developing good critical reading skills is probably one of the most important skills because it helps people to continue to sharpen knowledge and skills”.

Общая положительная оценка процесса чтения как деятельности раскрывается через конкретизированные оценки, которые противопоставляются всем негативным оценкам, высказанным ранее. Однако докладчик сомневается, делать ли первое представление новой информации в виде чтения, или нет, ведь для него самое важное – социализация в процессе обучения. Э. Мазур отмечает: “There is no real accountability, and, perhaps even more importantly, it’s still an isolated individual experience. A student and a book”.

И автор приходит к выводу, что вовлечь студентов в изучение дисциплины можно, если процесс повторного осмысления информации (out-of-class component) превратить в социальное взаимодействие. Автор сумел достичь этой цели с помощью платформы Perusall.com, которая позволяет всем студентам одновременно читать материал, обсуждать

его, задавать вопросы. Кроме этого, преподаватель получает тысячи отчетов о работе каждого студента. И, что самое важное, каждый студент готовится к занятию.

Наблюдается переход к структурному компоненту «кода», поскольку автор подчеркнул, что он скептически относится к использованию компьютерных технологий в образовании, так как нередко это примеры вливания нового вина в старые мехи. Однако, рассказав о преимуществах работы с платформой, автор задает вопрос: “How do you get students participate and take it seriously?” Вопрос выносит оценочность на новый уровень: автор ожидает, что студенты оценят его новый подход и отнесутся к нему серьезно, а значит, будут готовиться к каждому занятию. “I am an idealist, and I would love students to be intrinsically motivated to learn”. В связи с тем, что у большинства студентов пропадает внутренняя потребность изучать новое, исследователь предлагает сочетать в обучении внутренние и внешние мотиваторы (intrinsic and extrinsic motivators). Преимущество программы – в конце обучения Э. Мазур получил 20 000 комментариев, написанных 60 студентами. Таким образом, его студенты написали больше, чем он сам (для данного курса Э. Мазур выбрал рукопись собственной книги). Итак, программа позволяет достичь автору цели в стремлении к вдумчивому изучению дисциплины студентами, а также активной вовлеченности в образовательный процесс.

Завершающая часть выступления посвящена представлению результатов, которые поразили автора (структурный элемент повествования «оценка»), поскольку 70 % студентов сопроводили каждую (!) главу вдумчивым комментарием. Автор перечисляет преимущества использования программы преподавателем: improved use of classroom time, 100 % completion of assignments, students engage in developing skill that will be crucial throughout their entire career.

Как показал анализ 20 выступлений (общее время звучания – около 600 минут), продвижение образовательных технологий неразрывно связано с оценочностью. Несмотря на то что оценка вынесена У. Лабовым как отдельный структурный элемент, она пронизывает каждую отдельную часть повествования. Как отмечает О.А. Сулейманова, понимание является одной из ведущих ценностей академического дискурса [Suleimanova 2013]. Будучи «непрерывным диалогом с Другим» [Сулейманова 2018], данный тип дискурса нацелен на конструктивное взаимодействие участников. Именно через оценочность достигается столь необходимое

понимание, которое способствует достижению общих и индивидуальных образовательных целей.

Литература

Сулейманова О.А. Академический дискурс как непрерывный диалог с Другим // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 180-198.

Cortazzi M. Evaluating Evaluation in Narrative // Authorial Stance and the Construction of Discourse; ed. by S. Hunston and G. Thompson. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 102-120.

Suleimanova O.A. Linguistic Meta-Language as a Basis for Communication / Understanding: Abstract and Control // Understanding by Communication. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 70-79.

A.A. Vodyanitskaya

(Moscow, Russia)

Moscow City University

ACADEMIC DISCOURSE: EVALUATION IN PROMOTING EDUCATION TECHNOLOGIES

The article focuses on evaluative character of the reports the IATED conference participants make to promote educational technologies. Evaluation interpenetrates all the parts of the narrative. The latter is analyzed through the prism of W. Labov's sociolinguistic model of narrative.

Key words: academic discourse, evaluation, narrative, educational technologies.

М.Б. Ворошилова (Екатеринбург, Россия)
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
shinkari@mail.ru

СТРАТЕГИИ ДЕКОДИРОВАНИЯ КРЕОЛИЗОВАННОГО ТЕКСТА¹

Поднят вопрос о методах интерпретации невербальных элементов креолизованного текста, о декодировании информации, заложенной в них. Представлены наиболее востребованные стратегии декодирования креолизованного текста: структурный метод, метод вербализации, когнитивный метод. Обосновано использование понятия креолизованной метафоры как основного инструмента декодирования креолизованного текста.

Ключевые слова: креолизованный текст, метод вербализации, декодирование, когнитивный код, когнитивная метафора.

Креолизованный текст (в иной терминологии поликодовый) как неотъемлемый элемент современного информационного пространства не только по праву завоевал свое место в современном научном дискурсе, но и стал одним из самых востребованных объектов в практике судебной экспертизы. В рамках различных научных направлений (лингвистика, психолингвистика, психология, нейрофизиология и др.) развиваются все новые методы его исследования, способы «прочтения» семиотически осложненного текста, но не все эти методы могут быть эффективными в ходе проведения судебной экспертизы. Задача лингвистической экспертизы креолизованного текста – «выявление смысловой направленности текстов» (в юридической терминологии) или «интерпретация смысла и выявление его интенциональной направленности» [см. напр.: Кожевникова 2012: 24] (в лингвистической). Решение экспертной задачи на примере «классического» текста давно отработано, существуют общепризнанные методики, подобраны ключи, необходимо только решить вопрос о методах интерпретации невербальных элементов креолизованного текста.

Наиболее частотным методом анализа креолизованного текста в рамках судебной экспертизы является структурный, основная цель которого – определить характер взаимодействия единиц разных знаковых систем

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02102).

в рамках одного текста. Данный метод принципиально важен при изучении феномена креолизованного текста, но, к сожалению, не всегда позволяет выявить смысловую направленность текста. Эффективность данного метода проявляется в ситуации, когда основная смысловая нагрузка приходится на вербальную часть, смысловая самостоятельность которой присутствует вне визуального или аудиального контекста, последние же выполняют вторичную функцию и выступают в качестве факультативных элементов, то есть иллюстрируют или дополняют основную часть. Нередко в текстах подобного рода невербальный компонент выполняет функцию подсказки, ключа к коду текста, определяя дискурс (например, принадлежность определенной субкультуре).

Ряд исследователей [см. например, Кожевникова, Осадчий 2012; Дайлоф 2016] для интерпретации смысла креолизованного текста предлагают использовать метод вербализации, то есть «словесного описания, воспроизведения в форме высказывания содержания и смысла» [Дайлоф 2016: 77] невербальных элементов, на основе «тщательного соотнесения обоих компонентов, выявления внутренних структурно-семантических связей» [Там же]. Но необходимо отметить, что невербальные знаки имеют коннотативное значение, нередко перегруженное семантическими, эмоциональными и стилистическими, идеологическими и иными смыслами. Возможно ли адекватно и точно вербализовать данные смыслы? К сожалению, проведенные нами эксперименты позволяют доказать, что точная вербализация невозможна, слишком высока вариативность интерпретации.

Важно ответить и на вопрос, все ли знаки имеют смысловую нагрузку и как отобрать существенные знаки. Исследователи предлагают «выделить основной, существенный и достаточный для понимания смысла вербальной части информационный (семантический) компонент, не перегружая исследование описанием второстепенных деталей. Подробное описание и оценка таких особенностей изображения, как цветовое решение, композиция, художественное значение и др., если таковые не влияют на понимание смысла вербальной части, представляется нецелесообразным, так как влечет риск проявления субъективно-личностного начала эксперта и выхода за пределы компетенции» [Дайлоф 2016: 77-76]. Но выбор существенных элементов зависит от опыта эксперта и может стать причиной экспертной ошибки. В соответствии с принципами экспертной деятельности «эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей

специальности, всесторонне и в полном объеме» [№ 73-ФЗ, электронный ресурс], что не позволяет нам исключать элементы текста из поля зрения эксперта.

Не менее распространены в последние годы экспериментальные методы исследования креолизованного текста в рамках судебной экспертизы: метод социологического опроса, методы психолингвистики (ассоциативный эксперимент, семантический дифференциал), методы нейрофизиологии с применением полиграфа, айтрекера и др. К сожалению, практика показывает, что данные методы, сыгравшие важную роль при изучении процесса восприятия и интерпретации креолизованного текста, не дают существенного результата в ходе экспертной деятельности, так как ориентированы на читателя текста, а не на текст и его создателя. Бесспорно, что данные методы могут стать важнейшим инструментом верификации экспертных методик, подтверждая полученные ранее результаты, но вряд ли могут выступать в качестве самостоятельного метода. Самой существенной проблемой экспериментального подхода к исследованию креолизованного текста является необходимость соблюдения чистоты эксперимента, что в условиях ограничений, связанных с проведением судебных экспертиз, практически невозможно.

Деятельность эксперта в ходе интерпретации креолизованного текста напоминает работу шифровальщика, который должен не только расшифровать (объяснить, перевести на понятный судье язык) текст, но и, прежде всего, подобрать единственный верный код. Процесс декодирования креолизованного текста имеет два важнейших подготовительных этапа: 1) выделение «означаемых» знаков; 2) определение общей системы кодирования.

На первом этапе необходимо выделить все актуальные знаки независимо от их функционала, объема и места в креолизованном тексте. Нередко для решения этой задачи, особенно при описании (но пока еще не анализе) невербальных элементов, привлекаются специалисты в области культурологии или истории, которые позволяют дать необходимые фоновые знания для дальнейшего толкования знака. На следующем этапе данные знаки должны быть объединены общей системой, которая наделает их смыслами или акцентирует важные элементы смысла. В рамках лингвистической экспертизы в роли системы может выступить контекст, который позволит создать «семантическое поле» (в иной терминологии, семантическое ядро, семантический вектор восприятия). Термин «контекст» мы

также используем в широком понимании: как некую совокупность всевозможных условий/факторов функционирования (создания и последующей интерпретации) как символа внутри текста, так и текста в определенном дискурсе. Только точное определение дискурса и знание его особенностей специалистом-экспертом позволит выполнить точную дешифровку и дать верную интерпретацию креолизованного текста.

Одним из эффективных методов декодирования креолизованного текста является когнитивный, основанный на анализе креолизованной метафоры, которая «выполняет важнейшую в пропагандистском дискурсе функцию манипулятивного орудия: стертый метафорический образ приобретает новое эмоциональное наполнение за счет яркого визуального компонента и получает новый сильнейший прагматический потенциал» [Ворошилова 2018: 24]. Возможность функционирования данного термина в общем аспекте с креолизированным текстом обусловлена тем, что в когнитивной лингвистике используется так называемое «широкое» понимание метафоры как «любого способа косвенного выражения мысли» [Арутюнова 1990], в том числе и невербального. Мы утверждаем взаимную обусловленность вербальных и визуальных образов в структуре креолизованного текста: «союз» разнородных семиотических единиц приводит к созданию нового образа, комплексного, креолизованного метафорического образа, семантика которого не может быть воспринята как сумма значений данных единиц.

В ходе экспертного исследования необходимо получить достоверный и проверяемый результат, а достичь этого при использовании когнитивного метода возможно только в том случае, если будет соблюден дискурсивный принцип. Метафора живет и развивается в тексте, что обуславливает необходимость выполнения всестороннего и полного анализа контекста метафорического образа с учетом всех дискурсивных условий: в иной терминологии – речевой ситуации, культурного фона определенного сообщества, автора и адресата и т. д.

Роль своеобразного когнитивного кода в рамках креолизованного текста нередко выполняет прецедентный образ, как вербальный, так и невербальный (аудиальный, визуальный). Так, важной характеристикой символа, которая позволяет ему стать орудием пропаганды, является его «узнаваемость», четкая программа прочтения в кругу «своих»: например, использование свастики в соответствующем контексте [см. подр: Ворошилова 2016: 153] позволяет нам однозначно идентифицировать дискурс

функционирования креолизованного текста и определить основные идеологические векторы прочтения.

Итак, вопрос о валидных и научно-обоснованных методах интерпретации невербальных элементов креолизованного текста, о декодировании информации, заложенной в них, остается актуальным. Востребованные в современной экспертной практике стратегии декодирования креолизованного текста, такие как структурный метод, метод вербализации, экспериментальные методы, вызывают ряд нареканий. В качестве возможной альтернативы мы предлагаем использовать когнитивные методы исследования креолизованной метафоры как основного инструмента декодирования креолизованного текста. Важнейшим залогом успешности и эффективности использования данного метода является соблюдение дискурсивного подхода.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136-137.

Ворошилова М.Б., Чудинов А.П. Исследование метафоры в рамках судебной экспертизы // Язык. Право. Общество: сб. статей V Международной научно-практической конференции / под общ. ред. О.В. Барабаш. Пенза, 2018. С. 23-26.

Ворошилова М.Б. Вербальное контекстуальное окружение нацистской символики в современном экстремистском дискурсе // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 3 (53). С. 150-157.

Дайлоф Е.В. К вопросу о лингвистическом анализе невербального компонента креолизованного текста: проблемы вербализации смыслового содержания // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 3 (43). С. 76-81.

Кожевникова Е.А., Осадчий М.А. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 19-1. С. 22-28.

Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» URL: <http://base.garant.ru/12123142/#ixzz5U7Gk3KO8>.

M.B. Voroshilova (*Ekaterinburg, Russia*)
*The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration*
shinkari@mail.ru

DECODING STRATEGIES FOR CREOLIZED TEXT ANALYSIS

The article studies methods of interpretation of non-verbal components of creolized texts and decoding strategies to interpret the information conveyed by the texts. The most widespread decoding strategies in creolized text analysis are: structural method, verbalization method and cognitive analysis. The article explains the use of the concept of creolized metaphor as the main tool for creolized text decoding.

Key words: creolized text, verbalization method, decoding, cognitive code, cognitive metaphor.

С.В. Вяткина (*Санкт-Петербург, Россия*)
Санкт-Петербургский государственный университет
vyatkina@spbu.ru

СТРАТЕГИЯ НАРРАТОРА В РУССКОМ РАССКАЗЕ XXI ВЕКА: СТРУКТУРА ТЕКСТА И ПРОБЛЕМА ИНФЕРЕНЦИИ

В статье анализируется ментальная модель восприятия текста современного русского рассказа на материале опубликованных в журнале «Новый мир» произведений, предложен обзор авторских стратегий наррации на уровне структуры текста, на основе анализа синтаксической структуры рассказа Е. Фетисова «Веселые казни» описана модель читательского восприятия.

Ключевые слова: текст, когнитивный подход к анализу, ментальная модель восприятия, инференция, жанр рассказа, структура текста.

Каковы компоненты текста рассказа, «достаточные и необходимые для построения... правильной и осмысленной модели» текста, то есть обеспечивающие формирование ментальной модели его восприятия» [Кубря-

кова 2004: 517-518]? Специфика жанра рассказа проявляется в том, что он «не навязывает определенной рецептивной стратегии», полагается на встречную коммуникативную активность адресата, обладает открытым финалом [Тюпа 2013: 92-94, 107]. Инструментом выводного знания для адресата является сформированное в результате знакомства с классической литературой представление об инварианте текста. XXI век отмечен экспериментаторским отношением автора к жанру, во многом связанным с переосмыслением текста как связанного целого [Фрумкин 2010], что приводит к фрагментации этого целого, даже к его деконструкции, что проявляется в структурировании наррации с различными вариантами используемой автором метаграфемии.

Ментальная модель восприятия текста задается автором: заголовок (первый компонент, настраивающий читателя на восприятие) → жанровое определение текста → предисловие / его отсутствие → сюжетность / ее отсутствие → оформление структуры текста: связанный/дискретный текст с различными маркерами расчлененности → моно/полисубъектность повествования → характер детализации (ситуаций, повествуемых персонажей, бытовых реалий и т. п.) → оценочность/безоценочность фиксаций, эмоциональность/безэмоциональность повествования. Как итог – возможность/невозможность пересказа текста адресатом и ответа на вопрос: о чем данный рассказ? Данная модель восприятия текста, сформированная читательским опытом, по-разному «работает» при знакомстве с современной малой прозой. Нарастающая дискретность художественного текста, нарочитая его деконструкция заставляют выявлять имплицитные смыслы на основе комплексного осмысления структуры повествования.

Достаточно условно одни произведения можно охарактеризовать как близкие к традиционной форме рассказа, например, «Старики и Белый дом» (НМ 2006, 9 – далее в скобках ссылка на публикации в журнале «Новый мир» (НМ) с указанием года и номера выпуска), «Ночь... Запятая... Ночь» (НМ 2010, 1) В. Маканина и многие другие. В таких рассказах расчлененность на эпизоды маркируется автором, изустность рассказывания, отраженная в обилии конситуативных, незаконченных, эмоционально окрашенных высказываний, позволяет определить позицию повествователя, эмоциональную доминанту произведения, читателю не составляет труда передать описанные события, а затем, сопоставив с предложенным автором заглавием, задуматься, о чем текст.

Рассказы экспериментаторские затрагивают практически все задаваемые автором компоненты ментальной модели их восприятия. Они озадачивают соотносительностью заглавия со структурой бессюжетного текста. От читателя требуется собрать воедино клочки информации, заключенной в каждом фрагменте, соотносить с заглавием и формой избранной автором художественной коммуникации и, не имея возможности кратко изложить содержание подобного повествования, ответить на вопрос: о чем этот текст? Поверхностная структура рассказов «Телеграммы из Альтоны» А. Иванова (НМ 2014, 5), «На гобеленах» А. Лебедева (НМ 2015, 5), «Подледный лов» Е. Георгиевской (НМ 2018, 5) и подобных отражает клиповое сознание современника [Горобец, Ковалев 2015], ориентируя читателя на восприятие нелинейного (раскрошенного, фрагментарного) текста. «Вертикальный кольцеброс. Литературная икра» (НМ 2014, 7), «Одноклассники.ru» (НМ 2009, 5) А. Аркатовой моделируют особенности интернет-коммуникации [подробно: Вяткина 2016, 2017, 2018]. Без учета этих факторов инференция при знакомстве с текстами не представляется возможной.

Процесс читательского восприятия эксплицирует Е. Фетисов в рассказе «Веселые казни» (НМ 2017, 6), структурируя текст как «рассказ о рассказе». Текст многослоен: он имеет адресат-посвящение Л. К., моделирующий персонифицированный, но остающийся за рамками текста адресат; мелким шрифтом приведен комментируемый рассказ, комментарий нарратора по поводу анализируемого им текста оформлен привычным для читателя шрифтом. В соответствии со шрифтовым оформлением читатель должен именно комментарий к воспроизведенному рассказу воспринимать как основной текст. В форме перволичного нарратива представлены авторское Я читателя-комментатора и Я нарратора комментируемого рассказа.

Сигналом-мотиватором ситуации комментированного чтения в эфире является шрифтовое выделение курсивом трех текстовых вставок, данных мелким шрифтом курсивом и в скобках. Первая вставка (оформлена после посвящения почти как эпиграф в правой части текста):

(Эти несколько минут до эфира не за что любить, а я их люблю. Вот только не надо философии, да она сюда и не уместится. Четыре, три, два, один, плавный взмах рукой –)

– моделирует ситуацию комментирования текста рассказа в эфире и напоминает ремарку в пьесе, поскольку вводит прямую речь повество-

вателя: *Здравствуйте, дорогие господа. Сегодня мы читаем и понимаем рассказ* (без знака конца «как бы звучащей в эфире» фразы), в то же время она воспринимается как компонент своеобразного эпиграфа, настраивающего на восприятие чтения и комментирования вслух. Вторая текстовая вставка, следующая после условного эпиграфа и выделенная в самостоятельный абзац, предваряет текст воспроизводимого в эфире рассказа онлайн-рассуждениями повествователя, оценивающего условия, в которых он читает и комментирует некий рассказ: *(Да, тут, конечно, никаких условий для чтения. Ни журнального столика, на который можно положить ноги, устроившись в глубоком кресле, ни самого кресла, ни гамака, наконец, упруго натянутого между деревьями в саду, ни шезлонга на берегу шумливых волн... Ну да ладно, работа есть работа, глоток кофе, и поехали...)*. Третья вставка метатекстового характера принадлежит другому Я – нарратору комментируемого рассказа и оформлена мелким шрифтом курсивом внутри рассказа в рассказе:

– Его в Питер перевели, и жену, конечно, тоже, и дочку его, с которой я тогда в одном классе учился. В военном городке, – добавляет Джамшид. – Мы жили в военном городке...

– Да, – говорю я, чтобы что-то сказать.

(Это правильно. Например, если скажешь «нет», обязательно придется сказать еще что-нибудь в развитие и объяснение. А «да» самодостаточно.)

В комментарии авторское Я повествователя (имеет основное шрифтовое оформление) предстает в форме рассуждений по поводу разговоров с таксистами (соотнесено с сюжетом читаемого рассказа), по поводу содержания читаемого рассказа, моделируется работа в эфире (Прервемся на пару минут), в онлайн-рассуждении дается негативная оценка информативной составляющей прочитанного: «Я представляю себя пассажиром этого такси. Мне нечего сказать. Лирическому герою нечего сказать. Мне как читателю нечего сказать. Это характерное последствие ситуации, когда тебе в мозг без долгих расспросов влили порцию так называемой “объективной информации” типа “рост Наполеона 163 см”». Призыв автора-комментатора с адресацией к слушателю (курсив – *С. В.*) критически осмысливать содержание прочитанного – модель восприятия прочитанного: «Здесь я, *дорогие слушатели*, в некотором недоумении возвращаюсь к началу рассказа»; «Автор как бы переводит стрелки: я закрыт – он открыт»; «Геморрой, который Джамшида

несколько угнетает, *нас с вами* несколько смешит. В общем, я был готов прослезиться и даже заготовил 50 г слез...»; «С другой стороны, на каждый рассказ не наплачешься. Тут *мы с вами* улыбнулись – и на том спасибо. *Так ведь?!*»; «Что ж, *дорогие мои*, неплохой рассказ»; «*До свидания, мои дорогие слушатели литературы. До новых встреч* с чешуйками нашей жизни...». Так комментируемый рассказ становится поводом для высказывания кредо повествователя: что можно считать хорошим рассказом, какая информация в нем значима, какие эмоции прочитанное может вызывать у читателя.

Финал рассказа возвращает читателя к авторскому комментарию в середине текста («На первый взгляд, *граждане*, и на взгляд автора, веселая казнь – это дикость. На второй – дикостью является казнь как таковая, а если уж казнь не обсуждается, то особенно нелепа унылая казнь – как, впрочем, любая тавтология») и к названию рассказа. Информация о предке таксиста, устраивавшем веселые казни где-то на Востоке, вызывает у повествователя-комментатора воспоминание о своем разговоре с таксистом о расправах Сталина. Моделируется вызванная чтением аллюзия и дается оценка казни (название рассказа), что выводит повествователя на философские размышления: «...закат коммунизма, рябь воды в Москва-реке, тупая молодость и все настоящее еще впереди». Таким образом «ценой разрушения типовых нарративных структур» [Тюпа 2017] Е. Фетисов моделирует ментальную модель восприятия современного рассказа.

Современные экспериментаторские тексты отражают новую стратегию нарратора, ориентированную на опыт читателя, готового к восприятию текста не как линейного построения, а как калейдоскопа ситуаций и фраз. Инференция подобных текстов предполагает умение читателя вертикально считывать информацию, анализировать структуру текста и ее оформление.

Литература

Вяткина С.В. Отражение клипового сознания в синтаксисе современной прозы // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 5. Материалы V Конгресса РОПРЯЛ. СПб.: РОПРЯЛ, 2016. С. 111-116.

Вяткина С.В. Степень синтаксической расчлененности текста и функция заглавия современного русского рассказа // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 7 (168). С. 86-92.

Вяткина С.В. Синтаксические особенности нарратива в русском рассказе компьютерного века // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 6. Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ. СПб.: РОПРЯЛ, 2018. С. 135-140.

Горобец Т.Н., Ковалев В.В. «Клиповое мышление» как отражение перцептивных процессов и сенсорной памяти // Мир психологии. 2015. № 2. С. 94-100.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о человеке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Тюна В.И. Дискурс/Жанр. М., 2013.

Тюна В.И. Кризис идентичности как нарратологическая проблема // Narratorium. 2017. №1 (10). URL: <http://narratorium.rggu.ru/print.html?id=2637243>.

Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Ineternum, 2010. № 1. С. 26-36. URL: http://nounivers.narod.ru/pub/kf_clip.htm.

S.V. Vyatkina (St.-Petersburg, Russia)
St.-Petersburg State University

NARRATOR'S STRATEGY IN XXI-ST CENTURY RUSSIAN SHORT STORY: TEXT STRUCTURE AND INFERENCE PROBLEM

The article analyzes the mental model of perception of modern Russian short story texts based on the material published in literary journal "Novyj mir", provides an overview of the author's storytelling strategies at the text structure level, a model of reader's perception is described on the basis of the syntactic structure analysis of E. Fetisov's short story «Merry Executions».

Key words: text, cognitive approach to analysis, mental model of perception, inference, short story genre, text structure.

*А.А. Горностаева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
anngornostaeva@yandex.ru*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И ИРОНИЯ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена рассмотрению политического дискурса, который является предметом изучения ряда наук: психологии, социологии, лингвопрагматики, лингвостилистики. С точки зрения когнитивной лингвистики и теории критического дискурс-анализа язык политики формирует общественное сознание и в конечном счете создает реальность. В статье рассматривается использование в политическом дискурсе такого приема, как ирония, для достижения говорящим своих целей и обеспечения максимального воздействия на аудиторию.

Ключевые слова: политика, дискурс, ирония, убеждение, манипулирование, общество.

Введение. Напряженная политическая ситуация в современном мире волнует многих. В последнее время появился ряд работ, посвященных политическому дискурсу и анализу различных его аспектов. Изучение политического дискурса имеет не только научные цели, но также способствует развитию плодотворной межкультурной коммуникации и предотвращению конфликтов. В данной статье анализируются примеры высказываний английских и американских политических деятелей, в которых использованы такие виды речевого воздействия на аудиторию, как убеждение и манипулирование. Для обеспечения максимального эффекта говорящие прибегают к различным экспрессивным средствам и стилистическим приемам, среди которых достойное место занимает ирония.

Ирония в политическом дискурсе выполняет различные функции – от агрессии и нападения на оппонента до оптимизации коммуникации и стирания интерперсональных границ.

Методология. Основной целью политического дискурса является достижение и удержание власти, как замечают сторонники критического дискурс анализа [Van Dijk 2009; Weiss, Wodak 2007; Fairclough 1995, 1996]. Эта цель достигается за счет таких стратегий, как убеждение и манипулирование [Озоменко 2017]. Эти стратегии сосуществуют и распадаются

на ряд более мелких стратегий, список которых остается открытым: критика, нападение, защита, вежливое общение, ироническое общение и т. д.

Ирония как многоплановое явление рассматривается исследователями в разных аспектах. Выделяют ситуативную иронию, космическую иронию, иронию судьбы [Hutcheon 2005]. Иронию в коммуникации рассценивают как соглашение между коммуникантами, основанное на общем понимании [Chambers 1990]; мнение говорящего, выражающее его отношение к ситуации [Yus 2018]. Авторы указывают на обманчивый характер иронии [Giora 2001] и ее эмоциональность.

Политический дискурс как способ воздействия на сознание. Политический дискурс является центральным понятием политической лингвистики – науки, призванной изучать воздействие на массовое сознание языковых средств и приемов. Лингвистический анализ языка политики – это, по сути, выявление способов использования языковых знаков для достижения определенных политических целей. В современной лингвистике значительное место занимает критический анализ политического дискурса, который направлен на изучение способов, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. В центре внимания специалистов – языковые способы поддержания неравенства и сопротивления ему. Особое внимание ученые (Т. ван Дейк, Р. Водак, Н. Фэрклаф и др.) уделяют социальному, гендерному и этническому неравенству, злоупотреблению властью в различных сферах общественной жизни.

Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресатам, то есть аудитории, необходимость политически правильных, с точки зрения говорящего, действий и/или оценок. Иначе говоря, задача политического дискурса – не описать, а побудить к действию. Эффективность политического дискурса можно определить выполнением этой задачи. Борьба за власть и за доверие слушателей предопределяет функции политического дискурса и способы их реализации. Лингвисты выделяют следующие основные функции: интеграция и дифференциация групповых агентов политики; агональность и гармонизация отношений участников политического процесса; акциональная функция (в политике «говорить» значит «делать»); функция интерпретации (создание «языковой реальности» поля политики); контролирующая и регулятивная функции [Шейгал 2000].

В связи с тем, что существуют два основных вида речевого воздействия – открытое (убеждение) и скрытое (манипуляция), исследователи

придерживаются точки зрения о разделении двух гиперстратегий – убеждения и манипуляции, которые осуществляются путем воздействия на сознание, поведение и эмоции адресата с помощью разнообразных лингвистических речевых средств [Озюменко 2017: 206].

Ирония как инструмент убеждения и манипулирования. Ирония как категория дискурса имеет различные проявления – как высказывание, как речевой акт, как речевой жанр [Горностаева 2013]. Иронический смысл передается разнообразными языковыми средствами, такими как метафора, гипербола, литота, сравнение, языковая игра и др. Ирония существует только в контексте и является продуктом совместной деятельности говорящего и адресата, воспринимающего и интерпретирующего иронию. Адекватное понимание иронии зависит от взаимоотношений между автором и адресатом, их культурного уровня, экстралингвистической ситуации и других факторов.

Умение использовать иронию в политическом диалоге – неотъемлемое качество истинного лидера. Анализ речей английских и американских политиков показал, что наиболее эффективно воздействуют на аудиторию именно те ораторы, которые часто прибегают к юмору, иронии, сарказму. Самоирония помогает предотвратить возможную критику или парировать нападки оппонентов, обезоруживая их. Искусные ораторы используют иронию, юмор, шутки, чтобы дискредитировать своих политических противников, а также чтобы избежать обсуждения нежелательных тем: “Politicians use jokes as a strategy aiming to embarrass their opponents in the eyes of other politicians. They joke to avoid discussions of pressing issues” [Fialkova, Yelenevskaya 2013: 218]. Напротив, государственные деятели, воздерживающиеся в своих речах от юмора и соблюдающие строгую официальность стиля, по нашим наблюдениям, менее популярны в обществе и имеют на него меньшее влияние.

Естественно, что у каждой политической языковой личности вербальные установки специфичны, кроме того, необходимо учитывать культурно-исторический контекст. Для того чтобы понимать иронию и юмор в политическом дискурсе, адресат высказывания должен быть знаком с политической ситуацией, причинами разногласий и конфликтов, которые высмеиваются или осуждаются, а также с целями конкурирующих политических сил: “...in order to fully appreciate the meaning and significance of political humour one has to be familiar with the relevant political culture, the nature of disagreements and conflicts that are derided or condemned, and the

goals of competing and struggling political forces” [Fialkova, Yelenevskaya 2013: 216].

Примеры и комментарии. Высказывания государственных деятелей и деятелей культуры на политические темы нередко представляют собой критику, направленную на определенный объект. Ирония делает эту критику завуалированной, но не менее очевидной. Так, в примере (1) американский актер Джимми Фэллон использует ироническое сравнение:

(1) *During a speech yesterday, Hillary Clinton said she still doesn't know if she's running for president in 2016. You know, just like I still 'don't know' if I'll have a beer on St. Patrick's Day.* (Во время вчерашней речи Хиллари Клинтон сказала, что не знает, будет ли участвовать в президентской гонке в 2016 году. Это примерно как про меня сказать, что я пока не знаю, буду ли пить пиво в день Святого Патрика). Ирония в данном случае подчеркивает неискренность Хиллари Клинтон, которая вводит в заблуждение своих потенциальных избирателей, скрывая свои планы.

Далее Джимми Фэллон добавляет:

(2) *Hillary Clinton said she wants to travel this year, and won't make any announcements about her plans to run for president until 2015. When asked where she'll travel, she said, 'New Hampshire, Iowa, and maybe spend a few months in Florida.'* (Хиллари Клинтон сказала, что она собирается путешествовать и до 2015 года не будет делать никаких заявлений относительно своих планов баллотироваться на пост президента. Когда ее спросили, где она будет путешествовать, она ответила: Нью-Гэмпшир, Айова и, возможно, несколько месяцев во Флориде) [<http://politicalhumor.about.com/od/hillaryclinton/fl/Hillary-Clinton-Jokes.htm>]. Вторая фраза поясняет первую, используя иронический механизм двусмысленности. Подтекст таков: госпожа Клинтон посещает вышеперечисленные штаты с целью заручиться поддержкой избирателей.

Следующий пример (3) иллюстрирует иронию парадокса, которая часто выполняет развлекательную функцию и направлена на то, чтобы повеселить аудиторию, вызвать смех. Например, британский актер и комментатор Дэвид Митчелл, говоря о налогах, указывает на нелогичность системы налогообложения:

(3) *The more conscience you have, the more you pay, the better person you are. Normally people tax things they want to discourage: nicotine, alcohol... What we do is discourage people from being nice by taxing it* [YouTube. David Mitchell on tax avoidance, 20.02.2015]. (Чем больше у вас совести,

тем больше вы платите, тем более благородным человеком вы являетесь. Но обычно налогом облагаются вещи, которые не поощряются: никотин, алкоголь... Происходит вот что: благородство облагается налогом, и люди не хотят быть хорошими). Помимо развлекательной составляющей, ирония в данном высказывании содержит и серьезную подоплеку – критику общественного устройства, а вывод, сделанный ироничным говорящим, логичен по форме, но абсурден по смыслу.

К иронии парадокса прибегает и кандидат в президенты США от одной из самых эксцентричных политических партий Гэри Джонсон:

(4) *I think the majority of people in this country are libertarians, but they don't know about it* [YouTube. The Party Crashers: Meet the Libertarians in the 2016 Election. 1.06.2016]. (Я думаю, большинство граждан США принадлежат к Либертарианской партии, просто они не знают об этом). Политик в данном случае использует ироническую гиперболу *the majority of people in this country* для того, чтобы поднять рейтинг и привлечь внимание к своей позиции, так как на самом деле приверженцев Либертарианской партии не слишком много.

Ирония как способ сохранить лицо содержится в высказывании Барака Обамы, комментирующего неожиданную для многих победу Трампа на выборах:

(5) *I said to the American people, regardless which side you are on in the election, regardless whether your candidate won or lost, the sun would come up in the morning. And that's one bit of prognosticating that actually came true. The sun is up* [YouTube Watch President Obama speak on Trump presidential victory, 9.11.2016]. (Я сказал американскому народу: кого бы вы ни поддерживали на выборах, какой бы из кандидатов ни выиграл, утром все равно взойдет солнце. И этот прогноз оказался верным – солнце действительно взошло). Ироническое открытие очевидного – *the sun would come up in the morning* – в данном контексте маскирует смущение и призвано утешить и самого говорящего, и его сторонников. На самом деле Обама удивлен и разочарован результатами выборов, так как он поддерживал другого кандидата.

Ироническая игра слов (6) добавляет оттенок пикантности в политический дискурс и акцентирует точку зрения говорящего:

(6) *Paying the correct amount of tax is an incredibly broad grey area... there are fifty shades of grey* [YouTube. David Mitchell on tax avoidance, 20.02.2015]. (Как заплатить налоги правильно – это такой туманный

вопрос... Здесь пятьдесят оттенков серого). («Пятьдесят оттенков серого» – название известного эротического романа, где главные герои – люди с садомазохистскими наклонностями. Дэвид Митчелл намеренно использует это словосочетание, иронически уподобляя систему налогообложения садомазохистским отношениям. Использование игры слов распространяется на значения слова *grey* – серый; туманный, неясный).

Выводы. Воздействуя на общественное сознание путем убеждения аудитории и манипулирования ее мнением, политические деятели осуществляют свои цели. Для достижения лучшего эффекта в процессе коммуникации используются различные языковые средства. Использование иронии в политическом дискурсе – важное лингвистическое явление, получившее особенное распространение в современной ситуации. Ирония действует в соответствии со стратегиями политического дискурса и помогает говорящему реализовать свою коммуникативную интенцию.

Литература

Горностаева А.А. Ирония как компонент английского стиля коммуникации: монография. М.: ИПЦ «Маска», 2013. 240 с.

Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 1. С. 203-220.

Шейгал Е.И. Театральность политического дискурса // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Изд-во СГАП, 2000. Вып. 6.

Chambers R. “Irony and the canon”, *Profession* 90 (MLA). 1990. P. 18-24.

Fairclough N. *Media Discourse*. London: Edward Arnold, 1995.

Fairclough N. *Language and power*. Longman, 1996. 135 p.

Fialkova L., Yelenevskaya M. In *Search of the Self: Reconciling the Past and the present in Immigrants’ Experience*. Tartu ELM Scholarly Press, 2013. 282 p.

Giora R. Irony and its discontent // *Utrecht publications in general and comparative literature*. Vol. 35. John Benjamins publishing company, Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 165-185.

Hutcheon L. *Irony’s Edge. The Theory and Politics of Irony*. New York: Routledge, 2005. 248 p.

Van Dijk T.A. *Society and discourse: how social contexts influence text and talk*. Cambridge University Press, 2009. 299 p.

Weiss G., Wodak R. (eds.) *Critical discourse analysis: theory and interdisciplinarity*. London, Basingstoke, New York: Palgrave, Macmillan, 2007.

Yus F. Attaching Feelings and Emotions to Propositions. Some Insights on Irony and Internet Communication. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (1), 94-107.

A.A. Gornostaeva

*Moscow State Linguistic University
anngornostaeva@yandex.ru*

POLITICAL DISCOURSE AND IRONY: COGNITIVE ASPECT

The article is devoted to political discourse, which is the centre of attention of many modern scholars and is the focus point of a number of branches – psychology, sociology, language pragmatics, stylistics etc. According to cognitive linguistics and Critical Discourse Analysis (CDA), political discourse forms social opinion and constructs political reality. The paper examines irony as a device used in political discourse by a speaker to reach his/her aims and produce the best effect on the audience.

Key words: politics, discourse, irony, persuasion, manipulation, society.

К.В. Гудкова (*Санкт-Петербург, Россия*)

*Санкт-Петербургский государственный университет
gudkovakira@bk.ru*

СТРАТЕГИИ ДИСКУРСИВНОГО МАНЕВРИРОВАНИЯ В УБЕЖДАЮЩЕМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются дискурсивные стратегии маневрирования в убеждающем дискурсе с позиции когнитивного подхода. Анализу подвергаются стратегии, которые используют участники коммуникации для маскировки своих намерений и для уклонения от темы разговора. Анализируются языковые выражения, репрезентирующие указанные стратегии и являющиеся их дискурсивными маркерами.

Ключевые слова: стратегия маневрирования, убеждающий дискурс, лингвистические маркеры.

Анализ дискурсивных стратегий с позиций когнитивной лингвистики предполагает как выявление концептов, так и исследование лингвистических средств их вербализации. Дискурсивные стратегии, которые используются участниками коммуникации, представляют собой речевые действия, совершаемые участниками общения. Дискурсивные стратегии и тактики привлекают пристальное внимание лингвистов и достаточно подробно описаны во многих работах [Иссерс 2003, Eemeren 2010]. Тем не менее набор употребляемых участниками речевой коммуникации стратегий представляет собой открытый список, что позволяет рассматривать все новые стратегии. Важный подкласс представляют собой стратегии убеждения или аргументативные стратегии.

Убеждение является неотъемлемой частью человеческой жизнедеятельности. Не будет преувеличением сказать, что при речевом общении люди практически всегда в чем-либо убеждают друг друга, причем предмет убеждения (точка зрения, если пользоваться терминологией теории аргументации) может варьироваться, начиная от концептуальных проблем и заканчивая чисто бытовыми вопросами. Мы что-то обосновываем для себя и для других, стремясь к тому, чтобы нас понимали и принимали нашу точку зрения. Учитывая, что довольно часто люди используют язык не только для убеждения собеседника в той или иной точке зрения, но и для манипулирования взглядами (и соответственно поведением) других людей, рассмотрение и анализ аргументативных стратегий не теряет своей актуальности.

В фокусе когнитивного анализа языка находится вербализация структур представления и хранения знаний. Поэтому анализ дискурса с позиций когнитивной лингвистики может в некотором смысле пролить свет на эти ментальные структуры. Это представляется особенно важным, поскольку – осознанно или неосознанно – люди обычно действуют, исходя из своих собственных убеждений и верований, информация о которых хранится в когнитивной системе человека и представлена в ней в определенных ментальных когнитивных структурах: фреймах, сценариях и т. д. В речи указанные структуры вербализуются не полностью, поскольку язык представляет собой дискретную сущность. Анализ языковых единиц и выявление отношений между ними на дискурсивном уровне позволяют

в некотором смысле реконструировать ментальные структуры говорящего и, таким образом, попытаться «прочитать» его намерения, давая исследователю возможность оценить манипулятивный потенциал сообщения, если таковой присутствует.

В данной статье будут рассмотрены некоторые из стратегий, способствующих дискурсивному маневрированию. Поскольку практически любая человеческая деятельность, в особенности аргументативная, происходит посредством языка, то представляется интересным проанализировать языковые единицы, которые используют говорящие, поскольку эти языковые выражения являются своего рода «ключом» к ментальным (когнитивным) структурам представления информации, к намерениям говорящего.

Язык выполняет много функций, одной из которых является функция оценки. Мы оцениваем явления и события под различными углами зрения. Существуют различные виды оценки: утилитарная, эстетическая, общая аксиологическая оценка. Оценочная функция связана с мыслительными структурами, наше мнение об объекте или событии выражается при помощи языковых единиц. При этом следует отметить, что язык позволяет описать одно и то же явление с прямо противоположных точек зрения, то есть оно может быть охарактеризовано как плохое и как хорошее одновременно. Можно привести много примеров таких описаний, когда одно и то же явление характеризуется совершенно с противоположных сторон. Для иллюстрации сказанного возьмем пример из современной художественной прозы.

Героиня романа «Мемуары гейши» дает характеристику важному событию, произошедшему в ее жизни, и характеризует день события одновременно и как самый лучший, и как самый худший в своей жизни.

That afternoon when I met so-and-so... was **the very best** afternoon of my life, and **also the very worst** afternoon.' I expect you might put down your teacup and say, 'Well, now, which was it? Was it the best or the worst? Because it can't possibly have been both!' Ordinarily I'd have to laugh at myself and agree with you. But the truth is that the afternoon when I met Mr. Tanaka Ichiro really was **the best and the worst** of my life. (A. Golden Memoirs of a Geisha)

Языковые значения передают лишь некоторую часть наших знаний о мире. Основная доля этих знаний хранится в виде различных мыслительных структур – концептов различной степени сложности и абстрактности [Болдырев 2014: 87].

Мышление не вербально по своей природе, в голове мысли не оформляются в четкие языковые формулировки, поэтому у людей часто возникают трудности с подбором языковых единиц для выражения своих мыслей. А в силу того, что мышление представляет собой неделимый континуум, а язык дискретен, часто возникают проблемы непонимания или неверного понимания, неверной интерпретации того, что сказал собеседник. С точки зрения когнитивного подхода это означает, что в памяти человека имеется некий концепт (фрейм), который требует адекватного выражения. Мы можем говорить об асимметричности концептов и их языкового выражения. Но такая асимметрия и лежит в основе стратегии маневрирования. Стратегия реализуется в употреблении неясных, расплывчатых, многозначных, оценочных языковых выражений, поскольку такие выражения могут трактоваться участниками коммуникации по-разному. Наполнение абстрактных понятий у каждого человека отличается, оценки событий и явления не совпадают. То, что для одного человека полезно, хорошо и приемлемо, для другого вредно, плохо и неприемлемо.

Чтобы проиллюстрировать действие стратегии маневрирования, обратимся к примерам дискурсов. Примеры взяты из современного сериала, черной комедии *Santa Clarita Diet*. Сюжет сериала строится вокруг семейной пары, которая убивает людей, поскольку жена заболела непонятной болезнью, которая проявляется в том, что женщина должна питаться только человеческим мясом. Пара постоянно попадает в ситуации, когда им приходится выкручиваться, чтобы на них не упало подозрение. Таким образом, мы имеем дело с аргументативным дискурсом, поскольку участники стараются убедить всех, что они не имеют никакого отношения к происходящему. В своей речевой деятельности они используют стратегии маневрирования. Приведем пример одного разговора. Пара убила своего соседа (по имени Дэн), который работал заместителем шерифа округа. Никто пока не предполагает, что он убит, но, поскольку он не вышел на работу, его объявляют пропавшим и начинаются поиски. Как принято в таких случаях полиция опрашивает всех соседей и шериф (Ann) приходит в дом к главным героям. Приведем запись состоявшегося диалога.

Sheriff: Thank you. Anytime a sheriff's deputy doesn't show up for work, we just wanna make sure everything's all right.

Couple: Oh... of course.

Sheriff: So either of you see Dan this morning?

Husband: No. Wish I had. Great guy.

Wife: Wonderful guy. I can't get enough of him.

Sheriff: Interesting. He has been my partner for 5 years and I've found that most people just think he's unbelievably repellent.

Husband: We don't want to speak ill about... missing

Wife: We love everyone, all of God's children.

Sheriff: Amen to that.

Sheriff: You know, there is one thing that strikes me as a little strange.

Wife: What's that, Ann?

Sheriff: You two are friends with the Palmers, and you know Dan's missing, but you still haven't been over to check on Lisa.

Husband: Is that strange or just inconsiderate?

Wife: Inconsiderate. Mystery solved.

Стратегии маневрирования имеют определенные языковые выражения, которые мы называем лингвистическими маркерами стратегии. Рассмотрим языковые маркеры, которые репрезентируют маневрирование в данном отрезке дискурса.

Во-первых, такими маркерами могут выступать оценочные единицы. В таких случаях мы говорим об оценочном маневрировании. Маневрирование начинается с реплики мужа, который на традиционный вопрос, видели ли они пропавшего, ответив отрицательно, начинает характеризовать Дэна исключительно положительно, используя положительные оценочные единицы: No. Wish I had. Great guy. Подхватывая его маневр, ему вторит жена: Wonderful guy. I can't get enough of him. Маневрирование заключается в переключении фокуса: от события к его оценке. Тем не менее маневр не удастся, поскольку такая положительная характеристика удивляет шерифа, которая знает Дэна как исключительно неприятного человека (*unbelievably repellent*), о чем она и сообщает нашим героям. Им приходится снова маневрировать.

Во-вторых, лингвистическими показателями маневрирования могут служить языковые выражения, выражающие определенные концепты, фреймы, которые репрезентируют знания, разделяемые неким социумом. Такие концепты или фреймы, репрезентирующие некие ситуации, многослойны и очень объемны, состоят из множества слотов и потому позволяют маневрировать, поскольку говорящие могут вкладывать разный смысл в употребляемые языковые выражения.

В нашем обществе существуют некие неписанные каноны поведения, одним из которых является правило, что о мертвых говорят либо хоро-

шее, либо ничего, и знание этих правил содержится в когнитивной системе, мы все обладаем этим знанием. Также, воспитанные в христианской традиции, мы знаем, что Бог любит всех, не делит людей на плохих и хороших и нам завещал вести себя соответственно. Эти разделяемые социумом знания и являются базой для стратегического маневрирования. Паре приходится объяснять, почему они так положительно характеризуют пропавшего. Следующий маневр мужа заключается в апелляции к первому правилу: *We don't want to speak ill about...*, вовремя спохватившись, он добавляет *missing*. Следующий маневр совершает жена. Совершить маневр ей позволяет обладание экстралингвистическим знанием: она знает, что шериф является набожным человеком, и она апеллирует к этому факту: *We love everyone, all of God's children*. Маневр удался, и шериф оставляет эту тему.

Но есть еще один момент, который не вписывается в обычное поведение в подобных ситуациях: если у соседей случается что-то неприятное, то обычно люди находят время, чтобы зайти и выразить свою симпатию и поддержку, особенно если эти люди находятся друг с другом в дружеских отношениях, и шериф сразу обращает на это внимание: *there is one thing that strikes me as a little strange. You two are friends with the Palmers, and you know Dan's missing, but you still haven't been over to check on Lisa*.

Герои вновь прибегают к оценочному маневрированию *Is that strange or just inconsiderate? Inconsiderate. Mystery solved*. Основанием осуществления данной стратегии является указанная выше многослойность оценочных концептов, возможность давать характеристику явлениям с разных точек зрения и выносить разные, иногда противоположные оценки.

Таким образом, оценочные выражения и выражения, маркирующие концепты разделяемого социумом знания, могут выступать маркерами дискурсивного маневрирования в дискурсе убеждения.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов, 2014. 235 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 284 с.

van Eemeren F.H. Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. 309 p.

K.V. Gudkova (*St Petersburg, Russia*)
St Petersburg State University

STRATEGIES OF DISCOURSE MANEUVERING IN PERSUASION DISCOURSE

The article focuses on strategies of discourse maneuvering in persuasion discourse in terms of cognitive approach. The strategies used by communicators to disguise their intentions and to change the topic of conversation are analysed. The article deals with linguistic expressions (linguistic markers) that represent the strategies.

Key words: maneuvering strategies, persuasion discourse, linguistic markers.

T.B. Дроздова (*Астрахань, Россия*)
Астраханский государственный технический университет
drozdova_astu@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АВТОРСКОГО МНЕНИЯ В НАУЧНОМ ТЕКСТЕ

Рассматривается интенциональная активация автором научного текста когнитивного механизма метафоры в процессе субъективной интерпретации картины мира и формировании индивидуальной точки зрения. Сопоставляются когнитивные структуры хранения знания и вербальные средства репрезентации когнитивной метафоры в научном тексте.

Ключевые слова: научный текст, интерпретация, метакогниция, когнитивная метафора.

Научный текст не только является основным средством репрезентации и хранения экспертного знания, но, реферируя к концептуальной системе его автора, служит также трансляции авторской интерпретации картины мира с позиций определенной науки. Это подразумевает представление в научном тексте субъективного авторского мнения, изложение аргументации авторской точки зрения.

Как отмечает Н.Н. Болдырев, «интерпретация является неотъемлемым свойством человеческого сознания и познавательных процессов в частности» [Болдырев 2011: 11], в то время как язык позволяет человеку осуществлять «любые операции со знанием с целью его последующей передачи (или активации в сознании адресата) в процессах коммуникации» [Там же]. Поскольку субъективное мнение формируется на основе имеющихся у автора знаний, все сказанное выше с полным основанием экстраполируется и на мнение как результат его мыслительной деятельности. Речь в данном случае идет о субъективном понимании автором текста объекта интерпретации, уже получившего в научном дискурсе определенное языковое обозначение и/или описание, следовательно, репрезентация авторского мнения представляет собой результат интерпретации знаний о мире в языке, или иначе – вторичную языковую интерпретацию мира (см. [Болдырев 2014]). При этом автором научного текста, осознанно или непреднамеренно, могут использоваться приемы языковой манипуляции: навязывание «мнений и установок к научным истинам» [Демьянков 2018: 48].

Субъективная интерпретация содержания разделенного знания, как и формирование авторского взгляда на существующее положение дел в науке, подразумевает неизбежное действие когнитивного механизма сравнения. Поиск оснований и определение аспектов сравнения осуществляется через обращение к другим концептуальным областям, другим типам знания. Вполне ожидаемо, таким образом, что сравнение осуществляется и через действие механизма когнитивной (концептуальной) метафоры, определяемой как когнитивный процесс, одна из форм концептуализации, которая «выражает и формирует новые понятия» [КСКТ 1996: 55]. По своему источнику «метафора отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между очень разными индивидами и классами объектов. Эта способность играет громадную роль как в практическом, так и в теоретическом мышлении» [Арутюнова 1990: 15]. Таким образом, связь метафоры с процессом концептуализации не противоречит утверждению об участии этого механизма в формировании субъективной интерпретации мира, отражающей авторское мнение.

Научный текст, как и язык в целом, служит и когниции, и коммуникации (Е.С. Кубрякова). В коммуникативном аспекте обращение к метафоре в научном тексте рассматривается, в основном, как реализация ее эксплаторной функции, «когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже, чем в другой» [Демьянков 2017: 7].

Однако в случае объективации авторского мнения, аргументации, метафора, очевидно, усиливает персуазивность языкового выражения, содействует реализации прагматической интенции автора. (Мы не касаемся здесь роли метафоры в создании определенной экспрессивности и образности научного текста.)

Активация когнитивного механизма сравнения, обращение к интегрированным моделям когнитивной метафоры или порождение собственных путем сопоставления различных концептуальных областей знания – процессы интенциональные. Порождение метафоры и на ментальном, и на языковом уровнях следует поэтому рассматривать как особую метакогнитивную задачу. Успешное решение этой задачи обусловливается метакогнитивными способностями автора текста осознанно осуществлять ментальные операции со знанием, ставить и решать задачи когнитивного характера, активируя и языковую когницию. При решении этой задачи могут учитываться национально-культурная картина мира и ценности того социума, к которому относит себя автор.

Метакогнитивные способности позволяют автору не только обращаться к различным типам имеющихся у него знаний, но и осуществлять перспективизацию интерпретируемого. При этом фокусируются концептуальные и атрибутивные признаки, относительно которых реализуется действие механизма сравнения и которые рассматриваются автором как релевантные для репрезентации субъективного мнения.

На ментальном уровне результат метафорического сравнения может соотноситься с разными когнитивными структурами хранения знаний. Это подтверждается тем фактом, что на языковом уровне когнитивная метафора в научном тексте объективируется различными средствами: тропами, фразеологическими словосочетаниями, предложениями с непрямым смыслом. Метафорическое сравнение может раскрываться и в значительных по объему фрагментах текста, и целых текстах, репрезентирующих авторскую точку зрения. Иногда авторское мнение репрезентируется через обращение к одной модели когнитивной метафоры, объективируемой разными языковыми средствами на протяжении всего текста. Заметим, однако, что более часто авторы прибегают к интеграции нескольких моделей когнитивной метафоры (см., например, тексты цитируемых работ: Демьянков 2017, 2018; Geeraerts 2006; Jensen 1999).

Языковые выражения объективируют концепт или понятие как совокупность концептуальных и атрибутивных признаков. Осознаваемая мен-

тальная деятельность с имеющимся знанием имплицитно на языковом уровне диссонансом семантики комбинирующихся единиц и/или отсутствием обозначаемых метафорической единицей признаков в концептуальной сфере репрезентируемого понятия: *когнитивная инфекция, массовая гигиена знания и понимания* [Демьянков 2017]. Предложение или его составные части соотносятся с таким когнитивным форматом, как пропозиция: *насильственный трансфер знаний, щекотать нервы читателя* [Там же]. Реконструкция действия когнитивного механизма метафоры, понимание причины выбора признаков, которые профилируются и переносятся в когнитивную структуру иной концептуальной области, домена, требует от адресата применения ментальной операции инференции.

В предложениях со сравнительными конструкциями ментальные операции со знанием имплицитно лексическими единицами типа *как, как если бы, подобно, похожий, like, look like, as if* и др. В предложениях с такими конструкциями нередко употребляются глаголы (в том числе метафорически переосмысленные), указывающие на ментальные действия со знанием и на осознание этих действий: *считать (что), рассматривать, полагать, resemble, consider, remind* и др. Содержание сравнительных конструкций можно, по-видимому, охарактеризовать как «лингвистические метарепрезентации» – номинации «когнитивной ситуации передачи содержания когниции, перцепции, речи» [Клепикова 2008: 5]: *The Dream Society company may be compared with a tribe with shared set of values and rules...* [Jensen 1999: 134].

Лингвистические метарепрезентации, содержание которых представляет собой результат действия механизма когнитивной метафоры, формируют и сентенциональный комплемент сложноподчиненных предложений: *We will define in a moment what links hold these concepts together...* [Geeraerts 2006: 12]. Нередко авторы, представляя свою точку зрения, помимо употребления глагола ментального действия, непосредственно указывают на обращение к метафоре посредством одноименной лексической единицы, подробно раскрывая далее использованную когнитивную модель в отдельном фрагменте текста. Таким образом, в тексте эксплицитно оказывается представлено основание сравнения и интеграции элементов разных концептуальных областей: *Cognitive Linguistics, when considered in the light of this metaphor, takes the form of an archipelago rather than an island. It is not one clearly delimited large territory, but rather a conglomerate of more or less extensive, more or less active centers of linguis-*

tic research that are closely knit together by a shared perspective, but that are not (yet) brought together under the common rule of a well-defined theory [Ibid.].

Приведенная выше цитата из работы Д. Гэрретса позволяет реконструировать действие когнитивного механизма метафоры, соотносящего такие форматы хранения знания в сравниваемых областях, как фреймы, в аспекте сходства их структуры и содержания. В иных текстах сопоставляемыми когнитивными структурами могут быть сценарии: *Another metaphor suggests itself: the theatrical performance unfolding with all its drama. Managing a company means staging a drama, daily. The actors/employees are given different parts to play together with colleagues and clients/customers. ... In our theatrical metaphor, we are actually moving close to reality". [Jensen 1999: 134-135].*

Что касается типов знания, которыми оперируют авторы научных текстов, формулируя с помощью когнитивного сравнения свою точку зрения, то в научную концептосферу определенной области могут быть интегрированы как знания повседневной картины мира во всем ее разнообразии, так и знания из иных специальных областей науки и техники, т.е. экспертной деятельности в целом. Обращение же к определенным областям знания является интенциональным, обеспечивает представление авторского мнения, отражает метакогнитивные способности автора и раскрывает возможности интерпретирующей функции языка.

Литература

Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Вступительная статья // Теория метафоры: сборник. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета, 2011. № 33 (248). С. 11-16.

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XIX. С. 20-28.

Демьянков В.З. Трансфер знаний и когнитивная манипуляция // Вопросы когнитивной лингвистики, 2017. № 4. С. 5-13.

Демьянков В.З. Языковые средства когнитивной манипуляции в гуманитарных науках // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIII. С. 48-52.

Клепикова Т.А. Типология лингвистических метареферентаций // Вопросы когнитивной лингвистики, 2008. № 3. С. 5-15.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Geeraerts D. A rough guide to Cognitive Linguistics // D. Geeraerts (ed.): Cognitive Linguistics: Basic Readings. Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. P. 11-28.

Jensen R. The dream society: how the coming shift from information to imagination will transform your business. Printed in the USA: A division of McGraw-Hill Companies, New York, 1999.

T.V. Drozdova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

COGNITIVE METAPHOR AND REPRESENTATION OF AUTHOR'S OPINION IN A SCIENTIFIC TEXT

Subjective interpretation of the world image by the author of a scientific text implies intentional activation of metacognitive abilities and cognitive mechanism. Cognitive metaphor is viewed as participating in representing the author's opinion. Correlation of cognitive formats of knowledge storing and linguistic means of cognitive metaphor objectifying is analyzed.

Key words: scientific text, interpretation, metacognition, cognitive metaphor.

Н.П. Дронова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
dronovanina@yandex.ru

АНТРОПОНИМЫ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ НОМО LUDENS В ДИСКУРСЕ ФАСТНАХТШИЛЯ

В статье показана особая роль дискурса фастнахтшиля в формировании оценочной концептуализации антропонимов. На основе концептуального анализа номенклатуры антропонимов были выделены наиболее распространенные традиционные имена, характерные для низшего

сословия, исследованы способы образования фамилий путем метафорометонимического переноса и языковой игры, изучены особенности вербализации иронии и гротеска в негативно-оценочной концептуализации человека.

Ключевые слова: дискурс, фастнахтшпиль, метафора, языковая игра, ирония, гротеск.

Антропонимы как класс номинаций вызывают особый научный интерес в рамках современных антропологических исследований, посвященных изучению «человека в языке» и «языка в человеке». «В собственном имени дискуссионным является все – начиная от вопроса, является ли оно словом и каковы критерии отграничения его от имени нарицательного, до проблемы значения, которая на протяжении сотен лет была ареной дискуссий» [Ненашева 2012]. Исследователи подчеркивают чрезвычайное многообразие данных языковых единиц (личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка), их семантическое своеобразие, широкий спектр оценочно-экспрессивных коннотаций, возникающих под влиянием экстралингвистических факторов (менталитета, культурной традиции, стереотипов сознания) [Постникова 2009; Ненашева 2012; Ковалева 2015].

Важным представляется также подчеркнуть роль типа дискурса, в котором функционируют номинации. В частности, комически-гротескный характер дискурса немецкого фастнахтшпиля XVI века обуславливает формирование различных оценочно-экспрессивных смысловых оттенков и нюансов, репрезентирующих особенности оценочной концептуализации и вербализации человека «играющего», его свойств и поступков, заложенных и выраженных имплицитно/эксплицитно в той или иной степени в имени персонажа. «Выбор того или иного вида антропонима в определенной ситуации зависит от ряда разнообразных обстоятельств: национально-культурных традиций народа, возраста, местожительства, начитанности, эстетического воспитания, круга общения и просто здравого смысла» [Ковалева 2015]. Как показывает анализ номенклатуры имен в 22 фастнахтшпилях Г. Сакса, действующие лица носят наиболее распространенные в крестьянской среде позднего средневековья имена мужского пола: Fritz, Heinz, Hermann, Hans, Kunzel и женского пола: Grete, Marget, Kratz-Els и др. Принадлежность персонажей к низшему сословию подчеркива-

ется автором специальной ремаркой, указывающей на род занятий: der Reitknecht (конюх); Knecht (слуга), der Bauernknecht (работник на крестьянском дворе). Данные имена содержат имплицитно иронически-оценочную коннотацию, что наиболее отчетливо отражено в немецких парных конструкциях типа Hans und Kunz wie Hinz und Kunz (полностью: Heinrich und Konrad) – jeder beliebige gewöhnliche Mensch (любой человек, всякий встречный, поперечный). «Heinz/Hinz – уменьшительно-ласкательная форма für Heinrich, стали в немецком разговорном языке нарицательными» [Paul 1959: 275, 284], то есть эти имена выступают в функции обобщения некоторого типичного простака в данном историческом пространстве с культурно-обусловленной иронической коннотацией. В фастнахтшпиле «Die gestohlene Speckseite» (1552) («Украденный окорок») один из участников – пастор обозначен как Herr Hans, Pfarrer (господин Ганс, пастор). Обращение Herr к персонажу не по фамилии, а по имени направлено на выражение иронически пренебрежительного отношения автора к персонажу и категории священнослужителей в целом. Сказанное касается также и женских имен, представленных типично немецкими именами Grete, Marget, образно-оценочным именем Kratz-Els и др. Заметим, что имя Elise/Liese, характерное для низшего сословия, в немецких фразеологизмах является нарицательным с пренебрежительным оттенком. В фастнахтшпиле Г. Сакса к имени добавляется компонент Kratz от глагола kratzen (чесать, скрести, царапать, скоблить, в данном случае царапать), гротескно характеризующим качества персонажа: задиристость, драчливость и др. Женские персонажи в фастнахтшпилях также представляют низшее сословие социальной структуры (служанка, прислуга, мелочная торговка и др.), чем обусловлен выбор имен. Таким образом, авторский выбор имен в карнавальном-праздничном контексте не случаен, он обусловлен назидательно-дидактической целеустановкой, направленной на осмеяние слабостей и пороков человека обычного, типичного для данной социокультурной среды.

Для обозначения **фамилии** действующих лиц автором используются различные образно-экспрессивные номинации с иронически-оценочной коннотацией, включающей широкую палитру смысловых оттенков – от незлобивой иронии до откровенной насмешки. Ср.: Heinz Flegel, Simon Frauenknecht. В когнитивном основании номинаций фамилии заложен метафорический способ концептуализации представлений о человеке, его взаимодействии с окружающей средой. Так, фамилия крестьянина

Flegel содержит во внутренней форме семантику крестьянского орудия труда «цеп, молотило» с его «конструктивной» простотой и незамысловатостью, что переносится на носителя фамилии. Ср. также: Flegel – балбес, хам (В.Д. Девкин). Фамилия Frauenknecht (грубо: бабий угодник / слуга) в когнитивном плане – антропоморфная метафора, в основе которой лежит перенос свойств личности – Knecht (слуга, работник) – из низшего слоя в социальной структуре Эпохи Ренессанса в сферу взаимоотношений между мужчиной и женщиной. Ср.: Bauernknecht – (veraltend) Gehilfe des Bauern [Wahrig 2006: 849].

Языковая игра является важнейшим инструментом в экспликации иронии и гротеска, используемых в оценочной концептуализации человека. Например, простота и чудаковатость персонажей в шпиле *Die gestohlene Speckseite* «Украденный окорок» (1552) вербально репрезентирована в фамилиях Kunz Droll, Heinz Knoll и скупой Hermann Doll, структурно сформированных на основе комбинирования морфем по звуковому сходству: к общей морфеме -oll добавляются сочетания согласных Dr-, Kn-, или один согласный D-: Droll, Knoll, Doll. Фонетическое сходство фамилий, очевидная структурная простота настраивают зрителя/читателя на комическое восприятие, в общем-то, мало чем отличающихся друг от друга персонажей. Заметим, что в семантике фамилий также содержится общий концептуальный признак «забавности, потешности, несуразности». Например, Droll – от прилагательного drollig «забавный, смешной, потешный, чудака», Knoll – ассоциируется с некоторым причудливым образованием – наростом, шишкой Knolle и т. д., что должно вызывать смех зрителя, и, наконец, – фамилия Doll содержит семантические признаки: несуразный, дикий, неистовый, яростный от doll.

Диалектально-окрашенные имена с уменьшительно-ласкательным суффиксом «l» иронически подчеркивают принадлежность носителей имени к необразованному низшему сословию. В данном случае не идет речь о коннотации «ласкательности», эти имена репрезентируют традицию образования имен, характерную для южно-немецких областей, в том числе Нюрнберга, откуда родом Г. Сакс. В известном фастнахтшпиле *Der Roßdieb zu Fünsing* («Фюнзингенский конокрад и вороватые крестьяне» (1553)) предлагаются фонетически причудливо звучащие имена и фамилии, дополняемые автором ремаркой «крестьянин из Фюнзинга». Ср.: Gangl Dötsch, Bauer in Fünsing; Steffl Löll, Bauer in Fünsing;

Liendl Fritz, Bauer in Fünsing и Vel von Freising, der Roßdieb (конокрад). Заметим, что фамилия Löll имеет фонетическое сходство с швейц. Loli болван, дурак, что дает основание для предположения намеренного употребления автором формы Löll с аналогичной семантикой, учитывая также и тот факт, что «шут, дурак» – центральная фигура праздника «фастнахт». Номинация места Fünsing от разговорной Funse/Funsel (лампа-коптилка) дополняет ассоциативно-образный портрет наивных персонажей фастнахтшпиля, репрезентированный в имени и фамилии на уровне формы слова, его некоторой смысловой структуры и негативно-оценочной коннотации.

Локальный номинатор может выступать в качестве субститута имени и фамилии. Так, номинация Pfarrer zu Sankt Stolprian (пастор Санкт-Штольприан) (*Der blinde Mesner mit dem Pfarrer und seinem Weib* «Слепой пономарь, поп и пономариха» (1557)) представляет собой культурно-обусловленное языковое образование, созданное Г. Саксом по аналогии с именем персонажа С. Бранта – Grobian. Высмеивая не в меру расплывшихся грубиянов, С. Брант выдумал для них скоморошного святого – Святого Гробиана. Номинация Sankt Stolprian восходит к глаголу stolpern «спотыкаться» для обозначения неуклюжих, неотесанных людей (für ungeschlachte figuren): ein tölpischer mensch, der über alles stolpert (увальень, который обо все спотыкается). Иронически окрашенная номинация эксплицитно на основе языковой игры (образование по аналогии) репрезентирует критическое отношение автора к персонажу, представляющему церковь.

Карнавально-праздничный, театрализованный контекст фастнахтшпиля предполагает также использование специфических культурно-обусловленных имен, маркирующих смысловую структуру праздника католической масленицы: фольклорные масленичные персонажи Eulenspiegel (Уленшпигель), Frau Wahrheit (фрау Правда), Jäckel, Jäcklein (шут по имени Джекель, Джекляйн) и др. Таким образом, в фастнахтшпилях Г. Сакса представлена широкая палитра антропонимов, отражающих, с одной стороны, сложившиеся культурные традиции имянаречения в период позднего средневековья и начала Нового времени в крестьянской среде, с другой, автором создаются причудливые образно-оценочные имена, использование которых обусловлено прагматической стратегией дискурса.

Литература

Ковалева М.С. Английские антропонимы и их лексикографическое представление: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2015. URL: <http://cheloveknauka.com/angliyskie-antropnomy-i-ih-leksikograficheskoe-predstavlenie#ixzz57ZLITpFy>.

Ненашева Т.А. Коннотативная семантика референтно однозначного имени: Н. Новгород, 2012. URL: <https://www.hse.ru/data/2015/02/18/1092311014/2012>.

Paul H. Deutsches Wörterbuch. Halle/Saale, 1959.

Sachs H. Fastnachtspiele. Leipzig: Verlag Philipp Reclam jun., 1973.

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2006.

N.P. Dronova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov state university
dronovanina@yandex.ru

THE ANTHROPONYMS IN THE CONCEPTUALIZATION OF HOMO LUDENS IN THE DISCOURSE OF FASTNACHTSPIELE

The article shows the special role of fastnachtspiel discourse in the formation of evaluation conceptualization of anthroponyms. On the basis of conceptual analysis of the nomenclature of anthroponyms were identified the most common traditional names characteristic of the lower class, the ways of formation of surnames by metaphor-metonymic transfer and language play, studied the peculiarities of verbalization of irony and grotesque in the negative evaluation of human conceptualization.

Key words: discourse, fastnachtspiel, metaphor, language game, irony, grotesque.

О.В. Емельянова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
emelianovaolga@yandex.ru

Е.Г. Хомякова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
lizakhom@mail.ru

СОБЫТИЙНАЯ СИТУАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТИХОЙ РЕВОЛЮЦИИ В КВЕБЕКЕ

Статья посвящена анализу языковой репрезентации события *Тихая революция* в динамике его пространственно-временного и причинно-следственного развития в англоязычном событийном дискурсе с учетом лексико-семантического и прагма-когнитивного аспектов. В качестве лингвистического инструмента анализа выступает событийная ситуация.

Ключевые слова: событийная ситуация, событийный дискурс, прагма-когнитивный аспект, номинация, оценочная ситуация.

Данная статья посвящена анализу языковой репрезентации события *Тихая революция* в Квебеке по материалам интернет-источников, полученных по запросу The Quiet Revolution in Quebec. Тихая революция (фр. Révolution tranquille, англ. Quiet Revolution) – цепь политических и социально-экономических событий в Канаде 1960–1970-х гг., в ходе которых важные трансформации затронули все стороны жизни и быта преимущественно франкоязычной канадской провинции Квебек, вставшей на путь модернизации и сознательного поиска чёткой национальной самоидентификации. Понятие *событие* получило в лингвистике широкое освещение; при всех отличиях в предлагаемых интерпретациях прослеживается мысль о том, что событие обладает троякой локализацией: личностной, пространственной и временной [Арутюнова 1998; Демьянков 2002 и мн. др.]. В качестве рабочего выберем следующее определение события: это любое изменение состояния социальной и природной реальности, локализованное в определённых пространственно-временных координатах, воспринимаемое субъектом (участником или очевидцем события) и оцениваемое им как обладающее личностной либо социальной значимостью. К основополагающим признакам события относятся

его динамичность, консеквентность и причастность к жизни человека. Этот фактор детерминирует сферу исследования событийной ситуации как прагмалингвистическую, а точнее, прагмакогнитивную. На наш взгляд, приведенная дефиниция позволяет задать важнейшие компоненты событийной ситуации, используемой в качестве инструмента для анализа языкового представления события, способствующего формированию ментальной модели функционирования языковых реалий, которые репрезентируют в языке номинируемый фрагмент окружающего мира [Хомякова 2015: 138-141].

На первом этапе анализа языка события Тихая революция (ТР) сосредоточимся на выявлении маркеров событийности, идентифицирующих собранный материал как релевантный понятию «событие» согласно его избранному определению. Напомним, что в основе события лежит *изменение* в самом широком смысле. Главными маркерами событийности являются глагол и существительное *change*, номинирующие основную характеристику события ТР как изменения, в данном случае, изменения политических и социальных условий, фиксируемые в самом определении ТР: *The Quiet Revolution, a term applied to **the changes** that took place in Quebec from the late 1950's to the late 60's*. Тема изменений красной нитью проходит через весь событийный дискурс, послуживший материалом настоящего исследования, о чем свидетельствуют выражения типа *the restless energy of change, dynamic changes, far-reaching changes* и мн. др. Динамический характер события ТР отражен в таких номинациях, как *social upheaval, a major overhaul* и др. Другие маркеры событийности – глагол *to happen* и существительное *transformation*; ключевой мотив ТР – перемены, необходимость которых отражена в лозунге “It's time for a change”.

Поскольку событие представляет собой фрагмент окружающего мира, понятие событийной ситуации можно соотнести с понятием семантической ситуации как референта номинации. Событийная ситуация обладает предикатно-аргументной структурой, в состав которой, наряду с событийными предикатами типа *happen* и *change*, входят аргументы, среди которых особое место занимают пространственно-временные маркеры, событийные каузатор и результатив, отличающиеся значительной степенью константности.

Событие – временная сущность, т.к. предполагает момент своего наступления. В терминах семантического синтаксиса данную семантическую роль принято называть темпоративом: это отрезок времени, в котором локализована та или иная ситуация. Тихая революция – не одномоментное

событие, а длительный процесс; произведенные в ходе революции коренные преобразования социально-политической ситуации в Квебеке в большинстве случаев имеют достаточно четкую временную локализованность напр. *From 1960–61 to 1966–67, the budget grew from \$745 million to \$2.1 billion*. Таким образом, темпоральная локализованность события ТР в событийном дискурсе реализуется главным образом за счет унифицированных, устойчивых, точных маркеров времени, выполняющих семантическую роль «темпоратив».

Не менее важным в освещении события ПБС оказывается пространственный аспект. В данном случае речь идет о семантической роли «локатив» в широком смысле слова – участок пространства или объект, в котором локализована ситуация. Пространственная локализация события ТР актуализируется в событийном дискурсе главным образом за счет топонима Quebec – провинции, в которой и разворачивались события ТР. Кроме того, в этой связи вполне ожидаемо упоминаются топонимы North America, Canada, Ottawa, Montreal. Семантические падежи темпоратив и локатив – важные элементы предикатно-аргументной структуры событийной ситуации, регулярно актуализирующиеся в рамках одного предложения: *...because the changes happened so rapidly in Quebec, in such a short and concentrated period of time, they seemed to have a sense of urgency and prevalence here...* Важно, что ни временной, ни пространственный параметр не определяет основную область локализации события. Ни одна революция не осуществляется иначе, чем через активную деятельность людей – отдельных личностей, организаций, партий и т. д. Как было сказано выше, суть Тихой революции сводится к радикальным изменениям в социально-политической ситуации в Квебеке, осуществленным за счет многочисленных реформ, затронувших все сферы жизни. Напомним, что разновидностью семантической роли агенса является агенс с каузативным значением, или каузатив – участник ситуации, производящий действие / оказывающий воздействие, которое вызывает изменение состояния другого участника ситуации. Именно этот подтип агенса представлен в большинстве исследованных примеров; в ряде случаев можно говорить о каузативной ситуации, еще одним аргументом в которой оказывается результат, или результатив – участник ситуации, возникающий вследствие совершения определенного действия – будь то образование политической партии, или создание платформы реформ, или сама ТР: *The Quebec Liberals initiated the Quiet Revolution...*

Таким образом, модель предикатно-аргументной структуры событийной ситуации включает предикат действия/состояния + агенс + локатив + темпоратив в разных комбинациях. Кроме того, отмечены схемы предикат с каузативным значением + агенс с каузативным значением (каузатив) + результат (результатив).

В своем исследовании мы исходим из трактовки событийной ситуации как номинируемого фрагмента внеязыковой действительности, структура которого включает определенным образом организованный определенный набор событий в динамике его пространственно-временного и причинно-следственного развития. При рассмотрении события ТР нельзя не заметить, что ему предшествовал целый ряд других событий, послуживших если не его причиной, то предпосылкой. С другой стороны, события, следовавшие за ТР, во многом им обусловлены и являются его следствием. Таким образом, можно выделить три основных этапа события ТР, которое целесообразно назвать макрособытием, поскольку оно включает более мелкие составляющие. Первый этап – это исторические процессы и события, имевшие место до ТР; второй этап – непосредственно событие ТР (событие-ядро); третий этап – события, обусловившие ситуацию ТР.

Первый этап макрособытия ТР отражает предшествование (причины и предпосылки ТР). При анализе языковой репрезентации нельзя не заметить, что, говоря о факторах, приведших к ТР, авторы прежде всего упоминают необходимость коренных преобразований: Например, ответ на вопрос *What caused The Revolution?* начинается так: ***There was a need for change, too many people were uneducated, and the province was suffering the consequences.*** Как следует из некоторых источников, неудовлетворенность существующим порядком вещей – главная причина, вызвавшая жесткую конфронтацию, ставшую неотъемлемой частью ТР: ***This would lead to one of the most tumultuous and fierce confrontations in Canada over the place of the French Canadians in Canada...*** Второй этап макрособытия ТР – непосредственно сама революция (событие-ядро) – представлен в предыдущей части исследования. Обратимся к третьему этапу, отражающему то, что произошло после ТР и в значительной степени оказалось ее следствием. Следует отметить, что в исследованном материале отмечены как положительные, так и отрицательные аспекты влияния, которое ТР оказало на ситуацию в Квебеке: *In contrast to beliefs that the rapid modernization of the Quiet Revolution had a positive impact on Quebec, it rather had a negative impact on Quebec and its citizens and*

identity. Прямая зависимость произошедших изменений от события ТР в большинстве случаев выражена совершенно эксплицитно (consequences, result).

Таким образом, структурно-смысловой анализ языка репрезентации события ТР показал правомерность выделения трех этапов, или компонентов макрособытия ТР, отражающих его основные этапы. При этом временной аспект оказался тесно связанным с причинно-следственным.

В ходе анализа событийной ситуации, поведение и эмоциональное состояние участников которой неотделимы от процедуры оценки происходящего события, причин его возникновения и последствий, целесообразно обратиться к аксиологической ситуации. Сразу следует сказать, что материал исследования, представляющий событие ТР, в силу своей жанровой специфики не предполагает яркой оценочности и эмоциональности. Тем не менее удалось зафиксировать ряд слов, наделенных оценочным значением, что хорошо видно в следующем примере, прагматическим пиком языковой актуализации которого служат выражения *a high point* и *a fantastic time*: *However much it may be challenged today in its assumptions and contributions, the Quiet Revolution was a high point of Quebec History. It was a fantastic time to be young, to have ideas and ideals, to be alive, to wish to do things, to want to improve the world, to be a Québécois.*

Все вышесказанное позволяет прийти к следующему выводу: в процессе коммуникации между автором и читателем тематически связанная и развернутая во времени совокупность текстов, номинирующих определенное событие и наделенных эмоционально-оценочным содержанием, репродуцирует событийное дискурсивное пространство. Оно открыто для лингвистического исследования с учетом прагма-когнитивной, номинативной, событийной и эмоционально-оценочной составляющих.

Литература

Арутюнова Н.Д. Событие // Предложение и производные от него значения / Язык и мир человека. М., 1998. С. 507-519.

Демьянков В.З. Событие в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Когнитивные аспекты лексикографии. М., 2002. С. 320-329.

Хомякова Е.Г. Практика лингвистического анализа событийной ситуации // Научное мнение. 2015. № 9-1. С. 138-141.

*O.V. Emelianova (St.-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University*

*E.G. Khomyakova (St.-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University*

**LANGUAGE REPRESENTATION
OF THE EVENT “THE QUIET REVOLUTION”
IN QUEBEC WITHIN EVENT SITUATION**

The article deals with language representation analysis of the Quiet Revolution in Quebec within event situation. The research involves nominative, semantic and pragma-cognitive aspects within event situation used as a linguistic instrument of analysis.

Key words: event situation, discourse, nomination, pragma-cognitive aspect.

Т.Н. Ефименко (Москва, Россия)

*Московский городской педагогический университет
tefimenko@mail.ru*

**БИЗНЕС-ИДИОМЫ КАК ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОПЕРАТОРЫ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА**

Данная статья посвящена вопросу изучения функционирования идиоматических выражений в англоязычном деловом дискурсе с точки зрения лингвосинергетического подхода. Идиомы рассматриваются как функциональные операторы формирования прагматического и семантического пространства, а сама идиоматическая система – как сложная нелинейная подсистема дискурса.

Ключевые слова: деловой дискурс, идиомы, лингвосинергетика, функциональные операторы.

Идиомы как элементы вторичной номинации служат инструментами выражения оценочного и эмоционального отношения к обозначаемому предмету или явлению, а иногда адресуются человеку. Идиомы, или фразеологические единицы (ФЕ), определяются как «семантически связан-

ные сочетания слов, а также предложения, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава» [БЭСЯ 2000: 559]. Н.Д. Арутюнова относит идиомы к одной из форм аномалий языка, и именно благодаря «аномальности» идиомы сохраняют свою устойчивость [Арутюнова 1987: 16]. А.А. Буров подчеркивает, что идиома, или ФЕ, отражает столкновение между синтактикой и семантикой, что способствует созданию прагматического эффекта [Буров 1999: 196], то есть происходит дополнение и обогащение языка недостающими экспрессивными средствами.

Интерпретация смысла идиоматического выражения не может и не должна быть буквальной – необходимо системное, синергетическое, нелинейное сложение смыслов. Коммуникативная ситуация (среда) и коммуникативная цель служат факторами, обуславливающими правильное (адекватное) декодирование фразеологических единиц.

Понятие системы в теории информации определяется через понятие среды: «множество образует систему, если есть связи определенного типа между окружающей средой (внешние связи)» [Арнольд 1991: 18]. Таким образом, система (язык и речь) реагирует на воздействие коммуникативной среды. Согласно этой теории, ФЕ представляют собой систему, которая выступает как единое целое по отношению к окружающему ее контексту (среде), вступая таким образом в синтагматические отношения с окружающими единицами [Авдеева 2003: 3]. В связи с этим представляется интересным рассмотреть использование идиоматических выражений как отдельной системы с точки зрения лингвосинергетического подхода, поскольку именно функциональная лингвосинергетика занимается исследованием языка и дискурса в их взаимодействии, а также взаимодействием языка с внешней средой, которой является коммуникативная ситуация [Пономаренко 2015: 123].

Лингвосинергетика олицетворяет переход к новой парадигме, переход от статики к динамике, от стабильности и порядка к состоянию «хаоса», позволяет взглянуть на языковую систему не как на систему с линейным движением, направленным по определенной заданной траектории, с регулируемой динамикой развития, а как на нелинейную, многогранную, многомерную, открытую и, следовательно, постоянно развивающуюся

систему [Dombrovan 2018: 17]. Ярким примером сложной открытой нелинейной неравновесной самоорганизующейся системы является английский язык. Именно данные характеристики позволяют английскому языку, с одной стороны, проявлять гибкость, свойственную живым языкам, с другой стороны – сохранять свою целостность и идентичность.

Одной из задач лингвосинергетики является рассмотрение различных состояний открытой динамической нелинейной самоорганизующейся системы с целью изучения всего спектра структур в нелинейной ситуации. Примером таких ситуаций является функционирование идиоматических единиц в англоязычном бизнес-дискурсе. Дискурс представляет собой «реализацию» речевого произведения в процессе общения. Дискурс, с точки зрения лингвосинергетического подхода, определяется как система смыслов, формируемая через их речевое выражение [Пономаренко 2010: 34].

Осуществляя свою деятельность, различные элементы и компоненты дискурса кооперируются, взаимно влияют и в отдельных случаях обусловливают друг друга и при этом проявляют способность к динамике, варьированию, саморегулированию и адаптации [Герман 1999: 102]. Такого рода единицы квалифицируются как функциональные операторы, основной задачей которых выступает способность придать дискурсу специфические функциональные характеристики. Подобные элементы способствуют модификации, а иногда и формированию логико- и прагма-семантического, прагма-стилистического планов дискурса. Необходимо отметить, что речь идет о саморегулировании прагма-семантического пространства дискурса, «которое формируется в результате взаимодействия и кооперативного функционирования всех компонентов системы дискурса» [Храмченко 2013: 39]. В качестве примеров операторов формирования прагма-семантического пространства предлагается рассмотреть идиоматические выражения в англоязычном деловом дискурсе.

Одним из основополагающих принципов делового дискурса является официальность, вежливость, тактичность, уважительное отношение к собеседнику, стремление к взаимовыгодному сотрудничеству. Для достижения прагматической цели деловые партнеры следуют определенным правилам делового этикета, применяя различные языковые приемы (использование языковых единиц и просодических средств воздействия). В то же время исходя из обстоятельств коммуниканты могут и несколько нарушить данные правила и прибегнуть к использованию ярких, неха-

рактрных, нестандартных выражений для достижения коммуникативной стратегической цели.

A: *Mr Ponsonby looks happy today. He `s got a rich new private patient?*

B: *You`ve **hit the nail on the head**. He`s got an oil magnate booked for open-heart surgery at his private clinic. [Cotton 2010: 13].*

A: *Господин Понсонби выглядит веселым сегодня. У него что, появился коммерческий пациент?*

B: *Ты абсолютно прав (Ты попал прямо в точку). Один нефтяной магнат записался в его частную клинику на операцию на открытом сердце.*

Некоторое отклонение от «нормы» или порядка, в частности, использование идиоматического выражения в деловом дискурсе, и дальнейшее формирование общего совокупного синергетического смысла способствует конструированию особенного функционального пространства. Кроме того, согласованность элементов ФЕ и элементов всего высказывания свидетельствуют о сотрудничестве (кооперации) идиоматической подсистемы и системы дискурса. Идиоматическая система выступает как подсистема дискурса, где дискурс выступает внешней средой. С одной стороны, идиома **hit the nail on the head** придает экспрессивность, эмоциональность дискурсу, а с другой, сам дискурс как внешняя среда способствует формированию данного прагматического и семантического оттенка.

Участники делового общения включают в речь те или иные идиоматические единицы (ИЕ) с целью создания общего функционально-смыслового пространства дискурса. ИЕ способствуют более точному выражению намерений говорящего, несут элемент неформальности, а при неформальной беседе происходит сближение коммуникантов, что ведет непосредственно к достижению коммуникативной цели.

A: *What`s wrong? Another row with the Training Officer?*

B: *Yes, he always **rubs people the wrong way**, doesn`t he? [Cotton 2010: 33].*

A: *Что случилось? Опять повздорил с сотрудником отдела кадров?*

B: *Да, он вечно раздражает людей.*

Функциональное пространство не имело бы такого смысла, если бы не данная фразеологическая единица. Речь идет не просто о раздражении людей (сотрудников) в силу какой-либо личной неприязни, а именно подчеркивается факт некорректного обращения с сотрудниками компании **rubs people the wrong way**. Более того, данная идиоматическая (фразеологическая) единица подчеркивает нелинейность идиоматической системы и необходимость совокупного сложения смыслов с учетом внешней

среды, в данном случае коммуникативная ситуация, обусловленная деловым дискурсом.

*Most companies, in fact, start **dipping their toes into foreign waters** long before they reach domestic saturation, to exploit other profitable markets and give themselves experience of working abroad. [Pilbeam 2010: 5]. С целью изучения других прибыльных рынков и получения опыта работы в других странах многие компании появляются на международных рынках задолго до насыщения товарами внутреннего рынка.*

В данном примере явно прослеживается реализация кооперации элементов ФЕ и элементов всего предложения как элементов языковой системы дискурса для достижения коммуникативной цели, а именно стремление акцентировать внимание на том, что речь идет о компаниях, *начинающих* свою деятельность на международных рынках **start dipping their toes into foreign waters**. С другой стороны, ФЕ **dip one's toe into the water** означает «осторожно начинать новое дело», поскольку человек не имеет в этом опыта. И именно внешняя среда (деловой дискурс) способствует разворачиванию, формированию нового смыслового пространства.

Таким образом, идиоматические выражения делового дискурса представляют собой функциональных операторов, способствующих формированию и спецификации прагма-семантического пространства англоязычного дискурса. Идиоматическая (фразеологическая) система представляет собой сложную нелинейную динамическую подсистему языка, открытую для формирования новых смыслов.

Литература

Авдеева О.И. Роль внутренней и внешней синтагматики в формировании значения и смыслов фразеологизмов оксиморонного характера // История языкознания, литературоведения и журналистики как основа современного филологического знания. Вып. 3. Семантика. Грамматика. Стилль. Текст. Ростов: РГУ, 2013. С. 3-8.

Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике: уч. пособие. М.: Высшая школа, 1991. 140 с.

Арутюнова Н.Д. Аномалии и язык (К проблеме языковой картины мира) // Вопросы языкознания. 1987. № 3. С. 3-19.

Буров А.А. Синтаксические аспекты субстантивной номинации в современном русском языке. Пятигорск: ПГЛУ, 1999. 220 с.

Герман И.А. Введение в лингвосинергетику. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. 130 с.

Пономаренко Е.В. Лингвосинергетика бизнес-общения с позиции компетентностного подхода (на материале английского языка): монография. М.: МГИМО-Университет, 2010. 151 с.

Пономаренко Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики: уч. пособие. М.: МГИМО-Университет, 2015. 317 с.

Храмченко Д.С. Дестабилизация функционального пространства английского делового дискурса как эффективный полемический прием // Вестник РУДН. Серия Вопросы образования: языки и специальность. 2013. № 2. С. 38-43.

БЭСЯ – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская энциклопедия, 1999–2000. С. 559.

Pilbeam A. Market Leader. Working across cultures. Pearson Education Limited, 2010. 96 p.

Cotton D. Owen R. New Agenda. Business English Through Case Studies. Evrokniqa Publishing, 2010. 153 p.

T.N. Efimenko (Moscow, Russia)

Moscow City Teacher Training University

BUSINESS IDIOMS AS FUNCTIONAL OPERATORS OF ENGLISH BUSINESS DISCOURSE

This paper is devoted to the issue of functioning of English business discourse idioms in terms of linguasynergetic approach. Business idioms are considered to be functional operators of generating pragmatic and semantic space, while idiomatic system proper tends to be a complex non-linear sub-system of discourse.

Key words: business discourse, idioms, linguasynergetics, functional operators.

*М.А. Климова (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
mfokina@hse.ru*

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ПЕРСОНАЛЬНОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ ПОЛИТИКА

В статье рассматривается использование прецедентных феноменов для построения оппозиции «свои – чужие» в агональном дискурсе блога Алексея Навального. Показано, что в электронном дневнике политика используются как исконные, так и зарубежные прецедентные феномены из разнообразных сфер-источников, причем последние преимущественно используются для концептуализации группы «своих».

Ключевые слова: блоги политиков, прецедентные феномены, сфера-источник прецедентности, «свои – чужие».

Изучение функционирования прецедентных феноменов в политическом пространстве занимает значительное место в междисциплинарных исследованиях на пересечении политической и когнитивной лингвистики [Иванова, Чаньшева 2014; Нахимова 2010; Немирова 2017 и др.]. Ранее нами предпринимались попытки определения роли прецедентных феноменов в блогах политиков [Фокина 2016; Климова 2017].

В фокусе данного исследования находится изучение когнитивной специфики прецедентных феноменов в персональном интернет-дискурсе Алексея Навального. Блог политика ранее не становился предметом нашего рассмотрения, так как после июля 2014 г. отсутствовало его обновление на платформе Livejournal. В настоящее время блог Алексея Навального существует в рамках персонального сайта политика <https://navalny.com/>. Тексты записей блога за 2017–2018 годы были выбраны в качестве материала для исследования ввиду их полемичности, обуславливающей использование прецедентных феноменов, а также высокой популярности (посещаемость, согласно статистике <https://a.pr-cy.ru/navalny.com/>, составляет свыше 17 000 просмотров и 4000 посетителей в день).

Когнитивный потенциал прецедентных феноменов в электронном дневнике Алексея Навального оценивался нами с точки зрения задействования сфер-источников прецедентности.

В своем блоге Алексей Навальный выстраивает оппозицию «свои – чужие», являющуюся базовой для агонального дискурса блогов политиков [см. Фокина 2016]. Разделение на «своих» и «чужих» базируется почти исключительно на политических основаниях, точнее, на причастности или непричастности политических авторов к такому явлению, как коррупция. В круг «своих» автором блога включаются соратники по «Фонду борьбы с коррупцией», а также разделяющие его взгляды политики и избиратели. «Чужие», в свою очередь, представлены лицами, по мнению автора, причастными к коррупционной деятельности или потворствующими ей. В связи с оппозицией «свои – чужие» возникает вопрос о ее соотношении с выбором сфер-источников прецедентности в дискурсе политика. Для концептуализации группы «чужих» прецедентность более востребована, используются следующие сферы-источники прецедентных феноменов.

1. Фразеология. Автором используются фразеологизмы с ярко выраженной пейоративной коннотацией, зачастую в позиции ремы (*Мы с вами снова будем наблюдать любимое шоу: **ужи на сковородке**; Затащить время и потом сделать губернатором единоросса **не мытьем, так катапьем**; Путин паникует и пытается **подсластить пилюлю**; пока Володину уважительно кивают и благодарят – он и будет врать **как сивый мерин**; депутат Слуцкий... **вышел сухим из воды***). Подобное употребление удовлетворяет критериям общеизвестности и однозначности интерпретации, предъявляемым прецедентным феноменам в дискурсе, однако когнитивный потенциал фразеологизмов традиционно не обогащен образностью и отсылочностью.

2. Художественная литература (*тот самый Ампелонский, укравший несколько миллионов рублей, получая зарплату за **«мертвых душ»**, принятых на работу в эту государственную организацию*).

3. Советские (***Ракеты превращаются... превращаются ракеты... во французские шале!***) и зарубежные кинофильмы (*Мистер и Миссис Дно выпустили фильм; Перед самым Новым годом у меня для вас история про злого **Гринча**, который хочет украсть наш с вами интернет. А заодно и свободу слова, свободу собрания, свободу прессы и вообще любую свободу*). Как видно из примеров, прецедентные имена из американских фильмов используются в качестве прозвищ представителей антиреферентной группы автора.

4. Телевизионные программы (*Интерьеры там соответствующие. Вот классный лев, почти как в **Форт Боярде**, в гостиной с камином*).

Мы уверены, что в этого льва можно засунуть руку и из него посыпятся деньги. Иначе откуда 2 миллиарда). В данном примере отсылка к прецедентной ситуации из телевизионной передачи используется в рамках тактики издевки: читателю эксплицитно представлено ложное объяснение происхождения денег с помощью скрипта из известной передачи, истинное объяснение дано имплицитно через умолчание.

5. Библия (*Знаменитая «догма газеты Ведомости» – свод строгих правил и принципов журналистики – как она там в этот момент? Не горела, словно неопалимый куст? Не завывала? Не кричала на всю редакцию о конфликте интересов, о долге журналиста?*). Выбор такого вневременного, универсально-прецедентного источника для концептуализации ситуации в данном случае соотносится со статусом поднятой автором проблемы – речь идет о предательстве изданием ранее непоколебимых морально-нравственных норм.

Отдельно нужно отметить неденотативное употребление фамилий некоторых политиков и медийных фигур, находящихся в группе «чужих»: *А ещё я заметил, что это важная тема для путинско-пригожинской «фабрики троллей»; Очевидно, что для Путина-Кириенко-Ктоамещё-такимзанимается принципиально и символически важно, чтобы на оглашение решения я не попал; И если в музее российской пропаганды на стенах будут развешены портреты Соловьевых и Киселевых, влюбленно смотрящих на президента, то Габрелянову там несомненно будет поставлен целый памятник.* Происходит своеобразное семантическое заражение имени от перманентно сопутствующего ему негативного оценочного фона, в результате чего имя приобретает прецедентный потенциал и употребляется для проекции приобретенных им негативных характеристик на события, явления и других людей. Прецедентный потенциал имени реализуется в деривационных процессах, базой для которых оно является, при этом новообразование приобретает двойную степень отрицательной оценки за счет ингерентной отрицательной заряженности имени и адгерентной негативной оценки, как правило, присутствующей в контексте.

Примечательно, что для концептуализации группы «своих» Алексей Навальный более активно использует прецедентные феномены из зарубежных источников: художественной литературы (*Как мы знаем из одной культовой книги, «42» – это ответ на главный вопрос жизни, Вселенной и всего остального. Свой 42-й день рождения я встречаю под арестом – и вот думаю, как же это истолковать*), мультфильмы (*Чип и Дейл*

спешат на помощь), кинофильмы (*Видите, это почти как в «Интерстелларе»*, но без квантовой физики. Очень рекомендую всем, для кого время тянется слишком медленно). Как видно из примеров, прецедентные феномены зарубежного происхождения формируют общий положительный оценочный иронически-шутливый фон, помогая концептуализировать такие традиционно негативно оцениваемые ситуации, как арест. Подобный оценочный фон поддерживается прозвищем-англицизмом *Патимейкер*, которое Алексей Навальный дает самому себе с отсылкой к русскоязычному тексту одноименной песни: *Смеюсь, глядя на список уличных мероприятий, придумываемых мэриями российских городов, чтобы не дать мне проводить встречи с избирателями... Напоминаю, что раньше из-за наших встреч с избирателями устраивали даже принудительные дискотеки... Ну разве после такого мы не патимейкеры?*

Отдельного внимания заслуживают номинации *Уотергейт* и *Гайд-парк*. Уотергейт – культурно значимая для США прецедентная ситуация, при вторичной репрезентации обозначающая скандал, ведущий к краху карьеры главы государства. В контексте записи блога Алексея Навального данная номинация приобретает положительный оценочный вектор, так как используется в прогностической функции для концептуализации ситуации торжества справедливости: *Такой вот русский Уотергейт. Ну, ничего. Материалы-то этого дела с фамилиями всех участников доживут и до Прекрасной России Будущего. Сроки давности мы отменим и это будет замечательный открытый уголовный процесс. Где сядут все: от этого «судьи» до нападавшего и организаторов. Очень будет хорошо.* При описании митинга, которому пытались помешать, Алексей Навальный использует номинацию *Гайд-парк*: *Отошли на 300 метров, чтобы не было слышно их музыки и провели совершенно отличный митинг в этом же сквере гайд-парке.* Использование названия парка Лондона, где традиционно проводятся митинги, очевидно неденотативно, что подчеркивается написанием со строчной буквы. В дискурсе политика Гайд-парк становится маркером своеобразного идилического хронотопа, номинацией эталонного митинга.

Таким образом, для построения базовой оппозиции «свои – чужие» в дискурсе блога Алексея Навального используются как исконные, так и зарубежные прецедентные феномены, последние преимущественно используются для концептуализации группы «своих». При этом прецедентные феномены инокультурного происхождения погружаются

автором в положительный оценочный контекст, однако стоит упомянуть о возможных проблемах, которые могут возникнуть у реципиента при интерпретации данных ксенотекстов, лишенных культурной значимости и устойчивого набора дифференциальных признаков в когнитивной базе русской лингвокультуры.

Литература

Иванова С.В., Чанышева З.З. Национально-культурные прецеденты в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 39-47.

Климова (Фокина) М.А. Прецедентные феномены как средство реализации стратегии самопрезентации в интолерантном дискурсе блогов политиков // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 96-105.

Нахимова Е.А. Историческая динамика метафорической активности прецедентных имен собственных в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2010. № 4 (34). С. 118-124.

Немирова Н.В. Вторичная репрезентация прецедентного высказывания «Умом Россию не понять» в газетном дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). Ч. 2. С. 125-128.

Фокина М.А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе (на материале блогов политиков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород, 2016.

***M.A. Klimova** (Nizhny Novgorod, Russia)
National Research University «Higher School of Economics»
mfokina@hse.ru*

COGNITIVE POTENTIAL OF PRECEDENT PHENOMENA IN PERSONAL INTERNET-DISOURSE OF A POLITICIAN

The paper deals with the use of precedent phenomena for the purpose of creating the “friend/foe” opposition in the discourse of Aleksey Navalny’s blog. It is revealed that various (Russian and foreign) source spheres of precedence are used in the electronic diary. Foreign precedent phenomena are predominantly used to conceptualise the “friend” circle.

Key words: blogs of politicians, precedent phenomena, the source sphere of precedence, the “friend/foe” opposition.

*Д.А. Кожанов (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
dsf46k@yandex.ru*

ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДИСКУРСОВ КАК КОГНИТИВНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье рассматривается когнитивный аспект взаимодействия дискурсов на примере художественного и научного дискурсов. Делается вывод о необходимости обращения к методологическому аппарату когнитивной лингвистики при анализе экспрессивного потенциала элементов научного дискурса в художественном тексте.

Ключевые слова: интердискурсивность, научный дискурс, художественный дискурс, научный термин, интерпретация.

Заметный интерес к проблеме взаимодействия дискурсов, характерный для когнитивных исследований начала XXI века, связан со сменой научной парадигмы в лингвистике и распространением постмодернистской философии в гуманитарных науках в целом. Новый подход к пониманию процессов категоризации и концептуализации, отказ от понятия объективной истины и интерпретация знания как продукта социально-культурного конструирования стали причиной появления целого ряда новых направлений в когнитивной лингвистике, к которым относятся и интердискурсивные исследования.

Новые подходы к изучению языкового материала потребовали разработки новой терминологии, соответствующей методологическим установкам исследователей-когнитивистов. Терминологический аппарат пополняется целым рядом терминов, в значениях которых находит свое отражение тот или иной аспект сложного понятия «взаимодействие дискурсов». Речь идет о таких единицах, как интердискурсивность, полидискурсивность [Белоглазова 2010], смешение дискурсов [Силантьев 2006], дискурс-донор и дискурс-реципиент [Ревзина 2005] и некоторых других,

значения которых могут быть сформулированы только в общем контексте современной научной парадигмы.

Интегральный характер доминирующей в настоящее время парадигмы предполагает рассмотрение объекта лингвистического анализа как когнитивного и коммуникативного феномена одновременно. Так, дискурсивная деятельность определяется в когнитивно-коммуникативной парадигме как «интеграция систем восприятия действительности и языкового представления результатов работы данных систем», а дискурс как «источник проявления когниции, в котором информация подвергается концептуально-категориальной обработке» [Магировская 2014: 151-152]. В данной интерпретации дискурс предстает уже не столько языковым конструктом, репрезентирующим способ конфигурации знаний, сколько инструментом, создающим новые знания о мире.

Проблема порождения знания в дискурсивной деятельности получила свое освещение в работах многих исследователей дискурса [Dijk 1998; Fairclough 2000], которые рассматривали процесс создания новой информации в координатах триады, представленной адресантом информации, адресатом и текстом. Нам представляется, что эта модель может быть успешно использована лишь в тех случаях, когда коммуникативный акт имеет место в пространстве однородного дискурса. В то же время, особенностью современной коммуникации является неоднородность дискурсивного пространства. Многие тексты являются результатом взаимодействия двух и более дискурсов, что требует разработки новых приемов анализа, выходящих за пределы традиционной триады. Основой для создания новых методик должно послужить, с одной стороны, описание когнитивных и коммуникативных характеристик взаимодействующих дискурсов, а с другой, изучение специфики репрезентации субъекта различных дискурсов как субъекта познания.

Данный подход позволяет по новому взглянуть на процесс интерпретации текста, который традиционно рассматривается как обмен в системе автор-читатель. Однако как читатель, так и автор могут неоднократно принимать разные социальные роли, переключаясь между различными системами знаний или картинками мира. Иными словами, один и тот же участник коммуникации может выступать субъектом двух и более дискурсов.

В нашем исследовании в качестве дискурса-реципиента выступает художественный дискурс, тогда как роль дискурса-донора отводится научному дискурсу. На выбор дискурса-реципиента оказал влияние тот факт,

что одной из характерных черт, присущих современному художественному произведению, является полидискурсивность. Практически в любом художественном тексте можно обнаружить следы внешних по отношению к художественному дискурсов, что позволяет определить современный литературный нарратив как интердискурс или сложную конфигурацию взаимодействующих дискурсов.

Воздействие научного дискурса на художественный дискурс представляет собой сложный и многоплановый когнитивный процесс, предполагающий активную деятельность интерпретатора. Использование в тексте художественного произведения элементов научного дискурса (терминов, околотерминологической лексики, прецедентных имен науки и др.) позволяет автору создать убедительную и непротиворечивую картину описываемого в художественном произведении мира. При этом точность и глубина интерпретации зашифрованных автором смыслов обусловлена как собственно объемом знаний, имеющихся в распоряжении читателя, так и целым рядом прагматических факторов. Как следствие, процессы декодирования читателем семантики единиц научного дискурса в тексте художественного произведения требуют особой методики анализа, сочетающей элементы концептуального анализа и дискурс анализа.

Оказываясь в пространстве художественного дискурса, единицы языка науки начинают функционировать по иным законам, приобретая целый ряд несвойственных им ранее функций. С одной стороны, имеет место иррадиация термина на контекст, сопровождающаяся выдвиганием его функционально-стилистической окраски. С другой стороны, терминологическая лексика подвергается значительным изменениям в плане содержания, приобретая дополнительные коннотативные компоненты значения, выходящие за рамки изначального терминологического значения. Данное приращение значения представляет собой результат взаимодействия концептуальных систем, стоящих за научным и художественным дискурсами, что позволяет рассматривать интердискурсивность как собственно когнитивный феномен.

В приведенном ниже примере имеет место метафорическое использование термина *Mercator projection* для описания внешности персонажа, чье изображение главный герой наблюдает на мониторе.

*Something only vaguely like a human face filled the screens, its features stretched across asymmetrical expanses of bone like some obscene **Mercator projection**. Blue lips parted wetly as the twisted, elongated jaw moved. Some-*

thing, perhaps a hand, a thing like a reddish clump of gnarled roots, fumbled toward the camera, blurred, and vanished [Gibson 2003].

Процесс расшифровки читателем авторских смыслов, закодированных в данном текстовом фрагменте, может быть представлен как приращение первоначального терминологического значения (математически определенный способ отображения поверхности Земли на плоскости, при котором меридианы представляют собой параллельные равноудаленные линии), которое формирует ядро соответствующего научного понятия. Общее направление интерпретации задается, с одной стороны, лексическими единицами с оценочным компонентом в семантике (*obscene, a thing like a reddish clump of gnarled roots, the twisted jaw*), а с другой, языковыми средствами, вербализующими идею искаженности описываемого автором изображения, его несоответствия оригиналу (*only vaguely like a human face, asymmetrical expanses of bone, the elongated jaw*).

Как следствие, в сознании читателя происходит переструктурирование научного понятия, стоящего за термином *Mercator projection*, в результате которого на первый план выдвигаются периферийные содержательные компоненты, связанные с историческим контекстом формирования данного научного понятия. Проекция Меркатора позволяла отобразить курс судна на карте прямой линией, что существенно упрощало практику навигации, однако разница в масштабах на отдельных участках карты делала невозможным отображение на карте некоторых зон и приводила к существенным искажениям площади объектов в районе полюсов.

Таким образом, в сознании читателя, являющегося носителем специальных научных знаний, актуализируются такие содержательные признаки научного понятия, как «неполнота/фрагментарность» и «искажение реального размера/формы», что в полной мере способствует реализации авторского замысла относительно передачи художественного образа.

Анализ вышеприведенного примера иллюстрирует, что элементы научного дискурса, реализуясь на семиотическом уровне художественного дискурса как инородные включения, проецируются на когнитивный уровень художественного дискурса, а следовательно, анализ неоднородного дискурсивного пространства требует комплексного применения концептуального анализа и дискурс-анализа, относящихся к когнитивному и социальному аспектам дискурса соответственно.

Литература

Белоглазова Е.В. Дискурсная гетерогенность литературы для детей: когнитивный и лингвопрагматический аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010.

Магировская О.В. Перспективы когнитивных исследований дискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6. С. 151-154.

Ревзина О.Г. Дискурс и дискурсивные формации // Критика и семиотика. 2005. Вып. 8. С. 66-78.

Силантьев И.В. Газета и роман. Риторика дискурсных смещений. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Gibson W. Neuromancer. New-York: Penguin Putnam Inc., 2003

Dijk T. A Discourse as Structure and Process. London: Sage Publications, 1998.

Fairclough N. Political Discourse in the Media: An Analytical Framework // Approaches to Media Discourse. Oxford: Blackwell Publishers, 2000. P. 142-162.

D.A. Kozhanov (Barnaul, Russia)
Altai state pedagogical university

THE PROBLEM OF DISCOURSE INTERACTION AS A COGNITIVE PHENOMENON

The article considers the cognitive aspect of discourse interaction using scientific and literary discourses as examples. The author makes the conclusion about the necessity to turn to the methodological instruments of cognitive linguistics in the process of analysis of expressive potential of scientific discourse elements in the literary text.

Key words: interaction of discourses, scientific discourse, literary discourse, scientific term, interpretation.

*О.Н. Кондратьева (Кемерово, Россия)
Кемеровский государственный университет
Olnik25@mail.ru*

**ДИНАМИКА МЕДИАОБРАЗА РЕГИОНА:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ
(НА ПРИМЕРЕ МЕДИАОБРАЗА КУЗБАССА)¹**

Статья посвящена когнитивному анализу медиаобраза одного из наиболее значимых регионов России – Кузбасса – за период 2000–2018 гг. В исследовании демонстрируется несовпадение «внешнего» и «внутреннего» медиаобразов региона, акцентируется внимание на их динамичности, изменчивости. Выделяются три периода в истории медиаобраза Кузбасса, устанавливаются концептуальные доминанты, характерные для каждого периода.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, медиалингвистика, медиадискурс, когнитивно-дискурсивное моделирование, медиаобраз региона, Кузбасс.

Изучение образов регионов и разработка методик формирования позитивного имиджа территорий в настоящее время стали актуальными направлениями в имиджологии, журналистике, рекламе и когнитивной лингвистике. Актуальность лингвокогнитивных исследований образов регионов в разных видах дискурса определяется тем, что, во-первых, образы регионов и имиджи регионов в отечественной науке пока достаточно слабо изучены, во-вторых, когнитивные механизмы формирования образов регионов также нуждаются в описании.

Под образом региона мы понимаем «совокупность ярких, характерных ключевых представлений, устойчивое упрощенное обобщение большого числа ассоциаций, связанных с определенной территорией в контексте образа страны» [Федотова 2014: 112]. Формируется образ региона как на основе конкретных личных впечатлений, так и опосредованным способом, на основе рассказов очевидцев, передающихся от поколения к поколению стереотипов, литературных и кинематографических источников,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ и Администрации Кемеровской области, проект № 18-412-420003 «Кузбасс: комплексное когнитивно-дискурсивное исследование образа региона».

информации, содержащейся в интернете, а также на основе материалов масс-медиа. Последний из перечисленных источников формирует особую ипостась образа региона, получившую в современной лингвистике наименование «медиаобраз». Введение в научный оборот нового термина обусловлено той особой ролью, которую выполняют современные СМИ, являющиеся не только распространителями информации, но и активными интерпретаторами.

Медиаобраз региона – это «репрезентированный в медиатекстах фрагмент информационной (медийной) картины мира; относительно устойчивая, непрерывно развивающаяся виртуальная модель» конкретной территории, «конструируемая СМИ, которая как отражает, так и рефреймирует и/или формирует знания и представления адресата», то есть медиаобраз «рождается из посредничества СМИ между объективным бытием и аудиторией» [Малышева 2017: 58].

В данный момент в большинстве российских регионов идет активная работа по исследованию медиаобразов территорий и их составляющих. Для Кузбасса эти задачи до сих пор не решены: попытки исследований в подобном направлении носили спорадический характер, что и определяет необходимость системного исследования медиаобраза региона [Кондратьева 2017].

Таким образом, *задача исследования* – описать медиаобраз Кузбасса, существующий в российских средствах массовой информации. В качестве *источника материала* используется Национальный корпус русского языка (газетный подкорпус), а также информационно-аналитические системы мониторинга и анализа российских СМИ («Интегрум» и «Медialogия») за 2000–2018 гг.

Пилотное исследование позволило сформулировать ряд предварительных выводов, верификация которых на широком текстовом материале является задачей ближайшего будущего.

Во-первых, существуют определенные различия между медиаобразом Кузбасса, представленным в федеральных СМИ («внешний» медиаобраз региона), и медиаобразом, представленным в региональных СМИ («внутренний» медиаобраз региона), поскольку они создаются с разными целями и ориентированы на разную аудиторию. Различия начинаются с количества упоминаний региона в разных типах СМИ (количественный показатель) и уже в полной мере проявляются в объеме информации о регионе, в выборе для описания конкретных событий в области,

освещении ее специфических черт, а также в наличии устойчивых ассоциаций и оценок (качественный показатель).

«Внешний» медиаобраз Кемеровской области не отличается развернутостью, он в значительной степени является стереотипным, представляющим Кузбасс как крупный промышленный регион, край шахтеров и металлургов. «Внутренний» медиаобраз региона является, что вполне логично, более развернутым, включает характеристики из всех сфер жизни общества.

Во-вторых, медиаобраз Кузбасса отличается динамичностью, чему в значительной степени способствовали последние события в регионе. На данный момент можно говорить о трех периодах в истории медиаобраза Кузбасса в XXI в.

До марта 2018 г. медиаобраз региона формировался на основе концептуальных доминант «Кузбасс – крупный промышленный регион», «Кузбасс – регион с проблемной экологией», «Кузбасс – регион с губернатором-политическим долгожителем», «Кузбасс – регион с развитой системой социальной поддержки»: *Чиновники и бизнесмены обсуждали проблемы развития энергетического комплекса в угольной столице России – на Кузбассе* (Известия. 27.08. 2013); *Нам надо обсудить ситуацию в угольной промышленности, а Кузбасс является ее флагманом* (Комсомольская правда. 26.08. 2013); *Мы заложники наших минеральных богатств. Неблагоприятная экологическая обстановка в Кузбассе по сравнению с другими регионами должна компенсироваться за счёт природной ренты, но её нет. Поэтому легче дышать и дольше жить можно в регионах, где нет угля и развитой металлургии. Но мы-то живём здесь и должны бы наконец экологически обустроить наш дом* (Аргументы и факты в Кузбассе. 20.11.2015); *Глава Кемеровской области Аман Тулеев управляет Кузбассом уже 20 лет – дольше, чем у власти находится Владимир Путин. В своем регионе губернатор установил свои правила* (Медуза. 24.07.2017); *«Кузбасский социализм». Откуда деньги на социальные программы?* (Аргументы и факты в Кузбассе. 27.11.2015).

Произошедший в марте 2018 г. в ТРЦ «Зимняя вишня» пожар, унесший жизни детей и взрослых, не только радикально изменил жизнь жителей Кузбасса, но и вполне закономерно привел к резкому ухудшению медиаобраза региона (прежде всего «внешнего»). Концептуальной доминантой в СМИ становится модель «Кузбасс – место страшной трагедии», именно она стала наиболее распространенной в России и за ее

пределами: *Пожар в торговом центре «Зимняя вишня» разделил жизнь Кемерово на «до» и «после». На месте трагедии остался лишь огромный пустырь, где вскоре появится Сквер памяти* (Взгляд. Деловая газета. 23.09.2018); *До трагедии в Кемерове у словосочетания «зимняя вишня» была одна основная ассоциация – одноименный фильм. Теперь же, когда мы услышим или увидим эти два слова, перед нами возникнут не герои любимой мелодрамы, а черный дым, горящее здание и опустошенные горем глаза родителей, чьи дети погибли...* Таких названий, которые ассоциируются с трагедиями, в России становится все больше и больше. Горе забирает не только жизни людей – оно забирает жизни привычных нам слов, превращая фильмы, спектакли и города в синонимы страшных катастроф, которые так и остаются безнаказанными (Сноб. 30.03.2018). *Полгода самой страшной трагедии Кузбасса. Кто отвечает за гибель людей?* (Аргументы и факты в Кузбассе. 25.09.2018].

Произошедшие после трагедии в «Зимней вишне» изменения в социально-политической жизни региона, назначение врио губернатора С. Цивилева, поставившего задачу сформировать новую команду и разработать стратегию развития Кузбасса-2035, также привлекли активное внимание не только региональных, но и федеральных СМИ и вызвали очередное изменение медиобраза региона. В этот период концептуальными доминантами в СМИ становятся модели «Кузбасс – регион № 1 за Уралом», «Кузбасс – регион будущего», «Кузбасс – регион инноваций», «Кузбасс – регион, в котором хочется жить», «Кузбасс – культурный центр Сибири», «Кузбасс – центр горнолыжного туризма»: *Её (стратегии. – О.К.) цель – сделать Кузбасс регионом № 1 за Уралом не только по темпу роста экономики, но и по качеству жизни* (Кузбасс2035.рф); *У Кузбасса есть все предпосылки к тому, чтобы стать по своему развитию регионом номер один в России к востоку от Урала* (Кузбасс. 22.05.2018); *Будет совершен прорыв по всем направлениям, который позволит затем выйти на устойчивое динамичное развитие* (Кузбасс. 22.05.2018); *Мы устроим в Кузбассе такую жизнь, что люди будут не уезжать из родных мест, наоборот, со всей страны будут стремиться сюда* (Кузбасс. 22.05.2018); *Он сообщил, что власти региона выступили с инициативой создания культурного кластера, который объединит все учреждения области* (Газета А42.ru. 22.06.2018); *Сфера туризма будет развиваться по всему региону. Важно подчеркнуть индивидуальность каждой территории. Свое развитие получают такие виды туризма, как промышленный*

с центром в Новокузнецке, аграрный, гастрономический и др. Но именно Шерегеш является бриллиантом туристического кластера Кузбасса (АКО. 19.10.2018). Перечисленные доминанты, безусловно, не являются отражением реальной ситуации в регионе в данный момент, но представляют собой ориентиры, к которым стремится руководство области, что и отражается в масс-медиа (прежде всего – региональных).

Таким образом, медиаобраз Кузбасса, представленный в российском медиадискурсе XXI в., неоднороден, динамичен и требует комплексного исследования с привлечением материала как региональных, так и федеральных средств массовой информации. Полученные в процессе подобного исследования результаты будут значимы для территориального брендинга и регионального имиджбилдинга.

Литература

Кондратьева О.Н. Кузбасс – комплексное когнитивно-дискурсивное исследование образа региона // Российский фонд фундаментальных исследований. URL: http://www.rfbr.ru/rffi/ru/regional_announcement/o_2053490.

Мальшева Е.Г., Гриднев Н.А. Реконструкция медиаобраза Омска (на материале текстов регионального телевизионного массово-информационного дискурса и данных ресурса «Медиалогия») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 4 (17). С. 57-61.

Федотова А.В. Формирование образа Мурманской области в полиграфической рекламе региона // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2014. № 2 (31). С. 112-116.

*O.N. Kondratyeva (Kemerovo, Russia)
Kemerovo State University*

DYNAMICS OF A MEDIAIMAGE OF REGION: TO A STATEMENT OF THE PROBLEM (ON AN EXAMPLE OF A MEDIAIMAGE OF KUZBASS)

The article is devoted to the cognitive analysis of the media image of one of the most meaningful regions of Russia – Kuzbass – for the period 2000–2018

In research is shown discrepancy of «external» and «internal» mediaimages of region, the to a focus to their dynamism, variability is brought. It is allocated three periods in history of the Kuzbass mediaimage, conceptual dominants, characteristic for each period are established.

Key words: cognitive linguistics, mediallynguistics, media discourse, cognitive-discursive modeling, media image of the region, Kuzbass.

*А.С. Королькова (Киров, Россия)
Вятский государственный университет
anna.sergeevna.korolkova@mail.ru*

МЕНТАЛЬНЫЕ СДВИГИ В КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В БЛОГОСФЕРЕ (НА МАТЕРИАЛЕ КРЕАТЕМ)

Статья посвящена выявлению динамики концептуализации здорового образа жизни в блогосфере. Раскрывается специфика блог-дискурса как способа интернет-коммуникации. Рассматривается понятие языковой концептуализации. Проводится когнитивно-дискурсивный анализ креатем. Выделяются когнитивно-семантические сферы разворачивания оценки здорового образа жизни в блог-дискурсе.

Ключевые слова: блог-дискурс, языковая концептуализация, креатема, когнитивно-дискурсивный анализ.

Разнообразие форм сетевой коммуникации, следовательно, и зафиксированных в текстовой форме языковых явлений, а также интерактивность, диалоговость, ориентированность текста на потребителя, доступность, измеримость информации, взаимосвязанность текстов с огромным количеством гиперссылок [Калмыков и др. 2005] предоставляют неисчерпаемые возможности для изучения языка. Являясь разновидностью интернет-коммуникации, блогосфера представляет собой специфический вид дискурса. По определению Н.Д. Арутюновой, дискурс – это «речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [Арутюнова 1990: 136]. В данной статье пространством для когнитивного исследования стал язык веб-блогов

на популярной платформе «LiveJournal», именуемой в Рунете «Живой Журнал» или «ЖЖ». Как и другие блоги, его можно определить как способ интернет-коммуникации, представляющий собой сетевой дневник в виде особым образом организованной страницы («поста»), где публикуется важная для создателя блога разного рода информация, которой он хочет «поделиться» с другими медиапользователями. Именно поэтому блог-дискурс, или блогосфера, представляется нам наиболее интересным полем, позволяющим получить богатый языковой материал для выявления специфики концептуализации здорового образа жизни как одного из «культурно-обусловленных компонентов образов мира» носителя языка [Красных 2016: 314].

Языковая концептуализация, упорядочивая лингвистический и экстралингвистический опыт носителя языка, определяется как «процесс использования ментальных структур и средств языка для структурирования информации, поступающей через вербальный и невербальный каналы» [Шейна 2011: 13]. Для формирования концепта как целостной единицы и ментальной структуры необходимо, чтобы все существенные признаки объединились, получая способность отражать коллективный опыт. Иными словами, концептуализация – это процесс формирования устойчивого представления о фрагменте действительности в сознании носителя языка.

Несмотря на то что концепт является относительно устойчивой структурой, он содержит потенциальную возможность изменяться. Причинами трансформации в концептуализации явления могут стать факторы внеязыковой действительности, что приводит к появлению новых значений, оценок и отношений. Материалом для выявления ментальных сдвигов в концептуализации понятия «здоровый образ жизни» могут служить креатемы, которые представляют собой языковую игру с включёнными в неё эмоциями адресантов и позволяют проследить оттенки позитивных и негативных интенций и мотиваций коммуникантов [Шаховский 2014: 164-165].

В понятийном ядре названного концепта, по данным дефиниций специальной литературы (словарей, энциклопедий, справочников), выделяются следующие признаки:

1. «Отношение к здоровью» (меры по его сохранению и улучшению).
2. «Физическое состояние» (выполнение физических нагрузок, ежедневных действий, отказ от вредных привычек для поддержания здорового физического состояния).

3. «Нравственно-ценностные ориентиры» (индивидуальные представления о нравственности и ценностях).
4. «З.О.Ж. как социальное явление» (меры по пропаганде для поддержания здорового образа жизни населения).

С целью получения данных о современных тенденциях в концептуализации здорового образа жизни в блог-дискурсе методом сплошной выборки были проанализированы 128 контекстов сайта «LiveJournal», в которых авторы выражают свое мнение о здоровом образе жизни и тех, кто его придерживается и пропагандирует. Полученные факты (креатемы) были подвергнуты когнитивно-дискурсивному анализу. Обнаружилось, что ключевым – аксиологически значимым – ментальным «переворотом» в блог-текстах «ЖЖ» становится трансляция смысла «ЗОЖ как деструктивная/вредная модель поведения», концептуальные признаки которой реализуются в негативной оценочной плоскости. Когнитивно-семантическими сферами развертывания оценки в дискурсе становятся следующие две сферы (порядок перечисления определен убыванием частотности обращения к ним блогерами).

К первой сфере относится **характер модели поведения**, а именно крайность, доведённая до предела категоричность в следовании здоровому образу жизни. Ярче всего оценка этого признака (как правило, неодобрительная) репрезентируется в ряде вторичных номинаций, среди которых:

– эпитеты. Почти все определения из блог-контекстов о здоровом образе жизни являются общезыковыми, имеют стилистически сниженную и эмоционально-экспрессивную окраску: **отпетые, упоротые, отчаянные** (зожники), **фанатичный, ярый, яростный** (зожник), **гордый зожник с пустой тарелкой** и др.;

– гиперболы, подчеркивающие необходимость следования строгим правилам: **ЗОЖники при одном упоминании пирожков впадают в глубокую кому / ЗОЖники должны обегать полки с чипсами за километр / И вот уже толпы самых отъявленных и старательных зожников-отличников отмеряют мензуркой литры и давятся этой водой, стараясь выполнить норму;**

– перифразы, отражающие ироничную оценку строгого набора действий и ритуалов, которые связаны с ведением здорового образа жизни: **ЗОЖ – это не сложно выверенные танцы с бубнами, а набор весьма свободных рекомендаций ученых;**

– аллюзии, например, языковая игра с библейским эпизодом, которая раскрывается в соединении плоскости здорового образа жизни с ситуацией из знакомого текста о Страшном Суде, в результате чего фраза наполняется большей воздействующей убеждающей силой: **Даже эпизод со Страшным Судом – выживут только худые – это ли не лозунг всех современных фитоняшек и ЗОЖников?**

– смысловые аналогии, которые из-за отдалённого сходства, т.е. «низкой степени ассоциативной предсказуемости» [Колесникова, Козлова 2013: 77], наиболее ярко отражают сущностные черты объекта. Так, в блог-контекстах, посвящённых здоровому образу жизни и всевозможным его проявлениям, явно прослеживается присутствие такого нового компонента, как состояние «зацикленности», когда взгляды и действия человека, ведущего здоровый образ жизни (чаще всего встречается наименование *ЗОЖник*), приобретают характер «крайности», что вызывает осуждение, например: **Знаете, что гораздо хуже, чем одышка, лишний вес и «спасательный круг» на талии? Хуже этого только маниакальная упорность, помешанность на фитнесе и ЗОЖе;**

– развернутая метафора. Данный приём является способом метафорической концептуализации и может свидетельствовать о трансформации в оценке явления. В следующем примере репрезентируется не только тотальная погруженность в здоровый образ жизни, но и невозможность нарушить запреты: **Волна увлечения ЗОЖ вызывает волну чувства вины, которая оказывается сильнее волны вечернего голода. Все эти волны прибивают дряблое тело на остров типичных знаний о ЗОЖ: «не ешь майонез» и «умри, но пей 3 литра воды в день»;**

– квазичитация, то есть воспроизведение всего прецедентного текста или его части в изменённом виде. Отмечена в контексте оценки отношения к неотъемлемому атрибуту здорового образа жизни – физическим нагрузкам: **Дела есть дела – а тренировки по расписанию.**

Ко второй когнитивно-семантической сфере негативной оценки был отнесен **агрессивный характер распространения здорового образа жизни как эталонного поведения.** В рамках этой сферы креативными, репрезентирующими чаще всего нетерпимое отношение к «пропагандистам» ЗОЖ, выступают гиперболы (**заходятся в исступленном экстазе / с пеной у рта доказывают**); авторские неологизмы (*похудальщики, ЗОЖер, ЗОЖничать, ЗОЖевец, фэтшейминг, фэтфобия*); сравнения, псевдочитирования, авторские градации и др.

Итак, когнитивно-дискурсивный анализ блогосферы «ЖЖ» позволил выявить динамику концептуализации здорового образа жизни как фрагмента картины мира современной молодежи. Изменения в ментальной плоскости заключаются в появлении оценочного компонента критического характера, вербализации неодобрения, насмешки, унижения, иногда – издевательства над фанатично преданными идее здорового образа жизни его приверженцами. Выявленные креативные факты служат негативными оценочными маркерами, с помощью которых с целью воздействия на сознание участников дискурса разрушается стереотип диктуемой модели поведения и репрезентируется отказ от него.

Литература

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136-137.

Калмыков А.А., Коханова Л.А. Интернет-журналистика. М.: «Юнити», 2005.

Колесникова О.И., Козлова Е.А. Прагмаэстетическая стратегия убеждения в деловой прессе: монография. Саарбрюккен, 2013.

Красных В.В. Проблемы изучения и описания русского языка с точки зрения психолингвокультурологии // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 310-315.

Шаховский В.И. Креатемы как индикатор бесконечных потенциалов языкового развития // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 162-171.

Шеина И.М. Единицы и способы языковой концептуализации в деловом письме: монография. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина, 2011.

A.S. Korolkova (Kirov, Russia)
Vyatka State University

MENTAL SHIFTS IN THE CONCEPTUALIZATION OF A HEALTHY LIFESTYLE IN THE BLOGOSPHERE (BY THE MATERIAL OF CREATEMS)

The article is devoted to identifying the dynamics of conceptualization of a healthy lifestyle in the blogosphere. The peculiarity of blog discourse as a way

of Internet communication is revealed. The concept of language conceptualization is considered. A cognitive-discursive analysis of createms is performed. Allocated cognitive-semantic spheres deployment assessment healthy lifestyle in blog-discourse.

Key words: blog-discourse, linguistic conceptualization, createm (a created unit), cognitive-discursive analysis.

*Н.Н. Кошкарлова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
studiumjuvenis@mail.ru*

РАСШИРЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

Статья посвящена анализу семантической деривации на примере словосочетания «западные (зарубежные, американские) партнеры». Появление новых значений отражает в новых геополитических условиях и обстоятельствах концептуальные и аксиологические предпочтения носителей языка.

Ключевые слова: семантическая деривация, западные партнеры, американские партнеры, масс-медийный дискурс, политический дискурс.

В своих предыдущих работах [Кошкарлова 2013, 2015, 2016] мы уже обращались к вопросу о способах обогащения словарного состава русского языка. Так, наиболее продуктивными средствами образования политических терминов современной российской действительности с точки зрения лингвокреативной деятельности признаются: окказиональная деривация, окказиональное словосложение, модификация прецедентных имен, метафоризация. Как видно из приведенного списка, он несколько расширяет и дополняет традиционную классификацию путей обогащения словарного состава языка, в которую принято включать морфологический способ, семантический способ и заимствование (калькирование).

Целью настоящей работы является анализ семантической деривации на примере словосочетания «западные (зарубежные, американские) партнеры», когда коннотативное значение выступает способом расширения информации и в «семантике слов находят отражение изменения в обще-

ственной жизни и общественной практике», а «слова приспосабливаются к новым потребностям коммуникации» [Никитина 2010: 191]. Анализируемое словосочетание является ярким примером того, когда слово в его связанном значении подвергается жанровым и модусным изменениям, отражая в новых геополитических условиях и обстоятельствах концептуальные и аксиологические предпочтения носителей языка. Переосмысление значения словосочетания основано на изменении стилистических характеристик ключевого слова *партнер(ы)*, которое в масс-медийном дискурсе актуализирует отличные от словарной дефиниции значения.

Так, в словаре С.И. Ожегова находим следующее определение слова *партнер*: 1) участник какой-нибудь **совместной** (выделено нами. – Н.К.) деятельности; 2) страна-участник какого-нибудь союза, блока, соглашения [Ожегов 1984: 436]. Как видно из приведенного толкования, партнерство предполагает двустороннюю деятельность, получение обоюдной выгоды, извлечение пользы из совместного дела обеими сторонами. Находим примеры реализации такого значения в Национальном корпусе русского языка: *По мнению Потоцкого, российская специфика ITSM-проектов состоит в том, что наши заказчики (и это отмечают даже **западные партнеры IT Expert**) отличаются более творческим подходом* [Наталья Дубова. Вокруг ITSM // «Computerworld». 2004]. <...> *«Российские инвесторы могут разделить риски с **западными партнерами**, а западные партнеры могут не только разделить риски с российскими, но и получить знания и опыт работы на российском рынке», – соглашается Андрей Клепач* [Брэнд от дяди Сэма // «Промышленное обозрение». 23.09.2003]. <...> *Почему **западные партнеры** «Межрегионгаза» борются между собой за потребителя, а вам приходится бороться с потребителями-должниками?* [Михаил Букатов. ГАЗ просится на вольный рынок // «Весть» (Калуга). 17.10.2002].

Указанные примеры относятся к периоду с 2000 по 2004 гг., однако в последние 10-15 лет наблюдаем активное использование слова *партнеры* в противоположном словарном значении, когда оно обозначает односторонние действия и употребляется в ироническом смысле: *Опасения президента нельзя считать откровением или элементом внутренней пропаганды хотя бы потому, что своих намерений наши **западные партнеры** давно не скрывают* [Коротко // «Эксперт». 2015]. Ирония в данном случае является не только средством расширения значения слова, но и инструментом повышения эмоциональности текста за счет несовпадения словарного

и контекстуального значений слова. При этом ирония функционирует как эффективное средство воздействия на адресата и достижения запланированного перлокутивного эффекта.

Так как семантический и формальный статус выражения «западные партнеры» в расширенном семантическом и прагматическом аспектах еще не имеет нормативного характера, то узуальным является и написание словосочетания (иногда оно употребляется в кавычках): *Но ничего другого наши «западные партнеры», по мнению многих в России, и не заслужили. Об этом сообщает Рамблер* [«Дело Скрипалей»: почему никто не поверит России. <http://news.rambler.ru/politics>]. В данном случае кавычки выполняют модальную функцию, а их ироническое употребление передает ложно положительное, а скорее отрицательное отношение адресанта к предмету обсуждения. Кавычки в политическом дискурсе как особом типе институционального общения придают искомому слову противоположное значение.

Разновидностью, а скорее гипо-гиперонимическим вариантом выражения «западные партнеры» является словосочетание «американские партнеры», которое может употребляться в кавычках: *Алюминий, Дерипаска и «американские партнеры»* [<http://www.gr-sozidatel>]. В данном случае выражение употреблено в заголовке, спектр использования речевых средств в котором значительно расширяется. Несмотря на перечисление и констатацию фактов, этот заголовок выполняет не только номинативную, но и воздействующую или даже интерпретативную функцию, так как, по справедливому замечанию Ю.Н. Грицкевич, «в политическом дискурсе заголовки не просто аккумулируют основной смысл публикации, а за счет содержащихся в заголовке имплицитных смыслов, передающихся языковыми средствами, активизируют фоновые и прагматические знания, ментальные образы и представления адресата» [Грицкевич 2015: 158].

Номинация «американские партнеры» (употребляющаяся в кавычках или без) в современном масс-медийном дискурсе является средством экспликации концептуальной оппозиции политического дискурса «свой-чужие». Как уже было указано выше, анализируемая экспрессивно-оценочная номинация реализует не только денотативное, но и коннотативное, субъективно-оценочное, эстетическое значения, что в межкультурном политическом пространстве детерминировано экстралингвистическими, контекстуальными и интертекстуальными связями, аксиологическими установками и приоритетами, идеологической позицией акторов политической коммуникации.

Рассмотрим конкретные примеры, когда словосочетание «американские партнеры» является средством репрезентации социокультурной и политической идентичности: *Только крайне наивные люди могут думать, что грузинскими дипломатами и их американскими партнерами двигала забота о беженцах* [Спасение доллара – война. <https://kartaslov.ru>]. В указанном примере американские партнеры наряду с грузинскими дипломатами причисляются к антагонистическому образованию «чужие», а их деятельность, по мнению автора статьи, направлена на дестабилизацию дипломатической и военной обстановки в мире.

Во время пленарного заседания второго Международного форума по энергоэффективности и развитию энергетики «Российская энергетическая неделя», состоявшегося 3 октября 2018 г., В.В. Путин заявил: *Наши американские партнеры допускают колоссальную стратегическую ошибку – подрывают доверие к доллару как к универсальной, по сути единственной на сегодняшний день резервной валюте, подрывают веру в нее как в универсальный инструмент. Реально пилят сук, на котором сидят* [Международный форум «Российская энергетическая неделя». <http://kremlin.ru/events/president/news/58701>]. В данном примере анализируемая номинация используется для реализации тактики критики действий оппонентов, а ее прагматический потенциал усиливается за счет использования паремий, которые в политическом дискурсе выполняют роль эмоционального воздействия на адресата, они «взывают к элементарным представлениям, чувствам, желаниям людей, из которых вырастают более сложные мировоззрения, отношения (социальные установки) и планы» [Константинова 2010: 7].

Примечательным является тот факт, что выражение «стратегические партнеры» не приобрело дополнительных смыслов и употребляется для описания партнеров, с кем государство планирует выстраивать стратегию долгосрочного сотрудничества: *Мы действительно стратегические партнеры во многих аспектах, между нами взаимная зависимость, мы работаем на взаимовыгодной основе, продолжаем ее углублять* [Россия и Европейский Союз в 2011–2014 гг. <https://kartaslov.ru>]. Однако справедливости ради необходимо отметить, что в определенные периоды внешнеполитической обстановки выражение «стратегические партнеры» модифицируется в современном масс-медийном дискурсе: *Большая часть стратегических партнеров России не изменила своего отношения к России, за исключением обезумевшей Турции – уже бывшего стратегического*

партнера и ряда стран Евросоюза [Стратегические партнеры России. <https://moiarussia.ru/strategicheskie-partnery-rossii/>].

Таким образом, лапидарный анализ семантической деривации на примере выражения «западные (зарубежные, американские) партнеры» доказывает, что политические процессы, происходящие в мире, являются одним из источников расширения значения слов. Происходит определенная переоценка ценностей, что отражается в значении слов, обозначающих те или иные явления общественно-политической жизни страны и государства. Концептуальные различия между словарным значением слова и его контекстуальной (дискурсивной) реализацией возможно трактовать как частный случай энантиосемии.

Литература

Грицкевич Ю.Н. Влияние заголовка на построение и реализацию политического дискурса в масс-медийном пространстве // Вестник Псковского государственного университета. 2015. № 1. С. 154-161.

Константинова А.А. Современный американский политический дискурс: паремии в риторике Барака Обамы // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. № 331. С. 7-13.

Кошкарлова Н.Н. Новые слова российской политической действительности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 73. № 1 (292). С. 83-86.

Кошкарлова Н.Н. Неологизмы русского языка с точки зрения лингвокреативной деятельности // Когнитивные исследования языка. 2015. № 20. С. 825-829.

Кошкарлова Н.Н. Новообразования русского языка как когнитивно-дискурсивный феномен // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2016. Т. 13. № 4. С. 40-45.

Национальный корпус русского языка. <http://ruscorpora.ru/>.

Никитина О.А. Особенности неосемантизма в современной немецкой газетно-публицистической лексике // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2010. № 1. С. 187-192.

Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984.

N.N. Koshkarova (Chelyabinsk, Russia)

EXTENSION OF WORD'S MEANING AS REFLECTION OF GEOPOLITICAL SITUATION

The paper is devoted to the analysis of the semantic derivation as exemplified by the word-combination “western (foreign, American) partners”. The acquiring by words new meanings in new geopolitical factors and circumstances reflects conceptual and axiological preferences of the language speakers.

Key words: semantic derivation, western partners, American partners, mass-media discourse, political discourse.

A.B. Кремнева (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный технический
университет им. И.И. Ползунова
annakremneva@mail.ru*

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БИБЛЕЙСКОГО МИФА В ТВОРЧЕСТВЕ АНДЖЕЛЫ КАРТЕР (КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Характерным свойством литературы постмодернизма является ремифологизация, то есть возвращение к мифу и его новое прочтение в новом культурно-историческом контексте. Как показано в статье на материале романа А. Картер «Герои и злодеи», специфика функционирования мифа в ее творчестве состоит в том, что одновременно с ремифологизацией происходит процесс демифологизации, то есть в критическом анализе тех мифов, которые доминируют в современном обществе.

Ключевые слова: библейский миф, ремифологизация, демифологизация, архетип, когнитивный контекст.

Миф представляет собой сложный и многоликий феномен, который имеет множество толкований в зависимости от того, в какой области гуманитарного знания он исследуется и какой из его аспектов находится в фокусе внимания исследователя. В семиотике миф рассматривается как

вторичная семиотическая система, которая «как бы возвышается на ступеньку над формальной системой первичных значений языка» [Барт 1996: 239]. Многосмысленность, вневременность или всевременность, присущая мифу, не дает ему устаревать, а, напротив, позволяет ему возрождаться в новых культурно-исторических условиях, обретая новые смыслы, и тем самым сохранять статус наиболее влиятельного прецедентного текста. Как отмечал Т.С. Элиот, «использование мифа, проведение постоянной параллели между современностью и древностью... есть способ контролировать, упорядочивать, придавать форму и значение тому громадному зрелищу тщеты и разброда, которое представляет собой современная история» [Элиот 1971: 163]. Эта способность мифа позволяет рассматривать его как архетип сознания, который может становиться важным компонентом концептуальной системы писателя. Концептуальная система писателя представляет собой тот когнитивный контекст, в рамках которого миф получает множественность интерпретаций.

Характерной чертой литературы постмодернизма является ремифологизация, суть которой состоит в возвращении к мифу и его новому прочтению в контексте философии и эстетики постмодернизма [Олизько 2018]. Вместе с тем следует признать, что данное направление, как и любое литературное направление, не является гомогенным. В задачи статьи входит выявление специфики функционирования библейского мифа в творчестве одного из наиболее ярких представителей постмодернизма – британской писательницы Анджелы Картер.

Многие критики отмечают разноплановость, гибридность творчества этого автора. Романы А. Картер отличаются высокой степенью прецедентной плотности, при этом сфера прецедентных источников, которые она использует, необычайно широка и включает Библию и Шекспира, сказки и книги по кулинарному искусству, древние мифы и викторианский роман. Формально следуя технике постмодернизма, А. Картер утверждала, что ее задачей является исследование тех социальных фикций и вымыслов, которые регулируют нашу жизнь (*“the social fictions that regulate our lives”*) [Carter 1983: 69], тем самым противопоставляя собственное творчество постмодернистским «текстам о текстах», выполняющим преимущественно метатекстуальную функцию. Как отмечают многие исследователи ее творчества, А. Картер рассматривает литературу как интертекстуальную систему, которая использует уже существующие материалы для того, чтобы придать им новый и социально значимый смысл, полагая, что интел-

лектуальное развитие во многом зависит от нового прочтения старых текстов, и метафорически описывая этот процесс как наливание молодого вина в старые бутылки, особенно если под давлением молодого вина старые бутылки взрываются [Seago 1999: 77]. Определяя миф как повествование о мистических событиях и людях, а также (в бартовской трактовке) как образы и идеи, которые были приняты на веру без какого-либо анализа их сути, она видит свою задачу, прежде всего, в критическом анализе тех мифов, которые доминируют в современном обществе.

Этот подход отчетливо прослеживается в ее романе *“Heroes and Villains”*, в котором описываются события постапокалиптической эпохи, а прообразами главных героев служат библейские персонажи. Главный персонаж романа – Марианна, дочь клана Профессоров, общество которых сформировалась на основе элиты, выжившей в результате апокалипсиса. Представители этого клана живут в высоких башнях, и их защищают от набегов Солдаты. Те члены сообщества, которые не имели возможности спастись от ядерного взрыва, породили племена Мутантов и Варваров. Варвары совершают набеги на территорию Профессоров, грабят и убивают их. Во время одного из таких набегов погибают брат и отец Марианны. Она оказывает помощь в побеге одному из варваров, Джоулу, и становится членом племени Варваров, а также женой Джоула, который оказывается убийцей ее брата. После смерти Джоула и Доналли, духовного лидера Варваров, Марианне суждено стать предводителем племени.

Сквозной аллюзией, проходящей через весь роман и формирующей его доминантный смысл, является библейский миф о грехопадении. Это находит репрезентацию в разнообразных отсылках к библейскому тексту, включающих вербальные маркеры, образы и ассоциативные связи. Образы главных героев романа характеризуются синкретизмом, отсылая одновременно и к библейским образам, и к персонажам романа. Так, автор сравнивает Марианну не только с Евой, но и с Лилит, первой женой Адама, которая, согласно библейскому мифу, утверждала свое равенство с Адамом на том основании, что они оба сделаны из глины. Подобно Лилит, Марианна пытается отстаивать свои права.

‘Pretend you’re Eve at the end of the world’.

‘Lilith’, said Donally, pedantically. ‘Call her Lilith.’ В этой аллюзии читателю нетрудно заметить влияние идей феминизма: современной Лилит-Марианне удалось осуществить мечту своего библейского прообраза.

Согласно замыслу Доналли, Джоулу (Адам) и Марианне (Ева/Лилит) предстоит пройти все испытания от поселения в раю до грехопадения и искупления первородного греха. Однако Джоул оказывается слишком слабым для того, чтобы выполнить роль Адама и стать прародителем нового рода человеческого, или роль Иисуса, чтобы искупить первородный грех и грех братоубийства. Таким образом, автор дегероизирует библейский образ, что и позволяет нам говорить о демифологизации, свойственной творчеству Картер.

Библейский миф проникает в глубинный слой романа, что находит свою репрезентацию в использовании библейских образов и библейских слов, служащих эксплицитными маркерами интертекстуальности. Обратимся к примеру из текста романа:

'How much did it hurt... how much did it hurt when he tattoed you?'

'Nothing hurt me so much before or since. Why do you have such a morbid interest?'

'It is like the mark of Cain.'

Обращаясь к библейскому образу, автор помещает его в новый культурно-исторический контекст, заставляя читателя по-новому переосмыслить суть мифа: метка Каина присутствует во многих из нас. Каин присутствует не только в Джоуле, который жестоко избивает одного из своих братьев, но и в самой Марианне, которая завидовала брату, поскольку ей казалось, что мать любила его больше, чем ее, а также в духовном лидере племени Варваров Доналли, который не может простить Джоулу свое изгнание из племени. Другое философское обобщение, которое делает автор, а вместе с ней и читатель, – добро и зло всегда сосуществуют рядом, и одно не может существовать и быть понято без другого. Эта идея находит свое компрессированное выражение в заглавии романа, смысл которого становится понятным только после прочтения и осмысления романа.

Одним из рекуррентных библейских образов, многократно повторяющихся в тексте, является образ змия, что неизбежно вызывает у читателя ассоциации с мифом о грехопадении: *She did not look where she was going and trod on an adder basking on the warm stone; the adder stung her calf and slid into the bracken as quick as variegated lightning. She felt a burning pain around the wound.* При этом данный образ обыгрывается автором в ироническом ключе – в конце романа выясняется, что гадюка, которую Доналли держит в особой клетке и которой поклоняется все племя, это всего лишь игрушка. Иронический смысл прослеживается и при обращении автора к образу

Эдема. Ирония состоит в том, что аллюзия на Эдем используется автором при описании места обитания племени Варваров (*Before her she saw a beautiful valley of lush pasturage around a wide river hemmed with flowering reed*), что создает определенный когнитивный диссонанс в сознании читателя. Эдемский сад, место обитания Джоула и Марианны, предстает в виде полуразрушенного замка, захваченного окружающей его растительностью: *This house was a gigantic memory of rotten stone, a compilation of innumerable forgotten styles now given some green unity by the devouring web of creeper, fur of moss and fungoid growth of rot. ...The forest perched upon the tumbled rooves in the shapes of yellow and purple weeds rooted in the gapped tiles, besides a few small trees and bushes. The windows gaped or sprouted internal foliage, as if the forest were as well already camped inside, there gathering strength for a green eruption which would one day burst the walls sky high back to nature.* Как видно из описания, ключевыми словами в котором служат лексемы *rot, rotten, devouring, eruption*, кроме названия, Эдем постапокалиптической эпохи имеет мало общего с библейским образом.

Таким образом, в библейский миф вкладывается новое смысловое содержание, что приводит к смысловой многослойности, позволяя трактовать события и характеры персонажей как с позиций феминизма и фрейдизма, так и с позиций общечеловеческой и христианской морали, в чем и состоит, по нашему мнению, смысловой синкретизм текста романа. Библейский миф в романе А. Картер образует глубинный смысловой слой, сквозь призму которого автор рассматривает проблемы современного общества, давая им глубокую философскую и психологическую трактовку. Характер трактовки библейского мифа в данном романе позволяет делать вывод о том, что в творчестве А. Картер отчетливо прослеживаются черты как ремифологизации, так и демифологизации, что и придает ему современное звучание.

Литература

- Барт Р. Мифология. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.
- Олизько Н.С. Постмодернистский миф с позиций когнитивной семиотики // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. С. 564-568.
- Родионова Н.Г. Поэтика жанра в творчестве Анджелы Картер: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001.
- Элиот Т.С. Бесплодная земля. М.: Прогресс, 1971.
- Carter A. Heroes and Villains. New York: Simon and Schuster, 1972.

Carter A. Notes from the Frontline // On Gender and Writing / ed. by M. Wandor. London; Boston: Pandora Press, 1983. P. 69-77.

Seago K. New Wine in Old bottles? Angela Carter's Bloody Chamber of Revisioned Fairy Tales // Metaphor. 1999. № 26. P. 77-98

*A.V. Kremneva (Barnaul, Russia)
Polzunov Altai State Technical University*

SPECIFICITY OF THE BIBLICAL MYTH FUNCTIONING IN THE WORKS OF ANGELA CARTER (COGNITIVE-SEMIOTIC ASPECT)

The characteristic feature of postmodern literature is remythologization, i.e. the return to myth and its new interpretation in the new cultural and historical context. The analysis of Angela Carter's works allows us to trace not only the feature of remythologization but also the features of demythologization which consists in the critical analysis of the myths that dominate in contemporary society.

Key words: Biblical myth, remythologization, demythologization, archetype, cognitive context.

*С.Л. Кушнерук, М.А. Курочкина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
Svetnala_kush@mail.ru
kma1974@yandex.ru*

ИНФОРМАЦИОННАЯ ВОЙНА: АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОГНИТИВНО- ДИСКУРСИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Статья посвящена изучению информационной войны с учётом многоаспектности феномена противоборства, определяемого факторами технического, экономического, психологического, аксиологического, культурного и собственно языкового характера. Обосновываются перспективы когнитивно-дискурсивного моделирования информационной войны.

Ключевые слова: информационная война, информационно-психологическая война, когнитивно-дискурсивное моделирование информационной войны, медиареальность.

Начиная с последнего десятилетия XX века количество работ, посвящённых информационной войне, закономерно растёт, привлекая к дискуссии военных, политологов, правоведов, историков, социологов, философов и лингвистов. Она изучается с разных сторон: историко-политической, политологической, философской, социально-экономической, военно-стратегической, научно-технической, журналистской, психологической и др. [Лингвистика 2017: 9]. Цель настоящей статьи – выделить аспекты исследования информационной войны с учётом многофакторности информационного противоборства и возможностей моделирования.

Термин *information war* был впервые употреблён Т. Роном в 1976 году. Не тождественный ему термин *information warfare* появился из уст представителей министерства обороны США в 1992 г. В этот период осознаётся необходимость выработки теории информационной войны. Г.Г. Почепцов указывает на три этапа её развития: 1) начало 1990-х гг., связанное с деятельностью специалистов авиауниверситета ВВС США по изучению войны будущего; 2) конец 1990-х гг., отмеченный работами Дж. Аркиллы; 3) 2000-е годы – активная деятельность практиков-военных, занимающихся информационными операциями [Почепцов 2015: 147-148]. Такая периодизация не охватывает текущий период и оставляет без внимания то, что информационное противоборство должно быть осмыслено с учётом более широкого комплекса факторов, имеющих информационный, технический, экономический, психологический, аксиологический, культурный, когнитивный и собственно лингвистический характер, поскольку воздействие на сознание, главным образом, осуществляется через язык. Систематизируем основные аспекты исследования информационной войны.

1. Информационно-технический аспект. Информационная война как ведение «реальных» боевых действий с применением средств информационного воздействия для атаки на противника с целью его дезорганизации и защиты от аналогичных действий. Это командно-контрольная война (*command-and-control warfare*), война на основе разведанных (*intelligence-based warfare*), электронная война (*electronic warfare*), хакерская война (*hacker warfare*) [Libicki 1995].

2. Информационно-экономический аспект. Формами экономической информационной войны являются информационная блокада (*information blockade*) и информационный империализм (*information imperialism*). Информационная блокада заключается во всеобъемлющем ограничении внешнеэкономических связей, что приводит к изоляции страны от мира. Информационный империализм предполагает ограничение на торговлю, когда война ведётся за экономическое доминирование в мире [Libicki 1995: 72]. Вышеназванные аспекты, на первый взгляд не релевантные для филологического исследования, могут успешно использоваться как экстралингвистическая основа для развития идей лингвистики информационно-психологической войны.

3. Информационно-аксиологический аспект. Информационная война ведётся в форме повсеместного насаждения ценностей как высших ориентиров поведения. Ярким примером американского влияния, к примеру, является фаст фуд как атрибут «макдональдизации» отечественной пищевой индустрии, а также жвачка, голливудские фильмы и джинсы, которые прочно вошли в жизнь обычных россиян и с каждым поколением все меньше воспринимаются как «чужие». Представляется весьма перспективным исследование информационной войны в аспекте транслируемых инокультурных ценностей, соотношения «своих» и «чужих» ценностей, их комбинаторики в определённом дискурсе (медиадискурсе, рекламном, политическом), а также установление специфики лингвосомиотического кодирования и декодирования.

4. Информационно-медийный аспект. В рамках противоборства используются возможности производства медиапродукции для создания глобальной информационной архитектуры и её контроля крупнейшими медиаконcernами. С 1992 г. в нашей стране тиражируются варианты журналов, в основном принадлежащие американским компаниям: «Cosmopolitan», «Cosmopolitan Shopping», «Cosmopolitan Beauty», «Harper's Bazaar», «Esquire», «Robb Report Россия», «Men's Health», «National Geographic», «Women's Health». Завоевание медиарынка даёт доступ к сознанию людей и формированию общественного мнения, которое, в данном случае, имеет проамериканский характер. Этот аспект неотделим от информационно-коммуникационного, поскольку в настоящее время новостные порталы причисляются к категории интернет медиа.

5. Информационно-коммуникационный аспект. Информационная война предполагает использование глобальной компьютерной сети и раз-

вивающихся сетевых технологий для достижения политических, идеологических и культурных целей противоборствующих сторон, а также осуществления прямого политического контроля. В зарубежной литературе данный аспект, в первую очередь, соотносится с понятием кибервойны (*cyberwarfare*), которая реализуется в виде информационного терроризма (*information terrorism*), семантических атак (*semantic attacks*), симуляции конфликта (*simula-warfare*) [Libicki 1995: 75], а также сетевой войны (*netwar*).

Сетевая война – это военная разработка Пентагона, которая направлена на формирование поведения врагов и друзей, а также нейтральных сил в ситуации мира. Понятие *сеть* трактуется шире, чем социальная сеть или сеть Интернет: сетевые войны предполагают использование самого широкого круга сообществ людей, или комьюнити (от англ. *community*), то есть реальных коллективов, групп, движений и организаций. Прочность сети обеспечивается отсутствием единого центра управления, а также тем, что участники выстраиваются не вертикально, а горизонтально. При уничтожении какой-либо части оставшиеся элементы могут продолжать функционировать автономно. В этих условиях, как показывает новейшая история, верно расставленные идеологические акценты могут создать необходимый контекст для агрессивных политических инициатив. В качестве примера можно привести твиттер-революции (от англ. *Twitter revolution*) 2010-х гг., развернувшиеся в Иране, Тунисе, Египте, Украине в виде протестов и массовых выступлений, координация которых происходила благодаря популярным социальным сетям.

6. Информационно-психологический аспект. Противоборство сторон, предполагающее использование информации для воздействия на когнитивные схемы интерпретации действительности, а также изменение картины мира в массовом сознании людей. Разновидность войны, использующая информацию против человеческого сознания, называется психологической войной (*psychological warfare*). В теории М. Либики выделяются её четыре типа: 1) операции против национальной воли (*operations against the national will*); 2) операции против командиров противника (*operations against opposing commanders*); 3) операции против войск противника (*operations against troops*); 4) культурный конфликт (*cultural conflict*) [Libicki 1995: 35]. Названный аспект исследования информационной войны признаётся нами одним из наиболее значимых с точки зрения поиска антидота когнитивной манипуляции со стороны политических

недоброжелателей мирового уровня. *Информационно-психологическая война* трактуется как противоборство, которое возникает из-за конфликта интересов и осуществляется путём намеренного (языкового) воздействия на сознание противника для его когнитивного подавления [Лингвистика 2017: 13].

7. Лингвосемиотический аспект. Углубляет понимание феномена в терминах семантики и объясняет разницу между терминосочетаниями *information war* и *information warfare*, которые могут единообразно переводиться на русский язык как «информационная война». Общая архисема – «использование информации в целях борьбы». Понятие, обозначенное словосочетанием *information warfare*, оказывается специфицированным по сравнению с понятием, передаваемым сочетанием *information war*, поскольку акцентируется стратегическое использование информации заинтересованными группами в целях вывода из строя противника, что предполагает наличие конкретных приёмов ведения войны, отличающихся по средствам.

8. Когнитивно-дискурсивный аспект. Информационная война с точки зрения когнитивно-дискурсивной актуализации в коммуникации. Вводится понятие *дискурсивного мира* информационно-психологической войны как репрезентационной структуры дискурса, когнитивное содержание которой объективируется в текстах, объединённых в тематическом, коммуникативном и функционально-целевом отношениях [Кушнерук 2018]. Это ментально-языковая структура дискурса, имеющая свою онтологию и моделируемая на основе текстовых данных с целью установления, кого причисляют к субъектам и ключевым акторам информационной войны, каковы их задачи, какие средства ведения борьбы они используют, а также каким образом происходит структурирование информации о противостоянии оппонентов в дискурсе.

Вышеназванные аспекты тесно переплетаются и дополняют друг друга. Объединяющим звеном считаем когнитивный фактор, который предполагает воздействие на людей для изменения их взглядов, мнений, ценностных установок и стереотипов как в ситуации войны, так и в условиях мира. Список перспективных направлений исследования информационной войны принципиально открыт перед лицом новых политических вызовов. Складывается понимание, что дальнейшая разработка проблем информационной войны с использованием достижений когнитологии,

дискурсологии и лингвистического моделирования приобретает всё большую актуальность в свете необходимости выработки мер противодействия внешней агрессии и установления контроля над геополитическим ландшафтом в интересах России.

Литература

Кушнерук С. Л. Медиареальность информационно-психологической войны (на материале британских газет и новостных сайтов) // Политическая лингвистика. 2018. № 4 (70). С. 47-54.

Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Книга I. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.

Почепцов Г.Г. Информационные войны. Новый инструмент политики. М.: Алгоритм, 2015. 256 с.

Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent Of Netwar. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1996. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR789.html.

The advent of netwar (revisited) // Networks and netwars. Ed. By J. Arquilla, D. Ronfeldt. Santa Monica, 2001.

Libicki M. What is Information Warfare? Washington, 1995.

S.L. Kushneruk, M.A. Kurochkina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

INFORMATION WAR: ASPECTS OF RESEARCH AND PERSPECTIVES OF COGNITIVE-DISCURSIVE MODELLING

The article focuses on the study of information war as multidimensional phenomenon that comprises factors of technical, economic, psychological, axiological, cultural and linguistic nature. It is argued that cognitive-discursive modeling can be effectively applied for the research of information war.

Key words: information war, information warfare, information and psychological war, cognitive-discursive modelling of information war, media reality.

О.М. Литвишко, Е.В. Милетова (Пятигорск, Россия)
Пятигорский государственный университет
olitvishko@yandex.ru

СОЦИОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИСКУРСА ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА: ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена обоснованию необходимости исследования дискурса гражданского права с применением метода социокогнитивного моделирования, что позволит концептуализировать и категоризировать язык данной сферы. Автор представляет начальный этап исследования, результатом которого стало выявление типов лексико-семантических единиц, используемых в гражданско-правовом дискурсе, и создание на их основе линейной модели языка гражданско-правовой сферы. Очевидно, что дальнейший анализ с применением количественных методов позволит создать комплексную многоуровневую модель языка гражданского права.

Ключевые слова: гражданское право, дискурс, лексико-семантические единицы, профессиональная коммуникация, социокогнитивное моделирование, юридическая терминология.

Юридический язык отличается от других языков для специальных целей прежде всего тем, что он служит для описания метафизического понятия – закон не существует в окружающем нас физическом мире, он создан человеком и тесно связан с культурой определенного общества, таким образом являясь социальным феноменом. По мнению Т.А. Ширяевой и А.Г. Авшарова, «именно социум предопределяет тот язык, который используется в его рамках, однако и язык, используемый в рамках какого-то социума, формирует и структурирует данный социум» [Ширяева, Авшаров 2018: 96]. Полагая, что наличие когнитивного компонента в анализе коммуникативного поведения в рамках социальных феноменов объясняет механизм воздействия социальных структур на структуры дискурса – как они реализуются, становятся проявлением социальных институтов, отражают различные прагматические установки коммуникантов как в устной, так и письменной речи. Учитывая многоуровневый характер профессиональной коммуникации в сфере права и ее узкоспециализированную направленность, формирование комплексного представления о юридическом языке и особенностях юридического дискурса возможно с использованием методологическо-

го аппарата социокогнитивного моделирования, что, по нашему мнению, позволит изучить дискурсивные и когнитивные механизмы лингвистической репрезентации знаний в сфере права, а также формирования структур знаний в процессе профессиональной коммуникации.

Юридическая лингвистика, будучи относительно новой областью лингвистических исследований, располагает обширным языковым материалом, который на данный момент, к сожалению, не попал в фокус исследований ни по количественным и статистическим, ни по функционально-прагматическим и социокогнитивным методам анализа текстов, что, безусловно, актуализирует тему предлагаемого исследования.

Объектом настоящего исследования является специализированная лексика сферы гражданского права, выступающая основой гражданско-правового дискурса. Предмет исследования – специфика лингвистической репрезентации знаний, формируемых в процессе профессиональной коммуникации в гражданско-правовой сфере. Полагаем, что проведение систематизированного изучения лексико-семантического корпуса с фиксацией наиболее частотных слов/словосочетаний, терминов, концептов, обусловленных когнитивной картиной мира коммуникантов в гражданско-правовой сфере и нормативно-перформативной сущностью юридического языка, а также обнаружение с помощью статистических методов и описание функциональных закономерностей вариативных и инвариантных моделей сочетаемости слов и частотности их употребления будет способствовать реконструкции социокогнитивной модели языка сферы гражданского права.

Материалом исследования послужил корпус английских терминов, профессионализмов и коллоквиализмов нескольких подотраслей гражданского права (contract law, family law, intellectual property law, company law, tort law), собранный методом целенаправленной выборки из специализированных англо-русских словарей, англоязычных учебных пособий для юридических специальностей. Сформированный корпус включает 1332 слова и словосочетания, включенных в тематические глоссарии учебных пособий [2, 3]; 14 000 терминов, представленных разнообразными структурными моделями и взятых из «Англо-русского словаря гражданского права и гражданского процессуального права» [1]; 1500 терминов и терминологических словосочетаний, входящих в глоссарий, изданный судом округа Сакраменто штата Калифорния, США [4]. Общий объем корпуса – 16 832 единицы.

Целью настоящего исследования является воссоздание лексико-семантической модели профессионального языка в сфере гражданского права. Данная модель позволит концептуализировать и категоризировать

язык гражданско-правовой сферы, поскольку, как отмечал А.Ф. Лосев, задачей лингвистического моделирования является «установление тех или иных структур, но не разыскивание новых языковых фактов, приведение в систему полученных эмпирическим путем языковых данных, что делает языковые категории более ясными, определенными, максимально четко сформулированными и систематизированными» [Лосев 2004: 52].

Язык гражданского права, обладая рядом специфических признаков (точность изложения, информационная перегруженность, насыщенность терминологией, универсальность, системность, эмоциональная нейтральность) и функционируя в различных социальных ролях (ходатайство, исковое требование, контракт, уставные документы, судебное решение) представляет собой совокупность лексических, грамматических, стилистических, логических и иных механизмов передачи и оформления понятийного содержания права, обусловленных нормативно-перформативной сущностью: нормотворчеством, соблюдением и выражением норм [Литвишко, Черноусова 2018: 36].

Проведенный контент-анализ корпуса позволяет сделать вывод о том, что лексико-семантический уровень модели дискурса гражданско-правовой сферы представлен следующими единицами:

<i>Тип единицы</i>	<i>Пример</i>
1	2
Специализированные профессиональные («технические») термины	abatement, adduction, beyond a reasonable doubt, breach of contract, legally binding, hung jury, indictment, intangible assets, not guilty by reason of insanity, preponderance of the evidence
Канцеляризм / языковые клише	as per ..., by reason of, bearing in mind that ..., construed in accordance with, for and on behalf, in lieu of, in respect of / thereof, in consideration of, it follows that, with reference to
Местоименные наречия	aforementioned, herein, hereinafter, hereof, hereto, hereunder, thereof, therein, thereto, whatsoever
Биномиалы	acceptance or approval, accord and satisfaction, due and owing, law and motion, make or draw, terms and conditions, null and void, search and seizure, waiver and estoppel, costs and expenses clause
Заемствованные ЛЕ	ab agendo (лат.), Actus Dei (лат.), bona fides (лат.), bona vacantia (лат.), causa libera in actio (лат.), cognoscenti (итал.), force majeure (фр.), habeas corpus (лат.), in propria persona (лат.), res judicata (лат.)

1	2
Фразеологизмы	first appearance, good faith, good time, hypothetical question, opening argument, real property, rule of court, satisfaction of judgment, specific performance
Аббревиатуры	ABC (activity-based costing), AGM (annual general meeting), B2B (business-to-business), CEO (chief executive officer), EFT (electronic funds transfer), FRN (floating rate note), M&A (mergers and acquisitions), ROI (return on investment), SET (secure electronic transaction), VAT (value-added tax)
Фразовые глаголы	enter into, opt for, point out, put forward, set up, sue for, take over, trade in, wind up, write off
Дискурсивные маркеры	besides, consequently, evidently, furthermore, in particular, in the event that, however, of course, on the one hand, on the other hand

Дальнейший анализ корпуса позволит дифференцировать термины и терминологические словосочетания согласно существующим структурным [Кожеватова, Алимуратов, Лату 2015] и семантическим классификациям терминов [Алимуратов, Лату, Раздубев 2011]. Использование количественных методов даст возможность выделить наиболее частотные лексико-семантические единицы и описать функциональные закономерности вариативных и инвариантных моделей сочетаемости слов. Не меньший исследовательский интерес с позиций социогногнитивного метода представляет также анализ контекстуального использования описанных выше лексико-семантических единиц, поскольку, как справедливо отметил Т. ван Дейк, «контексты определяют участников и соответственно являются моделями, но они – модели опыта и социальной ситуации, которые могут в культурном смысле варьироваться, при этом они обладают «реальными» условиями для формирования текстов и речи» [Dijk 2009: 255].

Литература

Алимуратов О.А., Лату М.Н., Раздубев А.В. Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий). Пятигорск, 2011.

Кожеватова Д.С., Алимуратов О.А., Раздубев А.В. Некоторые структурно-словообразовательные модели англоязычной юридической терми-

нологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 4. С. 44-55.

Лосев А.Ф. Введение в общую теорию языковых моделей. М., 2010.

Ширяева Т.А., Авишаров А.Г. Социокогнитивное моделирование как методологическая основа изучения делового дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 1. С. 94-102.

Литвишко О.М., Черноусова Ю.А. Лингвистические особенности языка международных политико-правовых текстов (на материале международных конвенций) // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2018. № 11. С. 34-41.

van Dijk T.A. Society and Discourse. Social Contexts Influence Texts and Talk. Cambridge University Press, 2009.

Список источников примеров

1. Англо-русские термины гражданского и гражданского процессуально-го права / сост. С.Д. Оськина. Омск, 2003.
2. *Haigh R.* Legal English. N.Y.: Routledge, 2015.
3. *Krois-Lindner A.* International Legal English. Cambridge University Press, 2011.
4. Legal Glossary. URL: <https://www.saccourt.ca.gov/general/legal-glossaries/docs/english-legal-glossary.pdf>.

O.M. Litvishko, E.V. Miletova (Pyatigorsk, Russia)
Pyatigorsk State University

SOCIO-COGNITIVE MODELING OF THE DISCOURSE OF CIVIL LAW: LEXICAL-SEMANTIC ASPECT

The article is focused on explaining the rationale for conducting research of the discourse of civil law using socio-cognitive modeling method which makes it possible to conceptualize and categorize the language of this sphere. The author presents an initial stage of the research which resulted in defining the types of lexical-semantic units used in the civil law discourse, and developing a linear model of the language of the civil law sphere. It is evident that further

analysis with the use of quantitative methods will provide means for developing a complex multi-layer model of the language of civil law.

Key words: civil law, discourse, lexical-semantic units, professional communication, socio-cognitive modeling, legal terminology.

*Е.Г. Логинова (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
lenlogiya@gmail.com*

ДИАЛОГИЗМ КАК КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В ИССЛЕДОВАНИИ ДИСКУРСА ДРАМЫ

В статье рассматривается диалогичность дискурса драмы, включающая не только диалогичность между автором и читателем, между актерами на сцене, но также диалогичность между различными семиотическими проявлениями сходного содержания, сопровождаемую повтором и когнитивным откликом и способствующую возникновению семиотического резонанса как предпосылки для усиления закодированного смысла.

Ключевые слова: диалогизм, диалогичность, когнитивный отклик, семиотический резонанс, дискурс драмы.

Последние исследования в области когнитивно-дискурсивного анализа драмы [Кубрякова, Петрова 2012; Петрова 2017 и др.] демонстрируют возрастающий интерес ученых к выявлению специфики дискурса драмы как «особого формата знания» [Кубрякова, Петрова 2012: 135], который обладает сущностной и тенденциозной сторонами, позволяющими рассматривать прототипические жизненные ситуации и социально-культурные отношения с позиций отражения в них ментально-обусловленных характеристик и механизмов общения.

Универсалией общения выступает диалогизм – «обобщенное понятие, характеризующее человеческую деятельность в целом, включая коммуникативные и познавательные процессы» (перевод наш – Е.Л.) [Linell 2003: 2]. Традиционно анализ дискурса предполагает исследование диалогизма общения с точки зрения продуцирования и репродуцирования высказывания. В своей работе мы рассматриваем диалогизм

с точки зрения рецепции, ведущей к продуцированию и репродуцированию. Это позволяет расширить границы когнитивного подхода в изучении коммуникации, поскольку именно единство рецепции и продукции, являясь условием возникновения коммуникативной ситуации, обуславливает развитие общения. При этом внутренний диалогизм, существующий в процессе аккумулирования опыта, коррелирует с внешним диалогизмом, возникающим при желании передать свой опыт. Кроме того, речь может идти о диалогизме в рамках одной кодовой системы и о межкодовом диалогизме – своеобразном «диалоге» разных знаковых систем, кодирующих опыт (лингвистический и экстралингвистический).

Избирая диалогизм в качестве ключевого направления в исследовании дискурса драмы, мы получаем возможность понять, как развивается дискурс драмы, включающий пьесу (относительно мономодальный конструкт с маркерами полимодальности) и возможные сценические и телевизионные интерпретации (пространства взаимодействия разных семиотических систем). Исходным положением для нас выступает то, что драма оперирует высказываниями. Само действие в драме представляет собой речевое взаимодействие, что делает дискурс драмы удобным полем для выявления особенностей организации и функционирования мономодальных и полимодальных контекстов общения в едином коммуникативном пространстве означенного законченного фрагмента действительности. Это позволяет объединить исследование языка и исследование дискурса с когнитивно-семиотических позиций, поскольку высказывание является «осязаемой единицей знакового характера», которую можно установить «как в языке, так и в литературе» [Степанов 1983: 6].

Специфика драмы как типа дискурса, уходящего корнями в жанр диалога, заключается в том, что основным выразительным средством служит речь персонажей: обмен высказываниями, включающий иницирующую и ответную реплики (диалог); речь, обращенная к окружающим и определенным образом воздействующая на них (драматический монолог). И в том, и в другом случае дискурс драмы представляет собой высказывание, предполагающее участие собеседника, роль которого предопределена условиями коммуникативной ситуации. Участие собеседника может быть как реальным, так и виртуальным, учитывая тот факт, что сам инициатор общения может становиться своим же собеседником. Такой внутренний монолог (лат. *soliloquim*), как разговор героя с самим собой, представлен в дискурсе драмы репликами «в сторону», эксплицирующими отношение персонажа к собеседнику или предмету разговора.

Перечисленные проявления диалогической и монологической речи персонажей в драме характеризуются когнитивным откликом, который неизбежно возникает в процессе совместного конструирования значений участниками коммуникативной ситуации. Каждая реплика участников коммуникативной ситуации функционирует как результат одновременно порождения и восприятия высказывания, отражая естественный диалогизм общения, в основе которого лежит необходимость реализации единства посыла и отклика. Обратим внимание, что отклик является результатом осмысления лишь части воспринимаемого содержания. Всегда есть большее, чем то, на что «откликается» собеседник. Отсюда, повтор в драме (повтор реплик, коммуникативных ситуаций, коммуникативных намерений и пр.) как кодирование и перекодировка рецептированных и продуцируемых смыслов и смысловых связей выполняет функции уточнения, добавления, фокусирования, которые обеспечивают обобщение опыта общения, а следовательно, его упорядочение.

Являясь проявлением естественного диалогизма, присущего процессу накопления, осмысления и последующей трансляции опыта, когнитивный отклик определяет не только соотнесение реплик говорящего и слушающего, но и учет тех «голосов», которые, по образному замечанию М.М. Бахтина, «звучат в преднайденом» высказывании, представляющем собой «не дуэт, а трио» [Бахтин 1986: 493]. Отражение понимания чужого высказывания в структуре собственного, на чем настаивал М.М. Бахтин, обеспечивает холистичность и голографичность общения в драме, где прецедентная коммуникативная ситуация остается доминирующей несмотря на изменения, которые она претерпевает в процессе трансформации пьесы в спектакль. Возможность разных постановок по одной и той же пьесе подчеркивает тот факт, что диалогизм предполагает множественность интерпретаций и уточнений коммуникативных намерений участников коммуникативной ситуации, позволяя исследовать многоаспектную систему когнитивных отношений (включая отношение человека к действительности), получающую отражение в дискурсе драмы.

Как видим, диалогизм в дискурсе драмы проявляется в разных планах «диалогичности», под которой М.М. Бахтин подразумевает особые, не сводимые к диалогу смысловые отношения [Там же: 488]. В контексте рассматриваемых проблем наибольший интерес представляют следующие два плана диалогичности:

- диалогичность между участниками действия (персонажами, актерами и пр.), следующая в той или иной степени принципам реального общения;

- диалогичность между знаками и знаковыми комплексами, отражающая принципы межсемиотических взаимодействий и обеспечивающая рекуррентное кодирование опыта с помощью разных лингвистических и нелингвистических средств.

Диалогизм по-разному означенного опыта дает возможность сопоставлять в семиотико-смысловой плоскости не только реплики персонажей, но и высказывания более объемные и сложные по структуре, в частности, коммуникативные ситуации в тексте пьесы, а также в пьесоригинале и спектакле-деривате. Кроме того, как «диалогические отношения», включающие «ответность» [Там же: 493], может рассматриваться взаимодействие реплик драматического монолога, внутреннего монолога, элементов кумулятивно организованного фрагмента коммуникативной ситуации, вербального и невербального поведения общающихся и пр. Приведем пример из пьесы М. Булгакова «Бег», где в финальной сцене Серафима и Голубков решают вернуться в Россию:

Серафима: ...Я хочу видеть снег. Я хочу все забыть, хочу сделать так, как будто ничего не было!

Голубков: Ничего, ничего не было, все мерещилось... Забудь, забудь.

В данном примере обращают на себя внимание структурные и лексические повторы (*хочу видеть, хочу забыть, хочу сделать, ничего не было*), многоточие как маркер паузы и восклицательный знак, кодирующий эмоциональную окраску высказывания. При повторе коммуникативной ситуации в спектакле (Иркутский драматический театр, 2016) для обозначения внутреннего состояния и отношений персонажей используются другие выразительные средства: просодия, мимика, темп произнесения, движения, сопровождающие речевой фрагмент (в спектакле Голубков поднимается с колен) и т.п. Результатом сценической интерпретации реплик персонажей становится усиление концептуально-смысловых проекций как характеристика возникающего *резонанса* – результата означивания сходного содержания средствами одной или разных знаковых систем (см., например, Обен, Брюне 2016; Ирисханова 2018 и др.).

Семиотический резонанс, заложенный в структуре развития драматического высказывания, способствует пониманию отношения говорящего к тому, с кем он говорит, а также отношения говорящего к тому, что он говорит. Именно соотнесенность разных планов выражения и модификация

содержания при тождестве формы обеспечивают смыслоформирование в драме, направляя развитие высказывания в те или иные когнитивные сферы и усиливая тем самым кодируемые смыслы. Это способствует созданию драматического эффекта, который обусловлен разными проявлениями семиотического резонанса в дискурсе драмы: резонанс flash-forward, направленный на читателя/зрителя и предполагающий его отклик (в роли читателя могут также выступать режиссер и актеры), и резонанс flash-back, направленный от читателя/зрителя к автору и пьесе. Несмотря на то что резонирующие сущности могут по-разному означаться в процессе развития коммуникативной ситуации в пьесе и спектакле, корреляция их между собой осуществляется благодаря разноплановой диалогичности дискурса драмы и диалогизму как универсалии, отвечающей за развитие коммуникации.

Литература

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. С. 473-500.

Ирисханова О.К. Когнитивный резонанс и его вербальные и невербальные проявления // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXII. М.: ИЯ РАН; Тамбов: Изд. Дом ТГУ, 2018. С. 334-344.

Кубрякова Е.С., Петрова Н.Ю. Лингвокультурологический статус драмы (новое в изучении языка пьес) // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Институт языкознания РАН. М.: Знак, 2012. С. 128-146.

Петрова Н.Ю. Построение перспективы в тексте пьесы (на материале англоязычной драмы): монография. М.: Культурная революция, 2017.

Степанов Ю.С. В мире семиотики (вст. ст.) // Семиотика / под общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 5-36.

Linell P. What is dialogism? Aspects and elements of a dialogical approach to language, communication and cognition. Department of Communication Studies Linköping University, Sweden, 2003. 22 p. URL: <http://cspeech.ucd.ie/Fred/docs/Linell.pdf> (дата обращения: 15.07.2018).

Oben B., Brône G. Explaining interactive alignment: A multimodal and multifactorial account // Journal of Pragmatics. 2016. Vol. 104. S. 32-51.

E.G. Loginova (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

DIALOGISM AS A COGNITIVE-SEMIOTIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF DRAMATIC DISCOURSE

Using dialogism as a point of departure, the author challenges the double dialogicality of dramatic discourse (the author and the reader; actors on stage) introducing dialogicality between different manifestations of similar content which is accompanied by repetition and cognitive response and serves as a prerequisite for semiotic resonance and amplification of encoded meaning.

Key words: dialogism, dialogicality, cognitive response, semiotic resonance, dramatic discourse.

О.В. Ломакина (Москва, Россия)

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,

Российский университет дружбы народов

rusoturisto07@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЕРБАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТА СМЕРТЬ В ТВОРЧЕСТВЕ Л.Н. ТОЛСТОГО

Статья посвящена рассмотрению концепта СМЕРТЬ – компонента концептосферы Л.Н. Толстого. Показано, какие фразеологические единицы и пословицы составляют обозначенный концепт в текстах писателя.

Ключевые слова: язык Л.Н. Толстого, концептосфера, концепт «смерть», фразеологическая единица, пословица.

Дихотомия «жизнь – смерть», нередко рассматриваемая в сопоставительном аспекте как части целого, принадлежит к числу конвенциональных ценностей, поэтому находится в поле зрения представителей различных наук – от философов, искусствоведов до лингвистов и литературоведов.

Ценностный концепт СМЕРТЬ неоднократно рассматривался филологами. Если обобщить изыскания учёных, то можно назвать следующие направления: 1) описание способов вербализации в одном или нескольких

языках, для чего Е.Б. Бадмаева анализировала монгольский язык, Е. Середа – в английский язык, 2) определение роли тех или иных языковых единиц в формировании данного концепта: Н.А. Колкова рассматривала обозначенный концепт в паремиях, 3) место концепта в языке отечественного/зарубежного писателя или особенности реализации в отдельном произведении: Т.А. Бычкова изучала место данного концепта в идиолекте М. Зощенко, Ю.Б. Бондаренко – в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики», В.В. Литвинова – в романе Рэя Брэдбери «Вино из одуванчиков», Е.И. Алещенко – в европейских сказках. Цель названных работ – показать самобытность национального языка, картины мира и особенности языка писателя на материале конкретного фрагмента концептосферы.

Описание концептосферы того или иного писателя подразумевает последовательное рассмотрение отдельных концептов в контексте всего творческого наследия писателя, то есть с учётом не только художественных, но и дневниковых, эпистолярных, мемуарных, публицистических текстов, дополняющих индивидуальную картину мира.

Методика ценностного шкалирования, апробированная нами в процессе анализа языка Л.Н. Толстого [Ломакина 2006], позволила выделить репертуар концептов, составляющих концептосферу этого писателя: концепты ГРЕХ, ВЕРА, СЕМЬЯ, ДОМ, СМЕРТЬ и др.

Цель данной статьи – охарактеризовать роль фразеологических средств (фразеовербализаторов) в создании концепта СМЕРТЬ в текстах различных жанров, созданных Л.Н. Толстым. Под фразеовербализаторами мы понимаем различные по структуре и происхождению фразеологические единицы (ФЕ), помогающие представить рассматриваемый концепт, в данном случае – показывающие состояние человека и его бытие после наступления смерти.

В раскрытии концепта СМЕРТЬ участвуют следующие ФЕ и паремии: *стоять на краю гроба; стоять на краю погребели; стоять одной ногой в гробу; стоять по пояс в гробу; на одре смерти; выпустить требуху; отправить в большое путешествие; Бог приборал; Бог дал; Бог и взял; от Бога не уйдёшь; до последнего звонка; сложить старые кости на покой; В смерти и животе Бог волен; Думка за горами, смерть за плечами; двух смертей не бывать, а одной не миновать* и др.

Большая часть перечисленных единиц, служащих вербализаторами концепта СМЕРТЬ, коннотативно окрашены, имеют генетическую, функционально-стилистическую характеристику. Представленные ФЕ

реализуют два значения: 1. 'переход из состояния бытия в состояние небытия', 2. 'процесс прекращения жизнедеятельности'.

Первое значение передаёт фразеосерия со стержневым глаголом *стоять*: *стоять на краю гроба*; *стоять на краю погибели*; *стоять одной ногой в гробу*; *стоять по пояс в гробу*. Эти ФЕ, употребляющиеся с целью эвфемизации, частотны как для художественных произведений, философских трактатов, так и для эпистолярных текстов Л.Н. Толстого. Например: *И жить так на краю погибели надо было одному, без одного человека, который бы понял и пожалел его* («Смерть Ивана Ильича»); *Я стою одной ногой в гробу и мне не к чему подделываться* (Письмо С. П. Прокопенко, 14 августа 1892 г.); *Если разумеешь жизнь загробную в смысле второго пришествия, ада с вечными мучениями, дьяволами, и рая – постоянного блаженства, то совершенно справедливо, что я не признаю такой загробной жизни; но жизнь вечную и возмездие здесь и везде, теперь и всегда, признаю до такой степени, что, стоя по своим годам на краю гроба, часто должен делать усилия, чтобы не желать плотской смерти, то есть рождения новой жизни...* («Ответ на определение синода от 20-22 февраля и на полученные мною по этому случаю письма»).

Стоит отметить, что все примеры взяты из текстов, созданных после 80-х гг. XIX в. – времени духовного кризиса писателя, когда он искал ответы на вечные вопросы бытия. Кроме того, в третьем примере в качестве фразеологических актуализаторов использованы лексемы и ФЕ, относящиеся к диаде «жизнь-смерть», наиболее яркими среди которых являются следующие: *згробная жизнь, второе пришествие, смерть, вечная жизнь*.

Наряду с узуальными ФЕ Л.Н. Толстой использует авторские (камерные) ФЕ. В письмах писатель употребляет ФЕ *отправиться в большое путешествие* и *до последнего звонка*, выступающие в качестве вербализаторов концепта СМЕРТЬ: *Стоит ли материально устраиваться подле меня, когда моя жизнь на волоске и я всякий день могу отправиться в большое путешествие* (Письмо А.Л. Толстой 4 сентября 1895 г.); *Я выздоравливаю, но еще слаб, а главное, хочется еще сделать многое до последнего звонка* (Письмо О.К. Клодт 15/28 июля 1902 г.).

В первом примере ФЕ *на волоске* служит семантизации значения ФЕ *отправиться в большое путешествие* – «Умереть», во втором примере описание состояния героя даёт основание понять значение камерной ФЕ *до последнего звонка* – «До смерти».

Связь с концептом БОГ обнаруживается в следующем контексте: <...> *если же бы она была совсем человек, то у ней была бы вера в бога, и она бы говорила и думала, как говорят верующие бабы: «Бог дал, бог и взял, от бога не уйдёшь».* Она бы думала, что жизнь и смерть как всех людей, так и её детей вне власти людей, а во власти только бога... («Крейцеровая соната», гл. XVI; 27: 43).

В представленном примере наблюдаем создание фразеологически насыщенного контекста за счёт двух единиц – пословицы *Бог дал, Бог и взял* и ФЕ *от Бога не уйдёшь*. Кроме того, писатель включает лексемы, помогающие репрезентации концепта и указывающие на единство ценностной диады «жизнь-смерть».

Философское отношение к жизни и смерти обнаруживается в следующем отрывке, включающем пословицу *Двух смертей не бывает, а одной не миновать*: «Видно ты, Тимофейч, умнее нашего; нас, дураков, и спрашивать нечего. Веди, куда знаешь. *Двух смертей не бывает, а одной не миновать*» («Ермак»).

В творческом наследии писателя выделяется повесть «Смерть Ивана Ильича», где рассматриваемый концепт вынесен в название; одна из сюжетных линий романа «Анна Каренина» тоже связана с прекращением жизни, что даёт основание рассматривать концепт как идею произведения [см. Левитская 2004].

Таким образом, изучение языка писателя позволяет охарактеризовать его концептосферу – языковую систему, преломлённую через призму как общекультурных, так и индивидуально-авторских концептов. При анализе концептосферы Л.Н. Толстого следует учитывать различный текстовый материал, в первую очередь – произведения художественной литературы. Вместе с тем, важное значение в формировании авторской концептосферы писателя имеют дневниковые и эпистолярные тексты, дополняющие индивидуальную картину мира, а значит, расширяющие представления о языковой личности художника слова.

Концепт СМЕРТЬ относится к числу общекультурных, обладает индивидуальной и общественной значимостью, что находит отражение в языке, прежде всего на лексическом и фразеологическом уровнях. Представленный материал показал, какова роль фразеологии в репрезентации этого концепта. В количественном отношении преобладает фразеологическая серия ФЕ (*стоять на краю гроба; стоять на краю погибели; стоять одной ногой в гробу; стоять по пояс в гробу*), отражающая физическое и моральное состояние писателя в течение двух последних десятилетий

жизни, что даёт основание считать эти ФЕ ядерной зоной концепта. Пословицы, вербализующие обозначенный концепт, находятся на периферии. Контекстуальное окружение анализируемых ФЕ создаёт тематически насыщенный контекст благодаря включению лексических и фразеологических средств, служащих вербализации концепта СМЕРТЬ. Появление камерных ФЕ *отправиться в большое путешествие* и *до последнего звонка* даёт основание говорить о важности этой темы для писателя.

Литература

Алещенко Е.И. Концепт «смерть» в европейских народных сказках // Русский язык в начале XXI века. Проблемы развития, функционирования, преподавания материалы всероссийской научной конференции. Печ: Печский ун-тет, 2007. С. 18-22.

Бадмаева Е.Б. Концепт «смерть» в языковой картине мира монгольского языка // Иностранные языки в контексте культуры: межвузовский сборник статей по материалам конференций / отв. ред. Н.В. Шутёмова. Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-тет, 2011. С. 148-151.

Бондаренко Ю.Б. Концепт «смерть» в повести Н.В. Гоголя «Старосветские помещики»: его роль и языковые средства изображения // Евразийское Научное Объединение. 2015. Т. 2. № 3 (3). С. 113-114.

Бычкова Т.А. Концепт «жизнь-смерть» в идиолекте Михаила Зощенко: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Казань, 2004. 18 с.

Колкова Н.А. Концепт «смерть» в пословичных текстах // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 11 (93). С. 8-15.

Левитская Н. А., Ломакина О.В. Анализ мифологем и концептов как путь к пониманию литературного произведения // Жанрологический сборник. Выпуск 1. Елец: Елецкий гос. ун-т им. И.А. Бунина, 2004. С. 62-65.

Литвинова В.В. Концепт «смерть» в романе «Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 58. С. 168-172.

Ломакина О. В. Фразеология народных драм Л.Н. Толстого: состав и особенности употребления: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Белгород, 2006. 178 с.

Середа Е. Национально-культурная специфика фразеологических единиц, репрезентирующих концепт «смерть» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8-2 (50). С. 162-166.

O.V. Lomakina (*Moscow, Russia*)
St. Tikhon's Orthodox University,
Peoples' Friendship University of Russia

PHRASEOLOGICAL MEANS OF VERBALIZATION OF THE CONCEPT “DEATH” IN THE L.N. TOLSTOY’S WORK

The article is devoted to the consideration of the concept of DEATH – a component of the conceptual sphere of L.N. Tolstoy. It is shown which phraseological units and proverbs make up the designated concept in the writer's texts.

Key words: L.N. Tolstoy language, conceptual sphere, concept “death”, phraseological unit, proverb.

Н.Н. Морозова, О.В. Андриянова (*Нижний Новгород, Россия*),
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
andriyanovaolesya@yandex.ru

МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

В данной статье рассматривается использование метафоры как средства конструирования социальных проблем с точки зрения теории конструирования социальных проблем Питера Ибарры и Джона Китсьюза в ее связи с теорией публичных арен Стивена Хилгантера и Чарльза Боска, которые применяются в исследовании средств массовой информации.

Ключевые слова: конструктивизм, социальные проблемы, метафоры, риторические идиомы, лейтмотивы.

Несмотря на то что в последние годы политики все чаще прибегают к использованию социальных сетей, чтобы обращаться к электорату напрямую, средства массовой информации все еще остаются одним из главных каналов коммуникации с населением.

Одна из основных функций политического медийного дискурса – освещение политической и общественной ситуации. Политические СМИ

выступают посредником между политиками и электоратом, и его знания о ситуации складываются на основе того, что передается через дискурс. При этом передаваемая информация не является объективной, она интерпретирована через сознание автора и представляет собой определенную картину социальной и/или политической реальности [Шейгал 2005: 49-53]. Эта картина внедряется в сознание адресата, и таким образом политические СМИ реализуют функцию социального контроля через пропаганду определенных взглядов и манипуляцию общественным сознанием. В таком случае цель – это не отражение реальности, а ее конструирование.

Теория социального конструирования реальности, разработанная П. Бергером и Т. Лукманом в 60-х гг. XX в., утверждает, что реальность является человеческим конструктором в том смысле, что она конструируется в процессе коммуникации через объективацию субъективных процессов и смыслов. Одним из основных средств объективации выступает сигнификация, то есть обозначение субъективных значений при помощи знаков, созданных человеком, – в частности, при помощи языка как знаковой системы [Бергер, Лукман 1995: 18, 25-28]. При этом важна не достоверность этих конструкторов, а принятие их обществом [Калинкин 2015: 52].

В случае, когда индивиды или группы индивидов недовольны сложившимся положением дел и/или не принимают определенные сложившиеся конструкторы реальности, они выдвигают требования по их изменению – так, согласно теории Дж. Китсьюза и П. Ибарры, возникают социальные проблемы, которые с данной точки зрения представляют собой результат коллективного определения [Ясавеев 2016: 10]. В контексте политического медийного дискурса в качестве таких групп могут выступать политические партии, общественные движения и организации, инициативные группы; и выдвигаемые ими требования в том числе направлены на то, чтобы убедить некоторую аудиторию в существовании проблемы, и могут быть выражены различными языковыми средствами, которые представляют определенный аспект реальности как проблемного и требующего изменений – так происходит переконцептуализация данного аспекта социальной реальности в сознании адресата.

Выдвижение требований, согласно теории С. Хилгартенера и Ч. Боска, происходит на «публичных аренах» – то есть в публичном дискурсе, в число которых входит масс-медиа. От других публичных арен их отличает ограниченная пропускная способность: СМИ не могут конструировать большое количество социальных проблем одновременно – существует

определенный лимит, который обуславливает конкуренцию за место проблемы в информационном пространстве, за включение в «повестку дня». Установление повестки дня – это одна из функций масс-медиа: следуя определенным критериям, они должны из множества потенциальных проблем отобрать, представить в правильном свете и выстроить в соответствии со значимостью только какое-то ограниченное количество. Для политических СМИ наиболее актуальным является **критерий политических пристрастий** – влияние различных экономических и политических групп, выступающих в роли контролеров (“gate keepers”), интересы которых определяют, какие проблемы получают соответствующий ярлык в средствах массовой информации [Hilgartner, Bosk 1988].

Таким образом, одной из функций СМИ является представление какого-либо социального явления как проблемы, требующей решения, и закрепление этого представления в сознании электората. Но в действительности подобные конструкты нередко представляют собой те явления социальной реальности, которые их не устраивают или противоречат их политической идеологии, а не реально являются проблемой. Помимо этого, авторы могут намеренно привлекать внимание к одной проблеме, чтобы отвлечь внимание от другой, которая является более серьезной, но менее выгодной.

Дж. Китсьюз и П. Ибарра предлагают рассматривать конструирование социальных проблем через четыре измерения: риторические идиомы, контрриторики, лейтмотивы и стили выдвижения утверждений-требований [Ибарра, Китсьюз 2007: 68-106]. Измерение риторических идиом непосредственно связано с конструированием проблем, а также предполагает использование метафор.

Риторические идиомы – это способы представления выдвигаемого условия-категории в качестве проблемы через ценностно-нагруженные темы и формулы, которые направлены на то, чтобы убедить аудиторию в важности этих ценностей и придать им безотлагательный характер.

Одной из выделяемых риторик является **риторика утраты**, которая выдвигает проблему обесценивания какого-либо явления реальности, чаще всего через представление людей как хранителей/защитников чего-либо уникального, ценного или даже священного.

Другая идиома, выражающая идеи эгалитаризма и релятивизма, – это **риторика наделяния правом**. Она выдвигает проблему необходимости обеспечения всех лиц равными правами и неограниченными

возможностями. Утверждения-требования часто акцентируют внимание на прогрессивном развитии общества, его демократизации.

Риторика опасности утверждает право людей на защиту и безопасность и представляет явления как нарушающие это право и представляющие серьезную опасность.

Риторика неразумности используется для представления явления как потенциально направленного на манипулирование или «промывание мозгов» таких групп населения, которые этому наиболее подвержены. Данная идиома предполагает, что в ситуации полной осведомленности и отсутствия отрицательного влияния со стороны тех, кто наделен большей властью или авторитетом, индивид склонен к определенному предпочтительному образу действий; иначе это влияние провоцирует на нерациональные, не соответствующие общепринятым правилам поведения действия.

Для создания образа катастрофы используется **риторика бедствия**, которая представляет явление как «мега-условие-категория», порождающее ряд других проблем. Данная идиома более обобщенная, чем остальные, и чаще всего применяется в ситуации перегруженности внимания, когда одновременно выдвигаются несколько проблем различными СМИ и необходимо привлечь внимание аудитории к одной конкретной проблеме.

Другим важным измерением являются **лейтмотивы** – словарь типичных элементов и фигур речи, который используется для конструирования той или иной проблемы и выстраивает риторические идиомы. В качестве одного из основных лейтмотивов выступают метафоры, актуализирующие определенные коннотации.

Так как концептуальная система, в рамках которой мы действуем и думаем, метафорична, именно метафоры осуществляют переконцептуализацию и представляют определенное явление или объект действительности с необходимой стороны в сознании индивида.

Использование метафоры в качестве одного из основных средств представления информации в политическом дискурсе обусловлено, в частности, ее функциями [Чудинов 2001: 41-52]. Наиболее актуальными с точки зрения использования метафор именно для конструирования проблем являются следующие функции, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата:

- **Когнитивная** – обработка и переработка информации, представления и оценки определенной сферы-цели через не характерные для нее понятия, принадлежащие сфере-источнику;

- **Прагматическая** – воздействие на адресата с целью формирования у него определенного эмоционального состояния и мировосприятия;
- **Моделирующая (схематизирующая)** – создание модели мира и характеристика взаимосвязей между его элементами;
- **Манипулятивная** – создание такого необходимого субъекту дискурса, но часто отличного от реального положения дел представления о социальной действительности;
- **Оценочная** – оценка предмета, отражающая отношение к нему субъекта дискурса.

Таким образом, функции метафоры предполагают потенциально широкие возможности ее использования в качестве одного из средств конструирования социальных проблем в политическом дискурсе.

Литература

Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2005. 431 с.

Калинкин А.А. Конструирование социальной реальности: социолингвистический аспект // Известия Саратовского ун-та. Новые серии. Серия Социология. Политология. 2015. № 4. С. 52-55.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. С. 323.

Иббарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвигания утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение / ред. Ясавеев И.Г. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 55-115.

Ясавеев И.Г. Риторика контролируемого бедствия: специфика конструирования ФСКН проблемы потребления наркотиков // ЖИСП. 2016. № 1. С. 7-22.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001. 238 с.

Hilgartner S., Bosk Ch.L. The Rise and Fall of Social Problems: A Public Arenas Model // The American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. № 1. P. 53-78.

*N.N. Morozova, O.V. Andriyanova (Nizhny Novgorod, Russia),
National Research University «Higher School of Economics»*

METAPHORS IN CONSTRUCTING SOCIAL PROBLEMS

This article reviews possible usage of metaphors in constructing social problems in terms of the social problems construction theory by Peter Ibarra and John Kitsuse in its relation to the public arenas theory by Stephen Hilgartner and Charles L. Bosk, which are used in analysis of mass-media.

Keywords: constructivism, social problems, metaphors, rhetoric idioms, leitmotifs.

*Ю.Н. Мухина (Саратов, Россия)
Саратовский государственный
университет им. Н.Г. Чернышевского
to_juliam@mail.ru*

ЛИНГВОСЕНСОРИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются особенности лексической организации научного дискурса, зафиксированного в научном тексте, а именно языковые средства, обладающие потенциалом воздействия на чувственную сферу человека в условиях научного общения прежде всего за счет зафиксированного в них чувственного опыта: зрительного, слухового, обонятельного, осязательного и вкусового. В случае с научным дискурсом речь идет о зрительном, слуховом, осязательном и телесном чувственном опыте.

Ключевые слова: лингвосенсорика, научный дискурс, чувственный опыт, перцепция.

Так или иначе, каждый человек попадает под воздействие внешних факторов, восприятие которых происходит через систему органов чувств. Совокупность ощущений, получаемых организмом от внешних раздражителей, обозначается термином «сенсорика». С точки зрения лингвистики сенсорика – это исследование языка человеческих ощущений, «лингвистическое знание, которое занимается языком перцепции, вербальной

репрезентацией показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния» [Харченко 2012: 6]. В связи с особым интересом лингвистов к этой области знания в условиях современной гуманитарной парадигмы с ее антропоцентрической направленностью в научный понятийный аппарат был введен термин «лингвосенсорика», считающийся удачным и с содержательной, и с функциональной точек зрения [Нагорная 2017: 4].

Научный дискурс по определению предполагает воздействие на сферу мышления (ориентирован прежде всего на разум, сознательность, здравый смысл человека и подразумевает наличие способности принимать взвешенные, рациональные решения, делать логические умозаключения) и в меньшей степени на чувственную сферу реципиента. Исключать последнюю из сферы внимания при изучении научного дискурса не стоит по разным причинам. Наиболее убедительные доводы приводит А.В. Нагорная, ссылаясь на идею «чувственного пробуждения» П. Столлера, согласно которой наука должна не только заниматься изучением ощущений, но и «пробудить» собственную чувственную сферу, научиться излагать мысли так, «чтобы они пробуждали перцептивный отклик» [Нагорная 2017: 5]. Кроме того, чувственный опыт сопровождает человека в течение всей жизни (вопрос определенных отклонений в системе чувственного восприятия является предметом исследований иного рода), в то время как сознательное восприятие начинает формироваться лишь на определенном ее этапе.

Научный дискурс, зафиксированный в научном тексте как результате речевой коммуникации (в его устной и письменной разновидностях), предполагает воздействие на органы чувств посредством языка и только языка. И, поскольку язык научного текста является результатом внимательного чтения, тщательного отбора средств разных уровней, продумывания формулировок и редактирования, есть основания говорить о его воздействующем потенциале. Этот потенциал реализуется во внешнем диалоге коммуникативного аспекта научного дискурса и характеризуется установкой адресанта на изменение знаний адресата, моделей его научного опыта, на поддержание норм научного этоса, а также на предотвращение использования неспециалистами продуктов научного дискурса в антигуманных целях [Кротков, Зуев 2012: 18]. Будучи дистантным по типу, языковое воздействие, тем не менее, обладает мощной силой, которая может сравниться и с контактными, физическими воздействиями. Эта «сила» заложена

прежде всего в самих лексических единицах, а также в их сочетаемости, способности сопровождаться коннотативными смыслами и дополнительными значениями, приобретать переносные значения, вступать во взаимодействие с экстралингвистической информацией.

Рассмотрим в качестве материала исследования такую разновидность научного дискурса, как научная статья/тезисы на примере статей и тезисов, представленных в сборниках «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов IX Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации» (21-22 февраля 2017 г.)» (Саратов, 2017), «Языковые и культурные контакты в контексте развития гуманитарного образования в Саратовском государственном университете: материалы Международной конференции в рамках Международного научного симпозиума, посвященного 100-летию гуманитарного образования в СГУ (25 октября 2017 г.)» (Саратов, 2017), “3rd UK Cognitive Linguistics Conference. Language, Mind and Reality (6-8 July 2010)” (Hertfordshire, 2010), “Stockholm Metaphor Festival” (Stockholm, 2011). Рассмотренные тексты (105 на русском языке и 140 – на английском) объединены лингвистической тематикой, что делает их привлекательным объектом для изучения с обозначенных позиций, поскольку продукт научного творчества лингвиста представляет собой не только изложение результатов исследования, но и образец мастерского владения языком. В фокусе внимания – языковые средства, обладающие потенциалом воздействия на чувственную сферу человека в условиях научного общения прежде всего за счет зафиксированного в них чувственного опыта: зрительного, слухового, обонятельного, осязательного и вкусового.

Научный дискурс визуализирован намного больше, чем представлен в тактильном, соматическом, пространственном или аудио-форматах. Это очевидно и в русском, и английском дискурсах. Визуальный канал восприятия информации является наиболее активным (по разным данным, от 60 до 90 % информации воспринимается именно органами зрения). Таким образом, языковое воплощение ощущений идет по следам физиологической перцепции. Кроме того, визуальное восприятие издавна имеет высокий статус в западных культурах и языках, тесно связано с интеллектуальной и духовной сферами. Визуализация научного дискурса в таком его проявлении, как письменный научный текст, осуществляется по следующим направлениям:

- цвет (*проходит красной нитью, white list*);
- яркость (*совокупность ярких характерных знаков, яркое проявление, ярко отражает особенности, яркая эмоциональная окраска, яркая экспрессия, яркие противопоставления, яркие цвета, нарисовать яркую картину, проявиться наиболее ярко, блестящий образец, shed light on, the image is less bright, highlight the structure, the metaphor highlights, salient facets, as salient as metaphor, in the light*);
- прозрачность/ясность (*is not clear cut, opaque to interpretation, opaque patterns, contrasting findings, lucid account, vagueness, ambiguity, to obscure the roles, blurred conceptualization, evident, subtle differences*).

Цветовой аспект представлен скромно и в англоязычном, и в русскоязычном тексте, в то время как яркость выступает наиболее отчетливо. Нельзя не обратить внимания на более богатый с точки зрения разнообразия лексических единиц ряд словосочетаний на английском языке. Такое же разнообразие наблюдается и в категории «прозрачность/ясность», в то время как в русскоязычном научном тексте эта категория не представлена вовсе.

Апелляция к телесному или кинестетическому опыту наблюдается в лексических единицах *ритм более гибкий, динамичность и сжатость речи, гибкая система, несут определенную функциональную нагрузку, tight connection, are intimately tied, the weakness of such attempts, weaknesses in oral communication, a close affinity, a strong sense of polysemy, a stronger power, a strong link, strongly context-dependent, stable production, keep track, the term that slips and slides, etc.* Данную группу составляет лексика, описывающая чувственные впечатления, ощущения, возникающие от перемещения тела в пространстве и внешних воздействий на тело в целом. По количеству входящих в ее состав компонентов (объем данной публикации не позволяет привести все примеры) она ненамного уступает группе, содержащей лексику визуального перцептивного модуса. Отметим, однако, что англоязычный научный текст более насыщен лексическими единицами со значением движения или телесных переживаний.

Соматическая чувствительность связана с ощущениями боли, температуры, прикосновения и в тексте научной статьи выражается лексическими единицами: *обостренный интерес, накал страстей, острая борьба, жесткий тип управления, не жестко сформулированное задание, сухой доклад, roughly the same, density distributions of exemplars, is soft, metaphor is pervasive, etc.* Основная особенность единиц этой

группы – явное воздействие, пусть и посредством метафоры, на болевые рецепторы (опыт контакта с чем-то жестким, острым, раскаленным не бывает положительным и, возможно, по этой причине наиболее прочно запечатлевается в памяти). Таким образом, воздействие осуществляется через негативный чувственный опыт. В случае с английским языком, однако, наблюдается обращение и к положительному чувственному опыту.

Минимальное количество лексических единиц со значением воздействия на органы чувств содержится в группе перцептивного модуса «слух» (*резкие звуки, делает акцент, ударение в слове, пронзительные высокие и однообразные глуховатые голоса, resonant readings*), употребление большей части из которых связано с темой научной статьи. Такой результат вполне предсказуем в отношении западных языков, в которых слуховой опыт и его отражение в языке рассматривались как нечто второстепенное и малозначительное по отношению к опыту зрительному.

В заключение отметим, что бóльшая часть рассмотренной лексики не относится к перцептивной лексике как таковой, а является результатом метафоризации, что, однако, не умаляет ее роли в формировании языковой «сенсорной картины» и не уменьшает ее воздействующего потенциала на чувственную сферу реципиента. Он в большинстве случаев реализуется за счет обращения к негативному чувственному опыту. Основной вывод проведенного исследования касается не только научного текста (и научного дискурса в целом), но и ресурсов, заложенных в русском и английском языках. При явном преобладании лексики визуального модуса восприятия слабо представлены лексика перцептивного модуса «слух» и совершенно не представлены перцептивные модусы «обоняние» и «вкус». Внутри рассмотренных модусов в русскоязычном и англоязычном научных текстах наблюдается неравномерность и в количественном, и в содержательном планах (языковая асимметрия), при этом англоязычный научный дискурс более перцептивен и по количеству, и по разнообразию используемых единиц, чаще апеллирует к положительному чувственному опыту.

Литература

Кротков Е.А., Зуев К.А. Проблема типов научного дискурса // Гуманитарные науки. 2012. № 4 (8). С. 16-26.

Нагорная А.В. Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: аналитический обзор /

РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания; отв. ред. Яковлева Э.Б. М., 2017.

Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.

Y.N. Mukhina (Saratov, Russia)
Chernyshevsky Saratov State University

SENSORY FEATURES OF SCIENTIFIC DISCOURSE

The article focuses on the lexical organization of the scientific discourse presented in the form of a scientific text, namely the linguistic means able to affect the sensory system of a human. This ability is seen as the result of their meanings that are the projections of visual, auditory, olfactory, tactile and gustatory experience. In case of the scientific discourse these are the projections of visual, auditory, tactile and corporal experience.

Key words: sensory studies, scientific discourse, sensory experience, perception.

М.Ю. Некрасова (Россия)
Севастопольский государственный университет
nekramar@mail.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОЦЕНКИ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ КРЫМА РОССИИ В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКИХ ГАЗЕТ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются языковые средства оценки политических и социальных процессов, освещаемых в британском публицистическом дискурсе середины XIX века. Анализируются способы манипуляции общественным сознанием для формирования необходимой властям идеологии посредством оценочной категоризации. Особое внимание уделяется аллюзии, метафоре, топонимам, выступающим в роли идеологем.

Ключевые слова: дискурс газет, оценочная категоризация, идеологема, аллюзия, метафора, Крым.

Познание мира человеком напрямую связано с системой коллективных и индивидуальных ценностей: добра/зла, справедливости/несправедливости, пользы/вреда и т. д. В результате соотнесения событий и явлений с ценностной шкалой формируются знания оценочного характера. Происходит процесс оценочной категоризации – «мысленного соотнесения объекта или явления с определенной аксиологической категорией» [Болдырев 2002: 362].

Событие «война» обычно имеет негативную оценку. Однако военные действия могут быть представлены в положительном аспекте, если они связаны с категориями справедливости, защиты, укрепления мира. Ярким примером переформатирования общественного сознания и установления необходимых идеологических стереотипов мышления может служить участие Великобритании в Крымской войне 1853–1856 гг. Для оправдания вступления в войну и создания положительной оценки своим действиям власти манипулируют сознанием граждан в поисках поддержки. Как известно, Крым был присоединен к Российской империи после трехсотлетнего нахождения в составе Турецкой Порты. Таким образом, вступая в войну на стороне Турции, Великобритания выставляет себя защитницей территориальных интересов союзника, вершителем правосудия. С помощью газет власти пытаются донести свою идеологию до граждан.

Цель статьи – проанализировать языковые средства оценки, используемые для формирования необходимой властям картины мира в британском газетном дискурсе середины XIX века. В качестве материала исследования проанализированы информационные новостные статьи газет *The Times* и *The Daily News* за 1854–1855 гг.

Дискурс газет неразрывно связан с контролирующей функцией власти. Контроль над дискурсом «означает особый доступ к его производству и, стало быть, к его содержанию, стилю, и, в конце концов, общественному сознанию» [ван Дейк: 2013: 128]. Идеологический компонент публицистики основан на необходимости одобрения, поддержки публикой.

Одним из базовых элементов газетного дискурса является идеологема. Она «задает идеологический модус любому публицистическому тексту» [Клушина: 2008: 39]. Под идеологемой понимается языковая единица, слово, «имеющее в своем значении идеологический компонент» [Чудинов: 92]. В таком случае прямое значение слова отступает на второй план, «а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании лексической единицы» [Радбиль: 1998: 22].

Принадлежность Крыма к Российской империи преподносится в британских газетах как несправедливость и имеет широкую лексическую объективацию. Одним из способов данной манипуляции является идеологема имени, вербализованная посредством топонимов и географических названий, большинство из которых имеют татарское или греческое происхождение. Читателю внушают, что Россия не имеет отношения к историческому прошлому полуострова. *The Black Sea* нередко репрезентируется в форме его древнегреческого названия – *the Euxene*. Обязательно упоминается старое татарское название Севастополя – Ахтиар (*Akhtiar*).

The possession of the Crimea and the construction of a maritime fortress of the first order in the magnificent harbour of Akhtiar – for such was the former name of Sebastopol – were essential parts of that vast scheme of policy by which the genius of PETER and his successors transformed Muscovy into the Russian Empire [The Times. 04.10.1854].

Газеты пестрят непонятными словами восточного происхождения, которые непросто передать англоязычной публике. Топоним Бахчисарай в первых сообщениях газеты *The Times* постоянно меняет правила написания – *Batchi-Sarai* (19.09.1854), *Bakschi Sarai* (22.09.1854), *Bakshi-Sarai* (28.09.1854), пока не устанавливается единое написание *Bakshiserai*, что также подчеркивает трудности правописания непонятных восточных слов.

Репрезентация Балаклавы как будущей базы британского флота впервые вводится через аллюзию на историческое прошлое Крыма. В описании бухты цитируется Страбон и упоминаются генуэзцы, построившие у входа свою крепость:

Balaklava is a harbour on the south coast of the Crimea, situated seven miles in a direct line from Sebastopol, and 11 miles to the east of Cape Chersonese. It is still, as it was described by STRABO, a portus angusto introit (порт с узким входом), the mouth being only 30 yards in width, but it will contain 12 sail of the line. The site is one of the most beautiful in the East, and it derives its name from the “Belle Chiave” (прекрасный ключ) of the Genoese, who founded the little town at the bottom of the haven, and built the fort on the adjoining cliff [The Times. 06.10.1854].

Эта отсылка к истории, древним грекам, скифам, генуэзцам и другим крымским народам подчеркивает, что исторически русских в Крыму никогда не было, поэтому очевидна справедливость миссии Великобритании по избавлению местного населения от Российского ига – *to raise against the Russian yoke*. Авторы передовых статей несут идею о том, что британцы являются армией освободителей:

...that the troops are marching towards Sebastopol; and that the Tartar population of the Crimea are disposed to sympathize with the liberating armies [The Times. 26.09.1854].

Газеты создают имидж нации как крайне миролюбивой, прибегающей к необходимости ведения боевых действий только в случае крайней необходимости, во благо защиты мира. При помощи метафоры британская армия изображена как пример доблести, британские солдаты и офицеры вкладывают душу и действуют от всего сердца, считая себя проводниками мировых идеалов:

We are not a military nation, by taste and habit; but our soldiers fight as well as those of nations, which pursue war almost exclusively. We do not fight except to avoid some greater evil than war; but when we do, our military and naval representatives put as much heart and soul into their work as if glory were the national idol, and they its priests [The Daily News. 21.10.1854].

Крымская погода не только подчеркивает образ холодной России. Для описания осенней погоды в Крыму используется эпитет *Scythian*, который концентрирует внимание на варварском прошлом полуострова:

The present may be a somewhat finer season than usual, but every Russian considers November a winter month, useless for all military operations in the steppe; October usually has there a highly Scythian character. The ground is ordinarily turned into a sort of mudlake by the heavy autumnal rains; while the terrible winds from Central Asia or from the northern deserts are murderous to the traveller. Before the month is over, snowstorms and drifts occur, and fatal fogs, while the latest fruits are still mellowing in the clear sunshine of the South Coast of the Crimea [The Daily News. 14.10.1854].

Название бабьего лета, которое в английском языке традиционно обозначается как *Indian summer*, в газете *The Daily News* переводится с турецкого. Это дополнительно свидетельствует о союзе Великобритании и Турции в Крымской войне и намекает на претензии Турции на Крым.

Those who are best acquainted with the meteorological phenomena in the Euxene... confidently predict a track of fine weather for the next six weeks – what the Turks call “the old woman’s summer” [The Daily News. 21.09.1854].

Взаимоотношения местного населения с армией союзников должны оцениваться как справедливые. В прессе упоминается в основном татарское население, на которое возлагаются надежды на сотрудничество. Ведь татары были подданными Османской империи и, вероятно, мечтают о восстановлении status quo.

The great bulk of its inhabitants, however, are still of Tartar race, and nourish a considerable hatred to their Russian conquerors. This feeling may be found to manifest itself greatly to our advantage should the Czar's troops be quickly and thoroughly beaten, and the French and English commanders contrive to convince the natives of the Crimea that our war is not with them, but with the despot who enslaved their country and its people [The Daily News. 21.09.1854].

Действия России, с другой стороны, представлены негативно окрашенными глаголами *seized the Crimea, enslaved their country, took forcible possession of the country*, а отношение жителей Крыма – крымских татар к «захватчикам» номинантами *disgust, hatred, conquerors*. Кроме того, газеты характеризуют Россию как агрессора, ограничивающего свободу передвижения народов по территории Крыма:

The Turkish provinces of Asia exhibit evidences everywhere of an immigration of Scythians and the Asiatics bordering on the Black Sea, have in all times of pressure from war, freely passed over into the Crimea, till the restrictive character of Russian rule discourages such settlement [The Daily News. 14.10.1854].

В сознании британцев война, которая ведется Великобританией на территории России, концептуализируется как война за свободу и цивилизацию, против варварства и рабства, так как враг грозит нападением и экспансией. Стратегия навязывания нужной оценки вербализуется в британских СМИ при помощи идеологем, топонимов, аллюзий, метафор, негативно окрашенной лексики. Таким образом, по оценочной шкале справедливый/несправедливый действия Британии относятся к справедливым, а территориальная принадлежность Крыма, как и действия России, – несправедливыми.

Литература

Болдырев Н.Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык, сознание. Вып. 2. Тамбов, 2002. С. 360-369.

Дейк Т.А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке коммуникации / пер. с англ. М., 2013.

Клушина Н.И. Интенциональные категории публицистического текста (на материале периодических изданий 2000–2008 гг.): автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2008. 62 с.

Радбиль Т.Б. Мифология языка Андрея Платонова. М.; Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 1998.

Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007.

The Daily News. London, 1854.

The Times. London, 1854.

M. Yu. Nekrasova (Russia)
Sevastopol State University

LINGUISTIC MEANS OF EVALUATION OF RUSSIA'S POSSESSION OF THE CRIMEA IN THE BRITISH NEWSPAPERS OF THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

The article studies the linguistic means of evaluation of political and social processes covered by the discourse of the British newspapers of the middle of the 19th century. It analyses the means of manipulating the public opinion to form the ideology of the authorities. The attention is focused on the allusion, metaphor, toponyms, used as ideologemes.

Key words: newspaper discourse, evaluative categorization, ideologeme, metaphor, allusion, Crimea.

Н.В. Немирова (Сыктывкар, Россия)
Сыктывкарский государственный
университет им. Питирима Сорокина
nvnemirova@yandex.ru

КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ ГАЗЕТНОГО ДИСКУРСА

В статье прецедентные феномены, функционирующие в газетном дискурсе, рассмотрены с позиций семиозиса в когнитивной деятельности человека.

Ключевые слова: прецедентные феномены, семиозис, семантика, синтактика, прагматика, когнитивная деятельность человека.

Когнитивная семиотика на современном этапе признается междисциплинарной наукой, изучающей «смысл в тексте, коммуникации, изображении, моделях и языках» [Цветков 2016: 17]. Когнитивную интерпретацию получают традиционные термины семиотики: семиозис («процесс сигнификации в языке (естественном) или в тексте» [Цветков 2016: 18]), семантика (отношение «знаков к их десигнатам и тем самым к объектам, которые они обозначают» [Моррис 1983: 54]), синтактика («синтактические отношения знаков» [Моррис 1983: 48]), прагматика («отношения знаков к их интерпретаторам» [Моррис 1983: 62]).

Когнитивная интерпретация семантики ассоциируется с процессом концептуализации [Панкрац, Кубрякова 1996: 50]. Для когнитивного понимания синтактики важным является утверждение о том, что «грамматика (синтаксис) не образуют отдельного и/или автономного уровня репрезентации языковых форм в голове человека»; грамматика представляет собой «конвенциональное отражение... определенных семантических структур» [Панкрац, Кубрякова 1996: 50]. «Когнитивная прагматика оперирует правилами, понятиями, стратегиями», которые являются «инструментами для быстрой и функциональной обработки информации» [Демьянков 1996: 180].

Для прецедентных феноменов (ПФ), по справедливому замечанию Н.А. Кобриной, характерен «вторичный семиозис», который формируется «над уровнем комбинаторики и структурного значения» «в практике использования... летучих фраз в различных ситуациях, не соотносимых с их буквальным смыслом» [Кобрина 2005: 64]. Употребление ПФ подтверждает «активную роль ментальной деятельности в процессе функционирования уже готовых структур» [Кобрина 2005: 65].

Рассмотрим особенности когнитивно-семиотических аспектов прецедентных феноменов (ПФ) на примере использования прецедентного высказывания (ПВ) «Уж коли зло пресечь, / Забрать все книги бы да бы сечь» и прецедентного имени (ПИ) «Скалозуб», восходящих к прецедентному тексту (ПТ) – комедии «Горе от ума» А.С. Грибоедова, в контексте аналитической статьи А. Угланова «Оружие XXI века – умение быстро запудрить мозги» [Угланов 2018].

А. Угланов, рассуждая об очередном докладе, подготовленном Джеймсом Эндрю Льюисом, старшим вице-президентом CSIS (The Center for Strategic and International Studies (Вашингтон, США)), посвященном «когнитивным войнам, кибербезопасности и использованию информации

в качестве оружия против США», выделяет ключевые проблемы, обозначенные в находящемся в открытом доступе документе: «четыре страны – Россия, Китай, Иран и Северная Корея – находятся в конфликте с Соединенными Штатами... Эти государства используют Интернет в своих интересах... Вообще целью киберопераций является... манипулирование информацией для изменения мыслей и поведения граждан». При этом представитель CSIS приводит исторический пример – «изобретение печатной машины Гутенбергом», следствием которого явилось изменение образа «мыслей людей, а затем и их действия», так как люди «стали приобретать знания по более низкой цене и из гораздо более широкого круга источников». Автор, комментируя этот пример, саркастически замечает: «Впору вспомнить комедию Грибоедова “Горе от ума” и самую главную ее цитату: “Уж коли зло пресечь, Забрать все книги бы да бы сжечь!” Вот такой он, главный мозговой центр правящей элиты США. Любопытно! Чем им Интернет-то опасен?» В качестве ответа на поставленный вопрос автор приводит цитату из доклада Д.Э. Льюиса: «Интернет позволяет людям иметь собственные факты» [Угланов 2018].

Когнитивно-семантический аспект ПФ включает, на наш взгляд, во-первых, определение «кванта информации», который «выделен телом знака из общего потока сведений о мире», то есть «значения знака», который определяется как «концепт, схваченный знаком» [Никитин 1974: 70]; во-вторых, анализ вторичной репрезентации ПФ, при которой происходит «не только воспроизведение первичного концепта, но и его изменение – развитие, расширение и т. д.» [Болдырев, Бабина 2001: 83]. Когнитивно-семантический и когнитивно-синтаксический аспекты тесно взаимосвязаны: когнитивные признаки прецедентов вербализуются в определенном контексте, опираются не только на грамматическую семантику словоформ и смысл высказывания, но и на содержание более широкого контекста.

ПВ «Уж коли зло пресечь, / Забрать все книги бы да бы сжечь!» (фраза принадлежит Фамусову, Скалозуб говорит о сохранении книг «для больших okazji»), использованное в контексте газетной публикации, транслирует новый смысл – ‘ограничить возможность получения различной информации из интернет-источников’. Само ПВ, содержащее в структуре инфинитив в сочетании с частицей бы, реализует идею желательного, но не осуществимого по объективным причинам действия, поэтому использование атрибутированного ПВ необходимо автору газетного тек-

ста не только для того, чтобы определить содержание «кванта информации» – ‘ограничение доступа к относительно дешевому способу получения информации’, – но и использовать для этой цели существующий в коллективном национальном сознании прецедентный способ передачи аналогичной информации, имеющий соответствующую объективную модальность. Возможность установления связи между концептами ИНТЕРНЕТ и КНИГА путем воспроизведения «кванта информации» при помощи ПВ определяется общим когнитивным признаком (КП) ‘источник получения информации’. Очевидно, что концептуальная характеристика ПВ в контексте газетной публикации невозможна без анализа грамматических форм и содержания аналитической статьи в целом.

А. Угланов в анализируемой статье использует ПИ «Скалозуб»: «Но вот еще одно напоминание про полковника Скалозуба»: «Первая «революция знаний», созданная печатным станком, принесла многовековые политические потрясения. Цифровые технологии дают тот же эффект, но более быстрыми темпами и с более широкими последствиями» [Угланов 2018]. ПИ «Скалозуб» в контексте статьи имеет КП ‘противник просвещения, получения знаний из интернет-источников’, причем автор указывает на причину такого отношения к новой «революции знаний» – «политические потрясения... с более широкими последствиями» [Угланов 2018]. Несмотря на то что процитированная автором фраза принадлежит Фамусову, сама идея ограничения доступа к источникам информации предложена Скалозубом, поэтому, вероятно, это ПИ использовано в аналитической статье А. Угланова.

Когнитивно-прагматический аспект ПФ заключается в анализе категорий «адресанта и адресата как носителей определенного фонда знаний, необходимого для понимания смысла ПФ»; в воспроизведении особенностей вовлечения «адресата в процесс декодирования коммуникативного смысла, выраженного ПФ, и осознания использованных адресантом текста трансформационных моделей; в исследовании представления, имеющегося у участников коммуникации, об иллокутивной силе «речевых актов, включающих ПФ»; в рассмотрении «произведенного на адресата перлокутивного эффекта» в процессе использования ПФ» [Немирова 2018: 631].

Примеры использования ПФ, являющихся результатом вторичного семиозиса, позволяют, с одной стороны, проанализировать интенции адресанта, суть которых состоит в том, чтобы показать абсурдность заявлений

Д.Э. Льюиса (с этой целью использовано ПВ, характеризующееся парадоксальностью содержания, и ПИ, связанное с ПВ); с другой стороны – прогнозировать возможное декодирование сообщения адресатом (автор употребляет атрибутированное ПВ, неоднозначность понимания которого, скорее всего, невозможна, так как его смысл определяется контекстом публикации и проецируется на ПТ). Суть декодирования смысла ПВ и ПИ определяется метафорическими моделями использования источников ПФ: ПВ и ПИ употреблены в переносном значении, использованы для характеристики новой концептуальной системы. Важным в процессе анализа является воспроизведение адресантом и понимание адресатом утвердительной иллокутивной модальности и гипотетической объективной модальности выражений, включающих ПФ. Показателем достигнутого перлокутивного эффекта анализируемой публикации является сформированность у адресата представлений об абсурдности высказываний старшего вице-президента CSIS и негативной телеологической оценки подобного рода заявлений.

Таким образом, вторичность семиозиса, характерная для ПФ, использованных в газетном дискурсе, предполагает отнесение «кванта информации» к определенной концептуальной структуре, которая связана с первичными и вторичными представлениями этого прецедента в различных дискурсах; определение его когнитивного признака (смысла, воспроизведенного в контексте), особенностей его формирования, модальности и произведенного перлокутивного эффекта.

Литература

Болдырев Н.Н., Бабина Л.В. Вторичная репрезентация как особый тип представления знаний в языке // *Филологические науки*. 2001. № 4. С. 79-86.

Демьянков В.З. Схема // *Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. С. 179-181.

Кобринна Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации: взаимозаменяемость / относительная автономность / неоднозначность

векторной зависимости // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 59-69.

Кубрякова Е.С. Возвращаясь к определению знака // Вопросы языкознания. 1993. № 4. С. 18-28.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика / сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37-89.

Немирова Н.В. Когнитивно-прагматический анализ прецедентности газетного дискурса // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXIV. С. 628-632.

Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании: спецкурс по общей и английской лексикологии. Владимир: ВПИ, 1974. 216 с.

Панкрац Ю.Г., Кубрякова Е.С. Когнитивная грамматика // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: МГУ, 1996. С. 49-51.

Уланов А. Оружие XXI века – умение быстро запудрить мозги // Аргументы недели. 2018. № 40.

Цветков В.Я. Когнитивная семиотика и информационное моделирование // Перспективы науки и образования. 2016. № 6 (24). С. 17-22.

*N.V. Nemirova (Syktyvkar, Russia)
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University*

COGNITIVE-SEMIOTIC ASPECTS OF PRECEDENT IN NEWSPAPER DISCOURSE

In the article precedent phenomenon, that function in newspaper discourse, are examined from the standpoint of semiosis in human cognitive activity.

Key words: precedent phenomenon, semiosis, semantics, syntactics, pragmatics, human cognitive activity.

*Е.А. Огнева (Белгород, Россия)
Белгородский государственный
национальный исследовательский университет
ogneva@bsu.edu.ru*

**ОСОБЕННОСТИ ТЕМПОРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
В АРХИТЕКТОНИКЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ УТОПИИ
Ф. БЭКОНА «THE NEW ATLANTIS»**

В статье рассматриваются особенности архитектоники номинативного поля художественного концепта ВРЕМЯ, репрезентированного на страницах утопии Ф. Бэкона «The New Atlantis». В научный тезаурус вводятся новые понятия: (1) сужение темпоральной спирали, (2) темпоральная когнитивная поляризация, характеризующие специфику темпоральной модели в архитектонике концептосферы утопии.

Ключевые слова: концептосфера художественного текста, художественный концепт, сужение темпоральной спирали, темпоральная когнитивная поляризация, моделирование, Новая Атлантида, утопия.

В течение многих десятилетий текст как форма хранения и передачи знаний находится в эпицентре исследовательского интереса. Так, в работах Н.Ф. Алефиренко текст рассматривается как «объединённая смысловой связью последовательность языковых знаков» [Алефиренко 2007: 3-7], тогда как в трудах Е.С. Кубряковой значимо понимание текста как «информационно самодостаточного речевого сообщения с ясно оформленным целеполаганием и ориентированного по своему замыслу на своего адресата» [Кубрякова 2001: 73].

А.А. Залевская подчёркивает тот факт, что «исходный смысл, закладываемый в текст его автором, передаётся через значения используемых слов» [Залевская 2002: 71].

Наиболее полное определение тексту было дано И.Р. Гальпериным ещё в начале 80-х годов XX века. Учёный рассматривал текст как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определенную целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин 2007: 18].

В современной научной парадигме ракурс текстовых исследований смещается в сторону когнитивного подхода [Croft, Cruse 2004], предоставляющего возможность проведения комплексных когнитивных изысканий в архитектонике художественного текста, рассматриваемого нами в виде художественной концептосферы как совокупности художественных концептов.

Результаты исследований архитектоники художественной концептосферы приводят к мысли о необходимости комплексной интерпретации и «моделирования» [Johnson-Laird 1983; Lakoff 1984] одного из базовых художественных концептов – концепта ВРЕМЯ, поскольку номинативное поле этого концепта взаимосвязано с номинативными полями других художественных концептов в рамках концептосферы литературно-художественного произведения.

Подчеркнём тот факт, что в течение многих десятилетий художественное время, как и сам художественный текст, находится в эпицентре исследовательского интереса не только отечественных, но и зарубежных учёных [Benthem 1991; Schilperoord 1996 и др.].

В результате ранее проведённых нами исследований художественного концепта ВРЕМЯ в архитектонике концептосфер литературно-художественных произведений были выявлены когнитивные темпоральные модели следующих типов:

- 1) линейная темпоральная модель, состоящая из двух видов: (а) одновекторная, (б) многовекторная,
- 2) нелинейная темпоральная модель, состоящая из двух видов: (а) одновекторная, (б) многовекторная,
- 3) циклическая модель,
- 4) линейная модель [Огнева 2013].

Также нами установлено, что номинативное поле художественного концепта ВРЕМЯ представляет собой совокупность трёх типов номинантов:

- 1) словосочетания, семантика которых репрезентирует художественное время;
- 2) глаголы, темпоральный аспект которых репрезентируется в категориях времени и вида,
- 3) хронемы, под которыми понимаются языковые единицы, вербализующие время как компонент невербального кода коммуникации в повествовательном контуре текста.

В данной статье представляется интересным рассмотреть некоторые особенности репрезентации модели художественного концепта

ВРЕМЯ в архитектонике утопии Ф. Бэкона «The New Atlantis» (Новая Атлантида).

Исследование номинативного поля художественного концепта ВРЕМЯ в архитектонике утопии выявило наличие всех трёх вышеперечисленных типов номинантов. Как известно, утопия не была завершена, однако написанный текст может быть разделен по смыслу на несколько частей.

Когнитивно-герменевтический анализ двух первых частей текста: (1) «плавание» и (2) «первая встреча с представителем островитян» выявил следующие особенности репрезентации модели времени:

- 1) сужение темпоральной спирали,
- 2) наличие темпоральной когнитивной поляризации,
- 3) сочетание различных временных векторов.

Рассмотрим эти особенности подробнее.

1. Сужение темпоральной спирали. В нашей концепции под сужением темпоральной спирали в модели номинативного поля художественного концепта ВРЕМЯ понимается процесс последовательной текстовой репрезентации времени от более продолжительных к более кратким периодам.

Так, в рассматриваемой первой части произведения выявлено следующее сужение темпоральной спирали: *one whole year (весь год)* → *for twelve months (в течение 12 месяцев)* → *for five months space and more (в течение более пяти месяцев)* → *sometime (иногда)* → *by which time (к этому времени)*. Подчеркнём тот факт, что сужение темпоральной спирали в текстовой архитектонике не высокочастотное явление.

2. Темпоральная когнитивная поляризация. Под темпоральной когнитивной поляризацией нами понимается текстовая репрезентация темпоральных полярных параметров в модели номинативного поля художественного концепта ВРЕМЯ.

На первых двух страницах утопии выявлены следующие примеры темпоральной когнитивной поляризации:

(1) *for death (смерть)* → *in the beginning (в начале, т.е. при сотворении мира)*,

(2) *the next day about evening (на следующий день к вечеру)* → *in the dawning of next day (на рассвете следующего дня)*,

(3) *(written) in ancient Hebrew (на древнем иврите), ancient Greek (на древнегреческом), Latin (на латинском)* → *Spanish (на испанском, т.е. на новом языке)*.

Выявлена также репрезентация темпоральной когнитивной поляризации временного периода и временной точки: *after an hour and half (после полутора часов)* → *every minute long (каждую минуту)*. Репрезентация темпоральной когнитивной поляризации в архитектонике утопии более частотна, чем сужение темпоральной спирали.

3. Сочетание временных векторов. Под термином *временной вектор* понимается текстовая реализация потока времени, имеющая две базовые характеристики: точку отсчёта и последовательное изложение событий, объединённых в рамках когнитивной линейки как совокупности маркеров времени [Огнева 2013: 146].

Было выявлено сочетание следующих векторов: *during which time (настоящее время)* → *within sixteen days (будущее время)* → *further time (будущее время)* → *meanwhile (настоящее время)*.

Также между моделью сужения темпоральной спирали и первым примером темпоральной когнитивной поляризации выявлена отсылка к прошлому времени, выраженная перфектной формой глагола *had made* в конструкции *our victual fail us though had made good spare of them*.

Выявление перечисленных особенностей темпоральной модели художественного концепта ВРЕМЯ в архитектонике утопии наряду с ранее выявленными «особенностями пространственной модели» [Огнева 2017: 113-119] способствует созданию комплексной модели архитектоники концептосферы утопии.

Литература

Алефиренко Н.Ф. Текст – дискурс – язык // Русская филология. Украинский Вестник: Республиканский научно-методический журнал. Харьков. 2007. № 2-3 [33]. С. 3-7.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007. 148 с.

Залевская А.А. Некоторые проблемы понимания текста // Вопросы языкознания. 2002. № 3. С. 62-73.

Кубрякова Е.С. О тексте и критериях его определения // Текст. Структура и семантика. Т. 1. М., 2001. С. 72-81.

Огнева Е.А. Особенности пространственной модели «Новая Атлантида» в архитектонике утопии Ф. Бэкона // Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (63). С. 113-119.

Огнева Е.А. Темпоральная архитектоника концептосферы художественного текста // Приоритетные направления лингвистических исследований: общетеоретические, когнитивные, коммуникативно-прагматические и функционально-грамматические аспекты языка: коллективная научная монография / под ред. А.Г. Бердниковой. Новосибирск: «СибАК», 2013. С. 138-155.

Benthem J. van. The Logic of Time. A Model-Theoretic Investigation into the Varieties of Temporal Ontology and Temporal Discourse. 2-d edition. Springer science + Business media Dordrecht, 1991. 280 p.

Croft W., Cruse D.A. Cognitive Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 356 p.

Johnson-Laird P.N. Mental Models, Towards a Cognitive Science of Language, Inference, and Consciousness. Cambridge [et al.]: Cambridge University Press, 1983. 513 p.

Lakoff G. Categories and Cognitive Models: Berkeley Cognitive Science Report. Berkeley: Institute for Human Learning [U. of California], 1984. P. 275-304.

Schilperoord J. It's about Time. Temporal Aspects of Cognitive Process in Text Production. Amsterdam-Atlanta, GA, 1996. 326 p.

E.A. Ogneva (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

ogneva@bsu.edu.ru

**SPECIFIC FEATURES OF TEMPORAL MODEL
IN THE ARCHITECTONICS OF CONCEPTUAL DOMAIN
(BASED ON “THE NEW ATLANTIS” BY F. BACON)**

The article deals with the specific features of nominative field of literary concept TIME represented in the utopia “The New Atlantis” by F. Bacon. New terms are introduced such as narrowing of temporally spiral, temporal cognitive polarization. These terms interpreted the specific features of temporal model in the architectonics of utopia`s conceptual domain.

Key words: literary conceptual domain, literary concept, narrowing of temporally spiral, temporal cognitive polarization, modeling, the New Atlantis, utopia.

*Д.С. Павлова, Е.В. Ерофеева (Пермь, Россия)
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
pavlovads@mail.ru, elenerofee@gmail.com*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СПОНТАННОГО МОНОЛОГА¹

В статье представлено оригинальное понимание модели семантической структуры спонтанного монолога как концептуальной модели, основанной на анализе реализованных в тексте микротем (концептуальных областей), связанных друг с другом в таких единицах текста, как синтагмы. Полученные результаты позволяют говорить о стабильности и жестко заданной концептуальной структуре устного спонтанного монолога.

Ключевые слова: текст, спонтанный монолог, семантическая структура, моделирование, концептуальная модель.

Семантическая структура текста понимается как совокупность семантических компонентов текста разных уровней (микротем текста и лексических единиц, семантика которых реализует эти микротемы), а также иерархической системы разнообразных связей (семантических и грамматических) между лексическими единицами и микротемами, формирующая единство глубинной и поверхностной структур текста. Семантическая структура как текстовая категория позволяет описать интеграцию и взаимодействие цельности и связности текста.

Такое понимание семантической структуры текста отличает ее и от семантического пространства текста [Белоусов 2013 и др.], и от цельности текста [Мурзин, Штерн 1991 и др.], и от глубинной структуры текста [Дейк 2000 и др.], поскольку учитывает не только семантические (смысловые) параметры, но и грамматическую связность компонентов внутри текста.

Микротемы в данном случае являются составляющими текста, его концептуальными областями, и обладают следующими свойствами:

- микротема описывает часть темы текста;

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ПГНИУ на 2017–2019 гг., проект № 34.1505.2017/4.6.

- микротему формируют лексические единицы (компоненты текста), которые относятся к одной семантической области, передают определенный смысл и могут находиться в разных частях текста, поскольку на поверхностном уровне в спонтанных текстах связность реализуется нелинейно;
- синтаксические связи лексических единиц в тексте влияют на формирование микротемы;
- микротемы могут иметь разный объем, от которого зависит значимость микротемы в тексте;
- сумма микротем не равна общей теме текста.

Предлагаемая модель семантической структуры спонтанного монолога включает следующие компоненты: 1) состав микротем текста; 2) объем микротем текста, позволяющий выявить иерархию микротем в тексте, то есть их важность для носителей языка; 3) связи между микротемами с учетом силы этих связей, что позволяет установить наиболее значимое взаимодействие наиболее важных микротем в семантической структуре спонтанного монолога.

Экспериментальным материалом, используемым для построения концептуальной модели спонтанного монолога, стали расшифровки 48 устных спонтанных монологов «О себе». При записи монологов «О себе» информанту предлагалось просто рассказать о себе, далее он порождал текст без каких-либо наводящих вопросов, т.е. был свободен в выборе языковых средств. Е.С. Худякова отмечает, что «такое формулирование темы дает информантам широкие возможности самостоятельно избирать подтему и способ структурирования монолога. Тема “О себе” предполагает свободу моделирования ситуации текста (макропропозиции), выбора жанровой модели и отбора поверхностного ее заполнения (грамматического и лексического)» [Худякова 2013: 33]. Кроме того, для моделирования семантической структуры текста были выбраны спонтанные монологи, так как «спонтанность может рассматриваться как степень импровизации говорящего в процессе порождения речи, степень его свободы в выборе языковых средств» [Богданова, Бродт 2007: 36], следовательно, при реализации тех или иных языковых средств говорящий максимально свободен, а значит тексты, порожденные таким образом, отражают его языковое сознание.

Материал исследования был обработан в ИС «Семограф» при помощи метода графосемантического моделирования с учетом не только собственно семантического значения, но и синтаксических связей элементов (более подробно про методику исследования см. [Павлова 2016]). В ходе обработки и анализа экспериментального материала компоненты текстов были распределены по 38 микротемам. Пытаясь построить собственную классификацию микротем текстов «О себе», мы исходили как из существующих представлений о том, какие компоненты должны входить в них, так и из анализа полученных от информантов монологов, то есть из материала исследования, который во многих случаях сам диктовал введение определенных микротем.

После распределения всех компонентов текстов по микротемам были выявлены объемы получившихся микротем. В ядро семантической структуры вошли микротемы ЧЕЛОВЕК и Я (объем составил более 8 % в общем объеме всех микротем); в среднюю зону – ВРЕМЯ, ОЦЕНКА, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МЕСТО, СЕМЬЯ, СУЩЕСТВОВАНИЕ, КАЧЕСТВО, ПОЛ/ВОЗРАСТ, АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ, ДОСУГ, ОБРАЗОВАНИЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, КОЛИЧЕСТВО, ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ, КОММУНИКАЦИЯ, СОСТОЯНИЕ; в периферию – ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ, ДОМ И БЫТ, КУЛЬТУРА, ВЛАДЕНИЕ, ВОЕННАЯ СЛУЖБА, СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА, ЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ, МЕДИЦИНА, ТРАНСПОРТ И ТЕХНИКА, ЖИВОТНЫЕ, СТЕПЕНЬ УВЕРЕННОСТИ, СОБЫТИЕ, ЕДА, МАТЕРИАЛЬНЫЕ БЛАГА, ПРИРОДНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (ПОГОДА), ИНФОРМАЦИЯ, ЧАСТИ ТЕЛА И ОРГАНЫ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ГОСУДАРСТВО.

При помощи семантической карты, полученной в ИС «Семограф», в программе Gephi был построен граф связей микротем. Ниже представлен граф (рис. 1), отражающий сильные связи микротем текстов «О себе» (за сильные связи в данном случае принимаются связи, абсолютная сила которых составляет не менее 10 % от самой сильной связи в графе). Микротемы, образующие слабые связи с другими микротемами, отсутствуют на графе (считаем, что модель не должна отражать несущественные, индивидуальные, самые слабые связи и микротемы с очень маленьким объемом).

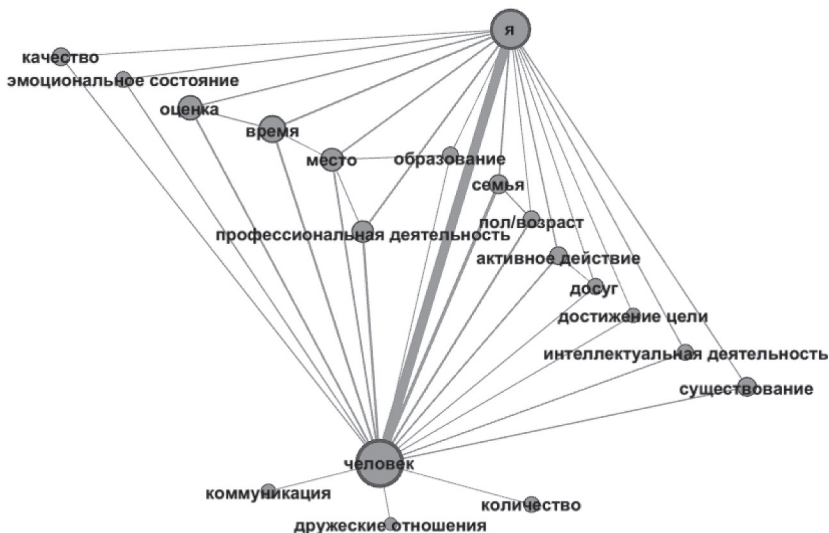

Рис. 1. Модель семантической структуры устного спонтанного монолога «О себе»

На рис. 1 видно, что самую сильную связь образуют микротемы ЧЕЛОВЕК – СЕМЬЯ, поскольку, говоря о семье, человек чаще всего имеет в виду членов семьи: *мама, папа, дочка, сын* и т. д. Связь микротем ЧЕЛОВЕК – ПОЛ/ВОЗРАСТ обусловлена приписыванием половозрастных характеристик людям (хотя иногда и животным).

Далее по силе связи располагаются микротемы Я – ЧЕЛОВЕК, ЧЕЛОВЕК – ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, Я – ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, ЧЕЛОВЕК – ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЧЕЛОВЕК – АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ, СЕМЬЯ – ПОЛ/ВОЗРАСТ. Эти микротемы вошли в среднюю зону семантической структуры текста, а сила связи подтверждает, что они значимы для человека.

Менее сильную связь образуют микротемы Я – АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ, ЧЕЛОВЕК – ДОСУГ, Я – СЕМЬЯ, ЧЕЛОВЕК – ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЧЕЛОВЕК – СУЩЕСТВОВАНИЕ, Я – СУЩЕСТВОВАНИЕ, ЧЕЛОВЕК – МЕСТО, Я – ПРОФЕССИОНАЛЬ-

НАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЧЕЛОВЕК – ОЦЕНКА, Я – МЕСТО, ЧЕЛОВЕК – ВРЕМЯ, Я – ВРЕМЯ, Я – ОЦЕНКА, ВРЕМЯ – ОЦЕНКА.

Таким образом, структура устного спонтанного монолога оказалась очень стабильной. В концептуальной модели семантической структуры текстов ядерные микротемы ЧЕЛОВЕК и Я, имеющие самый большой объем, формируют «ось», к которой примыкают другие важные микротемы текста, в большинстве случаев связанные одновременно и с микротемой ЧЕЛОВЕК, и с микротемой Я. Ядерные микротемы образуют сильные связи с микротемами средней зоны (ВРЕМЯ, ОЦЕНКА, ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, МЕСТО, СЕМЬЯ, СУЩЕСТВОВАНИЕ, КАЧЕСТВО, ПОЛ/ВОЗРАСТ, АКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ, ДОСУГ, ОБРАЗОВАНИЕ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ, КОЛИЧЕСТВО, ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛИ, КОММУНИКАЦИЯ) и периферии (ДРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ). Некоторые микротемы, находящиеся в средней зоне, также образуют связи между собой, но более слабые.

Литература

Белоусов К.И. Синергетика текста: от структуры к форме. М.: УРСС, 2013. 248 с.

Богданова Н.В., Бродт И.С. Спонтанный монолог: синтаксические характеристики текста и уровень речевой культуры говорящего // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2007. Вып. 1. Ч. 1. С. 35-43.

ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация / Благовещ. гос. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ. Благовещенск, 2000. 308 с.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 172 с.

Павлова Д.С. Методы исследования семантической структуры устного спонтанного текста // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 5. Ч. 1. С. 213-229.

Худякова Е.С. Особенности структуры устных спонтанных текстов монолингвов и билингвов (на материале монологов русских, татар и коми-пермяков) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4 (24). С. 33-46.

*D.S. Pavlova, E.V. Erofeeva (Perm, Russia)
Perm State University*

CONCEPTUAL MODEL OF SPONTANEOUS MONOLOGUE

The paper presents an original understanding of the semantic structure model in the spontaneous monologue in the form of a conceptual model based on the analysis of the micro-themes implemented in the text (conceptual areas) that are related to one another in such linguistic units as syntagm. The results obtained allow us to speak about the stability and rigidly defined conceptual structure of the oral spontaneous monologue.

Key words: text, spontaneous monologue, semantic structure, modeling, conceptual model.

*М.С. Павлова (Коломна, Россия)
Государственный социально-гуманитарный университет
marija-pavlova1993@yandex.ru*

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ И ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ПРЕСУППОЗИЦИЯ РЕЦИПИЕНТА

В статье рассматриваются особенности когнитивных и интертекстуальных метафор в художественном тексте, а также возможные причины непонимания текста-оригинала инокультурным реципиентом. Анализируется межкультурная и межъязыковая эквивалентность перевода метафоры в текстах оригинала и перевода.

Ключевые слова: когнитивная интерпретация, интертекстуальная метафора, эквивалентность, перевод, читатель.

Языковая картина мира формируется под влиянием социальных и культурных факторов, отражающих особенности национального характера. При работе с культурно-маркированной лексикой в художественном тексте национальная специфика значения лексической единицы может быть выявлена только при сопоставлении с другим конкретным языком.

Мы рассматриваем художественный текст как «модель некоторого культурологического фрагмента, в котором зафиксированы национально-специфические особенности вербального и невербального поведения того или иного этноса, а совокупность (художественных) текстов, созданных и функционирующих в лингвокультурной общности, мы понимаем как модель этой общности» [Морковина, Сорокин 2008: 5]. Именно поэтому необходимо сопоставление текста оригинала и перевода.

Трудности восприятия реципиентом иноязычного текста обычно обусловлены неадекватным пониманием значения лексем с культурной составляющей. Именно то, что не совпадает в двух культурах или отсутствует по объективным причинам в одной из них, становится препятствием для эффективного межкультурного взаимодействия автора и читателя. Для оптимизации межкультурного общения в рамках герменевтического треугольника «автор – текст – читатель» необходим не только перевод национально-специфической лексики на родной язык (что может оказаться нереальным вследствие отсутствия эквивалентных единиц в языке перевода), но и когнитивная интерпретация и лингвокультурный комментарий.

Метафора – уникальный феномен, так как с ее помощью автор может пародировать другие тексты, ссылаться на культурно-исторические события, создавать заглавия, отсылающие на другие произведения. В данном случае считаем возможным назвать такую метафору интертекстуальной. В отечественной лингвистике рассматриваемому феномену уделено ничтожно малое внимание, понятие интертекстуальной метафоры является новым и не имеет соответствующего определения. Определим интертекстуальную метафору как средство образной вербализации, составляющее интертекстуальный фрейм реципиента. Полагаем, что такое определение отражает интертекстуальные аспекты метафоры в антропоцентрической парадигме интерпретации текста.

Очевидно, что реципиент при восприятии иноязычного текста вынужден делать выбор в пользу устойчивых метафорических единиц языка перевода или в пользу образа, сложившегося в языковом сознании языка оригинала. В первом случае происходит сопоставление языка оригинала и языка перевода для поиска возможных эквивалентов. Например, английскому метафорическому высказыванию *You may find Ollie rather **baroque**, but that's only the façade* в переводе на русский язык может соответствовать *Вы, возможно, находите Олли **барочно-вычурным**, но уверяю вас, это*

только с фасада. Сопоставление оригинальной метафоры *baroque* с вариантом перевода *барочно-вычурный* позволяет сделать вывод о высокой эффективности межкультурной эквивалентности в данном предложении. Во втором случае, если адекватный эквивалент подобрать невозможно, а первоначальный образ необходимо сохранить, то реципиент, прибегая к лингвокреативному мышлению, создает собственные ассоциативно-образные лексические единицы по наиболее приемлемым моделям языка перевода. В примере *She looked at me, and alarm put to sea in her tranquil eyes. To calm her, I handed over my bouquet, and quietly repeated, «I love you»* присутствует метафорическая конструкция *alarm put to sea in her tranquil eyes*, которая переведена на русский язык как *в её безмятежном взгляде зародилась тревога*. Очевидно, что для обеспечения максимальной эквивалентности и попытки сохранения первоначальной образности были произведены некоторые трансформации. Переводчики называют такой процесс метафорической дифференциацией. Английская лексема *tranquil* обладает более богатыми семантическими характеристиками, чем ее русскоязычный эквивалент. Прилагательное *tranquil* происходит от старофранцузского *tranquillite* в значении *peace, happiness* и может трансформироваться в другие части речи, такие как глагол или существительное *tranquilize, tranquility*, в то время как в русском языке имеется лишь слово *транквилизатор*, происходящее от латинского *tranquillo* – успокаивать, означающее «лекарственное средство, подавляющее нервное напряжение, расстройство». Переводчик прибегает к понятию «тревожный», что нельзя назвать абсолютным эквивалентом. Для того чтобы определить, можно ли считать подобную метафорическую дифференциацию адекватной, проведем компонентный анализ данного слова. Английское *tranquil* обладает такими семами, как *спокойный, неподвижный, тихий, безветренный, уравновешенный, мирный, спокойный, безмятежный* и другими. Русская лексема *транквилизатор* включает следующие семы: *психотропные лекарственные средства, снимающие тревожное состояние, страх*. Очевидно, что количество совпадающих сем в языке оригинала и языке перевода невелико. Однако у этих сем есть некий семантический минимум «тревожность», который дает нам основание считать замену приемлемой. Таким образом, при сопоставлении метафорических конструкций в языках оригинала и перевода имеет место метафорическая дифференциация, благодаря которой замена инокультурных понятий позволяет считать утрату

малосущественной («значения столкнувшихся в переводе русского и английского слов различаются своими дифференциальными семами, однако оба понятия подчинены понятиям более высокого уровня, т.е. объединены архисемами» [Гарбовский 2004: 456]). Также когнитивисты утверждают, что «средством метафоризации часто выступает глубоко субъективное восприятие предмета или явления» [Попова 2010: 207], поэтому найти эквивалент в переводящем языке практически невозможно.

Сопоставительное изучение языков необходимо для построения практико-ориентированной лингвистической теории перевода. По объективным причинам при переводе происходят всевозможные смысловые трансформации, что зависит, прежде всего, от национального менталитета и уникального мировидения носителей переводящего и исходного языков. Для описания одинаковых понятий носители английского и русского языков могут прибегать к использованию абсолютно разных ассоциативно-образных средств. Выше мы рассмотрели пример с метафорой *tranquil eyes*, русскоязычное и англоязычное значение которой различаются дифференциальными семами. Компонентный анализ лексем позволил установить большое количество сем и словообразовательный потенциал интертекстуальных метафор: англоязычное прилагательное *tranquil* безо всяких трудностей может трансформироваться в глагол *tranquilize*, что объясняется преимущественным использованием глагольных форм в английском языке. Этимологически близкая единица *транквилизатор* обладает иной семной природой и неспособна к словообразовательным трансформациям. Данный факт позволяет говорить о том, что русскому языку более свойственно использование существительных.

Важной особенностью перевода образных языковых средств является расхождение в образной перспективе слова. Неточная передача метафор или нейтрализация их образности при достижении эквивалентности может привести к искажению индивидуально-авторской картины мира, индивидуального стиля языковой личности (речевых характеристик персонажей) и потере послетекстовой доминанты [Валентинова 2016: 284]. При восприятии метафор в тексте оригинала задача читателя-неносителя – добиться адекватного понимания. Собственно доминантными в этом случае оказываются связи «автор – текст» и «автор – текст – читатель». В рамках связи «автор – текст» создатель художественного произведения наполняет свое творение метафорическим содержанием (это могут быть и собственно метафоры, и метафорические конструкции, и метафорические

вкрапления в миниконтекст). Герменевтический треугольник «автор – текст – читатель» – куда более многогранное образование, которое требует интегрированной деятельности доминанты. «Интегрирование и специфицирование являются регулярной деятельностью доминанты и оказываются направленными, в конечном счете, на достижение прагматической цели – установление максимальной близости между содержанием, подразумеваемым автором, и содержанием, воспринимаемым читателем» [Валентинова 2016: 284]. Реализация доминантой этих функций нацелена на преодоление разнопонимания художественного текста, что может быть обусловлено небогатой интертекстуальной пресуппозицией реципиента (фоновые знания читателя-неносителя), непониманием образной составляющей оригинальной метафоры, неправильной интерпретацией авторских интенций.

Итак, метафора заслуживает внимания со стороны как исследователей, работающих с анализом и интерпретацией художественного текста, так и переводчиков, пытающихся добиться адекватной эквивалентности и максимального сохранения заложенной автором образности. Эти задачи под силу решить лишь при осуществлении системного подхода к интерпретации языковых единиц с культурным компонентом.

Литература

Валентинова О.И. Системный взгляд как основа филологической мысли. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 278-279.

Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Лотман Ю.М. Текст в тексте // Ю. Лотман. Об искусстве. СПб., 1998. С. 156.

Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: учеб. пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2008. С. 5.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. С. 207.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М.: Наука, 1988. С. 211.

Чумак-Жуль И.И. Художественный текст как феномен культуры: интертекстуальность и поэзия. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 41.

Online Etymology Dictionary URL: <http://www.etymonlyne.com/> (дата обращения 21.08.2017).

Толковый словарь С.И. Ожегова. URL: <https://how-to-all.com/>
значение: транквилизатор (дата обращения: 21.08.2017).

M.S. Pavlova (Kolomna, Russia)
State University of Humanities and Social Studies
marija-pavlova1993@yandex.ru

CROSS-CULTURAL EQUIVALENCE OF METAPHOR TRANSLATION IN A LITERARY TEXT AND THE RECIPIENT'S INTERTEXTUAL PRESUPPOSITION

The article discusses the features of cognitive and intertextual metaphors in a literary text, as well as possible reasons for misunderstanding of the original text by a foreign recipient. It also analyzes cross-cultural and cross-language equivalence of metaphor translation.

Key words: cognitive interpretation, intertextual metaphor, equivalence, translation, reader.

Т.А. Перельгина, С.Н. Степаненко (Белгород, Россия)
Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
perehygina@bsu.edu.ru, sstepanenko@bsu.edu.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА «ЭКОНОМИКА КАК СИЛЫ ПРИРОДЫ» В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена рассмотрению особенностей функционирования концептуальной метафоры «Экономика как силы природы» в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе. Раскрываются роль и интерпретационный потенциал концептуальной метафоры как коммуникативной модели когнитивного характера, преследующей цель наиболее оптимальной репрезентации сущности экономических реалий и их оценки в рамках англоязычного экономического публицистического дискурса.

Ключевые слова: концептуальная метафора, когнитивная метафора, метафорическая интерпретация, метафора «Экономика как силы природы», англоязычный экономический публицистический дискурс.

На современном этапе развития лингвистической науки широкое внимание уделяется когнитивной теории метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном (1980). Результаты многочисленных исследований концептуальной (когнитивной) метафоры в различных сферах человеческой деятельности подтверждают ведущую роль метафоры в познании и оценке окружающего мира. Следует отметить, что Н.Н. Болдырев выделяет селективную, классифицирующую и оценочную типы метафорической интерпретации [Болдырев 2013]. Реализуя большой интерпретационный потенциал, концептуальная метафора несет эмоциональную оценку действительности [Чудинов, Будаев 2007].

Экономический публицистический дискурс выступает как один из наиболее метафоризированных видов дискурса. Среди наиболее распространенных концептуальных метафор в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе в зависимости от сферы-источника выделяют такие базовые модели, как: «Economy is a Human body (its health and illness)», «Economy is a War/Sports», «Economy is natural forces», «Economy is a Machine» и др. [Мельничук 2015].

Функциональная роль концептуальной метафоры в экономическом дискурсивном пространстве основывается на существовании взаимообусловленной связи между метафорическими образами и их интерпретациями в процессе взаимодействия концептуальных систем. В этой связи концептуальная метафора рассматривается как эффективная когнитивно-коммуникативная модель, направленная на постижение специфики формирования индивидуального и национального сознания. Цель данной модели заключается как в оптимальной репрезентации специальных понятий из банковской, финансовой, предпринимательской, маркетинговой, управленческой, налоговой сфер, так и в выражении оценки описываемых явлений в рамках англоязычного экономического публицистического дискурса [Перельгина 2017].

В нашем исследовании в качестве источников метафорических контекстов выступили публикации крупнейших и влиятельнейших британских и американских изданий «The Economist», «The Guardian», «Fortune Magazine», «The Wall Street Journal»; всемирно известные вебсайты финансовых новостей и деловой информации: CNNMoney.com, Forbes.com.

Исследование специфики метафорических контекстов в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе показало присутствие многочисленных метафор, имеющих сферы-источники из экологического дискурса с одним из его доминантных понятий «силы природы».

Анализ показал, что именно на образе неуправляемых и, как правило, разрушительных сил природы базируется понимание типичных явлений в экономике. Тем самым, можно выделить следующую когнитивную модель: «Economy is natural forces» («Экономика как силы природы»).

Сущность метафорической проекции заключается, например, в рассмотрении явления «финансовый кризис» в качестве природного бедствия (шторма, урагана, землетрясения) [Перельгина 2014]. Например:

Hong Kong's stock market is caught in a *perfect storm*. The *waves* of new tariffs *have hurt* Hong Kong because many of the biggest companies listed in the city are based in China [China's troubles].

... These countries are most vulnerable to the *emerging market storm*. Some, like South Korea and Thailand, seem to *be weathering the storm* relatively well [The emerging market storm].

... Shadow banks, trade wars, Trump... *clouds gather* over the IMF's paradise.

It is under *these gathering storm clouds* that the finance ministers from the 189 member states of the IMF will meet at the end of this week... [Shadow banks, trade wars, Trump].

... U.K. real estate is beginning to *shake* from the *Brexit earthquake* [UK Brexit].

... The U.K. market for commercial property *has just been hit* with *another massive Brexit aftershock*. [Brexit – UK property].

Селективная и классифицирующая метафорические интерпретации находят отражение в актуализации как разновидности природного бедствия (шторма, урагана, землетрясения), так и их характерных признаков, уже существующих в концептуальной системе человека: внезапность, масштабность охвата, разрушительная сила.

В когнитивном аспекте ведущие характеристики грозных и разрушительных сил природы выступают в качестве исходных доменов, в то время как целевым доменом является экономическое явление.

В этой связи показательными являются метафорические выражения *financial tsunami* (финансовое цунами), *financial/money storm* (финансовая

буря), *aftershocks of the financial crisis* (последствия финансового кризиса), *currency drought* (валютная «засуха», т.е. нехватка), *capital spending drought* (нехватка капиталовложений), которые реализуют оценочный тип метафорической интерпретации.

Таким образом, в рамках англоязычного экономического публицистического дискурса интерпретационный потенциал концептуальной метафоры «Экономика как силы природы» реализуется во всех трех типах интерпретации (селективной, классифицирующей и оценочной).

Выступая одним из средств интерпретации знаний о мире экономики, вышеуказанная концептуальная метафора является одним из самых продуктивных средств актуализации сущности экономических явлений и их оценки.

Литература

Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XV. С. 12-22.

Мельничук М.В., Осипова В.М. Метафора в англоязычном бизнес-дискурсе // Научный диалог. 2015. № 11 (47). С. 31-41.

Перельгина Т.А. Когнитивная метафора как способ репрезентации концепта 'финансовый кризис' в современном англоязычном бизнес-публицистическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XVIII. С. 650-652.

Перельгина Т.А. Архитектурно-строительная когнитивная метафора в англоязычном экономическом публицистическом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 618-621.

Чудинов А.П., Будаев Э.В. Когнитивная теория метафоры на современном этапе развития // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 54-57.

Brexit – UK property. URL: <https://www.money.cnn.com/2016/07/07/>.

China's troubles. URL: <https://www.money.cnn.com/2018/09/11/>.

Shadow banks, trade wars, Trump. URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/oct/07/>.

The emerging market storm. URL: <https://www.money.cnn.com/2018/09/16/>.

UK Brexit. URL: <https://www.money.cnn.com/2016/07/05/>.

*T.A. Perelygina, S.N. Stepanenko (Belgorod, Russia)
Belgorod State National Research University*

CONCEPTUAL METAPHOR 'ECONOMY IS NATURAL FORCES' IN ENGLISH-SPEAKING ECONOMIC PUBLICISTIC DISCOURSE

The article is devoted to the study of functioning features of conceptual metaphor 'Economy is natural forces' in English-speaking economic publicistic discourse. The role and the interpretative potential of the conceptual metaphor are examined considered as a communicative model with a cognitive character aimed at the most optimal representation of economic phenomena essence and their evaluation within English-speaking economic publicistic discourse.

Key words: conceptual metaphor cognitive metaphor, metaphorical interpretation, metaphor 'Economy is natural forces', English-speaking economic publicistic discourse.

*T.E. Петрова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
tatianapetrova4386@gmail.com
Н.В. Калугина (Тренто, Италия)
Университет Тренто
nathaliekalugina@gmail.com*

ОСОБЕННОСТИ ДВИЖЕНИЙ ГЛАЗ ПРИ ЧТЕНИИ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ¹

Исследование направлено на изучение восприятия поликодовых текстов иностранцами, изучающими русский язык, и выполнено при помощи методики регистрации движений глаз. Стимульным материалом послужили тексты в формате инфографики и их «переводы» в обычный текстовый формат. Анализировались низкоуровневые (окуломоторные

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00640 КОМФИ «Закономерности обработки лингвистической информации в ситуации многозначности: процессы активации и выбора вариантов значений».

характеристики движений глаз) и высокоуровневые процессы обработки текста (ответы на вопросы по содержанию, выделение ключевых слов, методика субъективного шкалирования).

Ключевые слова: регистрация движений глаз, инфографика, вербальный текст, русский язык как иностранный.

В настоящее время наблюдается тенденция к всё большему использованию визуальной информации в различных сферах жизни. Креолизованный, или поликодовый, текст, состоящий «из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180-181], в XXI веке стал неотъемлемой частью современной коммуникации. В многочисленных исследованиях было показано, что механизмы обработки вербальной и невербальной информации различаются [Черниговская и др. 2016; Levie & Lentz 1982; Rayner et al. 2001]. На материале русского языка подобных экспериментальных исследований крайне мало [Petrova & Riekhakajnen, 2019].

Данная работа направлена на экспериментальную проверку того, каким образом происходит обработка поликодового текста, созданного для русскоязычных носителей, и есть ли связь между низкоуровневой и высокоуровневой обработкой того или иного текста.

В качестве материала исследования из современных СМИ были отобраны 4 текста в формате инфографики, посвященные русским праздникам, которые затем были переведены в традиционный текстовый формат. Таким образом, стимульным материалом послужили 4 пары текстов.

Исследование предполагало двухэтапный эксперимент. Предварительный этап заключался в получении истинных наборов ключевых слов к каждому из текстов. Для этого была использована методика ключевых слов [Мурзин, Штерн 1991]: каждый из 30 участников первого эксперимента (носители русского языка, 15 женщин, 15 мужчин, средний возраст – 22 года) читал два текста в обычном формате и два других текста в формате инфографики и должен был выписать ключевые слова к каждому тексту. По результатам эксперимента для каждого из 8 текстов был выявлен истинный набор ключевых слов, в который вошли те слова, которые встретились в ответах не менее 33 % респондентов.

Для участия в основном эксперименте с применением методики регистрации движений глаз были приглашены 18 студентов из Китая, изуча-

ющие русский язык как иностранный (уровень владения русским языком – В1-В2), и в качестве контрольной группы 10 носителей русского языка, сбалансированные по полу и возрасту. Исследование проводилось на базе Лаборатории когнитивных исследований СПбГУ на аппарате для регистрации движений глаз EyeLink 1000+.

Целью этого этапа исследования стало сравнение процесса чтения и понимания одной и той же информации, представленной в текстовом формате и в формате инфографики. В ходе эксперимента участники должны были прочитать последовательно предъявляемые на экране компьютера тексты, два из которых были в формате инфографики, а другие два – в обычном текстовом формате; после каждого текста участникам было предложено ответить на 5 вопросов. Четыре вопроса с множественным выбором касались содержания текста. В качестве ответа на пятый вопрос участникам эксперимента предлагалось оценить сложность текста по шкале от -2 (простой) до +2 (сложный). Кроме того, после прочтения текста участнику предлагалось назвать ключевые слова к этому тексту. На протяжении всего эксперимента велась запись движений глаз каждого участника. Были проанализированы следующие параметры:

- субъективная сложность текстов и инфографики по результатам ответов на пятый вопрос к каждому тексту;
- количество правильных ответов на вопросы по содержанию;
- общее время прочтения, количество фиксаций, средняя длительность фиксаций для каждого из текстов;
- параметры чтения различных зон интереса по каждому из текстов;
- совпадение индивидуальных наборов ключевых слов с истинным набором ключевых слов к каждому тексту. Мы исходили из предположения, что чем это совпадение больше, тем лучше уровень понимания текста у данного читателя [Мурзин, Штерн 1991].

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью методов описательной статистики, анализ достоверности отличий – с использованием U-критерия Манна-Уитни.

Результаты исследования представлены в таблице 1.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что процесс чтения текстов в формате инфографики принципиально отличается от обработки информации в обычном текстовом формате. Тексты в формате инфографики читаются изучающими русский язык значительно дольше, чем тексты в обычном формате, и, по субъективной оценке читающих,

сложнее обычных текстов. Однако количество правильных ответов к инфографике значимо больше как в группе иностранцев, так и в контрольной группе носителей русского языка. Анализ по методике набора ключевых слов показал, что уровень понимания текста выше после прочтения его в формате инфографики.

Таблица 1. Показатели обработки и понимания текстов разных типов

Оффлайн методы	Онлайн методы
<u>Вопросно-ответная методика:</u> Больше правильных ответов на вопросы по содержанию к текстам в формате инфографики	<u>Общее время чтения:</u> $T_{инф} > T_{верб}$
<u>Субъективная оценка сложности:</u> Тексты в инфографике сложнее по сравнению с их вербальными аналогами (значение медианы $Me = 0$ и $Me = 1$ соответственно).	<u>Количество фиксаций:</u> $N-fix_{инф} > N-fix_{верб}$
<u>Методика набора ключевых слов:</u> Наборы ключевых слов, выделенные участниками после прочтения инфографики и обычного текста, значимо не отличаются от истинных наборов, полученных в предварительном эксперименте	<u>Средняя длина фиксаций:</u> $FixD_{инф} > FixD_{верб}$
	<u>Анализ по зонам интереса:</u> регрессии к текстовой части > регрессии к невербальной части

Анализ параметров чтения различных зон интереса показал, что в целом время чтения каждой из зон коррелирует с размером зоны, однако можно выделить следующие интересные закономерности:

- носители русского языка на большинстве рисунков фиксировались значимо меньше, чем на текстовой части, зачастую игнорируя их вообще. Возможно, это связано с тем, что они хорошо знакомы с культурными феноменами, описанными в текстах и, следовательно, у них нет потребности в обращении к изображению как дополнительному источнику информации.
- для иностранных участников эксперимента невербальная составляющая инфографики представляет большую значимость. Несмотря на то что общее время первого прочтения текстовых зон у них выше, чем нетекстовых, количество регрессий к невербальным компонентам инфографики и время их повторного изучения значимо больше, чем у носителей русского языка;

- цифры (даже напечатанные крупно и по центру) были проигнорированы многими участниками эксперимента в том случае, когда располагались на всю страницу (возможно, из-за того, что были восприняты как некий фон, а не как содержательно значимая информация). Это наблюдение соотносится с представленными в [Rayner et al. 2001] данными о том, что если изображение не отличается по смыслу от текста, то основное внимание уделяется тексту;
- бóльшая часть респондентов читает инфографику по F-модели: максимум концентрации приходится на первый горизонтальный блок информации, с каждым последующим информант уделяет все меньше внимания неначальной части и практически не читает правый нижний угол.

Результаты настоящего исследования показывают, что инфографика является достаточно эффективным способом представления информации, способствует ее запоминанию и может служить материалом при изучении русского языка как иностранного.

Перспективой дальнейших исследований является вопрос о том, какой тип соотношения вербальной и невербальной информации в поликодовом тексте является наиболее удачным для восприятия и какой тип инфографики в качестве учебного материала целесообразнее подавать в той или иной аудитории.

Литература

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во УГУ, 1991. 172 с.

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. докт. филол. наук. М., 2006. 44 с.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.

Черниговская Т.В. и др. Психофизиологические и нейролингвистические аспекты процесса распознавания вербальных и невербальных паттернов коммуникации. СПб.: Изд-во ВВМ, 2016. 203 с.

Levie W. H., Lentz R. Effects of Text Illustrations: A Review of Research / Educational Communication and Technology: A Journal of Theory, Research, and Development. 1982. V. 30. № 4. P. 195-232.

Petrova T.E., Riekhakaynen E.I. Processing of Verbal and Non-verbal Patterns: An Eye-Tracking Study of Russian. In: Yang X.S., Sherratt S., Dey N., Joshi A. (eds). Third International Congress on Information and Communication Technology. Advances in Intelligent Systems and Computing. 2019. Vol. 797. Springer, Singapore.

Rayner K., Rotello C. M., Stewart A. J., Keir J., Duffy S. A. Integrating text and pictorial information: eye movements when looking at print advertisements // Journal of Experimental Psychology: Applied. 2001. Vol. 7 (3). P. 219-226.

T.E. Petrova (*Saint-Petersburg, Russia*)

Saint-Petersburg State University

N.V. Kalugina (*Trento, Italy*)

University of Trento, Italy

EYE MOVEMENT EVIDENCE OF READING POLYCODE TEXTS IN RUSSIAN

The research is aimed at revealing specific features of polycode texts perception using eye-tracking method. Participants were asked to read texts in infographics and texts in verbal format. Low-level (oculomotor characteristics of eye movements) and high-level processes of text comprehension (method of subjective scaling, question-answer method, key words method) were analyzed.

Key words: eye-tracking, infographics, verbal text, Russian as a foreign language.

Т.И. Петухова (*Санкт-Петербург, Россия*)

Санкт-Петербургский государственный университет

t.petuhova@spbu.ru

ЯЗЫКОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ ЦВЕТОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК КАК СРЕДСТВО ТРАНСЛЯЦИИ ЭМОТИВНОГО СМЫСЛА ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЖИВОПИСИ

В статье рассматривается проблема коммуникации эмоций в процессе восприятия и оценочной интерпретации произведения живописи, обусловленного функционированием эмотивного когнитивного механизма

эстетической эмпатии. Основное внимание уделяется языковой актуализации цветовых характеристик как средству экспликации эмотивного смысла изображения и трансляции его читателю художественного текста.

Ключевые слова: коммуникация эмоций, цветовые характеристики, эмотивный когнитивный механизм, эстетическая эмпатия, эмотивный смысл.

Исследование категории цвета имеет давнюю историю в когнитивной психологии и лингвистике и, вместе с тем, продолжает привлекать внимание ученых, перед которыми в ходе анализа интерпретирующей функции языка открываются новые перспективы изучения языковой актуализации цвета [Бабина 2015; Молибога 2013]. Значительный потенциал цветообозначений и основных цветовых характеристик в плане формирования оценочного смысла в различных типах дискурса представляет несомненный интерес как объект лингвокогнитивного анализа.

Особую область исследований, на наш взгляд, может составить вербальная объективация цвета и его характеристик при описании произведения живописи, так как цвет в искусстве на протяжении веков играл значимую роль и остается объектом творческого поиска многих художников. По мнению британского историка – искусствоведа Джона Гейджа, цвет для художника – это сложный и многоаспектный феномен, и его характеристики являются неотъемлемыми составляющими в структурировании видимого мира: *«Newton demonstrated that colour was simply a manifestation of various wavelengths of light, but visual artists continued to think of it as far more complex than that. Colour had opacity as well as transparency, it could be shiny or matt, it had surface texture as well as hue, and above all, it had an intrinsic tonal value (saturated yellow, for example, was lighter than saturated blue), and these were all vital components in structuring the visible world»* [Gage 2006: 18].

Создавая произведение живописи, художник репрезентирует свой внутренний мир, свои мысли и эмоции, по словам Р. Арнхейма, проектирует «собственное ощущение жизни» на пространство картины [Арнхейм 1994: 66]. Для того чтобы процесс коммуникации, осуществляемой посредством искусства, состоялся, воспринимающий изображение человек должен расшифровать заложенный художником код, в том числе цветовой, причем значимым фактором при понимании транслируемого художником сообщения является возникающее у реципиента эмоциональное

сопереживание. В результате сопереживания, по мнению В.П. Бранского, «достигаются две вещи: 1) передача эмоциональной информации характеризующей отношение художника к соответствующему объекту; 2) передача эстетического наслаждения, испытываемого художником при нахождении адекватного художественного образа для выражения этой информации» [Бранский 2000: 164].

Таким образом, эмоции играют значимую роль как в процессе создания, так и в процессе восприятия произведения искусства. В связи с этим, особого внимания заслуживает проблема передаваемого от художника реципиенту эмотивного смысла, который выявляется и объективируется на вербальном уровне в ходе оценочной интерпретации изображения. По мнению современных лингвистов, занимающихся изучением эмоций и их репрезентации в языке, исследование эмотивного смысла подразумевает, в частности, анализ способов его передачи с одного языка на другой (в нашем случае, с языка живописи на вербальный язык), исследование его прагматической направленности [Филимонова 2007]. Проблему эмоционального понимания и понимания эмоционального В.И. Шаховский рассматривает как одну из актуальных проблем коммуникации эмоций [Шаховский 2015].

Восприятие произведения живописи и его оценка обусловлены действием эмотивного когнитивного механизма эстетической эмпатии, который предполагает интеграцию ментальных и эмоциональных процессов, направленных на понимание закодированной художником информации, выявление эмотивного смысла созданного им произведения и согласование эмоций художника и реципиента [Хомякова, Петухова 2018]. Значимую роль при этом играет оценочная интерпретация цвета и его основных характеристик, языковая экспликация которых помогает реципиенту на вербальном уровне объективировать эмоциональное понимание картины. Интерес в этом плане представляет художественная литература, которая, как справедливо отмечает В.И. Шаховский, «является депозитарием эмоций: она описывает эмоциональные категориальные ситуации, вербальное и невербальное эмоциональное поведение человека, способы, средства и пути коммуникации эмоций, в ней запечатлен эмоциональный видовой и индивидуальный опыт человека, способы его эмоционального рефлексирования» [Шаховский 2015: 22].

К основным характеристикам цвета относят цветовой тон (hue), яркость (brightness), светлость (lightness), насыщенность (saturation). Рас-

смотрим пример из романа С. Моэма «Луна и грош», который репрезентирует восприятие персонажем натюрморта с изображением фруктов:

*The colours were so strange that words can hardly tell what a troubling emotion they gave. There were **sombre blues**, **opaque** like a delicately carved bowl in lapis lazuli, and yet **with a quivering lustre** that suggested the palpitation of mysterious life; there were **purples**, **horrible** like raw and putrid flesh, and yet **with a glowing, sensual passion** that called up vague memories of the Roman Empire of Heliogabalus, there were **reds**, **shrill** like the berries of holly – one thought of Christmas in England, and the snow, the good cheer, and the pleasure of children «...» They were **extravagantly luxurious**. They were heavy with tropical odours. They seemed to possess a sombre passion of their own. It was enchanted fruit, to taste which might open the gateway to God knows what secrets of the soul and to mysterious palaces of the imagination. They were sullen with **unawaited dangers**, and to eat them might turn a man to beast or god. All that was healthy and natural, all that clung to happy relationships and the simple joys of simple men, shrunk from them in **dismay**; and yet a **fearful attraction** was in them, and, like the fruit on the Tree of the Knowledge of Good and Evil, they were **terrible** with the possibilities of the Unknown [Maugham 2002: 231-233].*

В данном примере цвет представлен лексическими единицами базового уровня таксономической модели концепта *colour*. Согласно исследованиям цветообозначений в английском языке, *blue*, *red* – относятся к верхнему ярусу базового уровня, *purple* – к нижнему уровню [Молибога 2013: 59]. Различные характеристики цвета актуализируются на языковом уровне лексемами *somber*, *opaque*, *lustre*, *glowing*, *shrill*. В качестве одного из основных когнитивных механизмов формирования оценочного смысла выступает концептуальное сравнение: *opaque like a delicately carved bowl in lapis lazuli; horrible like raw and putrid flesh; shrill like the berries of holly*. Данный механизм помогает создать яркий, эмоционально-насыщенный образ, стимулирует возникновение у адресата вербального текста образных ассоциаций.

Языковая экспликация цветовых характеристик (темные, мрачные, но в то же время блестящие, пронзительные краски) позволяет автору текста представить сложные амбивалентные эмоции, которые транслируются изображением. Используемые лексические единицы с оценочной семантикой (*strange*, *troubling*, *horrible*, *unawaited dangers*, *dismay*, *fearful attraction*, *terrible*, *extravagantly luxurious*) объективируют смешанное

чувство тревоги и восторга, которое охватывает реципиента: ему кажется, что фрукты заколдованы и надкусить их – значит прикоснуться к тайнам человеческой души. Языковая актуализация цвета и его характеристик позволяет репрезентировать на вербальном уровне эмотивный смысл изображения: страх перед неизведанным и восхищение таинственностью и непредсказуемостью бытия. Этот эмотивный смысл извлекается реципиентом, вербализуется и транслируется адресату художественного текста, который, не обладая возможностью видеть само произведение искусства, способен понять его основную идею.

Рассмотрим пример оценочной интерпретации портрета (роман А. Мердок «Замок на песке»):

*When Mor looked at the picture, everything else went out of his mind. He had thought about it very little earlier, and not at all of late, though he had known vaguely that it must exist. Now its presence assailed him with a **shock** that was almost physical. Mor had no idea whether it was a masterpiece; but it seemed to him at first sight a most impressive work. <...>*

*Mor felt that he was really seeing Demoyte for the first time; and with this a sudden **compassion** came over him. It was indeed the face of an old man. In spite of the **bright colours** of the rug, the picture as a whole was **sombre**. The sky was **pale**, with a flat melancholy **pallor**, and the trees outside the window were bunched into a **dark** and slightly menacing mass [Murdoch 1975: 118].*

Данный пример репрезентирует ситуацию восприятия и оценки учителем Мором портрета бывшего директора школы Демойта, выполненного молодой художницей. Благодаря языковой актуализации цветовых характеристик изображения при помощи лексем *bright, somber, pale, pallor, dark* реципиент эксплицирует эмотивный смысл, заложенный художницей: свойственный Демойту в общении с другими людьми сарказм уступает место задумчивости, на фоне бледного с темными элементами пейзажа перед зрителем предстает лицо старого человека, которое вызывает сострадание (*compassion*). Контраст с прежними представлениями об изображенном человеке столь разителен, что, глядя на картину, реципиент испытывает почти физический шок (*Now its presence assailed him with a shock that was almost physical*). Таким образом, при помощи лексических единиц, объективирующих цветовые характеристики, актуализируется эмоционально-маркированная оценочная интерпретация произведения живописи. Эмотивный смысл, заложенный в картине художником посредством невербальных знаков, в том числе путем цветового кодиро-

вания, извлекается реципиентом, эксплицируется им на языковом уровне и транслируется адресату вербального текста.

Литература

Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.

Бабина Л.В. Наименования оттенков цвета как результат образной интерпретации мира человеком (на материале наименований модных цветов осень-зима 2012–2013 и 2013–2014 гг.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2015. № 1. С. 26-33.

Бранский В.П. Искусство и философия. Калининград: Янтарный сказ, 2000.

Молибога Г.Л. Когнитивные основы формирования семантики цветообзначений а английском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2013.

Хомякова Е.Г., Петухова Т.И. Эстетическая эмпатия и категория знания в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXXII. С. 418-426.

Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте. СПб.: ООО «Книжный дом», 2007.

Шаховский В.И. Голос эмоций в языковом круге *homo sapiens*. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.

Gage J. Color in Art. London: Thames and Hudson Ltd., 2006.

Maugham W.S. The Moon and Sixpence. М.: Менеджер, 2002.

Murdoch I. The Sandcastle. Л.: Просвещение, 1975.

T.I. Petukhova (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

LANGUAGE REPRESENTATION OF COLOUR CHARACTERISTICS AS A MEANS OF TRANSMITTING OF EMOTIVE SENSE OF A PAINTING

The article considers the problem of communication of emotions in the process of perception and evaluation of a painting dependent on the functioning of the emotive cognitive mechanism of aesthetic empathy. The author focuses on

the language representation of colour characteristics as a means of explication of emotive sense of a picture and its transmitting to the reader of the text.

Key words: communication of emotions, colour characteristics, emotive cognitive mechanism, aesthetic empathy, emotive sense.

О.Б. Полянчук, А.Э. Черникова (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
bollona@mail.ru

**КОГНИТИВНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ФОРМИРОВАНИЯ И ДАЛЬНЕЙШЕГО СЕМАНТИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ КОМПЛЕКСНОГО ЗНАКА В ЯЗЫКЕ
И ДИСКУРСЕ (ФРАНЦУЗСКОМ МОЛОДЕЖНОМ СЛЕНГЕ)**

Статья посвящена изучению когнитивных механизмов формирования и последующего развития французских комплексных знаков, представляющих такой тип дискурса, как молодежный сленг. Указывается на особенности концептуальной и семантической интеграции составляющих комплексного знака в рамках словообразования и фразеологии.

Ключевые слова: комплексный знак, профилируемый признак, концептуальная интеграция, семантическое дефокусирование, семантическая деривация, фразеосемантическая деривация.

Вопросы, связанные с особенностями формирования и развития комплексного знака, занимают особое место в лингвистике. Это можно объяснить тем фактом, что, представляя собой объединение двух или нескольких знаков, комплексный знак (далее – КЗ) демонстрирует целый ряд особенностей, которые не представлены на уровне языкового знака с нерасчлененной структурой. Такие закономерности отражают следующее: специфику концептуальной интеграции, типы развития полисемии на основе КЗ, особенности семантического дефокусирования. Более того, анализируя различные аспекты формирования и дальнейшего развития КЗ, можно обнаружить системные отношения между динамикой концептуальных и языковых структур. В этой связи перспективным представляется исследование тенденций, определяющих динамику КЗ в языке

и дискурсе. Особое внимание при этом необходимо уделять таким аспектам, как анализ особенностей концептуальной интеграции, в частности, процессам профилирования концептуальных признаков [Болдырев 2009]. В наших предыдущих исследованиях анализ таких закономерностей касался французских производных префиксальных и суффиксальных слов в аспекте развития на их основе полисемии [Полянчук 2006]. Цель настоящей статьи – проследить специфику формирования и семантического развития КЗ в дискурсе, в частности, в такой его разновидности, как молодежный сленг, а также выявить когнитивные причины, определяющие динамику КЗ. Объектом исследования послужили французские префиксальные производные слова, а также французские фразеологические единицы (далее ФЕ), полученные путем сплошной выборки из словарей аргю. Рассмотрим особенности развития полисемии нормативной и аргютической лексики, представленной КЗ. Обратимся вначале к анализу КЗ – производных слов.

В наши задачи входит: 1) выявить способы образования производных от КЗ значений в рамках нормативной и аргютической лексики и обнаружить их общие и специфические черты; 2) рассмотреть когнитивные механизмы, определяющие семантическое развитие по определенному пути применительно к обоим пластам изучаемой лексики; 3) проанализировать когнитивные и языковые механизмы образования иного типа КЗ (фразеологических единиц) и сопоставить их особенности со спецификой разного типа механизмов в словообразовании. В результате анализа способов семантического развития на базе французского КЗ было выявлено три пути развития многозначности:

- 1) КЗ, образованные посредством словообразовательной деривации, обладающие эксплицитным словообразовательным значением (СЗ).
- 2) КЗ, образованные путем семантической деривации на базе производного слова. СЗ в данном случае имплицитно либо представлено в измененном виде, мотивация – затемненная или частичная.
- 3) КЗ, при образовании которых словообразовательная и семантическая деривация протекают параллельно. Другими словами, аффикс присоединяется не к уже существующему метафорическому значению производящей основы, а процесс метафоризации происходит одновременно с процессом словообразовательной деривации. Притом дериваты в данном случае могут различаться по степени

мотивации: от полностью мотивированных до полностью идиоматических.

1. Многозначность, связанная со словообразовательной деривацией, предусматривает многократное повторение акта словообразования, при котором словообразовательный формант присоединяется к многозначной производящей основе, взятой в различных значениях. Например, значения глагола *décaisser – retirer qqch d'une caisse* – «взять что-либо из ящика» (1) и *tirer d'une caisse une somme d'argent* – «взять какую-то сумму из кассы» (2) развились на базе значений многозначного производящего слова *caisse* – «ящик» (1) и «касса» (2).

2. Что касается семантической деривации, то в данном случае мы имеем дело с уже созданным производным словом, на базе которого развиваются производные семемы. Например, *démonétiser* – 1. «Лишить денег»; 2. «Лишить ценности»; *ensoleillé* – 1. «Наполненный солнцем»; 2. «Наполненный счастьем». Таким образом, критерием развития многозначности путем словообразовательной деривации является наличие многозначности производящей основы, зарегистрированной словарем или зафиксированной коллективным языковым сознанием. [Поляничук 2009].

3. По мнению А.Я. Лазуренко, во французском языке также существуют случаи, когда процессы словообразовательной и семантической деривации происходят параллельно. Например, слово *herminette*, являясь моносемичным, тем не менее претерпевает процесс семантической деривации параллельно с процессом словообразовательной деривации и означает «тесло плотника», инструмент, похожий на мордочку горностая (*hermine*) [Лазуренко 1980]. Таким образом, несмотря на то что процесса развития полисемии в данном случае не наблюдается, можно говорить о семантическом развитии. В результате исследования КЗ, принадлежащих нормативной лексике, мы обнаружили, что они являются малочастотными (4 %). В целом процентное соотношение по трем группам в рамках нормативной лексики выглядит следующим образом: тип 1 – 50 %, тип 2 – 46 %, тип 3 – 4 %.

Рассмотрим процессы формирования и развития КЗ в молодежном дискурсе. Необходимо отметить, что наиболее частотным является тип 1 (60 %). Приведем примеры наиболее продуктивных словообразовательных моделей такого типа: (N+oche)N – *cinoche* «киношка»; (N+erie)N, (Adj+erie)N – *cognerie* «полицейский участок»; (Adj+dingue)Adj – *cradingue* «очень грязный», *sourdingue* – «абсолютно глухой»; (N+esse)N –

gonzesse «девушка», *drôlesse* – «чудачка»; Что касается типа 2, то необходимо отметить, что в рамках аргю он является малочастотным (10 %). Например, прилагательное *morveux* «сопливый» развивает пренебрежительное значение «ребенок».

Напротив, тип 3 отличается высокой частотностью (30 %) (процессы семантической и словообразовательной деривации протекают параллельно). Например: слово *mol* «мокрый», присоединяя суффикс *-ard*, образует слово *mollard* «мощный плевок»; от слова *plume* «перо» образуется существительное *plumard* «кровать»; *fumette* «сигарета» образовано от *fumée* «дым». Таким образом, в молодежном аргю параллельные семантико-словообразовательные процессы оказываются в значительной мере более продуктивными, чем в нормативной лексике. Объяснение данного положения, на наш взгляд, можно найти при анализе концептуальных структур, определяющих описанные модели вербализации средствами КЗ.

Нами выявлены три схемы интеграции концептов, что и определяет в нашем случае наличие трех вариантов формирования и семантического развития КЗ. В частности, при развитии полисемии путем словообразовательной деривации степень интегративности концептов, стоящих за словообразовательным формантом и производящей основой, минимальна. Это объясняется тем, что в данном случае профилируются два признака концепта (далее – ПК). Наличие двух концептуализируемых признаков ведет к такому типу вербализации средствами КЗ, при котором сохраняется в полной мере прозрачность его словообразовательной структуры. В этом случае мы не наблюдаем семантического дефокусирования (сохраняются два фокуса). В случае семантической деривации на базе КЗ мы имеем дело с двумя вариантами: либо профилируется ПК – аналог одного из словообразовательных элементов, либо ПК – результат высокой степени интеграции обоих концептов. При первом варианте профилируются два ПК, степень интегративности концептов повышается, а на вербальном уровне наблюдается такой тип семантического дефокусирования, при котором задействована только производящая основа (в целом, 2 фокуса). При втором варианте мы имеем дело с самой высокой степенью интегративности концептов, в результате чего профилируется ПК – результат их фузии. Семантическое дефокусирование (один фокус) в данном случае связано с перемещением фокуса за пределы словообразовательной структуры. При образовании КЗ путем параллельных процессов словообразовательной и семантической деривации мы имеем дело с высокой

степенью интегративности концептов и профилированием единственного ПК, а также семантическим дефокусированием, аналогичным этому процессу при семантической деривации.

Анализ ФЕ, содержащих арго, позволяет прийти к выводу, что, являясь комплексными знаками, фразеологизмы в процессе их формирования также отражают функционирование описанных выше когнитивных механизмов. Основным отличием процесса фразеосемантической деривации от словообразовательно-семантической является тот факт, что в первом случае мы наблюдаем только параллельный процесс фразеологизации и семантического развития (3 тип). Приведем примеры фразеологизации на базе семантических компонентов, содержащих арго: *monter en l'air* – «совершить кражу со взломом»; *carabin de la comète* – «вор, жулик»; *ficher (flanquer) qch en l'air* – «укокошить, прикончить». Во всех приведенных примерах мы наблюдаем высокую степень интегративности концептов-аналогов компонентов ФЕ, наличие двух профилируемых признаков при образовании фразеологических единств (*figure à vent debout* – «гнусный тип, гнусная рожа»; *avoir les nerfs en pelote* – «быть во взвинченном состоянии»; *pieds en banane* – «косопалые ноги») и одного – при образовании фразеологических сращений (*paire de lunettes contre le soleil* – «подбитые глаза»; *il y a de l'eau dans le gaz* – «пахнет жареным, дело принимает плохой оборот»; *pierre de taille* – «скряга, скупердяй»), что на вербальном уровне выражается соответственно в двух вариантах дефокусирования (два фокуса и один фокус).

Таким образом, механизмы концептуальной интеграции, свойственные ФЕ в целом, являются в наибольшей степени идентичными с механизмами, действующими при образовании производных слов-арго по типу 3. Это объясняется тем, что параллельные процессы фразеологической (либо словообразовательной) деривации отражают интеграцию концептов, формирующих специфическую концептосферу, связанную с эмоциональной оценкой и аффективностью. Данные положения можно обобщить в следующих выводах:

1. Когнитивные механизмы, регулирующие образование КЗ разного типа, содержащих арго, предполагают в большинстве случаев высокий уровень интегративности базовых концептов, что приводит к семантическому дефокусированию.

2. Когнитивные механизмы, используемые в речи, в наибольшей степени отражают тенденцию концептов к интеграции, что впоследствии

приводит к совмещению процессов словообразовательной или фразеологической деривации с семантической.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Москва; Тамбов, 2009. Вып. 4: Концептуализация мира в языке. С. 25-77.

Лазуренко А.Я. Метафорический перенос в словообразовании французского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук М., 1980. 24 с.

Полянчук О.Б. Французское производное слово в динамическом аспекте: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.05. Воронеж, 2009. 36 с.

Полянчук О.Б. Когнитивные основы перевода лексических единиц, репрезентированных комплексным знаком // Социокультурные проблемы перевода: сб. науч. тр.: в 2 ч. Воронеж. гос. ун-тет. Воронеж, 2006. Вып. 7, ч. 2. С. 195-202.

O.B. Polyanchuk, A.E. Chernikova (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

COGNITIVE AND LANGUAGE MECHANISMS OF THE FORMATION AND FURTHER SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE COMPLEX SIGN IN LANGUAGE AND DISCOURSE (FRENCH YOUTH SLANG)

The article is devoted to the study of the cognitive mechanisms of the formation and further development of French complex signs representing youth slang as a type of discourse. It seeks to address the peculiarities of the conceptual and semantic integration of the components of a complex sign within the framework of word formation and phraseology.

Key words: complex sign, profiling feature, conceptual integration, semantic defocusing, semantic derivation, phraseosemantic derivation.

Н.Л. Потанина, Б.И. Тенюшев (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный
университет имени Г.Р. Державина
tatulia_tmb@mail.ru*

КОНЦЕПТ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ РОМАНЕ

Проведен анализ интерпретации повседневности в романе современной английской писательницы Э. Байетт «Детская книга». Выявлены черты художественного концепта ПОВСЕДНЕВНОСТЬ. Установлено, что содержание этого концепта соответствует актуальным гуманитарным интерпретациям повседневности, реализуется на всех уровнях романной структуры и выступает как принцип художественного осмысления человека и мира.

Ключевые слова: концепт «повседневность», английский роман, обыденное, необычное, Байетт.

Вопрос о концептуализации повседневности, которая «позволила бы свести разрозненные описания феноменов повседневной жизни... к единому теоретическому контексту» [Смирнов 2013: 4], обретает все более заметное место в современном научном дискурсе. При этом история исследования повседневности насчитывает уже более 100 лет. В контексте собственных позиций ее рассматривают философы, социологи, культурологи, психологи, филологи. Вслед за З. Фрейдом и Э. Гуссерлем к проблеме повседневности на протяжении XX века и в начале нового столетия обращаются П. Бергер и Т. Лукман, И. Гофман, Э. Томэ, М. де Серто, А. Шюц, Ф. Бродель, А. Лефевр, Б. Вальденфельс, И.Т. Касавин и С.П. Щавелев, А.В. Смирнов, Л.И. Анцыферова, Т.В. Марцинковская и др. Современный отечественный ученый И.Т. Касавин справедливо отмечает необходимость выведения исследования повседневности за пределы одной отрасли гуманитарной науки: «Целостность и многообразие повседневности не по плечу одной философии. Последняя вынуждена ограничиться мировоззренческой оценкой повседневности, присовокупив к этому отнюдь не беспристрастному суждению ряд аргументов, неполнота которых очевидна» [Касавин, электронный ресурс]. В психологической науке повседневность рассматривается сегодня в разных аспектах: «от спосо-

ба обустроивать быт, читать, гулять, одеваться и питаться до вариантов игры с телом, городом, работой, другими людьми» [Марцинковская 2017: электронный ресурс]. Отмечается тенденция к превращению психологии повседневности в «явного или неявного... антагониста психологии индивидуальности» [Марцинковская 2017: электронный ресурс].

Осмысление повседневности в ее соотношении с художественным дискурсом в известной мере обязано идеям Х.С. Беккера – об артефакте как результате «координированной деятельности всех людей, чье сотрудничество необходимо для того, чтобы данный объект стал произведением искусства» [Becker 1974: 767-776; 1976: 703-719] – и П. Бурдьё – о «поле литературы», включающем в себя «...поле сил, воздействующих на всех вступающих в поле по-разному, в зависимости от занимаемой позиции...» [Бурдьё 1982: электронный ресурс].

Исследование проблемы повседневности с разных позиций гуманитарного знания, несомненно, продуктивно для структурирования этой предметной области. Не менее важна и художественная рефлексия. В этой точке сходятся устремления науки и искусства слова. Тем более что для литературы сегодня характерен значительно более выраженный, чем ранее, интерес к научным достижениям. Справедливо мнение, что этот «новый уровень научности» способствует выработке в недрах самой литературы того инновационного опыта, который, в свою очередь, нуждается в осмыслении и согласовании с уже сложившимися литературоведческими понятиями [Исаев, Владимирова 2017: 3]. Осознавая то обстоятельство, что разноречивость оценок повседневности мотивирована сложностью самой ее природы, остановимся только на релевантных для наших рассуждений. «Повседневное – это привычное, упорядоченное, близкое. В противоположность повседневному повседневное существует как непривычное, вне обычного порядка находящееся, далекое, – пишет Б. Вандельфельс в работе «Повседневность как плавильный тигль рациональности» (1990), – ...ни одна человеческая культура немислима без противопоставления повседневного и неповседневного» [Вальденфельс 1991: 41-42]. Являясь «единицей осмысленного (осознанного) знания» [Болдырев 2009: 26] о повседневном, концепт ПОВСЕДНЕВНОСТЬ несет в себе информацию о его «отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев 2009: 26].

Цель статьи состоит в анализе концепта ПОВСЕДНЕВНОСТЬ на материале романа известной британской писательницы Э. Байетт «Детская книга» (“The Children’s Book”, 2009). Поставленная цель предполагает решение вопросов об авторском понимании повседневности, отраженном в тексте романа, о влиянии повседневности на психологию персонажей и картину эпохи.

Герои Байетт живут на рубеже веков, на стыке двух эпох – викторианской (уже ставшей для них повседневностью) и эдвардианской (новой, а потому – необычной). При этом идея *переходности, границы* [курсив наш – Н.П., Б.Т.] уже определилась в их сознании. «Эдвардианцы знали, что они идут *после чего-то*», – замечает по этому поводу автор [Байетт 2016: 289]. Это время, охарактеризованное автором как «новое, но не юное» [Байетт 2016: 289], описывается через приметы повторяющихся событий повседневной жизни. Используемое в оригинальном тексте глагольное время (Past Indefinite), как и обороты типа “to be helped...”, усиливают ощущение привычной повторяемости и устоявшейся повседневности: “The rich *acquired* motor cars and telephones, chauffeurs and switchboard operators. The poor *were* a menacing phantom, *to be helped* charitably, or exterminated expeditiously. The sun shone, the summers *broiled and were* brilliant. The land, in places, was running with honey, cream, fruit fools, beer, champagne” [Byatt 2009: 280].

Пространство романа имеет несколько центров, интересных именно вследствие отчетливости обликов повседневности. Это усадьба Уэллвудов «Жабья просека», усадьба Фладдов и лондонский дом Кейна. В образе дома Уэллвудов подчеркивается ее укорененность в обыденной жизни Кента. Вместе с тем картина усадьбы содержит указания на приметы нового времени: упоминается имя архитектора Летаби; называется «модное» «Движение искусств и ремесел» (“Arts & Crafts”) [Байетт 2016: 13]. Его идеологами были Уильям Моррис и прерафаэлиты, которые идеализировали Средневековье на том основании, что возврат к ремесленным традициям Средневековья способен обеспечить бедняков работой и вернуть красоту в повседневную жизнь. Тем самым Моррис предполагал содействовать изменению общественного уклада. Очевидно, что само имя Морриса кодирует в тексте романа вполне определенную идеологию и вполне определенное социальные процессы. В описании усадьбы Уэллвудов множество деталей, демонстрирующих прекрасно организованную и живописную повседневность. Однако, вне зависимости от воли автора, судьбы

жителей этой усадьбы служат иллюстрацией к идее о том, что человек всегда существует «...как бы на пороге между обыденным и необычным...» [Вальденфельс 1991: 42]. Хозяйка усадьбы, писательница, изобретает для своих детей некие «лазейки», позволяющие на время бежать из повседневности в иную, сказочную жизнь. Она пишет для каждого из своих детей книгу, центральным героем которой становится он сам. Но для одного из сыновей, Тома, «детская книга» оказывается губительной. Узнав о том, что его сказочный alter-ego навсегда остался в подземном царстве, повзрослевший Том кончает жизнь самоубийством.

Среди персонажей романа выделяются Олив Уэллвуд, Бенедикт Фладд и Проспер Кейн, чье отношение к повседневности выявлено наиболее отчетливо. При этом их всех объединяет причастность к искусству. Олив считает повседневность «плоской» [Байетт 2016: 61], но именно в отлично выстроенной ею повседневности «Жабьей просеки» она исполняет свое желание творить. Мысль о «давлении повседневности» весьма актуальна для семьи Олив. Дороти, одна из ее дочерей, признается в том, что раньше «...их всех поглощала повседневная жизнь, всех едва заметно ограничивала, сдавливала...». Но это давление привычно, а потому благоприятно. Оно начинается «...казаться непоправимой роскошью...» [Байетт 2016: 261] после того, как становится очевидной тайная сторона жизни семейства – то есть после того, как сфера «привычного, упорядоченного, близкого» [Вальденфельс 1991: 42] уступает место «непривычному, вне обычного порядка находящемуся, далекому» [Вальденфельс 1991: 42]. Для Бенедикта Фладда, гениального художника и мастера гончарного дела, повседневность соединяет в себе профанное и сакральное начала. Он создает великие артефакты из глины – самого обычного и «земного» материала. Фладд ищет возможности обнажить зловещую суть материи. Подобно романтикам и в особенности Гофману, он видит скрытое в повседневности темное начало, которое стремится победить. Сюжетная линия самого Бенедикта Фладда тоже обрывается трагически. Вместе с Проспером Кейном в роман входит тема викторианской увлеченности искусством, подерживаемой монаршим благоволением – он служит в музее, открытом по проекту принца-консорта Альберта. С темами искусства и викторианства здесь же увязывается еще одна магистральная тема романа – детство, причастное искусству. Имя Проспер содержит интертекстуальную отсылку к шекспировской «Буре», а фамилия Кейн – к ветхозаветному образу Каина. Проспер Кейн благороден и гуманен, как Просперо Шекспира,

но по отношению к своему другу Фладду он невольно выполняет роль отступника, поскольку против его воли женится на Имогене. Это имеет значение и в аспекте повседневности. Повседневная жизнь Серафиты и ее детей полностью преобразуется после того, как Проспер, женившись на Имогене, становится новым главой этого семейства. Эпизод свадьбы Проспера Кейна и Имогены Фладд не случайно решен в традициях викторианского романа, культивирующего атрибуты английской домашней повседневности. Представляется, что двойственность характера Проспера Кейна трактуется автором как залог его наибольшей жизнеспособности во взвихренном мире эпохального порубежья.

Проблема повседневности соотнесена в романе с актуальными для изображаемой эпохи общественными движениями. Так, суждения автора в отношении суфражисток прочитываются как откровенно негативные именно вследствие того, что участницы движения несут с собой разрушение привычного, устоявшегося порядка: «Женщины все более хитроумно и ядовито разрушали былое спокойствие повседневной жизни страны» [Байетт 2016: 402]. Среди объектов, подвергшихся разрушению, автор называет известные атрибуты британской стабильности – английские газоны и английское правительство: «Лозунг «Голоса – женщинам» выжигали на зеленой траве полей для гольфа и писали алой масляной краской на пресс-папье самого премьер-министра» [Байетт 2016: 402].

Итак, авторское понимание повседневности соответствует современным гуманитарным интерпретациям этой проблемы. В основе концепта «повседневность» в романе «Детская книга» лежит представление о стабилизирующей основе человеческого существования, которая противостоит разрушительным набегам искусства и политики на мир реальности. В повседневности видится сила, спасающая людей от их собственных (часто небезопасных) фантазий, как эстетических, так и социал-реформистских. Этот концепт в романе Байетт включает в себя как расширительную трактовку повседневности (поверхностный слой социальной реальности), так и более узкие ее истолкования (повседневность домашняя; бытовая; основанная на общности групповых интересов: профессиональных, эстетических/художественных, социальных, экономических, политических и т. д.). Устами протагонистов (Дороти, Том и др.) автор романа констатирует наличие в повседневности качеств, обеспечивающих давление на субъекта и известное ограничение его свободы. Однако в ходе развития романного сюжета именно эти свойства делают

повседневность фактором упорядочивания жизни героев, как социальной, так и персональной. Авторские трактовки повседневности реализуются на идеологическом, сюжетно-фабульном и персонажном уровнях романа, определяют принципы осмысления человека и мира.

Литература

Byatt A. The Children's Book. New York: Alfred A. Knopf, 2009.

Becker H.S. Art as Collective Action // American Sociological Review. 1974. № 39 (6); Art Worlds and Social Types // American Behavioral Scientist. 1976. № 19 (6).

Байетт А.С. Детская книга / пер. с англ. Т. Боровиковой. М.: Эксмо, 2016.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=Jk% (дата обращения: 30.09.2018).

Болдырев Н.Н. Концептуализация мира в языке // Когнитивные исследования языка. 2009. Вып. IV. С. 25-77.

Бурдые П. Поле литературы / пер с фр. М. Гронаса. URL: <http://bourdieu.name/content/pole-literatury> (дата обращения: 22.09.2018).

Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности. М.: Прогресс, 1991.

Исаев С.Г., Владимирова Н.Г. Актуальная поэтика: смена художественной парадигмы: монография. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2017.

Касавин И.Т. Повседневность как проблема междисциплинарной эпистемологии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povsednevnost-kak-problema-mezhdistsiplinarnoy-epistemologii> (дата обращения: 2.10. 2018).

Марцинковская Т.Д. Психология повседневности: оксюморон или новый тренд психологии? // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 56. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n56.html> (дата обращения: 1.10. 2018).

Смирнов А.В. Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты: автореф. дисс. ... докт. филос. наук. СПб., 2013.

*N.L. Potanina, B.I. Tenyushev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov state university*

CONCEPT *EVERYDAY LIFE* IN THE MODERN ENGLISH NOVEL

The article analyzes the interpretation of everyday life in a modern English novel. The features of the author's concept of everyday life are revealed. It is established that this concept corresponds to the modern humanitarian interpretation of everyday life, is realized at all levels of the novel structure and acts as the principle of the characteristic of the person and the world.

Key words: concept “everyday life”, novel, mundane, unusual, Byatt.

*А.И. Прийма (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет*

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА *BEING AMERICAN* В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США И КОНЦЕПТА *БИТИ СРБИН* В СЕРБСКОМ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье представлены результаты психолингвистического эксперимента с участниками – представителями американского и сербского социумов, направленного на выявление объема и содержания ценностного концепта *BEING AMERICAN* и *БИТИ СРБИН* в рамках каждой из лингвокультур. Осуществлена попытка определить, имеют ли выявленные стереотипы влияние на процессы вербальной коммуникации членов общества.

Ключевые слова: стереотип, ценности, психолингвистический эксперимент, общественно-политический дискурс, самоидентификация.

В начале настоящего исследования было сделано предположение о том, что рассмотрение концептов *BEING AMERICAN* и *БИТИ СРБИН* позволит произвести анализ средств национальной самоидентификации у представителей американского и сербского социумов. Под национальной самоидентификацией понимается самоотождествление человека

с определенной нацией, к которой он принадлежит с рождения или причисляет себя сам [Осипов 2011: 32].

Вслед за В.Я. Шабесом, Е.В. Трощенко и др. [Шабес 2012; Трощенко 2014] мы в своем исследовании отталкиваемся от понятия *комплексной ценности* как сложной структуры, объединяющей ценности более простого порядка. Содержание таких ценностных концептов может варьироваться от культуры к культуре [Трощенко 2014].

По аналогии с предыдущими исследованиями в ходе анализа были рассмотрены ценностные концепты БЫТЬ АМЕРИКАНЦЕМ и БЫТЬ СЕРБОМ. В рамках эксперимента американским участникам было предложено в письменной форме перечислить составляющие концепта BEING AMERICAN. Аналогичный стимул (БИТИ СРБИИ) и аналогичное задание было предложено сербским респондентам. Участниками эксперимента стали 48 респондентов-американцев и 56 сербов. Общее количество реакций, полученных от американских участников, составило 186, от сербских респондентов – 224.

Таким образом, с помощью психолингвистического эксперимента были получены данные об объеме и содержании ценностного концепта BEING AMERICAN у представителей американского социума и БИТИ СРБИИ у представителей сербского социума. Разнообразные по семантике ответы американских и сербских участников эксперимента можно разделить на тематические группы. Так, комплексная ценность БЫТЬ АМЕРИКАНЦЕМ у американских респондентов преимущественно ассоциируется со следующим:

1) 31 %: Свобода и всевозможные аспекты свободы (“*respect for personal freedom and the freedom of others*”, “*freedom of religion*”, “*freedom to make whatever choices I want to make for myself*”, “*freedom of speech*”, “*personal liberty*”, “*the rights to live where you want and love who you want*”). При этом у двух респондентов реакция *freedom* сопровождалась комментарием, отражающим негативные последствия этой свободы, например: “*Unfortunately, right now given the state of affairs with the freedom for anyone to have a gun and the massive shootings that happens weekly, it also means feeling unsafe in our country*”;

2) 26 %: Успех и материальные блага (“*make money*”, “*buy a home*”, “*cars*”, “*buy stuff and have fun!*”, “*find a career (job)*”, “*get married*”, “*having the ability to make my life into what I please, through my own effort and work*”, “*follow your dreams*”, “*create your own future*”);

3) **17 %:** Характер, натура американцев (*“hard-workers”, “entrepreneurial”, “independent”, “proud”, “friendly”, “caring” “a little rude”, “self-centered”, “American must believe that they will always be number 1 and the world revolves around American”, “hypocrisy”, “fighting spirit”, “tolerant”*);

4) **16 %:** Страна, в которой я живу (*“I live in america so I am an american”, “living in a country where you can vote”, “have a government that won’t let its people fall through the cracks”, “to do as you think you should without fear of government intervention”, “a country that provide people with needs but it come with a price”*).

В ходе эксперимента с американцами проявилась тенденция «отстранения» респондента и его перехода из плана *sameness* к плану *selfhood* [Wodak 2009: 14]. Так, в целом ряде случаев ответы участников содержали оговорки, в частности: *“I’ve never felt a very strong connection with my national identity...”*, *“It can mean different thing to different people”, “Being American, to a lot of Americans, means...”*

В состав комплексной ценности БЫТЬ СЕРБОМ вошли следующие тематические группы ответов сербских участников эксперимента:

1) **31 %:** Характер, натура сербов (*гордость* (серб. „*понос*“), *гордый* (серб. „*поносан*“), *храбрый, бесстрашный* („*храбар, неустрашив*“), *быть упрямым* („*бити тврдоглав*“), *гостеприимство* („*гостопримство*“), *быть веселым* (серб. „*бити весео*“) и др.

Ответ *гордость* при этом встретился в ответах 76 % респондентов, *упрямство* – в 64 %;

2) **23 %:** Знаковые фигуры сербской истории и культуры (в частности, герои битвы на Косовом поле (1389) – князь *Лазар* и *Милош Обилич* (*Кнез Лазар* и *Милош Обилић*), основатель древнейшей сербской династии Неманичей – *Стефан Неманя* (*Стефан Немања*), один из наиболее почитаемых сербских святых – *Святой Савва Сербский* (*Свети Сава*), всемирно известный физик сербского происхождения *Никола Тесла* (*Никола Тесла*) и др.;

3) **20 %:** Православие, вера (*быть православным* (серб. „*бити православан*“), *православие* („*православље*“), *Святосавье* („*Светосавље*“) – то есть православная идея, в основе которой лежит почитание Святого Саввы Сербского, *Господь Иисус Христос* (*Господ Исус Христос*), *вера* („*вера*“);

4) **9 %:** Традиции (*целовать трижды* („*љубити три пута*“), *приветствие тремя перстами* („*три прста*“), *ракия* („*ракија*“) – сербский национальный алкогольный напиток, *слава* („*слава*“) – празднование дня семейного святого покровителя.

К этой же тематической группе мы отнесли реакцию *любить Россию* („*волети Русију*“), которая встретилась в ответах трех респондентов. О традиционности такого отношения к России представителей сербского социума позволяет, в том числе, говорить наличие таких сербских пословиц, как „нас и Руса има двеста милиона“, т.е. «нас вместе с русскими – двести миллионов», или „на небу је Бог, а на земљи Русија“, т.е. «на небе – Бог, на земле – Россия»;

5) **7 %**: Семья (*сезња* („*породица*“).

Как видим, понимание сербами *национального сербского* является очень контрастным по отношению к американцам и их понимаю *национального американского*. При этом существующие различия касаются не только семантики ответов (например, сербы – гордые, американцы – self-centered), но и их тематики. Так, в реакциях сербов отсутствует материалистская составляющая, в то время как в ответах американцах она представлена довольно широко. Сербь в своем понимании ценностного концепта БИТИ СРБИН отталкиваются прежде всего от сербской истории, культуры, веры и традиций. Американцы в ценностный концепт BEING AMERICAN преимущественно вкладывают представления о современной жизни в своем государстве, успешности и свободе.

На наш взгляд, выявленные стереотипы могут оказывать значительное влияние на процессы вербальной коммуникации членов общества обеих лингвокультур. Дискурсивный анализ ряда соответствующих по тематике форумов и комментариев к интернет-статьям позволяет убедиться в этом. В ходе анализа было установлено, что и американцы, и сербы в дискуссиях, в первую очередь, апеллируют к тем составляющим ценностного концепта БЫТЬ АМЕРИКАНЦЕМ/БЫТЬ СЕРБОМ, которые в ходе психолингвистического эксперимента наиболее часто выделялись участниками.

Так, в первом примере участник он-лайн дискуссии в стратегии аргументации апеллирует к свободе (свободам) как к тому атрибуту жизни, которая есть у американцев, в отличие от жителей других стран:

Пример 1. rphk123 (<https://www.debate.org/opinions/are-americans-truly-free>) **Compared to other countries, Americans are pretty damn free.** People always focus on the freedoms they don't have instead of the ones they do have. It depends on how you define freedom. I say **we are free because we do have a lot of freedoms.**

Во втором примере участник дискуссии, посвященной «американской мечте», называет свободу важнейшей её составляющей:

Пример 2. Early Retirement, MD (<https://www.nytimes.com/2017/08/04/upshot/the-transformation-of-the-american-dream.html>) I feel that a major problem now is the inability for people who just want to “get by”. **The American dream, before it got co-opted by big business I define as being able to do whatever the f*** one wants and still being able to survive with the basics.**

Анализ сербских материалов показал схожие результаты. Так, например, участник он-лайн дискуссии о политическом выборе, который Сербия должна сделать в ближайшее время, апеллирует к необходимости обратиться к культурным основам:

Пример 3. Dragan Pik-lon (<http://www.politika.rs/scc/clanak/413774/Нема-промене-Резолуције-1244-без-сагласности-СБ-УН>): @Danilo Obradovic, buducnost bez tla ispod nogu ne postoji. Buducnost bez kulturne bastine (koja je uzurpirana) nije buducnost nego proslost. (рус. «будущее без почвы под ногами не существует. Будущее без культурного наследия (которое сейчас узурпировано) – это не будущее, а прошлое...»)

В этой же дискуссии другой участник использует в своей аргументации образы исторических и религиозных деятелей, упоминавшихся сербскими респондентами в ходе эксперимента, как пример сербской государственности и силы:

Пример 4. Milca Vukovic (<http://www.politika.rs/scc/clanak/413774/Нема-промене-Резолуције-1244-без-сагласности-СБ-УН>): Само да се зна (одговор за А. Бана): Југославија је била гробница за српски народ. Сви су у њој све добили, само су Срби све изгубили. **Имали смо велику државу Немањића, то је држава о којој маштамо. Да живимо по завету Светог Саве и Светог Цара Лазара...** (рус. «Югославия была гробницей для сербского народа. В ней все получили всё, и только Сербы всё потеряли. У нас была великое государство Неманичей, это государство, о котором мы мечтаем. Чтобы жить по заветам Святого Саввы и Святого Царя Лазаря...»).

Таким образом, анализ материала показал, что наиболее распространенные стереотипы, выявленные нами в ходе экспериментов на первом этапе исследования, оказывают влияние на дискурс внутри американской и сербской культур и используются участниками дискуссий в коммуникативных стратегиях аргументации и убеждения. Сопоставительный анализ ценностных концептов BEING AMERICAN и БИТИ СРБИН позволил

обратить более пристальное внимание на лингвокультурные особенности рассматриваемых ментальных репрезентаций.

Литература

Осинов Д.В. Самоидентификация в коммуникативном поведении граждан США: дис ... канд. филол. наук: 10.02.19. Астрахань, 2011.

Троценкова Е.В. Взаимодействие ценностных концептов FREEDOM и PATRIOTISM: когнитивный и коммуникативный аспекты // *Homo loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков: сб. научных статей. Вып. 6. СПб, 2014. С. 247-256.*

Шабес В.Я., Троценкова Е.В., Потапова Т.М., Иварссон Л., Дамбер У., Бостедт Г. Когнитивно-лингвистические основы экспериментального исследования систем российских и шведских ценностей // *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2012. № 2 (031). С. 67-78.

Wodak R. Cillia R. de, Reisigl M. Liebhart K. The discursive construction of national identity. Edinburgh, 2009.

A.I. Priima (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

ACTUALIZATION OF THE CONCEPT OF *BEING AMERICAN* IN AMERICAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE AND OF THE CONCEPT OF *БИТИ СРБИН* IN SERBIAN SOCIO-POLITICAL DISCOURSE

The article deals with some the results of a psycholinguistic experiment with Americans and Serbs on two complex value concepts of BEING AMERICAN and БИТИ СРБИН. In the second phase of the research, an attempt was made to estimate an influence of such stereotypes on the processes of verbal communication in both American and Serbian linguocultures.

Key words: stereotype, values, psycholinguistic experiment, socio-political discourse, self-identification.

*К.А. Сухарева (Нижегород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского
suhareva_3@mail.ru*

**АКТУАЛИЗАЦИЯ МАНИПУЛЯТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА
ЭТНОНИМА *РУССКИЙ* В РОССИЙСКОМ РЕКЛАМНОМ
ДИСКУРСЕ В АСПЕКТЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА**

Исследование посвящено описанию актуализации манипулятивного потенциала этнонима *русский* в российском рекламном дискурсе в процессе активации этнонимом в качестве импликата рекламного текста различных концептуальных областей фрейма ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ, заполнения и взаимодействия данных областей на основании пресуппозиционального основания.

Ключевые слова: этноним, рекламный дискурс, рекламный текст, фрейм, речевое манипулирование.

Целью данного исследования является описание актуализации манипулятивного потенциала этнонима *русский* и соответствующих этнонимических дериватов в современном российском рекламном дискурсе, обусловленного возможностью данных языковых средств репрезентации в рекламном дискурсе категории этничности.

Манипулятивное воздействие реализуется посредством использования коммуникативных стратегий и тактик, целью которых является контроль над интерпретацией и смысловыми выводами реципиента. Моделирование процесса интерпретации сообщения возможно на основании метода фреймовой семантики, который направлен на исследование отражения структур знаний в значении языковых единиц, а также активации знаний для достижения понимания в процессе коммуникации [Прохоров 2006].

В соответствии с концепцией Т.А. Дейка и В. Кинча интерпретация сообщения осуществляется на основании информации о событиях, контексте и пресуппозициональном основании [Дейк, Кинч 1988].

В качестве когнитивного контекста, модели общего для лингвокультурного сообщества знания, выступающего опорой для интерпретации рекламного текста, может рассматриваться фрейм, под которым понима-

ется особым образом унифицированная конструкция знания или схематизация опыта [Филлмор 1988]. Таким образом, интерпретация опирается на выбор из памяти соответствующего фрейма и согласование данного фрейма с контекстом и конкретной ситуацией, представленной во внешнем мире.

При получении рекламного сообщения реципиент вписывает его в стандартную схему, подсознательно вычлняя типичные для данной схемы элементы. Рекламные тексты направлены на презентацию центрального элемента – объекта рекламы, поэтому в качестве модели когнитивного основания текста рекламы может рассматриваться фрейм ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ. Данный фрейм содержит наиболее типичную для рекламного текста информацию, которая в большинстве случаев включает описание функционального предназначения объекта рекламы, его характеристику, информацию о производителе, информацию о потенциальном потребителе, информацию о третьем авторитетном лице, дающем оценку рекламируемого продукта.

В качестве импликата, то есть элемента поверхностного уровня, активирующего имплицитные смыслы, этноним *русский* способен участвовать в семантизации различных элементов фрейма ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ: характеристика – *Японские блюда русскими порциями*; потребитель – *Компьютеры для тех, кто думает по-русски*; функциональное предназначение – *Parliament. Настоящий русский Новый год*; производитель – *ВАЗ. Русские машины* и др.

Взаимодействие пресуппозиций и активированных фреймовых структур играет ключевую роль в интерпретации рекламного сообщения из-за его прагматической направленности. Поэтому для достижения перформативного эффекта при кодировании эксплицитного компонента рекламного текста необходимо опираться на знания и убеждения адресата, так как они будут выступать пресуппозициональным основанием для декодирования сообщения.

Рекламные сообщения, включающие в свой состав этноним *русский*, содержат прагматические пресуппозиции, к которым относятся этнические стереотипы, психологические пресуппозиции, к которым относятся социально-демографические и психографические характеристики потенциального потребителя (его место рождения и/или проживания и этническая принадлежность), и культурные пресуппозиции, к которым относятся ценности русской лингвокультуры, различные культурные установки и концепт

«русскость». Например, в рекламном сообщении страховой компании *Русский мир* «Исключи случайность из своей жизни» логическая пресуппозиция «В твоей жизни есть случайность» дополняется культурной установкой русского народа, в соответствии с которой мир воспринимается неупорядоченным и непредсказуемым [Зализняк и др. 2005].

Таким образом, к пресуппозициональному основанию рекламного сообщения, включающего в свой состав автоэтнонимическую лексику, относятся когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты этнической идентичности. К когнитивному компоненту относятся самоназвание народа, этнические стереотипы, осознание своей этнической принадлежности, этнодифференцирующие признаки. К аффективному компоненту относится эмоционально-ценностное переживание потребителем своей этнической идентичности: чувство национальной гордости, патриотизм, глубокая привязанность к культуре своего народа, переживание общей исторической судьбы и т. д. Этническая идентичность субъекта включает также поведенческий компонент и проявляется в аттитюдах, что предполагает предрасположенность потребителя к совершению определенного социального поведения, а именно воспринимать, осознавать, оценивать и действовать в качестве члена этнической группы определенным образом. На такие социальные и культурные установки потребителя, как оценивать положительно свои групповые отличия, защищать групповые ценности, соответствовать ожиданиям своей этнической группы, и рассчитывает адресант рекламного сообщения, приписывая объекту рекламы этническую принадлежность. Соответствующие социальные и культурные установки позволяют не только положительно оценивать объект рекламы, но интерпретировать потребление продукта как социально одобряемую конвенциональную модель поведения.

Например, в рекламе водки «Русская выдержка» с помощью актуализации этнических стереотипов о противоречивом, уникальном и сильном русском характере актуализируется участок фрейма ПОТРЕБИТЕЛЬ и ХАРАКТЕРИСТИКА.

Я объехал весь мир, я был на 5 континентах. Но только здесь, в России, встретил людей с необъяснимым сочетанием тонкости и простоты, отзывчивости и беспечности, терпения и страсти, мужества и величия. Потрясающе необъяснимо. Русская выдержка. Больше, чем характер.

В соответствии с рекламным образом водка позиционируется как русский национальный продукт. Рекламный текст строится на описании

русского национального характера, которое осуществляется посредством актуализации этнических стереотипов о силе и противоречивости русского характера. Обладание этим характером позиционируется как престижное, рекламное сообщение вызывает к чувству гордости и собственного достоинства. В рекламном имени актуализируется когнитивный признак «имеющий отношение к русским национальным идеалам и ценностям». Адресат рекламного сообщения должен почувствовать на себе воздействие следующего ассоциативно-эмоционального комплекса: данный продукт – продукт для русского, быть русским – престижно, данный продукт – престижный продукт.

Интерпретация рекламного сообщения, извлечение передаваемых смыслов и формирование рекламного образа происходят в результате когнитивной деятельности реципиента, значимым компонентом которой является процесс инференции. Инференция позволяет «выйти за пределы буквального/дословного значения единиц, разглядеть за <...> языковыми формами больше содержания» [КСКТ 1996: 33-35]. В результате интерпретации рекламного сообщения адресат получает инферентное знание, которое в области рекламного дискурса содержит значимую для реципиента информацию об объекте рекламы [Прохоров 2006].

Формирование рекламного образа в рекламных сообщениях, которые включают в свой состав автоэтноним *русский*, строится на акцентировании национальной специфики объекта рекламы. В основе интерпретации текста лежит пресуппозиция «Я русский человек», что позволяет сформировать семантический вывод – «этот продукт для меня».

Таким образом, автоэтнонимическая лексика вместе с другими импликациями рекламного текста используются в суппозитивном эксплицитном компоненте рекламного сообщения для инициации развертывания фрейма ОБЪЕКТ РЕКЛАМЫ и активации его концептуальных областей. Прагматические, психологические и культурные пресуппозиции взаимодействуют с фреймовыми структурами и выступают в качестве семантического наполнения терминалов фрейма. Эксплицированная или имплицированная в тексте этническая принадлежность объекта рекламы детерминирует процесс инференции, основанный на категоризации. Результатом инференции является идентификация объекта рекламы как «своего», значимого для потребителя с точки зрения его системы ценностей и самоидентификации.

Литература

ван Дейк Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике / пер. с англ. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. 1988. С. 153-211.

Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: сб. статей. М.: Языки славянской культуры, 2005. 544 с.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, П.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Фил. фак-тет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Прохоров А.В. Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного текста: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Тамбов, 2006. 159 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // НЗЛ. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. 1988. С. 24-25.

***К.А. Sukhareva** (Nizhny Novgorod, Russia)
National Research Lobachevsky State University of
Nizhny Novgorod
suhareva_3@mail.ru*

REALISATION OF MANIPULATIVE POTENTIAL OF ETHNONYM *RUSSIAN* IN RUSSIAN ADVERTISING DISCOURSE IN THE ASPECT OF ADVERTISING TEXT INTERPRETATION

The results are presented of the study of the actualization of manipulative potential of ethnonym *Russian* in russian advertising discourse through the activation by the ethnonym as implikat of the advertising text of various conceptual areas of the frame “OBJECT OF ADVERTISING”, filling and interaction of these areas on the basis of a presuppositional basis.

Key words: ethnonym, advertising discourse, advertising text, frame, speech manipulation.

Е.В. Трощенко (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.troschenkova@spbu.ru

ПОБУДИТЕЛЬНЫЕ И КОНСОЛИДИРУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПОСТАХ INSTAGRAM В ПРЕДДВЕРИИ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ВЫБОРОВ 2018 В США

В статье рассматриваются американские посты в сети Инстаграм. Обсуждаются способы сплотить сторонников демократов и побудить их к активному участию в избирательной кампании: использование императивных конструкций, лозунгов-призывов, отсылок к ценностям, к собственному примеру. Отмечаются случаи кросс-модальной координации в сообщениях.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, Инстаграм, глобальные коммуникативные стратегии, коммуникативная координация, консолидация группы, активизация электората.

Современные технологии в значительной мере трансформировали коммуникационные процессы, оказав серьезное влияние на степень и формы участия основной массы граждан в политических и общественных процессах. Г. Кресс отмечает произошедшие изменения во властных отношениях: переход от «вертикальных» к «горизонтальным» структурам власти, от отношений акцентированно иерархических к, по крайней мере, внешне кажущимся более открытыми для массового участия, что накладывает отпечаток на многие аспекты современной коммуникации. То, как сейчас выглядит медиапространство, обусловлено рядом факторов: расширением – благодаря новым технологиям – возможностей для участия, что стирает границы между глобальным и локальными процессами; акцентом на контент, создаваемый самими пользователями; и мультимодальностью используемых репрезентаций, т.е. активным комбинированием разных форм передачи информации (modes), под которыми автор понимает «социально оформленные и культурно обусловленные семиотические ресурсы для производства значения», такие как визуальный образ, графические обозначения письменного языка, расположение частей сообщения, музыка, жесты, устная речь, движущиеся картинки, саундтреки, 3D-образы и т. п. [Kress 2010: 21-22, 79].

Дж. Пенни утверждает, что исследование того, какую роль рядовые граждане играют в сетевом продвижении новостей, чтобы достичь определенных, политически мотивированных целей, стало ключевым элементом социологических, политологических и медиаисследований, того, что обозначается в книге как «citizen marketer approach». Автор стремится показать как позитивные аспекты совместных действий рядовых пользователей по видоизменению журналистской информации для продвижения собственных интересов и влияния на политические процессы, так и негативные, заставляющие ряд исследователей говорить о так называемом «диванном активизме» (slacktivism/clicktivism) вместо реального участия в общественно-политической жизни страны [Penney 2017: 2-3, 131-133]. Масштабность этих изменений в самих процессах коммуникации и их значимость, которую отмечают в ряде социо-гуманитарных дисциплин, делают крайне актуальным изучение этих вопросов и в рамках когнитивно-дискурсивных лингвистических изысканий. Важно описать с лингвистических позиций особенности развития глобальных коммуникативных стратегий граждан, возникающих как результат координации индивидуальных стратегий воздействия отдельных участников дискуссии, принадлежащих к какой-либо группе и стремящихся достичь единой цели [Трошенкова 2016]. В этой связи интересно обратить внимание на то, каким образом происходит сплочение членов группы и их активизация, побуждение к совершению конкретных политически значимых действий в одной из популярных социальных сетей – Instagram. Необходимо рассмотреть, какие элементы коммуникации, как вербальные, так и невербальные, функционально оказываются направлены на решение этих задач; каким образом разные элементы способны взаимодействовать друг с другом и какое влияние на их функционирование оказывают внешние факторы: изменения в социо-политической обстановке, текущие события, коммуникативные ходы оппонентов и т. п.

Материалом стали 400 англоязычных постов в сети Instagram вместе с ответными реакциями на них других пользователей, скоординированных употреблением единого хэштега #bluewave2018, активно используемого про-демократически настроенными американцами в ходе промежуточных выборов в Конгресс 2018 года. Материал отбирался двумя порциями на разных этапах кампании (200 шт. – запрос от 9.03.18, 200 шт. – от 5.07.18) сплошной выборкой, начиная с новейших постов на день запроса, с использованием фильтра: пост должен иметь не менее 10 лай-

ков, чтобы до определенной степени учесть фактор влиятельности пользователя в распространении информации через свой аккаунт. При такой фильтрации в выборку попадают как А) посты со специальных аккаунтов, созданных для поддержки анти-трамповской, анти-республиканской, про-демократической кампании, так и Б) посты отдельных пользователей, в разной степени вовлеченных в политический активизм и симпатизирующих демократам, а также некоторое количество постов их оппонентов и откровенно рекламных публикаций. Объектом внимания становились: а) тип аккаунта, б) ник, в) аватар, г) визуальная часть поста, д) вербальная часть поста, е) взаимодействие между ними, ж) комментарии к посту, з) координативные элементы разных типов, объединяющие посты разных пользователей. Объем настоящей статьи позволяет наметить основные типы координативных элементов, направленных на побуждение избирателей к сплочению и более активному участию в поддержке Демократической партии, а также существующие между ними связи, в том числе кросс-модальные.

Наиболее очевидный и распространенный способ – это использование императивных конструкций, представленное как в постах разного типа аккаунтов, так и в комментариях-реакциях. Популярны координирующие хэштеги императивной формы, которые помимо технического объединения различных постов одной тематики в единое пространство, связанное гиперссылкой, выполняют активационную функцию (напр. *#resist* (100 употр. в материале), *#dumptrump* (47), *#resisttrump* (43), *#vote* (33), *#impeachtrump* (33), *#impeach* (24), *#flipitblue* (17), *#votethemout* (12), *#lockhimup* (10), *#flipthehouse* (6), *#lockthemup* (5), *#registertovote* (4)). Те же лексические единицы могут встречаться и в теле сообщения: *«Rise and Resist – peacefully, get involved, vote or run for office. Make your voice be heard and fight for the people»*. Эти же единицы могут выноситься в визуальные элементы – напр. LOCK HIM UP вынесено на черный фон в аватаре аккаунта *onward.together* и, соответственно, сопровождает все посты с данного аккаунта. Тематика *resist* повторяется в аватаре аккаунта *usstudentresistance*, широко используется в постах и комментариях в виде смайла «поднятый вверх кулак», напоминающего о символике жеста испанского сопротивления; иногда идет серия подобных смайлов с разным цветом кожи. Отдельно стоит выделить императивные конструкции, используемые для того, чтобы руководить сетевой активностью пользователя, читающего пост: *«Swipe for more!»*, *«Swipe it like it's hot»*, *«To*

read more, click on our link in bio», «*Head to my website (link in bio)*», «*Check out www.harrisvotes.com for your polling location*», «*Join us @tulakitchen*». Они служат тому, чтобы побудить читающих совершить дополнительные действия (пролистать серию фотографий в посте, перейти по ссылке), которые позволят им получить больше информации и одновременно подвигнут их проявить хотя бы минимальную активность (потенциально повысив, например, посещаемость какого-то сайта), а не просто пассивно воспринять текст отдельного поста.

Еще одна группа средств – лозунги-призывы, которые могут принимать форму императивных обращений к читателям «please, do X»: «*please consider supporting her campaign*», «*Please participate*», «*Please, save our country*» (последний пример также сочетает в себе использование активационной функции стратегии представления оппонента как угрозы). Из 78 употреблений support/supporter

36 напрямую связаны с поощрением активного участия в деятельности своей группы: это благодарности за уже оказанную поддержку («*I've met so many wonderful supporters at the polls. Thank y'all so much for voting!*»; «*Thank you @shaunking for your support and faith in me!*»), констатации собственной солидаризации с демократическим кандидатом или идеей («*heading out today to support Conor Lamb in his PA Congressional run*») или призывы оказать им поддержку («*Say #thankyou and support those who #petition, #march and raise their voices when they see #injustice and #inequality from the powerful, the greedy, the intolerant and the rest who just don't get #WethePeople. Get involved and VOTE this November!*»). Лозунги-призывы, как видно из последнего примера, могут комбинироваться с отсылками к ценностям, «присваиваемым» своей группой, которые подаются как общие «истинные американские ценности». Выбор набора ценностей зависит часто от текущих инфоповодов; это заметно в связи с тем, что первая группа комментариев отбиралась сразу после Международного женского дня, на фоне недавно прошедших женских маршей и горячей фазы скандала с обвинениями Трампа в сексуальных домогательствах, а вторая группа комментариев – на фоне прошедшего Дня Независимости, скандала с разделением семей иммигрантов и предстоящей встрече Трампа с Путиным. Лозунговый характер высказываний типа *Trump Impeachment*, *Trump for prison*, *Together we can* делает их удобными для использования

в названиях и аватарах специальных аккаунтов (А): напр. *thetrumpimpachment*, *trumpforprisoncampaign*, *actiontogethernepa*, – поскольку они выражают квинтэссенцию требований группы, идеи, вокруг которых происходит ее сплочение. Together встречается 29 раз, как в хэштегах *#strongertogether*, *#onwardtogether*, так и в теле поста или комментария: «*Together we can flip some seats*», «*we need to come together*», «*work together to make this civilization a more loving, free, and less oppressive civilization to live*», «*came together to contribute to my campaigning efforts*», «*Need to work together to make things better*», «*get together for a common cause*», «*Together with @joshuasvaty as your Governor, we will fight for your right to the American dream*». Призывы к совместному действию через грамматические формы Let us также позволяют акцентировать внимание на единстве, сплоченности группы: «*Let's bring sanity and progress back to Washington*»; «*Let's take our country back in NOVEMBER!*» – реплика-комментарий «*☺☺☺ Let's do this! ☺☺☺*», инкорпорирующая также частотный визуальный элемент смайл-волну, отсылающую к мему Blue Wave, идее о том, что промежуточные выборы должны стать переломным моментом, когда граждане будут все более активно поддерживать демократов по мере развития избирательной кампании.

Среди постов индивидуальных аккаунтов Б) также распространен прием активизации соратников через собственный пример и указание на то, как здорово быть причастным к демократическому движению. В визуальной части таких сообщений помещаются фото / серии фото себя на избирательном участке / в ходе агитационной деятельности, с родственниками по дороге на избирательный участок для участия в праймериз / с бейджем «*I voted*», в группе активистов, вместе с кандидатом и т. п. В вербальной – сообщения типа «*Canvassing is fun with friends! Met some super nice people tonight in Oak Ridge*». При этом прямо или косвенно подчеркивается, что всем, кто не проявил должную активность, должно быть стыдно: «*Not registered to vote yet? 1. Shame on you*».

Таким образом, можно выделить ряд отдельных, но, как правило, взаимодействующих приемов сплотить потенциальных избирателей и заставить их прийти на избирательные участки в день голосования и отдать свой голос за кандидатов-демократов. Эти приемы реализуются как в вербальной, так и в визуальной части сообщений и уже своим повторением в разных постах оказывают консолидационное влияние на участников дискурса.

Литература

Троценкова Е.В. Глобальные коммуникативные стратегии как фактор координации социокультурного знания: ценности и партийные стереотипы в ходе праймериз в США // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 1. С. 33-42.

Kress G. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication. Routledge, London, 2010. 212 p.

Penney J. The Citizen Marketer. Promoting Political Opinion in the Social Media Age. Oxford University Press, 2017. 246 p.

E.V. Troshchenkova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University

INCENTIVE AND CONSOLIDATING ELEMENTS IN INSTAGRAM POSTS BEFORE MIDTERM ELECTIONS 2018 IN THE USA

The article studies American Instagram posts and discusses the ways to consolidate Democrat supporters and make them more actively participate in the campaign: the use of imperative constructions, slogans, references to values and personal examples. Some cases of cross-modal coordination in messages are also mentioned.

Key words: sociopolitical discourse, Instagram, global communicative strategies, communicative alignment, group consolidation, activation of the electorate.

С.Е. Тупикова (Саратов, Россия)
Саратовский научно-исследовательский
государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
tupikovase@mail.ru

Е.А. Семухина (Саратов, Россия)
Саратовский социально-экономический
институт РЭУ им. Г.В. Плеханова
semuh@rambler.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ В АНГЛО- И ФРАНКОЯЗЫЧНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматривается концептуальная деривация как базис вторичной языковой интерпретации. Транskonцептуальный тип деривации осуществляется, в частности, на основе такого когнитивного механизма, как метонимия, которая объективируется через ряд продуктивных моделей. В статье анализируются наиболее частотные модели и связанные с ними концепты, актуализированные в англо- и франкоязычном дискурсе.

Ключевые слова: вторичная языковая интерпретация, концептуальная деривация, транskonцептуальный тип деривации, метонимия, дискурс.

Изучение интерпретирующей функции языка сегодня представляется одним из актуальных направлений лингвистических исследований. Как справедливо указывает Н.Н. Болдырев, интерпретирующая функция языка связана с когнитивными процессами познания мира (концептуализацией и категоризацией), семиотическими и коммуникативными процедурами. Выделяют два типа языковой интерпретации: первичную и вторичную. К *первичной* интерпретации относят определение и номинацию фактов окружающей действительности: объектов, событий, характеристик и пр. Необходимость номинации связана с потребностью в устранении возникающих или вновь выявленных лакун в языковой картине мира [Болдырев 2017: 37].

Когнитивные процессы переосмысления и оценки уже подвергшихся номинации объектов и явлений лежат в основе *вторичной* языковой интерпретации. Последняя опирается на систему модусных концептов и категорий, таких как тональность (см. подробнее [Тупикова, Семухина

2017: 311]), эвиденциальность, экспрессивность и др., а также на познавательные феномены селекции, классификации и оценки. С каждым из приведенных когнитивных процессов связан определенный подтип языковой интерпретации, приводящей к возникновению тех или иных концептов, норм, идеалов, стереотипов, а также абстрактных понятий. В основе разных типов языковой интерпретации могут лежать разные когнитивные механизмы, модели и схемы.

Несмотря на множество подтипов языковой интерпретации и их различную основу, все они опираются на процесс образования новых концептуальных сущностей. Если первичная языковая интерпретация фиксирует появление новых единиц знания, то вторичная связана с порождением новых знаний на основе существующих концептов, что называют *концептуальной деривацией*. По справедливому мнению Н.Н. Болдырева, концептуальная деривация осуществляется путем изменения концептуального содержания с целью формирования нового смысла [Болдырев 2009: 48]. В общем предполагается, что после того, как в языке фиксируются основные концепты и организуется концептуальная система, возникают предпосылки для создания новых межконцептуальных системных связей. Затем происходит повторная фиксация значений. Возникшие концептуальные структуры в свою очередь становятся базисом для новых связей, что обеспечивает постоянное развитие концептуальной системы человека [Шемаева 2013: 11].

Существуют три основных типа концептуальной деривации: конкретизирующая, абстрагирующая и трансконцептуальная. *Конкретизирующая* деривация связана с конкретизацией, акцентуацией и оценкой определенных характеристик концептов базового уровня. С ней соотносят процессы эвфемизации, фразеологизации и пр. *Абстрагирующая* концептуальная деривация представляет собой классификацию или объединение концептов в интегративные структуры (т. е. это таксономизация, иерархизация смыслов и др.) и подразумевает актуализацию «вертикальных» межконцептуальных связей. *Трансконцептуальный тип* деривации возникает при объективации горизонтальных связей между концептами, разными областями знания (образное сравнение, метафора, метонимия, прецедентные феномены и пр.).

Рассмотрим подробнее, как на основе трансконцептуальной концептуальной деривации формируются новые значения в англо- и франкоязычном медиадискурсе. Как показало проведенное исследование, одним из наиболее продуктивных когнитивных механизмов, лежащих в осно-

ве изменения концептуального содержания и, следовательно, значения, в англо- и франкоязычном медиадискурсе является метонимия. Как подчеркивает Е.С. Кубрякова, основой существования механизма метонимии является некоторая неопределенность мира, где нет четко установленных границ между целым и его частью, между объектом и его признаком [Кубрякова 1992: 89].

Дж. Лакофф указывает на то, что метонимия постоянно существует в концептуальной системе человека в виде идеализированной модели, определяющей отношения замещения между отдельными элементами. При этом опускаются сложные элементы, их заменяют интуитивно понятные, известные, часто с более широким значением [Лакофф 2004: 85].

Наиболее распространенные метонимические модели предполагают сдвиг значения по моделям «часть – целое», «причина – событие», «следствие – событие», «результат – действие», «материал – изделие», «сосуд – содержимое» и т. д. Как подчеркивает Е.В. Шемаева, метонимия осуществляется в результате взаимодействия исходного концепта, имеющего базовый характер, с абстрактным концептом ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ВМЕСТИЛИЩЕ, МАТЕРИАЛ и пр. Таким образом, появляется новая концептуальная структура, с которой связано возникновение нового значения [Шемаева 2013: 12].

Представляется, что наиболее продуктивными для англо- и франкоязычного медиадискурса являются следующие абстрактные концепты:

– концепт ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ, когда осуществляется метонимический сдвиг по модели «часть – целое». Например, в следующих высказываниях, где название партии или государства означает некоторых их представителей:

Le parti d'extrême droite, l'AFD, fait, lui, son entrée au Parlement régional [Figaro]. Или еще: ...les observateurs guettaient le moindre signe d'un accord entre l'UE et le Royaume-Uni [Figaro].

Ср. в английском медиадискурсе: 'Sadly, we got to know that a **Labour** made approach to these negotiations and what it would mean, ' said Theresa May [BBC].

Our jobs are fleeing the country. US're going to Mexico. They're going to many other countries [The Washington Post].

– концепт МАТЕРИАЛ, при взаимодействии с которым других концептов происходит актуализация метонимической модели «материал – изделие»:

Elles permettent également de reproduire des odeurs difficiles à extraire, comme le lilas ou le muguet [Monde]. В данном случае названия цветов заменяют собой названия пахучих веществ, которые получают из этих растений.

Canada has become the second country after Uruguay to legalise possession and use of recreational cannabis. But concerns remain, including about the readiness for police forces to tackle recreational cannabis and marijuana impaired driving. [BBC]. В приведенном примере названия наркотических растений заменяют употребление слова наркотики *drugs*, которые производятся из них.

– концепт ПРОСТРАНСТВО, позволяющий объективировать модель «пространство – агент».

Как, например, в следующих высказываниях, где полузащитник в футболе называется по зоне футбольного поля, где он играет: *Le milieu de terrain des Bleus n'a pas apprécié les sifflets entendus au Stade Loujniki mardi [Figaro].*

Ср. в английском медиадискурсе: *But Low's side could not maintain their efforts, allowing France, and Griezmann in particular, to demonstrate the resilience [BBC].*

– концепт СИМВОЛ, связанный с моделью «событие – символический предмет». Например, в нижеприведенных примерах, где серию футбольных игр за Кубок мира называют просто «Кубок мира»: *Français et Danois viennent de signer le premier 0-0 de la Coupe du monde 2018 au terme d'une prestation totalement insipide [Figaro].*

Или еще: *Antoine Griezmann scored twice as France came from behind to claim World Cup victory and continue Germany's abysmal run in 2018 [BBC].*

– концепт ИМЯ СОБСТВЕННОЕ, актуализирующий такие модели метонимии как «имя автора – произведение», «имя знаменитости – событие», «имя знаменитости – награда» и др. Так, например, в следующем высказывании под именами Мольера и Цезаря скрываются театральные премии: *Trois Molière et quatre César ont déjà récompensé le talent de la comédienne Dominique Blanc [Monde].*

Ср. также: *Smithsonian said relationships such as these are important for cultural and scientific understanding [The Washington Post].* Под названием «Смитсоเนียน» подразумевается научно-исследовательский и образовательный институт в США и принадлежащий ему комплекс музеев, а вернее, его руководство.

Итак, могут быть определены три вида концептуальной деривации, при этом трансконцептуальный тип связан с порождением наиболее разнообразных, экспрессивно окрашенных, индивидуальных значений. В англо- и франкоязычном медиадискурсе наиболее частотными абстрактными концептами, в связи с которыми происходит метонимический сдвиг, являются ИНТЕГРАЛЬНОСТЬ, МАТЕРИАЛ, ПРОСТРАНСТВО, СИМВОЛ, ИМЯ СОБСТВЕННОЕ. Есть основания полагать, что данные концепты являются превалирующими и в русскоязычном медиадискурсе.

Литература

Болдырев Н.Н. Концептуальная деривация как основа вторичной языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2017. № 33. С. 37-42.

Болдырев Н.Н. Оценочная метареферентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. 2009. № 5. С. 43-51.

Кубрякова Е.С. Глаголы действия через их когнитивные характеристики // Логический анализ языка. Модели действия. 1992. С. 84-90.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

Тупикова С.Е., Семухина Е.А. Когнитивные модели иронической тональности // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 311-314.

Шемаева Е.В. Концептуальная деривация как когнитивная основа формирования семантики лексикализованных форм множественного числа имени существительного // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2013. Т. 15. Вып. 1. С. 11-14.

BBC News URL: <https://www.bbc.com/news>. (дата обращения: 15.04.10.10.2018).

The Washington Post URL: <https://www.washingtonpost.com> (дата обращения: 15.04-01.10.2018).

Figaro. URL: <http://www.lefigaro.fr>. (дата обращения: 01.07.2018).

Monde. URL: <https://www.lemonde.fr>. (дата обращения: 03.08.2018).

S.E. Tupikova (Saratov, Russia)

Saratov State University named after N.G. Chernyshevskii
tupikovase@mail.ru

E.A. Semukhina (Saratov, Russia)

Saratov Socio-Economic Institute
of Plekhanov Russian University of Economics
semuh@rambler.ru

CONCEPTUAL DERIVATION AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF MEANINGS IN THE ENGLISH AND FRENCH MEDIA DISCOURSE

The article focuses on conceptual derivation as the basis of secondary language interpretation. The transconceptual type of derivation is carried out on the basis of such cognitive mechanism as metonymy, which is realized through a number of productive models. The most frequent models and related concepts, represented in the English and French media discourse, are examined in the article.

Key words: secondary language interpretation, conceptual derivation, trans-conceptual type of derivation, metonymy, discourse.

Ю.М. Чантуридзе (Москва, Россия)

Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
ychanturidze@hse.ru

МЕТОДЫ ОКАЗАНИЯ КОГНИТИВНОГО ВЛИЯНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США

Данное исследование нацелено на выявление и описание методов оказания когнитивного воздействия в сфере современной американской политики. Анализ, проведенный на примерах из дискурса Д. Трампа, позволяет говорить об апелляции к бессознательному как основному принципу при выборе стратегии политического выступления на публике.

Ключевые слова: политический дискурс, общее знание, американский дискурс, интердискурсивная связь, когнитивное воздействие.

В данный момент политический дискурс оказывает ключевое влияние на формирование общественного сознания, поскольку часто выступает орудием манипулирования массами, способствует выражению доминирования, становится мощным средством убеждения. Это объясняет, почему представители различных отраслей и направлений современной науки отмечают важность выделения и описания методов такого влияния. Данное исследование преследует такие же цели.

В результате последних событий в сфере американской политики нынешним президентом США является Дональд Трамп. Он занял президентское кресло вслед за Барак Обамой, известным своим выдающимся умением говорить на публике. Однако стиль Д. Трампа значительно отличается от стиля его предшественника, хотя он не менее популярен в США. Следовательно, давно назрел вопрос о лингво-когнитивных причинах такой популярности и готовности людей верить ему.

С первого взгляда может показаться, что нынешний президент совершенно игнорирует риторические правила построения речи: он часто бросает мысль на полуслове, перескакивает с темы на тему, повторяет одни и те же слова или мысли по несколько раз. Это проявляется даже в подготовленных заранее речах, например, в его победной речи:

This was tough. This political stuff is nasty, and it is tough. So I want to thank my family very much. Really fantastic. Thank you all. Thank you all. Lara, unbelievable job. Unbelievable. Vanessa, thank you. Thank you very much. What a great group [Trump 2016].

Первое, на что стоит обратить внимание в данном примере, это синтаксис: говорящий использует неполные предложения, часто обрывает их, имеют место примеры парцелляции. В результате создается впечатление, что его речь крайне бедна, а стиль отсутствует вовсе. Однако можно взглянуть на эту особенность дискурса Д. Трампа с другой стороны. Создается ощущение неподготовленности речи, иными словами, её спонтанности, что приводит к выражению искренних эмоций и чувств, созданию дружелюбной атмосферы.

Более того, этот прием может быть нацелен на активацию у аудитории «общего знания» [Жубрякова 1997: 174-175], которое создаст ощущение интимности и взаимопонимания между говорящим и аудиторией.

Следовательно, можно попытаться рассмотреть данные особенности дискурса Д. Трампа как составляющие особого стиля, который позволил ему оказать такое влияние на аудиторию, что она помогла ему победить на выборах.

Этот взгляд разделяет и выдающийся лингвист-когнитивист Дж. Лакофф, который считает нужным называть вышеупомянутые особенности признаками уникального стиля нынешнего президента США [Lakoff 2016a].

Благодаря исследователям человеческого сознания сейчас известно, что бессознательное преобладает над сознательным. Так, в одной из своих статей, посвященных основополагающим идеям когнитивистики, Дж. Лакофф утверждает, что, вероятно, 98 % умозаключений человека происходят бессознательно и лишь 2 % являются сознательными [Lakoff 2007: 68]. Эту же идею озвучил в начале XX века Зигмунд Фрейд, сравнивший человеческое сознание с айсбергом [Freud 1963: 123].

Данная теория позволяет предположить, что апелляция в дискурсе к бессознательному, то есть к тому, что происходит автоматически, может позволить говорящему оказать гораздо более сильное влияние на слушающего, чем в случае с апелляцией к сознательному, потому что эффект от сказанного перед аудиторией сохранится дольше и будет впоследствии влиять на суждения и решения людей.

Именно нацеленностью на продолжительный эффект за счет апелляции к бессознательному и может быть объяснен выбор Д. Трампом такого особого стиля речи, созданного благодаря использованию целого ряда приемов.

Так, в данной связи примечателен другой пример, взятый из победной речи Дональда Трампа. В нем он намеренно стремится подчеркнуть свое отличие от предыдущих президентов, чтобы убедить американцев в своей уникальности:

As I've said from the beginning, ours was not a campaign, but rather an incredible and great movement made up of millions of hard-working men and women who love their country and want a better, brighter future for themselves and for their families [Trump 2016].

Выбор слов в данной фразе кажется неслучайным: употребление слова «movement» для характеристики президентской кампании Д. Трампа должно вызвать в сознании аудитории интердискурсивную связь с движением за гражданские права. Интердискурсивные связи позволяют перекидывать смысловые нити к другим образцам дискурса за счет апелляции к «общему знанию» аудитории, хранящемуся в подсознании. Важно помнить, что движение за гражданские права в США является поворотным моментом в истории Америки XX века. Таким образом, Д. Трамп импли-

Как видно из «облака слов», чаще всего в своей победной речи Д. Трамп произносил слово «great», которое уже было разобрано выше. За ним следуют «people» [люди], «want» [хотеть], «country» [страна] и другие. Преобладание прилагательного «great» не случайно. Во-первых, это слово очень ёмкое по своей семантике, поэтому может охватить значительный спектр значений. Следовательно, при каждом употреблении Д. Трампом слова «great» каждый слушающий может понять значение фразы с этим словом по-своему, выбрав при интерпретации то или иное известное ему значение, или же слово может активировать сразу несколько значений одновременно.

Так, например, президентскую кампанию Д. Трампа, которую он называет «a great movement», можно определить как очень хорошую, важную и влиятельную, великую или даже как просто продолжительную. Помимо кампании этим прилагательным Трамп характеризует страну, ветеранов войн, свой экономический план, будущие взаимоотношения Америки с другими странами, своих друзей, родителей, работу, которую ему и его команде предстоит осуществить, и так далее. В результате может сложиться впечатление, что президент делит все составляющие окружающего его мира на две категории: «great» и «not great».

Важно отметить также, что все значения слова «great» характеризуются положительным оттенком смысла, поэтому, говоря о всех вышперечисленных вещах, людях и явлениях, говорящий автоматически настраивает аудиторию на положительное восприятие того, о чем/ком он говорит.

Во-вторых, прилагательное «great» имеет особое значение для дискурса Д. Трампа, так как оно было включено в слоган его президентской кампании – «*Make America Great Again*» – который одновременно активизирует особую интердискурсивную связь с историей США и позволяет каждому представителю американского народа интерпретировать его так, как чувствует он. Например, для кого-то может быть важно очистить Америку от большого количества иммигрантов, для другого человека основополагающей является позиция страны на мировой арене, для третьего важно решение бытовых проблем и так далее.

В заключение необходимо еще раз отметить, что дискурс Дональда Трампа можно рассматривать с особой точки зрения, принимая то, что многие считают неумением автора произносить речи на публике, за следование детально продуманной стратегии. В пользу последнего говорит то, что после активной кампании, которая подразумевала в себе посто-

янные выступления на публике, Д. Трамп все же был избран президентом страны. Следовательно, его слова оказали когнитивное воздействие на американцев, заключив в себе то, что они хотели услышать от будущего лидера своей страны. Из этого следует, что в данный момент политический дискурс выходит на отличный от предыдущего этап развития, когда не обязательно насыщать речи риторическими средствами выразительности, чтобы сделать их успешными и влиятельными.

Литература

Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-тет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997.

Donald Trump's Victory Speech // *The New York Times*. 9.11.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/10/us/politics/trump-speech-transcript.html>.

Lakoff G. What Orwell Didn't Know About the Brain, the Mind, and Language // *What Orwell Didn't Know: Propaganda and the New Face of American Politics*. Public Affairs Press, 2007. 67-74.

Lakoff G. Understanding Trump. *George Lakoff blog*. 23.07.2016a. URL: <https://georgelakoff.com/2016/07/23/understanding-trump-2/>.

Lakoff G. Understanding Trump's Use of Language. *George Lakoff blog*. 19.08.2016b. URL: <https://georgelakoff.com/2016/08/19/understanding-trumps-use-of-language/>.

Freud S. The unconscious // *General Psychological Theory: Papers on Metapsychology*. 1963. С. 116-150.

Y.M. Chanturidze (Moscow, Russia)

National Research University «Higher School of Economics»

THE METHODS OF COGNITIVE INFLUENCE IN MODERN POLITICAL DISCOURSE OF THE USA

The research focuses on the methods of cognitive influence in modern political discourse of the USA. The analysis is conducted on the basis of D. Trump's victory speech, which contains a considerable number of cases when the speaker appeals to the subconscious level of human consciousness, thus exerting considerable influence on the audience's opinions and choices.

Key words: political discourse, common knowledge, American discourse, interdiscursive bond, cognitive influence.

З.М. Чемодурова (Россия)

Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена
zinatim@rambler.ru

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНАЯ ИГРА В ИНИЦИАЛЬНОЙ ТЕКСТОВОЙ ПОЗИЦИИ КАК ПРИЕМ ФОКУСИРОВАНИЯ ВНИМАНИЯ

Статья посвящена анализу интертекстуальной игры, расположенной в сильной позиции начала художественного текста, как приему привлечения внимания. Интертекстуальная игра рассматривается как особый вид языковой игры, предполагающий авторскую рефлексивность над межтекстовым взаимодействием и оказывающий значительный фасцинирующий эффект на адресата. Интертекстуальная игра в инициальной текстовой позиции может рассматриваться как пример реализации «аттенциональной конвергенции».

Ключевые слова: интертекстуальная игра, сильная текстовая позиция, выдвигание, феномен фасцинации, «аттенциональная конвергенция».

Инициальная текстовая позиция, или начало художественного текста, традиционно рассматривается в стилистике как одна из сильных позиций текста, наряду с его заглавием, эпиграфом и концовкой. И.В. Арнольд описывала сильные текстовые позиции в качестве одного из типов выдвигания, под которым она понимала «способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на некоторых чертах текста и устанавливающие смысловые связи между элементами разных уровней или дистантными элементами одного уровня» [Арнольд 1999: 202]. Сам термин «foregrounding», предложенный Полом Гарвином в качестве варианта перевода понятия «*aktualisace*», исследователями Пражской лингвистической школы определялся как «использование приемов языка таким образом, чтобы само это использование *привлекало внимание* и воспринималось как необычное, как лишенное автоматизма» [Наванек 1964: 8, курсив мой – З.Ч.]. Согласно более позднему определению выдвигания,

предложенному Питером Чайлдсом и Роджером Фаулером, оно подразумевает «все выделенные (salient) лингвистические феномены, которые ведут к тому, что внимание читателей перераспределяется, смещаясь с перефразируемого содержания сообщения («что говорится»), и фокусируется на самом сообщении («как это говорится») [Childs and Fowler 2006: 102]. Выдвижение трактуется также и как «концепт, характеризующий важность помещения на первый (передний) план по своей значимости той или иной языковой формы, которая выступает в качестве поискового стимула, или “ключа”, в процессах языковой обработки информации» [Краткий словарь когнитивных терминов 1996: 21]. Как явствует даже из этих нескольких определений, понятие «выдвижение» в последние десятилетия интерпретируется с разнообразных исследовательских позиций в рамках стилистики текста, литературоведения, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, представляя собой сложное явление, обозначающее одновременно и «когнитивный процесс, и текстовые феномены, запускающие этот процесс» [Dry 1992: 437].

Как указывает Л. Талми, обычно разные «фрагменты или аспекты выражения, содержания или контекста имеют различные степени выделенности» [Talmy 2007: 264]. Изучая разнообразные «феномены внимания» и пытаясь выработать «единую когнитивную систему внимания», исследователь указывает на целый ряд релевантных областей изучения механизмов выделенности, среди которых упоминаются проблемы топика и фокуса, фокусирования внимания, фигуры и фона, профилирования внимания, «кадрирования» внимания и др. [Talmy 2007: 264-265].

Целью данной статьи является попытка определить роль интертекстуальной игры, разворачиваемой автором художественного текста в начальной текстовой позиции, в привлечении и удержании внимания читателей, открывающих художественное произведение и преодолевающих, таким образом, некую границу, отделяющую реальный мир от мира фикционального, вымышленного. В качестве материала исследования были выбраны художественные тексты, принадлежащие постмодернистской парадигме, поскольку большинство исследователей постмодернизма сходятся во мнении, что такие категории, как интертекстуальность и игра, являются конститутивными свойствами большинства таких художественных текстов [см. Чемодурова 2013].

Интертекстуальная игра может рассматриваться как особый вид языковой игры, представляющий собой авторскую рефлексивность над

взаимодействием текстов и предполагающий опору на интертекстуальные знания читателей, их интертекстуальную компетенцию (У. Эко). Рефлексия в самом широком смысле обычно трактуется как «процесс осмысления чего-либо при помощи изучения и сравнения» [Философский энциклопедический словарь 1997: 394]. Авторская рефлексия, объективируемая в сильной начальной позиции текста в виде скрытых аллюзий, трансформированных цитат, обманчиво простых перифразов, превращает текст в некое «экспериментальное пространство» [Гридина 2012: 273; цит. по Фатеева 2016: 18], обладающее безусловным «эстетико-эвристическим» (В.П. Григорьев) потенциалом. Представляя собой первый сигнал, первое проявление такой категории постмодернистского текста, как игровая модальность [Чемодурова 2014], интертекстуальная «задача» мгновенно вовлекает читателей в процесс сотворчества и в игру в вымысел:

“All happy families are more or less dissimilar; all unhappy ones are more or less alike”, says a great Russian writer in the beginning of a famous novel (*Anna Arkadievitch Karenin*, transfigured into English by R.G. Stonelower, Mount Tabor Ltd., 1880). That pronouncement has little if any relation to the story to be unfolded now, a family chronicle, the first part of which is, perhaps, closer to another Tolstoy’s work, *Detstvo i Otrochestvo* (*Childhood and Fatherland*, Pontius Press, 1858)” [Nabokov 1969: 3].

В.В. Набоков, которого называют иногда «магистром игры», открывает свой роман «*Ada, or Adour: A Family Chronicle*» обманчиво узнаваемой цитатой из романа Л.Н. Толстого «*Анна Каренина*», которая на самом деле звучит как «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему» [Толстой: электронный ресурс]. Интертекстуальная игра, таким образом, активирует интертекстуальный фрейм, возникающий как интеграция двух ментальных пространств (ментального пространства, содержащего интертекстуальное знание, и ментального пространства, активируемого текстовой информацией) [Fauconnier and Turner 2002]. Эффект остранения, сопровождающий восприятие начального абзаца романа Набокова, поддерживается у прозорливого читателя эксплицитно пародийным заглавием самого романа *Anna Arkadievitch Karenin*, в котором появляется отчество героини в мужском роде. Моделирование игровой ситуации, в которой внимание читателя удерживается благодаря графическому выдвигению, повтору ключевых слов (*family, a family chronicle*), актуализации категории проспекции

(the story to be unfolded now), реализуется также благодаря второй аллюзии на другой роман Толстого, также содержащей ловушку для доверчивого читателя-монолингва. Перевод заглавия «Детство и отрочество», предлагаемый «магистром игры», ведет к созданию у читателей, способных оценить механизм обманутого ожидания и авторскую иронию, эффекта творческой фасцинации.

Феномен фасцинации лежит, на наш взгляд, в основе актуализации интертекстуальной игры как аттенционального приема. В концепции Ю.В. Кнорозова, одним из первых начавшего изучать фасцинацию как неотъемлемый компонент текста, «важнейшая функция фасцинации состоит в том, что она «затягивает» адресата в содержание воспринимаемого текста, не позволяет ему, получив достаточную, по его меркам, информацию, произвольно оторваться от этого текста» [Кнорозов 1973: 330]. Развивавший данную теорию Ю.А. Шрейдер считал, что «сущность фасцинации состоит в создании у адресата некоего настроя, установки на взаимопонимание» [Шрейдер 1974: 6]. Современные исследователи описывают данное явление как «возбуждающее воздействие символического, драматического и «недосказанного» смысла (проблемного смысла), вызывающего *острое внимание* и провоцирующего активную работу ассоциативно-эмоциональной составляющей человеческой психики с быстрым или мгновенным образованием *доминант внимания*, интереса, азарта разгадки и дешифровки» [Соковкин 2010: 103; курсив мой – З. Ч.].

Не менее иронично, так же используя прием «двойного кодирования», то есть прибегая одновременно к «высоким» кодам и к кодам общедоступным [Эко 2016: 136], начинает свое повествование Вуди Аллен: «Perhaps no writer has created more fascinating and complex females than the great Scandinavian playwright Jorgen Lovborg, known to his contemporaries as Jorgen Lovborg. Tortured and embittered by his agonizing relationships with the opposite sex, he gave the world such diverse and unforgettable characters as Jenny Angstrom in *Geese Aplenty* and Mrs. Spearing in *A Mother's Gums*» [Allen 1998: 41].

Игра с закодированными аллюзиями на Генрика Ибсена и А.П. Чехова, в которой имена собственные выступают в качестве маркеров интертекстуальности, становится приемом привлечения внимания читателей, провоцируя активную вовлеченность наиболее азартных адресатов в разгадывание блестяще выстроенной череды скрытых ссылок. В. Аллен не ограничивается игрой лишь с именами персонажей Ибсена (Lovborg,

например), предлагая читателем результат своей иронической рефлексии над этимологией имени Gabler (“a maker of forks”) в форме каламбурного антропонима Sprearing. Пародийные названия пьес развлекают массового читателя и в то же время, активируя интертекстуальный фрейм у подготовленных читателей, ассоциируются одновременно с Ибсеном и Чеховым. Создание игрового настроения, типичного для восприятия постмодернистских произведений, обусловлено явным фасцинирующим эффектом, фокусирующим внимание читателей на увлекательной интертекстуальной игре.

Поскольку начало художественного текста представляет собой сильную (салиентную) позицию, которая уже сама может рассматриваться как прием фокусирования внимания, то введение в инициальную позицию интертекстуальной игры «срабатывает» как своего рода «аттенциональная конвергенция» [Устинова 2015: 164], обеспечивающая деавтоматизацию восприятия повествования и создающая аттрактивный эффект.

Литература

Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1999. 444 с.

Кнорозов Ю.В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. М.: Наука, 1973. С. 324-334.

Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.

Соковкин В. Фасцинация. Коммуникация. Общение. Екатеринбург, 2010. 134 с.

Толстой Л.Н. Анна Каренина. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=27652&p=1>.

Устинова Т.В. Лингвокогнитивные особенности восприятия острания в стихотворной речи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. II. С. 163-167.

Фатеева Н.А. Языковая креативность: подступы к теме // Труды института русского языка им. В.В. Виноградова, 2016. Т. 7. № 7. С. 13-29.

Философский энциклопедический словарь. М.: Наука, 1997. 576 с.

Чемодурова З.М. Игра в постмодернистском художественном тексте. СПб.: Палитра, 2013. 387 с.

Чемодурова З.М. Игровая модальность художественного текста: к постановке проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2014. № 9 (39): в 2-х ч. Ч. II. С. 192-195.

Шрейдер Ю.А. Информация и метаинформация // Научно-техническая информация. 1974. № 4. С. 3-10.

Эко У. Откровения молодого романиста. М.: АСТ:CORPUS, 2013. 320 с.

Allen W. Complete Prose. L.: Picador, 1998.

Childs P., Fowler R. The Routledge Dictionary of Literary Terms. N.Y.: Routledge, 2005. 258 p.

Dry H.A. Foregrounding: An Assessment. In: Hwang Sh., Merrifield W. (eds.). Language In Context: essays for R. Longacre. Dallas: Summer Institute of Ling, 1992. P. 435-450.

Fauconnier G., Turner M. The way we think: conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York: Basic Books, 2002. 440 p.

Havranek B. The Fuctional Differentiation of the Standard Language. In: A Prague School Reader of Esthetics, Literary Structure, and Style. Washington: Georgerown Un. Press, 1964. P. 3-17.

Nabokov V. Ada or Adour: A Family Chronicle. N.Y.: McGraw Hill.

Talmy L. Attention Phenomena. In: Geeraerts D. and Guyckens H. (eds.). The Oxford Handbook of Cognitive Linguistics. N.Y.: Oxford Un. Press, 2007. P. 264-294.

Z.M. Chemodurova (Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia

INTERTEXTUAL GAMES IN THE INITIAL TEXTUAL POSITION AS AN ATTENTION FOCUSING DEVICE

The article analyzes intertextual games in the “strong” initial position of the literary text as an attentional device. The intertextual game is viewed as a type of language games based on the author's reflection on intertextual relations and making a considerable fascinating effect on the addressee. Intertextual games in the salient initial position of the text are interpreted as causing «attentional convergence».

Key words: intertextual game, initial textual position, foregrounding, fascination phenomenon, “attentional convergence”.

Е.С. Шмелева (Москва, Россия)

*Московский государственный лингвистический университет
katherineshm@gmail.com*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ КАЛАМБУРА

Данная статья посвящена изучению особенностей функционирования стилистического приема «каламбур» на материале заголовков англоязычной прессы. Конкретные контекстуальные реализации каламбура были рассмотрены с точки зрения фреймовой семантики, и на основании проведенного анализа были выделены три ключевые лингвокогнитивные модели формирования данного стилистического приема.

Ключевые слова: каламбур, стилистический прием, фреймовый анализ, фреймовая семантика, лингвокогнитивная модель.

Декодирование передаваемой информации является собой саму суть коммуникации, однако понимание передаваемых смыслов не всегда является однозначным. Нередко смысловая двуплановость закладывается автором высказывания намеренно, как элемент языковой игры. Целый ряд стилистических приемов и средств языковой выразительности основывается на эффекте многопланового восприятия. Сюда можно отнести игру слов, двойную актуализацию фразеологизмов, зевгму и, конечно, каламбур.

Несмотря на значительный интерес к каламбуру и вопросам его функционирования, а также разграничения каламбура и смежных приемов (в особенности игры слов), до сих пор среди лингвистов не существует единого подхода к определению данного стилистического приема. Причины такого разнообразия в трактовке стилистического приема каламбура были рассмотрены нами ранее [Шмелева 2016], и в рамках нашей статьи мы придерживаемся дефиниции каламбура, данной И.Р. Гальпериным. Определяя понятие каламбура, он указывал на характерное для данного стилистического приёма «взаимодействие двух общеизвестных значений одного слова или сочетания» («The pun is <...> based on the interaction of two well-known meanings of a word or phrase») [Galperin 1981: 151]. К данному И.Р. Гальпериным определению можно лишь добавить, что ключевыми когнитивными основаниями каламбура мы склонны считать бисоциацию (по А. Кестлеру) [Koestler 1964] и когнитивный диссонанс (по Л. Фестингеру) [Фестингер 1999].

Стилистический прием каламбура сопряжен с целым рядом достаточно ярких стилистических эффектов (комический эффект, эффект обманутого ожидания и эффект двойного смысла) и именно поэтому сравнительно часто употребляется в заголовках англоязычной прессы. Мы проанализировали примеры каламбура, реализованные в заголовках статей английского журнала *The Economist*, и по результатам проведенного исследования выявили три ключевые лингвокогнитивные модели формирования данного стилистического приема.

Первая выделенная нами модель (M1) основывается на совмещении фокусов и/или периферийных терминалов, активируемых значениями каламбурной единицы фреймов. Рассмотрим ее особенности на примере каламбурного заголовка из журнала *The Economist* от 31 марта 2016 года.

Статья, озаглавленная как «*A disarming approach*», посвящена проблеме экстремизма и попыткам отвращения террористов от подрывной деятельности путем ведения с ними переговоров. Таким образом, лексическую единицу *disarming* в данном контексте можно понять двояко: метафорично, в значении «обезоруживающий», т.е. подход, которому нельзя противостоять вследствие его гуманной формы (*allaying criticism or hostility*) (Ф1), и буквально, в значении «разоруживающий» (*making give up weapons*) [*Merriam-Webster Online English Dictionary*], т.е. заставляющий террористов отказаться от использования оружия (Ф2).

Каламбурное взаимодействие в данном случае становится возможным вследствие совпадения фокусов соответствующих значениям единицы *disarming* фреймов. Схематически данное взаимодействие можно изобразить следующим образом:

Ф1 <i>disarming</i> / обезоруживающий ● <i>making somebody</i> ○ <i>like somebody or something</i>	Ф2 <i>disarming</i> / разоруживающий ● <i>making somebody</i> ○ <i>abandon arms</i>
---	--

Схема 1. Заголовок «*A disarming approach*»: фреймовые основания

Проведенный нами анализ свидетельствует о том, что рассмотренная модель M1 представляет наиболее простую, легко декодируемую читателем форму каламбура. Ввиду особенностей ее структуры данная модель характеризуется наибольшей степенью бисоциации значений обыгрываемой единицы. При этом значения той или иной каламбурной единицы

в рамках выделенной модели тем более бисоциативны, чем большее совпадение демонстрируют фокусы и терминалы фреймов, репрезентирующих те значения лексической единицы, которые реализуются в заголовке.

Более сложные модели затрагивают структуру задействованных в формировании каламбура фреймов, что влечет за собой более радикальное их изменение. Одним из вариантов такого взаимодействия является расширение исходного фрейма под влиянием другого, модифицирующего фрейма, за счет появления у первого фрейма нового фокуса. Рассмотрим подобный пример.

Статья из журнала *The Economist* от 5 мая 2016 года, озаглавленная «Uniform appeal», повествует о выходе нового южнокорейского сериала об офицере войск этой страны. При этом лексическую единицу *uniform* можно понять как «единый» (*having the same form, manner or degree*) [Merriam-Webster Online English Dictionary]: данное значение единицы актуализирует следующий за ней элемент *appeal* (Ф1), и вместе они указывают на повсеместный успех сериала у зрителей. С другой стороны, *uniform* также можно понять как «форменный» (*presenting an unvaried appearance of surface, pattern or colour*) [Merriam-Webster Online English Dictionary], что метонимически отсылает читателя к одетым по уставу в форму солдат южнокорейской армии (Ф2), поскольку именно они являются действующими лицами описываемого в статье сериала. Рассмотрим подробнее структуру данных фреймов.

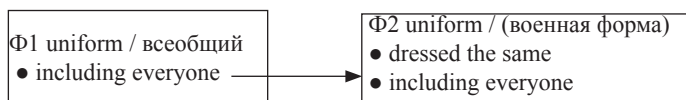

Схема 2. Заголовок «Uniform appeal»: фреймовые основания

Как видно из схемы, в данном случае мы наблюдаем взаимодействие фреймов за счет появления у одного из них нового фокуса, который отражает основную идею следующей за заголовком статьи: важно не только то, что сериал посвящен судьбе южнокорейского солдата, важно то, что этот солдат не уникален, и именно поэтому его образ нашел отклик в сердцах стольких людей.

Рассмотренная M2 предполагает структурное изменение в одном из фреймов, что ведет к формированию нового, более сложного смысла.

Для декодирования нового смысла требуется больше когнитивных усилий, что потенциально способно вызвать у интерпретатора когнитивный диссонанс. Отметим также, что ввиду своей достаточно сложной структуры данная модель несколько меньше распространена, чем рассмотренная ранее модель М1.

Третья выделенная нами модель предполагает, что, совмещаясь в одном контексте, фреймы ведут к возникновению нового, третьего смысла. Данный процесс соотносится с теорией концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера: по их мнению, «концептуальная интеграция – “смешение” – это общая когнитивная операция <...>; при смешении, структура исходных ментальных пространств проецируется на отдельное, «совмещенное» ментальное пространство» («Conceptual integration – “blending” – is a general cognitive operation <...> in blending, structure from input mental spaces is projected to a separate, “blended” mental space» [Fauconnier, Turner 1998: 133]). Соответственно, при взаимодействии фреймов по типу концептуальной интеграции формируется новый фрейм, который вбирает в себя черты двух исходных. Поясним данное утверждение примером.

Заголовок из журнала *The Economist* «Crude realities» от 22 января 2015 года строится на каламбурном обыгрывании лексической единицы *crude* в составе свободного словосочетания *crude realities*. Озаглавленная данным образом статья посвящена падению цен на нефть и газ, что оказывает определенное давление на производителей в Северном море. Соответственно, *crude* в данном контексте можно трактовать как «суровый» (*rough, tough*), и тогда данное значение сочетается с существительным «реальность» (*realities*), и как «необработанный» (*existing in a natural state and unaltered by processing*), что относит читателя уже в область выработки природных ресурсов, в частности, нефти [Merriam-Webster Online English Dictionary].

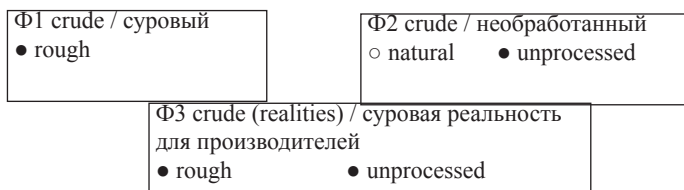

Схема 3. Заголовок «Crude realities»: фреймовые основания

Как следует из приведенной схемы, результатом взаимодействия двух заданных фреймов является формирование нового фрейма (ментального пространства), которое интегрирует характеристики исходных фреймов, в результате чего модель МЗ демонстрирует сравнительно высокую степень бисоциации. Вместе с тем, подобное совмещение фокусов фреймов является лишь контекстуально обусловленным, поскольку соответствующие фреймам лексические единицы изначально обладают различной сочетаемостью. Данное свойство модели формирования каламбура, наряду с отсутствием совпадений в периферийных терминалах, может потенциально выступать причиной возникновения трудностей при декодировании информации реципиентом и, соответственно, вызывать у интерпретатора когнитивный диссонанс.

Итак, в результате применения методики фреймового анализа в нашей статье были выделены три лингвокогнитивные модели формирования каламбура. Каждая из них была изучена с точки зрения ее сложности и частотности употребления в англоязычном медийном заголовке, а также соотнесена с когнитивными основаниями декодирования дуплановости каламбура: бисоциацией и когнитивным диссонансом.

Литература

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса / пер. А. Анистратенко, И. Знаешева. СПб.: Ювента, 1999. 317 с.

Шмелева Е. С. О понятии каламбура // Вестн. Московского гос. лингв. университета. Вып. 19 (758). Серия Языкознание. 2016. С. 110-120.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks. Cognitive Science Society. Vol. 22 (2). 1998. P. 133-187.

Galperin I.R. Stylistics. М.: Высшая школа, 1981. 335 p.

Koestler A. The Act of Creation. London: Hutchinson, 1964. 751 p.

Merriam-Webster Online English Dictionary URL: <http://merriam-webster.com/>

The Economist/ URL: www.economist.com.

E.S. Shmelyova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

LINGUA-COGNITIVE MODELS OF THE PUN

The article aims to research the functional aspects of the stylistic device of pun as exemplified in the English-speaking press. Specific contextual realizations of pun have been studied from the viewpoint of frame semantics and three key lingua-cognitive pun-forming models have been identified, as a result.

Key words: pun, stylistic device, frame analysis, frame semantics, lingua-cognitive model.

D. Weiss (Zurich, Switzerland)
University of Zurich
dawe@slav.uzh.ch

THE CONTEXTUAL EMBEDDING OF METAPHORS IN RUSSIAN PARLIAMENTARY AND TELEVISED DEBATES ON THE UKRAINE CONFLICT IN 2014

This article investigates selected examples from Russian political debates devoted to the Ukraine conflict in 2014. The main focus will be laid on the emergence of new, creative metaphors, metonymies, and blends, their contextual triggers and interplay with conventional (lexicalized) metaphors as well as their impact on the overall text coherence. Contrasting two genres (parliamentary debates in the Russian State Duma and talk shows on TV) will allow to formulate general conclusions about the preference for one or another type of figurative speech in different genres.

Key words: political discourse, Ukraine conflict, metaphor, metonymy, blend, discourse coherence.

The present study is related to a larger project under the heading “The Ukraine conflict as a battlefield of competing legitimisation discourses” (for further details, see <http://www.research-projects.uzh.ch/p21358.htm>). This project focused on the Ukraine conflict since the beginning of the Maidan

unrest in November 2013 and describes it as a clash of different legitimisation discourses, including the Russian and Ukrainian official view, voices of the Pro-Russian and later East Ukrainian separatist movement and the impact of these discourses on Polish and Czech political discourses. It encompassed four discourse types (groups of genres): parliamentary and televised debates, governmental statements (presidential speeches, interviews, press releases, addresses to the Security Council and the UNO general assembly, etc.). Moreover, a small sample of selected newspapers was analysed. All this boils down to a twofold comparison of four national discourses and four discourse types.

The main theoretical approach is provided by P. Cap's (2013) theory of proximization, devoted to (as stated in its subtitle) "the pragmatics of symbolic distance-crossing". This theory was initiated by Paul Chilton, an author who has already played a prominent role in our current research project as one of the leading specialists of parliamentary discourse, cf. Chilton 2004. His first use of the term *proximising* 'bringing conceptually closer' (for details cf. Cap [2013: 4]) dates back to the same monograph. The leading idea behind this concept is that „in processing any discourse people 'position' other entities in their 'world' by 'positioning' these entities in relation to themselves along (at least) three axes, space, time and modality" [Chilton 2004: 57]. Both epistemic and deontic modality were represented, the latter incorporating the moral, "wrong" – "right" axis. Moreover, the model already integrated comparisons and conventional (lexicalized) metaphors. From the beginning, it was applied to political discourse, where it served to describe the discursive construal of an approaching (in)direct danger or threat, thus legitimizing one's own preventive or reactive actions. In particular, it served as the main tool for the analysis of B. Clinton's TV address to the American nation on March 24, 1999, which served to justify military intervention in the Kosovo war [Chilton 2004: 142]. In subsequent papers, Chilton significantly refined this cognitive concept situated in what was initially called the Discourse Space, notably in Chilton (2005). At the same time, from 2005 on Piotr Cap has gradually been elaborating his own approach. The term *proximization* coined by him came to denote "an organized, strategic deployment of cognitive pragmatic construals of/in (originally, political) discourse" [Cap 2013: 5]. More precisely, it "accounts for the symbolic construal of relations between entities within the Discourse Space" (ibidem). To this purpose, the fundamental center-periphery distinction proposed by Cap is that between ODC vs. IDC, i.e. elements outside vs. inside the deictic centre located at 'here-now-I/we'. Proximization then describes the shift from spatial and tem-

poral OCD elements into the sphere of IDC which are construed as a growing threat for the latter that calls for immediate (pre-emptive) counter-action. The third axis postulated by Chilton is again modified by Cap, who conceives it in terms of *axiological proximization*. This axis is of crucial importance as a compensatory device when other (spatial and temporal) means are not available. To illustrate this point: when it became evident that Saddam Hussein did not possess any weapons of mass destruction, the Bush administration had to provide a new legitimization for its military intervention; they found it by referring to such negative values as “growing radicalism and extremism” in the Middle East, which remains “a place where freedom and democracy do not flourish” [quoted after Cap 2013: 95].

More importantly, Cap’s model seeks to incorporate *quantifiable evidence*. In several case studies devoted to the American Iraq War rhetoric, the theory was increasingly enriched by including counts of lexico-grammatical items related to space, time and axiology. This allows to capture quantitative shifts in the use of, e.g., NPs such as *adversary, threat, terrorist networks, catastrophe* referring to ODC and *United States, our people, free societies, defense, homeland security* with reference to IDC. The same holds for VPs like *destroy, set aflame, are moving (toward confrontation with an IDC) or may use WMD against an IDC* [Cap 2013: 108 f.]. As can be seen, this procedure covers central metaphorical concepts such as *fire, (flame, burn* etc.) and epistemic modals (*could, cannot* etc.). The crucial role of metaphors within Proximization theory is best illustrated by a recent PhD thesis [Lichy 2015] pertinent to our own project, since it examines American governmental statements on the Ukrainian conflict. This series of studies was continued in [Weiss 2017], [Weiss 2018] and [Weiss forthcoming].

For our own purpose, the lexico-statistical concordance program AntConc provided frequency lists, on the basis of which our research group established a list of relevant keywords; in selecting these keywords, we were mainly guided by Proximization theory. Thus, we came up with preliminary lists including such items as *threat, danger, pressure, conflict, war, aggression, defend*, but also (*international*) *law, legitimacy* etc. It soon became evident that the keywords suggested by Proximization Theory, such as *threat, danger, aggression* and the like, were not the most salient ones in our data. Instead, we focused on more frequent items, especially *war*; its hypernyms like *conflict*, hyponyms like *civil war, fratricidal war*, metaphorical extensions (*information war, cyber war, economic war, hybrid war, Cold war*, etc.) and euphemistic neologisms

(*Antiterrorist operation / ATO*). The national rankings of the different keywords diverged considerably and provided some unexpected results. Since quantitative analysis will not be part of my talk, the methods applied and the main results obtained in this domain will be left aside.

The present study focuses on the first two periods of the Ukraine conflict, i.e. the Majdan upheaval (November 2103 – March 2014) and the consolidation of the new Ukrainian power (March – October 2014). It is based on approximately 250 metaphors, most of them belonging to the conventional type [Charteris-Black 2014:178], whereas new metaphors like Russian *krovavaja kaša* ‘blood porridge’ referring to the results of the new Ukrainian policy constitute a small minority. The majority of these metaphors were retrieved and transcribed from Russian and Ukrainian TV debates, the remaining ones stem from parliamentary debates and governmental statements. As for the contextual embedding, special attention will be given to creative blendings, such as *those cute babies were all suckling Mama’s gas boobs* (about Ukrainian politicians being dependent on Russian gas supply), original genealogies of metaphors (e.g. *bloody Panda*, based on paronymy with Ukrainian *banda* ‘gang’) and other particularities. Besides this, metaphors derived from different source domains will be grouped around common semantic denominators. The following series may illustrate this point. In Russian TV talkshows, Ukraine is called a *marionette* (of the US), *a pawn offer*, *toy money*, *cannon fodder*, *younger brother*, *baby* or even a *phantom*. As can easily be seen, all these designations point in the same direction: Ukraine is conceived of as a weak, passive, will-less, non-autonomous being, if it exists at all. Metonymy is represented by a small group of examples, cf. the *Russian boot*.

The talk then homes in on family metaphors, which turn out to be particularly inconsistent, since the list of roles assigned to Ukraine encompasses *mothers*, *stepmothers*, *whole families*, *wives*, *smaller brothers*, *elder sisters*, *stepchildren*, *babies*, *foetuses*, *embryos*, and *stillborn children*. On the one hand, most of these examples again reveal the concept of a small, weak and helpless creature, on the other hand they raise the question whether such opposite concepts as *mother* or *child* targeting the same entity may really provide efficient arguments in political debates. Moreover, family metaphors provide ample evidence of the limited character of the semantic transfer from the source concept: for instance, who is the father in the quoted cases? Finally, the talk switches to historical parallels offered by the participants of the debates, which manifest similarly inconsistent patterns and shaky argumentations.

References

Brunner G. Metapherngebrauch in russischen Fernseh-Debatten zur Ukraine-Krise (unpublished MA thesis). University of Zurich, 2015.

Cap P. Proximization. The pragmatics of symbolic distance crossing. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins, 2013.

Charteris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.

Charteris-Black J. Analysing political speeches: Rhetoric, discourse and metaphor. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 2013.

Chilton P. Analysing political discourse: theory and practice. London: Routledge, 2004.

Chilton P. Discourse Space Theory: Geometry, Brain and Shifting Viewpoints // Annual Review of Cognitive linguistics 3: 78-116. 2005.

Fauconnier G. and Turner M. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York: Basic Books, 2002.

Kövecses Z. Where Metaphors Come From. Reconsidering Context in Metaphor. Oxford: University Press, 2015.

Levinson S. C. Presumptive meanings: The Theory of Generalised Conversational Implicature. Cambridge, MA: MIT Press Hay, 2001.

Lichy M. Metaphor and proximation in the analysis of the discourse of indirect threat – a study of the US rhetoric on the Russia-Ukraine conflict. Doctoral thesis, University of Łódź, 2015.

Musolff A. Mirror Images of Europe. Metaphors in the public debate about Europe in Britain and Germany. München: Iudicium, 2000.

Musolff A. Metaphor and political discourse: analogical reasoning in debates about Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

Musolff A. Metaphor and persuasion in politics. // The Routledge Handbook of Metaphor and Language, eds. E. Semino and Z. Demján, London: Routledge, 2017. P. 309-322.

Skirl H., Schwarz-Friesel M. Metapher. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2013.

Weiss D. Implizite Argumentation im politischen Diskurs: Metaphern, Vergleiche, intertextuelle Verweise. // A. Mayer, L. Reinkowski (Hrsg.), *Im Rhythmus der Linguistik*. Festschrift für S. Kempgen, 465-483. Bamberg: University of Bamberg Press, 2017.

Weiss D. Украинский конфликт в зеркале корпусной лингвистики //

E. Velmezova (Hg.), Schweizerische Beiträge zum Belgrader Slavistenkongress, Bern-Frankfurt, Peter Lang 2018. P. 321-348.

Weiss D. The Ukraine conflict as a battlefield of conflicting legitimisation discourses. Web. 27 Dec. 2017. URL: <http://www.research-projects.uzh.ch/p21358.htm>.

Weiss D. Threat Scenarios in the Ukraine Conflict. // International Journal of Cross-cultural Studies and Environmental Communication (IJCCSEC), 2018 (forthcoming).

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.

*Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)
Цюрихский университет*

**КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ВКЛЮЧЕНИЕ МЕТАФОР
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ПАРЛАМЕНТАРНЫХ
И ТЕЛЕВИЗИОННЫХ ДЕБАТОВ ОБ УКРАИНСКОМ
КОНФЛИКТЕ В 2014 г.)**

В статье рассматриваются избранные фрагменты из русских политических дебатов, посвященных украинскому конфликту в 2014 г., с целью изучения типов и функций употребляемых там метафор, метонимий и блендов. Главный упор делается на возникновение новых, творческих метафор, их контекстуальную обусловленность, их взаимодействие с конвенциональными (лексикализованными) метафорами и их вклад в общую связность выступления. Сопоставление двух жанров (парламентарных дебатов в Госдуме и телевизионных ток-шоу) позволит сформулировать общие выводы о предпочтении для тех или других типов переносной речи в разных жанрах.

Ключевые слова: политический дискурс, украинский конфликт, метафора, метонимия, бленд, связность дискурса.

VII. КОГНИТИВНАЯ СОЦИОЛИНГВИСТИКА

*И.Д. Баландина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет
irfrish@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ТОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В МЕДИАДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются особенности медиадискурса в отличие от традиционно изучаемых видов дискурса. Определяются функции топонимов в медиадискурсе, и делается вывод о том, что топонимическая номинация позволяет не только точно обозначить географическую локацию, но и может быть развернута в сознании жителя конкретного региона в полноценный сценарий.

Ключевые слова: медиадискурс, топоним, номинация, интерпретация, сценарий.

В последние годы фокус лингвистических текстологических исследований несколько сместился с исследования собственно текста к исследованию дискурса, под которым обычно понимают передачу когнитивного содержания. [Менджеричкая 1997: 131]. Всплеск интереса связан, в первую очередь, с интересом к процессу познания мира, влияющего на процесс речепорождения, и к обстоятельствам, сопутствующим ему.

Видов дискурса великое множество. Среди них особняком стоит дискурс СМИ, и тому есть ряд причин. Во-первых, как отдельный вид дискурса он выделился сравнительно недавно: еще два-три десятилетия назад использовалось понятие «язык СМИ». Во-вторых, медиадискурс отличается жанровым разнообразием и может быть сближен и с научным (научно-популярные журналы), и с разговорным (так называемая «желтая пресса»), и с художественным (литературно-публицистические журналы). Кроме того, медиадискурс, как никакой другой, претерпел за последние годы самые кардинальные изменения, перейдя с бумажных носителей на практически нерецензируемое и неконтролируемое пространство сети Интернет.

Исследователи выявляют ряд особенностей медиадискурса в отличие от всех остальных его видов:

1. Медиадискурс порождается и воспринимается «здесь и сейчас», и реципиенты именно так и воспринимают его.
2. Огромное жанровое разнообразие медиадискурса позволяет говорить отдельно о «новостном» медиадискурсе, политическом медиадискурсе и т. д.
3. Медиадискурс создается, имея в основе несколько целей: в первую очередь, конечно, информативную, но не менее важной является цель оказания влияния на аудиторию, формирование нужного мнения или изменение уже существующего.

Немалую роль в формировании необходимого общественного мнения играет способ номинации и интерпретация экстралингвистических событий в медийном тексте.

Особый интерес представляет выбор лексических единиц и когнитивные основы, лежащие в основе процессов номинации и интерпретации в медиадискурсе. Оговоримся, что целью данной статьи не было изучение всех подвидов медиадискурса. Предметом исследования стали тексты на официальном городском портале www.74.ru и сайты городских газет. С нашей точки зрения, очень интересно проследить особенности употребления в них топонимов, поскольку имена собственные сводят воедино экстралингвистическую действительность и ее интерпретацию в языке, помогая соотнести экстралингвистические знания с обозначенными ими объектами действительности [Банникова 2005: 182].

Как было установлено в результате исследования, топонимы в медиадискурсе выполняют ряд функций:

1. Номинация конкретного города, села и другого географического объекта (в том числе района города). Данная функция не несет дополнительной коннотации, просто обозначает место действия: «В Челябинск с рабочим визитом собирается министр природных ресурсов и экологии России Дмитрий Кобылкин» [3].
2. Дихотомия «свой-чужой»: номинация объектов городской среды для жителя иного региона ни о чем не скажет и не вызовет интереса, статья или заметка окажутся непрочитанными. С другой стороны, для жителя региона топонимы являются своеобразными маркерами того, что речь пойдет о знакомом и привычном и потому актуальном. Употребление топонимов сразу очерчивает круг лиц,

являющихся целевой аудиторией статьи. Кроме того, при перечислении биографических фактов того или иного политического деятеля использование топонимов влияет на положительное восприятие этой личности: значит, политик «свой, родной»: «Евгений Валахов родился 9 июля 1959 года в городе Коркино. В 1985 году он окончил Челябинский государственный педагогический институт, специальность «Учитель истории и обществознания». С 1993 по 2013 год был директором профтехучилища № 45 (поселок Роза, Коркинский район), с 2013 по 2015 годы – директором Коркинского горно-строительного техникума» [5].

3. Коннотативная функция топонима, реализуемая словообразовательными элементами. Так, употребление разговорного дериватива «Магнитка» (вместо «Магнитогорск») свидетельствует о положительном отношении к данному топониму Челябинской области, тогда как «Челяба» вместо «Челябинск» указывает на пренебрежение и сниженную оценку города его жителями.
4. Развитие топонима до сценария. В частности, названия некоторых микрорайонов Челябинска вызывают у жителей города определенную ассоциацию, развертываясь до сценария и позволяя домыслить информацию, выраженную имплицитно: «Владелец двух детских игровых комнат в челябинском ЖК «Александровский» не может продать бизнес» [4]. «Александровский» – новый микрорайон на окраине Челябинска, с высотными элитными домами и дорогами квартирами. У жителя Челябинска, помимо понимания того, о каком районе города идет речь, сразу возникает ассоциация, что это – дорогой микрорайон, не для всех, элитный. В зависимости от мировоззрения конкретного индивида, ассоциация может быть и негативной, вызывать чувство зависти и мысли: «так им и надо, богатеям». Жителю Челябинска не требуется объяснений, чтобы понять, что такое «поехать на Кузнецова» (улица, где расположен психоневрологический диспансер). Фраза «живем в “Вишневой горке”» в сознании жителя города развертывается до сценария: новый отдаленный микрорайон, где обещали, но не построили школу и хорошую дорогу, и жители вынуждены ежедневно стоять в пробках, добираясь до работы и отвоза детей в школы и детские сады. Данная функция топонима, при умелом использовании, позволяет управлять массовым сознанием, внедряя необходимые ассоциации и развивая нужные сценарии.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что топонимы играют важную роль в медиадискурсе, позволяя в небольшом объеме текста сообщить конкретную информацию и вызвать в сознании индивида требуемый сценарий, являясь, фактически, одной из необходимых составляющих региональной коллективной картины мира.

Литература

Банникова С.В. Прецедентность как лингвокультурный феномен на материале английских и русских текстов: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Менджеричкая Е.О. Термин «дискурс» в современной зарубежной лингвистике // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации / под ред. А.И. Изотова, В.В. Красных. М., 1997. С. 130-134.

«О мусорном аде – ни слова: в Челябинск приедет министр экологии России Дмитрий Кобылкин». URL:

https://74.ru/text/gorod/65428591/?utm_source=vk&utm_medium=social&utm_campaign=74.

«Ради бабок не отдам». URL: <https://74.ru/text/gorod/65462531/>.

«Экс-глава Коркинского района, ушедший в отставку, может лишиться поста в ЕР. И с пенсией не все ладно». URL: <http://uralpress.ru/news/politika/eks-glava-korkinskogo-rayona-ushedshiy-v-otstavku-mozhet-lishitsya-posta-v-er-i-s>.

I.D. Balandina (*Chelyabinsk, Russia*)

South Ural State Humanitarian Pedagogical University

irfrish@mail.ru

TOPONYMICAL NOMINATION IN MEDIADISOURSE

The article studies peculiar features of mediadiscourse compared to the traditional discourse. The author determines functions of toponyms and makes the point that toponymic nomination not only defines and names the place but can be developed into a scenario in the individual's mentality.

Key words: mediadiscourse, toponym, nomination, interpretation, scenario.

*М.В. Гаранович (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный
исследовательский университет
garamarina@yandex.ru*

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Моделирование структур гендерно-обусловленных когнитивных образований, в частности гендерных стереотипов, возможно при исследовании не только общественного, но и группового языкового сознания. Выделенные в результате анализа экспериментальных данных признаки маскулинности и фемининности отражают специфику содержания гендерных стереотипов для русского языкового сознания, которая заключается не столько в самом наборе этих признаков, сколько в их неповторимом, свойственном именно русской лингвокультуре сочетании, в их количественном соотношении, в их оценке носителями данной лингвокультуры – представителями различных социальных групп, объединенных по факторам гендер, возраст, специальность и образование.

Ключевые слова: гендерные стереотипы, стереотипы маскулинности, стереотипы фемининности, когнитивная социолингвистика, лингвокультура, гендер, языковое сознание.

Исследование функционирования языка и когнитивных образований (стереотипов, ценностей, концептов) в языковом сознании человека необходимо сегодня выполнять не только в русле когнитивной лингвистики, но и в рамках социолингвистического направления, нацеленного на изучение социальных факторов, влияющих в значительной степени на формирование языковых когнитивных образований, в частности – стереотипов. Стремление к экономии усилий в процессе познания [Липпман 2004], как известно, находит свое отражение в формировании стереотипов, которые определяются большинством ученых как фиксированные ментальные «картинки», являющиеся результатом отражения

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ 18-78-00049 «Социолингвистическое варьирование гендерно-обусловленных когнитивных образований».

в сознании, в том числе и языковом, фрагмента картины мира [Красных 2002]. Гендерный стереотип (ГС) – это частный вид стереотипов, который А.В. Кирилина определяет как «культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке» [Кирилина 1999: 98]. В современной когнитивной лингвистике сложилась такая ситуация, что исследования ГС в лингвистическом аспекте не показывают социолингвистическую вариативность данных когнитивных образований: анализ лексики и фразеологии того или иного языка может демонстрировать результаты стереотипизации только лишь в общественном языковом сознании. Поскольку с социопсихологической точки зрения стереотипы формируются еще и в сознании отдельных социальных групп, их нельзя рассматривать только на материале языковых единиц, зафиксированных в словарях: для изучения стереотипов необходимо обращаться к языковому сознанию носителей языка, принадлежащих к разным социальным группам современного общества. В этом случае анализ групповых представлений о мужественности и женственности внутри одной этнической общности может существенно дополнить исследование ГС, функционирующих в рамках единого лингвокультурного сообщества, и показать их вариативность. Изучение стереотипных представлений о мужественности и женственности и выявление зависимости между содержанием ГС и социальными параметрами носителей единой лингвокультуры можно отнести к числу важных задач когнитивного направления гендерной лингвистики и социолингвистики.

Для исследования поставленной проблемы изучения формирования ГС в языковом сознании носителей языка, принадлежащих к разным социальным группам, был проведен ассоциативный эксперимент по называнию слов, характеризующих мужчин и женщин. В эксперименте участвовали 144 русских информанта с заданными социальными характеристиками (гендер, возраст, специальность, образование). Материалом исследования послужили реакции (1202 реакции, данные на определение стереотипа маскулинности (СМ); и 1162 реакции, данные на определение стереотипа фемининности (СФ)), определяющие социально-психологические характеристики мужчин и женщин. Полученные от информантов реакции объединены в более крупные группы по лексико-семантическим признакам (ЛСП) на основании общности значения полученных реакций: проводится анализ не отдельных реакций информантов, а объединение

реакций в более широкие смысловые блоки. Таким образом, объектом исследования являются ЛСП, полученные в реакциях информантов, на основе которых были смоделированы общие и групповые СМ и СФ. Специфика структурирования, содержания и иерархии ЛСП, составляющих ГС в языковом сознании носителей русского языка, принадлежащих к различным социальным группам, является предметом исследования. Изучение семантики ЛСП позволяет рассматривать их как модель, представляющую содержание слова [Залевская 1999], а в нашем случае, и как инструмент анализа содержания ГС.

1. Стереотип маскулинности в общественном языковом сознании носителей русского языка.

Анализ структуры СМ, функционирующего в общественном сознании носителей русского языка, показывает, что в целом русские положительно относятся к мужчинам, приписывая им прежде всего личностные положительные характеристики мужчин (сила, ум, мужественность, смелость, сдержанность). В русском языковом сознании сформирован стереотип успешного мужчины-добытчика. Но в то же время очевидно, что в современном российском обществе происходит своеобразное переосмысление традиционных социальных ролей мужчины и в целом семейных ценностей, что подтверждается относительно небольшим количеством реакций информантов, данных на ЛСП 'отец', 'муж', 'семьянин' и 'любящий'.

Рассмотрение структур групповых СМ демонстрирует вариативность представлений о маскулинности в современном российском обществе в зависимости от социальной принадлежности носителей языка.

1.1. Фактор «гендер». У русских мужчин формируются положительные гендерные автостереотипы: они приписывают себе такие положительные личностные качества, как целеустремленность, лидерские качества, честность. Женщины подобные представления не разделяют: ЛСП, описывающие эти качества, оказываются на периферии группового СМ, функционирующего в языковом сознании женщин. Женщины продолжают придерживаться традиционных представлений о мужчинах как о защитниках и добытчиках, признают за мужчинами необходимость выполнения социальных ролей отца и мужа. Мужчины оказываются более подверженными влиянию общественных представлений о семье и традиционных ролях мужчины в семье (ЛСП 'отец' и 'муж' находятся на периферии структуры группового СМ).

1.2. Фактор «возраст». Эксперимент показал, что существуют культурные различия в поколениях. Если в языковом сознании младшей

возрастной группы (17-39 лет) складывается ГС сильного, сдержанного уверенного в себе мужчины, который, используя свои лидерские качества, добивается социальной успешности, то представители старшей возрастной группы (40-65 лет) отдают предпочтение умственным способностям мужчины и моральным качествам – умению быть любящим, ответственным и интеллигентным. А такие качества мужчин, как уверенность в себе, сдержанность и лидерство, которые обычно способствуют достижению социального успеха, не актуальны для старшего поколения, что связано, скорее всего, с тем, что к возрасту 40 лет уровень определенного социального успеха уже обычно достигнут. Старшее поколение формирует также стереотип мужчины-опоры в семье, а для представителей молодого поколения стереотип мужчины-семьянина имеет меньшую актуальность.

1.3. Фактор «образование». В языковом сознании людей с высшим образованием сформирован ГС состоявшегося в карьере мужчины, для которого наиболее важными мужскими качествами оказываются целеустремленность, активность, решительность, ответственность, сдержанность и порядочность. Люди со средним образованием разделяют стереотип работающего и трудолюбивого мужчины, который обладает типичными с точки зрения русской лингвокультуры мужскими качествами, такими как смелость, мужество и чувство юмора.

1.4. Фактор «специальность». Гуманитарии «консервативны» в отношении взглядов на семью, супружество и отцовство. Несмотря на неактуальность социальной роли отца в современном обществе, в языковом сознании гуманитариев стереотип мужчины-семьянина остается все еще актуальным. Гуманитарии имеют при этом традиционные взгляды на атрибуты маскулинности: в структуре группового СМ актуализируются ЛСП со значением уверенности, решительности, целеустремленности и защиты. Негуманитарии, в свою очередь, имеют стереотип состоявшегося в жизни успешного мужчины, который обладает такими мужскими качествами, как смелость, мужество и полигамность.

2. Стереотип фемининности в общественном языковом сознании носителей русского языка.

Носители русского языка стереотипизируют прежде всего внешние и психологические характеристики женщин. Русские дают разнообразные реакции и придают большое значение внешности и проявлениям заботли-

вого отношения женщин к окружающим, создавая тем самым патриархатный образ женственности. Но при этом, по мнению русских, современная женщина должна уметь результативно работать и быть целеустремленной. Стереотип заботливой жены также теряет свою актуальность для русских, что, очевидно, обусловлено влиянием эмансипации: современные женщины не стремятся вступать в брак и полностью материально зависеть от мужчин.

Результаты данного исследования также отличаются от полученных ранее результатов А.В. Кирилиной [Кирилина 1999]: теперь ЛСП 'сексуальность' актуален для языкового сознания русских. Этот факт свидетельствует об изменении гендерных установок современного российского общества: проявления сексуальности у женщин теперь одобряются русскими.

Дальнейший анализ распределений частот реакций информантов в зависимости от четырех социальных факторов продемонстрировал вариативность представлений о фемининности современного российского общества.

2.1. Фактор «гендер». Русские мужчины демонстрируют тенденцию стереотипизации внешних проявлений красоты и сексуальности. Женственность, по мнению мужчин, связана с такими качествами, как легкомыслие и ветреность. Русские женщины не совсем разделяют традиционные представления о ролях женщины в семье: они считают необходимым для себя выполнение роли матери, а не жены. Кроме того, женщины нацелены на взаимодействие с окружающими, поэтому оказались актуальными и вошли в структуру СФ такие качества: забота, нежность, доброта. Автостереотипы женщин демонстрируют и современные общественные взгляды: женщины считают себя целеустремленными и умными наравне с мужчинами.

2.2. Фактор «возраст». Информанты младшей возрастной группы включают в СФ интеллектуальные характеристики женщины и ее личностные типично женские свойства, такие как хитрость и обаяние. Кроме того, представители молодого поколения формируют в своем сознании стереотип целеустремленной женщины. Ответы представителей старшего поколения актуализируют стереотип семейной женщины, которой необходимо выполнять социальные роли жены и матери. И в этом случае такие качества, проявляемые в семейной жизни и во взаимоотношениях с окружающими, как забота и неконфликтность, оказываются также важными для женщины.

2.3. Фактор «образование». Информанты с высшим образованием называют наиболее важными для женщины такие качества женщин, как забота о близких, нежность и неконфликтность, умение сочетать в своей жизни карьеру и семью. В языковом сознании людей со средним образованием формируется стереотип умной и внешне привлекательной женщины, которая может и умеет любить, но, тем не менее, не стремится реализовать социальные роли матери и жены.

2.4. Фактор «специальность». Гуманитарии в силу своей профессии и необходимости общаться с людьми формируют стереотип эмоциональной женщины. Негуманитарии создают стереотипный образ умной, но в то же время привлекательной и сексуальной женщины. Стереотип эмоционального поведения женщин негуманитарии не разделяют. Стереотип любящей и заботливой матери сохраняется в языковом сознании гуманитариев, но отсутствует у негуманитариев.

В конечном итоге исследуемые СМ и СФ предстают как сложные «калейдоскопичные» когнитивные образования, сформированные в общественном и групповом языковом сознании, как взаимосвязанная система образов и вариативных представлений об основных качествах мужчин и женщин, формирование которых обусловлено социальными параметрами носителей языка.

Литература

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник. М.: Изд-во Рос. гос. гум. ун-та, 1999. 382 с.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1999. 180 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.

Липпман У. Общественное мнение / пер. с англ. Т.В. Барчунова; под ред. К.А. Левинсон, К.В. Петренко. М.: Общественное мнение, 2004. 384 с.

M.V. Garanovich (Perm, Russia)
Perm State National Research University
garamarina@yandex.ru

**SOCIOLINGUISTIC VARIATION OF GENDER STEREOTYPES
IN LANGUAGE CONSCIOUSNESS
OF NATIVE SPEAKERS OF RUSSIAN**

Modeling of structures of the gender caused cognitive formations, in particular gender stereotypes, is possible at a research not only public, but also group language consciousness. The signs of a maskulinity and feminity which are marked out as a result of the analysis of experimental data reflect specifics of maintenance of gender stereotypes for the Russian language consciousness which consist not so much in the set of these signs, but in their unique combination, peculiar to Russian culture of language, in their quantitative ratio, in their assessment by carriers of this culture of language – representatives of various social groups united on factors (gender, age, specialty and education level).

Key words: gender stereotypes, stereotypes of maskulinity, stereotypes of feminity, cognitive sociolinguistics, culture of language, gender, language consciousness.

О.И. Десюкевич (Минск, Беларусь)
Минский государственный лингвистический университет
olga_des@rambler.ru

**КОДОВЫЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ
В ДВУЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

В докладе рассматриваются кодовые переключения с русского на белорусский язык, а также на смешанную речь («трясянку») в монологической и диалогической речи, обнаруживаются связи между идиомом, избираемым говорящим, и его стереотипными представлениями об адресате, таким образом определяются важные для моделирования прагматического контекста параметры употребления кодовых переключений.

Ключевые слова: билингвизм, диглоссия, идиом, интеракция, кодовые переключения.

Исследование функционального распределения идиомов в коммуникации на нескольких языках – одно из направлений этноинтеракциональной социолингвистики [Bell 2014: 7], которая путем наблюдения над участниками интеракции выясняет, какие языковые коды используются говорящими по отношению к разным собеседникам. Код в этом случае является как бы границей, отделяющей одну группу от другой, – в свете такого подхода выбор кода понимается как речевое поведение, сознательно избираемое говорящим в зависимости от представлений об адресате своего сообщения. Идею о том, что для билингва выбор того или иного языка связан с осознанным или неосознанным представлением о своей аудитории, о своем адресате, последовательно защищает А. Павленко, в своем исследовании опирающаяся на идею гетероглоссии М. Бахтина; анализ многочисленных исследований мышления билингвов, результаты которых приводит Павленко, указывает на существование связи между языком, выбираемым говорящим, и интерпретативными фреймами, актуализирующимися в коммуникативном акте [Pavlenko 2014: 230-234].

Исследователи билингвизма в Беларуси рассматривали разные формы кодовых переключений (code-switching) в диалогической и монологической речи: прямые цитаты, повторы с сохраненной или переосмысленной интенцией. Чередование в пределах одного коммуникативного акта лексических, фразеологических или синтаксических единиц разных идиомов представляет собой «явления смешанного дискурса» [Хентшель 2015: 178], зависит от ситуации и темы общения, определяется контекстом, в частности, мотивировано стремлением сократить/увеличить дистанцию между автором и адресатом сообщения, характером коммуникации, то есть направленностью на конфликт или сотрудничество, желанием выразить мысль экспрессивно, сформулировать оценочное суждение.

Непосредственной задачей исследования является обнаружение таких контекстов, в которых говорящий использует в своей речи вкрапления из другого идиома для дистанцирования от некоторой части общества, которой, как он думает, данный идиом принадлежит и ценности которой выражает, таким образом, мы сосредоточимся на переключениях с идиома на идиом, мотивированных желанием перейти с мы-кода на они-

код [Bell 2014: 207], сами элементы иного кода в этом случае маркируют идентичность автора сообщения и его реального/воображаемого адресата.

По данным социолингвистических и этнолингвистических исследований, в Беларуси сосуществуют, пребывая в сложном взаимодействии, следующие идиомы: белорусские диалекты (в качестве материнского языка), белорусский литературный язык, русский литературный язык, смешанный вариант русского и белорусского языков (трасянка), а также русское просторечие в молодежной городской среде. Доминирующим считается русский язык, остальные идиомы являются закрепленными за отдельными социальными и территориальными группами. Особенность социолингвистической ситуации Беларуси, по мнению Э. Смулковой, заключается в том, что на белорусско-польском пограничье сформировался билингвизм с диглоссией (по Ч. Фергюсону, Дж. Фишману), для которого характерно устойчивое сосуществование в качестве языка повседневного общения простой мовы, интердиалекта, бывшего когда-то средством межнационального общения в Великом княжестве Литовском, являющегося продолжением его разговорного варианта [см. Иванов 2004; Прохорова, Десюкевич 2007], и польского языка, выполняющего функции высокого языка. Ситуация на остальных территориях, однако, осложняется сосуществованием местных диалектов, трасянки и русского языка в случае выхода в общении за пределы круга близких/знакомых, что позволяет говорить скорее о парадиглоссии – ситуации, описанной Дж. Фишманом как пограничной между билингвизмом с диглоссией и диглоссией без билингвизма, которую ученый характеризует как диглоссию сообществ (*środowiskowa*) [Смулкова 2000: 93]: поскольку данный тип диглоссии не охватывает общество в целом, выбор одного из двух или трех идиомов обычно диктуется сообществом, в которое входит говорящий или предполагает принадлежащим к данному сообществу адресата своего сообщения. За пределами парадиглоссии, или диглоссии сообществ, ситуацию можно охарактеризовать как билингвизм без диглоссии, поскольку функционально идиомы не закреплены. Проявлением такого билингвизма можно считать кодовые переключения в ходе одного коммуникативного акта, к которым прибегают говорящие, исходя из всеми разделяемого убеждения в том, что все знают оба языка.

Если, по Дж. Фишману, билингвизму соответствует бикультурализм, то диглоссии сопутствует диэтнизм (*di-ethnia*), который составляет самую суть белорусской культуры, обогащает ее и составляет ее отличие:

польский и русский культурные элементы «переварились» здесь в симбиоз, нечто неделимое, слитное.

Особое внимание у исследователей вызывает трясанка и ее влияние на ситуацию билингвизма в Беларуси: этот идиом отличают от единичных случаев интерференции в речи двуязычных говорящих, подчеркивая, что трясанка представляет собой такую степень взаимодействия двух языков, которая создает отдельное от своих первоисточников явление, существующее, однако, исключительно в идиолектах: «Трясанка замечена у людей малообразованных, причем в качестве единственного средства коммуникации, а также в карикатурной форме у людей образованных, обычно изъясняющихся по-русски, по тем или иным причинам желающих заговорить по-белорусски. Считаю, что трясанка – некий третий вариант, настолько перемешанный, что отнести его к русскому или белорусскому не удастся, причем этот вариант не имеет нормативного варианта, не обладает узусом, в связи с чем описать возможно только его идиолекты» [Смулкова 2000: 91].

Статус трясанки вызывает споры у ученых, в связи с чем данный идиом получает разные терминологические определения. По мнению Г. Хентшеля, белорусско-русская смешанная речь (ученый последовательно отвергает коннотированный термин «трясанка», сопровождаемый стигматизацией носителей данного идиома) является «одной из форм койнеизации автохтонных субвариантов и доминирующего литературного языка (т.е. феноменом конвергенции между субвариантом и литературным языком)» [Хентшель 2015: 172], причем в структурно-лингвистическом аспекте белорусско-русская смешанная речь является разновидностью белорусского языка, так как фонетика и словоизменение сохраняются свойственными субварианту белорусского языка, в то время как дискурсивные маркеры и синтаксические особенности заимствуются из русского.

Показательно, что трясанка как я-код возникает чаще в комическом контексте и этим противопоставляется кодифицированному белорусскому языку как языку высокой культуры. В большинстве рассмотренных нами случаев интернет-коммуникации кодовое переключение на трясанку означает пародирование, не прямое выражение несогласия, высмеивание своего предполагаемого адресата, которого говорящий начинает проецировать на типичного носителя не разделяемых им ценностей.

Лексические и идиоматические включения стандартного белорусского в текст на русском языке могут быть вызваны стремлением подчеркнуть

национально-культурный компонент языковых знаков в случае неполной эквивалентности знаков русского языка. Мотивация включений в монологической речи не всегда объяснима, но билингвы очень чувствительны к различиям и дополнительным коннотативным возможностям, которые позволяют выразить включаемые знаки. Многие случаи кодовых переключений с однонаправленной интенцией осложняются трудно определяемыми прагматическими установками, часто в них присутствует авторская самоирония.

Наблюдение за речевым поведением билингвов позволяет уточнить иконический характер социального значения идиомов в языковой ситуации в Беларуси: случаи кодовых переключений в ситуации диалога с русского или белорусского стандартного языка на трясанку предполагают воображаемого адресата, маркируемого как часть социальной группы, в сильной степени стереотипизированной, наделенной низкой оценкой, кроме того, переключения на трясанку являются маркерами чужого мнения, альтернативной точки зрения. Вместе с тем, кодовые переключения на белорусский язык в монологическом тексте выполняют совершенно иные функции – заполнения лексических лагун в индивидуальном языке говорящего и повышения экспрессии, предельного уточнения отношения говорящего к теме сообщения в прагматическом отношении.

Отметим, что метафорическое осмысление языка и языковой ситуации в интернет-коммуникации происходит в терминах из сферы-источника ВОЙНА. Кодовые переключения в диалогической речи маркируют тип коммуникации недружественной, в рамках существующей на протяжении долгого времени диглоссии сообществ различия идиомов очерчиваются значительно все яснее, все четче очерчивается при этом идеологический контекст коммуникации.

Таким образом, для моделирования языковой ситуации в Беларуси оказываются релевантными не только оппозиции *высокий – низкий* язык (престижный – стигматизированный в терминах У. Лабова) и *свой – чужой*, необходимо также учитывать идеологический контекст, который формирует в отношении идиомов противопоставление *лояльный власти – оппозиционный*. Причем дифференцирует белорусский социум отношение к белорусскому языку, которому приписывают внутреннюю оппозиционность и элитарность. Отмеченные оппозиции формируют отношение к говорящим, они же диктуют выбор идиома в зависимости от собеседника.

Литература

Иванов Вяч. Вс. «По-просту»: языки Великого княжества Литовского // *Иванов Вяч. Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004. С. 101-105.

Прохорова С., Десюкевич О. Белорусские говоры (вокруг Новогрудка, Браслава, Миор и Постав) в исторической перспективе // *Acta Baltico-Slavica* 31. Warszawa, 2007. S. 205-212.

Смулкова Э. Двужычье по-белорусски: билингвизм, диглоссия или что-то другое? // *Język a tożsamość na pograniczu kultur / red.: E. Smułkowa, A. Engelking.* Białystok, 2000. S. 90-100.

Хентшель Г. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов // *Языковой контакт.* Минск, 2015. С. 171–185.

Bell A. The guidebook to sociolinguistics. Wiley-Blackwell, 2014.

Pavlenko A. The bilingual mind and what it tells us about language and thoughts. Cambridge, 2014.

O.I. Desyukevitch (Minsk, Belarus)
Minsk State Linguistic University

CODE-SWITCHING IN BILINGUAL COMMUNICATION

The article considers code-switching from Russian to Belarusian, as well as mixed speech (trasyanka) in monological and dialogical speech. The connections between the idiom selected by a speaker and the stereotyped ideas about its bearer are identified. The parameters important for modeling the pragmatic context of code-switching are specified.

Key words: bilingualism, diglossia, idiom, interaction, code-switching.

*А.В. Кирилина (Москва, Россия)
Московская международная академия
alkira@list.ru*

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ КАК АГЕНТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: РЕВИЗИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЯЗЫКЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

В статье критически рассматриваются некоторые характеристики научного дискурса, посвященного глобализации и динамике развития языка, а также современным концепциям языка в эпоху глобализации и смены технологий. Автор обращает внимание на идеологизированность и политизированность научного дискурса о языке и необходимость дальнейшего осмысления проблемы.

Ключевые слова: научный дискурс, глобализация, социальная когнитивная философия языка.

Как социальный институт наука выполняет функцию производства, накопления, распространения и использования новых знаний. Научное сообщество также наделено правом определять, что есть истина, то есть «истинное знание». Однако зависимость научного, академического дискурса – дискурса «производства истины» – от культуры, эпохи, социального заказа доказана в философии и социологии науки [см. Кун, 2004; Фуко, 2004; Юревич, 2005, 2015; Berger, Luckmann 1967; Einführung in den Konstruktivismus, 1992; Galtung, 1981; Merton, 1973 и др.], поэтому в период смены эпистемы и признания релятивизма самой науки анализ той сферы, где происходит “производство истины”, представляет большой интерес.

Эпоха глобализации и смены технологий породила беспрецедентные изменения в функционировании языков, что объективно потребовало обновления научных моделей описания. При этом научная фиксация изменений и их теоретическое освоение тесно связаны с апологетикой глобализации и разрушением идеи национального государства, влекущей за собой идеологизацию и политизацию научного дискурса, концептуальную и терминологическую ревизию, особенно в гуманитарном знании. И.М. Подзигун констатирует «попытку универсализации принципов “рыночного фундаментализма”» и выделяет в глобализации естественную и искусственную составляющие: «Управляемая, организуемая форма

процесса глобализации дополняет естественную глобализацию и проявляется особенно явно в кризисных ситуациях, когда та или иная страна, религия, мировоззрение стремится оказать решающее влияние на ход мировой истории с помощью пропаганды своих идей, убеждений или силы» [Подзигун 2003]. Под влиянием этой цели меняются научные концепции.

С конца XX века происходит ускорение глобализационных процессов и разворачивается полемика о судьбах языков [Coupland 2003; Fairclough 2006; Глобализация-этнизация 2006; Гриценко, Кирилина 2010 и др.]. Критически настроенные ученые видят в лингвистических процессах, в частности, в широком и быстром распространении английского, целеполагание определенных политических и экономических групп [Phillipson 1992]. Рассматривая глобализацию как дискурс, Н. Фэйркло [Fairclough 2006] называет пять основных ее агентов и в их числе – науку, академический дискурс, то есть сферу «производства знания». Роль науки не сводится только к формированию точек роста, обеспечивающих интенсивное изучение определенной проблематики. Не менее (а наш взгляд, и значительно более) интересен диапазон создаваемых ею интерпретаций социальной реальности и изменение этих интерпретаций, то есть их динамика.

Продолжая тему критического отношения к глобализации, мы рассмотрели проявившиеся к настоящему моменту новые черты жизни коммуникативно мощных европейских языков [Кирилина 2013, 2015], обнаружив в их развитии ряд сходных черт, среди которых беспрецедентное давление английского, вытеснение языков с высоким коммуникативным статусом из важных сфер коммуникации – «сокращение языка» (*submergence*) [Hürpau 2004: 4]); появление сходства в развитии языковых контактов языков с низким и языков с высоким коммуникативным рангом; изменение социальной базы носителей ведущих языков; рост языковой негомогенности (пиджинизации и гибридизации); повсеместная рефлексия о языке, слабые институциональные и довольно мощные стихийные (народные) меры по защите ведущих языков Европы и, наконец, новое социально-философское осмысление языка, дискуссия о роли и месте языка в «постнациональном мире», политизация и идеологизация концепций языка. Необходимо учитывать и тот факт, что современное состояние отечественного гуманитарного знания вызывает у социологов и социальных философов определенный скептицизм: «Отечественная социогуманитарная наука постепенно превращается в механизм трансляции знания

(а также гипотез, интерпретаций, заблуждений и т. д.), созданного зарубежной наукой, в нашу социальную практику» [Юревич 2005]; «наши социогуманитарии как “интеллектуальные посредники” <...> свое традиционное предназначение в качестве *производителей* нового знания... начинают утрачивать» [Там же]. В свете этого необходимо рассматривать вопрос о применимости «постнациональных»/глобализационных интерпретаций для описания жизни русского языка и отечественных теорий языка. Свою задачу мы видим в необходимой для этого предварительной работе. При всей сложности и неоднозначности темы необходимо на первом этапе установить и кратко охарактеризовать видимые проявления названных явлений в сфере концепций языка и лингвистических теорий.

К таким видимым проявлениям мы относим следующее:

1. Негласный запрет на критику глобализации и англо-американской (языковой и не только) экспансии.

2. Апология наднационального и дискредитация государства и его атрибутов (в том числе и языка) как социального института.

3. Явное преобладание научных интерпретаций, в которых гипостазирована категория единичного и практически игнорируется категория общего, то есть разработка теоретических положений, направленных на атомизацию явлений, их теоретическое «дробление» и фактическое игнорирование или исключение из философской триады “единичное – общее – особенное” категории общего: почти полностью исключается рассмотрение и даже проблематизация общего (умножение форм существования языка при игнорировании модели национального языка; теоретическое подкрепление идеи «мировых английских», акцентирование изучения региональных языков в противовес концепциям национального языка и многие другие явления; апология сужения сферы действия нормы и т. д.). Это характерно не только для лингвистики, но и для других сфер науки и иных форм общественного сознания. Гипостазирование единичного и интерпретация его как особенного ведет к игнорированию целого ряда проблем.

4. Идеологизация и политизация концепций языка (например, усиление полемики лингвоуниверсалистов и лингводетерминистов; это также научное «обнуление» и дискредитация коммуникативно мощных государственных языков, объявление их сконструированными и воображаемыми сущностями; удар по государству через критику языка; дискредитация протекционистской языковой политики).

5. Дискредитация определенных языков (например, обвинение русского языка и русистов в лингвоарциссизме; приписывание лингвистическим сущностям политизированных предикатов (*русский – язык оккупации; английский – язык демократии* и т. д.)).

6. Приравнивание статуса коммуникативно мощных, разработанных, полифункциональных языков с богатым письменным наследием и так называемых малых языков при акцентуации равных прав носителей и равных условий функционирования малых языков; различная интерпретация одних и тех же явлений, происходящих в коммуникативно слабых и коммуникативно сильных языках.

7. Формирование новой терминологии, отражающей новую идеологию и экспансию западных интерпретаций реальности (*гибридизация* вместо *нидженизация*; *коммунизм* вместо *социализм*; *Migrationsdeutsch* вместо *Gastarbeitersprache* и под.).

8. Заметный разрыв между мнением «официальной» лингвистики и восприятием рядовых носителей языка; возникновение «народных» мер по защите коммуникативно мощных родных языков.

Сложность изучения названной проблемы усугубляется ее остротой, а также тем, что лингвистическое измерение глобализации (термин Е.С. Гриценко), безусловно, не исчерпывается идеологизацией и политизацией. Многие явления и факты действительно присутствуют в жизни языка, например, в связи с развитием цифровых технологий и выходом языка в виртуальную реальность, не связанную с территорией, объективно назрела корректировка определения языковой ситуации; появилась возможность наблюдать скоротечные явления и микростадии развития языка, ранее наблюдению недоступные. Список подобных фактов можно продолжить. Они действительно меняют научную картину. Однако это никак не опровергает определенную тенденциозность при их интерпретации.

Дальнейшая разработка представленной здесь проблемы расширит наш предварительный список, поможет типологизировать изученное и выйти на новый уровень его обобщения. Мы намеренно не касались здесь темы информационных войн, но в ряде случаев аналогии с ними напрашиваются.

В свете сказанного правомерен вывод о том, что некритический перенос знаний не принесет пользы отечественной лингвистике и философии языка. Необходимо глубже заняться критической стороной социоконструктивизма; неолиберальные идеи следует рассматривать как лишь

один из возможных вариантов интерпретации жизни языка и общества. С другой стороны, важно искать факты и аргументы, поддерживающие самобытность языков и культур.

Литература

Глобализация-этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2 книгах / РАН. Научный совет «История мировой культуры», Институт славяноведения / отв. ред. Г. Нецименко. М.: Наука, 2006. Кн. 1. 486 с.; Кн. 2. 461 с.

Гриценко Е.С., Кирилина А.В. Язык и глобализация: задачи и направления социолингвистического анализа // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия Филология. 2010. № 6. С. 14-21.

Кирилина А.В. Лингвофилософская рефлексия в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2013. № 2 (18). С. 36-45.

Кирилина А.В. Сходства в развитии коммуникативно мощных языков в эпоху глобализации // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2. С. 77-89.

Кун Г. Структура научных революций. М., 1977. 250 с.

Подзигун И.М. Глобализация и глобальные проблемы: философско-методологический анализ. М., 2003. 384 с. URL: <http://www.dissercat.com/content/globalizatsiya-i-globalnye-problemy-filosofsko-metodologicheskii-analiz#ixzz5VG0Nx91o> (дата обращения 25.10.2018).

Фуко М. Археология знания. СПб, 2004. 416 с.

Юревич А.В. Социогуманитарная наука в современной России: адаптация к социальному контексту. URL: <http://polit.ru/article/2005/06/21/urevich/> (дата обращения 3.01.2016).

Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. Т. 36. № 1. С. 123-132.

Berger P.L., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge. N.-Y., 1967. 216 p.

Coupland N. (ed.) Sociolinguistics and Globalization (thematic issue of Journal of Sociolinguistics. 2003. № 7 (4).

Coupland N. (ed.) The Handbook of Language and Globalization. D. Blackwell Publishing Ltd. 2010. 662 p.

Einführung in den Konstruktivismus – Beiträge von Heinz von Foerster, Ernst von Glasersfeld, Peter M. Hejl, Siegfried J. Schmidt und Paul Watzl-

wick – Veröffentlichungen der Carl Friedrich von Siemens Stiftung, hrsg von Heinz Gumin und Heinrich Meier. Band 5 Einführung in den Konstruktivismus. Piper Verlag GmbH, München, 1. Aufl.: 1992.

Fairclough N. Language and Globalization. Routledge, 2006. 167 p.

Galtung J. Structure, culture and intellectual style. An essay comparing saxonic, teutonic, gallic and nipponic approaches // *Social Science Information*. 1981. 20. P. 817-856.

Hüppauf B. Globalization – Threats and Opportunities // A. Gardt, B. Hüppauf (eds). *Globalization and the future of German*. Berlin, Mouton de Gruyter. 2004. S. 3-25.

Merton R.K. *The Sociology of Science*. Chicago-London, 1973. 605 p.

Phillipson R. *Linguistic imperialism*. Oxford University Press, 1992. 190 p.

A.V. Kirilina (Moscow, Russia)

Moscow International Academy

alkira@list.ru

**SCIENTIFIC KNOWLEDGE AS AN AGENT OF GLOBALIZATION:
REVISION OF LANGUAGE CONCEPT
AT THE TURN OF THE CENTURIES**

The article critically examines some characteristics of the scientific discourse on globalization and the dynamics of language development, as well as modern language concepts in the era of globalization and technology change. The author draws attention to the ideologized and politicized scientific discourse on language and the need for further understanding of the problem.

Key words: scientific discourse, globalization, social cognition, philosophy of language.

И.Г. Серова (Санкт-Петербург, Россия)

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина

Irina_serova@list.ru

В ПОИСКЕ ГЕНДЕРНОГО ИЗМЕРЕНИЯ КОНЦЕПТА

В статье рассматриваются возможности гендерного измерения в репрезентации ряда социокультурных концептов на материале англоязычной художественной прозы XIX–XX вв. и медиадискурса этого периода на основе приемов когнитивного лингвистического описания, принятых в современной антропологической лингвистике.

Ключевые слова: гендерное измерение концепта, домен, субъект, объект, маскулинность, фемининность.

В отечественной науке о языке продолжается интенсивное изучение лингвокультурных концептов несмотря на то, что многие лингвисты предрекали этому направлению антропологической лингвистики недолгую жизнь. Однако, как минимум, лингвоконцептология предложила чрезвычайно удобную эвристическую модель, живучесть которой определяется «присутствием в лингвоконцептологических исследованиях “сверхзадачи”: выявления и верификации данных о структуре и наполнении этнического менталитета» [Воркачев 2011: 70]. Действительно, значение концептуального анализа для исследования национальных менталитетов невозможно переоценить, однако быстро выяснилось, что одномерность этого подхода препятствует корректному проведению исследований такого рода. Сложность когнитивного лингвистического подхода в этой области связана с многослойностью и динамическим характером концепта как ментального образования, поскольку структура ЛК-концепта предполагает целый ряд измерений, и в этом плане целесообразно вернуться к истокам: к размышлениям о концепте академика Ю.С. Степанова, творчество которого, без сомнения, стало сильнейшим импульсом в развитии лингвокультурных исследований в России и странах постсоветского пространства [Степанов 1997, 2001]. В своем уникальном труде «Константы. Словарь русской культуры» Ю.С. Степанов предлагает понимать под концептом «сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек входит в культуру» [Степанов 2001: 55]. По Ю.С. Степанову, в ходе исследования необходимо выявить «буквальный смысл»

(внутреннюю форму) слова, для чего на первом этапе необходимо провести этимологический анализ. На втором этапе проводится изучение становления и развития содержания понятия в диахронии, то есть выявляется «исторический» слой концепта. И только на последнем этапе изучается его актуальный слой, который называется новейшим. Однако, по мнению многих других лингвистов, достаточно ограничиться исследованием только последнего слоя [см., напр., Вежбицкая 1999: 275-284].

Очевидно, что в лингвокультурном концепте находит отражение как коллективный опыт народа (объективная, этническая ментальность; общезначимые признаки), так и индивидуальный опыт его отдельного представителя (субъективная ментальность; индивидуально значимые признаки). В.И. Карасик характеризует концепты как «коллективные содержательные ментальные образования, фиксирующие своеобразие соответствующей культуры», «ценностно насыщенные паттерны мировосприятия» [Карасик 2005: 73-74]. В настоящее время внимание лингвокультурологов сосредоточено на социальных и культурных концептах, репрезентация которых должна исследоваться иными методами, отличными от принятых в исследовании концептов естественных объектов, учитывая специфический характер социальной реальности. Культурные концепты отражают содержание концептов-артефактов, которые характеризуются как социальные конструкты, не имеющие предметных референтов, и отличаются от естественных объектов онтологически. И хотя их репрезентация предположительно восходит к базовым структурам сенсомоторного опыта, все же они представлены знаками культуры как «вторичной моделирующей системы» (Ю.М. Лотман) и связаны с актами интерпретации, вторичными по отношению к операциям референции. Мы полагаем, что основными когнитивными и лингвистическими методами исследования содержания социокультурных концептов следует считать исследование метафорической репрезентации и анализ лексической сочетаемости имен концептов, позволяющий исследовать «глубинные контуры» содержания.

Деление концептов на индивидуальные, групповые и национальные основывается на том, что в обществе выделяются определенные социальные группы, обладающие собственными концептосферами [Карасик 2002:11], в которых национальные концепты специфически модифицируются. В этом смысле противопоставляться могут *универсальные* (общечеловеческие), *этноспецифические*, *социоспецифические* и *индивидуальные* концепты. Наше обращение к анализу культурных концеп-

тов с использованием более или менее устоявшейся методики, апробированной в лингвокультурной концептологии, связано с реализацией задачи изучения особенностей интерпретации концепта на социоспецифическом (в нашем случае, гендерно специфическом) уровне репрезентации, в отличие от привычного подхода, в рамках которого лингвистические репрезентации исследуются на этноспецифическом или индивидуально-авторском уровне. Гендерный аспект репрезентации знания отслеживается нами на примере нескольких социокультурных концептов, отмеченных высоким приоритетом как в женском, так и в мужском доменах западной национальной культуры, таких, как BEAUTY, CAREER, MARRIAGE.

В ходе изучения гендерного аспекта репрезентации концепта BEAUTY стало очевидным, что представления о мужской и женской привлекательной внешности находятся в непосредственной корреляции с представлениями о маскулинности и фемининности. Красота человека, без сомнения, является одной из центральных ценностей нашей цивилизации. Изучение репрезентации концепта BEAUTY в сознании англоговорящих мужчин и женщин на материале художественного дискурса XX–XXI вв. и дискурса журналов об образе жизни приводит к заключению, что, несмотря на огромный путь, проделанный обществом в направлении гендерного равенства, и сегодня мужская и женская внешность по-прежнему конструируются в контексте гендерной поляризации. Оба пола конструируются через набор качеств и характеристик, соответствующих гендерным ожиданиям. Мужская красота конструируется через власть, активность и действие, а женская – через соблазнительность и изящество, таким образом, вновь воспроизводится традиционная репрезентация мужского и женского через оппозицию субъект/объект. Мужская привлекательность интерпретируется через концепты STRENGTH, ROUGHNESS, TOUGHNESS, INTELLIGENCE, EXPERIENCE; женская красота – через концепты HEALTH; NATURE, YOUTH; INNOCENCE [Серова 2006: 68-74]. В период второй волны феминизма представления о красоте многократно комментировались и критиковались, так как, с точки зрения феминистских теоретиков, через миф о красоте женщине навязывалось определенное поведение.

Концепт CAREER сформировался в мужской концептосфере, так как в период викторианства, когда завершалось конструирование концептов мужественности и женственности в рамках западного менталитета, профессиональная деятельность для женщины не предусматривалась.

Данный концепт метафорически представлен в сознании носителей языка как *движение вверх по лестнице* или как *путешествие*. Концептуальное пространство концепта CAREER организовано как фрейм с пропозициональной структурой, в которой выделяются обязательные компоненты: *субъект, предикат (движение), объект (цель)*; и факультативные компоненты: *условие, способ, препятствия, сопутствующие объекты, следствии, оценка* [Серова 2017: 33].

В период с начала XX до начала XXI века содержание концепта CAREER изменило исходную конфигурацию – в его структуре появились гендерно обусловленные элементы. Карьерный рост стал важным фактором как в жизни мужчин, так и в жизни женщин, так как оба пола стремятся сегодня достичь финансового успеха и независимости. В то же время в достижении *цели* мужчины скорее руководствуются внешними стимулами (желанием иметь власть и деньги), а женщины – внутренними (стремлением к самореализации). *Условием* реализации честолюбивых стремлений для мужчины и женщины являются наличие образования и готовности много работать, однако от женщины требуется также более высокая, чем обычно, работоспособность как готовность выполнять мужскую работу в том же объеме, что и мужчины [Там же]. В женском домене выявляются также специфические факультативные компоненты: *наличие наставника (mentor)* и *следствие* – сожаление женщины о том, что она отказалась от семьи ради карьеры или уделяла мало внимания семье. В результате женская дорога к успеху связана с большим, чем у мужчин, количеством *сопутствующих обстоятельств*, связанных с естественным желанием каждой женщины совместить карьеру с традиционной гендерной ролью жены и матери. Поэтому многие женщины сталкиваются с драматичным конфликтом социальной и гендерной роли.

Анализ содержания концепта CAREER приводит к заключению о том, что профессиональная деятельность человека как деятельность публичная изначально объективируется в англоязычном языковом пространстве как область актуализации инструментальных – стереотипно мужских – качеств личности. В конце XX и начале XXI века в сознании членов западного общества изменилось представление о гендерном разделении труда: в настоящее время для женщин-субъектов карьерного роста поощряемой считается деятельность на административных – стереотипно мужских –

позициях. При этом женщины достигают успеха, пользуясь как мужскими, так и женскими средствами – как активностью и напором, так и женским обаянием. Одновременно в мужском домене экспрессивные («женские») личные качества также начинают считаться желательными в определенных сферах профессиональной деятельности.

Реструктурирование отношений в западном обществе в области семьи и брака привело к изменениям в конфигурации концепта MARRIAGE, анализ содержания которого на материале медиадискурса и англоязычных смеховых текстов продемонстрировал наличие в настоящее время сразу трех вариантов дискурсивной картины мира [Там же: 34]. А именно, наряду с консервативной патриархатной картиной мира и набирающей популярность эгалитарной картиной мира, основанной на вариативности и реверсии гендерных ролей; появляется также маргинальная феминистская картина мира как попытка рефрейминга, связанная со стремлением представить женщину в роли субъекта, а мужчину в – роли объекта.

Литература

Воркачев С.Г. Российская лингвокультурная концептология: современное состояние, проблемы, вектор развития // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 5. С. 64-74.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. статья Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1997.

Карасик В.И. Этноспецифические концепты // Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие / З.Д. Попова и др.; отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. С. 61-100.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Серова И.Г. Социокультурный конструкт «гендер» в интерпретативном пространстве языка и дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2017. 41 с.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 990 с.

*I.G. Serova (St. Petersburg, Russia)
Leningrad State University named after A.S. Pushkin*

IN SEARCH OF THE GENDER DIMENSION OF A CONCEPT

The article tackles the possibilities of the introduction of gender dimension into a cognitive linguistic description of sociocultural concepts in the discourse of English language fiction and the discourse of mass media in the XX–XXI cent.

Key words: gender dimension, domain, subject, object, masculinity, femininity.

*Н.В. Уфимцева (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
nufimtseva@yandex.ru*

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ РЕСПОНДЕНТОВ

Статья посвящена изложению результатов экспериментального исследования регионального языкового сознания жителей разных регионов РФ. Исследование осуществлялось методом свободного ассоциативного эксперимента, для анализа полученных ассоциативных полей использовался модифицированный метод семантического гештальта Ю.Н. Караулова.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, семантический гештальт, когнитивная стратегия.

С 2015 по 2017 г. сектор этнопсихолингвистики работал над двумя большими проектами по исследованию регионального языкового сознания в Республиках Коми, Бурятия, Татарстан и Саха (Якутия). Всего было опрошено около 4000 испытуемых: коми, бурят, русских, татар и якутов – студентов различных вузов в возрасте от 17 до 25 лет, постоянно проживающих в республиках. Респонденты-татары и якуты были опрошены на двух языках – родном и русском, респонденты-коми и буряты – только на русском. В качестве метода исследования традиционно исполь-

зовался свободный ассоциативный эксперимент, список слов-стимулов включал 115 единиц на русском языке. Для анализа полученного экспериментального материала была создана запросно-поисковая система, размещенная в интернете (http://persons/it-claim.ru/assoc_quest/words.php). Полученные ассоциативные поля слов-стимулов анализировались с помощью модифицированного авторами исследования метода семантического гештальта Ю.Н. Караулова, с обозначением семантических зон и субзон. Последние не были сконструированы заранее, а определялись характером полученных данных. Практически был создан новый инструмент анализа содержания ассоциативных полей, которые рассматривались как вид семантических. Были выделены следующие зоны: **Субъект** – обобщенные номинации (люди, человек), номинации по социальным, половым, возрастным, оценочным характеристикам (учитель, женщина, ребенок, враг), названия общностей (коллектив, семья); **Объект** – названия неодушевленных объектов, конкретных и абстрактных; отдельно указываются названия ценностей; **Характеристика** – в данной зоне выделяются три стандартные субзоны, содержание которых связано с положительной, отрицательной или нейтральной характеристикой объекта, обозначенного стимульным словом; **Действие, состояния** – названия действий или состояний объекта, обозначенного стимульным словом, или действий по отношению к объекту и связанных с ним состояний; **Локус** – названия территориальных объектов с актуализацией местонахождения или границы; **Эго** – местоимения и другие дейктические слова; **Устойчивые словосочетания** – паремии, фразеологизмы и клише; в зону **Прочие** вошли слова, представляющие собой, как правило, случаи реагирования не на содержание, а на форму стимула. Каждая зона ассоциативного гештальта подразделялась на субзоны, например, выделялись субзоны **конкретных и абстрактных Объектов, положительных и отрицательных Характеристик** и т. д. Количество субзон и их состав определялись для каждого стимула в зависимости от его значения и характера ассоциативной связи со словом-реакцией (см. подробно [Региональное языковое сознание 2017]). В список стимулов включались лексические единицы, репрезентирующие наиболее значимые (применительно к задачам нашего исследования) образы языкового сознания носителей национальных языков, а также учитывались семантические и морфолого-синтаксические особенности слов-стимулов, что позволяло не только описать значение отдельного стимульного слова, но и выявить компоненты его смысла, реализуемые в рамках

типовой синтаксической модели, где интересующая нас лексема (или ее синонимы) могла быть как стимулом, так и реакцией. Все это позволило выявить набор сходных семантических признаков для построения семантического гештальта – модели репрезентации ассоциативного значения.

В качестве примера приведем ассоциативный гештальт слова-стимула **друг**.

Слово-стимул **Друг** (данные в %)

Зона/Регион	Русские в Республике Коми РК _{рус}	Коми (зыряне) на русском КК _{рус}	Русские в Татарстане РТ _{рус}	Татары на русском ТТ _{рус}	Татары на татарском ТТ _{тат}
СУБЪЕКТ	35,6	25	24,8	20,2	49,4
<i>Семья</i>	4,3	5,8	5,2	2,9	3,6
<i>Друг</i>	6,5	8,1	5,2	4,5	20,9
<i>Человек</i>	21,2	9,9	12,6	10,5	24,1
<i>Общность</i>	-	-	-	0,5	0,8
<i>Живое существо</i>	3,6	1,2	1,9	1,8	
ОБЪЕКТ	19,1	17,7	17,4	18,3	10,9
<i>Конкретный объект</i>	8,3	12,8	15,5	2,1	4,0
<i>Ценности, эмоции</i>	-	-	-	8,4	6,1
<i>Абстрактный объект</i>	10,8	4,7	1,9	7,9	0,8
Действие, состояние	1,8 0,7	2,3	2,3 2,6	0,8 0,5	3,2 3,2
ХАРАКТЕРИСТИКА	23,4	37,8	41,6	46,1	29,1
<i>Положительная</i>	22,3	36,0	37,7	43,2	26,3
<i>Отрицательная</i>	-	-	-	0,5	-
<i>Нейтральная</i>	1,1	1,7	3,9	2,4	2,8
Локус	5,0	2,3	1,9	2,4	
Устойчивые словосочетания	8,3	11,0	2,9	5,0	1,6
Время	2,5		1,6	2,9	-
Эго	3,6	2,9	4,2	3,4	2,8
Прочие	-	1,2	0,6	0,5	-

Структура ассоциативного гештальта

Ведущими в структуре ассоциативного гештальта стимула **Друг** являются зоны **Субъект**, **Объект** и **Характеристика**, однако их иерархия у разных групп респондентов не совпадает. Зона **Субъект** является самой значимой в ответах группы респондентов-татар $ТТ_{\text{тат}}$, у которых в нее входит примерно половина всех реакций (49,4 %), и русских в Коми (35,6 %). В группах $КК_{\text{рус}}$ и $ТТ_{\text{рус}}$ указанная зона по количеству ответов стоит на втором месте. Зона **Объект** является третьей по значимости в ассоциативном гештальте всех групп респондентов. Зона **Действие, состояние** довольно малочисленна, больше всего реакций в этой зоне у $КК_{\text{рус}}$ и $РК_{\text{рус}}$. Зона **Характеристика** – самая многочисленная в ассоциативном гештальте $РТ_{\text{рус}}$ и $ТТ_{\text{рус}}$. В ответах всех групп респондентов отсутствует субзона **отрицательная характеристика**, центральной является субзона **положительная характеристика**.

Содержание ассоциативного гештальта

У группы респондентов $ТТ_{\text{тат}}$ большинство реакций в зоне **Субъект** – это либо название родственника противоположного пола, либо синоним. Подобная стратегия ассоциирования характерна и в случае предъявления других стимулов, называющих родственников на татарском языке. У всех групп испытуемых в зоне **Характеристика** преобладают **положительные** оценки: *верный, хороший, близкий, единственный, заботливый, любимый, надежный, настоящий, родной*. При этом отрицательные характеристики практически отсутствуют, а среди **нейтральных** – ассоциации, связанные с возрастом и профессией **друга**. Интересно отметить, что различия в ответах респондентов-татар, опрошенных на татарском и русском языках, значительно более существенны, чем в ответах русских и татар, опрошенных на русском языке (группы $ТТ_{\text{рус}}$ и $РТ_{\text{рус}}$).

Проведенный анализ показал, что в большинстве случаев наиболее «семантически нагруженными» независимо от характера стимула оказываются зоны **Субъект**, **Объект** и **Характеристика**. Количество и названия их субзон описывают частные когнитивные стратегии ассоциирования, зависящие от семантических и грамматических валентностей конкретного стимула, определяющих его сочетаемость со словом-реакцией, от выборки испытуемых (шире – от особенностей национальной культуры) и от структуры языка (так, интересны различные стратегии испытуемых-билингвов при ответе на русском и родном языке). Все три

зоны оказываются значимыми почти во всех ассоциативных гештальтах. Мы полагаем, что этот факт связан с наиболее общими когнитивными стратегиями испытуемых, реализуемыми в условиях ассоциативного эксперимента. Первая – *персонализация* – обусловлена социальной сущностью самого оценивающего субъекта и включенностью окружающих его реалий в социальные отношения; вторая – *соположение*, которая определяется естественной способностью человеческого сознания сопоставлять и сравнивать реалии окружающего мира, третья – *характеризация*, которая связана опять же с человеческой способностью определять и оценивать окружающие реалии (см. [Уфимцева, Балясникова 2018], [Балясникова и др. 2018]).

Среди частных типичных стратегий наших испытуемых можно выделить *конкретизацию* двух типов: первый реализуется через гипонимизацию, подбор синонимов, перифраз; второй – через концептуальное сближение со сферой жизнедеятельности человека, когда реакции, тем не менее, остаются абстрактными по значению словами. Еще одна частотная стратегия – *противопоставление* – реализуется особенно явно в случае оценочности стимула, закрепленной в языке, например, в виде словарных стилистических помет. Наконец, для испытуемых типична стратегия *дополнения* – воспроизведение фразеологически связанных со стимулом компонентов – как лексически, так и синтаксически.

Литература

Балясникова О.В., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Чулкина Н.Л. Языковое сознание: региональный аспект // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. Т. 22. 2018. № 2. С. 232-250.

Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимовлияния: колл. монография / Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г., Степанова А.А.; под ред. Н.В. Уфимцевой. М.; Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2017. 240 с.

Уфимцева Н.В., Балясникова О.В. Стратегии оперирования знаниями в условиях ассоциативного эксперимента // Образы языка и зигзаги дискурса: сб. статей к 70-летию В.З. Демьянкова. М.: Культурная революция, 2018. С. 278-289.

N.V. Ufimtseva

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

nufimtseva@yandex.ru

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AND COGNITIVE STRATEGIES OF RESPONDENTS

The report presents the experimental results of the regional language consciousness research of Russian regions residents. The survey was conducted by means of the free associative experiment; to analyze the obtained associative fields, a modified method of semantic gestalt by Yu.N. Karaulov was used.

Key words: language consciousness, associative experiment, semantic Gestalt, cognitive strategies.

Л.А. Шестак (Волгоград, Россия)

Волгоградский государственный социально-педагогический университет

l_shestak@mail.ru

ФРЕЙМ СОБЫТИЯ: РЕФЕРЕНЦИЯ И МОДЕЛИРОВАНИЕ

Политическое событие имеет законодательно установленный, структурированный характер и может рассматриваться как общественно-политический фрейм. Реализация фрейма может сопровождаться случайными или целенаправленными искажениями (болезнь политика, диффамация политического оппонента). Референция события в новостном сообщении может быть полной или частичной, смягчать и даже искажать ситуацию. Кроме синтаксических деформаций (элиминация ‘агенса’ действия, генерализация события), новостное сообщение может оформляться вариативной номинацией, также искажающей смысл ситуации.

Ключевые слова: фрейм события, терминальные узлы, слоты, референция, номинация, моделирование.

Политическая медиалингвистика представляет собой исследовательский фокус на междисциплинарном «шве»: предметом медиалингвистики является исследование цели и способов трансляции социальной

информации посредством масс-медиа, предметом политической лингвистики – изучение вербальных способов формулирования и трансляции социально-политического знания. Масс-медиа – основные средства формирования политической картины мира. Основным жанром масс-медиа является новостное сообщение.

Политическая жизнь ритуализована. В основном документе страны – Конституции, в законах о деятельности политических партий, митингах и собраниях, проведении выборов в законодательную, исполнительную и судебную власть, проведении референдума и т. п. прописаны процедуры избрания и переизбрания политиков, деятельности партий и проведения политических мероприятий. В силу этого политическое событие правомерно рассматривать как фрейм, слоты терминальных узлов которого являют собой исторически и страноведчески актуальную реализацию (выборы президентов США, РФ и Франции; выборы президента РФ 2012 и 2018 года).

Структура фрейма политического события устанавливается на основе соответствующих документов (Закон о выборах, Конституция США). Так, фрейм события ‘Выборы президента США 2016 г.’ имел следующую структуру: **1. Установление даты:** 8 ноября 2016. **2. Предмет выборов:** Выборы 45-го президента США. **3. Выдвижение кандидатов:** *Бизнесмен-миллиардер Дональд Трамп стал официальным кандидатом от Республиканской партии 19 июля 2016; бывший государственный секретарь и сенатор Хиллари Клинтон стала официальным кандидатом от Демократической партии 26 июля 2016.* **4. Биографии кандидатов:** *Дональд Джон Трамп родился в 1946 году. В 2016 году ему – 70 лет. Американский политик, известный бизнесмен и медиамагнат, Трамп является президентом строительного конгломерата Trump Organization и основателем компании Trump Entertainment Resorts. В рейтинге журнала Forbes в 2016 году состояние Дональда Трампа оценивается в \$3,7 млрд долларов [<http://www.forbes.com/profile/donald-trump/>]. Нынешняя (третья по счету) жена – Melania Trump (born Melanija Knavs). Она на 24 года моложе Трампа. У Трампа пятеро детей и восемь внуков. Хиллари Дайан Родэм Клинтон родилась в 1947 году. В 2016 году ей – 69 лет. Американский политик. Первая леди США (1993–2001), сенатор от штата Нью-Йорк (2001–2009). Государственный секретарь США (2009–2013). Её муж – Билл Клинтон (42-й президент США). У неё есть дочь. [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%BB%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%BE%D0%BD_%D0*

%A5%D0%B8%D0%BB%D0%BB%D0%B0%D1%80%D0%B8]. **5. Политические взгляды кандидатов:** Слоганом своей предвыборной кампании Трамп взял девиз «Вернем Америке былое величие!». Многих американцев шокировали заявления Трампа по поводу строительства стены на границе с Мексикой и его желание ограничить въезд в Америку эмигрантам. Он успел в ходе предвыборных дебатов раскритиковать вторжение США в Ирак, изъявить свое желание ослабить влияние Ирана на Ближнем Востоке и обвинить иракских военных в трусости [<http://www.3world-war.ru/geopolitika/1387-vneshnjaja-politika-donald-trampa-v-sluchae.html>]. Д. Трамп сказал, что отношение к России необходимо в корне изменить. Он очень хорошо относится и к Путину, и к России. А что ждать от Трампа Китаю? Трамп считает, что Китай мешает США торговать. Очень часто в своих выступлениях Трамп затрагивает тему Третьей мировой войны. Хиллари Клинтон в течение своей политической карьеры выступала против гонки вооружений. В качестве главного лозунга Клинтон выбрала «Хиллари для Америки». Позиция Хиллари Клинтон к России будет выражением политической конъюнктуры США. [<http://www.moscow-faq.ru/questions/state/politics/67740/178450>]. Хиллари Клинтон считает, что нужно добиваться как можно более тесного сотрудничества между Китаем и Америкой, в том числе в экономической сфере. **6. Дебаты. 7. Предварительная поддержка по данным опросов:** 42 % Трамп и 48 % Хиллари. **8. Финал: Встречайте 45 президента США!** Дональд Трамп. В возрасте 70 лет он стал старейшим впервые избранным президентом США. 20 января 2017 г. в Белый дом войдет новый президент США [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D1%80%D0%B0%D0%BC%D0%BF_%D0%94%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B4].

В силу политической борьбы фрейм политического события может осложняться и нарушаться. Примером непланируемого осложнения выборов президента США в 2016 г. была внезапная болезнь Хиллари Клинтон и оговорка ведущего средств массовой информации США о ее смерти. Примером плановой диффамации политического соперника были информационные вбросы «говорящего» прозвища Клинтон (*Killary* вместо *Hillary*) и диффамация жены Трампа Мелании (смелые снимки Мелании Кнавс в качестве натурщицы).

Референциальная полнота сообщения есть способ представления картины мира. Освещение события зависит не только от его важности, но

и от ракурса представления (*Стакан наполовину пуст* и *Стакан наполовину полон*). Событие может быть описано полностью, документально; в нем могут быть элиминированы ‘агенса’ действия, результаты действия; ситуация может быть представлена обобщенно. Описание события варьируется в СМИ официальных и оппозиционных, в СМИ стратегических партнеров и политических врагов страны [см. нашу статью: Шестаков 2018: 194-199]. Референциальная неполнота искажает событие.

Так, в российской прессе ситуация ‘Мальчик и Шекспир’ официальными и оппозиционными СМИ была представлена по-разному. Первые акцентировали все свое внимание на фактах попрошайничества ребенка и руководства этим подпадающим под административную ответственность занятием родителей мальчика: *Ребёнок читал Шекспира не просто так, он пытался заработать. А что самое страшное, с одобрения родителей. ... Но должен ли ребёнок быть бизнес-проектом, и не здесь ли прямое нарушение его прав?* [https://tsargrad.tv/shows/hroniki-cargrada-malchik-oskar-i-shekspir_67011]. Вторые – на задержании мальчика и словесной несдержанности полицейских: *В отвратительной истории с задержанием 9-летнего мальчика Оскара, читавшего на улице стихи Шекспира, меня больше поразила даже не жестокость сотрудников полиции (к ней мы уже привыкли), а реакция обычных людей, эта жестокость оправдывающих. Как-то легко и непринужденно они перевели стрелки на родителей ребенка и принялись дружно осуждать и обвинять именно их* [<http://www.mk.ru/social/2017/05/28/oskar-i-shekspir-malchika-s-arbatapochemu-lyudi-opravdyvayut-policiyu.html>]. Референциальная верификация была осуществлена официальным сообщением: *В пресс-службе московской полиции заявили, что мальчик сам рассказал, «что он занимается сбором денежных средств и в настоящий момент находится без сопровождения родителей или законных представителей». При помещении мальчика в служебный автомобиль к сотрудникам полиции подошла женщина, представившаяся соседкой мальчика, и попросила передать несовершеннолетнего ей, что являлось бы прямым нарушением закона. Получив отказ, женщина попыталась воспрепятствовать законным действиям полицейских, начала кричать, провоцируя конфликт и привлекая к себе внимание прохожих, а также записывать происходящее на камеру мобильного телефона* [<https://tjournal.ru/44757-rezonans-malenkiy-malchik-shekspira-chital>]. Так ‘задержание мальчика на Арбате за чтение Шекспира’ становится ‘задержанием мальчика

на Арбате за попрошайничество’ (ходил между машинами и просил сыпать ему деньги за чтение стихов), а затем и ‘задержанием мальчика на Арбате за бродяжничество’, поскольку сожительница его отца, препятствовавшая задержанию мальчика, находилась от него на расстоянии 25-30 метров и органам правоохранительных органов представлялась его соседкой.

Номинативное оформление сообщения также является способом представления положения дел: *Мятеж не может кончиться удачей, // В противном случае его зовут иначе* (С. Маршак). Политическая картина мира, связанная с делением мира на своих и чужих, законную власть и оппозицию, создает параллельные номинативные пары *разведчик – шпион, правительство – хунта* и т. п. Так, завоевание Россией хоккейного «золота» в феврале 2018 г. американской газетой New York Post было подано как «команда без страны» завоевала хоккейное золото: *A team without a country wins hockey gold* [<https://nypost.com/2018/02/25/a-team-without-a-country-wins-hockey-gold/> (дата обращения 28.07.2018)]. При отрицательной оценке заголовка ситуация была описана объективно: ‘выиграла хоккейное золото’ (*wins hockey gold*). Украинскими же СМИ ситуация выигрыша золотой медали была подана как «Россия с трудом избежала позора»: *Пользователи социальных сетей возмутились статьей украинского издания «Обозреватель», озаглавленной «Российские хоккеисты чудом избежали позора в финале Олимпиады-2018». В тексте статьи говорится, что во время игры россияне **столкнулись с «невероятными трудностями» и «долго ничего не могли сделать с противником»*** [<http://новости-украины.ru-an.info/новости/украинские-сми-злоствуют-русские-хоккеисты-чудом-избежали-позора/> (дата обращения 28.07.2018)]. Пейоративная оценка вербализована перифразом описания ситуации с изменением смысла на противоположный (*выиграла золото – с трудом избежала позора*), поскольку второе место (серебро) является в спортивной иерархии почетным, а не позорным.

Цель указанных трансформаций – дискредитация политического оппонента. Так, общественно-политическая акция «Бессмертный полк», сформировавшаяся в последние 3 года как некодифицированный фрейм, когда 9 Мая люди, благодарные героям Великой Отечественной войны, выходят на демонстрацию с портретами своих воевавших и погибших родственников и проходят с их портретами по центральной улице города, а потом уносят эти портреты домой, была описана как ‘принудительный’ ‘под

угрозой увольнения’ ‘выход работников на демонстрацию’, когда им ‘вручают портреты неизвестных для них людей’, они ‘вынужденно проходят с этими портретами указанный администрацией отрезок пути’ и ‘с облегчением бросают эти портреты в урны для мусора’: *где-то рядом будут идти те, кому просто раздали фотографии совершенно незнакомых им людей, кому помешали съездить на шашлыки или выпить лишнюю бутылку пива* [<http://echo.msk.ru/blog/oreh/1977928-echo/>]; *Пришедших по приказу было уж точно не менее половины. Со стороны это всё выглядело довольно уныло и безжизненно, даже несмотря на представленные по маршруту динамики, оглушавшие военными песнями...* *В моей советской школе нам для таких демонстраций раздавали хотя бы портреты членов Политбюро, известных всей стране по передовицам «Правды», теперь же учителя приносят в сумках портреты ветеранов, имена которых в большинстве своём ничего не говорят ученикам, вынужденным их нести* [<http://echo.msk.ru/blog/varfolomeev/1977948-echo/>].

Таким образом, фрейм ‘Общественная акция поминания фронтовиков их семьями’ подается как ‘Казенная повинность – марш с неизвестными гражданам портретами’. В подобном освещении фрейма ‘Акция «Бессмертный полк»’ сохранены лишь внешние параметры: ‘шествие’ и ‘с портретами’. Узел ‘общественный’ заменен на ‘принудительный’, ‘фронтовиков семьи’ – на ‘неизвестных людей’, узел же ‘помятие’ гасится, поскольку *помянуть* и *вспоминать* можно лишь знакомых, невозможно вспоминать, т.е. ‘вызывать в памяти’ неизвестных. Подобный *рефрейминг*, замена слотов фрейма на идеологически нужные, известен в политической лингвистике как НЛП – *нейролингвистическое программирование* [Чернявская 2006: 20-22]. Так референциальная неполнота представления фрейма и вариативность его описания становятся средством моделирования картины мира, манипуляции политическим сознанием.

Литература

Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. Москва: Флинта: Наука, 2006.

Шестак Л.А. Политическая лингвистика: фрейм события и фейк-ньюс // Cross – cultural studies: education and science. 2018. № 3. P. 194-199.

L.A. Shestak (Volgograd, Russia)
Volgograd State Socio-pedagogical University

EVENT FRAME: REFERENCE AND SIMULATION

A political event has a legally established, structured character and can be considered as a socio-political frame. The implementation of the frame can be accompanied by random or purposeful distortions (illness of a politician, defamation of a political opponent). The reference of the event in the news message can be full or partial, mitigate and even distort the situation. In addition to syntactic deformations (elimination of the 'agent' of the action, generalization of the event), a news message can be formed by a variable nomination, which also distorts the meaning of the situation.

Key words: event frame, terminal nodes, slots, reference, nomination, simulation.

Н.Г. Юзефович (Хабаровск, Россия)
Тихоокеанский государственный университет
yuzefovich_2005@mail.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ОПРОС КАК МЕТОД КОГНИТИВНОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ: ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ ИЛИ ЕЕ ИСКАЖЕНИЕ?

В докладе предпринимается попытка выявления причин несоответствия результатов предвыборных социологических опросов и итогов выборов осени 2018 г., главным образом, региональных. Обосновывается необходимость системного использования методов социоллингвистики, психоллингвистики в когнитивном аспекте для выявления социального климата и вариативности национального сознания.

Ключевые слова: коммуникативное/когнитивное сознание, национальная картина мира, интеграция методов, опрос.

В последнее десятилетие в отечественной лингвистической науке все чаще подчеркивается значимость «социального поворота», или, точнее,

«переворота». Различные аспекты языка и таких феноменов, как языковая картина мира, концептосфера, коллективное сознание и пр., изучаются в разнообразных контекстах социального взаимодействия.

В зарубежной лингвистике тенденции исследования языка на разных уровнях в контекстах социального взаимодействия интенсивно развиваются с 2000-х гг., что потребовало интеграции методов когнитивной лингвистики, социолингвистики, контактологии, лингвокультурологии, психолингвистики, и т. п. [Advances in Cognitive Sociolinguistics 2010; Moreno-Fernandez 2017].

Необходимо подчеркнуть, что закономерность формирования нового научного направления «когнитивная социолингвистика» предопределена антропоцентрическим развитием зарубежных и отечественных лингвистических научных направлений. Интегативность когнитивной социолингвистики позволяет назвать ее метатеорией (metatheory), что обосновано в монографии Sociolinguistic Metatheory [Figuroa 1994; Figuroa 2014].

Развитие и важность данного научного направления подтверждаются международными научными конференциями, например, 6th UK Cognitive Linguistics Conference Bangor University, Bangor, Gwynedd July 2016; Cognitive Sociolinguistics and Modularity 2016. Стали традиционными такие конференции, как Language, Cognition and Society (AFLiCo: Bordeaux 2005; Lille 2007; Nanterre 2009; Lyon 2011; Lille 2013; Grenoble 2015; International Cognitive Linguistics Conference (ICLC; 15-я проводится в Японии (август 2019); On Meaning and Knowledge Representation (MRK: 8-я проводится в Гранаде (Испания, июль 2019)).

Как представляется, социологические методы исследования, по сути своей ориентированные на учет социального контекста, опираясь на когнитивный подход, выявляют настроения и социальные тенденции разных слоев населения, изменение ценностей, что позволит прогнозировать, например, протестные настроения.

Результаты региональных выборов: социологи в очередной раз не угадали с результатами выборов во Владимирской области и крупнейших «удаленных от центра» регионах (Приморье и Хабаровский край).

Ошиблись и с прогнозами на «веру в президента», на то, что после телеобращения президента протестные акции тотчас же прекратятся: центральные каналы повторяли фрагменты видеосюжетов: народ «все понял», «президент все доходчиво объяснил, и мы поддерживаем...», при этом, однако, практически весь сентябрь протесты проходили во многих городах России.

Перечисленные события говорят о том, что россияне уже не хотят голосовать «единодушно и единогласно», поддерживая власть, а значит, меняется коммуникативное и/или когнитивное сознание российского общества, варьируется картина мира.

Коммуникативное сознание понимается как комплекс всей коммуникативной деятельности индивида: коммуникативные установки сознания и норма коммуникации данного общества [Стернин 2002]. Иначе говоря, формирование коммуникативного сознания в значительной степени определяется именно социальным контекстом, следует подчеркнуть, однако, что коллективное коммуникативное сознание формируется, если индивид разделяет нормы своего общества.

В контексте актуальной дискурсивной политической практики (2011 – по сегодняшний день) коллективное коммуникативное сознание, особенно в период значимых для общества событий, изменяется, нарушая привычные закономерности: процесс конструирования реальности социально обусловлен.

При когнитивно-дискурсивном подходе познание и интерпретация мира, его внутреннее конструирование, как справедливо отмечает С.Н. Плотникова, определяются коллективной когницией, которая при этом определяет и «внешнее конструирование социального мира, т.е. создание окружающего мира как такового, в его непосредственной данности и фактичности» [Плотникова 2017: 696].

Как представляется, социологические опросы могут в определенной степени определить уровень сформированности коллективного сознания, специфику коллективной когниции, если результаты социологических данных анализировать не на поверхностном, а на глубинном уровне: *кто Не отвечал на вопросы, гендерный фактор, статус, ситуация бытия непосредственно в регионе* и пр. В идеале именно методы социологии выявляют тенденции, реально формируемые в обществе; самые популярные методы – социологический опрос, интервью, ассоциативный эксперимент – дают не только качественные, но и количественные данные, что придает весомость и убедительность любому исследованию.

Как показали протестные кампании сентября 2018 г., для правительства, региональной власти они оказались неожиданными, опыт 2011–2012 гг. проигнорирован. Первая волна протестов после президентской и думской кампаний властью была «не замечена», «не увидели поднимающейся протестной волны избирателей», нынешняя неуда-

ча (провал с прогнозами выборов 2018) – «крупнейшая в своем роде. Провала с прогнозами никто не заметил, потому что все были увлечены другим – решениями ЦИКа, реакцией Кремля и вообще внезапно открывшейся “региональной повесткой”» [Филина 2018: 14]. Как подчеркивает Д. Рогозин, завлабораторией методологии социальных исследований РАНХиГС, «в проблемных регионах был очень большой процент неответов людей, которых опрашивали на выходах избирательных участков... когда отказываются отвечать люди с “особым мнением” – все становится опасно вдвойне. Сегодня, задним числом, можно сказать, что на экзит-полах решили молчать противники действующей власти, поэтому процент голосов за ставленников «Единой России» оказался завышенным» [цит. по Филина 2018: 14].

Количественные показатели социологов довольно позитивны: невзирая ни на какие трудности, российский народ отличает единство ценностей, в коллективном сознании якобы формируется позитивное представление о власти, крепнет вера в то, что растет зарплата, а значит, улучшается благосостояние людей.

Несоответствие прогнозов и реальности у думающего человека вызывает когнитивный диссонанс. Сравним информацию новостных сайтов и факты: «МОСКВА, 5 сент. – РИА Новости. ВЦИОМ зафиксировал снижение уровня протестных настроений» [URL: <https://ria.ru/society/20180905/1527835155.html>].

Всероссийская акция состоялась 9 сентября во многих регионах, в том числе в Москве и в Санкт-Петербурге (с разгоном демонстрантов и автозаками), менее массовые акции продолжались практически весь сентябрь.

Разрыв между официальными прогнозами и реальностью не может не тревожить: «За последние несколько лет мы неоднократно наблюдали “провалы” электоральных прогнозов. Достаточно вспомнить нашумевший скандал о том, что никакие опросные фирмы не смогли предсказать выборы мэра Москвы, а команда Алексея Навального, члены которой не являются профессиональными социологами, приблизилась к оценкам наиболее близко» [Рогозин 2014].

Как следует из вышесказанного, социологические опросы и данные СМИ во многих случаях представляют искаженную картину мира, не отражают настроения и ценностные ориентации нашего общества, однако именно опросы и СМИ часто образуют эмпирическую базу мно-

гих научных исследований. Считаю необходимым обратить внимание на социальные сети, к которым, несомненно, следует относиться критически, но именно в сетях можно услышать голоса тех, кто не принимает участие в опросах, узнать мнение несогласных. Существенным недостатком социальных сетей (включая также и комментарии, дискуссии, которые следуют за опубликованной информацией) является обилие обсценной лексики (далеко не всегда, но чаще, чем хотелось бы), тем не менее они являются важным источником «гласа народа».

Суммируем: факты реальной жизни и событий российского общества, о которых говорилось выше, отражают изменения картины мира россиян, вариативность коммуникативного и когнитивного сознания, соответственно, возникает вопрос: что такое национальная картина мира, существует ли она в условиях современного социального контекста, когда социальное расслоение все более углубляется? Ответ на поставленный вопрос требует дальнейшего исследования заявленной темы на разноплановом эмпирическом материале.

Литература

Плотникова С.Н. Коллективная когниция и ее роль в конструировании социального мира // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. XXX. С. 696-699.

Рогозин Д. Почему социологические опросы вызывают недоверие. 24.09.2014. URL: <http://www.forbes.ru> (дата обращения: 12.10.2018).

Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: посвящается Е.С. Кубряковой: сборник научных трудов. Москва; Воронеж: ИЯ РАН, ВГУ, 2002. С. 44-51.

Филина О. Подсчетный гражданин, о том, что отражают опросы общественного мнения // Огонек. 2018. № 39. С. 14-15.

Advances in Cognitive Sociolinguistics / Ed. D. Geeraerts, et al. Berlin: Walter de Gruyter, 2010.

Figueroa E. Sociolinguistic Metatheory. 1st ed. Pergamon, 1994.

Figueroa E. Sociolinguistic Metatheory. Elsevier, 2014.

Moreno-Fernandez F. A Framework for Cognitive Sociolinguistics. Routledge, 2017.

N.G. Iuzefovich (Khabarovsk, Russia)
Pacific National University
yuzefovich_2005@mail.ru

SOCIOLOGICAL SURVEY AS A COGNITIVE SOCIOLOGICAL METHOD: TRUE OR DISTORTED REALITY?

The paper presents some results of the study of some electoral campaigns the outcome of which was quite the opposite of those predicted. The discrepancy between the results of pre-election sociological polls and the outcome of some regional elections show the changes of people's cognitive consciousness, their world view, the loss of respect and trust to the government which leads to the spread of protest actions. The author claims that interdisciplinary study employing the methods of sociolinguistics, psycholinguistics in the cognitive aspect might help identify the social climate and variability of national world view.

Key words: communicative/cognitive consciousness, national world view, integration of methods, survey.

S.V. Koltakova (Voronezh, Russia)
koltakova2007@yandex.ru

N.A. Nerovnaya (Voronezh, Russia)
nnerovnaya@yandex.ru

L. Yu. Zubova (Voronezh, Russia) lucie-lucy@mail.ru
Military Educational and Scientific Center of the Air Force
«N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy» (Voronezh)

COMPARING THE CONTENT OF THE CONCEPTS LEADER AND COMMANDER IN MILITARY MEN MENTAL SPHERE

The research is aimed at comparing the content of the concepts LEADER and COMMANDER in military men language consciousness, defining similarities and differences with the help of the parameters. The analysis of the field stratification of the concepts has been carried out. The categorical structure of both concepts has been identified.

Key words: the concept field stratification, the concept categorical structure, a psycholinguistic experiment, cognitive classifiers, cognitive signs.

The aim of the undertaken research is to 1) compare the field organization of the concepts LEADER and COMMANDER, 2) contrast their categorical structure, 3) find the similarities and differences between the concept content in the linguistic mental sphere of the military personnel.

The concepts LEADER and COMMANDER possess high communicative relevance for the language consciousness of the military men as one of the main objectives of studying in a military academy is developing leadership and upbringing a commander whose main aim is to supervise personnel. The choice of the key representative words is dictated by their speech frequency, lexemes polysemy and relevance for the military men.

The choice of concepts is determined by the fact that the lexeme objectifying the concept LEADER has its roots in the English language. An interesting fact is that in the Russian army “a commander” is a military man commanding some kind of a unit. Two words are used for this in the army of the USA – “a commander” and “a leader”. The word “leader” is used to denote the commander of a unit which is small in size, in all the other cases the word “commander” is used. That means that there may be some officers subordinate to a commander, but not to a leader [Leonov 2017: 122].

The research was held in several stages. Firstly, a psycholinguistic experiment has been conducted. 80 male cadets aged 17-21 of the 1st and 3rd courses of the Air Force Military Academy took part in the experiment. A guided association experiment was used as experimental methodology. The tested cadets were suggested the following instruction: “You are taking part in a psycholinguistic experiment. Please, answer the following questions:

1. Who is a leader/commander? A leader/commander is a person who...
2. What should a leader/commander be like?

The methodology of subjective definitions was used for the purpose of defining the psychologically real meaning of lexical units and conceptual structures behind them. As a result of the analysis the list of the word meaning components constructing the content of the concept in Russian language native speakers’ consciousness was compiled [Rudakova 2004: 64].

As the result of the experiment 198 reactions to the word-stimulus “leader” and 221 reactions to the word-stimulus “commander” were obtained and associative field was formed. The components of this field were considered as language means of objectivization of cognitive signs of the concept and were cognitively interpreted [Popova, Sternin 2007: 199].

The research has allowed to represent the concept as the set of cognitive signs and has identified the complicated cognitive content of the analyzed concepts in the military men language consciousness.

The index of brightness for each cognitive sign has been calculated as the ratio of the number of cognitive sign objectifications to the total number of respondents [Sternin 2004]. Based on the indices the field stratification has been carried out and the nucleus, close, far and distant peripheries have been identified.

The analysis of the field stratification has allowed to make the following conclusions: the concept LEADER consists of 32 cognitive signs, the concept COMMANDER comprises 59 ones.

So, the nuclei of the concepts are absolutely different. The nucleus of the concept LEADER is represented by the cognitive sign “motivates people” and the nucleus of the concept COMMANDER – by the cognitive sign “able to manage a group of people”, “responsible”. It should be pointed out that the cognitive sign “responsible” which constitutes the nucleus of the concept COMMANDER, belongs to the close periphery of the concept LEADER. The analysis has shown that the close periphery of the concept LEADER is made up of 6 cognitive signs (“clever”, “responsible”, “possesses leadership”, “goal-oriented”, “sociable”, “brave”), while the corresponding periphery of the concept COMMANDER comprises 4 signs (“clever”, “fair”, “careful”, “persistent”). Thus, both concepts share the only cognitive sign – “clever”, that proves the difference in mental image of the analyzed notions.

The far periphery of the concept LEADER is made up of 16 cognitive signs, while the one of the concept COMMANDER is composed of 25 signs, what makes the concept COMMANDER a more subjective mental unit. Both concepts share the following cognitive signs: “sociable”, “brave”, “determined”, “honest”, “kind”, “many-sided”, “active”.

The distant periphery of the concept LEADER consists of 11 cognitive signs, whereas the one of the concept COMMANDER is composed of 28 signs. Only 2 signs are shared by both concepts – “balanced”, “resourceful”.

In general the analysis has shown that the concepts LEADER and COMMANDER have the same 20 cognitive signs: “clever”, “responsible”, “possesses leadership”, “goal-oriented”, “sociable”, “brave”, “strong”, “determined”, “persistent”, “honest”, “kind”, “fair”, “sympathetic”, “many-sided”, “active”, “careful”, “balanced”, “resourceful”, “practical”, “attentive”.

The next stage of the research was meant to identify the categorical structure of both concepts. This procedure presupposes identification of the hierar-

chy of the class signs (cognitive classifiers), which conceptualize a certain thing or idea [Popova, Sternin 2007: 210].

The research has shown that in the military men consciousness LEADER is categorized by the following cognitive classifiers (in brackets the index of brightness of cognitive classifiers, which has been calculated as the ratio of the number of cognitive signs, united by a cognitive classifier to the total number of cognitive signs, is given): *moral characteristics (0,41)*, *intellectual characteristics (0,13)*, *communicative characteristics (0,09)*, *the sphere of responsibility (0,09)*, *emotional characteristics (0,06)*, *ability evaluation (0,06)*, *physical characteristics (0,03)*, *evaluation of the attitude to the duties (0,03)*, *evaluation of the peer treatment (0,03)*.

The analysis of the cognitive signs of the concept COMMANDER has revealed that they are organized and generalized into the following classifying signs: *moral characteristics (0,23)*, *evaluation of the attitude to the duties (0,13)*, *intellectual characteristics (0,11)*, *communicative characteristics (0,09)*, *the sphere of responsibility (0,08)*, *ability evaluation (0,07)*, *emotional characteristics (0,05)*, *evaluation of the peer treatment (0,05)*, *physical characteristics (0,02)*, *cultural characteristic (0,02)*.

The last stage of the research was devoted to the comparative analysis of the categorical structure of the concepts LEADER and COMMANDER in the military men consciousness. The following conclusions have been made. The concept LEADER is characterized by 9 cognitive classifiers, while the concept COMMANDER – by 10. In most cases the identified cognitive classifiers correspond. There are minor differences in their composition – the concept COMMANDER has the classifier *cultural characteristic*, while the concept LEADER does not.

The diversity index of cognitive classifiers as the ratio of the two concepts' cognitive classifiers can be calculated [Nerovnaya 2009: 213]. The index of diversity of cognitive classifiers of the concept COMMANDER relative to the concept LEADER is 1.11. Thus, the index of cognitive diversity is low. The main difference lies in the brightness index of the corresponding cognitive classifiers of the compared concepts. For example, the brightness index of the cognitive classifier *moral characteristic* of the concept LEADER is twice higher than the brightness index of the corresponding cognitive classifier of the concept COMMANDER, which indicates the greater importance of this characteristic for the concept LEADER. Conversely, the cognitive classifier *evaluation of the attitude to the duties* of the concept COMMANDER demonstrates the excess of the index of brightness in relation to the corresponding classifier of the concept LEADER more than 10 times. This fact leads to the conclusion that a socio-psychological aspect of the concept LEADER is more relevant to native speakers, as

the concept is perceived primarily through the prism of personal qualities of the person. On the contrary, the concept COMMANDER is mostly regarded as functional-activity, since it is understood through the performance of human duties.

The undertaken research allows us to conclude that the concepts LEADER and COMMANDER are not identical in the minds of the military on a number of parameters:

1) The number of cognitive signs objectifying the concept LEADER is twice less than that of the concept COMMANDER, which indicates a more detailed conceptualization of the concept COMMANDER in the minds of the military.

2) The nucleuses of these concepts are different in terms of both the number and composition of cognitive signs, which also indicates a greater complexity of the concept COMMANDER in the minds of the group of people under research.

3) The analysis of the close periphery of the concepts shows a similar degree of development of these peripheries. Nonetheless, the presence of only one common cognitive sign is not enough to draw a conclusion about their identity.

4) The far periphery in the structure of the concepts has a significantly different quantitative composition of cognitive characteristics (16 – in the concept LEADER and 25 – in the concept COMMANDER).

5) The distant periphery of the concepts LEADER and COMMANDER is formed by a significantly different number of cognitive signs (11 and 28, respectively) of which only 2 coincide. This fact speaks about the difference of concepts in the minds of the military.

6) Furthermore, only 10 out of 20 nominative matching cognitive signs have the same brightness indices. Besides, the identity of the brightness indices of matching cognitive signs is but 0.5.

7) Comparison of concepts according to cognitive classifiers allowed to draw a conclusion that the concept LEADER is understood through a prism of personal qualities of the person, and the concept COMMANDER is perceived through the person's performance of the official duties.

The results of the work can find their application in the educational work of the military in the development of leadership skills and team skills.

Литература

Ахтарова А.В. Лексико-фразеологическая объективизация концепта «провинция» в русском и английском языках: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 21 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007. 314 с.

Леонов А.И. Лингвокультурные особенности англоязычной и русской военной терминологии // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 120-122.

Лукина Л.В. Национальная специфика семантики слова и проблема межязыковой семантической эквивалентности (на материале наименований речевых событий в русском и английском языках): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2008. 19 с.

Неровная Н.А. Национальная специфика лексико-фразеологической объективации близких по содержанию концептов (на материале концептов «толерантность», «терпимость» в русском и английском языковом сознании): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: ВГУ, 2009. 253 с.

Рудакова А.В. Когнитология и когнитивная лингвистика. Воронеж, 2004. 78 с.

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях / Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2004. № 1. С. 65-69.

С.В. Колтакова (Воронеж, Россия)
koltakova2007@yandex.ru

Н.А. Неровная (Воронеж, Россия)
nnerovnaya@yandex.ru

Л.Ю. Зубова (Воронеж, Россия)
lucie-lucy@mail.ru

КОНЦЕПТЫ *ЛИДЕР* И *КОМАНДИР* В СОЗНАНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Цель исследования – сравнить содержание концептов *ЛИДЕР* и *КОМАНДИР* в сознании военнослужащих и с помощью ряда параметров выявить сходства и различия. Проведена полевая стратификация изучаемых концептов, выявлена их категориальная структура.

Ключевые слова: полевая стратификация концептов, категориальная структура, психолингвистический эксперимент, когнитивные классификаторы, когнитивные признаки.

VIII. КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Н.Ю. Басуева (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
n.y.basueva@utmn.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ АДЕКВАТНОЙ ПЕРЕДАЧИ КОНЦЕПТА *ЦЕЛЬ* СРЕДСТВАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются когнитивные основания адекватной передачи концепта *ЦЕЛЬ* средствами английского языка, а именно существительными aim; target; purpose; objective; goal. Выявление дополнительных когнитивных признаков, представляющих факультативное имплицитное знание, зафиксированное данными языковыми единицами в сознании носителей языка, позволяет приблизиться к решению поставленной проблемы.

Ключевые слова: концепт, цель, адекватный перевод, имплицитная информация.

Понимание языка как формы отражения человеческого сознания объясняет многочисленные трудности осуществления процесса перевода между языками, так как перевод представляется процессом передачи смыслов, декодирования имплицитной информации, заложенной в языковых знаках, а не простым подбором языковых эквивалентов к ним. Требования к адекватности перевода с позиций когнитивной лингвистики расцениваются нами как передача смыслового содержания высказывания (текста) и его коммуникативного посыла в форме, доступной для понимания реципиента, исходя из его национальной языковой картины мира.

Среди множества определений концепта мы будем исходить из следующего: «...концепт – это культурно маркированный вербализированный смысл, представленный в плане выражения целым рядом своих языковых реализаций, образующих соответствующую лексико-семантическую парадигму; единица коллективного знания, которая имеет языковое выражение и которая отмечена этнокультурной спецификой» [Воркачев 2001: 47-48].

Анализ дефиниции существительного *цель*, зафиксированной в Современном толковом словаре русского языка под редакцией Т.Ф. Ефремовой [СТСРЯ], позволяет выделить следующие характеристики концепта ЦЕЛЬ: I ж. 1. Объект для попадания при стрельбе или метании. 2. Место, в которое направляют выстрел, бросок, удар. 3. Мишень. II ж. 1. То, к чему стремятся, чего хотят достигнуть; поставленная задача. 2. Определенное намерение, желание, смысл предпринимаемого. 3. Намеченный пункт, предел.

Как известно, репрезентация концепта может происходить с помощью единиц разных уровней: лексем, словосочетаний, предложений, фразеологизмов и др. [Карасик 2001: 78]. В данной статье мы рассмотрим только особенности передачи на английский язык значения II существительного *цель* («То, к чему стремятся, чего хотят достигнуть; поставленная задача») лексемами, а именно существительными английского языка со значением *цель*.

Анализ языковых средств вербализации цели в английском языке обнаружил использование широкого ряда синонимических лексем: *goal, end, purpose, aim, intent, intention, design, objective, object, target, mark, destination, mission, point, ambition, effect, purport, butt, designation, use* и другие. Все имена в зависимости от контекста могут переводиться на русский язык словом *цель*. При этом именами, наиболее употребляемыми для перевода в обычном значении слова, являются следующие существительные: 1. *aim*; 2. *target*; 3. *purpose*; 4. *objective*; 5. *goal*. Данные эквиваленты относятся к лексике частотного употребления, причем по данным словаря Merriam-Webster [MW] *aim, target* входят в топ 30 % популярных слов; *purpose, objective; goal* – в топ 10 % популярных слов.

Сравнительный анализ показал, что в русском языке лексема *цель* также имеет ряд синонимов (*намерение, задача, замысел, план, стремление, умысел, ориентир, интенция* и др.) [СС]. Однако наиболее употребляемым для передачи цели является все-таки слово *цель*. Полевое исследование переводческих практик (примеры текстов различной тематики взяты из United Nations Parallel Corpus v1.0, переведенного «вручную») [UNPC], показало, что подавляющее большинство авторов передавали значения слов *aim; target; purpose; objective; goal* при переводе с английского языка на русский именно словом *цель*; в ста проанализированных нами примерах оно применялось 96 раз, 4 раза применялось слово *задача*:

1. *The aim is to enhance and promote both tangible and intangible cultural resources.* – *Цель заключается в том, чтобы укреплять и развивать как материальные, так и нематериальные культурные ресурсы.*

2. *I believe that this target is necessarily ambitious and realistically achievable.* – Я полагаю, что эта цель по необходимости масштабна, но она реально достижима.

3. *The fundamental purpose of drug companies is to produce profits for shareholders.* – Фундаментальная цель компаний по производству лекарственных препаратов состоит в том, чтобы принести прибыль акционерам.

4. *We can have no better objective.* – Мы не можем представить себе более достойной цели.

5. *They both pursue the same ultimate goal.* – Но оба они преследуют одну и ту же конечную цель.

Таким образом, лексема *цель* в русском языке воплощает широкий спектр значений; употребляется для характеристики разных видов деятельности человека: военной, спортивной, интеллектуальной, личной, общественной, профессиональной. Обратный перевод лексемы с русского языка на английский, как представляется, будет осуществляться намного сложнее, так как потребует адекватной передачи при переводе смысловых нюансов, заключенных имплицитно в каждом из английских эквивалентов.

Анализ показывает, что значения, передаваемые данными лексемами, очень близки в современном английском языке и области интерпретации заложенного в них смысла, по сути дела, зачастую пересекаются. Об этом свидетельствуют дефиниции исследуемых существительных, определяемых друг через друга:

aim – a clearly directed intent or purpose [MW];

target – a goal to be achieved [MW];

purpose – an intended or desired result; end; aim; goal [D];

objective – something toward which effort is directed: an aim, goal of action; [MW];

goal – the result or achievement toward which effort is directed; aim; end [D].

Тем не менее языковое сознание носителей английской культуры закрепило едва уловимое, но существующее различие в интерпретации рассматриваемых языковых единиц. Это наглядно показано в следующем высказывании носителя английского языка:

What's the aim of your question? For what purpose do you require an answer? Is your goal merely to ask a question? If you choose an answer, does

that achieve your objective? Does it hit the target? [English Language & Usage Stack Exchange].

Более подробное изучение словарных толкований позволяет выделить дополнительные когнитивные признаки, содержащиеся в рассматриваемых лексемах и позволяющие дифференцировать их при переводе. Данные когнитивные признаки представляют факультативное имплицитное знание, зафиксированное языковой единицей в языковом сознании носителей языка (ниже выделено курсивом):

aim: something you *hope* to achieve by doing something;

purpose: what you want to achieve when you do something; *the reason* you do or plan something, and the thing you want to achieve when you do it;

goal: something *important* that you hope to achieve in *the future*, even though it may take a *long time*;

target: *the exact* result that a person or organization intends to achieve by doing something, often the *amount* of money they want to get; a *particular amount* or total that you want to achieve;

objective: the *specific* thing that you are trying to achieve – used especially about things that have been *officially* discussed and agreed upon in *business*, *politics*, etc. and agreed upon in business, politics, etc. [LAT].

Таким образом, принимая во внимание интерпретационный потенциал данных существительных с учетом присущих им дополнительных когнитивных признаков, можно приблизиться к решению проблемы адекватной передачи содержания концепта ЦЕЛЬ в русско-английских переводах.

Литература

Воркачев С.Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты // Известия АН. Серия Литература и языки. 2001. Т. 60. № 6. С. 47-58.

Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75-80.

СС – Словарь синонимов русского языка. URL: <http://synonymonline.ru>.

СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой. URL: <https://www.efremova.info>.

D – Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com>.

English Language & Usage Stack Exchange. URL: <https://english.stackexchange.com/questions/188858/>.

LAT – Longman Activator Thesaurus. URL: <http://global.longmandictionaries.com>.

MW – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/thesaurus>.

UNPC – United Nations Parallel Corpus v1.0. URL: <https://conferences.unite.un.org/uncorpus>.

N. Yu. Basueva (Tyumen, Russia)
University of Tyumen

COGNITIVE BASIS OF ADEQUATE TRANSFER OF THE CONCEPT *GOAL* TO THE ENGLISH LANGUAGE

The article deals with the cognitive basis of adequate transfer of the concept *GOAL* by means of the English language, namely with the nouns aim; target; purpose; objective; goal. Identification of additional cognitive features that represent optional implicit knowledge fixed by these linguistic units in the minds of native speakers enables us to facilitate the solution of the problem posed.

Key words: concept, goal, adequate translation, implicit information.

А.С. Епимахова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет
имени М.В. Ломоносова
a.epimahova@narfu.ru

ПЕРЕВОДНЫЕ СЛОВАРИ, СОСТАВЛЕННЫЕ НА ПОМОРСКОМ СЕВЕРЕ, КАК СРЕДСТВО ТРАНСФЕРА ЗНАНИЙ

В статье рассматриваются переводные словари, составленные на Поморском Севере представителями различных профессиональных сфер, как средство передачи опыта профессиональной деятельности, связанной с межъязыковой и межкультурной коммуникацией. Выявляется связь между регионально обусловленной трактовкой понятий и их переводом.

Ключевые слова: словарь, разговорник, трансфер знаний, сопоставительный анализ, профессиональная коммуникация, Поморский Север.

В современном научном пространстве значительное внимание уделяется трансферу знаний как одному из ключевых понятий переводоведения. Под ним также понимают «передачу от человека к человеку не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе подходов к решению житейских или научных проблем» [Демьянков 2018: 18].

Такой подход позволяет рассмотреть понятие трансфера знаний применительно не только к процессу перевода, но также к переводу как способу передачи информации: ведь «почтовые лошади просвещения», то есть переводчики, способствуют ее распространению за пределы языка, на котором эта информация была впервые сформулирована. Более того, представляется, что приведенное выше определение В.З. Демьянкова позволяет описать как средство трансфера знаний и переводные словари, прежде всего, поскольку лексикографические ресурсы предлагают способы преодоления проблемы межъязыкового и межкультурного барьера. Не менее важно, что, включая в словарь те или иные лексические единицы, составитель руководствуется критерием их релевантности, то есть как бы очерчивает круг потенциальных коммуникативных ситуаций, в которых может оказаться пользователь словаря, и тем самым делится собственным профессиональным опытом.

Обращает на себя внимание тот факт, что специальные (в том числе терминологические) словари нередко составляются не лингвистами, а выходцами из профессиональной среды, имеющими богатый опыт межъязыковой и межкультурной коммуникации, а также переводческой деятельности. Как правило, это происходит, когда они сталкиваются с отсутствием актуальных информационных ресурсов и при этом осознают, что достаточно компетентны для попытки самостоятельного создания таковых.

Так, А.М. Энгель, составивший восьмизычный морской технический словарь на основании опыта собственной практики в качестве переводчика Морского Ученого комитета, пишет: «... меня поразила бедность в хороших вспомогательных средствах, а именно в словарях, для перевода с иностранных языков бумаг, относящихся до морской части» [Энгель 1863: I] (здесь и далее орфография современная. – *А.Е.*). Приводя весьма

подробный обзор имевшихся в середине XIX в. дву- и многоязычных ресурсов, он отмечает, что публикуемые словари быстро теряют актуальность в связи с ускорением научно-технического прогресса, а значит уже не могут в полной мере выполнять функцию, для которой были созданы.

Быстрое устаревание специальных словарей в сочетании с тем фактом, что выпускались они небольшими тиражами и, вероятно, не доходили до провинции, привело к появлению ряда лексикографических изданий, составленных в регионах, в частности, на Поморском Севере, который исторически являлся важным центром межкультурной коммуникации и переводческой деятельности. Составление словарей началось здесь в XV–XVI вв., задолго до возникновения лексикографии как научного направления, что обусловлено интенсивностью международных контактов и той ролью, которую регион играл во внешних связях России. В частности, активными участниками межкультурной коммуникации на Поморье всегда были моряки, поэтому передача профессионального опыта от старшего поколения к младшему включала освоение иностранных языков. Так, известно, что отец А.С. Кучина – будущего полярного капитана и участника экспедиции Русанова – отправил сына изучать норвежский язык в Тромсё, поскольку именно с Норвегией велась активная торговля в начале XX в. [Мельник 2010: 19].

Среди лексикографических ресурсов, составленных на Поморском Севере (либо выходцами из этого региона), назовем следующие словари первой половины XX в.: «Краткий русско-английский словарь морской терминологии» В.А. Стюарта (Архангельск, 1902 г.), «Малый русско-норвежский словарь» полярного капитана А.С. Кучина (Варде, 1907 г.) [Поликарпов 2016], «Карманный норвежско-русский словарь» М. Добротворского (Архангельск, 1907 г.), «Русско-норвежский словарь» А. Кошкина (Архангельск, 1912 г.), а также рукопись «Тетрадь составляемого мною английского-русского словаря в морской жизни и практики, необходимого на каждом судне», над которой работал в 1940–1942 гг. архангельский моряк Ф.М. Щепетов [Епимахова, Поликарпов 2018].

Примечательно, что нам известны имена составителей указанных лексикографических ресурсов. Анализ документов позволяет увидеть связь между наполнением словаря и фактами профессиональной (морской, научной, дипломатической) биографии его составителей.

Так, словарь капитана Ф.М. Щепетова отражает его профессиональную специализацию, связанную с торговым мореплаванием, перевозкой

грузов и арктическими экспедициями (приведем примеры последнего: «Ice – лед», «Fast ice – крепкий, неподвижный лед», «Ice-breaker – ледокол», «I am breaking through the ice – я пробиваюсь через лед», «Ice is dispersing – лед расходится»). Этот документ был создан в непростые для страны годы, когда здоровье Ф.М. Щепетова уже не позволяло ему ходить в море, и стал для него возможностью обобщить свой опыт профессиональной межкультурной коммуникации.

А.С. Кучин, которому на момент публикации было всего 19 лет, включает в словарь, помимо основных понятий мореплавания, лексику северных морских промыслов («белуга – hvidfisk», «треска – torsk», «пикшуй – hyse»), а также лексику, отражающую политическую обстановку в России («забастовка, стачка – strejk» и др.) Несмотря на юный возраст А.С. Кучина, его способности к языкам и возможность учиться в норвежской языковой среде помогли создать словарь, который был необходим в условиях русско-норвежских торговых контактов начала XX в. и весьма успешно продавался в Архангельске.

Автор изданного в 1907 г. «Карманного норвежско-русского словаря» М.И. Добротворский – действительный член Императорского русского географического общества, автор статей по оленеводству, ветеринарии, этнографии и языкознанию – помещает в словарь лексические единицы соответствующей тематики («bamse – медведь», «altoa vaja – важенька, самка северного оленя», «kommager – финские башмаки» и др.), сопровождая их комментариями, в том числе латинскими названиями биологических видов.

Рассмотрев в качестве примера эти три источника, мы обнаруживаем, что в словарях отражен не просто профессиональный опыт их составителей, но опыт, связанный с Поморьем, то есть европейской частью русского Севера: упоминаются особенности мореплавания, обусловленные ледовой и метеорологической обстановкой в высоких широтах, приводятся виды животных и растений, присущие данному региону. Отметим, что в словарях В. Стюарта и А. Кошкина имеется прилагательное «арктический – Arctis», в то время как «антарктический» и т. д. отсутствуют.

Обращает на себя внимание присутствие и в особенности трактовка самого понятия «Поморье». В.А. Стюарт не только включает его в словарь, но и передает как «Sea coast», то есть не «берег Белого моря», а «берег моря» вообще. А.С. Кучин помещает в словарь понятие «Помор» и переводит его как «strandbeoer» («живущий на берегу моря»). Между тем, слово

«Поморье» связано именно с Севером. Фокусирование на соответствующей лексике без указания на то, что словари предназначены для работы в данном регионе, позволяет предположить, что составители изначально понимают «берег» как «берег Белого моря», поскольку их жизненный и профессиональный опыт приобретен на Поморском Севере. Следовательно, включенные в такой словарь понятия могут рассматриваться как концепты, поскольку они «не только мыслятся, но и переживаются» [Степанов 1997: 41].

Представляется, что о связи с личным опытом говорят и многочисленные контексты употребления лексем, приводимые в рукописи Ф.М. Щепетова и до некоторой степени придающие документу формат словаря-разговорника («position – позиция, место, местонахождение», «Position and extension of the bank is doubtful – местонахождение и протяжение банки, мели сомнительно» и др.).

В целом, сопоставительный анализ ряда словарей, составленных на Поморском Севере, позволяет увидеть связь между профессиональной биографией составителя лексикографического ресурса и наполнением переводного словаря. Поскольку такой документ содержит информацию о возможных, по мнению составителя, ситуациях межъязыкового и межкультурного общения, он становится каналом трансфера знаний, позволяющим передать профессиональный опыт.

Литература

Демьянков В.З. Трансфер знания и перевод // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сб. науч. трудов. М.: «КДУ»: Университетская книга, 2018. С. 18-21.

Добротворский М.И. Карманный норвежско-русский словарь. Архангельск: Губернская типография, 1907. 154 с.

Епимахова А.С., Поликарпов А.М. Лексикографический опыт через века: сопоставительный анализ трех переводных словарей, созданных на Поморском Севере // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2018. № 4. [в печати]

Кошкин А. Русско-норвежский словарь. Архангельск: Губернская типография, 1912. 328 с.

Кучин А.С. Малый русско-норвежский словарь. Вардэ: Тип. «Поморье» (Финмаркенъ), 1907. 48 с.

Мельник Т.Ф. Его любимый Гандвик // Онега, А.С. Кучин и Поморье: сб. материалов третьей международной научно-практической конференции в г. Онеге 16.09.2008 г. / сост. В.В. Киселев, А.А. Крысанов. Онега, 2010. С. 19-21.

Поликарпов А.М. Полярный капитан А.С. Кучин – составитель «Малого русско-норвежского словаря» // Российский север и Арктика: история, традиции, образы: сб. науч. статей. Архангельск, 2016. С. 187-194.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Стюарт В.А. Краткий русско-английский словарь морской терминологии. Архангельск: Типо-литография С.М. Павлова, 1902. 72 с.

Щенетов Ф.М. Тетрадь составляемого мною английского-русского словаря в морской жизни и практики, необходимого на каждом судне. 1940–1942 [рукопись].

Энгель А.М. Предисловие // Энгель А.М. Морской технический словарь. Ч. I, англо-французско-русская. СПб.: Типография Морского адмиралтейства, 1963. С. I-XI.

A.S. Epimakhova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University
a.epimakhova@narfu.ru

BILINGUAL DICTIONARIES COMPOSED IN THE POMOR NORTH AS A MEANS OF KNOWLEDGE TRANSFER

The paper deals with bilingual dictionaries composed in the Pomor North by representatives of various professional fields related to international and intercultural communication as a means of professional knowledge transfer. The understanding of regionally defined concepts and their translation are analysed.

Key words: dictionary, phrasebook, knowledge transfer, comparative analysis, professional communication, Pomor North, Arkhangelsk North.

К.И. Леонтьева (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
ksenja_leontieva@mail.ru*

О КОГНИТИВНЫХ ОСНОВАНИЯХ ВАРИАТИВНОСТИ ПЕРЕВОДА: МЕХАНИЗМ ПЕРСПЕКТИВАЦИИ И КОГНИТИВНЫЕ ДОМИНАНТЫ¹

Рассматриваются компоненты, форматы, модусы и типы построения перспективы, роль когнитивных доминант в координации процессов перспективации описываемых в переводимом тексте событий в сознании переводчика и в тексте перевода. Обосновывается доминантный принцип, позволяющий объяснить когнитивные основания вариативности перевода и трансформации текста.

Ключевые слова: перевод, перспективация, доминантный принцип, когнитивная доминанта.

Одним из базовых функциональных механизмов перевода можно считать **доминантный принцип** (термин Н.Н. Болдырева), согласно которому когнитивная активность сознания переводчика, включая процедуры и продукты вербальной репрезентации ее результатов, регулируется системой лично значимых, но при этом социокультурно маркированных **когнитивных доминант**, набор которых субъективно вариативен. Доминанты 1) организуют общую структуру гипертекста знаний переводчика, что предполагает преимущественное позиционирование и доминантную активацию одних областей и структур знания в ряду иных возможных; 2) определяют онтологически (феноменологически) выделенные для переводчика структурные свойства (аффордансы) объектов интерпретации (переводимый текст, порождаемые на его основе образы сознания); 3) определяют когнитивно выделенные структуры знания, задающие точки референции для интерпретации этих объектов в сознании и дискурсе.

В целом, доминанты – один из главных факторов трансформации переводимого произведения в результате действия **механизма перспективации**. Совместно с механизмами координации внимания данный механизм

¹ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект 18-18-00267) в Тамбовском государственном университете им. Г.Р. Державина.

обеспечивает вариативность и одновременно некоторую инвариантность (языковой) интерпретации одного текста разными переводчиками – в формате альтернативных конфигураций структурных свойств (аффордансов) текста и описываемых в нём фрагментов действительности. При этом, говоря о перспективации, необходимо различать ряд взаимосвязанных, но не тождественных феноменов.

1. **Перспективность** – это *универсальное* свойство познания, знания и сознания, проявляющееся в том, что в каждый момент человек интерпретирует мир с конкретной позиции в системе пространственно-временных и социокультурных координат («здесь и сейчас»), обусловленной системой лично-значимых когнитивных доминант.

2. **Перспектива** – конкретный способ интерпретации некоторого объекта в виде набора некоторых свойств (аффордансов), открывающихся наблюдению и попадающих в фокус внимания субъекта с конкретного ракурса. Перспектива – сложно структурированный феномен, включающий ряд компонентов: 1) *субъект*, интерпретирующий 2) *объект* (человек, предмет, событие, ситуация) с определённой 3) *точки обзора* в пространственно-временном континууме (*перцептивное измерение*) и с 4) *точки зрения* ряда социокультурных идентичностей, с которыми идентифицирует себя субъект (*социальное измерение*); 5) *система координат* (пространственных, временных, социальных, культурных и когнитивных), в которых локализованы субъект и объект и которые задают общий и непосредственный контекст интерпретации; 6) *ракурс* (фокусные свойства объекта и иерархическая конфигурация иных свойств на континууме выделенности – фокус, фон, дефокусированная зона); 7) *масштаб*; 8) *траектория и способ сканирования* [Graumann 2002; Ирисханова 2013; Ржешевская 2014]. При этом выделяют три взаимосвязанных **типа перспективы**, соотносимые с разными уровнями дискурсивной деятельности [Klein, Stutterheim 2002]: 1) **V-перспектива** (*visual; визуальная и шире перцептивная*) предполагает фокализацию ряда аффордансов объекта и аранжировку общего сеттинга; 2) **M-перспектива** (*metory; концептуальная, когнитивная*) предполагает селективную активацию ряда структур и областей гипертекста знаний субъекта; 3) **L-перспектива** (*language; языковая*) формируется в результате выбора лексических, грамматических и дискурсивных способов и средств языковой категоризации и текстовой репрезентации объекта (на основе перспектив V и M). Возможно также выделение 4) **S-перспективы** (*social; социальная*), которая в дискурсе

выступает исходной и, преломляясь в М-перспективе (социокультурное знание), пре-координирует процессы построения V- и L-перспектив [Graumann 2002]. Перспектива каждого типа координируется системой доминант.

3. **Перспективация** – динамичный дискурсивный процесс конструирования образа объекта через селективное восприятие и профилирование некоторых его свойств при помощи конкретных языковых и неязыковых средств, эксплицирующих точку зрения субъекта (наблюдателя) на объект [Ирисханова 2013; Ржешевская 2014]. При переводе данный процесс *намеренно* совершается в *интересах* других субъектов, что предполагает в разной мере сингармоничное сопряжение, столкновение и согласование в сознании переводчика минимум трёх перспектив – актуальной перспективы самого переводчика (в разной мере осознаваемой и координируемой системой когнитивных доминант), его ретроспективной гипотезы относительно возможной перспективы и сигнификативных интенций автора и проспективной гипотезы относительно перспективы, контекста знаний и языкового опыта реципиента перевода. К основным **механизмам построения и координации (фрейминга) перспективы в дискурсе** относят субъективацию, объективацию, интерсубъективацию, фокусирование, дефокусирование, рефокусирование, отдаление фокуса, наведение (укрупнение) фокуса, смену траектории сканирования и способа сканирования сцены, а также смену точки обзора и смену точки зрения [Ирисханова 2013; Ржешевская 2014]. В дискурсивном акте перевода каждый механизм реализуется через конкретные **операции фрейминга перспективы**, посредством конкретных знаковых средств и в различных **форматах** (статичный – динамичный, рациональный – эмоционально-оценочный, нарративный (аутсайд) – перцептивный (инсайд), компонентный – гештальтный, последовательный – дискретный, проспективный – ретроспективный и т. п.). При этом перспективация реализуется параллельно **на двух уровнях сознания** (феноменальное сознание и сознание-доступ) и **в двух модусах** (автоматический и рефлексивный). Рефлексивный модус характерен в основном для L-перспективации, тогда как процессы построения перспектив иных типов доступны переводческой интроспекции в лучшем случае частично. При этом именно перспективация в автоматическом модусе – основа перспективации в рефлексивном модусе.

Для иллюстрации различных сдвигов перспективы при переводе в докладе будет рассмотрен ряд фрагментов из рассказа Ф. Скотта-

Фитцджеральда «Загадочная история Бенджамина Баттона» и двух его переводов на русский язык (в примерах X.1 – перевод А. Руднева, X.2 – перевод Т. Луковниковой).

(1) <...>, *and from that time on a chasm began to widen between them.*

(1.1) <...>, *но с этой минуты пропасть, их разделявшая, стала еще шире.*

(1.2) <...>, *и с этих пор между ними пролегла глубочайшая бездна.*

(2) *At present, so I am told, the high gods of medicine have decreed that the first cries of the young shall be uttered upon the anaesthetic air of a hospital, preferably a fashionable one.*

(2.1) *Ныне, по предписаниям высоко вознёсшихся эскулапов, первые крики младенцев должны раздаваться непременно в анестезированной – и желательно с духом последних веяний! – больничной атмосфере.*

(2.2) *Ныне же, гласит молва, верховные жрецы медицины повелевают, дабы первый крик новорожденного прозвучал в стерильной атмосфере клиники, предпочтительно фешенебельной.*

(3) *Benjamin regarded him with dazed eyes just as the eastern sky was suddenly cracked with light, and an oriole yawned piercingly in the quickening trees.*

(3.1) *Бенджамин посмотрел на него туманным взором, и тут же в небе на востоке показались первые лучи солнца, а в кроне пробуждающегося дерева пронзительно зевнула иволга.*

(3.2) *Бенджамин смотрел на отца невидящим взглядом, а небо на востоке вдруг озарилось светом, и в пробуждающейся листве тоненько засвистела иволга.*

(4) *The interval until the time for his turn should arrive dragged itself out interminably.*

(4.1) *Как невыносимо долго тянулось время до того момента, когда должна была наступить его очередь пригласить её на танец!*

(4.2) *Время ползло мучительно медленно, он едва дождался своей очереди.*

(5) *At this a look of utter terror spread itself over girl's face. She rose to her feet and seemed about to fly from the hall.*

(5.1) *Услышав это, девушка изменилась в лице. Она в неподдельном ужасе вскочила и чуть не бросилась бежать.*

(5.2) *Ее лицо вдруг искажил ужас. Она вскочила, готовая, казалось, выбежать вон.*

(6) *He wondered what possible fascination she had ever exercised over him.*

(6.1) *Он мог только удивляться, как это она некогда сумела его очаровать.*

(6.2) *Он думал, как же это ей удалось когда-то его приворожить?*

В целом, формат и степень трансформации текста при переводе определяются характером реперспективации описываемых в нём объектов в результате их интерпретации в формате иных концептуальных и языковых категорий, профилирующих иные свойства, фокусные с иных пространственно-временных точек обзора и иных социальных точек зрения, а также в результате перестройки порядка слов и структуры предложений, что также является формой реперспективации. Реперспективации при переводе подвергаются самые разные компоненты, типы, измерения и форматы перспективы. При этом сдвиги S-, V- и M-перспективы в сознании переводчика, инициирующие сдвиги координируемой в тексте-переводе L-перспективы, зачастую реализуются в автоматическом модуле (феноменальное сознание) под действием когнитивных доминант. Это позволяет говорить о доминантном принципе как когнитивном основании феномена вариативности перевода и трансформации переводимого текста.

Литература

Ирисханова О.К. Исследование перспективы в когнитивной лингвистике: проблемы и задачи // Когнитивные исследования языка. 2013. № 14. С. 92-98.

Ржешевская А.А. Языковые средства построения перспективы в дискурсе конфликта: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.

Graumann C.F. Explicit and Implicit Perspectivity // Perspective and Perspectivation in Discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 25-39.

Klein W., von Stutterheim C. Quaestio and L-perspectivation // Perspective and Perspectivation in Discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2002. P. 59-88.

К.И. Leontyeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov state university
ksenja_leontieva@mail.ru

SOME COGNITIVE GROUNDS OF TRANSLATION VARIABILITY: PERSPECTIVATION AND COGNITIVE DOMINANTS

The article explores the cognitive mechanism of perspectivation (its components, formats, modes, types) in its relation to the set of cognitive dominants structuring the translator's mind and coordinating translation process. That allows to ground the dominant principle of translating enabling account of the cognitive basis of variability of the translator's construal and transformation at the core of any translation.

Key words: translation, perspectivation, dominant principle, cognitive dominant.

И.В. Пролыгина (Москва, Россия)
Московский государственный медико-стоматологический университет
им. А.И. Евдокимова
prolygina99@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕРЕВОДУ АНТИЧНОЙ НАУЧНОЙ ПРОЗЫ (НА МАТЕРИАЛЕ МЕДИЦИНСКИХ ТЕКСТОВ)

Статья посвящена анализу когнитивных подходов к переводу античной научной прозы. Рассматривается степень допустимости интерпретации, коррекции и буквализма. Анализируются аспекты принятия переводческого решения при работе с греческими научными текстами. Отмечены трудности поиска семантических эквивалентов на примере концепта ТЕМПЕРАМЕНТ.

Ключевые слова: научный перевод, когнитивистика, интерпретация, древнегреческий язык, античность, язык медицины.

Всякий, кто имеет дело с языком (филологи, переводчики, литературные критики), прекрасно осознает сложные отношения между языком и реальностью. Язык представляет собой часть культуры, а потому может

выражать только то, что существует внутри культуры, которая использует тот или иной язык (Сепир 1993: 231). Текст, возникший в той или иной культуре, отражает и символизирует реальность, которая характерна для данной культуры. Таким образом, перевод текста должен быть не только лингвистически, но и концептуально адаптирован к воспринимающей культуре. Среди советских теоретиков перевода одни (А.В. Федоров, И.Л. Альтман, К.И. Чуковский, И.А. Кашкин) были сторонниками художественного перевода и считали, что переводчик должен быть соавтором переводимого текста, творчески воссоздающим оригинал средствами родного языка. Другие (Е.Л. Ланн, Г.А. Шенгели), напротив, придерживались принципов буквального перевода как механической подстановки набора субститутов. В последние десятилетия получили развитие различные семиотико-интерпретативные, деятельностные, лингвоментальные, неогерменевтические и когнитивные концепции и модели перевода [Татаринов 2007; Основные понятия переводоведения 2010]. Согласно когнитивной модели языка, перевод понимается как интеллектуальная деятельность переводчика, когнитивные компетенции которого актуализируются как в виде «последовательности формально-логических операций», так и в виде креативных решений [Цвиллинг 2009: 98-99]. Отмечается важность проведения предпереводческой интерпретации текста исходной и принимающей культуры и анализ концептов лингвокультуры, которые могут совпадать полностью, частично или не совпадать вовсе, что приводит к непереводимости текста. Различия в когнитивных схемах рассматриваются при этом с позиций разных уровней дискурса: фоностилистики, семантики, грамматики и синтаксиса. С другой стороны, в когнитивной лингвистике получила развитие теория языковой интерпретации, в рамках которой исследование проблемы перевода учитывает не только языковую и когнитивную обусловленность аналитической деятельности человека, но и ее интерпретационную специфику. Согласно этой теории, перевод представляет собой сложное взаимодействие трех когнитивных процессов: концептуализации, категоризации и интерпретации – и всегда зависит от контекста знаний переводчика, который включает «знание переводимого содержания, специфики культурно обусловленной интерпретации этого содержания автором оригинального текста <...>, различий между двумя культурами» [Болдырев 2018: 35].

Значительный интерес в истории отечественного переводоведения вызывают переводы с древнегреческого языка античной научной прозы,

которые имеют богатую историю. Бóльшая часть переводов научных, в частности, философских текстов была выполнена в советские и постсоветские годы такими выдающимися филологами, как А.В. Кубицкий, А.Н. Егунов, С.П. Маркиш, М.Л. Гаспаров, С.С. Аверинцев, Т.В. Васильева, С.П. Кондратьев, А.В. Лебедев, Ю.А. Шичалин. Большинство упомянутых переводчиков придерживались принципов художественного перевода и интерпретации оригинального текста. Адаптируя греческий текст к нормам русского языка, они зачастую заменяли перевод пересказом, избегали непривычных для русского читателя оборотов и образов и не всегда соблюдали последовательность в переводе философских терминов. С другой стороны, существуют переводы, придерживающиеся, скорее, принципов буквализма (А.Ф. Лосев, Е.В. Орлов). А.В. Лосев в предисловии к своему переводу «Метафизики» Аристотеля пишет: «Я хотел дать текст Аристотеля без всяких изменений, т.е. дать не пересказ, а именно перевод, максимально точный перевод Аристотеля, и в то же время сделать его понятным. Собственно говоря, это почти невыполнимо» [Лосев 1994: 529].

Проблема соотношения точности и вольности в переводах с древних языков с учетом их огромного лингвокультурологического, лингвостилистического и когнитивно-прагматического отличия от современных языков обсуждалась и с теоретико-литературной стороны. М.Л. Гаспаров в своей ставшей уже классической статье «Брюсов и буквализм» пишет: «Буквализм – не бранное слово, а научное понятие», «нет золотых середин и нет канонических переводов «для всех». Есть переводы для одних читателей, и есть переводы для других читателей <...> для более широкого и для более узкого круга читателей» [Гаспаров 1988: 61-62]. К такому же выводу применительно к научным текстам приходит и Е.В. Орлов. Рассуждая о переводах Аристотеля, он признает необходимость существования двух видов перевода: художественных переводов для первоначального знакомства: для студентов и тех, кто интересуется философией Аристотеля «в первом приближении» и научных буквальных переводов с фундаментальными комментариями для исследователей, которые не владеют древнегреческим языком [Орлов 2011: 12-13].

Несмотря на большое число квалифицированных переводов и отдельных замечаний переводчиков о переводе тех или иных терминов, на сегодняшний день в отечественной литературе, к сожалению, не существует теоретических работ по дидактике и методологии перевода греческих

текстов, не проработана типология ошибок и некорректных переводческих решений, связанных с дефектами восприятия исходного текста или дефектами выражения воспринятого смысла средствами переводящего языка. Перевод античных научных текстов не всегда укладывается в общую теорию перевода и требует частной теории.

Обратим внимание на некоторые когнитивные особенности перевода таких текстов. К специальным методам перевода античных научных текстов следует отнести метод квадратных скобок, которым пользуются практически все переводчики философских и медицинских текстов. Этот метод используется в том случае, когда требуется какая-либо интерполяция соединительных и поясняющих слов или даже фраз, когда что-то предполагается, но не проговаривается.

В отличие от перевода художественных текстов, в научном тексте не всегда возможно отказаться от семантической и даже синтаксической эквивалентности в пользу прагматической, поскольку при переводе таких текстов крайне велика роль единообразия терминологии и строгости технического словоупотребления. Труд переводчика при этом осложняется тем, что большинство авторов не дают пояснений своего словаря. Вспомогательная литература в виде словарей и учебников помогает только до некоторой степени. В большинстве случаев переводчику приходится анализировать текст самого автора, выявляя параллельные случаи технического употребления того или иного термина. Поэтому перевод античных текстов традиционно выполняется филологами, которые должны быть переводчиками и учеными одновременно, а сами тексты требуют подробного научного комментирования.

Приведем пример из трактата античного врача и философа Галена Пергамского (129–216 гг н.э.) «Медицинское искусство» (XXV, 3): «И причины, сохраняющие *темперамент* (κράσιν) тела, настолько будут отличаться от причин, присущих *самой уравновешенной по темпераменту* (εὐκρατοτάτης) природе, насколько отличается от нее *темперамент* (κράσις) всего тела [рус. пер. – Пролюгина 2016]». Термин κράσις буквально означает «смешение», в язык медицины он попал из общепотребительного языка и используется в метафорическом смысле «смешения» четырех соков организма и их качеств (горячего, холодного, влажного и сухого) или «смешения» тех же качеств, например, в воздухе (ср. слав. «благорастворение воздухов»). Гален не дает пояснений этого термина, поскольку он приобрел свое техническое значение еще в тек-

стах Гиппократов. Уже в I в. н.э. в латинских текстах он стал передаваться термином *temperamentum*, «темперамент», а учение Гиппократов и Галена о соках организма и их влиянии на расположение души стало называться гуморальной или физиологической теорией темпераментов. В другом контексте того же текста этот термин приобретает другой смысл (XXIV, 3): «Но когда в воздухе *дурное смешение* (δύσκρατον), настолько подбавляет изменить равновесие [других вещей], насколько нарушено *хорошее смешение* (εὐκράσις)». Возникает вопрос, переводить ли термин κρῆσις по-разному, выражая разные смыслы разными именами, или же переводить это слово одним и тем же именем в надежде на то, что читатель с помощью комментария сам додумает соответствующее изменение смысла. Несомненно, у обоих вариантов существуют достоинства и недостатки. Для научных текстов подходит, скорее, второй вариант, но он не всегда осуществим на практике, как в приведенном примере. В данном случае возникает особая познавательная ситуация, поскольку при сопоставлении научного языка в греческом и русском обнаруживается отсутствие адекватного эквивалента для передачи понятия κρῆσις: приходится вводить в техническое словоупотребление лексему из общеупотребительного языка «смешение» или латинизм «темперамент», превращая их в лексему медицинского языка. Таким образом, следует признать, что при работе с греческими научными текстами весьма непросто выработать эффективно работающий переводческий механизм.

Еще одним важным когнитивным аспектом перевода античных научных текстов выступает противопоставление «смыслов общих и своих», то есть общих для научного языка вообще и своих для данного автора, или общих для научного языка данного автора и своих для данного текста, или общих для научного языка данного текста и своих для данного контекста [Орлов 2011: 25]. Так, например, античная медицинская терминология в значительной степени авторская. При работе с переводами античных авторов следует также всегда учитывать жанровое и стилистическое своеобразие текста, требующее соответствующей переводческой практики. Так, например, Гален оставил сочинения разных литературных жанров – протрептики, энкомий, био-библиографические сочинения, трактаты, комментарии, фиктивные письма и др. – и даже в научных текстах преследовал литературные цели. Таким образом, в одном и том же тексте, но в разных контекстах та или иная языковая единица может употребляться с разной стилистической окраской и семантическим наполнением.

Литература

Болдырев Н.Н. Перевод как проблема выбора когнитивных доминант // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. *Cognitio* и *communicatio* в современном глобальном мире. Москва; Тамбов. С. 33-37.

Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // *Поэтика перевода*. М., 1988. С. 29-62.

Лосев А.Ф. Критика платонизма у Аристотеля // *Миф. Число. Сущность*. М.: Мысль, 1994. С. 527-712.

Основные понятия переводоведения (отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник. М., 2010.

Орлов Е.В. Философский язык Аристотеля. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2011.

Пролыгина И.В. Гален. Медицинское искусство (XIX-XXXVII) // *Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем*. № 3. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. С. 108-153.

Сенур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: «Прогресс», 1993.

Татаршинов В.А. Методология научного перевода. К основаниям теории конвертации. М.: Моск. Лицей, 2007.

Цвиллинг М.Я. О переводе и переводчиках. М.: Восточная книга, 2009.

I.V. Prolygina (Moscow, Russia)

A.I. Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry

COGNITIVE APPROACHES TO THE TRANSLATION OF ANCIENT SCIENTIFIC PROSE (IN THE MEDICAL TEXTS)

The paper deals with modern cognitive approaches to the translation of different texts of the ancient Greek scientific prose. The author evaluates in what degree interpretative, corrective or literal methods of translation can be applied to the Greek scientific texts, and analyzes different aspects of translator's decision. The difficulties of searching for semantic equivalents are demonstrated by way of example of the concept TEMPERAMENT.

Key words: scientific translation, cognitive science, interpretation, ancient Greek, Antiquity, language of medicine.

Е.В. Чистова (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
kovelena82@mail.ru

КОГНИТИВНЫЕ ТЕХНИКИ ТРАНСКРЕАЦИИ БРЕНДИРОВАННОГО КОНТЕНТА

Статья посвящена описанию когнитивных техник, используемых в процессе транскреации рекламных текстов, слоганов, веб-сайтов и другого контента, в котором заложена информация, влияющая на продвижение бренда. В результате анализа исходных и воссозданных в процессе транскреации текстов установлены отличия когнитивных техник в процессе перевода и транскреации, описаны ментальные процессы транскреатора.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивное переводоведение, теория перевода, трансфер знаний, локализация.

Стремительное развитие цифровых технологий, причем не только машинного перевода, но и искусственного интеллекта, социальных сетей, технологий дополненной и виртуальной реальности и прочих, меняет суть процессов познания и осмысления мира, а также влияет на приоритетные и стратегические направления развития переводческой отрасли. Эти инновации приводят к актуализации деятельностных контуров различных видов современного перевода. Термин «перевод» выступает гиперонимом таким актуальным на сегодняшний день переводческим услугам, как маркетинговый перевод, мультимедийная локализация, транскреация, брендинговая локализация, копирайтинг и другим [Recalde, 2017].

Отметим, что межъязыковая локализация включает, помимо собственно перевода, культурную адаптацию какого-либо товара или услуги к особенностям определенной страны, региона или группы населения; это один из этапов процесса интернационализации и мультимедийной локализации, предусматривающий всестороннее изучение целевой культуры, необходимое для эффективной адаптации продукта к потребностям отдельных рынков.

В рамках межъязыковой локализации востребованной на сегодняшний день является услуга транскреации – одна из разновидностей языкового посредничества, подразумевающая прагматическую адаптацию

исходного высоко брендированного контекста и воссоздание нового текста (его нельзя назвать текстом перевода), соответствующего социальным регуляторам, культурным установкам и стандартам целевого языка.

Исходный текст в процессе перевода является источником, все единицы перевода, будь то слово, словосочетание, предложение, концепт (согласно теории [Огнева, 2009]), должны быть адекватно транспонированы (термин [Кушникова, 2004]) и встроены в действительность целевого языка. В процессе же транскреации исходный текст является лишь «опорой», а ключевые концепты и сценарии должны быть воссозданы, а не «перенесены». В таком случае единицей перевода следует считать ментальный ориентир – когнитивную структуру, обеспечивающую медиацию когнитивных установок автора и ментальных процессов транскреатора. Ментальный ориентир позволяет понять смысловую ткань исходного текста, осознать единицу смысла, соотнеся ее с собственным профессиональным когнитивным опытом [Колмогорова, 2017], творческим потенциалом, культурными традициями и маркетинговыми задачами.

В результате такого рода когнитивной интеграции – взаимосвязи разноформатных знаний транскреатора с семантическим потенциалом исходного текста – возникает переводческое решение.

В качестве иллюстрации приведем пример транскреации с американского английского на британский вариант английского языка рекламного слогана “Don’t go postal” (букв. Не используйте почту), расположенного под изображением измученного почтальона с кипой срочных писем. Этот девиз был предложен для рекламной кампании сверхскоростных факсовых аппаратов в то время, когда они только появлялись на рынке. Из переводческого дискурса транскреатора бюро переводов «London Translations»: «... выражение “going postal” сейчас в США подразумевает обезумевшего от многочисленных несчастных случаев человека; возникло, когда стресс от безумного количества работы завладел американскими почтальонами прошлого века. Цель рекламного слогана – используя черный юмор, предложить более удобный способ доставки документов без опозданий и негативных последствий. Такой девиз никогда не использовался правильно, на наш взгляд, и демонстрирует плохой вкус. Так как же воссоздать эти три слова в британском варианте английского языка? Дело ведь не в количестве слов, а в том, как раскрыть смысл, в котором не может быть прямого перевода, и нет “культурной зацепки”... » [LTA, 2017]. В результате представленных размышлений был предложен вариант рекламного сло-

гана – “Fax. Relax.” (букв. Пользуйся факсом. Расслабься), который пришелся клиентам во вкусу. Реконструируя мыслительный процесс переводчика, получим следующую логическую цепочку: не используйте почту (исходный вариант) → не отправляйте ничего по почте, иначе сойдете с ума (экспликация черного юмора) → чтобы не сойти с ума, используйте более оптимальный вариант доставки (смысловое развитие) → используйте факс вместо почты и не волнуйтесь за последствия (лингвопрагматическая адаптация) → Пользуйтесь факсом. Расслабьтесь (воссоздание смысла согласно культурным традициям целевой аудитории) → Пользуйся факсом. Расслабься (стилистическая обработка).

Данный пример описывает когнитивную технику транскреации, отвечающую стилистическим стандартам целевого языка. Однако функционал транскреатора гораздо шире. Так, например, при локализации университетских веб-сайтов в качестве ментального ориентира выступает тот или иной социально значимый для целевой аудитории регулятор. Например, на сайтах китайских университетов наблюдается частотное использование местоимений «мы» и «наш»: 1) 连接并发扬我国悠久的文化艺术传统 / На протяжении долгих лет развиваются традиции культуры и искусства *нашего* государства; 我校学生超算团队第一次抱揽了三大国际超算赛事冠军 / Студенты *нашего* университета впервые заняли 1 место на III Международном чемпионате компьютерной техники; 我校拥有一大批优秀教师 / В *нашем* университете работает много выдающихся преподавателей.

Поскольку Китай принадлежит к числу высококонтекстных культур, то использование местоимения 我 (я) в сочетании с такими лексемами, как *учебное заведение, государство, организация* и другими, отражает общность и единство китайского народа. Не свойственное русской лингвокультуре использование притяжательных местоимений «мой», «наш», в текстах университетов Китая превалирует над употреблением «ты», «ваш». Это свидетельствует о том, что внимание направлено не на каждого абитуриента в отдельности, а на образовательную организацию в целом. Учебное заведение старается актуализировать концепт семьи в учебной среде. Данный прием показывает, что университет – это второй дом студентов, а преподавательский состав – близкие родственники обучающихся. Посредством «приравнивания» университетской жизни к семейной подчеркивается единство всех членов общества и, соответственно, коллективное разрешение всех студенческих проблем. Исходя из этого, при локализации, например, сайта российского университета на

китайский язык предложение из новостной ленты «Пять социально значимых проектов Сибирского федерального университета получают грантовую поддержку на общую сумму...» следует трансформировать в «Пять социально значимых проектов *нашего* университета...», что будет звучать гораздо привлекательнее для китайских абитуриентов и их родителей.

При трансфере знаний в процессе транскреации немаловажным также является фактор релевантности. Так, в исходной русскоязычной версии сайта Национальной лиги переводчиков выделено 5 тематических разделов, а именно «о Лиге», «Терминологический комитет», «Наши семинары», «Заказчикам на заметку» и «Переводческий опыт». В параллельной англоязычной версии того же сайта остается 4 раздела: «Home», «Who are we and what do we do?», «Working effectively with an interpreter» и «Contact us». В немецкой, испанской и французской версиях выделяется и вовсе 3 раздела: «Accueil», «Qui sommes-nous et que faisons-nous?» и «Contactez-nous» [НЛП, 2018]. Это свидетельствует, во-первых, о том, что на некоторых языках сайт содержит минимальный объем информации, достаточный для презентации своей организации французским, немецким, испанским и прочим заказчикам. Во-вторых, из данного распределения разделов сайта четко прослеживается коэффициент частотности обращений читателей к версиям на том или ином языке. Соответственно, чем выше спрос, тем выше предложение. Логично, что эти данные были учтены при переводе сайта на разные языки.

В заключение акцентируем внимание на дифференциации перевода и транскреации. Так, в процессе перевода требуется «перенос» всех элементов исходного текста, их эквивалентное лексическое, грамматическое и стилистическое оформление, а также адекватное исполнение коммуникативного намерения. При транскреации подразумевается трансфер только релевантной для целевой аудитории информации, допускаются опущения, перераспределение информативной плотности воссоздаваемого контента, форматирование лингвистического и экстралингвистического дизайна исходного текста согласно маркетинговым задачам. В качестве ключевой когнитивной техники транскреатора выступает когнитивная интеграция, ориентированная на установление всего спектра значимого контента, факторов, влияющих на переводческое решение, определение ментального ориентира, с помощью которого происходит формирование семантического ядра, эксплицируемого далее в воссозданном тексте. Когнитивная техника определения ментального ориентира направлена на поиск «общего знаменателя», удовлетворяющего техническому заданию транскреато-

ра, будь то социальный регулятор, культурная установка, языковая норма, фактор релевантности и т. д.

Литература

Колмогорова А.В. *Languaging: язык в точке пересечения коммуникации и когниции* // Когнитивные исследования языка. Тамбов: Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов, 2017. Вып. 29. С. 95-103.

Кушнина Л.В. *Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход: дис. ... докт. филол. наук.* Челябинск, 2004. 32 с.

Национальная лига переводчиков (НЛП). Официальный сайт. URL: <http://www.russian-translators.ru/> (дата обращения: 28.09.2018).

Огнева Е.А. *Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19, 10.02.20.* Белгород, 2009. 407 с.

London Translations Agency (LTA). *Translators and Interpreters for Business.* URL: <http://www.londontranslations.co.uk> (дата обращения: 26.09.2018).

Recalde D. *Transcreation vs Translation – What’s The Difference?* // *Day Translation.* 22.03.2017. URL: <https://www.daytranslations.com/blog/2017/03/transcreation-translation-difference-explained-8425/> (дата обращения: 21.09.2018).

E.V. Chistova (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University

COGNITIVE TECHNIQUES OF BRANDED CONTENT TRANSCREATION

The article contains the description of the cognitive techniques used in the transcreation process of advertising texts, slogans, websites and other content influenced the promotion of a brand. As a result, the difference between cognitive techniques in the process of translation and transcreation is established, the mental processes of the transcreator are described.

Key words: Translation Theory, Cognitive Linguistics, Cognitive Translation Theory, knowledge transfer, localization.

IX. КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЧЕТВОРЧЕСТВА

Е.Н. Антонова (Сычёва) (Москва, Россия)
Государственный университет по землеустройству
stchl@yandex.ru

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ КАК АСПЕКТ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В статье представлен дескриптивный анализ филологической поэзии в гетерогенной взаимосвязи языка художественного и языка научного. Выявлена текстообразующая роль частных лексем, терминов, фразеологических единиц в эмерджентности их мыслекодов. С позиций герменевтической методологии освещены вопросы идиостиля языковой личности, а также семиотической прагматики филологического универсума.

Ключевые слова: филологическая поэзия, текстообразующие факторы, языковая личность, филологический универсум, мыслекод.

Эмерджентность филологического пространства не исключает возможности поступления в устоявшуюся систему кодов культуры новых поэтических и собственно лингвистических компонентов. В свою очередь, лингвокультурологические исследования стимулируют не только филологическую активность ученых, но и раскрывают их творческий потенциал. Отражается это на уровне как научных разработок, так и создания художественных текстов с больше эстетической, нежели прикладной функцией. Реализация языковой способности филолога на пересечении языковедения и творчества, в частности стихосложения, дает основание выделить в науке о языке новое пограничное явление – так называемую *филологическую поэзию*, то есть систему творческих и научных мыслекодов в структуре языковой личности (ЯЛ), взаимодействующих и взаимодополняющих друг друга в когнитивно-креативном пространстве лингвокультуры (см.: [Сычёва 2016]).

Говоря об отборе лингвистического материала, целесообразно привести рассуждения О.В. Ломакиной, которая считает, что «выбор языковых средств, в т.ч. паремий, зависит от коммуникативного намерения гово-

рящего/пишущего (иллокуции), функционально-стилевой и жанровой принадлежности созданного текста» [Ломакина 2014]. Безусловно, эффект целостности, системности, эмерджентности поэзии и филологии в рамках одного текста адаптирует мыслекоды языковой личности филолога под иллокутивную характеристику стихотворчества.

Многоуровневая упорядоченность языка в его гетерогенности, состоящей из разных по структуре, функциям и значению элементов, дает право рассматривать языковое пространство как *филологический универсум* (ср.: у В.А. Карпова – лингвистический универсум [Карпов 2003: 41]), вмещающий в себя множество различных компонентов, их композиционных вариаций, систему когнитивно-креативных и стилистических возможностей языкового контента в целостной и при этом открытой системе. При этом дескриптивный подход к герменевтике текста на вербально-семантическом, лингво-когнитивном и мотивационном уровнях (по Ю.Н. Караулову [Караулов 2006: 113]) восходит к аналитической оценке ЯЛ создателя текста.

Большинство филологических исследований охватывает какую-либо сторону творчества признанного художника слова, как следствие, ученые сами пытаются создавать нефилологические тексты, чаще всего стихотворные, то есть включается процесс формирования языковой поэтической личности. Таким образом, наука и творчество, теоретико-практическое и художественное объединяются в единое целое, закономерно и обычно неконтролируемое. По мнению доктора филологических наук, профессора, председателя фразеологической комиссии при Международном Комитете славистов В.М. Мокиенко, потребность многих творческих людей создавать качественные литературно-художественные произведения является первым этапом вступления на филологический путь, поэтому и не существует филологов, никогда не писавших в своей жизни поэтических строк [Мокиенко 1997].

Для эмпирического обоснования приведенного утверждения обратимся, например, к сборникам стихотворений упомянутого выше доктора филологических наук, профессора Валерия Михайловича Мокиенко «Ростки безвременья» [Мокиенко 1997] и доктора филологических наук, профессора Бориса Юстиновича Нормана «Цветок огня» [Норман 2015]. Посредством дискурс-анализа их некоторых поэтических опытов попытаемся проследить закономерности вербальных операций в прагматике современного стихотворческого процесса.

В качестве заголовка одного из своих поэтико-филологических текстов профессор В.М. Мокиенко приводит китайскую поговорку с указанием паремнологического статуса – «Бойся того, чего нет» (с. 186). Примечательно, что в стихотворении из шести строк нашлось место паре несколько трансформированных узуальных фразеологизмов – *сердце бередит* и *змеей, за пазухой согретой*. Случай вынесения в заглавие поэтического текста общеизвестных крылатых фраз у В.М. Мокиенко не единичны (см. также «Vedere Napoli e morire» (с итал. «Увидеть Неаполь и умереть») с. 187 и др.). Вообще отличительной чертой этой поэзии является обыгрывание общеизвестных фразеологизмов (см. стихотворения «Плюс электрификации» с. 8, «Плевелы перестройки» с. 16, «Песня вора» с. 25). Будучи в первую очередь фразеологом, поэт уделяет внимание своему профессиональному призванию: стихотворения под рубрикой «Крылья слов» (вероятно, по аналогии с устойчивым сочетанием «крылатые слова»); встречаемые в текстах фразеологизмы и паремии (в широком понимании) в подчеркнуто филологическом положении относительно прочих языковых средств.

Помимо приведенных отсылок и устойчивых сочетаний слов, в стихах В.М. Мокиенко фиксируются и такие единицы фразеологического характера, как: *ботать по фене, заварить кашу, разбитое корыто, мрак крошечный, золотая середина, чаша бездонная, рвать с корнями, не войти в реку дважды, бабье лето, карта битая, вернуться к своим баранам* и т. д.

Обращаясь к поэтическому сборнику Б.Ю. Нормана, сразу отметим внешнюю филологичность, проявляющуюся уже в названиях текстов: «Дидактические стихи, посвященные в своем роде неустойчивым существительным», «Сетования студента перед экзаменом по фонетике русского языка», «Филологическая диетическая», «Фонетике русского языка», «Филологиям», «Читая словари», «Чувство языка», «Читатель книг», «Из классиков», имеются также имплицитные и эксплицитные ассимиляции типа «В развитие А. Блока», «Разговор с Гёте», созвучные активно развивающемуся в современной литературе жанру Fanfiction.

Поднимая проблему использования малоупотребительных и иноязычных слов, Б.Ю. Норман иронично вопрошает в стихотворении «Читая словари» (с. 14): «Факториал, Аляска, дежавю, / Абракадабра, салатон, потрава... / Кто скажет, по каким гуляют травам / И из каких колодцев воду пьют?». В качестве примера филологической поэзии с использованием таких художественных приемов, как аллегория, фразеологизация, употребление окказионализмов, может послужить стихотворение с ирони-

ческим подтекстом «Чувство языка» (с. 24). Филолог в стихотворной форме юмористично отсылает читателя к разделам науки о языке: лексикологии, семантике, паремиологии, стилистике, филологическому анализу текста. Стоит отметить, что поэтические переводы в целом являются регулярным поставщиком заимствований в языковую систему, месту и роли которых также посвящаются исследовательские работы [Назарова 2008].

Немаловажное значение также имеют у Б.Ю. Нормана паремии/фразеологизмы: *вершить суд, слава Богу, грош цена, копаться в памяти, как тесен мир, показать язык, гуляет по крови адреналин, Красная книга, муж и жена – одна сатана, бросить к черту, семь верст киселя хлебать* и проч.

Отличительной чертой стихотворений филолога обычно является не всегда контролируемое употребление лингвистических и общенаучных терминов, семантика которых обрастает новыми, зачастую эмотивно-когнитивными коннотациями или новыми смыслами. В стихах В.М. Мокиенко термины встречаются редко, хотя как ученый он от них не отказывается окончательно. В основном это лексемы общенаучного характера или утрачивающие научно-терминологическую маркированность: *конспиратор, эксплуатация, демократ, диктатор, стаккато, коммунизм, социализм, Млечный Путь, месса, феминистка, многобожие, язычество* и др. В стихах Б.Ю. Нормана специальная лексика опозитивирована в большей мере, термины нередко выступают не просто в роли номинаций, но даже самобытных лирических героев, частотны примеры использования непосредственно филологической терминологии: *филологическая наука, деепричастный оборот, суффикс, несобственно-прямая речь, силлогизм, синтагмы, диагностика, хлорофилл, глобализация, филантроп, мизантроп, синантроп, гуманоид, атмосфера*.

Таким образом, творческий процесс подразумевает в первую очередь духовно-эмпирическую самореализацию личности, отражает сферу ее профессиональной деятельности или, напротив, мало зависит от нее. Безусловно, как поэты-филологи, так и поэты, далекие от науки о языке, нередко пользуются одним и тем же арсеналом вербальных средств, позволяющим образно зарифмовать художественную мысль. Однако в семантико-стилистической организации филологических стихов прослеживается ряд общих закономерностей, присущих поэтическим опытам современных языковедов, таких как оснащение текста (в том числе заглавий) терминами, философские рассуждения с внутриязыковым подтекстом, создание окказионализмов филологической направленности,

расширенная интертекстуальность, поэтическое обыгрывание предмета и объекта научно-исследовательской деятельности. Даже использование филологами художественных тропов и стилистических фигур происходит с очевидным экспериментальным интересом.

Литература

Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М.: КомКнига, 2006.

Карпов В.А. Язык как система. М.: Едиториал УРСС, 2003.

Ломакина О.В. Паремии в контексте: способы экспликации коммуникативного намерения (на материале текстологии Л.Н. Толстого) // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. 2014. № 77. С. 177-180.

Мокиенко В.М. Ростки безвременья: Стихи. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1997.

Назарова Е.А. Место и роль заимствований из английского языка в современном русском языке (конец XX – начало XXI вв.): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.

Норман Б.Ю. Цветок огня: Стихи разных лет. Грайфсвальд; Минск; Санкт-Петербург: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2015.

Сычёва Е.Н. О филологической поэзии // Актуальные вопросы изучения мировой культуры в контексте диалога цивилизаций: Россия – Запад – Восток. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XVII Кирилло-Мефодиевские чтения», 24 мая 2016 года. М.; Ярославль: Ремдер, 2016. С. 423-427.

*E.N. Antonova (Sychyova) (Moscow, Russia)
State University of Land Use Planning*

PHILOLOGICAL POETRY AS AN ASPECT OF A LINGUISTIC PERSONA

This paper presents a descriptive analysis of linguistic poetry in heterogeneous relationship between the language of art and the scientific language. The

text-forming role of private tokens, terms and phraseological units in the emergence of their language of thought will be identified. From the standpoint of the hermeneutic methodology are discussed the questions of idiosyncrasy of linguistic identity and semiotic pragmatics of linguistic universe.

Key words: philological poetry, text-forming factors, linguistic persona, linguistic universum, language of thought.

Е.Е. Белова (Н. Новгород, Россия)

*Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина
belova_katerina@inbox.ru*

В.А. Минасян (Н. Новгород, Россия)

*Нижегородский государственный
педагогический университет им. К. Минина
vikaminasyan.07@yandex.ru*

КОНЦЕПТ КАК ЕДИНИЦА КАРТИНЫ МИРА АВТОРА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА ДЖ. ФАУЛЗА «ЖЕНЩИНА ФРАНЦУЗСКОГО ЛЕЙТЕНАНТА»)

Целостность картины мира автора в художественном произведении характеризуют интертекстуальные связи, глубинный смысл которых формирует авторский концепт. Интертекстуальная уникальность романа Дж. Фаулза «The French Lieutenant's Woman», выстраиваемая на основе прецедентных текстов А. Теннисона, Ч. Дикенса, и др., реализуется в художественном произведении, например, через концепты LOVE, LIFE и LONELINESS.

Ключевые слова: картина мира автора, концепт, интертекстуальность, интертекстуальное включение, «Женщина французского лейтенанта», Джон Фаулз.

Картина мира автора хранит в себе множественные информационные коды, которые реализуют себя через концепты в художественном тексте. Под концептом М.В. Никитин понимает ментальную единицу индивидуального сознания человека, идеальную сущность, обращенную

к отражаемому человеком миру [Никитин 2004: 55]. Концепты являются отражением мира в сознании человека, а их содержание выявляется знаками того или иного языка.

Авторские концепты представляют собой комплекс понятий, передаваемых в тексте через эмоции, чувства, предрассудки и т. п. [Петрова, Широкова 2014]. В тексте авторские концепты иногда размыты и неопределенны. С данной точки зрения, интертекстуальные включения в художественный текст помогают реализовать авторскую интенцию, безошибочно интерпретировать текст-реципиент. Таким образом, с уверенностью можно говорить о том, что авторские концепты, выраженные в тексте с помощью интертекстуальных включений, более полно выражают картину мира автора. Автор использует интекст в качестве помощи не только себе, но и читателю, чтобы последний имел полное представление о смысловой направленности текста, о том, что хочет передать ему автор.

В.А. Маслова выделяет три составляющих структуры концепта: ядро, приядерная зона, которые являют собой иные лексические репрезентации концепта, его синонимы, и периферия, то есть ассоциативно-образные репрезентации [Маслова 1999: 195]. Ядерная и приядерная зоны образуют центр концепта, состоят из общепринятых понятий, оценок и ассоциаций. Периферийная зона концепта состоит из личностных оценок, эмоций, образов и ассоциаций и формирует индивидуальную целостную картину мира автора. Алгоритм концептуального анализа интертекстового включения, предложенный В.А. Масловой, позволяет описать интертекстуальность как механизм отражения картины мира Дж. Фаулза.

Такому концептуальному анализу подверглись эпиграфы-интексты и цитаты. Цитаты и эпиграфы вступают в тесные связи с новым окружением, но в то же время с ним не сливаются (в отличие от реминисценций), сохраняя семантические связи с исходным текстом [Белова, Минасян 2017].

В романе Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта» (*The French Lieutenant's Woman*) насчитывается 255 интертекстуальных включений: 148 реминисценций, 80 эпиграфов-интекстов, 27 цитат из текстов-источников. На основе анализа 107 интертекстуальных включений, состоящих только из эпиграфов и цитат, удалось выявить определенные концепты, в их числе концепты LOVE, LIFE и LONELINESS.

В произведении *The French Lieutenant's Woman* концепт LOVE содержится в 26 интертекстуальных включениях.

Never, believe me, I knew of the love between men and women, till in some village fields in holidays now getting stupid, one day sauntering "long and listless", as Tennyson has it, long and listless strolling, ungainly in hobbadi-boyhood, chanced it my eye fell aside on a capless, bonnetless maiden [Fowles 1996].

Данный пример является эпитафией к одной из глав, которая открывает перед читателем двери в глубокую и таинственную любовь между Чарльзом и Сарой. Эти строфы из поэмы А. Клафа *Bothie of Tober-na-Vuolich* полно отражают чувства Чарльза к Саре: они так же непредсказуемы, как любовь героя романа викторианского писателя к девушке с непокрытой головой. Чарльз также полюбил женщину, которая идет наперекор обществу.

Ядром концепта является лексема *love (love between men and women)*. Репрезентантами концепта LOVE [Зими́на 2015] являются такие лексические единицы (далее ЛЕ), как *capless, bonnetless maiden*. Периферийная зона данного концепта переосмыслена Дж. Фаулзом и представлена читателю в романе не вышеупомянутыми ЛЕ, а такими ЛЕ, как *different, like no other*. Таким образом, периферийная зона концепта LOVE в данном примере служит доказательством того, что автор в некоторой степени оправдывает Чарльза и показывает, что любовь никогда не идет по намеченному плану.

For a breeze of morning moves, And the planet of Love is on high [Fowles 1996].

Данная строфа, взятая из поэмы А. Теннисона *Maud*, даёт начало главе 29 романа, в которой Чарльз пытается противостоять принципам викторианского общества. Но истинная любовь берет верх, и он отправляется к Саре туда, где их никто не увидит. Ядром концепта также является ЛЕ *love*, приядерная зона эксплицируется ЛЕ *high*. Периферийная зона концепта – это ЛЕ *morning*, так как автор показывает, что истинная любовь – это пробуждение ото сна, это то, что дает начало новой жизни.

Концепт LIFE эксплицируется в 18 интертекстуальных включениях.

As many more individuals of each species are born than can possibly survive; and as, consequently, there is a frequently recurring struggle for existence, it follows that any being, if it vary however slightly in any manner profitable to itself, under the complex and sometimes varying conditions of life, will have a better chance of surviving, and thus be naturally selected [Fowles 1996].

Данные строки взяты из трудов Ч. Дарвина *The Origin of Species*. Будучи эпитафией, интекст полно отражает жизнь героев романа в эпоху

Викторианства. Выбрав именно эти строки, Дж. Фаулз проводит параллель между животной особью в среде обитания и человеком в обществе. Борьба за существование проходит в сложных и меняющихся условиях жизни, и если особь, в данном случае человек, изменится в выгодном ему направлении, то выжить ему будет легче. Чарльз Смитсон, изменив свои принципы и взгляды на жизнь, влюбившись в падшую женщину, боролся за существование в обществе. В итоге любовь помогла его душе выжить и пройти через столь жестокие обстоятельства, как поиски возлюбленной на протяжении 5 лет, отказ от брака по расчету, противостояние обществу. При ядре концепта – ЛЕ единице *life* – приядерная зона эксплицируется такими лексемами, как *survive, struggle, existence*. Периферийная зона концепта эксплицируется ЛЕ *possibly, complex, varying*.

Периферийная зона концепта LIFE в другом интертекстуальном включении – в стихотворении А.Х. Клафа, предваряющем одну из глав, – заключается в оппозиции таких ЛЕ, как *heart – head, completed – undone*.

Сара, покинув родной для нее и Чарльза городок, уезжает в неизвестном направлении. В поисках Сары Чарльз посещает ее в номере отеля, где их чувства перерастают в то, что строго запрещено викторианскому мужчине и женщине, в плотскую любовь. Таким образом, оппозиция, выстроенная А.Х. Клафом, присутствует и в произведении: ... *the heart still overrules the head*.

Также в романе выявлен концепт LONELINESS, содержащийся в 16 интертекстуальных включениях с ядром концепта *lonely, alone, solitary*. Периферию концепта образуют такие лексемы, как *disease, inheritance, habits, truth, fickle, freely, inside, ashes, dust, false friend*.

Now, what if I am a prostitute, what business has society to abuse me? Have I received any favors at the hands of society? If I am a hideous cancer in society, are not the causes of the disease to be sought in the rottenness of the carcass? Am I not its legitimate child; no bastard, Sir? [Fowles 1996]

Таким образом, алгоритм концептуального анализа интертекстового включения позволил описать интертекстуальность как механизм отражения картины мира Дж. Фаулза. Диалог с авторами прецедентных текстов во многом определил взгляды Дж. Фаулза и выстроил авторские концепты. Выявленные концепты LOVE, LIFE и LONELINESS в 107 интертекстуальных включениях в сочетании с другими концептами полно отражают целостную картину мира Дж. Фаулза и выстраивают смыслообразующую и смыслопорождающую сторону текста романа.

Литература

Белова Е.Е., Минасян В.А. О месте и функциях интертекстуальности в межтекстовых отношениях // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (4 апреля 2017 года) / под ред. Е.Е. Беловой. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2017. С. 171-177.

Зими́на М.В. Сравнение визуального и вербального представления концепта “friendship” американцами // Теоретические и практические аспекты лингвистики, литературоведения, методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции 15 апреля 2015 года / под ред. Е.Е. Беловой. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2015. С. 34-36.

Маслова В.А. Филологический анализ поэтического текста. Минск: Изд-во Белорусского республ. фонда фундамент. исследований, 1999. 208 с.

Никитин М.В. Развернутые тезисы о концептах // Вопросы когнитивной лингвистики. М., 2004. С. 53-64.

Петрова Н.Е., Широкова Е.Н. Всероссийская научная конференция молодых ученых «Проблемы языковой картины мира в синхронии и диахронии» // Вестник Мининского университета. № 3. 2014. URL: <http://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/520/496> (дата обращения: 21.10.2018).

Fowles J. *The French Lieutenant's Woman*. L., Vintage, 1996. 445 p.

E.E. Belova (N. Novgorod, Russia)

Minin University,

belova_katerina@inbox.ru

V.A. Minasyan (N. Novgorod, Russia)

Minin University,

vikaminasyan.07@yandex.ru

CONCEPT AS A UNIT OF AUTHOR'S VIEW OF THE WORLD (ON THE MATERIAL OF “THE FRENCH LIEUTENANT'S WOMAN” BY JOHN FOWLES)

The integrity of the author's view of the world in a fiction text is characterized by intertextual links, the deep meaning of which molds the author's con-

cept. The intertextual originality of the novel “The French Lieutenant’s Woman” by John Fowles built up on the basis of the precedential texts by A. Tennyson, Ch. Dickens, etc., can be realized in the text via the concepts of LOVE, LIFE and LONELINESS.

Key words: author’s view of the world, concept, intertextuality, intertextual insertion, “The French Lieutenant’s Woman”, John Fowles.

Е.Н. Боровицкая (Киев, Украина)

Институт психологии имени Г.С. Костюка НАПН Украины

bolenar@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ОТОБРАЖЕНИЕ ГИППОКАМПИЧЕСКИХ СТРУКТУР В РЕЧЕТВОРЧЕСТВЕ

Статья посвящена структурированным компонентам (энграммам) гиппокампа, организующим речетворчество. Гиппокамп рассматриваем как комплексное нейронное образование, способное к генерации смыслов при условии активной циркуляции энграмм как следов памяти. Под энграммами будем понимать независимые смысловые воспроизведения, образующиеся с помощью ассоциативных связей, актуализирующих речетворчество.

Ключевые слова: речетворчество, гиппокамп, генерация смыслов, гиппокампические структуры.

От полноты мысли зависит богатство речи.

В. Гюго

Исходным моментом нашего исследования является рассмотрение трёх концептуальных единиц – *функционального отображения, гиппокампических структур, речетворчества*, определение которых влечёт за собой предварительное их понимание как взаимозависимой целостности интегрированных понятий.

Итак, перед нами, прежде всего, комплексное решение поставленной задачи, в связи с чем как раз и возникает необходимость выхода на интердисциплинарный контекст исследования проблемы. Таким образом, в исследовательский оборот попытаемся внедрить *глубинный аспект*

изучения речетворчества. Необходимость решения нашей задачи состоит в том, чтобы с другой стороны посмотреть на предлагаемую проблематику и таким образом задать неизбежность изучения предлагаемого ракурса.

Несмотря на узкоспециализированное значение понятия «гиппокамп», попытаемся выйти на уровень его концептуального понимания и рассмотрения во взаимосвязи с предлагаемыми выше понятийными единицами.

В данном контексте *под функциональным отображением* будем понимать некий процесс воспроизведения *гиппокампических структур (энграмм) как особых, внешне структурированных компонентов гиппокампа, его пространственных стимулов*, актуализирующихся вследствие образования ассоциативных связей. *Под энграммами* – независимые смысловые воспроизведения, образующиеся с помощью ассоциативных связей, актуализирующих *речетворчество*. *Под речетворчеством* – текстуальное воспроизведение смысла, отличающегося оригинальностью, индивидуальностью, креативностью.

Итак, в нейрофизиологии «гиппокамп» – это сложная структура лимбической системы головного мозга, участвующая в механизмах формирования эмоций и консолидации памяти [Покровский, Коротько 2003]. Как свидетельствует энциклопедическая литература, «гиппокамп»: *от греч. Hippocampus – мифологический конь гиппокамп или морской конёк.*

С мнением, что гиппокамп связан с памятью, согласно подавляющее большинство исследователей, но механизм его работы – предмет длительных исследований. Существует теория («two-stage memory») о том, что именно гиппокамп удерживает информацию в состоянии активности и переводит её в кору обоих полушарий во время сна. Ещё одной функцией гиппокампа является запоминание и кодирование окружающего пространства (пространственная память). Заметим, кодирование любых элементов структуры психического, что уже имеют в себе заранее «встроенный» язык (глубинные предпосылки создания нового как исходные формы прошлого опыта), служит для воспроизведения смысловых единиц как целостности, образующихся, не исключено, с помощью ассоциативных связей, актуализирующих *речетворчество как высокоорганизованную психическую активность субъекта* и вероятно, как его сложную стратегически-мыслительную деятельность.

Полагаем, структурная система гиппокампа представляется сложным нейронным образованием, способным служить так называемым генератором, возможно, даже и содержания мыслей, действий, событий и т. п.

Гиппокамп видится органической субстанцией, так называемым вместилищем памяти, способным удерживать в потоке внешних стимулов важную информацию, с постепенной её фильтрацией для перехода в долговременную память как универсальный коллективный опыт в широком его понимании. Предусматривается наличие структурированных компонентов *гиппокампа* – следов памяти (энграмм). *Гиппокамп* рассматриваем как комплексное нейронное образование, способное к генерации смыслов при условии активной циркуляции *энграмм как следов памяти*. При этом смысловое воспроизведение как конструируется, так и деконструируется, поскольку, вероятно, влияние детерминаций никогда не исключается. Таким образом, *гиппокамп* способен к активной циркуляции *энграмм*, прежде всего, как его пространственных структур, всегда непременно претерпевающих детерминации. По нашему мнению, *энграммы* – это структурированные нейронные сети, образованные с помощью ассоциативных связей, способные участвовать в организации *речетворчества как высокоорганизованной психической активности субъекта*, вероятно, как его сложной мыслительной деятельности. Напомним, ещё известная советская исследовательница Т.М. Греченко предложила понятие *состояния энграммы (следа)*, который будет определять степень психической готовности человека к воспроизводству, и только след памяти, находящийся в активном состоянии, доступен для реализации в его поведении [Греченко 1979; Греченко 1986]. Гипотетически, в организации *речетворческой деятельности* может происходить как бы неосознанное «выжидание» актуализации *следа (энграммы) как целостно независимого смыслового воспроизведения, образующегося с помощью ассоциативных связей*, в поисках, к примеру, рифмы, стилистической фигуры и т. д., впоследствии для их дальнейшего *функционального отображения уже как целостного произведения*, на наш взгляд, не без участия мыслительных тенденций в этом процессе (5 стратегий, согласно В.А. Моляко) [Моляко 2007].

Как известно, *гиппокамп* является структурно-функциональным свойством головного мозга. Также существует мнение, что он принимает участие в формировании эмоционального опыта, следовательно, имеет способность к генерации смыслов как его актуализированных форм благодаря именно работе *гиппокампальной системы мозга как моделирующей системы опыта*, в широком его понимании, при необходимости способной реактивировать эти смыслы путём различных его детермина-

ций. Таким образом, гипотетически будем считать, что *нейронная структура гиппокампальной системы* может способствовать спонтанной активации и *речетворческой активности* как сложному детерминированному системному образованию.

Полагаем, в этом процессе особенно важны *категориальные характеристики самого акта речетворчества как его органические структурно-функциональные свойства*: логос, пафос, этос. О них речь будет идти несколько позже. Полагаем, именно их активация может способствовать *функциональному отображению гиппокампических структур в этом акте*. Заметим, яркой иллюстрацией здесь непременно является прежде всего живой бытовой язык носителей.

В нашем случае таким примером лучше всего является поэтический язык. Заметим, яркой иллюстрацией *поэтического построения речетворчества* представляется творчество «заумников» (*Велимира Хлебникова, Алексея Кручёных и др.*) [Арватов 1923; Бирюков 2001; Якобсон 2000: 83-89; Якобсон 1921; Якобсон 1987: 272-316]. Несомненно, индивидуальность, выразительность, оригинальность поэтического стиля и достигаются как раз *путём речетворчества*. Неслучайно на необычайное богатство *речетворчества* обратил внимание известный филолог-славист, историк А.Л. Погодин, отмечая, что язык каждого из нас каждую минуту является новым произведением [Погодин 1913]. Однако проблемы стиля – это проблемы *композиционного речетворчества*. И несмотря на несомненность усваивания практически бытовым языком множественных, накопленных опытом элементов языка поэтического (независимо от его непрерывного стремления к утилитарности), их синтез всё-таки неизбежен, причём как в реальном общении, так и поэтическом произведении и каком-либо *другом виде речетворчества*. Так было и так будет.

Вернемся непосредственно к определению *органических свойств акта речетворчества*: **логос** – «словесное наполнение замысла, элокуция» (Ю.В. Рождественский); **пафос** – *замысел речи; эмоционально воздействующие элементы, в качестве высокопарной речи, способствующей актуализации воли к конструированию реальности с помощью слова, внесение новизны в тему и форму речи, их детализация*. Здесь и сентиментальная речь, с одной стороны, часто разрушающе действующая на *сам акт речетворчества*, а с другой, способствующая перестройке эмоционального фона, что, на наш взгляд, очень важно в *организации речетворчества*, а также **этнос** – здесь, в значении, *образ мыслей, побуждающих*

к действию. Полагаем, эти характеристики речетворчества представляют собой системное образование и несомненно влияют на функциональное отображение гиппокампических структур в акте речетворчества.

На наш взгляд, важным условием организации и успешного функционирования речетворчества является осознанное/неосознанное варьирование его категориальных характеристик путём одномоментной их актуализации, что приводит к перманентной актуализации и всех остальных, а значит, свидетельствует о творческом характере речепотребления и выражения мыслей. Таким образом, речетворчество указывает на оригинальность, своеобразие и индивидуальность речепотребления.

Итак, энграммы как следы памяти, полагаем, могут аккумулироваться и в категориальных свойствах (логосе, нафосе, этосе) самого акта речетворчества. Таким образом, неизбежным является функциональное отображение энграмм как внешне составляющих гиппокампические структуры.

В связи с таким пониманием проблемы, полагаем, мы вышли на неизбежность существования глубинной предпосылки (стратегической диспозиции) организации речетворчества, так называемой установки, отвечающей за замысел речи. Заметим, здесь уже очень важен полифункциональный синтез энграмм, способствующий построению особой смысловой модификации как нового содержательного объекта (конфигуратора). Такой конфигуратор (смысловая модификация) может быть идеальным воспроизведением гиппокампической структуры, объяснять и обосновывать целостность и устойчивость связей структурирующих её элементов, демонстрировать, проекциями каких именно сторон гиппокампа могут служить эти соединительные элементы.

Данная идея, безусловно, видится актуальной. Однако она не так живо должна привлекаться к различным контекстам возможного применения. Стоит придерживаться и некоторой осторожности в осуществлении попытки понятийного концептуального уточнения «гиппокампа», прежде всего, для адекватного его использования.

Таким образом, полагаем, тенденция к речетворчеству проявляется в осознанном и неосознанном преобразовании принадлежащих языковой системе единиц, в сознательном и бессознательном сближении созвучных слов с целью придания речи большей выразительности и оригинальности.

Литература

- Арватов Б.И.* Речетворчество. «Леф». 1923. № 2.
- Бирюков С.Е.* Поэзия русского авангарда. М., 2001. 280 с.
- Греченко Т.Н.* Нейрофизиологические исследования памяти. М., 1979. 166 с.
- Греченко Т.Н.* Психофизиологический анализ динамики формирования энграммы. М., 1986.
- Моляко В.А.* Творческая конструкторология (пролегомены). Киев, 2007. 388 с.
- Погодин А.Л.* Язык как творчество. Харьков, 1913.
- Покровский В.М., Коротько Г.Ф.* Гиппокамп / Физиология человека. Серия: Учебная литература для студентов медицинских вузов. М., 2003. 656 с.
- Якобсон Р.О.* Из воспоминаний // Мир Велимира Хлебникова. М., 2000. С. 83-89.
- Якобсон Р.О.* Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову. Прага, 1921.
- Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. М., 1987. С. 272-316.

E.N. Borovytska (Kiev, Ukraine)

*Institute of Psychology named after G.S. Kostyuk of the NAPS of Ukraine
bolenar@mail.ru*

FUNCTIONAL MAPPING OF HIPPOCAMPICAL STRUCTURES IN SPEECH-CREATION

We are talking about structured components (engrams) of the hippocampus, organizing speech-creation. We consider the hippocampus as a complex neural formation capable of generation of meanings, provided that the engrams are actively circulating as traces of memory. Under engrams we will understand independent semantic reproductions, formed with the help of associative links that actualize speech-creation.

Key words: speech-creation, hippocampus, generation of meanings, hippocampic structures.

О.Л. Заболотнева (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
zoxl@mail.ru

И.В. Кожухова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
vinantov@mail.ru

ЛИКОУГРОЖАЮЩИЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В УНИВЕРСИТЕТСКИХ РОМАНАХ

В статье исследуются некоторые характеристики академической прозы, а именно университетский роман, имеющий жанрообразующие особенности. В рамках данного материала рассматриваются ликоугрожающие речевые акты в равно- и разностатусной коммуникации.

Ключевые слова: академическая проза, университетский роман, ликоугрожающий речевой акт, митигация.

Академическая проза иллюстрирует знаковые события и изменения, а также наиболее существенные тенденции в развитии общества, языка и культуры. Вбирая в себя черты других жанров (эпистолярная проза, модернистский роман и роман воспитания), данный жанр является уникальным сам по себе. Он легко узнаваем благодаря месту действия (кампус) и героям (профессорско-преподавательский состав, студенты, персонал университета).

Один из выдающихся теоретиков и практиков университетского романа, британский писатель Дэвид Лодж считает, что университетский роман возник в США в начале пятидесятих годов, с выходом в свет романа Мэри Маккарти «Академические кущи» (1952), полемическим откликом на который стал роман Реймонда Джаррела «Картины университетской жизни» (1954) [Университетский роман: электронный ресурс]. Обладая своеобразными лингвостилистическими и социокультурными особенностями, университетский роман является неисчерпаемым источником для исследователей в области дискурса, межкультурной коммуникации, стилистики и лингвистики текста.

Жанр романа предполагает использование не только стандартных образов «преподаватель – студент». В романах подобного типа чаще и вероятнее встретить как разностатусное общение (преподаватель – студент,

общение в научных кругах, например, ученый – аспирант), так и равно-статусное формализованное (преподаватель – преподаватель).

Многие темы пылко обсуждаются героями университетских романов и до сих пор являются актуальными. Например, в романе В. Набокова «Пнин» некоторые преподаватели категоричны в своих суждениях и выступают против лекций: “You may laugh, but I affirm that the only way to escape from the morass is to lock up the student in a soundproof cell and eliminate the lecture room”. [...] “Phonograph records on every possible subject will be at the isolated student’s disposal”. “But the personality of the lecturer,” said Margaret Thayer. “Surely that counts for something.” “It does not!” shouted Hagen. “That is the tragedy! Who, for example, wants *him*” – he pointed to radiant Pnin – “who wants his personality? Nobody! They will reject Timofey’s wonderful personality without a quaver. The world wants a machine, not a Timofey” [Набоков 1990: 483]. Так, рассуждая о судьбе лекции как одной из культурных традиций и неизменной составляющей академической среды вуза, преподаватели и профессора американского университета в романе В. Набокова «Пнин» высказывают разные мнения: “I must protest, Laurence,” said Tom. “A relaxed discussion in an atmosphere of broad generalizations is a more realistic approach to education than the old-fashioned formal lecture” [Набоков 1990: 483]. Некоторые предлагают поменять живую лекторскую речь на фонографические записи по различным предметам, при этом утверждая, что личность лектора ничего не значит. Другие считают, что свободное обсуждение всевозможных тем на занятиях в университетах является более эффективным методом, чем старомодное чтение формальных лекций. Лекционное преподавание требует особого профессионального мастерства, является одной из составляющих компетентности преподавателя высшей школы. Лекция должна соответствовать культуре социальных отношений и стилю общения, который принят в той или иной национальной культуре. Общение в высшем учебном заведении – не только следование нормам, правилам и традициям. Это и борьба с системой, и борьба на межличностном уровне. В этом аспекте ярко и наглядно могут реализовываться ликоугрожающие речевые акты.

Угроза традиционно рассматривается в виде намеренного нанесения вреда в любом его смысле – физическом, экономическом, политическом или, в нашем случае, коммуникативном, см. [Brown 1987]. Коммуникативный «вред» (то есть угроза) реализуется, в частности, в виде ликоугрожающих речевых актов – любых речевых актов или их формулировок,

которые могут навредить лицу говорящего – от нашего несогласия с ним (угроза позитивному лицу) до ограничения его свобод и предъявления обязательств (угроза негативному лицу). Традиционно к стратегиям митигации коммуникативного давления относят использование косвенных речевых актов, коммуникативного пессимизма, деперсонализации, дистанцирования и уклончивости, а также ряд других. П. Браун и С. Левинсон говорят о данных стратегиях (т.е. стратегиях негативной вежливости) как об основе уважительного поведения (“heart of respective behaviour”) [Ibid 129]. Минимизация угрозы позитивному лицу стандартно реализуется за счет использования маркеров внутригрупповой принадлежности, утверждения и поддержки общей точки зрения, коммуникативного оптимизма и др. В целом, при всей опасности ликоугрожающих речевых актов, они являются естественной составляющей процесса общения как в равностатусном, так и в разностатусном вариантах. Наиболее коммуникативно-опасными актами можно считать угрозы, критику, команды, замечания, советы и упреки. Совершая ликоугрожающие акты, говорящий обычно использует языковые средства выражения категории вежливости, смягчающие «вес» высказывания. Рассмотрим некоторые примеры.

В произведении Д. Лоджа «Мир тесен» (“Small World”) вопрос молодого учёного к выдающимся профессорам поначалу был воспринят как острая критика: “I would like to ask each of the speakers,” said Persse, “What follows if everybody agrees with you?” He turned and went back to his seat. Все пришли в замешательство. Никто из профессоров не смог ответить. Словно защищаясь, они задавали встречные вопросы: “What follows is the revolution”; “Is it some sort of trick question?” или даже: “It is a fool question” («Это глупый вопрос»). Неожиданно для всех последовал комментарий знаменитого профессора Артура Кингфисера: “That is a very good question. A very in-ter-est-ing question. I do not remember that question being asked before.” He nodded to himself. “You imply, of course, that what matters in the field of critical practice is not truth but difference. If everybody were convinced by your arguments, they would have to do the same as you and then there would be no satisfaction in doing it. To win is to lose the game” [Lodge 1984: 319]. Профессор Кингфисер убеждён, что, дав ответы на все вопросы, учёный или литературный критик потерпит поражение, так как, убедив всех в своей правоте, он останется без оппонентов. Победить в данном случае значит проиграть. Анализ описанных реплик выявляет

угрозу лицу (лицам: профессорам) в виде вопросов экзистенциального характера, вопросов, которые не относятся к сфере деятельности ученых, но выходят за рамки науки в целом. Угроза лицу также реализуется за счет озвучивания прямой интенции – “I would like to ask each of the speakers”, которая была бы уместна в публичной лекции в качестве риторического средства привлечения внимания. Ситуация сглаживается в результате вмешательства профессора А. Кингфишера, разворачивающего формулировку вопроса, тем самым митигируя и смягчая ее.

В этом же произведении обсуждается весьма деликатный вопрос о том, кто займёт кресло председателя в Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (UNESCO chair), достаточно почётную и высокооплачиваемую должность. Профессор из США задумался о безграничных возможностях, которые данное звание может предоставить: “Morris Zapp felt dizzy at the thought, not merely of the wealth and privilege the chair would confer on the man who occupied it, but also of the envy it would arouse in the breasts of those who did not.” Профессор из Италии, Фульвия Моргана, оказалась более компетентна в этом вопросе и с удовольствием высказала своё мнение. Профессора Цаппа интересуют детали: “Will he have the job for life, or for a limited tenure?” Morris asked. “I think she will be appointed for three years, on secondment from ‘er own university”. “She?” Morris repeated, alarmed. Had Julia Kristeva or Kristine Brooke-Rose already been lined up for the job? “Why do you say, ‘she’?” “Why do you say ‘e’?” Morris relaxed and raised his hands in a gesture of surrender. “Touché! Someone who was once married to a best-selling feminist novelist shouldn’t walk into that kind of trap.” [Lodge 1984: 121]. Профессор Цапп более чем уверен, что должность займёт мужчина, поэтому, не задумываясь, он произносит ‘he’ (он). Профессор Моргана более чувствительна к таким репликам и пытается возразить: «Почему вы говорите ‘он’»? Данный диалог является ликоугрожающим и подрывающим авторитет ученых, так как затрагивает одну из наиболее обсуждаемых и противоречивых тем не только в США, но и во всем мире – равные права мужчин и женщин. Стоит принять во внимание документ, например, Equal Pay Act, предписывающий равнозначно оплачивать работу мужчин и женщин, принимать как мужчин, так и женщин на равные позиции и др. На практике ситуация с glass ceiling (т.е. фактическая невозможность продвинуться по должностной лестнице женщине или представителю национального меньшинства) не решена.

Таким образом, университетские романы охватывают широкий спектр обсуждаемых тем, иллюстрируют знаковые события и изменения, а также существенные тенденции в развитии языка, культуры, общества, отражают реальные события, которые происходят в кампусе в частности и в мире в целом. Ликоугрожающие речевые акты в университетских романах показывают все многообразие ситуаций, чреватых угрозой лицу (от конвенционализированных высказываний до более частных, практических уникальных коммуникативных ситуаций) и проявляют возможные способы митигации/аггравации коммуникативного давления.

Литература

Набоков В. Избранное: Сборник / сост. Н.А. Анастасьев. На русс. и англ. яз. М.: Радуга, 1990. 688 с.

Университетский роман в литературе США второй половины XX – начала XXI веков. URL: https://xstud.ru/268300/investitsionnyu_menedzhment/universitetskiy_roman_literature (дата обращения: 20.08.2018).

Brown P., Levinson S.D. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 375 p.

Lodge D. Small World. Penguin books, 1984. 339 p.

O.L. Zabolotneva (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

I.V. Kozhukhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

FACE-THREATENING SPEECH ACTS IN UNIVERSITY NOVELS

Such specific feature of academic prose as university novel is considered in the article. It has its own constituent genre peculiarities. Within its boundaries speech acts of status (in)equality are studied.

Key words: academic prose, university novel, face-threatening speech act, mitigation.

О.К. Ирисханова (Москва, Россия)

Московский государственный лингвистический университет

iriskhanova@me.com

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ КОГНИТИВНОЙ ПОЭТИКИ ЖЕСТОВ: ЖЕСТЫ «ПОЭТИЧЕСКИЕ» VS «ПРОЗАИЧЕСКИЕ»

В настоящей работе рассматриваются некоторые аспекты когнитивного изучения поэтических жестов. Показано, что поэтика жестов как часть когнитивной стилистики и когнитивной поэтики может стать важнейшим звеном в определении специфики ментальных механизмов, обслуживающих коммуникативную деятельность людей, характеризующуюся «высокой степенью творчества». Задача данного исследования заключается в том, чтобы на материале декламирования актерами стихов русских поэтов выявить специфику их жестикуляции и определить вклад движений тела в реализацию творческого замысла поэта и чтеца.

Ключевые слова: полимодальная коммуникация, жест, поэтика жестов, поэтические жесты, жесты исполнительской организации, жесты образной экспрессии.

В связи с коммуникативной настройкой когниции особый интерес представляет изучение особенностей совместного употребления языковых выражений и жестов в тех типах дискурсивной деятельности, в которых по-разному проявляется творчество говорящих. Вместе с тем, когнитивная стилистика и когнитивная поэтика, в первую очередь изучающие творческое мышление как оно проявляется в литературном тексте, по-прежнему остаются в стороне от «жестовой» тенденции, наблюдаемой в когнитологии в целом. В свою очередь, в исследованиях жестов тема креативности эксплицитно не ставится, но изучается имплицитно в связи с процессами метафоризации в обыденной коммуникации [Müller 1998; Mittelberg 2008; Cienki 2013], процессами слияния перспектив [Parill 2012], а также, в отдельных случаях, в связи с особенностями конструирования мира представителями некоторых творческих профессий (архитекторов, композиторов) (см., например, в [Mittelberg 2014]).

В сложившейся ситуации представляется, что тема жестов-в-речи может стать весьма важным этапом в исследовании языкового и, шире, коммуникативного творчества, поскольку анализ движений тела,

представленных в поэтическом дискурсе, позволит приоткрыть еще одну «дверцу» в тайну того, что Р. Гиббс назвал поэтикой мышления (см. его известную книгу «*The Poetics of Mind*» [Gibbs 1994]). И хотя в когнитивных работах показано, что в основе как обыденного, так и поэтического дискурса лежат одни и те же когнитивные механизмы концептуальной метафоризации, метонимизации и интеграции, а также перспективизации [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff, Turner 1989; Ortony 1993; Fauconnier, Turner 2002; Semino 2008; Ирисханова 2013; Петрова 2017], задача выявления нюансов реализации данных механизмов в полимодальных контекстах разного типа и степени творчества по-прежнему входит в повестку когнитивных исследований.

Изучая поэтические жесты, необходимо принимать во внимание тот факт, что поэтика жестов допускает двойное понимание – широкое и узкое. При широком понимании объектом ее исследования могут стать жесты, представленные в письменных и устных литературных произведениях – в поэзии, художественной прозе, пьесах, кино. В целом, в обыденной речи нам свойственны ритмичные повторяющиеся движения в такт произносимых (биты) – а это и есть, в широком понимании, проявление коммуникативной поэтики тела. Но можем ли мы утверждать, что все мы – «телесные поэты»?

Представляется, что если трактовать жесты в более узком терминологическом понимании поэтики, то в качестве прототипа поэтических жестов можно рассматривать жесты, сопровождающие декламирование стихов. На материале видеозаписей актеров (38 видео), читающих стихотворные произведения в студии в рамках проекта «Живая поэзия. Антология XX века», а также во время интервью и концертов, мы рассмотрели специфику поэтических жестов – их сходства и отличия от «прозаических» или обыденных жестов. Полимодальный анализ речи и жестов позволил выявить, что, наряду со сходными функциями, проявляющимися на микроуровне строки или строфы (функции передачи иллюкуции высказывания, репрезентации, указания и др.), поэтические жесты играют специфическую роль в масштабе всего произведения в целом.

В частности, была установлена близость жестов, сопровождающих декламирование, с жестами дирижеров. Данная особенность связана с жанровой спецификой чтения стихов, которая заключается в потребности чтеца поддерживать ритм и темп, с одной стороны, и воспроизводить по памяти отрепетированные строки и интонационные контуры,

с другой стороны. Как следствие, жесты реализуют функцию ритмико-мелодической организации и мнемонического сопровождения стихотворного произведения, служа важнейшим средством исполнительской организации. Такие жесты соотносятся не столько с сюжетными событиями, сколько с исполнительской манерой чтеца и его творческой интерпретацией того, как должен продвигаться дискурс.

Приведем в качестве примера стихотворение Федора Тютчева «Осенний вечер» (1830) в исполнении Георгия Тараторкина. Мы наблюдаем здесь довольно сдержанный жест-щепоть, который как бы собирает разнородные впечатления и объекты в одну точку. Он состоит из цепочки перетекающих одно в другое движений с короткой амплитудой и удерживается на протяжении всего стихотворения. При этом с помощью этого жеста актер, удлиняя и направляя вверх траекторию движения, «создает» кульминацию, крещендо, сопровождая этим движением слово *ветр*, произнесенное с повышением тона и громкости (рис. 1):

*Есть в светлости осенних вечеров
Умильная, таинственная прелесть!..
Зловещий блеск и пестрота дерёв,
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею
И, как предчувствие сходящих бурь,
Порывистый, холодный **ветр** порою,
Ущерб, изнеможенье – и на всем
Та кроткая улыбка увяданья,
Что в существе разумном мы зовем
Божественной стыдливостью страданья!*

Рис. 1 Ф. Тютчев «Осенний вечер»: жест исполнительской организации

Следующая функция поэтических жестов – образно-экспрессивная, связана с передачей творческого замысла автора (и чтеца) на уровне

содержания. Данные жесты носят иконический характер и указывают на свойства объектов (размер, форму, движение), на состояние и намерения лирического героя, на расположение объектов в воображаемом пространстве вокруг персонажей (лирического героя), создавая таким образом образно-символическое пространство стихотворного произведения.

Проиллюстрируем данную функцию поэтических жестов фрагментом из стихотворения Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» (1975) в исполнении Михаила Козакова. В стихотворении описывается ястреб, который уносится порывом ветра ввысь и погибает. В стихотворении происходит чередование перспективы: земля, над которой парит птица, описывается «сверху», глазами ястреба, а полет птицы и ее гибель – «снизу», с точки зрения людей на земле. Жесты вносят вклад в смену перспективы, участвуя в создании системы координат, в которой сливаются разные точки зрения – ястреба и человека, и таким образом трагическая судьба птицы и судьба поэта становятся единым целым.

Итак, в данном исследовании на материале видеозаписей актеров, читающих стихи русских поэтов, мы попытались установить специфику поэтических жестов, то есть жестов, сопровождающих устно воспроизводимые стихотворные тексты. В заключение также заметим, что особенности употребления жестов в данном поэтическом жанре зависят не только от творческого замысла автора стихотворения, но и от исполнительского творчества чтеца, от его индивидуальной манеры и актерской школы.

Литература

Ирисханова О.К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка: сб. науч. трудов / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев. М.: ИЯ РАН; Тамбов: ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 43-58.

Петрова Н.Ю. Построение перспективы в тексте пьесы: монография. М.: Культурная революция, 2017.

Cienki A. 2013. Cognitive Linguistics: Spoken language and gesture

as expressions of conceptualization // C. Müller, A. Cienki, S. Ladewig, D. McNeill, S. Teßendorf (Eds.). *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction*. Volume 1 (182-201). 2013. Berlin: Mouton de Gruyter.

Efron, David. 1941. *Gesture and environment* [= (1972). *Gesture, race and culture*]. N. Y.: King's Crown Press.

Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. NY: Basic Books, 2002.

Gibbs R. W. *The Poetics of Mind-Figurative Thought, Language, and Understanding*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.

Katzman R. *Gestures accompanying Tora learning/recital among Yemenite Jews*. 2007. *Gesture* 7(1). P. 1-19.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.

Lakoff G., Turner M. *More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago: Chicago University Press, 1989.

Mittelberg I. *Iconic and representational gestures* // *Body – language – communication: An international handbook on multimodality in human interaction* / Müller C., Cienki A., Fricke E., Ladewig S.H., McNeill D., Bressemer J. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2014. P. 1732-1746.

Mittelberg I. *Peircean Semiotics meets conceptual metaphor: Iconic modes in gestural representations of grammar* // *Metaphor and gesture* / Cienki A., Müller C. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008. P. 115-154.

Müller C. *Redebegleitende Gesten. Kulturgeschichte – Theorie – Sprachvergleich*. Berlin, 1998.

Ortony A. (Ed.). *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Parrill F. *Interactions between discourse status and viewpoint in co-speech gesture* // *Viewpoint in language: A multimodal perspective* / B. Dancygier, E. Sweetser (Eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 97-112.

Semino E. *Metaphor in Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Stokoe W. *Sign Language Structure*. Silver Spring, MD: Linstok, 1987.

O.K. Iriskhanova (*Moscow, Russia*)
Moscow State Linguistic University
iriskhanova@me.com

ON SOME ISSUES OF COGNITIVE POETICS OF GESTURES: “POETIC” VS “EVERYDAY” GESTURES

The present paper considers some aspects of cognitive study of poetic gestures. It is argued that the poetics of gestures is an important step in revealing the specific features of the cognitive mechanisms underlying communicative practices with a high degree of creativity. The aim of this research is to investigate the gestural patterns of actors reciting Russian poems to gain insights into the ways the gestures embody the poets' and the actors' ideas.

Key words: multimodal communication, gesture, cognitive poetics of gestures, poetic gestures, performance structuring gestures, expressive and imagery gestures.

V.V. Казаковская (*Санкт-Петербург, Россия*)
Институт лингвистических исследований РАН
victory805@mail.ru

МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛЯРНОЙ ДЕРИВАЦИИ В РАННЕМ ОНТОГЕНЕЗЕ

Рассматриваются механизмы именного словообразования на ранних этапах речевого онтогенеза. Выводы основываются на корпусном анализе данных спонтанной речи русскоязычных детей и их взрослых партнеров по диалогу. В процессе усвоения морфемно богатого – русского – языка механизмы аффиксации развиваются раньше словосложения и запускаются в пределах одной части речи. Отсубстантивные дериваты суффиксального типа доминируют. Степень когнитивной сложности производных слов увеличивается к концу периода наблюдений. Влияние инпута подтверждается статистически.

Ключевые слова: механизмы усвоения языка, речь ребенка, лингвистический инпут, деривация, существительное, лонгитюдные наблюдения, спонтанная речь, когнитивная сложность.

ВВЕДЕНИЕ. Основная цель исследования – изучение появления и развития регулярного (или нормативного) словообразования в сфере существительных на ранних этапах речевого онтогенеза в морфемно богатом русском языке. Дериваты – слова с более сложной (по сравнению с симплексами) морфемной структурой. Представляется, что их усвоение ребенком сопряжено с когнитивным развитием и поддерживается лингвистическим инпутом. До недавнего времени знания о когнитивных основаниях порождения и толкования регулярных дериватов базировались на экспериментах с детьми более старшего возраста [Юрьева 2006], а знания об отдельных характеристиках таких производных слов – на дневниковых наблюдениях за речью одного ребенка [Гвоздев 1949]. Между тем вопрос о критериях продуктивного использования дериватов – как аффиксального типа, так и композитов – относится к числу активно обсуждаемых в современной мировой онтолингвистике.

КОРПУС ДАННЫХ. Результаты основываются на анализе лонгитюдных наблюдений за коммуникативным взаимодействием двух русских мальчиков (К. и Ф., 1;5–3;0) и их взрослых партнеров по диалогу (*main caregivers*). Оба ребенка – типично развивающиеся монолингвы. Социально-экономический статус их семей – средний. Объем корпуса аудио- и видеозаписей спонтанной речи составляет 33 часа, содержащих около 74,5 тысяч словоупотреблений (*tokens*), из них более 22 тысяч зафиксировано в речи детей. Записи были расшифрованы, затранскрибированы и морфологически размечены в соответствии с правилами международной системы обмена данными детской речи CHILDES [MacWhinney 2000].

МЕТОДИКА АНАЛИЗА. Корпус данных – речь детей и обращенная к ним речь взрослых – был проанализирован в следующих аспектах: соотношение производных и непроизводных именных лексем на протяжении периода наблюдений; особенности словообразовательных типов, моделей и средств; последовательность появления способов (образования) и моделей дериватов. Учитывалось лексическое (*lemmas*) и грамматическое (*types*) разнообразие, а также частотность (*tokens*) дериватов; фиксировалась доля новых (то есть впервые употребленных) лексем (*lemmas vs tokens*). Особое внимание уделялось соотношению словообразовательного аспекта инпута с речевой продукцией ребенка, а кроме того – особенностям именной деривации в сравнении с глагольной и адъективной.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. В целом доля существительных в речи обоих детей сопоставима (23 и 26 % по отношению к общему

количеству словоупотреблений), равно как и доля новых дериватов (соответственно, 8 и 12 %). Количество дериватов-существительных превышает кумулятивный объем производных глаголов и прилагательных.

Аффиксация в сфере существительных развивается очень рано (на втором году жизни) и опережает употребление сложных слов. Освоение аффиксации начинается с продуктивных для системы языка моделей «имя (сущ./прил.)+аффикс/ы» (*птич-к(а)* 1;6, *шар-ик* 2;5; *пруз/ов-ик* 2;5) и «глагол+суффикс» (*бег-ун* 2;0, *прицеп-ø* 2;5). Самой частотной является отсубстантивная модель «сущ.+суффикс» (69 и 89,5 %). Наиболее ранним и распространенным способом образования дериватов выступает суффиксация: к концу периода наблюдений в морфемном репертуаре Ф. отмечено около 60 суффиксов, К. – 30. Суффикс *-к-* доминирует в обоих корпусах. Путем суффиксации в рамках отсубстантивной модели образуются диминутивы (*бедн/яж-к(а)* 2;3, *дом-ик* 2;6, *монстр-ик* 3;0, ср. словообразовательные инновации *дет-ик** 1;10, *бабл-ик** 2;9; *гармош-шик(а)* 2;1), номинации зоонимов и лиц женского пола (*кош-к(а)* 2;0, *зайч-их(а)* 2;2, *внуч-к(а)* 2;3), номинации детенышей животных и птиц (*волч-онок* 2;2, *сороч-онок* 2;5), так наз. сингулятивы (*реп-к(а)* 2;4, *денеж-к(а)* 2;7), а также стилистические (разговорные) модификации (*Филь-к(а)* 1;6, *колен-к(а)* 2;7). Зафиксированные на третьем году жизни отглагольные дериваты обозначали действие/процесс или его результат (*леп-к(а)* 2;6, *рожд-ениј(е)* 2;8), называли его производителя/агенса (*вод/и-тель* 2;6, ср. *гитар-ник** 2;7), инструмент (*рас/крас-к(а)* 3;0) и место/локатив (*сид/е-нј(е)* 2;6).

В сфере сложных слов первыми в речи детей появляются модели, которые не только продуктивны для языковой системы русского языка, но и «прозрачны» в морфосемантическом отношении [Kazakovskaya 2017; Argus, Kazakovskaya 2013]. Ранние композиты могут быть описаны как сложные слова-эндоцентрики с главным компонентом – именем (*зоо+парк* 2;2) либо глаголом (*пар+о+воз-ø* 2;2), – занимающим финальное положение в слове и соединенным с зависимым компонентом соединительной гласной (главным образом, *-о-*). В последнем случае словосложение часто сопровождается нулевой суффиксацией (*мух+о+мор-ø* 2;3, *сам+о+с/вал+ø* 2;5) [Dressler et al., *accepted*].

Степень когнитивной сложности дериватов (исходно имеющих как минимум на одну сему больше, чем соответствующий симплекс), в свою очередь, также различается. Это отчетливо демонстрирует наш языковой

материал. Так, например, отсубстантивные суффиксальные диминутивы (слова с уменьшительной и/или ласкательной семантикой) – независимо от степени их морфемной сложности – оказываются доступными ребенку с середины второго года жизни (ср. *фант-ик* 1;6, *подуш/еч-к(а)* 1;8, *гриб/оч+ек* 1;10), тогда как номинации качеств или их носителей начинают спорадически появляться лишь в конце третьего (*глуп+ость* 2;8, *гряз/н-ул(я)* 2;9, *вкус/н-ятин(а)* 2;9).

Освоение деривационных процессов поддерживается инпутом. Анализ показал, что в раннем онтогенезе количество используемых кеагивером именных дериватов значительно меньше количества симплексов. Например, в корпусе «К.» оно составило четверть всех существительных, но оказалось вдвое больше отмеченного в речи ребенка. Дистрибутивный анализ выявил последовательное увеличение доли дериватов в инпуте, что коррелировало с данными детской речи. Вместе с тем были обнаружены так называемые деривационные пики в 2;3 (одновременный) и 2;10–2;11 (последовательный). В свою очередь, последний совпал с увеличением композитов. Подобные периоды значительного увеличения частотности в использовании того или иного языкового средства указывают не только на влияние инпута, но и проливают свет на механизмы подстраивания кеагивера (*fine-tuning*) – мало изученные, но весьма существенные для усвоения языка [Snow 1995]. Корреляция между инпутом и речью ребенка была отмечена в сфере частотности семантических категорий (по данным новых дериватов), причем как в отношении разнообразия лексем (*lemmas*, $p \leq 0,01$), так и в отношении частотности их словоупотреблений (*tokens*, $p \leq 0,001$).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Тот факт, что различные дериваты появляются не одновременно (несмотря на то что в инпуте все модели и средства представлены уже в самых ранних записях), свидетельствует, скорее, о постепенном развитии (и, соответственно, постижении ребенком) деривационных механизмов, нежели о его слепом копировании речи взрослых. В последовательном расширении семантического репертуара ранних дериватов, усложнении их моделей, увеличении грамматических форм и частотности словоупотреблений, а также в тех тенденциях, по которым это происходит, мы склонны усматривать доказательство когнитивно обоснованного конструктивизма, лежащего в основе развития нормативной деривации.

Литература

Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. Ч. 1, 2. М.: АПН РСФСР, 1949.

Юрьева Н.М. Проблемы речевого онтогенеза: производное слово, диалог. Экспериментальные исследования. М.: Институт языкознания РАН, 2006.

Argus R., Kazakovskaya V.V. Acquisition of compounds in Estonian and Russian: frequency, productivity, transparency and simplicity effect. *Eesti Rakenduslingvistika Uingu Aastaraamat [Estonian Papers in Applied Linguistics]*. 2013. Vol. 9. P. 23-42. DOI: 10.5128/ERYa9.02

Dressler W.U., Sommer-Lolei S., Korecky-Kröll K., Argus, R., Dabašinskiene I., Kamandulytė-Merfeldienė L., Ijäs J.J., Kazakovskaya V.V., Laalo K., Thomadaki E. First-Language Acquisition of Synthetic Compounds in Estonian, Finnish, German, Greek, Lithuanian, Russian and Saami // *Morphology (accepted)*.

Kazakovskaya V.V. Acquisition of nominal compounds in Russian // W. U. Dressler, M. Kilani-Schoch, N. Ketrez (Eds.). *Nominal Compound Acquisition [Language Acquisition and Language Disorders Series 61]*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 63–90. DOI: 10.1075/lald.61

MacWhinney B. *The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk*. 3rd Edition. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 2000.

Snow C.E. Issue in the study of input: fine-tuning, universality, individual and developmental differences, and necessary causes // P. Fletcher, B. MacWhinney (Eds.). *Handbook of child language*. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 180-193.

Автор искренне благодарит всех сотрудников и коллег, принимавших участие в сборе данных и их обработке – расшифровке и морфологической разметке, и особенно Т.В. Пранову, К.И. Иванову и М.Д. Воейкову.

*V.V. Kazakovskaya (Saint Petersburg, Russia)
Russian Academy of Sciences*

MECHANISMS OF REGULAR DERIVATION IN EARLY ONTOGENY

The features of early nominal derivation in Russian are discussed. The results obtained are based on corpus data of spontaneous dialogues of two monolingual Russian-speaking children with their main caregivers. It was

found that in the course of acquisition of the morphemically rich Russian language, affixation preceded compounding and denominal suffixal derivatives are the most frequent. Cognitive complexity of derivatives increases by the end of the observation period. A significant influence of input was noted.

Key words: mechanisms of language acquisition, child speech, input, derivation, nouns, longitudinal observations, spontaneous speech, cognitive complexity.

*Л.В. Рацибурская (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
racib@yandex.ru*

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННЫХ МЕДИЙНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ

В статье рассматриваются медийные новообразования узуального и незуального характера в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах. Словообразовательные модели и созданные по ним медийные новообразования выступают как категоризаторы опыта взаимодействия с окружающим миром.

Ключевые слова: медиатекст, новообразования, когнитивная лингвистика, лингвокультурология.

Возросшая на рубеже веков XIX–XX веков социальная роль современных СМИ способствовала усилению личностного начала и активизации медийного словотворчества. Медийные новообразования представляют большой интерес в лингвокогнитивном и лингвокультурном аспектах. По словам В.В. Карасика, «лингвокультурное изучение различных событий, произошедших в жизни или созданных творческим воображением, дает возможность установить систему аксиогенных ситуаций – ценностно насыщенных фрагментов бытия, имеющих особую значимость для понимания действительности» [Карасик 2015: 156].

В настоящее время в рамках исследований по когнитивной лингвистике ученые пытаются более полно раскрыть отношения между восприятием,

осмыслением действительности носителями языка и способами фиксации знания в языке. Подобные отношения свойственны и процессу номинации производным словом, «особенно моменту его создания носителем языка» [Позднякова 2017: 117]. В этом плане медийные новообразования не только способствуют пониманию действительности, но и позволяют выявить специфику осмысления окружающей действительности носителями языка, специфику рефлексивно-оценочной деятельности говорящих.

Обилие в медиатекстах неогеративов с размерно-оценочными префиксами и суффиксами демонстрирует такую отмечаемую исследователями особенность, как установка на гипертрофию общей, моральной или этической оценки при номинации лиц, объектов и событий [Социокультурные 2018: 61]. В современных медиатекстах широко представлены новообразования с синонимичными префиксами *супер-*, *гипер-*, *мега-*, которые не только указывают на высокую степень качества признака, но и способствуют выражению оценки: *Это такое счастье, когда у тебя такая большая семья. Суперсчастье* (НТВ. 27.08.2017); *Это не второй «Мюнхен», это «супер-Мюнхен», не объявление холодной войны, а констатация, что она идет, говорит Федор Лукьянов* (РБК. 01.03.2018); *Вся эта супермедицина не по карману среднему классу* (ННТВ. 20.05.2018); *Это настоящий супермузей* (Радио России. 20.05.2018); *Никому не показалось, что такой малый срок за вынос такого супертравляющего вещества* (Бизнес FM. 21.03.2018); *Говорить о суперпринципиальном отличии валюты Павла Дурова не приходится* (Бизнес FM. 21.04.2018); *Коррупция, которая была чудовищной тогда, стала суперчудовищной* (Россия 1. 22.04.2018); *Выбор был супернеожиданный: платье у нее от Живанши* (РБК. 20.05.2018); *Я бы не сказала, что этот гардероб выглядит супертрагически* (1-й канал. 18.10.2018); *Бывшие жены своей гиперзаботой уничтожают артиста* (НТВ. 20.05.2018); *со стороны мамы была и гиперопека, гиперконтроль* (НТВ. 30.09.2018); *Сделать турнир гипербезопасным* (НТВ. 20.05.2018); *все гиперлогично* (Бизнес FM. 30.01.2018); *Всегда все равно я собранна, гиперсобранный* (1-й канал. 11.03.2018); *Это была мегасвадьба* (НТВ. 27.08.2017); *Небензя назвал происходящее мегапровокацией* (Бизнес FM. 06.04.2018); *Пожилый человек может быть мегаполезен* (1-й канал. 12.02.2018); *Сможет ли дочь Синди Кроуфорд повторить успех своей мегазнаменитой матери* (1-й канал. 11.03.2018); *Это мегамасштабная трагедия* (Россия 24. 27.03.2018); *не потому что красная армия мехохоршая* (Россия 1. 17.10.2018).

Диминутивы в современных масс-медиа имеют не столько размерное, сколько оценочное значение: *Вот уж у кого не рост, а ростище, не коса, а косища, а подтянутая фигура этой красотки сводит вас с ума* (<https://sunmag.me/column/14-09-2018>). По мнению ученых, «создание иронического эффекта является давней и устойчивой функцией диминутивов. Ироническая коннотация диминутивов охватывает целый спектр оттенков отношения, выражаемого диминутивами» [Фуфаева 2018: 310]: *<...>наши псевдозвезды знают только две категории: «Я» и «Я и другие». Даже наши желторотые артистишки этим грешат...* (Собеседник. 2014, № 44); *И в этой связи нам в России следовало бы поумерить любование «Америчкой», столь свойственное нашей новой элите* (Аргументы и факты. 2017, № 39); *Стали внедрять шпионов и шпиончиков* (1-й канал. 29.09.2017); *Штурмовички. Почему активисты «антимайдана» и поджигатели «за Матильду» на самом деле не союзники Кремля* (Новая газета. 2017, № 104); *Я пытался просить друзей этот фильмца в Москве показать* (Россия 1. 21.10.2018). Таким образом, «ласкательные диминутивы со стороны часто воспринимаются как нечто нелепое, заслуживающее осмеяния» [Фуфаева 2018: 306].

По мнению ученых, «современной функцией шутливых диминутивов является избегание пафоса, категоричности и навязывания своих эмоций. В этой роли чаще, чем существительные, выступают диминутивы-прилагательные и слова категории состояния» [Фуфаева 2018: 309]: *У нас в Питере все **пряменько, перпендикулярненько, параллельненько*** (Россия 1. 17.05.2015); *Иными словами, все **точь-в-точненько*** (1-й канал, развлекательная программа «Точь-в-точь». 22.02.2015); *Это выглядит очень специфично для нашего **толерантненького** мира, где примирить удалось, вон, даже бандеровца с евреем* (Завтра. 2016, № 30); *Молодые технократы <...> такие худенькие, **высокенькие, спортивненькие*** (Вести FM. 10.10.2017).

Негативную оценку лица выражает суффикс *-оид* со значением подobia, который нередко присоединяется к личным именам собственным: *Ельциноиды, путиноиды, навалноиды...* (политико-психологический этюд). Суффикс *«-оид»* я буду использовать для обозначения тех людей, кто воспринимает любое невождержанное высказывание в адрес своего кумира как личное оскорбление, как покушение на нечто сверхзначимое (если использовать психологический язык). В этом смысле настоящих коммунистов можно назвать *лениноидами* (Эхо Москвы. 09.08.2013).

Обилие новообразований с префиксами *псевдо-* с семантикой неистинности, ложности, *недо-* с семантикой «кто-л.(что-л.), не обладающий(ее) полностью признаками того, кто(что) назван(о) мотивирующим существительным» [Лопатин, Улуханов 2016], а также префиксоидом *лже-* «отражает неприятие ситуации смены идеологических ориентиров в стране, специфику оценочной реакции говорящего, направленной на дискредитацию ложных ценностей и фальшивых приоритетов» [Социокультурные 2018: 63]: *Мой город просто кишит недомузыкантами-критиками* (Новая газета в Нижнем Новгороде. 04.12.2009); *Ксения обвинила Катю в том, что у нее комплекс «недозвезды»* (Новое дело. 10-16.07.2011); *сметотворный недокандидат* (Вести FM. 31.01.2018); *полностью совпадает с адресом недоотравленной госпожи Шапиро* (Вести FM. 19.09.2018); *Псевдоколдуны, псевдоцелители работали в лучших традициях не черной, а грязной магии* (Россия-24. 13.09.2018); *На американских биржах сейчас, как говорят, псевдорост* (НТВ. 18.09.2018); *псевдомолочный продукт* (Радио России. 04.10.2018); *Вся эта псевдодревнерусская дребедень прозвучала не случайно* (Радио России. 16.10.2018); *Как лжемедики в Кирове, лжеврачи обманывали пенсионеров* (1 канал. 15.08.2018); *Схема работы лжегазовщиков <...> псевдогазовщиков выглядит так: раскинуть сети по всей стране* (Бизнес FM. 07.04.2018); *Мир еще не знал столько псевдобизнесменов, лжепредпринимателей и пустословных недо миллионеров, которые живут в буквальном смысле напрокат, в кредит да с арендой* (<https://sunmag.me/column/14-09-2018>). В последнем контексте префикс *недо-* оказывается синонимичным префиксу *псевдо-* и префиксоиду *лже-*.

В отонимическом словотворчестве активно используется суффикс *-цин(a)* со значением ‘бытовое явление, идейное или политическое течение, исторический период, характеризующийся отношением к лицу, названному мотивирующим существительным’ [Лопатин, Улуханов 2016: 701] с оттенком неодобрения: *Лучше хотя бы предполагать, чем обернется для нас трамповщина, чем оказаться неготовыми к каким-либо действиям Америки* (Iron post. 14.11.2016); *Как и почему <...> сформировалась некая маккейновщина* (1 канал. 28.08.2018); *Как говорит А.Б. Пугачева, это киркоровщина* (Бизнес FM. 02.05.2018); *Это не идеология, это хрущевщина – догнать и перегнать* (Бизнес FM. 25.04.2018).

Истероидный характер определенной части медийного дискурса, распространенность навязчивых пристрастий или страхов в современном

обществе способствовали появлению новообразований с компонентами -мания, -фобия: *От обамамании до обамифобии всего один президентский срок* (Россия 1. 08.12.2015); *Правда, отечественные бизнесмены страдают особой формой «трампомании»* (Московский комсомолец. 09.11.2016); *В Украине вновь началась волна «савченкомании»* (Аргументы и факты в Украине. 27.05.2016); *Возможно, потому, что трампомания, трампифобия и прочие социально-психологические эксцессы, с его фигурой связанные, явно пережёлтывают через край и внутри США, и во всём мире* (Завтра. 12.07.2017); *Эта новая марксомания появилась и в Германии* (Россия 1. 22.04.2018).

«Многие новообразования демонстрируют отклонения от стандартных словообразовательных моделей, то есть языковую аномальность, лингвокреативность, что отражает специфику современной образности с ее игровым началом, установкой на нарушение автоматизма восприятия речи адресатом и на усиление роли авторского начала» [Рацибурская, Радбиль 2017]. Таким образом, словообразовательные модели и созданные по ним медийные новообразования могут рассматриваться «как категоризаторы опыта, приобретаемого человеком и осмысливаемого им в процессе взаимодействия с окружающим миром» [Позднякова 2017: 70].

Литература

Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. Волгоград: Парадигма, 2015. 432 с.

Лопатин В.В., Улукханов И.С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.

Позднякова Е.М. Современное английское словообразование: когнитивный аспект // Современные тенденции в германском языкознании: особенности вербализации смыслов: колл. монография. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 59-122.

Рацибурская Л.В., Радбиль Т.Б. Национально-культурные аспекты современных словообразовательных процессов // Язык и ментальность в диахронии. Владимир: Транзит-ИКС, 2017. С. 345-350.

Социокультурные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов: колл. монография / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 232 с.

Фуфаева И.В. Диминутивы в русских иронических дискурсах: от дружеской шутки до сарказма // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2018. С. 302-311.

L. V. Ratsiburskaya (Nizhny Novgorod, Russia)
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

LINGUO-COGNITIVE SPECIFICITY OF MODERN MEDIA NEOLOGISMS

The article deals with usual and non-usual media neologisms in linguo-cognitive and linguocultural aspects. Word-building models and appropriate derivatives reflects the connections between people and reality.

Key words: media text, neologisms, cognitive linguistics, linguoculturology.

A.A. Рачёва (Иркутск, Россия)
Иркутский государственный университет
aleksandracheva@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДЕЙКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С ПРОСТРАНСТВЕННОЙ СЕМАНТИКОЙ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ¹

Исследование посвящено рассмотрению дискурсивных функций дейктических единиц с пространственной семантикой *ВОТ*, *ЭТОТ*, *ТУТ/ТАМ* в когнитивной перспективе. Устанавливается корреляция между употреблением дейктиков в определённых функциях в устном нарративном дискурсе и обусловливающими это когнитивными процессами.

Ключевые слова: устный дискурс, устная речь, когнитивные процессы, дискурсивные маркеры, дейктические единицы.

¹ Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности Минобрнауки России (№ 28.9753.2017/8.9) и индивидуального исследовательского гранта ИГУ № 091-18-227.

Традиционно дейктические единицы анализируются либо как собственно указательные, либо как анафорические средства, обеспечивающие связность текста.

Однако в последние десятилетия дейктики стали рассматриваться в кругу так называемых дискурсивных слов / маркеров (см., например [Дараган 2003; Кобозева 2007]). Дискурсивные слова являются одним из важнейших средств организации повествования и регулирования коммуникативного взаимодействия между говорящим и адресатом. Вместе с тем, анализ дискурсивных маркеров позволяет формулировать предположения о когнитивных процессах, протекающих в сознании говорящего в момент речи. Именно это обуславливает особую значимость изучения **дискурсивных функций** дейктических единиц.

В рамках данного исследования мы рассматриваем ряд функций дейктических единиц *ВОТ*, *ЭТОТ*, *ТУТ/ТАМ* в когнитивной перспективе.

В качестве материала исследования использованы тексты интервью, записанных с жителями Иркутска и Иркутской области в рамках проекта «Устная история Иркутска». Интервью представляют собой неподготовленное развёрнутое повествование о прошлом (и в некоторых фрагментах – о настоящем), рассматриваемое как устный дискурс нарративного типа. Подобные естественные тексты значительного объёма дают богатый материал для изучения различных явлений, характерных для устной речи, в том числе и для анализа дискурсивных употреблений дейктических единиц.

В соответствии с постулатом о когнитивной мотивированности языковой формы [Кибрик 2008: 51-77] предполагается, что употребление анализируемых дейктических единиц в дискурсивных функциях обусловлено определёнными когнитивными процессами. Рассмотрим некоторые из них.

Одной из самых частотных функций единицы *ВОТ* в устном дискурсе является функция маркирования конца синтагмы/эпизода (финальное *ВОТ*). В подобных случаях единица *ВОТ* является средством сегментирования дискурса.

(1) *Сейчас хоть эти... Капиталисты. Продовольствие есть. Мало-немало, еда-то есть. И едим, хоть и дорогое, но. За это работать надо. Вот. А кто не хочет работать – вон сколько их, бичей, ходит, вот, по помойкам идут. Вот. Я бы лучше повешался, чем ходить по помойкам. Вот. Я заработал пенсию, сорок лет проработал, вот, без сучка и задоринки. Вот так.*

Как представляется, когнитивные корреляты процесса сегментации, осуществляемого с помощью *VOT*, зависят от объёма выделяемых дискурсивных компонентов (синтагма/эпизод дискурса). Когнитивным компонентом, соответствующим синтагме, является, по мнению У. Чейфа [Chafe 1994], **фокус сознания** – совокупность информации, которую сознание может удерживать в активном состоянии. Это позволяет заключить, что когнитивным процессом, соответствующим сегментации дискурса на синтагмы, является **процесс перемещения фокуса сознания**. В качестве когнитивной основы эпизода дискурса мы вслед за Т. ван Дейком [Ван Дейк 2000] рассматриваем **модель ситуации**. Следовательно, соответствующим сегментации когнитивным процессом в этом случае будет **процесс изменения модели ситуации**.

Разнообразные дискурсивные функции анализируемых дейктиков позволяют **обеспечить связность повествования**. Так, на связи между компонентами дискурса указывает употребление единицы *VOT* в функции маркера анафорической связи (2), единицы *TUT* в функции маркера поворота в повествовании (3), единицы *VOT* в функции маркера продолжения повествования (4).

(2) *А оставили голытьбу, которую, кроме водки, ничего ему не надо было, который ни землю обрабатывать, ни умения, ни знания, ничего у него не было. И день еще к тому же. Вот они у нас у власти были.*

(3) *И два мужика выходят. Один-то на козлах сидел. А второй-то, я что-то не знаю, откуда появился. С огромным сачком. Ну мы сразу... что они будут там делать? А тут собака такая небольшая выскочила из подворотни.*

(4) *Я перевелся на вечерний факультет. И вот на вечернем учился очень хорошо, успешно.*

Как известно, **обеспечение связности** реализуется прежде всего с помощью разнообразных анафорических средств, позволяющих маркировать кореферентность определённых объектов. Поскольку за выбор анафорического средства и – шире – референциальный выбор вообще отвечает **рабочая (оперативная) память**, то есть память, обеспечивающая сохранение информации, необходимой для выполнения актуальной задачи, а когнитивным механизмом, обуславливающим этот процесс, является активация референта в сознании говорящего [Кибрик 2003], есть основания полагать, что подобные дискурсивные употребления дейктических единиц мотивированы именно **активацией референта**.

Дейктические единицы *ЭТОТ* (5), *ТАМ* (6) и *ВОТ* (7) также могут маркировать речевые затруднения, типичные для устной речи.

(5) Ну вот я так у бабушки, у этих... прожила... у родственников. В школу ходила, первый класс.

(6) Ну... был только вот этот... Синюшка, она уже начина... начинала уже, когда там строить начинали на Синюшке.

(7) А если бы он их со всеми проводил, если бы он со всеми за детьми, да, там... эээ... за детей болел, да, с ними работал, естественно, он никогда бы не стал снимать этот пистолет.

Как указывает большинство исследователей, **речевые сбои** вызваны «**нарушениями при извлечении слова из ментального лексикона**» [Бергельсон и др. 2015: 44] (см. также [Дараган 2003; Подлесская 2006]). Следовательно, употребление дейктиков в функции маркера речевых затруднений с когнитивной точки зрения обусловлено именно этим когнитивным процессом.

Ещё одной функцией дейктических единиц с пространственной семантикой является выражение отрицательной оценки. Данную функцию могут выполнять единицы *ЭТОТ* (8) и *ТАМ* (9).

(8) И когда тут этот наш Романов, знаменитый наш самый, сво-дочь, коммунист.

(9) Это те, которые хорошо смогли наскрести из того, что нация создавала. Вот они и построили себе там Дом Кузнеца, там дом Европы вот этот. Вот.

Как утверждается, **выражение оценки** с когнитивной точки зрения мотивировано **процессом принятия решений**: «Говорящий, оценивая некоторый объект X как q (как обладающий характеристикой q), делает следующее: определив некоторый признак Q [основание оценки] и сопоставив Q с X [объект оценки], выбирает значение признака Q, равное q, и приписывает q X, полагая, что выбор q для X может влечь некоторое практическое следствие [аналог акта принятия решения]. Признак Q в случае общей оценки соответствует оценочной шкале “Хорошо – Плохо”» [Баранов 2016: 75]. Таким образом, употребление единиц *ТАМ* и *ЭТОТ* в оценочной функции мотивировано процессом принятия решений.

Таким образом, мы можем заключить, что функционирование дейктических единиц с пространственной семантикой в устном дискурсе мотивировано различными когнитивными процессами: употребление финального *ВОТ* – процессом перемещения фокуса сознания или

изменением модели ситуации, использование различных дейктиков, обеспечивающих связность дискурса, – процессом активации референта в сознании говорящего, употребление дейктиков, маркирующих речевые сбои, – нарушениями при извлечении слова из ментального лексикона, использование дейктиков для выражения пейоративности – процессом принятия решений.

Литература

Бергельсон М.Б., Акинина Ю.С., Драгой О.В., Искра Е.В., Худякова М.В. Затруднения при порождении слов в дискурсе и их формальные маркеры: норма и патология, или о недискретности нормы в языке и речи // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2015». М.: Изд-во РГГУ, 2015. Вып. 14 (21). С. 41-52.

Баранов А.Н. О дискурсивных режимах использования оценочных слов и выражений // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2016». М.: Изд-во РГГУ, 2016. Вып. 15 (22). С. 72-83.

Дараган Ю.В. Паразитизм или симбиоз: механизм преодоления коммуникативных сбоев и обслуживающие его вербальные средства // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2003». URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2618/daragan.pdf> (дата обращения: 06.10.2018).

ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: Изд-во БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе: автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2003. 90 с.

Кобозева И.М. Полисемия дискурсивных слов и попытка ее разрешения в контексте предложения (на примере слова *вот*) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2007». М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 250-255.

Подлеская В.И. О грамматикализации и «прагматизации» маркёров речевого затруднения: феномен препаративной подстановки // Материалы Третьей конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. СПб: Нестор-История, 2006. С. 189-210.

Кибрик А.Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. 2006. № 4. С. 51-77.

Chafe W. Discourse, consciousness and time: The Flow and Displacement of Conscious Experience in Speaking and Writing. Chicago: University Of Chicago Press, 1994. 327 p.

Racheva A.A. (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University

COGNITIVE PROCESSES THAT DETERMINE THE FUNCTIONING OF DEICTIC UNITS WITH SPATIAL SEMANTICS IN ORAL DISCOURSE

The study focuses on the discursive functions of deictic units with spatial semantics of 'VOT' (HERE), 'ETOT' (THIS) and 'TUT/TAM' (HERE/THERE) in a cognitive perspective. Correlation is established between the usage of deictic units in certain functions in oral narrative discourse and cognitive processes behind it.

Key words: oral discourse, oral speech, cognitive processes, discursive markers, deictic units.

Т.В. Романова, А.С. Гвоздева (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
tromanova@hse.ru
alengvozdeva@gmail.com

КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СМЫСЛА НАЗВАНИЙ КАРТИН А.Н. ЮРКОВА

Публикация отражает результат исследования когнитивных механизмов формирования смысла названия картин нижегородского художника А.Н. Юркова. Рассматривается роль приёмов языковой игры в оперировании когнитивными структурами, участвующими в процессе ассоциативного мышления.

Ключевые слова: когнитивный механизм формирования смысла, ассоциация, языковая игра.

Предметом нашего исследования являются способы формирования смысла названий картин уникального мастера флорийской мозаики (уникальная техника создания картин только при помощи клея и растительных материалов: кусочков листьев деревьев, травинок, скорлупы орехов и пр.) [<https://kudago.com/nnv/place/galereya-yurkovka/>] нижегородца А.Н. Юркова. Среди когнитивных механизмов формирования смысла указывают профилирование, конкретизацию, изменение области концептуализации, концептуальное сравнение, интерференцию, концептуальную метафору, метонимию, интеграцию и др. [Болдырев 2009]. Интерес к теме обусловлен неординарностью названий картин художника – семантически ёмких мини-текстов, когнитивным механизмом создания которых, как правило, является интерференция (ассоциация, аллюзия, прецедентность), имеющая своей основой различные принципы и приёмы языковой игры (ЯИ). Цель исследования – раскрытие этого механизма через лингвистический анализ ЯИ, использованной в названиях картин А.Н. Юркова, и выявление особенностей ЯИ в её смыслообразующей функции.

В качестве материала для исследования были отобраны названия 24 картин, смысл которых формируется с использованием различных приёмов ЯИ. Источником материала послужили экспозиция галереи «Юрковка» в Нижнем Новгороде, а также репродукции произведений, опубликованные в интернет-архиве сайта «Юрковка» [<https://sites.google.com/site/urkovka52/gallery>] и в двух художественных альбомах [Юрков 2011, 2013]. Произведения А.Н. Юркова следует отнести к разновидности поликодовых текстов, так как их смысл формируется в единстве декодирования изобразительного и языкового знака. Поликодовый текст А.Г. Сонин определяет как «специфическое произведение, возникшее на основе взаимодействия в едином графическом и смысловом пространстве гетерогенных составляющих (изобразительной и вербальной)» [Сонин 2006].

С когнитивной точки зрения ключевое понятие исследования, ЯИ, «представляет собой ментальную деятельность по оперированию когнитивными структурами (концепты, фреймы, когнитивные стереотипы)» [Журавлёва 2002: <http://libed.ru/knigi-nauka/>].

Т.А. Гридина использует понятие лингвокреативного мышления как вида словесного (вербального) мышления человека, которое подчиняет-

ся законам функционирования языкового знака. Результатом такого мышления и является ЯИ – ломка в речи стандартных языковых форм на всех уровнях. По мнению автора, ЯИ базируется на реализации ассоциативного потенциала слова, представляемого как ассоциативная валентность знака и «совокупность реакций на словесный стимул, которые могут возникать в сознании носителей определённого языка и культуры» [Гридина 2016: 60]. В процессе создания и понимания ЯИ лингвокреативное мышление включает языковые знаки в новый контекст. ЯИ предполагает вариабельность ассоциативных контекстов языковых и текстовых знаков в различных ситуациях. В работах Т.А. Гридиной систематизирована также операциональная сторона ЯИ, дана характеристика и классификация механизмов и приёмов создания ЯИ, раскрыта ассоциативная природа ЯИ, основанная на ассоциативном потенциале слова.

В названиях картин А.Н. Юркова преобладает семантический тип ассоциирования, предполагающий обращение к малочастотным, индивидуальным проявлениям реакций. Источником формирования смысла при этом являются конкретно-чувственный опыт, общий культурный фон.

В процессе анализа были выявлены языковые средства и речевые приемы ЯИ, задействованные в формировании смысла названий картин. Средства и приёмы сгруппированы в соответствии с классификацией конструктивных принципов, сформулированных Т.А. Гридиной.

Принципы	Использующиеся приемы
Ассоциативная интеграция совмещение значения и формы ассоциатов	Контаминация
Ассоциативное наложение моделирование контекста, в котором один ассоциат обыгрывается на фоне другого	Обыгрывание омонимии и полисемии слова; одновременная актуализация прямого и переносного смысла слова, создание двуплановости содержания
Ассоциативная провокация несоответствие речевого прогноза употребления этого слова и реализации этого прогноза, вызывает эффект неожиданности	Применение метонимии и аллюзии

Ассоциативная выводимость осмысление слова как элемента, зависящего от устанавливаемой мотивационной связи	Графическое выделение значимой морфемы слова, создание игровых морфодериватов
Ассоциативное отождествление игровая идентификация, заключающаяся в подмене референта	Графическое членение слов, устранение интервалов между словами с созданием омофонов-парономазов
Ассоциативная имитация воспроизведение отклонения от нормы в речи, пародирование, звукоподражательная мотивация	Имитация речевых ошибок, графическое членение слов с целью повышения фоносемантики

Приведем конкретные примеры.

● **Ассоциативная интеграция.** Типичный для данного принципа прием контаминации наблюдается в названии картины «Коньфликт». Два коня «выясняют отношения». ЯИ проявляется на фонетическом и словообразовательном уровнях: окказиональное слово *коньфликт* как результат контаминации слов *конь* и *конфликт*.

- По принципу **ассоциативной провокации** осуществляется ЯИ в названии картины «Понаехали тут...». Распространенное выражение, используемое столичными/местными жителями по отношению к провинциалам/чужим и имеющее негативную коннотацию. «Местные» здесь – пара гусей на первом плане, остальные – «понаехали» и нарушают гусиный покой. Комический эффект достигается ЯИ на лексическом уровне. Чаще всего смысл названия картин А.Н. Юркова базируется на многозначности слова, что усиливает его семантическую нагрузку.
- ЯИ в названии «Стоки в истоки» создается по принципу **ассоциативного наложения**. Грязная речка, скучный городской пейзаж и сточная труба, выведенная к воде. Художник обыгрывает омофонию и рифмовку (фонетический уровень), а также употребляет слово *стоки* в прямом значении, а слово *истоки* в прямом и переносном ('природное начало') значениях, что создаёт ассоциативную неоднозначность на лексическом уровне. Таким образом, смысл названия картины можно интерпретировать как 'загрязнение, уничтожение истоков того, что наполняет нашу жизнь'.
- Принцип **ассоциативной выводимости** наблюдается в ЯИ, используемой в названии «Вот мы заБЛУДились»: приём выделения

значимой морфемы в роли самостоятельного слова *блуд*, указывающего на запретную, грешную любовь (морфологический и графический уровни языка). Акцентируется и двусмысленность исходного слова *заблудились*: видно, что пара не в дремучем лесу, а на берегу реки, поэтому имеется в виду, скорее, не прямое значение слова *заблудились* – ‘потерялись’, а значение ‘запутались, нагрелись’ (лексический уровень).

- Принцип **ассоциативного отождествления** можно проиллюстрировать на примере названия «Продам сто-га», где применён приём членения слов с целью отождествления сегментов слов с самостоятельными лексемами (графический уровень). Два неказистых стожка сена, кое-как огороженных на опушке леса. Слово *стога* разделено на две части, и текст названия в противоречие изображению сообщает о продаже ста гектаров земли.
- Принцип **ассоциативной имитации** наблюдается в звукоподражательной мотивации названия «Там клю-ква» (фонетический и графический уровни). Ничем не примечательное болото с деревянным настилом на первом плане картины. Разделение дефисом слова *клюква* повышает его ассоциативный потенциал, его фоносемантику. Сегменты слова приносят ассоциации по фонетическому сходству: *ква* – это лягушки в болоте, *клю* – это и *клювы* диких уток, и *клю-клю* – звук воды под мостиком, когда по нему идут.

Итак, названия картин А.Н. Юркова демонстрируют смыслообразующую функцию феномена ЯИ и ассоциативную природу формирования смысла. Особенностью ЯИ у А.Н. Юркова является употребление многозначных и узуальных языковых форм; наложение или контрастное использование семантики вербальной и изобразительной составляющих. Ассоциативный потенциал названия реализуется только в единстве двух кодов: языкового и изобразительного.

Литература

Болдырев Н.Н. Форматы знания в языке и методы их исследования // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Приложение к журналу. Тамбов, 2009. С. 57-77.

Гридина Т.А. Игровой потенциал слова (по данным ассоциативного словаря. // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке:

материалы докладов и сообщений Международной научной конференции 28-30 сентября 2016 г. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2016. С. 56-69.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи: дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996. URL: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 06.11.2017).

Журавлева О.В. Когнитивные модели языковой игры (на материале заголовков русских и английских публицистических изданий): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2002. URL: <http://libed.ru/knigi-nauka/> (дата обращения: 11.12.2017).

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 2006. URL: <http://cheloveknauka.com/> (дата обращения: 10.11.2017).

Юрков А.Н. Флорийская мозаика. Фоторепродукции. Нижний Новгород. 2011, 2013.

<https://kudago.com/nnv/place/galereya-yurkovka/>.

<https://sites.google.com/site/urkovka52/gallery>.

T.V. Romanova, A.S. Gvozdeva (Nizhny Novgorod, Russia)

National Research University

«Higher School of Economics»

tromanova@hse.ru

alengvozdeva@gmail.com

COGNITIVE MECHANISM FOR FORMING THE SENSE OF NAMES OF PICTURES BY A.N. YURKOV

The publication speaks about the study reflecting the cognitive mechanisms for the formation of the meaning of the paintings' name by Nizhny Novgorod artist A.N. Yurkov. The role of the language game in dealing with cognitive structures participating in the associative thinking is considered.

Key words: cognitive mechanism of sense formation, association, language game.

*Е.И. Саксин (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
egorsaksin@rambler.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЧЕСТВА ЧАКА ПАЛАНИКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БОЙЦОВСКИЙ КЛУБ» И ЕГО ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)

В статье рассматривается специфический язык творчества Чака Паланика и вопрос точности переводов романа Ч. Паланика «Бойцовский клуб» на русский язык Ильёй Кормильцевым и Алексеем Егоренковым.

Ключевые слова: Чак Паланик, язык, мышление, сленг, текст, перевод, минимализм, проза.

Чак Паланик – один из самых читаемых и противоречивых писателей современности. Трансгрессивная и минималистичная проза Ч. Паланика по своей провокационной стилистике близка к творчеству Ирвина Уэлша и Истона Эллиса. Критики писателя усматривают в лаконичности форм, используемых Палаником, бедность языка и ограниченность идей. Однако с этим трудно согласиться, так как в книгах писателя поднимаются важные философские вопросы: Что есть человек? Есть ли он только порочная копия Бога? Всегда ли Иисус был хорошим или какое-то время и он был плохим? Что же касается лексической составляющей романов Паланика, здесь стоит сказать прежде всего о том, что Паланик использует специфическую лексику: от профессионального сленга до жаргонизмов американской разговорной речи. О важности этих приёмов Паланик пишет в своих «36 эссе о литературном мастерстве» [Palahniuk. Topic One].

Данные особенности стиля произведений Паланика, без сомнения, усложняют процесс перевода романов автора на русский язык. Принимая во внимание тот факт, что, согласно определению Ю.С. Степнова, язык – это инструмент мышления и познания, «пространство мысли» [Степанов 1997: 15], а сам процесс перевода, согласно А.Д. Швейцеру [Швейцер 1988: 5], представляет собой процесс межкультурной коммуникации, имеющий целью создание в определенной культурной и языковой среде нового текста (метатекста) на основе анализа и преобразования исходного текста на другом языке, перевод любого художественного произведения

с одного языка на другой – это переход из одного пространства мысли в другое. Задача переводчика, таким образом, минимизировать «искривления пространства», которые могут возникнуть в результате такого перехода.

В силу уже частично названных выше особенностей стиля Чака Паланика переводы его романов активно обсуждаются в среде переводчиков и читателей. Самая интересная ситуация сложилась с романом Чака Паланика «Бойцовский клуб», который, по состоянию на сегодняшний день, имеет пять разных переложений на русский язык. Символично, что каждый следующий перевод создавался как ответ на недовольство аудитории качеством выполнения перевода предыдущим автором. В частности, переводчик последнего на сегодняшний день перевода Александр Завгородний пишет в предисловии к своему переводу, что множество переводов романа «Бойцовский клуб» появилось по той причине, что первый переводчик романа – Илья Кормильцев – не сумел передать всю уникальность ломаного и минималистичного стиля писателя. Действительно, такие фирменные приёмы Паланика, как рефрены или подробные описания деталей, физиологических процессов не передаются в тексте перевода И. Кормильцева. Играющим важную роль в текстах Паланика недиалоговым деталям, таким, как тон речи, жесты, действия, и происходящим на периферии внимания говорящего и слушающего, также не уделено должного внимания в переводе Ильи Егоренкова. По общему мнению англоговорящих читателей романа, наибольшему искажению подверглись первые главы романа.

Обращаясь к когнитивной лингвистике, можно вспомнить высказывание М. Халлидея, который отмечает: «Исключительное богатство естественного языка, его способность конденсировать совокупный коллективный опыт культуры в единый, контролируемый, усваиваемый код – именно эти уникальные свойства языка делают его категории неуловимыми для истолкования, несмотря на наши сознательные усилия достичь его» [Halliday 1988: 4]. Почему это важно и каким образом относится к творчеству Ч. Паланика? Чак Паланик, как и любой другой писатель, ориентируется в своём творчестве на определённую целевую аудиторию, обладателей определённой картины мира. Иными словами, вспоминая формулу немецкого философа-экзистенциалиста Мартина Хайдеггера, гласящую, что «язык – дом бытия человека» [Хайдеггер 2002: 12], можно смело заявить, что, используя определённый язык, Паланик

пишет свою прозу для определённого «дома». Как отмечают в своей статье Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров, «язык задает пределы бытию и бытие в языке ограничивает человека» [Верещагин, Костомаров 2005: 422], делая его одновременно традиционным и инновационным. Точно так же и язык книг Чака Паланика является одновременно и традиционным, и инновационным: для одних читателей ломаный стиль – традиция, так как стилистика максимально близка к их разговорной речи, для других же – новация. Именно по этой причине переводить «Бойцовский клуб» исключительно литературным языком – в корне неверно.

Первый переводчик «Бойцовского клуба» Илья Кормильцев использует в своём переводе литературный язык. Очевидно, что при первом прочтении «Бойцовского клуба» И. Кормильцев не смог вычленить те стилистические особенности, благодаря которым проза Паланика стала так популярна в США и из-за которых так далека от классической литературы. Возможно, сказалась банальная рассеянность внимания, сконцентрированного на других проектах. (В 2001 году И. Кормильцевым был переведен целый ряд книг: романы Ежи Косинского «Ступени» и «Чёртово колесо», роман Пола Остера «Тимбукту», роман Ричарда Бротигана «Ловля Форели в Америке» и роман Роберта ван Гулика «Убийство по-китайски: Лабиринт»). Перевод же Алексея Егоренкова, создававшийся как ответ на первый перевод романа, учитывавший его (перевода И. Кормильцева) неудачи и концентрирующийся на передаче авторского стиля Чака Паланика, конечно, во многом лишён таких недостатков.

Для наглядности рассмотрим пример.

Оригинал: *“The big wet face settles down on top of my head, and I am lost inside. This is when I’d cry. Crying is right at hand in the smothering dark, closed inside someone else, when you see how everything you can ever accomplish will end up as trash.*

Anything you’re ever proud of will be thrown away.

And I’m lost inside.

This is as close as I’ve been to sleeping in almost a week.”

Кормильцев: «*Большое мокрое лицо прижимается к моей макушке, и тут-то я обычно начинаю плакать. Я один и темнота кругом. Плакать легко, когда ты ничего не видишь, окружённый чужим теплом, когда понимаешь: чего бы ты ни достиг в этой жизни, всё рано или поздно будет выброшено на помойку.*

Я один и темнота кругом.

Я не спал уже почти неделю».

Егоренков: *«Большое влажное лицо укладывается на моей макушке, и я теряюсь где-то внутри. Это тот момент, когда я плачу. Это то, что надо – плакать в окутывающей тебя темноте, замкнувшись внутри кого-то другого, когда видишь, что все, чего ты когда-либо сможешь добиться, в итоге окажется грудой хлама.*

Все, чем ты когда-либо гордился, будет выброшено прочь.

И я теряюсь где-то внутри.

Это что-то вроде того, как если бы я проспал неделю кряду».

Данный отрывок описывает состояние главного героя, который находит единственное отдохновение в объятиях Большого Боба. Такие сеансы терапии рассказчик сравнивает с тем, «как будто (он) спал целую неделю без перерыва». В связи с этим завершение Кормильцевым абзаца фразой «Я не спал уже почти неделю» выглядит крайне нелогичным и даже странным. Создаётся впечатление, что И. Кормильцев не понял, что имел в виду автор. Кроме того, И. Кормильцев вообще не переводит половину предложения, а также треть от конца предложение, которое А. Егоренков переводит: «Все, чем ты когда-либо гордился, будет выброшено прочь». На самом деле это важная смысловая составляющая текста – рефрен, передающий настроение главного героя, разочарованного в жизни и не знающего, как справиться с её бессмысленностью [Palahniuk. Topic Eight].

Похоже, что Илья Кормильцев не знал про роль рефренов и потому ошибся в передаче не только эмоционального состояния главного героя, но и стиля автора в целом. При анализе первых глав перевода романа на русский язык Ильёй Кормильцевым становится очевидно, что переводчик скорее пытался «изобрести» стиль Паланика (по-своему эпатажный и провокационный, но всё же литературный), чем передать то, что было в тексте оригинала.

Литература

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. М.: «Индрик», 2005. С. 422-423.

Габисова К.Р., Галлямова М.С. Сленг как текстообразующий фактор в романе Чака Паланика «Бойцовский клуб» и его отражение в русском переводе // Международный научный журнал «Символ науки». 2015. № 8. С. 172-174.

Завгородний В. Несколько слов о переводе. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/palanik-chak/bojcovskij-klub-per-v-zavgorodnij/36>.

Паланик Ч. Бойцовский клуб / пер. И. Кормильцева. М.: АСТ, 2014. 254 с.

Паланик Ч. Бойцовский клуб / пер. А. Егоренкова. URL: <http://litresp.ru/kniga/ru/%D0%9F/palanik-chak/bojcovskij-klub-perevod-aegorenkova>.

Перцов Н.В. Грамматическое и обязательное в языке // ВЯ. 1996. № 4. С. 39-61.

Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. Переизд.: СПб.: Наука, 2002; М.: Академический проект, 2010.

Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 340 с.

Halliday M.A.K. Language and Socialisation: Home and School // Linda Gerot, Jane Oldenburg and Theo van Leeuwen (eds.) Language and Socialisation: Home and School. Proceedings from the Working Conference on Language in Education, Macqarie University 17-21 November 1986. Macqarie University, 1988. P. 1-16.

Palahniuk Ch. Fight Club. URL: [http://biblioteca.salamandra.edu.co/libros/Palahniuk,%20Chuck%20-%20El%20Club%20de%20la%20Lucha%20\(english\).pdf](http://biblioteca.salamandra.edu.co/libros/Palahniuk,%20Chuck%20-%20El%20Club%20de%20la%20Lucha%20(english).pdf).

Palahniuk Ch. Topic Eight. Nuts and Bolts: Using Choruses. URL: <https://chuckpalahniuk.net/sites/all/flash/chuckessays/08/essay.html>.

Palahniuk Ch. Topic One. Establishing Your Authority. URL: <https://chuckpalahniuk.net/sites/all/flash/chuckessays/01/essay.html>.

E.I. Saksin (Nizhny Novgorod, Russia)

National Research University «Higher School of Economics»

egorsaksin@rambler.ru

LINGUISTIC FEATURES OF CHUCK PALAHNIUK'S WORKS (BASED ON NOVEL "FIGHT CLUB" AND ITS TRANSLATIONS ON RUSSIAN LANGUAGE)

This work researches peculiarities of the language of Chuck Palahniuk's books and the problem of their translations into the Russian language.

Key words: Chuck Palahniuk, language, thinking, slang, text, translation, minimalism, fiction.

*К.Я. Сигал (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
kjseagal@yandex.ru*

ПЕРЕХОД ОТ АТРИБУТИВНОЙ КОНСТРУКЦИИ К ПРЕДИКАТИВНОЙ В ДИАЛОГЕ: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

В статье показано, что переход от атрибутивной конструкции к предикативной, наблюдаемый в диалоге, можно объяснить в рамках когнитивно-прагматического подхода. Эта трансформация рассматривается как один из примеров креативности в синтаксисе. Кроме того, в статье ставится под сомнение идея о том, что переход от атрибутивной конструкции к предикативной обеспечивается исключительно изменением порядка компонентов.

Ключевые слова: когнитивно-прагматический подход, синтаксис, конструкция, диалог, креативность.

Когнитивно-прагматический подход, разработанный в методологии лингвистики конца XX века [Nuys 1992], позволяет изучать языковые единицы не столько в их структурно-семантической и тем более не столько в их формальной автономности, сколько в их участии в конструировании «квантов» объективного мира, представленных в перцепции и апперцепции субъекта речи, и в построении дискурса. Целостность когнитивно-прагматического подхода объясняется тем, что когниция, стремящаяся найти для своего воплощения оптимальную языковую форму, вовсе не беспристрастна: какой бы обобщенной ни была ментальная репрезентация и какой бы стереотипной ни была процедура обращения с ней, субъект речи волен выражать ее по-разному, так, чтобы высказывание оказалось построенным как бы «по мерке» субъекта речи, т.е. указывающим на его интенции, установки, реактивность и т. д. Представляется, что, отталкиваясь от наблюдений над тем, как в дискурсивной практике используется та или иная языковая единица, сторонник когнитивно-прагматического подхода способен сказать нечто важное не только об этой языковой единице, обогащая ее традиционное описание, но и о субъекте речи как таковом.

Подобная двуединая направленность когнитивно-прагматического подхода способствовала эвристически многообещающей постановке проблемы лингвокреативной деятельности, которую до сих пор обсуждали

большей частью в стилистике художественной речи. Однако творчество в речи не является лишь уделом писателей с одной стороны и не может быть сведено исключительно к нетривиальным результатам применения языковых механизмов с другой. Как замечает О.К. Ирисханова, «когнитологи изучают порождение нового на уровне структур знаний. Здесь языковое творчество понимается скорее как процесс появления новых когнитивных образований и концептуальных структур, а также объективации их в языковых выражениях» [Ирисханова 2004: 33]. Поэтому в рамках когнитивно-прагматического подхода креативное начало склонны находить у любой языковой единицы, если за ней стоит такая ментальная репрезентация, которая отличается новизной в конкретном дискурсе и, возможно, создание которой было стимулировано тем или иным компонентом когнитивной (и, конечно, речевой) организации конкретного дискурса. Отсюда следует, что креативность, согласно когнитивно-прагматическому подходу, вовсе не обязательно связана с окказиональным характером языковой формы. Вслед за Е.С. Кубряковой можно полагать, что при такой трактовке творчества в речи «особую привлекательность для лингвистов представляют <...> альтернативные способы описания одного и того же, и именно потому, что они возвращают нас к онтологически тождественным реалиям, увиденным людьми с разных сторон <...>, а также и потому, что мы можем задуматься о причинах такого разного осмысления» [Кубрякова 2004: 17].

В области синтаксиса креативный потенциал нередко обнаруживают либо в рекурсивности правил и операций, либо в разном лексическом воплощении одной и той же синтаксической модели. Однако если в первом случае синтаксический механизм работает как бы по инерции, то во втором – тождество синтаксической формы «удерживает» одну и ту же структуру знаний. По-видимому, подлинно креативной в синтаксисе является такая осуществляемая субъектом речи трансформация, при которой различие между двумя конструкциями определяется исключительно различием их синтаксических форм. В частности, к подобным трансформациям относится переход от атрибутивной конструкции к предикативной, когда только вследствие преобразования синтаксической формы словосочетание становится предложением. Подобный переход обусловлен обычно стремлением субъекта речи маркировать новую структуру знания: его цель – не назвать предмет вместе с его признаком, а высказать мысль о том, что предмету свойствен признак, чтобы, например, подчеркнуть этот

момент или, наоборот, усомниться в нем. В живой речи переход от атрибутивной конструкции к предикативной осуществляется в автоматизированном режиме. Субъект речи концентрирует внимание не на трансформации как таковой, а на своей интенции, для воплощения которой синтаксический формат словосочетания становится недостаточным и непригодным. При этом в языковой способности субъекта речи интериоризован переход от атрибутивного приписывания признака предмету к предикативному, что позволяет «оторвать» словосочетание от «внешнего» предиката и, найдя в нем «внутренний» предикат, переформатировать словосочетание в предложение.

В традиционной грамматике переход от атрибутивной конструкции к предикативной рассматривался, естественно, безотносительно к его интенционально-когнитивной «подоплеке» и, как это ни удивительно, сводился к перестановке определения и определяемого. Однако инверсия не нарушает тождества атрибутивной конструкции (словосочетания), хотя и приводит к ее стилистической модификации. Инверсия никак не влияет на функциональный статус компонентов (определяемый/определяющий) и сама по себе не способна преобразовать словосочетание в предложение. Инверсия только сопровождает переход от двухчленной формы атрибутивной конструкции к трехчленной форме (с учетом нулевой связки) предикативной. Всего же разграничение атрибутивной и предикативной конструкций охватывает семь формальных признаков [Сигал 2010: 72-81], и они, безусловно, так или иначе учитываются при переходе от первой ко второй. Кроме того, в традиционной грамматике описание перехода от атрибутивной конструкции к предикативной происходило в отрыве от дискурса, в котором этот переход мог бы быть осмыслен не как металингвистическая процедура, а как подлинно речевой процесс, удовлетворяющий определенные потребности субъекта речи.

В рамках когнитивно-прагматического подхода одними из наиболее перспективных являются наблюдения над тем, как переход от атрибутивной конструкции к предикативной осуществляется в диалоге, где речевая кооперация собеседников создает естественные условия для этого перехода. В качестве примера рассмотрим следующий диалог: (1) – *Вы только послушайте: Анна купила себе **персидский ковер**.* (2) – *Ну и?..* (3) – *Так она всех заставляет обувь снимать.* (4) – *Так это понятно. **Ковер-то – персидский**.* (5) – *Да, но висит-то он на стене* (Антенна–Телесемь, № 39, 2012 г.).

Как видим, в 1-й реплике диалога употреблена атрибутивная конструкция (словосочетание) *персидский ковер*, в которой определяющий компонент обозначает признак по месту производства. В семантической структуре предложения эта атрибутивная конструкция выступает в роли объекта при акциональном предикате. В когнитивном плане это однофокусная дескрипция, тяготеющая к устойчивости. Оценочные семы словосочетания, относящиеся к сфере фоновых знаний, никак не выявлены. В 4-й реплике диалога дается причинное обоснование, оправдывающее то, о чем сообщается в 3-й реплике. Очевидно, что субъект речи мог бы сказать что-то типа *Вещь-то дорогая!*, но он поступает иначе, трансформируя атрибутивную конструкцию в предикативную: *Ковер-то – персидский*. Тем самым он создает сообщение, в котором в предикате, не потерявшем локативной семы, актуализируются оценочные семы ‘дорогой’, ‘ценный’ и т. п. Предикативное расчленение (пауза) подчеркнуто на письме пунктуационным знаком «тире», тематический компонент информационной структуры предложения маркирован суффиговой частью *-то*. Эта предикативная конструкция (предложение) имеет семантическую структуру «предмет и его признак» и обладает двухфокусной организацией.

Конечно, перед нами вовсе не бытовой диалог, а имитация бытового диалога с целью создания шутки. Однако, как и в обычной повседневной речевой кооперации, здесь инициатор общения не только провоцирует собеседника на высказывание, но и строит для него стимулирующий речевой контекст. Реактивность субъекта речи проявляется в этом диалоге в том, что, создавая собственное высказывание (в 4-й реплике), он берет лексический материал из 1-й, а смысловую импликацию – из 3-й реплики. По сравнению с атрибутивной конструкцией *персидский ковер* в предикативной конструкции *Ковер-то – персидский* воплощена новая ментальная репрезентация (пропозиция), в которой эксплицитно сообщается о том, что ковер является персидским, имплицитно – о его ценности и необходимости бережного отношения к нему, посредством же обратной импликации – о том, что поведение Анны, заставляющей всех снимать обувь, понятно и оправданно (интенция). Важно отметить, что переход от атрибутивной конструкции к предикативной обеспечивает не только связность, но и цельность (до 5-й реплики) диалога, т.е. ориентирован на построение дискурса.

В заключение необходимо сказать о том, что когнитивно-прагматический подход побуждает лингвистов изучать такие синтаксические процессы,

как переход от атрибутивных конструкций к предикативным, в режиме их реального осуществления в дискурсе, особенно в диалогическом. Приоритетными в диалоге становятся те из них, которые формируют сначала микромодели речевой кооперации, а затем – приемы построения диалога в эстетических или дидактических целях. Такие микромодели речевой кооперации (и, соответственно, приемы построения диалога), установить которые еще только предстоит в функциональном синтаксисе, представляют собой ту потенциальную эмпирическую среду, в которой может быть верифицирован ряд гипотез о языке, выдвинутых в рамках когнитивно-прагматического подхода.

Литература

Ирисханова О.К. О лингвокреативной деятельности человека: отглагольные имена. М.: ВТИИ, 2004.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. М.: ЯСК, 2004.

Сигал К.Я. Словосочетание как лингвистическая и психолингвистическая единица. М.: Ключ-С, 2010.

Nuyts J. Aspects of a cognitive-pragmatic theory of language. On cognition, functionalism and grammar. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamin, 1992.

Kirill Ya. Seagal (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

TRANSITION FROM ATTRIBUTIVE CONSTRUCTION TO PREDICATIVE IN DIALOGUE: COGNITIVE-PRAGMATIC APPROACH

The article shows that transition from attributive construction to predicative, observed in the dialogue, can be explained within the cognitive-pragmatic approach. This transformation is seen as one of the examples of creativity in syntax. In addition, the article calls into question the idea that transition from attributive construction to predicative is provided solely by changing the order of components.

Key words: cognitive-pragmatic approach, syntax, construction, dialogue, creativity.

*Т.А. Сидорова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова
t.sidorova@narfu.ru*

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ АДРЕСАНТА ЭКСТРЕМИСТСКОГО ДИСКУРСА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Изменение социокультурных практик повлекло за собой появление новых дискурсивных практик. Их изучение в различных аспектах привлекло внимание многих учёных. Актуальным стало исследование и различных видов дискурса. Цель данного исследования: описание коммуникативного поведения абстрактной личности – адресанта экстремистского дискурса – в когнитивном аспекте. В процессе исследования выявляются смысловые конструкты, характеризующие коммуникативное поведение.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, смысловой конструкт, пресуппозиция, личностные ценности, экстремистский дискурс.

Предметом данного исследования является коммуникативное поведение личности как представителя конкретной социальной группы. Поэтому объектом изучения становится социокультурная коммуникативная личность, в том числе и дискурсивная. Речевое поведение личности рассматривали такие учёные, как М.Б. Бергельсон, Л.И. Гришаева, Т.М. Дридзе, О.Г. Дубровская, В.И. Карасик, О.А. Леонтович, А.А. Леонтьев, В.Д. Лютикова, Т.А. Милехина, А.В. Олянич, Ю.А. Сорокин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Е.Ф. Тарасов, С.Г. Тер-Минасова, Л.В. Цуриков и др. Например, А.А. Леонтьев исследовал национально-культурную специфику речевого поведения [Леонтьев 1977]. В.И. Карасик изучил социокультурные ситуации с целью выявления в них речеповеденческих моделей, а также способы модификации речевого поведения [Карасик 2004]. Однако смысловые конструкты, детерминирующие специфику коммуникативного поведения реальной дискурсивной личности как представителя социума, не были предметом изучения.

Поскольку адресант формирует собственный дискурс, осуществляя речевую деятельность в определённом историческом, социальном и культурном контексте [Дридзе 1980], его внутренний мир передаётся не только манерой общения, речевыми сценариями, выбором языковых средств,

пресуппозициями, мировоззрением, но и смысловыми конструктами сознания, объективированными в дискурсе.

Материал исследования – различные жанры интернет-дискурса, чья экстремистская направленность была доказана в процессе экспертной деятельности.

В качестве основного метода используется когнитивно-дискурсивный анализ речевых действий как составляющих коммуникативное поведение личности. Формируя собственный дискурс, языковая личность становится дискурсивной и является одним из компонентов структуры дискурса наряду с коммуникативной компетенцией [Седов 2004].

Важными компонентами экстремистского дискурса являются аксиология адресанта, а также модус дискурса, характеризующий отношение говорящего к предмету речи [Сидорова 2018]. Данные компоненты детерминируют особенности коммуникативного поведения личности.

Мы исходим из положения, что основу концептуальной структуры дискурса составляют смысловые конструкты – устойчивые смысловые структуры, связанные с личными или групповыми ценностями. Это понятие было введено американским психологом Джорджем Келли, который поставил его во главу угла своей теории личности [Келли 2000]. Поскольку смысловой конструкт – это система понятий, которыми пользуется человек как критериями оценки, мы считаем важным учёт смысловых конструктов как факторов интерпретации коммуникативного поведения личности. Полагаем, что смысловые конструкты экстремистского дискурса – это закодированная информация, имеющая особую значимость для субъекта – носителя идеологии экстремизма, выражающая определённое отношение к тому или иному фрагменту мира и выполняющая функцию критерия дифференциации и оценки фрагментов и явлений. Смысловые конструкты взаимодействуют с личностными смыслами, смысловыми установками, смысловыми диспозициями, личностными ценностями.

К личностным ценностям носителей националистической идеологии можно отнести ценностную оппозицию «свои – чужие», которая трансформируется в сознании в конкретные оппозиции «народ – правительство», «чёрные – белые», «русские – инородцы», «националисты – быдло» и др. Личностной ценностью являются стереотипы исторических образов идеологов фашизма и расизма. Сюда же можно отнести и этнокультурные стереотипы сознания, которые подвергаются переосмыслению. Например, слова «патриотизм», «национализм», «интернационализм» и другие

реализуют в экстремистском дискурсе совсем не узуальные значения. Ценностью являются и коммуникативные установки на революционное возрождение нации на основе обращения к консервативным традициям и мифам прошлого, создание тоталитарного государства на основе примата крайнего национализма и др.

Поскольку смысловой конструкт как формат знания предназначен для оценивания и выражения отношения к окружающему миру, он становится регулятором жизнедеятельности личности. Следует иметь в виду, что наиболее общими ориентирами индивидуальной жизнедеятельности являются ценностные ориентации как смысловые компоненты мировоззрения. Для экстремистского дискурса характерны групповые ценности, связанные с националистическим мировоззрением. Мы считаем, что субъективную сторону словесного экстремизма составляют ценностные установки, ценностные ориентиры, личностные ценностные смыслы, смысловые диспозиции, смысловые конструкты, которые характеризуют коммуникативное поведение личности как носителя националистической идеологии.

Проанализируем плакат экстремистской направленности. На плакате изображена фотография маленькой белокурой девочки. Фотографию сопровождает надпись: *«Тебе решать – на каком языке будут говорить твои дети»*. Надпись представляет собой сложноподчиненное предложение с придаточным изъяснительным, первая часть которого является простым предложением с модальностью долженствования. Маркер – форма инфинитива глагола «решать», составляющая предикативную основу односоставного инфинитивного предложения; неопределенная форма глагола актуализирует семантику волеизъявления. Реализуется модальность настоятельной необходимости. Семантическая пресуппозиция обязательности, персональной ответственности усиливается прямой директивой – апелляцией к адресату (маркер – личное местоимение в форме дательного падежа «тебе»). Форма инфинитива («решать») маркирует категоричность. В целом высказывание воспринимается как директивное, т.е. реализуется речевой жанр требования. Это побуждающий жанр. Кроме того, в сознании адресата возникает прагматическая этнокультурная пресуппозиция: *решать – значит, действовать*.

Темой второй части высказывания является проблема выбора языка общения в семье, в государстве («на каком языке будут говорить твои дети»). Контекст актуализирует семантическую пресуппозицию: понятие «национальность» включает язык как один из наиболее существенных

признаков наряду с общей территорией, экономикой, культурой. Отсюда логическая пресуппозиция: ты должен сохранить чистоту своей нации. О какой нации идёт речь, можно судить по фотографии, на которой изображена светловолосая девочка. Светлые волосы – физический признак белой расы. Жест девочки символизирует необходимость не только выбора, но и последующих действий. Плакат вызывает рефлексию: в сознании возникает плакат военных лет с надписью «Ты записался добровольцем?». Взгляд девочки (жёсткий, колючий), сжатые губы аналогичны мимике военного плаката. Такая аналогия формирует логическую пресуппозицию: как военное время требовало решительных действий, так и сейчас нужны решительные действия. Этнокультурная пресуппозиция: девочка-ребёнок символизирует будущее. В завуалированной форме адресант даёт негативную оценку сложившейся ситуации. Реализуется логическая пресуппозиция: инородцы, мигрировавшие в Россию, могут «поглотить» русскую нацию и русский язык. Актуализируется смысловой конструкт *подстрекательства к решительным действиям против представителей небелой расы*. Идея *чистоты расы* как простой смысловой конструкт формирует вышеназванный сложный смысловой конструкт. Ценностным ориентиром адресанта является позитивная установка на национальное (этническое) и расовое (антропологическое) самосознание без учёта интересов других народов. В подтекстовой форме реализуется обоснование необходимости непримиримого отношения к другим расам (не белой). Маркируется и сценарий предостережения. Для реализации этих сценариев адресант использует стратегии и тактики воздействия: апелляция к чувству долга, апелляция к национальным стереотипам (белая кожа, светлые волосы, язык), общекультурным (дети – будущее, Родина изображается в образе женщины), гендерным (девочка – символ будущей матери), к оценке, к прецедентам (ассоциация с военным плакатом) и др.

Анализ различных жанров экстремистского дискурса показал, что его можно рассматривать как разновидность коммуникативного поведения. См., например, понимание дискурса как вида социально-речевого поведения [Абрамова, Свойкина 2014; Иссерс 2015]. Коммуникативное поведение адресанта экстремистского дискурса отличается тенденциозностью и отражает националистическую идеологию.

Литература

Абрамова Е.С., Свойкина Л.Ф. Дискурс как феномен социально-коммуникативной практики // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Краснодар: Наука и образование, 2014. № 12-3. С. 163-165.

Дридзе Т.М., Леонтьев А.А. Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980. 224 с.

Иссерс О.С. Дискурсивные практики нашего времени. 2-е изд., испр. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Языки славянской культуры, 2004. 477 с.

Келли Дж. Теория личности: психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 249 с.

Леонтьев А.А. Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объём, задачи и методы этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 5-14.

Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

Сидорова Т.А. Особенности экстремистского дискурса как вида коммуникации // Актуальные вопросы образования и науки. 2018. № 1 (63). С. 38-47.

T.A. Sidorova (Arhangelsk, Russia)

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

COMMUNICATIVE BEHAVIOUR OF ADDRESSER IN EXTREMIST DISCOURSE: COGNITIVE ASPECT

Changes in socio cultural praxis have entailed emergence of new discourse praxis. Studying of these praxis in their different aspects has drawn attention of many scientists. Research into different kinds of discourse has become urgent. The aim of the present study is to describe communicative behavior of an abstract personality, that of an addresser of the extremist discourse, in the cognitive aspect. In the course of research semantic constructs characterizing this communicative behavior are being revealed.

Key words: communicative behaviour, semantic construct, presupposition, personal values, extremist discourse.

Т.В. Хвесько (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
khvesko@inbox.ru

РЕЧЕТВОРЧЕСТВО С ПОЗИЦИИ КОГНИТОЛОГИИ

Внимание исследователей направлено на стратегические механизмы реализации метафоры. Считается, что сравнения, ассоциации и метафора – схожие явления. Однако рассмотрение данных явлений с позиции когнитивной лингвистики позволяет выявить их коренное отличие, а именно: метафора как комплексное знание является результатом стратегических мыслительных операций и носит результативный статический характер, в то время как сравнения и ассоциации являются ментальными процессами и носят явно динамический характер.

Ключевые слова: концепт, комплексное знание, когниция, метафора, сравнение, ассоциация.

Цель статьи – показать, как формируется комплексное знание в виде метафоры с использованием стратегических механизмов сравнения и ассоциаций. Теория познания представляет собой камень преткновения для многих наук. Основой познания, по мнению Дж. Локка, является опыт, который состоит из единичных восприятий, ощущений (действия предмета на наши органы чувств) и рефлексии. Идеи возникают в уме в результате абстрагирования восприятий. Локк называет *идеями* все то, что, существуя в сознании человека, является объектом человеческого мышления. Объекты, существующие во внешнем мире, вызывают в человеке простые идеи (ощущения), но иногда они представляют собой наше субъективное восприятие первичных качеств: цвет, звук, запах, вкус. Из этого исходного материала человеческий разум, действуя путем *соединения, сопоставления и абстрагирования*, составляет сложные идеи [Локк 1986].

Современный этап развития гуманитарных наук характеризуется когнитивным описанием языковой действительности, где обязатель-

но присутствуют понятия «когниция» и «ментальность». По мнению Е.С. Кубряковой, когниция есть познавательный процесс или совокупность психических (ментальных, мыслительных) процессов: восприятия, категоризации, мышления, речи, служащих обработке и переработке информации. Когниция – все процессы, в ходе которых сенсорные данные трансформируются, поступая в мозг, и преобразуются в виде ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценариев и т. п.), чтобы удерживаться при необходимости в памяти человека [Кубрякова 2008].

Поэтапная система переработки информации Ф. Крейка и Р. Локхарта, включающая первичный анализ сенсорных качеств объекта восприятия, перцептивный анализ (распознавание паттерна), семантико-ассоциативную обработку (определение значения) и самореференцию (соотнесение с «Я-системой»), подтверждает, что сравнение и ассоциация являются предшествующими этапами формирования знания [Craik, Lockhart 1972]. **Ассоциация** как один из основных механизмов памяти является естественным классификатором понятийного содержания лексики языка. Представления и понятия, которыми располагает память человека, связаны между собой. Эта связь основана на прошлом опыте человека и в конечном счете воспроизводит объективно существующую зависимость между явлениями реального мира [Хвесько, Басуева 2015]. При определенных условиях оживление одного представления или понятия сопровождается оживлением других, соотносящихся с ним. Это явление получило название *ассоциации* [Локк 1986]. Со времен Аристотеля различают ассоциации *по сходству, контрасту и смежности*. Ассоциации по сходству основаны на том, что ассоциируемые явления обладают некоторыми общими чертами. Они представляют собой результат обобщения условной связи, при котором сходные раздражители вызывают сходную реакцию (например, оживление синонимического ряда при актуализации одного из синонимов: горе – несчастье, скорбь, печаль, грусть и т. п.). Поскольку ассоциации отражают некоторые существенные связи между объектами и явлениями реального мира, а следовательно, и между понятиями, закономерно сделать вывод, что они играют важную роль в строении лексической системы языка. Словарь русского языка дает следующее определение понятия: «Ассоциация основана на нервно-мозговых процессах, связь между отдельными психическими актами (представлениями, мыслями, чувствами), благодаря которой за одним следует другое,

так или иначе с ним связанное» [СРЯ 1985: 49]. По мнению И.П. Павлова, ассоциация есть не что иное, как временная нервная связь, возникающая при определенных условиях. Английский словарь-тезаурус приводит следующие синонимы: association – blend, bond, combination, connection, correlation, identification, joining, juxtaposition, linkage, linking, mixture, relation, tie [СЕТ 1995: 67].

В отличие от ассоциативной связи мы рассматриваем **сравнение** как ментальный процесс, стратегический механизм речевой деятельности. Сравнить означает рассмотреть одно в связи с другим для установления сходства или различия или для установления преимуществ одного перед другим: сопоставить [СРЯ 1985: 230]. Comparison – contrast, distinction, juxtaposition, analogy, comparability, correlation, likeness, resemblance, similarity [СЕТ 1995: 177]. Синонимы: аналогия, компарирование, метафора, отождествление, параллель, приравнивание, сверка, сличение, соотнесение, сопоставление, сравнение, троп, уподобление, уравнение.

Метафора же как комплексное знание, сформированное с помощью стратегических механизмов речетворчества, имеет следующие синонимы: олицетворение, перенесение, сравнение, троп. Иными словами, метафора определяется в словарях как иносказательное выражение; троп, состоящий в том, что название одного понятия переносится на другое на основании сходства между ними (*Словарь иностранных слов русского языка*); вид тропа, в основе которого лежит ассоциация по сходству или по аналогии (*Словарь литературных терминов*); семантическая структура, представляющая особый способ познания, осуществляемый посредством генерации образов [Fauconnier, Turner 1998]. На двусторонность познавательного процесса (статический и динамический аспекты) указывает выдающийся российский когнитолог Н.Н. Болдырев, по определению которого результаты познавательного процесса проявляются в виде структурирования концептуальной и категориальной систем. Динамический аспект характеризуется мыслительными операциями, ведущими к достижению конечного результата – знания [Болдырев 2014]. По мнению Н.Н. Болдырева, разнообразие форм познания (когниции) определяет разные способы формирования концептов в сознании человека: на основе чувственного опыта, т.е. в результате восприятия окружающего мира непосредственно органами чувств: через зрение, слух, обоняние, осязание и вкус; на основе предметно-практической деятельности; на основе экспериментально-познавательной деятельности; на основе мыслитель-

ной деятельности (в результате рассуждений, умозаключений, выводов); на основе вербального и невербального общения [Болдырев 2014]. Условия формирования комплексного знания на основе разъяснения процессов взаимодействия когнитивного и метакогнитивного уровней в познавательной деятельности человека успешно описывает Л.А. Фурс. В ходе познавательной деятельности человек овладевает процедурным знанием в виде когнитивных стратегий, направленных на обработку и усложнение приобретенного опытным путем знания и регулирование отношений между концептами комплексных структур знания [Фурс 2018]. В ходе исследования автор выделяет два типа когнитивных стратегий – стратегию усложнения структуры знания и стратегию регулирования отношений между концептами комплексного формата знаний.

Таким образом, когнитивная наука как наука о процессах познания, о результатах восприятия мира и ментальной деятельности людей способствует пониманию сложной структуры когниции. Опираясь на положения когнитивной лингвистики, можно утверждать, что в языке существуют как ментальные когниции, механизмы формирования значений, для которых характерна динамичность, так и языковые когниции как результат обработки знания, концептуального структурирования. Метафора представляет собой языковую статичную когницию, мощное средство вербализации ментальных схем, используемых посредством языка как способ структурирования человеческого мышления.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 19-41.

Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Локк Дж. Опыт о человеческом разумении // Локк Дж. Избранные философские произведения: в 2 т. М., 1986. Т. 1.

Фурс Л.А. Взаимодействие когнитивного и метакогнитивного уровней в формировании комплексного знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 2. С.74-78.

Хвесько Т.В., Басуева Н.Ю. Вербальное воздействие как стимул к познанию // Когнитивные исследования языка. Вып. 21. 2015. С. 607-611.

Creik F.I.M., Lockhart R.S. Level of Processing. A Framework for Memory Research. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*. 1972. 11. P. 671-684.

Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // *Cognitive Science*. 1998. Vol. 22 (2). P. 133-187.

CET – Collins English Thesaurus, the Ultimate word finder. Madrid: Collins Publisher, 1995. P. 67.

СРЯ – Словарь русского языка в 4-х томах / ред. А.П. Евгеньева. М.: «Русский язык», 1985. С. 49.

T.V. Khvesko (*Tyumen, Russia*)

Tyumen State University

khvesko@inbox.ru

SPEECH CREATIVITY FROM THE POSITION OF COGNITOLOGY

The attention of researchers is directed to the similar phenomena participating in realization of a metaphor. Comparisons, associations and metaphor are considered the same processes. However, consideration of these phenomena from a position of cognitive linguistics allows to reveal their radical difference, namely: the metaphor as complex knowledge is result of strategic cognitive operations and has static character while comparisons and associations are intermediate links and have obviously dynamic character.

Key words: association, comparison, metaphor, concept, cognition, complex knowledge.

Х. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*Ван Тяньцзяо (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
931515224@qq.com*

МОДЕЛИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРИЗАЦИИ В РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С КОМПОНЕНТОМ 'ДОБРО'

В работе осуществляется анализ когнитивных моделей концептуальной метафоризации этических понятий в русской фразеологии на примере фразеологизмов с компонентом 'добро'. Показано, что в русских фразеологических единицах добро последовательно представлено в качестве активной, целенаправленно действующей одушевленной сущности, в качестве конкретного предмета (вещи), в качестве вещества (субстанции) и пр. Делается вывод, что подобные модели метафорического представления добра во многом обуславливают национальную и культурную специфику фрагментов русской языковой картины мира, воплощенных в русской фразеологии.

Ключевые слова: концептуальная метафора, когнитивные модели, концепт «добро», русская фразеология.

Данная работа посвящена анализу когнитивных моделей концептуальной метафоризации в русских фразеологизмах с компонентом «добро».

Цель исследования – выявление национальной и культурной специфики представления о добре в русской языковой модели мира, имплицитно отображенной в русской фразеологии.

В качестве методов исследования использован метод традиционного лингвистического описания и метод концептуального анализа.

Со времен Аристотеля метафора изучается либо в лексико-семантическом плане, как словесное обозначение, перенесенное с рода на вид, или с вида на род, или с вида на вид [Петров 1990:135], либо в стилистическом плане, как риторический троп [Ungerer, Schmid 2001: 153]. Новое понимание метафоры как формата знания о мире [Попова, Стернин 2007: 7-8] и элемента понятийной системы человека [Арутюнова

1999: 346] связано с возникновением когнитивного подхода к метафоре [Lakoff, Johnson 2003]. Это новое понимание метафоры прежде всего отражается в *теории концептуальной метафоры* [Lakoff, Johnson 2003: 272], в которой метафора понимается как элемент мышления человека, воплощающий базовые когнитивные процессы, которые связаны с получением новой информации о мире [Кубрякова и др. 1996: 55] и со способами представления этого нового знания в сознании [Скребцова 2011: 34] и суть которых заключается в осмыслении одного концепта в терминах другого концепта, более сложного явления – в терминах более простого, уже известного в опыте [Kovecses 2010: 7]. Тем самым концептуальная метафора как когнитивная стратегия познания окружающей среды и деятельности человека воплощает в себе базовые способы мышления, понимания действительности и поведения.

Мы в данной работе исходим из того, что в процессах концептуальной метафоризации большую роль играют ключевые концепты национальной культуры как этнически обусловленные единицы ментальной репрезентации. Поскольку познание и понимание абстрактных концептов в среде действия языка происходит в терминах конкретных концептов, это вполне соответствует механизмам действия концептуальной метафоры. Иными словами, в языковой картине мира этноса, формирующейся системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей, обязательному овеществлению по моделям концептуальной метафоризации подлежит любой абстрактный концепт, в том числе абстрактные этические концепты [Радбиль 2018: 131].

Именно в языке воплощаются базовые свойства человека, в том числе особенности его ментальности [Evans, Green 2006: 6]. В числе разных уровней языка и участков языковой системы совершенно особое место занимает фразеология как носитель культурных смыслов нации, так сказать, в концентрированном виде: фразеологизмы отражают особенности национальной культуры, мировоззрение этноса, его этические и эстетические нормы, систему идеалов и ценностей [Верещагин, Костомаров 1990: 68]. Таким образом, посредством анализа русских фразеологизмов через призму концептуальной метафоризации мы можем выявить базовые когнитивные модели представления в языковой картине мира этноса тех или иных абстрактных понятий нравственного характера, в том числе понятия о добре.

Первая когнитивная модель, попавшая в сферу нашего исследовательского внимания, – это концептуально-метафорическая модель овещест-

вления абстракции (реификации) концепта ДОБРО, т.е. модель представления добра как реальной конкретной сущности (предмета, вещи, объекта), которая реализована в русских фразеологизмах с компонентом 'добро' как существительным. Очевидно, что концепты типа ДОБРО, являясь абстрактными этическими концептами, сами по себе не могут быть восприняты сенсомоторными органами человека, потому что не относятся к той категории концептов, в основе формирования которых лежит непосредственно эмпирический опыт телесного взаимодействия со средой, возникающий в процессе интеракции между окружающей средой и человеком. Выше уже было сказано, что в языковой картине мира этноса любой абстрактный концепт познается и запечатлевается в концептуальной системе этноса в терминах конкретного концепта: в связи с этим когнитивная модель представления добра как реальной конкретной сущности (предмета, вещи, объекта) отражает тот факт, что люди проецируют полученное из опыта знание о реальных вещах и предметах на абстрактный концепт ДОБРО, чтобы легче представить себе суть этого понятия.

Мы знаем, что в реальной действительности люди своими сенсомоторными органами могут *искать реальные вещи или объекты*, к тому же *доводить до них, дать их*, даже *кончиться ими*. Согласно вышеуказанной когнитивной модели концептуальной метафоры, содержательные особенности концепта «реальные сущности» применяются к этическому концепту ДОБРО, т.е. посредством этой модели концептуальной метафоризации, отраженной в фразеологизмах *искать добра, (не) доводить до добра, дать добро, добром (не) кончится* и др., концепт ДОБРО входит в языковую картину мира этноса как конкретно-чувственное представление. При этом на основе данной когнитивной модели носители языка могут не только понимать категорию добра, воплощенную в фразеологизмах *дать добро, до добра не доводит, добром не кончится, от добра добра не ищут, древо познания добра и зла*, но руководствоваться этим пониманием в своей повседневной жизни, в практическом поведении.

Вторая когнитивная модель, исследуемая в данной работе, – это концептуально-метафорическая модель одушевления концепта ДОБРО, то есть модель представления добра как живого существа, даже как существа человеческого, которая реализована в русских фразеологизмах с компонентом 'добро'. Добру в этом случае могут быть приписаны, свойства, атрибуты и функции, в норме присущие живому, целенаправленно действующему существу, чаще всего – человеку. Так, человеку как существу

социальному присущи многие характеристики, например, такая, как возможность защищать свои права, отстаивать свою позицию. Прототипическая ситуация отстаивания своих прав может осмысляться в понятиях борьбы, драки, поэтому и фразеологизм *добро должно быть с кулаками* отражает модель подобного представления – добро, как человек, защищает кулаками свои права от зла. Также из опыта этнического восприятия действительности известно, что человек может иметь ряд негативных свойств, связанных с болезнями, с отсутствием физического здоровья, например – со слепотой. Прилагательные, обозначающие подобные свойства человека, также могут быть приписаны в фразеологизмах абстрактному концепту ДОБРО. Это мы видим, например, в фразеологизме *слепая доброта*, который метафорически, через идею отсутствия зрения, т.е. возможности видеть, выражает значение «бездумное доброе отношение к кому-либо или к чему-либо, способное привести к негативным результатам» – как отсутствие возможности видеть в ментальном плане, т.е. думать, правильно понимать окружающие ситуации.

В заключение отметим, что анализ показал возможность выявить некоторые национально-специфичные когнитивные модели концептуальной метафоризации абстрактных концептов, в частности – ДОБРО в русской фразеологии. Это прежде всего модели овеществленного представления добра как реального предмета, вещи, вещества и одушевленного представления добра как человеческого существа. Таким образом, в фразеологизмах отражаются не только приметы национальной духовной и материальной культуры, реалии среды обитания этноса [Маслова 2001: 1], но и прежде всего – определенные форматы знания о мире, модели языковой ментальности, способы видения абстрактных понятий через конкретно-чувственный опыт их переосмысления.

Литература

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Язык русской культуры, 1999.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1990.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001.

Петров В.В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 135-146.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ «ВОСТОК-ЗАПАД», 2007.

Радбиль Т.Б. Когнитивистика: учебное пособие. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского государственного университета, 2018.

Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курсы лекций. М.: Искусство России, 2011.

Evans V., Green M. Cognitive linguistic: an introduction. Edinburgh: Edinburgh university press, 2006.

Kovecses Z. Metaphor: a practical introduction. Oxford: Oxford university press, 2010.

Lakoff G., Johnson M. Metaphor we live by. Chicago: The University of Chicago Press, 2003.

Ungerer F., Schmid H.J. An Introduction to Cognitive Linguistics. Пекин: Издательство преподавания и изучения иностранных языков, 2001.

Wang Tianjiao (Nizhny Novgorod, Russia)

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

MODELS OF CONCEPTUAL METAPHORIZATION IN RUSSIAN PHRASEOLOGICAL UNITS WITH COMPONENT ‘KINDNESS’

This paper analyzes cognitive models of conceptual metaphorization of ethical concepts in Russian phraseology, taking phraseological units with component “kindness” as an example. It is shown that in Russian phraseological units, the kindness is consistently represented as an active, purposefully acting animate entity, as a specific object (thing), as a substance, etc. It is concluded that such models of the metaphorical representation of kindness largely determine the national and cultural specificity of the fragments of the Russian language picture of the world, which are embodied in Russian phraseology.

Key words: conceptual metaphor, cognition models, concept «kindness», Russian phraseology.

*Д.А. Горбунова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
gorbunova_dasha95@rambler.ru*

ЭКСТРАВЕРТ ИНТРОВЕРТУ РОЗНЬ: К ВОПРОСУ О ЧАСТОТЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ В РЕЧИ РАЗНЫХ ГОВОРЯЩИХ¹

Статья посвящена изучению влияния общих психологических характеристик человека на его повседневную речь; в частности, рассматривается частота употребления в речи говорящих с разными психологическими характеристиками (экстравертов и интровертов) единиц, относящихся к классу прагматических маркеров.

Ключевые слова: звуковой корпус, коллоквиалистика, когнитивистика, психотип говорящего, устная речь.

Если рассматривать речь как явление биологическое, как ту высшую биологическую способность мозга, которая «передается по наследству генетическим путем» [Нечипоренко 1984: 42], то несомненной становится ее полифоничность по отношению к психическому.

В отечественной психолингвистике ведется разработка такой проблемы, как установление особых характеристик речи говорящих с разными психологическими характеристиками, в русле решения которой лежит и настоящее исследование. Материал исследования предполагал предоставление информации о частоте встречаемости прагматических маркеров в речи информантов разных психологических типов. При этом однофакторный дисперсионный анализ, направленный на проверку уровня статистической значимости фактора экстраверсия/интроверсия,

¹ Исследование проведено на материале звукового корпуса повседневной русской речи «Один речевой день» (ОРД) – крупнейшего лингвистического ресурса для изучения русского устного дискурса, при поддержке гранта РНФ № 18-18-00242 «Система прагматических маркеров русской повседневной речи».

оказался $\leq 0,028$ [Горбунова 2018]. Это позволяет заключить, что психологические характеристики человека действительно влияют на количество прагматем в его речи.

Наблюдений такого рода в лингвистической литературе достаточно. Так, исследование В.В. Кукановой показало, что психотип говорящего оказывает влияние на выбор им коммуникативной стратегии при пересказе прочитанного текста [Куканова 2009]. Отмечается влияние темперамента на такие характеристики речи, как количество пауз, количество логических и эмоциональных ударений, темп речи [Ерофеева, Марамзина 1993]. А.А. Журавлева при исследовании специфики устной речи дикторов отмечает, что, «зная темперамент, социотип и акцентуацию характера диктора, можно спрогнозировать специфику его речевого поведения» [Журавлева 2008].

Основой материала для анализа в настоящем исследовании стал корпус «Один речевой день» (ОРД), один из крупнейших на сегодняшний день лингвистических ресурсов для изучения русского устного дискурса. Корпус включает записи речи 130 информантов и более 1000 их коммуникантов, содержит около 1250 часов звучания, более 2800 коммуникативных макроэпизодов и 1 млн словоформ в расшифровках (см. о нем подробнее: [Богданова-Бегларян и др. 2015; Русский язык повседневно-общения 2016]).

После анализа метаданных всех информантов ОРД, которые заполняли в ходе своего «речевого дня» различные психологические анкеты, были отобраны наиболее типичные экстраверты и интроверты. Наиболее репрезентативными для дальнейшего лингвистического анализа оказались данные только 41 информанта (29 экстравертов и 12 интровертов). С помощью метода сплошной выборки из корпуса ОРД были извлечены прагматемы (*как его (её, их), это самое* (во всех грамматических формах) и *вот* (в том числе в составе коллокаций) и отфильтрованы по употреблению экстравертами/интровертами, всего 485 единиц в контекстах. Употребления этих слов в их словарных значениях не учитывались. С учетом обоих критериев (лингвистический и психологический), для дальнейшего анализа было отобрано 338 единиц в контекстах. Помимо психотипа информанта и типа прагматемы, фиксировались также функции прагматемы в каждом конкретном контексте.

Психолингвистический анализ материала ОРД в настоящей работе предполагает учет психологических характеристик говорящего при

употреблении прагматем в их речи, где ведущим является уровень его (человека) экстравертности (ЭТ) / интровертности (ИТ).

Оказалось, в частности, что, в то время как интроверты в разговоре колеблются, экстраверты могут нетерпеливо составлять все новые и новые формулировки, объясняя, дополняя и совершенно не прибегая при этом к помощи прагматических маркеров, ср. (о специальных обозначениях в расшифровках ОРД см. подробнее: [Русский язык повседневного общения 2016: 242-243]):

(1) ну к... / не / **вот** / где ? он тебе пишет / иди сюда / я тебе в лицо скажу / ну как так / а ? **вот** за это ненавижу вашу работу (И102, ЭТ);

(2) охраняли этих / ну(:) (м-м) **как их** (м-м) эш... не эшелоны / караваны / караваны судов охраняли / **вот** (И85, ИТ).

На примере (1) видно, как информант-ЭТ не сдерживает энергию, энтузиазм и возмущение, активно дополняет и трансформирует свою речевую картину мира, демонстрируя импульсивность и неподдельную активность, заинтересованность в беседе. Интроверт (2), напротив, сомневается перед тем, как сообщить другим какую-либо информацию, стремится к точности и максимальной осознанности своей речи и с вероятным облегчением завершает столь трудно давшуюся ему реплику финальным дискурсивом *вот*. Кроме того, для ИТ свойственен постоянный внутренний диалог. Некоторым интровертам, прежде чем что-либо сказать, требуется порыться в долгосрочной памяти, чтобы обнаружить там нужную информацию. Их размышления и припоминания требуют времени, не терпят спешки и принимают в речи гезитативную форму, ср.:

(3) **нет** ну подойти объяснить кто мы такие / **то есть** они просто посмотрят / **да как как эта** *Н (Саша%) ...мы не бандюганы не **это самое то есть да** (И124, ИТ);

(4) **нет** с Вырицей§ / **вот** с () **как его** ну (...) **как он называется ... ну вышитые что ? гобелены вот** (И79, ИТ).

Каким образом осуществляется говорящим процедура отбора прагматических единиц, пока неясно, об этом можно лишь догадываться, опираясь на ряд очевидных и неочевидных языковых фактов (это, в частности, составляет и перспективу настоящего исследования), однако частота употребления обоими психотипами таких единиц вполне сопоставима. Думается, что подобные наблюдения могут быть полезны при изучении устной речи с позиций коллоквиалистики, психолингвистики.

Литература

Богданова-Бегларян Н.В., Асиновский А.С., Блинова О.В., Маркасова Е.В., Рыко А.И., Шерстинова Т.Ю. Звуковой корпус русского языка: новая методология анализа устной речи // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Вып. 2 / ред. Д. Шумска, К. Озга.* Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 357-372.

Горбунова Д.А. Функционирование прагматем в русской устной повседневной речи: психолингвистический аспект: дис. ... маг. лингв. СПб., 2018. 83 с. (машинопись).

Куканова В.В. Лингвистический анализ репродуцированных текстов (на материале звукового корпуса русской речи юристов): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009. 224 с. (машинопись).

Ерофеева Т.И., Марамзина О.В. Тип темперамента человека и его речь (экспериментальное исследование) // *Живое слово в русской речи Прикамья.* Пермь: ПГУ, 1993. С. 55-61.

Журавлева А.А. Влияние психотипа личности диктора на специфику его устной речи: доклад на международной конференции по компьютерной лингвистике и интеллектуальным технологиям «Диалог 2008». Бекасово, 4-8 июня 2008 г.

Нечипоренко В.Ф. Биолингвистика в ее становлении (Биолингвистические основы системы памяти, мышления, языка и речи). М.: МГПИ, 1984. 214 с.

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах: колл. монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016. 244 с.

D.A. Gorbunova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

EXTRAVERT VS INTROVERT: THE FREQUENCY OF THE PRAGMATIC MARKERS IN SPEECH OF DIFFERENT INFORMANTS

The article is about general psychological characteristics influence on our everyday speech; in particular, we observed the frequency units, called “prag-

matic markers”, in the speech of speakers with different psychotype (extroverts and introverts).

Key words: ORD, colloquialistics, cognitivistics, psychotype, oral speech.

*Л.В. Калинина (Киров, Россия)
Вятский государственный университет
grifon.kalinina@yandex.ru*

СЕМАНТИКА НЕУЛОВИМОГО В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ

Статья посвящена изучению семантики неуловимого как модусной функционально-семантической категории, связанной с выражением того, что по тем или иным причинам не может быть в достаточной мере воспринято органами чувств или отражено сознанием. Проводятся междисциплинарные параллели между лингвистическим изучением семантики неуловимого и решением сходных проблем другими науками.

Ключевые слова: семантика неуловимого, когнитивная лингвистика, междисциплинарные связи.

Когнитивная лингвистика, будучи наукой об отражении мыслительных процессов в языке, интересуется широким кругом «пограничных», междисциплинарных вопросов. Одной из проблем, находящихся на пересечении различных наук, является изучение семантики неуловимого.

Цель настоящей статьи – дать понятие о семантике неуловимого и актуальности её исследования в свете общих направлений поисков современной науки.

Под «неуловимым» мы понимаем всё то, что не может быть в полной мере воспринято органами чувств или отражено сознанием и, следовательно, не может быть вербализовано, однозначно отнесено к какому-либо классу объектов, с достаточной определённой охарактеризовано. Семантика неуловимого организована по принципу модусной категории полевой структуры и формируется вокруг суперконцепта НЕУЛОВИМОЕ, вербализуемого лексемой *неуловимый* прежде всего во втором её словарном значении «еле заметный, плохо различимый, неясный» [ССРЛЯ 1958: 1239].

Необходимо отграничивать семантику неуловимого от смежных смысловых зон, уже выступавших объектом лингвистического описания. Так, существуют исследования, посвящённые функционально-семантическим категориям неопределённости, неизвестности, отрицания, приблизительности, имплицитности, семантике невыразимого. О специфике семантики неуловимого по сравнению с перечисленными категориями см. [Калинина, Трушков 2017; Калинина 2018]. В целом можно сказать, что термин «неуловимое» обозначает случаи невозможной, затруднительной или пограничной категоризации, когда объект или явление воспринимаются субъектом, осознаются им как существующие во внешнем или внутреннем мире, но при этом не могут быть с определённой отнесены к той или иной категории по причине либо своей слабой проявленности, либо сложности устройства, либо быстроты происходящих с ними изменений. «Неуловимый», «не пойманный» сознанием и, стало быть, «не понятый» (учитывая этимологию общеславянского корня **eti*, **jьmŕ*) объект не может быть однозначно отнесён к той или иной категории, в результате чего и возникают эффекты неопределённости, невыразимости, приблизительности и другие, благодаря которым семантика неуловимого пересекается с обозначенными смысловыми зонами.

В языке семантика неуловимого может выражаться широким кругом средств, прежде всего лексических и синтаксических: собственно прилагательным/наречием *неуловимый/неуловимо* и различными конструкциями с ними, ср.: *что-то неуловимое, нечто неуловимое; неуловимый/ая/ое N* (где N – любое существительное); *неуловимый для чего* (например, *неуловимый для слуха*); *неуловимый как что* (*неуловимый как сон*); *это/оно/что неуловимо* (*воспоминание неуловимо, образ неуловим*); *неуловимо что делать/сделать* (*неуловимо меняться/измениться*); *неуловимо какой* (*неуловимо похожий*) и *неуловимо-какой* (*неуловимо-ускользающий*) и др. Следует принимать во внимание и синонимы адъектива *неуловимый*, в том числе контекстуальные (ср.: *незримый, невидимый, неслышимый, неосятимальный, неясный, неясный, неузнаваемый, невесомый, смутный, туманный, зыбкий* и др.) и конструкции с ними. Также нами замечено, что говорящий часто пытается каким-то образом дополнительно охарактеризовать что-то/нечто неуловимое, чтобы сделать этот объект если не «узнаваемым», то хотя бы представляемым в воображении, ср., напр.: *что-то неуловимое, трогательно-беспомощное; что-то неуловимое, но осязаемое; что-то неуловимое, совершенно безумное; нечто тонкое, лёгкое,*

неуловимое; нечто неуловимое и мучительно притягательное и др. [Калинина 2017].

Далее обратимся к характеристике того «междисциплинарного фона», на котором может осуществляться исследование семантики неуловимого.

Изучение семантики неуловимого перекликается с некоторыми проблемами **философии**, в частности с фундаментальными философскими вопросами о сути бытия и небытия («ничто»), о познаваемости и наблюдаемости мира, о природе пространства и времени. Если мы обозначаем какой-то объект (материальный или ментальный) как «неуловимый», если мы не можем чётко понять его суть ввиду недостаточности манифестации объекта для нашего восприятия или ввиду отсутствия явных аналогий для осуществления категоризации – что мы можем сказать о бытии такого объекта? В какой степени он для нас существует, в какой степени он наблюдаем и познаваем, он ближе к бытию или небытию, к «ничто» или к «нечто»? Как отмечается в «Философском энциклопедическом словаре», «категория небытия фактически тождественна категории *ничто*; различие их лишь в том, что небытие противопоставляется бытию вообще, в то время как ничто – многообразию различных нечто» [Багатурия 1989: 407]. Ср. в связи с этим: *...вообще всё, из чего состоит любой человеческий опыт во сне и наяву, – это просто симуляция, которой нет нигде, кроме как в неуловимом мгновении, рисуящем мираж нашего мира* (В. Пелевин. Смотритель). Проблемы соотношения бытия и небытия (ничто) актуальны для философии и науки XX–XXI веков и нашли отражение в трудах М. Хайдеггера «Бытие и время» (1927), Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто» (1934), коллективной монографии «Ничто» под редакцией Джереми Уэбба (2016) и многих других работах.

Множество пересечений в области изучения неуловимого существует между лингвистикой и **психологией**, в сфере нейропсихолингвистики и когнитивной психологии. Эти пересечения связаны с вопросами исследования перцепции и её искажений (иллюзий, галлюцинаций), с изучением природы инсайтов, интуиции, воображения, творчества, с анализом процессов категоризации и др. Так, одной из «параллелей» лингвистического изучения семантики неуловимого в когнитивной психологии может быть изучение так называемого «подпорогового восприятия», которое представляет собой «воздействие стимулов, очевидно, достаточно сильных, чтобы быть выше физиологического порога, но не осознаваемых» [Солсо 2011: 117]. Существование подпорогового восприятия может быть

объяснено тем, что «возможности нашей нервной системы слишком ограничены, чтобы ощущать все эти миллионы внешних стимулов... Наши органы чувств... работают вполне сносно, если количество обрабатываемой информации находится в пределах их возможностей; при перегрузке происходит сбой» [Солсо 2011: 108]. По указанным причинам часть «раздражителей», лишь поверхностно зафиксированных нервной системой, оказывается «неуловимой». Ср. ряд примеров, иллюстрирующих то, как подпороговое восприятие может передаваться средствами языка: *Тут я заметил еле уловимое движение – и поднял глаза; Это было смутное и еле ощутимое движение сердца; Что-то дивное и невыразимое коснулось меня, побывло со мной на миг или два – и исчезло* (В. Пелевин. Смотритель).

Изучение семантики неуловимого созвучно и актуальным проблемам современной **физики**. Попытки «поймать» мельчайшие частицы в адронном коллайдере, познать сущность квантово-волновых полей, рассчитать процессы, происходящие за горизонтом событий чёрной дыры, изучить феномены скрытой массы, тёмной материи, тёмной энергии – всё это исследования, связанные с изучением того, что выходит далеко за рамки обычного восприятия, а значит, «неуловимого». Вот, например, каковы в настоящее время задачи физики элементарных частиц: «...Приходится строить всё более мощные ускорители, чтобы проникнуть всё дальше вглубь материи, выяснить строение считавшихся ранее неделимыми частиц. Современные ускорители позволяют исследовать структуру материи и свойства пространства в масштабах порядка 10^{-19} м» [Берков 2005: 313]. Ср. также тематически близкие примеры из художественной литературы: *Суть заключалась в том, что электрическую силу со **страшной, поистине необразимой скоростью** заставляют метаться по их зубцам; **Все три пространственных измерения реально существуют лишь в единой точке временной координатной оси. Воображаемой оси, поскольку её негде провести. Есть только бегущая по ней точка. Мало того, если разобраться, не существует и этой точки, потому что её никак нельзя уловить и зафиксировать*** (В. Пелевин. Смотритель).

Оставляя за кадром пересечения проблематики неуловимого с задачами других гуманитарных, точных, естественных наук, скажем ещё лишь о взаимосвязи в данной исследовательской области лингвистики и **литературоведения**. Семантика неуловимого может плодотворно изучаться как на материале отдельных произведений художественной литературы

(например, в данной статье мы привели в качестве иллюстраций ряд контекстов из романа В. Пелевина «Смотритель»), так и на материале целых жанров и даже литературных направлений (романтизма, символизма, постмодернизма). Особую область исследований с точки зрения семантики неуловимого могла бы составить литература абсурда.

Таким образом, семантика неуловимого представляется перспективной областью изучения с позиций когнитивной лингвистики и с учётом широкого междисциплинарного контекста.

Литература

Багатурия Г.А. Небытие // *Философский энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 407.

Берков А. Как открывают частицы // *Энциклопедия для детей*. Т. 16. Физика. Ч. 2. Электричество и магнетизм. Термодинамика и квантовая механика. Физика ядра и элементарных частиц. М.: Аванта+, 2005. С. 312-313.

Калинина Л.В., Трушков М.А. «Типичное» и «неуловимое» как модусные категории языка // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2017. № 2. С. 78-89.

Калинина Л.В. Синтагматические связи слова *неуловимо* в аспекте когнитивной категоризации // *Рациональное и эмоциональное в русском языке*. М.: ИИУ МГОУ, 2017. С. 214-217.

Калинина Л.В. Семантика неуловимого и проблемы категоризации // *Современные достижения и новые направления филологии / под общ. ред. д.ф.н., доц. Е.Г. Озеровой*. Белгород: ООО «Эпицентр», 2018. С. 23-29.

ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Солсо Р. *Когнитивная психология*. СПб.: Питер, 2011. 589 с.

L. V. Kalinina (Kirov, Russia)
Vyatka State University

SEMANTICS OF IMPERCEPTIBLE IN THE CROSS-DISCIPLINARY CONTEXT

The article is devoted to studying of semantics of imperceptible as the mode functional and semantic category connected with expression of things which

can't be adequately apprehended by sense organs or to be reflected by consciousness. Cross-disciplinary parallels between linguistic studying of semantics of imperceptible and the solution of similar problems by other sciences are drawn.

Key words: semantics of imperceptible, cognitive linguistics, cross-disciplinary communications.

Ю.Г. Кокорина (Москва, Россия)

Московский Политехнический университет

kokorina@inbox.ru

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ХАРАКТЕР
СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ЗНАНИЯ
И ЕГО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ТЕРМИНОЛОГИИ
(НА ПРИМЕРЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ)**

Одной из задач когнитивного терминоведения является изучение проблемы представления научного знания в терминологии. В данной работе на основе анализа терминологических словарей по археологии делается вывод о мультидисциплинарном характере археологического знания и рассматриваются тенденции в развитии терминологии.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, мультидисциплинарное знание, наука, археологическая терминология, специальные словари.

Современное научное знание приобретает даже не междисциплинарный, а мультидисциплинарный характер. Если «собственно» *дисциплинарный* подход ориентирован строго на предметную область, методы и идеи конкретной науки, *междисциплинарный* подход аккумулирует в предметной области некоторой дисциплины *методы* привлекаемых к ней наук, обеспечивая относительную полноту и относительную точность представлений об изучаемом объекте, то *мультидисциплинарный* подход аккумулирует в предметной области некоторой дисциплины *идеи* неограниченного круга наук, в том числе возникших на стыках ранее хорошо развитых дисциплин, и универсальных «метанаук» – не только дополнительно углубляя полноту и точность, но и расширяя общий

контекст, масштаб задач и представлений об изучаемых субъекте и созданном им объекте [Щапова, Гринченко 2017: 140].

Мультидисциплинарный характер современного археологического знания обусловлен обилием дисциплин, его составляющих. И, если по традиционному определению А.В. Арциховского, «археология – это история, вооруженная лопатой», то на современном этапе в нее входят, кроме исторического, элементы этнографического, искусствоведческого, биологического, геологического, химического, физического и математического знания. Изучение проблемы представления знаний в терминологических единицах является одной из задач когнитивного терминоведения [Голованова 2011: 40]. Целью данной работы является выявление на материале словарных продуктов, представляющих археологическое знание, особенности представления в научной терминологии его мультидисциплинарного характера.

Уже на заре своего бытования археологическое знание носило междисциплинарный характер, поэтому в первом российском археологическом словаре, материалы к которому публиковались с 1864 по 1885 г. [Кокорина 2011: 261-262], встречаются термины нумизматики (*аверс, реверс, гурт*), архитектуры, особенно древнерусской (*гусек, дыня, закомара*), лексики православной религиозной службы (*алилуя, алилуя красная, потир, иерусалимы*), особое место занимает терминология церковного пения (*анес, адам, антифон*), ювелирного дела (*басма, шинка*) и других. Основой для терминологической номинации артефакта в археологии является его функция в той мере, в которой она реконструирована исследователем-археологом [Кокорина 2011: 179]. Поэтому значительна роль терминов, имевших своими источниками обыденное знание (*веко, рало, било, рогатка, колтовидные подвески* и др.). Этнографическое знание нашло свое отражение в терминах «племя» (Литовское племя), «земля» (сейчас он является устаревшим), географическое – в характеристике древностей в соответствии с территориями (губерниями, уездами, местечками). Археологическое знание представлено в словаре в основном терминами полевой археологии (*курган, городище, селище, раскопка*).

Следующие словари археологической терминологии на русском языке вышли более ста лет спустя. В переведенном с английского языка «Археологическом словаре» (на языке оригинала словарь опубликован в 1970 г.) [Брей, Трамп 1990] археологическое знание представлено терминами, обозначающими древние культуры (*абашевскую, горнокрымскую, волосовскую* и др.), древние предметы (*меч, гарпун, ситула*) и их конструктив-

ные элементы (*втулка, ребро, клинок*). Это знание представлено в наименованиях археологических методов – *картографического метода, радиоуглеродного метода, радиометрического анализа* и др. К моменту выхода словаря в специальный раздел археологии выделилось материаловедение, что привело к включению терминов, обозначающих древние материалы: *керамика, серебро, стекло*. Географическое знание выражено в наименованиях континентов и регионов, к которым названия памятников привязаны в Региональном указателе к словарю. Словарь-справочник «Классификация в археологии» [Классификация в археологии 1990] содержит термины, свойственные как собственно археологическому знанию (*артефакт, археологический тип, археологическая культура*), так и математическому (*матрица, таксономия, кластер, корреляция*), философскому (*сущность, свойство, форма*), лингвистическому (*морфема, стиль*).

Научно-популярные и переводные научные словари по археологии содержат, наряду с археологическими терминами, термины других наук: физики, биологии, нумизматики, архитектуры [Матюшин 1996, Саввониди 1995]. Параллельный словарь Й. Граудониса [Graudonis 1994] содержит термины, представляющие археологическое знание: *сосуд – верхняя часть сосуда – оформление верхнего края – расширенная верхняя часть, профилированная верхняя часть, суженная верхняя часть; конская упряжь – шпора – дужка – зев дужки, – шип, петля*. Представлено этнографическое (*этнос, племя, народ, этническая общность*), лингвистическое (*язык, родной язык, праязык*) знание. Мультидисциплинарный характер археологического знания особенно ярко присущ исследованиям в области палеолита [Васильев, Бозински, Бредли 2007]. Поэтому наряду с терминами археологического знания (*горизонт маркирующий, горизонт обитания, горизонт условный*) в словаре по палеолитоведению представлены термины знания биологического (обозначения видов растительного мира и частей животных, их латинские названия), геологического и почвоведческого (термины, обозначающие геологические периоды и типы почв). Словарное выражение учения о древних вещах [Кокорина 2017] согласно концепции В.А. Городцова, французского археолога-теоретика Ж.-К. Гардена [Гарден 1989] и профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.Г. Щаповой [Щапова 2000], опирается на системный подход, восходящий к биологическому и философскому знанию.

Словарным продуктом, наиболее ярко представляющим мультидисциплинарный характер современного археологического знания, является

приложение к работе Ю.Л. Щаповой и С.Н. Гринченко [Щапова, Гринченко 2017]. Он содержит термины биологического (*активность, онтогенез, филогенез, поведение приспособительное*), философского (*деятельность, система, развитие*), математического, в частности, кибернетического (*система самоуправляющаяся (кибернетическая), моделирование числовое, информационная технология, логарифмический масштаб*) знания. Поскольку труд посвящен археологической теории, то велика роль археологических терминов (*археологическая культура, олдован, палеолит, неолит, антроп*), значительная часть которых является авторскими (*коэволюция, метаэволюция, системная память Человечества, археологическая эпоха, субъект археологической эпохи* и др.).

Таким образом, можно сказать, что археологический термин в той мере, в которой он представлен в специальных словарях, является результатом взаимодействия профессиональной когниции и профессиональной коммуникации [Голованова 2011: 39], которые обусловлены мультидисциплинарным характером археологического знания. Названные процессы имели различный характер в разные эпохи, что отражается и в соответствующей терминологии. В результате происходит переход от концепта как стихийного обобщения специального знания к понятию как его теоретическому обобщению [Там же]. Не случайно термины, обозначающие именно понятия теории археологической эпохи, содержатся в последнем из рассмотренных нами словарных продуктов.

Археологическое знание включало в себя элементы разных наук, и характер включаемых в него дисциплин на разных этапах его развития был разным – от гуманитарных дисциплин на начальном этапе его развития до естественнонаучных и математических на современном этапе. Эти процессы нашли свое отражение в терминологии. Изучение внутренней природы термина, обусловленной связью с познанием, коммуникацией и профессиональной деятельностью ученых, проблемы представления знаний в терминологических единицах, собранных в словарях, является частью спектра задач когнитивного терминоведения [Голованова 2011: 40], достижения которого могут быть использованы для изучения меж- и мультидисциплинарного знания, примером которого является знание археологическое.

Литература

- Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М.: Прогресс, 1990.
- Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А.* и др. Четырехязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.
- Гарден Ж.-К.* Теоретическая археология. М.: Прогресс, 1989.
- Голованова Е.И.* Введение в когнитивное терминоведение. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
- Городцов В.А.* Русская доисторическая керамика // Труды XI Археологического съезда. Вып. 1. М.: Синодальная типография, 1901. С. 576-672.
- Классификация в археологии: Терминологический словарь-справочник. М.: Институт археологии РАН, 1990.
- Кокорина Ю.Г.* Словарь археологического вещеведения. М.: Новый хронограф, 2017.
- Кокорина Ю.Г.* Терминосистема концептуальной области «Археология». М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011.
- Матюшин Г.Н.* Археологический словарь. М.: Просвещение: Учебная литература, 1996.
- Савониди Н.Ф.* Картинный археологический словарь (англо-русский). СПб.: Петербургкомстат, 1995.
- Щапова Ю.Л.* Введение в вещеведение. М.: МГУ, 2000.
- Щапова Ю.Л., Гринченко С.Н.* Введение в теорию археологической эпохи: числовое моделирование и логарифмические шкалы пространственно-временных координат. М.: Наука: Флинта, 2018.
- Graudonis J.* Arheoloģijas terminu vārdnīcā. Rīga: Zinātne, 1994.

J.G. Kokorina (Moscow, Russia)
Moscow Polytechnic University
kokorina@inbox.ru

THE INTERDISCIPLINARY NATURE OF MODERN SCIENTIFIC KNOWLEDGE AND ITS REPRESENTATION IN TERMINOLOGY (FOR EXAMPLE, ARCHAEOLOGICAL DICTIONARIES)

One of the tasks of the cognitive science of terminology is the study of the problems of representing scientific knowledge in terminology. In this paper,

based on the analysis of terminological dictionaries of archaeology, the conclusion is made about the multidisciplinary nature of archaeological knowledge and the trends in the development of terminology.

Key words: cognitive terminology, multidisciplinary knowledge, science, archaeological terminology, special dictionaries.

А.П. Миньяр-Белоручева (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ostvera@mail.ru*

ЯЗЫКОВОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ КАРТИНЫ МИРА ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО

Сложный мир исторического прошлого не дан историку в непосредственном опыте. Он является ментальным образованием, созданным посредством языка. Заменяя традиционные термины новыми, историки создают картину мира прошлого, отвечающую идеологическим потребностям современного мира.

Ключевые слова: картина мира, языковое конструирование, ментальные пространства, замена терминов, искажение исторического прошлого.

Когнитивная лингвистика – одно из самых бурно развивающихся направлений современного языкознания, рассматривая язык как ментальный инструмент систематизации, обработки и передачи информации, акцентирует внимание на передаваемом им значении, изучая его с позиций значения как одну из форм познания мира. Значение является не только объективным отражением внешнего мира, но и способом его конструирования и формирования. Данная идея, вербализованная учеными в 20-х годах XX века, восходит к философам XVIII века, она вызревала в трудах Гумбольдта.

В настоящее время данная проблема приобрела особую значимость в связи с выявлением влияния языка как органа внутреннего бытия, находящегося в процессе внутреннего самопознания [Кононенко 2003], на сознание человека. Представление В. фон Гумбольдта о языке, преобразовывающем мир в идеи и изменяющем его, влияющем на мысли и поступки людей, которые воспринимают мир сквозь призму своего род-

ного языка, позволило в XX веке под влиянием «лингвистического поворота» выдвинуть гипотезу о языке как средстве формирования мышления и мировоззрения людей. Идея, кратко выраженная в формуле, ставшей максимой лингвистики постмодернизма: «Язык – это форма, определяющая образ наших мыслей» [Whorf 1964], воспринималась как откровение, поскольку утверждала, что картина мира – центр духовной жизни, материальным воплощением которой предстает язык, определяется языковой картиной мира. Это вербализованное выражение мыслей В. фон Гумбольдта о языке, конструирующем мир, в котором живет человек, не всегда воспринимается однозначно. Гипотеза языка как «эмпирического феномена бытия» [Кравченко 2005], определяющего сознание, получила дальнейшее развитие в концепции Л. Вайсгербера, который рассматривал язык как «промежуточный мир», существующий между объективной реальностью и сознанием [Вайсгербер 2009: 152]. В эпоху постмодернизма философы не только поддержали, но и на практике показали, что единственной реальностью бытия языка [Лиотар 1998] является «человек в языке и язык в человеке» [Бенвенист 1974: 259]. В языковой картине мира фиксируется знание человека о мире; она формирует общее мировидение у носителей одного языка. В настоящее время наблюдается борьба за ментальное пространство масс посредством переписывания истории. История – наука о прошлом человеческого общества, создает масштабную панораму его развития, определяя каждому народу его место в системе исторических координат. История, будучи неперцептивной наукой, основное внимание акцентирует на языке, посредством которого интерпретирует не подлежащие изменению факты с позиций официальной идеологии, принятой на конкретный момент развития общества. История – политика прошлого – не может не учитывать происходящие в мире изменения. Язык дает возможность реконструировать историческую действительность. Сложный мир прошлого, который не дан историку в непосредственном опыте и ощущениях, является, по сути, ментальным образованием, созданным посредством языка, который «опредмечивает» непредметные явления и, будучи одним из ключевых компонентов модели мира прошлого, оказывает определяющее влияние при его восприятии. Слова, управлявшие обществом на протяжении эпох, введившие иерархию, создававшие законы, давившие весом с высоты своего положения, раскрывают специфику мышления людей прошлого, создавая представления об их жизни в конкретный исторический период [Миньяр-Белоручева 2017]

в виде «концептов (т.е. фиксированных в сознании человека смыслов)» [Болдырев 2000: 22]. Концепт как «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 40], будучи когнитивной единицей, дает возможность на основе анализа слов, дошедших из глубин прошлого, реконструировать канувший в Лету мир, понять мысли людей, которыми они руководствовались в своей практической деятельности.

В концепте – ментальном образовании, в котором преломляется множество образов, вызванных переплетением сложных связей, выделяют «образно-перцептивную, понятийную и ценностную стороны» [Карасик 2004: 126]. Это дает возможность допустить, что основное значение слова, некогда вышедшего из употребления, но реанимированного в языке историка, уходящее корнями в прошлое, в котором его некогда разветвленные ассоциативные связи утеряны, позволяет проникнуть в концептосферу прошлых веков – хранилище культурной памяти человечества. Концептосфера прошлого не всегда подлежит реконструкции, поскольку характеризуется сложностью и противоречивостью [Гуревич 1999: 40].

В историческом прошлом, когда скорость в основном измерялась шагами человека, медленно менялась не только картина мира наряду с языковой картиной, но и значения слов, это происходило на протяжении веков, что, однако, не помешало обогатить концепты новыми образами и расширить концептосферу, касающуюся прошлого человечества. Наиболее частому изменению подвергалась хронология. Каждый правитель, желая сделать свое правление наиболее значимым, начинал свой отсчет исторического времени. Человечеству потребовалось 200 лет для того, чтобы начать вести летоисчисление от Рождества Христова, обозначив его латинской аббревиатурой AD, и еще более 200 лет потребовалось на введение указания на то, что происходило до этого, введя аббревиатуру BC. Данные обозначения хронологии просуществовали в странах Западной цивилизации до середины 1970-х годов, когда под предлогом заботы о «виктимизированном меньшинстве» новые аббревиатуры не пришли на смену традиционным, получив обозначение CE (Common Era) и BCE (Before Common Era). По сути, это был новый виток в изменении сознания масс, его десекуляризации, которое стало первым шагом к замене устоявшихся исторических терминов новыми, что, в свою очередь, не могло не привести к разрушению старой и созданию новой картины исторического прошлого.

С введением пространственно-темпорального термина Late Antiquity исчезла необходимость деления шкалы времени на то, что было до и после

Рождества Христова, поскольку данный термин охватывал первый век до нашей эры и первые пять веков нашей эры, создавая новое представление о том, что произошло на Ближнем Востоке и в Западной Европе после падения Римской империи, которая, согласно новым терминам, не пала (decayed), а пережила 'religious and cultural revolution'. Постмодернистская реконструкция истории упадка и падения Римской империи не была печальной и мрачной, поскольку слова, а вместе с ними и концепты 'decline and fall of the Roman Empire' были упразднены из лексикона историков. На их место пришли новые, нейтральные, ничего не значащие слова такие как 'transition', 'change', 'transformation'. Завоевателей – 'invaders' заменили на 'Germanic peoples'. [Brown, 1971]. Таким образом, замена терминов привела к созданию новой истории Европы, в которой не было насилия и войн, и народы всегда жили мирно и дружно.

Несомненно, пока существует история Гиббона 'Decay and Fall of the Roman Empire', сложно принять новую историю Европы, которую оказалось так легко создать в ментальном пространстве готовых к ее принятию реципиентов. Как показывают многочисленные исследования, обозначение одних и тех же исторических событий разными способами приводит к изменению их смысла и восприятия. Замена коннотативно маркированных слов и терминов на нейтральные создает историю, в которой Римская империя эволюционировала в новое, равное по значимости ей образование, а народы продолжали жить в достатке и процветании, минуя некогда ошибочное представление о «Темных веках» – Dark Ages.

Историкам удалось реконструировать не историю борьбы между германским и латинским народом, которая тяжелым грузом памяти мешала им счастливо развиваться в современном Европейском образовании, а историю их мирной совместной деятельности, которая больше отвечает современным ценностям Евросоюза. Каждое поколение историков в угоду политике стремится создать новую историю. Исторические термины являются хранителями исторической памяти человечества, которые не следует отбрасывать ради создания деформированной истории прошлого, которая оседает в сознании молодого поколения. Несомненно, вербально созданная картина исторического мира всегда несет на себе печать субъективности, однако ее не следует искажать ради новой интерпретации событий. Историкам следует опираться на труды, созданные их предшественниками, несмотря на великое желание жить в мире, созданном словами. Если

«язык – дом бытия» [Хайдеггер], то где место реальности? Сентенция «мир есть только там, где есть язык» о том, что жизнь человека протекает в языке, что язык и есть воплощение бытия [Хайдеггер 1988], привела историков-постмодернистов к мысли, что именно язык создает не только историческую, но и любую реальность. Представляется, что когнитивная лингвистика позволит найти баланс, в котором гармонично соединятся мир, созданный языком, и реальная действительность.

Литература

- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2000.
- Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРИКОМ», 2009.
- Гуревич А.Я.* Избранные труды в 4-х т. Т. 1. Древние германцы. Викинги. М.; СПб: Университетская книга, 1999.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Кононенко Б.И.* Культурный код // Большой толковый словарь по культурологии. М.: Вече, 2003.
- Кравченко А.П.* Место концепта в соотношении языка, сознания и мышления // Жанры речи: Жанр и концепт / В.В. Дементьев (ред.). Саратов: Колледж, 2005. С. 84-102.
- Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998.
- Миньяр-Белоручева А.П.* Языковая картина исторического прошлого // Клио. 2017, № 11. С. 20-30.
- Степанов Ю.С.* Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Хайдеггер М.* Письмо о гуманизме. Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988.
- Brown P.* The World of Late Antiquity. New York; London: W.W. Norton & Company, 1971.
- Whorf B.L.* Language, thought and reality: Selected writings by Benjamin Lee Whorf. Ed. by John B. Carrol. Cambridge, MA: The MIT Press, 1964.

Minyar-Beloroucheva A.P. (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University
ostver@mail.ru

LINGUISTIC RECONSTRUCTION OF THE HISTORICAL PAST WORLDVIEW

The challenging world of the historical past that is not given to historians in the immediate experience. It is a mental phenomenon made due to language. Replacing traditional terms with new ones, historians create the worldview of the historical past that meets the ideological needs of the modern world.

Key words: worldview, language construction, mental spaces, replacement of terms, distortion of the historical past.

И.В. Rogozina (Барнаул, Россия)
*Алтайский государственный
технический университет им. И.И. Ползунова*
irogozi@mail.ru

Н.Ю. Бухнер (Барнаул, Россия)
*Алтайский государственный
технический университет им. И.И. Ползунова*
nbuhner@mail.ru

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ ЭТНОС В ЗЕРКАЛЕ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Статья посвящена реконструкции фрагмента этнопсихологической ментальности, включающего отношение жителей Алтайского края к азербайджанцам-мигрантам. Реконструкция осуществляется с использованием шкалы *этнически детерминированное отношение*.

Ключевые слова: этнос, этнопсихологическая ментальность, когнитивное моделирование, шкала *этнически детерминированное отношение*.

Отличительной чертой современного этапа развития науки является внимание представителей академического сообщества к проблематике,

связанной с различными аспектами взаимодействия этносов и культур [Кишина 2012; Илиополова 2009; Рогозина 2004; Orlenius 2008; Stouffer 1955; Weldon 2006]. На наш взгляд, особый интерес представляет реконструкция этнически детерминированных когнитивных моделей, формируемых под влиянием интенсифицировавшихся в последнее время миграционных процессов. Такие модели, или фрагменты этнопсихологической ментальности (ФЭМ), становятся важной частью обыденного этнического сознания, которое определяется как «обладающее несистемным характером» знание, «основанное на практически-чувственном опыте рядовых носителей языка, производимое повседневно в условиях элементарных жизненных ситуаций» [Кишина 2012].

Известно, что природа обыденного этнического сознания дуальна в силу тех базовых, архетипических когнитивных структур, которые лежат в основе его формирования. Одной из таких структур, несомненно, является бинарная ментальная схема «свой-чужой», использование которой определяется тем, что «всякая культура начинается с разбиения мира на внутреннее («свое») пространство и внешнее («их»)» [Лотман 2000: 257]. По мнению К.С. Илиополовой, дуально-этническое отношение «мы-они» можно проследить на любом этапе развития общества, что непосредственно относится и к современности, поскольку «... в связи с массовыми миграциями населения процветает конфронтация между мигрантами и «местными», поселенцами и коренными жителями» [Илиополова 2009: 2].

Высоко оценивая объяснительную силу ментальной схемы «свой-чужой», мы хотели бы акцентировать, что обыденное этническое сознание во многих случаях не имеет выражено амбивалентного характера, а обнаруживает самые различные градации как отчуждения одного этноса от другого, так и частичного «вхождения» одного этноса в мир другого [Рогозина 2004]. По этой причине когнитивные структуры этнического сознания более целесообразно моделировать с применением градуированной шкалы *этнически детерминированное отношение*, включающей такие отрезки, как *толерантное, условно интолерантное и интолерантное отношение*. Вычленение таких отрезков шкалы непосредственно соотносится с мыслью о том, что этничность «воспринимается как объективно определяющая поведение и мышление членов этнических групп и накладывается на группы как “мерка”» (Курсив наш – И.Р., Н.Б.) [Краснопольская, Солодова 2013]. В свете сказанного целью настоящей работы является апробация этой шкалы на предмет выявления ее возможно-

стей для реконструкции фрагмента этнопсихологической ментальности на основе экспериментальных данных.

Для достижения поставленной цели авторы провели экспериментальное исследование с использованием методики ненаправленного ассоциативного эксперимента как средства доступа к фрагменту этнического сознания. В эксперименте приняли участие 100 студентов Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова. Словом-стимулом стала лексема *азербайджанцы*, выбор которой был обусловлен постоянным увеличением количества азербайджанцев-мигрантов в Алтайском крае.

Полученные 100 реакций рассматривались как репрезентанты фрагмента этнопсихологической ментальности, подлежащего реконструкции. На начальном этапе реконструкции ФЭМ полученные реакции были отнесены к одному из компонентов концепта АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ – *понятию, представлению, эмоции/оценке* в зависимости от особенностей фиксации в них этнически детерминированного знания [Пищальникова 2001, 2004]. На следующем этапе были предприняты попытки разнести репрезентанты каждой из трех групп по отрезкам шкалы *этнически детерминированное отношение*.

К эмоционально-оценочному компоненту концепта было отнесено 37 реакций (37 %). Репрезентанты эмоции/оценки отразили целый спектр неоднозначного отношения респондентов к представителям этноса. Примечательно, что эмоционально-оценочные реакции неравномерно распределились по шкале *этнически детерминированное отношение*. На отрезке шкалы *толерантное отношение* оказалось четыре положительно-оценочных ассоциата, или 10,8 % от общего числа эмоционально-оценочных реакций – *друг* (1), *братский народ* (1), *тепло* (2).

Выражением срединной, условно интолерантной оценки явились 22 реакции (59,5 % от всех эмоционально-оценочных ассоциатов). Эта группа реакций отчетливо демонстрирует восприятие представителей азербайджанского этноса как иностранцев. Вместе с тем, она не содержит явных маркеров вербальной агрессии: *иностранцы* (4), *нерусские* (1), *эмигранты* (2), *приезжие* (4), *приехали* (1), *переселенцы* (1), *подселенцы* (1), *беженцы* (1), *нелегалы* (1), *гастарбайтеры* (1), *слова* (1), *Африка* (1), *красавчики* (1), *строгость* (1), *жестокость* (1). Ассоциаты этого отрезка шкалы показывают, что азербайджанцы воспринимаются респондентами как чужие, поскольку у них другая национальность (*нерусские*,

иностранцы), они приехали с иной территории (*приезжие, нелегалы, эмигранты, переселенцы*) с жарким климатом (*Африка*), они являются носителями строгих традиций (*строгость*), приезжающими в поисках низкостатусной, низкооплачиваемой работы (*гастарбайтеры*), говорящими на незнакомом языке (*слова*) и имеющими жестокие нравы (*жестокость*).

Оставшиеся 11 (29,7 %) эмоционально-оценочных реакций отнесены к подгруппе интолерантных. Они содержат маркеры вербальной агрессии: *азеры* (2), *хачи* (2), *чурки* (1), *козлы* (1), *уроды* (1), *черные* (2), *грязные* (1), *террорист* (1). Подобная лексика непосредственно связана с этничностью и осознанием собственного превосходства по следующим основаниям: национальность (*азеры, хачи*); умственные способности (*чурки, козлы, уроды*); внешний вид (*черные, грязные*).

Количество реакций, отнесенных к понятийному компоненту концепта, составило 35 (35 % от общего числа реакций). На наш взгляд, все они находятся на отрезке шкалы *толерантное отношение*. Наиболее частотными реакциями оказались лексемы, отражающие иную этническую принадлежность азербайджанцев – *нация* (7), *национальность* (4), *народ* (4), а реакция *люди* (5), напротив, свидетельствует о нежелании проводить этническую дифференциацию. Еще одна группа реакций демонстрирует важность территориальной разграниченности этносов, иногда осуществляемой респондентами ошибочно – *Азия* (2), *Средняя Азия* (1), *Кавказ* (2), *Баку* (3). Кроме того, респонденты фиксируют в своих реакциях следующие значимые для них особенности азербайджанского этноса: его принадлежность к особой группе народов (кавказцы) и религии (мусульмане).

Аналогичное толерантное отношение к представителям этой этнической группы видится и в реакциях-представлениях, составивших группу из 28 ассоциатов, большинство из которых фиксирует особенности внешнего вида и той трудовой деятельности, которой азербайджанцы занимаются на территории Алтайского края. Значимыми когнитивными признаками оказались:

- примечательные особенности внешнего вида мигрантов: *борода* (2), *бородатые* (1), *брови* (1), *платок* (1);
- физический характер труда: *работа* (1), *рабочие* (1);
- трудовая деятельность: *строители* (1), *дворники* (1), *ремонт обуви* (1);
- продукты предпринимательской деятельности: *фрукты* (1), *арбузы* (3), *бананы* (1), *апельсины* (1), *дыни* (1), *персики* (1), *шаурма* (1), *лепешка* (1), *плов* (1), *аджика* (1).

В результате предпринятого лингвокогнитивного моделирования репрезентанты компонентов концепта АЗЕРБАЙДЖАНЦЫ, распределенные по шкале *этнически детерминированное отношение*, открывают фрагмент этнопсихологической ментальности, который предстает как качественно и количественно неоднородный, что находит выражение в элементах его структуры.

ОТРЕЗОК ШКАЛЫ <i>ЭТНИЧЕСКИ ДЕТЕРМИНИРОВАННОЕ ОТНОШЕНИЕ</i>	ЭЛЕМЕНТЫ СТРУКТУРЫ ФЭМ		
	ПОНЯТИЕ	ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	ЭМОЦИЯ/ ОЦЕНКА
ТОЛЕРАНТНОЕ	100 %	100 %	10,8 %
УСЛОВНО ИНТОЛЕРАНТНОЕ	0 %	0 %	59,5 %
ИНТОЛЕРАНТНОЕ	0 %	0 %	29,7 %

Приведенная таблица делает прозрачной как саму структуру ФЭМ, так и ее качественные и количественные характеристики. Если компоненты *понятие* (100 %) и *представление* (100 %) являются гомогенными и сконцентрированы исключительно на отрезке *толерантное отношение*, то эмоционально-оценочные репрезентанты неоднородны и рассредоточены по отрезкам шкалы: *толерантное* (10,8 %), *условно интолерантное* (59,5 %) и *интолерантное отношение* (29,7 %). В сумме на отрезке *толерантное отношение* расположилось 67 % от общего числа реакций. Это количество складывается из 35 реакций-понятий, 28 реакций-представлений и 4 эмоционально-оценочных реакций. На отрезке *условно интолерантное отношение* расположено 22 % всех реакций, представленных 22 эмоционально-оценочными ассоциатами, а на отрезке *интолерантное отношение* находится 11 % всех реакций, являющихся эмоционально-оценочными. Таким образом, в пределах всего ФЭМ характер отношения к азербайджанцам-мигрантам выступает как проявление преобладания толерантности над «интолерантными включениями».

Литература

Илиополова К.С. Противоречие «Свой-чужой» в социокультурной коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2009.

Кишина Е.В. «Свой-чужой» как организующий фактор лингвоконфликтологического потенциала обыденного политического сознания. URL: <http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija2012>.

Лотман Ю.М. Семiosфера / Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: «Искусство-СПБ», 2000.

Краснопольская И.Г. Социальное конструирование этничности // Социс. 2013. № 12. С. 26-34.

Пищальникова В.А. Общее языкознание. Барнаул, 2001.

Пищальникова В.А., Рогозина И.В. Концепт как инструмент диагностики этнической напряженности / Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. статей / под общ. ред. Н.В. Уфимцевой. Москва; Барнаул: Изд-во АГУ, 2004. С. 120-127.

Orlenius K. Tolerance of intolerance: values and virtues at stake in education // Journal of Moral Education. 2008. № 37 (4). P. 467-484.

Stouffer S.A. Communism, Conformity and Civil Liberties. New York: Doubleday, 1955.

Weldon S.A. The institutional context of tolerance for ethnic minorities: a comparative, multilevel analysis of western Europe // American Journal of Political Science. 2006. № 50 (2). P. 331-349.

I.V. Rogozina (Barnaul, Russia)

I.I. Polzunov Altai State Technical University
irogozi@mail.ru

N.Yu. Buhner (Barnaul, Russia)

I.I. Polzunov Altai State Technical University
nbuhner@mail.ru

AZERBAIJAN ETHNOS IN THE MIRROR OF ETHNOPSYCHOLOGICAL MENTALITY

The paper is focused on simulating a fragment of ethnopsychological mentality which includes that attitudes of Altai Krai's inhabitants to Azerbaijan migrants. The simulation is carried out based on the scale *ethnically determined attitude*.

Key words: ethnos, ethnopsychological mentality, cognitive simulation, ethnically determined scale.

С.А. Хамшовски (Будапешт, Венгрия)

*Будапештский экономический университет прикладных наук
Hamsovszki.Szvetlana@uni-bge.hu*

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ИНОФОНАМ (НА ПРИМЕРЕ ВЕНГЕРСКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья посвящена вопросу семантизации экономической лексики в свете когнитивной лингвистики. Автор указывает на важность учета особенностей языковой картины мира и родного языка целевой аудитории в процессе преподавания русского языка как иностранного.

Ключевые слова: семантизация, концептуализация, контекст, когнитивный подход, экономическая лексика.

Процесс расширения международных контактов оказывает влияние на общественную жизнь и способствует появлению новой лексики в сфере экономики. Необходимость овладения языком специальности требует от участников международного общения не только владения данным языком в рамках социально-бытовых тем, но и знания профессиональной терминологии.

В настоящее время во многих языках профессиональная терминология заменяется словами другого языка, происходит процесс заимствования иностранной лексики.

Общеизвестно, что у носителей разных языков существует своя концептуализация явлений действительности, которая особенно ярко проявляется на семантическом уровне. Необходимость перестройки мышления, перекаривания собственной, привычной, родной картины мира по чужому, непривычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком [Тер-Минасова 2008: 49].

При изучении неродного языка происходит некий перенос значений слов и ассоциативных связей на основе уже сложившихся концептов. Особенности сознания и языковой картины мира носителей определенного языка следует учитывать при обучении иностранному языку и при планировании учебного процесса опираться на основные методические принципы, в том числе принципы сознательности и опоры на родной язык учащихся как одни из ведущих при обучении русскому языку как иностранному, обеспечивающие когнитивный подход к преподаванию неродного языка.

Так, например, носители венгерского языка при изучении русского языка часто сталкиваются с трудностями, связанными не только с флективностью русского языка, но и другими грамматическими признаками. Следует отметить, что в венгерском языке отсутствует категория рода. Формы имен существительных и прилагательных часто совпадают: *fő* – голова, *fő* – главный (-ая, -ое, -ые), что значительно затрудняет усвоение иностранного языка. В венгерском языке, так же как и в русском, существует способ словообразования путем сложения двух слов: *fő + igazgató* (дословно: голова + директор), *fő + város* (голова + город), *kormány + fő* (государство + глава), *fő + titkár* (голова + секретарь). На русский язык эти существительные переводятся соответственно как *генеральный директор*, *столица*, *глава государства*, *генеральный секретарь*. Как видим из вышеперечисленных примеров, в данных словах и словосочетаниях русского языка не всегда присутствует сема *главный*. Более того, в венгерском языке значения вышеуказанных понятий могут заключаться в существительном в то время, как в русском часто выражено не одним словом, а словосочетанием. Венгерское слово *fő* не во всех случаях на русский язык переводится словом *главный*, что связано со спецификой концептуализации в разных языках. Эти отличия влекут за собой и сложности следующего характера: от учащихся требуется сформированность навыков согласования прилагательных с существительными и употребления родительного падежа.

Практика показывает, что процесс семантизации лексики, в частности экономической, требует междисциплинарного подхода. Многие преподаватели русского языка как иностранного уже давно отказались от предъявления и семантизации изолированного слова.

Рассмотрим обоснованность такого приема на конкретных примерах из практики преподавания русского языка венгерским студентам Будапештского экономического университета прикладных наук. В качестве примера, иллюстрирующего национально-культурные особенности концептуализации явлений действительности, рассмотрим понятие *экономика*. Если в русском языке существует слово *экономика*, в английском *economy*, а во французском *économie*, то в венгерском сохраняется исконное *gazdaság* – дословно *хозяйство* от *gazda* – хозяин. В контексте данное слово также может иметь значения *владелец* и *крестьянин*. Предмет, изучающий экономику – *gazdaságtan*, где значение словообразовательного элемента *-tan* соответствует значению русского слова *наука*. Прилагательному *экономи-*

ческий соответствует венгерское *gazdasági*. Более того, паронимы *экономный* и *экономичный* переводятся одним словом *gazdaságos*.

В учебных текстах по специальности встречаются следующие словосочетания: *бюджетные расходы*, *бюджетная политика*, *работник бюджетной сферы*, *бюджетный год*, *бюджет государства или предприятия*. Объемы значения русского и венгерского слов, употребляемых в данных словосочетаниях, совпадают, что изучающим русский язык дает определенную уверенность в правильном понимании семантики слова *бюджетный*. Однако они не в состоянии адекватно перевести на венгерский язык словосочетание *бюджетные авиалинии*, так как это выходит за рамки уже существующего в венгерском языке концепта, а ассоциативные связи слов русского языка еще недостаточно сформированы. На основе имеющихся ассоциативных связей родного языка и когнитивного опыта слово *бюджетный* переводят как «требующий дополнительных затрат, т.е. дорогой». В венгерском языке понятие *бюджетный* передается словом *fapados*, что означает «вагон с деревянными скамейками». Такие вагоны существовали в Венгрии в 50-е годы прошлого века. Как видим, в семантике русского слова преобладает сема «недорогой», а в венгерском – «неудобный». Встречающееся в разговорном русском языке выражение *бюджетный телефон* у носителей венгерского языка ассоциируется с понятием *служебный телефон*, т.е. телефон, выданный работнику бюджетной сферы для пользования им в служебных целях.

Приведенные примеры иллюстрируют необходимость формирования ассоциативных связей при изучении лексики иностранного языка, что снижает интерференцию родного языка. Целесообразно запоминать слова в характерных для изучаемого языка словосочетаниях, что способствует усвоению их национально-специфического и стилистического своеобразия [Методика 2016: 199].

Формирование пласта экономической лексики венгерского языка в значительной степени обусловлено экстралингвистическими причинами. Исторически сложилось так, что представители венгерской культуры образуют новые слова и легче пользуются ими, чем заимствованными. Так, например, носители венгерского языка намного реже пользуются словом *computer*, чем – *számítógép*. Догадаться о значении слова *смартфон* смогут только владеющие английским языком, так как в венгерском языке появилось слово, соответствующее новой реалии: *okostelefon*, где *okos* значит *умный*.

Во многих языках, в том числе и русском, для обозначения реалии «представитель охраны правопорядка» в настоящее время используется заимствованное *полицейский*, а не исконно русские слова *урядник* или *городовой*. Для сравнения приведем пример. В английском это *policeman*, в немецком – *polizist*, во французском – *le policier*, в итальянском – *il poliziotto*, в польском – *policjant*. В венгерском языке и в этом случае сохранилось исконное слово *rendőr*, *rend* означает «порядок», *őr* – «охранник». Аналогичная ситуация наблюдается и в следующем случае. В русском языке используется словосочетание, заимствованное из английского: *прайс-лист* (*price list*), а в венгерском сохраняется исконное выражение – *árjegyzék*, в котором *ár* означает *цена*, а *jegyzék* – список, т.е. дословно «список цен». Аналогично в русском языке используется слово *риелтор* (от англ. *realtor*), а в венгерском – *ingatlanügynök*, где *ingatlan* означает недвижимость, а *ügynök* – агент, т.е. «агент по недвижимости» (*ügy* соответствует русскому *дело*). «Русско-му словосочетанию» *информационный бюллетень* соответствует венгерское существительное *hírlevél*, где *hír* – новость, а *levél* письмо, лист (архаичная форма). В венгерском языке также отсутствуют заимствования для передачи значений *офис* и *бюро*. Используются исконные *iroda*, в котором словообразовательный компонент *ír* значит «писать»; и *hivatal*, где *hív* значит «звать или вызывать кого-то куда-то».

Более того, вместо *гаджет* или *девайс* используется исконное слово *kütyü*, что значит (*техническая*) *штучка*. Ранее это слово употреблялось как жаргонизм, сейчас употребляется в разговорном стиле речи и постепенно переходит в научный стиль вместе со словом *технический*.

Однако процесс глобализации способствует проникновению заимствованных слов и в венгерский язык, что в таких случаях помогает инофонам адекватно понять значение русского заимствованного слова. Так, в рассматриваемом нами пласте лексики существуют и уже достаточно широко используют слова: аудит – *audit*, менеджер – *menedzser*, брокер – *broker*, лизинг – *lizing*.

Таким образом, при работе над лексикой специальности необходимо учитывать, что на этапе семантизации экономической терминологии следует указывать на возможные семантические расхождения и предъявлять слова в контексте, а не изолированно. В целях адекватного перевода следует принимать во внимание особенности целевой аудитории. Учет национально-культурных особенностей и родного языка целевой аудитории является важным фактором при осуществлении адекватного перевода, что обеспечивает когнитивный подход к обучению русскому языку как иностранному.

Литература

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.

Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2008.

Методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие для вузов / под ред. проф. И.П. Лысаковой. М.: Русский язык. Курсы, 2016. 320 с.

Sz. Hamsovszki (Budapest, Hungary)

Budapest Business School – University of Applied Sciences

Hamsovszki.Szvetlana@uni-bge.hu

ON THE ISSUE OF SEMANTIZATION OF ECONOMIC VOCABULARY IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE TO HUNGARIANS

This article is devoted to the issue of semantization of economic vocabulary in a view of cognitive linguistics. The author points to the importance of the language picture of the world and the native language of the target audience in the process of teaching Russian as a foreign language.

Key words: semantization, conceptualization, context, cognitive approach, economic vocabulary.

А.Ю. Хоменко (Нижний Новгород, Россия)

Национальный исследовательский

университет «Высшая школа экономики»

akhomenko@hse.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУР НА ОСНОВЕ МЕТОДИК АВТОРОВЕДЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Публикация посвящается интеграции классической автороведческой методики качественного анализа речевых единиц, основанной на исследовании

структурных характеристик текста, и методики когнитивного анализа языковой личности. Результатом исследования стало практическое обоснование возможности такой интеграции и модель языковой личности, выстроенная на основе сочетания указанных методик.

Ключевые слова: когнитивные структуры, речевое моделирование, автороведение, атрибуция текста.

В статье пойдёт речь об использовании методики анализа языковой личности (ЯЛ) Ю.Н. Караулова [Караулов 1987] в качестве основания для моделирования ментально-когнитивных структур, присущих определённой ЯЛ, с целью установления некоторых внетекстовых реалий, а именно принадлежности речевого материала одному или нескольким (разным) лицам.

Практическая задача была поставлена следующим образом: имелось несколько блоков текстовых сообщений популярного мессенджера с различными выходными данными (никнеймами, логинами) общим объёмом 65 466 слов; для установления факта сговора в составе группы лиц с выделенным лидером следствию необходимо было определить, одному или разным лицам принадлежат эти сообщения; исследование проводилось в рамках ст. 228.1 УК РФ «Незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств...».

Для решения практической задачи была использована интегрированная методологическая база: сочетание классической для отечественной школы методики атрибуции текста С.М. Вула [Вул 2007], вбирающей в себя анализ структурных характеристик речи пишущего, и моделирование когнитивных единиц, входящих в состав ЯЛ [Караулов 1987]. На первом этапе текстовый материал исследовался по С.М. Вулу с точки зрения составляющих на всех уровнях языка (за исключением фонетического, поскольку лингвист имел дело с письменной речью), а также внесистемных элементов науки о языке (т.е. с точки зрения орфографии, стилистики и пр.). На основе информации о сочетании структурных характеристик текста на втором этапе исследования моделировалась ЯЛ на когнитивном и прагматическом уровнях. Вывод о принадлежности текстового материала одному или нескольким лицам делался на основе сопоставления моделей ЯЛ авторов текстовых блоков под разными никнеймами, логинами.

Итак, на первом этапе исследования было определено, что уровень речевой культуры лица, обозначенного в переписке как «*m_r@_ber.cz*»,

средний: с одной стороны, коммуникант обладает неплохими навыками общения на лексическом уровне (использует разные языковые регистры, фразеологию, способен к вербальной креативности); с другой стороны, пишущий показывает достаточно низкий уровень владения компетенциями письменной речи, связанными с орфографией, синтаксисом и пунктуацией:

- с точки зрения орфографии в речи коммуниканта преобладает неверное раздельное написание многих частей речи (местоимений, прилагательных, наречий), ошибки при написании девербативов, удвоенных согласных, непроверяемых гласных; основной орфографической особенностью письменной речи лица, обозначенного как «*m_r@_ber.cz*», является ошибочное написание -тся, -ться в глаголах («*выплаты производятся*»), неверное написание форм второго лица единственного числа («*то чем ты занимаешься*») и ошибки в иных глагольных формах (например, в причастиях «*нарабатон*»);
- с точки зрения синтаксиса следует отметить эпизодические вкрапления грамотного оформления синтаксических структур на основном фоне ненормативности (полипредикативность и эпизодическое верное оформление сложных синтаксических конструкций в сочетании с отсутствием знаков препинания в сложных предложениях, а также при оформлении вставных элементов); такая тенденция говорит о недостаточности опыта оформления в письменном виде сложных предикативных структур; более того, «*m_r@_ber.cz*» имеет очень яркие синтаксические идиосинкроземы: избыточное использование знаков препинания, использование точек в конце сообщения (точки редко используются в конце сообщений, продуцируемых в мессенджерах), элементы «разговорного написания» (сокращения без точек);
- идиосинкротической стилевой чертой оформления для «*m_r@_ber.cz*» является постановка пробела перед «смайлами» и знаками препинания;
- для коммуниканта характерны также грамматические ошибки и опiski.

На основе анализа структурных характеристик речи лица в совокупности с исследованием контекста можно определить, какие из речевых элементов актуализируются (на основе их частотности и поставки в сильные

семантические позиции), представляя для пишущего либо аксиологическую, либо коммуникативную (прагматическую) ценность, и выстроить модель его ЯЛ на когнитивном и прагматическом уровнях.

Так, на втором этапе анализа удалось создать модель ЯЛ пишущего (строго говоря, это лишь фрагмент модели ЯЛ, поскольку исследовались не все когда-либо созданные тексты автора, а лишь часть их, продуцированная в определённой коммуникативной ситуации) с развитым прагматиконом на службе у основной коммуникативной задачи автора (его главной идеи): вынудить своих подчинённых работать больше и в лучшем качестве. Особенностью исследуемой ЯЛ является именно развитость средств прагматикона: автор, несмотря на средний уровень речевой культуры и неофициальный стиль общения с собеседником, априори обладающим низким уровнем речевой культуры (общение ведётся с криминальными элементами), намеренно использует большое количество слов, близких к лексике официально-делового стиля, сложные и осложнённые синтаксические конструкции («*А процесс построен на принятии решения мгновенном где сделать или проводишь подготавлительную работу и НА БУДУЩЕЕ запоминаешь свои маршруты и список адресов ?*»), «*На первом этапе я естественно помогу с билетами и арендой квартиры. В дальнейшем эти затраты мы вычтем из твоей ЗП.*» и пр.) в сочетании с элементами разговорной речи, «смайлами» и фразеологией («*Тачка дело нужное*»), «*Про ЗП, держу руку на пульсе*»). Такой приём, с одной стороны, делает речь понятной адресату, с другой – устанавливает статус говорящего как более высокий по отношению к собеседнику. На этом фоне для прагматического уровня описываемой ЯЛ очень характерно использование тактики аргументации в рамках речевой стратегии убеждения. Используется также тактика участия: «*Выпрашивать не приятно конечно, понимаю.*», «*Поэтому ты мне всегда можешь написать и мы стобой обо всем поговорим*»); приободрения в сочетании с высокой оценкой собеседника: «*А грамотно и четко делать с твоими способностями я уверне ты научишься очень быстро*»); юмор: «*Люди поехали есть шашлыки и смотрю что торговля чуть просела*»; автор сообщений показывает свою заинтересованность в собеседнике: «*Как тебе работа, нарваться ?*», «*Мне было приятно с тобой сегодня, наконец то познакомиться и пообщаться*»).

Итак, в рамках рассматриваемой коммуникации модель анализируемой ЯЛ можно представить в виде следующей упрощённой схемы (рис. 1):

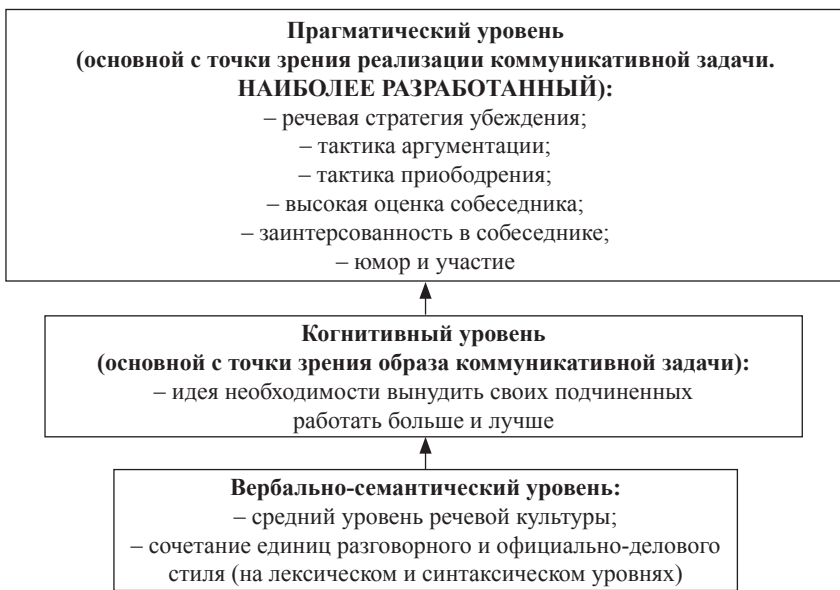

Рис. 1. Упрощённая схема фрагмента ЯЛ «m_r@_ber.cz»

Из схемы видно, что наиболее объёмным является прагматический уровень ЯЛ пишущего, на когнитивном уровне проявляется лишь одна идея, сопоставляемая с коммуникативной задачей; эта идея реализуется посредством сочетания в речи элементов разговорно-сниженного и официально-делового стилей речи в рамках разработки всё той же прагматической направленности текста.

Важно, что именно когнитивный анализ ЯЛ пишущего помог сделать вывод о принадлежности всех спорных текстов одному лицу. На уровне структурных элементов текста в анализируемых сообщениях имеет место неустойчивость реализаций (в некоторых текстовых блоках налицо более глубокое владение компетенциями лексического уровня, в иных оно проявляется меньше и пр.), которая, безусловно, мотивирована объёмом коммуникации и находится в пределах внутриавторской вариативности, тем не менее может ввести исследователя в заблуждение и привести к неверным выводам. Когнитивный и прагматический уровни в целом, а также частные реализации внутри этих уровней более устойчивы для любой

ЯЛ в принципе и для исследуемой ЯЛ в частности, поскольку эти уровни включают в себя глубинные структуры сознания, установки и ценности, формируемые в течение всей жизни, а также оформленный с помощью эмотивно-эмпирического опыта комплекс реализаций речевых стратегий и тактик и собственно сами стратегии и тактики. Понимание этого и стало в настоящей работе ключом при формировании вывода об одной когнитивной природе текстового материала под разными логинами и никнеймами, а следовательно, об атрибутировании этого материала одному лицу.

Так, экспериментально подтверждено уместное сочетание анализа со структурной и когнитивной точек зрения при атрибуции текста. Более того, опытным путём выявлена необходимость интегрирования классической и когнитивной методологических баз в автороведении.

Литература

Вул С.М. Судебно-автороведческая идентификационная экспертиза: методические основы: методическое пособие. Харьков: ХНИИСЭ, 2007. 64 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.

A. Yu. Khomenko (Nizhny Novgorod, Russia)
National Research University «Higher School of Economics»
akhomenko@hse.ru

COGNITIVE STRUCTURES MODELING BASED ON THE TEXT ATTRIBUTION METHODS

The publication is devoted to the integration of the classical attribution methodology, based on the study of the structural characteristics of the text, and the methodology of language personality cognitive analysis. The result of the study is the practical substantiation of such integration and the model of the language personality, built on the basis of a combination of the techniques.

Key words: cognitive structures, language modeling, text attribution, language personality.

В.И. Яременко (Москва, Россия)

Научно-исследовательский университет МИЭТ
veraj@mail.ru

О.А. Сулейманова (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет
olgasoul@rambler.ru

РОЛЬ КОГНИТИВНОГО АСПЕКТА В ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ МАГИСТРАНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА

В статье дается анализ академических условий изучения иностранного языка в рамках магистерской программы. Рассматриваются возможности когнитивного подхода для оптимизации процесса изучения иностранного языка при подготовке магистрантов для их будущей профессиональной деятельности. Приведены примеры практических заданий как для аудиторной, так и для самостоятельной работы студентов.

Ключевые слова: когнитивная технология, мотивация, профессиональная коммуникативная компетенция.

Введение

Современная действительность предъявляет все более высокие требования к специалистам всех уровней и профессиональных направлений, среди которых особое внимание уделяется задаче подготовки конкурентоспособных выпускников вузов, владеющих информационно-коммуникационной компетенцией, способных принимать самостоятельные решения, отличающихся нестандартностью мышления и продуктивной адаптацией к изменяющимся условиям [Валеев, Кондратьева 2014]. Дополнительным вызовом в условиях ширококомасштабной подготовки студентов является их готовность к обучению в рамках образования европейских университетов. В связи с этим владение иностранным языком признано одной из обязательных общекультурных компетенций независимо от профиля подготовки.

Целью данной статьи является рассмотрение возможностей когнитивной технологии при создании оптимальных условий по углублению знаний и навыков по иностранному языку, освоенных магистрантами на этапе бакалавриата, в их реализации на качественно новом уровне, где важнейшее значение приобретает его когнитивная, познавательная функция.

Итогом этого будет переводение иностранного языка из простого средства коммуникации в рамках обозначенных в учебниках тем в средство обучения другим дисциплинам. При этом перед студентами, обучающимися в нелингвистической магистратуре, стоит еще и задача освоения навыков межкультурного общения, так как современные отношения в научном сообществе характеризуются широким международным сотрудничеством и активным информационным обменом.

Постановка задачи

Государственный образовательный стандарт последнего поколения делает акцент на самостоятельной работе магистрантов технических специальностей, выделяя на аудиторную работу вдвое меньшее по количеству часов время. При таком положении дел первостепенное значение приобретает когнитивный аспект цели обучения иностранному языку, предполагающий изменение характера познавательной деятельности магистрантов на основе использования более рациональных приемов овладения иностранным языком посредством развития навыков критического анализа научно-технических текстов, обучения приемам самостоятельной работы при поиске информации из различных источников, выделение информации по степени новизны и значимости, а также осознанного изучения терминологии научно-технической литературы по своей специальности. Таким образом, когнитивный аспект превращает иностранный язык не только в средство межкультурного общения, но и в инструмент познания на этапе, связанном с будущей профессиональной деятельностью и трудоустройством магистрантов.

Принимая вышесказанное за основу (но не ограничиваясь только этими положениями) при организации учебного процесса по иностранному языку в магистратуре, необходимо ориентироваться на академические запросы магистрантов и в рамках предлагаемых учебной программой требований обеспечить деятельностный подход к изучению иностранного языка, опираясь главным образом на коммуникативную направленность технологии, ее образовательный и развивающий потенциал. Когнитивный уровень рассмотрения профессиональной коммуникации на данном этапе обучения может играть роль активного и эффективного метода обучения и средства формирования профессиональной коммуникативной компетенции. При этом возросший уровень мотивации студентов даст неизбежный стимул к преодолению трудностей языкового плана при

работе с неадаптированными текстами по специальности на иностранном языке, что составляет суть когнитивной технологии обучения иностранному языку.

Для выстраивания эффективной системы заданий и упражнений с целью наиболее рационального использования отведенного времени на дисциплину и выработки необходимых навыков применения академических знаний в профессиональной деятельности студентам-магистрантам технических специальностей была предложена известная анкета-опросник для выявления уровня метакогнитивной включенности в деятельность [Schraw, Dennison 1994]. Магистранты отвечали на 52 вопроса с максимальным возможным количеством баллов 260, результат среди 40 опрошенных магистрантов в среднем составил 206 баллов, или 80 %. Такой показатель убедительно доказывает высокую степень мотивации и осознанной необходимости в совершенствовании и расширении многообразия навыков практического применения иностранного языка.

Опрос показал, что самым серьезным вызовом для магистрантов остается навык устного общения, и запрос на его совершенствование остается самым актуальным и востребованным. Далее, магистранты отмечали важность связи содержания обучения иностранному языку с предметами профилирующих для них дисциплин. Не случайно поэтому, что в основе современных учебных программ лежат новые подходы к созданию образовательных ситуаций, построенных на когнитивной технологии обучения, когда содержание обучения выходит за рамки предмета «иностранный язык» и происходит интеграция содержания с предметами по специальности [Фатхулина]. При этом коммуникативные стратегии должны выстраиваться на основе тщательного отбора соответствующих языковых средств, и их реализация должна осуществляться в инновационных форматах работы: ролевая игра, работа в команде и мозговой штурм.

Приведем некоторые возможные типовые задания в рамках одного занятия. 1) В качестве разминки студенты работают в парах над ситуативными микродиалогами с подстановками с последующим их воспроизведением без опоры на текст. Например: **A:** What research are you **doing**/concerned with/buzy with/responsible for now? – **B:** **Device reliability**/magneto-optical effects in solids/the design of solid-state **lasers/design** and performance of microelectronic devices. We have a very interesting research programme to fulfil. 2) Используя заданную коммуникативную стратегию, например, *Supporting or Challenging the View / Voicing (Dis)belief / Adding arguments*

to reinforce the Idea, etc., как это предлагается в некоторых учебниках по культуре речевого общения [Сулейманова и др. 2013], прокомментируйте следующие утверждения: *Every student should take part of his/her education abroad. Too specialist an education may be too narrow. The international language of science and technology is broken English.* 3) Выступите в роли устного переводчика. Например: А: – In what areas of science is mathematics involed? В: – Я бы сказал, почти во всех областях наук, особенно в таких, как биология, астрофизика, медицина и т. д. – А: The development of liquid nitrogen superconductors has practically brought about a revolution in electro-engineering and radio-electronics. What may be gained as a result of investigations in this area? – В: Использование подобных проводников даст возможность получить проводники с нулевым сопротивлением, что может быть применено в электромоторах с высоким КПД. 4) Работая в режиме мозгового штурма, выскажите ваши идеи по следующим вопросам: *The roles of engineers in the progress of mankind. The main problems of modern engineering education.* 5) Группа из 3-4 студентов обсуждают на интернет-форуме карьерные перспективы после окончания учебы в магистратуре, представляя их в письменном виде на английском языке. 6) Проведение заключительного занятия в формате научного стэндапа, например, на тему “Crucial human achievements of the last 100 years”, несомненно, будет достойным заключением к курсу иностранного языка, где студенты продемонстрируют умение применять профессиональные знания в сочетании с усовершенствованными лингвистическими навыками на иностранном языке. Выполнение заданий таких типов на регулярной основе оптимизирует изучение иностранного языка на фоне обязательной работы по устному и письменному переводу, аннотированию, составлению глоссариев и кратких обобщений по изучаемым текстам.

Как правило, в процессе учебы в магистратуре студенты принимают активное участие в научно-производственной деятельности по направлениям выпускающих кафедр. Знание иностранного языка, безусловно, считается студентами неотъемлемым компонентом их будущих профессиональных умений, что выражается в необходимости чтения научных статей по специальности на иностранном языке, просмотра зарубежных сайтов с целью поиска, чтения и критического анализа информации о современных достижениях, просмотра видеолекций на иностранном языке преподавателей зарубежных университетов, прослушивания докладов на иностранном языке при посещении международных научных

конференций, подготовки выступления и презентации на иностранном языке на научной конференции и т. п. Приведенные виды заданий могут и должны выполняться в режиме самостоятельной работы с получением рекомендаций преподавателя на очных консультациях, а также с использованием современных ИКТ, добавляя разнообразие в учебный процесс и позволяя использовать аудиторное время для отработки устных навыков межкультурной коммуникации на профессиональном уровне.

Заключение

Процесс обучения требует от студента способности к осмыслению своей интеллектуальной деятельности, а умения осуществлять когнитивные действия обеспечивают эффективность и успешность образовательного процесса. Когнитивный подход к изучению языка при сочетании упражнений на развитие навыков устной речи и работы с текстами по специальности создает у студентов-магистрантов устойчивое стремление к самосовершенствованию и творческой самореализации, повышая их чувство собственного достоинства.

Литература

Валеев А.А., Кондратьева И.Г. Факторы успешного обучения иноязычному профессиональному общению // *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6.

Сулейманова О.А., Карданова К.С., Беклемешева Н.Н. и др. Практикум по культуре речевого общения Т. 1. М.: Издательский центр «Академия», 2013.

Фатхулина Г.Г. Когнитивная технология обучения иностранному языку магистров гуманитарного вуза // *Педагогика и психология образования*. М.: Московский пед. гос. ун-тет, 2015. С. 63-69.

Schraw G., Dennison R. Assessing metacognitive awareness // *Contemporary Educational Psychology*. 1994. Vol. 19. P. 460-475.

V.I. Yaremenko (*Moscow, Russia*)

National research university MIET

O.A. Suleimanova (*Moscow, Russia*)

Moscow City Pedagogical University

**THE ROLE OF COGNITIVE ASPECT
IN TEACHING UNDERGRADUATE TECHNICAL STUDENTS
A FOREIGN LANGUAGE**

The paper analyses the academic conditions of studying a foreign language at MA level of technical university with emphasis on cognitive approach as the way to optimize the teaching/learning process. Examples of practical tasks and activities are offered for both classroom environment and students' self study.

Key words: cognitive technology, motivation, professional communicative competence.

XI. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*А.В. Колмогорова (Красноярск, Россия)
Сибирский федеральный университет
nastiakol@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ БАЗИС РЕЧЕВЫХ АВТОМАТИЗМОВ ПРИ АФАЗИИ

В статье рассматриваются виды когнитивных структур, составляющих базис речевых автоматизмов – проявлений произвольного уровня организации речи в речевой продукции пациентов-афатиков. В исследовательском корпусе, собранном в клинических условиях восстановительной терапии, выявлены следующие типы автоматизмов: автоматизмы, основанные на гештальтах ситуации, на жанровых фреймах, на интерпретационных фреймах и на упроченных в оперативной памяти моторных схемах.

Ключевые слова: афазии, речевые автоматизмы, когнитивные структуры, гештальты, фреймы.

Возникнув как отдельное научное направление, когнитивная лингвистика поставила перед собой амбициозную цель – описать принципы и механизмы мышления, памяти, восприятия, воображения посредством анализа того, что порождается этими механизмами и одновременно объективно доступно для наблюдения – языковых данных. Со временем стало очевидно, что ценность для понимания когнитивных механизмов имеют исследования не только речевой продукции здоровых «когнитивных агентов», но и групп с различными нарушениями – крупнейшие открытия в области нейролингвистики были сделаны в ходе лечения и исследования речевых патологий [Мечковская 2013].

Цель данной публикации – описать типы когнитивных структур, которые в неполном, «осколочном» состоянии остаются сохранными в речи пациентов-афатиков и объективируются в речевых автоматизмах. Под речевыми автоматизмами в данной работе понимаются проявления произвольного уровня организации речи в речевой продукции пациентов-афатиков [Цветкова 1988: 5], гетерогенные по своей структуре и различные

по уровню сложности, но обнаруживающие связь с коммуникативной ситуацией и эмоционально-психологическим состоянием больного. Категория речевых автоматизмов, понимаемая таким образом, объемлет речевые фрагменты различной структуры и сложности: от упроченных в речевом опыте пациента стереотипов предложений или единичных высказываний [Критичли 1974] – осмысленных не сложных по структуре коротких предложений, как правило, повелительного или восклицательного типов, отражающих актуальное эмоциональное состояние пациента и связанных с коммуникативной ситуацией общения («господи как оно дальше-то!»); стереотипные выражения [Винарская 1971] или речевые штампы [Обуховская 2009] – простейшие формы реактивных реплик, в норме обычно используемых по инерции в диалоге («ой, ну скажете», «и не говори») и, наконец, автоматизированные речевые (словесные) ряды [Шохор-Троцкая 2012], под которыми понимаются хорошо упроченные непредикативные и непропозиционные последовательности языковых единиц, например прямые числовые ряды, названия дней недели, последовательность месяцев в году и т. д.

Материалом для исследования послужили 14 часов аудиозаписей занятий логопеда и 13 пациентов (140 аудиозаписей от 3 до 10 минут) в Отделении восстановления высших психических функций Сибирского отделения ФМБА РФ. Всего было зафиксировано 366 автоматизмов. Записи скриптовались, а затем интерпретировались с применением методов коммуникативного и разговорного видов анализа.

Рассмотрим типы когнитивных структур, составляющие «основу» автоматизмов.

1. Гештальты.

Гештальты – концептуальные структуры, являющиеся результатом целостного, нерасчлененного восприятия ситуации [Болдырев 2002: 49] – предстают в качестве когнитивной основы речевых автоматизмов-высказываний, передающих ведущую эмоцию, испытываемую пациентом:

(1) 1. Логопед (далее – Л.): возраст свой назовите /

2. Пациент (далее – П.): как возраст / сорок че ... че @затруднения@ сорок пять почти нет... почти сорок девять почти \

3. Л.: где вы живете/

4. П.: А / >>>АААй заколебала ты! @естественно, без затруднений, раздраженно@ тысяча как /

Гештальт-структуры, актуализируемые автоматизмами такого типа, 1) обобщенно отражают самый значимый личностный смысл подлежащей

вербализации ситуации; 2) подчиняются принципу доминанты (по Ухтомскому), лабильны и могут трансформировать свое содержание и функцию в зависимости от того, какой компонент ситуации активируется чаще всего при речепорождении. Были отмечены случаи, когда высказывания, которые в норме служат для выражения, например, удивления, употребляются пациентами в функции экспрессивов интенсивных отрицательных эмоций – гнева, негодования и т. д.

2. Жанровые фреймы.

В ходе развития социолингвистической компетенции человека система жанровых фреймов становится имманентной его сознанию структурой, облегчая как процессы формирования и формулирования мысли, так и смысловое восприятие чужого высказывания [Седов 2004: 237]. В исследовательской выборке выявлена группа автоматизмов – речевых клише, через которые «просвечивают» структуры именно такого характера. Например, в заданиях на чтение, если пациенты сталкиваются с единичными формами лексем, которые в жанре сказки обычно используются с троекратным повтором, то они произносят их трижды. Так, вместо написанного «Однажды он ушел далеко» в процессе чтения пациент читает «Однажды он ушёл далеко-далёко».

3. Интерпретационные фреймы.

Ч. Филлмор указывал [Филлмор 1988], что ряд фреймов формируются в когнитивном опыте человека преимущественно под влиянием языковых структур, например, фреймы, связанные с календарем: дни недели, месяцы и т. д. Однако, когда языковой опыт претерпевает определенные диссолюции, именно сформированные благодаря ему фреймы «всплывают» на поверхность языкового сознания. Например:

(2) Л.: А что вы ели? Что вы ели на ужин?

П.: *Первое, второе, третье.*

Пациент на фоне сильнейших затруднений речи «выпаливает» в качестве реакции на слово-стимул *ужин* упрощенную структуру «первое-второе-третье».

4. Упрощенные схемы на уровне моторного программирования.

Т.Г. Визель отмечает, что «устоявшиеся умения не требуют активного мышления, из мысли они становятся особой памятью» [Визель 2016: 59]. Речевые штампы, часто встречающиеся в речи пациентов и выполняющие функции заполнителей пауз, «закруглителей высказывания» (*а вообще-то это, вроде как, можно сказать, ну все вроде*), по всей видимости,

являются упроченными схемами на уровне моторного программирования речепроизводства (согласно схеме речепорождения [Ахутина 2007: 75]), которые легко воспроизводятся благодаря связи с оперативной памятью, без посредничества внутренней речи.

Таким образом, проведенный анализ показал, что автоматизмы в речи пациентов-афатиков основаны на когнитивных структурах четырех типов: гештальты, жанровые фреймы, интерпретационные фреймы и моторные схемы, упроченные в оперативной памяти.

Литература

Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 216 с.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2002. 235 с.

Визель Т.Г. О содержании понятия «распад речи» // Вестник АлтГПУ. 2016. № 2 (27). С. 57-65.

Винарская Е.Н. Клинические проблемы афазии. М., 1971. 216 с.

Критчли М. Афазиялогия. М.: Медицина, 1974. 333 с.

Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных повреждениях мозга. М.: Изд-во МГУ, 1962. 432 с.

Мечковская Н.Б. Повседневное общение, речь ребенка и речевые расстройства: «гомологические» сходства гетерогенных и разновекторных процессов // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. Т. 72. № 2. С. 3-19.

Обуховская А.Ю. Особенности коррекционно-восстановительной работы при афазии у детей и подростков: автореф. дисс. ... канд. пед. наук. СПб., 2009. 22 с.

Седов К.Ф. Дискурс и личность. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / пер. с англ., сост. и ред. В.В. Петров, В.И. Герасимов. М.: Прогресс, 1988. С. 52-93.

Цветкова Л.С. Афазия и восстановительное обучение. М., 1988. 207 с.

Шохор-Троцкая М.К. Логопедическая работа при афазии на раннем этапе восстановления: библиотека практического врача. М.: Книга по требованию, 2012. 141 с.

*A.V. Kolmogorova (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University*

COGNITIVE BASIS OF AUTOMATISED SPEECH OF THE PATIENTS WITH APHASIA

The article explores some types of cognitive structures serving as the basis for automatized speech of patients with aphasia. The research data collected in the context of the professional based conventional speech language therapy shows the presens 4 types of cognitive structures underlying automatisms: gestalts, genre frames, frames of interpretation, strengthened in the operating memory motor schemas.

Key words: aphasia, speech automatisms, cognitive structures, gestalts, frames.

*М.М. Лютянская, Е.С. Коканова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова
m.lyutyanskaya@narfu.ru, e.s.kokanova@narfu.ru*

МЕТОДИКА АЙТРЕКИНГА В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОЦЕССА ПРИНЯТИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ЛИСТА

На современном этапе развития переводоведения перевод определяется как сложный когнитивный процесс, включающий необходимость принятия переводчиком разных типов решений. Методика айтрекинга позволяет наблюдать процесс чтения текста и перевода текста с листа и судить о принимаемых переводчиком решениях.

Ключевые слова: перевод с листа, методика айтрекинга, переводческое решение, тип решения, регрессивные саккады.

Переводческая деятельность как сложный когнитивный процесс привлекала внимание исследователей не одно десятилетие. Стремление «открыть черный ящик», то есть понять мыслительные процессы, происходящие в голове переводчика во время осуществления перевода,

сопровождало представителей переводоведения с самого становления данного направления как отдельной научной дисциплины.

Отечественные и зарубежные исследователи процесса перевода давно сошлись во мнении, что перевод представляет собой процесс принятия решения [Неганова 2015]. Однако существуют разные подходы к пониманию сути переводческого решения. Так, представители лингвистической теории перевода рассматривают его как способ разрешения переводческих трудностей с помощью переводческих трансформаций (см. работы Л.К. Латышева, Я.И. Рецкера, А.Д. Швейцера и др.). Представители когнитивно-эвристического подхода считают, что переводчик каждый раз осуществляет поиск оптимального решения применительно к конкретному тексту и конкретной коммуникативной ситуации (см. работы М.Я. Цвиллинга, А.Г. Минченкова и др.).

В зависимости от подхода к пониманию сути переводческого решения различаются и стратегии в исследовании поведения переводчика в момент принятия решения. Одна из них основана на анализе результата перевода, когда осуществляется сопоставление исходного текста (ИТ) и текста перевода (ПТ) и все различия, выявляемые в ходе анализа, рассматриваются как отражение мыслительных процессов, имевших место при переводе.

Вторая стратегия основана на исследовании процесса перевода и применяет такие методы, как мышление вслух (*think-aloud protocol*, TAP), запись работы переводчика на видеокамеру, использование специально разработанных компьютерных программ (например, *Translog*), позволяющих регистрировать и анализировать различные параметры, такие как количество нажатий клавиш, общее количество знаков, количество обращений к словарям и т. д. [Lauffer 2002].

Переводоведение на современном этапе характеризуется междисциплинарностью и применяет методы других наук, занимающихся исследованием мыслительной деятельности человека, в частности психологии и нейрофизиологии. Одной из методик, набирающих популярность в изучении переводческого процесса, является методика айтрекинга, позволяющая исследовать различные аспекты деятельности переводчика: координацию процессов понимания и речепроизводства, распределение когнитивных усилий, переводческую компетенцию и т. д. [Hvelplund 2014].

Исследования с помощью айтрекера позволяют оценить скорость восприятия информации, проследить траекторию движения глаз, оценить размеры и продолжительность фиксации взгляда, направления саккад, выделить зоны интереса. Таким образом, регистрируя и анализируя параметры движений глаз,

исследователь получает доступ к скрытым формам активности, которые обычно протекают исключительно быстро и неосознанно [Барабанщиков 2015].

Для целей настоящего исследования был выбран перевод с листа как особый вид перевода, занимающий промежуточное положение между письменным и устным переводом. Отличительными характеристиками перевода с листа являются синхронное зрительное восприятие исходного текста и устное воспроизведение его перевода. Основные требования, предъявляемые к переводу с листа при оценке его качества, включают: ровную речь без пауз, повторений, самоисправлений, достаточно быстрый темп произнесения [Коканова 2018]. В реальной ситуации перевода с листа у переводчика очень мало времени на осмысление текста и минимальное время на обдумывание вариантов перевода, а следовательно, на принятие переводческого решения.

Экспериментальное исследование включало в себя чтение двух текстов на английском языке на тему арктических конвоев и их последующий перевод с листа на русский язык. Цель заключалась в том, чтобы выявить, какие элементы текста будут представлять для студентов наибольшую сложность, исходя из установки, что элементы текста, требующие больших когнитивных усилий, будут сопровождаться большим количеством фиксаций и саккад [Kokanova et al. 2018].

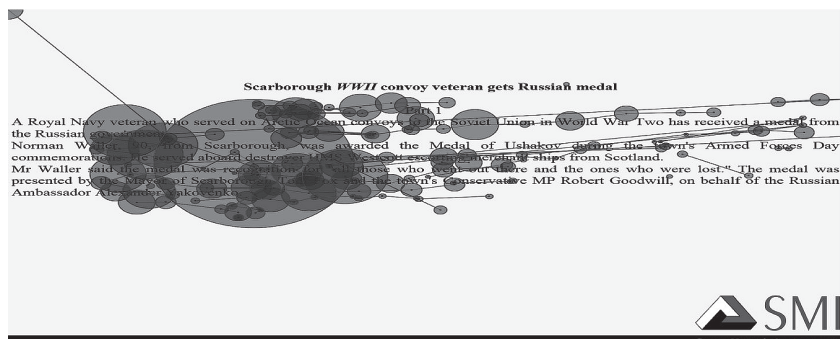
Более детальный анализ видеозаписи процесса чтения и перевода текстов вместе с прослушиванием аудиозаписи переводов позволяет пронаблюдать процесс принятия переводческого решения при переводе с листа у разных переводчиков. По мнению теоретика перевода В. Вильса, в процессе принятия решения переводчик проходит шесть этапов, что определяет тип принимаемого им решения: автоматического, стереотипного или требующего размышлений [Wills 1996].

На наш взгляд, основная работа переводчика по выявлению проблемы, анализу контекста, поиску подходящих вариантов при переводе с листа должна проходить на этапе чтения текста. Во время непосредственно перевода с листа мы наблюдаем момент выбора и поведение после выбора (оценку результата перевода). Было выявлено, что процесс перевода сопровождается значительным количеством регрессивных саккад, при этом представляется, что характер таких саккад зависит от типа принятого переводческого решения, а также от регуляции эмоций. Экспериментальное исследование показывает, что некоторым студентам реакция испуга может заблокировать принятие переводческого решения. В связи с этим исключительно важно при переводе с листа учесть эмоциональной регуляции.

В случае автоматического или стереотипного решения (функциональной заикленности), то есть когда переводчик решает переводческую проблему по заранее известной модели, регрессивные саккады отражают процесс осознанного построения правильной структуры в языке перевода, что на языковом уровне отражается в перестановках следования элементов текста. Подобные регрессивные саккады мы назовем продуктивными.

В случае решения, требующего размышлений, регрессивные саккады, количество которых в данном случае выше, сигнализируют о значительном когнитивном усилии переводчика (новизна задания, загрузка текущей памяти, трудности восприятия информации), когда решение переводческой проблемы не представляется ему очевидным. Такие регрессивные саккады отражают поведение переводчика после принятия решения, то есть когда выбранный вариант перевода не устраивает, поиск возможного нового решения. На аудиозаписи перевода такие отрезки текста сопровождаются паузами хезитации, самоисправлениями, повторениями, а зачастую и неправильным вариантом перевода. Такие регрессивные саккады мы назовем непродуктивными.

Тезис исследователей о том, что языковые единицы, требующие больших когнитивных усилий (то есть представляющие определенную сложность для понимания), сопровождаются более длительными фиксациями, нашел свое подтверждение и при анализе переводов с листа. Интересно было отметить, что в некоторых случаях при переводе с листа фиксации на определенных участках текста отсутствовали, что, по всей видимости, может свидетельствовать о реализации автоматического переводческого решения, принятого на этапе чтения текста.

Таким образом, исследование процесса принятия переводческого решения при переводе с листа включает комплексный анализ. Особое внимание следует уделить переводческому чтению, от качества которого зависит понимание смысла текста, принятия переводческого решения. При чтении текста для перевода с листа происходит взаимовлияние визуальной информации, когнитивного багажа, когнитивного контроля переводчика и сформированности переводческих компетенций. Исследование с помощью айтрекера позволяет проводить дальнейший анализ мультиаспектной деятельности, перевода с листа.

Литература

Барбанищikov В.А. Айтрекинг в психологической науке и практике. М.: Когито-Центр, 2015.

Коканова Е.С. Перевод с листа: экспериментальные исследования и методика обучения переводу // Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. Вып. 8. Н. Новгород: Бюро переводов «Альба», 2018. С. 294-298.

Неганова А.О. Современные воззрения отечественных и зарубежных ученых на трактовку переводческого решения // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2015. С. 46-50.

Hvelplund K.T. Eye Tracking and the Translation Process: Reflections on the Analysis and Interpretation of Eye-Tracking Data // MonTI Special Issue – Minding Translation. 2014. P. 201-223.

Kokanova E.S., Lyutyanskaya M.M., Cherkasova A.S. Eye Tracking Study of Reading and Sight Translation // SHS Web Conf., 2018. Vol. 50.

Lauffer S. The Translation Process: an analysis of observational methodology / Sabine Lauffer // Cadernos de tradução, 2002. Vol. 2. № 10. P. 59-74.

Wilss W. Knowledge and Skills in Translator Behaviour. Amsterdam: John Benjamins Publishing. 1996.

*M.M. Lyutyanskaya, E.S. Kokanova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

EYE-TRACKING STUDY OF TRANSLATION DECISION IN SIGHT TRANSLATION

Current translation studies concern translation as a complex cognitive activity when you need to take different translation decisions. Eyetracking is a good way to study reading and sight translation to analyse the decision-taking process in translation.

Key words: sight translation, eyetracking, translation decisions, type of decision, regressive saccades.

*M.A. Петровичева, А.С. Шматко, М.В. Карякина,
А.Б. Шмуклер (Москва, Россия)*

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Московский научно-исследовательский институт психиатрии
petrovicheva.marfa@mail.ru
artem_shmatko@protonmail.com
karyakina.m@serbsky.ru
shmukler.a@serbsky.ru*

К ПРОБЛЕМЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕТОДИК ОЦЕНКИ ЯЗЫКОВЫХ И КОГНИТИВНЫХ НАРУШЕНИЙ ПРИ ШИЗОФРЕНИИ

В докладе обсуждаются причины противоречивости результатов исследований языковых нарушений при шизофрении, выполняемых на текстовом материале. Представлена оригинальная методика оценки информативности стимулов и значимости сопоставляемых лингвокогнитивных параметров в экспериментальном исследовании описаний изображений здоровыми респондентами и больными шизофренией.

Ключевые слова: шизофрения, языковые нарушения, когнитивные нарушения, описание изображений, информативность стимулов.

Известно, что количественные и качественные исследования языковых нарушений при шизофрении, выполняемые на материале речевых произведений разного объема (автобиографический рассказ, рассказ по картинкам, развернутый ответ на вопрос типа «Почему некоторые люди верят в бога?»), пересказ текста, объяснение различий между стимулами и т. п.), дают гораздо более противоречивые данные, чем эксперименты и тесты с использованием изолированных стимулов, выключенных из коммуникативной деятельности и контекста (тесты на вербальную беглость и под.). Ср., например, за последний год [Sevillaetal 2018] и [Palaniyappanetal 2018].

В основе своей отмеченное различие в результатах объективно. Изучение речевых произведений, на какие конкретные языковые элементы и категории ни было бы оно обращено (личные местоимения, средства связности, определенные тематические группы слов, глагольное время, пассивный и активный залог и т. п.), имеет в конечном итоге выход на более общие характеристики шизофренической речи и мышления, которые принято объединять под названием «нарушение формального мышления» (FTD – formal thought disorder) и которые, с одной стороны, служат одним из основных признаков шизофрении, с другой – по сути своей являются градуальными, вариативными и проявляются у разных больных в разной форме и степени. Так, в [Salisbury 2010: 2] указывается, что, хотя общепринятой характеристикой FTD служит «bizarre and disordered speech, which at the most extreme instances may result in word salad, an incomprehensible, inscrutable jumble of words, and neologisms, the idiosyncratic coinage of words with delusional significance», чаще это расстройство проявляется в менее резкой форме и выражается в «a certain looseness in conceptual focus by which the train of thought is normally maintained».

Признание существенных различий в манифестации языковых нарушений в зависимости от тяжести заболевания и других особенностей **субъекта** является общим местом в подобных исследованиях. При этом по каким-то причинам мало используется принятое в когнитивных исследованиях разграничение факторов, связанных с **целью** (формулировкой задания) – goal-driven (task-driven), и со свойствами **стимула** – stimulus-driven [Yantis 2000; Mechelli et al. 2007; Archibald 2013; Coco, Keller 2014; Heuer et al. 2017]. В частности, не изучена зависимость нарушений от степени коммуникативности и сложности задания, от наличия опоры на контекст (ситуацию) и подобных факторов. Вопросы о соотносительной информативности (диагностической силе)

визуальных стимулов в экспериментах по называнию и описанию изображений и о возможности управления характеристиками изображений для увеличения их информативности даже не ставились.

Мы попытались решить эту проблему в эксперименте по описанию изображений. В настоящий момент проанализированы данные 94 испытуемых: 56 больных шизофренией с обострением заболевания (средняя суммарная оценка по PANSS – $98,4 \pm 27,3$ баллов), а также 38 лиц без психических расстройств, входящих в контрольную группу. Группа больных и контрольная группа сбалансированы по полу и возрасту. Так, контрольная группа содержала 40 % женщин против 41 % в группе больных, а средний возраст респондентов в группах составил 28 лет против 30. В качестве материалов был использован набор из 20 изображений сельскохозяйственных животных (18 цветных фотографий и 2 цветных рисунка). Композиция изображений варьировалась в широких пределах: животные находились как в статических, так и в динамических позах, количество животных в основном составляло от одного до трех, на многих изображениях присутствовали люди, животные находились как в естественной, так и в урбанизированной среде.

Каждому участнику исследования на экране компьютера последовательно предъявлялись картинки тестового набора. Набор из 20 картинок предъявлялся разным испытуемым либо в прямом, либо в обратном порядке. Испытуемому давалось 30 секунд на рассматривание изображения, после чего после чего в течение 20 секунд нужно было дать письменное описание изображения, само изображение при этом оставалось на экране. Общее время эксперимента составило около 17 минут. От каждого респондента был получен набор из 20 описаний. Примеры ответов (орфография и пунктуация сохранены): респондент I, контрольная группа – *На поле медвежонок пробегает рядом со стадом коров. Фото; Корова с плачущим телёнком. Рисунок; Пастух гонит стадо коров по грязной дороге осенью. Фото*; респондент II, группа больных – *Медведь зашел на пастбище коров. Коровы выгоняют незванного гостя с пастбища; Бабушка пасет корову, которая смотрит вниз ест траву; Корова лежит у подножья холма и смотрит вниз рядом горы и т. д.*

Полученные описания были вручную размечены по наличию следующих компонентов: обозначение 1) цвета, 2) размера, 3) части целого, 4) использование экспрессивно окрашенной лексики, 5) выражение

субъектно-объектных отношений, 6) обозначение количества фигур, 7) фона, 8) типа изображения, 9) перспективы, 10) гиперо-гипонимических отношений, 11) возраста изображённых на картинке персонажей, 12) их родственных связей, 13) динамики их действий, 14) их эмоционального состояния, которое в некоторых случаях передавалось посредством 15) прямой речи; также отмечалось 16) проявление объединяющих фигуры реляционных отношений. Помимо этого, учитывалась тактика описания: 17) перечисление, 18) объём описания, 19) обозначение деталей, 20) неопределённость и 21) ошибочность номинации, 22) пропуск фигуры, 23) обозначение времени, 24) оценка качества изображения, 25) эстетическая оценка изображения.

Следует подчеркнуть, что анализировались не отдельные лексемы (леммы) как единицы плана выражения, а значимые [Etkins 2011; Golbecketal 2011; Сидорова 2016; Сидорова, Роговнева 2016] параметры, вербализуемые разными лексемами и объединяющие план содержания и план выражения. Каждому описанию был сопоставлен вектор из нулей и единиц, наличие в котором единицы на i -й позиции означает наличие соответствующего параметра. Если взять среднее для векторов-описаний всех изображений одним респондентом, то полученный вектор значений можно интерпретировать как вектор вероятностей обращения к определенному параметру при описании. Усреднение векторов по всем респондентам из группы позволяет характеризовать группу по частоте использования (вербализации) определенного параметра и провести сравнение групп.

Результаты эксперимента свидетельствуют об отсутствии существенных расхождений у контрольной группы и группы пациентов по большинству параметров, в том числе и по параметрам «пропуск фигуры» и «ошибка номинации». Минимальность различий может быть объяснена использованием низкоуровневого лингвистического материала, не требующего абстрактного мышления, в квазикоммуникативной ситуации, не требующей активного взаимодействия с собеседником, при наличии опоры на простой и вместе с тем естественный визуальный контекст. В то же время зафиксированы различия в отношении категорий «цвет», «размер», «часть-целое», «тип изображения», «деталь», «гиперо-гипонимические отношения» и «перспектива», которые позволяют определить вектор дальнейших исследований, в том числе и с последующей детализацией указанных характеристик.

Результаты эксперимента были проанализированы с помощью специальных таблиц, в которых по вертикали были отложены названия параметров, по горизонтали – индексы изображений в наборе. Каждое значение в таблице численно соответствовало проценту респондентов, использовавших определенный параметр при описании определенного изображения. Анализ подобных таблиц для каждой группы, а также разницы в использовании одного и того же параметра здоровыми респондентами и больными по отношению к каждому изображению позволяет установить неравноценную информативность картинок и неравнозначность параметров. Например, параметр «возраст» варьируется у здоровых респондентов от 0 до 100 % для различных изображений. Аналогичное распределение параметра обнаружено у группы больных. Однако разница в использовании этого параметра между группами находится в диапазоне 0-15 %. Частота использования параметра «часть – целое» в здоровой группе – от 0 до 68 %, в группе больных – от 0 до 34 %. Разница в использовании этого параметра составляет 0-41 %. Таким образом, параметр «часть – целое» является более информативным, поскольку разница по нему больше, несмотря на меньший разброс исходных данных.

Представляется возможным анализ конкретных изображений для установления факторов, приводящих к появлению различий в описаниях, а также создание набора изображений, подобранных таким образом, что различия будут максимальны. Подобный набор, вкупе с методикой обработки описаний и выявления наиболее значимых параметров, может иметь диагностическое значение.

Литература

Сидорова М.Ю. Языковые маркеры антропоцентричности в описаниях изображений // Вестник КемГУ. 2016. № 3 (67). С. 25-37.

Сидорова М.Ю., Роговнева Ю.В. Соотношение часть – целое в описательных текстах, основанных на непосредственном наблюдении // Филология и человек. 2016. № 2. С. 142-152.

Archibald L.M.D. The Language, Working Memory, and Other Cognitive Demands of Verbal Tasks // *Topics in Language Disorders*. 2013. № 33 (3). P. 190-207.

Coco M.I., Keller F. Classification of Visual and Linguistic Tasks using Eye-movement Features // *Journal of Vision*. 2014. № 14 (3). P. 1-18.

Cohen B.D., Nachmani G., Rosenberg S. Referent communication disturbances in acute schizophrenia // *Journal of Abnormal Psychology*. 1974. № 83 (1). P. 1-13.

Etkins J. On Pictures, And the Words That Fail Them. Cambridge, 2011.

Golbeck J., Koepfler J., Emmerling B. An experimental study of social tagging behavior and image content // *Journal of Assisted Reproduction and Genetics*. 2011. № 62 (9). P. 1750-1760.

Heuer S., Ivanova M.V., Hollowell B. More Than the Verbal Stimulus Matters: Visual Attention in Language Assessment for People With Aphasia Using Multiple-Choice Image Displays // *Journal of speech, language, and hearing research*. 2017. № 60. P. 1348-1361.

Mechelli A., Josephs O., Ralph M.A.L., McClelland J.L., Price C.J. Dissociating Stimulus-Driven Semantic and Phonological Effect During Reading and Naming // *Human Brain Mapping*. 2007. № 28. P. 205-217.

Palaniyappana L., Bezerra Motab N., Oowised S., Balaine V., Copellic M., Ribeiro S., Liddle P.F. Speech structure links the neural and socio-behavioural correlates of psychotic disorders // *Progress in Neuro-psychopharmacology & Biological Psychiatry*. 2019. № 88. P. 112-120.

Salisbury D. N400 to Lexical Ambiguity and Semantic Incongruity in Schizophrenia // *International Journal of Psychophysiology*. 2010 February. № 75 (2). P. 127-132.

Sevilla G., Rosselló J., Salvador R., Sarro ' S., Lopez-Araquistain L., Pomarol-Clotet E., et al. Deficits in nominal reference identify thought disordered speech in a narrative production task. *PLoS ONE*. 2018. № 13 (8). P. e0201545.

Yantis S. Goal-directed and stimulus-driven determinants of attentional control // *Monsell S., Driver J.* (Eds.). *Control of Cognitive Processes*. The MIT Press, 2000. P. 73-103.

*M.A. Petrovicheva, A.S. Shmatko, M.V. Karyakina,
A.B. Shmukler (Moscow, Russia)*

*Lomonosov Moscow State University, Moscow Research Institute of Psychiatry
petrovicheva.marfa@mail.ru
artem_shmatko@protonmail.com
karyakina.m@serbsky.ru
shmukler.a@serbsky.ru*

**TO THE PROBLEM OF IMPROVING THE METHODS
OF EVALUATION LANGUAGE
AND COGNITIVE DISORDERS IN SCHIZOPHRENIA**

The report discusses the reasons for the discrepancy between the results of language disorder studies in schizophrenia, based on text material. An original evaluation method for the stimulus' informativity and the importance of linguistic and cognitive parameters is presented; this experimental study is based on description of images made by respondents with and without schizophrenia.

Key words: schizophrenia, language disorders, cognitive disorders, description of pictures, informativity of stimulus.

М.Ю. Сидорова (Москва, Россия)

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
sidorovadoma@mail.ru*

**НАЗЫВАНИЕ И ОПИСАНИЕ ИЗОБРАЖЕНИЙ В СПЕКТРЕ
МЕТОДИК ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ
И КОГНИТИВНЫХ НАРУШЕНИЙ У БОЛЬНЫХ ШИЗОФРЕНИЕЙ¹**

Доклад посвящен сопоставлению методик названия и описания изображений в контексте общих методологических проблем изучения коммуникативных и когнитивных нарушений у больных шизофренией. Обсуждаются данные по лексическим характеристикам и связности текста, полученные в эксперименте по описанию изображений у больных шизофренией и здоровых испытуемых.

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ 17-29-02164 офи_м.

Ключевые слова: шизофрения, расстройство мышления, коммуникативные расстройства, описание изображений, название изображений.

В литературе представлены два направления в исследовании нарушений речи у больных шизофренией.

Первый подход – сверху вниз – начинается с констатации расстройства формального мышления (*formal thought disorder, FTD*) в качестве одного из основных симптомов шизофрении и определения его через связь с речевыми / языковыми / коммуникативными нарушениями (дисфункциями). Отмечая дезориентирующий характер термина «*thought disorder*», Н. Андреасен еще в 1986 г. предлагала заменить его на «*disorders of thought, language, and communication*» и указывала, что с эмпирической точки зрения большая часть подразумеваемых нарушений являются коммуникативными (*disorders of communication*) [Andreasen 1986: 473], поскольку затрагивают именно «языковое поведение», т.е. взаимодействие между говорящим и слушающим: «говорящий нарушает конвенциональные правила, которые облегчают понимание его речи слушателем... не принимает во внимание потребностей слушателя» [Там же]. В предложенной Андреасен шкале ТЛС к «коммуникативным нарушениям» были отнесены содержательная бедность речи, напор (лихорадочность) речи, нецеленаправленность речи, путаность речи, соскальзывания, эхолалия, внезапные остановки и ряд других нарушений, действительно влияющих на коммуникативное взаимодействие, наблюдаемых в речевой цепочке определенной протяженности и не сводящихся к проблемам порождения или рецепции языковых знаков на одном отдельно взятом уровне (всего 12 нарушений из 18, входящих в шкалу, остальные относятся к языковым нарушениям и нарушениям мышления). Указанная специфика коммуникативных нарушений, наряду с сугубо качественным, трудно измеряемым характером большинства из них затрудняет их тестирование и не позволяет говорить о полной объективности используемых критериев.

Второй подход – снизу вверх – включает исследования языковых проблем, возникающих у больных шизофренией при выполнении некомуникативных или квазикоммуникативных заданий, в которых тестируемые оперируют отдельными извлеченными из контекста элементами (обычно – лексемами). Такие исследования квантифицируются гораздо проще, и велико искушение напрямую связывать их результаты с коммуникативными нарушениями и расстройством мышления. Сюда входят

задания на подбор антонимов, синонимов, на вербальную – семантическую и буквенную – беглость, выбор слова по заданным параметрам, называние изображений, повторение слов и псевдослов и т. п. Они принципиально отличаются от количественных исследований лексического состава и грамматических особенностей речевых произведений больных шизофренией (развернутые ответы на вопросы, пересказ текста, рассказ на заданную тему и под.) по целому ряду параметров, включая степень коммуникативности выполняемого задания; наличие опоры на ситуативный контекст; вовлеченность в речевую деятельность, наряду с лексическим доступом, синтаксических механизмов порождения речи; соотношение продуктивности/рецептивности; акцент на изучении только полнозначительной лексики или включение в рассмотрение служебных слов.

Роль методик, нацеленных на изучение порождения или восприятия изолированных (деконтекстуализованных) языковых элементов в оценке когнитивного статуса больных шизофренией нельзя отрицать. В частности отмечается, что задания на вербальную беглость включают несколько когнитивных процессов (скорость обработки информации, внимание, семантическую память, исполнительные функции) и «клиническое применение этого нейропсихологического инструмента доказало его чувствительность по отношению к различным патологиям мозга» [Galaverna et al. 2016: 306]. Большой осторожности требует интерпретация результатов подобных экспериментов по отношению к речевым дисфункциям и FTD. Выявление корреляции подразумевает сопоставление полученных данных с тестированием тех же испытуемых на степень FTD для выяснения того, характерна ли проблема для всех больных шизофренией или только для тех, у кого FTD проявляется наиболее сильно [Leeson et al. 2006; Soriano et al. 2008].

В контексте описанных проблем представляет интерес сопоставление двух экспериментальных методик, основанных на визуальном материале: называние изображений и описание изображений.

Основным материалом, используемым в экспериментах по называнию изображений, являются наборы черно-белых контурных картинок, на которых на белом фоне без теней и объема изображен изолированный предмет или человек, выполняющий какое-либо действие (деконтекстуализованный стимул). Обычно базой таких исследований служит набор изображений из [Snodgrass, Vanderwart 1980]. Получаемые данные вполне однозначны (больные шизофренией показывают худшие результаты по

сравнению со здоровыми респондентами) и интерпретируются как свидетельство проблем в хранении семантической информации или в доступе к ней [Leeson et al. 2005; Kondel et al. 2006]. Положительной стороной теста является его компактность, модифицируемость (возможность регулировать количество картинок), наличие значительной базы данных по норме, включая характеристики лексем (названий картинок) по частотности, возрасту усвоения и другим важным лингвистическим показателям. Однако такие тесты проверяют изолированный фрагмент системы порождения речи в весьма искусственных условиях, когда называемый объект выключен из референтно-ситуативного и коммуникативного контекстов, а использование говорящим компенсационных механизмов ограничено. Кроме того, несмотря на распространенность и внешнюю эффективность использования контурных черно-белых изображений для лингвистических и когнитивных тестов, имеются указания на их неполную удовлетворительность с точки зрения моделирования когнитивной системы [Viggiano et al. 2004; Moreno-Martinez, Montoro 2012], и созданы более приближенные к реальному виду объектов наборы виртуальных репрезентаций, включая 3D (обзор проблематики и решений см. в [Peeters 2018]).

Методика описания изображений была использована нами в комплексном мультидисциплинарном исследовании, направленном на изучение когнитивных, речевых и глазодвигательных особенностей при шизофрении. В нем приняли участие 94 испытуемых: 56 больных шизофренией в состоянии обострения заболевания (средняя суммарная оценка по PANSS – 98,4±27,3 баллов) и 38 лиц без психических расстройств. Материалом служили реальные цветные изображения сельскохозяйственных животных в естественных ситуациях. Письменные описания изображений были подвергнуты ручной разметке и компьютерному анализу для установления различий по основным лексическим характеристикам текста: среднее количество слов, использованных каждым испытуемым для описания всего набора картинок; лексическая сложность (рассчитываемая на основе количества слогов в использованных словах и частотности использованных слов); процент уникальных слов; частеречный состав.

Анализ показал, что больные использовали в среднем 134,56±19,13 слов при описании набора картинок против 165,57±19,40 для контрольной группы (здесь и далее значения для доверительного интервала $p=0,95$). Значение аналогичной метрики с учётом только уникальных слов составило соответственно 71,56±10,38 и 91,86±9,21 слов. Полученные данные

соответствуют общепринятым представлениям о «количественной бедности» речи шизофреников. В то же время больные шизофренией использовали лексику такой же сложности, как здоровые респонденты, и не использовали существенно меньше таких средств связности, как предлоги и местоимения. Статистически значимые различия обнаружены по связующим частям речи только в союзах. Первый показатель – по группе больных, второй – по контрольной группе: предлоги – $15,3 \pm 1,47$ % против $16,5 \pm 1,85$ %; местоимения – $0,85 \pm 0,27$ % против $0,811 \pm 0,33$ %; союзы $4,11 \pm 0,67$ % против $2,8 \pm 0,57$ %. Этого недостаточно, чтобы сделать вывод о нарушенной связности текстов, созданных больными, или о меньшей синтаксической сложности этих текстов.

Использованный подход позволяет исследовать различия именно в речевой деятельности больных и здоровых испытуемых, а не в их способности к номинации. Полученные результаты могут быть объяснены уровнем сложности задания и характером коммуникативной задачи.

Литература

Andreasen N.C. Scale for the Assessment of Thought, Language, and Communication (TLC) // *Schizophrenia Bulletin*. 1986. № 12 (3). P. 473-482.

Barrelet L.I., Piguet D., Corradini S. Schizophrenia and language disorders // *Encephale*. 1993. № 19 (5). P. 533-540.

Galaverna F., Buena A.M., Morraf C.A., Rocab M., Torralva T. Analysis of errors in verbal fluency tasks in patients with chronic schizophrenia // *European Journal of Psychiatry*. 2016. № 30 (4). P. 305-320.

Hinzen W., Rosselló J. The linguistics of schizophrenia: thought disturbance as language pathology across positive symptoms // *Frontiers in Psychology*. 2015. № 6. P. 971.

Kondel T.K., Hirsch S.R., Laws K.R. Name relearning in elderly patients with schizophrenia: episodic and temporary, not semantic and permanent // *Cognitive Neuropsychiatry*. 2006. № 11 (1). P. 1-12.

Kuperberg G.R. Language in schizophrenia Part 1: an Introduction // *Language and Linguist Compass*. 2010. № 4 (8). P. 576-589.

Leeson V.C., McKenna P.J., Laws K.R. Storage and access procedures in schizophrenia: evidence for a two-phase model of lexical impairment // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. 2005. № 27. P. 1-11.

Leeson V.C., Laws K.R., McKenna P.J. Formal thought disorder is characterised by impaired lexical access // *Schizophrenia Research*. 2006. № 88. P. 161-168.

Moreno-Martinez F.J., Montoro P.R. An Ecological Alternative to Snodgrass & Vanderwart: 360 High Quality Colour Images with Norms for Seven Psycholinguistic Variables // *PLoS ONE*. 2012. № 7 (5). P. e37527.

Peeters D. A standardized set of 3-D objects for virtual reality research and applications // *Behavior Research Methods*. 2018. № 50. P. 1047-1054.

Radanovic M., Sousa R.T., Valiengo L., Gattaz W.F., Forlenza O.V. Formal Thought Disorder and language impairment in schizophrenia // *Arquivos de Neuro-Psiquiatria*. 2013. № 71 (1). P. 55-60.

Snodgrass J.G., Vanderwart M. A standardized set of 260 pictures: Norms for name agreement, image agreement, familiarity, and visual complexity // *Journal of Experimental Psychology: Human Learning & Memory*. 1980. № 6. P. 174-215.

Soriano M.F., Jiménez J.F., Román P., Bajo M.T. Cognitive substrates in semantic memory of formal thought disorder in schizophrenia // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. 2008. № 30 (1). P. 70-82.

Viggiano M.P., Vanucci M., Righi S. A new standardized set of ecological pictures for experimental and clinical research on visual object processing // *Cortex*. 2004. № 40. P. 494-509.

M.Yu. Sidorova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

PICTURE NAMING AND PICTURE DESCRIPTION IN THE STUDIES OF COMMUNICATIVE AND COGNITIVE DEFICITS IN SCHIZOPHRENIA

Picture naming and picture description are discussed in the context of general methodological problems of research in communicative and cognitive disorders in schizophrenia. Results received from patients and non-psychiatric controls in a picture description experiment are compared.

Key words: schizophrenia, thought disorder, communication disorders, picture description, picture naming.

Н.Н. Шпильная (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный педагогический университет
venata85@mail.ru*

ПОЛИФОНΙΑ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ ПРИ ПСИХОЗЕ

В статье впервые представлен анализ языкового сознания носителя языка в состоянии психоза. В работе акцент сделан на лингвистическом описании проблемы формирования невербализуемых высказываний, возникающих в языковом сознании носителя языка и вступающих в диалогические отношения с невербальным или вербальным поведением языковой личности, ее внутренней или внешней речью. Предлагается такой принцип организации измененного состояния сознания называть полифоническим принципом организации языкового сознания.

Ключевые слова: измененное языковое сознание, полифония, невербализуемое высказывание, невербализуемая языковая личность, психоз.

Объектом исследования в статье является измененное языковое сознание носителя языка, возникающее при психозе. Как известно, психоз – это глубокое патологическое расстройство психики, сопровождающееся бредом, галлюцинациями больного, который может слышать определенные голоса. В специальной медицинской литературе эти голоса относят к слуховым галлюцинациям, причины возникновения голосов до конца не известны и не изучены. Одна из гипотез заключается в предположении, согласно которому причиной возникновения голосов является активность зоны Вернике, отвечающей за активность мыслительного процесса языковой личности. Не останавливаясь подробно на клинической характеристике психоза, представим лингвистический анализ, а точнее, лингвистическую квалификацию соотношения речевого поведения языковой личности и невербализуемых высказываний (голосов), возникающих в ее языковом сознании.

Измененные состояния языкового сознания не раз становились предметом специальных психологических и лингвистических исследований. В собственно лингвистическом плане интерес представляет речь носителей языка с измененным состоянием сознания [Спивак 1985; 2000]. На современном этапе развития лингвистики измененных состояний сознания последние понимаются не только как способ приспособления сознания к изменениям внешних условий [Спивак 1985], но и как проявление основ-

ных типов нервно-психической патологии [Спивак 1996]. Однако в поле зрения лингвистов преимущественно оказываются трансперсональные состояния языкового сознания, которые либо вызываются искусственным путем, либо возникают спонтанно, либо вследствие применения психотехник [Там же]. Нас же интересует измененное состояние языкового сознания как проявление нервно-психологической патологии. В статье представлен анализ измененного состояния языкового сознания при психозе.

При психозе наблюдаются измененные состояния сознания, которые провоцируют нормальную речь носителя языка и в то же время актуализируют в его сознании невербализуемые высказывания, вступающие в диалог с внутренней речью или внешней вербальной речью языковой личности – носителем измененного состояния сознания – и принадлежащие либо неопределенной личности, либо конкретной личности, знакомой носителю языка (друзья, родители, высшие силы). Такой принцип организации языкового сознания будем называть **полифоническим принципом**, имея в виду актуализацию диалогических отношений между невербализуемой языковой личностью и создаваемыми ее высказываниями и высказываниями реальной языковой личности, представленными в формате внутренней или внешней речи. Такие выводы позволяют нам сделать записи больного психозом, который отмечает, что на его произносимые и непроизносимые реплики в ответ актуализируются невербализуемые высказывания, создаваемые в его языковом сознании, так как непроизносимые реплики никто не слышит, но голос на него реагирует. Другим проявлением психоза является появление голосов, принадлежащих конкретным людям, с которыми носитель языка знаком, или высшим силам. Записи больного психозом свидетельствуют о том, что и голоса реальных людей, и голоса высших сил, которые слышит реальная языковая личность, есть продукт измененного языкового сознания, то есть эти голоса – невербализуемые высказывания, порождаемые самим языковым сознанием реальной языковой личности. Так, например, в дневнике больного психозом есть одна запись, сделанная в психиатрической больнице, в этой записи говорится о том, что носитель языка разговаривал с Богом и Бог прокомментировал невербальную реакцию реальной языковой личности, которая подошла к другому пациенту и поправила одеяло на его кровати. Голос Бога сказал: «Ну за чем так-то, N (обратился по имени. – *Н. Ш.*)».

Термин «полифония» означает многоголосие. Он широко используется в литературоведении и в языкознании для обозначения диалога голосов в художественных текстах [Бахтин 1972; Кристева 2000] или в повседневных

текстах (личностно-ориентированных дискурсивных практиках) [Тубалова 2016]. В нашем исследовании данный термин будет использоваться для обозначения диалога невербализуемых голосов, наблюдаемых в языковом сознании при проявлениях психоза, с реальной языковой личностью. Уместным представляется высказывание Д.Л. Спивака, согласно которому при измененных состояниях языкового сознания «язык настолько прозрачно передает структуру мышления, что их можно легко установить на основе языка, не опасаясь искажений» [Спивак 1986: 50]. В нашем случае диалогические высказывания, возникающие в результате коммуникативного взаимодействия невербализуемой личности и реальной личности, дают основание говорить о диалогической (полифонической) структуре мышления языковой личности как результате ее измененного языкового сознания. Материалом для анализа послужили записи больного психозом, фиксирующие невербализуемые высказывания, создаваемые в его языковом сознании в период заболевания. Общее количество ситуаций, спровоцировавших появление невербализуемых высказываний, составляет 50 единиц.

1. Анализ дневника дает основание для вывода, согласно которому невербализуемые высказывания как проявление полифонии языкового сознания создаются в ситуации ответа (о диалогической ситуации как ситуации ответа см. в [Шпильная 2015; 2016]). Невербализуемая языковая личность в некоторых коммуникативных ситуациях является инициатором диалога, а в некоторых является адресатом диалога, в последнем случае она либо комментирует действия носителя языка, либо комментирует его озвученные или внутренние реплики. Приведем примеры коммуникативного взаимодействия реальной языковой личности и невербализуемой языковой личности. Записи приводятся из дневника больного психозом.

2. Ситуация № 1. *Ситуация в кинотеатре.*

Я повернулась, чтобы посмотреть на тех, кто сидел позади меня. Голос сказал мне: «Еще раз повернешься – убью».

В данном случае мы видим реакцию на невербальное поведение языковой личности.

3. Ситуация № 2. *Разговор по телефону с матерью.*

Я разговаривала с мамой по телефону. Сказала маме, что я устала, лягу спать пораньше. В этот момент голос сказал мне: «Врешь, сука, все ты врешь. Маме врешь...».

4. Ситуация № 3. *Перед сном.*

Я лежала на кровати, хотелось спать. Но надо было встать и выключить свет в ванной, я боялась встать, потому что в комнате было темно, боялась услышать голос. У меня мелькнула мысль «Сейчас встану, снова голос появится». Голос сказал кому-то: «Она нас боится, она боится встать». Я подумала и сказала внутреннему голосу: «Еще раз что-нибудь скажете, я разозлюсь и вам мало не покажется. Я ясно выразилась?». На это голос мне ответил «N. (обратился по имени – Н. Ш.), не бойся, мы будем молчать».

5. Ситуация № 4. *В разговоре с психотерапевтом.*

Я испугалась голоса и поехала к психотерапевту, я думала, что он сможет мне помочь. Разницу между психотерапевтом и психиатром я не знала. В разговоре с психотерапевтом голос сказал мне: «Не говори больше ничего о нас».

6. Ситуация № 5. *В палате психиатрической больницы.*

Я лежала на кровати и смотрела в потолок, Бог сказал мне: «Подойди к окну и посмотри на улицу, там стоит Миша (вероятно, речь идет о человеке, с которым знакома реальная языковая личность. – Н. Ш.)».

Как видим, невербализуемые высказывания создаются либо как ответные высказывания, они могут быть инициированы невербальным поведением языковой личности, ее внутренней речью или вербальными высказываниями, либо как инициативные высказывания.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что измененные состояния языкового сознания при психозе могут быть рассмотрены как проявление полифонии языкового сознания, появления в нем невербализуемых высказываний невербализуемой языковой личности.

Невербализуемая языковая личность – это особый тип языковой личности. Она создает невербализуемые высказывания как реплики, инициирующие общение или действия реальной языковой личности, или как ответные реплики на невербальное поведение последней, ее внутреннюю или внешнюю речь.

Изучение невербализуемых высказываний представляет интерес для лингвистики диалога, теории измененного языкового сознания, клинической лингвистики и психиатрии.

Литература

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 464 с.

Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 427-457.

Сивак Д.Л. Лингвистика измененных состояний сознания: проблемы и перспективы // Вопросы языкознания. 1985. № 1. С. 50-57.

Сивак Л.И., Сивак Д.Л. Изменённые состояния сознания: типология, семиотика, психофизиология // Сознание и физическая реальность. Т. 1. 1996. № 4. С. 48-55.

Сивак Д.Л. Измененные состояния сознания. Психология и лингвистика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ: Ювента, 2000. 296 с.

Тубалова И.В. Полифонический текст в устных личностно-ориентированных дискурсах: дисс. ... докт. филол. наук. Томск, 2016. 539 с.

Шпильная Н.Н. Деривационные основания русского диалогического текста. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. 219 с.

Шпильная Н.Н. Русский диалогический текст: деривационный аспект: дисс. ... докт. филол. наук. Кемерово, 2016. 623 с.

N.N. Shpilnaya (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

POLYPHONY OF THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS DURING PSYCHOSES

The article for the first time presents the analysis of the language consciousness of the informant in the state of psychosis – a deep pathological psychic disorder accompanied by delirium, hallucinations of the sick person who can hear certain voices. In the research paper the emphasis is on linguistic description of the problem of formation of nonverbalizable statements which appear in the language consciousness of the informant and enter dialogic relations with nonverbal behavior of the language personality, their internal or external speech. We suggest calling such a principle of organization of the altered state of consciousness the polyphonic principle of organization of the language consciousness.

Key words: altered state of consciousness, polyphony, nonverbalizable statement, nonverbalizable language personality, psychoses.

ХИ. КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ЯВЛЕНИЙ КУЛЬТУРЫ

*Л.И. Гришаева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
grischaewa@rgph.vsu.ru*

СПОСОБЫ ОБЪЕКТИВАЦИИ В ИНТЕРАКЦИИ СВЕДЕНИЙ О МИРЕ

В фокусе исследования находятся наиболее дискуссионные вопросы, связанные с изучением соотношения языка и невербальных кодов в коммуникации. Анализируются причины, по которым максимально адекватной единицей изучения поставленной проблемы признается интеракция между носителями культуры.

Ключевые слова: культурный код, язык как средство познания и коммуникации, средства объективации сведений, механизмы вербализации сведений.

Способы и средства объективации сведений о мире на актуальном витке познания изучаются как соотношение культурных кодов. И хотя библиография по проблеме весьма обширна и уже получены довольно серьезные результаты, позволяющие прояснить многое в анализируемом проблемном поле, все еще остаются многочисленные вопросы, решение которых поливариантно. Формат публикации не позволяет детально остановиться на анализе разных позиций, поэтому целесообразно акцентировать отдельные аспекты, учет которых обеспечивает выработку стратегии исследования, максимально адекватной сущности изучаемого феномена.

Теоретически к решению этой проблемы имеются два подхода, различить которые можно по целеполаганию исследования. В первом случае исследование фокусируется на свойствах кодов и их проявлениях независимо от особенностей среды и функционального потенциала. Во втором случае исследователь концентрируется на характере когнитивной и коммуникативной задачи и разнородных особенностях коммуникантов, задействующих средства разных кодов при взаимодействии в конкретных условиях. Наиболее перспективным, думается, следует признать второй подход как максимально адекватный сущности кодов и сути культуры.

Код как система правил соотнесения означаемого и означающего и конвенций, позволяющих носителям культуры использовать знаки и комплексы знаков и трактовать их использование в определенной среде. Сказанное означает, что, во-первых, с помощью средств кодов носители культуры решают коммуникативные и когнитивные задачи. Поэтому изучать соотношение кодов необходимо именно в интеракции, которая представляет собой совокупность речевых и неречевых действий, осуществление которых подчиненно одной цели. При динамическом и статическом аспекте изучения интеракции необходимо сознательно принимать во внимание, что все речевые и неречевые действия когерентны. Следовательно, данное обстоятельство нельзя не учитывать при анализе соотношения кодов в интеракции. Во-вторых, очевидно, что одна и та же когнитивная и коммуникативная задача в культуре может решаться многочисленными способами и разнообразными средствами, из которых носители культуры в конкретных условиях выбирают те, которые они считают наиболее эффективными. В-третьих, функциональная нагруженность кодов в интеракции того или иного типа не может быть идентичной в силу подчиненности всех действий достижению одной цели. Следовательно, при анализе соотношения кодов требуется выявить основания для выбора коммуникантами конкретных средств из комплекса изофункциональных и описать последний. Целесообразно не упускать из поля зрения, что средства невербальных кодов распределяются по разным функциональным классам, которые у разных исследователей не тождественны ни в качественном, ни в количественном отношении.

Все способы объективации сведений о мире можно разделить на регулярные (с довольно жестким функционалом и строгой сферой функционирования) и нерегулярные (спорадические и/или случайные, но, тем не менее, при определенных условиях изофункциональные регулярным). К первым следует отнести конвенциональные и неконвенциональные способы в зависимости от функциональной нагруженности средств кода при решении коммуникантами той или иной коммуникативной и когнитивной задачи и среды функционирования средств объективации сведений о мире. То, что объективировать сведения о мире можно не только регулярными средствами объективации, важно учитывать, так как не все имеющиеся в культуре средства фиксации знаний о мире складываются в культурные коды, хотя все они несут для носителей культуры значимую информацию. Ср., например: фасон платья явно несет сведения о личностной идентичности конкретного носителя культуры,

но не связан причинно с культурно специфическими особенностями среды и коллективной идентичностью коллективного субъекта. Однако особенности униформы полицейского однозначно информируют прежде всего о коллективных представлениях в культуре.

Все гетерогенные, гетерохронные и гетеросубстратные сведения о мире организованы в картину мира (Е.С. Кубрякова), они структурированы по разным основаниям, доступ к которым также различен. Эти сведения можно распределить на объективируемые в конкретной интеракции и имплицитные, без активизации которых невозможно осуществлять концептуализацию и категоризацию воспринимаемых сведений. Объективироваться гетерогенные сведения могут средствами языка и других невербальных кодов, сколько бы кодов и по каким бы критериям не выделяли исследователи. Культурные коды способны фиксировать, хранить, транслировать разнородное знание о мире, причем не только то, которое актуально и синхронно для конкретной коммуникации здесь и сейчас, но и знание устаревшее или гипотезы, которые, вероятно, будут верифицированы в близком или далеком будущем.

В языке как культурном коде имеются для объективации сведений о мире и/или активизации последних многочисленные механизмы вербализации сведений о мире, которыми располагает язык в тот или иной период своего бытования в культуре. Все механизмы вербализации целесообразно объединить в отдельные группы в зависимости от сферы их проявления, функционала и сущности: формально-структурные, лексико-семантические, морфологические, синтаксические, словообразовательные, текстограмматические, которые в свою очередь можно тонко дифференцировать по разным основаниям. Эти механизмы объективируют коммуникативно значимые сведения, востребованные при решении конкретной коммуникативной задачи, а также активизируют и со-активируют сведения, без которых нельзя концептуализировать и категоризовать воспринимаемые сведения в любом акте коммуникации. В реальности и коммуниканты, и исследователи имеют дело с деятельностью по использованию средств кодов или с результатами этой деятельности. Поэтому все имеющиеся в языке механизмы вербализации сведений о мире подчинены текстограмматическим, с помощью которых порождаются и воспринимаются разнообразные тексты. Из этого следует, что максимально адекватной единицей для изучения соотношения культурных кодов будет анализ этого соотношения в интеракции.

Минимальная относительно автономная единица коммуникации – текст того или иного типа, который фиксирует коммуникативный результат. Минимальное материальное воплощение текста языковыми средствами – предложение/высказывание, которое обладает структурой, семантикой, функциями (коммуникативной, когнитивной, номинативной) и сферой функционирования, которая известна всем носителям языка и культуры. В стандартном случае содержание предложения – это пропозиция, которая в коммуникации выражается первичными и/или вторичными средствами. Первичный способ – финитная конструкция, вторичный – композит разной словообразовательной структуры, группа слов (субстантивные, адъективные, партиципальные, инфинитивные и др. со своей структурой). Предложение состоит из членов, которые могут выражаться одной словоформой, группой слов разной структуры, финитной конструкцией. С точки зрения содержания каждый член предложения объективирует тот или иной компонент пропозиции, в форме которой хранится знание о ситуации. Причем предложение может быть монофинитным и монопрозитивным, монофинитным и полипрозитивным, полифинитным и полипрозитивным. Сказанное касается как пропозиций типа $P(x)$, так и пропозиций типа $R(x,y)$, $R(x, y, z)$.

Одна и та же пропозиция выражается разными структурами с разными формальными и содержательными характеристиками: глагольными, субстантивными, адъективными, которые различаются синтаксической, логической семантикой, хотя и обладают тождественным комплексом семантики. Каждое предложение как функциональная, содержательная, формальная, коммуникативная целостность обладает семантикой, которую лингвисты описывают через синтаксические категории: коммуникативное намерение, позитивное/негативное высказывание, тема-ремагическое членение, темпоральность, модальность, нумеративность, персональность, генеративность, аспектуальность. Комплекс средств выражения разных синтаксических категорий представляет собой пересекающиеся множества определенной структуры, например, темпоральность и модальность, персональность и нумеративность и т. д. Поэтому при изучении соотношения языка и невербальных кодов вряд ли корректно отождествлять морфологические и синтаксические категории (например, аспект и аспектуальность, время и темпоральность, залог и генеративность), во-первых, и жестко привязывать невербальные средства разных функциональных классов к определенным морфологическим сущностям (например, опре-

деленный жест – к морфологической форме глагола и только этой словоформе – даже без учета того, что последняя может быть синтетической или аналитической), во-вторых.

Средствами выражения синтаксических категорий являются равноуровневые языковые средства, которые тесно и причинно взаимодействуют друг с другом, что непременно сказывается на рецепции высказывания; ср.: *Завтра я иду в театр* – «*Завтра была война*», *От перемены мест слагаемых сумма не меняется*: материально одна и та же грамматическая форма активизирует разные представления о членении временного континуума и о времени совершения действия, обозначаемого лексемой определенной лексической семантики. И хотя средства выражения синтаксической категории могут быть первичными и вторичными, синтаксическая семантика объективируется одновременно комплексом лексических, морфологических, словообразовательных, формально-структурных, синтаксических способов и не локализуется по этой причине в одном члене предложения, но присуща всей коммуникативной единице как семантической, синтаксической, функциональной и коммуникативной целостности. Например, *Текст можно перевести без словаря* – *Эта тема диссертательна* – *Эта тема может стать темой диссертации* и т. п.: пассивность (безагентивность), потенциальность, темпоральность, возможность и др. типы семантики однозначно присутствуют в приведенных предложениях, но как их строго разграничить? Кроме того, в этой целостности взаимодействуют разные типы семантики: синтаксическая, функционально-семантическая, логическая (классификация, идентификация, характеристика). Следовательно, настоятельно необходимо разработать процедуры отграничения средств одного культурного кода от другого, процедуры вычленения одного конкретного кода в реальной коммуникации из комплекса всех задействованных в интеракции, процедуры надежной верификации предлагаемых трактовок.

Сказанное означает, что невербальные коды, задействованные в коммуникации, целесообразно развести на две группы: те, которые могут быть привязаны к конкретному члену предложения – именно к члену предложения, а не к словоформе, так как член предложения может выражаться и несколькими словоформами, например: *Петру* или *для Петра* – *для моего друга Петра*; и те, которые нельзя или весьма сложно локализовать в той или иной части высказывания либо они соотносятся с высказыванием в целом.

Таким образом, очевидно, что проблема соотношения языка и невербальных кодов в интеракции, по сути, все еще находится на стадии разработки наиболее значимых входных процедур, несмотря на интенсивное внимание к соответствующим вопросам.

*L.I. Grishaeva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University
grischaewa@rgph.vsu.ru*

WAYS OF OBJECTIVIZATION OF KNOWLEDGE ABOUT THE WORLD IN INTERACTION

The study focuses on the most controversial questions referring to the issue of correlation of verbal and non-verbal codes in communication. The author analyses the reasons which make interaction between members of particular culture(s) the most adequate unit of analysis within the issues discussed.

Key words: culture code, language as a means of cognition and communication, means of knowledge objectivization, means of verbal expression of knowledge.

*О.Г. Дубровская (Тюмень, Россия)
Тюменский государственный университет
o_dubrovskaya@inbox.ru*

КЛАСТЕРНАЯ МОДЕЛЬ КОММУНИКАЦИИ

Кластерная модель коммуникации рассматривается в контексте познавательных способностей человека – носителя определенного языка и социокультуры. В центре кластера располагается субъект с его потребностями, целями, намерениями, задачами, которые, в свою очередь, предопределены структурой и содержанием метаконцептов как «надзнаний», представленных схемами структурирования, классификации и интерпретации общих знаний, присутствующих в сознании субъекта в момент построения дискурса. В работе демонстрируются возможности коммуникативного кластера и объясняются причины межкультурного непонимания.

Ключевые слова: кластерная модель коммуникации, метаконцепты, социокультурная специфика дискурса.

Моделирование как важный способ объяснения явлений, осуществляемый с целью предсказать поведение изучаемого объекта, позволяет воспроизвести особенности одного объекта с помощью другого и представить его составные компоненты и функциональные характеристики в виде некоторой схемы, описания и др. В теории коммуникации известны общие и частные модели, статические и динамические. Все они ориентированы на решение конкретной исследовательской задачи и отражают научную парадигму того или иного времени и автора: *линейная модель* математика К. Шеннона и свойство избыточности как фундаментальное свойство человеческого языка, *модель коммуникации в сфере политики* Г. Лассвелла и роль коммуникатора, сообщения, канала, получателя и последствий коммуникации, *функциональная модель* Р. Якобсона и роль пользователя языка как включенного наблюдателя. Среди динамических моделей наиболее известны модели Н. Виннера с компонентом feedback (обратная связь), М.М. Бахтина с понятием «адресованность высказывания», Ю. Кристевой с понятием «интертекстуальности» и др. (подробнее см.: [Кашкин 2007]).

Цель данной работы – обосновать кластерную модель коммуникации в контексте данных и достижений когнитивной лингвистики.

Кластерная модель коммуникации – это объединение однородных, самодостаточных, взаимосвязанных и взаимодополняемых компонентов, основанное на общности их функций (служить фильтрами и «наполнителями» содержания дискурса и его структуры). Компоненты в кластере работают совместно по принципу «возбуждения-торможения» и эксплицитно могут быть не вербализованы, но определяют индивидуальность процесса коммуникации и дискурса ее участников. Преимущества такого понимания коммуникативного процесса и кластерной модели обеспечиваются ее способностью объяснить индивидуальность дискурса и причины непонимания за счет расхождений в концептуальных системах коммуникантов. Модель «вскрывает» компоненты (метаконцепты), сочетание которых и обеспечивает индивидуальность дискурса, его социокультурную специфику.

Дискурсивное поведение субъекта представляет собой последовательность когнитивных действий и решений, оформленных с помощью языка.

Язык выступает средством социализации субъекта, с помощью языка субъект интегрируется в систему социального взаимодействия. Дискурсивное поведение субъекта – это его код, который отвечает за индивидуальность результата дискурсивной деятельности в виде дискурсов и текстов разных форматов и жанров. Дискурсивная деятельность проходит сквозь метадискурсивные фильтры – метаконцепты, которые в кластерной модели коммуникации являются компонентами коммуникативного процесса: РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ [Дубровская 2014].

В центре модели располагается субъект с его интенциональными, эмоциональными особенностями, потребностями, с его целями, желаниями и задачами, которые формируются и в той или иной степени обуславливаются социокультурными факторами.

Кластерная модель коммуникации когнитивна по сути. В ее основе лежит принцип обмена знаниями, взаимодействие, адаптация, трансформация, переструктурирование концептуальных систем коммуникантов, которые, в свою очередь, сформированы социокультурными знаниями и средой проживания. В процессе коммуникации субъекты репрезентируют знания, которые хранятся в виде метаконцептов. В качестве «надконцептов» они являются схемами структурирования, классификации и интерпретации общих знаний, присутствуют в сознании человека в момент построения дискурса и образуют его метадискурсивное содержание, то есть дополнительное к основному содержанию дискурса. Надстраиваясь над любым содержанием дискурса, эти социокультурные знания формируют его социокультурную специфику.

Приведем примеры активизации метаконцептов как социокультурных знаний в области межличностного общения (1), перевода как вида межкультурного общения (2) и межкультурной коммуникации (3а, б).

(1) Miss Kenton: *Mr. Stevens, I thought these flowers might brighten your parlor a little.*

Mr. Stevens: *I beg your pardon?*

Miss Kenton: *I thought it might cheer things up for you.*

Mr. Stevens: *Oh, that is very kind of you.*

Miss Kenton: *If you like, Mr. Stevens, I could bring in some more cuttings for you.*

Mr. Stevens: *Thank you, Miss Kenton, but I regard this room as my private place of work. And I prefer to keep distractions to the minimum.*

Miss Kenton: *Would you call flowers a distraction, Mr. Stevens?*

Mr. Stevens: *I appreciate your kindness, Miss Kenton, but I prefer to keep things as they are (“The Remains of the Day”).*

В данном примере метаконцепт НОРМА структурирует вербальную коммуникацию в рамках одного (английского) языка, активизируя при этом разные модели поведения двух субъектов межличностной коммуникации, их разные индивидуальные знания: для одного участника коммуникации приемлемым и допустимым является наличие цветов в комнате, тогда как для другого – их отсутствие. В динамике (в определенный момент времени) коммуниканты удовлетворяют собственные потребности: в красоте (Miss Kenton) и тишине (Mr. Stevens).

Активизация метаконцептов НОРМА и ЦЕННОСТЬ (ориентация на позитивное отношение к миру) в кластерной модели коммуникации объясняет перевод некоторых структур с отрицанием на русском языке средствами английского языка, передающими положительный социокультурный смысл:

(2) *He исчезай / не пропадай и Stay in touch; Большие не болейте и Stay well; He падай духом / He унывай / He вешай носа и Cheer up* [Виссон 2005: 58].

В этой связи Л. Виссон замечает: «Как и в прежние времена, так и сейчас русские и американцы отличаются друг от друга во многих отношениях, но сходятся в одном: первые удивляются американскому улыбчивому оптимизму, а вторые – извечной русской тоске и пессимизму. Удивление это относится также к различию между русским и английским языками, которые сложились в очень несхожих исторических и географических условиях, а затем развивались под прямым и непосредственным воздействием нескольких постоянных факторов. Я имею в виду прежде всего умонастроение и менталитет, которые зависят, в свою очередь, от уклада и образа жизни народа, столь различных в России и США» [Виссон 2005: 49].

Активизация компонентов-метаконцептов НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ способствует разной интерпретации событий, связанных с присоединением Крыма к Российской Федерации в 2014 году:

(3а) *После тяжелого / длительного / изнурительного плавания Крым и Севастополь возвращаются в родную гавань / к родным берегам / в порт постоянной прописки / в Россию* (В. Путин); *У нас другая точка зрения // Мы провели референдум в строгом соответствии с международным правом и уставом ООН // Для России этот вопрос закрыт* (В. Путин).

В дискурсе активизируются концептуальные признаки «соблюдение установленных правил», «военные события разных лет и веков в Севастополе», «политическая история Крыма и Севастополя XX века» и др. Напротив, в дискурсе представителей международного сообщества метаконцепты активизируют иные концептуальные признаки, а именно: «нарушение целостности, норм», «аннексия», «захват территории», «насильственные действия», «исторические события прошлого»:

(3b) *Russia's official annexation of Crimea on March, 18 violated territorial integrity of Ukraine; Putin: The New Tsar; Annexation of Crimea* (BBC.com) и др.

В заключение отметим, что кластерная модель коммуникации учитывает теоретические положения когнитивной лингвистики, психологии и физиологии человека об особенностях получения информации, ее хранения и интерпретации. Она позволяет объяснить причины межличностного и межкультурного непонимания, специфику перевода, а также глубже осознать важность культуры и социума в формировании человека и его концептуальной системы в целом.

Литература

Виссон Л. Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур / пер. с англ. М.: «Валент», 2005.

Дубровская О.Г. Субъектный принцип формирования социокультурной специфики дискурса: дис. ... докт. филол. наук. Тамбов, 2014.

Кашкин В.Б. Основы теории коммуникации. М.: «Восток – Запад», 2007.

*O.G. Dubrovskaya (Tyumen, Russia)
University of Tyumen*

CLUSTERING ORGANIZATION OF COMMUNICATION

In the article, a new approach to Communication is introduced. Communication is viewed from the perspective of “a cluster model” with a human being (a language speaker and representative of a sociocultural background) in the center and seven metaconcepts as basic components of the model. Discourse samples illustrate the functionality of the model and its dynamic nature.

Key words: cluster model, communication, metaconcepts, sociocultural discourse specificity.

В.В. Корнева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
kornevaValentina@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СТРАТЕГИИ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ АДРЕСАНТА В ИСПАНСКИХ ОБЪЯВЛЕНИЯХ О ЗНАКОМСТВЕ

В статье описываются стратегии самопрезентации адресанта в объявлениях о знакомстве, выявляется связь между видом объявления, реализуемой стратегией и ее языковой репрезентацией в испанской лингвокультуре.

Ключевые слова: объявления о знакомстве, стратегия, самопрезентация, адресант, языковая репрезентация, испанский язык.

Когнитивно-дискурсивная парадигма открывает новые возможности для изучения традиционных для лингвистики аспектов формирования и функционирования языка. В частности, анализ семантики языковых единиц дает возможность ученым выявить стоящие за ними когнитивные структуры. При таком подходе текст, понимаемый как результат деятельности коммуникантов, и дискурс, трактуемый как процесс его порождения, рассматривают, прежде всего, как определенную структуру знания. В связи с этим особенно актуальным становится описание разных типов текста/дискурса, выявление его когнитивной структуры, состава композиционных блоков и их языковой репрезентации. Изучение с этих позиций объявлений о знакомстве как особом типе малоформатного текста позволило выделить лежащую в его основе прототипичную структуру [Корнева 2017а; 2017б; 2018а]. Последнюю можно рассматривать как фреймовую модель, включающую фреймы «самопрезентация», «портретирование», «желаемые отношения» и «постулирование контакта», каждый из которых представлен несколькими слотами, которые по-разному репрезентированы в языке.

Вместе с тем очевидно, что языковая репрезентация отдельных слотов и фреймов в когнитивной структуре данного типа текста определяется

целым рядом факторов. Среди них назовем в первую очередь особенности конкретной лингвокультуры (см., например, [Корнева 2017а; 2017б; 2018а; 2018б]), а также вид объявления и реализуемые номинативно-дискурсивные стратегии.

Среди объявлений о знакомстве необходимо различать три основных вида: брачные объявления, целью которых является создание семьи (далее вид «брачные отношения»), а также объявления, направленные на поиск друга (вид «дружеские отношения») или сексуального партнера (вид «гедонистические отношения»). В свою очередь, в объявлениях о знакомстве могут быть реализованы разные номинативно-дискурсивные стратегии. Согласно нашим данным, в испанском языке в данном типе текста, как и в других типах текста, адресант может реализовать либо экстериоризованную, либо интериоризованную номинативно-дискурсивную стратегию. При экстериоризованной стратегии коммуникативная ситуация представлена адресантом как бы со стороны, он выступает в роли стороннего, «объективного» наблюдателя, тогда как при интериоризованной стратегии адресант находится внутри описываемой коммуникативной ситуации [Корнева 2008]). Выбор адресантом той или иной стратегии оказывает существенное влияние и на распределение информации в макроструктуре текста, и на вариативность его композиции, и на языковую репрезентацию отдельных фреймов (информационных блоков текста) (см. подробнее [Корнева 2008; 2017б; 2018а; 2018б]).

В частности, анализ объявлений о знакомстве, опубликованных на страницах испанской прессы, показал следующее. Экстериоризованная стратегия самопрезентации адресанта является наиболее частотной. Она отмечена во всех видах данного типа текста. Такая стратегия существенно влияет на структурно-композиционную структуру текста, в поверхностной структуре которого фреймовая модель последовательно разворачивается в виде следующих фреймов: «самопрезентация», «постулирование контакта», «портретирование», «желаемые отношения». В то же время в зависимости от вида объявления о знакомстве фрейм «самопрезентация» может быть представлен бóльшим или мёньшим количеством слотов. В частности, в объявлениях вида «брачные объявления» репрезентированы такие слоты, как «внешний человек», «внутренний человек» и «общественный человек». Номинативная плотность языковых единиц, репрезентирующих данные слоты, весьма высока, при этом наблюдаются определенные приоритеты в их выборе в зависимости от гендер-

ной идентичности адресанта. Так, для адресанта-мужчины характерным является приоритетность и широкая наполняемость слотов «общественный человек» и «внутренний человек», тогда как для адресанта женщины доминантным оказывается слот «внешний человек» и в меньшей степени – слот «внутренний человек».

Гораздо меньше слотов и средств их вербализации отмечено в объявлениях вида «дружеские отношения». Для них доминантным является слот «внутренний человек», указывающий на сферу интересов и увлечений адресанта, причем на выбор языковых средств его гендерная идентичность не оказывает существенного влияния. Наконец, для объявлений вида «гедонистические отношения» в самопрезентации адресанта – как мужчин, так и женщин – релевантным является, прежде всего, слот «внешний человек», а также слот «внутренний человек», в которых актуализируются черты внешней и/или внутренней привлекательности потенциального сексуального партнера. Только в данном виде объявления о знакомстве для номинации адресанта возможно использование зооморфных метафор определенной семантики.

Интериоризованная стратегия самопрезентации адресанта в объявлениях о знакомстве менее частотна по сравнению с экстериоризованной стратегией. Она отмечена не во всех видах данного типа текста и реализуется главным образом в объявлениях о знакомстве вида «брачные отношения». Ее реализация допускает определенную свободу в выборе структурно-композиционной структуры текста. В поверхностной структуре объявления о знакомстве, как и в случае реализации экстериоризованной стратегии, фреймовая модель также может разворачиваться в виде последовательности таких фреймов, как «самопрезентация», «постулирование контакта», «портретирование» и «желаемые отношения». В то же время фрейм «самопрезентация» может быть и финальным, и рамочным – он может быть представлен одновременно и в начале, и в конце текста.

В случае реализации интериоризованной стратегии в объявлениях вида «брачные объявления» также репрезентированы слоты «внешний человек», «внутренний человек» и «общественный человек», в объективации которых отмечены те же самые гендерные различия, о которых говорилось выше. В то же время номинативная плотность языковых единиц, репрезентирующих данные слоты, ниже, чем при реализации экстериоризованной стратегии. Отчасти это обусловлено тем, что нередко в случае реализации интериоризованной стратегии адресант называет себя по имени, как это

происходит в реальной ситуации знакомства. Благодаря этому происходит сокращение дистанции между коммуникантами. Вместе с тем подобная «интимизация» общения и «субъективный» характер подачи информации от первого лица препятствуют тому, чтобы в объявлениях о знакомстве самопрезентация адресанта была многословной и содержала значительное количество оценочной лексики. Подобная сдержанность в положительной самопрезентации адресанта лексическими средствами компенсируется богатством используемых синтаксических средств: вопросительных и побудительных конструкций, а также сложноподчиненных предложений с придаточным условия, которые в принципе недопустимы при реализации экстерииоризованной стратегии.

В случае реализации интериоризованной стратегии в объявлениях вида «брачные объявления» также репрезентированы слоты «внешний человек», «внутренний человек» и «общественный человек». Однако номинативная плотность языковых единиц, репрезентирующих данные слоты, ниже, чем при реализации экстерииоризованной стратегии. Для адресанта мужчины характерным является приоритетность и широкая наполняемость слотов «общественный человек» и «внутренний человек», тогда как для адресанта женщины доминантным оказываются слот «внешний человек» и в меньшей степени – слот «внутренний человек».

Таким образом, выбор той или иной стратегии самопрезентации адресанта в испанских объявлениях о знакомстве играет ключевую роль в разветывании фреймовой модели текста и ее языковой реализации.

Литература

Корнева В.В. Фактор адресата и выбор номинативных стратегий // *Язык и дискурс в статике и динамике: тезисы Международной научной конференции, 6-8 ноября 2008 г., Минск.* Минск: МГЛУ, 2008. С. 247-248.

Корнева В.В. 2017а. Эксплицитное и имплицитное в испанских объявлениях о знакомстве // *Эксплицитное и имплицитное в языке и речи: тезисы Международной научной конференции, 10-11 мая 2017 г., Минск.* Минск: МГЛУ, 2017. С. 44-46.

Корнева В.В., Москаленко К.О. 2017б. Типология и структурно-семантические свойства испанских объявлений о знакомстве // *Вестник Воронежского государственного университета.* 2017. № 4. С. 103-107.

Корнева В.В. 2018а Традиции и новации в изучении объявлений о знакомстве (обзор публикаций последних лет) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 1. С. 129-132.

Корнева В.В. 2018б Прототипичная структура объявлений о знакомстве и ее языковая репрезентация // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII. «Когнитивные исследования в гуманитарных науках»: материалы всероссийской научной конференции с международным участием 17-18 мая 2018 года, г. Тамбов. С. 205-210.

V.V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

VERBAL REALIZATION OF ADDRESSER'S SELF-PRESENTATION STRATEGY IN SPANISH ANNOUNCEMENTS OF ACQUAINTANCE

The article describes some addresser's self-presentation strategies in announcements of acquaintance. We reveal the link between the type of announcement, strategies and their verbal representation in Spanish linguoculture.

Key words: announcements of acquaintance, strategy, self-presentation, addresser, verbal representation, the Spanish language.

З.А. Рыжкина (Москва, Россия)
Московский государственный медико-стоматологический
университет имени А.И. Евдокимова
ryzhkina@inbox.ru

МЕСТО КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ В ИЕРАРХИИ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СМЫСЛОВ

В статье обосновывается мысль о том, что живопись как особый визуальный способ познания мира с бесконечным числом смысловых построений формирует художественное воплощение, которое после ментального сканирования превращается в своего рода культурный концепт, восполняющий

недостаточные возможности языка, стимулирующий языковую репрезентацию, расширяющий эстетический опыт и создающий эмоциональный и интеллектуальный комфорт.

Ключевые слова: живопись, концепт, коннотация, подсознание, эстетическое наслаждение, интеллектуальный прогресс.

Культурные концепты позволяют не только расширять художественное поле с его бесконечным числом смысловых построений, но и идентифицировать человека как существо творческое, наделённое интеллектом и креативными способностями. Искусство в целом и особенно живопись как особый визуальный способ познания мира в его самом красочном контексте активизирует поиск аутентичных ценностей, включает подсознание и напоминает о трёх главных темах, волнующих человечество: страдании, любви и смерти. Мысль художника воплощается эксплицитно, пробуждая активность фрейдистско-когнитивных представлений социума, генерируя красочные ассоциации вариативных смыслов, «осуществляя утверждение бытия в его истинно позитивных ценностях» [Розенберг 1989: 30]. Живопись – это торжество субъективного мира и иррациональных сущностей, подвергшихся отождествлению и концептуализации.

Культурный дискурс «создаётся в целях конструирования особого мира... и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризуемого участниками коммуникации, условиями её существования и целями» [Кубрякова 2004: 525]. С его помощью осуществляется приобщение к метафизическим первоосновам визуального бытия, обеспечивается интеллектуальный прогресс, расширяется область эстетического опыта, формируется культурная память, активизируются когнитивные способности. Живопись осуществляет контакт с исчезнувшими и возникшими недавно пластами культуры. У художников всегда был широчайший выбор: оставаться в рамках культурных механизмов, проверенных временем, или в границах нового видения мира усилить концентрацию интеллектуального начала даже с элементами агрессии. В зависимости от степени новизны формы и содержания живописных полотен творчество любого художника может быть рассмотрено в рамках различных художественных направлений, названия которых уже сами по себе являются вербальными презентациями: модерн, ар-нуво, сецессион, югендштил, тиффани, импрессионизм, экспрессионизм, кубизм, абстракционизм, сюрреализм и т. д. Первым авангардным стилем XX века считается фовизм, получив-

ший своё название от французского *fauve* – «дикие звери» или «дикие сердцем» (Анри Матисс, Андре Дерен и Морис де Вламинк). Некоторые направления сохранили непереводаемые на русский язык названия, например, «питтура кольга» – «учёная живопись» – художественное направление в живописи, возникшее во второй половине 1970-х годов в Италии и других странах Европы (Мимо Паладино, Тадини Эмилио и др.), представители которого, с одной стороны, стремились следовать за образцами классического искусства, а, с другой стороны, превращали свои произведения в остроумные импровизации предшествующих традиций [Мосин 2017: 69]. «Арте повера» – «бедная живопись» – направление авангарда, отдававшее предпочтение созданию инсталляций из промышленных и природных объектов, при создании которых предпочтение отдавалось простым, «бедным» материалам: земле, песку, мусорным отбросам (А. Боэтти, Я. Кунеллис, М. Мерц и другие) [Мосин 2017: 15].

Большое внимание уделяется номинации произведений живописи – результату ментального сканирования художественной матрицы и формирования коннотации с высокой степенью обобщений, открывающей доступ к широкому диапазону интерпретаций. Концептуальная организация художественного пространства с помощью когнитивных механизмов позволяет соединить эстетический код с познавательным элементом и открыть доступ к бесконечному числу культурных рецептов. Система эстетических ценностей и личные предпочтения зрителя формируют его собственный дискурс, а миметическое правдоподобие и скрытый смысл абстрактных образов предполагают особый культурный контакт со зрителем, сканирующим смыслы художественного порядка и включающим внутреннее зрение.

Особое место в художественной иерархии культуры занимает один из самых известных художников Испании XX века, создавший свой собственный сюрреалистический мир – Сальвадор Дали. В названиях его картин отражались как мистические образы, так и культурные аллюзии, которые, с одной стороны, вводили его произведение в культурный контекст, а с другой стороны, позволяли ему предьявить свою интерпретацию уже известного художественного явления, погружая зрителей в мир художественных ассоциаций с набором знаков, включающих их собственную культурную память: «Веласкес, пишущий портрет инфанты Маргариты в лучах и тени собственной славы» (1958 г.); «Мадонна Рафаэля на максимальной скорости» (1954 г.); «Тайная вечеря» (1955 г.); «Апофеоз Гомера»

(1945 г.). Картина «Атавизм сумерек. Одержимость» (1933 г.) с её размышлениями о смысле бытия была навеяна картиной Франсуа Милле «Анжелос», но изображение умершего крестьянина и крестьянки с воткнутыми в спину вилами вносит в благочестивую обстановку ощущение тревоги и мрачных предчувствий. В другой реплике на эту же картину Милле под названием «Архитектонический “Анжелос” Милле» (1933) он вообще использует концепт эротики, всегда так его привлекавший. Одна из его картин – дань памяти матери и носит название «Загадки желания; “Мою мать, мою мать, мою мать”» (1929 г.): полиморфная руина, вызывающая ассоциации с мозгом человека, и это – голова Дали, она позволяет художнику творить особый загадочный мир, который основан на реальности, но в то же время далёк от неё. Художник говорил о смысле собственных произведений: «Сам я, когда пишу, не понимаю, какой смысл заключён в моей картине. Не подумайте, однако, что она лишена смысла. Просто он так глубок, так сложен, не нарочит и прихотлив, что ускользает от обычного логического восприятия» [Конененко 2016: 47]. Обращаясь к теме ядерного мистицизма с возможностью погрузиться в собственный макромир частиц и атомов с необычайно широким культурным контекстом, Дали использует в названиях своих картин образы античного мира – «Леда Атомика» (1949 г.), «Дематериализация возле носа Нерона» (1947) и т. д. [Свинглархарт 1998: 99].

Большой вклад в палитру номинаций живописных произведений внёс один из величайших представителей абстрактного экспрессионизма Марк Ротко, который считал свои картины независимой от него формой жизни, а живопись скорее медитацией, а не действием, доводя её до крайних пределов. Не исключая в своём творчестве мифологические концепты (одна из его картин носит название «Эдип»), в основном, позволяющие ему выразить протест против войны в Европе и напоминающие о страхе и ужасе, с ней связанными, Ротко предпочитал не давать названия своим картинам, предоставляя зрителю возможность сделать это самому, например, в картине «Без названия» (1941–1942 гг.) представил деструктурированное человеческое тело, части которого принадлежат не одному человеку, а многим. В истории искусства Ротко остаётся живописцем «цветовых полей» («Без названия (Фиолетовый, чёрный, оранжевый, жёлтый на белом и красном)» (1949 г.) [Карасевич 2015: 57], сумел найти графический способ изображения нового образа мира с его контрастами и гармонией, которую могут почувствовать только люди, наделённые особыми художественными способностями.

Новые смысловые уровни позволяют обозначить концепт красоты, для которого теперь совершенно не обязательными являются так характерные для предыдущих эпох изображения женского тела – как идеала античной пластики и совершенных форм. Внук знаменитого Зигмунда Фрейда Люсьен Фрейд – автор картин «Социальный работник спит», а также «Спящая у ковра со львами» (1996 г.), на которых можно увидеть любимую натурщицу художника Сью Тилли: увядающая женская плоть лишена не только эротизма, но и простой привлекательности. Но если Фрейд всё же продолжал творить в рамках фигуративной живописи, то многих художников, вдохновлявшихся миром подсознательного и иррационального, уже «не привлекают игры с человеческим телом», пытаясь стать между искусством и жизнью, «они стремятся создавать абстрактные концептуальные фигуры, задавать загадки, провоцировать интеллектуальное соучастие» [Турчин 1993: 19].

Таким образом, эти примеры показывают, что в выборе художественных предпочтений каждый художник имеет право на свой выбор эстетического идеала. Необычайное чувство цвета и владение когнитивными механизмами позволяют художникам создавать свой концепт, несмотря на различные эстетические установки, отдавать приоритет элементам чувственной, материальной субстанции или образам подсознания и иррационального бытия, расшифровка которых даст возможность зрителю ощутить интеллектуальный комфорт и эстетическое удовольствие. Транслируя культурную идентичность, художники усиливали концептуальную значимость культурных концептов, которые, получив художественное воплощение, превращают их в событие художественной культуры.

Литература

- Беккет В.* 1000 шедевров живописи. М.: БММ, 2008.
- Карасевич А.И.* Марк Ротко. М.: «Директ-медиа», 2016.
- Конonenко Р.А.* Сальвадор Дали. М.: «Директ-медиа», 2016.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На путях получения знаний о языке. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Мосин И.И.* О стилях и течениях в современном искусстве. СПб.: СЗКЭО, 2017.
- Розенберг Е.И.* Западноевропейская живопись XVII века. М.: Искусство, 1989.

Свингхарст Э. Сальвадор Дали. Нью-Йорк: Демарт про Арто, 1998.
Турчин В.С. По лабиринтам авангарда. М.: Изд-во МГУ, 1993.

Z.A. Ryzhkina (Moscow, Russia)

Moscow state medical dental University named after A.I. Evdokimov

THE PLACE OF CULTURAL CONCEPTS IN THE HIERARCHY OF ARTISTIC MEANINGS

The article substantiates the idea that painting as a special visual way of cognizing the world with an infinite number of semantic constructions forms an artistic embodiment, which after a mental scan turns into a kind of cultural concept, filling the insufficient possibilities of language, stimulating language representation, expanding the aesthetic experience and creating emotional and intellectual comfort.

Key words: painting, concept, connotation, subconscious, aesthetic pleasure, intellectual progress.

Е.Б. Рябых (Россия)

*Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина
ekaterina_ryabych@mail.ru*

МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА С ПОМОЩЬЮ МЕТАФОРЫ (НА ПРИМЕРЕ ФИЛОСОФСКИХ ТРАКТАТОВ Ф. НИЦШЕ И ДЖ.Х. ДЖИБРАНА)

В статье текст рассматривается в свете когнитивной лингвистики как способ фиксации и трансляции индивидуального сознания продуцирующего его автора, в связи с чем проблемы индивидуальной авторской метафорической интерпретации различного рода объектов, событий, их характеристик в процессе познания, а также нахождения точек соприкосновения индивидуально-авторского и коллективного, национального и универсального представляются значимыми. Индивидуально-авторская метафора рассматривается как способ моделирования мира на примере философских трактатов Ф. Ницше и Дж.Х. Джибрана.

Ключевые слова: концептуальная метафора, индивидуальная авторская метафора, интерпретация, моделирование мира, Ф. Ницше, Дж.Х. Джибран.

Ключ к решению проблемы того, как а) языковая личность видит мир, б) как она описывает его и в) что он есть на самом деле, дает современная точка зрения, которая, в отличие от традиционной, утверждает, что «человек – мерило всего». Поэтому человеческое сознание отражает мир только так, как он ему кажется [Архипов 2006]. В соответствии с концепцией У. Матураны, люди моделируют свою собственную реальность и при этом конструируют ее с помощью языка [Матурана 1992]. Как отмечается, в концепции «конструирования мира», пожалуй, никогда не поднимался вопрос о соответствии языка и действительности: конструкции, порождаемые говорящими, считались просто констатацией того, как было осмыслено, увидено, понято говорящим то или иное описываемое им явление [Кубрякова 2012: 74]. Рассмотрение метафоры как универсального когнитивного механизма, способа постижения и моделирования окружающего мира является целью данного исследования.

Нами [Рябых 2006, 2016], вслед за рядом исследователей, проводится различие между метафорой как концептуальной моделью и как лингвистическим проявлением (или примером) этой концептуальной модели. Таким образом, концептуальная метафора понимается как некая абстрактная модель (инвариант), реализующаяся каждый раз заново в результате ее «наполнения» различного рода продуцируемыми вариантами, на основании анализа множества которых появляется возможность выделить типовые коллективные концептуальные метафоры, отражающие специфику национального самосознания, а также универсальные метафоры. Учитывая это, можно предположить, что некоторые индивидуально-авторские метафоры (потенциально) универсальны на концептуальном уровне, но не универсальны на лингвистическом.

Понятие «метафорическая универсалия» имеет более обобщенный характер, чем универсальная метафора. Например, одна из метафорических универсалий – это использование множества определенных метафор в рамках определенного типа дискурса, в определенном контексте. Универсальные метафоры, наоборот, это такие концептуальные метафоры, которые используются универсально, потенциально-универсально и т. д. [см., напр., Kövecses 2018 и др.]. Говоря о метафоре, нельзя не упомянуть

о контексте в локальном или глобальном формате, первый из которых предполагает конкретные индивидуально-авторские знания об окружающей действительности, в то время как глобальный контекст состоит из общих знаний концептуализаторов в отношении их сообщества и окружающего мира. Кроме того, выделяют личностно-физиологический контекст, социокультурный, исторический контексты, контекст дискурса и др.

Важно отметить, что в ходе восприятия и осмысления мира фокусирование всегда сопровождается дефокусированием – способностью человека осознанно или не вполне осознанно отвлекаться от каких-либо сторон объекта или события или частично «затемнять» их относительно выделенных объектов и свойств [Ирисханова 2014: 60]. При этом вычлененный фрагмент должен не только выделяться как таковой как некая фигура на определенном фоне, но и осознаваться человеком как фрагмент, наделенный несомненным прагматическим значением и обладающий особой салиентностью и релевантностью [Кубрякова 2012: 72]. Отсюда следует возможность расширения терминологической цепочки «внимание – селекция – фокусирование» за счет привлечения лингвокогнитивного феномена «салиентности» [Кубрякова 2012: 189]. Предположительно, индивидуально-авторское метафорическое творчество является результатом следующих процессов, обеспечивающих трансформации при перестройке конвенциональных, универсальных метафор в индивидуально-авторские. К ним относятся – расширение за счет развития, конкретизации или уточнения, скептицизм, в рамках чего сомнение рассматривается в качестве принципа мышления, особенно сомнение в надёжности истины, а также комбинирование. Значимым является и упоминание о принципе инвариантности, который позволяет создавать бесконечное количество новых метафорических выражений, которые при этом остаются понятны слушающему. Принцип инвариантности предполагает, что каждой составной части области-источника соответствует или может соответствовать составная часть области-мишени [Перехвальская 2016: 270].

Постижение и моделирование мира – попытка его интерпретирующего познания с когнитивной установкой на реконструкцию индивидуального авторского мира посредством языка, где имеют место ценностные установки и ориентиры. В качестве примера рассмотрим метафоры в философских трактатах Ф. Ницше и Дж.Х. Джибрана. В произведениях мыслителей было найдено множество схожих и различных черт. К общим

положениям можно отнести структуру и идеи обоих трактатов. Так, некий пророк – Альмустафа у Джибрана и Заратустра у Ницше – несёт людям своё знание. Похож и язык обоих произведений: стилизация трактата под Библию или другой религиозный текст, покрытая паутиной времени лексика и устаревшие грамматические обороты, обилие, в том числе, метафорических конструкций.

В трактате Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» (1883–1885) обращает на себя внимание идея о сверхчеловеке и метафорическая репрезентация концептов ОБЩЕСТВО, ЧЕЛОВЕК и СВЕРХЧЕЛОВЕК. Под концептом ОБЩЕСТВО понимается любая группа, общность или союз двух и более человек, а также государство как политическая форма организации *общества* на определённой территории. Так, государство сравнивается философом с холодным чудовищем, толстокожим, тщеславным, беспощадно пожирающим своих граждан. К общности людей применены такие области-источники, как «грозовая туча», «угасающий огонь», «ядовитые мухи» и другие. Многообразны области-источники, используемые автором для репрезентации концепта ЧЕЛОВЕК: «куча болезней», «червь», «обезьяна», «клубок змей», «дерево», «растение», «садовник», «стрела» и многие другие. Центральной метафорой всего произведения Ф. Ницше является метафора «человек – канат, натянутый между животным и сверхчеловеком». Для характеристики концепта СВЕРХЧЕЛОВЕК приведены метафоры «сверхчеловек – молния, танцующая звезда, море».

Произведение Дж.Х. Джибрана «Пророк» также изобилует метафорами и другими художественными средствами. Так, были выделены основные области-мишени, встречающиеся в трактате: общество, пигмей, человек, великан. Взяв за основу уже использованный принцип включить в понятие общества группу, общность или союз людей, был проанализирован портрет жителей Орфалеса, к которым обращается и о которых говорит джибрановский пророк Альмустафа. Характеризуя данную область-мишень, автор использует такие метафорические модели, как общество – люшня, человек – струна; общество – храм, человек – колонна; общество – цепь, человек – её звено; общество – дерево, человек – лист на нём и так далее. К областям-мишеням триады «пигмей – человек – великан» применено множество метафор морских, в которых областью-источником выступает водная стихия (ручей, море, океан и пр.), а также музыкальных, в которых области-источники – музыкальные инструменты (флейта, арфа,

лютя и др.). Согласно Дж.Х. Джибрану, грань между всеми тремя сущностями человеческого естества прозрачна, ибо в человеке сосуществуют и пигмей, и великан. Особенностью метафорической картины Дж.Х. Джибрана стало переплетение двух родственных философу культур – восточной и западной. В связи с этим было обращено особое внимание на сосуществование идей двух антагоничных друг другу традиций, а также их взаимодействие с универсальными концептами [Рябых 2017].

Таким образом, говоря о метафоре, в частности индивидуальной авторской метафоре как способе постижения реальности и моделирования мира, нельзя не отметить, что она может выступать не только средством реконструирования реальности, её преобразования, но и преломления под определенным углом зрения. Тем самым «метафора позволяет рассматриваемым концептам репрезентировать языковые и неязыковые, рациональные и иррациональные формы знания» [Масалова 2015: 147].

Литература

Kövecses Z. Metaphor Universals in Literature. URL: <https://literary-universals.uconn.edu>.

Maturana H.R. The biological foundations of self-consciousness and the physical domain of existence // N. Luhmann, H. Maturana, M. Namiki, V. Redder, F. Varela. Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien? (2nd ed.). Munich: Wilhelm Fink Verlag, 1992. P. 47-117.

Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М.: Гнозис, 2006. С. 157-172.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М.: Знак, 2012.

Масалова С.И. Метафора как когнитивный инструмент порождения нового знания // Когнитивное моделирование в лингвистике: Труды XVI Международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике. CML-2015». Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2015. С. 141-148.

Перехвалская Е.В. Этнолингвистика: учебник для академического бакалавриата. М.: Изд-во Юрайт, 2016.

Рябых Е.Б. Метафоризация концептов природных явлений в поэтическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2006.

Рябых Е.Б. К вопросу о индивидуальной авторской метафоре // Когнитивные исследования языка. 2016. № 25. С. 408-414.

Рябых Е.Б. Индивидуально-авторская метафорическая картина мира, отраженная в художественном тексте, и проблема понимания метафоры // Когнитивные исследования языка. 2017. № 29. С. 170-177.

E.B. Ryabykh (*Russia*)

Derzhavin Tambov State University

ekaterina_ryabykh@mail.ru

**MODELING THE WORLD THROUGH METAPHORS
(CONSIDERED ON THE EXAMPLE OF PHILOSOPHICAL TREATISES
F. NIETZSCHE AND GIBRAN KHALIL GIBRAN)**

In the article the text is considered in the light of cognitive linguistics as a way of fixing and transferring the individual consciousness of the author producing it. In this regard a number of problems are important: the problem of the individual-author's metaphorical interpretation of various kinds of objects, events, their characteristics in the process of cognition; the problem of finding points of contact between the individual-author's and the collective, the national and the universal. It is noted that the article considers an individual author's metaphor as a way of the modelling of the world on the example of philosophical treatises F. Nietzsche and Gibran Khalil Gibran.

Keywords: conceptual metaphor, individual author's metaphor, interpretation, modelling of the world, F. Nietzsche, Gibran Khalil Gibran.

Е.П. Сергеева (Липецк, Россия)

*Липецкий государственный технический университет
serg-bel@rambler.ru*

ВКЛАД МАРТИНА ЛЮТЕРА В СТАНОВЛЕНИЕ НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Имя реформатора Мартина Лютера связано не только с фактом перевода Библии на немецкий язык, но и со становлением литературного немецкого языка. Статья посвящена изучению языка Мартина Лютера и его влиянию на немецкую языковую культуру.

Ключевые слова: язык и культура, языковая картина мира, Мартин Лютер, перевод Библии.

Wie Luther zu der Sprache gelangt ist, in der er seine Bibel übersetzte, ist mir bis auf diese Stunde unbegreiflich. Diese Schriftsprache gibt unserem politisch und religiös zerstückelten Deutschland eine literarische Einheit.

Heinrich Heine

Er ist es, der die deutsche Sprache, einen schlafenden Riesen, aufgeweckt und losgebunden hat.

Gottfried Herder

История становления немецкой государственности такова, что вплоть до XIX века Германия не имела единого политического, экономического и культурного центра и существовала в виде суверенных удельных княжеств. Такая раздробленность не шла на пользу развитию немецкого языка, и множество территориальных диалектов не способствовали взаимопониманию между жителями. Однако задолго до этого, в 1521 году, произошло событие, которое успешно объединило немцев как национальное языковое сообщество. В том году известный реформатор Мартин Лютер, который был вынужден скрываться от своих идейных противников в замке Вартбург под городом Айзенахом, совершил переводческий подвиг. Всего за несколько недель он перевёл Библию на немецкий язык. И перевёл не просто успешно, а на столетия сделал язык этого религиозного текста образцом немецкой речи. До сих пор исследователи немецкого языка указывают на Мартина Лютера как на источник происхождения некоторых слов и устойчивых выражений, которые во многом определяют мировосприятие немцев.

Для языкознания связь языка и культуры, очевидно, воплощается через связь языка и речи его носителей. Как подчеркивал академик В.В. Виноградов, определяющую роль в образовании литературного языка играет творчество выдающихся поэтов и писателей: А.С. Пушкина в создании русского литературного языка, Данте, Петрарки, Боккаччо – в создании итальянского, И.-В. Гёте – немецкого, А. Мицкевича – польского, Х. Ботева – болгарского, Т.Г. Шевченко – украинского и т. д. Вклад Мартина Лютера в становление немецкого литературного языка трудно переоценить.

Сам Лютер, конечно, хотел использовать перевод Библии как средство реформирования церкви. До реформации языком богослужения была латынь, непонятная для большинства неграмотного населения Германии. Библия, переведённая Лютером на немецкий язык, «заговорила» с верующими на понятном им языке. В своих заметках о сути перевода и переводческой деятельности Лютер писал: «...man muss nicht die Buchstaben in der lateinischen Sprache fragen, wie man soll Deutsch reden, wie diese Esel tun, sondern man muss die Mutter im Hause, die Kinder auf der Gassen, den gemeinen Mann auf dem Markt drum fragen und denselbigen auf das Maul sehen, wie sie reden, und darnach dolmetschen; da verstehen sie es denn und merken, daß man deutsch mit ihnen redet» [Martin Luther. Sendbrief vom Dolmetschen 1530].

Словаря языка Мартина Лютера не существует, хотя исследователи оценили язык его письменных трудов в 23 тысячи слов. Гюнтер Хартмут, профессор Кёльнского университета, написал в 2017 году в честь года Мартина Лютера книгу, в которой составил словарь из 70 слов с подробнейшим комментарием [Hartmut 2017: 45-121; Heine 2017].

Наша статья не претендует на исчерпывающий охват материала, однако малая толика слов и выражений языка Мартина Лютера надолго определила развитие немецкой языковой культуры и литературного немецкого языка. Нами был проанализирован корпус слов и устойчивых выражений, которые приводятся в «Универсальном словаре Дудена» [Duden. Universalwörterbuch 2003] и электронном источнике «Словарь крылатых слов и идиоматических выражений, пословиц и современного разговорного немецкого языка» [Redensarten-Index. Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter, Umgangssprache] в количестве 57 единиц, некоторые из которых мы приводим с примерами современного употребления и эквивалентным переводом (если таковой обнаружился в русском языке).

Среди них выделяются сложные наименования, часто с переосмысленным значением [Müller 2017]: **Feuertaufe**, die – боевое крещение; **Bluthund**, der – ищейка; **Selbstverleugnung**, die – самоотречение; **Machtwort**, das – решающее, последнее слово / *Hier ist ein Machtwort der Chefin nötig. Jetzt musst du ein Machtwort sprechen, auf mich hören die Kinder nicht*; **Schandfleck**, der – позорное клеймо, позорное пятно / *Die Mülldeponie ist ein Schandfleck in der Landschaft*; **Lückenbüßer**, der – заместитель (дублёр) за неимением лучшего; **Gewissensbisse**, die – угрызания совести; **Lästernaul**, der – злопыхатель, клеветник; **Lockvogel**, der – приманка, подсадная утка; **friedfertig** – миролюбивый, добродушный; **wetterwendisch** – капризный, изменчивый, непостоянный; **Feuereifer**, der – усердие, рвение; **Langmut**, die – долготерпение; **Morgenland**, das – (Ближний) Восток, Левант; **Geizhals**, der – скряга, скупердяй; **Trübsal**, die – скорбь, уныние / *Ich glaube, ich habe genug Trübsal geblasen, ich freue mich auf das Wochenende, weil ich auf eine große Party eingeladen bin*; **Spitzbube**, der – мошенник, плут, жулик; **Feigenblatt**, das – фиговый листок, прикрытие; **Sündenbock**, der – козёл отпущения; **Nächstenliebe**, die – любовь к ближнему; **Gotteslästerung**, die – кощунство, богохульство; **gastfrei** – радушный, хлебосольный, гостеприимный; **Herzenslust**, die – (сердечная) отрада, утеха; **übertünchen** – приукрашивать (действительное положение), замазывать (недостатки).

Устойчивые выражения: **Perlen vor die Säue werfen** – Метать бисер перед свиньями; **ein Buch mit sieben Siegeln** – Тайна за семью печатями; **die Zähne zusammenbeißen** – стискивать зубы; etwas **ausposaunen** – расстрезвонить; **im Dunkeln tappen** – бродить впотьмах; тыкаться как слепой котёнок / *Die Polizei tappt bei ihren Ermittlungen noch vollständig im Dunkeln*; **ein Herz und eine Seele** – жить душа в душу; **auf Sand bauen** – строить замок из песка / *Die Rentenreform wurde auf Sand gebaut*; **Wolf im Schafspelz** – волк в овечьей шкуре; **aufs Herz und Nieren prüfen** – дотошно, основательно проверять; **aus Schaden klug werden** – На ошибках учатся. Не выучит школа, выучит нужда; **kein Blatt vor den Mund nehmen** – говорить напрямик, начистоту, без обиняков, не стесняясь; **mit Blindheit geschlagen sein** – заблуждаться; **im Schweiß des Angesichts** – в поте лица; **für immer und ewig** – навсегда; **mit Rat und Tat** – словом и делом; **aus Fleisch und Blut sein** – из плоти и крови; **seine Hände in Unschuld waschen** – умыть руки; **in den sauren Apfel beißen** – проглотить (горькую) пилюлю, покориться неприятной необходимости; **aus seinem Herzen keine Mördergrube machen** – не скрывать своих мыслей.

Крылатые выражения Мартина Лютера: **Wer die Nase in alle Winkel steckt, der klemmt sich gerne.** – Совать нос куда не надо. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали. **Wer einen Pfening nicht ehrt, wird keines Gulden Herr.** – Копейка рубль бережёт. **Aus einem verzagten Arsch kommt kein fröhlicher Furz.** – Из дерьма конфетку не сделаешь. **Wer bei den Wölfen sein will, muss mit Ihnen heulen.** – С волками жить, по волчьей выть. **Man soll sein Licht nicht unter den Scheffel stellen.** – Зарыть свой талант в землю. **Hochmut kommt vor dem Fall.** – Гордыня до добра не доводит. Кто слишком высоко летает, тот низко падает. Не возносись высоко, чтобы не пасть глубоко. **Wer anderen eine Grube gräbt, fällt selbst hinein.** – Не рой яму другому – сам в нее попадёшь. **Wenn's Ende gut ist, so ist alles gut.** – Хорошо то, что хорошо кончается.

Для пяти лексических единиц (9 %) мы не нашли эквивалента перевода и затруднились с толкованием значения, так как, вырванные из контекста Библейского текста, они трудночитаемы: **der große Unbekannte** – изначально непознанное и непознаваемое, Святой Дух, Иисус Христос, используется сейчас активно в заголовках, например, о выборах Дональда Трампа американским президентом. «Der große Unbekannte: Das bedeutet Trumps Wahl für die EU und die Nato», «Große Unbekannte: Erfindet Trump seine Unterstützer?» или «Europa und der große Unbekannte im Weißen Haus» и т. п.

Не нашлось эквивалента и для следующих выражений: **Wer den Schaden hat, darf für den Spott nicht sorgen.** – Над чужими проблемами люди смеются. **Weißes erkennt man besser, wenn man Schwarzes dagegen hält.** – Светлое лучше видно на тёмном фоне. **Wenn der Topf mit dem Töpfer redet, so ist es nicht recht.** – Плохо, если горшок начинает говорить с горшечником. **Kein Irrtum ist so groß, der nicht seinen Zuhörer hat.** – Любая глупость найдёт своего слушателя.

В заключение можно сделать следующие выводы: 1) Язык Мартина Лютера является культурным достоянием не только немецкой, но и мировой общественности. Он заложил основы немецкого литературного языка. Образные слова и крылатые выражения Лютера до сих пор часто используются в немецкой речи, например, в заголовках газет. 2) Язык Лютера отличается лексической выразительностью и образностью, поэтому большинство найденных слов и выражений имеют переносное значение, что затрудняет перевод на иностранный язык. 3) Из-за тесной связи немецкого и русского языков в XVII–XVIII веках многие слова и выражения Лютеровской Библии нашли переводческие

эквиваленты в русском языке. Для 9 % исследованных лексических единиц эквиваленты были не найдены.

Литература

Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim: Dudenverlag, 2003.

Hartmut G. Mit Feuereifer und Herzenslust. Wie Luther unsere Sprache prägte. Berlin: Dudenverlag, 2017. 128 s.

Heine M. So viele Luther-Wörter stehen immer noch im Duden. URL: <https://www.welt.de/kultur/literarischewelt/article163897479/So-viele-Luther-Woerter-stehen-immer-noch-im-Duden.html>.

Luther M. Sendbrief vom Dolmetschen (1530). URL: <https://www.bibel-in-gerechter-sprache.de/wp-content/uploads/sendbrief.pdf>.

Martin Luther in Redensarten und Sprichwörtern. URL: [https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=luther&bool=and&suchspalte\[\]=erg_ou](https://www.redensarten-index.de/suche.php?suchbegriff=luther&bool=and&suchspalte[]=erg_ou).

Müller S. Luther und die Sprache. URL: <https://www.uni-erfurt.de/refo-500/martin-luther/luther-und-die-sprache/>.

E.P. Sergeeva (Lipetsk, Russia)
Lipetsk State Technical University

MARTIN LUTHER'S CONTRIBUTION TO SHAPING THE GERMAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

The name of the reformer Martin Luther is associated not only with the translation of the Bible into German, but also with the establishment of the literary German language. The paper explores Martin Luther's language and its influence on the German linguistic culture.

Key words: language and culture, linguistic picture of the world, Martin Luther, translation of the Bible.

*Т.М. Хусяинов (Нижний Новгород, Россия)
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
timur@husyainov.ru*

КОГНИТИВИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА И ЭКОНОМИКИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ ГУМАНИЗМА И ЭФФЕКТИВНОСТИ НА РЫНКЕ ТРУДА¹

В данной работе рассматривается процесс когнитивизации общества, то есть повышение роли знаний и человеческого капитала в современном обществе и экономике. Однако кроме знаний и познавательного процесса существенное значение приобретает эмоциональный интеллект и коммуникативные навыки (Soft Skills), наличие которых дает преимущество на рынке труда. Таким образом, формируется «когнитивное неравенство».

Ключевые слова: когнитивизация общества, когнитивная экономика, эффективность, техническое развитие, эмоциональный интеллект, информационное общество, трудовые отношения, неравенство.

Начиная со второй половины XX века рынок труда характеризуется сокращением доли физической рабочей силы в пользу интеллектуальной, что связано с активным развитием информационных технологий и систем автоматизации – заменой физического труда работников техникой.

Современное общество и его экономика в своём переходе от индустриального к постиндустриальному состоянию все в большей степени характеризуются ростом значения знаний и информации (что выражается в концепциях «Общество знаний» и «Информационная экономика»), процесса познания («Когнитивная экономика») и эмоций («Эмоциональный контроль и эмоциональный интеллект»). На фоне подобных преобразований ученые отмечают процесс когнитивизации общества, под которым может пониматься рост значения человеческого капитала (знаний, навыков, компетенций и способностей), в том числе в конкурентной борьбе.

В результате четвёртой (цифровой) промышленной революции появляются принципиально новые технологии (интернет вещей, искусственный

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-011-00335 «Козволюция естественного и искусственного как условие сохранения жизненного мира человека».

интеллект, блокчейн и т. д.), которые меняют социально-экономическую структуру общества, оказывают влияние на культуру, политику, науку, образование и другие сферы.

Процесс когнитивизации общества может быть охарактеризован как расширение секторов деятельности, связанных с производством знаний, повышение их значения во всех сферах жизни человека и расширения доступа к ним. Вместе с техническим прогрессом происходит когнитивизация технологий. Когнитивно-гуманитарные технологии призваны «экстериоризировать» интеллектуальные функции человека: мышление, коммуникации и действия [Efimov, Lapteva 2017].

Новый технический прорыв уже смог обеспечить автоматизацию части интеллектуальной деятельности (например, при помощи нейросети и машинного обучения), что привело к снижению доли работников интеллектуальной сферы. В сложившихся условиях человек вынужден вступать в конкуренцию уже не только с другими людьми, но и технологиями, которые обладают рядом преимуществ: выполняют работу точнее, быстрее и качественнее, полностью исчезает или значительно снижается значение «человеческого фактора», «машина» не болеет, не пропускает работу. В условиях подобной конкуренции работнику становится важно использовать возможности, недоступные технике и связанные прежде всего с подвижным интеллектом, творческим мышлением, проявлением эмоций и креативности.

При этом все большее значение приобретает творчество как целенаправленная деятельность, на передний край выдвигается область креативного труда, вследствие чего возникает так называемый «креативный класс» [Флорида 2005]. В результате подобного смещения сам креативный процесс перестает быть позитивным экзистенциальным переживанием и становится повседневной обязанностью [Высоковский 2005]. При этом в некоторых случаях сами креативные работники привлекаются только для решения единичных задач, что порождает необходимость в постоянном и активном поиске проектов/заказов, а также расширении сферы деятельности и компетенций.

Однако это еще не все: в рамках когнитивизации общества и экономики возрастает значение эмоциональных и познавательных процессов отдельного индивида. В отличие от предыдущих эпох, появляются мотивационные механизмы, ориентированные на удовлетворение креативных и познавательных процессов, а работа уподобляется досугу или

игре. Таким образом, работник получает большее удовольствие от профессиональной деятельности и потому выполняет её более эффективно. Таким образом, проявляются принципы гуманизма. Вместе с этим, подобное отношение распространяется далеко не на всех, в условиях прекаризации (рост незащищенного труда) лишь часть работников являются действительно «ценными кадрами», все же остальные могут быть заменены. В условиях конкуренции на глобальном рынке труда именно это становится основой для мотивации работников.

Ранее когнитивное неравенство выражалось прежде всего в доступе к информации и образованию, и люди из различных социальных слоёв могли обеспечивать своим детям ограниченный уровень знаний, что приводило к (пред)определенному профессиональному и жизненному пути. Отмечается, что данное неравенство зависит не только от конкретной семьи, но и от общества, в котором живет индивид [Там 2007].

Теперь же, в условиях массовизации образования (формального и неформального), международной академической мобильности, доступности огромных массивов информации в Глобальной сети, повышения значения практических навыков, ситуация меняется и наибольшее значение приобретают индивидуальные характеристики сотрудника.

Однако неравенство никуда не исчезает, оно лишь смещает свой фокус на способность к определенным когнитивным процессам. В новых условиях важным основанием для формирования неравенства является именно проявление когнитивных способностей: креативности, познания, эмоционального интеллекта и т. д.

Современные трудовые отношения все в большей степени подвергаются когнитивным исследованиям – анализ эмоций сотрудников, проверка профессиональных знаний и т. д. Причём подобные задачи ставятся уже не только в рамках научных исследований, но и менеджерами организаций в рамках внутреннего мониторинга для оценки и повышения эффективности. При этом исследование может быть основано на ряде факторов, среди которых умение справляться с эмоциями и действовать в конфликте, мимические особенности и проявления, устная и письменная речь и т. д. [Пак, Хусяинов 2018]. Язык при этом выполняет особую роль – формирование мировоззренческого поля человека и применение его в контексте креативной деятельности [Столетов 2009]. Кроме того, он становится одним из значимых маркеров в рамках современных когнитивных исследований, выступая как основное коммуникативное средство,

способ выражения своих эмоций, проявления своих знаний и главная творческая сила.

Таким образом, в ходе анализа выделяются те, чьи эмоции, коммуникативные и познавательные навыки соответствуют требованиям, и те, чьи оказываются ниже установленного порога. Это можно отнести к любой профессиональной сфере, они по своей сути являются надпрофессиональными, или «гибкими» (Soft Skills).

Формируемое неравенство приводит к последующему выделению двух групп работников:

- тех, чья когнитивная деятельность всячески поощряется при помощи различных мотивационных технологий, поддержания позитивных эмоций, создания более комфортных условий работы;
- тех, кто вынужден постоянно самомотивироваться, развивать навыки и эмоциональный интеллект, чтобы сохранить своё положение на рынке труда и остаться востребованными.

Литература

- Бердяев Н.А.* Смысл творчества. М.: АСТ: Хранитель, 2007. 65 с.
- Высоковский А.* Креативность как ресурс // Отечественные записки. 2005. № 4 (24). URL: <http://www.strana-oz.ru/2005/4/kreativnost-kak-resurs>.
- Касапина Н.А.* Экзистенциальный опыт как феномен культуры // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 46-56.
- Пак Г.С., Хусяинов Т.М.* Эмоциональный контроль и этические проблемы профессиональной деятельности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2018. № 2. С. 43-54.
- Столетов А.И.* Онтология художественного творчества: автореф. дисс. ... докт. филос. наук. Уфа: БашГУ, 2009. 32 с.
- Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005. 430 с.
- Efimov V., Lapteva A.* University 4.0: Philosophical analysis // 10th Annual International Conference of Education, Research and Innovation (ICERI). Seville, 2017. P. 589-596.
- Tam T.* A Paradoxical Latent Structure of Educational Inequality: Cognitive Ability and Family Background across Diverse Societies // Paper presented at the conference on social inequality and mobility in the process of social transformation, international sociological association RC28, Brno, 24-27 May 2007.

Praha: Sociologický ústav Akademie věd ČR, v.v.i., 2007. P. 1-28. URL: <https://www.soc.cas.cz/sites/default/files/soubory/230507143757e18a1b7cf9d6667ac1e.pdf>.

T.M. Khusyainov (*Nizhny Novgorod, Russia*)
National Research University «Higher School of Economics»
timur@husyainov.ru

**COGNITIVIZATION OF SOCIETY AND ECONOMY:
THE OPPOSITION OF HUMANISM AND EFFICIENCY
IN THE LABOR MARKET**

This paper discusses the process of cognitization of society, i.e. increasing the role of knowledge and human capital in modern society and economy. However, in addition to knowledge and cognitive process, emotional intelligence and communication skills (Soft Skills), the presence of which gives an advantage in the labor market, are of essential importance. Thus, «cognitive inequality» is formed.

Key words: cognitive society, cognitive economics, efficiency, technical development, emotional intelligence, information society, labor relations, inequality.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск XXXVII

ИНТЕГРАТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Материалы Международного конгресса
по когнитивной лингвистике
16-18 мая 2019 года

Главный редактор серии
Николай Николаевич Болдырев

Ответственный редактор выпуска
Романова Татьяна Владимировна

Печатается в авторской редакции.

Подписано в печать 4.04.2019. Дата выхода в свет 13.05.19 г.
Формат 60 x 84/16. Физ. печ. л. 71,5. Тираж 500 экз. Заказ № 288
Цена свободная

Адрес редакции и издателя:
392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33, к. 320.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Издательство ДЕКОМ,
603155 Нижний Новгород, ул. Большая Печерская, 28/7,
тел. (831) 4-111-181, факс (831) 4-321-690
e-mail: izdat@dekom-nn.ru www.dekom-nn.ru

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
АО Областная типография «Печатный двор»
Адрес: 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарева, 27

I S B N 9 7 8 5 8 9 5 3 3 4 2 4 9

9 7 8 5 8 9 5 3 3 4 2 4 9